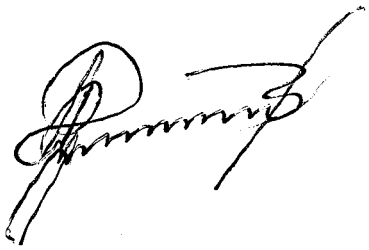
**ВОЕННО-ВОЗДУШНАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ
ОРДЕНОВ ЛЕНИНА И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
КРАСНОЗНАМЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ ПРОФЕССОРА Н.Е. ЖУКОВСКОГО**



ЧЕРТИЩЕВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ И МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ 1914 – МАРТ 1918 гг.)

07.00.02 – Отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
Родин Анатолий Михайлович
доктор исторических наук, доцент

Военно-Ученый Архив

Москва – 2007 г.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

ВВЕДЕНИЕ..... 3

РАЗДЕЛ I. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ И ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ..... 20

РАЗДЕЛ II. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В КОНЦЕПЦИЯХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ ДО ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА..... 122

РАЗДЕЛ III.МАРТ – ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА: МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ КАК ОБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ РОССИИ..... 272

РАЗДЕЛ IV.ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД ВЫХОДА РОССИИ ИЗ ВОЙНЫ И МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ..... 480

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 626

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА..... 655

ПРИЛОЖЕНИЯ..... 767

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ВВЕДЕНИЕ

Вся человеческая история может быть поделена на две части – война и мир, причем за последние 5 000 лет истории человечества было свыше 15 000 войн со средней периодичностью три войны в год и лишь 300 лет мира[1]. В этих войнах погибло 4 миллиарда человек, почти столько же, сколько сегодня населяет Землю. Россия, развиваясь в русле общемировых закономерностей, пережила весьма значительное количество войн, которые в разной степени оказывали влияние на ход ее исторического развития.

XX век по количеству мировых катастроф и их последствиям, несомненно, превзошел все предшествующие. Первая мировая война, бесспорно, стоит у их истоков. Во всемирной истории не так уж много событий, которые могут сравниться с ней по силе воздействия на судьбы народов и государств, регионов и континентов, по многообразию и остроте оказавшихся на поверхности и многократно умноженных войной проблем.[2] Трудно не согласиться с известным современным философом Элиасом Канетти, когда он говорит, что Первая мировая война стала, не считаясь с хронологией, подлинным началом XX века – столетия масс, их выхода на авансцену истории в качестве ее субъекта, их стихийных или управляемых порывов, созидательных или разрушительных деяний, побед и поражений.[3]

Современные российские историки также подчеркивают, что Первая мировая война «стала главной исторически корректирующей силой развития человечества в XX веке».[4] Более того, некоторые из них приходят к выводу, довольно оригинальному, что «реально в XX веке были не две, а одна мировая война, состоявшая из двух кампаний, которые были разделены двадцатилетней паузой, заполненной разными конфликтами и перетасовкой участников враждебных коалиций, оказавшихся, в конечном счете, теми же самыми, что и в 1914 – 1918 годах».[5]

Можно утверждать, что главные события XX века происходили в России, которая всегда стояла перед выбором между двумя путями развития: переделать или реформировать страну. Именно поэтому Первая мировая война, не обойдя Россию своим трагическим воздействием, сыграла определяющую роль в ее дальнейшей

---

[1] Отечественная история. 2004.№ 2. С.209.
[2] См.: Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С.6; Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С.143.
[3] См.: Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С.196.
[4] Булдаков В. Красная смута. М., 1997. С.321.
[5] Отечественная история. 2004. №1. С.154.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

истории. По мнению Питера Холквиста, она – «ключ к пониманию российской истории XX века».[1] Мировая война расшатала все основы и формы русского сознания и русской государственности, поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым к деморализующей проповеди интеллигентских идей. Войной до крайности были обострены партийно-политические отношения в российском обществе и взорвана российская государственность. Для российского общества, которое находилось в состоянии нестабильности, Первая мировая война явилась роковым потрясением. О ее пагубной роли, особенно для России, пишут многие исследователи.[2] Все эти обстоятельства и привели к тому, что, по мнению большинства современников тех событий,[3] именно война оказала решающее воздействие на весь последующий бурный процесс исторического развития России, стала главной причиной Революции 1917 года и захвата власти большевиками.[4] Аналогичные точки зрения о решающей роли Первой мировой войны в развитии революционных процессов в России высказывают многие российские[5] и подавляющее большинство зарубежных историков.[6]

Армия всегда играла исключительно выдающуюся и уникальную роль в истории России. [7] Несмотря на известную ее консервативность как социального института и относительную обособленность от общества, в условиях, когда стабильность общества весьма относительна, армия остается объективно, по своей природе, наиболее организованной социальной силой, которая обладает наибольшим техническим потенциалом насилия, без которого не в состоянии обойтись ни одно государство. Более того, в условиях нестабильности общества и угрозы территори-

---

[1] Россия и первая мировая война. СПб., 1999. С.84.

[2] См., например: Черная книга коммунизма. М., 1999. С.68, 671, 672,678; Флоровский Г.В. В мире исканий и блужданий// Русская мысль. 1921. Кн.XX-XXII. С.211 и др.

[3] См., например: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.109; Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. Т.1. С.21; Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. С.20, 38; Булгаков С. На пиру богов // Из глубины. С.104; Жордания Н. Большевики. Берлин, 1922. С.34; Каутский К. Терроризм и коммунизм // Политические исследования. 1991. №1. С.175; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.13; Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи// Из глубины. С.237 и др.

[4] Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 1992. С.3; Abramovitch R. The Soviet Revolution. 1917 – 1939. N.Y.,1962. p.5-6; Милюков П.Н. Почему большевики взяли верх? // Коммунист. 1990. № 15. С.49 и др.

[5] См., например: 1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция «Проблемы истории Февральской революции». Материалы первой сессии. Февраль 1992 года. Под ред. В.А. Корнилова. М., 1992. С.4, 12, 26, 55; Октябрь 1917 года: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С.100, 154; Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997. С.17; Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн.1. Первая мировая война. С.359-395.

[6] См., например: Верт Н. История советского государства. 1900 – 1991. Пер. с фр. М., 1992. С.62; Карр Э. История Советской России. Кн.1. Том 1 и 2. Большевистская революция, 1917 – 1923. Пер. с англ. М., 1990. С.71; Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч.1. С.220; Улам А. Незавершенная революция // Свободная мысль. 1991. №18. С.109; Многие жаждали войны // Родина. 1993. №8-9. С.162; Бонвеч Б. Русская революция 1917 г. Социальная история от освобождения крестьян в 1861 г. до октябрьского переворота. Дармштадт, 1990. С.95; Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. М., 1999. С.20; Уэйд Р. Русская революция 1917 года. Кэмбридж, 2000. С.19; Черная книга коммунизма. С.671 и др.

[7] Меньшиков М. Письма к ближним. СПб., 1911. С.128; Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.2. С.380.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

альной дезинтеграции армия становится государственным инструментом сохранения целостности страны. Являясь инструментом политики, и, одновременно, зеркалом отношений в обществе она не может быть вне политического процесса. Военный организм испытывает его постоянное прямое и косвенное воздействие. В то же время даже сам факт наличия у государства вооруженных сил оказывает влияние на формирование и реализацию политики всех ее субъектов – государства, классов и социальных групп, партий.

Для обеспечения функционирования Восточного театра военных действий России пришлось за годы войны привлечь более 15 миллионов человек, которые сконцентрировали в своих рядах наиболее трудоспособную, активную мужскую часть населения в возрасте от 20 до 40 лет, представляющую все основные социальные группы и слои российского общества, цвет нации. 6,9 миллиона человек накануне февраля 1917 года находилось в рядах действующей армии.[1] В годы Первой мировой войны в условиях ослабления власти ее поведение, вкупе с другими общественными слоями российского общества, их представления, образы, надежды, чаяния, иллюзии и разочарования определили, в конечном счете, характер социальных сдвигов поистине тектонического масштаба. В силу данных обстоятельств от массового политического сознания многомиллионной армии, представлявшей потенциал огромной социальной силы, в еще большей степени зависел ход и исход Революции 1917 года, что подчеркивается во многих научных исторических исследованиях.[2]

В этих условиях, признавая армию как самостоятельную активную политическую силу, политические партии России, ставившие своей целью сохранение или переустройство (с различными оттенками, в различные исторические сроки) политического и государственного строя России, не могли не сделать попытки привлечь на свою сторону широкие армейские массы. Для этого они должны были сформулировать свое отношение к войне и армии, определить систему комплексного воздействия на формирование массового политического сознания действующей армии как ударного элемента Вооруженных Сил России.

---

[1] См.: Приложение 1. (Действующая армия и флот – часть Вооруженных Сил государства, используемая во время войны непосредственно для ведения военных действий. См.: Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С.226).

[2] См., например: Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. №4. С.213-214; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917. М., 1991. С.75; Минц И.И. История Великого Октября: В 3-х т. М., 1977. Т.1. С.540-541; Старцев В. Человек с ружьем в Октябре. В кн.: Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С.151; 1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция. М., 1992. С.21-22; Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С.153 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

В этой связи **актуальность** исследования деятельности политических партий России по формированию и развитию массового политического сознания действующей русской армии в годы Первой мировой войны определяется рядом обстоятельств:

Во-первых, обращение к данной проблеме обусловлено собственной динамикой развития исторической науки, недостаточностью ее разработки в имеющихся исследованиях. История политических партий и Вооруженных Сил России в целом, как и отдельные периоды и сферы их деятельности, вызывает живой интерес своей трагичностью и уроками именно по причине искаженности их трактовки в угоду идеологии.

Война является специфическим общественным явлением, ввергнувшим общество в экстремальное состояние, в противостояние другим социумам, что, безусловно, требует специфических подходов и методов его изучения. Она всегда была одной из наиболее популярных для историков проблем. Не являются исключением и события, связанные с участием России в Первой мировой войне. Изучение ее влияния на российское общество остается актуальной научной проблемой, несмотря на наметившуюся в последние годы активизацию усилий отечественных и зарубежных историков по исследованию различных аспектов первого мирового противостояния. В значительной степени из-за сложности концептуального осмысления этого феномена в условиях кризиса исторического сознания, проблем источниковедческого характера, масштабности рассматриваемого явления «великая война» остается во многом еще «неизвестной», «забытой», а социальные процессы, происходившие в этот период в России – недостаточно изученными.

Отечественная историческая наука достигла весьма значительных успехов на пути своего совершенствования, ознакомившись с новыми документами и историографией, вобрав в себя достижения западной науки. Накопление информации, в том числе и по рассматриваемой нами проблеме, позволило увидеть необходимость ее изучения в новых ракурсах с применением новых методов и методик исследования. Но лишь сегодня мы становимся свидетелями взрывного роста интереса к «человеческому измерению войны». Это объясняется, с одной стороны, радикальными переменами в обществе в целом, повлиявшими и на общественные науки, в которых произошел отказ от догматизма и идеологических ограничений, с другой – сильным влиянием на отечественную историографию новых тенденций в

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мировой исторической науке, в том числе укрепления позиций такого направления, обращенного к исследованию человека, как социальная история.

Интеллектуальные вызовы новейшего времени и состояние исследований политических и социальных процессов в российском обществе в переломные эпохи его существования властно диктуют необходимость выхода за рамки традиционных методологических подходов, сложившихся и десятилетиями господствовавших в отечественной историографии, учета концептуальных достижений и наработок мировой науки, изучения истории в ее социокультурном, «человеческом» измерении.

Во-вторых, актуальность настоящей проблемы определяется и тем, что Первая мировая война, ставшая прологом XX века, оказала глубокое воздействие на ход и характер общественного развития России новейшей эпохи, определив его важнейшие доминанты. Поэтому представляется особенно важным установление влияния политических партий в ходе Мировой войны на эволюцию политического сознания и социальной психологии армейских масс, выявление содержания и направленности трансформации стереотипов представлений, ценностей, психических реакций, вызванных участием в войне, механизмов, посредством которых порожденные ею новые элементы получали широкое распространение, превращались в устойчивые, типичные черты сознания и модели поведения действующей армии.

Реконструкция массового политического сознания предусматривает исследование демографических, экономических, политических, бытовых, культурных условий существования людей, эволюции партий, государственных институтов и политики правящей власти в их диалектическом единстве и взаимообусловленности, анализ колебаний политического сознания российского общества и его армии, выявление глубинных предпосылок устойчивого его консерватизма, раскрытие эмоциональных и психологических причин дискредитации верховной власти и объяснение тех подвижек в политическом сознании и поведении, которые привели в движение многомиллионные массы людей, в том числе и действующую армию, в 1917 году.

В-третьих, особую актуальность приобретает рассмотрение политического сознания наиболее организованной силы российского общества начала XX века – действующей армии, ибо человек воюющий – особое явление, явление не только социальное, но и психологическое. Однако, в отличие от человека гражданского, человека в мирной жизни и особенно как составной части армейских масс, он изу-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

чен явно недостаточно. Это обстоятельство настоятельно требует осмысления истоков формирования массового политического сознания личного состава Вооруженных Сил, а также факторов и динамики его эволюции под влиянием модернизации российского общества, революционного кризиса начала XX века и Первой мировой войны, выявления содержания базовых структур политического сознания, характерных для действующей армии, механизмов их трансформации в период мирового противоборства и взаимодействия со всеми сторонами социальной реальности, что способствует реконструкции картины мира, его видения военнослужащими – творцами социально-политических изменений и одновременно их жертвами.

В-четвертых, общественная значимость изучения массового политического сознания и поведения армейских масс в годы Первой мировой войны определяется происходящими в нашей стране преобразованиями, направленными на формирование демократического общества с рыночной экономикой. Масштабная социокультурная реформация сопряжена с трансформацией ценностных ориентаций и приоритетов сознания россиян, сформированных в прошлом. Этот процесс происходит неоднозначно и противоречиво, сопровождается утратой некоторых нравственных ориентиров, абсолютизацией крайностей, на смену одной форме мифологизированного сознания, зачастую, приходит другая, что крайне негативно сказывается на военнослужащих. Сложившаяся ситуация настоятельно требует активизации исследований разнообразных аспектов русского национального самосознания в его историческом развитии и, в частности, массового политического сознания армии. Выявление наиболее устойчивых базовых ценностей россиян могло бы способствовать их мобилизации в интересах реформ. Способствовать решению этой задачи должна вся совокупность социоисторических и социологических исследований, приближающих к пониманию взаимодействия традиций и инноваций в русской истории, наследия прошлого в настоящем.

В-пятых, научная значимость и актуальность проблемы определяется и тем пристальным общественным вниманием, которое обращено в настоящее время к феномену массового политического сознания, ибо в нашем обществе по-прежнему проблема власти является главенствующей. В эпохи войн и революций необычайно велико непосредственное влияние политических культур и субкультур на оформление и действие властных институтов, ярко проявляются те особенности политических культур, которые складывались десятилетиями, иногда столетиями.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Поэтому без изучения общественного сознания и культуры революционной эпохи невозможно приступить к разгадке «тайны власти». Знание механизмов функционирования массового политического сознания позволяет проникать в истоки многообразных духовных образований, составляющих в совокупности универсум общественного сознания, обеспечивать легитимность власти в глазах «простых» граждан как важнейшего условия социальной стабильности, осуществлять мониторинг общественного мнения. Поэтому государственные структуры, политические партии и движения стремятся влиять на массовое сознание и управлять им.

В-шестых, объективная реальность нашего сложного времени заставляет исследователей при анализе тех или иных социальных явлений и процессов все чаще учитывать «военный фактор»: роль вооруженных сил в общественно-политической жизни государства как гаранта защиты его территориальной целостности и внутренней стабильности. Однако наши знания об армии в значительной степени являются односторонними и часто сопровождаются радикальностью суждений.

Практика свидетельствует, что факторы и обстоятельства, порождаемые более широкой социальной средой, всегда в той или иной степени, в той или иной форме проявляются в жизнедеятельности составляющих ее социальных общностей. Армия, как часть общественного организма, неизбежно переживает те же процессы и потрясения, что и общество в целом. Они вызваны тем, что в обществе и армии идет деформация десятилетиями складывавшейся системы ценностных ориентаций. В обществе снизился престиж гражданина в военной форме, военной службы, роли армии как особого государственного института власти. В обществе и армии идет эрозия таких извечных ценностей как Отечество, государственность, патриотизм, честь и гражданское достоинство, верность Конституции и военной присяге. Нельзя не учитывать в создании такой ситуации, наряду с другими факторами, и существенного влияния на военнослужащих различных политических партий и движений.

Как результат, в последнее время существенно вырос интерес общества к Вооруженным Силам. Многие ученые, аналитики, публицисты, просто заинтересованные люди стали все чаще и пристальнее обращать свои взоры к армии, отводя ей особую роль в процессе реформирования общества. С одной стороны, в армии видят гаранта стабильности, весомый фактор естественным образом сдерживающий окончательный раскол общества и препятствующий развязыванию гражданской войны. С другой, в обществе отчетливо ощущается боязнь «человека в пого-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

нах», постоянно муссируется «армейская карта» в связи с возможностью государственного переворота и установления в стране режима военной диктатуры.

В этой связи заслуживает изучения совокупность элементов, обусловливающих роль армии как фактора политической стабильности в условиях кризисных ситуаций (ее политическое сознание, обученность, обеспеченность, верность режиму и командному составу и т.п.), а также анализ причин, побуждающих Вооруженные Силы в период политических кризисов «сменить флаг», «изменить присяге». В различных ситуациях эти причины могут быть различны, но и изучение этих различий может оказаться весьма продуктивным и важным в вопросах воздействия воспитательных структур российской армии на формирование политического сознания военнослужащих.

И, наконец, **в-седьмых**, особая острота данной проблемы определяется и тем, что в Вооруженных Силах медленно, но неотвратимо надвигается кадровая катастрофа. Вместе с потерей квалификации и профессионализма к офицерскому корпусу приходит мысль о собственной ненужности. Утрата служебных и жизненных перспектив оборачивается массовой люмпенизацией офицерского состава, оттоком кадров, особенно элитных специальностей, молодежи. Изучение же деятельности государственных и военных структур, политических партий России в действующей армии в годы Первой мировой войны дает благоприятную возможность совершенствовать подготовку гражданских и военных кадров, преподавание курса «Отечественная история» и специальных курсов по данной проблематике в гражданских и военных учебных заведениях.

Исходя из вышеизложенного, **научная проблема**, решаемая в диссертационном исследовании, состоит в определении влияния политических партий России, партии «власти» на продуцирование и эволюцию массового политического сознания действующей армии в годы Первой мировой войны и возможностей востребованности данного опыта в условиях современной многопартийной системы Российской Федерации.

Объектом исследования является массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны.

В общественном процессе люди не действуют изолированно друг от друга, а тем более в условиях войны и революции. Можно сказать, что человеческие массы и власти – главные агенты исторического развития. Предельно-общим понятием, раскрывающим сущностные характеристики поведения людей, является общест-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

венное сознание – отражение в духовной жизни людей их общественной практики, сознание, разделяемое одновременно множеством индивидов. Политическое сознание – одна из основных форм общественного сознания, где формируются регуляторы политического поведения и выстраивается мотивационная база властных отношений и действий. Массовое политическое сознание детерминируется, главным образом, особенностями своего носителя – массами, в сознании которых запечатлены знания, представления, нормы, ценности, разделяемые той или иной совокупностью индивидов, выработанные в процессе их общения между собой и совместного восприятия социально-политической информации. Массовое политическое сознание специфично для каждой социальной общности, коей и является армия, для каждой страны и, конечно же, для различных этапов их развития.

Говоря о специфике массового политического сознания действующей армии, необходимо подчеркнуть, что она резко выделяется из среды прочего населения в особую корпорацию, живущую по особым законам, и выполняет уникальные задачи по защите Родины от врагов. Многие известные исследователи начала XX века, добросовестно пытаясь обосновать факторы, влияющие на массовое сознание военнослужащих, искренне заблуждались, считая, что армия стоит вне политики и закономерно упускали термин «политическое». Процесс изучения массового политического сознания действующей русской армии крайне сложен, ибо военнослужащие, как участники политических процессов, часто неоднозначны, непредсказуемы и обычно не признают себя таковыми. Их политические поступки – зачастую продолжение их бытового поведения, особенно солдат. В житейских формулах они выражают свое отношение к власти, миру, войне, революции и другим политическим процессам. О их политических предпочтениях мы нередко узнаем не от них самих, а от других. Взгляды их становятся известны по ряду недомолвок и косвенных намеков, а, иногда, молчание говорит больше, чем речь. Вместе с тем, массовому политическому сознанию действующей армии присущи и все, выделяемые отечественными историками и философами русские социокультурные стереотипы сознания и поведения, в том числе и такие как связь с историей Рима и Византии, мессианизм, соборность, общинность, социалистическая идея, тоталитарность мышления, заторможенность, здравый консерватизм, догматизм, правовой нигилизм, бунтарство, простор инстинктам своеволия и другие.

В условиях резкой политизации общества и социально-идеологической конфронтации политических сил массовое сознание отличается особым динамизмом,

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

в значительной мере определяет социальное поведение людей, в том числе и армейских масс, является побудительной силой общественной активности, влияет на ход исторического процесса. Более того, в такие периоды оно регулирует не только личное и общественное поведение людей, но и не в меньшей мере деятельность социальных институтов, учреждений и организаций.

Таким образом, массовое политическое сознание действующей армии есть сфера общественного сознания военнослужащих как большой профессиональной социальной группы людей, образуемая совокупностью социальных чувств, представлений, взглядов, отражающая существующие реальные политические отношения в обществе в соответствии с условиями их повседневной жизни, потребностями и интересами и выражающаяся в общественном мнении, настроении и поведении армейских масс.[1]

Предметом исследования является деятельность политических партий России и ее влияние на эволюцию массового политического сознания действующей армии в годы Первой мировой войны.

Политические партии в России возникли значительно позже, чем в Западной Европе и США. Это отразило различный стадиальный уровень всей системы общественных отношений в России и западноевропейских странах. Иным был здесь и порядок возникновения партий по их социальной стратификации: в начале оформились партии социалистической ориентации, затем либеральной и, наконец, консервативной. Такая последовательность была обусловлена особенностями исторического развития России.

Характерная черта российской многопартийности состоит и в том, что ее творцом и главным действующим лицом являлась интеллигенция. В начале XX века политическое сознание так называемого «образованного русского общества» развивалось слабо. Деление на политические партии происходило не четко и не глубоко – не столько по линии убеждений, сколько по настроениям. Настроения же рождались и менялись либо под влиянием моментальных вспышек политических эмоций, либо под воздействием социальной среды и круга знакомств человека. Партии вырастали из одержимости идеей, а не практического социального интереса. Их величину и значимость определяло чаще не число активных постоянных

[1] Сформулировано автором. Более подробно о характерных признаках массы, объективной почве, сущности, структуре, особенностях, путях продуцирования массового политического сознания, особенностях его проявления в период войн и революций и определении уровня напряженности, специфике массового политического сознания действующей армии см.: Чертищев А.В. Массовое политическое сознание русского народа и его армии в начале века: сущность, национальные особенности // Безопасность Евразии. 2006. № 2. С.439-453.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

членов, а количество «сочувствующих». Последние же, в свою очередь, хотя и оказывали влияние на формирование политических настроений, но не были готовы к участию в активном политическом действии.

Автор придерживается точки зрения, согласно которой условно общенациональные политические партии России по программатике целесообразно разделить согласно основным направлениям общественной мысли на консервативные, либеральные и социалистические, учитывая, что, в свою очередь, внутри каждого партийно-политического направления наблюдается сложная дифференциация. При этом автор считает, что говоря о политическом спектре России, необходимо иметь в виду одно весьма существенное обстоятельство. Важнейшим элементом этого спектра являлась «партия власти», аппарат которой нельзя отождествлять с поддерживавшими его общественными и политическими организациями. Она оказывалась вполне самостоятельным фактором, с которым постоянно и неизбежно взаимодействовали (отталкиваясь или притягиваясь) все остальные политические силы. Из всего многообразия политических партий России, действовавших в годы Первой мировой войны, автор взял для исследования те из них, которые в рассматриваемый период определяли историческое развитие общества.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента вступления России в Первую мировую войну (19 июля 1914 года)[1] до выхода Советской России из войны после заключения Брестского мира с Германией и ее союзниками (3 марта 1918 года), ратифицированного IV (Чрезвычайным) Всероссийским съездом Советов 14-15 марта 1918 года. Это один из наиболее драматических периодов истории России, переломный для общества этап развития, когда происходит пересмотр базовых ценностей массового политического сознания общества в целом и его Вооруженных Сил. В условиях резкой политизации общества и социально-идеологической конфронтации политических сил массовое сознание отличалось особым динамизмом. На всем протяжении указанного периода оно в значительной мере определяло социальное поведение людей, в том числе и армейских масс, являлось побудительной силой общественной активности, влияло на ход исторического процесса. В целях раскрытия научной проблемы этот период разделен на три основные этапа, отражающих существенные изменения массового политического сознания действующей русской армии. Первый включает в себя время су-

[1] Даты, предшествовавшие переходу советского правительства 1.02.1918 г. на григорианский календарь, указаны по старому стилю.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ществования Российской империи в годы войны до начала Революции 1917 года, второй связан с деятельностью политический партий в условиях фунционирования Временного правительства вплоть до его отстранения от власти, а третий начинается с установления Советской власти и заканчивается заключением Брестского мира и его ратификацией.

Географические рамки исследования включают западные театры военных действий на территории российского государства в изменяющихся границах 1914 – 1918 годов.

Цель научной работы - на основе архивных материалов и опубликованных документальных источников, специальной и научной литературы, с учетом достижений современной исторической науки комплексно и всесторонне изучить и проанализировать деятельность политических партий России по продуцированию и развитию массового политического сознания действующей армии в годы Первой мировой войны, систематизировать и обобщить данный исторический опыт и уроки, сформулировать теоретические предложения и практические рекомендации.

Целевая установка, объект и предмет исследования определили комплекс **основных задач исследования:**

- осуществить анализ отечественной и зарубежной историографии проблемы, охарактеризовать основные тенденции ее развития, наметить перспективы дальнейших исследований в этом направлении;

- изучить влияние вневойсковых и армейских социальных факторов и параметров на массовое политическое сознание военнослужащих;

- исследовать теоретические взгляды общероссийских политических партий по отношению к власти, войне, миру, армии и другим политическим вопросам в годы Первой мировой войны;

- определить критерии, оценки, содержание устойчивых и меняющихся элементов массового политического сознания действующей армии в период Мировой войны;

- проследить эволюцию массового политического сознания действующей армии в различные периоды Первой мировой войны;

- охарактеризовать содержание и смоделировать структуру политического сознания армейских масс в период Революции 1917 года и на этой основе выявить наиболее значимые тенденции политического поведения действующей армии;

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

- оценить содержание, формы, методы и эффективность влияния политических партий России на массовое политическое сознание действующей армии;

- сделать теоретические обобщения и научно-обоснованные выводы, сформулировать уроки, определить основные направления и особенности эффективного воздействия на массовое политическое сознание армии.

В ходе достижения поставленных целей и задач, автор соблюдал ряд принципиальный требований, составляющих общую **концепцию** диссертационного исследования. Ее можно выразить в ряде тезисов:

- выявлять объективные тенденции, направления и особенности в деятельности политических партий России по продуцированию массового политического сознания действующей русской армии в годы Первой мировой войны;

- изучать источники как с точки зрения их накопления и систематизации, так и с точки зрения оценки и интерпретации;

- опираться на конкретные исторические факты и события в их истинном содержании, не искажая и не подгоняя их под заранее подготовленные схемы;

- рассматривать проблему в развитии и взаимосвязи ее отдельных направлений и этапов;

- актуализировать поставленную проблему, рассматривая деятельность политических партий по продуцированию массового политического сознания действующей армии с учетом изменений, происходящих в обществе под влиянием его прошлого и настоящего.

Научная новизна исследования определяется следующими обстоятельствами:

- впервые в российской историографии на основе современных достижений исторической науки предпринят комплексный анализ крупной и самостоятельной научной проблемы - выявление роли политических партий России в продуцировании массового политического сознания действующей армии в один из самых драматических и переломных периодов отечественной истории - годы Первой мировой войны;

- при анализе крушения политических государственных структур основное внимание уделено процессам, происходящим в сознании и психологии такого социума, как армия;

- к анализу массового политического сознания действующей армии в исторической ретроспективе предложена, на наш взгляд, оригинальная историко-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

психологическая концепция в сочетании конкретно-исторического, историко-психологического, историко-социологического и ряда других междисциплинарных подходов;

- выявлены предпосылки жизнестойкости одних и изменчивости других , вплоть до полярности, политических взглядов действующей армии;

- показаны особенности восприятия и понимания политических взглядов партий России армейскими массами, представлен широкий спектр мнений военнослужащих о политических процессах в стране в годы Первой мировой войны;

- на примере массового политического сознания действующей армии изучен процесс социального стереотипа сознания в экстремальный период российской истории;

- на основе научных методов и современных достижений исторической науки представлен авторский анализ эволюции массового политического сознания действующей армии в годы Первой мировой войны и дифференциация идеологических и эмоциональных установок, определивших политические ориентации и социальное поведение военнослужащих в условиях нарастания кризиса государственности;

- введением в научный оборот новых архивных документов и других источников, противоречивой, богатой малоизвестным материалом периодики тех лет, ранее недоступных исследователям или не используемых ими, что позволяет вскрыть целый пласт общественно-политической мысли России, без которого представления об идейном противостоянии того времени теряют главное – свою целостность, рельефнее отразить основные тенденции и события реальных исторических процессов, динамику массовых военно-революционных движений в контексте общеисторических тенденций, точнее и глубже вскрыть предпосылки великих перемен начала XX века;

- осуществлен анализ основных достижений теоретической мысли по проблеме массового политического сознания действующей армии, в свете основных требований к исторической науке определен уровень научной разработанности темы, проведен комплексный историографический анализ данной проблемы с учетом количественных и качественных характеристик вышедшей литературы.

Теоретическая значимость работы заключается:

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

- в новизне постановки и решении важной научной проблемы, что позволяет рассматривать ее как определенную ступень в дальнейшем исследовании отечественной истории;

- во вкладе в становление и углубление одного из научных направлений в рамках отечественной истории XX века;

- в создании историко-теоретической и фактологической базы авторской концепции массового политического сознания действующей армии в годы Первой мировой войны;

- в возможности использования ряда выводов и полученных результатов исследования в социальной практике.

Практическую значимость исследования автор видит в том, что его выводы и новые исторические данные помогут научным сотрудникам, профессорско-преподавательскому составу, аспирантам и адъюнктам, всем изучающим историю нашей Родины глубже разобраться в альтернативах и парадоксах общественного развития. Материалы диссертации представляется целесообразным применять в преподавании общих и специальных курсов Отечественной истории и политологии. Фактологический и статистический материал, обобщения, основные положения и выводы работы, отражающие основные тенденции исторического процесса, могут быть использованы в процессе дальнейшей теоретической разработки проблем общественного сознания, политического и массового политического сознания общества в целом и отдельных его социумов, при написании научных монографий по истории России, эволюции общественной мысли, истории российских политических партий и армии, учебников и учебных пособий, в энциклопедической, справочной и библиографической литературе, а также историографических публикациях.

Выявленные автором факты, способствующие формированию образа верховной власти в массовом политическом сознании действующей армии, могут быть учтены на современном этапе строительства российской государственности, в практической деятельности партий, общественных организаций и соответствующих государственных структур. Уроки тех лет подтверждают, что лидеры государства всегда, а в экстремальные периоды особенно, должны руководствоваться в первую очередь коренными национальными интересами страны, чутко прислушиваться к потребностям и нуждам населения, игнорирование которых вызывает широкое неприятие и сопротивление навязываемым сверху преобразованиям. Резуль-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

таты исследования могут быть использованы для современной российской армии как база выработки военными социологами и психологами практических рекомендаций по формированию морально-политической и психологической устойчивости войск, в воспитательной работе с личным составом.

Апробация результатов исследования. Диссертация является итогом многолетних размышлений и изысканий автора в области истории России и ее армии начала XX века. Основные положения ее были изложены в докладах и сообщениях на отдельных научных всероссийских, межрегиональных и межвузовских конференциях, посвященных проблемам истории Первой мировой войны, Революции 1917 года и Вооруженных Сил России начала XX века в Москве (1992, 2006 годы), Красноярске (1993, 1997, 1999 годы), Санкт-Петербурге (1996 год), Твери (2006 год). Автор неоднократно выступал с тезисами и докладами на конференциях и научно-практических семинарах в Военно-Воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е. Жуковского, Московского автомобильно-дорожного института (Технического Университета), Ачинского военного авиационного технического училища, перед профессорско-преподавательским составом, слушателями, курсантами и студентами этих вузов. Положения, отраженные в диссертации, включены в учебные курсы. Основное содержание исследования и его результаты опубликованы в виде 28 статей, учебных пособий, тезисов докладов самого широкого профиля общим объемом около 120 печатных листов, в том числе в монографии «Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны» (июль1914 – март 1918 гг.)»

Автор не претендует на исчерпывающее освещение избранной темы. Сделать это, учитывая ее сложность и многоплановость, в рамках одной работы не представляется возможным. Речь, главным образом, пойдет о ее узловых моментах. Проблема должна решаться совокупными усилиями ученых и научных коллективов. Работа в этом направлении, как будет показано в историографическом обзоре, ведется исследователями достаточно активно и плодотворно. Представляется также, что в изучении массового политического сознания Вооруженных Сил России необходимо сегодня идти по пути развития локальных исследований. Из их совокупности и будет складываться во многом противоречивая, но, вместе с тем, объективная и цельная картина социального поведения армии в один из самых сложных периодов отечественной истории.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Цели и задачи исследования определили структуру диссертации, которая состоит из введения, четырех разделов, заключения, приложений, перечня источников и литературы.

На защиту высятся следующие положения:

1. Результаты анализа отечественной и зарубежной историографии проблемы, характеристика основных тенденций ее развития.
2. Обобщения о влиянии вневойсковых и армейских социальных факторов и параметров на массовое политическое сознание военнослужащих.
3. Выводы о содержании теоретических взглядов основных общероссийских политических партий на вопросы власти, войны, мира, революции, армии и другие политические проблемы на различных этапах Первой мировой войны.
4. Авторские оценки содержания, форм, методов, и эффективности влияния политических партий России на массовое политическое сознание действующей армии.
5. Содержание устойчивых и меняющих элементов массового политического сознания действующей армии в годы Первой мировой войны.
6. Авторские выводы об эволюции массового политического сознания действующей армии в различные периоды Первой мировой войны.
7. Итоги анализа наиболее значимых тенденций политического поведения действующей армии.
8. Теоретические обобщения, уроки, практические рекомендации по эффективному воздействию на массовое политическое сознание армии.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

РАЗДЕЛ I МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ И ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Реальная жизнь – великий чистильщик теорий, и чем более субъективно-ценностный характер носит теория, тем с большей очевидностью она рано или поздно опрокидывается историей. История щадит, пожалуй, лишь те представления, которые не претендуют на глобальный и вневременной смысл, относятся к конкретным параметрам общественных процессов, предлагают характеристики обществ на основе внутренне присущих им черт, сопоставимых с аналогичными чертами, наблюдавшимися в других обществах в ту же историческую эпоху.

К началу 90-х годов XX века в отечественной исторической науке и ее методологии явственно обозначился кризис, который, очевидно, был кризисом роста.[1] Вместе с тем, его глубину и масштабы нельзя недооценивать. С течением времени происходило осмысление природы кризиса отечественного обществоведения, путей выхода из него, сложности процесса интеграции в мировое исследовательское пространство.[2] Последнее в немалой степени определялось запаздыванием и трудностями процесса критического переосмысления наличного методологического инструментария отечественной исторической науки. Однако быстро текущее время вовлекло в свой оборот и методологию.

Сложность задачи возрастала в связи с тем, что и сама западная гуманистика переживает в конце XX – начале XXI веков серьезный методологический кризис, обусловленный «кризисом рациональности» (имеющим свои причины), наиболее ярким проявлением которого стал постмодернизм, с одной стороны, и естественный процесс концептуального обновления с другой. Крайности абсолютизации постмодернистами субъективного характера процесса познания обусловлены недоверием к непосредственным историческим свидетельствам как «фикциям сознания», пониманием истории как игры в языковые стихии, а герменевтики – способа участия в этой игре.[3] В то же время постмодернизм указал на реальные трудности познания исторической реальности, которая не может быть непосредственно наблюдаемой и измеряемой, дал мощный импульс творческим поискам историков, обра-

---

[1] Актуальные проблемы теории истории. Материалы «круглого стола» (12 января 1994 г.) // Вопросы истории. 1994. №6. С.46.

[2] Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. №2-3; Актуальные проблемы теории истории. Материалы «круглого стола» (12 января 1994 г.) // Вопросы истории. 1994. №6; Герасимов И.В. В поисках новой модели историографии // Историческая наука в меняющемся мире. Вып.2. Историография отечественной истории. Казань, 1994. С.28-34; Проблемы исторического познания. М., 1999 и др.

[3] См.: Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып.1. М., 1998. С.46-49.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тив внимание на дискурсивность социальной реальности и самого процесса исследования.

В условиях теоретического плюрализма, характерного для западной историографии, предлагают свое видение мирового исторического процесса различные школы: новая, третья волна «Анналов» с ее преимущественным интересом к исторической антропологии (Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри, М. Ферро), концепция математической исторической науки с выдвижением на первый план квантитативных принципов исследования (В. Фогель, Д. Норт), новая экономическая история (Н. Мак-Клоски, М. Вовель, П. Шоню), современные последователи социологической теории М. Вебера.

Последнее двадцатилетие в нашей стране ознаменовалось поиском новых парадигм гуманитарного мышления. На начальной стадии этого процесса на роль универсальной методологии выдвигался цивилизационный подход, который, с одной стороны, имеет для истории большое значение в том смысле, что он открывает новые возможности изучения сущности и роли государства не только как инструмента подавления одного класса другим, но и в гораздо более широком плане - его реальной роли носителя идеи народности, правосудия и справедливости, арбитра в спорах между общими и групповыми или частными интересами, хранителя целостности и безопасности общенациональных границ.

С другой стороны, цивилизационный подход позволял преодолеть позицию традиционной советской исторической науки, которая с порога отвергала как буржуазные и, следовательно, враждебные пролетариату национально-патриотические, либерально-демократические, мелкобуржуазно-уравнительные и другие идеологии и тенденции, которые, однако, сыграли (или могли сыграть) прогрессивную роль в определенных исторических условиях.

Цивилизационный подход во главу угла ставит человека – единственного творца истории. «Иными словами, концепция цивилизации, включая как объективный (формационный), так и субъективный (антропологический) аспекты процесса истории, впервые открывает возможность построения собственно исторической методологии, которая позволит различать не только противостояние общественных классов и групп, но и сферу взаимодействия на базе общечеловеческих ценностей; не только проявления социальных антагонизмов, но и область социально-культурного консенсуса; не только роль прерывности, но и роль континуитета в истории; не только роль революций снизу, но и роль революционных по своему

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

смыслу реформ сверху», - считал один из сторонников этой методологии М. Барг.[1] Особенностью современного цивилизационного подхода является то, что он базируется одновременно на двух эвристических основаниях: классическом (гносеологическом) и жизненном (культуралистском).[2]

Но полностью отвергая прогрессистский детерминизм как разъяснение всего исторического процесса и его целевой заданности, историк, тем не менее, не может полностью отбросить постановку вопроса об изменении обществ и стран в категориях движения от одного состояния (стадии) к другому. Революции, радикальные реформы, войны сами по себе свидетельствуют о таком движении, хотя и не дают оснований для выводов о таких произошедших переменах. Необходимо также подчеркнуть, что стадиально-формационная и цивилизационная концепции отнюдь не противоречат друг другу, если, разумеется, не доводятся до абсурда. Они являются в действительности разными аспектами исследования и осмысления единого исторического процесса, в равной мере правомерными и необходимыми. И именно в этом заключена возможность их сочетания и взаимодействия, а тем самым и синтеза.

Социокультурный подход предусматривает наличие на заданной априори сложной диалектической взаимосвязи различных объективных и субъективных факторов исторического процесса, определяющих социальную жизнь, условия существования и деятельности человека. Историку необходимо на конкретном исследовательском поле установить характер выявленных связей, конфигурацию переплетения и взаимодействия этих факторов, а также те смыслы, которыми люди наполняли свои действия. Необходимо исходить из того, что история сознания – неотъемлемая часть социальной истории, поэтому она должна изучаться в широком историческом контексте, на базе анализа структур, процессов и явлений социальной и культурной жизни, посредством реконструкции социального поведения, массового сознания и психологии исследуемых общественных групп. Цель изучения сознания и социального поведения – «нахождение диалектических взаимосвязей между объективными условиями жизни и способами их осознания».[3]

По мнению некоторых исследователей, цивилизационный подход противоречит социокультурному и неприменим к истории России «как мутагенной зоне,

---

[1] Барг М. Цивилизационный подход к истории // Коммунист. 1991. №3. С.33.
[2] Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. М., 1997. Вып.4. С.10.
[3] Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. (Часть I) // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.21.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

расположенной между различными типами цивилизаций и включающей в водоворот культурогенеза отдельные их элементы».[1] Однако, если исходить из широкого понимания цивилизаций как социокультурных макросистем, обладающих качественной спецификой, цивилизационный подход и в отношении России не противоречит социокультурному, так как качественная специфика выражается по-разному, и незавершенность процессов культурогенеза (характерная на определенных этапах исторического развития не только для России, но и других стран) не может служить основанием для столь резкого их противопоставления.

В современной исторической науке понятие «общественное сознание», зачастую отождествляется с категорией «менталитет». Подразумевая под менталитетом совокупность базовых психологических и ценностных установок, стереотипов восприятия действительности и представлений, мыслительных привычек индивидов и групп, определяющих их социальное поведение, мы считаем, что категория «общественное сознание» является более широким духовным явлением, но имеет с ним плоскость пересечения. В отличие от «общественного сознания», «менталитет» своим основанием уходит в подсознательную (бессознательную) сферу человеческой психики, имеет в ней исходный механизм порождения и поддержания ментальных реакций. Будучи, прежде всего, базовыми установками, представлениями и механизмами стереотипных социально-психологических реакций на типичные ситуации – своеобразной «призмой» восприятия, или «сеткой улавливания» действительности сознанием индивида, менталитет не включает в себя всего содержания общественного сознания рассматриваемой общности в ту или иную эпоху. В то же время реконструкция содержания и структуры массового сознания позволяет выявить его приоритеты, а это, в свою очередь, - воссоздать проекцию ментальных установок, определяющих доминирование тех или иных представлений, а также преобладание определенных мыслительных конструкций, обусловленных устойчивыми или вновь формирующимися стереотипами. Менталитет проявляется в поведении, а также в образах, мнениях, чувствах, эмоциях людей, поэтому его невозможно рассматривать в отрыве от анализа социального поведения тех или иных групп, содержания и структуры массового сознания, с одной стороны, и динамических явлений человеческой психики - с другой. Не только стереотипы представлений, но и общественные настроения, слухи, коллективные

[1] Булдаков В.П. 1917 год: взрыв на стыке цивилизаций // Историческая наука в меняющемся мире. Вып.2. Историография отечественной истории. Казань, 1994. С.5.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

психические состояния должны стать предметом рассмотрения как формы реакции на различные события, внешние воздействия, преломленные в сознании в соответствии с социальными нормами и ценностями, присущими данной группе.

Понятие «социальное поведение» имеет целый ряд смысловых отличий от категории «деятельность». Господствовавшее в течение длительного времени в отечественной историографии сложившееся в марксизме понимание деятельности включало представление об осознанном целеполагании как неотъемлемом ее компоненте. Анализ поведения (в отличие от деятельности) предполагает рассмотрение как осознанных, так и неосознанных (нерефлексируемых или слабо рефлексируемых) форм человеческой активности, реакций на воздействие социальной среды и приспособления к ней. При этом внимание фокусируется не только на активности, направленной на преобразование социальной среды, но и на выработке форм адаптации к ней и обеспечения преемственности социальной и культурной традиции.

Абстрактность рассуждений, излишнее теоретизирование, надуманность выводов, характерные для части работ как зарубежных, так и отечественных исследователей, не случайны. Такие специфические и сложные для исторического познания темы, как массовое политическое сознание в исторической ретроспективе, взгляды, настроения и поведение людей, судьба идей, требуют четкости методологических посылок. Определяя методологию исследования избранной проблемы, диссертант имеет в виду несколько моментов. Во-первых, - общий конкретно-исторический характер исследования. Во-вторых, - междисциплинарность проблемы по самой ее сути, требующей использования методов смежных научных дисциплин (различных отраслей психологии, социологии и др.) при главенстве собственно исторических методов. При этом особенно важными представляются методологический плюрализм, концептуальная гибкость, возможность ассимилировать и интегрировать различные теоретические подходы для построения целостной системы знаний. В-третьих, сравнительно-исторический, компаративистский тип нашего исследования, определяющий специфику ракурса рассмотрения проблемы и некоторых подходов в ее изучении. В-четвертых, признавая плюралистический характер процесса познания объективной исторической истины, диссертант реализует конвенциональный («комплиментарный») подход к существующим идеям, теориям, обобщениям: различные теоретические представления, из которых автор ис-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ходит при рассмотрении объекта исследования, используется в той мере и в тех соотношениях, которые удовлетворяют выполнению поставленных задач.

Любой исследователь исходит из сложившегося набора априорных убеждений, фундаментальных методологических установок и руководствуется в своей деятельности определенной парадигмой, то есть набором убеждений, ценностей и техник, разделяемых научным сообществом, к которому он себя причисляет. В наше время наиболее продуктивным является интегрирующий взгляд на естественные и социальные процессы, поиск их закономерностей. Центральные тезисы данной парадигмы – признание процессуальности бытия, целостности мира, предстающего как единство многообразия отношений, «хрупкости» Вселенной.

В разработке методологии исследования социально-политических процессов неоценим вклад представителей Школы «Анналов». Французские историки М. Блок и Л. Февр совершили, как неоднократно квалифицировался их вклад, поистине «коперниканский переворот» в процессе исторического познания. [1] Новые подходы к истории и профессии историка, провозглашенные и реализованные основателями Школы «Анналов», включали установку на исторический синтез, преодоление разрыва между исследованием политической, социальной, экономической и духовной сфер жизни общества путем изучения фундаментальных структур сознания людей минувших эпох, определявших их картину мира, мировосприятие и социальное поведение.[2] В центр исторического исследования был поставлен человек, его представления, страхи, надежды, стереотипы восприятия и модели поведения.

Другим важнейшим аспектом нового подхода стал отказ от повествовательной истории, призыв к постановке проблем и выработке научных гипотез, коренное изменение отношения к объекту исследования. Изучая людей прошлого, утверждали анналисты, мы вступаем в диалог с ними, вовлекающий в историческое исследование как их ценности и другие аспекты сознания, так и систему ценностей историка.[3] К выводу о диалогичности процесса познания независимо от анналистов и практически одновременно с ними пришел русский ученый М. Бахтин. Он обосновывал специфику гуманитарного исследования тем, что оно имеет дело не с объектом, а с субъектом, который «как таковой не может восприниматься и изу-

---

[1] См.: Граф С. За пределами мозга. М., 1993. С.30.
[2] См.: Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С.25-27; Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С.82-88; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С.15-25.
[3] Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». С.15; О кризисе современной исторической науки. С.30-31.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

чаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно познание его может быть только диалогическим». [1]

Одним из основополагающих принципов, выдвинутых французскими историками школы «Анналов», является осознание и понимание эпохи, исходя из нее самой, без оценок и мерок чуждого ей по духу времени.[2] Вместе с тем, в современной герменевтике получила распространение позиция, наиболее четко выраженная Х.-Г. Гадамером, который считает, что понимание требует постоянного учета исторической дистанции между интерпретатором и текстом, всех исторических обстоятельств, непосредственно или опосредованно связывающих их, взаимодействия прошлой и сегодняшней духовной атмосферы.[3] По его мнению, это не только не затрудняет, а, напротив, способствует пониманию истории. На наш взгляд, эта точка зрения нисколько не противоречит первой, а лишь дополняет ее некоторыми принципиальными положениями. Исследователь должен сначала восстановить первоначальный смысл, который вкладывал в источник его создатель, а затем выразить собственное к нему отношение – с позиций своего времени и соответствующей ему системы знаний и представлений об изучаемом явлении. Здесь происходит разграничение двух понятий – «понимания» как познания внутренней сути предмета из него самого и «объяснения» как толкования этого предмета на основе индивидуально-личностных представлений исследователя и представлений, закрепленных в обществе на данном этапе развития.

В методологии рассматриваемой проблемы находят отражение и основополагающие принципы социальной истории, которые являются одними из наиболее популярных в мировой исторической науке. В центре внимания социальной истории оказывается человек, причем не сам по себе, а как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма. В сферу интересов социальной истории входят такие вопросы как человек и его положение в обществе, проблемы духовной жизни в широком плане, человек в различных взаимосвязях и ситуациях, в социальной среде и в системе разнородных групп, в семье и в повседневной жизни. Социальной истории свойственны междисциплинарный характер, комплексные подходы и весьма широкая проблематика. Ряд методов и подходов социальной истории могут быть успешно применены при анализе историко-психологических яв-

---

[1] Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С.392-393, 383.
[2] См.: Розовская И.И. Методологические проблемы социально-исторической психологии (на материалах французской исторической школы «Анналов»). М., 1972. С.20.
[3] См.: Бессонов Б.И. Герменевтика. История и современность // Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С.14.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лений, в частности, изучении общественных процессов не «сверху», через «официальный дискурс», который воплощает язык власти и идеологии, а как бы «снизу» и «изнутри», [1] то есть взгляд на войну и другие проблемы «из окопа». Вместе с тем, безусловно, необходимо видеть исторические явления объемно, «голографически»: сопрягать историю «снизу», «изнутри» и «сверху», видеть взаимосвязь собственно психологических и идеологических процессов, духовных и властных, политических механизмов. Правда, еще с 80-х годов получает все большее признание так называемая синтетическая теория, которая как бы объединяет сильные стороны всех указанных школ: теория всеобъемлющей культурной антропологии, хотя этот методологический подход трудно реализуем в практике конкретно-исторических исследований.

Подходы к изучению социальной истории, выработанные мировой наукой в 60-80-е годы, ныне требуют корректировки с учетом того вклада, которые внес постструктурализм в развитие исследовательского инструментария. В новом столетии, по оценке Л.П. Репиной, на смену старой «новой социальной истории» приходит новейшая, ориентированная на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, превращаясь в своей основе в социокультурную в той мере, в какой реализуется ее синтетический потенциал. [2]

Одно из современных достижений исторической эпистемологии – теория структурации Э. Гидденса – наиболее адекватно, на наш взгляд, объясняет соотношение социальных структур, процессов и человеческой деятельности. Она показывает, что между ними нет жесткой границы, что именно люди, а не общество, порождают структуры и инициируют исторические изменения, но их креативная деятельность и инициатива являются социально обусловленными.[3]

Для решения сложных актуальных проблем в самых различных отраслях науки, в том числе и массового политического сознания, весьма перспективно использование синергетических подходов. В части исторических исследований синергетика дает возможность создания исторической теории, объясняющей много-

---

[1] Соколов А.К. Указ.соч. С.108-109.
[2] Репина Л.П. Указ. соч. Ч.II. С.38.
[3] Гидденс Э. Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С.40-71; Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории (Часть II) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. Ч.II. С.26-27.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

образие социальных процессов минимальным набором общетеоретических положений.[1]

Историческая наука исследует в ретроспективе процессы самоорганизации общества, то есть образования, функционирования и распада соответствующих структур в неравновесной, нелинейной, сложной, открытой системе. Под системой понимается качественная определенность, выделенность относительно «среды своего существования», способность быть автономным, самотождественным явлением, отличным от других явлений мира.

Важными методологическими посылками является признание того, что, 1)любая система непрерывно изменяется, 2) в зависимости от параметров системы возможны несколько путей ее эволюции, 3) протекающие в подсистемах данной системы процессы имеют кооперативный характер, 4) система, как целое, не является суммой частей, она качественно иная, с присущими ей внутренними свойствами, которых нет у «частей».[2] Для системы характерна как определенная внутренняя упорядоченность в виде циклических, ритмических процессов, так и неустойчивый критический режим. Механизм отрицательной обратной связи компенсирует возникновение рассогласования или отклонения от заданного состояния системы, положительная обратная связь приводит к неустойчивости, стимулирует изменения. Социум как система обладает универсальным свойством – существует функциональное взаимодействие двух сопряженных процессов аналитического и синтетического типа; последовательное доминирование аналитических или синтетических процессов создает колебательный режим.

Система, как соразмерность частей некоего гармонического целого, эволюционируя до определенной критической границы, безразлична к количественным изменениям, но в момент пересечения границы происходит гибель данного качества. В рамках синергетического подхода сформулировано понятие о бифуркационной точке, когда флуктуация параметра системы обуславливает случайный выбор ее движения по одному из возможных путей эволюции.[3] Переход из одного состояния системы в другое происходит резко и скачкообразно, существующий порядок разрушается. Выбор пути эволюции определяется случайно в момент неустойчивости. Через хаос осуществляется связь разных уровней организации систе-

---

[1] Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. М., 1996; Синергетика и методы науки. СПб., 1998; Поддубный Н.В. Синергетика, диалектика самоорганизующихся систем: Онтологические и гносеологические аспекты. Ростов-на-Дону, 1999 и др.

[2] См.: Пойзнер Б.Н. Бытие становления как объект познания // Известия вузов. Серия «Прикладная нелинейная динамика». М., 1994. №3-4. Т.2. С.103.

[3] См.: Евин И.А. Синергетика искусства. М., 1993. С.20.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мы и переход к новому упорядоченному состоянию. Можно говорить о присущей социальным системам фазовой динамике, то есть существовании особого цикла между неадаптивными тенденциями к изменению и адаптивными тенденциями к сохранению.

Данная парадигма не может быть чем-то иным, кроме познавательной реконструкции. Приходится признать, что свести все процессы к универсальной схеме нельзя, и инвариантные, базисные истины для объектов различных классов отсутствуют.[1] Но в рамках этой парадигмы возможно плодотворное существование социально-экономического подхода и социокультурного понимания истории, представления о цикличности истории и формационного взгляда на нее. Можно говорить о историческом процессе, как «резюмирующем векторе, равнодействующей огромного количества тенденций, факторов, событий»,[2] и как ломаной линии этногенеза, «состоящей из многих зигзагов, взаимно компенсирующихся на данных отрезках времени».[3] История представляется целостным потоком общественных изменений, охватывающим весь спектр человеческого существования, процессом развития и смены взаимосвязанных состояний прошлого в жизни народа, страны, цивилизации. Можно представить историю и как область единичных событий, в которой существуют и через которую проявляются общие и особенные черты социальной организации.

Любое единичное событие содержит в себе типические признаки, обладающие разной степенью общности. Исторический процесс невозможно редуцировать к феноменологическому пласту конкретных, невоспроизводимых событий. Одно и то же явление выступает как уникальное, неповторяющееся или же типическое, повторяющееся взависимости от взятого аспекта рассмотрения. За уникальным, единичным событием просматриваются определенные «структуры», в которых воплощены устойчивые, повторяющиеся характеристики. Исторические ситуации принципиально невоспроизводимы, но неповторяемость связана с существенными, наиболее важными и характерными явлениями. Принципиальное значение имеет и то, что социальные системы создавались и поддерживались людьми, то есть «единичными» субъектами.

---

[1] См.: Пригожин И., Стенсерс А. Порядок из хаоса. М., 1995. С.346.
[2] Бабашкин Вл. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. №3. С.99-100.
[3] Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. С.406.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Ю.М. Лотман выделил процессы двух родов. Первые обусловлены спонтанными законами и носят неличностный характер, поскольку вовлеченные в них люди лишены выбора. Вторые совершаются через сознание людей. Когда общественная система попадает в точку бифуркации, «в действие вступают интеллектуальные способности человека, дающие ему возможность осуществить выбор».[1] Личность со свойственной ей, сформированной культурным наследием палитрой воззрений, жизненным опытом, логическим размышлением и интуитивным вдохновением, вступает во взаимодействие с миром, воздействуя на него. По мнению исследователей, подобное «физическое и психологическое взаимодействие сознания с окружающим его физическим миром приводит к тонким эффектам и порождает процессы, которые в ряде случаев, по-видимому, не соответствуют фундаментальным научным понятиям о пространстве, времени и причинности».[2]

Поведение людей, будучи индивидуальным, на определенном этапе при условии осознания социально значимых целей приобретает общую направленность. Этот процесс имеет вероятностный характер, поскольку в действительности, в силу ее сложности, динамичности, противоречивости и многомерности, имеется несколько возможных вариантов развития. Социальное действие детерминируется субъективным фактором.

Иными словами, историю человечества можно представить как серию разнообразных, неустойчивых, нелинейных переходов от порядка (стадий-формаций) к хаосу (войн и революций) и от него к новому порядку через механизм самоорганизации. Диатомия случайности и закономерности разрешается в двух вариантах. Во-первых, как результат проявления случайностных закономерностей, имеющих вероятностный характер. Тогда происходит самообучение субъекта истории посредством прагматического реализма. Во-вторых, как действие закономерных случайностей, когда происходит самоослепление субъекта истории посредством утопической идеализации реальности. Проще говоря, знающего судьба ведет, а незнающего тащит. Как и в любой неравновесной системе эти переходы совершаются через точки бифуркации (выбор альтернатив), вблизи которых развитие становится непредсказуемым (реализация реальной альтернативы из идеальных моделей).[3] В основе исторических процессов идет борьба и сотрудничество объекто-субъектов истории (от индивида-личности до человечества в целом) за власть (экономическая –

---

[1] Лотман Ю.М. Клио на распутье // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т.1. С.467, 469.
[2] Джан Роберт Г., Данн Бренда Дж. Границы реальности. Роль сознания в физическом мире. М., 1995. С.9.
[3] Дубнищева Т.Я. Концепции современного естествознания. Новосибирск, 1997. С.815.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

над окружающей природой, политическая – в социуме, идеологическая – над информационными потоками). Войны представляют собой открытую, вооруженную борьбу за власть и собственность между государствами и их союзами. Революции политические – вооруженная борьба за власть между субъектами политического процесса внутри государства. Во время войн и революций, особенно крупномасштабных, когда в вооруженную борьбу втягиваются широкие слои населения, исторические процессы принимают динамически неравновесный характер, что может привести к самым непредсказуемым последствиям. На гребне военно-революционной волны могут удержаться только те политические лидеры, которые действуют сугубо прагматично в отношении концентрации власти в своих руках.

Важным методологическим принципом, необходимым при изучении массового политического сознания действующей русской армии, является использование разработанной в экзистенциальной философии М. Хайдеггера и К. Ясперса категории «пограничная ситуация», применимой к анализу мотивов, поведения и самоощущения человека в экстремальных условиях, совокупность которых и представляет из себя боевая обстановка.[1] Крайней формой проявления пограничной ситуации является бытие перед лицом смерти, когда все, что заполняет человеческую жизнь в ее повседневности, становится несущественным, происходит ломка привычных представлений о мире, прежней системы ценностей, и индивид начинает по-иному смотреть на себя и окружающую действительность.

Поскольку социокультурные представления, ценности и нормы закреплены в знаках, изучение массового сознания невозможно без привлечения методов анализа символических систем, имеющихся в арсенале семиотики. [2] Знаки выполняют роль символов, в которых кодируется информация о мироустройстве в его человеческом восприятии. Благодаря существованию знаковых систем осуществляется трансляция культурного опыта, социальное и культурное взаимодействие в обществе. При этом символы, как отмечал Ю.М. Лотман, представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума.[3] Отрицая крайности постмодернистского подхода к трактовке языка как самодостаточной системы, историк может плодотворно использовать достижения семиотики в анализе историче-

---

[1] См.: Современная буржуазная философия. М., 1978. С.300, 330.
[2] Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. №8. С.155.
[3] Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Вып.XXI. С.12.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ских текстов, творящих социальную реальность и, одновременно, являющихся ее порождением.

Понимание исторического развития как многофакторного процесса определяет необходимость сочетания различных подходов к изучению объекта. С одной стороны, необходимы широкие синтетические построения и глобальные объяснительные схемы, с другой стороны, основой таких построений может служить анализ индивидуальной интерпретации экономических, политических, идеологических, культурных запросов общества, осмысление поведения и мотивов действия одного или общности индивидов. Продуктивным представляется уяснение взаимосвязи исследуемого феномена с социальным и личностным контекстом, наблюдение за взаимодействием субъектов исторического процесса в меняющейся ситуации. Общественные структуры, в том числе и государственность, воспринимаются и интерпретируются конкретным человеком сугубо индивидуально. Из многообразия личностных оценок формируется позиция социальной группы, предопределяющая социальное поведение личности. Индивидуальные импульсы оказывают тем самым влияние на характер исторических процессов.

Реализация подхода, в котором в центре изучения находится человек, невозможна без междисциплинарного синтеза, использования методов смежных социальных и гуманитарных наук – социальной и исторической психологии, социологии, культурной антропологии, философии, лингвистики. Контакты с социальными и гуманитарными науками не только расширяют возможности исторического познания поле исследовния, но и модифицируют сам облик истории, дают ей возможность проникать в закрытые для нее зоны знания, использовать новые методы, отражая основные научные парадигмы эпохи, соответствовать запросам и вызовам своего времени.[1]

Одной из наиболее значимых теоретических наработок, повлиявшей на становление новой исторической науки, была концепция коллективных представлений французского социолога Э. Дюркгейма.[2] Идеи Э. Дюркгейма и других представителей его школы о том, что существует коллективное сознание социальной группы, качественно отличающееся от индивидуального сознания, и что коллективные представления: мифы, верования, социально-правовые нормы и т.д., играют ведущую роль в социальной жизни, дав мощный импульс дальнейшим интел-

[1] Савельева И.М., Полетаев А.В. Микроистория и опыт социальных наук // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. С.105.
[2] Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С.233.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лектуальным поискам гуманитарных наук, не утратили своего теоретического значения в исследовании коллективного (традиционного) сознания.

Другой крупный социолог XX в. Питирим Сорокин разрабатывал проблемы трансформации психологии и поведения масс, различных социальных групп в переходные эпохи от одного базисного социокультурного строя к другому. Он выдвинул идею роста, утолщения, оседания и видоизменения с каждым новым поколением социально-психической среды, все в большей степени определяющей жизнь и деятельность последующих поколений.[1] П. Сорокин обосновывал роль войн и революций XX века в изменении ценностей и поведенческих реакций масс.[2] По мнению социолога, в результате этих катаклизмов происходит дезинтеграция моральных, правовых и других ценностей, которые изнутри контролировали и управляли поведением индивидов и групп.[3] Объясняя эту трансформацию, он отмечал, что совершаемые нами действия не проходят бесследно для нас самих, наши поступки рикошетом видоизменяют нашу душу и наше поведение. Тем более это относится к актам и поступкам, прививаемым войной и революцией: «Война и революция требуют беспрекословного повиновения (в противовес творчеству, праву и т.п.), душат личную инициативу, личную свободу, прививают и приучают к чисто разрушительным актам, отрывают и отучают от мирного труда.... Война и революция выращивают и культивируют вражду, злобу, ненависть, посягательство на жизнь, свободу и достояние других. Следствием войны и революции является «оголение» человека от всего костюма культурного поведения. С него спадает тонкая пленка подлинно человеческих форм поведения, которые представляют нарост над рефлексами и актами чисто животными».[4]

Изучение массового сознания невозможно без использования достижений аналитической психологии. Важнейшим «прорывом» в этой сфере было открытие швейцарским ученым К.Г. Юнгом коллективного бессознательного. В отличие от трактовки бессознательного З. Фрейдом, оно, в концепции К.Г. Юнга, имеет своим источником не личный опыт человека и его биологические инстинкты, а коллективный психический опыт человечества, который оно приобрело на заре становления своей культуры. Содержанием коллективного бессознательного, по К.Г. Юнгу, являются архетипы – модели инстинктивного поведения. Юнг обратил внимание

[1] Сорокин П. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С.175.
[2] См.: Там же. С.458-460; Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1993. С.29-30.
[3] Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. С.29-30.
[4] Он же. Современное состояние России // Общедоступный учебник по социологии. С.458-459.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

на возможность активизации тех или иных архетипов при возникновении соответствующих им жизненных ситуаций, а также на опасность приведения в действие скрытых в архетипах взрывных сил, способных привести к коллективным безумствам и массовым неврозам. [1]

Из других психологических концепций для исследования массового политического сознания действующей русской армии имеют значение некоторые идеи бихевиоризма (подход, положивший в основу изучения психологии анализ человеческого поведения); в определенной мере примыкающей к нему теории «установки» (Д.Н. Узнадзе); течений и школ, занимающихся изучением мотивации, а также психологии «бессознательного» в русле психо-аналитического направления (К. Юнг, К.Хорни, Э.Фромм); теории ролевого поведения (Э. Дюркгейм, П. Жане, Д. Мид); экзистенциальной психологии и теории личности (У. Джемс, во многом предвосхитивший философские идеи М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, К.Роджерс, А. Маслоу, В. Франки и др.).[2]

Культурная, структурная антропология и этнология добились значительных успехов в изучении законов, специфических свойств и форм первобытного мышления, кодов мировосприятия и поведения, лежащих в основе традиционной культуры.[3] Стереотипы первобытного мышления во многом определяют специфику мировосприятия и модели поведения традиционалистских масс. Архаичные представления и привычки сознания не исчезают бесследно, сохраняются и у представителей современной культуры.

Исследование сознания людей, включенных в исторически сложившиеся определенные социальные группы, невозможно без учета и использования достижений исторической и социальной психологии, а также этнопсихологии. Выводы о существовании культурно-исторической, этнической и социальной обусловленности психологии индивидов стали основой разработки проблем психического склада, привычек, традиций, обычаев, самосознания, установок, стереотипов восприятия и других относительно стабильных явлений психологии этнических и соци-

---

[1] См.: Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Сознание и бессознательное: Сб. СПб., 1997. С.69-79.
[2] Узнадзе Д.Н. Теория установки. М., Воронеж, 1997; Франки В. Человек в поисках смысла. Пер. с англ. и нем. М., 1990; Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я»: М., 1925; Лебон Г. Психология народов и масс. Пер. с франц. СПб., 1995; Сартр Ж.-П. «Слова». М., 1966; Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988; Дильтей В. Описательная психология. М., 1924; Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М., 1991; Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. Пер с нем. М., 1991; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998; McNeil E.B. Psychology of Aggression. "Journal of Conflict Revolution". 1959. Vol.III. №3; Buss A.H. The Psychology and Aggression. New-York – London, 1961; Berkowitz L. Aggression: A Social-Psychological Analysis. New-York, 1962).
[3] См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994; Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983; Он же. Первобытное мышление. М., 1994; Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983; Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

альных общностей. Начиная с основателя «психологии народов» В. Вундта, постулировавшего наличие особого психического склада, общих психических черт индивидов, принадлежащих к определенной этнической общности,[1] велись активные теоретические разработки в области пересечения подходов и методов исследования психологии и истории.[2] Социально-историческая психология, помимо устойчивых социально-психологических качеств и черт, изучает явления психологической динамики, возникающие вследствие коммуникации людей в больших группах. Они выражаются в возникновении одновременно переживаемых психических состояний: массовых настроений, мнений, слухов, психозов и т.д. Социальная психология, изучая их, рассматривает механизмы действия толпы, принятия и распространения внушенных стереотипов и образцов поведения. Их изучение в конкретном социокультурном контексте на базе материала исторических источников способствует выявлению содержания сознания, ментальных комплексов и структур психики. Если социальная и историческая психология исследуют прежде всего процессы, а также механизмы возникновения определенных состояний, то история сознания и ментальностей – содержание представлений и установок и обусловленные ими способы социального поведения.

Значительный интерес для исследователя социального поведения народных масс на рубеже XIX – XX веков представляют труды Г. Ле Бона, который одним из первых обратился к этой проблеме. Он пришел к выводу об определяющем влиянии психического склада народа на характер его общественных и политических учреждений. Последние не могут быть, исходя из этого, произвольно изменены народом.[3] Г. Ле Бон был также одним из первых, кто обратился к научному анализу психологии толпы. Он утверждал, что толпа в своих действиях подчиняется интересам общественным и бескорыстным, в основе коллективной жестокости часто лежит вера в идею справедливости и потребность в нравственном удовлетворении, волнения толпы имеют под собой прочный фундамент наследственных инстинктов, совокупность которых составляет душу расы.[4]

Значительный вклад в разработку психологии масс внес С. Московичи. В его трудах детально разработана теория социальных представлений, которая, отчасти, продолжает созданную Э. Дюркгеймом концепцию коллективных представлений.

---

[1] См.: Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912.
[2] См.: Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997; Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979; История и психология. М., 1971; Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (Социологический очерк). М., 1996.
[3] Ле Бон Г. Психология социализма. СПб., 1908. С.46.
[4] Там же. С.97-98.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Методологическую значимость для историка имеют такие черты его концепции, как признание особой важности социального происхождения этих представлений, убежденности их носителей в их справедливости и принудительного (для индивида) характера. С. Московичи развил взгляды Ле Бона на психологию толпы, доказав, что это человеческая совокупность, обладающая психической общностью, действующая неосознанно; толпа консервативна, несмотря на революционный образ действий, нуждается в поддержке вождя, пленяющего ее своим гипнотизирующим авторитетом. [1]

Важной концептуальной наработкой социальной психологии, позволяющей понять механизм трансформации базовых ценностей больших групп людей, и, соответственно, дающей инструмент ее анализа, является теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера. Она объясняет, почему изменение поведения (отчасти вынужденное) вызывает изменение установок и ценностных ориентиров.[2]

Определенное методологическое значение для историка, исследующего сознание масс, имеют также выводы представителей отечественной психологической школы Л.С. Выготского, создателя культурно-исторической теории развития психики.[3] Наиболее важными среди них являются идеи о знаковой опосредованности культурного поведения, а также рассмотрение психики как результата интериоризации внешних условий в структуру индивидуального действия и сознания.

Таким образом, использование концептуальных наработок социальных и гуманитарных наук позволяет углубить и расширить представления о социальной реальности, комбинировать, в зависимости от изучаемого аспекта человеческого сознания и поведения, системно-структурные, социологические, антропологические, психологические, лингвистические подходы и методы исследования исторического материала.

Важнейшими методологическими постулатами исследования являлись принципы объективности познания, его научности, а также историзм. Констатировалось, что гуманитарному знанию свойственны системность, логичность, доказательность выводов. Значение каждого отдельно взятого факта или явления выявлялось в процессе рассмотрения человеческой общности как «эволюции целого» (во времени) и «коэкзистенциального целого» (на каждый данный момент развития). Реальность в совокупности типологических и индивидуальных особенностей опи-

---

[1] См.: Московичи С. Век толпы. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996. С.7,13.
[2] См.: Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997. С.178-194.
[3] См.: Выготский Л.С. Собр. Соч. М., 1982-1984. Т.1-6.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сывалась через исследование повторяющихся явлений (намотетический подход) и структурных взаимосвязей явлений (идеографический подход). Индивидуализирующее познание, включавшее психологическую интроспекцию в мотивы социального поведения, позволило сочетать микро- и макроподход к изучению прошлого.

В исследовании массового политического сознания действующей армии нашел применение целый комплекс общеисторических методов: историко-генетический, историко-типологический, историко-системный, историко-сравнительный и др., а также весь арсенал собственно источниковедческих методов, которые используются при проверке достоверности, репрезентативности источников, при извлечении и интерпретации содержащихся в них информации. Использовались и общенаучные методы: описание, объяснение, анализ, синтез, абстрагирование, аналогия, сопоставление, синхронизация, классификация, редуцирование, интерпретация, а также специфические методы оценки отдельных видов источников.

Изучение общественных явлений, находивших отражение в массовых источниках, предусматривает использование количественных методов, «изоморфных» характеру и самого явления, и источника. Этот вид документов широко использовался в литературе на базе традиционных, а в последнее время – и герменевтических методов анализа, однако его информационный потенциал значительно повышается при квантитативной обработке.

Специальным методом формализации и измерения качественных признаков нарративных источников служит контент-анализ, основанный на частотных, классификационных преобразованиях.[1] На первом этапе исследования выделяются признаки, данные по которым содержатся в источниках многократно (в нашем случае это группы сходных по смыслу высказываний).[2] После кодировки качественных признаков (высказываний) производится подсчет частоты их встречаемости в документах. Для выявления связей между признаками, содержащимися в об-

[1] См.: Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983; Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Массовые исторические источники (определение, классификация, методы исследования). Свердловск, 1991.
[2] Основная сложность заключалась в определении одинакового значения в разнообразных словесных формулировках, т.е. в выявлении общего в многообразии.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

щем массиве документов, характера и уровня их взаимной зависимости вычисляется коэффициент корреляции (сопряженности).[1]

Математико-статистические методы обработки информации являются одним из проявлений системно-структурного подхода к анализу явлений общественной жизни, широко применяемого в исторических трудах. Он предполагает исследование явлений и процессов на уровне взаимосвязей и взаимозависимостей между важнейшими определяющими их факторами на конкретный момент (структурный подход) и в динамике (системный подход).[2] Структурообразующими элементами сознания являются установки, лежащие в основе концепции мироздания, системы фундаментальных ценностей и представлений об истине (аксиомы сознания, мыслительные стереотипы), определяющее отношение к власти, религии, Родине и т.д. Изменение элементов этой системы, являющихся модификациями базовой структуры, определяется взаимодействием ее компонентов с разнообразными факторами и влияниями социальной среды. При исследовании личных писем, помимо возможности квантитативной обработки содержащейся в них информации, широко применялся дискурсивный (семиотический) метод, дающий возможность расшифровки «плана выражения» языкового текста, понимания его коннотативного (по Р. Барту) смысла,[3] то есть реального содержания и значения ценностей, идеалов, стереотипов представлений в сознании авторов, «наполнявших» рассматриваемый вариант их символического (языкового) выражения. Как уже было отмечено выше, это можно реализовать лишь на базе анализа широкого исторического и социокультурного контекста.

В целом, инструментарий массового политического сознания действующей русской армии в годы Первой мировой войны соответствует современным тенденциям в мировых исторических и междисциплинарных исследованиях.

Историки, философы, социологи, политологи, правоведы всегда пытались определить закономерности развития общества, выявить причины и оценить последствия реформаторских и революционных процессов. Самым благодатным материалом для ученых в этом плане является история Первой мировой войны и взаимосвязанных с ней событий в России – период, настолько сложный, противоречивый, драматический и насыщенный событиями, что, как и 100 лет назад, так и

---

[1] За основу в исследовании взята методика вычисления коэффициента линейной корреляции для анализа парных зависимостей, описанную Т.И. Славко (См.: Славко Т.И. Математические методы в исторических исследованиях). Екатеринбург, 1995. С.93-122.
[2] Колесников Л.А. Основы теории системного подхода. Киев, 1988. С.136-139.
[3] Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С.16-17.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сегодня, каждый новый автор находит оригинальный сюжет для своего анализа и обобщений. Историография Первой мировой войны и 1917 года в России насчитывает огромное количество публикаций, общее количество которых только включенных в соответствующие указатели[1] превышает 100 тысяч наименований и увеличивается на 1,5-1,7 тысяч в год. Их круг, служивший предметом детального изучения и составивший историографический фундамент данной работы, предопределен избранной темой.

Осмыслить феномен Первой мировой войны, оценить восприятие исторических перемен массовым политическим сознанием действующей русской армии пытались прежде всего действующие лица исторической драмы, разыгравшейся на подмостках Российской империи в начале XX века. Те из их произведений, что были написаны непосредственно по горячим следам событий (примерно до начала 20-х годов), правомерно отнести к источникам и рассматривать отдельно.

Историография Первой мировой войны и Революции 1917 года измеряется не просто степенью ее идеологизированности и политизированности, а по критерию способности тех или иных поколений исследователей преодолеть и то, и другое. В недавнем прошлом было принято считать, что основные рубежи отечественной советской историографии по какой угодно научной проблеме более или менее соответствуют важнейшим этапам в жизни коммунистической государственности. Историографы выделяют 20-е годы (нэповский период), характеризуя их как время относительно свободного и творческого становления марксистской историографии (разумеется, не без издержек этого процесса); отмечают 30-е годы в качестве периода утверждения сталинского догматизма, завершившегося появлением «Краткого курса истории ВКП(б)» и продолжавшегося до середины 50-х годов; характеризуют этап до середины 80-х годов как процесс «возвращения к ленинской концепции Великого Октября»,[2] разгрома «нового направления» в изучении Первой мировой войны и революции 1917 года с последующим «застоем» исторической мысли; по отношению к «горбачевскому» и «ельцинскому» периодам среди исследователей нет единомыслия, преобладает, однако, желание говорить о «кризисе исторической науки».

---

[1] Мировая война 1914-1918 гг.: Указатель литературы за 1914-1934 гг. Л., 1934; Первая мировая война. Указатель литературы 1914-1993 гг. М., 1994; Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. М., 1979; Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война: Указатель советской литературы 1917-1964. В 12-ти тт. М., 1967 и др.

[2] Вокруг проблем периодизации возникла настоящая схоластическая круговерть. См.: Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября. 1917 – середина 30-х годов. Очерки. М., 1981. С.8-38.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Существует, правда, и более радикальный взгляд на «феномен советской историографии», сводящий его к цепной реакции фальсификаторства,[1] обусловленного, с одной стороны, репрессированностью научной мысли, с другой – репрессированностью того, во что она превратилась.[2] По этой логике получается, что «советскую историографию как своеобразный феномен характеризует сращивание с политикой и идеологией и превращение в органическую составную часть тоталитарной системы».[3]

Необходимо заметить, что в официальной советской историографии фактически отсутствовали традиции всестороннего рассмотрения проблем, изучался один вариант с некритических и даже, как правило, апологетических позиций. Но, несмотря на указанные недостатки, она не может быть проигнорирована при выполнении данного диссертационного исследования, ибо имеет неоспоримые крупные достижения в разработке данной проблематики. Вместе с тем, советскую историографию следует трактовать как одно из историографических направлений в изучении Первой мировой войны и Революции 1917 года. Целесообразно вести речь о более широком понятии – отечественной историографии, ибо исследование нашей проблемы с самого начала осуществлялось людьми, стоявшими на противоположных философских и политических позициях, а, нередко, и даже по различные стороны баррикад. В дальнейшем это разделение было закреплено и геополитически. При этом, если советские историки концентрировали внимание на изучении той линии общественного развития, которая реализовалась на практике, то кадеты, меньшевики, эсеры и другие исследователи из антисоветского лагеря обращались преимущественно к альтернативным вариантам, к нереализованным возможностям 1917 года. Положив в основу периодизации критерии объективности и научности исследования, отечественную историографию рассматриваемой проблемы целесообразно хронологически разделить на следующие крупные исторические периоды: I – от начала первой мировой войны до начала 20-х годов; II – от начала 20-х годов до 30-х годов; III – от 30-х годов до середины 50-х годов; IV – с середины 50-х годов до середины 80-х годов; V – с середины 80-х годов по настоящее время.

---

[1] См.: Искендеров А.А. Новый взгляд на историю // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История, философия. 1993. №1.
[2] Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. М., 1991. С.10.
[3] Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С.30.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Характерной особенностью начального периода отечественной историографии исследуемой проблемы следует считать то, что ее ведущими представителями выступали В.И. Ленин, П.Н. Милюков, Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов, В.М. Чернов и другие ведущие политики, формальные и неформальные лидеры своих политических партий. Их взгляды на перспективы дальнейшего развития России, Первой мировой войны и Революции 1917 года, роли действующей армии и ее массового политического сознания в судьбах страны в уникальную военно-революционную эпоху будут рассмотрены в соответствующих главах настоящего исследования.

В отечественной историографии одним из первых к научной разработке проблем массового политического сознания, русского национального самосознания и психологии приступил В.О. Ключевский, рассматривавший вопрос о формировании характера народа в тесной связи с анализом естественно-географических, природно-климатических условий среды его обитания и формирования, повлиявших также и на формы его хозяйственной и социальной организации.[1] Влияние психологических процессов на становление сознания анализировалась в работах А.Е. Преснякова.[2] Проблемы общественного сознания были заметны в исследованиях Б.Н. Чичерина: « … от развития общественного сознания можно ожидать более ясного понимания вещей».[3] То, что «реакционные массы» убывают, а «народное самосознание растет» отмечал и В.А. Поссе.[4]

Значительное внимание анализу противоречий облика русского человека уделил в своих трудах Н.А. Бердяев, выводивший антиномичные (полярные, двойственные) свойства русской души и национального характера из особенностей природных, социальных, политических и культурно-религиозных факторов становления русской народности.[5] Он обратил внимание на неразвитость личностного сознания русского народа («почвенные слои наши лишены правосознания и даже достоинства»), подавление личности органическим (природным, родовым) коллективом, на апокалиптическую настроенность русского сознания, жаждущего всеобщего спасения и всеобщего блага.[6]

Вовсе не случайно, как бы предвосхищая дальнейший ход исторического развития России, в годы, предшествующие российской революции, появилось

---

[1] См.: Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9-ти т. М., 1987. Т.1. С.82-89.
[2] См., напр.: Пресняков А.Е. Первый опыт истории русского самосознания. СПб., 1901.
[3] Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. С.150-151.
[4] См.: Поссе В.А. Современное общество. Социологические очерки. СПб., 1906. С.15; Он же. История Современной России. Царствование Императора Николая II. СПб., 1913. Вып.1. С.17.
[5] См.: Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С.1-89; Он же. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.7-16.
[6] См.: Он же. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. С.7-16, 23.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

множество изданий (в значительной степени переводных, так или иначе навеянных Великой Французской революцией) о массовом сознании, психологии массовых движений.[1]

Изучение духовного облика и социального поведения военнослужащих, рекрутированных из различных социальных слоев российского общества, в период Первой мировой войны началось современниками событий, чьи работы имели научно-популярный, пропагандистский или публицистический характер. В условиях начавшейся войны массовое политическое сознание различных общественных слоев в наибольшей степени рассматривалось с точки зрения их отношения к защите Отечества, являвшегося фокусом, который отражал господствующую иерархию ценностей их сознания и проявлялся в социальном поведении. В популярных статьях и брошюрах отношение к войне всех слоев российского общества, включая и солдат, характеризовалось как однозначно патриотическое.[2] Между тем, современники-исследователи Первой мировой войны и революционных событий уже тогда, несмотря на изрядную зараженность всех классовым подходом, видели в происходящем смуту в сознании и душах людей, даже «свободных от классовых предрассудков и отличавшихся дисциплинированной мыслью».[3] Еще ранее В. Вернадский констатировал наличие в обществе «особой формы психоза». [4] П. Сорокин высказывался и того проще: «В революции в человеке просыпается не только зверь, но и дурак».[5] Попытки осмыслить роль Мировой войны в духовном развитии русского народа с религиозно-нравственных позиций были предприняты в этот период религиозными философами.[6] Так, Н. Бердяев связывал с войной надежды на актуализацию национальных ценностей в сознании народа, которые, по его мнению, не должны подчиняться ценностям социальным. [7]

В рядах принципиальных противников войны оценка позиций основных слоев российского общества по их отношению к ней дана в трудах лидера большевиз-

---

[1] См.: Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1899; Он же. Психологические законы эволюции народов. СПб., 1906; Изместьев П.И. Армия и толпа: Опыт военной психологии в связи с психологией толпы. М., 1910; Ухач-Огорович Н.А. Психология толпы и армии. СПб., 1911; Вигру А., Жукелье П. Психическая зараза. М., 1912; Конвей М. Толпа времен войны и мира. СПб., 1916; Троттер В. Стадные инстинкты в дни мира и войны. СПб., 1916.
[2] См.: Отечественная война 1914 г. Начало войны. Общенародное воодушевление. М., 1915. Т.1; Пороховщиков А.А. Мировая война – мировой перелом. Радостные вести из сердца святой Руси. М., 1915. Вып.4.; Вопросы мировой войны. Сб. статей. Пг., 1915; Чего ждет Россия от войны. Сб. статей. Пг., 1915; Архипов Н.А. Крестьяне, рабочие и война. М., 1917 и др.
[3] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2275. Л.1.
[4] Речь. 1917. 25 мая.
[5] Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С.87.
[6] Трубецкой Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл. Публичная лекция. (Серия «Война и культура»). М., 1915; Булгаков С. Война и русское самосознание. Публичная лекция. (Серия «Война и культура»). М., 1915; Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.
[7] Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. С.47.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ков В.И. Ленина, меньшевика-интернационалиста Н.Н. Суханова, эсера-интернационалиста И.З. Штейнберга и др.[1]

В.И. Ленин сформулировал основные положения большевистской концепции Первой мировой войны, ставшие затем на долгие годы господствующими в советской историографии. В основе их было игнорирование самостоятельной (общечеловеческой, надклассовой) природы патриотических чувств и умонастроений людей, обусловленное представлением об империалистических целях России в Мировой войне, отрицание существования общенациональных интересов на рубеже XIX – XX веков в государствах, достигших в своем развитии стадии империализма. «Пролетарии в массе уже в силу своей природы свободны от национальных предрассудков», «рабочие не имеют отечества»,[2] - эти концептуальные посылки К. Маркса и Ф. Энгельса стали отправной точкой теоретических изысканий В.И. Ленина в новых исторических условиях. Война, по мысли В.И.Ленина, приведет «только к усилению и расширению всякого гнета вообще, национального в частности, - и это при любом исходе войны».[3]

В годы глобального столкновения народов, когда вопрос о национальном факторе и его взаимодействии с социальным был поставлен самой жизнью, В.И. Ленин разработал теорию национальных отношений в эпоху империализма.[4] В ней он вывел корреляцию между национальным и социальным освобождением трудящихся, в рамках которой первое, в конечном счете, было подчинено второму, определяющему.[5] Буржуазные отечества пролетариат призван не защищать, а уничтожать в ходе начавшейся в связи с войной эры пролетарских революций.[6] Теоретические идеи стали основой разработки В.И. Лениным в годы войны политической стратегии и тактики пораженчества, реализация которых в условиях России должна была привести большевиков к власти.

Один из немногих среди социалистов сторонников мира, оригинальные мысли по достижению сплоченности общества во время войны генерировал Ю.О.Мартов: «Сплочение общества для внешней борьбы достигается победой интересов передовых его элементов над элементами реакционными, прямой или замаскированной диктатурой, либо гегемонией их над другими частями общества,

---

[1] См.: Ленин В.И. Что доказал суд над РСДР фракцией? // Полн. Собр. соч. Т.26. С.168-176; Социализм и война // Там же. С.307-350 и др.; Суханов Н.Н. Наши левые группы и война. Пг., 1915; Штейнберг И.З. От февраля по октябрь 1917 г. Берлин – Милан, 1919; Коллонтай А.М. Кому нужна война. Пг., 1917 и др.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.590; Т.4. С.444.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.27. С.269.
[4] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.25-27.
[5] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26. С.32.
[6] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.32. С.139-140.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

принудительным возведением в общенациональные задачи их сепаратных классовых задач. И эта победа выражается в том, что не только сопровождающая оборону внутренняя политика определяется этими задачами, но и сами цели и методы обороны диктуются ими».[1]

Еще в годы самой революции и гражданской войны появились исследования, посвященные борьбе с идеологией и политикой меньшевиков и эсеров.[2]

Работы, созданные в период войны, ценны как первый опыт осмысления событий очевидцами, принадлежавшими к различным общественно-политическим лагерям, отношения российского общества, в том числе солдат и офицеров действующей армии, к участию страны в мировом военном противоборстве. Эти труды имели обобщенный характер, отсутствовала целенаправленная опора на источники.

Второй период отечественной историографии рассматриваемой проблемы охватывает 20-е годы и характеризуется утверждением в исторической науке большевистской концепции Первой мировой войны, ленинских оценок сознания и поведения действующей армии в этот период. В таком, весьма жестком, идейно-политическом «прокрустовом ложе» происходило развитие советской историографии, что позволило Ю.Н. Афанасьеву определить ее как «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей».[3] Этот период историографии, вместе с тем, является, несомненно, исторически ценным, ибо основной массив работ написан очевидцами и непосредственными участниками событий – представителями различных политических партий и течений, что давало возможность увидеть многоплановость, неоднозначность происходивших процессов, дать им более объективную оценку.

В 20-е годы произошел выброс ценнейшего документального материала.[4] В это время появились и первые публикации документов о работе большевиков в го-

---

[1] Мартов Л. Национализм и социализм. Пг., 1918. С.68.
[2] Иоффе А. (В. Крымский). Крах меньшевизма. Пг., 1917; Новицкий К. Октябрьская революция и контрреволюция. М., 1919; Стеклов Ю.М. Год борьбы за социальную революцию (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). М., 1919. Ч.2; Устинов Г. Меньшевики, правые эсеры и контрреволюция. М., 1919; Ходорковский Н. Партийные и беспартийные. Казань, 1920 и др.
[3] Феномен российской историографии // Россия XX век. Советская историография. М., 1996. С.37.
[4] Переписка Николая и Александры Романовых. В 6-ти т. М.-Л., 1927; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. В 7-ми т. Л., 1924-1927; Государственное Совещание. Стенографический отчет. М.-Л., 1930; Первый Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских депутатов. Стенографический отчет. В 2-х т. М.-Л., 1930-1931; Протоколы ЦК РСДРП. М.-Л., 1929; Памятники агитационной литературы российской социал-демократической рабочей партии. 1914-1917. Период войны. Сборник. М.-Пг., 1923; Революция 1917 года: хроника событий / Под ред. Н.Авдеева. В 7-ми т. М.-Л., 1923-1930; и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ды войны в действующей армии.[1] В 20-е годы в Советской России опубликованы многочисленные воспоминания о событиях революции, мировой и гражданской войн представителей самых различных политических сил.[2] Важной отличительной особенностью этих работ было, по мнению В.И. Невского, то, что воспоминания участников революции «дышали страстью борьбы и ненависти»,[3] стремились оправдать свою деятельность и деятельность своих партий. Не остались без внимания и воспоминания как союзников России по Антанте, так и ее противников.[4] К концу 20-х годов в рамках советской историографии были заложены основы документальной базы для изучения российского общества в годы Первой мировой войны и Революции 1917 года, в том числе и такой массовой социальной общности как действующая армия.

Среди многочисленных трудов военных историков имеют определенное отношение к исследуемой теме работы А.Н. Де-Лазари, А.А. Маниковского, А.М. Зайончковского, Н.И. Наумова.[5] Степень политизации и идеологизации этих работ минимальна. По богатству и информационной насыщенности они выгодно отличаются как от последующих научных трудов, так и от исследований с заметной политической ангажированностью.[6]

В работах первых историков Мировой войны и революции – большевиков – нашли отражение, прежде всего, общие вопросы развития революционного движения.[7] В двадцатые годы появились и специальные исторические исследования, раскрывающие борьбу партии большевиков по завоеванию политической власти в стране,[8] причем стержнем исторического процесса считалась классовая борьба. Яркое воплощение этот подход получил в работах М.Н. Покровского[9], отличав-

---

[1] Революционная пропаганда в армии в 1916-1917 гг. Документы // Красный архив. 1926. Т.17; Разложение армии в 1917 г. Сб. документов. М., 1925.

[2] Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929; Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний. Б.М., 1924; Набоков В.Д. Временное правительство. М., 1923; Февральская революция. Мемуары. М.-Л., 1925; Октябрьская революция. Мемуары. Л., 1926; Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. В 5-ти т. М.-Л., 1925-1930; Ерманский О.А. Из пережитого (1887-1921 гг.). М.-Л., 1927; Кальницкий Я. От Февраля к Октябрю. Воспоминания фронтовика. М., 1926 и др.

[3] Пролетарская революция. 1923. №4. С.310.

[4] Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.-Пг., 1923; Фош Ф. Воспоминания. (Война 1914-1918 гг.). М., 1923; Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1928; Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. В 2-х т. М., 1923-1924; Чернин О. В дни мировой войны: мемуары. / Пер. с нем. М.-Пг., 1923 и др.

[5] Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг. Общий стратегический очерк. М., 1924; Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2-х т. М.-Л., 1930; Наумов Н. Война 1914-1918. М., 1930; Де-Лазари А.Н. Мировая империалистическая война 1914-1918 гг. Пояснение к атласу схем. М., 1934.

[6] Кин Д. Война и Февральская революция. М., 1924; Покровский М.Н. Царская Россия и война. М., 1924 и др.

[7] Бубнов А.С. ВКП(б). М.-Л., 1931; История ВКП(б) / Под общ. ред. Е.М. Ярославского. В 4-х т. М., 1926-1930; Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. М.-Пг., 1920; Он же. Семнадцатый год. В 4-х т. М.-Л., 1923-1931 и др.

[8] Балабанов М. Очерки истории революционного движения в России. Л., 1929; Быстрянский В.А. Антанта, Россия и революция. Пг., 1920; Любимов И.Н. Революция 1917 года. М.-Л., 1930; Меницкий И.А. Революционное движение военных годов. (1914-1917). Очерки и материалы. В 2-х т. М., 1924; Пионтковский С.А. Февральская революция. (Политический очерк). Л., 1925; Он же. Октябрь 1917. М.-Л., 1927; Покровский М.Н. Октябрьская революция. Сборник статей 1917-1927. М., 1929; Семенников В.П. Монархия перед крушением. 1914-1917. М., 1927 и др.

[9] См.: Покровский М.Н. Избранные произведения. В 4-х кн. М., 1967; Кн.3.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

шихся четкой авторской позицией, обусловленной и взглядами ученого, и чувствами современника. Именно Октябрь был главным объектом его изучения. Историк неустанно призывал специалистов писать историю социалистической революции по Ленину, с позиций марксизма-ленинизма. «Марксистская схема Октябрьской революции, - подчеркивал ученый, - существует только одна: по этой схеме революция была проведена, по этой же схеме будет писаться ее история, где бы, кто бы, когда бы ее ни писал, если только эта история будет заслуживать этого имени».[1]

Для советской историографии 20-х годов характерным является то, что в отдельных работах общего плана стали рассматриваться вопросы взаимоотношений большевиков с их политическими противниками и временными союзниками.[2] Анализ работ указанного периода свидетельствует о том, что большинство авторов было ориентировано на разоблачение стратегии и тактики правых и либеральных партий,[3] социалистов-революционеров[4] и меньшевиков[5] в рассматриваемые годы, в том числе на демонстрацию несостоятельности их военной политики. Так, например, в монографии В.А. Быстрянского «Меньшевики и эсеры в русской революции», автор попытался объяснить позицию меньшевиков и эсеров в 1917-м и последующие годы через историю возникновения и развития этих партий. Однако при этом, наряду с четкими оценками важнейших этапов в их эволюции, В.А. Быстрянский не избежал некоторых неточностей. Историк явно переоценил размах работы большевиков накануне Октября в солдатской среде, считая, что в это время уже вся армия стояла «под знаменем большевизма».[6]

Рассматривая армию как важнейшее средство достижения политических целей, советские историки в 20-е годы провели исследования отдельных сторон функционирования Вооруженных Сил России в годы Первой мировой войны и революции, а также позиций большевиков в них, что нашло свое отражение в моно-

---

[1] Он же. Октябрьская революция. Сборник статей 1917-1927. М., 1929. С.168.
[2] Вардин Ил. Политические партии и русская революция. М., 1922; Граве Б.К. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны, июль 1914-февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.-Л., 1926; Мартынов А.С. О меньшевизме и большевизме. М., 1923; Социал-демократическое движение в России. В 4-х т. М.-Л., 1925; Ярославский Е. Партия большевиков в 1917 году. М.-Л., 1927 и др.
[3] Покровский М.Н. Противоречия г-на Милюкова. М., 1922; Союз русского народа. Сб. документов. М.-Л., 1929; Стальный В. Кадеты (конституционно-демократическая партия народной свободы). Харьков, 1929; Чаадаева О.Н. Помещики и их организации в 1917 г. М.-Л., 1928 и др.
[4] Мещеряков Н.Л. Партия социалистов-революционеров. В 2-х ч. М., 1922; Покровский М. Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров». М., 1922; Попов Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии. М., 1924; Эсеры и их роль в русской революции. Чита, 1922 и др.
[5] Быстрянский В.А. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; Вардин Ил. Революция и меньшевизм. М.-Л., 1925; Диманштейн С.М. Кто такие меньшевики? Харьков, 1923; Лисовский П. Эсеро-меньшевистская контрреволюция. Л., 1928; Партия капиталистической реставрации (меньшевики). М., 1923; Эрдэ Д. Меньшевики. Харьков, 1929.
[6] См.: Быстрянский В. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921. С.10, 12, 29 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

графиях, статьях и очерках.[1] Но крайне негативное и предвзятое отношение к взглядам своих политических противников приводило к неадекватному отражению их политической деятельности в армии.[2] Так, по мнению М.И. Ахуна и В.А. Петрова, «меньшевистские и эсеровские партийные центры встали на оборонческую точку зрения, что, конечно, исключало возможность какой-либо работы среди войска».[3] Вместе с тем, в трудах историков предпринималась попытка определить место и роль армии в политике и тактике указанных партий, дать сравнительный анализ структур военных организаций большевиков и оппозиционных им партий,[4] хотя различия между действующей армией и тыловыми гарнизонами остались исследователями незамеченными.

По мнению автора, публикации 20-х годов по истории Первой мировой войны и Революции 1917 года следует рассматривать не только как работы, позволяющие восстановить фактическую сторону событий, но и характеризующие умонастроения различных их участников, субъективные устремления и мотивы, которыми руководствовались политические деятели. Не случайно Н. Суханов предупреждал: «Кто будет писать историю, а не мемуары, подобно мне, ... должен будет устремить свое главное внимание на процессы, происходившие в недрах народных масс. Остальное было эфимерно, преходяще и бесследно, ... лишено всякого исторического значения».[5]

В 20-е годы выходят первые исторические труды по истории рабочего,[6] крестьянского[7] и солдатского[8] движений в годы войны, содержавшие обширный фактический материал и выводы, характеризующие отношение к войне и социаль-

---

[1] Ахун М.И., Петров В.А. *Царская армия в годы империалистической войны.* М., 1929; *Быстрянский* В.А. *Армия* империализма и армия революции: война империалистическая и война революционная. Пг, 1919; Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927; Шкловский В. Революция и фронт. Пг., 1921; Эйдеман Р., Меликов В. Армия в 1917 г. М.-Л., 1927.

[2] Буйский А. Военная подготовка Октября. М.-Л., 1927; Ильин-Женевский А.Ф. От Февраля к захвату власти. Л., 1927; Кин Д. Война и Февральская революция. М., 1924; Мазаис Д. Военная организация XII армии // Пролетарская революция. 1922. №8; Разложение армии в 1917 году. М.-Л., 1925; Рабинович С.Е. Борьба за армию в 1917 г. М., 1930 и др.

[3] Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С.78.

[4] Военный вопрос в программе и тактике ВКП(б) до октября 1917 года. Л., 1931; Кальницкий Я. От Февраля к Октябрю: Сб. статей. М., 1923; Рабинович С.Е. Большевистские военные организации в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. 6-7; Семенов Г. (Васильев) Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1918 гг. М., 1922; и др.

[5] Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-х т. М., 1992. Т.3. Кн.6. С.145.

[6] Балабанов М. От 1905 к 1917 году. Массовое рабочее движение. М.-Л., 1927; Вардин Ил. Российский пролетариат и мировая война. М., 1924; Рабочее движение в 1917 году. М.-Л., 1926; Флиер М.Г. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. М.-Л., 1926 и др.

[7] Война крестьян с помещиками в 1917 г. (Воспоминания крестьян). М., 1926; Крастынь Я. Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны (1914-1916). М., 1932; Крестьянское движение в 1917 году. М.-Л., 1925 и др.

[8] Крыленко Н. Февральская революция и старая армия // Пролетарская революция. 1927. №2-3; Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927; Оськин Д. Записки солдата. М., 1929; Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны: Воспоминания рядового. Л., 1926; Силгонов Т. Четыре месяца борьбы на Юго-Западном фронте. Харьков, 1922; Солдатские письма 1917 года. М.-Л., 1927; Чемоданов Г.М. Последние дни старой армии. М., 1926 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ную активность рассматриваемых общественных групп. В работах по истории рабочего движения, вышедших в этот период, содержался ряд принципиальных оценок позиции рабочего класса в годы войны, расходившихся в значительной мере с ленинскими характеристиками. Так, Д. Баевский отмечал, что «оборончество» вполне созрело в рабочем движении (как и «пораженчество») к осени 1915 года.[1] Важные наблюдения об отдельных составляющих массового политического сознания петроградского пролетариата, в частности отношения к Первой мировой войне в начальный ее период, были даны в труде члена Русского бюро ЦК РСДРП(б) А.Г. Шляпникова. Переход немецких социал-демократических вождей на сторону своего правительства привел к тому, пишет А. Шляпников, что «у широких, идущих за социал-демократами рабочих кругов, появлялись идеи «не быть для России хуже, чем немцы для Германии».[2] В монографии Я. Крастыня содержится обширный фактический материал, характеризующий разнообразные формы и мотивы социального протеста крестьян в 1914 – 1916 годах и проливающий свет на некоторые стороны их массового сознания (автор интерпретировал содержание широко распространявшихся слухов, писем и т.п.).[3]

Рассматриваемый период историографии характерен и тем, что появились первые исторические труды, в которых делалась попытка рассмотреть факторы, влияющие на массовое политическое сознание действующей армии, и механизм такого влияния со стороны политических партий.[4] Однако даже в такой крупной работе, как «История ВКП(б)» под редакцией Е.М. Ярославского, в качестве важнейшей причины, обусловившей распространение «революционного оборончества» в политическом сознании масс, в том числе и армейских, выделена подрывная деятельность соглашателей, которые «... эксплуатировали в свою пользу всеобщее опьянение и демократические иллюзии».[5]

Исследователи не обошли своим вниманием и психологические аспекты массового сознания и поведения.[6] И если В.М. Бехтерев, описывая механизм поведения «человека толпы», незаметно пересказывал идеи Г. Лебона,[7] то С. Любош

---

[1] Баевский Д. Партия в годы империалистической войны // Очерки по истории Октябрьской революции. М.-Л., 1927. Т.1 С.348.
[2] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. 2-е изд., испр. М.-Пг., 1923. Ч.1.
[3] См.: Крастынь Я. Указ. соч.
[4] Блументаль Ф.Л. Буржуазная политработа в мировую войну 1914-1918 гг. Обработка общественного мнения. М.-Л., 1928; Кандидов Б. Религия в царской армии. М., 1929; Рабинович С.Е. Армейская печать в борьбе за армию // Война и революция. 1927. №10-11; Он же. Борьба за армию в 1917 г. Очерки партийно-политической борьбы и работы в армии в 1917 г. М.-Л., 1930 и др.
[5] История ВКП(б). Т.IV. М.-Л., 1925. С.75.
[6] Войтоловский Л.Л. Очерки коллективной психологии. В 2-х ч. Ч.1. Психология масс. М., 1924; Изместьев П.И. Очерки по военной психологии. (Некоторые основы тактики и военного воспитания). Пг., 1923 и др.
[7] Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921. С.76.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

отмечал, что «многое в психике переживает всякие революции, ... переживает многие бытовые навыки, переживает религиозные традиции, переживает и монархические чувства и настроения».[1]

В целом на исторических трудах начала 20-х годов лежит печать агитационности, запальчивости, некоторой примитивности, но в этих очень заостренно полемических работах все же относительно верно представлены намерения и действия не только большевиков, но также их временных союзников и противников. При Ленине, которому не приходилось бороться за власть, ибо он был как бы «вне конкуренции», историк мог себе позволить относительную правдивость в изложении фактов. Именно в этом сожительстве и в этой конкуренции весь секрет «свободомыслия» двадцатых годов. Историческая ценность литературы этих годов в том, что она создавалась, в основном, активными участниками тех событий и ее научный потенциал до сих пор далеко не исчерпан.

Вместе с тем, к концу 20-х годов воздействие идеологических установок, одиозные оценки событий Первой мировой войны и Революции 1917 года стали проявляться более отчетливо. Во главу угла методологии советской исторической науки был поставлен принцип партийности. Это приводило не только к субъективистской трактовке, но, порой, прямой фальсификации прошлого, резко сужало поле зрения историка, толкало его на путь апологетики результатов борьбы пролетариата и «завоеваний» социализма.

Письмо И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма»[2] в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 году положило начало новому этапу в развитии советской историографии. Подвергнув жесткой критике ряд историков, Сталин выдвинул требование создать новую концепцию истории партии, которая соответствовала бы его установкам. Тем самым из советской исторической науки стала изгоняться одна из ее главных движущих сил – плодотворная дискуссия. Эта тенденция скоро нашла свое продолжение. В конце 1931 – начале 1932 года «гнусным троцкистским пасквилем на Ленина, на партию» были названы мемуары А.Г. Шляпникова, а сам мемуарист подвергся проработке на Оргбюро ЦК ВКП(б). Ему инкриминировались анархо-синдикалистские взгляды, скрытый

[1] Любош С. Последние Романовы. М.-Л., 1924. С.283.
[2] См.: Сталин И.В. Соч. Т.13. С.84-102.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

меньшевизм и ползучий троцкизм. Автору рекомендовано было мемуары сжечь, а самому «учиться у Сталина».[1]

В 30-е годы преимущественное значение приобрело изучение истории большевистской партии. Революцию предполагалось интерпретировать теперь как волюнтаристский акт партии, сумевшей прозорливо разглядеть ведущую закономерность истории, заключающуюся в том, что именно России в одиночку суждено построить социализм. Показательно, к примеру, что, если ранее Февральская революция никогда не именовалась «буржуазно-демократической»,[2] то в 1938 году, еще до «Краткого курса», появилось это определение,[3] которое имеет упорное хождение до наших дней. Все вышеизложенное было канонизировано в вышедшим массовым тиражом в 1938 году «Кратком курсе истории ВКП(б)»,[4] издававшемся на 48 языках, общим тиражом 16,2 млн. экземпляров.[5] Он фактически подменил гражданскую историю российского общества партийно-большевистской, написанной с позиции культа личности Сталина. В историографии произошла сакрализация исторической роли Ленина-Сталина – двух вождей Октября, демонизация и карикатуризация всех их политических оппонентов.

Вместе с тем, существенно снизился, по сравнению с предшествующим периодом, объем публикации источников[6] и научных работ, посвященных истории Первой мировой войны. Издавались, в основном, лишь обобщающие труды по ее истории, работы пропагандистского характера[7] и, как единичные случаи, – статистического.[8] Ослабло внимание историков к проблемам армии[9] и революционного движения[10], хотя их интерес к этим вопросам не был утрачен полностью.

---

[1] См.: Гнусный пасквиль на партию. Документы ЦК ВКП(б) о воспоминаниях А.Г. Шляпникова «Семнадцатый год» // Исторический архив. 1997. - №2. С.102-104, 111, 119.
[2] См.: Пионтковский С. Февральская революция (Политический очерк). Л., 1925.
[3] См.: Кучкин А. Февральская буржуазно-демократическая революция. М., 1938.
[4] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). М., 1938-55 гг.
[5] Цифры о печати СССР. М., 1967. С.43.
[6] Большевики Петроградского гарнизона в 1917 г. М., 1932; Большевистская фракция IV Государственной думы. Сб. материалов и документов. М., 1938; Документы великой пролетарской революции. В 2-х т. М., 1938; Документы о немецких зверствах в 1914-1918 гг. М., 1942; Листовки Московской организации большевиков 1914-1920 гг. М., 1940; Листовки петербургских большевиков 1902-1917 гг. Л., 1939. Т.2 и др.
[7] Альтман В. Двадцать пять лет первой мировой империалистической войны 1914-1918 гг. М., 1939; Гаврилов М. Первая мировая империалистическая война (1914-1918). Научно-популярный очерк. Куйбышев, 1939; Зайончковский А. Мировая война 1914-1918. В 3-х т. М., 1938; Илюкович М.А. Первая мировая империалистическая война. Л., 1934; Покровский М.Н. Империалистическая война. Сборник статей. М., 1934 и др.
[8] Мировая война в цифрах. М., 1934.
[9] Армия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Красный архив. 1937. №5; Кизрин И.Г. Распад старой армии. Воронеж, 1931; Чаадаева С.Н. Армия накануне Февральской революции. М.-Л. 1935.
[10] Кучкин А. Февральская буржуазно-демократическая революция. М., 1938; Минц И.И. Империалистическая война и вторая русская революция. М., 1940; Ярославский Е. Международное значение Октябрьской революции. М., 1934 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

«Враги народа» были вычеркнуты из истории, невзирая на любые их революционные заслуги. Характеризуя историографию 30-50-х годов, можно говорить лишь об отдельных монографиях и статьях научно-популярного характера, которые исключительно фрагментарно освещали деятельность политических противников большевиков,[1] в том числе и в действующей армии. Считалось, что работу в армии вели только большевики.[2] История же самого большевизма преподносилась в духе его неизменной правоты и безошибочности действий. Исторический путь партии раскрывался как постоянно и неизменно победоносный, движение по которому изображалось в виде постоянно восходящей вверх экспоненты.[3]

Продолжилось изучение ряда вопросов: массовых выступлений крестьянства в период мобилизации, большевистской печати, рабочего движения,[4] факторов, влияющих на массовое политическое сознание действующей армии.[5] В литературе этого периода утвердился вывод об отрицательном отношении к войне подавляющей части крестьянства.[6] По нашему мнению, хотя выступления мобилизованных, проходившие в форме стихийных погромов, и содержали социальные мотивы, однако они не имели антивоенного характера, как это утверждал А.Б. Беркевич.[7]

Отдельные стороны политического сознания обозначены в тщательно откорректированных сборниках солдатских писем,[8] а рассмотрение действий солдат было загнано в рамки схемы «партия – армия – революция», где воинам надлежало действовать по указке большевиков, а не командования. Всякий расхристанный солдат, допустивший грубость или насилие по отношению к офицеру в 1917 году, имел шанс попасть в ряды «сознательных», даже пьяное буйство солдатских толп могло быть отнесено в разряд так называемого революционного творчества. Вовсе

---

[1] Агарев А. Борьба большевиков против мелкобуржуазной партии эсеров // Пропагандист. 1939. №16; Буржуазия и помещики в 1917 году: Частные совещания членов Государственной Думы. Л., 1932; Гришин П.П. Меньшевики и Октябрьская революция. М.-Л., 1932; Черменский Е.Д. Кадеты накануне Февральской буржуазно-демократической революции // Исторический журнал. 1941. №3 и др.

[2] Илюкович М.А. Военная политика ВКП(б) в годы империалистической войны. Л., 1934; Ионов А. Борьба большевистской партии за солдатские массы Петроградского гарнизона в 1917 г. М., 1954; Шелюбский А. Большевистская пропаганда и революционное движение на Северном фронте накануне 1917 года // Вопросы истории. 1947. №2 и др.

[3] Рубинштейн Н. Большевики и Учредительное собрание. М., 1938; Ярославский Е.И. Партия большевиков в период империалистической войны. Вторая революция в России. (1914 – март 1917 гг.). М., 1946 и др.

[4] Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т.23; Романов Ф.А. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции (1914 – февраль 1917 г.). М., 1949 и др.

[5] Василенко Б.О. Офицеры в рясах. М., 1933; Гапоненко Л.С. Борьба солдат Западного фронта за победу Советской власти // Установление Советской власти на местах в 1917-1918 годах: Сборник статей. М., 1953; Шелюбский А. Большевистская пропаганда и революционное движение на Северном фронте накануне 1917 года // Вопросы истории. 1947. №2.

[6] Беркевич А.Б. Указ. соч. С.43.

[7] Там же. С.8.

[8] Ильин-Женевский А.Ф. Почему солдаты и матросы стали под знамена Октября / Письма солдат и матросов в редакции большевистских газет 1917 г. Л., 1933; Солдатские письма в годы мировой войны (1915-1917гг.) // Красный архив. М., 1934. Т.4-5; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

не случайно один солдат в полной уверенности в своей правоте в сталинские годы похвалялся тем, как он угрожал несогласным с ним револьвером на открытии I-го Всероссийского крестьянского съезда.[1]

Историческая наука в 30-50-е годы не требовала ничего, кроме слепой или фиктивной веры, и являлась инструментом не научного познания, а политики, когда возобладало политическое мифотворчество, намеренно не считавшееся с источниковой базой. Сталинизм как идеология тоталитарного общества привел к грубой фальсификации истории. Более того, все это можно назвать даже не фальсификаторством, а мистификаторством.

Следующий этап историографии проблемы (середина 50-х-середина 80-х годов) характеризуется значительным расширением источниковой базы исследований, массовой публикацией многотомных сборников документов по военно-революционному периоду,[2] в том числе связанных с действующей армией.[3] Только с 1956 по 1966 годы исследователями было введено в научный оборот около 26 тыс. новых документов по истории Октябрьской революции.[4] Сквозь призму критики «буржуазных фальсификаторов» появились незначительные шансы ознакомиться со взглядами западных историков на Первую мировую войну и Революцию 1917 года в России, влияние политических партий на массы.[5]

Ощутимые перемены в этой области происходили не сразу, а постепенно и не всегда поступательно. С середины 50-х годов прошла недолгая волна романтизации. Утверждение направленного фальсификаторства следует вести с начала 70-х годов. В 80-е годы предприняты попытки создания «обобщающих» работ по истории «трех революций», которые уперлись в утверждение «всеобъясняющей» роли большевистской партии в революционном процессе.[6] Концепции «Краткого

---

[1] См.: Оськин Д.П. Записки прапорщика. М., 1931. С.163.

[2] Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. В 10-ти т. М., 1957-1963; Декреты советской власти. В 10-ти т. М., 1957-1976; Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917. Сб. документов. М.-Л., 1965; Партия большевиков в годы мировой империалистической войны. Вторая революция в России (1914 – февраль 1917 г.): Документы и материалы. М., 1963; Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1914 – февраль 1917 г. М., 1958; Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957; Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958 и др.

[3] Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сб. документов. М., 1977; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 года – март 1918 года. Сборник документов. М., 1977; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 – март 1918 г. Сб. документов. М., 1982; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 года – март 1918 года. Сб. документов под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1973; Революционное движение в русской армии 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сб. документов под ред. Л.С.Гапоненко. М.,1968; Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 гг. Сб. документов. М., 1966 и др.

[4] См.: Партии и Великий Октябрь: Историографический очерк. М., 1976. С.158.

[5] Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории: Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; Исторический опыт Великого Октября и критика буржуазной историографии. М., 1977; Красин Ю.А. «Социология революции» против революции. М., 1966; Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983; Соболев Г.Л. Октябрьская революция в американской историографии, 1917-1970 годы. Л., 1979 и др.

[6] См., напр.: Исторический опыт трех российских революций. В 3-х кн. М., 1987.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

курса» был нанесен существенный урон, однако преодолеть ее полностью не удалось, поскольку оставались обширные области, запретные для исследования.

Во второй половине XX века тема Первой мировой войны оставалась на периферии советской историографии. Как и прежде, ее сильно теснила ленинская тематика, а также история большевистской партии и Великого Октября. Великая война рассматривалась исключительно через догматическую призму всего лишь как «могучий дирижер и ускоритель» революционных процессов, как необходимый исторический фон для жизни и деятельности В.И. Ленина и его соратников в борьбе за победу нового общественного строя.[1] Так, к примеру, совершенно традиционно для советской исторической науки построен двухтомник под редакцией И.И.Ростунова.[2] Осмыслению социально-политического развития российского общества в годы войны и формированию новых направлений научных поисков в рамках советской историографии способствовали выход в свет обобщающих многотомных работ по истории СССР, Октябрьской революции, сборников статей по проблемам Первой мировой войны, а также обсуждения и материалы научных конференций, приуроченных к ее годовщинам.[3]

В этот период появились крупные исследования, раскрывающие динамику революционного процесса в России с начала Первой мировой войны с точки зрения победителей-большевиков, где в определенной степени нашли отражение вопросы их политической борьбы с другими партиями, в том числе и за армию.[4] С середины 50-х годов вновь на первый план вышел пролетариат со своими «союзниками»,[5] но он почти полностью рассматривался как объект управления сверху. Если говорить о трехтомной работе И.И. Минца, то ее можно охарактеризовать как простое обобщение фактического материала, в том числе и по действующей армии отнюдь не столь жестко втиснутого в утвердившиеся догматы.

Наиболее ярким явлением советской историографии стала деятельность представителей так называемого нового направления – Н.К. Тарновского, П.В. Волобуева, А.М. Анфимова, А.Х. Бурганова и др. Его представители отважились ду-

---

[1] Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября. 1917 – середина 30-х годов. Очерки. М., 1981; Очерки по истории исторической науки в СССР. М., 1985; История Советской России: новые идеи, суждения. Тюмень, 1993; Советская историография. М., 1996 и др.
[2] История первой мировой войны 1914-1918 гг. В 2-х т. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1975.
[3] История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12-ти т. М., 1968. Т.6; Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х т. М., 1967; Первая мировая война. М., 1968 и др.
[4] Бурджалов Э. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Переферия. М., 1971; Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 году М., 1964; История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. М., 1966-1968. Т.2-3; Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х т. М., 1977-1979 и др.
[5] См.: Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930-1960-е годы. Очерки. М., 1982. С.103-110.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мать независимо от догмы и мифа, отказались от слепой веры в «Великий Октябрь», но их новаторские усилия оказались прерванными административным нажимом «сверху».[1]

По мере отхода исследователей от догм в условиях инерционного господства «принципа партийности» пробудился массовый интерес исследователей к противникам большевизма, воплотившийся в разработке истории «непролетарских» партий.[2] Стали рассматриваться и такие проблемы, как позиция буржуазных кругов по отношению к войне, к царскому правительству, идейно-политические установки либеральных партий, их взаимоотношения с крайне правыми и революционными организациями.[3] В конце 70-х – начале 80-х годов состоялись научные конференции,[4] на которых анализировались и обсуждались многие аспекты деятельности буржуазных и мелкобуржуазных партий в период от Февраля к Октябрю. Это позволило сосредоточить внимание ученых на отношении буржуазных и мелкобуржуазных партий к таким важнейшим вопросам как власть и армия, аграрный и национальный вопросы, вопросы войны и мира. За 20 лет к началу 80-х годов из печати вышло около 40 работ и более 400 статей, посвященных в той или иной мере политическим партиям.[5] Вместе с тем, историки унаследовали от своих предшественников традиции определенной предвзятости по отношению к политическим противникам большевиков.

Историческая литература середины 50-х – середины 80-х годов представлена огромным массивом исследований о завоевании большевиками на свою сторону действующей армии в целом[6] и отдельных фронтов и армий.[1] Результаты совет-

---

[1] Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991; Интервью с академиком П.В. Волобуевым // Отечественная история. 1997. №6.

[2] Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973; В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Гусев К.В. Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982; Гусев К.В., Полушкина В.А. Стратегия и тактика большевиков в отношении непролетарских партий. М., 1983; Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М., 1979; Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма: Борьба партии большевиков против анархизма. 1917-1922 гг. М., 1974; Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984; Подболотов П.А. Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975; Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917-1918 г.). М., 1968; Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.). М., 1968 и др.

[3] См.: Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1986; Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967; Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль-октябрь 1917 г.). М., 1982.

[4] Банкротство мелкобуржуазных партий в России, 1917-1922 гг. Ч.1,2. М., 1977; Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями: Матер. конфер. М., 1983; Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны: Матер. конфер. М., 1982; Великий Октябрь и непролетарские партии: Матер. конфер. М., 1982 и др.

[5] Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны: Матер. науч. симпозиума. М., 1980. С.40.

[6] Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969; Борьба большевиков за армию в социалистической революции. М., 1977; Военно-боевая работа партии большевиков. 1903-1917 гг. М., 1973; Гаврилов Л.М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции. (Действующая армия). М., 1963; Гарькавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции: военная работа большевистской партии в период подготовки и проведения Февральской

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ских историков в разработке военно-революционной проблематики нашли свое отражение и в историографической литературе.[2] В этих работах стали более заметными, хотя еще и фрагментарно, проблемы борьбы большевиков с другими партиями за массовое политическое сознание действующей армии, число издаваемых партийных газет различной политической ориентации и другие сведения, но данных о деятельности самих партийных организаций в действующей армии встречается крайне мало. Так, П.А. Голуб в одном из своих исследований отмечал, что «стремясь закрепить идейное влияние в войсках организационно, партии меньшевиков и эсеров усиленно насаждали там свои военные организации», а несколько далее уже указывал, что «меньшевикам, несмотря на все их усилия, вообще не удалось создать в армии массовых военных организаций»,[3] чем противоречит не только сам себе, но и исторической действительности.

В указанное время, как в материалах конференций, так и в исторической литературе впервые появляются специальные научные доклады и статьи, в которых рассматриваются отдельные стороны деятельности политических противников большевиков в армии, их взгляды на вопросы войны и мира, перспектив развития страны. [4] Они, бесспорно, заслуживают внимания. В то же время для названных работ характерно отсутствие системного анализа программных взглядов политических партий по военным вопросам, не отражается работа их центральных военных органов, не дается всесторонняя характеристика организационной структуре армейских партийных ячеек. Существенным недостатком исследований, рассматривающих влияние политических партий на массовое сознание действующей армии была сама формула типа «борьба партии за армию», что делало армию лишь объ-

---

буржуазно-демократической революции 1917 года. Л., 1972; Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967; Капшуков С.Г. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны. (1914-март 1917 гг.). М., 1957; Миллер В.И. Солдатские комитеты в русской армии в 1917 году. (Возникновение и начальный период деятельности). М., 1974; Панкратов Н.Р. Разработка В.И. Лениным военной программы пролетарской революции. М., 1980; Партия и армия. М., 1980; Революционное движение в русской армии 1917 г. Сб. статей. М., 1981 и др.

[1] Капустин М.И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957; Смольянинов М.М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. Минск, 1981; Стеклов П.А. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. 1914-1917 гг. Тбилиси, 1969; Френкин М.С. Революционное движение на Румынском фронте. 1917-март 1918. Солдаты VIII армии за мир и власть Советов. М., 1965 и др.

[2] Смольников А.С. Армия победившей революции: Советская историография большевизации армии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977;Шестаков В.С. Историография деятельности большевистской партии в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1977 и др.

[3] Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.54-55.

[4] Миллер В.И. Военные организации меньшевиков в 1917 г. // Банкротство мелкобуржуазных партий России, 1917-1922 гг.: Сб. науч. трудов: В 2-х ч. Ч.1. М., 1977; Протасов Л.Г. Армия в политических концепциях меньшевиков и эсеров в 1917 г. // Непролетарские партии в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Матер. конфер. М., 1982; Якупов Н.М. Армия и политические партии России // Борьба за армию в 1917 году. (Деятельность большевиков в прифронтовых округах). М., 1975.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ектом борьбы, отводя ей, в общем, достаточно пассивную роль, хотя борьба за армию прежде всего шла в самой армии.

В отдельных трудах армия рассматривается уже как социальный организм, имеющий свою структуру и, соответственно ей, социальные различия внутри ее,[1] сделаны попытки обозначения отдельных сторон массового политического сознания действующей армии. Эти проблемы нашли свое эпизодическое отражение и в ряде диссертаций.[2]

Начиная с 60-х годов обнаруживается интерес исследователей к изменениям массового политического сознания в предреволюционный и революционный периоды.[3] По утверждению И.И. Минца, «война пробуждала к активной деятельности и буквально выталкивала массы на арену политической борьбы»,[4] а А.Я. Аврех считал одной из существенных предпосылок падения монархии – «психологический надлом господствующего класса и той же бюрократии».[5]

Однако приоритетными для историков, изучавших предреволюционный и революционный периоды, стали проблемы формирования «социалистической морали» и «социалистического сознания» трудящихся, исходя из марксистских представлений о классовой природе морали, о пролетариате как носителе морали нового, высшего типа. При этом В. Лаверычев явно преувеличивал уровень политического сознания пролетариата,[6] Г.Иоффе не принимал во внимание монархические настроения в крестьянской среде.[7]

В условиях действия этой господствующей тенденции в середине 60-х – середине 80-х годов появились работы, содержавшие не только ценный фактический материал, но и нетрафаретные выводы и оценки состояния духовного облика, массового сознания рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой вой-

---

[1] Витман К.Н. Деятельность большевиков по революционизированию солдатских масс национальных формирований в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. Дис... канд. ист. наук. Одесса, 1985.

[2] Акимов Ф.И. Большевики Украины в борьбе за солдатские массы царской армии в годы первой мировой войны (1914-март 1917). Дис... канд. ист. наук. Одесса, 1977; Гаврилов Л.М. Солдатские массы действующей армии в борьбе за власть Советов. Дис... докт. Ист. Наук. М., 1987; Глют В.П. Большевистские организации Северного фронта в борьбе за власть Советов (март-ноябрь 1917 г.): Дис... канд. ист. наук. Л., 1973; Смольянинов М.М. Социалистическая революция на Западном фронте (июль-ноябрь 1917 г.): Дис... канд. ист. наук. Минск, 1977; Ткачук А.Г. Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне и в период Великого Октября. (1916-февраль 1918). Дис... докт. ист. наук. Львов, 1968.

[3] Дилигенский Г.Г. Феномен массы и массовые движения. Социально-политические аспекты // Рабочий класс и современный мир. 1987. №3; Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М., 1966; Рахманин В.С. Общественная психология и революционный процесс. Воронеж, 1987.

[4] Минц И.И. Указ. соч. Т.1. С.341.

[5] Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С.246.

[6] Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917 гг.). М., 1972. С.310.

[7] См.: Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ны и Революции 1917 года.[1] Они принадлежали, в основном, представителям так называемого нового направления в историографии, возникшего на рубеже 60 – 70-х годов Так, его ведущий представитель П.В. Волобуев в своей фундаментальной монографии пришел к выводам, что в период войны влияние большевиков на пролетариат ослабло, а меньшевиков и эсеров на волне оборонческих настроений усилилось, что к 1917 г. «произошло понижение общего уровня сознательности пролетариата».[2] Целый ряд новаторских подходов к анализу источников и объективных оценок социального поведения и сознания рабочих содержал сборник «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония».[3]

История идейной борьбы по проблемам войны, мира и революции в рабочем движении и социалистических партиях России была исследована в трудах С.В. Тютюкина.[4] Они содержали ряд важных в историографическом отношении оценок и выводов, свидетельствовавших о развитии исследовательских подходов советских историков к проблеме отношения к войне социальных и политических групп российского общества. Глубокой представляется и характеристика сути идейной борьбы по проблемам войны, мира и революции как столкновения двух начал, первооснов современной общественной жизни: национального и социального. [5] Однако, в тот период его неординарные суждения не могли получить развития.

А.П. Носков в работе, посвященной анализу революционного сознания рабочих в 1917 году, рассмотрел проблему трансформации положений социалистической идеологии в сознании масс. Автор фактически подошел к пониманию инерционной природы устойчивых поведенческих структур сознания, «привычек» мышления, отмечая, что положительное отношение к идеологии проявляется у масс как вера в положения этой идеологии, которую они усваивают в виде лозунгов. [6]

Широкую палитру взглядов, настроений и представлений масс в период Революции 1917 года показал Г.Л. Соболев, проанализировавший значительный мас-

---

[1] См.: Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства (Прошлое и настоящее). М., 1983; Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970; Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (период двоевластия). Л., 1973; Шишкин В.Ф. Революционное настроение масс в преддверии Октября // История СССР. 1977. №3 и др.

[2] Волобуев П.В. Указ. Соч. С.40-41.

[3] См.: Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970.

[4] Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России 1914-1917 гг. М., 1972; Он же. К вопросу о революционном шовинизме в годы первой мировой войны // Первая мировая война. 1914-1918 гг. М., 1968. С.254-268 и др.

[5] Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России 1914-1917 гг. М., 1972 С.85, 246.

[6] Носков А.П. О взаимодействии теоретического и обыденного сознания при формировании политических убеждений трудящихся в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып.1. 1973. №1. Новосибирск, 1973. С.123, 121, 124.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сив писем рабочих, солдат и крестьян в центральные органы Советов. Им выявлены тенденции эволюции массовых представлений и настроений трудящихся в 1917 году, сохранение многочисленных элементов архаики в их сознании и психологии: веры в «хорошего» царя, обожествления носителей верховной власти, широкого распространения религиозных верований и религиозного мировосприятия и т.д.[1]

В конце 50-х – начале 60-х годов появляются первые специальные работы о Брестском мире, выходе Советской России из Первой мировой войны.[2] В советской историографии на долгие годы (практически до конца 80-х годов) утвердился тезис о борьбе В.И. Ленина за заключение Брестского мира как единственном пути выхода России из империалистической войны и завоевания предпосылок для строительства ее народами мирной жизни. Позиции же других политических сил, а также социальных групп населения по отношению к заключению договора практически не рассматривались.

Отдельные составляющие массового политического сознания действующей русской армии, в частности, отношение к власти, революции, вопросам войны и мира частично рассматривались в работах Е.В. Коникова, Н.М. Якупова, статье Н. Ерушева.[3] В соответствии с господствующей доктриной, Э.Бурджалов, на наш взгляд неоправданно, однозначно констатировал монархические настроения у генералитета, офицерства, священников и единодушие солдатских масс, населения столицы в отрицании царизма.[4]

В историографии рассматриваемого периода большое внимание уделялось фактологическому насыщению той или иной политико-идеологической парадигмы исторического процесса конкретными фактами, что приводило к одностороннему, неадекватному освещению событий. Советские историки исследовали не социально-политическую историю (в широком смысле историю людских взаимосвязей), а всего лишь историю «классов», и лишь в той мере, в какой их «сознательные» действия подтверждали «закономерность» утверждения у власти большевиков. При этом основным методом доказательства различных точек зрения в качестве главных аргументов выступали не факты, полученные в результате конкретно-

---

[1] Соболев Г.Л. Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. С.166-171.
[2] См.: Темкин Я. Большевики в борьбе за демократический мир (1914-1918 гг.). М., 1957; Чубарьян А.О. Брестский мир. М., 1964 и др.
[3] Ерушев Н. Солдаты идут за большевиками. (О роли партии в формировании революционного сознания солдатских масс) // Военный вестник. 1968. №2; Коников Е.В. Борьба большевиков за демократический мир среди солдат действующей армии, март 1917 – март 1918 гг. Саратов, 1981; Якупов Н.М. Революция и мир. (Солдатские массы против империалистической войны. 1917-март 1918 гг.). М., 1980.
[4] См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

исторических исследований, а соответствие этих фактов тем или иным высказываниям основоположников марксизма-ленинизма.

Концептуальные поиски советских историков не могли тогда получить своего логического завершения, не выйдя за рамки «прокрустова ложа» марксистской методологии. Последнее по политическим и идеологическим причинам было практически невозможно. Как справедливо заметил А.К.Соколов, «официальная история, лишенная противоречий, внутреннего напряжения, коллизий и многоцветья, пришла в вопиющее несоответствие с жизненными реалиями».[1] Такая историография, не верящая в собственные силы и возможности, была обречена на исследовательский застой, вялость методологических установок, не говоря уже об отсутствии эвристического компонента. С началом краха коммунистического режима ничто не могло предотвратить умирания подобной историографии, что и случилось, однако, доминирование политического начала над научным, усиление административного нажима на историков в начале 80-х годов привело к значительному снижению теоретического уровня исследований, вплоть до частичного возрождения одиозных оценок 30-х годов, что нашло свое отражение и в литературе даже второй половины 80-х годов.[2]

Результаты диссертационного исследования позволяют утверждать, что в то же время в науке был накоплен, проанализирован и прокомментирован огромный пласт источников, совокупность которых в определенной мере отражала всю сложность, противоречивость и неоднозначность общественного развития. Поэтому историческая литература конца 50-х - середины 80-х годов (ее лучшие образцы) не потеряла своего значения и может быть, по нашему мнению, использована в научных исследованиях.

В середине 80-х годов начался новый этап в развитии отечественной исторической науки. В научный оборот вовлекается огромный комплекс новых, ранее неизвестных, а порой и недоступных документов,[3] в том числе многочисленные источники личного происхождения – дневники,[4] воспоминания и мемуары.[1] Были

---

[1] Соколов А.К. Указ. соч. С.40.
[2] Великий Октябрь и защита его завоеваний. В 2-х т. М., 1987; Исторический опыт трех российских революций. В 3-х кн. М., 1986-1987; Октябрьская революция: вопросы и ответы. М., 1987 и др.
[3] Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25-26 октября 1917 г.). Сборник документов и материалов. М., 1997; Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Записи заседаний и переписка. СПб., 1999; Учредительное Собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991; Февральская революция. 1917. Сборник документов и материалов. М., 1996 и др.
[4] Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992; Дневники императора Николая II. М., 1992; Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990; Пришвин Н.Н. Дневники. 1918-1919. М., 1994; Пуришкевич В.М. Дневник. М., 1990; Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991; Фрейлина ее Величества. Дневники и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сделаны серьезные попытки осмысления как советской историографической науки и ее наследия вообще,[2] так и рассматриваемого в диссертации периода.[3]

Демократизация советского общества вызвала поиск новых подходов к интерпретации исторического прошлого, отказ от догматических стереотипов, монополии одной идеологии и методологии, понимание многомерности, вариативности и противоречивости исторического развития, обращение к общечеловеческим, гуманистическим ценностям. Это способствовало созданию благоприятных условий для всестороннего исследования проблем политического, духовного и социального развития российского общества в годы Первой мировой войны, а также массового политического сознания действующей русской армии.

Во второй половине 80-х годов, в связи с либерализацией коммунистического режима в СССР, в рамках проводимой М.С. Горбачевым политики гласности и «демократизации», на основе синтеза идеологий западного неолиберализма, модернизированного консерватизма, европейской социал-демократии и еврокоммунизма начался ренессанс правого и центристского направлений российской историографии. Начало этому процессу положили доклады М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» 2 ноября и секретаря ЦК КПСС В.А.Медведева «Великий Октябрь и современный мир» 8 декабря 1987 года.[4] Начали с демонизации Сталина, затем с десакрализации Ленина, с восстановления исторического значения Л.Д.Троцкого,[5] с массовой публикации работ историков и философов эмигрантов второй волны. Часть историков открыто встала на путь резкой критики официального «марксизма-ленинизма» с позиций «нового прочтения Маркса», еврокоммунизма и европейской социал-демократии. Другие авторы сразу выступили с позиции западного неолиберализма и европейского модернист-

---

[1] Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик. СПб., 1994; Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает.... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993; Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990; Джунковский В.Д. Воспоминания. В 2-х т. М., 1997; Епанчин Н. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996; Катков Г.М. Февральская революция. М., 1995; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993; Князь Г.Е. Львов. Воспоминания. М., 1998; Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919. В 2-х кн. М., 1992; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 2002; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991 и др.

[2] Историческая наука в России в XX веке. М., 1997; Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999; Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996.

[3] Кудинова Н.Г. Отечественная историография революции 1917 года в России (1917-1995). Хабаровск, 1998; Шубин Н.А. Россия в первой мировой войне. Историография проблемы. (1914-2000). Дис... докт. ист. наук. М., 2001.

[4] Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции: Стеногр. Отчет. М., 1988. С.9-57; Великий Октябрь и современность. Великий Октябрь и мировое развитие. М., 1988. С.5-27.

[5] Историки отвечают на вопросы: Сборник. Сост. А.Н. Свалов. М., 1988; Историки спорят. 13 бесед / Под общей ред. В.С. Лельчука. М., 1989; Урок дает история. М., 1989; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ского консерватизма,[1] а часть бывших советских историков открыто перешла на антикоммунистические и антисоветские позиции.[2]

Сохранились и инерционные тенденции предшествующего периода, когда было решено создать новую многотомную «историю КПСС». После того, как крах КПСС стал свершившимся фактом, начался период историографического прожектерства, связанного с поиском истинных «героев», заполнением «белых пятен» и «черных дыр», игрой в «альтернативы» Октябрю. К числу важнейших причин, препятствующих развитию свободной критики в начальный перестроечный период и сохраняющих, отчасти, свою силу и поныне, можно отнести: внутреннюю самоцензуру, историографическую традицию, привычку следовать партийному руководству, многолетнюю изоляцию от мировой научно-исторической мысли и другие.

Именно представители этого самого многочисленного советского историографического отряда, лишившись методологической подпорки в виде многотомника «исторических» решений КПСС и основной источниковой базы в лице ленинских произведений, когда главным критерием научности являлась партийность, инициировали истерию «кризиса исторической науки» в бывшем СССР, считая, что он охватил все ее стороны – историософию, теорию, методологию, методику, историографию. То, что случилось далее, менее всего похоже на кризис исторической науки[3] (который известного рода авторами воспринимается как ее крах.) На наш взгляд, современное состояние российской историографии можно квалифицировать не как кризис, а как перелом, подобный произошедшему после Октября 1917 года.

По мере либерализации советского общества официальная историография постепенно стала отходить от канонов марксизма-ленинизма. В конце восьмидесятых появляются многочисленные публикации,[4] авторы которых резко расходятся с предшествующей традицией, иначе оценивая историческую роль и значение Революции 1917 года в мировых событиях XX века. С этого же времени в общественном сознании значительной части населения страны с подачи отдельных средств массовой информации утвердились идеи «национальной катастрофы Октября 1917 года», ухода страны на семьдесят лет из «мировой цивилизации».

---

[1] Иного не дано: Судьба перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение в будущее. / Под ред. Афанасьева Ю.Н. М., 1988; 50/50: Опыт словаря нового мышления. / Под ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989 и др.
[2] Например: Чернышев С., Криворотов В. Мифы нашей революции // Литературная газета. 1990. №10-13; Капустин М.П. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1991 и др.
[3] Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). В 3-х т. Новосибирск, 1997-1999. Т.1. С.37.
[4] Историки отвечают на вопросы: Сборник. М., 1988; Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М., 1989; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Исчерпывающего ответа на вопрос о том, какие подходы к исследованию проблемы Первой мировой войны и Революции 1917 года доминируют сегодня, пока нет. Сложно уловить логику и темп разрушения прежних представлений, ибо этот процесс протекает преимущественно в эмоциональной сфере. В расчет не принимаются ни тенденции мирового развития, ни геополитическое положение нашей страны, ни специфические особенности российской цивилизации.[1]

Либеральный научный плюрализм в методологии дал широкий простор для появления и развития самых различных историографических подходов в решении вопросов Первой мировой войны и Революции 1917 года. Внутри этого направления развернулась широкая дискуссия.[2] Некоторые российские историки пытаются решить актуальные проблемы путем использования неофрейдистских методов, социокультурного подхода и имперских циклов российской истории.[3] Другие придерживаются постулатов антикоммунистической ортодоксии (Ю.А. Афанасьев), иные пытаются использовать неолиберальные идеи в рамках ускоренной модернизации России (А.А. Искендеров и др.). Часть историков-неолибералов дрейфует от постперестроечных подходов неомарксизма к либеральному официозу (Латышев А.Г., Соловьев О.Ф. и др.).

Следует отметить научную значимость исследований видных историков В.П. Булдакова, Г.А. Герасименко, В.В.Журавлева, В.В. Шелохаева и других.[4] В своих трудах они успешно решают сложные проблемы военно-революционного периода нашей страны с позиций глубокого научно-теоретического и историософского осмысления, используя новые методы исторических исследований, привлекая огромный массив архивных материалов. Большинство же исследователей занимаются решением локальных, узких, главным образом, партийно-политических проблем отечественной истории военно-революционного периода.[5] А.А. Арутюнов собрал и систематизировал весь негативный материал о В.И. Ленине, создав тем самым своеобразную «энциклопедию антиленинианы».[6] Появляется и масса публицисти-

---

[1] Афанасьев Ю. Моя фатальная Россия. Рассуждения: Историко-философский взгляд. Париж, 1992; Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; Искендеров А.А. Российская монархия, реформы и революция. // Вопросы истории. 1993. №3, 5, 7; 1994. №1, 6; 1999. №1, 9; Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике 20 века. М., 1998 и др.

[2] Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Кулешов С. Писать о Феврале навзрыд // Родина, 1996. - №2 и др.

[3] Булдаков В.П. Октябрьская революция: социокультурное измерение. М., 1998.

[4] Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 1995; Журавлев В.В. Революция сквозь призму интереса // Отечественная история. 1995. №4; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 и др.

[5] Алексеева И.В. Царизм, буржуазная оппозиция и союзники России по Антанте в годы Первой мировой войны (1914-февраль 1917 гг.). Автореф. д.и.н. СПб., 1992; Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы первой мировой войны. М., 1998 и др.

[6] См.: Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ческих поделок, авторы которых даже не скрывают, что их занимают не реалии истории, а конструирование антибольшевистского мифа.

Диссертант исходит из общих закономерностей утверждения антимифа о Первой мировой войне и Революции 1917 года. Настораживает, правда, то обстоятельство, что ликвидация так называемых «белых пятен» в истории России зачастую ведет к появлению «черных пятен», к новому искажению прошлого, к подмене главного – второстепенным, рационального – эмоциональным. При анализе прошлого ныне делаются попытки из одной крайности броситься в другую, не видеть в истории ничего кроме ошибок и черной краски. Получил широчайшее распространение и поиск альтернатив большевистскому перевороту и революционному процессу в целом. Не менее нелепой выглядят попытки применения к истории революционной России «тоталитарной» модели, что настойчиво отстаивается некоторыми авторами.[1]

Представляется, что на сегодняшний день попытки обновления методологической базы отечественной историографии, замкнувшись на замене «формационного» подхода «цивилизационным», применительно к истории Первой мировой войны и Революции 1917 года особых успехов не принесли.[2] Смена методологической парадигмы может быть успешной только при условии, если это опирается на новую (точнее, естественную) историческую иерархию. Последнее еще предстоит сделать.

Исследовательская мысль продолжает двигаться в русле политической истории, сохраняя традиции официально отмененной историко-партийной литературы, путем перескока от апологетики однопартийности к науке о многопартийности. И все же показательно, что к рубежу веков в отечественной историографии одна за другой стали выходить не привычные коллективные обобщающие труды, а крупные авторские работы с оригинальными концепциями отечественной истории, опирающиеся на новые методологии,[3] хотя лозунгом историков старшего поколения стало «наше непредсказуемое прошлое», за которым маячит тоска по былой методологической «определенности».[4]

---

[1] Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. №1.
[2] Ионов И.И. Теория цивилизации: этапы становления и развития // Новая и новейшая история. 1994; Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. №1; Семеникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994; Черняк Е.Б. Цивилизации и революции // Новая и новейшая история. 1993. №4.
[3] См., напр.: Миронов Б.М. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 1999.
[4] См.: Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М., 1995.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Самостоятельное значение приобрела социальная проблематика без классовой борьбы. В современной историографии определенное место заняла культурологическая интерпретация истории, предпринимаются попытки создать новую модель – историю процессов, а не событий, описать эволюцию структур, а не классовую борьбу. Интересный анализ культурогенеза России и социально-психологических предпосылок становления и гибели самодержавия проделал А.Н. Боханов, но его книги несколько тенденциозны и полны неточностей.[1]

Военно-революционная тематика находится в эпицентре общественно-политических дискуссий и стимулирует научные и методологические поиски исторической истины.[2] Определенные надежды на обновление отечественной историографии связываются и с объединением усилий российских авторов с западными (и с зарубежными вообще) историками.[3]

После событий августа 1991 года официальная советская историческая наука перестала существовать, трансформировавшись в современную российскую историческую науку,[4] где в качестве официоза доминируют историографические концепции в духе неолиберализма и неоконсерватизма, а ортодоксально-коммунистическое течение оказалось в оппозиции к существующему режиму.

В современной историографии 90-х годов выделяются три основных направления.

Во-первых, иррационально-интуитивное, телеологическое, фаталистическое, религиозно-мистическое, к которому относится большинство сторонников модернизированного православного монархизма и небольшая часть славянофильствующих неолибералов-евразийцев.[5] Сущность историософских концепций этого направления заключается в признании особой исторической роли России – россиецентризма, в утверждении вселенской миссии русского народа-богоносца. Познание этой всемирно-исторической истины возможно только путем интуитивного прозрения.

Представители второго направления объединили большую часть историков, философов и общественных деятелей либералов-западников, умеренных социал-

---

[1] Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., 1993; Он же. Император Николай II. М., 1998.
[2] Семенникова Л.И. В поисках новой научной парадигмы // Отечественная и всеобщая история. Методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993; Миллер В.И. Революция в России. 1917-1918 гг. Проблемы изучения. М., 1995; Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999 и др.
[3] См.: Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994 и др.
[4] См.: Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996.
[5] Назаров М. Заговор против России. М., 1995; Фроянов И.А. Октябрьская революция. СПб., 1998; Платонов О.А. Николай II: Царствование и мученический конец. М., 1999; Солженицын А. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 2007. 27 февраля и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

демократов и небольшую часть реформаторов-консерваторов. В основе их концепций находится идея западоцентризма. Критерием социального прогресса и модернизации нашей страны является степень ее западнизации во всех сферах жизни общества. В этой связи особый интерес представляет исторический опыт реализации этого процесса в рамках постепенного реформирования царизма и последующих либерально-социалистических преобразований в период нахождения у власти Временного правительства.

Третье направление находится на историко-философских позициях последовательного революционного марксизма и пролетарского интернационализма. Оно имеет два основных течения – демократического социализма и радикального революционаризма. Неокоммунисты считают, что курс В.И.Ленина на радикальные социалистические преобразования в России был исторически оправдан. Неудачи реального социализма в нашей стране они объясняют отходом советского руководства от революционных принципов ленинизма.

В отличие от данной классификации некоторые исследователи обнаруживают в современной историографии России следующие три направления: консервативное (традиционное), дифференцированное (альтернативное) и радикально-критическое.[1]

Современная историческая литература отличается широким диапазоном мнений о причинах, характере, итогах и значении первого в истории человечества конфликта, открывшего эпоху мировых войн и социальных революций. Об усилении научного и общественного интереса к истории России в годы Первой мировой войны свидетельствуют многочисленные конференции,[2] монографии и сборники статей,[3] публикации в научно-популярных журналах.[4]

Проводимое исследование показало, что современный этап развития отечественной историографии характеризуется также некоторым ослаблением внимания исследователей к русской армии и ее влиянию на ход и исход военно-революционных событий начала XX века.[5] При этом полагаю, что, несмотря на

---

[1] См.: Советская историография. М., 1996.
[2] Первая мировая война и XX век. Материалы международной конференции. М., 1995; Первая мировая война и участие в ней России. (1914-1918). Материалы научной конференции. В 2-х т. М., 1994; Россия и первая мировая война. (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999 и др.
[3] Мировые войны XX века. В 4-х кн. М., 2002. Кн.1, 2; Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994; Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998; Степанов А.И. Россия о первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти. М., 2000; Уткин А. Первая мировая война. М., 2002 и др.
[4] Виноградов В.Н. О новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. №5; Степанов А.И. Россия, СССР в мировых войнах XX века // Россия. XXI. 1994. №11-12 и др.
[5] Армия и общество 1900-1991. Статьи и доклады. М., 1991; Волков С.В. Русский офицерский корпус.М.,1993; Мультатули П.В. Господь да благословит решение мое… Император Николай II во главе действующей армии и за-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

столь пристальное внимание к изучению офицерских кадров России начала XX века, роль генералитета (Ставки и командующих фронтами) в событиях Февраля 1917 года в нашей историографии освещена явно недостаточно. К сожалению, появляются и работы явно дилетантского характера. Так, в частности, С. Ямщиков бездоказательно утверждает, что к началу 1917 года воинские формирования приобрели черты «внутренне неоформленных организаций», а армейские массы превратились «в грозную, взрывчатую, никем не управляемую силу». По его мнению, «казарменная жизнь и быт, горечь поражений, усталость от войны уничтожали у военнослужащих национальный патриотизм, на котором в значительной степени основана армейская дисциплина». [1]

Лебединой песней советской историографии военно-революционного периода России явилась монография И.А. Алексеевой,[2] написанная в авантюрном жанре исторического детектива, раскрывающего основные язвы умирающего царизма. В последующем были предприняты более серьезные попытки осмыслить самые разнообразные проблемы истории революционных событий в России 1917 года с научных позиций объективного историзма.[3] Еще в 1988 году Л.И. Семенникова[4] призвала отказаться от искусственного рассечения единого революционного процесса на составляющие – Февральская революция, переход от Февраля к Октябрю, Октябрьская революция – и проанализировать русскую демократическую революцию 1917 года во всей сложности и противоречивости.[5]

Г.А. Герасименко[6] проанализировал не просто политику Временного правительства, а процесс складывания структуры новой власти и отношения между различными правительственными и общественными органами, претендовавшими на власть, причем в центре внимания автора находятся не Советы, а как раз те общественно-политические органы, что ранее не исследовались историками. К сожалению, армейские вопросы фактически выпали из поля исследования автора.

говор генералов. СПб., 2002; Ямщиков С.В. Российская армия в 1917 году: факторы и причины разложения // Опыт и уроки развития российской армии. Тезисы Четвертой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1996 и др.

[1] Ямщиков С.В. Указ. соч. С.90-91.

[2] Алексеева И.А. Агония сердечного согласия: (Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте 1914-1917). Л., 1990.

[3] Власть и общество в истории России. М., 1999; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991; Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994; 1917 год в исторических судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Февральская революция и судьбы демократии в России. Ставрополь, 1997; Царизм и российское общество в начале XX века. Материалы Пятой Международной конференции. В 2-х ч. М., 1998; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996 и др.

[4] Семеникова Л.И. Партия большевиков во главе Октябрьского вооруженного восстания. (Современная советская историография). М., 1988. С.9.

[5] См.: Семеникова Л.И. Февраль 1917: Россия в поисках общественного идеала // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1992; Она же. Была ли Октябрьская революция? // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1993 и др.

[6] Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 1995.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Петербургские историки[1] убедительно показали, что постоянное опаздывание правительства с проведением назревших преобразований, его нерешительность, а то и прямое противодействие переменам привели в конце концов к революционному взрыву 1917 года. По мнению И.Л. Солоневича,[2] на форму политического строя в России влияли исключительно психологические факторы. Отвечая на вопрос, почему Россия не пошла по парламентскому пути, Л.Г. Протасов считает, что в 1917 году борьба велась не между демократией и авторитаризмом, а между двумя различными авторитарными системами.[3]

Заметным явлением в отечественной исторической науке стала монография В.П. Булдакова, которая носит исключительно взрывной характер ко всем модификациям громоздкой словесной конструкции «Великая Октябрьская социалистическая революция в России» прошлого и настоящего. В ней немало свежих идей и оригинальных подходов. Он считает, что история русской революции это прежде всего история резко изменившихся отношений человека к власти, себе подобным, окружению, т.е. история насилия снизу, а причина смуты одна – «психоз бунта, вызванный бытовой болезненностью ощущений несовершенства власти». По мнению В. Булдакова, русская революция – дело рук не «вождей», а « погромная реакция того, кому нечего стало терять». Маленький человек потерял доверие к власти, оказался выбитым из привычного бытия; вследствие этого у него развился «психоз бунта»; в поисках власти, отвечающей его стереотипам, он отыскал видимость идеала. Более того, революция рассматривается им как массово-историческое проявление суицидальной наклонности человека. [4] Весьма плодотворным видится нам изучение психологии, раскрывающей мотивацию политического поведения действующей армии, а также роли солдат в революции, которые, несомненно, сыграли решающую роль в смуте 1917 года.

Представляется, что интеллектуально вызывающее исследование В.Булдакова является серьезным вкладом в изучение русской революции 1917 года, оно относится к числу тех, которые принято называть «историографически стимулирующими» и обреченных на то, чтобы стать катализатором интереса к важнейшему периоду в нашей истории. Вместе с тем утверждение автора о том, что «любая революция протекает в действительности на личностно-бытовом, а не

[1] Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996.
[2] См.: Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С.14, 19, 40.
[3] См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997.
[4] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 6,8, 284, 350.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

на политическом уровне»,[1] далеко не бесспорно и вызывает определенные сомнения.

После целой полосы международных дискуссий по проблемам событий 1917 года, принимавших все более деловой и конкретно-исследовательский характер[2], непрекращающейся череды региональных конференций, выхода ряда монографических работ,[3] исследователи, как будто, молчаливо согласились с мнением японского историка Х. Вада, предложившего рассматривать события 1917 года как комплекс социальных взрывов, порожденных Первой мировой войной.[4] Понятно, что при этом все прежние попытки конструирования «объективных» предпосылок революции повисли в воздухе.[5] Между тем, основная масса авторов еще не решилась четко поставить во главу угла своих исследовательских усилий проблематику конфликта модернизаторства власти и элит с традиционализмом в качестве определяющей причины разгула революционного насилия.[6] Есть и симптомы, что попытки отделить реформы от революции превращаются в нечто ложное по исходному замыслу, манерное по духу.[7]

Несколько модернизировали свои позиции в оценках событий 1917 года научные общества типа «РУСО».[8] Нет смысла останавливаться на известном опусе Э. Радзинского.[9] Это претенциозная попытка сочинить трагедию шекспировского масштаба, используя обломки российской истории. И даже специальная работа о роли революций в судьбе Российской империи смущает сочетанием пылкого патриотизма, доктринальной заскорузлости и незнания фактического материала.[10]

В постсоветский период с созданием многопартийности в обществе среди исследователей усилился интерес к истории политических партий, их программ-

---

[1] Там же. С.8.
[2] См.: Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991; Революция и реформа: их влияние на историю общества // Новая и новейшая история. 1991. №2; Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник. – М., 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994; Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996; Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997 и др.
[3] См.: Герасименко Г.А. Народ и власть 1917. М., 1995; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.
[4] Вада Х. Российские революции 1917 г. как комплекс революций в эпоху мировых войн // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994; Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. №5-6.
[5] Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.
[6] Есть, правда, некоторые подвижки, связанные с попытками переосмысления Февраля 1917 года (См.: Гаджа Ф.А. Февраль 1917 года. Революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. №3; Февральская революция и судьбы демократии в России Ставрополь, 1997) и стремлением по-новому взглянуть на ее лидеров. См.: Измозик В.С. Временное правительство. Люди и судьбы // Вопросы истории. 1994. №6.
[7] Отечественная история. 1997. №4. С.118-120; Россия и реформы. Вып.1-4. М., 1991-1997.
[8] См., напр.: Медведев Р.А. Русская революция 1917 год: победы и поражения большевиков. К 80-летию русской революции 1917 года. М., 1997. (РУСО – российские ученые социалистической ориентации – А.Ч.)
[9] См.: Радзинский Э. Боже, спаси и усмири Россию! Николай II: Жизнь и смерть. М., 1993.
[10] См.: Пыхтин С. Русские революции в судьбе империи // Неизбежность империи. М., 1996.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ным документам и судьбам лидеров.[1] В коллективной монографии «История политических партий Росси» авторы попытались воссоздать обобщающую эволюцию наиболее значительных российских политических организаций, охарактеризовать их программы и деятельность. В ней подчеркивается, что самодержавие и полицейско-бюрократический аппарат делали все, «чтобы искусственно деполитизировать общественную жизнь страны, превратив политику, идеологию и даже историю в монопольную собственность царя и правительственных канцелярий».[2]

Энциклопедия политических партий,[3] представленная в оригинальном концептуальном ключе, создает принципиально новую ситуацию в историографии: она раскрывает практически весь круг проблем, связанных с созданием и развитием основных политических партий России конца XIX – первой трети XX веков. В ней предлагается классифицировать российские партии (а их было свыше 150) на основе территориального принципа их построения (общероссийские, региональные, национальные), направлений общественной мысли (консервативные, либеральные, социалистические), характера их политической деятельности (умеренные, радикальные) и т.п. Этот подход позволяет диссертанту при раскрытии проблемы учитывать невозможность существования чисто классовых партий.

В последние годы в общественном сознании возродился интерес к монархизму, его истокам и роли в российской истории. Привлекает также внимание и отношение к самодержавной власти различных слоев общества, что в определенной степени характеризует их массовое политическое сознание. В связи с этим активизировалось изучение деятельности политических партий и организаций, отстаивавших незыблемость самодержавия.[4] По мнению Ю.И. Кирьянова, «правые создали всесословные по составу политические партии, выражавшие интересы определенной части населения вне зависимости от сословной принадлежности».[5]

Диссертационное исследование показывает также возросший научный интерес к деятельности либеральных партий, как альтернативе большевизму. По этой проблеме в 90-е – начало 2000-х годов в России опубликован ряд крупных моно-

---

[1] Критический марксизм: русские дискуссии. М., 1999; Лупоядов В.Н. Политические партии России в 1917 году: Проблемы взаимоотношений с органами власти. Дис… канд. ист. наук. М., 1993; Политические партии России: история и современность. М., 1999; Политические партии России. Страницы истории. М., 2000 и др.
[2] История политических партий России. М., 1994. С.41.
[3] Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.
[4] Бибин Н.А. Совет объединенного дворянства в период первой мировой войны. Дис… докт. ист. Наук. Саратов, 2002; Всероссийский Национальный Центр. М., 2001; Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900-1917. М., 2003; Партии промышленников и предпринимателей. М., 2003; Правые партии. Сборник документов и материалов. В 2-х т. (1911-февраль 1917). М., 1998 и др.
[5] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001. С.60.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

графий,[1] сборников,[2] десятки статей в научных журналах. Предпринята не имеющая аналогов в мировой практике серийная многотомная публикация документов и материалов основных российских либеральных партий.[3] В последние годы переизданы труды видных теоретиков и идеологов западноевропейского и русского либерализма,[4] проведено несколько весьма представительных международных и общероссийских научных конференций и симпозиумов, посвященных рассмотрению комплекса проблем истории русского либерализма, что позволяет составить более полное научное представление об особенностях российского либерализма, его моделях переустройства России и возможностях их индоктринации в массовое политическое сознание российского общества и его армии.

В.И. Прилепский выделил пять особенностей русского либерализма, отличающих его от западного: «Это – отсутствие у либеральной мысли прочной социальной поддержки в обществе, ее антидемократический характер, принцип монархизма, сильно и ярко выраженное консервативное начало и отсутствие в первоначальный период гражданских свобод в российском обществе».[5] По мнению В.В. Шелохаева, рассматривавшего две либеральные субмодели либерального переустройства России – кадетскую и октябристскую, «либеральный вариант был рассчитан на компромисс и взаимопонимание между различными национальностями, представляя реальный шанс избежать насильственного решения, а, следовательно, и распада Российской империи». [6] Монография В.Н. Селецкого[7] о либеральной партии центристского толка, выполненная в духе традиционной марксистской парадигмы, дает возможность составить суждение об эффективности данного метода исследования.

Соискатель считает, что в принципе прав В.Ф. Пустарников, который, подытоживая современное историографическое состояние разработки русского либерализма, пишет: «Пока затрудняюсь сказать: есть ли вообще какие-то существенные концептуальные точки соприкосновения между современными авторами, пишу-

---

[1] Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-февраль 1917 г.). М., 2003; Думова Н.Г. Либерал в России. Ч.1. М., 1993; Секеринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. М., 1995; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1917. М., 1991 и др.

[2] Либерализм в России. М., 1996; Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997; Российские либералы / Под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999; Русские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.

[3] Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906-1916 гг. М., 2002; Партия «Союз 17 октября». В 2-х т. М., 1996-1997; Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. М., 1997-1999; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. М., 2000.

[4] Хаек Ф.А. Бегство от свободы. М., 1991; Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992 и др.

[5] Либерализм в России. М., 1996. С.358.

[6] Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С.113.

[7] Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

щими по истории русского либерализма. По-разному выглядят у них существенные признаки либерализма, нет сходства в понимании состава российской «либеральной семьи», снова рассматриваются существенные различия в периодизации истории либерализма в России, по-прежнему нет ясности в понимании соотношения «либерализм и философия». И совсем удивительно слабой выступает связь исторического исследования с современностью, хотя такая связь нередко публично декларируется».[1]

С конца 1980-х годов исследование феномена меньшевизма в сочетании с радикальным расширением источниковой базы ведется довольно активно и основательно многими видными отечественными историками.[2] В их трудах прослежена эволюция этого политического течения, его взаимодействие с другими оппозиционными и революционными организациями, довольно подробно охарактеризована тактика меньшевизма, политическое поведение его лидеров и т.п. Можно даже порой наблюдать окрики со стороны коллег в отношении авторов, осмелившихся критически высказаться о меньшевизме. В частности, подобным образом, т.е. без серьезного разбора их позиций и развертывания убедительной контраргументации, одним из коллег по исследовательскому «цеху» были «одернуты» П.Ю. Савельев и С.В. Тютюкин, высказавшие якобы несправедливые обвинения самому Ю.О. Мартову в пропаганде утопических пацифистских идей в годы Первой мировой войны.[3] Вместе с тем можно согласиться с утверждением И.Х. Урилова о том, что вопрос принципиальной важности – как случилось, что на крутом историческом повороте 1917 года меньшевики, в том числе и действующей армии, потерпели поражение? – еще нуждается в основательном изучении.[4]

Сегодня мало кто сказал что-либо оригинальное о большевиках. А между тем, научная история большевизма стала у нас почти запретной темой, публикации источников[5] и научной литературы по которой незначительны. Лишь в отдельных работах[6] присутствует относительная объективность к партии большевиков. В указанном исследовании представлена детальная картина параллельной

---

[1] Либерализм в России. М., 1996. С.21.
[2] Меньшевизм и меньшевики: Сборник статей. М., 1998; Меньшевики в 1917 году. В 3-х т. М., 1994-1996; Меньшевики в 1917 году: от января до июльских событий. М., 1993; Меньшевики. Документы и материалы. 1903-февраль 1917 г. М., 1996; Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002; Он же. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996; Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). В 2-х ч. М., 2000-2001; Он же. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997 и др.
[3] Урилов И.Х. История российской социал-демократии. С.325.
[4] Там же. С.324.
[5] Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. 3-е изд. М., 1990; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.
[6] См., напр.: Европейское социалистическое движение. 1914-1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

эволюции большевиков и меньшевиков. Прослеживается, как в новых условиях послефевральской России В.И. Ленин, осознав возможности немедленного мира (до того большевикам чуждого) для разложения уставшей воевать армии, для дискредитации Временного правительства и части меньшевиков, выступавших за «войну до победного конца», повел свою партию к октябрьской победе.[1]

Вряд ли соответствуют исторической истине и явно не добавляют популярности партии большевиков примитивные утверждения отдельных авторов, что «большевики отражали настроения разных слоев населения страны: антикапиталистические настроения рабочих, антисобственнические – крестьянства, связанного с общиной, просто антизападные» и что «позицию большевиков (во время Первой мировой войны – А. Ч.) необходимо признать позитивной, ибо они ориентировались на то, чтобы с помощью гражданской войны во время империалистической войны выступить против существующего строя, во-первых, и не прекращали «разборки» внутри революционной демократии, во-вторых, т.е. по сути использовали войну в целях захвата власти и установления свой диктатуры».[2]

С конца 80-х годов существенно расширилась источниковая база[3] неонароднических партий, опубликованы монографии,[4] раскрывающие их теоретическую и практическую деятельность. Правда, только к началу третьего тысячелетия стало известно о том, что в «эсеры шли люди определенного психологического типа, склада ума. Партия социалистов-революционеров объединяла людей эмоциональных, постоянно испытывающих духовную и нравственную неудовлетворенность».[5]

Значительно расширилась и информация об анархистском движении в России в годы Первой мировой войны и Революции 1917 года в России.[6]

Изучение влияния ведущих политических партий на массовое политическое сознание действующей армии в современный период обогатилось новыми исследованиями. Эта проблема рассматривалась фрагментарно как в общих работах, раскрывающих политическую деятельность различных политических партий,[7] так

---

[1] Там же. С.151.
[2] Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы первой мировой войны. М., 1998. С.25, 32.
[3] Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917-1925. В 3-х т. Т.1. Июль 1917-май 1918 г. М., 2000; Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1900-1925. В 3-х т. М., 2000-2003; Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003.
[4] Алексеева Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989; Гусев К.В. В.М.Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999; Косулина Л.Г. Эволюция теоретических основ и политической деятельности Партии социалистов-революционеров. Дис… докт. ист. наук. М., 2003 и др.
[5] Ткаченко Ю.В. Восстановление эсеровской партийной печати в Москве после Февральской революции 1917 года // Из истории России: XX век. Сборник статей. Выпуск пятнадцатый. М., 2000. С.52.
[6] Анархисты: Документы и материалы. 1883-1935. В 2-х т. М., 1998-1999; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997 и др.
[7] См., напр.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Ксенофонтов И.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели: Документальный репортаж. М., 1991; Непролетар-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

и в трудах, статьях, непосредственно посвященных военным вопросам их деятельности.[1] Основная же масса исследований по данной проблеме представлена кандидатскими и докторскими диссертациями.[2]

Таким образом, если в прошлом процесс «углубления» революции принято было связывать с деятельностью политических партий, наиболее радикальные из которых, как считалось, довели до логического конца изначальное противостояние Временного правительства и Советов, то ныне число исследований о роли и месте партий в военно-революционных событиях возросло многократно, но они приобрели какой-то отвлеченно-камерный характер. Вероятно, учитывая, что партийно-политическая система в России оказалась мертворожденной,[3] пора, наконец, более глубоко сосредоточиться на изучении особенностей связи различных партий с массами, латентных межпартийных подвижек, как отражения меняющихся умонастроений интеллигенции. Этим пока что занимаются одиночки.[4]

На многочисленных симпозиумах и коллоквиумах российских и зарубежных ученых[5] сделаны серьезные попытки осмыслить поведение различных социальных групп населения России в период Первой мировой войны и Революции 1917 года, в том числе и феномен массового сознания. Попыткой заново оценить драматический опыт 1914 – 1918 годов уже на базе объективных познавательных критериев и с учетом достижений мировой науки стал выход в свет подготовленного институтом Всеобщей истории РАН сборника «Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории», содержащего специальный раздел «Война и общество».[6] В

ские партии России в трех революциях. Сб. статей. М., 1989; Спирин Л.М. Россия 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987 и др.

[1] Лукманов А.Х. Борьба за армию в 1917 году (февраль-октябрь). М., 1991; Лытов Б.В. Борьба В.И. Ленина против оппортунизма по военным вопросам (1914-1920 гг.). М., 1987; Протасов Л.Г. К истории борьбы эсеров за армию в 1917г. // Непролетарские партии России в трех революциях: Сб. статей. М., 1989; Старцев В. Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991 и др.

[2] Аврамиди Ю.Н. Исторический опыт борьбы большевиков против буржуазных и мелкобуржуазных партий в ходе завоевания армии на сторону социалистической революции (февраль-октябрь 1917 г.). Дис... канд. ист. наук. М., 1988; Гаврилов Л.М. Солдатские массы действующей армии в борьбе за власть Советов. Дис... докт. ист. наук. М., 1987; Жуковский М.В. Военно-политические вопросы в деятельности конституционно-демократической партии (партии Народной Свободы) в 1905-октябре 1917 гг. Дис... канд. ист. наук. М., 1993; Поляков В.В. Военные вопросы в деятельности партий правительственных коалиций (февраль-октябрь 1917 г.): исторический опыт и уроки. Дис... канд. ист. наук. Казань, 1997; Черных И.И. Военные вопросы в программах и тактике кадетов, меньшевиков и эсеров, март-октябрь 1917 г. Дис... канд. ист. наук. М., 1992 и др.

[3] Шелохаев В.В. Феномен многопартийности в России // Крайности истории и крайности историков. М., 1997; Весьма показательную дискуссию на этот счет также см.: Политические партии в зеркале энциклопедии: Проблемы и решения // Отечественная история. 1997. №3.

[4] См.: Лазарев В.В. Списки кандидатов во Всероссийское Учредительное собрание: выявление латентных структур // История, статистика, информатика. Барнаул, 1995.

[5] См.: Реформы или революция? Россия 1861-1917. Материалы международного коллоквиума историков. Санкт-Петербург, 1992; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861-февраль 1917 г. СПб., 1997 и др.

[6] Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С.4-5.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

нем, в частности, с новых методологических позиций исследовано морально-политическое состояние русской армии в 1917 году.[1]

Активизация исследований по истории Первой мировой войны в последнее время была обусловлена отмечавшимися 80-летием и 90-летием ее начала. К первой дате были приурочены международная конференция «Первая мировая война и XX век», а также дискуссия отечественных историков в рамках «круглого стола».[2] Весомым вкладом в осмысление проблемы «война и российское общество» и, в частности, эволюции общественных настроений, взглядов и поведения народных низов, стали результаты новейших изысканий С.В. Тютюкина, который исследовал взаимодействие социального и национального начал в общественной жизни России в этот период, соотношение патриотических и революционных настроений масс на различных этапах войны, роль национально-патриотического фактора в массовом сознании и общественном движении рабочих, крестьян и солдат, причины активизации революционного процесса и вызревания острейшего политического кризиса, приведшего к краху самодержавного режима.[3] Историк охарактеризовал патриотизм масс в годы войны как «пульсирующее народное чувство, острота и формы которого менялись под влиянием многих социальных и политических факторов».[4]

Поворот в подходах к изучению исторического прошлого, которое стало рассматриваться сквозь призму человеческого измерения, проявился в последние годы с наибольшей силой в исследовании революций XX в. в России и, в первую очередь, Революции 1917 года. Важным этапом в осмыслении задач обновления методологических подходов к ее изучению, достижений и проблем на этом пути стал доклад П.В. Волобуева и В.П. Булдакова на XVIII Международном конгрессе исторических наук 2 сентября 1995 г. В нем авторы поставили цель выявить наиболее перспективные подходы в исследовании Революции 1917 года и, одновременно, осуществить попытку создания одной из возможных «моделей» революций, способной стимулировать деятельность историков самых различных направлений. В плане рассматриваемой нами проблемы наиболее важной представляется психо-

---

[1] См.: Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С.127-165.
[2] См.: Первая мировая война: Пролог XX века; Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» // Новая и новейшая история. 1994. №4-5; Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов // Матер.междунар.научн.конф. Москва, 7-8 сентября 2004 г. М., 2006.
[3] См.: Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: Пролог XX века. С.236-249.
[4] Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол». С.116-117.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

социальная интерпретация Революции 1917 года, предложенная авторами на основе междисциплинарного синтеза. Если исходить из психосоциального анализа событий 1917 года, то критической их точкой, по мнению авторов, станет не «большевистский» Октябрь, а «демократический» Февраль, так как «для поведения масс, не изживших патерналистских представлений о власти, наибольшее значение имел самый факт ее падения, а вовсе не присвоение ее функций кем бы то ни было. Октябрь, напротив, означал начало процесса «собирания» власти, в необходимости которой низы не сомневались. Вместе с тем, Февраль означал тот реальный успех идеи «справедливости» в социальном движении масс, который следовало без промедления «сакрализовать» на высшем уровне (хотя бы в форме Учредительного собрания)». [1]

Авторы выявили специфику социальных революций – солдатской, рабочей, крестьянской, национальной, равнодействующая которых и определила, по их мнению, облик Октября как «пролетарски-плебейской революции».[2] По оценке П.В. Волобуева и В.П.Булдакова, в своей основе они имели защитный характер борьбы за выживание, соединяя противоположные (конструктивные и анархические) тенденции. В докладе проанализирован также механизм эскалации социального психоза, в котором главную роль авторы отводят известному в социальной психологии феномену «заражения».[3] По мнению авторов, в период революции неопределенная прослойка психопатических лиц приобретает возможность «заражать» растущий слой социально-неприкаянных, к которым относятся часть солдат, беженцев, депортированных, безработных, люмпенов, пауперов, военнопленных и т.п., общая численность которых могла достигать 20 млн. чел.[4]

С целью интеграции научных усилий отечественных и зарубежных исследователей в деле реализации новых подходов в изучении истории революций была перестроена деятельность Научного совета РАН «История революций в России» и создана Международная комиссия по истории Октябрьской революции.[5] На основе этой интеграции началась разработка перспективного направления исследований «Человек и революция в XX веке», способствующего кардинальному переосмыслению истории Революции 1917 года.

---

[1] Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. №5-6. С.29, 31.
[2] Там же.
[3] См.: История и психология. М., 1971. С.17.
[4] Волобуев П.В., Булдаков В.П. Указ. соч. С.35.
[5] См.: Вопросы истории. 1996. №5-6. С.28.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Возможность применения новых исследовательских подходов стала мощным импульсом изучения мировосприятия и поведения в революционную эпоху массовых общественных слоев, в том числе крестьян, рабочих, солдат.. Первые плодотворные шаги в этом направлении уже сделаны, вышли в свет не только статьи, но и монографии, рассматривающие социальные процессы в революционной России сквозь призму «человеческого измерения».[1]

В последние годы были предприняты усилия по исследованию различных аспектов психологии масс в революционную эпоху. Междисциплинарный подход к исследованию социальной психологии основных участников русской революции – рабочих, крестьян, солдат, представителей национальных движений – был реализован в монографии В.П. Булдакова.[2] Ее появление вызвало научную дискуссию, в ходе которой высказывались неоднозначные суждения о принципиальной допустимости и пределах использования историком понятийного аппарата, выводов и методов аналитической психологии и других смежных гуманитарных дисциплин. Наряду с констатацией «прорывов» по целому ряду направлений научного поиска, достигнутых благодаря применению автором исторического синтеза, были отмечены методологические и источниковедческие резервы в освещении поставленной проблемы.[3] Несмотря на дискуссионный характер ряда положений и выводов труд В.П. Булдакова, вкупе с другими работами автора,[4] являются первой в нашей стране попыткой комплексного освещения социально-институциональной и социально-психологической сторон революционного кризиса и революционного процесса в их диалектическом единстве.

Историки обратились к изучению массового сознания военно-революционного времени как на теоретическом уровне,[5] так и исследуя на основе исторических источников и в контексте политического поведения масс такие его аспекты, как восприятие власти и ее институтов, идей социализма, отношение к текущим политическим событиям, политическим партиям и революционным вождям, антибуржуазный компонент общественного сознания, феномен революцион-

---

[1] См.: Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996; Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861-февраль 1917 г. СПб., 1997 и др.

[2] См.: Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия.

[3] См.: «Красная Смута» на «круглом столе» // Отечественная история. 1998. №4. С.139-168.

[4] См.: Булдаков В.П. Имперство и российская революционность // Отечественная история. 1997. №1. С.42-60; Он же. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. С.4-17; Он же. Истоки и последствия солдатского бунта: психология «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.208-217 и др.

[5] Зимичев А.Н. Психология политической борьбы. СПб., 1993; Назаров М.М. Политическое сознание: особенности и тенденции. М., 1991; Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. М., 1995 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ной жертвенности и т.д.[1] Результаты и выводы вышеназванных исследований позволяют понять характер и специфику преломления в массовом сознании основных идей революции, политической пропаганды революционных партий, текущих событий.

В последние годы[2] в нашей стране ведутся активные историософские, исторические, культурологические, социологические, этнопсихологические и иные изыскания философов, историков и других представителей гуманитарных и социальных наук в области выявления истоков и фундаментальных архетипов российской ментальности, ее своеобразия как особого духовного феномена, характера и направленности эволюции, специфики русского национального характера и психического склада, значения социокультурного фактора российской модернизации.[3]

Так, Г.Д. Гачев рассматривает ментальность как национальный космопсихологос,[4] И.К. Пантин – как «выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах».[5] Монография О.С. Поршневой[6] является одной из первых в отечественной историографии попыток изучения менталитета и социального поведения «народных низов» в период Первой мировой войны. Наблюдается, однако, в современных работах и нечто новое – своего рода методологическая суетность авторов, изо всех сил старающихся «не отстать». В связи с обнаружившейся модой на понятие «менталитет» иные историки быстро заменили этим словечком привычное, но уже малопритягательное понятие «сознание» и вовсю описывают с его помощью все те же партийно-политические реалии революции.[7]

---

[1] Абросимова Т.А. Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. С.176-187; Герасименко Г. Народ и власть 1917 год. М., 1995; Злоказов Г. Солдатские письма с фронта в канун Октября // Свободная мысль. 1996. №10. С.37-47; Колоницкий Б.И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. С.109-118; Борщукова Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы первой мировой войны. Дис… канд. ист. наук. СПб., 2002; Яров С.В. Политическое сознание рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. Дис… докт. ист. наук. СПб., 1999 и др.

[2] За редким исключением работ, вышедших в последнее десятилетие, но созданных в годы «застоя» и не востребованных по идеологическим причинам, к числу которых относится по рассматриваемой тематике прежде всего труд А.С. Ахиезера. Россия: Критика исторического опыта. В 3-х т. М., 1991.

[3] Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988; Русские. Этно-социологические очерки. М., 1992; Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994; Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994; Кантор В. Российское своеобразие: генезис и традиции // Свободная мысль. 1994. №10; Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (Социологический очерк). М., 1996; Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Политические исследования. 1997. №5; Захаров А.В. Народные образы власти // Политические исследования. 1998. №1; Очерки русского самосознания. СПб., 1994; Янов А. Патриотизм и национализм в России. 1825-1921. М., 2002 и др.

[4] Гачев Г.Д. Ментальность или национальный космопсихологос // Вопросы философии. 1994. №1. С.25-29.

[5] Пантин И.К. Национальный менталитет и история России // Там же. С.30.

[6] Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период первой мировой войны (1914-март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.

[7] Менталитет и политическое развитие России. М., 1996.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Особый интерес с точки зрения рассматриваемой темы представляет ряд современных исследований по этнической психологии, массовому сознанию и менталитету русского народа,[1] в которых анализируются условия формирования, содержание и специфика различных форм и проявлений его традиционного сознания. По мнению Н.Я. Эйдельмана, «исторически русский народ был ориентирован на царя», «вера в бога и в царя как бы сливалась в народном сознании», но эту опору власть потеряла, опоздав с «революцией сверху».[2] Многие исследователи называли монархизм одним из главнейших оснований политического сознания россиян.[3] К сожалению, характеризуются фрагментарностью, ограниченностью источниковой базы и легковесностью выводов работы, раскрывающие личное восприятие и субъективные оценки истории.[4] Нетрадиционный исторический подход нашел А. Ахиезер. Русская история в его интерпретации – конфликт двух уровней сознания: массового, догосударственно-локалистического и государственного.[5] Едва ли можно безоговорочно согласиться с суждениями автора о ритмах и циклах отечественной истории, но плодотворность подхода очевидна.

С.В. Лурье характеризует особенности русского государственного сознания, обусловленные характером общинного строя русского крестьянства и византийским духовно-религиозным наследием. Значимость царской власти в традиционном народном сознании, по мнению автора, определялась тем, что в образе царя пересекались официальная государственность и народное государственное сознание, «на него проецируются все те нити, которые реально связывают народ и государство, но народом не осознаются». [6] Характеризуя особенности народного имперского сознания, она отмечает, что последнее ассоциировало мощь государства с могуществом Православия.[7]

И.Г. Яковенко задается вопросом о существовании в традиционном менталитете и психологии русского народа тех черт, которые порождают и воспроизводят империю, и дает на него положительный ответ. С этим историк связывает и

---

[1] Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания; Она же. Россия: община и государственность // Цивилизации и культуры. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. Вып.2. С.138-155; Касьянова К. О русском национальном характере; Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Политические исследования. 1997. №4. С.88-96; Лобачева Г.В. Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881-1917 годы). Дис... докт. ист. наук. Саратов, 1999 и др.
[2] Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С.169, 60.
[3] См.: Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996; Консерватизм в России («Круглый стол») // Социс. 1993. №1. С.43-61; Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. СПб., 1992. С.15-25.
[4] Захаров А.В. Народные образы власти // Полис. 1998. №1. С.23-35; Харитонов В.Л. Февральская революция в России (попытка многомерного подхода) // Вопросы истории. 1993. №11-12. С.18-26.
[5] См.: Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т.1.
[6] Лурье С.В. Россия: община и государственность. С.142-154.
[7] Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. С.166.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

своеобразный общественный договор между народом и властью, который предусматривал поддержку внешнеполитических акций правительства в обмен на перспективу заселения вновь приобретенных территорий. [1] И.Г.Яковенко рассмотрел также вопрос о влиянии православия, унаследованной Россией от Византии двоичной модели космоса, состоящей из небесной (сакральной) и земной (дьявольской) зон на формирование целого ряда специфических черт русского национального сознания и психологии.[2]

Важные выводы о влиянии природно-климатических условий основной исторической территории России на формирование особенностей русского исторического процесса и национального характера россиян сделаны в исследовании Л.В. Милова.[3] К. Касьянова выдвинула гипотезу об эпилептоидном типе этнической психологии русского человека, для которого характерны такие черты, как замедленная реакция на импульсы внешнего мира, накопление взрывоопасного заряда психической энергии, «вязкость» мышления и действия. Формирование этих черт происходило «в какие-то достаточно древние времена, когда оформлялись наши «социальные архетипы». [4] Недостатком этой концепции является отсутствие исторической аргументации.

Фундаментальное исследование отечественной социальной истории, предпринятое Б.Н. Мироновым, способствует пониманию содержания и динамики процесса эволюционной трансформации российского общества и государства в XVIII – начале XX веков.[5] На основе глубокого комплексного анализа общественных структур и процессов были выявлены господствующие тенденции и результаты социальных изменений, рассмотрены важнейшие аспекты трансформации традиционного сознания сельского и городского населения после отмены крепостного права.

Представляют значительный научный интерес и исследования особенностей различных слоев населения России, из которых рекрутировались военнослужащие действующей русской армии.

Имеется достаточно обширная литература, посвященная исследованию исторических условий, факторов формирования и характеристик политического, соци-

---

[1] Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес.С.89,90
[2] См.: Яковенко И.Г. Россия. Интеллигенция. Революция. С.33-34.
[3] См.: Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4-5. С.37-56.
[4] См.: Касьянова К. Указ. соч. С.130-131.
[5] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т.1, 2.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ального и культурного облика российского рабочего класса к началу XX века.[1] В последние годы появились работы, раскрывающие различные аспекты сознания рабочих России на рубеже XIX – XX веков.[2] Определяющими факторами влияния на него, по мнению авторов, были: относительно низкий уровень экономического развития страны, особенности социальной структуры населения, самодержавно-монархический политический строй, огромное влияние крестьянско-ремесленных традиций и крестьянской общинной психологии на образ мыслей, стереотипы восприятия действительности и модели поведения рабочих, неоднородность самого рабочего класса, сохранение связи значительной части рабочих с землей и деревней, влияние революционного опыта 1905 – 1907 годов.

Существенный вклад в понимание поведения рабочих Петрограда в 1917 году внесла монография Г.Л. Соболева. Автор на базе широкого круга источников рассмотрел эволюцию революционного сознания столичного пролетариата в рассматриваемый период в контексте анализа различных форм его социальной и политической активности. Он показал, что наиболее распространенной оставалась беспартийная форма революционности, при которой широкие круги рабочих «еще слабо понимали принципиальную разницу между политическими партиями», воспринимая их как союзников в борьбе против общего врага – царизма. На основе анализа социально-экономической и политической ситуации в стране, положения рабочих, автор показал, что предпосылки усиления влияния большевиков на рабочих создавала и сама повседневность их существования, а также действия Временного правительства, непоследовательная и близорукая политика последнего.[3] Однако нам представляется необоснованным игнорирование автором проблемы социальной ответственности пролетариата с присущими ему формами политического сознания, рассмотрения которой позволило бы отойти от некоторой идеализации рабочих в рассматриваемом исследовании, ибо в социальном поведении рабочих практически не просматриваются деструктивные тенденции. При характеристике революционного сознания рабочих Петрограда необходимо, на наш взгляд, учитывать и такую особенность массового сознания как многослойность, сочетание в

---

[1] Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861-февраль 1917. СПб., 1997; Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX-XX вв. // Отечественная история. 1997; №4; Бойко Т.В. Рабочие России и культура. Полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX в. М., 1997 и др.

[2] Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX-XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861-февраль 1917. С.55-76; Фирсов С.Л. Рабочие и Православная Церковь в России в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861-февраль 1917. С.327-339; Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX- нач. XX в.) // Там же. С.114-130 и др.

[3] Соболев Г.Л. Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993.С.27, 259.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

нем одновременно и консервативных, и реформистских, и революционных элементов. Факторы и направленность трансформации политического сознания рабочих в конце и сразу после Первой мировой войны исследует С.В. Яров.[1] Вряд ли можно согласиться с утверждением Л.М. Спирина, что «большинство сознательных рабочих столицы в начале 1917 года шли за партией большевиков».[2]

Происхождение, сущность архетипов сознания традиционного крестьянства, их историческую эволюцию, природу крестьянства, крестьянского хозяйства и крестьянской семьи рассматривает в своих работах А.В. Гордон.[3] Он показал, что особенность природных и социальных условий существования крестьянства – сращенность индивида со своей непосредственной средой является первоосновой сохранения его мифопоэтического мировосприятия и мифологического способа мышления.

Ведущие отечественные специалисты по истории крестьянства и аграрных отношений в России обратились к разработке антропологического подхода к истории аграрных отношений, изучая, в частности, содержание представлений, ценностей крестьянства, его мировосприятие, сознательную природу поведенческих стереотипов в тот или иной исторический период.[4] Концептуально значимой с точки зрения исследования социального поведения российского крестьянства является работа Л.В. Даниловой и В.П. Данилова. Наиболее радикальные перемены крестьянское сознание претерпело в России в начале XX века, по мнению авторов, в сфере государственно-институциональных представлений. Они полагают, что крестьянское сознание стало республиканским с решительным отрицанием любой возможности единовластия (хотя бы в виде президентства), в нем доминировала идея прямого и непосредственного участия народа в управлении государственными и местными делами, что отвечало духу общинного менталитета крестьянства.[5]

Однако вряд ли можно согласиться с этим мнением, так как отказ крестьянства от монархической формы государства в 1917 году нельзя, на наш взгляд, рассматривать как свидетельство превращения крестьянского сознания в республиканское. Понимание демократии и республики крестьянами, солдатами, значи-

---

[1] См.: Яров С.В. Политическое мышление рабочих в 1917-1923 годах: элементы трансформации // Менталитет и политическое развитие России. С.120-123.
[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С.59.
[3] См.: Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989; Он же. Тип хозяйствования – образ жизни – личность // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С.113-135.
[4] Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996.
[5] Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России. С.22-39.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тельной частью рабочих России, как справедливо отмечает Б.И. Колоницкий, было весьма своеобразным и значительно отличалось от понимания этих терминов образованными слоями.[1] Монархическое сознание в значительной степени сохранилось, приобретя в новых условиях иную форму выражения – потребность в авторитарном вожде, носителе харизмы, замешанной уже не на православии, а на социализме.

В отечественной историографии впервые тезис об общинном характере аграрной революции в России начала XX века обосновали В.М. Бухараев и Д.И.Люкшин.[2] Д.И. Люкшин пришел к выводу, что к осени 1917 года земля и власть фактически оказались в руках поземельных общин: крестьянская революция закончилась победой общины над государством и капитализмом.[3] В.М. Лавров рассматривает крестьянство как самостоятельный субъект Революции 1917 года, руководствовавшийся в своем поведении общинно-«большевистской» логикой.[4]

Важное значение в понимании сознания и поведения российского крестьянства в революционную эпоху имеет исследование механизмов возникновения и развития крестьянского бунта, стереотипов социального поведения крестьян в условиях Смуты. В этом отношении заслуживают внимания работы Ю.П. Бокарева, В.П. Булдакова, Д.И. Люкшина, С.В.Лурье.[5] Ю.П. Бокарев сделал вывод, что в условиях изолированности от «большого мира» не столько сама действительность управляла крестьянским поведением, сколько ее преломление через особенности крестьянского сознания.[6] В.П. Булдаков, разделяя представление о крестьянском движении в России начала XX века как об общинной революции, полагает, однако, что она протекала в русле общей психопатологии смуты.[7] С.В. Лурье обосновала социально-психологический алгоритм крестьянского бунта и выделила этапы в его

---

[1] Колоницкий Б.И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. С.114-115.

[2] Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Российская Смута начала XX в. как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып.2. Историография отечественной истории. Казань, 1994. С.154-160; Люкшин Д.И. 1917 год в деревне: общинная революция? // Революция и человек. Социально-психологический аспект. С.115-141.

[3] Люкшин Д.И. 1917 год в деревне: общинная революция? // Революция и человек. Социально-психологический аспект. С.137, 141.

[4] См.: Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917-1918 годах). Автореф. дис. (опубликованной монографии) докт. ист. наук. М., 1997. С.30-36.

[5] См.: Бокарев Ю.П. Умом Россию не понять (поведение крестьян в революционную эпоху) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. – С.80-91; Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. С.102-119; Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. С.178-182; Люкшин Д.И. Указ. соч. С.121, 128-135.

[6] Бокарев Ю.П. Умом Россию не понять. С.83.

[7] Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. С.118.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

развитии, показав обусловленность крестьянского бунтарства парадигмами традиционалистского сознания.[1]

Крестьянское движение, несмотря на обилие исследований, весьма продвинутых в методологическом отношении,[2] выглядит все же наименее изученным. Возможно, это связано с тем, что исследователям всегда было трудно зафиксировать нечто определенное в отношении крестьян к государственности. Отсюда становится понятным значение «общинной революции»[3] - попытки крестьян самим установить «справедливые» отношения с понимающей их нужды и привычной по форме властью – желательно внепартийной или всепартийной,[4] используя старое оружие – демонстративный бунт.

Исследования действий имущих классов, похоже, носят случайный характер. Историки, тем не менее, смогли показать, что в целом, вопреки здравому смыслу, они надеялись выжить в прежнем качестве; проектов радикального преобразования хозяйственной жизни страны они предложить не смогли. А между тем, одним фактом своего существования в амплуа «буржуев», имущие классы все больше и больше провоцировали экстремизм и эгалитарные устремления маргиналов и люмпенов.[5]

В нынешних условиях резонно было бы ожидать всплеска интереса к национальным движениям. Но он приобрел, однако, скорее количественный характер, дробясь соответственно процессам «суверенизации» прежних советских автономий[6] и строительства национальных (чаще этнократических) государств бывшими союзными республиками. Теоретический уровень подобных исследований невысок. Большинство исследователей словно не ведает, что революции национальные уместнее рассматривать в рамках распада империи,[7] а не самостоятельного стремления к той или иной форме независимости от центра.

Сознание и социальное поведение солдат и офицеров русской армии в годы Первой мировой войны в отечественной историографии ранее исследовалось преимущественно с точки зрения классового подхода. Только в последние годы на-

---

[1] Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. С.178-181.
[2] Кознова И.Е. Социальная память русского крестьянства в XX веке // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993; Россия в новое время. Образованное меньшинство и крестьянский мир: поиск диалога. М., 1995; Судьбы российского крестьянства.М., 1996 и др.
[3] Седов А.В. Крестьянские комитеты в 1917 году: Идея, организация, статус. Саратов, 1990.
[4] Осипова Т.В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
[5] Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. С.188-202.
[6] См.: Копиленко О.Л. «Сто днів» Центральної Ради. К., 1992; Українська ідея. Постаті на тлі революції. К., 1994 и др.
[7] См.: Аманжолова Д.А. Историография изучения национальной политики // Исторические исследования в России: тенденции последних лет; Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

чался процесс осмысления сознания и поведения «человека с ружьем», оказавшегося в экстремальной обстановке за пределами привычного для него социума, появились работы, в которых эта проблематика рассматривается с иных, более современных методологических позиций,[1] были проведены диссертационные исследования по различным ее аспектам.[2] Значительное внимание этой проблеме уделил В.П. Булдаков.[3] Фокусируя внимание на анализе влияния социокультурной архаики, он пришел к выводу о том, что российские солдаты и матросы были типичными носителями «коллективного бессознательного», в котором сочетались элементы традиционного крестьянского бунтарства и разнузданности вынужденного маргинала, а в основе революционаризма солдатской массы лежало архаичное неполитическое бунтарство.[4] А.П. Жилин, рассматривая эволюцию морально-политического состояния русской армии в период войны, показал значение не только некоторых ритуальных (бессознательных) элементов массового сознания, но и содержание его рациональных компонентов, преобладающих представлений, умонастроений, влиявших на поведение на различных этапах войны, проанализировал факторы, обусловившие их изменение.[5]

Трансформацию психологии человека на войне в условиях пограничной ситуации, а также влияние войн на атмосферу, облик и развитие обществ рассматривает в своих трудах Е.С. Сенявская.[6] Ее работы положили начало новому срезу исторических исследований – военно-исторической антропологии, объектом которой является человек и общество, в первую очередь армия, в экстремальных условиях вооруженных конфликтов и подготовки к ним.[7] Рассмотрению методологических и содержательных сторон военно-исторической антропологии был посвящен ряд международных[8] и российских научных конференций.[1]

---

[1] См.: Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С.127-165; Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. №3. С.7-16; Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. С.55-75; Асташев А.Б. Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. 2003. №2; Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей армии (октябрь 1917- февраль 1918 гг.). М., 2003 и др.

[2] См.: Титко В.В. Прогрессивная печать России о военно-патриотическом воспитании войск русской армии: (1880-1917 гг.). Автореф. дис… канд. ист. наук. СПб., 1995 и др.

[3] См.: Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. С.27-30, 119-139; Он же. Истоки и последствия солдатского бунта: психология «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. С.208-217.

[4] Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. С.75.

[5] См.: Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С.127-165.

[6] Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. №3. С.140-145; Она же. Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997 и др.

[7] См.: Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.,2002. С.13.

[8] См., напр: Отечественная история. 2001. № 3. С.215-216.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Проблема Брестского мира, как реализованного на практике большевиками варианта выхода из Первой мировой войны, изучалась в последние годы, как и ранее, главным образом в русле политической истории. Освещались ход переговоров, внутрипартийная борьба в РКП(б) по поводу его заключения, влияние Бреста на судьбу правительственного блока, реакция оппозиционных политических партий на его подписание, идейно-политическое противостояние в обществе, тема немецких денег.[2] Социокультурный аспект политических процессов, вызванных к жизни заключением Брестского мира, практически не исследовался. Для исторической науки представляется необходимым более основательное изучение тех дискурсов, в которых выражались массовые представления и модели социально-психологических реакций низов на оглашение условий Брестского договора, углубление понимания мотивов социального поведения масс в период выхода России из войны.

В современных исследованиях деятельности политических партий в годы Первой мировой войны в контексте анализа их социального состава, тактики и борьбы за распространение влияния на массы рассматриваются проблемы участия в этих организациях рабочих, крестьян и солдат.[3] Указанная проблематика разрабатывалась и в диссертациях.[4] Как правило, авторы анализируют обстоятельства, способствовавшие или препятствовавшие вовлечению в деятельность партийных организаций представителей рассматриваемых общественных слоев. В то же время важно выяснить характер восприятия этими социальными слоями различных политических партий и самого феномена партийности, весь комплекс условий, влиявших на отношение к партиям, уровень вовлеченности в них всех социальных слоев.

Новейшие подходы к изучению массового сознания и поведения действующей армии, несомненно, оказывают на российских исследователей свое влияние. Все чаще они отмечают, что в действиях солдат-фронтовиков после первоначаль-

---

[1] См.: Первая мировая война: История и психология. Материалы Российской научной конференции. 29 – 30 ноября 1999 г., г. Санкт-Петербург. СПб., 1999., Человек на войне. (Социально-психологические аспекты истории Первой мировой войны). Материалы научно-практической конференции. Пермь, 2001 и др.

[2] См.: Ксенофонтов И.Н. Выход Советской России из империалистической войны. М., 1989; Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917- ноябрь 1918. М., 1992; Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» // Новая и новейшая история. 1994. №4-5. С.118-119; Иоффе Г. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995 и др.

[3] См.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; История политических партий России. М., 1994; Шелохаев В.В. Либералы и массы (1907-1914 гг.) // Вопросы истории. 1994. №12. С.46-63; Меньшевики в 1917 году. В 3-х т.; Степанов С.А. Рабочие и черносотенные организации. 1905-1917 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861- февраль 1917. С.377-378 и др.

[4] См., напр.: Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы Первой мировой войны. Дис... канд. ист. наук. М., 1995.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ного ожесточения и борьбы (часто кровавой) с офицерами возобладало здравомыслие и даже частично чувство революционного патриотизма. Но исследователи еще не оценили в должной мере тот факт, что солдаты со временем обнаружили сильное стремление к полному самоустранению из политической борьбы и возвращению домой для закрепления социальных успехов крестьянской революции. Тем не менее, рекомендации отдельных историков рассматривать поведение действующей армии как поведение специфически крестьянское и выводить его исключительно из собственного крестьянского менталитета[1] вряд ли можно считать достаточно продуманными и обоснованными, ибо они абсолютно не учитывают специфику Вооруженных Сил как особого социального образования.

Оценка современной отечественной историографии Первой мировой войны и Революции 1917 года далеко неоднозначна: от полнейшего удовлетворения до оценок, весьма далеких от принятых в академической историографии. Чего стоит, например, суждение В. Булдакова, в исключительно грубой форме оценивающего научные изыскания немалой части своих коллег-историков.[2] Хотя можно признать справедливость подобного рода критики к работам, где утверждается, что «на первом месте среди требований солдат – вопрос о правах, что свидетельствует о том, что низы были за правовое государство», что «возникновению Советов солдатских депутатов предшествовали солдатские комитеты, возникавшие в армии под влиянием эсеровской пропаганды по инициативе и при активном участии эсеров еще до февральско-мартовских событий 1917 года», что «выступления низов в Февральской буржуазно-демократической революции были направлены в первую очередь на создание основ будущего правового демократического государства. И первым признаком демократии были выборы в Советы».[3]

В целом же публикование впечатляющего по своему объему литературы – от обобщающих аналитических работ, конкретно-исторических монографий по самым разнообразным проблемам до сборников документов и учебно-познавательной литературы – стали благоприятной стороной в развитии отечественной исторической науки. Издание фундаментальных научных исследований способствует выяснению авторских концепций изучаемых вопросов и формированию собственных концепций историков.

---

[1] Асташев А.Б. Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. 2003. - №2. С.72.
[2] Булдаков В.П. Красная Смута. С.306-307.
[3] Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы первой мировой войны. М., 1998. С.99, 120, 119.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

История Первой мировой войны и Революции 1917 года была бы бедна, бесплодна и изуродована, если бы она опиралась исключительно на те публикации, которые появлялись в Советском Союзе. Значение эмигрантской литературы о военно-революционном периоде истории нашей страны, несмотря на ее бесспорные недостатки, на наш взгляд, кажется неоценимым. В эмиграции появлялись исторические публикации, без анализа которых не может обойтись ни одно серьезное историческое исследование.[1] Кроме того, каждое значительное политическое течение издавало за рубежом газеты и журналы, в которых нередко, особенно в двадцатых-тридцатых годах, печатались материалы и по рассматриваемой нами проблеме.[2]

Несмотря на огромный диапазон и разнообразие толкований событий Первой мировой войны и Революции 1917 года в России по идейно-политической ориентации, научно-теоретическим подходам и конкретно-методологическим концепциям в зарубежной отечественной историографии можно выделить следующие основные направления.

Прежде всего – правое и правоцентристское, реакционно-охранительное, консервативное и праволиберальное, православно-монархическое и умеренно-реформистское.[3] В научно-теоретическом и конкретно-историческом плане рассматриваемые события историки православно-монархического направления раскрывали с позиций официальной доктрины «Православие. Самодержавие, Народность» и государственно-правовой школы. Иногда они подкрепляли свои рассуждения концепциями «всемирного иудо-масонского» и германо-большевистского заговоров.[4] В основе их концепций был россияцентризм. Отход русского народа от ценностей и идеалов самодержавия явился, по их мнению, причиной его страданий в годы большевистского режима. Характерной в этом плане является работа Г. Каткова,[5] посвященная изучению причин Революции 1917 года и ее первым дням. В научном плане они действовали в духе исторических традиций XIX века, не вне-

---

[1] См., напр.: Архив русской революции. В 22-х кн. Берлин, 1921-1937; На чужой стороне. №1-13. Прага, 1923-1925; Былое. Париж, 1917-1926 и др.

[2] Современные записки, Воля России (органы издания эсеров); Социалистический вестник (орган издания меньшевиков); Русская летопись (орган издания монархистов).

[3] Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917. Париж, 1922; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль- сентябрь 1917. Париж, 1926, М., 1991; Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914-1917 гг. В 3-х т. Нью-Йорк, 1960; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939 и др.

[4] Марков Н.Е. Войны темных сил. В 2-х т. Париж, 1928-30, М., 1993; Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. Харбин, 1934, М., 1997; Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970, СПб., 1998 и др.

[5] Katkov G. Russia 1917: The Febriary Revolution. New York, 1967.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ся особых существенных новаций. Особую ценность имеют личные дневники,[1] а также опубликованные мемуары[2] государственных деятелей Российской империи.

Второе направление в российской историографии – центристское. В идейно-политическом аспекте на основе европоцентризма оно объединяет октябриста А.И. Гучкова, сторонника думской монархии, либералов-центристов и умеренных социалистов, а также демократических, революционных, интернационалистов-мартовцев. Критерием оценки исторического процесса для всех центристов являлись прогрессивные, либерально-демократические и социальные преобразования российского общества. В научно-теоретическом плане либеральные и социалистические историки использовали множество научных подходов в целях рационализации понимания исторических процессов: от позитивизма, когнитивизма, историцизма, сциентизма, структурализма, феноменологизма, функционализма, клиометризма до различных вариантов модернизированного неомарксизма, включая и неофрейдомарксизм.

Причины, характер, ход и значение войны историки либерально-социалистического направления оценивали на базе российского патриотизма, борьбы с агрессивным германским империализмом и верности либерально-демократическим союзникам по Антанте, а также интересов развития демократического и социалистического движений в стране под благотворным воздействием союзников.[3] Среди исследователей этого направления необходимо отметить либеральных историков П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, Г.В. Вернадского, А.А.Кизеветтера, а также мемуары видных кадетов В.Д. Набокова, Б.А.Нольде и других.[4]

---

[1] Дневник императора Николая II. М., 1992; Переписка Николая и Александры Романовых. 1914-1917 гг. В 5-ти т. М.-Л., 1923-27; Пуришкевич В.М. Дневник. –Киев, 1918, М., 1990 и др.

[2] Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. Париж, 1933, М., 1991; Витте С.Ю. Воспоминания. В 2-х т. М., 1960; Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919. В 2-х т. М., 1992; Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992; Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991; Воейков В.И. С царем и без царя. Гельсингфорс, 1936, М., 1994; Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992; Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. В 2-х т. Берлин, 1922; Шульгин В.В. Воспоминания. 1917-1918. СПб., 1994; Джунковский В.Д. Воспоминания. В 2-х т. М., 1997; Юсупов Ф., князь. Мемуары. Париж, 1952-54, М., 1998; Князь Г.Е. Львов. Воспоминания. М., 1998; Редигер А. История моей жизни. М., 1998 и др.

[3] Характерна позиция П.Н. Милюкова, активного пацифиста до войны. «... Да, я был против войны. Зная международную обстановку, я видел, что войну можно было предотвратить. Но когда конфликт стал неизбежен, то все соединились в одном порыве. (Последние новости. 1924. 1 августа-13 сентября).

[4] Милюков П.Н. История второй русской революции. Вып.1-3. Киев, София, Лондон, 1919-24; Miliukov P. Bolshevism: An International Danger. L., 1920: Miliukov P. Russia Today and Tomorrow. N.-Y., 1922; Г. Вернадский. Ленин – красный диктатор. М., 1998; Кизеветтер А. Февраль и Октябрь в ходе русской революции: О новой книге М.В. Вишняка «Два пути» // Сегодня. 1931. 6 мая; Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1931; Винавер М.М. Недавнее (Воспоминания и характеристики). Пг., 1917, Париж, 1926; Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954; Нольде Б.А. Далекое и близкое. Париж, 1930; Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

В историографии либерального лагеря превалирует, разумеется, П.Н.Милюков. Даже десять лет спустя после революции он, успевший за эти годы многое передумать и пересмотреть, все еще признавал: «Русские реакционеры совершенно правы, когда они считают думских лидеров ответственными за успех революции».[1] Главным мотивом либеральной оппозиции, по Милюкову, «было желание довести войну до успешного конца в согласии с союзниками. Причина их оппозиции была – все возрастающая уверенность, что при данном режиме эта цель достигнута быть не могла...».[2]

В аналогичном духе высказывались В.Д.Набоков и М.В.Родзянко.[3] В.А. Маклаков, аллегорически уподобляя царское правительство сумасшедшему, быстро мчащемуся по узкой дороге наклонной горы шоферу, один неправильный поворот руля которого может повалить машину, убить пассажиров и едущую с ними горячо любимую мать,[4] при этом испытывал основательную тревогу: «У меня лично было другое отношение к революции; я считал ее не только несчастьем, но и очень реальной опасностью».[5]

Когда вспыхнула революция и возникшая «дилемма» не была разрешена, П.Н. Милюков впоследствии был склонен меньше винить за совершившееся отдельных людей, а больше – объективные условия и более глубинные причины и корни, т.е. то, что он называет «историческими предпосылками революции».[6] Широко отражена в работах лидера партии кадетов П.Н. Милюкова и позиция «роковых ошибок» («роковых случайностей»).[7]

Среди умеренных социалистов следует отметить историка С.П.Мельгунова, «отца - основателя американской социологии» П.А.Сорокина, Г.В. Плеханова, А.Н. Потресова, лидера эсеров В.М. Чернова, публициста М.В. Вишняка, а также мемуары Г.М. Аронсона, А.Ф.Керенского, В.Б. Станкевича, И.Г. Церетели и других.[8] Согласно библиографическому указателю А. Бургиной, с 1921 по 1965 годы на За-

---

[1] Милюков П.Н. Россия на переломе. Т.1. Париж, 1927. С.45.
[2] Он же. История второй русской революции. Т.1. Вып.1. С.36-37.
[3] Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции. Т.1. С.74; Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 года революция. Ростов-на-Дону, 1919. С.20.
[4] Маклаков В.А. // Русские ведомости. №221.
[5] Он же. Воспоминания. Нью-Йорк, 1954. С.320-321.
[6] Милюков П.Н. Россия на переломе. С.38-43.
[7] См.: Милюков П.Н. История второй русской революции. Т.1. Вып.1-3. София, 1921 и др.
[8] Мельгунов С.П. Мартовские дни. Париж, 1961; Плеханов Г.В. Год на родине. В 2-х т. Париж, 1921; Потресов А.Н. Война и вопросы международного демократического сознания. Вып.1. Пг., 1916; В.М. Чернов. Рождение революционной России. Париж, 1934; П.А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. Лондон, 1966, М., 1993; Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919 гг. Берлин, 1920, М., 1994; Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн.1-2. Париж, 1963; Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1924 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

паде было опубликовано 536 книг, брошюр и статей меньшевиков.[1] Только за 10 первых послевоенных лет, по подсчетам А.А.Корникова, вышли из печати свыше 170 работ меньшевистских авторов.[2]

Правое крыло меньшевистской эмиграции (группа «Заря» во главе со Ст. Ивановичем, А.Н. Потресовым, П.Я. Гарви и др.) расценило победу большевиков как торжество кучки заговорщиков, воспользовавшихся «случайным стечением обстоятельств» и темнотой народных масс. Ст. Иванович, например, называл Октябрь «революцией усталости», которая оказалась возможной благодаря первой мировой войне.[3] П.Я. Гарви считал крах меньшевизма «исторической мистификацией». «Победа большевиков, - утверждал он, - оказалась возможной лишь в силу обстоятельств, в результате мировой войны»,[4] олицетворяла триумф «мелкобуржуазного революционаризма над слабыми ростками рабочего движения».[5]

Концепция «меньшевистского большинства», группировавшегося вокруг «Социалистического вестника», формировалась под влиянием взглядов Ю.О. Мартова. В отличие от правых, он признавал историческую обусловленность победы большевизма, но главную причину видел в социальных последствиях Первой мировой войны.[6] Аналогичные трактовки повторялись затем в публикациях Ф.И. Дана.[7] Считая установление диктатуры пролетариата «утопическим экспериментом», Мартов называл Октябрьскую революцию «крестьянски-мещанской», «якобинской» и т.п.[8] С этих позиций он объяснял и причины большевизации масс в 1917 году, вызванные войной.[9]

Сближение группировок меньшевистской эмиграции отразила партийная платформа 1924 года. В дискуссионном сборнике «Проблемы революции» доминировала точка зрения правых. Тактические разногласия, по воспоминаниям С.Волина «определялись не столько принципами..., сколько политической интуицией».[10] К началу 30-х годов разногласия вновь усилились, что наложило определенный отпечаток на меньшевистские публикации, посвященные 10-летию событиям Революции 1917 года. Так, рассматривая причины краха меньшевизма,

---

[1] Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература: Библиогр. указатель. Stanford Calif: Stanford Univ. Press, 1968.
[2] Непролетарские партии России в 1917 г. и в годы гражданской войны. М., 1980. С.208.
[3] Иванович Ст. Пять лет большевизма: Начала и концы. Берлин, 1922. С.35-71.
[4] Гарви П.Я. Закат большевизма: Десять лет диктатуры. Рига, 1928. С.6-8.
[5] Гарви П.Я., Аксельрод П.Б. и меньшевизм // Социалистический вестник. 1925. №15/16. С.13.
[6] См.: Игнатенко Т.А. Критика меньшевистской эмигрантской историографии Октября в советской литературе 20-30-х годов // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982. С.135.
[7] Социалистический вестник. 1927. №5. 21/22; 1928. №21; 1931. №10. С.7.
[8] Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959; Социалистический вестник. 1921. №8. С.4
[9] Мартов Ю.О. Мировой большевизм. Берлин, 1923. С.13, 20-21, 25.
[10] The Mensheviks From the Revolution of 1917 to the Second World War (Ed. By L. Haimson. Chicago, L.,1974. P.319.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Ф.И.Дан в статьях «Десять лет революции» и «Юбилей диктатуры»[1] не отрицал поддержку большевиков основной массой пролетариата. Движущими силами революции он назвал «вооруженных крестьян», солдат и матросов, заинтересованных только в разделе помещичьих земель, увлеченных большевистскими демагогическими обещаниями.[2] Одной из основных ошибок меньшевиков было названо их согласие на продолжение войны. Позднее Ф. Дан отказался от прежних суждений об исторической обусловленности победы большевизма. Он квалифицировал большевистскую диктатуру как «потустороннюю силу», родившуюся в эпоху кризиса мирового капитализма и военной разрухи в экономически отсталой стране, утверждал, что трудящиеся «передоверили» ей (в силу своей социальной незрелости) решение общегосударственных и международных задач.[3]

В послевоенных изданиях меньшевиков участились критические оценки деятельности вождей меньшевизма, особенно недооценки ими «левой опасности», нерешительности в борьбе с большевизмом. Этим обстоятельствам многие меньшевистские мемуаристы (Г.Я. Арансон, И.Г.Церетели и другие)[4] и приписывали свое поражение.

Осенью 1959 года группой либеральных американских историков был основан Межуниверситетский проект по изучению меньшевизма. В 1974 году в США была издана коллективная работа, посвященная всей пореволюционной истории меньшевизма, начиная с февраля 1917 и до 1939 года.[5] Публикация материалов проекта была продолжена в 1988 году Ю.Фельштинским.[6] Второй книгой очерков явился сборник статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Арансона и других. «Меньшевики после Октябрьской революции».[7] Третьей книгой стали письма Ю.О.Мартова,[8] ранее нигде не публиковавшиеся, за исключением письма к Н. Кристи.

История Рервой мировой войны и Революция 1917 года была бы явно неполной без эмигрантской литературы эсеров. Свою версию Революции 1917 года оставил В.М. Чернов, где он, местами с блеском, хотя иногда и слишком цветисто, излагает свои очень субъективные взгляды на революцию, на ее «дух» и «смысл».[9]

---

[1] Социалистический вестник. 1927. №5, 21/22.
[2] Там же. №21/22. С.7.
[3] Дан Ф. Двадцатилетие диктатуры // Социалистический вестник. 1937. №20. С.3.
[4] Арансон Г.Я. Россия в эпоху революции: Исторические этюды и мемуары. Нью-Йорк, 1966. С.30, 62; Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн.1.
[5] The Mensheviks From the Revolution of 1917 to the Second World War.
[6] Меньшевики: Сб. статей / Под ред. Ю. Фельштинского. Benson, 1988.
[7] Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. статей и воспоминаний / Сост. Ю. Фельштинский. Benson, 1990.
[8] Мартов Ю.О.: Письма. 1916-1922 / Сост. Ю. Фельштинский. Benson, 1990.
[9] Чернов В. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Еще более рельефно и красноречиво обреченность «третьего пути» Февраля 1917 года показана в многочисленных книгах, статьях и воспоминаниях А.Ф. Керенского.[1]

Интересные и вдумчивые воспоминания написал В.Б. Станкевич.[2] Мемуары В. Зензинова[3] еще раз подтверждают факт неожиданности революции и неподготовленность тогдашних нелегальных партий к ее возглавлению. Многочисленные аналитические статьи о революции в целом, о ее руководящих деятелях и ее этапах принадлежат перу М.В.Вишняка.[4] Список эсеровской литературы должен быть дополнен произведениями Е. Брешко-Брешковской.[5]

Отколовшиеся от партии «левые эсеры» оставили незначительный след в исторической литературе, ибо почти все руководители этой группы погибли в советских лагерях. Левый эсер С. Мстиславский сделал зарисовки некоторых наиболее характерных дней и эпизодов революции, правдивость которых другими авторами ставится под сомнение.[6] Если многие работы И.З.Штейнберга, особенно «Нравственный лик революции», являются поучительными для понимания истории советской власти в первые месяцы после Октября, то его попытка написать историю революции с левоэсеровских позиций оказалась очень беспомощной.[7]

Особняком стоят исторические работы народного социалиста С.П.Мельгунова.[8] Если его исследования вариантов подготовки дворцовых переворотов в ходе Первой мировой войны, положения в стране накануне и в ходе Революции 1917 года находят понимание у коллег, особенно на Западе, то историки и мемуаристы-эмигранты, участники революции нередко очень резко расходились с его взглядами.[9]

Уникальную позицию среди эмигрантов занимал Л.Д. Троцкий. В автобиографии, обширной истории Революции 1917 года, биографии Сталина, он продолжает, несмотря на все с ним и с революцией случившееся, выступать как большевистский «фракционер», который все еще ставит историю в услужение политике,

---

[1] Керенский А. Издалека: Сборник статей. 1920-1921. Париж, 1922; Он же. Дело Корнилова. Берлин, 1918; Он же. Политика Временного правительства // Современные записки. Т.50-52. Париж, 1922 и др., а также многочисленная литература на иностранных языках.
[2] Станкевич В.Б. Воспоминания, 1914-1919 гг. Берлин, 1920.
[3] Зензинов В.М. Февральские дни // Новый журнал. 1953. №34-35.
[4] Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954; Он же. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж, 1935.
[5] Брешковская Е.Д. 1917 год // Новый журнал. 1953. №38.
[6] Мстиславский С. Пять дней (начало и конец Февральской революции). Берлин, 1922.
[7] Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923; Он же. От Февраля до Октября 1917 года. Берлин, 1918-1919.
[8] Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961; Он же. Как большевики захватили власть. Париж, 1939; Он же. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940; Он же. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957 и др.
[9] См.: Милюков П.Н. Россия на переломе. Предисловие. С.VII-IX; Чернов В. Историк или истерик // Воля России. 1925. №3.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вернее, на службу борьбе за власть, пытается, в противовес «сталинским фальсификаторам» и «эпигонам», дать настоящую большевистскую интерпретацию революции.[1]

Исключительно важно отметить, что в свое время в контексте рассматриваемой нами проблемы, антибольшевистские эмигрантские авторы, в том числе и социалистические, уловили, что в основе революции лежала «особая психология народных масс, чувствующих себя вершителями своей новой исторической судьбы», сливающаяся в «некий творческий почин и действие», исходящий от «всех и каждого».[2] При этом русское самодержавие некоторые из них считали скорее «храмом», символом, в котором концентрировалась любовь к родине; государственное же сознание русских они называли «эмоциональным».[3] Им представлялось, что событиями управляла «раскачавшаяся народная психика», выплеснувшаяся через солдатский бунт, в основе которого лежала веками ущемляемая крестьянская общинная солидарность.[4] Но что происходило потом? Лишь немногие авторы обращали внимание на то, что большевики разрушают не столько старые социумы, как систему «спаек» (точнее связок – А. Ч.) между ними (культура, право, сознание и т.д.), которые соединяют их множественность и многообразие в устойчивые формы государственности.[5] Большевизм оставил власть наедине с массой, т.е. вернул общественную жизнь к доисторическим временам. Вот в это как раз труднее всего поверить. Большинство из противников большевизма заблуждалось, полагая, что «России не грозит бонапартизм», хотя «коллективный внутренний Бонапарт» (правительствующая партия) ей ... нужен»,[6] и скорее возрождение державы осуществится на православно-соборных началах. На деле же стали меняться модели поведения социумов и зашатались опорные культурные коды страны в целом.

Центристское направление внесло большой вклад в развитие исторической мысли. Следует выделить Л.П. Карсавина[7] - ведущего идеолога евразийства, С.Л. Франка[8] - основоположника русского либерального консерватизма, Н.А. Бердяева[1]

---

[1] Троцкий Л.Д. Моя жизнь, опыт автобиографии. В 2-х т. Берлин, 1930; Он же. История русской революции. В 2-х т. Берлин, 1933.
[2] Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С.9.
[3] Mouravieff B. La monarchie russe. Paris, 1962. P.201-202.
[4] Минин А.А. Дух разрушения в русской революции // Год русской революции. М., 1918; Ртищев Ф. Партия стихийно демобилизовавшейся армии // Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. М., 1918; Рысс П. Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921 и др.
[5] Аскольдов С.А. Указ. соч. С.21.
[6] См.: Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1924. С.414.
[7] Карсавин Л.П. Философия истории. Берлин, 1923. М., 1993.
[8] Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции. Берлин, 1924, М., 1992; De profundis // Из глубины. М., 1918, 1990.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

- видного представителя возрождения русского православно-культурного мессионизма и «персоналистической революции»,[2] П.Б. Струве[3] - основоположника концепции национально-либерального империализма Великой России, С.Н. Булгакова[4] - основателя софиологии – «София – мать русская земля». Заметный научный вклад внесли П.А. Сорокин[5] - создатель концепций «социологии революции», «социальной и культурной мобилизации и динамики», на которых основаны современные западные теории социальной мобильности и стратификации, а также П.Н. Милюков – автор «теории контрастности» европейской и российской истории. «Национальное лицо» русской революции он видел в самобытном анархизме масс, в упадке влияния правящего класса, осужденного на гибель и цепляющегося за самодержавие, в теоретическом максимализме революционной интеллигенции, склонной к утопическим решениям и лишенной политического опыта, в сепаратистских устремлениях вождей национальных меньшинств. Большевизм он рассматривал как соединенный результат действия этих факторов и специфически русское явление.[6]

В конце 30-х годов за рубежом вышло фундаментальное исследование истории участия России в Первой мировой войне генерала Н.Н. Головина.[7] В своей концепции социологии войны он впервые обратил внимание на зависимость духа войск от социальных и политических порядков в стране, условий существования основной массы населения, на необходимость понимания и принятия военнослужащими целей войны, которые должны быть близки сердцу солдата. В работе показана эволюция политического и социально-психологического состояния рядового и командного состава действующей русской армии в 1914 – 1917 годах, проанализирован комплекс обусловивших ее факторов.[8]

В 60-70-е годы по естественным причинам эмигрантское ответвление российской историографии прекратило свое существование. Обширная эмигрантская литература разных жанров и достоинств составляет значительный пласт в историографии и истории России первой четверти XX века и до сих пор не потеряла своего

---

[1] Бердяев Н.А. Новое средневековье. Берлин, 1924; Смысл истории. Париж, 1969, М., 1990; Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1937, М., 1990; Судьба России. М., 1918, 1990 и др.
[2] Философский энциклопедический словарь. М., 1999. С.54-55.
[3] Струве П.Б. Размышления о русской революции. М., 1921, 1990 и др.
[4] Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1917; На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины. М., 1918, 1990; Философия имени. Париж, 1953.
[5] Сорокин П.А. Проблема социального равенства. Пг., 1917; Он же. Система социологии. Пг., 1920; Он же. Современное состояние России. Прага, 1922; Ibid. Social mobility. Glencoe, 1959; Social and cultural dynamics. 3 ed., Vol.1-4. N.-Y., 1966.
[6] Милюков П.Н. Россия на переломе. Т.1. С.37.
[7] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне В 2-х т. Париж, 1939.
[8] См.: Там же. Т.2. С.120-191.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

научно-практического значения. Она в своей сущности отражала не только значимый этап развития России, но и наличие соответствующих вариантов и реальных альтернатив радикально-социалистическому пути реализации революции.

Провести детальный историографический анализ зарубежных исследований в силу огромного количества публикаций крайне сложно и возможно только в рамках специальной работы. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно ограничиться анализом основных тенденций и процессов в развитии зарубежной историографии.

Первое время западная советология подпитывалась антибольшевистской эмигрантской литературой о Революции 1917 года. Основу публикаций составляли специально подобранные документы из архивов воюющих держав[1] и мемуарная литература непосредственных наблюдателей военно-революционных событий.[2] Затем ее вдохновили параллели «сталинизм-фашизм». После Второй мировой войны зарубежная историография испытала мощное воздействие антикоммунистических настроений, связанных с «холодной войной». Положение стало меняться в 60-е годы: значительная часть западных историков стала концентрироваться на социальной истории революции. Среди них следует выделить целую группу специалистов в рамках проекта исследования революционного движения России, возглавляемую профессором Леопольдом Хаймсоном.[3] Своего рода повальная мода на изучение «революции снизу» достигла на Западе своего пика в 80-е годы.[4] Дело дошло до того, что отдельные авторы, в прошлом зарекомендовавшие себя программными «ревизионистскими» манифестациями против антикоммунистической историографии, выступили с признанием своих прошлых заблуждений.[5] Как ни парадоксально, в 90-е годы Р. Пайпс приобрел наивысший авторитет не у себя на Родине, а в России.[6]

Социальными историками собран и обработан огромный статистический материал, характеризующий количественные параметры массовых социальных явле-

---

[1] Golder, Frank Alfred. Documents of Russian History 1914-1917. New-York – London, 1927; British Documents on the Origins of War. 1898-1914. Ed. By G. Cooch & H. Temporally. Vol.1-11. L., 1926-1938; Documents on the British Foreign Policy, 1919-1939. First Series, Vol. 1-3. L., 1949 и др.

[2] Бьюкенен Д. Моя миссия в России: воспоминания дипломата. В 2-х т. Берлин, 1924; Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. В 2-х т. М., 1934; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Париж, 1922 и др.

[3] Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С.20-36.

[4] О современном состоянии западных социальных исследований революции см.: Acton E. Rethinking the Russian Revolution. L., N.Y., 1990; Bonwetch B. Die Russishe Revolution 1917. Darmstadt, 1991; Society and Politics in the Russian Revolution. Ed. by R. Service. Basingstoke, L., 1992; Россия XIX-XX вв.: Взгляд зарубежных историков. М., 1996; Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию // Отечественная история. 1997. №5 и др.

[5] Ср.: Suny R.G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // Russian Review. 1994. №53.

[6] Есть, правда, отрадные исключения. На массу передержек и фактических ошибок в работах Р. Пайпса довольно ехидно обращают внимание отдельные отечественные авторы. (См.: Овруцкий Л.М. Ричард Пайпс о левых эсерах: работа над ошибками) // Отечественная история. 1996. №1.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ний,[1] но их анализ не внес принципиально новых выводов о характере исторических процессов. Как остроумно заметил Р. Пайпс, «отбор данных – то есть определение их «существенности» - требует оценки, а оценка покоится на системе ценностей. Нежелание давать оценку историческим событиям имеет и моральную подоплеку, а именно – молчаливое признание естественности, а значит, справедливости всего происходящего, доходящее до апологии победителей».[2] «Главный грех» социальной истории Запада, как его блестяще сформулировал М. Малиа в рецензии на спорную книгу Р. Пайпса «Русская революция», состоит в том, что она рискует выродиться в «историю без политики».[3]

Возможно, важнейшим и, к сожалению, едва ли не единственным итогом параллельного развития отечественной и зарубежной историографии Первой мировой войны и Революции 1917 года следует считать взаимный конструктивный интерес, резко возросший в связи с перестройкой,[4] когда расширению исследовательского кругозора отечественных историков способствовало использование переведенных на русский язык и оригинальных работ зарубежных исследователей по истории России рассматриваемого периода,[5] который по объему рассмотрения явно выглядит «обиженным». И только после 1991 года произошло заметное сближение отечественной и зарубежной историографии в решении проблем Первой мировой войны и Революции 1917 года.[6]

В освещении событий в России, связанных с Первой мировой войной и Революцией 1917 года, в зарубежной историографии преобладала борьба трех основных тенденций: ортодоксальной, консервативно-либеральной, антибольшевистской; либерально-демократической, умеренно антисоветской и либерально-социалистической, просоветской,[7] в соответствии с которыми и велась разработка разнообразных проблем войны и революции.

---

[1] Напр.: Keep John H.L. The Russian Revolution: A Stady in Mass Mobilization. New York, 1976; Koenker D., Rosenberg W.G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989.
[2] Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С.603.
[3] Малиа М. В поисках истинного Октября // Отечественная история. 1992. №4. С.198.
[4] О новейшей историографии революции 1917 года см.: Shishkin V. The October Revolution and Perestroika: A Critical Analysis of Recent Soviet Historiography // European History Anarterby. 1992. Vol.22. №4. October.
[5] См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1986; Карр Э. История Советской России: большевистская революция, 1917-1923. М., 1990. Т.1.; Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч.1, 2; Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М., 1992.
[6] Реформы или революция? Россия 1861-1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992; Анатомия революции 1917 года в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997 и др.
[7] Buchan J.A. History of the Great War. Vol. 1-2. Boston, 1922; The First World War. Causes, Conduct, Consequences. Ed. By J. Remark. N.-Y., 1971; Encyclopedia Americana. Vol.29. N.-Y., 1996; Acton E. Rethinking the Russian Revolution. L., 1990; Borrer M. The First World War. L., 1970; Daniel L.S. World War 1. L., 1971; Dukes P. October and the World: Perspectives on the Russian Revolution. L., 1979; Ferraine J. The Great War 1914-1918. L., 1967; Taylor A.J.P. The First World War. L., 1970; Facing Armageddon: The First World War. Experience. By L. Cooper. L., 1996; Leibman M. The Russian Revolution. N.-Y., 1970; Ferro M. The Russian Revolution of Febriary 1917. N.-Y., 1972; Goldstone N. The Rus-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Внешне убедительную, хотя скучноватую детерминистскую схему протекания всех революционных катаклизмов дал К. Бринтон.[1] Предложенная им «анатомия революции» оказалась непроизвольно европоцентричной. Не отрицая позитивного влияния революций на социальный прогресс, зарубежные авторы, между тем, подчеркивали их всеразрушающий характер.[2]

О так называемых предпосылках революции 1917 года написаны горы литературы, но Л. Холмс предпочитает выделять своего рода врожденные пороки системы («долговременные предпосылки [preconditions] революции), факторы, усиливающие их действие [precipitans], и своеобразные детонаторы [triggering] социального возмущения.[3] М. Хильдермайер полагает, что российский революционаризм формировался под влиянием ощущения отсталости, когда привилегии одних и социальная забитость других составляли две стороны одной медали.[4] Проще же исходить из очевидного – особой формы организации российской имперской системы,[5] вынужденной совершенно по-своему реагировать на резкие изменения внешних условий своего существования.

Теперь все более часто важнейшей и единственной причиной Революции 1917 года в России называют Первую мировую войну. Война и революция рассматриваются в качестве основного фактора, предопределившего весь ход российской истории XX века.[6]

В западной историографии утвердился тезис, что у «единодушной» Февральской революции врагов, по сути, не было, совершали ее все классы и слои общества и поэтому царизм практически не смог оказать революции какого-либо серьезного сопротивления.[7] Широкое распространение получила и посылка о неожиданности событий Февраля 1917 года.[8] Велик и непреходящий зуд видеть Февраль 1917 года «управляемым».[9] Оригинальную трактовку событий 1917 года в России через альтернативные варианты власти предложил Р. Суни. Он считает, что было

---

sian Revolution. L., 1967; Holliday E.M. Rossia in the Revolution. N.-Y., 1967; Schapiro L. Origin of Communist Autocraci. L., 1957; Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921. In 2 v. New York, 1965; Daniels R. V. Red October: The Bolshevic Revolution of 1917. New York, 1967 and other.

[1] См.: Brinton C. Anatomy of Revolution. N.-Y., 1938.

[2] Momboisse R. Blueprint of Revolution. The Rebel, the Party, the Techniques of Revolt. Springfield, Illinois, 1970. P.8; Hyams E. Dictionary of Modern Revolution. London, 1973. P.9.

[3] Холмс Л. Социальная история России, 1917-1941. Ростов-на-Дону, 1993. С.25.

[4] Hildermeier M. Das Privileg der Ruskstandiakeit // Historische Zeitschrift. 1988. Bd.244. S.603.

[5] В. Бонвеч справедливо отмечает, что предреволюционная Россия обладала социальной структурой, качественно несопоставимой с европейской. См.: Bonwetsch B. Die Russische Revolution 1917. Darmstadt, 1991. S.214.

[6] См.: Ganelin R.S. Die russische Revolution in der Geschichte des 20 // Berliner Jahrbucher fur Osteuropaischen Geschichte. 1994. Bd.1.

[7] Revolutionary Russia. New York, 1968. P.1.

[8] Karpovich M. The Lesture of Russian History. New York, 1958. P.41-42; Curtiss J. Sh. The Russian Revolution of 1917. Toronto-New York-London, 1958. P.31.

[9] Meynard J. Russia in flux before October. London, 1939. P.274; Charques R. The twilight of Imperial Russia. London, 1956. P.7; Hasegawa T. Febriary Revolution: Petrograd, 1917. Seattle, L., 1981. P.133-134.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

«четыре возможных решения проблемы, кто будет править Россией». Первое решение защищали меньшевики-оборонцы, правые социалисты-революционеры. Оно, по мнению автора, заключалось в следующем: «продолжение коалиционного правительства, политика социального единения и классового сотрудничества в целях защиты России от внешних врагов и предотвращения гражданской войны». Второе решение должно было поставить у власти правительство только господствующих классов, что означало бы «диктатуру центра (высших) и правых». С провалом военного переворота оставалась возможность создать правительство из одной или нескольких советских партий. Расширенный вариант этого решения включал несоветские «демократические элементы, такие, как муниципальные и правительственные рабочие, кооператоры, мелкие торговцы». Когда большевики пришли от имени Советов к власти в октябре 1917 года, русский народ «вместо Советской власти и социалистической демократии... получил диктатуру большевистской партии. Это было четвертым возможным решением вопроса о власти», [1] менее демократическим, чем третье решение.

Точки зрения западных историков на события октября 1917 года также весьма разнообразны. Одни из них считают, что победа большевиков – исключительно дело случая,[2] другие утверждают, что Октябрь совершился в «условиях крайней отсталости» и определяющей причиной его были война и вызванное ею недовольство масс, слабость власти, волюнтаризм большевиков,[3] третьи убеждены в том, что это был всего навсего путч незначительной группы интеллигентов,[4] никогда с массами не сливавшимися, выступавшими в роли «манипуляторов воли народа»,[5] при помощи «техники организационного манипулирования»[6] совершившими «волевое насилие над массами».[7] И только немногие из них рассматривали Октябрь как революцию снизу, реализацию основных устремлений и чаяний масс.[8]

---

[1] Suny R.G. Revising the Old Story: the 1917 revolution in light of new sources in "The Workers' Revolution in Russia. 1917." P.16-18.
[2] См.: Daniels R. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967; Colvert P. A Study of Revolution. London, 1970; Ulam A. The Unfinished Revolution. Marxism and Communism in the Modern World. London, 1979; Wesson R. The Aging of Communism. New York, 1980; Westwood I.N. Russia Since 1917. London, 1980; Ferro M. October 1917. A Social History of the Russian Revolution. London, 1980; Taylor A. Revolutions and Revolutionaries. London, 1981; и др.
[3] См., напр.: Cohan A. Theories of Revolution: An Introduction. Lancaster, 1975; Wertheim W. Evolution and Revolution. The Rising Waves of Emancipation. London, 1974 и др.
[4] Dunn J. Modern Revolutions. An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge, 1972. P.46-47; Taylor A. Revolutions and Revolutionaries. P.151.
[5] Lane T.H. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution. 1900-1930: Critical Periods of History. Philadelphia, 1964. P.127.
[6] Keep J.L. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. London, 1976. P.470-471.
[7] Ulam A. Lenin and the Bolsheviks. London, 1966; Daniels R. Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967; Schapiro L. The Russian Revolutions of 1917: The Origins of Modern Communism. New York, 1984 and others.
[8] Keep J.L. The Russian Revolution: A Study of Mass Mobilisation. L., 1976.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Раскрывая особенности современной западной историографии о Первой мировой войне и Революции в России 1917 года, нельзя не отметить, что удельный вес этих исследований в общей массе советологических работ упал. Западные (особенно социальные) историки стали более тяготеть к изучению предреволюционной эпохи.

По сравнению со своими предшественниками, классические работы по истории военно-революционного периода России не блещут оригинальностью. Написанные в большинстве своем в духе консервативно-либеральных традиций, все эти работы[1] подчеркивают случайный характер Октября 1917 года. По их мнению, большевистский переворот носил контрреволюционный, антидемократический характер.[2] Большевики, ликвидировав Временное правительство, свернули страну с магистрального пути развития человечества, покончили с основами либеральной демократии, рыночной экономики и фундаментальными правами человека.[3] Особняком здесь стоят работы Р. Пайпса. Он упорно подчеркивает, что Россия – это совершенно особый мир. Но история русской революции с самого начала писалась Пайпсом без анализа особенностей политической культуры русского народа и их значения для утверждения большевизма.

В современной западной историографии преобладает представление о трех параллельно и автономно развивавшихся революциях – умеренной революции просвещенных элит в парламенте, революции радикально-демократических городских низов и традиционной, антикапиталистической революции крестьянства. Но если, по мнению Х. Вада, российская революция состояла из четырех самостоятельных революций (революции буржуазии и граждан, революции рабочих и солдат, революции крестьян и революции национальностей),[4] то Х. Альтрихтер[5] говорит о самостоятельных движениях рабочих, крестьян и буржуазии, дополнив их – в связи с первой мировой войной – солдатским движением. Он рассматривает «массы» не как объект, а как субъект политики, как самостоятельную и «своенравную» величину в событиях 1917 года. По мнению некоторых историков, революция 1917 года развивалась спонтанно, как плебейская реакция, направляемая большевика-

---

[1] Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Рабинович А. Кровавые дни. М., 1992; Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993; Пайпс Р. Русская революция. В 2-х частях. М., 1994; Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997 и др.
[2] См.: Куртуа Т., Верт Н. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С.14.
[3] См.: Пайпс Р. Русская революция. В 2-х ч. М., 1994; Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998; Фельштинский Ю. Вожди в законе. М., 1999 и др.
[4] См.: Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. М., 1999.
[5] Альтрихтер Х. Россия в 1917 году: страна в поисках самой себя. Мюнхен, 1997.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ми.[1] Следует выделить и то обстоятельство, что в последнее время на Западе оживляется тенденция к рассмотрению революций в сравнительной перспективе – на сей раз с акцентированием столкновения традиционализма и доктринального революционаризма.[2] Усиливается на Западе и стремление ввести изучение военно-революционного периода русской истории в широкий компаративистский контекст.[3]

Зарубежная историография четко зафиксировала важное место Вооруженных сил России в истории Первой мировой войны и Революции 1917 года в России.[4] В этих работах красной нитью проходит мысль о том, что большевики разваливали армию, организовывали заговоры в интересах противника, использовали недовольство солдат и матросов в своих корыстных целях, распространены и взгляды о военно-путчистском перевороте меньшинства.[5]

Достаточно широко представлена в зарубежной историографии и проблематика истории политических партий России в первой четверти XX века. Это утверждение не относится к правым партиям, упоминания о которых можно найти лишь в контексте общих работ по истории Революции 1917 года и исследований деятельности других политических партий.[6]

Значительно более пристальное внимание было уделено истории и деятельности русских либералов. И если октябристы выделены только сборником документов и работами о их лидерах,[7] то анализ деятельности конституционно-демократической партии довольно обстоятелен. Американский историк Т. Риха сделал вполне определенный вывод о неспособности кадетов завоевать доверие и поддержку масс на базе их политической программы в условиях революции.[8] В 1972 году группа ведущих американских специалистов по истории кадетской партии подробно разработала эту точку зрения в коллективной монографии «Очерки российского либерализма».[9] В 1974 году американский историк У. Розенберг вы-

---

[1] См.: Рейман М. Русская революция. 23 февраля-25 октября 1917. Прага, 1991. С.278.
[2] Dukes P. The Russian Revolution in Comparative Perspective; Rehberg R. Justification of Resistance in early Modern Revolutions: A Comparison of German Peasant War, the Dutch Revolt, and the British Revolution // International Politics. 1996. Vol.33. №4. December.
[3] См. специальный номер International Politics (1996. Vol.33. №4. December.), озаглавленный The Russian Revolution in Comparative Perspective.
[4] Wettig C. Die Rolle der russischen Armee in revolutionaren Macht-kampf 1917. Wiesbaden, 1967; Frenkin M. Russische Armee und die Revolution. Munchen, 1978; Wildman A. The End of the Russian Army: The Old Army and the soldiers' Revolt (March-April 1917). Princeton, 1980 и др.
[5] Williams H. The Spirit of the Russian Revolution. L., 1919. P.14; Katkov G., Shukman H. Lenin' s Path no Power. L., 1971. P.60.
[6] См.: McCayley M. Octobrists to Bolsheviks. Imperial Russia 1905-1917. L., 1984. P.7.
[7] См., напр.: Octobrists to Bolsheviks. Imperial Russia 1905-1917: Documents of Modern History. L., 1984; Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia, 1983 etc.
[8] Riha T. Russian European. Pavel Miliukov in Russian politics. New York, 1969. P.333.
[9] Essays on Russian liberalism / Ed. By C. Timberlake. Missouri, 1972.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

пустил монографию «Либералы в русской революции. Конституционно-демократическая партия 1917 – 1921 гг.», в которой убедительно показал слабость кадетов в социальном, стратегическом и тактическом отношениях.[1] Вместе с тем, встречаются и мнения, что Февраль 1917 года был подготовлен либералами,[2] что «либеральное меньшинство оказалось в состоянии свергнуть самодержавие в феврале 1917 года, используя недовольство масс».[3] Более того, М. Мендел признает, что, несмотря на известные противоречия между самодержавием и либералами, царизм им был необходим для того, чтобы «выжить перед лицом революции».[4]

Западные исследователи крайне негативно относились к большевикам. У. Чемберлин утверждал, что работа партии в военное время была «узко ограниченной» и «неспособной осуществить какую-либо широкую пропаганду».[5] Высказывалась мысль, что большевики, как сколько-нибудь значительная политическая сила появилась только после свержения самодержавия.[6] И лишь немногие из них были способны на более взвешенную оценку большевиков.[7] Без должного пиетета историки Запада относились и к лидеру большевиков В.И. Ленину.[8] В биографии Ленина, изданной в США, говорится, что он «был изолирован от событий в России», одинок, покинут своими сторонниками и был известен, и то случайно, «исключительно среди профессиональных революционеров».[9]

Западные историки выпустили ряд очень важных в научном плане работ по истории и деятельности меньшевиков, прежде всего, обширные, хорошо документированные биографии П.Б. Аксельрода, Ю.О. Мартова, Г.В.Плеханова, И.Г. Церетели.[10] В 1963 году американский историк С. Бэрон опубликовал работу «Плеханов. Отец русского марксизма», в которой убедительно показал, что поражение меньшевиков было предопределено догматизмом их основной концепции, предполагавшей проведение революции в России по образцу и подобию западноевропейских буржуазно-демократических революций XIX века.[11] Аналогичную трактовку

---

[1] Rosenberg W. Liberals in the Russian revolution. The Constitutional Democratic party, 1917-1921. Princeton, 1974. P.7-8, 15, 465.
[2] Katkov G.T. Russia, 1917. The February Revolution. London, 1967. P.174.
[3] Miliukov P. Political Memoirs. 1905-1907. Aun Arbor, 1967. P.XIV.
[4] Hasegawa T. The February Revolution. Petrograd, 1917. P.62.
[5] Chemberlin W.H. The Russian Revolution 1917-1921. Vol.1. New York, 1935. P.66, 73.
[6] Charques R. The twilight of imperial Russia. London, 1958. P.78; Schapiro L. The Communist Party of the USSR. New York, 1961. P.160-161.
[7] Goldston R. The Russian Revolution. New York, 1966. P.152-153.
[8] Moorehead A. The Russian Revolution. New York, 1957. P.174; Footman D. The Russian Revolution. London, 1962. P.62.
[9] Shub S. Lenin; a biography. New York, 1962. P.89.
[10] Ascher A. Pavel Axelrod and the development of Menshevism. Cambridge (Mass.), 1972; Roobol W. Tsereteli: A Democrat in the Russian Revolution. Assen, 1977.
[11] Baron S. Plekhanov. The father of Russian Marxism. Stanford, 1963. P.356-357.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дает и американский историк И. Гетцлер.[1] С тех же позиций написана и монография американского исследователя Р. Уэйда, посвященная, главным образом, анализу бесплодных попыток меньшевиков во главе с И. Церетели добиться демократического решения вопроса о войне и мире, не порывая блока с буржуазными партиями.[2] А. Эшер также признает обреченность политики меньшевиков в условиях революционного 1917 года.[3]

Во многих работах исследуются деятельность меньшевиков после революции,[4] те оценки, которые они по свежим следам давали революции и политике Советской власти.[5] Из современных историков значимых результатов в изучении меньшевиков периода Революции 1917 года достигла З. Галили.[6] Наиболее значительным явлением в зарубежной историографии послеоктябрьского меньшевизма можно назвать монографию В. Бровкина,[7] в которой исследуется деятельность меньшевиков в первый год пролетарской диктатуры.

Все западные историки называют меньшевиков представителями революционного марксизма, точнее его западноевропейского, ортодоксального варианта. Одни авторы (С. Бэрон, И. Гетцлер, Л. Хаймсон, Б.Волф, А. Эшер) считают, что единство русских социал-демократов было разрушено их непримиримостью в вопросах теории,[8] когда «меньшевики, как хорошие марксисты, не верили, что в России имелись достаточные объективные условия для того, чтобы пролетариат мог взять власть сразу же после завершения буржуазно-демократической революции»,[9] другие (Д.Гейер, Дж. Кип, Л. Шапиро) полагают, что раскол в РСДРП возник не столько из-за теоретических разногласий, сколько в связи с личными амбициями лидеров.[10]

В настоящее время стала доступна исследователям и монография В. Хальвега,[11] в которой содержатся документы не только социалистических партий, но и переписка министерства иностранных дел Германии, посольств, миссий, Генерального штаба Германии, что позволяет сделать обоснованный вывод о полной

---

[1] Getzler I. Martov: A Political biography of a Russian social democrat. New York, 1968. P.225.
[2] Wade R. The Russian search for peace. February-October 1917. Stanford, 1969. P.148.
[3] Ascher A. Pavel Axelrod and the development of menshevism. Cambridge (Mass.), 1972.
[4] Basil I. The Mensheviks in the Revolution of 1917. Columbus, 1984; The Mensheviks in the Russian Revolution. L., 1976.
[5] Burbant I. Intelligentsia a Revolution: Russian Views of Bolshevism. 1917-1922. Oxford, 1986.
[6] Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993 и др.
[7] Brovkin V.H. The Mensheviks after October: Socialistion a the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Ithaca, London, 1987.
[8] Ascher A. Pavel Axelrod and the development of menshevism. Cambridge (Mass.), 1972.
[9] Hudson G.F. Fifty Years of Communism. Theory and Practice. 1917-1967. New York, 1968. P.59.
[10] Sovietsistem und Demokratishe Gesellschaft. Eine Vergleicheude Enziklopadie. Bd.IV. Herder, 1971.
[11] Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

непричастности российских социал-демократов к какой бы то ни было шпионской работе в пользу Германии.

Не обошли западные историки своим вниманием и партию социалистов-революционеров.[1] На рубеже 60-х годов американский историк О. Рэдки написал *двухтомную историю партии эсеров*. Основные результаты его анализа оказались следующими: эсеры были лишь номинально крестьянской партией, являясь на деле «заурядными буржуазными демократами, носившими маску революционеров»; нежелание решать самостоятельно социальные проблемы революции и принятие меньшевистской концепции, предусматривавшей блок с кадетами, «рано или поздно» должны были привести их к гибели в революционной стране.[2]

В трудах зарубежных исследователей представлена и историография массового сознания. История его изучения на Западе нашла отражение в целом ряде историографических работ, вышедших в нашей стране в последние годы.[3] А.Я.Гуревич показал, что изучение массового сознания происходит путем соединения социальной истории и истории духовной жизни.[4] В работах А.К.Соколова, С. Смита, С.Ф. Блуменау, на основе анализа методологии социальной истории и основных тенденций ее развития за рубежом, показаны достижения, проблемы и перспективы в изучении социально-культурных процессов, в том числе поведения и сознания людей, принадлежащих к крупным общественным слоям и группам (классам, сословиям и т.д.).[5]

Несмотря на то, что часть историков отрицают политическую направленность массовых выступлений в России в 1917 году, представляя социально-политические идеалы масс весьма наивными и близкими к утопии, что превращало бунтующие массы в удобный объект манипулирования со стороны различных политических партий, ведущих борьбу за власть,[6] и позволило маленькой кучке активистов «контрабандой» захватить власть в русской столице «без согласия или по-

---

[1] Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 г. Документы из архива партии социалистов-революционеров. Амстердам, 1988; Сборник эсеровских документов: Jansen M. Партия социалистов-революционеров. Амстердам, 1989; Melason V. The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti War Movement, 1914-1917. Columbus, 1990.

[2] Radkey O. 1) The agrarian foes of bolshevism: promise and default of the Russian socialist-revolutionaries. FebruaryOctober 1917. New York, 1958. P.19-20; 2) The sickle under the hammer. New York, 1963. P.469.

[3] Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов»; К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994; Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. №8; Репина Л.П. Указ. соч. Ч.I, II; Соколов А.К. Указ. соч. и др.

[4] Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. №4. С.23-25.

[5] См.: Соколов А.К. Указ. соч.; Смит С. Указ. соч.; Блуменау С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в. (1945-1993 гг.). Брянск, 1995.

[6] См.: Keep J. The Debate on Soviet Power. Oxford, 1979. P.18/

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мощи несознательных масс»,[1] в зарубежной исторической науке наметилось течение, представители которого обратились к освещению роли масс в военно-революционный период истории России.[2] Л.Холмс показал, что большевики не были «инородными конспираторами» или «немецкими агентами», так как с легкостью соединялись с народными устремлениями и революционными мифами.[3] Массы являются героями монографии О.Файджеса,[4] причем как «деятели, которые ответственны за свою собственную судьбу».[5] Говоря о событиях 1917 года в России, в отличие от историков, видящих от участия масс в них только «анархию», социальные историки видят «массовую политику», которую они вместе с массовыми армиями, массовыми войнами и массовыми убийствами помещают в паневропейский контекст XX столетия.[6]

Н. Верт раскрыл, как провозглашение Николая II Верховным Главнокомандующим в годы Первой мировой войны в условиях национального поражения в массовом сознании «превращалось в самоубийство самодержавия».[7] В исследовании Х.Ф. Яна[8] предпринята попытка разобраться в таком феномене исторического процесса как патриотизм народных масс России на заключительном этапе существования монархии Николая II в культурологическом аспекте. Правда, трудно согласиться с тезисом автора о том, что настоящий патриотизм может существовать только в индустриальном обществе с высоким уровнем мобильности, грамотности и индивидуализма, к коим он Россию явно не причисляет. Вместе с тем, трудно согласиться и с утверждениями отдельных авторов, что идея государственности была подчерпнута россиянами из западных книг и «даже после своего появления не была толком усвоена»,[9] что для народа России только царизм, а не сам царь, был олицетворением всех бед, а «ненависть и злоба проявлялись значительно больше в отношении офицеров, попов или помещиков, чем в отношении самого императора Николая II».[10]

Западные исследователи уделяли серьезное внимание обстоятельному анализу и тех социальных слоев, из которых, прежде всего, рекрутировались Вооружен-

---

[1] Kaiser D.N. Preface // The Workers Revolution in Russia, 1917. P.VII.
[2] См.: Ferro M. October 1917: A Social History of the Russian Revolution. London, 1980.
[3] Холмс Л. Указ. соч. С.23, 43-47.
[4] Файджес О. Народная трагедия: история русской революции. Нью-Йорк, 1996.
[5] См. о книге О. Файджеса: Kenez P. The Common Folk in the Revolution // The Russian Review. Vol.57. №1. 1998. P.107, 108; Отечественная история. 2000. №6. С.127.
[6] См.: Отечественная история. 2000. №6. С.131.
[7] Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1992. С.33.
[8] Jahn H.F. Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca, London, 1995.
[9] Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С.171, 99.
[10] Ферро М. Николай II. М., 1991. С.2.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ные Силы России, в том числе и действующая армия. Л. Хеймсон исследовал широкий спектр проблем истории рабочего движения в России в начале XX века, в том числе и такие как влияние политической культуры и политической традиции большевизма и меньшевизма на общественное сознание и модели поведения рабочих в условиях революционного кризиса, а также предпосылки восприятия рабочими социал-демократической идеологии и тактики большевизма и меньшевизма.[1]

В последние годы появилась научная историческая литература, характеризующая различные аспекты социокультурного облика рабочих накануне и в период Первой мировой войны.[2] Изучая рыночный спрос на периодическую литературу и лубочные издания, Ф.Ян.Хубертус пришел к выводу, что патриотизм не исчезал из сознания и арсенала ценностей рабочих в течение всего периода войны, его формы были многообразны, при этом патриотизм и политический радикализм не обязательно находились в оппозиции друг к другу, однако «патриотизм в простонародной среде не создал единой адекватной концепции, способной оправдать существующее государство или, тем более, саму войну».[3]

Американский историк Р. Суни в статье «К социальной истории Октябрьской революции» пишет, что у историков, непосредственно изучавших революционную активность рабочих России в 1917 году, первоначальное впечатление о хаосе сменилось пониманием того факта, что в рабочей среде происходило «осторожное и болезненное развитие сознания», и поэтому речь должна идти «по сути о сознательном процессе.»[4] Более того, Д. Коенкор особо подчеркнула тот факт, что «политическое сознание российских рабочих было социалистическим в подавляющем большинстве».[5]

Значительных успехов в изучении облика и социального поведения крестьянства достигло в последние 30 лет зарубежное крестьяноведение.[6] Ведущий представитель этого направления Т.Шанин в начале 70-х годов настойчиво стал пробивать свое представление о России как «развивающемся обществе» (на манер

---

[1] См.: Хеймсон Л. Меньшевизм и большевизм (1903-1917): формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 г. В 3-х тт. Т.1. С.20-56; Он же. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. №6. С.3-15 и др.

[2] Свифт Э. Рабочий театр и «пролетарская культура» в предреволюционной России, 1905-1917 гг. // Рабочие и интеллигенция в России в эпоху реформ и революций. 1861-февраль 1917. С.166-194; Смит С.А. Рабочие, интеллигенция и марксистские партии: Санкт-Петербург 1895-1914 гг. и Шанхай 1921-1927 гг. // Там же. С.556-583; Хубертус Ф. Ян. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Там же. С.379-396.

[3] Хубертус Ф. Ян. С.393.

[4] Suny R. Toward a Social History of the October Revolution // The American Historical Review. Washington. Vol.88. №1. P.46.

[5] Koenker D. Moskow workers and the Fall 1917 Revolution. Princeton, 1981. P.359-362.

[6] См.: Shanin T. Defining Peasants: Essays Concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Leaning from them in the Contemporary World. Oxford, 1990; Scott J.C. Moral Economy of the Peasant. Rebellion and subsistence in the Southeast Asia. New Haven, L., 1976.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

«третьего мира»),[1] что вовсе не вызвало восторга его коллег. Австралийский исследователь Г. Гилл в конце 70-х годов выступил с новаторскими публикациями, где постарался показать, что именно крестьяне, сорвав попытки решения Временным правительством продовольственной проблемы, в наибольшей степени облегчили приход к власти большевиков.[2] Существенный прорыв в понимании природы крестьянства как социального явления, мотивов его поведения, деятельности, ценностных норм был обусловлен появлением концепции «моральной экономики» Дж. Скотта.[3] Однако возникает желание оспорить суждение Р. Пайпса о том, что крестьяне видели в царе «владельца» России,[4] с большим основанием можно говорить об образе «отца», «главы семьи», укоренившемся в массовом сознании.

Существует западная литература, правда в весьма ограниченном количестве, раскрывающая отдельные стороны массового политического сознания русской армии. То, что Октябрь 1917 года формами своего утверждения обязан войне, понимают многие, хотя мало кто из исследователей отважился погрузиться в глубины сознания и психологии этого процесса. Один из наиболее проницательных советологов М. Малиа предлагает при выяснении истоков «советской трагедии» сконцентрироваться на породившем ленинизм «беспрецедентном мировом кризисе 1914 – 1918 гг.», но полагает, что приоритет надо отдать идеологии и политике, а не социальным и экономическим отношениям.[5]

В свое время М.С. Френкин доказывал, что в 1917 году наиболее революционной частью общества были солдаты; он же в эмиграции не смог подняться выше утверждений, что люди в серых шинелях оказались слепым орудием в руках большевистских заговорщиков.[6] Видный американский историк А.Уайлдман, автор фундаментальной двухтомной работы «Конец русской императорской армии», заключил, что с лета 1917 года солдаты думали только о мире, их пацифизм укладывался в рамки приходской культуры с мощным антипомещичьим подтекстом,[7] а потому они доверились многопартийным Советам.[8] Но если солдаты не доверяли никому вовсе? Исходным моментом неверия в любые старые авторитеты могла стать проблема взаимоотношений с офицерами. При этом полнейшее недоумение

---

[1] См.: Shanin T. Rossia as a "Developing Society". The Root of Otherness. Vol.1. Russia Turn of Century. Basingstoke, L., 1985.
[2] См.: Gill G.J. Peasants and Government in the Russian Revolution. L., 1979.
[3] Scott J.C. Moral Economy of the Peasant Rebellion and subsistence in the Southeast Asia. P.5, 157-192.
[4] См.: Пайпс Р. Русская революция. В 2-х ч. М., 1994.
[5] Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917-1991. N.Y., Toronto. P.16, 520.
[6] См.: Френкин М. Русская армия и революция. 1917-1918. Мюнхен, 1978.
[7] Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army. Vol.II. The Road to Soviet Power and Pease. Princeton, 1987. P.224-261, 404-405.
[8] Уайлдман А.К. Армия и вопрос о законности в России // Отечественная история. 1994. №2.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вызывают утверждения Р.Пайпса, без всяких на то оснований, что русским солдатам «чуждо было чувство патриотизма в привычном его понимании... Мужицкое сознание и категория «русскость» были далеки друг от друга».[1]

Таким образом, анализ научной литературы по рассматриваемой нами проблеме позволяет сделать вывод о том, что в советской, российской и зарубежной исторической науке влияние политических партий России на массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны не стало до настоящего времени объектом комплексного самостоятельного исследования. Разработка отдельных аспектов данной темы носила локальный характер, а сама проблема до сих пор остается малоизученной. В исторических исследованиях отсутствуют разработки и составляющих массового политического сознания, фрагментарно освещаются факторы, влияющие на него, нуждается в дополнительном изучении эволюция идей в массовом сознании армии в ходе Первой мировой войны. Политические взгляды основных российских партий на армию, за исключением большевиков, раскрываются недостаточно полно. Исходя из этого, автор во введении определил цель и задачи настоящего исследования.

Изучение массового политического сознания действующей армии, как неотъемлемой составляющей духовной жизни народа, ставит исследователя перед необходимостью выявить те источники, в которых черты массового сознания нашли бы свое отражение наиболее рельефно. Исторические документы редко содержат прямые свидетельства эволюции массового сознания. Процессы социально-политического и психологического характера практически не фиксируются современниками на рационально осмысленном уровне и отражаются в содержании и структуре источников помимо воли их авторов. Это осложняет работу исследователя, ставит его перед необходимостью тщательного отбора и критического осмысления источников. С другой стороны, избранный для исследования объект – массовое политическое сознание действующей армии, занимал столь значимое место в общественном сознании военно-революционной эпохи истории России, что его отпечатки, проявления многочисленны и разнообразны. Постановка широкой и многоаспектной темы диктовала необходимость привлечь такую часть сохранившихся материалов, которая являлась бы необходимой и достаточной для решения поставленных задач.

[1] Пайпс Р. Русская революция. В 2-х ч. М., 1994. Ч.1. С.230.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Источниковая база исследования массового политического сознания действующей русской армии, структуры большой исторической протяженности, как и социального поведения армейских масс, представляет собой значительный по объему и разнообразию массив архивных и иных опубликованных и неопубликованных документов. Для его обработки и исследования в диссертации нашли применение самые разнообразные, в том числе и междисциплинарные методы анализа материала.

В целом же диссертационное исследование базируется на структурированном комплексе источников, элементы которого имеют определенную иерархию и связаны между собой. Комплекс включает в себя делопроизводственные материалы, документы личного происхождения, публицистику, периодику, научные исследования и литературные произведения, созданные авторами в изучаемый период. В процессе формирования источникового комплекса учитывалось, что, 1) каждый источник фиксировал лишь более или менее ограниченный круг сведений об определенном аспекте событий и имел разный по глубине уровень абстрагирования, и, 2) информация в источнике консервировалась специфическими, присущими данному виду источников способами. В рамках комплекса источники сопоставлялись, выявлялась специфика отражения действительности каждым из видов источников, оценивалась их полнота и достоверность, учитывались данные о происхождении документа – авторство, условия, место и время его появления. Авторские источники оценивались по содержанию, учитывались замысел, цель, осведомленность и позиция автора. Полученная информация группировалась по признакам тематической общности и сопоставлялась, на начальной стадии анализу подвергался каждый из отдельно взятых эпизодов, выявлялась специфика отражения конкретных фактов в источниках различных видов и особенности авторских обобщений, предпринималась попытка отследить типичные суждения и показать отличные и нестандартные в ряду однотипных оценки. Каждый вид источника, в силу своей специфики, требовал особых методов обработки.

Источники, использованные в нашей работе, подразделются на несколько групп документальных комплексов. Первую группу составляют **труды российских ученых, политических и государственных деятелей**, [1] созданные в годы

[1] Бердяев Н.А. Народ и классы в русской революции. М., 1917; Винавер М.М. Тактика Партии народной свободы. Пг., 1917; Дан Ф.И. О войне и мире. Пг., 1917; Керенский А.Ф. Об армии и войне. Пг., 1917; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.24-49; Мартов Ю.О. Против войны. Сб. статей. (1914-1916). М., 1917; Милюков П.Н. История второй русской революции. В 2-х т. София, 1921-1924; Плеханов Г.В. Сочинения. В 24-х т. М.-Л., 1923-1927; Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2-х т. Нью-Йорк, 1976; Чернов В.М. Война и «третья» сила. Женева, 1915 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

войны и позволяющие изучить эмоциональную и интеллектуальную жизнь общества в начале XX века, выявить место различных политических идей в общественном сознании. Обосновывая собственные суждения об эволюции массового политического сознания, в том числе и действующей армии, историки, философы, правоведы одновременно отражали общественное мнение, тенденции развития массового сознания. Конечно, данная взаимосвязь не жестко детерминирована, но ее влияние при анализе значительного количества источников (в данном случае использованы работы около сотни авторов) проявилось в достаточной мере для того, чтобы сделать определенные выводы. На фоне научной дискуссии, в процессе которой ученые определяли свое согласие или несогласие со сложившимися стереотипами восприятия и теоретическими постулатами, четче прослеживалась эволюция доминант массового сознания и всплески общественных настроений.

При анализе данной группы источников необходимо иметь в виду, что на политику большее влияние оказывали не объективные «факты», которые все равно малодоказуемы и опровержимы, а субъективное их восприятие и толкование. Поэтому именно субъективные исторические труды лучше всего объясняют мотивы, которыми руководствовались деятели революции. Так, П.Н. Милюков, написавший весьма субъективную и очень полемическую историю русской революции 1917 года, писал в предисловии к своей книге, что он «принципиально отказывается от субъективного освещения и заставляет говорить факты...». Однако, десятью строками ниже, тот же автор, в некотором противоречии с вышесказанным, должен признать, что «в самой группировке фактов (автор – А. Ч.) уже дает известный комментарий к событиям», что «основной его целью» было не «фактическое изложение», а «анализ событий» с точки зрения «их определенного понимания», и что из его «рассказа несомненно вытекает определенный политический вывод».[1]

Ценность же этого вида документов заключается в возможности извлечения информации для анализа идейных позиций основных политических сил России из первоисточников, ознакомления с теоретическими разработками, определяющими в значительной мере не только идеологию, но и цивилизационные, политические, социальные и культурные предпочтения партийных элит. В целях более объективной оценки эти документы использовались в сочетании с анализом реальной политической практики их авторов, возглавляемых ими организаций и партийных течений.

---

[1] Милюков П.Н. История второй русской революции. Т.1. Предисловие.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Важнейшую группу источников составляют **опубликованные официальные документы центральных и местных государственно-административных органов, политических партий** (директивные, информационно-отчетные, статистические и другие материалы, стенографические отчеты высших форумов Всероссийских представительных органов: Государственной думы, съездов Советов, стенографические отчеты партийных съездов и т.д.).[1] К этой же группе относятся постановления и другие материалы высших органов Советской власти[2]. Эти документы содержат информацию о процессе формирования, сущности и обосновании решений господствующих политических элит по различным вопросам внутренней и внешней политики России в период Первой мировой войны, настроениях и поведении различных слоев населения. В то время, как стенографические отчеты сессий Государственной думы IV созыва, I-IV съездов Советов, заседаний других органов непосредственно отражают спектр мнений представителей различных социальных и политических групп населения, в документальных источниках партийного характера обосновываются идейно-теоретические позиции, политическая стратегия и тактика этих организаций в условиях войны и революции, просматриваются противоречивые процессы, протекавшие в них в исследуемый период.

Массовой группой опубликованных документальных источников являются **сборники документов и материалов**, характеризующих различные аспекты экономической и социальной жизни России накануне и в годы Первой мировой войны, развития внутриполитической ситуации в этот период, состояния Вооруженных Сил, положения рабочих, крестьян, солдат, революционного движения и иных проявлений социального протеста низов, политической борьбы большевиков со своими противниками в период установления Советской власти.[3] Значительная часть этих документов была в распоряжении историков и в советский период, но только в последние годы появилась возможность более полной и объективной его интерпретации. Особенно это характерно в отношении обширного материала сборников, вышедших в свет в 20-е годы.[4]

---

[1] Государственная Дума, IV созыв. Стенографические отчеты. Сессии 2-5. СПб., 1914-1916; Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В 2-х т. М.-Л., 1930-1931; Учредительное собрание. Стенографический отчет. М., 1918; Протоколы Третьего съезда партии социалистов-революционеров. Стенографический отчет. Пг., 1917; Приказы по военному ведомству. Пг., 1917 и др.

[2] Декреты Великого Октября (1917-1918). Л., 1977; Декреты советской власти. В 10-ти т. М., 1957-1976 и др.

[3] Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. В 10-ти т. М., 1957-1963; Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914-февраль 1917 г. Сб. документов. М.-Л., 1965; Рабочее движение в годы войны. Материалы по истории рабочего движения в России. М., 1957; Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957 и др.

[4] *Крестьянское движение в 1917 году. М.-Л., 1927; Памятники агитационной литературы российской социал-демократической рабочей партии (1914-1917). М.-Пг., 1923. Т.VI, VII;* Рабочее движение в 1917 году. М.-Л., 1926;

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Общим недостатком этих сборников, большая часть из которых опубликована в советский период, является тенденциозность в подборе документов и материалов. В то время как деятельность большевиков по распространению своего влияния на фронте и в тылу была представлена в них довольно широко, активность других политических сил, за редкими исключениями, не получила достаточно полного отражения. Так, например, публикации подлежали в первую очередь документы, укладывающиеся в рамки концепции вызревания в России в годы Первой мировой войны предпосылок социалистической революции, а преобладающей тематикой общественно-политических материалов являлась революционная.

В последнее десятилетие были опубликованы многочисленные документальные материалы, отражающие объективную картину политической ситуации, социального, экономического развития, политической борьбы в России накануне и в годы Первой мировой войны.[1] В 2002 году Государственной премии Российской Федерации за достижения в области науки была удостоена работа В.В.Шелохаева, В.В.Журавлева и других авторов «Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Документальное наследие». Издание представляет не имеющую аналогов в российской и зарубежной исторической науке фундаментальную инновационную научную публикацию обширного комплекса источников по истории становления и функционирования многопартийности в нашей стране в первой трети XX века. Оно расширяет, а в ряде случаев вносит принципиальные уточнения в состояние организационных структур политических партий, их прямые и обратные связи с электоратом, формы и методы воздействия на массовое сознание, в том числе и армии, взаимоотношения с ветвями власти, межпартийные контакты, многочисленные оттенки мнений, существовавших в партиях по важнейшим экономическим и социально-политическим вопросам, включая отношение к Первой мировой войне, Революции 1917 года и участия армии в них, в процессы выработки и принятия решений по всей совокупности проблем, вставших перед ними в военно-революционый период начала XX века. Значительно расширяют источниковую базу исследования сборники документов, раскрывающие состояние армии, в том

Социал-демократическое движение в России. В 4-х т. М.-Л., 1928; Союз русского народа. Сб. документов. М.-Л., 1929 и др.

[1] Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25-26 октября 1917 г.). Сборник документов и материалов. М., 1997; Правые партии. Документы и материалы. 1905-1917 гг. В 2-х т. М., 1998; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3-х т. М., 1997-2000; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900-1925 гг. В 3-х т. М., 1996-2000; Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М., 2003; Партии промышленников и предпринимателей. М., 2003 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

числе и действующей, в различные периоды Первой мировой войны и Революции 1917 года.[1]

К следующей группе источников исследования автор относит **хроники событий,[2] сборники статистических материалов,[3] энциклопедии.[4]** Интересным статистическим материалом для анализа состояния действующей русской армии перед началом Первой мировой войны и в ее ходе располагают соответствующие сборники, посвященные Вооруженным Силам.[5]

Одним из видов источников в работе над темой диссертации стали материалы более 150 центральных, региональных и армейских **изданий периодической печати** основных общественно-политических направлений, издававшейся на территории России в июле 1914 – марте 1918 годов. Оперативность и непосредственный характер реагирования на происходящие события, наличие обратной связи с читателями, публикация информации с мест, материалов по злободневным социальным проблемам, хроники местной жизни и т.д. делают периодическую печать, даже с учетом цензурных ограничений дореволюционного периода, важнейшим источником изучения общественных настроений, взглядов, массового сознания и поведения различных слоев населения в условиях войны. Однако и этот вид источника требует сопоставления с другими документами и материалами, так как сообщаемые в газетах данные могли не соответствовать действительности, некоторые оценки были нетипичны, определенное влияние на характер материалов оказывала официальная позиция властей.

В то же время соискателю приходилось учитывать специфику воздействия периодической печати, как «четвертой власти», на массовое политическое сознание, массовую психологию и общественные настроения людей. Зачастую именно периодическая печать, газеты формировали у читающей публики (включающей и действующую армию) представления и взгляды по основным общественно-политическим проблемам. В годы войны ее роль в формировании представлений о

---

[1] Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сб. документов. М., 1977; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. -март 1918 г. Сборник документов. М., 1977; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917- март 1918 г. Сб. документов. М., 1982; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 года- март 1918 года. Сб. документов под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1973; Революционное движение в русской армии. 27 февраля- 24 октября 1917 года. Сб. документов под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1968 и др.

[2] Авдеев Н. Революция 1917 г. Хроника событий. В 2-х т. М., 1923; Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. В 6-ти т. М., 1957-1987 и др.

[3] Мировая война в цифрах. М., 1934 и др.

[4] Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987; Политические партии России. Конец XIX- первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996 и др.

[5] Армия и флот. Военный справочник. Париж, 1928; Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914; Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1925 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

перспективах, характере и последствиях мировой катастрофы была особенно велика, ибо периодическая печать была в то время практически единственным средством массовой информации. В связи с ослаблением власти, нарастанием революционного кризиса и сравнительной мягкостью военной цензуры многие периодические издания с лета 1915 г. стали трибуной для пропаганды оппозиционных идей, критики власти «темных сил», являвшихся дополнительным фактором, расшатывавшим существовавший режим. Многочисленная партийная и армейская печать, издававшаяся в огромных количествах, особенно в 1917 году, раскрывала перипетии политической борьбы в стране, в том числе и за действующую армию, отношение самой армии к происходящим в стране переменам.

Наиболее важными для избранной темы являлись **источники личного происхождения** – письма (вовлечено в оборот 20 опубликованных сборников писем и архивные коллекции), дневники (40 опубликованных и архивные записи), мемуары (более 270 опубликованных, а также хранящихся в архивах воспоминания очевидцев событий). Субъективность источников личного происхождения при разработке тем, связанных с воссозданием атмосферы исторической эпохи, ее политико-психологического фона, массового сознания больших и малых социальных групп, является необходимым, а порой и единственным их свойством, позволяющим успешно решать указанные задачи. Внутренний мир человека – не что иное, как субъективная реальность, а изучение субъективной реальности возможно преимущественно на основе субъективных источников. Они имеют, подчас, не меньшее, а даже большее значение, чем источники, безличностно, чисто фактологически отражающие социально-политическое бытие, потому что, в отличие от последних, позволяют непосредственно проникать в духовный мир человека, выявлять побудительные мотивы его поведения. При этом источники, относящиеся к продуктам индивидуальной духовной деятельности, часто становятся выразителями типичных взглядов и настроений.

Политические доминанты массового сознания формировались не только под влиянием внешних обстоятельств, многое зависело и от личного восприятия действительности. Судить об этом восприятии позволяют **жалобы, письма**, исходившие непосредственно как от участников и свидетелей событий, так и являвшихся продуктом коллективного творчества, носивших в себе отчетливую печать коллективных представлений, социокультурных стереотипов мышления и восприятия событий, присущих действующей армии и рекрутируемых в ее состав социальных

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

групп. Письма как, вид источника, значимы еще и потому, что в начале XX века переписка являлась основным способом общения на расстоянии, важнейшим элементом быта и традиций широкого круга людей, выполняла не только деловую и информационную, но и психологическую функцию.

В качестве источника специально были привлечены письма представителей различных социальных слоев: сановной элиты, императора, дворян, интеллигенции, мещанства, рабочих, крестьян, солдат, офицеров. Мысли, чувства, впечатления, зафиксированные в письмах, явились ценнейшим материалом для политической и социально-психологической характеристики российского общества, выявления места политической составляющей в массовом сознании, в том числе и действующей армии. Письма, как один из нетрадиционных источников, в том числе и письма рядовых граждан в органы власти и на имя отдельных политических деятелей, дают богатый материал для анализа таких проблем, как отношение власти к человеку и человека к власти, отношение к наследию революции, внутренняя структура и иерархия ценностей и т.д. Они и иные формы апелляции к государству являлись, с одной стороны, своеобразным барометром общественных отношений, с другой – клапаном для выпускания социальной энергии и недовольства «низов».

Большинство из таких писем хранится в фондах Государственной думы (РГИА. Ф.1278. Оп.5, 10), центральных органов Временного правительства и Советов (Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.1235 «ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов» Оп.53; Ф.1244 «Редакция газеты «Известия» Оп.2; Ф.6978 «ВЦИК Советов I и II созывов» Оп.1; Ф.1788 Оп.1 «Канцелярия МВД Временного правительства»), куда стекались такого рода документы. Определенная их часть опубликована в сборниках солдатских писем, документов по истории революционного движения, стенографических отчетах съездов Советов.[1]

Об индивидуальном и массовом сознании начала XX века позволяют судить **дневники**.[2] Не предназначенные для посторонних глаз, дневниковые записи отражали непосредственную реакцию на события, фиксировали впечатления и настроения, общественное мнение, что чрезвычайно важно для исследования избранной темы. Их авторы давали собственную интерпретацию увиденного, причем

---

[1] IV (Чрезвычайный) съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Стеногр. отчет. М., 1920; Солдатские письма 1917 года. М.-Л., 1927; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932; Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957 и др.

[2] Блок А.А. Дневник. М., 1989; Верховский А.И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914-1918 гг.). Пг., 1918; Дневник барона А. Будберга // Архив русской революции. Т.12; Пуришкевич В.М. Дневник. Киев, 1918; М., 1990; Тыркова-Вильямс А. Дневник. Париж, 1926 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

эти комментарии, подчас, были проникнуты критическим духом. Авторы не боялись излагать в дневниках свои политические взгляды и давать нелицеприятные оценки, в том числе и носителям верховной власти. Записи опережали взгляды авторов в первоначальной форме без последующих наслоений, хотя сведения эти были, подчас, отрывочными и несистематизированными, страдали отсутствием исторической дистанции, субъективизмом, эмоциональностью, отсутствием пропорции, преувеличением значения частного в ущерб общему.

Благодатным материалом для проникновения в психологию и образ мыслей людей являются **мемуары.** Значимость этого источника заключается в том, что они воспроизводили духовный мир автора, отражали побудительные мотивы его деятельности, психологический фон событий. «Пережив революцию в политической реальности, - писал В.М. Вишняк, - а не в научно-историческом воспроизведении по архивным данным, мы имели возможность ощутить ее историческое дыхание, ее биение и трагически безысходные противоречия. И такое, почти физиологическое восприятие ритма событий, цветов и теней революции, не только субъективно убедительнее всякого последующего книжного знания. Оно объективно поучительнее».[1] Если до середины 80-х годов в этой группе источников абсолютно преобладали воспоминания большевиков, то позднее стали доступны находившиеся в отделах специального хранения и закрытых архивных фондах воспоминания представителей небольшевистских политических сил, часть которых была издана значительными тиражами.[2] Достоянием российских исследователей стали опубликованные в нашей стране воспоминания влиятельных представителей важнейших политических течений российской общественной жизни, духовных движений, дающие богатый материал для анализа массового политического сознания и социального поведения различных общественных слоев населения, включающие характеристику их настроений, взглядов, социального положения, политической активности в период Первой мировой войны.

При работе с этим видом источника учитывалось, что содержание мемуаров определялось особенностями восприятия автора, его социальным положением, ос-

---

[1] Вишняк В.М. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931. С.6.
[2] Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. М., 1991; Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954; Джунковский В.Д. Воспоминания. В 2-х т. М., 1997; Керенский А.И. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993; Маклаков В.А. Власть и общественность на защите старой России. Воспоминания. В 3-х кн. Париж, 1936; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991; Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1923; Октябрьская революция: мемуары. М., 1999; Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991; Революция в деревне в 1917 г. Воспоминания крестьян. М., 1927; Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926; Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993; Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ведомленностью, мировоззрением и жизненным опытом, а также задачами, которые автор перед собой ставил. Субъективизм проявлялся в симпатиях и антипатиях автора к персонажам воспоминаний, пристрастном отборе фактов.

Значимым фактором являлось также время (до или после 1917 года) и обстоятельства (в Российской империи, в Советской России или в эмиграции), при которых составлялись мемуары. По мере удаления от описываемых событий воспоминания тускнели, вытеснялись более поздними наблюдениями, иногда утрачивалась последовательность изложения. Автор как бы «увеличивал масштабы» повествования, в большей мере был склонен к обобщениям, меньше места уделял анализу каких-либо конкретных событий. В этом случае учитывалась опасность осовременивания оценок. Мемуарист мог вполне позволить себе умолчать о чем-то или припомнить то, чего он не видел. Записи в основном автобиографичны, но революционные потрясения начала века оказали столь большое воздействие на современников, что автобиографическая канва в мемуарах, порой, нарушалась, и авторы, сознавая историческое значение происходящих событий, стремились их запечатлить, даже если сами в них участия не принимали. Подобный материал представляет большую ценность, поскольку позволяют судить не только об индивидуальном восприятии, но и об опосредованном общественным мнением суждении.

Часть мемуаров содержит, в основном, описание конкретных событий, часть, в большей степени, отражает внутренний мир автора, но культурно-исторические и социально-психологические особенности изучаемого периода проявились и там. Бремя исторической ответственности за общественный катаклизм в России также накладывало отпечаток на воспоминания. Авторская оценка, подбор фактов тщательно продумывались. Читателю целенаправленно навязывалась авторская интерпретация. Кто-то подчеркивал свою приверженность традиционным политическим институтам и монархическим ценностям, кто-то обосновывал отступление от стереотипов поведения и общепризнанного миропонимания. Все это дало соискателю обширный материал для исследования состояния психологии и сознания общества, в том числе и действующей армии. Для мемуаров военно-революционной эпохи характерно также стремление представить исторический процесс в целом, а не в виде хаоса индивидуальных действий, обобщить имеющиеся суждения, поэтому на страницах воспоминаний появлялись коллективные субъекты действия – от какой-то группы людей до русского народа. В ходе этого абстрагирования конкретный материал отступал на задний план, индивидуальные действия сводились в некую

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

равнодействующую. В мемуары вкрапливались тематические обособленные отрывки, описывавшие процессы – действия и явления интеллектуально-психологического характера. Все это в значительной степени повышало информативность данного источника, способствовало всестороннему раскрытию исследуемой проблемы.

Несомненно обогатили современные представления о массовом политическом сознании действующей армии в различные периоды Первой мировой войны и Революции 1917 года воспоминания известных российских военноначальников, офицеров, солдат.[1] Казалось бы, основной массив источников личного происхождения, способных пролить свет на политическое сознание основной массы действующей армии – солдат, должны составить воспоминания офицеров (сохранившиеся солдатские мемуары основательно искажены идеологическими наслоениями; к тому же, простолюдины более подвержены незримому влиянию всевозможных табу: в частности, на бумагу они остерегались выплескивать всевозможную грязь). Но пласт документов такого рода, осевших в архивах, впечатляет совсем в другом отношении. Оказывается, что кадровые офицеры были узкими профессионалами до такой степени, что и воспоминания писали на манер «отчетов для начальства»: все, что оказывалось за пределами непосредственных обязанностей и долга, казалось им либо не заслуживающим внимания, либо относящимся к сфере действия «враждебных» сил и чужих происков. Во-вторых, подчиненных они воспринимали преимущественно как массу (за исключением разве что денщиков), отмечая, главным образом, их внешний вид – чаще предпочитая писать о «бравой выправке», «боевом настроении» безликих «молодцов» и «братцев»; все остальное именовалось «разложением». В-третьих, офицеры военного времени, особенно из числа сочувствующих социалистам и либералам, выделяли из речей солдат только то, что так или иначе соотносилось с исповедуемыми ими доктринами или теориями; иной раз та или иная случайная фраза поднималась ими на уровень неоправданного обобщения. Наконец, подавляющее большинство мемуаристов видело в солдатах массу преимущественно молчаливую, за которую обычно говорили лишь люди, приближенные к начальству, или смутьяны. Строго говоря, весь массив ис-

[1] Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1930; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983; Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба. За 1917-1918 гг. Таллинн, 1929; Гордиенко И.М. Из боевого прошлого (1914-1918). М., 1958; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1999; Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992; Лезин М. Воспоминания рядового. Горький, 1958; Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967; Оськин Д.П. Записки прапорщика.М., 1931; Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны: Воспоминания рядового. М., 1926; Чемоданов Г.М. Последние дни старой армии. М., 1926 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

точников, вроде бы обязанный характеризовать поведение и «душу» солдат – будь то официальные бумаги, или сугубо личные впечатления, - на деле отражает принципиальное явление другого порядка: чудовищную отчужденность офицеров (в широком смысле образованных людей вообще) от так называемого народа.

Мемуары представляют собой результат субъективного преломления событий и переживаний прошлого в сознании человека, обогащенного новым опытом, поэтому их данные необходимо подвергать критической проверке и сопоставлению с материалом других источников, ибо зачастую мемуары, особенно политиков, столь же ненадежны, как и их ремесло: обычно это попросту поток обвинений и самооправданий. В то же время уникальность текстов воспоминаний позволяет использовать дискурсивные, герменевтические методы исследования.

Значение источников личного происхождения для изучения социальной истории, социального поведения и особенно массового политического сознания различных общественных групп трудно переоценить. Именно эти субъективные по своему характеру источники, исходящие непосредственно от человека, выражающие его мысли, чувства, оценки действительности и своих собственных поступков дают самые широкие возможности для плодотворного использования богатейшего информационного потенциала. Они в наибольшей степени способствуют выявлению изменчивости динамических компонентов и приоритетов массового сознания, мотивов социального поведения, отражающих и фиксирующих, в свою очередь, глубокие социально-политические сдвиги в обществе.

Круг достоверных источников для изучения такого сложного явления как массовое политическое сознание в его исторической ретроспективе ограничен и особую позицию в нем занимает **фольклор**,[1] в котором находили воплощение коллективные представления и фундаментальные ценности народа. Безграмотное в массе своей население России, в том числе подавляющая часть рядового состава действующей армии, в фольклорных произведениях воплощало свое миропонимание, взгляды, суждения.

В ходе исследования проанализировано большое число **архивных материалов** – 1260 дел 220 фондов 9 архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского Государственного военного архива (РГВА), Рос-

[1] Солдатские песни. Сб. военных песен. Ярославль, 1915; Солдатские военные песни Великой Отечественной войны 1914-1915 гг. Харбин, 1915; Федорченко С. Народ на войне. Фронтовые записи. Киев, 1917; Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. М., 1989. Т.1, 2; Частушки // Библиотека русского фольклора. М., 1990. Т.9.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сийского Государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского Государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА), Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), Отдела рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ). В числе архивных источников использовались как частные коллекции, так и делопроизводственные материалы: отчеты, донесения, регистрационные документы, судебно-следственная и цензурная документация, содержавшие информацию о настроении населения и действующей армии, распространении различных слухов, эффективности революционной пропаганды.

Специфика источниковой базы настоящего исследования заключается в том, что большая часть неопубликованных документов аккумулирована в центральных архивах. Это объясняется мобилизацией в действующую армию многомиллионных народных масс из разных регионов страны (основные материалы по ее состоянию, военно-цензорские отчеты и сводки отложились в РГВИА), объявлением ряда губерний на военном положении и положении чрезвычайной охраны, что обусловило строжайшую централизацию сбора информации о настроениях населения, рабочем и крестьянском движении и особенно о положении в действующей армии (отчетные материалы различных правительственных ведомств сосредоточены в ГАРФ и РГВИА). Это касается и источников коллективного и личного происхождения, которые также в значительной степени сконцентрированы в фондах всероссийских представительных учреждений РГИА, ГАРФ и РГВИА.

В документах фондов ГАРФ отражена деятельность партии народной свободы и ее лидера П.Н. Милюкова, представлены резолюции съездов партии кадетов, протоколы ряда важнейших заседаний ее ЦК по вопросам власти, войны и мира, работы в армии и др., а также документальный материал периода Первой мировой войны и руководства страной Временным правительством в 1917 году. РГАСПИ располагает самыми разнообразными архивными материалами о большевиках, меньшевиках, эсерах и их деятельности в военно-революционный период истории нашей страны. В фондах прифронтовых округов, фронтов, армий РГВИА отражены политико-моральное состояние действующей армии, динамика массового политического сознания ее офицеров и солдат, повседневная борьба политических партий за массы и их работа по созданию своих военных организаций.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

В оценке источников официального происхождения соискатель учитывал, что любая власть в интересах самосохранения нуждается в объективной информации о настроениях в обществе, поэтому, в частности, информационно-аналитические и отчетные материалы Департамента полиции, военно-цензурных комиссий фронтов и округов, носившие закрытый характер, были достаточно достоверными и откровенно рисовали положение дел.

Материалы уголовных дел I-го Департамента III-го Уголовного отделения Министерства юстиции, хранящиеся в Российском Государственном историческом архиве (РГИА. Ф.1405. Оп.521) по привлечению к ответственности за оскорбления в адрес царя и членов императорской фамилии дают материал, характеризующий антицаристские и антиправительственные настроения народных низов, выраженные в форме речевых высказываний (дискурса).

Отчеты специальных ведомств МВД (Департамента полиции) и Военного министерства царского и Временного правительств (военно-цензурные, а затем и военно-политические отделы Генерального штаба, штабов фронтов и военных округов) содержат такой компонент, как оценки и суждения их составителей, интерпретирующих собранную информацию. Жандармские ведомства, подчиненные Департаменту полиции, в силу своей специфики и предназначения, были заинтересованы в поддержании и обосновании необходимости своей деятельности, а потому не упускали из поля своего зрения малейшие проявления инакомыслия. Представители органов политического надзора и цензуры в царской армии, в силу своей бюрократической природы, были в меньшей степени склонны акцентировать внимание на негативных тенденциях. В то же время их регулярные отчеты были унифицированы, а в дореволюционный период содержали не только информацию о процентном соотношении корреспонденции разного характера («бодрых», «угнетенных», «уравновешенных» или «с патриотическими высказываниями», «с пожеланиями мира», «без упоминаний о войне», «с жалобами»), отрывки из наиболее типичных писем каждой категории, но и тематические рубрики, выделявшие группы вопросов армейской жизни и быта, внутренней политики и т.д., затрагивавшихся в солдатских письмах.

В совокупности весь этот материал давал возможность воссоздать психологический «климат» эпохи, выявить бытовавшие в ту пору представления, настроения, потребности и устремления граждан России, в том числе и действующей армии. При анализе источников, носившей оттенок авторской позиции, приходилось

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

иметь в виду, что информация опосредована деятельностью субъекта, его мировоззрением, уровнем культуры, интересами, наконец, его психологическим состоянием. Образ объекта, власти в сознании конкретного человека и больших масс людей представлял собой сложную систему непосредственно-опосредованного отражения политической действительности. Источник содержал в себе как прямые, так и косвенные сведения о массовом политическом сознании россиян и его динамике.

Таким образом, предпринятое исследование базируется на широкой и разнообразной источниковой базе. Научный подход требует от историка критической оценки источников и честного отношения к фактам в них почерпнутым. Но это вовсе не означает этического нигилизма, то есть позиции восприятия происходящего как неизбежного и должного и, значит, стоящего за пределами добра и зла, - позиции, которую занимал Н. Бердяев, утверждавший, что судить о русской революции можно не более, чем о наступлении ледникового периода или о падении Римской империи. Но Революцию 1917 года произвели не слепые силы природы и не безликие массы, а вполне реальные личности, преследовавшие свои интересы. При всех стихийных чертах она явилась результатом преднамеренных действий. И с этой точки зрения не может не подвергаться оценке.

Анализ всей совокупности привлеченных в ходе исследования источников позволил обосновать выдвинутые гипотезы, выяснить ряд сущностных характеристик массового политического сознания российского общества и действующей армии в начале XX века, адекватно представить динамику социально-политических процессов. Плюрализм подходов и приемов в работе с документальными материалами, использование как традиционных (системно-структурных, описательных, сравнительно-исторических, типологических), так и новейших междисциплинарных и квантитативных методов определялись особенностями их типов, характером содержащейся в них информации, культурным контекстом.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

РАЗДЕЛ II ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В КОНЦЕПЦИЯХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ ДО ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА

В начале XX века сравнительно спокойная и плавная полоса мировой истории сменилась катастрофической, конфликтной – в самом центре Европы в течение нескольких лет вызревала мировая война. Анализ значительного числа научной литературы, дневников[1] и мемуаров[2] о причинах, генезисе, характере и ходе Первой мировой войны позволяет сделать следующее заключение: все ведущие континентальные державы интенсивно готовились к общеевропейской скоротечной победоносной войне; это был период «военного мира», сопряженный гонкой вооружений, разработкой соответствующих планов ведения боевых действий.

Николай II пытался остановить бойню[3]. Но попытка русского царя остановить занесенный меч потерпела такую же неудачу, как и его историческая попытка остановить начавшуюся гонку вооружений. [4] Ни одна великая держава в Европе так не нуждалась в мире, так не жаждала его, как Россия после войны с Японией, ибо целиком и полностью была занята разрешением внутренних политических, экономических, социальных и культурных проблем[5]. Анализ же российской действительности показывает, что из государственных и общественных деятелей лишь немногие, самые искушенные, понимали, какую опасность таит в себе война для будущего страны с такой хрупкой политической структурой. [6]

Почему Россия все же ввязалась в войну? Ссылки на экономические и моральные обязательства России перед союзниками недостаточно убедительны. Как нам представляется, в России сработал психологический фактор: после боснийского кризиса 1908 года больше уступать было нельзя, если страна не хотела лишить-

---

[1] Гофман М. Записки и дневники. 1914-1918. Л., 1929; Дневник императора Николая II. М., 1992 и др.
[2] Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878-1918. М.-Пг., 1923; Гофман М. Война упущенных возможностей. М., 1923; Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. В 2-х т. М., 1923-1924; Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.-Пг., 1923; Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны. М., 1923; Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1923; Фош Ф. Воспоминания. (Война 1914-1918 гг.). М., 1923 и др.
[3] Милюков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк 1955. С.387.
[4] См.: Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. Кн.1. М., 1994. С.183; Мэсси Р. Николай и Александра: Роман-биография. М., 1990. С.65.
[5] См.: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. // Вопросы истории. 1990. №9. С. 123, Мэсси Р. Николай и Александра. С. 232, Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Пг, 1916. С.61, 90.
[6] См.: Меньшиков М. Письма к ближним. СПб., 1910. С.136; Родина. 1993. №8-9. С.13; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.385; Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2002. С.174; Мэсси Р. Николай и Александра. С. 246-247; Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911-1919. М., 1991. С.451.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ся статуса влиятельной европейской державы. [1] С другой стороны, архивные документы, обнаруженные после Второй мировой войны, указывают, что для осуществления своих глобальных амбиций [2] были свои основания быстрее втянуть в войну Россию и у Германии, которая была крайне обеспокоена сделанным в 1912 году сообщением о развертывании так называемой Большой военной программы в России. [3] У России был выбор только одного из двух возможных вариантов развития событий: выступить против Германии в одиночестве или же действовать совместно с Францией и Англией. И, наконец, на слабовольного российского императора для военного решения перманентного балканского кризиса оказывалось беспрецедентное давление со стороны «военной партии» во главе с Великим князем Николаем Николаевичем. [4] Более того, Николай II перед Первой мировой войной сам стал все более примыкать к партии активной внешней политики. [5]

Последовавший со стороны Германии в ночь на 19 июля 1914 года ультиматум, требовавший отменить в России любую мобилизацию, означал лишь одно – войну, которая открыла ящик Пандорры. Началась самая кровавая и опустошительная из всех пережитых человечеством до начала XX века войн, постепенно втянувшая в свою орбиту 38 стран с населением более 1,5 миллиарда человек.[6] В военном противоборстве столкнулись государства Тройственного Союза и Антанты.

Оценивая готовность России к ведению боевых действий в условиях Первой мировой войны, можно с уверенностью утверждать, что «страна не была подготовлена к такой войне, которую ей пришлось вести».[7] Геостратегическое положение Российской империи было крайне невыгодным: наличие большого числа национальных районов, особенно на окраинах, и непосредственное соприкосновение со сферами интересов пяти ведущих держав вынуждали содержать даже в мирное время самые многочисленные Вооруженные Силы. Только в кадровой русской армии находилось около 1,4 миллиона солдат, что составляло около четверти всех военнослужащих мира.[8] Неустойчивость политической системы, состояние рос-

---

[1] Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М., 1991. С.209.
[2] Fischer Fr. War of Illusions. Lnd., 1975; Germany's Aims in the First World War. N.Y, 1961.
[3] Knox A. With the Russian Army, 1914-1917. Lnd., 1921. Vol 1. P. XIX.
[4] См.: Степанов А.И. Россия в первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти. М., 2000. С.99, 134.
[5] Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2002. С. 45-46.
[6] Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С.545.
[7] Данилов Ю.Н. На пути к крушению. // Военно-исторический журнал. 1991. №10. С.71.
[8] См.: Степанов А.И. Указ. соч. С.79.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сийской промышленности и особенно транспорта[1] также делали весьма уязвимыми позиции России в войне. Якобы неоспоримое преимущество России в неисчерпаемых людских ресурсах оказалось из-за несовершенства резервистской системы не более чем мифом.

В этническом отношении население империи состояло из 80 миллионов русских (великороссов), 33 миллионов украинцев (малороссов) и 7,4 миллионов белорусов (белороссов), которые суммарно составляли 121 миллион человек (65,5%). Общая численность других этносов достигала 44 миллионов человек или около трети населения России.[2] Однако системообразующая общероссийская нация еще не была сформирована, что резко ослабляло внутреннее общенациональное единство страны, национальное самосознание страны, народа и объективно способствовало преждевременному краху российской государственности.[3]

В основе сознания большинства населения страны доминировала имперская идея. Вместе с тем, особенности русского национального характера давали возможность современникам упрекать российский народ в отсутствии патриотизма и таких пороках как лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности перед Родиной, инертность, слабая воля к сопротивлению, к борьбе с порабощением.[4]

Исторический анализ показывает, что в течение нескольких столетий у русского народа сформировалась традиция патриотического единства в момент угрозы иноплеменного нашествия. В ситуации противостояния вражеским завоеваниям складывается русское национальное самосознание. Постоянное осознание своей военной мощи формирует русскую нацию. А перманентная готовность отражать вторжение извне и наращивание в этом процессе собственной силы отражается на государственно-административной и социальной структуре России. В первом случае ярко выраженное «центрально-окраинное» строение Российского государства, во втором – военнизированная социальная иерархия, сохранившаяся вплоть до начала Первой мировой войны. В плане же национальной психологии это состояние отобразилось в подсознательной готовности русского человека «встать под знаме-

---

[1] См.: Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С.567.
[2] См.: Степанов А.И. Указ. соч.. С.62.
[3] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России. Париж, 1939. Т.2. С.122; Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России от кануна первой мировой войны до Февральской революции. // Россия и первая мировая война. (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С.21.
[4] См.: Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С.8, 64; Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917. М., 1991. С.88, 97.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

на и идти, куда прикажут» и в противоположном стремлении – «утаиться, затеряться в бескрайних просторах страны». [1]

Любая война начинается задолго до ее объявления. Ей предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами, закладывающими в сознание своего народа мысль о необходимости и неизбежности грядущей войны. Можно констатировать, что российский истеблишмент полностью провалил эту жизненно важную работу. В его распоряжении не оказалось идеологической доктрины или хотя бы идеи, способной консолидировать общество на длительный период крайнего напряжения сил. [2]

Более того, накануне «уже неизбежной отечественной войны наши власти старательно избегали возбуждения в народе здорового патриотизма» [3] , «...не внедрялись в массы народа здоровые понятия о том, что несет за собою настоящая война, какие последствия могут быть от поражения России, и насколько необходимо дружное содействие всех граждан, не жалея ни сил, ни средств, ни жизней, ни крови для достижения победы».[4] Таким образом, достаточной идейной подготовленности к войне у нас не было[5] - делает совершенно справедливый вывод Н. Бердяев, с которым автор полностью солидарен. Подытоживая готовность нашей страны к войне, известный русский философ Ф.А. Степун высказал и такое оригинальное суждение: «Россия не стоит на уровне войны, то ли ниже, то ли над ним, и потому России не следовало принимать вызова на войну, а поднять святые и чудотворные иконы и без оружия выйти навстречу врагу».[6]

Власти делали все от них зависящее, чтобы поддержать мощный патриотический подъем населения, вызванный войной, хотя и были серьезно озабочены предстоящей мобилизацией.[7] Однако индуцированный в массовом сознании патриотизм позволил провести это важное мероприятие без серьезных проблем, количество дезертиров было минимальным. [8] Л. Троцкий, однако, провидчески напишет: «Мобилизация и объявление войны как бы стерли с лица земли все нацио-

---

[1] Бердяев Н. Судьба России. С.64, 65; Данилов Ю.Н. На пути к крушению. // Военно-исторический журнал. 1991. №10. С.79.
[2] Шульгин В. Опыт Ленина. // Наш современник. 1997. №11. С.151.
[3] Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991 С.226.
[4] Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция. // Архив русской революции. М., 1991. Т.6. С.17.
[5] Бердяев Н. Указ. соч. С.88.
[6] Цит. по: Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. // Архив русской революции. М., 1993. Т.XXII. С.329.
[7] Добровольский С.К. Мобилизация русской армии в 1914 году. М., 1929. С.106.
[8] ГА РФ. Ф.5960. Оп.1. Д.14. Л.6; Данилов Ю.Н. На пути к крушению. // Военно-исторический журнал. 1991. №10. С.77.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

нальные и социальные противоречия в стране. Но это только историческая отсрочка, своего рода политический мораторий. Векселя переписаны на новый срок, но платить по ним придется...».[1]

Исторический шанс на всенародное согласие, нравственное содержание которого состояло в том, что крепость связи между властью и подвластными возможна лишь там, где «она утверждена на идее совместного служения правде»,[2] давал и Высочайший Манифест, обнародованный на следующий день после начала войны.[3] В Манифестах Николая II от 20 и 26 июля 1914 года были использованы идеи панславизма – защиты единоверной и единокровной Сербии, православно-самодержавного патриотизма, защиты чести, достоинства и целостности страны, ее положения среди великих держав, а также верность союзническим обязательствам.[4]

В условиях начавшейся Мировой войны роль и значение действующей армии, вобравшей «весь цвет народных сил»,[5] в жизни российского общества неизмеримо возросли. [6] В годину суровых испытаний объективно становится более тесной и многогранной взаимосвязь и взаимообусловленность общества и армии. Армия выступает не только в качестве потребителя, не только общество работает на армию, но и сама она «очень близко подходит к гражданскому населению»,[7] поражениями или победами оказывая самое существенное воздействие на устойчивость массового политического сознания в обществе. [8]

Массовое политическое сознание действующей армии эволюционизировало как под опосредованным воздействием через общественное мнение России, так и непосредственным – через государственные и армейские структуры, сам механизм воздействия армейского организма на военнослужащих. Соглашаясь с мнением Б.М.Миронова, что «сословная парадигма была присуща не только официальной России, но и массовому общественному сознанию вплоть до 1917 года»,[9] пред-

---

[1] Цит. по: Волкогонов Д. Лев Троцкий. Политический портрет. // Октябрь. 1991. №6. С.158.
[2] Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С.111-112.
[3] См.: Летопись войны. 1914. №1. С.4.
[4] Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914-1915 гг. Законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета Министров, военного и адмиралтейского советов. Распоряжения и постановления Министров. В 4-х т. Пг., 1915-1916. Т.1. С.17.
[5] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.40. С.8.
[6] Родина. 1997. №12. С.62; Фадеев Р. Наш военный вопрос. // Российский военный сборник. Вып.9. М., 1995. С.31.
[7] Краснов П. Памяти императорской русской армии. // Российский военный сборник. Вып.9. М., 1995. С.31.
[8] Отечественная философская мысль о войне, армии, воинском долге: Хрестоматийный сборник. М., 1995. С.343.
[9] Миронов Б.М. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 1999. Т.2. С.285.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ставляется необходимым с точки зрения влияния на массовое политическое сознание действующей русской армии дать краткую характеристику различных социальных слоев общества и их мировоззренческих основ в период, предшествующий событиям Февраля 1917 года.

Анализ источников показывает что, несмотря на то, что уже в начале войны Н. Маклаков и И. Щегловитов подали государю записку, в которой указывали на необходимость скорейшего окончания войны и примирения с Германией, родственной России по политическому строю,[1] преобладающее большинство российской аристократии во главе с царской семьей встретило войну в состоянии эйфории, хотя и с меньшей агрессивностью, чем перед столкновением на Дальнем Востоке. [2] Дума единогласно приняла все законы и кредиты, связанные с ведением войны.[3] Российские властные структуры пытались объединить все общество через пропаганду различных справедливых ее целей. [4] 31 августа 1914 года было изменено даже название столицы – вместо немецкого Санкт-Петербурга город получил славянское имя – Петроград.

Хотя Николай II «уступил» на время пост Верховного Главнокомандующего Великому Князю Николаю Николаевичу, вняв доводам Совета Министров, что военные поражения подорвут его престиж,[5] он с августа 1914 по август 1915 года совершил десять поездок в действующую армию,[6] неоднократно беря с собой царевича Алексея для подъема ее морального духа. [7] А всего по подсчетам дворцового коменданта В.Воейкова до февраля 1917 года императорский голубой поезд наездил по фронтовой зоне более 100 тысяч верст.[8]

Князь императорской крови Олег Константинович скончался после тяжелого ранения, хотя по состоянию здоровья он не попал в списки полка, уходящего на фронт, но настоял на своем, считая, что член царской фамилии в первую очередь обязан выполнить свой воинский долг. [9] Погибли в прямых атаках на пулеметы юноши из первых аристократических семей – Шувалов, Воеводский, Кауфман,

---

[1] Милюков П.Н. Воспоминания. С.395.
[2] См.: Мэсси Р. Указ. соч. С. 242,243; Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. М.,1998. С.497
[3] Смирнов А.Ф. Указ. соч. С.499.
[4] РГВИА. Ф.2019. Оп.1. Д.738. Л.3,10,14.
[5] См.: Маклаков Н. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной комиссии Временного Правительства. Л., 1925. Т.3. С.103.
[6] Подсчитано по: ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1539. Л.3.
[7] См.: Мэсси Р. Указ. соч. С.259-263.
[8] Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя-императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. С.33.
[9] ГА РФ. Ф.660. Оп.2. Д.705. Л.92 об.,93; Д.163. Л.195-200 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Бобриков, князь Кильдишев, братья Катковы, Курчаниновы, Львовы[1] и многие другие. Одного из двух сыновей потерял на фронте и П.Н. Милюков.[2]

Во время войны Николай и Александра жертвовали свое личное состояние на ее нужды. [3] С первых дней войны самое деятельное участие в ней приняли женщины дома Романовых, находящиеся в России. [4] Уже к декабрю 1914 года в Москве было открыто 800 лазаретов,[5] а в Петрограде под личным попечительством императрицы функционировало 45 госпиталей.[6] Вдовствующая императрица Мария Федоровна учредила госпитали в Минске, Киеве и Тифлисе, 2 военно-санитарных поезда на 100 и 400 человек, 5 лазаретов, перевязочно-питательный отряд, санаторий в Крыму для выздоравливающих офицеров, убежище для увечных воинов при Максимилиановой Лечебнице, отправила на фронт огромное количество продовольствия и обмундирования. [7]

Известно, что российское общество также предпринимало максимум усилий для мобилизации всех сил страны для успешного ведения начавшейся войны. Были созданы «Общество 1914 года», «Комитет народного спасения», общество «За Россию» и другие, целями которых было «открыто выступить на борьбу с безответственными германофильскими влияниями в России...», «способствовать поддержанию достоинства и интересов Русского государства, развитию патриотических чувств; оказывать поддержку российскому воинству путем общественной помощи». [8]

Для большей политической консолидации сил общества были основаны Всероссийский земельный союз помощи больным и раненым воинам (Главноуполномоченный князь Г.Е. Львов) и Всероссийский союз городов (Главноуполномоченный кадет М.В. Челноков), которые 10 июля 1915 года объединились в Объединенный комитет всероссийских земского и городского союзов (Земгор). Эти союзы, отделений которых к концу 1916 года насчитывалось до 8 000,[9] сосредоточили в своих руках дело помощи больным и раненым воинам, беженцам, санитарные мероприятия, снабжение армии, многие технические работы на фронтах.

---

[1] Гессен И.В. Указ. соч. С.347; Отечественная философская мысль. С.271.
[2] Милюков П.Н. Воспоминания. С.398.
[3] См.: Мэсси Р. Указ. соч. С.443.
[4] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т.1. Берлин, 1929. С.3; Месси Р. Указ. соч. С.281; Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914-1920. Белград, 1925. С.164.
[5] Женщины царской семьи на войне. // Родина. 1993. №8-9. С.138.
[6] Мэсси Р. Указ. соч. С.281.
[7] См.: Родина. 1993. №8-9. С.138.
[8] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2074. Л.1; ДП. 4 Д-во. 1916. Оп.125 Д.107. Л.10.
[9] Милюков П.Н. Воспоминания. С. 401.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Анализ источников показывает, что первые трещины во взаимоотношениях власти и общества обнаружили себя уже к концу 1914 года,[1] когда оказалось, что промышленность не способна справиться с задачами боевого снабжения армии. [2] Характеризуя сложившуюся ситуацию, можно констатировать, что, во-первых, русская бюрократия оказалась совершенно неспособной организовать страну для успешного ведения боевых действий и вынуждена была прибегать к помощи общества, и во-вторых, она продолжала, и не без оснований, подозревать общество в революционных намерениях и вступила в открытую борьбу с ним.[3] Впоследствии это оказало существенное влияние на массовое политическое сознание страны и ее армии.

Случилось так, что между властью и образованным обществом подспудно разгорелась настоящая война за монополию на патриотизм. [4] Образованное общество в атмосфере политического бесправия обвиняло самодержавие в стремлении «подавить в народе любое проявление патриотических чувств, сорвать всякую попытку помочь правительству и русским солдатам»,[5] создании у русских образованных людей «психологии и традиции государственного отщепенства».[6] «Домогательства» общества весьма образно охарактеризовала в одном из писем супругу царица: «...пусть они лучше всего займутся вопросом о канализации».[7] Подобную тенденцию мало кто предвидел.[8]

1915 год был важной вехой во взаимоотношениях власти и оппозиции. По данным источников, непреодолимая неприязнь лидеров деловых и политических кругов и бюрократии привела их к мысли о бесперспективности компромиссного соглашения. В условиях тяжелейших поражений русской армии в 1915 году власть и ее подданные вместо единения отдалялись друг от друга все дальше и дальше.

На второй год войны правительство оказалось в состоянии войны на два фронта: оно вело боевые действия против Германии и Австро-Венгрии и политические – со своими противниками в тылу. И лишь под воздействием тяжелых военных поражений двор пошел на уступки и допустил к участию в военных делах

---

[1] Там же. С.399.
[2] Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.-Л., 1930. Изд.2. Т.1. С.129, 154, 157.
[3] См.: Милюков П.Н. Воспоминания. С.398.
[4] См.: Милюков П.Н. Воспоминания. С.401-402; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С.56; Падение царского режима. Т.7. С.119.
[5] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. // Вопросы истории. 1990. №9. С.136.
[6] Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. // Из глубины. М., 1990. С.237.
[7] Переписка Николая и Александры Романовых. Т.5. М.-Л., 1927. С.129-130.
[8] Государственная Дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. СПб., 1915 С.3-10.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

общественные силы. [1] В 1915 году власти пытались создать даже Отечественно-патриотический союз, куда официально принимались инородцы и иноверцы.[2]

Для оказания помощи действующей армии летом 1915 года были организованы четыре Особых совещания по обороне, топливу, продовольствию и перевозкам. Для России они имели значительный политический смысл как первые учреждения, где гражданские лица на равных заседали с правительственными чиновниками. Для содействия осуществлению решений Совещания по обороне правительство санкционировало учреждение Центрального военно-промышленного комитета (председатель А.И. Гучков). Было открыто 250 отделений по всей стране.[3] Достижения Совещания по обороне и военно-промышленного комитета хорошо иллюстрирует снабжение артиллерии: накануне февраля 1917 года русская артиллерия располагала даже большим количеством боеприпасов, чем ей требовалось: по 3 000 снарядов на каждое легкое орудие и по 3 500 – на тяжелое.[4]

Стремясь найти свой путь преодоления кризиса власти, Николай II 5 сентября 1915 года сместил Великого князя Николая Николаевича с поста Верховного Главнокомандующего и сам возглавил командование русскими армиями. Основными мотивами такого решения могли быть: тревога за судьбу армии, которую он искренне любил, желание вдохновить страну на новые проявления патриотизма в годину суровых испытаний, стремление приглушить слухи о сепаратном мире и приостановить политическое брожение, ликвидировать Ставку как возможный центр, на который могла опереться политическая оппозиция в своих действиях. [5]

Противниками такой инициативы Николая II выступило подавляющее большинство членов Государственной Думы и Совета Министров.[6] Они небезосновательно считали, что царь, возглавив армию в момент, когда удача отвернулась от русского оружия, ставит под удар свой престиж, и если войска постигнут новые несчастья, то вина за них падет исключительно на голову царя.[7] Кроме того, у Николая вообще была репутация «невезучего».[8] И, наконец, далеко не последнюю роль сыграли опасения, что в этом случае государю пришлось бы значительную

---

[1] См.: Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915-13 марта 1916 г.). // Вопросы истории. 1994. №3. С.157; РГВИА. Ф.2118. Оп.1. Д.801. Л.155 об.; Государственная Дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. СПб., 1915. С.7.
[2] Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.84.
[3] Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.259.
[4] Сидоров А.Л. Указ. соч. С.117-119.
[5] См.: Мэсси Р. Указ. соч. С.276; Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.253; Смирнов А.Ф. Указ. соч. С.516.
[6] Смирнов А.Ф. Указ. соч. С.516.
[7] Яхонтов А.Н. // Архив русской революции. Т.18. С.53-56.
[8] См.: Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.254.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

часть времени проводить в действующей армии, что неизбежно вынуждало бы его все дальше уходить от государственных дел, которые перешли бы к императрице.[1] По мнению современных историков, наряду с роспуском 3 сентября 1915 года Думы,[2] все это в условиях национального поражения превращалось в «самоубийство самодержавия».[3]

Соискатель считает, что политическому кризису в стране способствовала и позиция Николая II в проведении государственной политики, выразившаяся в необоснованных переменах состава правительства, что приводило к дискредитации его и дезинтеграции системы управления страной. Государственному механизму не хватало четкости, оперативности и гибкости.[4] В результате, как остроумно подметил министр юстиции И.Г.Щегловитов, «паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции».[5] Автор полностью солидарен с В.П.Булдаковым, который так оценивает это период: «В годы войны, приобретавшей тотальный характер, неопределенность в вопросе разделения функций военной и гражданской администрации, усиленная активизацией специальных межведомственно-общественных Особых совещаний (по обороне, топливу, перевозкам, продовольствию), не говоря уже о деятельности различных гражданско-сословных организаций, вроде Союза земств и городов, создали подобие двоевластия, а затем и многовластия в управлении страной».[6]

Не все было благополучно и внутри императорской фамилии. Александра Федоровна была крайне недовольна положением великого князя Николая Николаевича.[7] Весьма агрессивно была настроена императрица и по отношению к Государственной Думе.[8] Обстоятельства усугублялись тем, что Николай II слишком сомневался в самом себе: отсюда все его неудачи, а влияние легко возбудимой по природе Алекс на государя было очень велико, но почти всегда гибельно.[9] Импе-

---

[1] Поливанов А.А. Указ. соч. // Вопросы истории. 1994. №10. С.126; Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2002. С. 255

[2] См.: Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.253.

[3] Верт Н. История Советского государства. М., 1992. С.65; Черная книга коммунизма. М., 1999. С.69; Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и первая мировая война. // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.9-10.

[4] См.: Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.252; Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике, 1908-1917. Пг., 1917. С.111-112; Утро России. 1915. 23 августа; Падение царского режима. Л., 1925. Т.4. С.21-22; Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С.51, ГА РФ. Ф.102. Оп.1915. Д.20: Лит. Б. Л.21;

[5] Спиридович А.И. Великая война и февральская революция, 1914-1917 гг. Нью-Йорк, 1962. Т.3. С.13.

[6] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С.49.

[7] См.: Данилов Ю.Н. На пути к крушению // Военно-исторический журнал. 1991. №10. С.66.

[8] Переписка Николая и Александры Романовых. Т.3. С.244.

[9] Император Николай II и его семья. По личным воспоминаниям П. Жильяра. Вена, 1921. С.194, 195, 132.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

раторскую чету объединяло еще одно обстоятельство. Некоторые мемуаристы определяли это как мистическую покорность судьбе, как готовность последнего императора «скорее подчиниться обстоятельствам, чем руководить ими».[1]

В нападках на Думу не оставалось в стороне и правительство. 5 сентября 1915 года всегда осведомленный о настроении «сфер» «Колокол» заявил: «Дума распущена, но спокойно море народное и безразлично, как встарь, бьют его волны», а «правительство еще раз хотело повторить прошлое и доказать, что настоящей, народной популярности у Думы нет», что она есть просто «парламент политических мнений, отрешенных от народной воли и души», «политическое ристалище, где талантливые трибуны играют в правительство».[2]

Источники свидетельствуют, что бескомпромиссностью отличалась и позиция оппозиции, которая была убеждена, что царская бюрократия не отвечает требованиям, предъявляемых войной. 19 июля 1915 года меньшевик Н.С.Чхеидзе огласил декларацию, в которой говорилось: «Правительство сделало свое дело. Спасая себя, оно поставило страну на край гибели. Если народ не очнется, не возьмет в свои руки судьбы страны, разгром неизбежен. Или Государственная Дума сознает эту основную задачу, или народ перешагнет через Думу».[3]

В конце августа 1915 года 235 депутатов из 422 членов Государственной Думы объединились с высшими, назначенными царем, чиновниками Государственного Совета в Прогрессивный блок,[4] чтобы требовать установления в стране парламентской демократии, что вызвало настоящую эйфорию в образованных слоях общества.[5] Политический смысл Прогрессивного блока, по мнению современников, заключался в последней попытке предупредить революцию и тем дать власти возможность довести войну до конца.[6] По их взглядам, это был суррогат «священного единения» - после того как оно было разрушено между правительством и страной,[7] проявлением патриотического скептицизма ко всему, что предъявит правительство.[8]

---

[1] Там же. С.195.
[2] Колокол. 1915. 5 сентября.
[3] Интернационал и война. (Цюрих). 1915. №1. С.143.
[4] В Прогрессивный блок вошли кадеты во главе с П.Н. Милюковым, прогрессисты во главе с И.Н. Ефремовым, земцы-октябристы, фракция «Союза 17 октября», руководимая Н.В. Савичем, группа центра во главе с В.Н. Львовым, часть националистов во главе с В.А. Бобринским и три группы Государственного Совета («центра», «академическая» и «внепартийного кружка»), руководимые В.В. Меллер-Закомельским и Д.Д. Гриммом.
[5] Буржуазия накануне февральской революции / Под ред. Б.Б. Граве. М.Л., 1927. С.39.
[6] Шульгин В.В. Дни. Белград, 1925. С.156; Гессен И.В. Указ. соч. С.354.
[7] Милюков П.Н. Воспоминания. С.404.
[8] Там же. С.410.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Анализируя документы, автор пришел к выводу, что основное противостояние внутри блока шло по линии «министерство общественного доверия» - «ответственное министерство», реформирование власти или прямой конфликт с ней. А.И. Гучков считал, что «когда кормчий слаб духом, он может быть терпим при штиле, но в момент бури, когда гибнет корабль, власть должна быть взята из неумелых рук».[1] Позднее, 25 октября 1915 года на заседании президиума Прогрессивного блока он призвал пойти на прямой конфликт с властью, ибо «все равно обстоятельства к этому приведут...».[2] Более умеренные круги считали, что «...на крутом спуске у плохого шофера руль не выхватывают, а помогают советом, пока автомобиль не спустится на равнину».[3] Н.А. Маклаков так формулировал позицию умеренных сил: «Мы не хотим революции во время войны.» [4] Более того, как позднее заявлял Ф.Ф. Кокошкин, «монархия была не принципом, а вопросом политической целесообразности».[5]

В противовес Прогрессивному блоку в середине 1915 года возникла идея Консервативного («Черного»), блока,[6] который высказывался «за необходимость роспуска Государственной Думы и организации сильной власти (диктатуры), которая могла бы подавить нарождающееся, по их мнению, революционное движение».[7] Во главе блока должны были встать И.Г. Щегловитов, Н.А. Маклаков и Н.Е. Марков – 2-й.[8]

Некоторые внимательные современники отмечали, что Государственная Дума России была чрезмерно политизирована, что наносило ущерб ее законотворческой деятельности. [9] Вместе с тем, позицию Думы по многим вопросам поддержали различные круги российского общества, особенно деловая элита России. [10]

На основании вышеизложенного диссертант пришел к выводу, что курс маневрирования самодержавием в 1915 году привел к тому, что политические рамки его неуклонно сужались: чем явственнее властные структуры уклонялись от проведения реформ, призванных модернизировать режим, тем более увеличивалась

---

[1] Утро России. 1915. 23 августа.
[2] Цит. по: Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. Л., 1977. С.183-184, 188; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967. С.124.
[3] Русские ведомости. 1915. 27 сентября.
[4] Буржуазия и помещики в 1917 году. М.-Л., 1932. С.17.
[5] Речь. 1917. 26 марта.
[6] Политические партии России. Конец XIX-первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С.266, 337.
[7] Наше слово. 1915. 11 сентября.
[8] Политические партии России. Энциклопедия. С.366.
[9] Шаховский В.Н. «Sic transit gloria mundi». (Так проходит мирская слава). 1893-1917 гг. Париж, 1952. С.133.
[10] См.: Смирнов А.Ф. Указ. соч. С.512; Утро России. 1915. 3 сентября; Поливанов А.А. Указ соч. // Вопросы истории. 1994. №3. С.156.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

пропасть между ними и теми силами, которые требовали этой модернизации; чем больше они проявляли пусть даже демонстративную склонность к уступкам «общественности», к сотрудничеству с ней, тем сильнее раздражались силы, видевшие спасение страны в укреплении самодержавия. Общественные организации постепенно стали впитывать в себя все недовольные элементы и незаметно стали кадрами той внутренней армии, которая ставила себе целью политическую работу против правительства.

1916 – начало 1917 года было апофеозом гражданского противостояния в России, хотя конфликтующие стороны и пытались найти какое-либо компромиссное решение во имя единения для обеспечения победы над вторгшимся врагом. [1] В речи на заседании Государственной Думы 9 февраля 1916 года Николай II призвал депутатов выполнить свой долг перед Родиной, отметил важность совместной с правительством работы. [2] Между тем, военное и особенно внутреннее положение в стране ухудшалось. По-прежнему действующая армия ощущала острый дефицит вооружения, особенно отечественного. [3] Стал сказываться и кризис с мобилизационными ресурсами. [4] Не ограничивалась министерским уровнем и дезорганизация управленческого механизма. Только за девять месяцев 1916 года было сделано 43 губернаторских назначения.[5]

Как это часто происходит, в ходе уже идущей конфронтации обе стороны склонны были видеть не глубинные причины неспособности своевременного решения обострявшихся старых проблем и появления новых, а то, что лежало на поверхности. Правящим верхам, не без основания, казалось, что общественные организации, ведомые политической оппозицией, пользуясь ранее «дарованной» им свободой, стремятся подорвать существующую систему и прорваться к власти – рубежу, за которым им виделась «гибель государства». Напротив, неповоротливость государственной машины, ее бюрократизм и беспросветная рутинность все больше убеждали «общественность» в том, что именно она, эгоистически препятствуя полному развороту общественных сил, является источником нарастающего кризиса, грозящего военным поражением и «революционной «катастрофой».

---

[1] Утро России. 1916. 9 февраля; Речь. 1916. 27 января.
[2] См.: Ольденбург С.С. Царствование Николая II. В 2-х т. Белград, 1939. Т.2. С.119-121.
[3] ГА РФ. Ф.1467. Оп.1. Д.480. Л.281-282; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.57. Л.146-149; Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.,Л., 1930. С.398.
[4] См.: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., Бг. С.158.
[5] Речь. 1917. 3 января.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

К осени 1916 года противостояние «общественной» оппозиции, с одной стороны, и власти – с другой, казалось, утратило какую-либо разумную основу. Есть свидетельства с обеих сторон, подтверждающие это. [1] Печальные итоги подвел А.И. Гучков на заседании Государственного совета 14 февраля 1917 года, заявивший о «полном параличе и разложении государственной власти».[2]

Ретроспективно видно, что в определенной мере обе стороны по-своему оказались правы, но тогда даже грозная перспектива взрыва и развала напряженной до предела государственной системы оказалась не в состоянии смягчить или тем более остановить конфронтацию. Напрасно политическая элита[3] и послы союзников пытались открыть глаза Николаю II на крайнее обострение ситуации в российском обществе.[4] Инерция фетишизации роли самодержца была столь велика, что даже 13 февраля 1917 года чиновник А.А. Клопов, доверенный информатор Николая II, сделал попытку восстановить обратную связь Романовых с обществом.[5]

Пожалуй, ни в одной стране власть не была так дискредитирована, так неуважаема, как в то время в России. А.Ф.Керенский говорил о состоянии «политического маразма»[6] в стране, А.И. Гучков писал в августе 1916 года генералу М.В. Алексееву о «слабой, дрянной, слякотной власти»,[7] поведение правительства и самодержавия оценивали как качание справа налево и слева направо,[8] топтание на месте, и вымирание, «походку пьяного от стены к стене».[9] Критически относился к власти и П. Сорокин.[10] И совсем уж уничижительную оценку российской власти дал французский министр А. Тома: «Россия должна быть чрезвычайно богата и очень уверена в своих силах, чтобы позволять себе роскошь иметь правительство, подобное вашему, где премьер министр (Штюрмер – А.Ч.) является бедствием, а военный министр (Шуваев – А.Ч.) – катастрофой».[11]

Не научившись внушать трепет и перестав быть привлекательным, император становился для державы лишней фигурой. По мнению британского историка Д. Ливена, на необходимые в тех условиях «по должности предельные усилия он

---

[1] Оболенский В. Моя жизнь и мои современники. М., 1992. С.124; Милюков П.Н. Воспоминания. С.402; ГА РФ. Ф.1467. Оп.1. Д.687. Л.30.
[2] Речь. 1917. 22 февраля.
[3] Буржуазия накануне Февральской революции / Подгот. К печати Б. Граве. М.-Л., 1927. С.60.
[4] *Buchanan G. My Mission in Russia and other Diplomatic Memories. London, 1923. Vol.2. P.46, P.47.*
[5] См.: Письма чиновника А.А. Клопова царской семье. // Вопросы истории. 1991. №2. С.219.
[6] Керенский А.Ф. Указ. соч. // Вопросы истории. 1990. №9. С.141.
[7] Цит. по: Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С.15.
[8] Русское знамя (Петроград). 1916. 26 июля.
[9] Падение царского режима. Л., 1925. Т.3. С.133.
[10] Сорокин П. Современное состояние России. // Новый мир. 1992. №5. С.162.
[11] Цит. по: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939. Т.2. С.62.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

был физически, умственно и духовно не способен.»[1] Какая власть стала бы терпеть, например, речь П.Н. Милюкова, произнесенную 1 ноября 1916 года в Государственной Думе? [2] Сам Милюков называл ее «штурмовым сигналом революции»,[3] с чем можно согласиться только отчасти, а именно с точки зрения воздействия ее и ей подобных на массовое политическое сознание страны.

Наблюдая за разрушением столпов российской государственности, сторонники монархии решили покончить с Г. Распутиным[4], чье присутствие, по словам С.П. Мельгунова, «окончательно дискредитировало и престиж власти, и династию в массовых кругах обывателя, заставило отшатнуться от монархии даже те мещанские круги, для которых сохранился все еще ореол царской власти».[5]

По мере обострения столкновений противоборствующих сторон распутинский феномен все более гипертрофировался. Он оказался востребованным и для личной компрометации последних Романовых, особенно Александры Федоровны, и носил откровенно политическую направленность, превратившись в своеобразную пропагандистскую мишень. Заговор против Распутина мог вызреть только в экстремистской правой среде, где крепла мысль о необходимости устранения «старца» ради спасения монархии. [6] Многие правые восприняли убийство Распутина чуть ли не как национальный праздник, как освобождение от страшного кошмара,[7] как своего рода ритуально-очистительный акт – «проявление милости Божей», спасающей царя и империю.[8] Но результат оказался обратный: крушение империи лишь ускорялось. [9]

А. Вырубова пыталась связать распутинское дело с моральным состоянием российского общества, которое, по ее словам, воспользовалось Распутиным «как поводом для разрушения всех прежних устоев». [10] О нравственных же устоях верхних эшелонов российского общества говорит и откровенная ложь Ф. Юсупова в письме к Александре Федоровне, где он начисто отметает «те дикие обвинения»,

---

[1] Liven D. Nicholas II: Emperior of All Russions. L., 1993. P.IX, 261.
[2] См.: Милюков П.Н. Воспоминания. С.445.
[3] Там же.
[4] Александр Иванович Гучков. М., 1993. С.84.
[5] Голос минувшего. 1917. №3. С.III.
[6] Воейков В.Н. Указ. соч. С.181 - 182; Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией). Париж, 1931. С.131.
[7] См.: Савич Н. Воспоминания. Ч.II // Грани. 1983. №129. С.205.
[8] Власти и реформы: от самодержавия к Советской России. СПб., 1996. С. 637.
[9] См.: Искандеров А.А. Российская монархия, реформы и революция // Вопросы истории, 1994. №6. С.141; Алмазов Б. Указ. соч. С.236. Впрочем, некоторые авторы решительно отрицают саму мысль, что Николай Николаевич мог вынашивать какие-либо планы против правительства и тем более – против государя. (См.: Бубнов А.В. В царской ставке. Нью-Йорк, 1955. С.36-37.
[10] Вырубова А.А. Страницы из моей жизни. Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М., 1993. С.276.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

которые на него возводятся в связи с делом Распутина.[1] Как тут не согласиться с русским офицером, который по поводу такой позиции Юсупова сказал очень горькие слова: «Нет ничего удивительного, что Россия, дожившая до таких князей и до таких понятий о княжеском слове, дожила и до Троцкого с Лениным с циничным отрицанием старых договоров и обязательств. Бедный государь. Несчастная Россия».[2] Не отвергая нравственную составляющую распутинского «дела», автору представляется более точным, что это была полная компрометация власти, когда уже не сила закона, а закон силы, правовой беспредел определял, направлял ход событий, а точнее создавал хаос, анархию.

Не добавлял уверенности правящей династии и конфликт в самой семье Романовых, что отражало общий кризис власти и его парадоксальный характер. Острие обвинений было направлено против императрицы. [3] Сама Александра Федоровна, охваченная страхом, металась в поисках путей спасения монархии, пыталась найти выход из критической ситуации. А это усиливало настроения раздражительности, нервную возбудимость, что в свою очередь углубляло ответную отчужденность царедворцев, обвинявших царицу в том, что именно она была «центром всех безответственных влияний, которые в корне подтачивали царскую власть в России».[4]

Великий князь Николай Николаевич уговаривал Николая II позволить Думе назначить кабинет министров.[5] Уже тогда политический фольклор приписывал Николаю Николаевичу фразу: «Смотри, не доведи до того, что вместо Николая II будет Николай III.»[6] Члены императорской фамилии вынашивали и планы дворцовых переворотов. [7] По нашему мнению, заговорщическая деятельность протекала до такой степени открыто, что может быть названа таковой лишь с определенной долей условности. Подчеркивая парадоксальность этого, Е.В. Тарле приводит сказанные накануне Февраля 1917 года слова ирландского публициста О' Доннована: «В России зреет против царя заговор, о котором открыто говорят заговорщики самому царю».[8]

---

[1] Воейков В.Н. Указ. соч. С.180.
[2] Марков С. Покинутая царская семья. 1917-1918. Царское Село – Тобольск – Екатеринбург. Вена, 1928. С.17.
[3] Вырубова А.А. Указ. соч. С.258; Смирнов А.Ф. Указ. соч. С.543; Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.288.
[4] Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С.267.
[5] См.: Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.288.
[6] См.: Искандеров А.А. Указ. соч. С.142.
[7] Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С.128-129, 135; РГИА. Ф.948. Оп.1. Д.180. Л.4 об.
[8] Тарле Е.В. Два заговора. Соч. в 12-ти т. Т.11. М., 1961. С.689.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Не выдерживает критики и такой закоренелый штамп истории крушения царизма, как готовность монархии к ведению сепаратных переговоров с противником. Полуофициальные или неофициальные дипломатические зондажи, выяснявшие намерения Германии и Австро-Венгрии, действительно предпринимались, но они не имели ничего общего с самими переговорами.[1] Автор пришел к выводу, что ни в советских, ни в зарубежных архивах после революции не обнаружено каких-либо свидетельств, что царское правительство стремилось к сепаратному миру или хотя бы обдумывало такую возможность.[2] Это была «безответственная сплетня, порожденная в дни войны примитивным общественным психозом».[3] «Бацилла мира» царя и царицу не коснулась»,[4] - еще в то время делает вывод С.Мельгунов.

Некоторые историки, видимо опираясь на отдельные источники, считают,[5] что корень зла сложившейся ситуации был в том, что Николай II располагал крайне ограниченной информацией.[6] Вместе с тем, на основании документов можно сделать вывод, что до императора регулярно доходили записки и доклады с анализом положения в стране, которые Николай II читал и отмечал, что они «достойны внимания».[7] Но царь не поднялся до понимания размеров той опасности, которая угрожала ему, династии, стране, считая, что положение не так трагично, и все устроится.

В стране ничего не изменилось.[8] Николай II надеялся на «смягчение» противоборствующих политических сил, рассчитывал на компромисс.[9] В этом была его главная и роковая ошибка, ибо политика не терпит неопределенности, особенно в условиях войны, когда среднего, промежуточного пути нет.[10] В России разразился *национальный кризис*.

Оппозиционная общественность в 1916 году оказалась в двойственной ситуации: необходимо было предпринимать смелые, решительные и даже неординарные шаги с одной стороны, а с другой – слишком жесткое давление на прави-

---

[1] Военно-исторический журнал. 1993. №1. С.42.
[2] См., например: Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. (Канун революции). Париж, 1957; Иоффе Г.З. Февральская революция. Крушение царизма // Вопросы истории КПСС. 1990. №10.
[3] Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. С.81.
[4] Там же. С.495.
[5] Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С.33.
[6] Красный архив. 1923. №4. С.196.
[7] Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. М., 1991. С.54; Дан Ф. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1964. С.444-445.
[8] Новое время. (Белград). 1924 20 апреля.
[9] См.: Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С.25; Дневник Императора Николая II. М., 1993. С.625; Верховский А.И. Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. 1993. №1.С.39.
[10] ГА РФ. Ф.5974. Оп.1. Д.309. Л.74.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тельство могло окончательно сокрушить разлагавшийся административный аппарат и вызвать ту самую анархию, которую оппозиция стремилась предотвратить. Значит, предстояло выполнить в высшей степени деликатную задачу: давление на правящие круги должно быть достаточно мощным, чтобы снискать расположение масс и вынудить правительство уступить свою власть, но при этом действовать следовало крайне осторожно, чтобы не смять всю государственную структуру.

Выйдя на тропу войны, оппозиция развязала самую настоящую информационную войну против «исторической власти», популистски заявляя, что «в отношении войны мы те же, что были 26 июля 1914 года...»,[1] но практически все более обостряя все внутренние противоречия в стране. И вот уже одними из центров всей антиправительственной деятельности становятся Продовольственные комитеты[2], Правление Всероссийских Земского и Городского союзов.[3] В салонах, магазинах, кафе об императоре не стеснялись говорить, что «он хорошо бы сделал, если бы подумал об участи Павла I», готовились «защищать императора, если понадобится, против его воли», предусматривали «оказать на него сильное давление и, если потребуется, заставить отречься от престола».[4] Более того, как позднее писал В.А.Маклаков И.И. Тхоржевскому, «по всему Петербургу ходила тогда поговорка: чтобы спасти монархию, надо убить монарха», и далее, оправдывая это деяние: «Если покушение на царскую власть вообще во время войны было преступно, то устранение одного вредного государя могло бы оказаться счастьем именно для царской власти».[5]

Генерал-адъютант В.Н. Воейков, наблюдавший за происходившим из Ставки в Могилеве, говорил о том, что «массовый психоз проявился во внедрении убеждения о необходимости сломать и уничтожить нечто, тяготившее людей и не дававшее им жить».[6] Другой современник писал в декабре 1916 года об «осаде власти, обратившейся в спорт».[7]

Важнейшую роль в политической жизни страны продолжала играть Государственная Дума. Но и в этот период она, по мнению диссертанта, считалась занимающей в системе власти только маргинальное, но никак не суверенное или неза-

---

[1] Новое время. 1916. 5 ноября.
[2] РГАСПИ. Ф.451. Оп.1. Д.94. Л.59 об.
[3] Россия, 1917 год: Выбор исторического пути. М., 1989. С.113; Буржуазия накануне Февральской революции. М.-Л., 1927. С.155-159.
[4] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.-Пг., 1923. С.258, 265, 266.
[5] Родина. 1997. №12. С.59.
[6] Воейков В.Н. Указ. соч. С.185.
[7] Вестник Европы. 1916. №12. С.379.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

висимое отдельное положение по отношению к самодержавию. В соответствии с общим курсом Прогрессивного блока, Дума вплоть до осени 1916 года была важнейшим сдерживающим фактором на пути всеобщего общественного недовольства политикой властей. Думская сессия 1916 года знаменовала высший подъем уже объединенной оппозиции, а Дума стала главной трибуной недовольства в стране. И хотя оратор Прогрессивного блока С.И. Шидловский заявил, что блок будет добиваться правительства народного доверия «всеми доступными нам законными способами», реальность оказалась далека от желаемой. [1]

Эффект разорвавшейся бомбы вызвала в Думе речь П.Н. Милюкова с крайне немотивированными обвинениями власти. Несмотря на восторженные восклицания большинства ознакомленных с нею, в среде оппозиционеров, даже близких к оратору, были и более сдержанные, даже встревоженные оценки. [2] И все же желания свержения власти у оппозиции не было. [3] Значительно более осторожен был после своего феерического выступления уже 3 ноября 1916 года и П.Н.Милюков.[4]

Мучительный вопрос – что делать в практической плоскости? – со всей остротой стоял перед оппозицией. Если, с одной стороны, линия царя и правительства, как ей казалось, не давала почти никаких шансов на новые, «конституционные перемены» и если, с другой стороны, «силовая борьба» с властью угрожала катастрофой стране, то оставалось, по-видимому, два пути: либо терпеливая подготовка, мобилизация сил на тот случай, когда решительный шаг станет не только необходимым, но и несопряженным с большим риском,[5] либо осуществление быстрого дворцового переворота, в результате которого произойдет смена монарха, позволяющая начать конституционные преобразования.[6] Это, во-первых, предполагало сохранение спокойствия в стране, неизменность государственного строя, монархии и династии как гарантов сохранения государственности, и во-вторых, его целью было лишь изменение губительного курса правительства, демонстрация готовно-

---

[1] Государственная дума: Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916. С.11-13, 29-33, 68, 131.
[2] Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Лондон, 1990. С.400.
[3] Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т.VI. С.52.
[4] Мельгунов С. На пути к дворцовому перевороту. С.76.
[5] Еще в начале 1916 г. П.Н. Милюков наставлял: «Ради бога, не поддавайтесь же на подобную провокацию тонущей реакции, не стройте ей желанных мостиков.... Сейчас нам остается одно – все терпеливо снести, глотать самые ужасные пилюли, не обострять...и все потому, что при предстоящей близкой расплате положение правительства представляется безнадежным, а торжество русского либерализма – полным и безусловным. Правительство само неуклонно толкает себя в пропасть...». (Буржуазия накануне Февральской революции. С.76).
[6] Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931; Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С.14-17.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сти власти на реальный и действенный союз со всей нацией против общего внешнего врага.

Вероятно не будет большой ошибкой сказать, что большая часть оппозиции предпочитала двигаться первым путем; во второй верила относительно небольшая группа, связанная, прежде всего, с Гучковым, чрезвычайно активным человеком явно авантюрных наклонностей, и некоторыми другими. Предпочитая переворот «в форме военного пронунциаменто»,[1] то есть удаления царя в форме наиболее мягкой – отречения от престола, он, по донесениям охранки, контактировал с высокопоставленными военными[2]. В организации дворцового переворота при содействии гвардейских офицеров и английского посла Дж. Бьюкенена необоснованно подозревали и М.В. Родзянко.[3] Но взгляды и образ действий Гучкова были чужды большинству деятелей Прогрессивного блока.[4] «Этот переворот, - заявил Гучков вскоре после победы Февраля, - был подготовлен не теми, кто его сделал, а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ, заговорщиками были представители самой власти».[5]

Анализ источников показывает, что оппозиционная общественность после ноябрьской сессии Думы как бы по инерции еще продолжала «давить» на правительство примерно до конца декабря.[6] Как «свершившийся факт»,[7] называл П.Н. Милюков сближение Думы и общественных организаций с армией через голову правительства.[8]

Однако оппозиционный накал уже явно спадал, в речах лидеров оппозиции сквозила безысходность.[9] Спаду, не в последнюю очередь, содействовал и приближавшийся срок окончания полномочий IV Думы, в связи с чем крепло опасение, что правительство предпримет меры для «получения» более правой V Думы. С точки зрения этой перспективы следовало проявлять определенную осторожность.

---

[1] Милюков П.Н. Указ. соч. С.464.
[2] РГВИА. Ф.13251. Оп.1. Д.54. Л.3, 4; ГА РФ. Ф.102. Оп.1917. Д.20.Ч.33. Лит.Б. Л.1; Д.20. Ч.57. Л.10, 19; Д.343.Ч.57. Л.11; Д.347.Ч.20. Л.8,9,11 об.,13-14; Д.437.Ч.46. Л.11, 15, 17 об., 18, 24 об. и др.
[3] См.: Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. С.202.
[4] Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. Л., 1977. С.190; ГА РФ. Ф.102. Оп.1916. Д.5.Ч.57. Л.80; Д.5.Ч.88. Л.151 об.; Д.59.Ч.46. Лит.Б. Л.35 об.; Д.59.Ч.69. Лит.Б. Л.10 об.; Д.307. Лит.А. Т.1. Л.128, 136, 166 и др.
[5] Речь. 1917. 9 марта.
[6] Керенский А.И. Указ. соч. // Вопросы истории. 1990. №10. С.140.
[7] Милюков П.Н. Указ. соч. С.409.
[8] Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. С.99.
[9] Государственная дума: Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1917. Стб.1333-1334.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

П.Н. Милюков выделял январь-февраль в особый исторический этап, отличительной чертой которого было то, что все политические силы (Дума, Царский двор, армия, «Земгор» и, наконец, «улица») «вступили в открытую борьбу и готовились к чему-то, готовились».[1] Впоследствии лидер кадетов признавал, что свержение монархии было грубой ошибкой, что это означало «крах всего дела, всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями».[2]

Поведение Государственной думы перед лицом начавшейся в Петрограде революции во многом предопределило ее дальнейшее положение при новой власти. Собравшаяся вновь в феврале 1917 года, она, по многочисленным воспоминаниям, представляла весьма плачевное зрелище: общее развитие политической ситуации в стране завело ее в тупик, из которого, как вскоре оказалось, она уже не нашла выхода. Чувствовалось бессилие и апатия.[3]

Имеются все основания утверждать, что крах политики российской оппозиции привел к тому, что парламент в целом остался в подвешенном состоянии между неприступным самодержавием и всеми слоями общества, которые, хотя и считали ее выразителем своего мнения, но уже оказались в целом гораздо левее Думы. Измученное более чем трехлетней войной российское общество убеждалось: царская власть на перемены не пойдет, оппозиция добиться их не может. Политическая пассивность власти определяла революционную активность общества.[4]

В ряду факторов, оказывающих значимое влияние на формирование массового политического сознания всех социальных слоев общества, в том числе и действующей армии, исключительно важное значение имело отношение к войне и поведение в ходе ее российской интеллигенции, по словам Дмитрия Мережковского, «сознания России».[5] Хотя были и нелицеприятные оценки этого социального слоя[6].

Война с Германией была воспринята интеллигенцией скорее интуитивно, нежели рационально. И традиции патриотического единения сыграли здесь ре-

---

[1] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 242-245.
[2] Цит. по: Сенин А.С. А.И. Гучков. М., 1996. С.153.
[3] См., например: Милюков П.Н. Указ. соч. С.449; Архив русской революции. Т.6. Берлин, 1922. С.57-58; Шульгин В.В. Дни. Л., 1926. С.124.
[4] Чернов В. Рождение революционной России. Париж, 1934. С.29.
[5] Отечественная философская мысль... С.287.
[6] Письмо Алексею Суворину // Чехов А.П. Письма. Т.5. М., 1915. С.352; Бердяев Н.А. Судьба России; С.82. Обидин А.И., Маин В.Н. Российская интеллигенция и традиции освободительной борьбы русского народа в годы первой мировой войны // Царизм и российское общество в начале XX века. Материалы пятой международной конференции. В 2-х частях. М., МАДИ, 1998. Ч.II. С.11.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

шающую роль. [1] Однако, признавая войну, подавляющее большинство считало необходимым оправдать ее в более возвышенном смысле и искало компромисса между пацифистскими убеждениями и реальной действительностью. [2]

В соответствии со своими патриотическими убеждениями, сотни представителей интеллигенции – учителей, врачей – добровольно поступили на военную службу. Общее число добровольцев из числа творческой интеллигенции составило около 3 700 человек.[3] Н.Н. Брешко-Брешковский и А.Н.Толстой работали в эти годы военными корреспондентами.[4] Принимали участие в развернувшихся событиях почти все члены семьи графа Л.Н. Толстого. [5]

Представители интеллигенции учреждали лазареты и госпитали. Так, на средства профессоров и служащих императорского Московского университета был организован и содержался лазарет для раненых воинов. Лазарет на 200 коек был устроен в Институте инженеров путей в Петрограде. Профессор С.И. Залесский являлся одним из учредителей Польского лазарета.[6]

С точки зрения формирования патриотической составляющей в массовом политическом сознании, российская интеллигенция проявила суперстарание. Справедливо восставали против «Соловьев над кровью»[7] Д.Мережковский и А.Ожегов[8]. По этому же поводу В.Б. Станкевич вспоминал, что стоило прочесть любую патриотически-настроенную газету, чтобы «отвращение властью охватывало всю душу. Отвращение и утомление». Именно поэтому в интеллигентской среде говорить о войне считалось «неприлично, бестактно». [9]

Положение несколько изменилось в 1915 году. «Мы словно проснулись и опомнились, - пишет в 1915 году философ И.А. Ильин, - поняли, что над нами стряслось, и почувствовали, как вновь загорелось в душе древнее чувство Родины. И вот мы сами, охотно, доброю волею, делаем то, что нужно для победы» [10]. На этих же позициях стоял и Ф. Сологуб. [11] Как подчеркивает английский историк Х.Ф. Дан, творческая интеллигенция вместо победных лозунгов и насмешек над

---

[1] См: Цехновитцер О. Литература и Мировая война (1914-1918). М., 1938. С.102,103; Бердяев Н.А. Судьба России. С.XI.
[2] Милюков П.Н. Воспоминания. С.393.
[3] Россия и первая мировая война. (Материалы международного коллоквиума). СПб., 1999. С.263.
[4] Обидин А.И., Маин В.Н. Указ. соч. С.11-12.
[5] Утро России. 1914 21 октября.
[6] Обидин А.И., Маин В.Н. Указ. соч. С.12.
[7] См.: Бердяев Н.А. Судьба России. С.38.
[8] Книга о войне. Пг., 1915. С.221.
[9] Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. М., 1994. С.26.
[10] Цит по: Обидин А.И., Маин В.Н. Указ. соч. С.11.
[11] Русские ведомости. 1915. 6 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

врагами собирали теперь деньги и одежду для солдат, давали концерты для раненых в госпиталях. Так они выражали свой патриотизм, сконцентрированный на человеке, а не на отвлеченных образах. В то же время они являли собой пример гражданской ответственности, резко контрастировавшей с некомпетентностью официальных лиц.[1]

Ближе к 1917 году российская интеллигенция зримо ощутила, что единства в стране нет и необходимо совершать выбор. Это состояние хорошо выразил русский философ, поэт Д.С. Мережковский: «Единая Россия куется молотом войны. Единство будет скоро, но единства нет сейчас. Поэтому-то и нет победы, что нет единой России.... В том-то и ужас наш, что сейчас две России, две войны, два врага, и мы не знаем...какой из двух врагов опаснее. Будем же бороться с обоими так, как будто оба опасны равно.... Будем верить, что над двумя врагами победа одна. Только свободная Россия победит; только победившая будет свободна». [2] После этого можно сказать, что интеллигенция самоубийственно провоцировала революцию, постоянно заявляя о скором ее пришествии.[3]

Своеобразную позицию по отношению к войне занимало студенчество, ставшее едва ли не основным источником пополнения таявшего в боях младшего офицерского состава. Война, даже в ее изначальный момент патриотического вихря в российском обществе, не принесла «внутреннего мира» политически расколотому студенчеству, хотя и оно в абсолютном большинстве желало победы над внешним врагом и горело стремлением встать грудью на защиту Родины.[4]

Декларируя свою приверженность защите Отечества, студенты- революционеры, демократы, либералы стремились отмежеваться от ура-патриотов черносотенного толка, рьяно демонстрировавших безмерную преданность царю. [5] Осудив попытки толкнуть студенчество «на дорогу рабского патриотизма и угодничества», студенты-трудовики призывали своих товарищей оставаться верными «заветам старого студенчества и возвысить свой голос за честь и достоинство Родины».[6] Антисамодержавный патриотизм имел и такое выражение: «Я бы вступил в бельгийскую армию – защищать ее независимость, вступил бы во французскую армию – защищать свободу Франции, но в ряды русской армии вступать считаю невоз-

---

[1] Отечественная история. 1998. №4. С.187.
[2] Отечественная философская мысль. С.285-286.
[3] Гиппиус З. Петербургские дневники. М., 1990. С.232.
[4] См.: Меницкий И. Революционное движение военных годов (1914-1917). М., 1926. С.72.
[5] РГИА. Ф.1284. Оп.47. Д.64. Л.53 об.
[6] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

можным, потому что русская армия защищает свое правительство, которое в прошлом достаточно показало себя и даже арестует...готовых сражаться за Россию».[1]

Умонастроение беспартийных демократов, думается, точно передал в своих воспоминаниях академик Н.М. Дружинин, тогда студент последнего курса историко-филологического факультета Московского университета: «С одной стороны, я понимал, что война неизбежно вызовет у нас революцию, которая покончит с самодержавием, с другой стороны, я считал, что при сложившейся обстановке необходимо защищать родину от германской армии».[2]

Военные поражения, фатально преследовавшие Россию в текущей войне, постоянные наборы студентов в армию, на оборонные предприятия и общественные работы, каждодневные вести с фронта об убитых и искалеченных товарищах, тяготы повседневного быта – все это в совокупности умеряло ратоборческий пыл учащейся молодежи, все более погружавшейся в настроение житейского уныния и разочарованности. [3] Если в 1914 году студенты-добровольцы мгновенно заполнили все 2,5-3 тысячи курсантских вакансий в военных училищах, то в 1916 году таковых насчитывалось уже единицы.[4] К 1917 году студенчество было охвачено уже антивоенными настроениями, но ничего не имевшими общего с большевистскими. Оно желало не поражения своей Родине во имя пролетарской революции, а скорейшего и почетного выхода ее из войны во имя мира гражданского.[5]

Имело свои специфические особенности и отношение рабочего класса к войне - основной социальной базы российской социал-демократии и одного из главных источников (наряду с крестьянством) комплектования российской армии нижними чинами.

Отмечая характерные особенности политического сознания рабочих, историк С.Тютюкин подчеркивает, что как бы ни сильны были крестьянские корни русского рабочего, он довольно быстро становился другим человеком. Лишенный собственности рабочий, в отличие от крестьянина, уже не связывает с ней и только с ней своих надежд на благополучие и счастье. Его религиозность внутренне более духовна по сравнению с крестьянской. Он неизмеримо более агрессивен в социальном плане, менее терпелив и покладист. Средний рабочий грамотнее крестьянина, его кругозор шире, у него сильнее тяга ко всему новому. Наконец, рабочий смелее

---

[1] РГИА. Ф.1405. Оп.530. Д.883. Л.56.
[2] Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С.16.
[3] Воронков М. Из жизни дореволюционного студенчества. М., 1947. С.1.
[4] Иванов А. Студенты в окопах // Родина. 1993. №8-9. С. 152.
[5] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

крестьянина, у него больше развито чувство собственного достоинства, он острее реагирует на несправедливость.[1]

Существенные различия в уровне сознания отдельных слоев пролетариата, влияние на него господствующей в обществе идеологии – все это приводило к тому, что при отрицательном отношении рабочих к войне, как к величайшему народному бедствию, позиция различных групп пролетариата по вопросу о защите отечества не была и не могла быть однозначной. Значительная его часть искренне готова была дать отпор врагу.[2] Даже группа путиловских рабочих вышла 24 июля на Невский с английским флагом, чтобы продемонстрировать верность «союзническому долгу».[3] В провинции «объявление войны было встречено рабочими с восторгом, и в последующие за тем дни рабочие дали удивительный пример лояльности и преданности царю и отечеству...».[4]

О патриотическом отношении рабочих к войне говорит и их реакция на арест депутатов-большевиков IV Государственной думы в ноябре 1914 года и затем на суд над ними в феврале 1915 года: «...так им (арестованным депутатам – А.Ч.) и надо, в такое время они устраивают...».[5] Многие рабочие Вычугского текстильного района радовались аресту своего депутата Н.Р.Шагова, считая, что «он и другие депутаты подбивали их к революционным выступлениям в угоду Германии и на германские деньги».[6] Для части рабочих начало войны было как гром среди ясного неба.[7] Однако, подавляющее большинство рабочего класса составляли убежденные противники войны, но не желавшие победы Германии.[8]

С началом войны пошло на убыль забастовочное движение.[9] Объяснение этому можно найти в психологии рабочих. Почти каждый из них, даже если он оставался в тылу, так или иначе был связан с армией, где находились его родные и товарищи. Успехи немецкой армии порождали у большинства тревогу за судьбу страны, солидарность с солдатами-фронтовиками, остро нуждающихся в оружии и боеприпасах, чувство обиды за русского солдата, иными словами, как писал А.Г.

---

[1] Отечественная история. 2000. №6. С.73.
[2] Родзянко М.В. // Архив русской революции. Т.6. С.17; Большевики: документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. М., 1990. С.231.
[3] ГА РФ. Ф.ДП.00. Д.475. Л.245. (Демонстрация путиловцев была разгромлена полицией, принявшей английский флаг за революционный).
[4] ГА РФ. Ф.ДП. 4-е Д-во. 1914. Д.108.Ч.37. Л.9-9 об.
[5] ГА РФ. Ф.1167. Оп.2. Д.1479. Л.1 об.
[6] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1915. Д.5.Ч.35. Лит.Б. Л.2.
[7] Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. – февраль 1917 г.) Л., 1986. С.143.
[8] РГАСПИ. Ф.2. Оп.5. Д.474. Л.2; ГА РФ. Ф.ДП.00. Оп.265. Д.992. Л.1179; Крушение царизма. С.161.
[9] Касаров Г.Г. Стачки в России в 1914 – феврале 1917 г. Хроника. М., 1989. С.4.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Шляпников, хотелось «не быть для России хуже, чем немцы для Германии».[1] При этом необходимо учитывать, что участие в забастовках лишало рабочих прав на отсрочку от призыва в действующую армию. Питерский рабочий Г.К. Кондратьев вспоминал: «Рабочего стало не оттащить от станка, каждый держался за станок как утопающий за соломинку, с тем, чтобы как-нибудь удержаться на заводе».[2]

Такие настроения среди рабочего класса не могли существовать долго.[3] Усталость от войны, падение жизненного уровня, потери последних надежд на правительство, когда «военные неудачи могли явиться достаточно удобным поводом для агитации»,[4] привели к заметному оживлению забастовочного движения.[5] В качестве его особенности необходимо отметить то, что оборонческие настроения захватывали рабочих волнами: оживление патриотизма наблюдалось в начале войны, летом и осенью 1915 года (в связи с поражением русских войск), весной 1916 года (брусиловский прорыв), причем последний всплеск патриотической волны был уже совсем слабым.[6]

Как попытку изменить создавшееся положение в экономике страны можно отметить активное участие рабочих в работе военно-промышленных комитетов.[7] Однако, как отмечает в докладе 15 февраля 1917 года начальник контрразведывательного отделения при штабе Двинского военного округа М.С. Алексеев, «низшие классы населения, в особенности городского, заметно начинают тяготиться затяжным характером войны и высказывают пожелания скорейшего заключения мира, не считаясь с его условиями».[8]

Все это дает основание сделать вывод, что рабочее движение в России сразу после объявления войны мало чем отличалось от других стран, втянутых в войну. Ставшие хрестоматийными высказывания В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева из работы «Социализм и война» (июль-август 1915 года), что «единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма, является пролетарий» и «в общем и целом рабочий класс России оказался иммунизированным в отношении

---

[1] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х т. Т.1. Канун семнадцатого года. М., 1992. С.52-53.
[2] Красная летопись. 1922. №5. С.229.
[3] ГА РФ. Ф.ДП.4 Д-во. 1914. Д.63.Ч.2. Л.11; ГА РФ. Ф. ДП.00. 1914. Д.9.Ч.«ВК». Л.16-17.
[4] ГА РФ. Ф.ДП.4 Д-во. 1915. Д.61.Ч.2. Лит.А. Л.156.
[5] Касаров Г.Г. Указ. соч. С.4.
[6] Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Берлин, 1924. С.343.
[7] РГИА. Ф.4. Оп.1. Д.23. Л.5.
[8] Революционное движение в армии и на флоте. 1914 – февраль 1917. М., 1966. С.290.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

шовинизма»,[1] едва ли правильно отражали реальную картину и, скорее всего, имели характер пропагандистского заявления.

В начале XX века крестьянство составляло около трех четвертей населения России и, в соответствии с этим, преобладающую часть действующей армии. При всем очевидном консерватизме, мировоззрение крестьян, его интересы и система ценностей были достаточно переменчивы, хотя социальная стабильность в России во многом зависела от состояния деревни.

Если попытаться составить обобщенный портрет русского крестьянина, отбросив элементы ностальгической идеализации,[2] то он предстанет в следующем виде. Крестьянское сознание характеризовалось единением с властью земли, бога и природы,[3] полным отсутствием правового сознания и, как следствие, представлений о правах человека, ибо «стомиллионное крестьянское население в повседневной жизни жило без закона».[4] Русская деревня могла проявить высокую степень сплоченности перед угрозой извне, но политическим опытом совершенно не обладала. [5] Л.Н. Толстой решительно отказывает крестьянам в чувстве патриотизма. [6] Такого же мнения придерживается и А.И.Верховский. [7] Другими особенностями российских крестьян, по мнению Б.М. Миронова, были: примирение с принуждением и регламентацией; уравнительные тенденции при разделе общинного пирога и общинных повинностей; нетерпимость несогласия с волей большинства как проявление антиобщественного поведения; нелюбовь к дифференциации в чем бы то ни было; ориентирование на устоявшиеся авторитеты.[8]

Анализ научной литературы с очевидностью показывает, что политическое миросозерцание крестьян носило скорее характер религиозно-политического ритуала, чем убеждения (тем более, что происходил интенсивный процесс разрушения целостности общинного крестьянского сознания и все большей формализации сакральных символов). [9] Представление о самодержавии как о наиболее стабильном режиме государственной власти, необходимом для обеспечения внутренней и внешней безопасности, лежало в основе латентного искреннего монархизма, прочно вошедшего в сознание крестьянских масс. Они видели в царе настоящего вла-

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26. С.331.
[2] См.: Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
[3] Успенский Г. Власть земли // Полн. собр. соч. М., 1949. Т.8. С.25.
[4] Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Париж, 1933. Т.2. С.249.
[5] Бердяев Н.А. Судьба России. С.4; Деникин А.И. Старая армия. Париж, 1929. С.50-51.
[6] См.: Толстой Л.Н. Христианство и патриотизм; Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.125.
[7] Верховский А.И. Россия на Голгофе. Пг., 1918. С.9.
[8] Миронов Б.М. Указ. соч. Т.1. С.243.
[9] Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1999. С.25-26; Успенский Г. Собр.соч. М., 1956. Т.5. С.215.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дельца и отца России, который непосредственно управляет своим огромным хозяйством.[1] Вот почему крестьянство легко мирилось с принуждением и регламентацией, ориентировалось на устоявшиеся авторитеты, боялось нарушить многочисленные запреты, правила, требования и негативно относилось ко всякого рода переменам и нововведениям. Отсюда идут корни народной нелюбви к плюрализму мнений и агрессивности по отношению к нарушителям общепринятых норм. С одной стороны, авторитарное воспитание в семье порождало необыкновенную приспособляемость и терпение, а с другой, «привычку к насилию, освященную авторитетом старшинства, люди уносили в большую жизнь, в том числе на службу в армию...».[2]

По справедливому замечанию В.Булдакова, «традиционалистское сознание рассчитывает на магию слияния с властью, а не на включение в политический процесс».[3] По мнению некоторых исследователей, государство для крестьянина – чисто негативное начало, некое изначальное зло, которое только мешает власти в решении ее «идеальных» задач.[4] Вероятно поэтому, крестьянин в России знал лишь две формы социального поведения – смирение и бунт,[5] причем бунт - для сообщения власти о своем почему-то не расслышанном мнении. Поэтому не случайно, когда в 1913 году в деревне пошли разговоры о возможности вступления России в войну, крестьяне считали, что война – это та крайняя ситуация, когда власть обязана показать свою силу и возможности: уметь справиться с врагом внешним, подавить внутреннего и при этом еще накормить.[6]

Разброс мнений по отношению к войне в силу неоднородности крестьянского населения России был достаточно велик: от нежелания отрываться от земли, семьи, разговорах о забастовке «не пойдем на войну!»,[7] до мудрых слов старого крестьянина из Новгорода В.Н. Коковцеву, бывшему премьер-министру: «Если мы, к несчастью, не разобьем германцев, они придут сюда. Они воцарятся над всей Россией, наденут ярмо на вас и на меня, да-да, на вас так же, как и на меня».[8] Но последнее высказывание является, скорее, исключением, чем правилом. Патриотизм

---

[1] См: Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.133; Энгельгардт А.Н. Из деревни. М., 1987. С.542.
[2] Миронов Б.М. Указ. соч. Т.1. С.268-269.
[3] Булдаков В.П. Красная смута. С.23.
[4] См.: Вольф Э. Крестьянские восстания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С.302-303.
[5] Бокарев Ю.П. Бунт и смирение. Крестьянский менталитет и его роль в крестьянском движении. // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С.167-172.
[6] ГА РФ. Ф..ДП.00. 4-е Д-во. 1913. Д.10.Ч.9 Л.1.
[7] См.: Толстая С.А. Дневники. М., 1978. Т.2. С.412.
[8] Мэсси Р. Указ. соч. С.243.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

солдат-крестьян часто ассоциировался с малой родиной. [1] Преобладающее большинство крестьян воспринимали войну как «досадное беспокойство»[2] и шли на мобилизационные пункты в силу привычки повиноваться: «Скажут – пойдем».[3]

Своеобразно шла трансформация психологии «человека земли» в «человека с ружьем». Для крестьянина уход в армию означал, что он становился человеком, несущим «государеву службу». Свою службу он воспринимал как фатум, а не гражданскую обязанность.[4] Воинский долг психологически приближал его к власти; следовало уважать сам процесс перехода его в это возвышающее качество. Призывник долго и демонстративно ритуально «гулял» на глазах у «понимающей» общины. Когда в июле 1914 года последовала торопливая мобилизация с запретом спиртного, новобранцы взбунтовались.[5] Но «озорство» заканчивалось, как только рекруты получали обмундирование. Будь последнее добротным, а питание обильным – «царь не давал приказа морить нас голодом»[6] (как и было первое время)- «человек земли» исправно нес бы тяготы войны, тем более, что природной стойкости ему было не занимать.

Вместе с тем, вчерашние крестьяне не переносили муштры, зубрежки уставов, порой принимавшей издевательские над здравым смыслом формы,[7] сложной системы титулования, «зряшной», на их прагматический взгляд (рытье окопов, строительство блиндажей и т.д.), работы. Шокировало и то, что служба отстраняла их от гражданской жизни противоестественными, как им казалось, запретами. Не случайно некоторые солдаты восприняли свободу как возможность «погулять» в городе «как все».[8] Крестьянин испытывал большую ностальгию по родине. Многие специально шли в разведку, чтобы получить в награду отпуск, или просили отпуск вместо «георгия».[9]

У крестьян одними из первых в социальной структуре России уже в начале 1915 года «не наблюдалось ярких вспышек энтузиазма».[10] Феномен такого отно-

---

[1] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.2031. Л.6.
[2] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.25.
[3] Деникин А.И. Старая армия. С.50.
[4] См.: Риттих А. Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб., 1893. С.257-259; Веселовский. К вопросу о воспитании солдат. Спб., 1900. С.7-9.
[5] См.: Беркович А.В. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. Т.23; ГА РФ. Ф.ДП.00. 4-е Д-во. 1914. Д.138. Л.17; Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917. Сб. документов. М., 1965. С.466-514.
[6] Цит. по: Булдаков В.П. Указ. соч. С.28.
[7] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.17-18.
[8] См.: Кришевский Н. В Крыму (1916-1918 г.) // АРР. Т.13. С.79-80.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1486. Л.61; РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.553. Л.676-677; Ф.2067. Оп.1. Д.2832. Л.308.
[10] ГА РФ. Ф.102. 4-е Д-во. 1915. Д.108.Ч.12. Л.5-6.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

шения крестьян к войне состоял в том, что, по мнению автора, с точки зрения крестьянина воевать бусурман и присоединять землицу – первейшее дело православного царя. В этом было оправдание и рекрутчине, и жертвам военного времени. Первая мировая война, потребовав многих жертв и огромного напряжения сил, не несла никаких перспектив поправить дело с землей. В результате к февралю 1917 года «...отсталость, замкнутость, непонимание общих государственных задач порождали в русском крестьянстве антиоборончество, требование немедленного прекращения войны, во что бы то ни стало».[1]

Важное значение для достижения победы в войне имело государственное единение народностей, населяющих Россию, самой многонациональной из всех воюющих держав. Вопреки опасениям, политические представители всех народов России - от антинемецки настроенных латышей до симпатизирующих турецким единоверцам мусульман – спешили выразить готовность бороться за государство, в сохранении и развитии которого они видят и залог своего благополучия, и заявили о поддержке самодержавия во имя общей победы.[2] Лучше всех по вероисповеданию воевали, согласно секретной сводке, мусульмане, хуже всего – католики (поляки и иудеи).[3]

Необходимо особо подчеркнуть, что национальности, ограниченные в праве выполнения своего воинского долга, стремились либо создать национальные добровольческие отряды, либо служить добровольцами в русской армии. На таких началах защищали Россию чехи, поляки, армяне, болгары, сербы, осетины, латыши[4] и другие нации и народности.[5] Царизм и политическая элита России обнаружили непривычную изобретательность и лояльность по отношению к российским нациям и народностям, готовность, по крайней мере, на словах, решить их насущные проблемы.[6]

В условиях, когда война стала фактом, перед политическими партиями России, если они не хотели остаться в стороне от влияния на массовое политическое сознание различных категорий населения страны, с особой остротой встали вопро-

---

[1] Жордания Н. Большевики. Берлин, 1922. С.32.
[2] Родзянко М.В. // АРР. Т.6. С.19; Он же Крушение империи. С.99; Книга о войне. Пг., 1915. С.134; Л.12; Россия и первая мировая война. С.420; РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.3851. Л.12; Ф.2003. Оп.1.Д.151.Л.97.
[3] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2099. Л.1. А.Н. Куропаткин отмечал, что в его гренадерском корпусе именно поляки постоянно перебегают к немцам (ГА РФ. Ф.555. Оп.1. Д.932. Л.1), в середине 1917 г. некоторые пророссийски настроенные польские деятели допускали, что в бегах по русской армии числится до 200 тыс. их соплеменников. (Там же. Д.610. Л.6) (цифра, безусловно, преувеличена).
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.323. Л.16, 24, 177, 178; Д.324. Л.36, 163; Д.325. Л.110.
[5] Там же. Д.324. Л.79; Д.323. Л.289; Д.325. Л.110.
[6] См.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С.25.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сы: как относиться к войне и власти, к перспективам послевоенного развития России, каковы должны быть конкретные практические действия в создавшейся ситуации?

Консервативные правые силы в начале войны были представлены несколькими партиями и организациями: Всероссийским Дубровинским Союзом русского народа (А.И. Дубровин), Союзом русского народа-обновленческим (Н.Е. Марков-2), Русской монархической партией (С.А.Кельцев), Русским народным союзом имени Михаила Архангела (В.М.Пуришкевич), Русским собранием (кн. М.Л. Шаховский), Союзом русских людей (Н.С. Щербатов). В 1915 году создан Отечественный патриотический союз (В.Г. Орлов),[1] а в 1916 году был возрожден Союз земельных собственников.[2] Кроме того, В.А. Бобринский и В.В. Шульгин, бывшие представители Национального союза, создали в 1915 году в Государственной Думе фракцию Прогрессивных националистов.[3] Численность сохранившихся правых организаций к концу 1916 года составляла около 45 тыс. чел.[4] Вместе с тем, как подчеркивает Ю.И. Кирьянов, правые упорно не желали объединяться в общероссийском масштабе, пытаясь сохранить стихийно-народную природу.[5]

Идеология правых вполне была способна воздействовать на массы.[6] Правые партии всегда внимательно следили за состоянием Вооруженных Сил, как главного оплота самодержавия. Так, еще на съезде русских людей в Москве в октябре 1909 года обсуждалась подготовленность армии к возможной войне, и был сделан вывод о неудовлетворительном техническом состоянии ее.[7]

Известный правый деятель К. Пасхалов верно предвидел участие России в скорой войне.[8] Общую позицию всех правых в начале войны высказал Русский народный союз им. Михаила Архангела: «Мы защищаем русское царское неограниченное Самодержавие, в котором видим основу и оплот для культурного вообще, и для военного в частности, развития нашего Отечества».[9]

---

[1] Политические партии России. Энциклопедия. С.414; ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.858. Л.70-70 об.
[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год. С.39-40.
[3] Вопросы истории. 1996. №1. С.113.
[4] Кирьянов Ю.И. Численность и состав крайних правых партий в России (1905-1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. №5. С.31.
[5] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.82.
[6] Пасхалов К. Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. М., 1906. Т.2. С.94.
[7] Сборник съезда русских людей в Москве. 27 сентября-4 октября 1909. М., 1910. С.12.
[8] Пасхалов К. Русский вопрос. М., 1913. С.21.
[9] ГА РФ. Ф.102.00. 1914. Д.244. Л.144-144 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

С началом войны партийная деятельность правых замирает. Об этом свидетельствует и печать, и сохранившиеся документы, и прямые высказывания некоторых правых деятелей. [1] На основании анализа имеющихся документов, можно выдвинуть следующие причины, объясняющие такое состояние правых сил. В.Г. Орлов в письме издателю одной из газет писал: «Мы правые, действительно отдались войне. С самого начала объявления таковой прекратили партийную работу, веря нашим политическим врагам».[2] По другой версии – период по июль 1915 года было «время постепенного упадка всех указанных организаций. Правительственная власть только терпит их, помня о деятельности их в годы революции».[3] Но факты свидетельствуют, что только из одного источника лидеры правых партий за 4,5 месяца получили свыше 400 тыс. рублей.[4] И это была только часть средств. После Февраля 1917 года выяснилось, что, например, один только член Государственной думы Н.Е. Марков получил из секретного фонда полиции 132 тыс. рублей.[5]

Третья версия, более правдоподобная, отсутствие монархических организаций объясняет «не малочисленностью монархистов, а стремлением каждого из них в отдельности помочь правительству лично, чем только возможно, в одержании победы над врагом, на что и затрачивается вся энергия, не оставляя времени ни для группировок отдельных лиц в партии, ни для собраний»,[6] «поступив на те или другие должности, обслуживающие войска», [7] организуя сбор средств на нужды войны. [8]

Но еще более убедительно звучит следующая причина, сформулированная начальником Казанского ГЖУ: «Недостаток этих (правых – А. Ч.) организаций заключается в том, что среди членов их нет достаточного количества людей настойчивых и энергичных, которые, обладая высоким образовательным цензом, могли бы взять на себя организаторские функции. Простой же народ, при своей преданности девизу «За веру, Царя и Отечество», не является силой, способной вести партийную борьбу с членами революционных и прогрессивных организаций».[9]

---

[1] ГА РФ. Ф.1467. Оп.1. Д.830. Л.1-1 об; ГА РФ. Ф.102. 4 Д-во. 1915. Д.151. Л.193;Правые партии. Сб. документов и материалов. В 2-х т. Т.2. (1911 – февраль 1917 г.). М., 1998. С.589;.
[2] ГА РФ. Ф.102. 4 Д-во. 1915. Д.110. Л.28.
[3] См.: Союз русского народа. М.-Л., 1929. С.401.
[4] ГА РФ. Ф.ДП. Всеподданнейшие доклады (1914-1917 гг.). Л.84, 87-89.
[5] ГА РФ Ф.6. Оп.2. 1916. Д.1. Л.27 об.
[6] ГА РФ. Ф.102. 4 Д-во. 1915. Д.151. Л.182 об.
[7] Там же. Л.182; Ф.1467. Оп.1. Д.818. Л.49 об.
[8] Земщина. 1914. 8 октября; Русское знамя. 1914. 25 ноября; Никифорова С.М. Политическая борьба правых партий за сохранение самодержавия в России (1905-1917гг.). Дис. канд. ист. наук. Орел, 1999. С.173.
[9] Вопросы истории. 1996. №4. С.150.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Оживление партийной деятельности наступило лишь летом 1915 года в связи с военными поражениями и обострением экономических трудностей, а также открытым выступлением оппозиции и созданием Прогрессивного блока.

Еще в 1914 году К. Пасхалов сделал заключение: «Все антиправительственные волки обратились в патриотических ягнят. Я вообще убежден, что по окончании возникших войн, для нас настанет самое трудное, самое тяжелое время».[1] При этом правые сетовали, что их ряды редеют, а «левые умножаются и подготавливают себе большинство ко времени окончания войны».[2] Они, обращаясь к Министру внутренних дел кн. Н.Б. Щербатову, категорически выступали против возможности съездов Земгора обратиться к монарху и представить свои «преступные постановления».[3] В Государственной думе правые поддержали правительство, заявляя, что когда оно идет навстречу общественным пожеланиям, тогда Дума с ним.[4] Считая, что в условиях войны все помыслы должны быть направлены на отражение внешнего врага, правые были убеждены, что уже в 1915 году война почти забыта, главное внимание уделяется тылу, где «воцарились политические шантажисты и мародеры,...пошел открытый штурм власти»,[5] «наступление на русскую государственность»,[6] а Думе приходится отступать перед превосходящими силами врага внутреннего. Ведущую скрипку в этой политической игре, по мнению правых, играл Прогрессивный блок, поэтому необходимо выработать план и программу действия, на которых могла бы объединиться вся православная, верноподданная, правая Россия для борьбы с Прогрессивным блоком.[7] Правыми предлагались и более конструктивные меры, в частности, обеспечить народ землей за счет немцев.[8]

На основании анализа документов правых партий, автор пришел к выводу, что в политических взглядах правых весьма существенное место занимали мысли о возможности революции в России.[9] Более того, по их мнению, революционная работа в стране уже идет.[10] Как считали правые, во время войны революция бес-

---

[1] ГА РФ. Ф.102. Оп.265. 1914. Д.998. Л.1744.
[2] Цит. по: Правая группа Государственного Совета в 1906-1917 годах // Отечественная история. 1998. №3. С.61.
[3] ГА РФ. Ф.1467. Оп.1. Д.858. Л.19-19 об.
[4] Государственная Дума. Стенографический отчет. 1915. Сессия 4. С.65-69.
[5] ГА РФ. Ф.102. Оп.265. 1915. Д.1030. Л.1350.
[6] Там же. Д.1031. Л.648-648 об.
[7] Там же. Ф.116. Оп.1. Д.38. Л.28-28 об; Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия 4. Пг., 1916. С.1247; Кирьянов Ю.И. Численность и состав крайних правых партий в России. С.35.
[8] Исторический архив. М., 1994. №5. С.37.
[9] Политические партии России. Энциклопедия. С.609; ГА РФ. Ф.102. Оп.265. Д.1055. Л.173.
[10] ГА РФ. Ф.1467. Оп.1. Д.685. Л.81; Ф.102. Оп.265. Д.1060. Л.1112.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сильна и возможен только бой правительства с интеллигентской оппозицией,[1] она может начаться после войны на почве немецкого засилья и «едва ли у правительства найдется много сторонников».[2]

Уже в 1915 году у правых и их сторонников не было единства взглядов по многим вопросам, в том числе и о перспективах участия России в войне. Л. Тихомиров в феврале 1915 года записал в дневнике: «Я все менее начинаю верить в добрый исход войны. У нас государственные люди очень плохи, очень плохи. С плохой постановкой политики не поможет войско. Нет Столыпина».[3] В противовес ему В.В. Шульгин считал, что «весь смысл похода на правительство с 1915 года был один: чтобы армия сохранилась, чтобы армия дралась...».[4]

Анализируя деятельность правых сил в 1916 году, Русский народный союз им. Михаила Архангела пришел к выводу, что одни из монархистов, в том числе В.М. Пуришкевич, полагали, что, «несмотря на вызывающий образ действий большинства Думы и идущих вместе с нею учреждений, монархисты по-прежнему должны идти своей дорогой и, не обостряя своим вмешательством в партийную политику разгоревшихся страстей, продолжать служение Отечеству на поприще войны и соединенных с нею нужд и потребностей (таких большинство). Другие – Н.Е. Марков-2, Г.Г.Замысловский – находили нужным дать отпор зазнавшемуся и зарвавшемуся Желтому Блоку».[5] В начале 1917 года правые сделали попытку примирить и объединить свои силы, выступить единым фронтом за спасение самодержавия путем созыва всероссийского монархического съезда. Но опять вышла осечка.[6] Одной из основных своих задач монархисты по-прежнему считали борьбу с оппозицией, «темной ратью внутренних врагов».[7]

Проблемы укрепления властных начал в государстве также были одними из ведущих в политической деятельности правых, ибо они считали, что власть бездействует там, где ей нужно бы проявить твердость и силу. А народ русский и общество нуждается во власти.[8] Консерваторы требовали восстановить в полном объеме самодержавие, удалить депутатов Государственной думы в строевые части

---

[1] Там же. Ф.102. Оп.265. 1915. Д.1030. Л.1397.
[2] Там же. Д.1042. Л.105-105 об.
[3] Цит. по: Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избр. труды. М., 1999. С.130.
[4] Октябрьский переворот С.128.
[5] ГА РФ. Ф.117. Оп.1. Д.282. Л.1-1 об.
[6] Речь. 1917. 10 февраля.
[7] Русское знамя. 1916. 31 декабря.; Земщина. 1917. 19 февраля; Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Стб.1613; ГА РФ. Ф.1467. Оп.1. Д.861. Л.1-2; ГА РФ. Ф.102. Оп.265. 1917. Д.1069. Л.168;
[8] ГА РФ. Ф.102. Оп.265. 1916. Д.1054. Л.104; Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг.,1921 С.126-139.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

для изоляции их от внешнего мира,[1] ясно сказать, что правительство государственного переворота не допустит.[2]

Значительная часть правых, по-прежнему считая, что «народу – мнение, царю – власть»,[3] существенно изменила свои позиции по отношению к власти.[4] Новую позицию в политическом противостоянии занял состоявшийся 28 ноября 1916 года XII (последний) съезд Объединенных дворянских обществ, который принял решение о необходимости «создать правительство сильное, русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе, однако ответственное только перед монархом»,[5] хотя всего еще год назад российское дворянство высказывалось против «всенародных желаний», объявив их «происками неблагонадежных лиц».[6]

Из уст правых звучали и более резкие обвинительные высказывания о власти[7]. В политических высказываниях имела место и критика царя.[8] Член Главного Совета Всероссийского дубровинского союза русского народа Б.В. Никольский предсказывал гибель династии.[9] В.В. Шульгин даже определил царя как главного «противника и виновника всего того, что, как воздух, необходимо стране».[10]

И все же большинство правых считали, что сейчас «не время пересмотра политических программ, а время войны, когда все русские люди, без различия звания, состояния, национальности, должны дружно объединиться вокруг Царя, под знаменем России, нашей общей матери для окончательного одоления нашего общего врага».[11] Анализ архивных материалов показывает, что недостатка в реальных «рецептах» спасения монархии и страны у правых не было.[12] Не оказалась забытой и действующая армия. Предлагалось, в частности, не допускать призыва

---

[1] Речь. 1917. 8 февраля.
[2] Земщина. 1917. 1 января.
[3] См.: Никифорова С.М. Указ. соч. С.149.
[4] Колокол. 1917. 1 января, 4 февраля; Земщина. 1917. 2 февраля.
[5] ГА РФ. Ф.102. Оп.5. 1916. Д.104. Т.2. Л.56 об.
[6] Там же. Оп.16. 1915. Д.167.Ч.35. Л.7.
[7] ГА РФ. Ф.5974. Оп.1. Д.309. Л.75; ГА РФ. Ф.1467. Оп.1. Д.865. Л.160 об.
[8] См. : Вада Х. Указ. соч. с.137.
[9] См.: Колоницкий Б.И. Правоэкстремистские силы в марте-октябре 1917 г. (на материалах петроградской печати). // Национальная правая прежде и теперь. Ч.1. СПб., 1992; Чхартишвили П.Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. №8. С.134.
[10] ГА РФ. Ф.102. Оп.265. 1917. Д.1070. Л.81.
[11] ГА РФ. Ф.117. Оп.1. Д.282. Л.5 об.
[12] ГА РФ. Ф.102. Оп.265. 1916. Д.1059. Л.979; ГА РФ. Ф.1467. Оп.1. Д.858. Л.68; ГА РФ. Ф.102.00. 1916. Д.244. Т.1. Л.159-159 об; ГА РФ. Ф.102.00. 1917. Д.244. Л.23-24 об; ГА РФ. Ф.117. Оп.1. Д.282. Л.4; Падение царского режима. Л., 1925. Т.5. С.247.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

студентов, которые вносят революцию в армию,[1] и «выбросить» из армии таких людей, как М.А. Караулов, который выступал с позиции Прогрессивного блока.[2]

Обвиняя население России в «полном равнодушии к родине»,[3] на V сессии Государственной думы правые исступленно боролись «за безопасность России».[4] Имя А.Д. Протопопова за неофициальные переговоры летом 1916 года в Стокгольме с агентом германского правительства банкиром Варбургом о возможности заключения сепаратного мира было занесено в «Черную книгу» «Обществом 1914 года», где он обвинялся в измене Родины.[5] Но были и другие мнения. Выступивший в Думе А.И. Савенко прочитал выдержки из записки, поданной 150 лицами из крайне правых в высшие сферы о необходимости мира с Германией.[6]

По нашему мнению, правые проявляли политическую недальновидность, поддерживая иллюзии Николая II о незыблемости его авторитета в стране и высказывая суждения, далекие от реальности даже в январе 1917 года.[7] Учитывая все вышесказанное – наличие нескольких центральных и ряда самостоятельных региональных организаций, различие во взглядах по некоторым вопросам, несогласованность действий, отсутствие политических лидеров в подлинном смысле слова, определенную позицию правительства, ограничивавшего в годы войны совместные действия правых организаций в интересах «национального единения», - говорить о правом движении в период войны можно, видимо, с достаточной степенью условности. Война явилась для правых партий разрушающим фактором, ослабив их и превратив, в конечном счете, в недееспособные объединения, потерявшими какое-либо значение в общественном движении. Психологическую подоплеку такого положения дел обрисовал русский философ С. Франк.[8] Тем не менее, деятельность центральных правых организаций, а также некоторых правых политиков была заметна.

Годы Первой мировой войны, когда, по словам Н. Бердяева, «...и Россия, и Европа вступают в великую неизвестность, в новое историческое измерение»,[9]

---

[1] ГА РФ. Ф.102. Оп.265. 1916. Д.1051. Л.357.
[2] ГА РФ. Ф.102. Оп.265. 1916. Д.1062. Л.1217.
[3] Там же. Д.1058. Л.874.
[4] Государственная дума. Стенографический отчет. Сессия V. С.6771.
[5] Отечественные архивы. 1995. №1. С.77-78.
[6] Вопросы истории. 1994. №11. С.123. Упомянутые оратором в связи с запиской 150 поименно правые Н.А. Маклаков, М.А. Таубе, И.Г. Щегловитов, а также Н.Е. Марков-2 опровергали обвинение, называя записку подложной. (См.: Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1906-1917 гг. М., 1989. С.82, 94). В литературе вопрос о ее достоверности остается неизученным; сама записка до сих пор не обнаружена.
[7] ГА РФ. Ф.601. Оп.1. Д.1066. Л.2.
[8] Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990. С.262.
[9] Бердяев Н.А. Судьба России. С.6.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

стали завершающим этапом в идейно-политической эволюции российских либералов. Историками, с которыми автор принципиальных разногласий не имеет, были выделены следующие особенности русского либерализма: значительная дистанция между его умеренным и левым крылом; общество судит о либерализме по политике умеренных, не принимая во внимание особую позицию и тактику левых; левые оказываются вытолкнутыми из либерального движения и остановившимися на пороге социал-демократизма.[1]

В программных сборниках, серии научных статей П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, А.С.Изгоева, С.А. Котляревского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, кн. Е.Н.Трубецкого и других лидеров российского либерализма содержится теоретическое обоснование их представлений о Первой мировой войне, перспективах эволюции власти и возможности новой революции в России, роли армии в политическом пространстве страны. Эти кардинальной важности проблемы находились и в центре внутрипартийных дискуссий.

Если сформулировать общетеоретические воззрения либеральных идеологов в целостном виде, то можно сказать, что они разделяли общепринятый тогда в науке тезис о предопределенности и фатальности войн в истории общества.[2] В оценке Первой мировой войны преобладала религиозная и морально-нравственная трактовка. В массовое сознание активно внедрялись идеи об имманентно присущих отдельным расам и народам милитаристских и агрессивных чертах.[3] Участие России в Мировой войне рассматривалось либералами через призму понятий «оборонительная», «справедливая» и «народная» война. Политический смысл такого подхода состоял в том, чтобы сгладить противоречия, имевшие место в либеральном лагере, привлечь пацифистски настроенную интеллигенцию на свою сторону под общий лозунг либеральной оппозиции.[4] В отличие от русско-японской войны, среди российских либералов ни пораженцев, ни сторонников сепаратного мира, как правило, не было.[5]

По мнению либералов, в конечном счете, война должна была привести к завершению процесса складывания «национально-территориального тела России». В наиболее концентрированном виде территориальные притязания России были из-

---

[1] Подробнее об оценках русского либерализма западными историками см.: Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993. С.107-110.
[2] См.: Мукосеев В.А. Экономические причины войны. // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С.227-228.
[3] Утро России. 1914. 17 августа, 5 ноября, 10 декабря.
[4] Общество мира в Москве. Вып.1. 1909-1910 гг. М., 1911. С.32.
[5] Шелохаев В.В. Российские либералы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. №8. С.29.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ложены в программной статье П.Н. Милюкова «Территориальные приобретения России».[1] В овладении проливами и Константинополем либералы видели главную национальную задачу России.[2]

Целями войны ставились: укрепление стратегических позиций России, усиление ее экономического и политического могущества, а также защита интересов малых, прежде всего славянских народов.[3] Либералы считали, что Россия вместе с другими странами Антанты должна в ходе войны исполнить свою освободительную миссию, открыв путь к принципиально иной международной организации Европы[4]. Иными словами, по мнению соискателя, все виды на дальнейший прогресс страны, укрепление ее международных позиций, связывалось с победоносным исходом войны, а потому лидеры либералов решительно выступали против любых, даже весьма робких, попыток заговорить о необходимости заключения мира.

Имея много общего, российский либерализм, вместе с тем, не был однороден. Он различался как оттенками политических взглядов, так и тактикой, возможностями и эффективностью влияния на массовое политическое сознание различных социальных слоев населения, в том числе и действующей армии.

«Союз 17 октября» организационно оформился в феврале 1906 года и выступал за установление в России конституционно-монархического строя. Начавшаяся война привела к полной дезорганизации этой партии. На основании анализа документов, можно со всей определенностью утверждать, что в годы войны завершилось полное крушение всей партийной структуры октябристов. Постепенно заглохла политическая деятельность ЦК. 25 июля 1914 года под руководством А.И. Гучкова в Петербурге прошло экстренное заседание ЦК «Союза 17 октября» и принято воззвание с призывом встать на защиту государственной чести России, ее лучших исторических традиций.[5] 1 июля 1915 года прекратилось издание официального органа партии – газеты «Голос Москвы»,[6] развалились местные отделы.

---

[1] Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С.50-62.

[2] Милюков П. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С.7,8. Он же. Константинополь и проливы // Вестник Европы. 1917. №1. С.355-356; Котляревский С.А. Основные задачи русской внешней политики. // Проблемы Великой России. 1916. №1. С.8; Он же. Россия и Константинополь // Русская мысль. 1915. №4. С.2; ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.5. Л.53.

[3] Трубецкой Е. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. №12. С.89; Изгоев А.С. На перевале. Перед спуском // Русская мысль. 1914. №8-9. С.161; Речь. 1914. 2 декабря; ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.30. Л.2 об.-3; Д.7. Л.29, 29 об.

[4] Бердяев Н. Душа России. М., 1915. С.24.

[5] Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. 1993. №7. С.77.

[6] Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. №7. С.130.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Лишь в Петрограде, Москве и некоторых крупных городах продолжали существовать изолированные друг от друга, крайне малочисленные группы октябристов, отказавшиеся вести какую-либо партийную работу. Они протестовали только против ареста социал-демократов – членов Государственной думы, упрекая правительство в том, что тем самым оно вносит раскол в единение всей нации.[1]

С началом войны члены «Союза 17 октября» сосредоточились на деятельности Всероссийского земского и городского союзов, Военно-промышленного комитета, организации помощи раненым и беженцам.[2]

Главными политическими «солистами» октябристов были М.В.Родзянко, С.И. Шидловский и А.И. Гучков, причем, если первый, в силу своего положения председателя Государственной Думы, отличался крайне умеренными и взвешенными высказываниями, то А.И. Гучков, даже будучи монархистом, боролся за монархию против монарха, как воздействуя на общественное мнение, так и предлагая устранение Николая II от власти. [3]

Но А.Гучков пошел дальше и начал подготовку дворцового переворота как, по его мнению, альтернативы надвигавшейся в России революции, который должен был быть совершен не солдатами, а воинскими частями, как это имело место в 1825 году. [4] Однако попытки подготовить переворот «не привели ни к каким реальным результатам».[5] Оказались безрезультатными и призывы Гучкова на заседании ЦК «Союза 17 октября» 30 декабря 1916 года поддержать оппозицию более решительно.[6] А один из ораторов Прогрессивного блока октябрист С.И. Шидловский заявил, что, борясь за правительство народного доверия «всеми доступными нам законными способами»,[7] «мы не делаем революцию, а мы ее предупреждаем».[8] Но все же вне Думы «Союз 17 октября», как партия, фактически прекратил свое существование.

В аналогичной ситуации оказались и прогрессисты, политическая партия, сформировавшаяся в конце 1912 года,[9] ставшая преемницей партии мирного обновления. Анализ источников показывает, что Первая мировая война оживила политическую деятельность прогрессистов, придав ей патриотический и даже не-

---

[1] Социал-демократ. 1915. 1 февраля.
[2] Политические партии России. Энциклопедия. С.580.
[3] Известия Всероссийского Союза городов. 1915. №19. С.24; Смирнов А.Ф. Указ. соч. С.568.
[4] Падение царского режима. Т.6. М.-Л. 1926. С.278.
[5] Там же. С.262.
[6] Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. С.79.
[7] Государственная Дума: Стенографический отчет. IV Созыв. Сессия 5. Заседание 1. Б.г. С.13.
[8] Красный архив. 1933. №1. С.90.
[9] Политические партии России. Энциклопедия. С.428.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сколько агрессивный характер. [1] В трудах идеологов партии ярко звучала мысль о славянском призвании России. [2] В воззрениях прогрессистов начального периода войны можно обнаружить даже элементы национал-либерализма. [3]

Доминантой политики прогрессистов в течение всей войны было «Война до победного конца». [4] Они энергично выступали за «правительство национальной обороны»,[5] которое давало возможность поднять «всю патриотическую мощь страны и привлечь ее к единственно неотложному делу – содействию нашей бьющейся с врагом армии».[6] Потеряв доверие к способности правительства довести войну до победного конца, усилиями прогрессистов при поддержке других политических сил был сформирован Прогрессивный блок, где они во главе с И.Н. Ефремовым и А.И. Коноваловым пошли дальше кадетов с их «министерством общественного доверия» и настаивали на лозунге «ответственного министерства». [7]

Представители этой партии считали возможным «вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти».[8] При этом, как отмечает «Утро России», «никто не помышляет сейчас о борьбе с властью, все помыслы направлены к укреплению власти, к созданию власти сильной и твердой».[9] Осенью 1915 года эту же мысль подчеркивал и кн. Е.Трубецкой. [10]

Видя, что положение на фронте не претерпевает изменений к лучшему, А.И. Коновалов предложил призвать «к ответу власть за проигранную кампанию» и обратиться к общественному мнению союзников.[11] Прогрессисты предложили всем и сами вышли из особых совещаний, кроме Е. Трубецкого. Они хотели создать новые организации, но потерпели неудачу.[12] В кругах, близких к А.И.Коновалову, говорили об издании за границей особого информационного органа для осведомления запада «о сущности и ходе развития борьбы в России между правительством и либеральными общественными силами».[13] Ближе к осени 1916 года в высказыва-

---

[1] Утро России. 1914. 20 июля, 27 июля.
[2] Русская мысль. 1914. №12. С.89.
[3] Там же. 1915. №6. С.11; Кн. Трубецкой Е. Национальный вопрос. Константинополь и святая София. (Публичная лекция). Пг., 1915. С.3.
[4] Русские ведомости. 1915. 1 февраля.
[5] Утро России. 1915. 24 мая.
[6] Там же.
[7] Селецкий В.И. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. Дис. докт. ист. наук. М., 1997. С. 275, 278.
[8] Буржуазия накануне Февральской революции. М.Л., 1927. С.20-21, 24-25.
[9] Утро России. 1915. 8 сентября.
[10] Утро России. 1915. 10 сентября.
[11] ГА РФ. Ф.102. Оп.245. Д.353. 3 с. Т.II. Л.26.
[12] Политические партии России. Энциклопедия. С.429.
[13] Буржуазия накануне Февральской революции. С.119-120.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ниях лидеров партии все явственнее стали проскальзывать пророчества грядущей революции.[1]

Именно прогрессисты осенью 1916 года выступили инициаторами «штурма власти».[2] В ноябре 1916 года они вышли из Прогрессивного блока, окончательно разойдясь с большинством его членов по поводу требования создания министерства доверия. Мотивируя этот шаг, И.Н. Ефремов заявил: «Мы составили партизанский отряд и вышли на передовые позиции, надеясь увлечь за собой всю армию».[3]

Представители партии прогрессистов крайне отрицательно относились к идее заключения сепаратного мира, заявляя даже в 1916 году, что «самая мысль о сепаратном мире есть уже измена России».[4] 16 декабря 1916 года на заседании Государственной Думы А.И.Коновалов особо подчернул, что к данному моменту уже вся Россия осознала, что «с существующим режимом, с существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом».[5]

Во исполнение своих мыслей прогрессисты предлагали опереться на народ, на организованную демократию, но кадеты и в этом их не поддержали. В конце 1916-начале 1917 годов партия стремилась перейти к все более решительным действиям в борьбе с правительством, обсуждая на совещаниях у А.Коновалова и П.Рябушинского различные планы государственного переворота и состав будущего Временного правительства.[6] Последнее предостережение из уст прогрессистов прозвучало 14 февраля 1917 года на заседании Думы.[7]

После февраля 1917 года деятельность партии постепенно прекратилась, часть прогрессистов слилась с кадетами, а часть, во главе с И.Н. Ефремовым и Д.Н. Рузским, объединились в Российскую радикально-демократическую партию, выступавшую за установление демократической республики.[8]

К началу Первой мировой войны в более выгодном свете предстала партия народной свободы (далее ПНС). Провозглашенная и официально оформленная на учредительном съезде 18 октября 1905 года, эта партия своими идейными и организационными истоками была генетически связана с теми качественными измене-

---

[1] Буржуазия накануне Февральской революции. С.140.
[2] Красный архив. 1933. Т.1 (56). С.103; Государственная Дума. IV Созыв. Сессия 5. Стенографические отчеты. СПб., 1916. Стб.46.
[3] ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.453. Л.3-4.
[4] ГАРФ. Ф.102. Оп.1. 1916. Д.307 А. Т.3. С.65-66; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.453. Л.5.
[5] ГАРФ. Ф.555. Оп.1. Д.59. Л.4.
[6] Политические партии России. Энциклопедия. С.429.
[7] Государственная Дума. IV Созыв. Сессия 5. Стенографические отчеты. Пг., 1917. Стб.1314-1316.
[8] Политические партии России. Энциклопедия. С.429.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ниями, которые произошли в русском либерализме на рубеже XIX-XX веков. [1]

Партия кадетов была крайне неоднородна в социальном и мировоззренческом отношении, что давало основания ее лидерам считать ее «надклассовой» партией, не исключавшей даже тех надклассовых элементов, которые имелись в социализме» и отрицавшей «лишь исключительный классовый характер социалистической доктрины и то, что в тогдашнем социализме было антигосударственного и утопического».[2]

В политическом спектре позиция кадетов была левоцентристской. Выработка тактики в реальной политической жизни была стержнем деятельности кадетов (поддержка политической доктрины «средней линии», т.е. парламентская деятельность, зависящая от баланса правых и левых сил). Это происходило не от особого пристрастия к тактике, как средства политической борьбы, а от сущности их программы, которая основывалась на реальном учете сил, но политический лидер – П.Н. Милюков - определял лишь мнения либеральной интеллигенции, а не ее действия.

Кадеты видели пагубность предстоящей войны с точки зрения внутреннего и внешнего положения России. Они испытывали небеспричинную тревогу оттого, что в случае войны и сопряженных с ней потрясений «не кадеты будут на гребне волны, а крайние левые, которые первыми утопят кадетов, а затем и меньшевиков».[3] Осознавая связь между войной и революцией, кадеты расценивали подготовку России к войне как весьма рискованный шаг.[4]

Разделяя распространенное тогда мнение о том, что война будет кратковременной, кадеты давали понять, что, в случае войны, они забудут вражду: будут помнить только, что власть защищает достоинство и интересы России.[5] Вместе с тем, даже 10 июня 1914 года кадетская партия на заседании Думы проголосовала против предоставления военному ведомству дополнительных кредитов на вооружение, понимая, что правооктябристское большинство IV Думы эти кредиты даст.

---

[1] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.39. Л.10; Тыркова-Вильямс А. Кадетская партия // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С.196.

[2] Милюков П.Н. Воспоминания. С.471; Политические партии. История и современность. Научно-республиканская конференция. Тезисы докладов и сообщений. Орел, 1994. С.51; РГВИА. Ф.2031. Оп.3. Д.80. Л.48; ГА РФ Ф.523. Оп.3. Д.14. Л.15.

[3] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.31. Л.108 об.

[4] Государственная Дума. IV Созыв. Сессия 2-я. Стенографические отчеты. Ч.4. СПб., 1914. Стб.505.

[5] Государственная Дума. IV Созыв. Сессия 2-я. Стенографические отчеты.. Ч.1. СПб., 1913. Стб.328; Последние новости. 1924. 13 августа-1 сентября; ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.31. Л.110 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Но эта позиция позволяла кадетам выступить в роли «спасителя народных масс от надвигающейся кровавой бойни».[1]

Анализ документов этой партии показывает, что, считая армию «единственным гарантом прочности российского общества»,[2] партия народной свободы очень внимательно относилась к военным вопросам в своей деятельности, хотя их программа вплоть до середины 1917 года не имела военного раздела. Такую ситуацию можно объяснить следующим: непродолжительностью существования самой партии; отсутствием практического опыта в вопросах организации военного дела; неразработанностью подобных вопросов в программах других партий; отсутствием основополагающих военно-теоретических взглядов, которые были бы выработаны представителями российского либерализма, определявших место и роль армии в их общей системе политической идеологии. Это положение дел с военным вопросом вызывало серьезную озабоченность в низах партии. [3]

При обосновании своей военной политики кадеты исходили из того, что она должна на определенных этапах совпадать с военной политикой государства, так как их партия «внеклассовая, есть партия государственная».[4] Особенно ревностно конституционные демократы подходили к осуществлению такого принципа, как «армия должна быть вне политики». Все члены партии в центре и на местах считали, что армия и флот должны находиться вне деятельности различных политический партий, и деятельность их должна быть запрещена.[5] Несмотря на то, что кадеты возлагали на армию различные задачи, в том числе и «по защите российского либерализма»,[6] они категорически выступали против использования армии для выполнения карательных функций. [7] Представители партии кадетов неоднократно подчеркивали, что российская армия должна быть крепкой и могущественной,[8] хорошо вооруженной, технически оснащенной.[9] Предвидя возможность возникновения мировой войны, находясь на пороге ее, конституционные демократы еще более активно били тревогу перед правительством и всем обществом в вопросе об армии, ее подготовке к предстоящим тяжелейшим испытаниям. [10]

---

[1] Там же. Д.177. Л.2.
[2] Там же. Ф.604. Оп.1. Д.31. Л.1.
[3] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.73. Л.1; Оп.3. Д.37. Л.8; Оп.1. Д.37. Л.69-71.
[4] Там же. Ф.1167. Оп.1. Д.5. Л.1.
[5] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.485-А. Л.2; Речь. 1907 22 мая.; Речь. 1909 24 февраля.
[6] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.73. Л.4.
[7] Там же. Д.65. Л.1.
[8] Там же. Д.73. Л.6; Ф.579. Оп.1. Д.974. Л.2.
[9] Там же. Ф.523. Оп.1. Д.147. Л.4; Ф.604. Оп.1. Д.31. Л.1.
[10] Там же. Ф.523. Оп.1. Д.256. Л.18; Речь. 1914. 27 марта.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Партийные документы подтверждают, что, когда мировую катастрофу предотвратить не удалось, кадетская «Речь» призвала отложить все внутренние споры, когда внешний враг стоит у ворот Отечества, объединить все силы и средства для единения и бодрости во имя победы над внешним врагом.[1] 26 июля 1914 года П.Н. Милюков на заседании Государственной думы огласил декларацию партии народной свободы о войне с аналогичными взглядами. [2] Оценивая войну, конституционные демократы обратились с воззванием «К демократии русского народа», в котором они называли войну «историческим рубежом новой эпохи».[3] В этих условиях они отказались от своей роли «оппозиции его величества».[4]

С началом войны партия народной свободы выработала тактику «внутреннего мира», которую П.Н. Милюков назвал «военная тактика партии народной свободы».[5] При этом он считал, что такая тактика «индивидуализировала нашу собственную роль в войне, выдвигала ее оборонительный характер, ставила ей пацифистскую задачу разоружения и обуславливала сотрудничество с правительством одной задачей – победы»,[6] особо подчеркивая, что «во-первых, фракция отсрочивает парламентскую борьбу по вопросам внутренней политики в связи с войной; во-вторых, оказывает поддержку правительству в борьбе с внешним врагом».[7] И хотя, как отмечал лидер партии кадетов, «эта линия поведения является руководящей для большинства общественных течений»,[8] разногласия существовали даже внутри кадетского руководства. Н.В. Некрасов уже до войны считал необходимым перейти от «пассивной обороны» к активному наступлению против сил реакции.[9]

Называя свою партию «государственной»[10] и базируясь, с одной стороны, на оптимистических ожиданиях кратковременности войны, а с другой – на отсутствии полной и достоверной информации о степени готовности России к войне, П.Н. Милюков 27 января 1915 года охарактеризовал тактику кадетской партии следую-

---

[1] Речь. 1914 22 июля.
[2] Там же. 27 июля.
[3] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.35. Л.1; Л.1 об; Ф.63. Оп.46. Д.77. Л.32.
[4] Летом 1909 года в составе парламентской делегации П.Н. Милюков посетил Англию, где на обеде у лорда-мэра Лондона он произнес речь с явным заимствованием английской терминологии, в которой заявил, что «пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству». См.: Речь. 1909. 18 июля.
[5] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.546. Л.1-2. Там же. Л.1 об; Милюков П. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916. С.5.
[6] Милюков П.Н. Воспоминания. С.395.
[7] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.8. Л.9.
[8] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.546. Л.2.
[9] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.31. Л.99 об., 104-105 об.; Д.16. Л.8-10.
[10] Фракция «Народной свободы». Военные сессии. 26 июля 1914 г. 3 сентября 1915 г. Пг., 1916. Ч.1/2. С.10-17.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

щим образом: «Не жест политика, а твердое решение гражданина».[1] Лидера кадетов поддержал князь П.Д. Долгоруков.[2] Тем не менее, тревога ощущалась уже на заседании ЦК кадетской партии 11 августа 1914 года, когда обсуждался вопрос о распространявшихся в Петрограде и Москве настроениях и разговорах о необходимости «депутации и адреса» к царю.[3]

С осени 1914 года ситуация стала обостряться. 14 ноября 1914 года в кадетском ЦК дебатировался вопрос о возможности революции во время войны.[4] Подводя итоги дискуссии, П.Милюков заявил, что «говорить о революции по окончании войны еще труднее, чем во время войны, и все эти разговоры о революции есть лишь отражение старого шаблона». Он полагал, что опасность революции есть не что иное, как фикция, придуманная левыми партиями. Согласившись с П.Струве, что для настроения в стране характерно «благодушное равнодушие», П.Милюков подчеркнул, что левые, зная об этом, стремятся его искусственно поднять. Однако кадеты ни в коем случае не должны «поддаваться на эту удочку».[5]

Интенсивность обсуждения вопроса о революции в либеральных кругах возросла в 1915 году. 22-23 февраля на заседании ЦК кадетской партии с представителями местных комитетов многие представители с мест настаивали на немедленном начале оппозиционной борьбы против «внутреннего врага» - царского правительства.[6] Заявив, что «в повторение революции 1905 года мы не верим», Милюков предостерег кадетов: ни в коем случае нельзя опять идти «за стихийной волной революции». Учитывая опыт прошлого, они должны сильнее прежнего «опровергать поведение социал-демократов».[7] Но уже весной и особенно летом 1915 года Милюков стал проводить мысль о том, что кадетам все же не следует безоговорочно поддерживать правительство.[8]

В отличие от других партий, кадетам во время войны удалось провести общепартийный съезд (февраль 1916 года), три общепартийные конференции (февраль, июнь 1915 года и октябрь 1916 года) и областные съезды в Москве, Киеве, Саратове и Самаре для мобилизации сил и средств во имя «бодрости, объединения

---

[1] Милюков П. Тактика партии народной свободы во время войны. Пг., 1916. С.6.
[2] Утро России. 1915. 6 июня.
[3] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.31. Л.182 об.; Д.32 Л.3; Там же. Ф.579. Оп.1. Д.2098. Л.1.
[4] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.32. Л.63.
[5] ОР РГБ. Ф.225. П.5. Д.3 а.б. Л.8 об., 9.
[6] ОР РГБ. Ф.225. П.5. Д.3 а. б. Л.5, 3.
[7] Там же. Л.8 об., 9.
[8] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.32. Л.190 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

во имя победы над внешним врагом».[1] На съезде и конференциях стояли вопросы о войне, о политическом положении России, анализировались проблемы положения дел на фронте, степень обеспечения солдат и офицеров действующей армии всем необходимым, резко критиковались позиции царизма в руководстве и организации обороны страны, подтверждался курс партии народной свободы на ведение войны до победного конца, обсуждались тактические вопросы деятельности партии в условиях войны.[2]

Оценивая доклад П.Н. Милюкова «О политическом положении» на конференции 6 июня 1915 года, профессор А.А. Корнилов подчеркивал, «что поведение партии, непонятое некоторыми политическими противниками, было оценено по достоинству армией и народом»,[3] «доклад, учитывая отсутствие у партии (и у оппозиции вообще) средств для отнятия у него (правительства – А.Ч.) власти без длительной борьбы, гибельной для дела обороны, не предлагал ни вступить в борьбу, ни торговаться с правительством».[4] Вместе с тем, резолюция о тактике партии народной свободы, предусматривала ограниченную возможность изменения правительственных структур.[5]

Подобные обтекаемые формулировки привели к разногласиям в ЦК. 11 июня 1915 года Н.В. Некрасов заявил П.Милюкову о своем выходе из состава ЦК, а 12 июня направил в ЦК письмо, где мотивировал свой уход. Причин оказалось две. Во-первых, «пассивное отношение ЦК к событиям, возведение в культ нейтралитета в отношении правительственной политики и полное игнорирование жизни под влиянием преклонения перед западными образцами без учета степени и соответствия нашим условиям. Во-вторых, нежелание большинства ЦК считаться с господствующим настроением не только «приемлющей войну» демократии, но и «всех сколько-нибудь активных общественных элементов».[6]

Поражения на фронте, усиление оппозиционных настроений в обществе заставили кадетов резче и определеннее поставить вопрос о власти.[7] Уже на съезде представителей торговли и промышленности 27 мая 1915 года Б.В. Жуковский предложил принять резолюцию «Об объединении» по примеру наших союз-

---

[1] Речь. 1915. 22 февраля.
[2] Русские ведомости. 1915. 9 июня; ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.39. Л.1; Д.8. Л.9; Ф.579. Оп.1. Д.627. Л.1.
[3] Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. №8. С.121.
[4] Там же. №9. С.112.
[5] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.8. Л.30.
[6] Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1915-1920. Т.3. М., 1998. С.118-119.
[7] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.8. Л.18.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ников, всех промышленных и торговых сил для того, чтобы дать армии все необходимое и вовремя.[1] На заседании ЦК партии народной свободы 10 июля 1915 года А.И.Шингаревым было предложено создать «союз национальной обороны»,[2] но, по мнению П.Н. Милюкова, он уже опоздал.[3] На этом же заседании Д.Н. Шаховским были сделаны конкретные предложения: созвать Государственную думу; изменить состав правительства; собрать силы и средства для создания союза народной обороны.[4] Кадеты были вынуждены поставить вопрос и об образовании «министерства общественного доверия».[5]

Открытая критика царизма за беспечность, неспособность организовать обеспечение Вооруженных Сил всем необходимым – все это привело к сближению кадетов с умеренными и демократическими фракциями Государственной думы. В результате появилась возможность создать орган из общественно-политических сил страны, который бы пользовался доверием Государственной думы и смог бы решить вопросы, связанные с ведением войны.[6] С этой целью в августе 1915 года был образован Прогрессивный блок, создание которого П.Н. Милюков назвал «последней попыткой найти мирный исход из положения, которое с каждым днем становится все более грозным».[7]

С 4 августа 1915 года состоялось 6 заседаний ЦК, на которых главным предметом обсуждения был вопрос об организации дела победы над врагом и вопрос обслуживания тыла армии[8], причем необходимость критики правительства выдвигалась не с точки зрения партийной или оппозиционной, а с точки зрения интереса «великого общенационального дела ведения войны, всевластным распорядителем которого являлось правительство».[9]

В условиях войны конституционные демократы главную роль отводили Государственной думе.[10] В годы войны ЦК партии народной свободы провел анкетирование офицеров и солдат действующей армии по ряду вопросов, в том числе «Об отношении к Государственной думе». Солдаты и офицеры положительно оце-

---

[1] Корнилов А.А. Указ. соч. №9. С.112.
[2] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.32. Л.174.
[3] Там же. Л.176.
[4] Там же. Л.173.
[5] Там же. Оп.2. Д.8. Л.25.
[6] См.: Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. (Воспоминания 1881-1914 гг.). Прага, 1929. С.352.
[7] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.958. Л.2.
[8] См.: Корнилов А.А. Указ. соч. №8. С.125.
[9] Там же.
[10] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.8. Л.19.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

нили ее деятельность.[1] Высоко оценивая деятельность российского парламента, П.Н. Милюков в мае 1915 года призывал: «Пусть Государственная Дума рвется прийти на помощь армии, пусть она будет полна страстного желания исправить вопиющие ошибки героев тыла из военного министерства».[2]

Однако уже 19 августа 1915 года на заседании ЦК партии Н.Н. Щепкин заявил, что «власть надо брать в любой момент».[3] Но Ф.Ф. Кокошкин возразил, что «кадетам пока следует лишь стремиться к переустройству власти»[4] и более настойчиво использовать в этих целях Прогрессивный блок. Кадетская «Речь», комментируя слухи о предстоящем роспуске Думы, занимала более взвешенную позицию.[5] После роспуска Думы 3 сентября 1915 года конфликт оппозиции с правительством достиг своей кульминации и превратился, по словам Милюкова, в «открытый разрыв», когда «все более открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революционного исхода».[6] Аналогичных взглядов придерживался и А.И. Шингарев.[7]

В ходе политических дискуссий по ряду вопросов в Думе налицо было сближение кадетов не только с октябристами, но, в определенной степени, и с националистами. На заседании Прогрессивного блока 25 октября 1915 года кадетские лидеры высказались против прогрессистской формулы «ответственного министерства». Обосновывая свои позиции, кадеты, в частности Ф.Ф. Кокошкин, как и П.Милюков, считал этот лозунг несвоевременным.[8] Критикуя правительство с думской трибуны, кадеты предлагали использовать такие слова, которые не воспринимались бы массами как призывы к революции. Более того, правые кадеты, такие как М.В. Челноков, вообще советовали «вооружиться терпением и ждать».[9] Но 2 ноября 1915 года на заседании ЦК обсуждался и вопрос о возможности или невозможности дальнейшего сохранения позиции партии народной свободы по отношению к правительству с началом войны.[10]

---

[1] Там же. Оп.3. Д.322. Л.2.
[2] Там же. Ф.578. Оп.1. Д.168. Л.2.
[3] ОР РГБ Ф.225. П.5. Д.8. Л.20 об.
[4] Цит по: Шелохаев В.В. Российские либералы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. №8. С.32.
[5] Речь. 1915. 30 августа.
[6] Милюков П. История второй русской революции. Т.1. Киев, 1919. С.15; Он же. Россия на переломе. Т.1. Париж, 1927. С.13.
[7] См.: Шелохаев В.В. Судьба русского парламентария (Ф.Ф. Кокошкин) // Отечественная история. 1999. №5. С.66-67.
[8] Кокошкин Ф.Ф. Об ответственном министерстве. М., 1915. С.11; Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1915-1920. Т.3. М., 1998. С.181.
[9] Красный архив. 1932. №3. С.147.
[10] Корнилов А.А. Указ. соч. №8. С.126.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

В конце 1915 года в российском обществе появились отдельные лица, в том числе представители партии кадетов, которые стали утверждать, что Россия и армия уже устали от войны и предлагали пойти на заключение мира на любых для России условиях.[1] ЦК партии народной свободы резко осудил такую позицию, а П.Н. Милюков призвал «всеми силами бороться с подобными настроениями общества».[2]

Кадеты в тот период все чаще обращались к опыту 1905-1907 годов, пытаясь найти в нем ответы на острейшие проблемы, вставшие перед страной в годы войны. В этой связи заслуживает внимания доклад Ф.Ф.Кокошкина «Об общем политическом положении», с которым он выступил 3 января 1916 года на съезде кадетских комитетов подмосковных губерний. Анализируя ситуацию в стране, он обратил внимание на два факта: во-первых, все попытки оппозиции добиться создания «министерства общественного доверия» чисто парламентскими средствами потерпели крах, и, во-вторых, русское общество вернулось «к старой мысли о революционном перевороте». В создавшейся ситуации, по мнению Кокошкина, «самая важная и настоятельная внутриполитическая задача» состоит не в подготовке революции, а в организации и объединении всех общественных сил. В ходе реализации этой стратегической задачи «мы одновременно и поможем обороне, и подготовим различное участие общества во власти».[3] В этих его общетеоретических рассуждениях выражена квинтэссенция либеральной политики.

Ситуация в стране бурно обсуждалась на VI съезде кадетской партии. Представители местных партийных комитетов вновь подвергли критике тактический курс своего партийного руководства.[4] На съезде с довольно резкой критикой милюковской тактики «внутреннего мира» выступил Н.В. Некрасов, по мнению которого, эта тактика была доведена до абсурда.[5] Были заметны и пацифистские настроения.[6] Предложения левых кадетов встретили отпор не только со стороны правых, но и партийного руководства. За сохранение Прогрессивного блока, как временного союза разнородных элементов, высказался П.Милюков. Он решительно отверг идею о необходимости сближения с левыми партиями и организациями.[7]

---

[1] См.: Маклаков В.А. Власть и общественность на защите старой России. Воспоминания в 3-х кн. Париж, 1936. Т.1. С.125.
[2] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.169. Л.7.
[3] ОР РГБ. Ф.225. П.5. Д.15. Л.1-6.
[4] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.5. Л.18, 21,26, 24 об.
[5] Там же. Л.43 об.
[6] Там же. Л.21, 39.
[7] Там же. Л.29 об., 30, 58.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

В резолюции VI съезда по «Тактическому докладу ЦК» указывалось, что необходимо проводить дальнейшие меры по организации обороны страны и хозяйственной жизни в тылу, использовать активное сотрудничество всех граждан в этом неотложном для успеха войны деле путем совершенствования форм участия общественных организаций и союзов.[1] Форум кадетов подтвердил «правильность курса конституционных демократов»[2] и обратился к народу с воззванием «По поводу продолжающейся войны».[3]

Споры о перспективах развития кризисной ситуации и выработке политической линии продолжались, то разгораясь, то затихая, вплоть до осени 1916 года. 31 марта на заседании ЦК кадетов вновь началась дискуссия о революции. [4] Разноголосица мнений проявилась и на заседании ЦК 26 апреля. Считая, что во время войны революции не будет, некоторые участники заседания, в частности Н.К. Волков, допускали ее возможность и даже неизбежность после окончания войны. [5] Однако вступивший в дискуссию А.А. Корнилов заявил, что у кадетской партии вообще нет ни лозунгов, ни программы для подготовки революции. «И вообще, - продолжал он, - это не наш метод борьбы»,[6] а поэтому «всякие внутренние перевороты во время войны были бы только водой на мельницу Вильгельма».[7] Общее мнение участников заседания сводилось к тому, что партии в перспективе все же следует подумать о власти, но в данный конкретный момент целесообразнее всего поддерживать линию Прогрессивного блока, не отказываясь от продолжения поисков компромисса с правительством. [8]

На заседании ЦК 30 сентября-1 октября раздавались упреки в том, что партия потеряла контакт с народом, так как более не выступала в оппозиции. Левые кадеты хотели объявить правительству «беспощадную войну», даже рискуя вызвать своими действиями разгон Думы.[9] На конференции 22-24 октября кадеты формально приняли стратегию конфронтации.[10] По мнению князя П.Д. Долгорукова, для оппозиции это был последний шанс дать бой правительству в парламенте.[11]

---

[1] Там же. Оп.2. Д.8. Л.47.
[2] Там же. Оп.1. Д.167. Л.1.
[3] Там же. Оп.3. Д.9. Л.10.
[4] ГА РФ. Ф. 523. Оп.3. Д.9. Л.48,50,54.
[5] Там же. Д.5. Л.70 об.
[6] Там же. Л.67.
[7] Там же. Л.69.
[8] ГА РФ. Ф. 523. Оп.3. Д.5 Л.64 об., 69 об.
[9] Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.204.
[10] *Пайпс Р.* Указ. соч. Т.1. С.282.
[11] Буржуазия накануне Февральской революции. С.146-147.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

По представлениям полковника А.П.Мартынова, начальника московской охранки, суть кадетской стратегии выражалась в резолюции, в которой говорилось о необходимости «поддержания связи с широкими слоями населения и организации демократических элементов страны для противодействия общей опасности».[1]

Несколько по-другому оценивал политические возможности России В.А. Маклаков. Принципиальный противник революции, которую он считал «глупостью» и «преступлением», он полагал, что к демократии Россия могла прийти эволюционным путем и, хотя позднее, но зато гораздо более верным путем и с бесконечно меньшими жертвами.[2]

Нам не представляется возможным согласиться с утверждением Х.М.Астрахана, который считал, что «позиция кадетов с лета 1915 года стала крайне умеренной и трусливой».[3] Наоборот, они встали в оппозицию более сильную, чем довоенную, более жесткую и целенаправленную в активизации своей деятельности, особенно в Государственной Думе, в работе местных комитетов по организации помощи армии и флоту, снабжении их всем необходимым, в повышении роли Земгора, в мобилизации и сплочении всех сил и средств для доведения войны до победного конца.[4] Классическим образцом речи, в которой содержалась, с одной стороны, предельно острая критика правительства, а с другой – не было призыва к революции, явилось выступление П.Милюкова на сессии Думы 1 ноября 1916 года. Однако он был далек от призыва масс к свержению этого правительства, оставляя право на борьбу с ним исключительно за либеральной оппозицией.[5]

Страх перед революцией заставлял либералов усиливать накал словесной критики правительства.[6] Надеяться на мирный исход борьбы с правительством было невозможно, что толкало, в том числе и кадетов, на поиск иных, непарламентских средств воздействия. «В обществе, - писал П.Н. Милюков, - широко распространилось убеждение, что следующим шагом, который предстоит в ближайшем будущем, будет дворцовый переворот при содействии офицеров и войска».[7] Но в большинстве своем кадеты не смогли принять гучковскую идею дворцового переворота.[8] В целях сохранения Прогрессивного блока кадетские лидеры на пер-

---

[1] Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.282; Буржуазия накануне Февральской революции. С.147.
[2] Маклаков В.А. Воспоминания. Нью-Йорк. 1954. С.320-321.
[3] Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С.36.
[4] ГА РФ. Ф.63. Оп.47. Д.486. Л.1-2; ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.8. Л.19 об; Оп.3. Д.22. Л.1.
[5] Государственная дума. IV Созыв. Сессия 5-я. Стенографические отчеты. СПб., 1916. Стб.46, 47.
[6] Там же. Стб.1178-1179.
[7] Милюков П. История второй русской революции. Т.1. С.21.
[8] Буржуазия накануне Февральской революции. С.164.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вых порах отказались даже от своего программного лозунга «ответственного министерства», что было весьма значительной уступкой. Они продолжали ратовать за необходимость сохранения Думы, считая, что ее исчезновение превратит общество «в пыль».[1]

К началу 1917 года партия народной свободы почувствовала свое полнейшее бессилие изменить ход событий и оказалась, по словам П.Милюкова, «утомленной в бесплодной борьбе» с правительством. В то время, когда требовалась решительность в действиях, они упустили из своих рук «руководство событиями», которое перешло к более левым течениям.[2] Кадетам ничего не оставалось, как вести только словесную борьбу с правительством. [3] И хотя кадет Ф. Родичев по-прежнему считал, что стране «нужно воплощение в делах духа свободы, духа победы в этой войне», предрекал, что «1917 год – год решающего поворота в судьбах страны»,[4] но на властные структуры даже блестящая риторика кадетов никакого воздействия не оказывала. [5] Надежды кадетов, «что свершится чудо Тангейзера»,[6] оказались тщетными.

Оценивая работу партии народной свободы в Думе, 10 лет спустя П.Н.Милюков справедливо писал: «Дума не создала новой революции: для этого она была слишком лояльна и умеренна. Но она и не отвратила опасности этой революции».[7] Своими парламентскими действиями кадетская партия способствовала обличению пороков властных структур и участвовала в формировании новых ценностных ориентаций массового политического сознания, причем Государственная Дума, по словам Милюкова, «сделалась как бы аккумулятором общественного недовольства и могущественным рупором, через который глухое и бесформенное чувство недовольства и раздражения возвращалось народу в виде политически осознанных, определенно отчеканенных политических формул».[8]

Несмотря на поистине титаническую и разностороннюю деятельность, кадетам не удалось стать системообразующим центром по защите российской государственности. Объясняя подоплеку этого, русский философ С. Франк писал: «Вплоть до самого последнего времени наш либерализм был проникнут чисто отрицатель-

---

[1] Красный архив. 1932. №3. С.150.
[2] Милюков П.Н. Россия на переломе. Т.1. С.27.
[3] Государственная дума. IV Созыв. Сессия 5-я. Стенографические отчеты. Стб.1343-1344.
[4] Речь. 1917. 1 января.
[5] Государственная дума. IV Созыв. 5-я сессия. Стенографические отчеты. Стб.1714.
[6] Там же. Стб.1711.
[7] Милюков П.Н. Россия на переломе. Т.1. С.11.
[8] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ными мотивами и чуждался положительной государственной деятельности: его господствующим настроением было будирование во имя отвлеченных нравственных начал против власти и существовавшего порядка управления, вне живого сознания трагической трудности и ответственности всякой власти. Суровый приговор Достоевского в существе правилен: «Вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала».[1]

Свое отношение к мировому противоборству должны были высказать и партии социалистической ориентации, которые в соответствии с этим определяли свою стратегию и тактику на предстоящие годы.

Весть о начале войны вызвала сначала у многих социалистов России шок и интеллектуальное смятение. [2] Однако очень скоро оборонческое движение стало доминирующим у основной массы социалистов. [3] 26 июля 1914 года депутаты социал-демократы (и большевики, и меньшевики) IV Государственной Думы выступили с декларацией, в которой, в отличие от западноевропейских социалистов, осудили войну и заявили об отказе голосовать за военные кредиты.[4]

Отношение к войне в связи с тем или иным пониманием революционной перспективы определило перегруппировку в рядах социалистических партий России. Война вызвала глубокий внутренний кризис меньшевизма. Даже официальный его историограф Ф.И. Дан вынужден был констатировать «замешательство в рядах своей партии».[5] Так, в середине августа 1914 года Кавказский областной комитет меньшевиков выпускает прокламацию «Объявите войну войне!» с призывом к борьбе против правительства,[6] а московские меньшевики примерно в это же время принимают решение в сугубо оборонческом духе.[7]

На основании источников, автор считает, что политическая платформа российского меньшевизма этого периода представляла собой довольно сложную мозаику, хотя, в общем и целом, базировалась на классическом марксизме западноевропейской социал-демократии, в том числе и по отношению к Первой мировой

---

[1] Франк С. De profundis // Из глубины. С.260-261.
[2] Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова 1901-1916 гг. Берлин, 1923. С.299.
[3] Арансон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1926. С.184.
[4] Памятники агитационной литературы российской социал-демократической рабочей партии. 1914-1917. Период войны. Сборник. М., Пг., 1923. Т.6. Вып.1. С.83.
[5] Цит. по: Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России. 1914-1917. М., 1972. С.51.
[6] См.: Памятники... Т.6. Вып.1. С.229-231.
[7] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1914. Д.5. Ч.46. Лит.Б. Т.2. Л.136 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

войне. [1] В предвоенные годы меньшевики неоднократно выступали против внешней политики царизма и гонки вооружений[2], но заявляли, что только война между классами сможет с успехом противостоять войне между народами.[3]

С объявлением войны на самом правом фланге оказался Г.В. Плеханов. Впервые он сформулировал свою точку зрения на происходящие события в августе 1914 года в Париже во время проводов русских волонтеров. [4] «В войне Австро-Венгрии и Германии с Францией, Бельгией и Англией интересы международного пролетариата и социального прогресса находятся на стороне трех последних государств, и поэтому каждый дорожащий указанными интересами должен желать победы именно этим государствам»,[5] - так резюмировал позже суть своей парижской речи сам Г.Плеханов. На таких же позициях стояла и В. Засулич. [6]

Пока еще ничего не говорится о защите отечества применительно к России. [7] В дальнейшем высказывания Г.В.Плеханова стали более определенными. [8] Наконец, в проекте обращения к российскому пролетариату и ко всему русскому народу (февраль 1915 года) эта мысль получила свое дальнейшее развитие: «Русский народ защищает свободу и независимость всех европейских стран.... Как бы ни была тяжела война, каких бы жертв она ни требовала, нельзя складывать оружие до тех пор, пока хоть один немецкий солдат останется на почве русской ли, французской, бельгийской или сербской – все равно».[9]

Во введении к «Истории русской общественной мысли» (1914 год) Г.В.Плеханов сформулировал некий универсальный закон «взаимоотношений между классами», которые определяются, «во-первых, их взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений».[10] Стоя на позициях «теории зачинщика», Г.В.Плеханов заявлял, что надо, прежде

---

[1] Каутский К. Война и интернационализм. Харьков, б.д. С.38, 41; Троцкий Л. Война и революция. Крушение второго интернационала и подготовка третьего. Пг., 1922. Т.1. С.127; Люксембург Р. Кризис социал-демократии. Бм., 1923. С.11-12.
[2] Государственная дума. IV Созыв. Стенографические отчеты. Сессия 2. СПб., 1914. Стб.410.
[3] См.: Иовчук М.Т. Г.В. Плеханов и его труды по истории русской философии. М., 1960. С.83.
[4] РГАСПИ. Ф.72. Оп.3. Д.727. Л.87.
[5] Речь. 1914. 15 октября.
[6] Самозащита.: Марксистский сборник. Пг., 1916. С.1, 3.
[7] Речь. 1914. 15 октября.
[8] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Д.1557. Л.1;Наше слово. 1915. 3 февраля.
[9] Цит. по:Тютюкин С.В. Указ. соч. С.55.
[10] Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1919. С.2.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

всего, найти того, кто начал войну и расправиться с ним, отложив все остальные вопросы до окончания войны. [1]

Патриарх меньшевизма упорно доказывал, что войну в России ведет сам народ, защищающий Отечество вопреки власти. Он прямо говорил, что нельзя смешивать Отечество с начальством. [2] Необходимость победы в войне диктовалась, по взглядам Г.В.Плеханова, интересами дальнейшего социального прогресса России. [3] При этом он отмечал, что «победа германского империализма повредит интересам пролетариата больше, нежели интересам всех остальных классов русского населения, так как в огромной степени уменьшит шансы дальнейшего экономического развития России, а потому и ее политического освобождения».[4]

Борьбу с царизмом в условиях войны Г.В.Плеханов сводил к чисто словесной критике правительства, обличению «темных сил» и контролю над военно-бюрократическим аппаратом.[5] Летом 1915 года, в связи с ухудшением положения на фронте, он пошел еще дальше, предложив социал-демократической фракции Думы голосовать за военные кредиты.[6] Широко известна и его геростратовски знаменитая фраза: «Мы должны отвергнуть как неразумную, - скажу больше: как безумную, - всякую вспышку и всякую стачку, способную ослабить силу сопротивления России неприятельскому нашествию».[7]

Новую революцию в России в период Первой мировой войны Г.В.Плеханов считал абсолютно невозможной, иронически называл ее словами поэта Игоря Северянина «грезофарсом».[8] Он указывал, что «революция предполагает революционизирование общественных отношений», а «это целый процесс»,[9] и строил применительно к России следующую схему: на смену царскому правительству должны прийти сначала «конституционалисты» - левые октябристы, прогрессисты и кадеты, затем трудовики и только после них – «социалисты» - эсеры и социал-демократы.[10] Г.В. Плеханов писал, что война бывала иногда матерью революции. Но всякий раз, когда революция рождалась в муках войны, она была плодом раз-

---

[1] Плеханов Г.В. Война и мир. М., 1917. С.12; Голос. 1914. 25 октября; Плеханов Г.В. Интернационализм и защита Отечества. Пг., 1917. С.6.
[2] Россия и свобода. 1915. 10 сентября; Тютюкин С.В. Указ. соч. С.56; Отечественная философская мысль… С.263, 266; Плеханов Г.В. О войне. Пг., 1917. С.30, 56, 69, 73.
[3] Война: Сборник статей. Париж, 1915. С.4; ГА РФ. Ф.ДП.00. 1914. Д.5. Ч.«Ф». Л.391.
[4] Плеханов Г.В. О войне. С.24-25.
[5] См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С.56.
[6] Там же.
[7] Плеханов Г.В. Интернационализм и защита Отечества. С.16.
[8] Война. Париж, 1915. С.37.
[9] Там же.
[10] Призыв. 1915. 17 октября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

очарования народа в способности его правительства защитить страну от неприятеля.[1] На аналогичных позициях стояли в России многие видные представители меньшевистской интеллигенции – Н.И. Иорданский, П.П.Маслов, Е.Смирнов, Н.Н. Жордания[2] и другие.

Некоторая эволюция взглядов Г.В.Плеханова в сторону революционного оборончества наметилась в 1915 году. [3] Окончательно лозунг революции во имя победы был сформулирован так: «В России революция может вспыхнуть до окончания войны. Но это будет национальная, демократическая революция.... И не конец войне положит она, а даст ей новый толчок, новый размах. Ибо цель у нее определенная и ясная – отбросить победоносного врага и защитить Родину».[4] Однако Плеханов считал, что пролетариату не следует пока спешить с гражданской войной: достаточно «подстегивать» Прогрессивный блок, ни в коем случае не отказываясь от услуг общества, в борьбе с царизмом.[5]

Г.В.Плеханов выступал против заключения любого мира с противником. «Если хочешь доброго мира, веди хорошую войну, пока не опустится в бессилии бронированный кулак германского завоевателя»,[6] - писал он в 1916 году.

В первые дни войны сторонники Плеханова в Москве решили отказаться от каких бы то ни было демонстративных выступлений и занять выжидательную политику.[7] Плехановцы в России выпустили ряд листовок с пропагандой своих взглядов.[8]

С более нейтральными тактическими формулировками выступила группа сотрудников журнала «Наша заря» - А.Н.Потресов, Ф.А.Череванин, В.Левицкий. [9] В первом же официальном документе этого течения меньшевиков – ответе на телеграмму Вандервельде – заристы обещали «не противодействовать войне, чтобы не создавать затруднений для западной демократии, нуждающихся в военной поддержке со стороны России».[10] В январе 1915 года в докладе, представленном

---

[1] Война. Париж, 1915. С.38.
[2] Маслов П. Экономические причины мировой войны. М., 1915. С.41; Русские ведомости. 1914. 3 сентября; ГА РФ. Ф.ДП.00. 1914. Д.5. Ч.39. Лит.Б. Л.44-44 об.
[3] Россия и свобода. 1915. 10 сентября.
[4] Цит. по: Первая мировая война. М., 1968. С.262.
[5] См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С.197.
[6] Дневник социал-демократа. Пг., 1916. №1. С.21.
[7] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.147. Ч.46 Л.5; Ф.ДП.00.1914. Д.5. Л.346 об; Д.5. Ч.46. Прод.2. Л.47, 47 об.
[8] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Д.1673. Л.14-16; Ф.451. Оп.1. Д.108. Л.1.
[9] Несмотря на свой оборонческий характер «Наша заря» в конце 1914 г. была закрыта властями. На смену ей пришел журнал «Наше дело» (1915 г.), а затем «Дело» (1916 г.).
[10] Социал-демократ. 1914. 5 декабря.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Копенгагенской конференции социалистов нейтральных северных стран, зариcты изложили свою платформу в более развернутом виде. [1]

«Зариcты» крайне отрицательно относились к пораженчеству. [2] Сам А.Н. Потресов не верил в «восточный интернационализм, который будто бы процвел и спасает честь социализма, между тем как Запад увял и погрузился в греховность».[3] При этом он различал разновидности патриотизма – патриотизма агрессивно-буржуазного и патриотизма пролетарски демократического – защитного цвета.[4]

По словам трудовика В.Б. Станкевича, позиция Потресова, которую разделяла в то время значительная часть русской демократической интеллигенции, означала «служение войне критикой правительства, предостережением его от ошибок, грозящих успеху войны или ее принципиальной чистоте».[5] Иорданский называл платформу «Нашей зари» «малокровным оборончеством»,[6] а сами «зариcты» в письме к Плеханову признавали: «Объединяющее нас гораздо важнее тех или других разногласий».[7]

Осенью 1915 года Потресов и его сторонники с позиции «непротиводействия войне» перешли на позиции защиты страны. [8] Не став носителем идеи национального освобождения и защиты страны от внешнего врага, рабочий класс, по мнению Потресова, уступит ведущую роль в революции буржуазии.[9] Поэтому непременным условием победы над царизмом должна была стать координация усилий либерально-цензовой и демократической России. [10] В современных условиях В. Левицкий предлагал «делать то, что можно делать, а именно: подготовлять умы рабочих и обращать уже теперь внимание на все те вопросы, которые встанут при заключении мира, стараясь на почве откликов массы на нужды, порожденные войной, вызвать самостоятельные организационные стремления».[11]

«Правый центр» меньшевиков был представлен Организационным комитетом (ОК РСДРП),[12] думской фракцией во главе с Н.С.Чхеидзе[1] и играл роль идей-

---

[1] Известия заграничного секретариата ОК РСДРП. 1915. 22 февраля.
[2] Самозащита. Марксистский сборник. Пг., 1916. С.26.
[3] Там же. С.18.
[4] Там же. С.10.
[5] Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. Берлин, 1920. С.19-20.
[6] Цит. по: Тютюкин С.В. Указ. соч. С.58.
[7] Наше дело. 1915. №2. С.103.
[8] Потресов А.Н. Война и вопросы международного демократического сознания. Пг.,1916. Вып.1. С.7; Канун революции. Пг., 1918. С.104; РГАСПИ. Ф.142. Д.568. Л.16 об.
[9] См.: Дело. 1917. №3. С.116.
[10] См.: Дело. 1917. №3. С.60-62, 119.
[11] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.5. Ч.81. Лит.Б. Л.5 об.
[12] В русскую коллегию ОК по данным департамента полиции входили В.И. Хаустов, П.А. Гарви, Б.С. Батурский, Ф.И. Дан, Е.Л. Бройдо, Е. Гудков, Б.О. Богданов. (ГА РФ. Ф.ДП.00.1914. Д.5. Ч.57. Ф.2. Л.26). В 1915 году в него

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

но-организационного буфера между крайними течениями меньшевизма. Они признавали, что виновниками войны являются господствующие классы всех воюющих стран. Находя плюсы и минусы в победе как одной, так и другой коалиции,[2] фракция Чхеидзе призывала пролетариат сложить с себя всякую ответственность за возникновение и ведение войны, осуждала политику «национального единения и провозглашала лозунг немедленного прекращения европейской бойни (мир, мир, мир)».[3]

П.Б. Аксельрод не представлял себе, чтобы «Россия могла выйти из войны совершенно порабощенной».[4] Позже он изменил эту точку зрения, считая вполне достаточным лозунг «ни побед, ни поражений».[5] И все же правоцентристы полагали, что минусы, связанные с поражением, во много раз превосходят все его плюсы.[6] П.Б. Аксельрод считал, что лозунг поражения не нужен потому, что «отсутствие победы в настоящей войне для России, как и вообще для всех воюющих сторон, означает уже само по себе поражение и должно вызвать общественный подъем и революционные настроения в массах».[7]

Занимая преобладающие (лидирующие) позиции в меньшевистском лагере, «правый центр» фактически проводил такую же политику «нейтралитета» по отношению к войне, как и сторонники Потресова.[8] Более того, П.Б.Аксельрод, например, еще в 1915 году открыто заявлял, что меньшевик Плеханов, несмотря на все его «патриотические заблуждения», ближе ему, чем интернационалист Ленин, «межевательный фанатизм» которого «противоречит интересам всякого революционного движения – и национального, и интернационального».[9]

Они предлагали использовать патриотизм для борьбы с самодержавием[10] (А.И.Чхенкели), довольно неопределенно говорили о том времени, когда рабочий класс может перейти от защиты страны к защите своих классовых интересов, к борьбе за такой социальный порядок, в котором нет места классовому угнетению,

---

вошли Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели и др. (Там же. 1915. Д.5. Л.192.). Заграничный секретариат ОК, созданный в Цюрихе в 1914 году состоял из П.Б. Аксельрода, Ю.О. Мартова, А.С. Мартынова, С. Семковского, И.С. Астрова.

[1] В состав фракции входили Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели, М.И. Скобелев, В.И. Хаустов, И.Н. Туляков, И.Н. Маньков.

[2] См.: Памятники... Т.6. Вып.1. С.118-120.

[3] ГА РФ. Ф.102.00.1914. Д.343. Отд.3. Л.272, 274.

[4] Голос. 1914. 22 декабря.

[5] Наше слово. 1915. 16 мая.

[6] Там же. 1 сентября.

[7] Там же. 16 мая.

[8] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.20. Ч.20. Лит.Б. Л.38.

[9] Наше слово. 1915. 16 мая.

[10] См.: Коллонтай А.М. Отрывки из дневника 1914 г. С.42.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

нет места войне,[1] молчаливо признавали необходимость национальной обороны впредь до заключения демократического мира.

Детальный план интернациональной борьбы за мир был разработан в 1915-1916 годах П.Б. Аксельродом.[2] При этом борьба за мир связывалась ими с заключением «договора» между партиями II Интернационала о совместных и обязательно одновременных действиях против войны, с тем, чтобы не поставить ту или иную страну в невыгодное стратегическое положение по сравнению с другими воюющими державами.[3] Характерна интерпретация этого тезиса фракцией Чхеидзе: пока агитация германской социал-демократии за мир не имеет решающего значения, «задача самообороны не перестает быть очередной политической задачей социалистов других стран».[4]

Однако уже в июне 1915 года в кругах, близких к меньшевистской фракции Думы, был поставлен вопрос о том, не следует ли изменить позицию и стать на точку зрения необходимости национальной самообороны.[5] По-своему интересна резолюция совещания «старых работников социал-демократии» в 1915 году, участники которого пришли к выводу, что «рабочий класс должен организовываться не для революции, а просто для твердой и планомерной защиты своих особых интересов во всех областях жизни».[6]

Одним из первых документов нарождающегося революционного оборончества было письмо московских меньшевиков в июле 1915 года к думской фракции, в котором говорилось, что настоящее правительство может быть сброшено «только силой» и что «война...нисколько не исключает возможности и необходимости революционного движения внутри страны».[7] 10 февраля 1916 года Н.С. Чхеидзе огласил с думской трибуны внешнеполитическую платформу меньшевистской фракции, где прозвучало осуждение империалистического характера войны и проводимой правящими кругами великих держав аннексионистской политики. Он обвинил российскую самодержавную бюрократию в неспособности возглавить оборону страны, призвал не доверять кабинету министров.[8]

---

[1] См.: Памятники... Т.6. Вып.1. С.105-106.
[2] Аксельрод П.Б. Борьба за мир и восстановление Интернационала. Пг., 1917. С.34.
[3] См.: Там же. С.24-25; РГАСПИ. Ф.2. Оп.5. Д.501. Л.5.
[4] Цит. по: Меницкий И.А. Революционное движение военных годов. Т.1. М., 1925. С.195.
[5] Меницкий И.А. Указ. соч. С.192, 194, 196, 197, 242; Государственная дума. IV Созыв. Сессия 4. Стенографические отчеты. Пг., 1916. Ч.2. Стб.2747; ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.5 Ч.46. Лит.Б. Л.19, 19 об.
[6] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.5. Ч.32. Лит.Б. Л.86.
[7] Цит. по: Меницкий И.А. Указ. соч. С.199-204.
[8] См.: Ионичев Н.П. Антимилитаристская тактика российских социал-демократов в 1900-1917 годах. М., 1989. С.91.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

«Левый центр» меньшевиков группировался вокруг парижских газет «Голос» (13.9.1914-17.01.1915) и «Наше слово» (01.1915-09.1916) при ведущей роли Ю.О. Мартова и Л.Д. Троцкого.[1] Интернационалистическая позиция «революционного оборончества» Мартова весьма контрастировала с пораженчеством Ленина и патриотизмом Плеханова и, по нашему мнению, вероятно, была наиболее верной и благородной.

Представители «левого центра» считали, что начавшаяся война носит империалистический, несправедливый с обеих сторон характер, и социалисты не могут желать победы или поражения ни одной из воюющих стран, хотя и признают, что неуспех русского царизма мог бы сослужить хорошую службу делу революции.[2] Мартов признавал, что пролетариат действительно заинтересован «в неуспехе империалистических планов своего правительства». Однако лозунг поражения, по его мнению, неизбежно должен был привести на практике к объективному оправданию социал-патриотизма в Германии.[3]

«Левый центр» осудил позицию по отношению к войне вождей европейского социализма и Г.В. Плеханова.[4] Не согласен был Мартов и с мнением Плеханова о превращении России в немецкую колонию в случае поражения. [5] Но в 1916 году Мартов уже утверждал, что «основное империалистическое содержание войны делает ее для каждой стороны актом подлинной борьбы за существование»,[6] но «само собой разумеется, что если бы нынешний кризис привел к победе демократической революции, к республике, характер войны коренным образом изменился бы».[7]

Мировая война, заявляли сторонники «левого центра», «заканчивает эпоху сравнительно устойчивого существования буржуазных государств и открывает эру грандиозных мировых потрясений».[8] Человечество поставлено перед дилеммой: постоянные войны или передача государственной власти в руки пролетариата. [9]

---

[1] По мнению историка В.И Старцева, Л.Д. Троцкий сразу же стал на интернационалистические позиции по отношению к войне. См.: Старцев В.И. Л.Д. Троцкий (страницы политической биографии). М., 1989. С.21.
[2] См.: Голос. 1914. 8, 30 октября; Памятники… Т.6. Вып.1. С.37.
[3] См.: серия статей Мартова Ю.О. «Против метафизики и идеализма». // Наше слово. 1915. 21-24 августа.
[4] См., например, «Голос» №8, 21, 23, 31, 33, 35, 37, 99. Против Плеханова были направлены статьи Мартова, Манульского, Луначарского, Владимирова, Лозовского, Павловича и др. (см. «Голос» №34, 35, 41, 43, 90, 91, 97, 98, 99, 101, 102 и др.). Редакция «Голоса» подчеркивала, что долг социалистов состоит, прежде всего, в борьбе с шовинизмом собственной страны (см. «Голос»: №35, 54).
[5] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.5. Ч.57. Л.305.
[6] Мартов Ю.О. Национализм и социализм. Пг., 1917. С.46.
[7] Интернационал и война. 1915. №1. С.116.
[8] Голос. 1915. 8 января.
[9] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.5. Л.2.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Поэтому рабочие каждой страны должны объявить решительную войну империалистической политике, преодолеть пережитки национальной ограниченности и в интернациональном масштабе поставить перед собой задачу политической и экономической экспроприации правящих классов.[1]

Отвергая лозунг «обороны», который неизбежно «окрашивался в цвет буржуазной идеологии»,[2] левоцентристы в качестве первого практического шага по сплочению международного пролетариата выдвинули лозунг борьбы за демократический мир без аннексий и контрибуций.[3] Начать следовало, прежде всего, с того, чтобы каждая из социалистических партий воюющих стран отказалась от всякого участия в ведении войны.[4] В России вопрос о мире, по их мнению, необходимо было бы поставить во время выступлений с думской трибуны в качестве требований к господствующим классам. В качестве условий мира они предлагали самоопределение национальностей, отказ от аннексий, образование международного представительного органа для улаживания отношений между государствами.[5] Стремясь объединить и примирить всех интернационалистов, Мартов, заявлявший, что слева от открытых социал-патриотов для него политических противников нет,[6] предлагал С.Ю.Семковскому в письме 14 апреля 1915 года попытаться «найти форму, которая могла бы объединить все партии если не в пропаганде самого мира, то, по крайности, в пропаганде условий мира».[7] Из всех социалистов у Мартова еще с 1914 года не было «охоты работать» только с Лениным[8]. Он даже вышел из редакции «Нашего слова», когда газета стала «все ближе подходить к ленинскому «С-Д» и по упрощенности своего «мировоззрения», и по оголтелости своей полемики».[9]

Лозунгу мира меньшевики-интернационалисты отводили роль своеобразного фермента, который должен был способствовать восстановлению международной пролетарской солидарности и подвести рабочих воюющих стран к мысли о необходимости совместных действий против войны.[10] По мнению мартовцев, этот лозунг являлся «кровным братом» лозунга гражданской войны, а агитация социали-

---

[1] Голос. 1915. 8 января; РГАСПИ. Ф.451. Оп.1. Д.108. Л.2.
[2] Там же. Д.99. Л.18.
[3] Голос. 1915. 8 января.
[4] ГА РФ. Ф.102.00.1914. Д.343. Отд.3. Л.300-301.
[5] РГАСПИ. Ф.451. Оп.1. Д.99. Л.19.
[6] Мартов Ю.О. Против войны. М., 1917. С.X.
[7] Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С.329.
[8] Там же. С.303.
[9] РГАСПИ. Ф.362. Оп 1. Д.51. Л.37-37 об.; Ф.142. Оп.1. Д.574. Л.39 об.
[10] См.: Голос. 1914. 6, 17, 21 октября, 14 ноября; Наше слово. 1915. 29 мая.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

стов за прекращение кровопролития уже сама по себе означала «призыв к восстанию в Германии, к перевороту во всех странах, где существует несправедливость и гнет»,[1] одним словом, при всех обстоятельствах мир должен проложить дорогу революции.

Толкование лозунга мира в левоменьшевистских группах было далеко неоднозначным. Часть их, например, даже считали целесообразным с самого начала «осложнять» агитацию за мир более широкими требованиями, поскольку даже заключение мира на основе простого восстановления довоенных границ оказало бы, по их мнению, сильнейшее революционизирующее воздействие на массы, воочию показав им «всю бесцельность и преступность войны, несущей народам лишь кровь, страдания и нищету».[2]

В ходе войны позиция Мартова и его сторонников менялась. Так, от критики поведения германских и французских социалистов, он перешел к их оправданию.[3] Наконец в статье «Война и российский пролетариат» Мартов сформулировал лозунг так: «Революция во имя мира».[4]

В годы Первой мировой войны Ю.О. Мартов и его соратники не могли не думать о будущем политическом устройстве России.[5] При этом сам Мартов подчеркивал: «Задача завоевания политической власти властно встанет на очередь дня в час «ликвидации» нынешней войны».[6]

Считая, что «внутренний враг помещается лишь направо»,[7] Мартов постепенно изменял свое отношение к русской либеральной буржуазии.[8] К началу 1917 года ему стало окончательно ясно, что «страна оказалась бы поистине в безнадежном тупике, если бы она связала все свои надежды с тактикой все еще стоящего лицом к царизму и спиной к народу думского блока».[9] Мартов считал, что революция в России не может остановиться на создании буржуазно-империалистического правительства, а должна идти дальше, к правительству мелкобуржуазной и крестьянской демократии.[10]

---

[1] Голос. 1914. 14 ноября.
[2] См.: Голос. 1914. 6 октября.
[3] Мартов Л. Против войны. С.72-73.
[4] См.: Интернационал и война. 1915. №1. С.120.
[5] Памятники...Т.6. Вып.1. С.144-145.
[6] Против войны. С.22.
[7] Там же. С.XI.
[8] Интернационал и война. 1915. №1. С.111; Мартов Ю.О. Пролетариат и национальная оборона. Пг., 1917. С.75.
[9] Известия Заграничного секретариата ОК РСДРП. 1917. 10 февраля.
[10] Интернационал и война. 1915. №1. С.115, 118, 120.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Промежуточную позицию между большевиками и меньшевиками по вопросам войны, мира и власти занимали «впередовцы», настаивавшие на сплочении всех интернационалистских элементов и, одновременно, считавшие, что «ленинцы хотят видеть пропасть там, где есть только грань; меньшевики видят грань там, где на самом деле пропасть».[1]

Как всегда, большой оригинальностью отличалась позиция Л.Д.Троцкого, для которой была характерна более острая, чем у Мартова, постановка вопросов войны, мира, революции, власти. Оценивая роль войны, Л.Д. Троцкий так писал К. Каутскому в 1920 году: «Война, как и революция, основана на устрашении... Победоносная война истребляет, по общему правилу, лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю».[2] По его мнению, война является слишком противоречивым, слишком обоюдоострым фактором исторического развития, чтобы революционная партия, чувствующая твердую классовую почву под ногами и уверенная в своем будущем, могла видеть в пути поражений путь своих политических успехов.[3]

Прежде чем браться за решение революционных задач, пролетариат, по мысли Троцкого, должен добиться мира. [4] Он предлагал ограничиться агитацией за мир, ибо под этим лозунгом «шла и идет повсюду мобилизация пролетарской оппозиции».[5] «Если бы вернейший или кратчайший путь освобождения шел через войну, революционная социал-демократия не задумалась бы толкать на этот путь с решимостью хирурга, который не пугается страданий и крови, когда считает целесообразным вмешательство ножа»,[6] - подчеркивал Троцкий.

Считая, что «истинная национальная самооборона заключается теперь в борьбе за мир»,[7] Л. Троцкий утверждал, что «наше отрицание» защиты отечества, как пережившей себя политической программы пролетариата, перестает быть чисто отрицательным актом идейно-политической самообороны, а получает все свое революционное содержание лишь в том случае, если консервативной защите устаревшего национального отечества мы противопоставляем прогрессивную задачу

---

[1] Вперед. 1916. 21 января.
[2] Троцкий Л.Д. Соч. Т.XII. С.59.
[3] Троцкий Л.Д. Война и революция. Пг., 1922. Т.1. С.248.
[4] Ленинский сборник XVI. С.140; Волкогонов Д. Лев Троцкий. Политический портрет. // Октябрь. 1991. №6. С.159; Троцкий. Война и революция. Т.1. С.151.
[5] Троцкий Л. Война и революция. Т.2. С.202.
[6] Троцкий. Указ. соч. Т.1. С.247.
[7] Там же. С.151.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

создания нового, более высокого «отечества» революции – республиканской Европы...».[1]

Л. Троцкий был противником ленинской тактики социал-демократии в Первой мировой войне.[2] Он считал, что формула «поражение России – меньшее зло» - есть «уступка политической методологии социал-патриотизма, который революционную борьбу против войны и условий, ее породивших, подменяет крайне произвольной в данных условиях ориентацией по линии «наименьшего зла»,[3] и, не обогащая нашей агитации, «является важнейшим оружием социал-патриотической демагогии в борьбе с общим нашим знаменем».[4] (борьбой за мир – А. Ч.). Троцкий подчеркивал, что «нам приходится сейчас не только *оценивать*, в каком направлении война и поражение влияют на ход политического развития, нам, прежде всего, приходится *действовать* на той почве, какую создает поражение»,[5] «отсюда вытекает необходимость борьбы за скорейшее прекращение войны».[6]

Более того, Троцкий предупреждал, что лозунги гражданской войны и поражения своего правительства тем опаснее, что большевики «превращают эти формулы в абсолютные критерии интернационализма»[7], и упрекал Ленина еще в 1913 году в письме к Чхеидзе: «Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения».[8] «Не поражение для революции – писал он в 1916 году, - а революция независимо от возможности поражения»,[9] и призывал к созыву Учредительного собрания на основе немедленного прекращения войны и самоопределения наций.[10]

Таким образом, в годы войны меньшевики представляли собой пестрый конгломерат течений и групп, ведущую роль в котором играли полуоборонческие элементы.

Большевики и их лидер В.И. Ленин страстно желали войны, ибо это давало им уникальную возможность начать революцию. Поскольку такая позиция была непопулярна и для социалиста неприемлема, о ней избегали говорить открыто. Но

---

[1] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.141.
[2] Гринько В.А., Митькин Н.А., Сопин Е.Ф., Шаумян С.С. Борьба партии большевиков против троцкизма. (1903-февраль 1917 г.). М., 1968. С.195; Троцкий Л. Война и революция. Т.2. С.202.
[3] Цит. по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26. С.286.
[4] Троцкий Л. Война и революция. Т.2. С.202.
[5] Там же. Т.1. С.241.
[6] Там же. Т.1. С.251.
[7] Там же. Т.2. С.202.
[8] РГАСПИ. Ф.325. Оп.1. Д.6. Л.1.
[9] Наше слово. 1916. 21 марта.
[10] Там же. 1915. 17 октября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

иногда Ленин проговаривался, как, например, еще в письме к Горькому 25 января 1913 года во время первой Балканской войны: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но маловероятно, чтобы Франц Иосиф и Николаша доставили нам сие удовольствие».[1]

Еще не зная взглядов Ленина на войну, члены Комитета заграничной организации Н.В. Кузнецов и А.В. Казаков (Бритман) при объявлении мобилизации ушли добровольцами во французскую армию.[2] Ушли волонтерами во французскую армию еще два члена Парижской секции: М.Давыдов и И. Джапаридзе (Моисеев).[3] Часть большевиков, будучи «сторонниками полной победы русскому оружию», обратились с письмом к Г.В. Плеханову с просьбой разъяснить, «каково должно быть отношение русской социал-демократии к европейской войне»,[4] ибо, как пишет П.Г. Смидович, война вызвала «чувство растерянности, чувство беспомощности, незнания, как отнестись к разразившимся событиям».[5]

Первое официальное заявление большевиков об отношении к войне было сделано А.Е. Бадаевым в 20-х числах июля, когда, отвечая на вопросы журналистов, он сказал: «Рабочий класс будет бороться всеми силами против войны. «Война – войне» – вот наш лозунг. За этот лозунг мы, действительные представители рабочего класса, и будем бороться».[6] Первой реакцией Ленина на войну была подготовленная им резолюция группы революционеров, где говорилось: «С точки зрения рабочих и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск...».[7] Эта же идея усиливается в Манифесте ЦК. [8] В ноябре 1914 года в центральном органе большевиков «Социал-демократе», развивая свои мысли, Ленин писал: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг...».[9]

«Превращение войны империалистической в войну гражданскую, - утверждал Ленин, - не может быть «сделано», как нельзя «сделать» революции, - оно вырастает из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистической войны. И такое вырастание невозможно без ряда

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.48. С.155.
[2] См.: Онипко Ф. Записки волонтера // Ежемесячный журнал. Пг., 1916. №1.
[3] РГАСПИ. Ф.72. Оп.3. Д.727. Л.1, 87.
[4] РГАСПИ. Ф.448. Оп.1. Д.32. Л.4.
[5] Памятники... Т.VI. Вып.1. С.124.
[6] Бадаев А.Е. Большевики в Государственной Думе. Воспоминания. М., 1954. С.344.
[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26. С.6.
[8] Там же. С.21.
[9] Там же. С.22.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы».[1] Разъясняя значение этого лозунга, Ленин пишет А.Г. Шляпникову 31 октября 1914 года: «Лозунг наш – гражданская война... Мы не можем ее «сделать», но мы ее проповедуем и в этом направлении работаем... Никто не решится ручаться, когда и насколько оправдается сия проповедь практически: не в этом дело... Дело в такой линии работы. Только эта работа – социалистическая, не шовинистская. И она одна принесет социалистические плоды, революционные».[2] Еще дальше пошел Г. Зиновьев: «Формула «Гражданская война»... подчеркивает, что предстоит борьба не только против правительства, но и против тех слоев «граждан», против того небольшого меньшинства, которое заинтересовано в войне».[3]

В.И. Ленин показывает и практическую линию «работы, которая ведет к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара»:[4] «1) безусловный отказ от вотирования военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира...»; 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братанья солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще».[5]

Уже в своем письме к Шляпникову 17 октября 1914 года Ленин писал, что «царизм во сто раз хуже кайзеризма...».[6] Он считал, что лозунг поражения носит интернациональный характер.[7] При этом лидер большевиков обязательно добавлял, что «поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом».[8]

Ленин считал лозунг пораженчества призывом к революционным действиям[9]. И, наконец, он показывает решение этого вопроса применительно к России, выделяя в письме Шляпникову курсивом слова «русские» и «Россия»: «Чтобы борьба шла по точной и ясной линии, нужен обобщающий ее лозунг. Этот лозунг: для нас, русских, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26. С.289.
[2] Там же. Т.49. С.24-25.
[3] Зиновьев Г. Империалистическая война и банкротство социал-демократии. М.-Пг., 1924. С.269.
[4] Ленин. Полн. собр. соч. Т.26. С.40.
[5] Там же. Т.26. С.164.
[6] Там же. Т.49. С.14.
[7] Там же. Т.26. С.166.
[8] Там же.
[9] Там же. С.287.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

класса России, не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что наименьшим злом было бы теперь и тотчас – поражение царизма в данной войне».[1]

В речи на собрании 27 сентября 1915 года видный работник Петроградского комитета В.М. Залежский выступил с открытым изложением пораженческой тактики большевиков.[2] А.Г. Шляпников сообщал Ленину, что у части большевиков сложилось в те дни мнение о необходимости бороться с войной во что бы то ни стало, вплоть до активной дезорганизации армии и транспорта в целях «тыловой революции».[3]

Такую ленинскую позицию по вопросам войны, оценивая ее плюсы и минусы, разделяли очень немногие, и, чаще всего, она служила объектом нелицеприятной критики.[4] Многие социалисты в России, давая оценку пораженчеству, задавали вполне резонный вопрос: «А если революционная бацилла не привьется? Тогда будет побежден в этой войне при нашем содействии русский народ – российский пролетарий и сермяжная Русь».[5] Оценивая позицию Ленина как верную с точки зрения революционной логики захвата власти, Мартов считал, что Ленин хочет «погреть в фракционном фанатизме свои руки около зажженного на мировой арене пожара».[6] Еще более непримиримо относился ко взглядам Ленина Н. Бердяев, называя пораженчество во время войны смердяковщиной,[7] а С. Булгаков - большевизм – прямым наследием и продолжением войны, ее гниением, перешедшим вовнутрь.[8]

Взгляды Ленина на войну, особенно на поражение в ней России, разделяли и не все большевики.[9] Так, Н.И. Бухарин считал, что «поражение России не сможет стать лозунгом революционной социал-демократии.... Этот вопрос имеет академическое значение, и не может быть актуальным политическим вопросом».[10] Возможность и необходимость распространения лозунга поражения он считал «социальным мифом»,[11] ссылаясь на то, что он абсолютно не пригоден для агитации в

---

[1] Там же. Т.49. С.14.
[2] РГАСПИ. Ф.17. Оп.10. Д.29421. Л.25.
[3] РГАСПИ. Ф.2. Оп.5. Д.474. Л.2.
[4] Новый мир. 1915. 15 января.
[5] Наше слово. 1915. 16 мая.
[6] Голос. 1914. №87.
[7] См.: Из глубины. С.76.
[8] См.: Там же. С.100.
[9] ГА РФ. Ф.ДП.00.1914. Д.5. Л.113; РГАСПИ. Ф.351. Оп.11. Д.27391. Л.3; Пролетарская революция. 1925. №5 (40). С.171,172.; Красная летопись. 1924. №1 (10). С.86-87.; Шляпников А.Г. Указ. соч. Т.1. С.61-62.
[10] РГАСПИ. Ф.2. Оп.5. Д.511. Л.3, 3 об.
[11] Там же. Ф.437. Оп.1. Д.27264.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

массах, которые просто не поймут, зачем им нужно добиваться поражения русской армии.[1] Большевик Багдатьев, несмотря на противодействие Ленина, был убежден, что «объединение всех интернационалистов, всех революционных социал-демократов…есть задача дня. Старые организационные счеты нужно отбросить ныне, в эпоху великих событий…».[2] Некоторые большевики выражали в это время сомнение в жизнеспособности идеи гегемонии пролетариата в условиях войны.[3]

Весьма своеобразные взгляды на тактику партии во время войны высказывал В.А. Базаров. Он считал, что недопустима никакая политическая поддержка войны со стороны обоих блоков, в том числе и России, так как она носит империалистический характер. Война может быть окончена лишь благодаря одновременным решительным действиям мирового пролетариата. При этом Россия должна быть готова вести в случае необходимости сепаратную войну, которая должна будет или революционизировать Европу или погубить революционную Россию.[4]

Да, война ужасна, но Ленин отвергает идею мира.[5] Он неоднократно подчеркивал непреложную с его точки зрения истину: «…мир для темной массы имеет иное значение (a la «гапонада»), но как лозунг партии он – шарлатанство».[6] Вождю вторил Г.Зиновьев: «Социализм не есть пацифизм. Социализм есть воинствующий марксизм».[7] Но у большевиков были и другие взгляды на лозунг мира.[8] Шляпников в своей аргументации в пользу лозунга мира подчеркивал следующие основания: 1) буржуазия всех стран ничего и слышать не хочет о мире, 2) лозунг мира «толкнет к нам всю демократию», т.е. разоряющиеся от войны мелкобуржуазные массы города и деревни, 3) призыв к миру, который носит интернациональный характер, поможет объединить пролетариат всех стран.[9]

Более резок в оценках лозунга мира по-ленински был А.В.Луначарский, который считал, что «большевикам, по-видимому, кажется более целесообразным, чтобы новые и новые войны все больше били пролетариат; авось, после третьего или четвертого удара этим бичом, он, рассвирепев от страданий, в припадке бешенства разорвет свои цепи и ухлопает своего палача».[10] Оценивая позицию Лени-

---

[1] Там же.
[2] Там же. Ф.17. Оп.10. Д.29421. Л.23 об.
[3] Там же. Ф.2. Оп.5. Д.614. Л.5.
[4] См.: Базаров В.А. История освобождения России. М., 1917.
[5] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26. С.166, .284.; Ленинский сборник. Т.2. С.195.
[6] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.49. С.93.
[7] Зиновьев Г. Война и кризис социализма. Л., 1926. Соч. Т.8. С.551.
[8] РГАСПИ. Ф.2. Оп.5. Д.475. Л.2 об.
[9] Там же. Д.484. Л.4, 4 об.
[10] Вперед. 1915. №2. 20 октября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

на, А. Улам пишет: «Он просмотрел то обстоятельство, что миллионам человеческих жизней также мог быть «выгоден» призыв к миру».[1] Во многом не изменилась эта оценка Ленина и поддерживающих его социал-демократов, которые жаждали скорой гибели миллионов солдат, жаждали быстрейшего поражения России в войне, жаждали недовольства, а, следственно, революции, и сегодня.[2]

В годы Первой мировой войны Ленин неоднократно поднимал вопрос о мировой революции.[3] Еще 9 января 1917 года он говорил о возможности революций в Европе, не упомянув Россию. Российский «пророк» считал, что «мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции...».[4] Во время войны даже некоторые бывшие соратники начали относиться к Ленину как к сумасшедшему, «политическому иезуиту», исчерпавшему себя человеку.[5]

Эффективность влияния большевиков на политическое сознание населения страны и ее армии была сравнительно невысокой.[6] Причинами этого в начальный период войны послужили недостаточное осознание могущественного психологического и политического переворота в сознании рабочих, вызванного войной, что вынуждало их отказаться от политической работы в широких массах, чтобы не оказаться в смешном положении ненужных и лишних людей,[7] большой недостаток в интеллигентных работниках и отсутствие средств.[8]

По словам Ф.И. Дана, большевики и далее «ведут себя тактично, не заикаясь о «поражении» и смазывая вопрос о «гражданской войне».[9] Большинство партийных комитетов предпочитали не поднимать лозунга поражения в агитационной литературе или облекать его в более «нейтральную» форму: кто бы ни победил, трудящимся массам лучше не будет; от победы царизма народ ничего не выиграет и т.д. Лозунг мира также часто встречался в большевистских листовках военного периода, правда, в сочетании с призывом к подготовке новой русской революции, а иногда и вместе с лозунгом гражданской войны.[10]

---

[1] The Bolsheviks. N.Y., 1965. P.306.
[2] Солженицын А. Красное колесо. Узел 2. Октябрь шестнадцатого. Париж, 1984. С.117-118.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.27. С.27.
[4] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.30. С.328.
[5] Соломон Г.А. Среди красных вождей. Т.1. Париж, 1930. С.15; Он же. Ленин и его семья. Париж, 1931. С.78.
[6] Меницкий И. Революционное движение военных годов. С.207; Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде. Л., 1986. С.144-145.
[7] ГА РФ. Ф.ДП. 4Д-во.1914. Д.108. Ч.42. Л.16-16 об.
[8] Шляпников А.Г. Указ. соч. С.177, 238.
[9] Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Берлин, 1924. С.355.
[10] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.5. Ч.13. Лит.Б. Л.25-26.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Лидеры большевиков не участвовали в войне. Как кабинетные ученые или митинговые ораторы, они не имели военного опыта, никогда не участвовали в серьезных боях, где царит смерть. До прихода к власти их войны были словесными, идеологическими, политическими, а представления о смерти, людских бедствиях - абстрактными.[1]

Исследование документального материала позволяет представить сущностные характеристики программных установок социалистов-революционеров по вопросам войны, мира, революции и власти. Эсеры встретили войну в состоянии глубокого кризиса, разброда и шатаний.[2] Причины такого положения дел можно выделить следующие: 1) за исключением центральных организаций за рубежом, относительно стабильными организациями всех революционных партий были лишь профсоюзы, где у эсеров, по сравнению с соперниками, было крайне мало сторонников; 2) сильнейший удар по эсеровским организациям нанесло дело Азефа в 1909 году, когда рядовые члены партии вследствие такой гигантской измены начали отходить от партийной работы; 3) эсеры более яростно преследовались политической полицией, чем социал-демократы, так как считались более опасными; 4) терпеливая, утомительная, рутинная, агитационная работа не являлась любимым занятием для типичного социалиста революционера, предпочитавшего более прямые и заметные формы воздействия,[3] что дало некоторым исследователям прийти к выводу, что в эсеры шли люди, определенного психологического типа, склада ума, люди эмоциональные, постоянно испытывающие духовную и нравственную неудовлетворенность.[4]

Представляется необходимым заметить, что, в отличие от меньшевиков, по мнению автора, в годы войны у эсеров существовало два направления теоретической мысли – оборонческое (Н.Д.Авксентьев, И.И.Фондаминский, А.А.Аргунов) и интернационалистское (В.М.Чернов, М.А.Натансон),[5] - в отличие от И.И. Черных, выделявшего три позиции: патриотическое, оборонческое, (И.А. Рубанович, Н.Д.

---

[1] Черная книга коммунизма. С.671.
[2] Накануне мировой войны. М., 1917. С.8.
[3] Хильдемайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С.130-131.
[4] Ткаченко Ю.В. Восстановление эсеровской партийной печати в Москве после Февральской революции 1917 года // Их истории России XX век. Сб. статей. Вып.15. М., 2000. С.52.
[5] Политические партии России. Энциклопедия. С.439.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Авксентьев), центристское или пацифистское (В.М. Чернов) и левое (М.А. Натансон).[1]

Эсеры-максималисты, увлекавшиеся экспроприациями («эксами»), были малочисленны и заметным влиянием, особенно в годы войны, не пользовались.[2] Эсеровский интернационализм имел свои особенности и отличался умеренностью по сравнению с позицией такой радикальной партии, как большевики. Один из лидеров этого течения М.А. Натансон подчеркивал необходимость борьбы с царизмом и считал, что военные поражения самодержавия ускорят победу российской революции. Вместе с тем, они выступали против придания большевистскому лозунгу «превращения войны империалистической в войну гражданскую» категории «всеприменимость», считая гражданскую войну «заключительной фазой классовой борьбы».[3] Они критиковали и лозунг пораженчества, считая, что раз поражение царских войск необходимо для дела свободы, то приходится делать все, что ведет к поражению, т.е. дезорганизовать тыл, прибегая к саботажу.[4]

Позицию эсеров до войны по отношению к войне четко подчеркивала резолюция комиссии по делам международного социализма партии социалистов-революционеров в 1912 году, где говорилось о приверженности партии социалистов-революционеров принципу «война войне».[5] С началом войны представители эмигрантских кругов в Париже, в том числе член ЦК партии С.М. Слетов, вначале с опаской «быть заподозренными в измене революционным лозунгам, а затем открыто заговорили о необходимости принять участие в народном конфликте, отбросив все партийные дела и лозунги».[6]

Патриотизм части эсеров принял при этом форму полного отречения от революционных принципов.[7] И все же подобные решения давались им, видимо, нелегко.[8] Поэтому трудно согласиться с американским историком О. Радки, который, чрезмерно сгустив краски, пишет, что «интернациональное крыло партии социалистов-революционеров встретило волонтерство с грубой враждебностью, счи-

---

[1] Черных И.И. Военные вопросы в программе и тактике партий кадетов, меньшевиков и эсеров (март-октябрь 1917 г.). Дис. канд. ист. наук. М., 1992. С.51, 52.
[2] См.: Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. С.313.
[3] Жизнь. 1915. 28 ноября.
[4] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.457. Л.143.; Мысль. 1915. 16 января.
[5] См.: Спиридович А.И. Революционное движение в России в период империи. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916. Пг., 1918. С.509-510.
[6] ГА РФ. Ф.ДП.00.1914. Д.9. Ч.1. Лит.П. Л.88 об.
[7] Там же. Д.9. Ч.1. Лит.Б. Л.35; Источник. 1995. №4. С.17.
[8] Крестовская Л.А. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1919. С.11.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тая его проявлением массового психоза, который подавил социалистическое сознание».[1] На наш взгляд, реакция была значительно более умеренной.

Один из видных эсеров В. Бурцев заявил: «Эта война стала для России национальной. Даже мы, крайне левые и антимилитаристы верим в необходимость этой войны, в то, что война ведется за право и цивилизацию».[2] Более того, он считал, что в Европе необходимо восстановить порядок и предлагал «для этого...перечертить дурно в настоящее время начерченную карту Европы». [3] П.А.Сорокин также высказался за «успешную оборонительную войну на основе внутренних реформ».[4] Говоря о перспективах революции, в открытом письме в редакцию парижской эсеровской газеты «Мысль» Б. Савинков и Б. Моисеенко подчеркивали: «После войны настанет время социальной и революционной борьбы. Во время войны мы не в праве бороться».[5]

Занимая с первых же дней войны антиоборонческие позиции[6], Чернов отважился дать свой прогноз на вероятный исход войны и его последствия: «1) вничью – по невозможности довести войну до конца из-за отказа разочаровавшихся в военных иллюзиях масс; 2) победа Антанты и 3) победа блока центральных держав; первый в моих глазах был самым желательным, второй – меньшим злом сравнительно с третьим».[7] Увидел он и тот кризис, к которому привела война в мировом социалистическом движении, особая острота которого заключалась в том, что даже близкие друзья оказывались по разные стороны баррикад. [8]

Оценивая состояние дел в России, лидер эссеров указывал на невозможность антивоенного движения там. [9] Он считал, что неотложными задачами русских социалистов должны быть: «переоценка всех ценностей социалистического мировоззрения; безжалостное устранение тех элементов, которые обусловили практическое банкротство социализма перед лицом надвинувшейся войны; его возврат к утраченным истинно-революционным позициям».[10] Чернов призывал готовиться к активному воздействию на события, предостерегая в то же время от их форсирова-

---

[1] Radkey O. The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Defanet of the Russian Socialists Revolutionaries. February to October. 1917. N.Y., 1958. P. 119-120.
[2] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2098. Л.24.
[3] Бурцев В.Л. О войне. Пг., 1916. С.42.
[4] Сорокин П.А. На распутье трех дорог // Ежемесячный журнал. 1915. №9-10. С.491.
[5] Мысль. 1914. 8 декабря.
[6] Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С.297-298.
[7] Там же. С.298.
[8] Чернов В.М. Перед бурей. С.298,300.
[9] Чернов В.М. Указ. соч. С.299.
[10] Мысль. 1914. 26 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ния, что может сыграть на руку Германии, Австро-Венгрии и царизму. Однако он не отрицал готовности оппозиционных сил «прибегнуть к самым героическим мерам, когда это будет единственным выходом...».[1]

22 августа состоялось заграничное совещание центральных работников партии социалистов-революционеров по вопросу о линии поведения в условиях Первой мировой войны. Все участники встречи сходились на том, что война является огромным, неизмеримым бедствием и что победа Антанты была бы все же меньшим злом по сравнению с победой Германии. Но в вопросах тактики между участниками совещания выявились серьезные разногласия.[2] В итоге на совещании была принята следующая резолюция: «1) война вызвана агрессивными действиями Германии и Австро-Венгрии; 2) победа Антанты, несмотря на возможность временного усиления царизма, явилась бы в общем и целом прогрессивным фактором европейского развития; 3) русские социалисты должны принять участие в борьбе с прусским милитаризмом, продолжая в то же время свою революционно-социалистическую работу внутри страны».[3] По мнению В.В. Руднева, это была последняя попытка эсеровской эмиграции действовать сообща.[4]

Важную роль в идейно-политическом самоопределении эсеровской эмиграции сыграла газета «Мысль», первый номер которой вышел в Париже 15 ноября 1914 года. Выступая против империалистической войны и подняв в декабре 1914 – январе 1915 годов вопрос о «пораженчестве», редакция «Мысли» в лице Чернова решительно высказалась против поражения России в войне,[5] выдвигала лозунг мира без аннексий и контрибуций, Соединенных Штатов Европы, разоружения.

Очередная встреча левых и правых эсеров состоялась в ноябре 1914 года, в ходе которой, как считает М. Мелансон, произошел окончательный раскол в эсеровской эмиграции, «после чего вышеназванные течения, оставаясь в составе одной партии, вели работу преимущественно раздельно».[6]

Следующим этапом размежевания оборонческого и пораженческого течений стала Лондонская конференция социалистов стран Антанты в феврале 1915 года. Если Чернов и Натансон отвергали призывы к гражданскому миру,[7] то оборонцы

---

[1] Там же.
[2] См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С.68-69; ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.343. Отд.2. Л.196 об.
[3] Цит. по: Тютюкин С.В. Указ. соч. С.69.
[4] Цит. по: Melason M. The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti War Movement, 1914-1917. Columbus, 1990. P.22.
[5] См.: Мысль. 1915. 16 января.
[6] Melanson M. Op. cit. P.27.
[7] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.343. Отд.2. Ч.2. Л.265.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Аргунов и представитель партии социалистов-революционеров в Международном социалистическом бюро Рубанович, несмотря на наличие в их заявлении фраз о мире, проводили мысль о необходимости отказаться на время войны от любых действий, которые могли бы повредить защите России и общему делу ее союзников.[1] Их поддерживали Бунаков и правый эсер Б.Воронов.[2] Взгляды правых эсеров получили свое дальнейшее развитие на совещании в Женеве в сентябре 1915 года.[3]

Наиболее откровенно революционно-оборонческая тактика эсеров была изложена на страницах еженедельника «Призыв»,[4] где велась дискуссия о том, какой лозунг лучше: «сначала революция потом победа» или «организация обороны, как путь к революции».[5] При этом Бунаков категорически заявлял: «Если бы перед нами стояла дилемма: революция или оборона, мы выбрали бы оборону». Но так как такой дилеммы не было, он предлагал двуединый лозунг: «Борьба за свободу во имя обороны. Оборона как путь к свободе. Революция во имя обороны. Оборона как путь к революции».[6] Что касается революционного восстания, то революционные оборонцы признавали его целесообразным в двух случаях: при полной уверенности в быстром и окончательном захвате власти или в случае явной измены правительства, когда перед «левыми» партиями должна была встать задача спасения страны любой ценой.[7]

На страницах «Призыва» мелькали оптимистические прогнозы о том, что буржуазия «уже вступила по-своему в период делания революции» и стоит «в недвусмысленной оппозиции к правительству».[8] Считая, что революция неизбежна после окончания войны[9], правые эсеры представляли революцию в виде длительного процесса «планомерного завоевания власти», указывая на необходимость «сравнительно долгой стадии предреволюционной самоорганизации классов-носителей будущей революции».[10] Даже Алексинский критиковал призывцев за то, что они шантажируют правительство революцией по принципу: «Сделать мы ее не

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.2. Л.11; За рубежом. 1915. 22 марта; Наше слово. 1915. 17 февраля.
[2] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.343. Отд.2 прод. Л.274; За рубежом. 1915. 22 марта.
[3] Спиридович А.И. Указ. соч. С.527, 528.
[4] Призыв. 1915. 1 октября,18 декабря.; Padkey O. Op. cit. P.101.
[5] См.: Призыв. 1915. 1 и 30 октября.
[6] Призыв. 1916. 29 апреля.
[7] Призыв. 1916. 8 января.
[8] Призыв. 1915. 9 октября, 20 ноября.
[9] ГА РФ. Ф.102. Оп.2. 247. Д.9. Ч.46. Лит.Б. Л.10.
[10] Призыв. 1915. 9 октября.; Свободное слово (Нью-Йорк). 1915. №2. С.104;За рубежом. 1915. 3 августа.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сделаем, но пугать будем».[1] Но среди эсеров-оборонцев были и такие, которые продолжали считать революцию во время войны опасной и вредной.[2]

Не изменились и взгляды эсеров-интернационалистов. Признавая, что победа Германии – большее зло, В. Чернов считал злом и победу России, к которому «нужно подойти с противоядием, которым и является пропаганда по обеим сторонам траншей».[3] В сборнике его статей «Война и «третья» сила», выпущенном в 1915 году, он с большим упорством выступает как против лозунга гражданского мира, так и против ожидания того, что война автоматически приведет к революции.[4] С его точки зрения, чтобы социализм повлиял в своем духе на условия мира, необходимо создание «третьей силы» в лице международного рабочего движения, тактическим лозунгом которого должно стать «превращение переживаемого цивилизованным миром военного кризиса в революционный...».[5]

Довольно своеобразными были предложения группы содействия партии социалистов-революционеров для внесения на Интернациональную социалистическую конференцию в Гааге: усиление пропаганды о солидарности рабочих масс; вытеснение в пропаганде лозунга защиты отечества; объявление настоящей войны империалистической, а не народной и ведение пропаганды против войны; организация стачек и забастовок на предприятиях, изготовляющих амуницию, и на железных дорогах; призыв товарищей из рядов войск; развитие классовой борьбы в стране; борьба за прекращение тайных дипломатических соглашений; террористические акты против правительственных чиновников; экспроприация крупной промышленности и секвестрование банков.[6] Эсер Александрович после побега из сибирской ссылки предложил заграничному эсеровскому центру взять на себя инициативу созыва конференции левонароднических групп, ставящих своей целью прекращение войны революционным путем.[7]

Интересно при этом наблюдение В. Чернова, что характеризует его как тонкого психолога, о том, что «...не в разном отношении к дезертирству и саботажу – водораздел между «правыми и левыми» в тот момент, когда все еще «приходится воевать...», а в том, что одни – левые – могут временно «принять факт войны» как неизбежное зло, но никогда не превратят этого фактического приятия в моральное,

---

[1] Цит. по: Тютюкин С.В. Указ. соч. С.196.
[2] ГА РФ. Ф.1741. Д.16295.
[3] ГА РФ. Ф.102.1915. Д.343. Отд.2 с. С.114-114 об.
[4] Чернов В. Война и «третья сила». Женева, 1915. С.6-7.
[5] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1916. Д.335. Т.1. Л.57, 57 об.
[6] ГА РФ. Ф.ДП.00.1916. Д.335. Т.1. Л.58.
[7] РГАСПИ. Ф.274. Оп.2. Д.29664.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

никогда не станут это «зло» объявлять «положительной ценностью», превращать в «добро».... Другие – правые – провозглашают особый лозунг «принятия войны». Известный исход, победа, является, с их точки зрения, «благом». Ожидаемые результаты победы в их глазах составляют «положительную историческую миссию данной войны». Отсюда прямой вывод – так или иначе «припрячься к «бранной колеснице своего правительства».[1]

Не меньший идейный разброд принесла война и в эсеровские организации в самой России, хотя, на наш взляд, по сравнению с меньшевиками, у эсеров было несколько больше определенности в оценках текущего момента. Значительная часть эсеров, работавших в России, находилась на позиции оборончества.[2] Однако почти в каждой эсеровской организации были и сторонники, и противники защиты отечества, и нередко дело доходило до прямого разрыва между ними и образования самостоятельных оборонческих или пораженческих групп.[3] Летом 1915 года в партии эсеров наметился поворот к революционному оборончеству.[4] Чаяния рядовых эсеров в большей степени проявлялись в стремлении сохранить «в полной неприкосновенности географическую карту России, какой она была до войны».[5] До февраля 1917 года эсеры имели в Москве свои типографии, в которых печатали в незначительных количествах литературу пропагандистского характера.[6]

В этом хоре голосов и призывов едва слышен был лозунг Чернова, выдвинутый в октябре 1915 года: «Через революцию в отдельной стране – к революционному кризису общеевропейского масштаба и значения».[7] Однако ряд российских эсеровских организаций пораженческой направленности были настроены довольно решительно.[8] Так, например, листовка Московской организационной группы эсеров в десятых числах февраля 1917 года призывала «...подготовить силы к решительному удару, который сметет без остатка самодержавный строй».[9]

Крестьянская трудовая группа Государственной думы встретила войну в стане защитников Отечества. На заседании Думы 26 июля 1914 года под аплодисменты зала А.Ф. Керенский выражал убеждение, что война – этот последний кровавый

---

[1] Чернов В. Война и «третья» сила. С.8.
[2] ГА РФ. Ф.П00. Д.472. Л.11 об; Д.475. Л.265 об., 283; Ф.ДП.00.1914. Д.9. Ч.46. Лит.Б. Л.194; Ф.ДП.00.1915. Д.9. Ч.45. Лит.Г. Л.3; Ф.1741. Д.391. (Первый и единственный номер газеты).
[3] Там же. Ф.ДП.00.1914. Д.9. Ч.ВК. Л.16-17.
[4] Жизнь. 1915. 29 августа. Полный текст резолюции. См: ГА РФ. Ф.1741. Д.7981; ГА РФ. Ф.1741. Д.16979.
[5] Наш голос (Самара) 1916. 17 января.
[6] ГА РФ. Ф.102. Оп.245. Д.9. Ч.46. Лит.Б. Л.84, 93 об.
[7] Жизнь. 1915. 17 октября.
[8] ГА РФ. Ф.П.00.1916. Д.292. Л.83.
[9] ГА РФ. Ф.102. Оп.247. Д.9. Ч.46. Лит.Б. Л.10.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

подвиг - приведет к свободе и внутреннему раскрепощению, а «борьба за победу, за мир – это дело всей европейской демократии».[1] В период кризиса осени 1915 года Керенский и трудовики стояли уже на позициях революционного оборончества и даже пораженчества.[2]

Точку зрения «Интересы революции должны быть подчинены интересам обороны» разделяли и остатки «народных социалистов», группировавшихся вокруг редакции журнала «Русское богатство» (с ноября 1914 года – «Русские записки»).[3] В отличие от программ других партий, они не предписывали России строго заданного пути, и даже формы правления. «Все для народа, все через народ», - стало партийным девизом энесов.[4] Отсутствие ясности и определенности в программных, тактических и организационных вопросах привело к тому, что к 1917 численность партии была невелика: 1,5-2 тыс. членов.[5]

Первая мировая война привела к расколу и в анархической среде. К оборонцам примкнул П.А. Кропоткин, который писал: «Нельзя не желать полного поражения зарвавшейся военной Германии. Нельзя даже оставаться нейтральным, так как в данном случае нейтральность была бы потворством железному кулаку»,[6] ибо «условия мира будут продиктованы победителями».[7] Ему противостояли анархисты-интернационалисты, осуждавшие любые военные действия. В качестве реальных средств борьбы с войной анархисты-коммунисты признавали только террор, саботаж, экспроприации и всеобщую стачку-восстание.[8] Анархисты-синдикалисты стояли на более умеренных позициях и считали, что нужно сначала добиться демократических свобод, а затем вести борьбу против всякого государства.[9]

Анализ массового политического сознания России в предвоенные годы показывает, что для него, по оценкам современников и современных историков, была характерна «революция возрастающих требований, ожиданий и общего недовольства своим положением».[10] Исследователей этого периода более всего поражает и

---

[1] Государственная дума. IV Созыв. Стенографические отчеты. Заседание 26 июля 1914 г., Спб., 1914. С.18.
[2] ГА РФ. Ф.ДП.00.1915. Д.457. Л.143.
[3] См.: Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.200-201.
[4] Протасов Л., Протасова О. Народные социалисты // Родина. 1994. №10. С.77.
[5] Там же. С.78.
[6] Кропоткин П.А. О войне. М., 1916. С.13.
[7] Цит. по: Бурцев В.Л. О войне. Пг., 1916. С.54.
[8] См.: Непролетарские партии России. С.206.
[9] Там же.
[10] Хеймсон Л. Об истоках революции. // Отечественная история. 1993. №6. С.7.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

оставляет тягостное впечатление атмосфера всеобщей и глубокой ненависти, царившей в обществе: идеологической, этнической, социальной. [1]

С одной стороны, народ был не готов к парламентской демократии, с другой – почти все «образованное общество» в России не хотело принимать существующую российскую политическую действительность в виде антилиберального авторитарного режима. Россия пребывала в каком-то затяжном мазохистском состоянии: одни революцией грезили, другие ее боялись, но практически все ее предсказывали и ждали. [2] Учитывая такую напряженную обстановку в России накануне Первой мировой войны, М. Малия, считает, что шансы на эволюцию псевдоконституционализма в устойчивый демократический порядок были минимальными, а «гражданское общество» - слабым, так что альтернативы самодержавию сводились к либерализму (который представлял лучшие идеи, но мало людей), расплывчатому умеренному социалистическому блоку, который представлял больше людей, но никакого ясного направления и «российскому Франко», который установил бы грубо репрессивный режим, но сохранил бы «гражданское общество» (частную собственность – А. Ч.), но который был бы уже невозможен после августа 1914 года.[3]

Исключительно важное значение на формирование и развитие массового политического сознания действующей русской армии оказывала политическая составляющая общественного мнения России, ибо взаимосвязь армии и общества общеизвестна, а Первая мировая война неизмеримо усилила ее. Внутреннее содержание этой величины не оставалось неизменным в различные периоды войны: после недолго длившегося энтузиазма, от которого мало что осталось после катастрофических поражений 1915 года, она стала более дифференцированной, отражая непохожие и зачастую противоположные настроения внутри общества. И все же на основании источников можно выделить следующие этапы развития общественного мнения: 1914 год – патриотический подъем; 1915 год – патриотическая тревога; 1916-начало 1917 года – патриотическая критика.

Особенностью публичного выражения политических взглядов основной массы населения с началом вооруженного конфликта можно считать повышенное внимание к внешней политике по сравнению с проблемами внутренними. Из ана-

---

[1] Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991. С.263-264.
[2] Пайпс Р. Русская революция. В 2-х ч. Ч.1. М., 1994. С.219.; Русская мысль. 1917. №1. Ч.2. С.131.
[3] Журнал «The Russian Review» в 1998-1999 годах. //Отечественная история. 2000. №6. С.130.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лиза разнообразной палитры оценок войны, автором выделяются следующие, основные: гласная общественная поддержка; честная реакция на угрозу войны и трудности, которые она влекла за собой; активное общественное неприятие; экстравагантная.

Начало войны значительная часть населения встретила с энтузиазмом. На огромных просторах империи находилось множество патриотов, которые жаждали сражаться: от сибирских женщин, подобной М. Бочкаревой, до детей высокопоставленных политиков – М.В. Родзянко, А.В. Кривошеина и других.[1] С гордостью высказывались мотивы такого поведения: «Пусть наши враги говорят о нас, что хотят, но в трудные для Родины времена русский народ всегда способен доказать, что он великий народ, что пламя горит в русской душе со всем, что есть хорошее, благословенное и прекрасное, и что что-то сильное есть в ней».[2]

Для самых ярых энтузиастов войны был характерен взгляд, что «нынешняя война есть историческое событие, по своим размерам, может быть, больше, чем великое переселение народов».[3] «Давно, давно уже, быть может, с Куликовской битвы мы не знали такого единства духа и плоти России, такого изумительного созвучия между ее глубочайшими верованиями и ее внешним историческим действием. На новое дело согласным порывом Россия поднялась как на подвиг и жертву, смиренно приняв веление промысла»,[4] - подчеркивал Владимир Эрн. В массовом сознании россиян не было сомнений, что Германия будет побеждена. Разногласия были лишь по поводу того, как долго война продлится.[5] Невиданные в истории Думы единения чувств, совпадение мыслей продемонстрировали даже депутаты – члены крайних фракций.[6]

О том, что во всех слоях общества имели место подобные настроения, вспоминали Н. Романов, Н. Устрялов, писатель М. Алданов, генералы А.А.Брусилов, Н.Н. Лукомский, майор М. Лемке, посол Франции в России М. Палеолог, отмечают

---

[1] См.: РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.28. Л.53; Ф.2000. Оп.3. Д.2608. Л.85, 88; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.151 Л.182.Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1918. С.202; Бердяев Н. Указ. соч. С.XI.

[2] РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.603. Л.40, 43; Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. С.16

[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.151. Л.63; Шляпников А.Г. Указ. соч. С.59-60; Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С.6.

[4] Цит. по: Отечественная философская мысль о воине, армии, воинском долге: Хрестоматийный сборник. М., 1995. С.339.

[5] Мэсси Р. Указ. соч. С.244.

[6] См.: Государственная Дума, IV созыв. Стенографические отчеты. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. С.8.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

историки Р. Мэсси, Ц. Хасегава, Х.Яан, Л.Д. Троцкий, А. Ган, А.А. Керсновский и многие другие. [1]

Были попытки внедрить в массовое политическое сознание идеи о положительном влиянии Первой мировой войны, которая «объединяет классы и индивиды в общем действии, апеллируя к моральным мотивам, личному самоограничению и самопожертвованию ради целого»,[2] спаивает в нерасторжимое единство,[3] формирует патриотические убеждения,[4] хотя пути и средства государственной борьбы со злом могут быть и бывают вынужденно неправедные.[5] На аналогичных позициях стоят и некоторые современные зарубежные историки, считавшие, что в России наиболее ярко выражалось чувство, что страшная драма войны сплотит народ огромной страны. [6]

Большинство современников свидетельствует, что в массовом политическом сознании начального периода войны «взрыв патриотического энтузиазма, любовь к отечеству и любовь к своему законному монарху»[7] были единодушны и неразделимы в этом эмоциональном всплеске. Неподдельный энтузиазм вспыхнул в сердцах и простых людей[8], и сановников.[9] Их патриотизм не отделялся от верноподданичества. [10] Сегодня некоторые историки, без достаточных на то оснований, считают, что российский патриотизм в начальный период Первой мировой войны имел более одного значения: он был консервативен в традиционном смысле слова и одновременно революционен.[11]

Такое воодушевление, по меткому замечанию Л. Троцкого, объяснялось тем, что «война выбивает из каторжной колеи и обещает перемену. Война захватывает

---

[1] См.: Романов Н. О подвигах русского солдата в XIX столетии и об его любви к Родине. // Родина. 1993. №1. С.108; Устрялов Н. Революция и война. М., 1917. С.4; Алданов М.А. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1991. Т.6. С.324; Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т.1. С.53; Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 г.-2 июля 1916 г.). Пг, 1920. С.16; Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.-Пг., 1923. С.95; Мэсси Р. Указ. соч. С.243; Hasegawa T. The Febriary Revolution: Petrograd, 1917. Seattle, 1981. P. 586; Отечественная история. 1998. №4. С.186; Троцкий Л. Моя жизнь. М., 1990. Т.1. С.267-268; Ган А. (Гутман А.). Россия и большевизм. Материалы по истории революции и борьбы с большевизмом. Шанхай, 1921. Ч.1. С.110; Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. М., 1994. Т.3. С.176; ГА РФ. Ф.5972. Оп.1. Д.5. Л.2 и др.

[2] Бердяев Н. Указ. соч. С.246.

[3] См.: Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. М., 1915. С.1-59.

[4] См.: Отечественная история. 1998. №4. С.185.

[5] См.: Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.124-125.

[6] Gilbert M. The First World War. N.Y. 1993. P.83

[7]Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV Государственной Думы. Париж, 1927. С.206.

[8] См.: События идут своим чередом. Дневник простого человека. // Источник. 1993. №2. С.54.

[9] См.: Записная книжка графа Сергея Дмитриевича Шереметева. // РГИА. Ф.1088. Оп.2. Д.10. Л.31-62; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.93; Кони А.Ф. Николай II. (Воспоминания). // Собр. соч. в 8-ми т. М., 1966. Т.2. С.382.

[10] Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Записи от 23 августа и 5 сентября 1914 г. Париж, 1964. Вып.1. Ч.1,2. С.183, 185-186.

[11] См.: Отечественная история. 1998. №4. С.186.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

всех, и, следовательно, угнетенные, придавленные, обманутые жизнью, чувствуют себя как бы на равной ноге с богатыми и сильными. Вот эта напряженная надежда на перемену и эта мнимая круговая порука всех классов порождает на первых порах ту приподнятую и как бы веселую встревоженность».[1] По оценке З. Гиппиус, «половина физиологически заразилась бессмысленным воинственным патриотизмом».[2]

Впрочем, были взвешенные, осторожные суждения. С. Франк считал, что «эта вспышка патриотического чувства была кратковременной и слабой».[3] Аналогичные оценки высказывали и другие современники.[4] Уже к концу 1914 года «первоначальное воодушевление пропало, утомление войной уже сказывалось»,[5] ибо «порыв проходит, но когда прошел порыв чувства, начинается работа разума».[6] Были на это и другие причины. Уже в первые недели войны А.В. Пешехонов, социалист-государственник, предсказывал «скорое охлаждение населения к идее национального единства, так как народ, принося себя в жертву, ничего не получает взамен: ни улучшения жизни, ни надежды на это улучшение в будущем».[7]

П.Н. Милюков выводит такую равнодействующую между двумя блоками оценок войны: «Конечно, в проявлениях энтузиазма – и не только казенного – не было недостатка, в особенности в начале. Но в общем набросанная нашим поэтом картина – в столицах «гремят витии», а в глубине России царит «вековая тишина» - эта картина оставалась верной. В войне 1914 года «вековая тишина» получила распространенную формулу в выражении: «Мы - Калуцкие», то есть до Калуги Вильгельм не дойдет».[8]

К числу немногих современников, считавших, что общество не преемлет войну, относится А.Г. Шляпников.[9] В перевернутой и перемешанной войной народной психологии, национальном сознании, где традиционные представления о добре и зле, доселе казавшиеся незыблемыми, оказались опрокинутыми, наряду с героизмом и самопожертвованием действующей армии, война (в основном в тылу

---

[1] Троцкий Л. Война и революция. Крушение второго Интернационала и подготовка третьего. Пг., 1922. С.47.
[2] Цит. по: Купцова И.В. Когда пушки стреляют, музы молчат?.. (Художественная интеллигенция в годы первой мировой войны). // Клио. (СПб). 1997. №1. С.107.
[3] Франк С.Л. Умственный склад, личность и воззрения П.Б. Струве. // Струве П.Б. Patriotica. М., 1997. С.488.
[4] РГВИА. Ф.260. Оп.1. Д.32. Л.17; Бубнов А. В царской ставке: воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955. С.20; Ахматова А. Примите этот дар... Стихотворения. М., 1995. С.171; Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С.99.
[5] ГА РФ. Ф.5956. Оп.1. Д.35. Л.48 об.
[6] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2098. Л.1.
[7] Русское богатство. 1914. №9. С.293-294.
[8] Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.391.
[9] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. М., 1992. С.49, 50.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

– А.Ч.) породила своего рода «военную психологию», выразившуюся в циничных формулах «война все спишет», «добро то, что обеспечивает успех». «Такая война должна очищать душу, а не осквернять ее», - с горечью замечала императрица в письме к мужу уже 20 октября 1914 г.[1]

И, наконец, отношение оригинальное, присущее незначительному меньшинству населения страны. Вот как оценивал такое состояние И.В.Гессен, редактор газеты «Речь»: «...впервые, и притом в момент острейшего разлада, оппозиция становилась в общий фронт с правительством, объединялась в одном всепоглощающем стремлении. А к этому еще присоединялась внезапная бурная ликвидация удушающего застоя – наконец-то нашелся выход, пусть не выход, а страшный прыжок в неизвестность, но совсем невыносимо было и в тупике».[2]

Но и в 1914 году все было далеко не так безоблачно. Департамент полиции в одном из своих циркуляров в сентябре 1914 года писал: «Было бы ошибкой, однако, заключать..., что революционное движение в России прекратилось.» [3] В силу этого можно сделать вывод, что патриотические чувства, вызванные войной, не смогли сцементировать российское общество, создать вакуум вокруг пораженцев и помочь народу стойко перенести тяготы военного времени.

В 1915 году общество охватило состояние патриотической тревоги. С ростом военных неудач росло и негодование населения, находившее выход в поисках виновных. К июню 1915 года дух единения во имя общей цели, сблизивший правительство с оппозицией в первые месяцы войны, иссяк, уступив место взаимным упрекам. Наметился раскол общества на воевавших и не воевавших. [4] Население привыкало к насилию и даже романтизировало его. [5] По мнению В. Булдакова, скорее эмоциональному, ситуацию стало определять поведение маргинализованных масс, общая численность которых была никак не ниже 20 млн. человек.[6] Новой характерной чертой в общественном мнении было стремление к равномерному распределению тяжестей войны на все общество. [7]

Изменилось и общественное мнение по отношению к войне. По свидетельству начальника Московского охранного отделения, данному в октябре 1915 года,

---

[1] Цит. по: Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906-1917 гг. С.503.
[2] Гессен И.В. Указ. соч. С.326.
[3] ГА РФ. Ф.ДП.00.1914. Д.220. Л.38.
[4] См.: Карнишин Ю.В. Прелюдия Февраля: Влияние первой мировой войны на массовые настроения провинциального общества // Февральская революция и судьбы демократии в России. Ставрополь, 1997. С.44-45.
[5] Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.107.
[6] Булдаков В.П. Красная смута. С.19.
[7] См.: Россия и первая мировая война. СПб., 1999. С.207.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

«налицо много признаков, говорящих об ослаблении того патриотического воодушевления, которое ознаменовало начало войны».[1] Также, но более подробно, характеризует наступившую ситуацию С.П. Мансыров.[2] Впервые в ходе войны вина за военные неудачи, неурядицы в тылу возлагались на императорскую чету.[3]

Как фактор мощного воздействия следует рассматривать призрак голода, преследовавший власти и население с 1915 года.[4] Выступления возникали на сугубо экономической почве, но со временем начинали отражать и происходящие в связи с углублением кризиса изменения в социальной психологии и политическом сознании масс, своеобразно выражая в широком смысле остроту социальной напряженности и наличие взрывоопасной ситуации: «Сразу и очень резко послышалось недовольство войной».[5] Как точно впоследствии подметил левый эсер В.А. Карелин, «голод и был той апельсиновой коркой, на которой и поскользнулся старый режим».[6]

В этих условиях, как предлагал С. Мансыров, необходимо было двигаться, не идя против растущего оппозиционного настроения – это было в данное время немыслимо, - чтобы направить его по патриотическому пути и, в противовес социалистическим группам, создать из непримыкающих к ним слоев группу прогрессивно-национальную.[7] Но и это предложение не было услышано, а события развивались своим чередом.

С 1916 года в общественном мнении России все более значимую роль стала занимать патриотическая критика, которая фактически стала всенародной.[8] Постепенно в общественном мнении утрачивается доверие к монарху.[9] Монархическое политическое сознание было вытеснено «анархо-демократическими иллюзиями и республиканским образом мысли» в интеллигентских кругах и «тягой к анархии и самочинному устроению в простонародной душе», но, надеялся И.А.Ильин, укрепление веры и религии помогут восстановить это сознание.[10] П.Н.

---

[1] Граве Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Л., 1926. С.177-178.
[2] Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С.95.
[3] ГА РФ. Ф.555. Оп.1. Д.608. Л.1 об.
[4] Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905-1917 гг. // Вопросы истории, 1992. №1. С.24.
[5] ГА РФ. Ф.ДП.4 д-во.1915. Д.130. Л.235;ГА РФ. Ф.ДП.00. 1916. Д.20. Ч.57. Л.29.
[6] См.: Знамя труда. 1918. 16 мая.
[7] См.: Страна гибнет сегодня. С.96.
[8] Соблазнитель генералов. И.И. Тхоржевский В.А. Маклакову 17 апреля 1936 г. // Родина. 1997. №12. С.62; Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. // АРР. Т.6. С.39; Палеолог М. Россия накануне революции. М., 1991. С.91.
[9] Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. №5. С.97, 98, 124, 126.
[10] См.: Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй // Ильин И.А. Наши задачи: Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1955 гг. М., 1992. Т.1. С.89.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Милюков считает несколько по-другому. «Испытав безрезультатно все мирные пути, - писал он в своей «Истории второй русской революции», - общественная мысль получила толчок в ином направлении. Вначале тайно, а потом все более открыто начала обсуждаться мысль о необходимости и неизбежности революционного исхода».[1]

Все чаще и чаще император становился объектом критики.[2] М. Палеолог считал, что главный недостаток императора – отсутствие личности.[3] Человеком без воли называл государя генерал Л.Г.Корнилов,[4] «марионеткой» в руках придворных был он для С. Мельгунова.[5]

Негативное влияние на общественное мнение этого периода оказывала вздорная, по мнению современника,[6] мысль, что правительство ищет путей заключения сепаратного мира с Германией и что вдохновителем и руководителем этого дела является «немка» на престоле.[7]

Народная вера в монарха стремительно уступала место ненависти.[8] «О том, что Николай II и его приближенные ведут Россию к неминуемой гибели, уже не было разногласий между правыми и левыми, между солдатами и офицерами, между простонародьем и интеллигенцией», - вспоминает об осени 1916 года В.А. Оболенский.[9]

Император, потерявший доверие своих сторонников, оказался в изоляции.[10] По мнению П. Милюкова, «что Николай II больше не будет царствовать, было бесспорно для самого широкого круга русской общественности».[11] В. Набоков пришел к заключению, что «передовое русское общественное мнение изверилось в царе и постепенно пришло к сознанию, что нельзя одновременно быть с царем и с Россией».[12] А В. Маклаков вспоминал: «По всему Петербургу ходила тогда поговорка: чтобы спасти монархию, надо убить монарха».[13]

---

[1] Милюков П.Н. История второй русской революции. Т.1. Вып.1. София, 1921. С.27.
[2] Епанчин Н. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С.368.
[3] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 169,225.
[4] Волков А. Около Царской семьи. Париж, 1928. С.51.
[5] Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. С.13.
[6] Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. С.199.
[7] См. Мэсси Р. Указ. соч. С.315; Соколов Н.А. Убийство царской семьи // Последние дни Романовых. М., 1991. С.365.
[8] Буржуазия накануне Февральской революции. С.136; Оберучев К. В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917 года. Нью-Йорк, 1919. С.17; РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1360. Л.29 об.
[9] Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С.502.
[10] Гучков А.И. В царском поезде // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С.188;. Керенский А.И. Указ. соч. С.103
[11] Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т.2. С.165.
[12] См.: Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. С.63.
[13] Родина. 1997. №12. С.59.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Изменилось и отношение общества к войне: наблюдалось беззаботное безразличие к ней. [1] С. Мельгунов был более категоричен в оценках и считал, что осенью 1916 года «вопросы войны в общественном сознании отошли на задний план, и внимание было поглощено гораздо больше внутренней политикой».[2] Уже и курсистки на сходках стали говорить, что война выгодна одной лишь «буржуазии».[3]

М. Палеолог подметил еще одно важное изменение в общественном мнении: одной из его составляющих стала постановка вопроса о мире.[4] Эту мысль ярко иллюстрирует письмо 200 человек из Рыбинска, адресованное М.В. Родзянко 5 декабря 1916 года: « … Народ желает, чтобы, пока не поздно, был заключен мир. Если будут сделаны Германии некоторые уступки, - Бог с ними, мы свое наверстаем, разочтемся со старым режимом и восстановим».[5]

В общественном мнении России витал дух перемен. [6] А. Блок отмечал: «На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции».[7] Даже Великий князь Александр Михайлович в письме Николаю II 25 декабря 1916 года недвусмысленно намекал: «Россия без царя существовать не может, но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия, не может….».[8] Такое же развитие ситуации предвидел и С.Е. Трубецкой. [9] Как вспоминал впоследствии участник первой мировой войны, отец телевидения В.К. Зворыкин, общим настроением стало: «Что бы ни случилось, все будет лучше, чем сейчас».[10]

Министр внутренних дел имел достаточную информацию о положении дел в стране. [11] Чувствуя приближение развязки, очевидцы все же не осознавали в полной мере масштабности грядущего. В.Н. Коковцев вспоминал: «Ни у меня лично, да и ни у кого из людей, критически относившихся к событиям, не было никакого

---

[1] Палеолог М. Россия накануне революции. М., 1991. С.24, 155; Мэсси Р. Указ. соч. С.315; ГА РФ. Ф.ДП.00.1916. Д.167. Ч.68. Л.29; Ч.35. Л.1 об.
[2] Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. С.61.
[3] ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.427. Л.42. (воспоминания Н.Д. Крупенского).
[4] См.: Палеолог М. Россия накануне революции. С.253.
[5] РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.1983. Л.47.
[6] Палеолог М. Россия накануне революции. С.266; ГА РФ. Ф.ДП.00.1917. Д.27. Ч.46. Л.2.
[7] Последние дни императорской власти // По неизданным документам составил А. Блок. М., 1991. С.4.
[8] Источник. 1997. №1. С.19, 20, 22.
[9] Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С.10.
[10] Неизвестная Россия. XX век. Кн.4. М., 1993. С.45.
[11] ГА РФ. Ф.102.1917. Оп.5. Д.307. Л.19 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

представления о надвигавшейся катастрофе....».[1] Но здесь как не вспомнить В. Розанова, который писал: «С лязгом, визгом опустили над русской историей железный занавес. Представление окончилось. Публика встала. Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось».[2]

Известный русский философ Г. Федотов, считая, что русский кризис сливался с мировым, но применительно к России все процессы и явления выступали в предельно концентрированном виде, так выразил состояние духовного кризиса в стране: «Я не пишу историю революции и не стану останавливаться на основах классовой ненависти (ясно, что они восходят к неизжитому в России крепостному строю). Здесь меня интересует только народное сознание. К 1917 году народ в массе своей срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои. В 1917 году народ максимально беспочвен, но и максимально безыдеен».[3]

В этой войне участвовала вся страна, ибо такая война может быть успешной лишь при условии общих сверхъестественных усилий всех сословий общества безраздельно. [4] И все же в решении военно-политических задач, стоящих перед Россией в ходе Первой мировой войны, ведущую роль играли Вооруженные Силы. Не случайно, что именно к армии обращала свое слово страна[5], влияние армии на все слои российского общества подчеркивало и правительство. [6]

К Первой мировой войне российская армия была подготовлена лучше, чем к войне с Японией. [7] Германский генеральный штаб отмечал подъем военного дела в России по сравнению с русско-японской войной, более внимательное отношение к службе, чем раньше. [8] Значительно более критичен был Л. Троцкий, который, подчеркивая значительную устойчивость царской России в войне,[9] вместе с тем отмечал, что российская армия на деле представляла «серьезную угрозу лишь против полуварварских народностей, мелких соседей и разлагающихся государств»[10].

---

[1] Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919 гг. В 2-х кн. М., 1992. Кн.2. С.334, 340.
[2] Встречи с Розановым // Грани. 1972. №83. С.211.
[3] Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. М., 1990. С.440-441.
[4] Бердяев Н. Судьба России. С.181.
[5] Шляпников А.Г. Указ. соч. С.259.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.3. Д.29. Л.301а.
[7] Stone N. The Eastern Front, 1914-1917. Lnd., 1975. P.12; Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.229.

[8] Родина. 1993. №8-9. С.14.
[9] Троцкий Л. Война и революция. Т.1. С.57.
[10] Троцкий Л. История русской революции. Нью-Йорк, 1976. Т.1. С.35.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

На основании изучения разнообразных источников, автор пришел к выводу о крайней полярности оценок людского контингента российской армии: от излишне восторженных до критиканских. [1] Более объективен В. Нестеров, который выделяет и положительные качества, и отрицательные. [2] Оценивая подготовленность людского материала, германский генеральный штаб считал его, в общем, хорошим.[3]

Значительно хуже относились современники к высшему командному составу. [4] С. Добровольский говорил о 90% профессиональной непригодности высшего командного состава старой русской армии.[5] С резкой критикой генералов Радко-Дмитриева, Иванова, Драгомирова и самого Добровольского выступал генерал М.В. Алексеев.[6] Оценки Троцкого высшего командного состава были еще более едки и даже циничны. [7] Иностранные наблюдатели и наш вероятный противник также были достаточно невысокого мнения о профессиональных качествах российских офицеров. [8]

Вместе с тем, в воспоминаниях российских офицеров подчеркивается, что национальной чертой нашего офицерства была преданность долгу, готовность безропотно жертвовать во имя этого жизнью.[9] П. Краснов считал, что наша армия выступила в поход с такими ротными командирами, каких не было нигде в мире.[10] Достаточно сказать, что 48 % командиров рот имели реальный опыт управления войсками в условиях боевой обстановки.[11] Таким образом, подготовка офицерского состава, по мнению российского военного руководства, его нравственное и воинское воспитание были поставлены довольно основательно.[12] Хуже всего обстояло дело с унтер-офицерами. [13] Их катастрофически не хватало. По подсчетам А. Керсновского, если в Германии в 1914 году на роту приходилось 10-12 унтер-офицеров, то у нас три человека с фельдфебелем.[14]

---

[1] Knox A. With the Russian Army, 1914-1917. Lnd., 1921. Vol.1. P.31-32; Российский военный сборник. М., 1995. №9. С. 14,54, 89.
[2] Нестеров В. Воспитание солдата. Томск, 1915.
[3] См.: Родина. 1993. №8-9. С.14.
[4] Керсновский А. История русской армии. Белград, 1935. Ч.3. С.613.
[5] Российский военный сборник. М., 1995. №9. С.91.
[6] Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал. 1993. №7. С.56.
[7] См.: Троцкий Л. История русской революции. С.283-284.
[8] Knox A. With the Russian Army. Vol.1. P.27; Родина. 1993. №8-9. С.14.
[9] ГА РФ. Ф.5956. Оп.1. Д.35. Л.12, 35.
[10] Российский военный сборник. М., 1995. №9. С.222.
[11] ГА РФ. Ф.5956. Оп.1. Д.55. Л.19.
[12] РГВИА. Фонд канцелярии военного министерства. Оп.2. Д.329. Л.18-20.
[13] Российский военный сборник. №9. С.114; Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. №4. С.188
[14] Российский военный сборник. №9. С.216.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Значительно хуже обстояло дело с техническим оснащением армии. [1] «В общем, - вспоминал генерал А.А. Брусилов, - нужно признаться, что по сравнению с нашими врагами, мы технически были значительно отсталыми».[2] Только на начало войны в армии не хватало 11 миллионов винтовок, 883 пулеметов, 1 млн. винтовочных патронов.[3] Несмотря на это, русская армия одна удерживала огромный по протяженности (до 2 000 километров) фронт, оттягивая до 50%[4] совокупных вооруженных сил трех империй – Германской, Австро-Венгерской и Османской, испытывая военную нагрузку в 2-3 раза превосходящую, особенно в моменты «маятниковых» ударов, аналогичные показатели для франко-британских соединений на Западном фронте.[5]

Действующая российская армия распределялась по пяти фронтам. [6] Кроме того, в 1916 году во Францию прибыли русские экспедиционные войска в составе четырех отдельных бригад общей численностью 750 офицеров и 45 000 унтерофицеров и солдат,[7] воевавших на Македонском и Салоникском фронтах.

До мобилизации состав Вооруженных Сил России исчислялся в 1423000 человек,[8] а к моменту окончания своего сосредоточения (1/14) октября 1914 года – А. Ч.) численность действующей армии насчитывала 2700000 человек.[9] В течение войны численность действующей армии подвергалась значительным изменениям,[10] но «боевой элемент» в силу громадных тылов нашей армии колебался между 1500000 (на 1/14 декабря 1914 года) и 3500000 (на 1/14 ноября 1916 года) бойцов.[11] Наш глубокий тыл в среднем обслуживался 2000000 человек.[12] За всю войну в армию было мобилизовано около 15,5 миллиона человек.[13]

Изучение социального состава действующей армии позволяет сделать вывод, что большее напряжение людьми, чем другие классы населения, несло русское крестьянство: их в армии насчитывалось около 60%, в то время как фабрично-

---

[1] 1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция. «Проблемы истории Февральской революции. Материалы первой сессии. Под ред. В.А. Корнилова. М., Изд. Прометей, 1992. С.37; Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т.II. С.618.
[2] Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С.59.
[3] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. // Военно-исторический журнал. 1993. №7. С.70, 73, 74.
[4] См. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. М., 1991. С.102.
[5] 1917 год в исторических судьбах России. С.35.
[6] Подробнее о командном составе армий, их передислокации и завершении функционирования см.: Приложение 1.
[7] См.: Родина. 1993. №8-9. С.98.
[8] Головин Н.Н. Указ. соч. № 7. С.23.
[9] Там же.
[10] См.: Приложение 2.
[11] Головин Н.Н. Указ. соч. №4. С.25.
[12] Там же. С.27.
[13] Там же. №6. С.61.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

заводских рабочих – лишь 3,4%.[1] Поэтому аграрный вопрос, по мнению подполковника генерального штаба князя Волконского, мог поставить армию перед огромным искушением и послужить основой для волнений.[2] Армия не была рабочими и крестьянами, «собранными воедино», как считает И.И. Минц.[3] Это был совершенно другой организм, со своим укладом, своими традициями, своей социальной психологией.[4]

Во главе армии стояли генералы на 90% выходцы из дворян; 4/5 старших и 2/3 младших офицеров были тоже дворянами. Буржуазия в офицерском корпусе была представлена незначительно. Среди генералов она составляла 3,5%, среди старших офицеров – 13,13%, среди младших – 30,5%.[5]

Россия всегда была плавильным тиглем национальностей, и в армии это обнаруживалось с особой убедительностью, ибо национальная политика правительства также сказывалась на составе армии. Правительство отказалось от призыва в действующую армию казахов, узбеков, туркмен, киргизов, азербайджанцев, горцев Северного Кавказа, народов Севера, ограничивало доступ в войска латышам, эстонцам, литовцам, татарам, башкирам и другим народам. В политическом отношении ненадежными были признаны киргизы, узбеки, таджики и каракалпаки.[6] Министерство внутренних дел придерживалось аналогичного мнения и в отношении мусульман Кавказа, но Военное министерство считало по другому[7] и предполагало не сразу переходить к призыву в армию народов Кавказа на общих основаниях, а действовать постепенно через национальные части.[8]

Многие национальности не примирились с таким своим положением, считали это оскорблением для себя.[9] Однако при создании массовой армии без призыва нерусских народностей обойтись не удалось, и, на основе указания Генерального штаба, военному командованию предписывалось количество нерусских солдат иметь в соединениях и частях не более 1/5 общей численности в мирное время и не более 1/3 в военное.[10] Среди офицеров русских насчитывалось более 86%, среди

---

[1] Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год. Пг., 1915. С.363.
[2] См.: Деникин А.И. Указ. соч. С.84.
[3] См.: Минц И.И. История Великого Октября. Т.1. Свержение самодержавия. М., 1967. С.293.
[4] Российский военный сборник. №9. С.31; Троцкий Л. Война и революция. Т.1. С.67-68.
[5] См.: Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год. С.216-218.
[6] Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С.13, 14, 17.
[7] Там же. С.20.
[8] См.: Военно-исторический журнал. 1997. №1. С.55.
[9] См.: Николай II и великие князья. Л., 1925. с.139-140; Golovin N.N. The Russian Army in the world war. London, 1931. P.58.
[10] РГВИА. Ф.2000. Оп.3. Д.96. Л.4.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

солдат – 76,85%.[1] (в дореволюционном понимании этого слова, т.е. русские, украинцы и белорусы). Нерусский контингент армии составлял: поляки – 8,66%, литовцы, латыши – 1,98%, немцы – 1,57%, евреи – 4,18%, кавказские народности – 2,16%, финны – 0,79%, татары – 3,16%, прочие народности – 0,65%.[2] В общей сложности в рядах действующей армии проходили службу представители более 20 национальностей России.[3]

На добровольческой основе были сформированы шесть армянских, две грузинские и одна мусульманская дружина в составе Кавказской армии,[4] два латышских стрелковых батальона, впоследствии переформированные в двухбатальонные стрелковые полки,[5] Осетинский и Текинский (туркмены) конные полки,[6] литовские, болгарские, айсорские и другие национальные формирования.[7] Крепкой, высокодисциплинированной, не имевшей до февраля 1917 года ни одного случая дезертирства, показала себя Кавказская туземная конная дивизия, командиром которой был Великий князь Михаил Алексеевич.[8] Особняком в этом плане стоят польские национальные формирования, которые сражались как на стороне России, так и на стороне ее противников.[9] По разные стороны баррикад оказались и жители Галиции.[10]

На уровень политического сознания армии в огромной степени влиял образовательный уровень военнослужащих. Грамотность новобранцев росла сравнительно быстро. Если в 1900 году среди призванных процент грамотных составлял 49%, то в 1913 году он вырос до 67,8%.[11] При этом, однако, качественный уровень образования был невысок: лица с высшим и средним образованием составляли около 1,5-2%, а остальные были с низшим образованием или вообще умели лишь кое-как читать и писать.[12] Сравнительно низкий образовательный уровень в сочетании с молодостью призываемого контингента (призывники моложе 20 лет со-

---

[1] Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914. С.234, 374-375, 514.
[2] Там же. С.342.
[3] Подсчитано нами по: там же. С.342.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.324. Л.191, 196; Д.338. Л.75.
[5] Там же. Ф.1837. Оп.1. Д.225. Л.116.
[6] Военно-исторический журнал. 1997. №1. С.58, 59.
[7] Там же. С.59.
[8] Военно-исторический вестник. 1958. №12. С.9.
[9] Военно-исторический журнал. 1997. №1. С.56-57; ЦИАМ. Ф.46. Оп.18. Д.36. Л.12, 15, 18,19-21, 27.
[10] РГВИА. Ф.1759. Оп.3. Д.782. Л.110; Ф.2005. Оп.1. Д.16. Л.7.
[11] Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год. С.360.
[12] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ставляли 16%, 20-29 лет – 49%, 30-39 лет – 30%, старше 40 лет – 5%)[1] создавали благоприятные условия для массовой политизации действующей армии.[2]

По мнению диссертанта, на основе анализа призыва в армию можно выявить и психологический механизм ее политизации. Приходя в армию, вчерашние крестьяне и мастеровые несли с собой традиционные представления. Четкие и довольно жесткие поведенческие стереотипы и моральные императивы сохраняли равновесие этого мира: он был прост, понятен, доступен, для его понимания не требовалось никаких отвлеченных понятий и умозрительных образов, все имело видимую и ясную связь. Призыв на военную службу погружал новобранца в совершенно иной, неведомый мир. Большинство истин, объяснявших устройство мира, окружавшего солдата, имело чисто умозрительный характер и их приходилось принимать на веру. Благодаря этому солдаты как бы подготавливались к принятию идей революционной пропаганды, - таких же условных истин. В итоге сознание солдатской массы в целом оказалось раздвоенным: традиционное крестьянское мировоззрение дополнилось вынужденным навыком восприятия отвлеченных понятий.

Особенности солдатского сознания осложняли специфические условия армейской службы. С одной стороны, постоянное нахождение в замкнутом пространстве создавало атмосферу оторванности от полноценной жизни. С другой стороны, специфика армейской службы воспитывала чувство спаянности и сплоченности, ответственность за общее дело, что находило прямой отклик в крестьянской душе, воспитанной в традициях общины.

Готовность принять идеи революционной пропаганды превращали солдат в привлекательный объект для оппозиционных организаций. Однако пробудившаяся стихия оказалась по плечу революционерам далеко не сразу, ибо офицерский состав был носителем другой правды, находящей отклик в раздвоенном солдатском сознании, и если конкретный командир не посягал на «зону запрета», не творил тех самых «несправедливостей», он имел реальные шансы подчинить себе массу.

Массовое политическое сознание действующей русской армии перед началом Первой мировой войны находилось на довольно примитивном уровне, что не могло не быть выделено современниками.[3] Очевидец, рядовой М.Н. Клейнман,

---

[1] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т.т. Париж, 1939. Т.1. С.85.
[2] Российский военный сборник. №9. С.49.
[3] Данилов Ю.Н. На пути к крушению. // Военно-исторический журнал. 1991. №10. С.77; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.120-121; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С.71-72.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

свидетельствует: «Война была нами принята как тяжелый удар, никаких объяснений никто никому не давал. Что касается настроения солдат, оно было неважное.... Знали только, что немец напал на Россию, что царь-батюшка объявил войну и что надо защищать Родину.... Мы знали, что есть царь-батюшка, и что жизнь мы отдаем за Россию».[1]

В психологии армии не было крайних проявлений чувств вражды и ненависти к противнику.[2] И если в начале войны отношение к врагу чаще всего было высокомерно-презрительное, то чем дольше длилась война, тем сильнее проявлялась усталость, тем чаще неприятель воспринимался в облике такого же измученного, уставшего от войны человека. Более того, жизнь на передовой постоянно создавала ситуации, когда сходство солдатского быта, повседневных житейских мелочей волей - неволей заставляли почувствовать некую «общность» с противником, таким же «пушечным мясом», бесправной «пешкой» в непонятной ему игре.

Русские войска придерживались «рыцарского кодекса» ведения войны, в традициях которого был воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса считалось не только позорным, но и вредным для успеха на поле боя.[3] Иногда рыцарское отношение к врагу даже превращалось в бестактность по отношению к своим. Примером такого отношения может служить поведение генерал-майора В.П.Форселя, командира порта Императора Александра III в г. Либаве, который чуть было не организовал торжественный обед в честь немецких офицеров со сбитого «Цеппелина».[4]

Основу политического мировоззрения многомиллионной русской армии составляла формула «За Веру, Царя и Отечество». Она была для русских народных масс своего рода политическим обрядом, в котором выражалась и их религиозность, и их политическое миросозерцание.

Вера была одним из важнейших атрибутов массового политического сознания действующей армии.[5] В армии православные генералы и полковники составляли около 85%, остальные 15% были лютеране, магометане, армяно-

---

[1] Последний солдат. Воспоминания М.Н. Клейнмана. // Родина, 1994. №8. С.80-81.
[2] Из глубины. С.25.
[3] РГВИА. Ф.2019. Оп.1. Д.533. Л.76.
[4] РГВИА. Ф.2020. Оп.1. Д.148. (Дело о генерал-майоре В.П. Форселе).
[5] Сорокин П. Современное состояние России. // Новый мир. 1992. №5. С.169.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

григорианцы.[1] У нижних чинов вероисповедание было следующим: православные – 75%, магометане – 2%, католики – 9%, лютеране – 1,5%.[2]

И все же анализируя составляющие этой политической формулы, необходимо отметить, что религиозность русского народа в начале XX века несколько пошатнулась, а казарменный режим, где и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполнение обрядов имели официальный, обязательный и часто принудительный характер, не мог создать надлежащего настроения. Война ввела в духовную жизнь армии два принципиально новых элемента – моральное огрубление и ожесточение, уничтожив те «тормоза в поведении, которые сдерживают необузданные проявления чисто биологических импульсов, прямо укрепила последние, прямо привила «антисоциальные», злостные акты[3] с одной стороны, и несколько углубленное чувство веры, навеянное постоянной опасностью – с другой. По мнению современников, духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск, и вера в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, не стала началом, побуждающим их на подвиги или сдерживающим их инстинкты.[4] Причина упадка церковного влияния была очевидна: церковь теряла свой авторитет.[5]

Монархические убеждения разделяло громадное большинство командного состава, которое было лояльно к личности государя.[6] Вместе с тем, хотя систему подготовки офицеров можно критиковать за невозможность отвечать на духовные запросы, сама атмосфера армейской жизни подводила к мысли о защите монархии. По свидетельству самих офицеров, «офицер в России был монархистом не только потому, что в присяге сливались преданность Родине и царю, но и потому, что верховное возглавление царем Вооруженных Сил страны соответствует воинскипростому пониманию вещей: мое право единоличного командования зиждется на моем подчинении единоличному вождю».[7] При этом человеку с республиканскими взглядами и неограниченными традиционными рамками нравственности нормами было практически невозможно сделать карьеру.[8]

---

[1] Режепо П. Статистика генералов. СПб., 1908. С.20.
[2] Титко В.В. Прогрессивная печать России о военно-патриотическом воспитании войск русской армии (1880-1917). Дис. канд ист. наук. Санкт-Петербург, 1995. С.184.
[3] Деникин А.И. Указ. соч. С.79.
[4] Деникин А.И. Указ. соч. С.80.
[5] ГА РФ. Ф.102. Оп.265. Д.981. Л.86.
[6] Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С.78; Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака // От первого лица: Сб. М., 1990. С.446.
[7] Российские офицеры / под ред.А.Б.Григорьева. М., 1995. С.20.
[8] Деникин А.И. Путь русского офицера. С.94.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

«В солдатской же толще, - вспоминает генерал Деникин, - идея монархизма глубоких корней не имела.... В уме и сердце солдата идея монарха находилась в потенциальном состоянии, то поднимаясь иногда до глубокой экзальтации при непосредственном общении с царем, то падая до безразличия»,[1] хотя «каждому солдату внедрялось в память и в разум, что его первый долг по отношению к родной стране – это преданность царю, а потом уже отечеству».[2]

В условиях военных действий исключительно важной составной частью мировоззрения военнослужащего является патриотизм, любовь к Отечеству.[3] По отношению к Отечеству большинство современников Первой мировой войны, особенно из российского генералитета, придерживается точки зрения, согласно которой русский народ страдал недостатком патриотизма.[4] Н.Н. Головин оценивает его как «примитивный патриотизм, в котором отсутствует внутриобщественный контроль».[5] Так, солдат-крестьянин пишет из армии: «...что такое родина, человек не знает. Хотя он и знает, но не имеет никакой теплоты в душе для защиты. Родиной мы считаем ту, где бываем ублаготворены».[6] Об этом же сообщает и неизвестный офицер из действующей армии.[7]

Офицерский корпус не слишком интересовался сакраментальным вопросом о «целях войны», удовлетворяясь, зачастую, только поводами – более яркими, доступными и понятными.[8] По мнению Деникина, «Отечество воспринималось горячо, как весь сложившийся комплекс бытия страны и народа – без анализа, без достаточного знания его жизни».[9] Еще менее идея защиты Отечества была понятна солдатской массе. Ее психология не поднималась до восприятия отвлеченных национальных догматов.[10] «Его интересы (русского народа – А.Ч.) не выходят за пределы родной деревеньки.... Великая идея Родины ему незнакома, об Отечестве своем он ни от кого и никогда не слыхал. Исторические задачи народа для него пустой, ничего не говорящий звук»,[11]- констатировал А.И. Верховский

---

[1] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. С.86.
[2] Абрамович Н.Я. Патриотизм и революционная Россия. М., 1917. С.3.
[3] Армия. 1993. №7. С.55; Российский сборник. №9. С.227.
[4] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.88; Бубнов А. Указ. соч. С.329; Брусилов А.А. Указ. соч. С.71 и др.
[5] Головин Н.Н. Указ. соч. С.40.
[6] Цит. по: Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С.70.
[7] РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.1184. Л.587.
[8] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.89.
[9] Деникин А.И. Путь русского офицера. С.78.
[10] Брусилов А.А. Указ. соч. С.70-71; Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х т. М., 1994. Т.4. С.328.
[11] Верховский А.И. Россия на Голгофе. Пг., 1918. С.9.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Такое положение дел было вызвано, прежде всего, тем, что моральную подготовку народа к предстоящей войне не просто упустили а, по словам Брусилова, «не допустили»[1] вследствие инстинктивной боязни режима внести в казармы элементы политического просвещения. Более того, как пишет А.И. Деникин, незадолго до войны был отдан высочайший приказ, строго воспрещающий воинским чинам вести разговоры на современные политические темы (балканский вопрос, австро-сербская распря, пангерманизм и т.д.). [2] Газеты и книги в казарме иметь не разрешалось. [3] «Одни только мы, офицеры, говорили своему солдату о родине. Но как только офицер пробовал подойти ближе к своим подчиненным с живым словом, то часто случалось, что жандармы отмечали его как опасного агитатора, и культурная работа немедленно прекращалась. Перед самой войной в этой области наметился перелом. Но он, конечно, не успел дать нужных результатов»,[4] - анализировал состояние политического воспитания А.И. Верховский.

Особо следует отметить тот факт, что и сам офицерский состав читал мало книг и газет, проявляя лишь незначительный интерес к окружающему их миру.[5] А.И. Деникин выделяет и неподготовленность офицеров в политическом отношении.[6] Адмирал А.В. Колчак, утверждая, что он «какими-либо политическими задачами и вопросами почти не интересовался и не занимался»,[7] подчеркивает, что каждый из нас смотрел так, что правительство может быть каким угодно, но что Россия может существовать при любой форме правления.[8] Аналогично считал и П.Краснов. [9]

Политическая индифферентность офицерского состава объяснялась тем, что его политическая жизнь регулировалась «Правилами о воспрещении военнослужащим принимать участие в политических партиях и собраниях». [10] В ходе войны ситуация изменилась и, по мнению А.И. Степанова, армия состояла из трех сословно-иерархических слоев: промонархически настроенного высшего генералитета – 400 генералов и адмиралов, либерально-демократического офицерства «воен-

---

[1] Брусилов А.А. Указ. соч. С.70.
[2] Деникин А.И. Путь русского офицера. // Октябрь. 1991. №3. С.109, 294.
[3] Родина. 1994. №8. С.80.
[4] Верховский А.И. Россия на Голгофе. С.10.
[5] См., например: Сухомлинов В.А. Воспоминания. М., 1926; Станкевич В.Б. Указ. соч. С.17.
[6] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.97.
[7] Цит. по: От первого лица. С.439.
[8] Архив русской революции. С.247-248.
[9] См.: Российский военный сборник. №9. С.221.
[10] Свод законов Российской империи. Кн. IV. Т.14. Приложение ст.118. (неофициальное издание). СПб., 1913.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ного времени» и части генералитета – 200 тысяч и 10 млн. солдатской массы милитаризованных крестьян и мещан, готовых взорваться в самое неподходящее время.[1]

К числу немаловажных факторов явно недостаточного политического воспитания действующей армии многие современники относят и пренебрежительное отношение офицерского состава «к духовным запросам солдатской жизни».[2] В результате «казарма не восполняла огромный пробел гражданской школы: она не давала ничего или почти ничего для познания солдатом своей Родины и своих сыновних обязанностей по отношению к ней, не воспитывала в чувстве здорового патриотизма и даже накануне войны не разъясняла ее смысла».[3]

Таким образом, внешне армия к 1914 году имела «весь блеск и грозное величие одной из могущественных армий мира».[4] Однако, политическое и воинское воспитание было «невероятным по дикости, нелепости и преступности».[5] Народ пошел на войну, как ему говорили, «За честь и величие Родины», с инстинктом самосохранения и бессознательного чувства долга, без идеи Родины и веры в правду дела.[6] Диссертант пришел к выводу, что такое состояние действующей российской армии перед началом Первой мировой войны открывало благоприятные возможности для ее политизации в ходе войны.

Влияние тыла было одним из важнейших факторов в политизации действующей русской армии. Меткое наблюдение французского генерала Сериньи – «Кризис недоверия начинается всегда среди тех, которые не сражаются»[7] - целиком и полностью относится к влиянию тыла России на действующую армию, ибо «борьбу ведет не одна только армия, а весь народ, и если огонь патриотизма не горит в стране, то он потухнет и в армии».[8] Пессимистическое настроение тыла передавалось на фронт при посредстве тысячей нитей, связывающих народ с современной многомиллионной армией, и составляло целые потоки мрачных настроений, которые, в конце концов, сливались в океан общего недовольства и растерянности в ней.

---

[1] Степанов А.И. Указ. соч. С.134.
[2] См., например: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.95.
[3] Деникин А.И. Старая армия. С.50.
[4] Попов А. Философия воинской дисциплины // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально - психологических основах Российской вооруженной силы. М.; 1997. С.286.
[5] Колесников Н. О стратегии духа и прежних ошибках // Душа армии… С.415.
[6] См.: Верховский А. И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914-18 гг.) // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 66; № 11. С.67, 70.
[7] Цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. №10. С.60.
[8] Верховский А.И. Указ. соч. 1993. №1. С.66.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

По оценкам А. Керсновского, на фронт пошел лишь тот, кто хотел доказать любовь к Родине не на словах, а на деле. Характерным показателем разложения русского общества было то, что даже уклонение от фронта не вызывало почти ни у кого презрения и осуждения.[1] «Фронт утопал в крови, тыл купался в вине»,[2] - резюмировал А. Керсновский.

По мнению современников, особо неблаговидную роль в политизации армии играли земские и городские деятели – «земгусары» (шифр их погон «ВЗС» читался в армии как военнообязанный заведомо скрывающийся – А.Ч.).[3] В конце концов, А.И. Гучков в письме к генералу М.А. Алексееву 15 августа 1916 года так оценивает влияние тыла на действующую армию: «...В тылу идет полный развал, власть гниет на корню,...гниющий тыл грозит затянуть фронт и...всю страну в болото...».[4] «Такой тыл мог только вносить в армию дух разложения»,[5] - делает очевидный вывод Н.Н. Головин. Но что говорить об обывательской среде, если один из наиболее энергичных общественных деятелей России А.И. Гучков впал в панику, утверждая, что уже в августе 1914 года «он пришел к твердому убеждению, что война проиграна».[6]

К числу важнейших факторов, способствовавших политическому созреванию армии к переменам необходимо отнести изменения в кадровом составе. В период Первой мировой войны в офицерском корпусе произошли значительные изменения. Только за первые полгода войны офицерский корпус вырос на 47 649 человек.[7] Однако уже к лету 1915 года некомплект офицеров в среднем превышал 50%;[8] батальонные командиры и большая часть ротных были кадровые офицеры, но все младшие офицеры – офицеры военного времени. К осени 1915 года в пехотных полках остается от 10% до 20% кадрового состава.[9] «Ускоренная гибель квинтэссенции сознательных патриотов России, - подчеркивал Н.Н. Головин, - должна была привести к падению национального чувства в народных массах».[10] Но положение продолжало усугубляться[11], и к 1917 году в среднем на полк приходи-

---

[1] Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.244; Верховский А.И. Указ. соч. 1993. №3. С.66.
[2] Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.244.
[3] Геруа А. Российский военный сборник. №9. С.134-135; Керсновский А.А. Указ. соч. Т.4. С.244.
[4] Цит. по: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.1. С.167.
[5] Там же. С.168.
[6] Цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. №9. С.43.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.273. Л.127-130.
[8] См.: Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева. // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.56.
[9] См.: Головин Н.Н. Указ. соч. №2. С.65.
[10] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.1. С.117.
[11] См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и конфликтах. М., Воениздат, 1993. С.315; Россия и первая мировая война. С.356-357.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лось не более двух опытных офицеров, остальные офицерские должности замещались прапорщиками запаса.[1] Поэтому не случайно уже 1 октября 1914 года Николай II напутствовал юнкеров при производстве их в офицеры такими словами: «Я прошу вас поберечь себя».[2]

В годы Первой мировой войны основным каналом подготовки офицеров стали школы прапорщиков с 3-месячным сроком обучения. К концу 1914 года действовали 13 школ прапорщиков.[3] В 1915 году через школы прапорщиков армия получила 30 222 офицера. В 1916 году функционировало 38 школ прапорщиков, которые за три выпуска дали 50 350 офицеров.[4]

Громадная убыль офицерского состава заставила командование несколько поступиться требованиями военного воспитания и образования, вводя широкое производство в офицеры солдат, как за боевые отличия, так и путем проведения их через школы прапорщиков с низким образовательным цензом.[5] Всего за годы войны 23 военных училища и 38 школ подготовки прапорщиков выпустили 227 000 офицеров,[6] «поверхностно подготовленных профессионально, но от всего сердца дравшихся. Это был цвет русской молодежи, увлеченной патриотическим порывом начала войны в военные училища».[7] Мобилизации изменили социальный облик офицерского корпуса, влив в него большое число лиц свободных профессий.[8] Такой социальный состав офицеров военного времени еще более приблизил офицерский состав «к русской интеллигенции и ее понятиям»[9] и внес некоторую дифференциацию в его политический облик. С этой пестрой молодежью в армию вошел дух политики.[10]

Офицер военного времени был, по выражению Н.Н. Головина, «патриотом-интеллигентом».[11] Русскому интеллигенту было очень легко уклониться от боевой офицерской работы, поэтому в офицеры военного времени попадали только те, кто

---

[1] Степанов А.И. Указ. соч. С.133.
[2] Цит по: Мэсси Р. Указ. соч. С.270.
[3] См.: Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в школах при запасных пехотных бригадах. М., 1914.
[4] РГВИА. Ф.1. Оп.2. Д.1209. Л.38 об.39.
[5] См.: Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С.32.
[6] Гарькавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972. С.51.
[7] Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.249.
[8] Wildman Allan K. The End of the Russian imperial army. P.101.
[9] Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция. // Архив русской революции. М., 1991. Т.VI. С.43.
[10] Российский военный сборник. №9. С.223; Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 года – 13 марта 1916 года). // Военно-исторический журнал. 1994. №10. С.149.
[11] Головин Н.Н. Указ. соч. №2. С.65.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

не на словах, а на деле проникся идеей долга защиты Родины. [1] Существовало и другое мнение. П. Краснов считал, что в школы прапорщиков шли и идейные люди, но больше шли по расчету те, кто считал, что через школу можно получить отсрочку от демобилизации и офицерам легче устроиться, чем солдатом.[2] При этом необходимо учитывать и то обстоятельство в психологии офицеров того времени, что, как подчеркивает Уайлдмен, в «отличие от истинных военных интеллектуалов, они не могли рассчитывать на продвижение по службе и не могли не сознавать, что были пушечным мясом военного времени».[3]

Как считает А. Керсновский, с осени 1915 года качественный уровень офицерского пополнения стал снижаться. Он мог повести солдат в атаку, но не был в состоянии сообщить им воинский дух, той воинской шлифовки и воинской закалки, которыми не обладал сам. [4] Начала зримо проявляться и другая негативная тенденция – между начальниками и подчиненными стало чувствоваться отчуждение, не наблюдавшееся прежде. Остатки кадрового офицерства сохраняли доверие солдат. Хуже было с офицерами военного времени, большая часть которых не сумели надлежащим образом себя поставить (крайности: высокомерие и панибратство). Солдат чуял в них «ненастоящих» офицеров.[5]

Существенные изменения произошли и в рядовом составе. К весне 1915 года был израсходован весь обученный состав армии, добито все ценное. Как вспоминает генерал А.А. Брусилов, «...в каждой роте можно было найти четыре-шесть рядовых старого состава».[6] По данным А.И. Степанова, из 218 тыс. обученных унтер-офицеров к 1917 году в действующей армии насчитывалось менее 30 тыс.[7] Войсковые части меняли свой состав по 10-12 раз, и, по образному выражению генерала А.И. Деникина «превращались в какие-то этапы, через которые текла непрерывно человеческая струя, задерживаясь ненадолго и не успевая приобщиться духовно к военным традициям части».[8]

Отныне армия превратилась в ополчение. Потери этой злополучной компании можно было пополнить, но их нельзя было заменить.[9] По мнению историка,

---

[1] Верховский А.И. Указ. соч. С.65.
[2] Российский военный сборник. №9. С.223.
[3] Wildman Allan K. Op. cit. P.101.
[4] Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.250.
[5] См.: Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.252-253.
[6] Брусилов А.А. Указ. соч. С.150.
[7] Степанов А.И. Указ. соч. С.133.
[8] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.95-96.
[9] См.: Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.248. Т.3. С.282, 318.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

изменение состава повлекло за собой изменение облика армии. Она стала действительно «вооруженным народом».[1]

Положение могла изменить хорошо отлаженная система подготовки резервов, но, как отмечает С. Добровольский, «в России, когда была снята наружная амальгама постоянных кадров, резервы, представляющие, по идее, главную силу этой системы (всеобщей воинской повинности – А. Ч.), оказались сырым, неподготовленным материалом».[2] При этом необходимо учитывать, что переменный состав вносил в армию все разнообразие мнений, вкусов, политических взглядов, профессий, партийных лозунгов и, что самое важное, страстей, уровня образования и воспитания, состояний, культурных стремлений, национальных чаяний и упований, общественных и национальных достоинств и недостатков.

Необходимо подчеркнуть, что нагромождение запасных войск в больших городах имело огромное развращающее влияние.[3] По свидетельству генерала Ю.Н. Данилова, были, например, батальоны, числившие в себе до 19 тыс. призванных![4] Уже 1915 год проходит под знаком торопливой высылки совершенно неподготовленных людей на фронт.[5] Но даже в это короткое время, отпущенное для подготовки, как вспоминает М.А. Иностранцев, массы людей были «почти не заняты и лишены надзора и воспитания»,[6] в результате чего, «вступая в ряды войск с поредевшими кадрами, не проникались уже той жертвенностью, которою отличался состав войсковых частей в первый период войны».[7]

Хорошо понимая, что в годы Первой мировой войны с действующей армией произошла определенная трансформация, военный министр записал в своих воспоминаниях, что «армия в настоящее время не та по составу, какой она была в начале войны: десятки тысяч офицеров и сотни тысяч нижних чинов принадлежат ныне к элементам, входившим до поступления в ряды войск в близкое соприкосновение с политическими вопросами, а потому и поддаются политическим настроениям, созданным в тылу армии.»[8]

На развитие массового политического сознания русской армии активно влияли огромные потери, которые несла действующая армия в ходе Первой миро-

---

[1] Там же. Т.4. С.248.
[2] Российский военный сборник. №9. С.96.
[3] Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.251.
[4] См.: Данилов Ю.Н. На пути к крушению. // Военно-исторический журнал. 1991. №12. С.52.
[5] См.: Головин Н.Н. Указ. соч. №4. С.25.; Поливанов А.А. Указ. соч. №8. С.141.
[6] ГА РФ. Ф.5960. Оп.1. Д.4. Л.20.
[7] РГВИА. Ф.260. Оп.1. Д.32. Л.122.
[8] Поливанов А.А. Указ. соч. №2. С.129.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вой войны. Боевые потери русской армии в войну по подсчетам генерала Н.Н. Головина, (наиболее достоверные, по мнению автора) составили: убитые – 1 млн. 300 тыс. человек, раненые – 4 200 000 человек, пленные – 2 417 000 человек,[1] т.е. каждый второй из призванных. По воспоминаниям генерала Поливанова, если немцы тратили главным образом металл, вспахивая поля сражений градом снарядов и пуль, то русские – человеческие жизни.[2] Такого же мнения придерживается и Дж. Фуллер. [3] Подобную доктрину Первой мировой войны российский историк А. Керсновский называл доктриной минотавра.[4]

К сожалению, многие российские генералы слепо следовали этой доктрине. [5] Совершенно иного мнения придерживается генерал В. Драгомиров, который раскрывает и психологические последствия подобного управления войсками: «Это единственное преступление, которое масса никогда не прощает. Кто виноват в этом – теряет власть над людьми». [6] Не случайно 28 членов Государственной Думы и Государственного Совета, входившие в «Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства» подали государю докладную записку, осуждающую подобное отношение к людям. [7] Все это, по мнению генерала Нокса, приводило к тому, что военноначальники стали считать, что немец все может, а среди солдат распространилось убеждение, что не стоит драться, раз везде бьют.[8]

Генерал В. Драгомиров увидел и следующее: «Ошибки управления накопили в сердцах людей горечь сознания, что приносимые жертвы бесполезны, что они будут забыты или даже попраны самым равнодушным образом, а представляющие родину люди, занятые честолюбием и себялюбием, не умеют даже быть благодарны за жертвенную кровь».[9] Как нельзя лучше иллюстрирует эту мысль отношение к раненым. [10] Поэтому вывод американского историка Аллана Уайлдмена закономерен: «Потеря за короткое время квинтэссенции русских патриотов способствовало ослаблению национального чувства масс».[11]

---

[1] Головин Н.Н. Указ. соч. №2. С.59.
[2] См.: Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний. Б.М., 1924. С.186.
[3] Фуллер Дж. Ф. К. Реформация войны. М., 1931. С.22.
[4] Российский военный сборник. №9. С.291.
[5] См.: Головин Н.Н. Указ. соч. №2. С.61; Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. М., 1994. С.27.
[6] Драгомиров В. Подготовка русской армии к великой войне. // Военный сборник (Белград). 1925. Кн.VI. С.76.
[7] См.: Головин Н.Н. Указ. соч. №2. С.60.
[8] Там же. №10. С.59-60.
[9] Драгомиров В. Указ. соч. С.74.
[10] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.102. Архив русской революции. Т.XVII. С.84; Станкевич В.Б. Указ. соч. С.219.
[11] Wildman Allan K. Op. cit. P.73.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Массовой политизации армии способствовал и кризис боевого и материально-технического снабжения. Только часть бойцов, находящихся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы взять в руки винтовку. [1] Примерно третья часть людей не имела оружия.[2] Как вспоминает генерал Головин, он, в бытность генерал-квартирмейстером IX армии, получил в августе 1915 года телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, посаженными на длинные рукоятки для прикрытия позиций артиллерии.[3] В армии к 1917 году имелось только 12% потребного количества пулеметов.[4]

Исключительно плохо обстояло с артиллерийской поддержкой. [5] Были периоды (летом 1915 г. – А. Ч.), в которые в некоторых армиях разрешалось выпускать в день не более десятка снарядов на орудие.[6] Все это приводило к тому, что у солдат в 1915 году сформировался своеобразный комплекс неполноценности перед лицом немецкой военно-технической мощи, а противник – немец стал приобретать в их глазах черты сверхчеловека, наделенного могучим разумом, волей и даже магическими, сверхъестественными способностями, недоступными русскому человеку.

Не лучше обстояло дело с продовольственным и вещевым обеспечением. Уже в 1915 году в армии были введены «мясопустые» дни. [7] О способах «самообеспечения» продовольствием в действующей армии можно привести множество фактов, от анекдотических, как приказ командующего Северным фронтом об отстреле зайцев для солдатского питания, до трагических, когда голодные солдаты занимались мародерством гражданского населения.[8] К зимней кампании 1915 года армию не обеспечили даже теплыми вещами. [9] Валенок отпускалось не более 33% на штатный состав части. Та же норма существовала в отношении полушубков.[10]

По мнению А.И. Деникина, крайне пагубное влияние на настроение солдат, и, соответственно, на формирование критических составляющих массового поли-

---

[1] Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева. // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.55; Buchan J. A History of the Creat War. Boston, 1922. Vol.1. P.526-527; Головин Н.Н. Указ. соч. №7. С.74.
[2] Керсновский А.А. История русской армии. Т.3. С.253.
[3] См.: Головин Н.Н. Указ. соч. №7. С.71.
[4] Там же. С.74.
[5] См.: Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. С.29; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.171.
[6] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.39.
[7] См.: Отечественная история. 1993. №3. С.114; Земледельческая газета. 1917. №3. С.74.
[8] Отечественная история. 1993. №3. С.114.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.784. Л.51-53.
[10] Россия в мировой войне 1914-1918 годов (в цифрах). М., 1925. С.44.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тического сознания сыграло официально введенное с 1915 года дисциплинарное наказание розгами и смертная казнь «палечникам»[1] в соответствии с приказом верховного главнокомандования №104 от 16 октября 1914 года. Тому же наказанию подлежали лица, оказывавшие содействие в подобных делах.[2] Особенно обидными были розги.[3] С 1915 года Совет Министров утвердил положение о прекращении выдачи пайка семьям дезертиров,[4] а когда указанная мера не возымела должного действия, в 1916 году наказание за побег из армии было ужесточено вплоть до расстрела.[5]

С 1914 года широкое распространение получили военно-полевые суды, приговоры которых вступали в силу немедленно по вынесении и выполнялись в течение суток. Если раньше право предавать военно-полевому суду принадлежало лицам не ниже командарма, то по повелению Николая II от 9 ноября 1914 года эти правом наделялись офицеры с властью не ниже полкового командира.[6] Не случайно с глубокой внутренней болью солдаты пишут А.Ф.Керенскому в сентябре 1915 года: «...приходится думать, почему нас здесь никто не защищает, и только и говорят, что на все воля начальства, и поэтому само по себе отпадает патриотическое чувство к Родине, поймите, какое страшное слово – не дают любить Родину...».[7]

Определенное влияние на массовое политическое сознание действующей армии имела пропаганда военных противников России. С началом затруднений для Германии правительство Вильгельма создало в различных пунктах страны особые отделения для пропаганды идей, способных облегчить германскому народу благополучное окончание войны. Во главе всей организации был поставлен полковник фон Гирген, которому постепенно удалось наладить и развить порученное ему дело.[8] Противник активно использовал печатные материалы подрывного характера[9]. В донесениях с передовой в вышестоящие штабы неоднократно упоминалось о немецких разведчиках, в темное время суток забрасывавших в наши окопы газеты «Неделя», «Секрет», «Новости», «Русский вестник», выходившие на

---

[1] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.96.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.3. Д.29. Л.4.
[3] Там же. Оп.2. Д.703. Л.89; Царская армия в период войны и Февральской революции. С.46; Гарькавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972. С.44.
[4] РГВИА. Ф.2620. Оп.2. Д.64. Л.288.
[5] Там же. Д.66. Л.259.
[6] Там же. Ф.2003. Оп.3. Д.29. Л.12-12 об.
[7] ГА РФ. Ф.1807. Оп.1. Д.327. Л.252; Ф.1779. Оп.1. Д.381. Л.3.
[8] См.: Данилов Ю.Н. Указ. соч. 1991. №12. С.50.
[9] Россия и первая мировая война. С.272.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

русском языке.[1] Печатная продукция перебрасывалась в расположение войск с помощью аэропланов, специальных мин и воздушных шаров, немецкие патрули оставляли прокламации у проволочных заграждений. Противник стремился влиять и на религиозные чувства военнослужащих российской армии.[2] Были сделаны попытки использовать движения национальных окраин России за независимость.[3]

Значительную роль в формировании массового политического сознания действующей армии играла официальная пропаганда, содержание которой было направлено на мобилизацию усилий армии по защите Отечества, достижению в стране гражданского мира.[4] Высказывалось указание, что «эта великая война имеет для России значение более важное, чем все предыдущие войны XVIII и XIX столетия, чем даже Отечественная война 1812 года».[5]

Упустив подготовку сознания действующей армии к мировой войне, официальная пропаганда решительно принялась наверстывать упущенное, используя для этого все средства пропагандистского воздействия, служившие источниками богатой и разнообразной информации, которая, в свою очередь, создавала и укрепляла образы и идеи в сознании ее потребителей. «Вся литература во главе с поэтами вышла на улицы и работала на патриотизм»,[6] - писал Ал. Ожегов. Только за первые шесть месяцев войны появилось около 600 различных печатных изданий тиражом 11 миллионов экземпляров.[7]

Огромной популярностью в армии пользовалась периодическая печать, как военная, так и гражданская.[8] Поэтому в циркулярном распоряжении штаба Верховного Главнокомандующего №1160 от 31 июля 1914 года указывалось: «Верховный Главнокомандующий признает крайне желательным скорейшее снабжение войсковых частей газетами патриотического направления и бюллетенями о событиях на всех театрах военных действий – нашем и наших союзников, дабы все воинские чины до передовых частей включительно имели возможность быть осведомленными об общем положении дел».[9]

---

[1] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.1033. Л.10.
[2] См.: Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914-1917 гг. Ереван, 1971. С.143.
[3] Записки об украинском движении за 1914-1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистского революционного течения среди населения Малороссии. Б.М., 1916. С.28; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.703. Л.250-254.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.494. Л.108; Ф.2118. Оп.1. Д.801. Л.155 об.
[5] Великая всемирная война. Руководство и материалы к ведению народных чтений о современных событиях. Полтава, 1916. С.6.
[6] Книга о войне. Пг., 1915. С.221.
[7] См.: Владиславлев И.В. Русская литература о войне 1914 года. М., 1915. С.5.
[8] РГВИА. Ф.2129 (Военный вестник штаба 7 армии. 1914. 14 сентября. №32).
[9] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.1031. Л.1.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

При Генеральном штабе для нижних чинов действующей армии стала издаваться газета «Свет», выходившая два раза в неделю тиражом 100 000 экземпляров и рассылавшаяся во все армии.[1] В 1914 году при штабе Юго-Западного фронта была создана газета «Армейский вестник», годом позже начал выходить «Наш вестник» - издание Северо-Западного фронта. Дополнительно выходили иллюстрированные приложения, которые содержали фотографии отличившихся солдат и офицеров, снимки трофеев, карикатуры на военно-политическое руководство противника и т.д.[2]

Начиная с 1916 года, одновременно с фронтовыми газетами выходят издания при штабах отдельных армий. Всего в 1914-1917 годах разновременно издавалось 12 армейских газет.[3] Многие армейские газеты имели специальный отдел, носивший название «Вторая Отечественная война». Материалы этого отдела помещались вместо передовых статей.[4] Походные типографии русской армии печатали также «Обзоры военных действий», предназначавшихся, в основном, для информирования личного состава. [5] Министерство внутренних дел с согласия Председателя Совета Министров снабжало войсковые части действующей армии столичными и провинциальными газетами умеренного направления, а также книгами духовно-нравственного и военно-исторического содержания.[6] Рекомендовались для чтения газета «Вестник», журнал «Верность» и другие издания патриотического содержания.[7]

Средства, отпускаемые на пропаганду в действующей армии, постоянно возрастали. Если в 1915 году в армию доставлялось 82 наименования газет и журналов на сумму 1 млн. 100 тыс. рублей,[8] то в 1916 году ассигновалось из секретного фонда по главному управлению по делам печати 1,7 млн. рублей[9] на 94[10] наименования газет и журналов. Но печатной продукции в армии катастрофически не хватало. Современник вспоминает, что «по всему Петрограду расставлялись ящики

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.699. Л.4, 6, 9.
[2] См.: Белогуров С.Б. Военная периодическая печать в России начала XX века. // Военно-исторический журнал. 1997. №6. С.84.
[3] См.: Белогуров С.Б. Указ. соч. С.84.
[4] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.960. Л.502.
[5] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.1031. Л.82-88.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.766. Л.51; Оп.1. Д.913. Л.27-28; Ф.2048. Оп.1. Д.296. Л.71.
[7] Там же. Ф.2048. Оп.1. Д.918. Л.498.
[8] ГА РФ. Ф.601. Оп.1. Д.1067. Л.4 об.
[9] Там же. Л.10 об.
[10] Там же. Л.22 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

для сбора прочитанных газет; затем этот «сэконд-хэнд» переправлялся на фронт для чтения солдатам». [1]

Широкое распространение в войсках получили брошюры «Причины и цели Второй Отечественной войны» прапорщика Злобина, «Наша слава», «Великая война», «Война и народы России», «Исторический смысл настоящей войны» профессора Д.В. Цветаева и другие. [2] По просьбе посла Великобритании Дж.Бьюкенена рекомендована для пропаганды в войсках книга К.Чуковского «Заговорили молчавшие».[3]

В мае 1915 года в действующую армию был отправлен особый военно-художественный отряд во главе с полковником В.К. Шенком для увековечивания героических подвигов русских солдат и офицеров. [4] Всего за год было собрано 1554 описания подвигов, написано 1000 картин, сделано свыше 1 000 фотографий.[5] Предлагалось также сооружение «Памятников Славы» для каждого полка.[6]

В годы войны российская культура стала более зависимой от фольклора и ностальгии по прошлому величию страны. В массовом искусстве широко использовались сатира, карикатура и фарс. Так, германский кайзер стал главным персонажем патриотических открыток и комических лубков, пользовавшихся особой популярностью у простых людей. Вильгельм II изображался в виде разъяренного кабана или сидящим в клетке зоопарка. Ему приписывался сатанинский характер, что отражало восприятие немцев как самого опасного врага России.

Те же мотивы присутствовали и в элитарной культуре высших классов, хотя формы их выражения были более «утонченными». Так или иначе, ненависть к кайзеру и симпатии к подвергшимся нападению бельгийцам были популярны среди всех слоев населения.[7] Почтовые открытки, плакаты, афиши, фильмы также играли важную роль в распространении патриотических мотивов через сферу развлечений.[8] Патриотическая культура создала новые технические средства пропаганды – машины, поезда и корабли с книжными лавками и водруженными на них плакатами. [9]

---

[1] Кривцов Е. Книга и газета на войне. // Военный сборник. 1915. №11. С.92.
[2] РГВИА.Ф.2048. Оп.1. Д.918. Л.472, 483; Д.494. Л.90, 93.; Д.1769. Л.168-169; Оп.2. Д.7. Л.249.
[3] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д.753. Л.3.
[4] См.: Блументаль Ф. Буржуазная политработа в мировую войну 1914-1918 гг. М.-Л., 1928. С.152-153.
[5] Щербина Т. В зале несуществующего музея. // Родина. 1993. №8-9. С.156.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.494. Л.109.
[7] См.: Отечественная история. 1998. №4. С.187.
[8] Там же С.186.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.766. Л.75-75 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

По мнению немецкого историка Х.Ф. Яана, если русские достаточно ясно понимали, против кого они воюют, то ради чего шла эта кровопролитная война, было уже не очень ясно, и единства здесь не было. В России не оказалось общенациональной символической фигуры типа дяди Сэма у американцев. Царь и его предки, исторические герои прошлых войн (А. Невский, А.Суворов, М.Кутузов и др.) и мифологические русские богатыри – эти образы широко использовались в целях национальной идентификации.[1] Особенно популярны, по его мнению, были Козьма Крючков и другие казаки, поскольку они были ближе народной аудитории по своему социальному облику и культурному уровню.[2]

Важной стороной воспитания российского патриотизма в военное время, как, впрочем, и германского, являлось проецирование на враждебные страны, их народ и правителей всевозможных негативных стереотипов, формирование образа врага, чувства ненависти к Германии и ее армии, безоглядное прославление убийств, человеческих гекатомб, причем в самой доходчивой и упрощенной форме. Одним из символов Первой мировой войны в России стал лубочный плакат богатыря-казака Крючкова с красной озверелой физиономией, увешанной орденами грудью и огромной пикой в руке, на которую насажена добрая дюжина корчащихся в судорогах врагов.[3]

Автор выделяет три вида источников, в которых зафиксированы представления людей того времени о неприятеле, причем в каждом из них освещение образа врага существенно различается. Одни источники, отражающие официальную точку зрения, носят, в основном, пропагандистский характер. Для такого рода материалов характерно изображение врага в образе зверя, чудовища, дикаря, варвара. При этом отрицается сама принадлежность его к «культурному миру».[4] В печати всячески подчеркиваются систематические нарушения противником законов и обычаев войны, определенных международным правом, при этом нарушение правил своей стороной либо отрицается, либо объявляется актом возмездия за аналогичные действия неприятеля.

Другой вид официального источника отличается большей сдержанностью и объективностью оценок и часто имеет аналитический характер. Это боевые доне-

---

[1] См.: Отечественная история. 1998. №4. С.187.
[2] Там же.
[3] Злобин П. Причины и цели 2-й Отечественной войны. М., 1916. С.30.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.9. Л.435-436; Ф.2029. Оп.1. Д.525. (Материалы разведывательного отделения. Иностранная печать) Л.2, 6, 8, 27; Д.730. (Газета «Вестник Х-й армии», май 1915 г.). Л.3; Д.732. (Газета «Наш вестник», июль 1915 г.). Л.3, 5, 23.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сения и доклады, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля и внутри враждебного государства, наблюдения о боевых качествах врага, его стратегии и тактике, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных. В русской армии много говорилось о немецком плене, утверждалось, что немцы всех расстреливают и добивают раненых, что, однако, подтверждалось многочисленными фактами.[1]

Третий вид источников содержит субъективные оценки частных лиц, в которых тесно переплелись взгляды, сложившиеся под влиянием пропаганды, и, зачастую, противоречащий этим первоначальным убеждениям собственный жизненный опыт. Это источники личного происхождения – письма, дневники, воспоминания. Причем в письмах с фронта отражены взгляды той части народа, которая ведет непосредственную вооруженную борьбу с врагом, находясь с ним в постоянном боевом соприкосновении, а письма из тыла отражают опосредованное влияние военных событий на сознание людей, для которых противник по-прежнему остается обезличенной символической силой.

В годы Первой мировой войны в самой действующей армии была значительно усилена агитационно-пропагандистская работа. Уже в начале войны 14 августа 1914 года Верховный Главнокомандующий потребовал «...организовать в войсковых частях беседы с нижними чинами для разъяснения им всех текущих событий».[2] Такие чтения проводились 1-2 раза в неделю. Перечень их не указывался в циркулярах военного ведомства, совершенно сознательно и мудро взвесив, что каждое чтение или беседа будет удачным тогда, когда она соответствует характеру лица, которое их проводит.[3] Так, брошюра Колесникова Н.В. предлагалась в качестве пособия для офицеров ротного звена. [4] Были изданы и другие учебно-методические пособия.[5]

Важная роль в формировании массового политического сознания армии отводилось духовенству, которое служило одним из каналов воздействия на все категории военнослужащих. На период войны приказом по военному ведомству №45 от 26 ноября 1888 года учреждалась должность главного священника армии и фло-

---

[1] См.: Документы о немецких зверствах в 1914-1918 гг. М., 1942.
[2] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.913. Л.2.
[3] См.: Колесников Н.В. Нравственный элемент. Сборник бесед с юнкерами и нижними чинами. Казань, 1916. С.4.
[4] Колесников Н.В. Указ. соч. С.5.
[5] Понамаренко Н.Е. Памятка офицерам-воспитателям русского солдата. Одесса, 1916; Зайченко Н.С. К молодым офицерам. М., 1916 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

та, которая называлась «протопресвитер военного и морского духовенства».[1] Были определены должностные полномочия и других категорий военного духовенства.[2] Если в 1914 году священнослужителей в войсках было около 1000, к концу 1915 года – 2000,[3] то к 1917 году принятые меры позволили иметь в армии около 5000 представителей военного духовенства.[4]

Согласно принятой I Всероссийским съездом военного и морского духовенства[5] памятке-инструкции военному священнику, он являлся проводником в войсках «начал преданности и верности до самопожертвования государю-императору» и был обязан воспитывать воинов «в духе непоколебимой преданности вере», прививать идеи «беспрекословного повиновения начальству».[6] Уже на второй день войны за подписью протопресвитера Г.И.Щавельского была разослана инструкция о работе военного духовенства в боевой обстановке. Священник обязан был «наставлять, ободрять, утешать, поддерживать в воинах веру в нашу правду, в мощь России, в самих себя...».[7]

В военное время одной из главных задач военного духовенства являлась объяснение целей войны, оправдание ее со всех точек зрения.[8] Военные священники говорили о том, что не решались обсуждать публично даже политические деятели: «Если мы будем владеть Босфором, то в наших руках будет, так сказать, ключ от входа в Черное море, а самое это море обратится в русское озеро».[9]

Военное духовенство поэтизировало войну. Ее «пользу» и полезность для народа они видели в сплочении, примирении политических распрей, нравственном совершенствовании людей (война – «хороший учитель посту и воздержанию»), доказывали, что состояние мира порождает в людях трусость, «грубый ожирелый эгоизм» и «умственный застой». Война же возбуждает нацию, люди возвращаются с поля боя «с более закаленным характером, с большим терпением и упованием на себя», поэтому война «полезна для домашней семейной жизни человека». И вообще начавшаяся война носит священный характер.[10] Военные священники стара-

---

[1] См.: Свод военных постановлений. Изд.3-е. Кн.VII. СПб., 1907. Ст.37-55.
[2] См.: Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914. С.181-185.
[3] См.: Вестник военного и морского духовенства. 1915. №22. С.681.
[4] См.: Зайончковский А. Мировая война 1914-1918. Т.1. М., 1938. С.21.
[5] Съезд проходил в Петербурге с 1 по 11 июля 1914 г.
[6] См.: Вестник военного и морского духовенства 1914. №17. С.597-599; Там же. 1915. №22. С.679; Щавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т.1. Нью-Йорк, 1954. С.82.
[7] См., например: Руководственные указания духовенству действующей армии. 2-е изд. Электротипография Б.Ю. Рабиновича, 1916. С.9-11.
[8] См.: Сенин А.С. Армейское духовенство России в первую мировую войну. // Вопросы истории. 1990. №10. С.162.
[9] Кандидов Б.П. Церковный фронт в годы первой мировой войны. М., 1929. С.39.
[10] Кандидов Б.П. Указ. соч. С.38-39.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лись убедить солдат, что война с Германией «есть война Сатаны против Христа», а Вильгельм, германский император, - «друг дьявола». Они разжигали религиозную и национальную ненависть к противнику, утверждая, что тот оскверняет храмы, добивает раненых, издевается над пленными.[1]

Священники оказывали влияние и на офицеров, особенно на молодежь: предостерегали их от неосторожного критиканства и выражения недовольства действиями властей, так как подобные разговоры через солдат, обслуживающих офицерские собрания, тотчас делаются достоянием всего полка и, несомненно, не могут не оказывать дурного влияния на настроения нижних чинов.[2]

Для решения поставленных задач использовались как наличные средства, так и привлекаемые средства различных общественных сил. Для солдат подбирались специальные библиотеки с книгами религиозно-патриотического направления. [3] Только Одесское свято-андреевское братство за полтора года войны распространило среди солдат 328 496 религиозных книг, брошюр и листков.[4] Для поднятия морального духа армии, воодушевления армейских масс часто на фронт привозили «чудотворные иконы». Например, в 1916 году одну из них по распоряжению царя доставили прямо из Московского Успенского Собора.[5] С 1916 года существовал специальный комитет по сооружению подвижных храмов на фронте. [6] С началом Первой мировой войны царскому правительству были переданы крупные суммы денег. [7]

Ряд инструкций возлагали на военных священников и специфические обязанности. Так, полковому священнику вменялось в обязанность помогать врачам в перевязке раненых, организовывать вывоз с поля убитых и раненых, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, извещать родственников убитых, организовывать в своей части общества помощи семьям чинов этого полка.[8] От госпитальных священников требовалось чаще совершать богослужения для больных, ежедневно обходить палаты, беседовать и утешать, писать письма от имени больных на родину. [9]

---

[1] См.: Сенин А.С. Указ. соч. С.163.
[2] Вестник военного и морского духовенства 1917. №11-12. С.205.
[3] Кандидов Б.П. Указ. соч. С.38-39.
[4] РГВИА. Ф.806. Оп.5. Д.978. Л.6.
[5] См.: Гуськов М.А., Ивашко М.И. Православие и российская армия. М., 1995. С.36.
[6] См.: Там же. С.23.
[7] См.: Кандидов Б.П. Религия в царской армии. 2-е дополн. изд. М., 1929. С.38-44.
[8] См.: Руководственные указания духовенству действующей армии. С.4.
[9] См.: Василенко Б.О. Офицеры в рясах. М., 1933. С.52-53.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Военное духовенство в подавляющем большинстве с достоинством, не жалея своей жизни, выполняло возложенные на него обязанности. [1] По далеко неполным данным сложили свои головы или были искалечены в боях более 5000 священнослужителей.[2] Подтверждением ратных заслуг военного духовенства служит тот факт, что, по неполным данным, за годы войны священникам было вручено: 227 золотых наперстных крестов на георгиевской ленте, 85 орденов Св. Владимира 3-ей степени с мечами, 203 ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами, 304 ордена Св. Анны 2-й степени с мечами, 239 орденов Св. Анны 3-й степени с мечами, а Г.И. Щавельский был награжден орденом Ал. Невского и Св. Владимира 2-й степени.[3] Только в 1916 году к высоким боевым наградам было представлено 46 представителей военного духовенства.[4]

Внесли свою более чем значимую лепту в политизацию массового сознания действующей российской армии и политические партии. Автор пришел к выводу, что действуя в соответствии со своими программными установками по отношению к войне, далеко не все они стремились использовать армию в годы войны как объект своего воздействия и инструмент дальнейшего преобразования российской действительности.

Так, по признанию деятелей правых партий, «...правой печати...нет сейчас ни в народе, ни в обществе, ни в войсках, и все подчиняются мнимому общественному мнению изделия левой печати».[5] Либеральные партии также не стремились к политизации действующей армии, и к их противоправной деятельности можно отнести лишь распространяемые в войсках при помощи санитарных поездов запрещенные речи П.Н. Милюкова и В.В. Шульгина от 1 ноября 1916 года.[6]

Политика нейтралитета по отношению к армии прослеживалась в деятельности меньшевистского крыла российской социал-демократии. В своей деятельности они ориентировались на западно-европейских социал-демократов, в частности, на К. Каутского, который еще в 1904 году писал, что «У нас нет намерения вести пропаганду в армии и призывать ее к неповиновению».[7]

Наиболее решительными сторонниками всесторонней работы в армии являлись большевики. «Пролетарские революционеры, - писал Ленин, - все внимание

---

[1] См.: Яковлев Н. 1 августа 1914 г. М., 1967. С.88.
[2] Гуськов М.А., Ивашко М.И. Указ. соч. С.40.
[3] См.: Сенин А.С. Указ. соч. С.164.
[4] Гуськов М.А., Ивашко М.И. Указ. соч. С.40.
[5] ГА РФ. Ф.1467. Оп.1. Д.818. Л.49-49 об.
[6] См.: Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.295; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.106.
[7] Цит. по: Лытов Б.В. Борьба В.И. Ленина против оппортунизма по военным вопросам. М., 1987. С.55.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

направляли на революционизирование армии, на использование ее против империалистических разбойников буржуазии».[1] Уже в ноябре 1914 года В.И. Ленин, считая, что «раз война стала фактом»,[2] настаивал: «Пропаганда классовой борьбы и в войске есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций».[3] Его взгляды нашли поддержку у М.М.Литвинова.[4] С самого начала войны вопрос о необходимости революционной работы в армии был поставлен московскими большевиками.[5]

Однако, осуществляя на практике пораженческую тактику, большевики предпочитали, тем не менее, не поднимать этого вопроса в агитационной литературе или облекать лозунг поражения в нейтральную форму, особенно в первый год войны: кто бы ни победил, трудящимся массам лучше не будет; от победы царизма народ ничего не выиграет и т.д. Не случайно большевик В.Н. Залежский говорил: «Нам придется преодолеть громадное психологическое сопротивление масс, по-детски близоруко жалеющих армию, мечтающих о «победе» над вторгшимся в наши пределы врагом».[6]

Эсеры, у большей части которых, по мнению М. Мелансона, «...чувство патриотизма оказалось выше политических пристрастий»,[7] далеко неоднозначно относились к работе в армии. Южно-русское областное бюро партии социалистов-революционеров заявляло о необходимости развернуть агитацию в армии независимо от хода военных действий.[8] Аналогичные взгляды были у нижегородских эсеров и кружка ссыльных Енисейской губернии.[9] Многие эсеры предлагали «распространить влияние партии на войско и флот и выдвинуть лозунг одновременного вооруженного восстания войск и трудового народа».[10]

Большинство петроградских социалистов-революционеров, отрицательно относясь к войне, считало нужным продолжать активную революционную деятельность (пропаганда в войсках, выпуск нелегальной литературы, террор и экс-

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.40. С.8.
[2] Там же. Т.26. С.22.
[3] Там же. Т.26. С.41.
[4] ГА РФ. Ф. ДП.00. 1915. Оп.3. Д.343. Л.17 об.
[5] См.: Очерки истории Московской организации КПСС. Кн.1. М., 1979. С.316.
[6] РГАСПИ. Ф.17. Оп.10. Д.29421. Л.25 об.
[7] Melanson M. The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti War Movement, 1914-1917. Columbus, 1990. P.20.
[8] См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С.74.
[9] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1915. Д.9. Ч.48. Л.1-1 об; Ф.ДП.00. 1916. Д.9. Ч.32. Л.3.
[10] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1915. Д.343. Отд.2с. Л.178 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

прориация), сохранить лозунг вооруженного восстания и воссоздать эсеровскую боевую организацию.[1] После Циммервальда они сменили предшествующий лозунг свержения правительства во имя защиты Отечества, призывая «к борьбе за мир и свержению власти во имя этой борьбы».[2]

По мнению Натансона, рассчитывать в настоящий момент на восстание в армии нельзя, да этого и не нужно. Необходимо лишь подготовить настроение умов к необходимости мира и мира народного.[3] Оберучев также предполагал, что лозунг общего мира, подготовленный социалистическими партиями, в армии встретит сочувствие.[4] С ними был солидарен и Д.Гамаюнов.[5]

Московские эсеры признавали, что теперь необходимо защитить демократию от германского милитаризма, а потому «нельзя не желать поражения военных сил германцев», в связи с чем задача момента – «не военный клич, не призыв к оружию, к выступлению совместно с правительством...», а подготовительная работа «к следующему дню после войны и, может быть, к тому, чтобы вовремя остановить...гибельный завоевательный зуд».[6]

В. Чернов, наиболее близко подходя к позиции Ленина по вопросу работы в армии, сначала заявлял, что победа России тоже есть зло, к которому нужно подойти с противоядием, которым является пропаганда по обеим сторонам траншей,[7] а впоследствии на одном из расширенных заседаний заметил, что война настроила народные массы в стране против правительства, а потому необходимо вести пропаганду среди гражданского населения и армейских частей.[8]

Для координации деятельности и влияния на события в стране и в армии социалистические партии России создали Информационное межпартийное бюро (эсеры – А.Ф. Керенский, П.А. Александрович, меньшевики – Н.С. Чхеидзе, К.А. Гвоздев, Н.Н. Суханов, большевик А.Г.Шляпников), на заседаниях которого рассматривались вопросы возможности совместных действий в условиях нарастания массового стихийного движения и единых лозунгов.[9]

Автор считает, что, в отличие от правых и либеральных партий, к числу факторов, способствовавших успешной деятельности социалистических партий в ар-

---

[1] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1914. Д.9. Ч. «ВК». Л.16-17.
[2] Там же. 1915. Д.9. Ч.57. Л.107-108.
[3] ГА РФ. Ф.102. 1915. Д.343. Отд.2с. Л.196.
[4] Там же. Л.196 об.
[5] Призыв (Харьков). 1914. №1.
[6] ГА РФ. Ф.1741 (Коллекц. нелег. изд.). Оп.1. Д.17835. Л.1-10 об.
[7] Там же. Ф.102. 1915. Д.343. Отд.2с. Л.114-114 об.
[8] Melanson M. Op. cit. P.40.
[9] См.: 1917 год в исторических судьбах России. С.170-171.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мии, необходимо отнести, прежде всего, богатый опыт военной работы, приобретенный в революции 1905-1907 годов. Кроме того, армия сама имела опыт участия в революционных событиях начала века. Социальный состав действующей армии, особенно нижних чинов, также был благодатной почвой для распространения идей социалистических партий. [1] И, наконец, сама армейская действительность, особенно неудачи, способствовали успеху деятельности этих партий. [2]

Существовали и факторы, противодействующие работе социалистических партий в армии. Прежде всего, необходимо отметить решительную борьбу с проникновением социалистических идей в армию со стороны полиции, командования военных округов и фронтов. [3] 19 марта 1915 года был издан циркуляр Департамента полиции №102928, который предписывал принять все меры к ограждению войск от проникновения извне в их среду крамольных идей.[4] Велась борьба с социалистической пропагандой и в действующей армии. Нижним чинам было приказано передавать немедленно по команде все листовки и прокламации, которые к ним попадают. Предлагалось также усилить нравственно-патриотические беседы офицеров и священников с солдатами, расширить и снабдить полковые библиотеки соответствующей литературой, усилить цензуру и наблюдение за солдатами, производить досмотр личных вещей солдат.[5]

К числу мер, предпринимаемых командованием русской армии по ограничению работы социалистических партий необходимо отнести и сбор сведений о политической и нравственной благонадежности лиц, призванных из запаса или принятых из отставки, назначение в каждой части офицеров для наблюдения за настроением и поведением солдат.[6]

Предпринимались и другие организационные меры. К их числу можно отнести и секретное формирование наряду с официальными полицейскими командами «специальных саперных», которые должны обходить боевые участки, якобы для исправления дорог, осмотр дозорами каждого батальонного участка, закладывание секретов в местах нахождения воззваний, размещение землянок ротных команди-

---

[1] Архив русской революции. Т.5. С.340.
[2] Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны М., 1935. С.41.
[3] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.7873. Л.5; Революционное движение в армии и на флоте. 1914-февраль1918. М., 1966. С.58.
[4] Революционное движение в армии и на флоте. С.417-418.
[5] РГВИА. Ф.1606. Оп.3. Д.1817. Л.227-227 об.
[6] РГВИА. Ф.1932. Оп.5. Д.33. Л.7; Ф.2262. Оп.12. Д.60. Л.172-172 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ров и младших офицеров возможно ближе к землянкам нижних чинов.[1] Была значительно усилена и цензура в войсках.[2]

Приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего запрещалось пребывание среди войск на театре военных действий лиц с сомнительной политической благонадежностью, а выявленные – немедленно изымались из армии.[3] И, наконец, в случае обнаружения листовок у военнослужащих, виновные лица немедленно арестовывались.[4] При нахождении прокламации многие агитаторы расстреливались на другой же день.[5]

Несмотря на неимоверные трудности для налаживания, организации и ведения своей работы, социалистическая пропаганда все же просачивалась в действующую армию и оказывала свое влияние на массовое политическое сознание военнослужащих. Объектами воздействия российских социалистов были мобилизуемые, маршевые роты, воинские эшелоны в пути следования, части действующей армии, средствами воздействия – печатная и устная пропаганда и агитация.

Способы доставки печатной продукции в действующую армию были самые разнообразные. Прокламации, листовки, воззвания рассылались в письмах и посылках в армию для последующего распространения,[6] а также в ящиках со снарядами.[7] Листовки привозились из отпусков, по возвращению в часть после ранения,[8] пленения[9] и т.д. Воззвания революционного содержания зашивали в пояса брюк, подкладку жилетов, в кисеты с табаком, которые в качестве подарков отправлялись воинам на передовые позиции.[10] Для политической пропаганды войск использовались и летучие отряды продовольственной помощи Союза городов.[11] Особенно активно работа по распространению печатной продукции проводилась с ранеными нижними чинами военных госпиталей и лазаретов общества Красного Креста.[12]

Социалисты стремились внести книги революционной направленности и в каталоги распространяемых в армии книг и брошюр.[13] Наконец, распространение

---

[1] Революционное движение в армии и на флоте. С.174.
[2] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.1004. Л.117.
[3] Революционное движение в армии и на флоте. С.93.
[4] РГВИА. Ф.2067. Оп.2. Д.1177. Л.1.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.808. Л.86.
[6] РГВИА. Ф.2468. Оп.1. Д.1. Ч.1. Л.4; Ф.2327. Оп.4. Д.1. Л.365.
[7] См.: Лемке М.К. 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920. С.207.
[8] См.: Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М., 1935. С.38.
[9] РГВИА. Ф.2126. Оп.1. Д.562. Л.14.
[10] Революционное движение в армии и на флоте. С.101.
[11] Там же. С.196.
[12] ГА РФ. Ф.М00. 1915. Оп.35. Д.82. Л.67.
[13] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.494. Л.98.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лозунгов социалистов происходило и вовсе экзотическими способами: вырезание призывов на коре деревьев, надписи на тряпках, бумаге и дощечках прибивались к деревьям или просто подбрасывались в расположение войск.[1] О широте сфер влияния печатной социалистической пропаганды говорит тот факт, что она проникла даже в воинские части, расквартированные в резиденции царской семьи.[2]

Наибольшую активность в военной работе проявляли большевики. В начале 1915 года при Петербургском комитете РСДРП была воссоздана военная организация.[3] Уже за первые 3,5 месяца войны большевики издали около 70 антивоенных листовок тиражом до 400 тыс. экземпляров.[4] А всего за годы войны большевиками было издано более 700 листовок общим тиражом около 2-х миллионов экземпляров,[5] из них около 60 прокламаций, обращенных непосредственно к военнослужащим.[6]

В своих листовках большевики неуклонно проводили линию на осуждение начавшейся войны, пропагандировали лозунги превращения войны империалистической в войну гражданскую, поражения своего правительства (несколько завуалированно в начале войны и открыто в 1916-начале 1917 года).[7] Лозунг мира тоже можно было встретить в ряде большевистских листовок военного периода, но обязательно с призывом к подготовке новой русской революции, а иногда и вместе с лозунгом гражданской войны.[8] Свои листовки большевики адресовывали всем категориям военнослужащих, поэтому в них, правда редко, в обоснование позиции большевиков приводились ссылки на лиц с мировым именем: Т. Гракха, Сципиона Эмилиана, Ламартина, А. Менгера, Сен-Симона, Л.Толстого и др.[9] Присутствовала в печатной пропаганде большевиков и злая пародия на социалистов-оборонцев. Широкое распространение получил листок с названием «Манифест Плеханова» и «Марсельеза». Иногда большевики использовали и искаженную информацию, выдавая желаемое за действительное.[10] Существенную помощь большевикам в про-

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.808. Л.86.
[2] См.: Переписка Николая и Александры Романовых (1916-1917 гг.). М-Л., Т.5. С.35.
[3] Военно-боевая работа партии большевиков. 1903-1917. М., 1973. С.208.
[4] См.: Минц И.И. Указ. соч. С.215.
[5] Дажина И.М. Большевистские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции. М., 1981. С.7, 162.
[6] Подсчитано по: Дажина И.М. Указ. соч.
[7] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Ч.4. Д.1773. Л.5 об.
[8] См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С.123.
[9] РГАСПИ. Ф.451. Оп.1. Д.101. Л.3-5.
[10] См.: Революционное движение в армии и на флоте. С.181.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

паганде своих взглядов в действующей армии оказали социал-демократы латышского края.[1]

Однако не всегда пропаганда большевиков в армии находила благодатную почву. Так, письме в редакцию газеты «Мысль» из действующей армии в начале 1915 года писалось: «Товарищи, если вам Ваша политическая совесть не позволяет принять участие в этой народной войне лично, то относитесь более терпимо к тем нашим товарищам, которые не разделяют вашей точки зрения на переживаемый тяжелый исторический момент и которые желают хотя бы малую часть народной тяготы взвалить на свои собственные плечи».[2]

Большевики стремились активно использовать устную пропаганду и агитацию, давая поручения членам партии, мобилизованным на фронт, которые, как правило, доблестно воевали, чтобы заслужить авторитет и у командования, и у товарищей по службе. По данным Департамента полиции только на Рижском участке фронта насчитывалось до 3000 нижних чинов, хорошо инструктированных представителями Петроградского комитета.[3]

По подсчетам советских историков, в войсках действовали 150-160 большевистских военных организаций, кружков и групп.[4] Однако, ныне эта цифра подвергается сомнению. Л.М. Лысенко на основании собственных подсчетов считает, что к 1917 году насчитывалось только 5 военных организаций большевиков, не считая кружков и групп.[5] На наш взгляд, этот вопрос требует дальнейшего специального исследования.

Принимали участие в формировании политического сознания армии и меньшевики. В своих прокламациях, обращениях, воззваниях они утверждали в сознании действующей армии необходимость защиты Отечества.[6] Во многих воззваниях красной нитью проходил лозунг мира, мира не сепаратного, а полного, открыто установленного,[7] мира без аннексий и контрибуций.[8] Так, в одном из писем с фронта говорится: «...в полк приезжали представители рабочих с подарками. В ре-

---

[1] Там же. С.410, 412.
[2] ГА РФ. Ф.1807. Оп.1. Д.327.
[3] См.: Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903-1917 гг. М., 1974. С.185.
[4] См.: Голуб П.А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. С.78.
[5] 1917 год в исторических судьбах России. С.59.
[6] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1915. Д.343. Отд.3 прод. Л.1 об., 245.
[7] РГАСПИ. Ф.451. Оп.1. Д.98. Л.8.
[8] Там же. Д.108. Л.2.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

чи один из них сказал: если вы слабы, если вы не можете уничтожить немца, то хоть заключите с ним мир без контрибуций.[1]

ОК меньшевиков в октябре 1914 года выпустил пацифистскую листовку «Война и пролетариат».[2] В дальнейшем ОК издал еще две листовки – одну в связи с арестом большевистских депутатов Думы, вторую – в начале сентября 1915 года «В огне мирового пожара», где проводилась мысль о том, что спасение страны требует свержения существующего правительства.[3] В политический актив фракции Чхеидзе можно занести выпуск восьми номеров газеты «Северный голос» и несколько антивоенных прокламаций с лозунгами «Долой войну!», «Да здравствует мир!».[4] Меньшевики своих организаций в армии не имели.[5]

Более активную позицию по отношению к армии, по сравнению с меньшевиками, занимали социалисты-революционеры.[6] Известный историк эсеровского движения М. Мелансон опровергает традиционный взгляд на эсеров как на плохо организованную и слабую партию. Он доказывает, что в ходе Первой мировой войны социалисты-революционеры действовали активно и играли заметную, а часто и решающую роль в революционном движении, тесно взаимодействовали с другими революционными группами. Автор отмечает особую активность эсеров в агитационной работе на фронте и в тылу, куда они «бросают лучшие силы».[7]

Эсеры призывали вести «организационную работу», чтобы после окончания конфликта «выступить во всеоружии вместе с армией против врагов трудового народа» и ставили задачи свержения самодержавия и прекращения войны.[8] Во многих эсеровских прокламациях был призыв к солдатам «обратить оружие с врага внешнего на врага внутреннего»,[9] поднять одновременное вооруженное восстание войск и трудового народа.[10] Социалисты-революционеры снабжали революционной литературой местные гарнизоны, а также многочисленные госпитали и больницы, где находились на излечении раненые.[11] Существенную помощь российским

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.703. Л.209.
[2] См.: Непролетарские партии России. С.196.
[3] См.: Интернационал и война. 1915. №1. С.144-145.
[4] См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С.60.
[5] См.: Минц И.И. Указ. соч. С.302.
[6] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1915. Д.343. Отд.2с. Л.78 об.
[7] Melanson M. Op. cit. P.3.
[8] ГА РФ. Ф.1741. Оп.1. Д.15895. Л.1.
[9] Там же. Д.15927.
[10] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1915. Д.343. Отд.2с. Л.78 об.
[11] Melanson M. Op. cit. P.124; Тютюкин С.В. Указ. соч. С.74.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

социалистам-революционерам оказывали украинские, которые «посылали из-за границы пропагандистов влиять на население и войска в южной России».[1]

Широко было известно в войсках письмо П. Шарова, где обосновывались цели и лозунги восстания в армии, всесторонне разрабатывались стратегические, тактические и организационные вопросы его проведения.[2] В апреле 1916 года в количестве несколько сот экземпляров прокламацию «К солдатам» составил прапорщик В.В. Сахаров, приезжавший с фронта.[3] Эсеровские эмиссары в войсках отмечали, что проведение агитации среди солдатской массы являлось «делом затруднительным вследствие малосознательности их», поэтому приходилось «разыскивать слабые стороны солдатской жизни…и играть на этом, а уже потом переходить к агитации революционной».[4] За вторую половину 1914 года левыми эсеровскими организациями и группами было выпущено 15 антивоенных листовок. В 1915 году число таких прокламаций возросло до 37, а в 1917 году – до 42.[5]

Чтобы «полевевший» народ, по словам В.М. Зензинова, «подогреть печатным словом»,[6] до февраля 1917 года отдельные группы эсеров в Москве имели собственные типографии. [7] В период войны была попытка организации выпуска легального издания. Так, московские эсеры начали выпуск «Народной газеты»[8] (первый номер вышел 15 ноября 1915 года). Несмотря на оборонческий характер и умеренность содержания газета была закрыта уже 19 декабря 1915 года.

Эсеры активно работали и среди военнопленных русской армии. Уже в июле 1915 года Кларанская группа содействия партии социалистов-революционеров организовала доставку книг в лагеря русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии.[9] В октябре 1915 года для расширения связей с лагерями военнопленных с целью высылки туда как легальной, так и нелегальной литературы была создана специальная комиссия.[10] Наибольшую активность проявил находящийся в Женеве «Комитет интеллектуальной помощи русским военнопленным», который с января 1916 года начал издавать специальный журнал для военнопленных «На чужбине», [11] который читали «с наслаждением».[1] К концу 1916 года различные комитеты об-

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.703. Л.205.
[2] Там же. Л.315-319.
[3] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1916. Д.9. Ч.55. Лит. «Б». Л.31-32.
[4] Там же. Ч.46. Лит. «Б». Л.66 об., 78 об.
[5] См.: Первая мировая война. М., 1968. С.324, 328.
[6] ГА РФ. Ф.102. Оп.247. Д.9. Ч.46. Лит. «Б». Л.1-1 об.
[7] Там же. Оп.245. Д.9. Ч.46. Лит. «Б». Л.84, 93 об.
[8] См.: Народная газета. 1915. №№1-29.
[9] ГА РФ. Ф.102.ДП.00. 1915. Оп.245. Д.9. Ч.1с. Л.57.
[10] Там же. ДП.00. 1915. Д.9 Ч.2. Л.185-186.
[11] См.: Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886-1916. Изд. 2-е. Пг., 1918. С.540.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

который читали «с наслаждением».[1] К концу 1916 года различные комитеты обслуживали около 100 лагерей, где насчитывалось до 400 кружков с числом участников от 300 до 400 человек.[2]

Вопреки распространенному мнению, что эсеры «не имели систематически работавших в армии организаций»,[3] в феврале 1916 года увидело свет обращение Северной военной организации партии социалистов-революционеров к солдатам и матросам. Авторы воззвания призывали к созданию революционных организаций на местах: в ротах, батареях, на судах в целях последней борьбы с самодержавием.[4] Обращение Северной военной организации получило довольно широкий резонанс и распространение и в действующей армии.[5]

Активную роль в антивоенной пропаганде играли межрайонцы. [6] За годы войны небольшая, но дееспособная организация межрайонцев выпустила около 20 антивоенных листовок.[7]

Анализ архивных документов показывает, что, в отличие от крайне малозаметной деятельности октябристов и прогрессистов, практическая работа конституционных демократов в годы войны была зримо направлена на повышение боеспособности армии и флота и осуществлялось в следующих формах: руководство и активное участие в деятельности Земгора по оказанию помощи раненым и больным военнослужащим; снабжение армии; участие в работе военно-промышленных комитетов; работа в особых совещаниях по обороне государства, топливу, транспорту; партийная работа.

Несмотря на затруднения, связанные с военной обстановкой, кадетское руководство призывало местные партийные организации активизироваться. На съезде, общепартийных конференциях, заседаниях ЦК и областных съездах обсуждалась система мер, направленных на оживление партийной жизни в стране. В ходе этих обсуждений выявились три точки зрения.

Убежденное, что их партия может успешно работать только в легальных условиях, правое крыло кадетов считало, что на нелегальном поприще «ей никогда не угнаться за революционными и социалистическими партиями».[8] С этой оцен-

---

[1] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1916. Д.335. Т.1. Л.234 об.
[2] Там же. Л.33 об-34.
[3] См.: Минц И.И. Указ. соч. С.302.
[4] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.17. Л.4-5.
[5] ГА РФ. Ф.ДП.00. 1916. Д.9. Ч.55. Л.2, 3.
[6] См.: Памятники... Т.4. С.81.
[7] См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С.266.
[8] Русская мысль. 1916. №3. С.34.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

кой был согласен и кн. П.Д.Долгоруков. [1] Правые кадеты подчеркивали, что основной источник силы кадетской партии все же заключается «не в стране, не в союзах или кооперативах», а, прежде всего в Государственной думе и законодательной работе.[2] Учитывая предшествующий опыт агитационно-пропагандистской работы в массах, кадетское руководство проводило центристскую линию. П.Н. Милюков советовал вести работу там, где есть «еще не определившиеся массы, и давать им свои организации».[3] По его мнению, работа в них «создает удобный повод для желательного возбуждения местных организаций».[4] В свою очередь немногочисленная группа левых кадетов считала необходимым не только не порывать, но, наоборот, расширять и укреплять контакты с левыми партиями и организациями, согласовывать с ними действия либеральной оппозиции. [5]

На заседаниях ЦК неоднократно обсуждались вопросы воздействия на массовое политическое сознание самых многочисленных социальных слоев населения страны. В сентябре 1915 года ЦК избрал специальную комиссию под руководством В.А. Степанова для контактов с рабочими, но была ли реализована эта попытка, сказать трудно, ибо на заседаниях ЦК к этому вопросу больше не возвращались.[6] 15 сентября 1915 года В.И. Вернадский предложил обратиться к рабочим со специальным воззванием, в котором предполагалось дать разъяснение позиции кадетов по отношению к роспуску Думы и правительственному курсу. Однако большинство присутствовавших высказалось против публикации воззвания к рабочим, считая это «рискованной мерой».[7]

Практически мало что было сделано кадетами и в отношении деревни. Представители местных организаций считали необходимым выдвинуть программный лозунг принудительного отчуждения помещичьих земель. Однако большинство ЦК кадетов самым категорическим образом высказалось против выдвижения этого лозунга во время войны. [8] В марте 1916 года охранкой была зафиксирована попытка левых кадетов во главе с Д.И.Шаховским, воссоздать Всероссийский крестьянский союз.[9]

---

[1] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.9. Л.31 об-32 об.
[2] Там же. Оп.1. Д.32. Л.144 об; Оп.3. Д.9. Л.69 об.
[3] Там же. Оп.3. Д.15. Л.58.
[4] Там же. Л.58 об.
[5] Там же. Л.192 об.
[6] Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы первой мировой войны. // Вопросы истории. 1996. №7. С.133-134.
[7] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.32. Л.198.
[8] Там же. Д.18. Л.19.
[9] Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы первой мировой войны. С.134.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Сильно было влияние кадетов в кооперативном движении, масштабы которого неизмеримо возросли в годы войны. [1] По инициативе кадетов в конце 1915 года в Москве была заложена основа для создания потребительского общества «Кооперация». В январе 1916 года председателем совета этого общества был избран Шаховской.[2] Руководящая роль кадетам принадлежала также в Обществе помощи жертвам войны (председатель – член ЦК Ф.А. Головин), в Обществе помощи полякам – жертвам войны (председатель – член ЦК А.Р. Ледницкий), в Самарском обществе «Самопомощь» (Н.А. Гладыш) и т.д. Под идейным влиянием кадетов находились журналы «Кооперативная жизнь» и «Вестник кооперации».[3]

Документы свидетельствуют, что члены партии народной свободы принимали самое деятельное участие в оказании всесторонней помощи действующей армии. На совместном заседании ЦК партии и членов думской фракции П.Н. Милюков потребовал в первую очередь от членов ЦК выполнения следующих срочных задач: во-первых, обеспечить армию и флот всем необходимым: вооружением, боеприпасами, военной амуницией, продовольствием и др.;[4] во-вторых, сплотиться еще теснее в деле защиты Отечества;[5] в-третьих, объединить все силы и средства для победоносного завершения войны.[6] На заседании ЦК уже 26 августа 1914 года была принята резолюция «О работе по принятию раненых, прибывающих в Санкт-Петербург». [7] На конференции в июне 1915 года в резолюции «О пособиях увеченным войной» также указывались конкретные меры помощи. [8]

Внушительное число кадетских лидеров - П.П. Гронский, В.А. Маклаков, В.А. Харламов, П.В.Герасимов, П.Б. Струве, И.П. Демидов, В.П. Обнинский, С.А.Котляревский и другие[9] - принимало участие в работе земских учреждений различного типа. Более значительным и активным[10], чем в ВЗС, было участие кадетов в организации и деятельности ВСГ, к которому к 1917 году присоединилось 474 города, а число служащих достигло 40 тыс. человек. При ВСГ существовал специальный комитет «Война и культура», организовывавший в провинции лекции

---

[1] Там же. С.133.
[2] Там же. С.135.
[3] Там же.
[4] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.546. Л.19.
[5] Там же. Л.21.
[6] Там же. Л.27.
[7] Там же. Ф.523. Оп.2. Д.8. Л.56.
[8] Там же. Л.32.
[9] Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы первой мировой войны. С.135.
[10] Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1991. С.184.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

на военно-патриотические темы Милюкова, Шингарева, Котляревского, Струве и других кадетских лидеров.[1]

Лидеры партии принимали активное участие в организации и деятельности военно-промышленных комитетов всех уровней. В состав руководства ЦВПК входили Н.Н. Кутлер, Д.С. Зернов, Н.К. Волков.[2] Кадеты активно работали в совещаниях по обороне, топливу, перевозкам. Современники высоко оценивали их деятельность в этой области.[3]

В годы войны начал складываться опыт общения членов партии народной свободы с солдатами и офицерами действующей армии в ходе посещения ими фронтов. Поездку на фронт совершил член ЦК кн. П.Д. Долгоруков, который на заседании ЦК 21 декабря 1914 года поделился впечатлениями о посещении 3-й армии. [4] Побывал на фронте и член ЦК Н.В. Некрасов. Он охарактеризовал инженерно-техническую сторону армии как «крайне слабую», заявив, что «все же русская армия идет вперед, благодаря солдатскому духу».[5]

Какие же имелись в распоряжении либералов средства и каналы идеологического воздействия на массы? Прежде всего, им удалось сохранить (а в ряде случаев и увеличить) число своих центральных периодических изданий. В рассматриваемые годы возникла серия новых журналов и газет, были выпущены специальные сборники[6].

Несмотря на запреты правительства, кадеты продолжали вести, правда, в сравнительно ограниченных размерах, лекционную пропаганду. Лидеры кадетской партии выступали не только в столицах, но и выезжали на периферию. Значительную лекционную работу кадеты проводили в Вольном экономическом обществе, Обществе грамотности, университете Шанявского и т.д.[7] В печати и лекционной пропаганде идеологи и политики кадетов основной акцент делали на необходимости доведения войны до победного конца, что позволило бы решить целый комплекс проблем, связанных с национальными задачами России и всего славянства. В годы войны партия кадетов на страницах печати неоднократно поднимала и вопро-

---

[1] Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы первой мировой войны. С. 135.
[2] Там же. С.133.
[3] См.: Гаврилов Л.М. Русская армия накануне Февральской революции. // Исторические записки. 1986. Т.114. С.48-49;Журналы Особого Совещания по обороне государства. 1916. М., 1977. Кн.4. С.247.
[4] ГА РФ. Ф.523. Оп.1. Д.32. Л.119.
[5] Там же.
[6] См.: Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы первой мировой войны. С.132.
[7] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сы изучения военной истории, тактики, военной психологии, развития военной науки.[1]

В июне 1915 года кадетам удалось восстановить деятельность своего бюро провинциальной печати, закрытого в сентябре 1914 года. По инициативе и на средства Шаховского в 1914 году в Москве некоторое время издавалась газета «Защита», имевшая около тысячи подписчиков. Именно ее левые кадеты и предлагали превратить в народное издание. 9 октября 1914 года на заседании ЦК А.А. Корнилов заявил, что «без подобных изданий партии никогда не удастся сколько-нибудь широко опереться на народные массы»,[2] но фактически ЦК отказал газете в материальной поддержке, и вскоре «Защита» прекратила свое существование.[3]

Особо значимую роль в пропаганде идеи войны до победного конца, мобилизации российских граждан сыграла партийная газета «Речь». [4] Периодически на страницах «Речи» печатались воззвания партии, связанные с войной. [5] Несомненный интерес представляли размышления П.Н. Милюкова и Н.А. Гредескула о мире, анализ европейской войны и роли России в ней, сильных и слабых сторонах противников России.[6] Оригинальной представляется статья В. Бурцева «Не самооборона, а война до конца», в которой анализируется отношение различных политических партий к войне. [7] Кроме того, на страницах газеты опубликовывались воззвания Верховного Главнокомандующего «К русскому народу»,[8] выступления членов партии народной свободы на заседаниях особого совещания по обороне и другие материалы. Всего за 31 месяц войны с 19 июля 1914 года по 28 февраля 1917 года «Речь» опубликовала 671 статью по военной проблематике.[9]

В годы войны проявился высокий уровень организационной и теоретической деятельности П.Н. Милюкова. Он принимал участие в ряде совещаний с представителями военного ведомства по вопросу военных возможностей России и ее союзников,[10] разработал положение об организации Главного управления по снабжению армии, готовил записки по реформированию Главного артиллерийского

---

[1] См. например: Офицерская жизнь. 1914. №1. С.3-12.
[2] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.15. Л.165, 38.
[3] Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С.195-196.
[4] См.: Речь. 1914. 26 июля, 5, 10, 18, 25 августа, 17, 18, 24, 29 сентября, 13 октября, 10 ноября, 14 декабря и др.
[5] Речь. 1916. 24 февраля.
[6] Речь. 1914. 11 октября, 14, 19 ноября, 24 декабря и др.
[7] Речь. 1916. 19 июля.
[8] Речь. 1914. 5 августа.
[9] Подсчитано автором по газете «Речь» с 19 июля 1914 года по 28 февраля 1917 года.
[10] ГА РФ. Ф.579. Оп.2. Д.8. Л.30.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

управления,[1] выступал на заседаниях Государственной думы, предлагал конкретные меры по укреплению власти Верховного Главнокомандования.[2] В фондах П.Н. Милюкова насчитывается более 250 документов,[3] связанных с анализом российской армии в годы Первой мировой войны.

Обосновав факторы, которые воздействовали на массовое сознание действующей армии, необходимо выделить социальные показатели, которые раскрывали бы состояние профессиональной деятельности военнослужащих через их отношение к ней. М.А. Иностранцев предлагал отнести к ним храбрость, доверие к начальникам, патриотизм, уровень дисциплины, уверенность или упадок духа и др.[4] Однако эти показатели, с одной стороны, сравнительно недостаточно отражают профессиональные качества армии, а с другой – многие из них практически не подвергаются социологическому анализу. Автор считает целесообразным за систему подобных социальных индикаторов взять те, которые были разработаны генералом Головиным в его работах, посвященных Первой мировой войне,[5] и которые с неменьшим успехом могут использоваться и при анализе современных войн.

К числу основных показателей необходимо отнести соотношение потерь убитыми и ранеными действующей армии и потерь пленными.[6] Таблица показывает, что причину, вызвавшую изменение в соотношении потерь убитыми и ранеными и потерь пленными надо искать на рубеже второй и третьей кампаний. Этой причиной нельзя назвать качественное улучшение армии, но, вероятно, ее надо искать в изменении характера войны, которая приобрела позиционный характер. На рубеже 5 и 6 кампаний происходит новый резкий перелом, который связан с влиянием революции. «Стойкие войска, - подчеркивает Н.Н. Головин, - могут потерять большое число пленных, но только при большой жертве кровью; этим они и отличаются от плохих войск, в которых сдача в плен происходит уже в боевых действиях малого напряжения».[7]

Из таблицы [8] о взаимоотношении потерь убитыми и ранеными и потерь пленными у офицеров и солдат можно сделать вывод, что офицерский состав сражается доблестнее, нежели солдатская масса. В офицерском составе при 10 убитых

---

[1] Там же. Д.206. Л.1-2.
[2] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.8. Л.30.
[3] Подсчитано автором на основе: ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.Д.2060-2315.
[4] ГА РФ. Ф.5960. Оп.1. Д.11. Л.21.
[5] См.: Golovin N.N. The Russian army in the world war; Он же. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938; Он же. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939.
[6] См.: Приложение 3.
[7] Головин Н.Н. Указ. соч. №2. С.62.
[8] См.: Приложение 4.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

и раненых попадает в плен чуть менее двух, в солдатском составе сдается в плен от четырех до пяти. Среди различных родов войск наименьший процент пленных дали казаки и гвардия.[1]

Взаимоотношение потерь убитыми, ранеными и пленных среди призывников различных губерний России показывает, что наибольший процент потерь пленными у призывников Ковенской губернии – 67%. Людские же потери области Войска Кубанского составляют 85% потерь убитыми и ранеными и всего лишь 15% пленными.[2] По вычислениям генерала Головина лучше всех дрались русские народности; из них на первом месте казаки и малороссы, затем – великороссы и на последнем – белоруссы.[3]

Другим не менее важным показателем уровня сознания действующей армии является количество бежавших из плена военнослужащих. По данным одного из членов рейхсархива майора Франца, из общего количества русских пленных в Германии 1400000 человек в 1914-1918 годах бежали 442 офицера и 259825 нижних чинов, т.е. бежал каждый седьмой, что убедительно опровергает довольно распространенное мнение о малоразвитом чувстве любви к Родине в русских народных массах. Число не пойманных достигало 24 офицерских и 60295 нижних чинов.[4]

Эмпирическим индикатором массового сознания армии служит «заболеваемость» войск. Сюда включается количество реальных больных и раненых, а также симулянтов и членовредителей. За первые 29 месяцев войны число не возвратившихся больных составляло 726000, или около 25000 человек в месяц. Возвращаемость офицеров составляла 92,4%, солдат – 75,5%.[5] Таким образом, дезертирство под предлогом болезни до февраля 1917 года не было распространенным явлением и не превосходило размеров уклонения в армиях союзников.

Важнейшим показателем сознания действующей армии является уровень дезертирства в ней.[6] С начала войны и до февраля 1917 года из армии дезертировало 195130 человек или 6346 человек в месяц,[7] что в несколько раз ниже упоминаемых М.В. Родзянко полутора миллионах дезертиров[8] с фронта.

---

[1] См.: Приложение 5.
[2] Родина. 1993. №8-9. С.65.
[3] ГА РФ. Ф.5956. Оп.1. Д.13. Л.76.
[4] См.: Головин Н.Н. Указ. соч. №2. С.57.
[5] См.: Головин Н.Н. Указ. соч. №4. С.27.
[6] См.: Приложение 6.
[7] См.: Головин Н.Н. Указ. соч. №4. С.29.
[8] См.: Архив русской революции. Т.6. С.41.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

И, наконец, интегрированным показателем массового сознания армии можно считать содержание писем, которые могут быть сведены в такую, например, таблицу,[1] а также сводки цензуры, которая охватывала значительную часть армейской переписки. Только на Западном фронте было более 800 цензоров, а в отдельной армии просматривалось более 600 тыс. писем в месяц.[2]

Представляет значительный научный интерес эволюция массового политического сознания действующей армии в ходе кампаний, проводившихся с начала войны и до февраля 1917 года, главными составляющими которого были вопросы о власти, войне и мире, земле.

Отношение армии к войне было своеобразным. «Кадровый состав встретил объявление войны уверенно и спокойно, - пишет генерал Ю.Данилов. – Хотя русский народ не был введен в психологию начавшейся войны, но твердое настроение кадровой армии мирного времени передалось всей массе призванных, и этим создался в армии в начале войны общий порыв».[3] К такому же выводу пришел и писатель А.И. Куприн, работавший в приемной комиссии одного из уездов Петроградской губернии. [4] По мнению генерала В. Драгомирова, «первоначальный состав армии, с которым она выступила на войну, представлял из себя грозную силу.... Общее воодушевление охватывало все элементы и объединяло их».[5] К стимулам, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, относились социальный инстинкт самосохранения, разбуженный в народе Германией, сочувствие к единокровному и единоверному обиженному младшему сербскому брату, своего рода чувство национального рыцарства, энтузиазма по отношению к союзникам.[6] Хотя было и более трезвое отношение. [7]

Для подавляющего большинства офицеров победа в войне была смыслом всей жизни. [8] По воспоминаниям генерала А. Нокса, молодые русские офицеры, зная, что австрийцы воюют намного хуже немцев, боялись только одного, чтобы их не послали воевать с австрийцами, что помешает им разгромить пруссаков.[9]

---

[1] См.: Приложение 7.
[2] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.897. Л.692.
[3] Данилов Ю.Н. Указ. соч. №1 0. С.77.
[4] См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. В 5 ч. 12 кн. Париж, 1937. Ч.1. Кн.1. С.80.
[5] ГА РФ. Ф.5956. Оп.1. Д.35. Л.48 об.
[6] См.: Головин Н.Н. Указ. соч. №9. С.39, 42.
[7] См.: Мэсси Р. Указ. соч. С.248.
[8] Родина. 1996. №9. С.59; Архив русской революции. Т.10. С.211.
[9] См.: Мэсси Р. Указ. соч. С.268-269.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Хотя отдельные авторы и считают, что «к царствующему императору народ относился безразлично, но обаяние царского имени стояло высоко»,[1] идеи монархизма и любви к Отечеству в начальный период войны были доминирующими в массовом политическом сознании действующей русской армии. Ю.Н. Данилов, подчеркивая это, писал: «Любить Родину, это значило любить ее монарха, такова была упрощенная форма патриотизма большинства русских людей того времени».[2]

Эти чувства довольно долго вдохновляли солдат.[3] «Мы защищаем Царя и Отечество и стремимся, во что бы то ни стало покончить с нашим злоумышленным врагом,...чтобы он знал, что такое русский штык четырехгранный»,[4] - таков был лейтмотив большинства писем с фронта. «Несмотря на громадные потери в некоторых полках до 75%, все дерутся как львы»,[5] - писал командующий Западным фронтом генерал Эверт жене в 1914 году.

Однако, по мере того как реальность современной войны внедрялась в массовое сознание, рабочие, крестьяне и интеллигенция, призванные в армию, постепенно теряли свой первоначальный энтузиазм, демонстрируя, хотя и немногочисленные, но и другого рода примеры.[6] Как вспоминает М.В.Родзянко, «в одном из полков в битве под Гельчевым 26 августа 1914 года после боя оказалось налицо только 1500 человек из трех с половиной тысяч, но через три дня к кухням собралось еще вполне здоровых 1500 человек. Та же картина произошла после боя в одном из полков под Краковым».[7] Уже к концу 1914 года началось групповое, плавно перетекавшее в массовое, дезертирство.[8] Отмечались случаи, когда солдаты сдавались в плен без сопротивления и даже добровольно. Иногда сдавались в плен и целые подразделения, от нескольких рот до полка.[9] «Чем больше будете сдаваться в плен, тем лучше, скорее кончится война», - говорится в одном из перехваченных писем из плена однополчанам.[10]

Оценивая в целом состояние русской действующей армии к концу 1914 года, генерал В. Драгомиров не без оснований считает, что «армия сохранила свой наступательный дух, но утомление уже сказывалось, ...первоначальное воодушевле-

---

[1] См.: Керсновский А.А. Указ. соч. Т.3. С.254.
[2] Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С.17.
[3] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.6375. Л. 41об, 46, 83-83 об.
[4] Царская армия в период первой мировой войны и Февральской революции. Казань. 1932. С.17.
[5] ГА РФ. Ф.5956. Оп.1. Д.5. Л.109.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.704. Л.24 об-25.
[7] Архив русской революции. Т.6. С.41.
[8] РГВИА. Ф.2620. Оп.2. Д.64. Л.698.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.784. Л.5, 122.
[10] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.703. Л.103.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ние пропало. Коренных наследственных чувств ненависти к противнику (особенно к австро-венгерцам) не было, как не было ясного сознания своих племенных и национальных задач. Стремление к победе, слава и народная гордость еще манили лучших людей за собой, но большинство уже тяготилось риском, сопровождавшим эти достижения, а неумолимая действительность, как будто оправдывала не первых, а последних».[1]

Начало 1915 года действующая армия встретила несколько в подавленном состоянии. Из войск в большом количестве стали поступать письма прямо Главнокомандующему с критикой непосредственного командования, сам факт появления которых являлся ярким признаком падения доверия к начальникам и падения дисциплины.[2] Так, в письме из действующей армии сообщалось, что офицеры «совершенно распустились, только у них и на уме – уехать домой, ни малейшего чувства долга, ни малейшего желания продолжить войну, они мирятся с тем, что германцы оставляют за собою завоеванные части нашей Империи».[3]

Крайне негативные тенденции просматриваются и в мыслях высшего командного состава. У генерала Рыльского вера в свои силы подорвана, но надежда на окончательную победу не утеряна.[4] Командир XXIX корпуса генерал Зуев надежды не потерял, хотя действительность рисует мрачными красками.[5] Окончательно изверился в армии и потерял голову начальник штаба Верховного Главнокомандования, который пишет военному министру генералу Поливанову: «Как тонущий хватается за соломинку, ищу спасения тяжелому положению в ряде мер».[6] И, наконец, паникует и сам военный министр. В речи на заседании Совета Министров 16 июля 1915 года он говорит: «Отечество в опасности,...отступление принимает характер панического бегства.... Вера в конечный успех и в вождей подорвана. Заметны все более грозные признаки деморализации...».[7]

Все же большинство офицеров действующей армии на ход и исход войны смотрели оптимистично. По воспоминаниям генерала А. Нокса, даже после падения Варшавы 5 августа 1915 года офицеры Преображенского полка еще имели силы шутить: «Мы будем отступать до Урала, - объясняли они, - и к тому времени в преследующей нас вражеской армии останется по одному австрийцу и одному

[1] ГА РФ. Ф.5956. Оп.1. Д.35. Л.48 об.
[2] Головин Н.Н. Указ. соч. №10. С.60.
[3] РГВИА. Ф.2152. Оп.1. Д.1192. Л.134.
[4] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.1. С.144.
[5] Там же. С.144-145.
[6] Там же. С.145.
[7] Там же. С.146.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

немцу. Австриец, как обычно, сдастся в плен, а одного немца мы как-нибудь убьем».[1]

Весной 1915 года отмечаются первые братания, которые носят эпизодический характер. Солдаты угощали друг друга папиросами, сигаретами, обменивались деньгами, часами и другими вещами. По свидетельству очевидца, такие собрания продолжались два дня, но начальство обеих сторон запретило их под страхом военного суда.[2]

Огромные потери в летней кампании 1915 года (1410000 убитыми и ранеными, 976000 пленными)[3] крайне тяжело отразились в массовом сознании страны и армии. [4] По мнению А.А. Керсновского, если июнь (1915 года – А. Ч.) месяц был месяцем кровавых потерь, то август 1915 года можно назвать месяцем массовых сдач.[5] В. Шульгин указывает на дивизию, которую называли «беговым обществом» - так она активно участвовала в боях.[6] И если офицерский корпус по-прежнему был настроен на войну до победы, то средний солдат, не решаясь идти на риск сурового наказания из-за бунта, больше был склонен к самострелу, добровольной сдаче в плен, симуляции и дезертирству в тыл.[7] Дезертирство, особенно в эшелонах, едущих на фронт, достигало 25%.[8]

В начале 1915 года из действующей армии приходили письма, в которых солдаты писали родным, что со дня на день ждут объявления о мире.[9] Обращаясь к депутатам А.Ф. Керенскому и Н.С. Чхеидзе, из армии требовали заключить мир свыше, ибо будет хуже, если он будет потребован или сделан снизу, тогда солдатам остается надеяться на самих себя.[10] Высказывались и такие мысли: «Все должно быть для народа, тогда и народ будет для войны. При старых правах Россия не мать, а мачеха, а при новых – обновленная Россия вышвырнет немцев из своих пределов и разобьет их полчища».[11] Когда закончилось отступление, и генерал Алексеев привел все в порядок, настроение в армии стало улучшаться.

---

[1] Цит. по: Мэсси Р. Указ. соч. С.272.
[2] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1093. Л.29.
[3] См.: Приложение 2.
[4] Пирейко А. Указ. соч. С.30.
[5] См.: Керсновский А.А. Указ. соч. Т.3. С.306.
[6] См.: Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. С.33.
[7] Wildman Allan K. The End of the Russian Imperial Army. Princeton University Press, 1980.P.115.
[8] Golovin N.N. The Russian army in the world war. P.122; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.704. Л.103 об.
[9] ГА РФ. Ф.102. 1915. Оп.265. Д.1042. Л.141.
[10] ГА РФ. Ф.1807. Оп.1. Д.327. Л.220 об.
[11] РГВИА. Ф.2152. Оп.1. Д.1191. Л.4 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Уже в августе 1915 года, по данным цензуры, отличительной чертой всех офицерских и солдатских писем, является хладнокровное отношение к неудачам и твердая решимость и желание воевать дальше.[1] В письме из армии А.Ф.Керенскому его убедительно просили сказать правду о войне: «Отечество в опасности.... Только правда может вернуть исчезающее одушевление войною, вызвать к действию творческие силы народа и направить его героические усилия к спасению Отечества. Обман народа – почва для революции».[2]

Характерной чертой конца 1915 года является то обстоятельство, что, по сведениям цензуры, «письма социалистического характера явление слишком исключительное, чтобы оно могло служить характеристикой».[3] Внимательные же наблюдатели уже замечают, что «любовь к родине отходит во внутреннем сознании все дальше, и у многих миллионов совершенно атрофировалась, заменившись самым свинским эгоизмом».[4] В отчете военно-цензурного отделения Юго-Западного фронта за первую декаду ноября 1915 года отмечалось, что «пожелания мира продолжают высказываться в значительном количестве писем всех армий.... В последнее время в армию проникают мысли о социальных переменах».[5] По данным департамента полиции, «в настоящее время среди солдат на передовых позициях царит крайнее недовольство современным положением дел в России». [6]

Кроме этого, на основании данных цензуры, высвечивалось еще одно негативное обстоятельство. Обычно цензура выделяла две категории писем: бодрые и угнетенные. Однако, там, где цензоры начали выделять еще и «безразличные» письма, эта категория явно преобладала: в XII армии она составила около 90%.[7] Тенденция роста их весьма многозначительна. Действующая армия свыклась с войной, воспринимая ее, с одной стороны, как неизбежность, с другой – все менее «замечая» ее. Зинаида Гиппиус видела корень всех бед в «темных массах народа, который не понимает, куда его гонят, который способен лишь выполнять приказы свыше, подчиняясь слепой инерции». [8] Возможно, это естественный спутник пози-

---

[1] РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.1184. Л.5; Ф.2003. Оп.2. Д.704. Л.39; Ф.2003. Оп.1. Д.1486. Л.22.
[2] ГА РФ. Ф.1807. Оп.1. Д.327. Л.16.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1486. Л.53.
[4] Лемке М. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С.183; Чаадаева О.Н. Армия накануне Февральской революции. М., 1935. С.66.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1486. Л.12а-12б.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.703. Л.184.
[7] РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.1181. Л.54. Это письма, совершенно игнорирующие боевую жизнь и интересующиеся только личными и домашними делами.
[8] Гиппиус З. Синяя книга: петербургский дневник, 1914-1918 гг. Белград, 1929. С.30.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ционной, зашедшей в тупик войны, однако он сопряжен с ослаблением боевого духа войск.

Более того, иностранные наблюдатели обнаружили и другую тенденцию. В отчете военному кабинету лорд Милнер писал: « В России господствует заметное разочарование в войне. Как бы пренебрежительно ни относились в России к человеческой жизни, огромные потери России (6 миллионов русских убито, взято в плен или покалечено) начинают сказываться на народном сознании».[1]

С осени 1915 года в настроении армии стали просматриваться тревожные симптомы. Прежде всего, недовольство «тылом», под которым понималась деятельность правительства. Это готовило почву в армии для слухов о бездарности, злоупотреблениях и измене в верхах страны.[2] Армия, морально восстановившись в военном отношении, в политическом отношении представляла собой разболевшийся организм, к которому легко может привиться любая болезнь. Показательно, и это подмечено цензорами и бытописателями армии, что внимание окопников все более переключается на события в тылу. Первая трещина раскола армии пролегла не между барином-офицером и мужиком-солдатом, а по линии «фронт – тыл».[3] По словам генерала Головина, «армия все больше и больше превращается в резонатор, в котором всякое революционное настроение тыла находит быстрый и многократный отзвук».[4]

На второй год войны в массовом политическом сознании армии с особой остротой встал вопрос о земле.[5] Департамент полиции сообщал, что во всех толках крестьян о войне сейчас красной нитью проходит надежда..., что по окончанию войны, участники ее щедро будут наделены землею, и, что разнообразные слухи об этом «находят полную веру в рядах армии».[6] Чтобы как-то умилостивить солдат, генерал Янушкевич безуспешно пытался убедить правительство в необходимости издать указ, согласно которому каждый ветеран войны после победы мог рассчитывать на надел земли в 10 десятин.[7]

Другим, не менее тревожным симптомом, было разочарование в союзниках. В солдатских массах стала расхожей такая фраза: «Союзники решили вести войну

---

[1] Цит.по: Уткин А. И. Первая мировая война. С.467.
[2] РГВИА. Ф.2122. Оп.1. Д.964. Ч.1. Л.48.
[3] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.904. Л.9.
[4] Головин Н.Н. Указ. соч. №11. С.54.
[5] Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань., 1932. С.32; ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.6367. Л.59-59 об.
[6] Цит. по: Граве Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М., 1926. С.211.
[7] Пайпс Р. Указ. соч. Т.1. С.247.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

до последней капли крови русского солдата».[1] Это впоследствии признавали и сами союзники. [2] По мнению Н.Н. Головина, значительная часть вины в таком состоянии дел, лежит и на самой России. «Наше Верховное Главнокомандование в своем руководстве русскими армиями проявляло по отношению к своим союзникам такую высокую степень жертвенности, которая переходила границы национальных интересов»,[3] - писал он.

Подверглась трансформации и монархическая идея в массовом политическом сознании действующей русской армии, что объяснялось, в первую очередь, тяготами войны. [4] Но страшным для страны обстоятельством становится то, что крестьянин, мужик впервые начинает изменять вековой привычке бестрепетно сражаться за царя и Отечество. На основании этих обстоятельств, американский историк делает следующий вывод: « Впервые в русской истории ее солдаты-крестьяне лишились желания сражаться за царя и страну, которые не давали им ничего взамен. Жизнь на фронте не приносила славы, она приносила лишь смерть.»[5]

На фронте начали проявляться симптомы девальвации монархического идеала. [6] Усталость, тоска по дому сквозит в письме солдата из действующей армии: «...а сейчас бы надо замириться и это было бы очень благоразумное дело и великая радость, и все бы солдаты, и также отцы, матери, жены, дети благодарили бы государя и правительство..., < если мира не будет >, нашего государя будут проклинать те вдовы и сироты, и < на > управителей его советчиков народ уже смотрит с презрением < и > на царя, и подозревает в нем, что он тоже своих людей не жалеет».[7] Просьбы перемежаются и с откровенными угрозами. [8]

Не способствовало укреплению престижа монархии и возложение Николаем II обязанностей Верховного Главнокомандующего на себя. [9] Генерал-майор А.А. Самойло констатировал, что «не только в кругу офицеров Ставки, но и повсюду эти перемены сопровождались самыми разнообразными слухами и пересудами» [10].

---

[1] Головин Н.Н. Указ. соч. №11. С.55.
[2] Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934. Т.1-2. С.327.
[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Ч.1. Кн.1. С.41.
[4] Епанчин Н. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С.368; Карабчевский Н. Что глаза мои видели. В 2-х т. Берлин, 1921. Т.2. С.56.
[5] Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986. P.147.
[6] Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1943. С.233.
[7] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.6375. Л.99.
[8] Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 года. Сб. доктов. М., 1966. С.89.
[9] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.104.
[10] Самойло А.А. В ставке Верховного Главнокомандующего. // Первая мировая. С.423.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Сам же он считал царя «ничтожеством, неспособным на более или менее толковое руководство армией».[1]

Столь же негативно оценили ситуацию А.А. Игнатьев и М.Д. Бонч-Бруевич.[2] «Перемена главнокомандующего тяжело подействовала на население...»,[3] - подчеркивалось в письме из действующей армии П.Н.Милюкову. Хотя в большинстве своем, как считал А.И. Деникин, солдатская масса «...не вникала в технику управления, для нее и раньше царь был верховным вождем армии, ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что царь несчастлив».[4]

Звучала и более резкая критика в его адрес. «Наш царь не представлялся мне великим человеком. Пожалуй, даже наоборот, но все же...»,[5] - соблюдал пиетет М.Н. Герасимов. «Да ведь это круглый дурак! – резко высказался в частной беседе полковник А.В. Квитницкий. – Ему непременно придется скатиться с престола. На фронте все так о Николашке думают. Пора ему убираться к черту».[6]

Солдаты еще верили царю. «...Слуги государевы все немцы, все в свои руки забрали, - с возмущением писали солдаты из действующей армии П.Н.Милюкову. – Вы депутат и к министрам ходите, и царя видите, и скажите царю, что мы рады ему послужить, да только пусть из России немцев уберет».[7] А.И. Деникин обращает внимание на то, что и «...в офицерском корпусе было стремление выделить государя от той придворной грязи, которая его окружала, от политических ошибок и преступлений царского правительства.... Государю прощали, его старались оправдать».[8]

Необходимо выделить и то обстоятельство, что образ внешнего врага, не только стремившегося к мировой гегемонии, но обеспечившего «немецкое засилье» внутри страны, формировавшийся в массовом сознании солдат под влиянием официальной пропаганды, нес в себе опасность при существовавшей в России остроте социальных конфликтов экстраполяцию представлений о «внутреннем немце» на правящие верхи, что, в свою очередь, грозило подрывом боеспособности армии. Наряду с тенденцией дегуманизации образа немца-врага по мере затягива-

---

[1] Там же. С.426.
[2] Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. В 2-х т. М., 1955. Т.2. С.208-209; Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1964. С.113.
[3] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.6375. Л.9.
[4] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.104.
[5] Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1960. С.100.
[6] Егоров И.В. От монархии к Октябрю. Воспоминания. Л., 1980. С.196.
[7] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.6375. Л.44-45.
[8] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.84.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ния войны и конкретизации ее образа в сознании участников, наметилась противоположная ей гуманистическая линия «очеловечивания», отказа от стереотипов, навязываемых официальной пропагандой и культурной традицией.

Начиная со второго года войны происходило развитие синдрома недоверия солдат к власти, которое было обусловлено рядом факторов: затягиванием войны, неудачным ходом военных действий, разочарованием в союзниках, обострением внутренних экономических трудностей, нарастанием внутриполитической нестабильности и лавины слухов об измене во всех эшелонах власти, в том числе в «верхах». Это сопровождалось разочарованием в официально декларируемых целях войны, нарастанием ощущения ее ненужности и навязанности России во имя чуждых народу интересов, психологической «демобилизацией» по отношению к внешнему противнику.

Особое озлобление солдат вызывали слухи об измене в высших эшелонах власти, предательстве воинского начальства, которые получили, по данным источников, широкое распространение. Виновницей такого положения (в представлении солдат) была императрица. Произошел перенос императрицы из общности «мы» в противоположную общность «они» - носителей враждебной (немецкой) культуры, целей и намерений. Александра Федоровна и тяготеющие к ней придворные круги («немецкая партия») оказались удобным объектом для конструирования образа внутреннего врага, локализации одной из фундаментальных дуальных оппозиций традиционного этнического сознания – представлений о существовании источника зла. Это было закономерно в условиях развития революционного кризиса в стране, когда в ситуации общественного конфликта пришли в действие социально-психологические механизмы поляризации. Происходил перенос комплекса отрицательных эмоций ненависти и ожесточения, связанных с образом внешнего врага, на образ врага внутреннего – «внутреннего немца».

Указанные обстоятельства в значительной мере определяли отношение солдат к выполнению воинского долга. Постепенно уходило сознание необходимости жертв и потерь, самопожертвования (характерное для первого периода войны), распространялись такие явления как дезертирство, саморанения, братание с противником.

С течением времени кардинально менялась система приоритетов в сознании солдат, определявшая нарастание критических настроений по отношению к войне и правительству. Содержание и иерархия системы доминирующий представлений

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

в критических письмах свидетельствуют о начале девальвации в 1915 году в глазах солдат концепции справедливой Отечественной войны, ослаблении идейно-психологического воздействия формулы «За Веру, Царя и Отечество», снижении их патриотического духа по сравнению с первыми месяцами войны, нарастании ощущения обмана и бесполезности приносимых жертв. Другой характерной тенденцией было нарастание неприятия солдатами всех представителей привилегированного общества, олицетворением которых в глазах солдат становились офицеры. Подвижки в системе суждений, изменение ее приоритетов свидетельствует о созревании под влиянием разочарования в войне предпосылок солдатского бунтарства, о морально-психологической готовности солдат к революции накануне февраля 1917 года. Распределение высказываний в письмах критического содержания, задержанных военно-цензурной комиссией Казанского военного округа в 1915 году приведено в таблице[1].

Оценивая итоги 1915 года, А.И. Верховский писал: «Немцам удалось рядом страшных ударов почти совершенно уничтожить тело нашей армии, но душу ее они погубить не могли. Сильна была любовь к родине в лучших людях, вера в необходимость борьбы и возможность победы, и они увлекали всех за собой. И армия наша, как Феникс, воскресла из пепла».[2] С ним солидарен и генерал А. Лукомский: «Морально армия не была побеждена».[3] Германское верховное командование, извлекая уроки из кампаний 1915 года, пришло к выводу, что при готовности русских безгранично жертвовать людьми и территорией окончательную победу над ними одержать никогда не удастся.[4] Этот вывод заставил Германию нащупывать возможности мирного договора с Петроградом.[5]

В 1916 году обстановка в действующей армии, перешедшей к позиционной войне, стабилизируется. Моральный дух войск, по наблюдениям генерала Нокса, «не характеризуется более энтузиазмом, какой был в начале войны, он основывается на твердой вере».[6] «Исчез совсем бесшабашный казарменный патриотизм. Его сменяет более вдумчивое отношение к событиям»,[7] - отмечает и газета большевиков «Социал-демократ».

---

[1] См.: Приложение 8.
[2] Верховский А.И. Указ. соч. №3. С.41.
[3] Лукомский А.С. Воспоминания. В 2-х т. Берлин, 1922. Т.1. С.104.
[4] Шляпников А.Г. и др. Кто должник? М., 1926. С.125.
[5] Там же.
[6] Golovin N.N. The Russian Army in the world war. P.238.
[7] Социал-демократ. 1916. 13 апреля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Судя по письмам зимы и весны 1916 года, армия находилась в превосходном настроении.[1] Как сообщали цензоры XI армии в январе 1916 года, писем с выражением тоски по родному очагу и просто безразличных стало гораздо меньше. [2] Об этом говорит и составленная нами таблица.[3] Значительный подъем испытывала действующая армия в период наступления в Галиции, желание разбить врага и доказать, что для русского солдата не страшны и не непобедимы все применяемые врагом технические усовершенствования для своей защиты, когда силен дух народа.[4] Цензура отмечала настроение армии как бодрое, патриотическое и воинственное.[5]

Однако усталость от войны уже начала сказываться как на офицерских, так и особенно на солдатских массах. Весной 1916 года военная цензура так характеризовала настроение солдат: «Война уже утомляет. Ждут мира как большой радости.... Энтузиазма не видно...молчаливое, тягостное ожидание развязки мировой катастрофы и судьбы России – вот настроение духа армии».[6] Как сообщает Департамент полиции в 1916 году, настоящую войну офицерство, за малым исключением, принимает и оправдывает, ее продолжение находит необходимым до победного конца, хотя в положительном ее исходе многие не убеждены. Среди солдат война популярна, и все, за малым исключением, готовы биться с врагом до победного окончания, все ожесточены против немцев, хотя нарастает желание скорее кончить войну.[7] Военная цензура отмечает, что вопрос о мире возбуждается,[8] каждое слово, написанное в газетах про мир, падает как капля росы на накаленную душу,[9] что патриотический подъем и уверенность в необходимости победы над врагом не является уделом всех,[10] что о мире много пишут. [11]

При этом военная цензура не зафиксировала резких перепадов настроений в армии, позволяющих судить о приближающейся революции. [12] Лишь В.Ю. Фридолин сделал наблюдение, что в русской офицерской среде замечается сейчас инте-

---

[1] РГВИА. Ф.2139. Оп.1. Д.1673. Л.602; ГА РФ, Ф.102.ДП.00. 1916. Д.291. Л.41 об; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.704. Л.100.
[2] РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.799. Л.1; Ф.2031. Оп.1. Д.1184. Л.254.
[3] См.: Приложение 9.
[4] РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.799. Л.659.
[5] РГВИА. Ф.2134. Оп.1. Д.1349. Л.308.
[6] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.89. Л.81.
[7] ГА РФ. Ф.102.ДП.00. 1916. Д.291. Л.34 об., 39-39 об.
[8] РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.799. Л.203.
[9] РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.1189. Л.283.
[10] РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.800. Л.458.
[11] РГВИА. Ф.2056. Оп.1. Д.3863. Л.12.
[12] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.904. Л.228.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ресная вещь: настроение многих офицеров представляет сейчас смесь патриотизма и революционности.[1] Примерное соотношение патриотизма и стремления окончить войну в массовом сознании действующей армии можно проследить по составленной нами таблице.[2] При этом все письма о мире можно разделить на три группы. Первая группа – письма, отрицающие всякую возможность каких-либо переговоров о мире. Вторая группа – признающие идею мира, но при условии, что не будет ущерба чести и достоинству России. Третья группа писем – ничего не выражают, но желают поскорее закончить войну и заключить мир.[3]

К концу 1916 года положение значительно ухудшилось. По данным анализа военной цензуры, безразличные письма составляли около 93%,[4] из них около 50% - с подавленным настроением.[5] И все же были и энтузиасты продолжения войны.[6] Более того, офицер штаба III армии 6 декабря 1916 года утверждал в письме в Петроград, «что вся армия к немецкому предложению о мире (26 ноября 1916 года – А. Ч.) отнеслась прямо с насмешкой и каким-то даже озверением» и сформулировал жесткую позицию по отношению к Германии: «Становитесь на колени, и с благодарностью примите те жестокие для вас условия, какие нам угодно будет продиктовать».[7]

В течение 1916 года подверглось значительной трансформации и другие составляющие массового политического сознания действующей русской армии, и особенно его монархическая составляющая. Значительно выросло недовольство в армии императором и императрицей. [8] Образец солдатского юмора по поводу Александры Федоровны воспроизвел А. Веселый: «Заходит Гришка к царице в будуар, снимает плисовые штаны и давай дрова рубить!»[9] Подобный феномен изменения отношения к династии современники объясняли так: «Толпа часто меняет свои устремления, с тем же увлечением поет «Боже, Царя храни», как и орет «Долой самодержавие», но в ненависти к имущим классам эта толпа крепка и постоян-

---

[1] РГАСПИ. Ф.28. Оп.1. Д.571. Л.1.
[2] См.: Приложение 10.
[3] РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.800. Л.785-786.
[4] РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.1181. Л.54.
[5] РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.800. Л.584.
[6] РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.1983. Л.28-28 об.
[7] Там же. Л.50.
[8] Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской Революции 1917 года. Стокгольм-Берлин, 1921. С.16; Катенев Б.Г. Занятие департамента полиции (1-5 марта 1917 года). // Голос минувшего. 1928. №6 (XIX). С.10; Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965. С.208.
[9] См.: Веселый А. Россия, кровью умытая. М., 1990. С.37.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

на, она вправе рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства».[1]

Своеобразным было отношение армии к смерти Г. Распутина. «Убийство Распутина показало таким малоискушенным в политике людям как я и многим моим сослуживцам, - вспоминал М.Д. Бонч-Бруевич, - что монархический образ правления окончательно скомпрометировал себя и не имеет сторонников даже в армии.»[2] А.И. Деникин с горьким сожалением и упреком писал: «...Члены Романовской династии не оберегли «идею», которую ортодоксальные монархисты хотели окружить ореолом величия, благородства и поклонения».[3]

Действующая армия содрогнулась от обвинений из Государственной Думы в адрес верховной власти.[4] «Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, - подытожил А.И. Деникин, - я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в отношении ее и к династии, и к революции».[5] Зловеще звучало и неоднократно слышанное друзьями от начальника Генерального Штаба генерала М. Алексеева предсказание: «Ходынкой началось... - Ходынкой и кончится».[6]

Подобные слухи лишь углубляли пропасть между правительством и всей страной. По мнению Н.Н. Головина, все эти ложные слухи (об Александре Федоровне, Распутине, измене и т.д. – А. Ч.) являлись одним из характерных симптомов патологического состояния общественной психики, первой причиной которой являлись тяжелые жертвы и напряжение, вызванное войной. Ложные сами по себе, они, тем не менее, широко воспринимались, благодаря создавшейся атмосфере всеобщего разочарования и неудовлетворения, и, вместе с этим, способствовали еще большему нарастанию этих настроений, так как в корне подрывали моральный авторитет Царской власти. В результате Государь оказался морально изолированным.[7]

Изменилось и психолого-политическое состояние армии. Наблюдая жизнь Ставки осенью 1916 года, М.В. Пронин писал: «Что касается духа армии, то он оставляет желать лучшего, политическая напряженность, охватившая широкие об-

---

[1] Пояснительная записка к проекту // Записки, составленные в кружке Римского-Корсакова и переданные Николаю II князем Голицыным в ноябре 1916 года. // АРР. Т.5. С.88.
[2] Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С.106.
[3] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.86.
[4] Деникин А.И. Крушение власти и армии . С.87; Рейн Г.Е. Из пережитого. Берлин, Б.г. Т.2. С.135.
[5] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.87.
[6] Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С.84.
[7] См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Париж, 1957. Ч.1. Кн.1. С.24.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

щественные круги страны, влияла на психологию офицерства в армии».[1] «Солдаты ропщут..., - сделал запись в дневнике С. Мельгунов. – Настроение повсюду повышенное и в офицерских кругах. Происходят какие-то таинственные собрания».[2] Генерал А.А. Брусилов также замечал: «Офицерский корпус и вся та интеллигенция, которая находилась в составе армии, были настроены по отношению к правительству в высшей степени враждебно. Везде, не стесняясь, говорили, что пора положить предел безобразиям, творящимся в Петрограде».[3]

В стране и в армии упорно ходили разговоры, что готовится военный переворот, который совершат военные,[4] причем говорилось о возможной роли генерала М. Алексеева в качестве диктатора.[5] По воспоминаниям М.В.Пронина, в Ставке к возможности переворота относились спокойно, считая, что государственный порядок того времени приведет к проигрышу войны. Государь уже не пользовался в глазах офицеров и солдат тем авторитетом «священной особы», каким пользовался раньше.[6] По воспоминаниям А.Ф. Керенского, армейские офицеры пытались организовать серию абсолютно бесперспективных заговоров с целью избавить Россию от царя.[7] По свидетельству С. Мельгунова, на Западном фронте обсуждался проект увоза царя на аэроплане в лес, проект бомбардировки царского автомобиля с аэроплана при проезде его по одному из участков фронта.[8]

О настроении на фронте откровенно выразил свое мнение в разговоре с императором, состоявшимся в ноябре 1916 года, протопресвитер русской Армии и Флота Г. Щавельский: «Если начнутся народные волнения, кто поможет вам подавить их? Армия? На армию не надейтесь! Я знаю ее настроения – она может не поддержать вас».[9] «Чаще и чаще зубовный скрип, - характеризует настроение солдат рядовой З. Чаган. – Чаще и чаще угрозы начальству».[10] Генерал Нокс более точно почувствовал угрожающее будущее. Он услышал, как один солдат сказал: «У нас только одно желание: победить немцев. Мы начнем с немцев, которые здесь, и с семьи, которую, вы знаете, звали Романовыми».[11] И все же сколько-

---

[1] Пронин М.В. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1929. С.9.
[2] Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Вып.1 (Ч.1 и 2). С.213.
[3] Брусилов А.А. На трудном перевале. М., 1959. С.142.
[4] ГА РФ. Ф.102. 1917. Оп.5. Д.20. Ч.57. Л.17-19.
[5] См.: Лемке М. Указ. соч. С.545, 700-701.
[6] См.: Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. С.155.
[7] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. // Вопросы истории. 1990. №9. С.144.
[8] Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. С.156.
[9] Щавельский Г. Воспоминания протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954. С.220.
[10] Чаган З. В царских окопах. // Февраль. Сб. воспоминаний о 1917 г. С.61.
[11] См.: Мэсси Р. Указ. соч. С.351.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

нибудь образованные солдаты главным врагом народа, как и все в стране, считали царское правительство.[1]

Но не вся действующая армия была настроена подобным образом. Генерал-квартирмейстер Б.В. Геруа утверждал, что «на фронте, в общем, войска оставались твердыми, и никому не приходило в голову, что мы накануне революции».[2] Генерал-майор П. Авалов не сомневался в эскадронах его Лейб-гвардейского кирасирского его Величества полка.[3]

Далеко не однозначным было отношение действующей армии к Государственной Думе. Часть современников отмечали то влияние, которое оказывала думская критика правительства на общество и действующую армию, утверждая, что на фронте укрепилось мнение Думы, что «войну нельзя продолжать, пока существует теперешнее правительство».[4] В письме рядового из действующей армии председателю Думы М.В. Родзянко звучит обеспокоенность за судьбу российского парламента: «...Роспуск Государственной Думы настолько подрывает доверие к правительству, что от каждого солдата только и слышишь проклятия и ненависть к последнему».[5]

Часть армии проявляла скепсис ко всем официальным политическим течениям. Адресат из действующей армии пишет в Москву 4 декабря 1916 года: «Дума научилась «разговоры разговаривать», а только не верю я этим «голосам народа».... Теперь все говорят про «темные силы», но я, право, думаю, что эти «темные силы» напускают темноту на народ и не только Штюрмеры и К°, но и Милюковы и К°, у которых завязался такой пылкий роман с Англией. Не приведут к добру эти «темные романы».[6] Но в действующей армии были и пожелания просить государя о немедленном роспуске Государственной Думы на все время войны.[7] Обосновывая такую позицию В.А. Балашов, офицер 13 лейб-гренадерского Эриванского полка, пишет А.Д. Протопопову 21 ноября 1916 года: «Существование Думы никоим образом не способствует победе, напротив, наличность Думы мешает нам спокойно воевать, ибо сеет политическую неразбериху в сердцах солдат. Нам не

---

[1] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.114.
[2] Геруа В.Б. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. С.164.
[3] Авалов П. В борьбе с большевизмом: Воспоминания. Глюкштадт и Гамбург, 1929. С.23-24.
[4] Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1917. М., 1994. С.30.
[5] РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.1983. Л.28.
[6] Там же Л.42.
[7] ГА РФ. Ф.102. 1916. Оп.265. Д.1058. Л.870.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

из-за чего тогда продолжать войну, если даже победоносное ее завершение дастся ценою изменения государственного строя на Святой Руси».[1]

В массовом сознании обострилась проблема земли и связанных с этим обстоятельств. «Земля» и «мир» - вспоминал генерал Ю. Данилов, - вот две затаенные мечты, прожигавшие, подобно каленому железу, все существо солдата – крестьянина. На что мне земля, если меня убьют, - эгоистически рассуждали они между собою. И эта «шкурная философия, несомненно, заставляла солдатскую массу избегать всего того, что было сопряжено с боевой опасностью».[2]

Не стало более теплым отношение действующей армии к союзникам. Явное недоверие к ним сквозит даже у представителя царского правительства на конференции в Шантильи в ноябре 1916 года Дессино.[3]

Для массового сознания действующей армии характерно и то, что командный состав, в том числе и высший, утратил веру в успех. К их числу можно отнести главнокомандующих Северным и Западным фронтами генералов Куропаткина, Эверта. Да и генерал Алексеев неоднократно высказывал мысль о том, что война кончится поражением для России, так как с такой армией в целом можно только погибать, и задача командования свести эту гибель к возможно меньшему позору.[4]

С потерей веры в победу солдаты окончательно потеряли веру в командный состав. В специальной записке председателя Государственной Думы М.В. Родзянко подчеркивается, что «армия перестала верить своим вождям, армия не допускает, чтобы вожди могли бы распоряжаться целесообразно и правильно.»[5]

В массовом политическом сознании действующей русской армии находит все более ярко выраженное понятие внутреннего врага. По наблюдениям генерала Ю. Данилова, в представлении русского солдата «враг переместился: это уже не выглядывавший из-за окопа немец или австриец; это – собственное правительство и свои же рядом умирающие офицеры, не желающие мира и ему противящиеся.... За мир надо бороться с ними, врагами «внутренними»; они опаснее тех, коих именуют врагами «внешними».[6] При этом русский философ С.Л. Франк отмечал возникшую интересную и крайне важную особенность: «В течение войны народ с

---

[1] ГА РФ. Ф.102. 1916. Оп.265. Д.598. Л.607.
[2] Данилов Ю. На пути к крушению. // Военно-исторический журнал. 1991. №12. С.51.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1165. Л.554.
[4] См.: Лемке М. Указ. соч. С.648-649.
[5] Цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. №11. С.58.
[6] Данилов Ю.Н. На пути к крушению. // Военно-исторический журнал. 1991. №12. С.51.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

другой стороны ощутил себя самого вершителем судеб страны, закалился в школе насилия и приобрел веру в него».[1]

Внешними проявлениями такого начавшегося разложения армии стали, прежде всего, «солдатские забастовки» под лозунгом «обороняться будем, а наступать не пойдем».[2] Крупные волнения, связанные с нежеланием продолжать войну, произошли на всех фронтах.[3] 2-3 августа произошло восстание солдат в 4 Особом полку Русского экспедиционного корпуса в Марселе, в результате чего вместо отправки на Салоникский фронт полк был отправлен в лагерь Мальп на север Франции.[4]

Изменился характер братания с противником. В 1916 году оно стало более распространенным и охватывало большие группы людей, нередко целые войсковые части, несмотря на запреты под страхом сурового наказания.[5]

Конец 1916 – начало 1917 годов были ознаменованы в армии также рядом крупных выступлений антивоенного и антиправительственного характера. Преобладали формы отказа идти в бой. [6] Генерал М.В.Алексеев предлагал использовать в отношении «главарей и агитаторов» статью 12 Военного положения, немедленно предавая их полевому суду.[7] При этом Ставка рекомендовала одновременно с репрессивными методами сближаться с солдатами и вести среди них разъяснительную работу.[8]

Начало 1917 года не изменило основных тенденций в развитии массового политического сознания действующей армии, подавляющее большинство военных руководителей[9] считали, что русская армия была еще строго дисциплинированна и заключала в себе достаточно сил, чтобы продолжать войну и одержать победу. По сведениям военной цензуры в январе 1917 года «настроение в армии бодрое весьма – уверенность в своих силах и надежда на победу над врагом крепнет».[10] Но та же цензура информирует, что 2/3 угнетенных писем содержат жалобы на продолжи-

---

[1] Франк С.Л. Из размышлений о русской революции. // Новый мир. 1990. №4. С.213-214.
[2] Верховский А.И. Указ. соч. №3. С.39.
[3] РГВИА. Ф.2100. Оп.2. Д.849. Л.4, 30, 47; Революционное движение в русской армии... С.213-217, 221-223, 242, 247-253, 281, 433.
[4] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.138. Л.1-2.
[5] РГВИА. Ф.2126. Оп.1. Д.20. Л.578; Ф.2031. Оп.1. Д.1183. Л.176, 178; Ф.2106. Оп.1. Д.1006. Ч.1. Л.659; Ф.2204. Оп.1. Д.378. Л.26; Ф.2286. Оп.1. Д.239. Л.262; Ф.2067. Оп.1. Д.2946. Л.165-165 об.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.808. Л.90-90 об.
[7] Там же. Л.62, 67.
[8] Там же. Л.90-90 об.
[9] См., например: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.102; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С.222.
[10] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.905. Л.47.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тельность войны даже в Особой армии,[1] а 25% солдатских писем касаются, главным образом, вопросов мира; авторы их свидетельствуют о настоятельном желании скорейшего окончания войны во что бы то ни стало.[2] На такое решение солдатских масс повлияло официальное мирное предложение Центральных держав от 29 ноября 1916 года, на которое страны Антанты ответили категорическим отказом. Лишь у незначительной части солдат это предложение о мире затронуло самолюбие и заставило проникнуться духом патриотизма – продолжить войну до конца, как бы это трудно ни было.[3] Общим настроением армии было примирение с необходимостью вести борьбу до решительной победы.[4]

Не случайно, по свидетельству полковника И.И. Вацетиса, вся зимняя операция на Северном фронте (по 21 января 1917 года – А. Ч.) представляла собой «сплошной протест против продолжения войны. Агитация за прекращение войны и свержение царизма велась в самых широких размерах, можно сказать, на всем фронте армии».[5] Пока эти чаяния оставались более или менее скрытыми в недрах масс, привыкших к пассивному подчинению. Однако некоторые, из более чутких и ближе стоящих к солдатам офицеры, уже чувствовали, насколько солдатские настроения не отвечают тому, что излагалось в официальных сообщениях и говорилось в патриотически-настроенных интеллигентских кругах.[6]

К концу 1916 года уже крайне противоречивым было и отношение действующей армии к монархии, в том числе офицерского состава и генералитета. П. Краснов считал, что в душах солдат еще тлело сознание мощи Российской империи, великое сознание связи своей с чем-то, всех объединяющих, для всех обязательным. Это был Царь....[7] Н. Головин, напротив, считал, что мистический ореол царской власти уже был разрушен.[8]

Чтобы попытаться выявить истинное отношение действующей армии к возникшей к этому времени ситуации, в начале 1917 года по распоряжению председателя Совета Министров было проведено обследование войск на Северном и Западном фронтах, т.е. там, где войска могли сыграть особо важную роль при политических переменах в стране. Выводы итогового документа звучали убийственно для

---

[1] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.3863. Л.279.
[2] Там же. Л.224.
[3] Там же. Л.246 об.
[4] Там же. Л.269.
[5] Цит. по: Эйдеман Р., Меликов В. Армия в 1917 году. М.-Л., 1927. С.28-29.
[6] Блок А. Последние дни старого режима. // АРР. Т.4. С.22.
[7] Цит. по: Российский военный сборник. №9. С.223.
[8] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.181.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

правящего режима: «Возможность того, что войска будут на стороне переворота и свержения династии допустима, так как...они все же слишком недовольны всем управлением страны».[1] И на других фронтах общие тенденции состояния действующей армии также проявлялись и приводили к одинаковым результатам.[2]

О том, что в России готовится революционный кризис, и «анархический дух распространяется во всех классах, даже в армии»,[3] предупреждал посол Франции в России М. Палеолог. Пессимистично были настроены и многие военные.[4] Вся армия, от генерала до солдата, жаждала перемены – командный состав во имя победы, солдатская масса – во имя окончания войны и возвращения домой.[5] Более полная картина критических высказываний в письмах из действующей армии в 1916 – в начале 1917 годов представлена в таблицах.[6] У иностранных наблюдателей даже стали возникать обоснованные сомнения на перспективы функционирования российской армии.[7]

Таким образом, начавшаяся Первая мировая война до крайности обострила все противоречия российского общества. Встреченная с патриотическим воодушевлением, в начале 1917 года война вызывала уже всеобщее недовольство, в политическом сознании страны авторитет власти окончательно упал, росло предчувствие, даже уверенность, в надвигающейся катастрофе.

Упрямое нежелание правящих кругов страны искать приемлемые для нее средства разрешения возникших серьезных проблем привело общество к кризису, который принял в условиях Мировой войны застойные, перманентные формы, ведущими характеристиками которого были социокультурный раскол и социальная злость. Военные поражения, вместо того, чтобы теснее сплотить правительство и его подданных, развели их еще дальше друг от друга. «Когда начались поражения, - подчеркивает американский историк Шейла Фицпатрик, - общество не сплотилось вокруг правительства для возобновления борьбы (нормальная реакция, как это было в 1812 году) – вместо этого народ обратил свое оружие против правительства, презрительно обвиняя его с чувством морального превосходства в неумении и неспособности».[8]

---

[1] См.: Былое. 1918. №1 (29). С.151-157.
[2] Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С.38-39.
[3] Палеолог М. Указ. соч. С.325.
[4] Верховский А.И. Указ. соч. №3. С.41.
[5] См.: Жордания Н. Большевики. Берлин, 1922. С.32.
[6] См.: Приложения 11, 12
[7] Fransis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921. P.210.
[8] Fitzpatrick S. The Russian Revolution. 1917-1932. Oxford, New-York, 1984. P.33.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Анализируя наблюдения внимательных современников тех событий, соискатель констатирует, что «несколько поколений способных, развитых и образованных деятелей были потеряны» режимом и пополнили ряды оппозиции, «между правящими сферами и русским образованным обществом и народом» существовали не просто противоречия, а «глубокий антагонизм».[1] Налицо был и психологический конфликт между властью и обществом: власть фактически противопоставляла себя обществу.[2] При этом политика царизма была для имущих слоев России роковой в двояком смысле: не только тем, что готовила условия для революционного взрыва, который был чем дальше, тем больше единственно возможным выходом из ситуации, но и тем, что сделала невозможной какую бы то ни было (в том числе и либеральную) политическую и организационную работу в народе. В России осталось минимальное материальное и политическое пространство для социального маневра. Хотя переворот здесь мог и не обязательно должен был начаться радикально, но он неизбежно вел к очень радикальным результатам. Война обнажила всю слабость самодержавия, значительно уменьшила его сопротивляемость.

Печать, церковь, школа, искусство были поставлены на службу патриотической идее национальной, «отечественной» войны. И это влияние на сознание народных масс России и ее армии, несомненно, дало, особенно в начале, известный результат. Впоследствии патриотический подъем сменился апатией, безразличием, повседневной борьбой за выживание на фронте и в тылу. Патриотизм и революционность в сознании значительной части россиян, казалось, слились воедино, что и привело к падению самодержавия. Можно согласиться с мнением Х. Яана, что в феврале 1917 года национальной идентичности не было: «В то время, как многообразие патриотических тенденций примиряло людей различных взглядов, единая патриотическая доктрина, так, в сущности, и не сложилась, не смогла привести к сближению классов и социальных групп российского общества».[3]

Теоретические взгляды политических партий России в годы Первой мировой войны отличались мозаичным разнообразием. Это время стало завершающим этапом в процессе формирования не только отдельных структурных элементов либеральной идеологии (война и революция), но и либеральной концепции общественного развития России в целом. Условия войны с особой остротой выявили наличие глубоких противоречий, с одной стороны, между теоретическим осознанием либе-

---

[1] ГА РФ. Ф.601. Оп.1. Д.877. Л.4; Ф.634. Оп.1. Д.27. Л.118 об.
[2] Вишняк М. Февральская революция. Современные записки. Париж, 1927. С.313, 315.
[3] Jahn H.F. Patriotic culture in Russia during World War I.-London, 1995. P.177.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ральными идеологами, политиками связи войны с революцией, а с другой – их практическим неприятием насильственного переворота в стране. Только большевики и незначительная часть эсеров стояли за поражение своего правительства в войне и превращение ведущейся войны в гражданскую. Большинство социалистов России, стоявшие в начале войны на позициях оборончества или пацифизма, к 1917 году соединили в своих воззрениях революционный демократизм и патриотизм, выступая в форме движения за революцию во имя спасения страны от разгрома. По мере углубления общенационального кризиса в стране, революционно-демократическая сторона в их платформах усиливается в ущерб патриотической.

С начала войны и до февраля 1917 года, год от года, происходит эволюция в массовом политическом сознании армии. [1] В этом временном интервале истории, анализируя мнения современников, целесообразно выделить следующие типажи солдат и офицеров: «Воины 1914 года – знатоки своего дела, геройски храбрые, не жалевшие своей жизни и отбросившие все эгоистические помыслы; офицеры и солдаты 1915 года – исполнявшие свой долг, казалось, без надежды в глубине души на скорую победу; офицеры и солдаты 1916 года – не имели такой прочной закваски, как их предшественники первого года войны,...и адекватно реагировали на политическое настроение в глубоком тылу».[2] Анализ их взглядов позволяет заключить, что в зиму на 1917 год «армия была еще, в общем, безусловно, здорова, революционная пропаганда скользила по поверхности, болезненные явления...могли быть вылечены мероприятиями морального характера и строгой дисциплины».[3]

Результаты проведенного диссертационного исследования показали, что деятельность политических партий, за исключением правых, по революционизированию общества и армии, пагубное влияние тыла, усталость от боев и войны в целом были непосредственными и главными факторами начала разложения действующей армии. По мнению А. Уайлдмена, волнения в армии «были симптомами более общей болезни, обусловленной отчаянным положением солдат на фронте и обеспокоенностью их за свои семьи».[4] Однако, как подчеркивает он, было бы большим заблуждением считать, что «простой солдат был полностью изолирован от политики»,[5] хотя в кровопролитных кампаниях 1915 года армия доказала, сколько лише-

[1] ГА РФ. Ф.5956. Оп.1. Д.35. Л.48.
[2] ГА РФ. Ф.5956. Оп.1. Д.13. Л.75.
[3] Там же. Л.76.
[4] Wildman Allan K. The End of the Russian Imperial Army. P.115.
[5] Ibid. P.110.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ний и страданий она может вынести, не прибегая к революционным способам действий.

Бесконечные потери, бесплодные и дорого обходящиеся атаки, ухудшающаяся организация и руководство истрепанными частями, все больше взаимодействуя, взаимодополняя друг друга, подрывая основы дисциплины и морального духа действующей армии, создавая основы для массовой политизации армии в 1917 году, обрушились с неожиданной силой на дезорганизованный, усталый и страждущий фронт, который должен был приветствовать революцию как избавление от ужасной судьбы, но которая впоследствии разорвала в клочья саму социальную и политическую ткань государства. [1]

Суммируя наиболее ценные сведения о причинах массового революционного взрыва с точки зрения исторической синергетики можно выделить такие основные моменты.

Во-первых, социально-психологические причины. Неудачи русской армии после эйфории патриотизма в августе 1914 года вызвали чувство глубокого разочарования неспособностью Николая II как главы государства и Верховного Главнокомандующего одержать быструю победу. Оно охватило самые широкие круги российского общества от верхушки генералитета и политической элиты консервативно-либеральных партий до широких слоев народных масс, среди которых резко активизировали свою деятельность радикальные революционные социалистические партии, особенно партия социалистов-революционеров и РСДРП. Царизм оказался в глубокой социально-психологической изоляции.

Во-вторых, огромную роль в развернувшихся событиях сыграли социально-политические причины. Попытки консолидации правящих дворянско-буржуазных элит вокруг самодержавия в рамках «министерства доверия» или «ответственного министерства» в 1915-1916 годах и привлечения «новых» людей в состав правительства из либерально-буржуазных академических или думских кругов оказались безуспешными из-за непримиримой позиции Николая II и его ближайшего окружения. Именно в этот период был навсегда утерян последний шанс мирной трансформации абсолютного режима самодержавия в конституционно-парламентарную буржуазную монархию.

В-третьих, сказались и личностные особенности Николая II. Субъективные факторы еще не приводили к фатальной неизбежности гибели самодержавия в

[1] Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С.386; Станкевич В.Б. Революция. // Страна гибнет сегодня. С.239.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

1917 году. Однако, царь, по слабости своего характера, не смог выполнить функции носителя Верховной Самодержавной власти и Державного Вождя российской армии и флота во время Первой мировой войны, возложенные на него основными законами Российской империи.

Из мировой истории известно, что авторитарные режимы могут эффективно действовать лишь в том случае, когда во главе государственной пирамиды власти стоит сильная харизматическая личность. По М. Веберу, эта личность должна обладать божественной харизмой: непререкаемым авторитетом, сильной волей, острым умом, большой хитростью, бескомпромиссной жестокостью, организаторским талантом, огромной энергией, исторической интуицией, умением сплотить и увлечь за собой огромные массы людей, способностью опираться на эффективные государственно-административные структуры.[1] Николай II ни по одному из этих пунктов не подходил на роль абсолютного самодержца. Он мог лишь разыгрывать роль верховного правителя и своими непоследовательными действиями нерешительно подготовил почву для революции.

В-четвертых, определенную роль в падении самодержавия сыграла активная неприязнь Николая II к сильным администраторам. К сожалению, ни сам российский император, ни его ближайшее окружение не сумели выдвинуть достойного политического и государственного деятеля, способного с минимальными издержками вывести страну из надвигающейся революционной катастрофы. Как метко заметил начальник Канцелярии Министерства Двора генерал А.Д. Мосолов, «оскудение в России в эту эпоху государственно-мыслящими и работоспособными людьми было прямо катастрофическим».[2] Фактически установился перманентно нарастающий «вакуум власти».

В-пятых, усилению этих негативных тенденций способствовала объективная обстановка в стране и в Европе. Особо следует отметить крайне невыгодное геополитическое положение России, вынужденной затрачивать непропорционально огромные военные усилия, несовместимые с ее военно-экономическим потенциалом. Отрицательно сказывалась социально-экономическая отсталость российского общества, находящегося в состоянии перехода к индустриальному строю и также отсутствие сплоченной российской нации. В период войны значительно вырос соци-

---

[1] См.: Вебер М. Избранное: Образование общества. М., 1994. С.112-121.
[2] Мосолов А.Д. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С.42; Фрейлина Ее Величества. «Дневники и воспоминания Анны Вырубовой». М., 1990. С.179-180.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

альный и культурный разрыв между дворянско-буржуазными верхами и 150-ти миллионными крестьянски-пролетарскими низами.

В-шестых, произошла депрофессионализация и частичная демократизация 15-ти миллионной русской армии. Она из основного института государственной власти превратилась в «пороховую бочку» социальной революции. Ее «фитиль» пытались поджечь все оппозиционные политические силы России.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

РАЗДЕЛ III МАРТ - ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА: МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ КАК ОБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ РОССИИ

Февраль 1917 года – это время начала революции в России, вторая русская революция, событие эпохальное, судьбоносное для страны. С одной стороны, она подвела черту под многовековой историей русской и российской монархии, историей самодержавия, уже со второй половины XIX века ставшего одной из главных препон на пути прогресса России, с другой – открыла путь для ее демократического развития, одновременно резко политизировав, радикализировав, поляризовав все социальные слои и группы населения, особенно низы и армию. В водоворот событий вовлекались все без исключения социальные слои и группы населения. Перемены коснулись буквально всех сторон жизни страны в целом и каждого человека в отдельности. [1] Восемь февральско-мартовских дней явились первоначальным этапом, началом мощного процесса революции, которую по аналогии с Великой французской революцией необходимо определить как Великую Русскую Революцию. Именно так называли и называют ее многие отечественные и зарубежные историки и философы.[2]

Революция в России вызвала большой резонанс во всех воюющих странах. Германия отреагировала на события в России с оптимизмом. [3] По мнению З.П. Яхимович, революция в России придала «второе дыхание» Антанте, которой легче стало воевать за демократию, а также облегчило вступление в войну США.[4] В Англии надеялись, что Россия будет воевать с еще большей энергией и напряжением. [5] Оптимистично было настроено и американское руководство. [6] Были и бо-

---

[1] Ллойд Джодж Д. Военные мемуары. М., 1935. Т.4. С.111

[2] См., например: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.116; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.216; Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. С.21; Бонвеч Б. Русская революция 1917 года. Социальная история от освобождения крестьян в 1861 году до октябрьского переворота. Дармштадт, 1990. С.1 и др.

[3] Гофман М. Война упущенных возможностей. М., 1925. С.140; Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 г.г. Т.II. М., 1924. С.26.

[4] 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. Международная конференция. // Отечественная история. 1998. №1. С.208.

[5] Минц И.И. Указ. соч. С.900, 901.

[6] Минц И.И. Указ. соч. С.907; Речь. 1917. 4 апреля; Мэсси Р. Указ. соч. С.359.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лее реалистические оценки. [1] «Они исходили из убеждения, - вспоминает К. Набоков, - что внутреннее потрясение неминуемо повлечет за собою ослабление России как воюющей державы...».[2]

События от февраля до октября 1917 года, безусловно, сыграли судьбоносную роль в истории России. В этот короткий период оказалась спрессованной целая эпоха. Чтобы предметно раскрыть эволюцию массового политического сознания общества и действующей армии представляется целесообразным ход политического противоборства в 1917 году рассмотреть через призму кризисов власти – апрельского, июньско-июльского, корниловского выступления, октябрьского, - которые являются показателями своего рода ступенчатого разрушения власти по мере разбухания революционной массы. Примечательно, что все кризисы, несмотря на многомерность протекания, концентрировались вокруг одного главного вопроса – о войне и мире.

Действующая же армия, по мнению А.Керсновского, в ее трагической болезни прошла четыре периода. Первый – горячечно-бредовый, период братаний и митингов (с марта по июнь). Второй – период кажущегося улучшения, «подушка с кислородом» Корнилова (июль-август). Третий – период прострации (сентябрь-октябрь). Четвертый – каталепсия и агония (ноябрь-декабрь).[3] На наш взгляд, вряд ли целесообразно устанавливать столь широкие рамки первого периода, ибо армия эволюционировала по тем же законам, что и все российское общество, как и ограничивать армейскую агонию декабрем 1917 года.

На функционирование и роль отдельных структурных составляющих массового политического сознания общества и действующей армии как целостных систем значимое влияние оказывали формирование и деятельность властных структур России.

23-27 февраля в Петрограде революционное движение рабочих и солдат приняло массовый характер и дошло до вооруженных эксцессов. 27 февраля столица фактически была охвачена восстанием рабочих и солдат и не контролировалась властями. [4] Главной причиной непротивленческой позиции власти по отношению к восставшим Н. Головин считал «пассивное отношение к совершающимся в

---

[1] Новгородцев П.И. Восстановление святынь. Соч. М., 1995. С.428; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923. С.399; Кнох А. With the Russian army, 1914-1917. Vol. 2. P. 211, 575; Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т.IV. С.III; Уткин А.И. Первая мировая война. С.379, 383, 395.
[2] Набоков К.Д. Испытания дипломата. С.70.
[3] Российский военный сборник. №9. С.290.
[4] Политическая история Отечества. 1861-1920. Хрестоматия. М., 1991. С.105.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

столице событиям, проявленное нашим высшим командованием из-за кризиса веры в существующую власть».[1] Перед страной встали три альтернативы дальнейшего развития. Первая была обусловлена возможностью сохранения авторитарно-монархической власти императора. Другой вариант развития событий заключался в плавном переходе власти к либерально-демократическим кругам либо в форме сохранения конституционной монархии, либо в виде установления буржуазно-демократической республики. Третий путь заключался в революционной смене государственного, политического и общественного строя и утверждения власти рабоче-крестьянских Советов.

В этой ситуации политической неопределенности и неразберихи основную роль стали играть субъективные факторы: воля к власти и организационный талант, умение выбрать и реализовать оптимальное решение, опираясь на соответствующие силы. После отречения Николая II носителями двух основных тенденций в развитии революции – эволюционной, на основе объявленных и активно проводимых реформ сверху, и революционной, выражающейся в очередной смене власти, - выступали Временное правительство с подчиненными ему местными органами власти и центральные советские органы с обширной сетью местных Советов соответственно.

Судьба царского режима всецело зависела от благонадежности армии. На роль «спасителя» трона был назначен генерал Н.И. Иванов.[2] Сам он был далеко не уверен в благонадежности своих людей и успехе своей миссии.[3] И предчувствия не обманули генерала. Генерал Алексеев пришел к выводу, что надеяться на подавление петроградского мятежа силой больше нельзя,[4] и, поскольку Дума старается восстановить порядок в тылу, императору нужно дать ей возможность составить кабинет народного доверия.[5] Но было слишком поздно.

Понимая, что Николай II пойдет на отречение только под давлением военных, генерал М.В. Алексеев дал телеграммы главнокомандующим фронтов и флотов, которые не видели возможности избежать отречения.[6] Тот факт, что решение Николая II отречься от престола было принято им вследствие настояний высших начальников армии раньше, чем такое требование ему было предъявлено Времен-

---

[1] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. Париж, 1937. Ч.1. Кн.1. С.32.
[2] Русская летопись. 1922. №3. С.115; Красный архив. 1927. №2 (21). С.10-11.
[3] Basily N. Diplomat of Imperial Russia, 1903-1917: Memoirs. Stanford, 1973. P.109.
[4] Красный архив. 1927. №2 (21). С.19.
[5] Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С.85.
[6] См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. Ч.1. Кн.1. С.35.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ным комитетом Государственной Думы, говорит, по мнению Н. Головина, о решающем значении армии в революции. Правда, в отречении сама толща армии, стоящая на позициях, не играла роли. Действующими лицами являлись только самые высшие ее начальники. Но, по-существу дела, армия участвовала в событиях потенциально. Хотя было бы также ошибочно думать, что толща армии была уже готова для принятия активного участия в революции.

2 марта Николай II подписал отречение от престола в пользу царевича Алексея, а затем – в пользу брата, Великого князя Михаила. [1] Правда, его прогноз о новой власти был явно неутешителен.[2] Невозможность сохранения престола за Николаем II определялась не только враждебностью населения к императору и императрице, но и боязнью возмездия.[3] Иного мнения придерживался генерал А.С. Лукомский. [4] Но и здесь речь идет лишь о продолжении агонии правящего режима.

П.Н. Милюковым при поддержке А.И. Гучкова была сделана попытка сохранить монархию, уговорив Великого князя Михаила не отказываться от престола.[5] Но, по мнению большинства современников, если персона малолетнего царевича Алексея могла бы устроить правые и центристские силы, стомиллионное крестьянство с его царистскими иллюзиями наивного монархизма, то скандальная и юридически неправомочная фигура взрослого брата царя не удержалась бы у власти и нескольких часов под напором революционной демократии.[6] Понимая это, 3 марта отрекся от престола и Михаил Романов.

Премьер Ллойд Джордж после свержения императора сделал свой вывод: « Русский ковчег не годился для плавания. Этот ковчег был построен из гнилого дерева, и экипаж был никуда не годен.» [7] Западные наблюдатели смогли увидеть то, что упоенные революционным беспределом новые вожди видеть отказывались – исчезновение центральной власти, которая служила символом и инструментом сохранения единства страны.[8] В результате же получилось так, что, по мнению

---

[1] Отречение Николая II. / Под ред. П.Е. Щеголева. Л., 1927. С.154; Политическая история Отечества. 1861-1920. Хрестоматия. С.107.
[2] Русская летопись. 1922. №3. С.169-170.
[3] См.: Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. С.170.
[4] Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка / Сост., в ст., послеслов., примеч. Д.С. Анина. М., 1991. С.123-124.
[5] Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. Т.1. Ч.1. С.54-55; Basily N. Op. cit. P.145.
[6] Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская революция. // Архив русской революции. М., 1991. Т.6. С.61; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.151 и др.
[7] Цит.по Уткин А.И. Первая мировая война. С.374.
[8] Там же С. 397.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

английского историка Лиддела Гарта, « умеренное Временное правительство взобралось в седло, но у него не было вожжей.»[1]

На этом российская империя прекратила свое существование. Самой поразительной чертой этого процесса была скорость, с которой рухнуло российское государство. Об этом феномене в присущей ему едкой манере говорит В.В. Розанов: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три. Что же осталось-то? Странным образом – буквально ничего. Остался подлый народ...».[2] Никто не возвысил свой голос за царя. [3] Анализируя данное обстоятельство, нельзя не согласиться с Н.А. Бердяевым: «Разложение императорской России началось давно. Нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников».[4]

Большая часть российского общества с большой тревогой относилась к перспективам восстановления монархии.[5] Но волнения были напрасны. Рассчитывать, что действующая армия проявит устойчивость в борьбе с подобной же ей массой восставших в запасных частях, было действительно трудно.[6]

26 февраля, получив телеграмму от царя о перерыве в работе Думы, оппозиционная часть российского парламента приняла решение указу подчиниться, но в то же время не расходиться и начать «частное совещание». [7] В ночь с 27 на 28 февраля на Совете старейшин Государственной Думы был избран Временный комитет Государственной Думы.[8] В его Декларации содержались две основные задачи: сохранение общественного порядка и формирование нового состава правительства, которое пользовалось бы доверием населения.[9] 1 марта думский комитет сделал еще один шаг вперед по пути разрыва со старой властью. Он постановил « организовать вплоть до созыва Учредительного собрания, имеющего определить форму правления Российского государства, правительственную власть, образовав для сего

---

[1] Liddel Hart. The Real War. London, 1930. P.304.
[2] Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Берлин; Париж, 1917. С.6.
[3] Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С.352.
[4] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.109.
[5] ГА РФ. Ф.6632. Оп.1. Д.14. Л.10.
[6] См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. Ч.1. Кн.1. С.36.
[7] Шульгин В.В. Дни. Белград, 1925. С.157-158.
[8] В его состав вошли: М.В. Родзянко (октябрист), А.Ф. Керенский (трудовик), Н.С. Чхеидзе (меньшевик), В.В. Шульгин (националист), С.И. Шидловский (октябрист), П.Н. Милюков (кадет), М.А. Караулов (прогрессист), В.Н. Львов (националист), В.А. Ржевский (прогрессист).
[9] Сообщение Временного комитета Государственной думы о власти / Российское законодательство. Т.9. М., 1994. С.118.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Временный общественный Совет министров...».[1] П.Н. Милюков дал высокую оценку этому событию.[2]

Либеральные политики явно тянули с формированием Временного правительства.[3] Соискатель считает, что этому способствовали следующие обстоятельства. Первое. Робость думских лидеров была связана с преодолением психологических препятствий, которые они не могли преступить. « Они естественно безвластны, ибо взять власть они не могут, власть должна быть им дана, и дана сверху»,[4] - отмечала в своем дневнике Зинаида Гиппиус. Второе. Отсутствие средств обуздать неуправляемые толпы.[5] Обычно выход из подобных ситуаций находится в присвоении себе революционным правительством диктаторских полномочий,[6] но новые властные круги пугливо сторонились диктаторства и были поражены «властебоязнью» - неуловимому производному от привычки к деятельности в тени существующей власти.[7] Третье. Боязнь ответственности за содеянное. Думские лидеры хотели обезопасить себя на случай, если монархии все же удастся подавить мятеж.[8] Четвертое. Законность основания для принятия решения о власти. Современники отмечали роль Государственной думы в событиях февраля 1917 года,[9] но реальные политические силы того времени не воспринимали существование Думы или любого иного общенационального представительства как необходимую вещь. Совет и революционные массы видели в легитимной и цензовой Думе приземление их революционных прав. Либералы предпочитали забыть ее в интересах политического компромисса на основе свершившегося переворота.

Революция в целом диктовала такие политические условия, при которых существование любого легитимного представительства в любой его форме было невозможно. Она свершилась не под эгидой Думы, потому что эта революция не выдвигала никаких общенациональных лозунгов. Сильные в начале революции иллюзии ее, так называемого, национального характера, причиной которых было только общее недовольство властью, быстро растворились перед анархической ре-

---

[1] Цит. по: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С.311. Партийный и должностной состав Временного правительства см: Минц И.И. Указ. соч. С.598-599.
[2] Революционное движение в России после свержения самодержавия. Сб. док. и мат. М., 1957. С.411.
[3] См.: ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.807. Л.33-35.
[4] Гиппиус З. Синяя книга. Белград, 1929. С.89.
[5] Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. М., 1994. С.6.
[6] См.: Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль-март 1917 г.): Персональный состав // Из глубины времен. СПб., 1995. №5.
[7] См.: Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С.88-90; ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.784. Л.2-7.
[8] Мельгунов С.П. Мартовские дни. С.27-28.
[9] Милюков П. Почему большевики взяли верх? // Коммунист, 1990. №15. С.50.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

альностью.[1] Цели движущих сил революции, завуалированные до поры либеральной риторикой слабой политической элиты, оказались сугубо корпоративными и эгоистическими.[2] Нация же в революции не сплачивалась, а рассыпалась, поэтому потребность в общенациональном представительстве отпала и потом уже не возникала. При этом характерно, что никто из членов Временного правительства не выступал за новый созыв прежней Думы. Правительство мыслило себя отныне независимым от любых атрибутов прежнего строя.[3]

Движущие силы революции носили очевидный антипарламентский и антипарламентаристский характер. Их противники не опирались, не могли опереться на идею Государственной думы в любом ее проявлении именно потому, что еще до революции она не заняла места в системе власти как реальное народное представительство. И возникла парадоксальная ситуация: сначала законодательный орган оказался на месте исполнительной власти. Легитимной законодательной власти не стало вообще. Законодательствовать оставалось только массе. Произошла невольная легитимизация захватного права, что при властной слабости центра грозило превратить трансформацию власти в ее распад.

Митинговое выражение поддержки со стороны населения и иностранных держав внушило новому кабинету обманчивое впечатление относительно его способности контролировать ситуацию в стране, в то время как оно висело между небом и землей. [4] Положение правительства было незавидным. Официально оно исполняло роль как бы местоблюстителя, взяв на себя заботу о государстве до созыва Учредительного собрания.[5] Россия весной 1917 года явила миру уникальный пример правительства, порожденного революцией, устранившей прежний аппарат управления прежде, чем оно (правительство) смогло бы заменить его структурами собственного производства. Работе правительства мешало и то, что оно не знало, как воспользоваться тем объемом власти, который ему отвели. Российские сторонники демократии намеревались действовать на манер монархов.[6]

---

[1] Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Начала. 1991. №3. С.71.
[2] Новгородов П.И. О путях и задачах русской интеллигенции. Соч. С.363.
[3] См.: Милюков П.Н. Воспоминания. С.453; Родзянко М.В. Указ. соч. //А.Р.Р. Т.6. С.70-71; Савич В.Н. Воспоминания. Берлин, 1923. С.125-126; Шульгин В.В. Дни. М., 1990. С.543-544.
[4] Набоков В.Д. Временное правительство. С.135; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г. Ч.1. Кн.1. С.63; Зайончковский А.М. Стратегический очерк войны 1914-1918. Ч.VII. Кампания 1917 года. Приложение №3. М., 1923. С.121.
[5] Гиппиус З. Синяя книга. С.97.
[6] См.: К тебе и о тебе мое последнее слово. Письма В.О. Лихтенштадта к М.М. Тушинской // Минувшее. 1996. Т.20. С.140-141.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Временное правительство в декларации от 3 марта ввело беспрецедентные в условиях войны демократические свободы. Но в таком объеме они явно угрожали сохранению порядка в стране, самой власти и были продиктованы скорее давлением со стороны широких масс и левого движения, нежели самой властью.[1] Детище революции – Временное правительство – было фатально обречено следовать в ее фарватере, постоянно принося в жертву требованиям политической целесообразности интересы эффективного функционирования государственной машины.[2]

Более неподходящего человека, чем прекраснодушный идеалист князь Г.Е. Львов, для управления российскими делами в такое тревожное время трудно было вообразить. Он не только не имел никакого опыта государственного правления, но и, кроме того, исповедовал крайние формы демократизма и популизма, основанных на безграничной вере в мудрость и добрую волю «народа». Всякое центральное руководство он считал абсолютным злом. [3] Этот принцип Г.Е.Львов доводил до крайности, убежденный, что при истинной демократии все решения принимаются заинтересованными в них людьми,[4] а функции правительства сводятся к простой их регистрации.[5] Лишенный воображения, он не понимал размаха событий, в водовороте которых оказался.[6]

Таким образом, Временное правительство изначально было поставлено в такое положение, что могло существовать, лишь опираясь на самые широкие массы населения. Одной из основных отличительных черт такого правительства должен был обязательно стать популизм и потакание толпе, и чем далее, тем более. Состав первого правительства нацелил страну на модернизацию всех сторон общественной жизни на принципах демократии, частной собственности, целостности государства, и, как мы проследим далее, защиту его глобальных интересов участием в мировой войне.

По мнению У. Розенберга, судьбы демократии в России были связаны с так называемой демократией участия.[7] Именно этому обстоятельству, вкупе со слабостью официальной власти, обязаны своим возникновением Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всех уровней. 27 февраля лидеры умеренных

---

[1] См.: Буржуазия и помещики в 1917 г. М.-Л., 1932. С.5.
[2] Набоков В.Д. Временное правительство // А.Р.Р. Т.1. С.27.
[3] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.75; Милюков П.Н. История второй русской революции. Т.1. Ч.1. С.67.
[4] Пайпс Р. Русская революция. Ч.1. С.330.
[5] Там же.
[6] Полнер Т.И. Жизненный путь Г.Е. Львова. Париж, 1932. С.151; Родина. 1996. №10. С.58; Пайпс Р. Русская революция. Ч.1. С.330.
[7] 1917 год в судьбах России и мира // Отечественная история. 1998. №1. С.207.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

социалистов, в том числе и члены Государственной Думы, создали Временный исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих депутатов. Комитет обратился с призывом к солдатам, рабочим и другим жителям Петрограда избрать представителей на организационный митинг Совета.[1] 28 февраля эти представители выбрали исполнительный комитет в составе 15 человек[2] во главе с Н.С. Чхеидзе. Ко второй неделе существования Совета из 3000 депутатов более 2000 были солдатами,[3] а Совет переименован в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Сообразно взглядам левых социалистов на Советы как орган «демократического» контроля над «буржуазией», исполком большинством голосов принял решение не входить в правительство, которое в это время формировала Дума.[4] Причин такого воздержания, по мнению В. Станкевича, было много, но « главным фактором отказа от участия во власти была война. Принять власть в то время, как свыше 10 миллионов людей было под ружьем, демократия не могла, так как не знала, как относиться к армии и к войне».[5] Несколько по иному видел причины отказа Советов от власти В.Чернов.[6]

Таким решением социалисты обеспечили себе право критиковать правительство и управлять им, не разделяя с ним ответственности. Вместе с тем, отказываясь от участия в правительстве, Исполнительный комитет отнюдь не отказывался от власти, во всяком случае, он действовал так, чтобы правительство власти не имело.[7] Такая позиция была весьма сходна с той, которую исповедовала парламентская оппозиция в отношении царизма.[8] Совет, и особенно его Исполком, хотели управлять, не царствуя, систематически занимаясь законотворчеством во всех видах деятельности. [9] Логика взятой на себя исполкомом роли «демократического контроля за «буржуазией» привела к принятию репрессивных мер в худших традициях царизма. [10] Уже в конце первого месяца существования Петроградский Со-

---

[1] См.: ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.807. Л.34-35; Д.784. Л.6.
[2] См.: Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С.70; Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976. С.39.
[3] Шляпников А. Семнадцатый год. Т.3. С.173.
[4] Суханов Н. Записки о революции. Берлин, Петербург, Москва, 1922. Т.1. С.255-256; Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн.1. С.23,403.
[5] Станкевич В.Б. Указ. соч. С.46.
[6] См.: Октябрьский переворот… С.155-158.
[7] Станкевич В.Б. Указ. соч. С.47.
[8] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.40. Л.88.
[9] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполкома и Бюро исполкома / Под ред. Б.Я. Наливайского. М.; Л., 1925. С.9.
[10] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. С.10; Революция 1917 года: хроника событий. М., 1923. Т.1. С.64, 72, 80.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вет распространил свое влияние на всю страну.[1] У крестьян был свой Крестьянский союз, который значительно дистанцировался от Совета.

Таким образом, рассматривая начальный этап функционирования Петроградского Совета, автор считает возможным утверждать, что, с одной стороны, он явился, по мнению многих современников, признанным массами центром восстания,[2] с другой – его влияние зижделось исключительно на авторитете его лидеров и существовало лишь постольку, поскольку отражало и формулировало требования масс. Советы возникали с ярко выраженной социальной окраской, что в корне отличало их от формировавшейся вертикали общедемократических органов власти. Они несли в себе ряд родовых признаков: выступая как органы непосредственного революционного действия, самостийно вторгались во все сферы управления; как самодеятельные общественные органы ориентировались, главным образом, на специфические текущие интересы; подменяя государственные органы, но не имея подготовленных кадров, средств, выступали, главным образом, как сила деструктивная; сложившись фактически без традиций, культуры, практического опыта, вынужденно формировались как околопартийные органы, заимствуя у активно действующих партий их кадры, организационные навыки, методы работы в массах и сам партийный дух.

Судьба Советов, а вместе с ними и всей складывающейся демократической системы власти зависела от того, сможет ли Временное правительство оторвать от Советов нарастающее оппозиционное движение или позволит им выступить единым фронтом под лозунгами перерастания революции из стадии политической в новую, социальную, и соответствующего изменения характера власти.

Диссертант считает, что исключительно важное значение в формировании массового политического сознания российского общества, действующей армии и их составляющих сыграло взаимодействие властных структур российского государства, которое отличалось сложностью и противоречивостью.

На смену старой централизованной власти пришло, по меткому выражению Л.Д. Троцкого, «двоевластие» в центре и многовластие на местах. С одной стороны, чисто номинальное Временное правительство – «власть без силы», своего рода исторический парадокс. С другой стороны, Советы – «сила без власти», - органы прямой и представительной демократии и местного самоуправления, которые

---

[1] Революция 1917 года: хроника событий.С.162-163.
[2] См., напр.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.148-160; Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. С.58-59.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

в условиях вакуума власти стали выполнять властные полномочия в режиме «постольку-поскольку».[1] При столь очевидных различиях партнеры или совластители не могли сотрудничать эффективно, так как преследовали совершенно разные цели: думские лидеры хотели сдержать революцию, советские же лидеры – ее развить.[2]

Если достигнуть полноценного сотрудничества вряд ли представлялось возможным, то условия для разумного компромисса были вполне реальными.[3] Прежде всего, этот компромисс мог опираться на принципиальное признание революции как буржуазно-демократической и стратегическую задачу удержания ее в этих рамках. Более того, главной опорой и Временного правительства, и Советов в начальный период послереволюционного развития являлась революционная эйфория, охватившая широчайшие слои населения. К сожалению, все прогрессивные перемены происходили в условиях войны, которая объективно требовала сильной, авторитарной государственной власти.

Начало сотрудничества можно датировать концом февраля 1917 года, когда Временным комитетом Государственной думы и Исполнительным комитетом Петросовета была образована Военная комиссия.[4] Если вопрос о создании нового правительства, как и вопрос об отношении к Временному комитету Государственной думы никто ни с кем не согласовывал, то состав и декларация о задачах нового правительства, как известно, были оговорены на встрече представителей Комитета и Совета и лишь после этого опубликованы.[5] Так правительство с самого первого дня существования стало заложником Совета. 7 марта «в целях осведомления правительства о требованиях революционного народа»[6] была создана Контактная комиссия из пяти социалистов.[7] Чтобы закрепить такую практику,21 апреля Исполком просил Временное правительство не предпринимать «важных» политических шагов, предварительно не проинформировав его.[8]

Взаимодействие Временного правительства и Совета далеко не всегда было безоблачным, ибо руководители Совета всячески подчеркивали тот факт, что пра-

---

[1] Революция 1917 года: хроника событий. Т.1. С.53.
[2] См.: Пайпс Р. Указ. соч. Ч.1. С.325; Сорокин П.А. Дальняя дорога. М., 1992. С.37-38.
[3] См.: Сорокин П.А. Дальняя дорога. С.76; Он же. Революция и социология. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1993. С.221-296.
[4] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.13. Л.47.
[5] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.127-160; Шульгин В.В. Годы. Дни. М., 1990. С.490-496.
[6] Революция 1917 года: хроника событий. Т.1. С.71-72.
[7] Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, Ю.М. Стеклов, Н.Н. Суханов, В.Н. Филипповский.
[8] См.: Петроградский Совет / Под ред. Б.Я. Наливайского. С.118.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вительство существует лишь с их благоволения,[1] хотя впоследствии говорили, что Совет делал все от него зависящее, чтобы поддерживать под руку такое правительство, и не только не думал о его свержении, а, наоборот, служил ему главным источником силы.[2] Руководители Исполкома всячески старались подорвать авторитет Временного правительства и его престиж.[3] Анализ документов показывает, что во взаимоотношениях Временного правительства и Советов были и элементы всепрощенчества, особенно в проблемах внешней политики.

Автор считает необходимым особо выделить проблемы, связанные с признанием или отрицанием двоевластия в России. Сущность двоевластия традиционно определяется ленинской характеристикой о переплетении двух властей, двух диктатур: буржуазии в лице Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов как революционной диктатуры пролетариата и крестьянства.[4] Но наряду с этой точкой зрения существуют и иные взгляды на двоевластие.

Политические деятели 1917 года по-разному относились к его существованию. А.Ф. Керенский считал, что была создана «легенда о «двоевластии», придуманная «врагами правительства, как справа, так и слева» ради того, чтобы доказать, что оно «делило власть с Советом».[5] С его позицией согласен и В.Д.Набоков.[6] П.Н. Милюков с оговоркой признавал двоевластие, вкладывая в это понятие несколько иной смысл.[7]

Согласно советской историографии, двоевластие было и закончилось в начале июля, в период кризиса первого коалиционного правительства. Между тем, в воспоминаниях И.Г. Церетели, одного из лидеров меньшевиков и члена ВЦИК, события 3-4 июля представлены как неудавшееся восстание большевиков, направленное на захват власти.[8] Подобная точка зрения высказывалась и другими авторами и ныне получила в литературе поддержку.

Западная историография крайне разнообразно трактует сущность и хронологические рамки двоевластия, если такое признается.[9] Взгляды западных историков

---

[1] Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Стенографический отчет. М.: Л., 1927. С.38; Церетели И.Г. Указ. соч. Т.1. С.97.
[2] См.: Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Т.1. С.107-108.
[3] Революция 1917 года: хроника событий. Т.1. С.114.
[4] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.145.
[5] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. №12. С.146.
[6] Набоков В.Д. Временное правительство // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С.393, 394.
[7] Милюков П.Н. Почему большевики взяли верх? // Коммунист, 1990. №15. С.51.
[8] Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции // От первого лица. М., 1992. С.278.
[9] Альтрихтер Х. Россия в 1917 году: страна в поисках самой себя. Мюнхен, 1997. С.124; Бонвеч Б. Указ. соч. С.138.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

на хронологию двоевластия также отличаются большим разбросом мнений. [1] Р. Пайпс утверждает, что 27 февраля в России установилась особая форма правления – двоевластие, которое продержалось до 25-26 октября. [2] По Б. Бонвечу, одобрив 13 мая новый состав Временного правительства, Петроградский Совет добровольно положил конец двоевластию, став своего рода «правящей партией».[3] З. Галили считает, что «этап двоевластия март-апрель» является первым периодом русской революции.[4] Подобного мнения придерживается и Н. Верт. [5]

Представляется, что мнение о «двоевластии», как основном факторе гражданского раскола, может быть таковым. Во-первых, положением о двоевластии искусственно поднималась значимость Советов. Но это было не равноправное партнерство и не фактический раздел власти. Во-вторых, такое состояние власти можно трактовать в рамках неантагонистической схемы: правительство – оппозиция. В-третьих, известный ленинский термин «двоевластия» и «переплетения диктатур» страдал явным преувеличением. Ни Временное правительство, ни Советы не являлись органами диктатуры по определению. В-четвертых, после Февраля в провинции существовало многовластие, а в дальнейшем шло скорее «размывание» официальной власти. В-пятых, положением о двоевластии Советам выдавался своеобразный аванс: они провоцировались на первые роли, одновременно перегружались конфронтационным духом и становились полем острейшей политической борьбы в ущерб остальным направлениям деятельности. Наконец, нужно учитывать, что сам термин двоевластие вошел в научный оборот с подачи политиков, которые подспудно связывали возможность реализации своих программ с действиями всероссийского (властного?) центра.

Народ готов был принять любой образ правления, масса оставалась безразлична к институтам, ее волновали результаты, а не формы властвования. [6] Подавляющая масса телеграмм в адрес Временного правительства после каждого очередного политического кризиса содержала призывы к «дружной и плодотворной работе» правительства и Совета.[7]

---

[1] См.: Розенберг У. Государство и проблема управления в Февральской революции // Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1997.
[2] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.1. С.325.
[3] Бонвеч Б. Указ. соч. С.152.
[4] См.: Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993. С.9.
[5] Верт Н. История советского государства, 1900-1991 гг. М., 1992. С.74, 85.
[6] Николаев А.Б., Поливанов О.Л. К вопросу об организации власти в феврале-марте 1917 г // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. С.134.
[7] См.: ГА РФ. Ф.1778. Оп.1. Д.93, 94, 95, 97, 98, 99. Следует учитывать, что основная масса телеграмм направлялась от организаций образованных слоев общества.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Революция 1917 года произошла в условиях продолжавшейся Первой мировой войны, которая явилась одной из основных ее причин.[1] Поэтому, понимая жизненную важность данной проблемы,[2] и Временное правительство, и Петроградский Совет должны были определить свои позиции по отношению к ней. Примечательно, что если Думский комитет первоначально воздержался от сколько-нибудь отчетливой постановки проблемы войны и мира, то Совет рабочих и солдатских депутатов, со своей стороны, выдвинул их на первый план.[3]

По мнению Временного правительства, только победа над Германией могла укрепить связи России и западных демократий и консолидировать общество. [4] 7 марта состоялось заседание правительства, всецело посвященное вопросу о войне. На нем было высказано две точки зрения. Согласно одной из них, как вспоминает В. Набоков, устанавливалась причинная связь между плохим ведением войны царским правительством и революцией. С этой точки зрения революция могла рассматриваться как положительный фактор в деле ведения войны. Представители второй точки зрения считали, что одной из основных причин революции было утомление войной и нежелание ее продолжать. [5] Некоторые даже считали, что нет другого выхода, кроме необходимости сепаратного мира с Германией.[6] Возобладала первая точка зрения. [7]

Под давлением Совета и по настоянию некоторых членов кабинета правительство согласилось издать официальное заявление о целях войны. [8] Двойственность заявления вызвала недовольство правительств стран Антанты, в связи с чем П.Н. Милюков, рассылая правительствам союзников декларацию от 27 марта, 18 апреля заявил о своей ноте, являющейся сопроводительным отношением к декларации, что после Февраля правительство «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников».[9]

Крайне важной представлялась и проблема власти. Учредительное собрание на протяжении всего 1917 года олицетворяло собой демократическую перспективу

---

[1] См., например: Милюков П.Н. Воспоминания. Т.2. М., 1990. С.242; Набоков В. Временное правительство // А.Р.Р. Т.1. С.41 и др.
[2] См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.1. М., 1991. С.314.
[3] См.: Там же. С.108.
[4] Революционное движение в России после свержения самодержавия. Сб. док. и мат. М., 1957. С.423-424; Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.
[5] См.: Октябрьский переворот... С.149-150.
[6] Там же. С.150.
[7] РГВИА. Ф.2015. Оп.1. Д.1. Л.1; Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С.87-88.
[8] Революционное движение в России после свержения самодержавия. С.445; Речь. 1917. 28 марта, 4 апреля.
[9] Вестник Временного правительства. 1917. 20 апреля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

развития. В известном соглашении от 2 марта, заключенном Исполкомом Петросовета и Временным комитетом Государственной Думы о конструкции власти в стране, был выработан четкий юридический статус Учредительного собрания. Политическое значение этого решения трудно переоценить. Оно гарантировало послефевральский режим в стране и на время установило баланс сил, соединив революционные и реформаторские устремления. Престиж Учредительного собрания, как арбитра нации, необыкновенно вырос.

Однако, чем далее, тем более обнажалась оборотная сторона идеи Учредительного собрания, ставшая роковой для страны. Расширялся вакуум легитимной власти, поскольку и Временное правительство, и сами советские партии, надевшие на него «узду непредрешенчества», оказались его заложниками. В среде интеллигенции господствовало убеждение, что достаточно довести страну до Учредительного собрания, как остальное приложится само собой. Проблема отягчалась тем, что революция дала гигантский выброс в сферу политической жизни людских масс, которые теперь не столько следовали за революционными партиями, сколько толкали их впереди себя, желая разом получить от них разрешение всех своих ожиданий. Откладывая выборы, правительство не только нарушало положения своей программы, но и оказывалось беззащитным перед обвинением, на которое нечего было возразить, что оно намеренно тянет время, ожидая пока улягутся революционные страсти.[1]

Одним из главных, не исчезнувших вместе с монархией в феврале 1917 года, был острейший аграрный вопрос.[2] Через три недели после падения монархии правительство опубликовало декрет об аграрной реформе, подготовленный А.И. Шингаревым.[3] Власть намеревалась решить земельный вопрос в пользу крестьян, руководствуясь при этом не только соображениями целесообразности, но и началами справедливости.[4] На наш взгляд, экспроприация помещичьей земли, как и всякой частной собственности, вряд ли могла быть проведена через «обычные» парламентские процедуры да еще с гарантией от парламентской же реставрации. Поэтому тот, кто обещал немедленно отдать крестьянам всю землю, неизбежно должен был встать на революционный путь, а затем отказаться от парламентской республики и перейти к республике Советов.

---

[1] См.: Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932. С.73.
[2] Русское слово. 1917. 22 марта.
[3] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. №12. С.135.
[4] Телицин В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. С.180; Керенский А.Ф. Указ. соч. // Вопросы истории. 1990. №12. С.135, 136.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Позиции Петроградского совета по важнейшим стоящими перед страной проблемами в общем и целом сводились к следующему: поддержка на определенных условиях Временного правительства в сочетании с давлением на него и контролем за его действиями; призыв к демократическому миру без аннексий и контрибуций, что не исключало лозунга защиты «революционного отечества».[1]

Официальная политика Советов по отношению к войне была впервые наиболее полно отражена в Манифесте Петроградского Совета «К народам всего мира» 14 марта 1917 года.[2] Автор считает, что этот документ носил яркую революционно-оборонческую направленность. Такую же его особенность подчеркивал и Н.С. Чхеидзе.[3] В числе первых платформу воззвания поддержала состоявшаяся 25-27 марта Московская областная конференция Советов.[4]

Для России все это имело исключительно важное значение, ибо, как писал видный эсер Д. Розенблюм, «русская демократия пыталась примирить войну и революцию,...примирить классы, установить «гражданский мир» в западноевропейском смысле этого слова».[5] Советы стремились привлечь внимание к Стокгольмской конференции, с помощью которой можно было бы якобы решить вопрос о выходе из войны.[6] Единственное, что было непонятно членам Совета, привыкшим уже к мысли о необходимости и возможности «давить» на свое правительство, почему нельзя оказать давление на союзные правительства.[7]

В воззвании Совета 27 марта также предлагалось заключить мир «без аннексий и контрибуций».[8] Аналогичное заявление было сделано совещанием делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившего 29-31 марта 1917 года.[9] Такие взгляды были характерны не только для руководителей, но и для рядовых участников совещания, в том числе и от действующей армии.[10] Исполнительная комиссия Совета солдатских депутатов 15 апреля приняла резолюцию, объявляющую пропаганду Ленина «...не менее вредной, чем всякая контрреволюционная

---

[1] ГА РФ. Ф.1235. Оп.53. Д.1. Л.1, 8; РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.13. Л.5.
[2] РГВИА. Ф.2067. Оп.3. Д.55. Л.300; Известия Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1917. 15 марта.
[3] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн.1-2. С.268.
[4] Вперед. 1917. 27 марта; Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 марта.
[5] Розенблюм Д. Противоречия русской революции // Год русской революции. 1917-1918. М., 1918. С.21.
[6] Рабочая газета. М., 1917. 27 апреля.
[7] См.: Станкевич В.Б. Указ. соч. С.58; РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.836. Л.18.
[8] См.: Верт Н. Указ. соч. С.83.
[9] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1А. Д.97. Л.24, 25, 93.
[10] Там же. Л.75.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

пропаганда справа.»[1] В солдатской секции Петроградского Совета также была принята угрожающая резолюция против пропаганды «ленинцев».[2]

Когда правительственная нота Милюкова появилась в русских газетах, Исполком выдвинул постановление, где было записано, что Россия должна была продолжать войну, но только до того момента, когда воюющие стороны могут подписать мир без аннексий.[3] 20 апреля он отказался поддержать предложение большевиков о проведении демонстрации протеста против ноты П.Н. Милюкова.[4]

Первостепенная роль армии[5] в бурных политических событиях, развернувшихся в стране после свержения самодержавия, определила беспрецедентную по размаху и накалу борьбу политических партий, официальных и неофициальных властных структур за политическое влияние на Вооруженные Силы России. Для этого были, на наш взгляд, следующие причины: 1) резко возросшая в условиях войны и революции роль Вооруженных Сил во всей государственной жизни; 2) разнородный состав многомиллионной армии, привлекавший основные политические партии в их стремлении расширить и упрочить свою социальную опору; 3) превращение России после свержения царизма в свободную страну с «максимумом легальности», дающей возможность вести политическую деятельность в Вооруженных Силах, которые раньше были запретной территорией. Лишь немногие из современных исследователей отрицают гегемонию Вооруженных Сил в революционном процессе, объясняя это широким распространением пассивного сопротивления в силу крестьянского характера значительной части армии.[6]

Политическим манифестом по отношению к армии был приказ №1 Петроградского Совета, изданный уже 1 марта 1917 года.[7] Приказ, изданный «по гарнизону Петроградского округа», был тотчас же истолкован как применимый к Вооруженным Силам в целом – на фронте и в тылу, после чего «армия раскололась на две части и стала быстро разлагаться»,[8] вооруженный народ превратился «в вооруженную толпу – государственную опасность, а солдаты-граждане обратили

---

[1] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.278.
[2] Дело народа. 1917. 16 апреля.
[3] Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С.128.
[4] Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн.1. С.87.
[5] См., например: ГА РФ. Ф.6632. Оп.1. Д.14. Л.37 Б; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.189; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С.233; Подвойский Н.И. Из воспоминаний // Это есть наш последний и решительный бой: В 2-х кн. Кн.1 (Март-июль 1917 г.) М., 1987. С.167; 1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция… С.21, 26; Черная книга коммунизма. М., 1999. С.71 и др.
[6] Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905-1917 гг. // Вопросы истории, 1992. №1. С.28.
[7] Текст см.: Революция 1917 года: хроника событий. Т.1. С.176-177.
[8] Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С.212.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

штыки против своих офицеров – в лучшем случае воткнули их в землю».[1] Реагируя на возникшие трения во взаимоотношениях солдат и офицеров, Исполком Петросовета принял обращение к армии, в котором во имя пресечения опасности военного движения против революции призвал офицеров и солдат к единению для решительной борьбы за свободную Россию.[2]

Борьба Советов за армию происходила на платформе манифеста «К народам всего мира», на платформе внутренней борьбы за мир в сочетании с защитой демократических завоеваний от внешних реакционных сил.[3] Документы свидетельствуют, что Советы создавали свои собственные «структуры влияния» на армию. 27 февраля на первом заседании Петросовета была создана военная комиссия во главе с эсерами В.Н. Филипповским и С.Д. Мстиславским.[4] В начале марта при Совете была организована солдатская секция, которая подчинялась военной комиссии лишь постольку, поскольку ее распоряжения не расходились с постановлениями Петросовета.[5]

6 марта Исполком Петроградского Совета признал желательным иметь своих комиссаров при всех воинских частях и военных властях.[6] Члены Исполкома уже 6 марта прямо выражали свое недовольство тем, что военный министр «не склонен подчиняться решениям Совета».[7] Петроградский Совет пытался оказывать и другое влияние на армию. 12 марта он выступил с протестом против текста присяги и предложил войти в переговоры о выработке нового. Однако результата это обращение не дало.[8] Регулярно проводились собеседования с фронтовиками.[9] 23 апреля опубликовано постановление Петросовета о недопустимости формирования войск отдельной национальности.[10] 30 апреля было принято воззвание, в котором армии настоятельно рекомендовалось «не сидеть неподвижно в окопах» и «не отказываться от наступательных действий».[11]

Диссертант считает, что целостной концепции отношения Советов к войне и армии не было. По мнению члена Исполкома Совета Н.Д. Соколова, не удавалось

---

[1] Керсновский А. Упущенная возможность // РВС. №9. С.291.
[2] Известия. 1917. 3 марта; ГА РФ. Ф.1235. Оп.53. Д.1. Л.6.
[3] Октябрьский переворот… С.182.
[4] Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 февраля. Прибавления к №1. С №3 газета стала именоваться «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». (Далее – «Известия»).
[5] См.: Алексеев С.А. Февральская революция. М., 1926. С.337; РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.13. Л.47.
[6] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы. С.19, 55, 61-62.
[7] Там же. С.17.
[8] История Гражданской войны в СССР. М., 1935. Т.1. С.92.
[9] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.32, 36.
[10] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.335. Л.10.
[11] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.133.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

осуществлять и контроля над действиями высшего командного состава.[1] Поэтому Исполком считал, что необходимо специально заняться и правильной агитацией на фронте.[2]

Временное правительство, фактически с самого начала взяв курс на продолжение войны до победного конца, на этой основе строило и свою военную политику, сущность которой сводилась к тому, чтобы сохранить руководство армией в интересах продолжения войны, поставить армию вне политики, провести военную реформу на основе демократизации и, в конечном итоге, поднять уровень организованности и управляемости армии и восстановить ее боеспособность. Прежде всего, была сделана попытка остановить начавшийся развал армии[3] и успокоить ее.[4]

Руководство Вооруженных Сил, в частности генерал М.В. Алексеев, неоднократно обращался к главе Временного правительства с просьбами «спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Прикосновение же армии к делу внутренней политики, будет знаменовать неизбежный конец войне, позор России и развал ее».[5] Свои просьбы он мотивировал тем, что волнения армии «можно объяснить исключительно тем, что для массы простонародья все же непонятно истинное отношение правительства к начальствующим лицам в армии и недоверие, что последние действуют согласно директив и решений нового правительства».[6] Были и другие предложения по «успокоению» армии из войск.[7]

Исходя из крайне сложной ситуации, от имени Государственной Думы было выпущено воззвание к армии и флоту, которое предполагало, «чтобы армия не впутывалась пока в дело».[8] 6 марта от имени Государственной Думы к солдатам и офицерам обратились М.В.Родзянко[9] и военный министр А.И. Гучков.[10] 9 марта состоялся приказ по армии и флоту, где военный министр выражал уверенность, что завоеванные гражданские права еще больше сплотят Вооруженные Силы России в одно неделимое целое.[11] Временное правительство боялось осложнений, и 4

---

[1] Совещание делегатов фронта. Стенографический отчет. Пг., 1917. С.7-8.
[2] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.98. Л.3 об.
[3] ГА РФ. Ф.6632. Оп.1. Д.14. Л.55.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.133. Л.74-75.
[5] Документы к «Воспоминаниям» генерала А. Лукомского // А.Р.Р. Т.3. С.260, 262, Т.16. С.284, 285.
[6] Там же. Т.16. С.285.
[7] Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. Репринтное издание. М., 1990. С.167; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.265,290; Красный архив. 1925. Т.3(10). С.166, 171; РГВИА. Ф.2003. Оп.6. Д.1. Л.8 А.
[8] Красный архив. 1927. Т.2(21). С.36-37; Известия революционной недели. 1917. 1 марта; Революционное движение в России после свержения самодержавия. С.404.
[9] Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.
[10] Там же.
[11] РГВИА Ф.1915. Оп.2. Д.9. Л.143.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

марта А.И.Гучков советовал генералу М.В. Алексееву не принимать суровых мер против участников беспорядков.[1] Аналогичные взгляды исповедовал и А.С. Лукомский.[2]

Для реформирования служебного и бытового порядка жизни армии приказом Военного министра №115 от 6 марта 1917 года была создана комиссия под председательством генерала от инфантерии А.А. Поливанова.[3] 5 марта А.И. Гучков подписал приказ №114, согласно которому отменялось титулование офицеров, военным разрешалось участие в союзах и обществах, «образованных с политической целью».[4] Были приняты и другие популистские решения.[5] 12 марта Временное правительство отменило смертную казнь.[6]

Под напором солдатских масс вышел приказ Военного министра об увольнении солдат, чей возраст превышал 40 лет, на сельскохозяйственные работы до 15 мая (впоследствии срок продлен до 15 июня), а 10 апреля принято постановление Временного правительства об увольнении со службы лиц, старше 43 лет.[7] По нашему мнению, переоценить разлагающее влияние этих актов на боевой дух армии вряд ли возможно. Это было фактически началом демобилизации армии. Уже в апреле 1917 года по инициативе А.И. Гучкова и М.В. Алексеева создается специальная комиссия (КОМИР) для разработки перехода русской армии в состояние мирного времени.[8]

Произошли крупные изменения в руководстве Вооруженными Силами. 24 марта кн. Г.Е. Львов попросил выйти в отставку Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича.[9] Генералу М.В. Алексееву было предложено подумать и о других заменах.[10] Отстранения носили далеко не единичный характер.[11] Всего было уволено и смещено со своих постов до 60% высших офицеров, среди них 8 главнокомандующих войсками фронтов и командующих армиями,

---

[1] Революционное движение в России после свержения самодержавия. С.607; Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. 1993. №7. С.82.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.133. Л.74-75.
[3] ГА РФ. Ф.5960. Оп.1. Д.19А (прекратила существование по приказу №442 от 14 июля 1917 г.).
[4] Приказы по Военному ведомству. Пг., 1917. С.104.
[5] РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.56. Л.4; Документ об общеуголовной амнистии 17 марта 1917 года // Вопросы истории. 1999. №4-5. С.142.
[6] Речь. 1917. 18 марта.
[7] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.233.
[8] РГВИА. Ф.2000. Оп.2. Д.2431. Л.1.
[9] Мэсси Р. Указ. соч. С.381.
[10] Красный архив. 1927. №3. С.63.
[11] РГВИА. Ф.2031. Оп.2. Д.126. Л.16; Ф.2168. Оп.1. Д.422. Л.308, 320.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

35 командиров корпусов из 58 и 75 командиров дивизий из 240.[1] Справедливости ради надо сказать, что уже в конце марта Военное министерство направило высшим начальникам циркулярную телеграмму, в которой предлагало разобраться с изменениями в комсоставе, произведенными в дни революции.[2]

7 марта Кабинетом Министров был утвержден текст военной присяги,[3] что должно было, по замыслу властей и командования армии, укрепить воинскую дисциплину и в этом смысле сыграть роль идеологического противовеса первомартовской инициативе Петросовета (приказ №1 – А. Ч.), активно поддержанной войсковыми низами.[4] Принятие новой присяги началось немедленно и продолжалось до начала апреля 1917 года.[5] Ритуал присяги не изменился, лишь форма ее стала на фронте совместной для офицеров и солдат.[6] При докладе фронтов о приведении войск к присяге, военный министр рассылал приветствия с выражением твердой веры в непоколебимый дух революционной армии, тесно связанной с народом.[7]

Несмотря на подчеркнуто общегражданский характер текста, присяга требовала клятвы на верность не только Отечеству, но и Временному правительству [8], что не могло не породить ощущения временности и присяги, и самой власти. Принятие присяги сопровождалось бесконечной чередой воззваний командования[9] и обращений общественных организаций.[10]

30 марта 1917 года вышел приказ Верховного Главнокомандующего №51 «Временное положение об организации чинов действующей армии», в основу которого был положен проект А.И. Верховского[11] о создании системы комитетов в

---

[1] Половцев П.А. Дни затмения. Париж. 1928. С.37-43; РГВИА. Ф.29. Оп.3. Д.223. Л.6, 15-19; Д.372; Оп.1. Д.48. Л.397; Кизрин И.Г. Распад старой армии. Воронеж, 1931. С.35. (После Февральской революции по 10 августа 1917 года включительно сняты с должности 140 генералов, в том числе два Верховных Главнокомандующих (М.В. Алексеев, А.А. Брусилов), пять Главнокомандующих армиями фронтов (Вас. И. Гурко, Ал. Е. Гутор, Н.В. Рузский, В.В. Сахаров, Н.Н. Юденич), семь командующих армиями, шесть начальников военных округов, 26 командиров корпусов, 56 начальников пехотных и 13 начальников кавалерийских и казачьих дивизий, один инспектор артиллерии армии и 11 инспекторов корпусов, 13 командиров артиллерийских бригад. Среди них 16 были сняты по несоответствии занимаемой должности, 74 – по болезни, 33 – по обстоятельствам настоящего времени. См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.505.

[2] Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба. Таллинн, 1929. С.15; РГВИА. Ф.2000. Оп.2. Д.2418. Л.50-50 об.

[3] См.: Приложение 13

[4] РГВИА. Ф.2620. Оп.2. Д.19. Л.251.

[5] Телеграммы и разговоры по прямому проводу // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Изд. 2-е, доп. Репринтное издание. М., 1990. С.243, 245.

[6] РГВИА. Ф.2620. Оп.2. Д.19. Л.263.

[7] РГВИА. Ф.2620. Оп.2. Д.68. Л.180.

[8] Там же. Л.147.

[9] РГВИА. Ф.4. Оп.2. Д.68. Л.131.

[10] Там же. Л.371.

[11] См.: Минц И.И. Указ. соч. С.739.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

армии. Были определены и возлагаемые на них задачи.[1] К маю вся действующая армия была покрыта сетью комитетов, число которых достигало почти 50 тысяч.[2] В них было выбрано до 300 тысяч солдат[3] и 40 тысяч офицеров и военных чиновников.[4]

Комитеты, по мнению А.И. Деникина, являли собой «скорее межпартийные социалистические, нежели военные органы».[5] Для В.Б. Станкевича «теоретически становилось все яснее, что нужно или уничтожить армию, или уничтожить комитеты».[6] По-другому, более взвешенно, оценивал эти события А.И. Гучков.[7] Армейский генералитет в подавляющем большинстве крайне негативно воспринял появление комитетов.[8] По нашему мнению, курс на использование комитетов означал крутой поворот в военной политике Временного правительства, смысл которого один из главных его инициаторов генерал М.В. Алексеев определил так: «взять ход событий в свои руки, руководить им».[9] Вместе с тем, офицерско-солдатские комитеты внесли и заметное успокоение в армию.[10]

Временное правительство придавало исключительно важное значение пропаганде своей политики в войсках. 6 марта кабинет Г.Е. Львова принял решение послать на фронты депутатов Государственной думы для агитации в войсках.[11] В действующую армию было направлено огромное количество воззваний, агитационных листков и другой печатной продукции.[12] Для разъяснения необходимости продолжения войны нужно было 500 тысяч рублей, которые Военный совет решил выделить преемнику А.И. Гучкова – А.Ф. Керенскому.[13]

Самое активное участие в деле пропаганды военной политики Временного правительства принимала правительственная печать[14], причем, зачастую, журналисты инструктировались командованием о содержании публикаций.[15] В этот период

---

[1] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С. 276; РГВИА. Ф.2003. Оп.11. Д.9. Л.87-90 об.
[2] См.: Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.34.
[3] Подсчитано автором.
[4] Подсчитано автором.
[5] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.279-280.
[6] Станкевич В.Б. Указ. соч. С.75.
[7] РГВИА. Ф.2000. Оп.2. Д.2186. Л.19; Д.2279. Л.9-36; Крах керенщины. Л., 1982. С.174; Последние новости. 1936. 20 сентября.
[8] Дневник барона А. Будберга // А.Р.Р. Т.12. С.202; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.281.
[9] РГВИА. Ф.2087. Оп.1. Д.1. Л.22.
[10] См.: Разложение армии в 1917 году. М.-Л., 1925. С.27; Известия армейского исполнительного комитета 5-й армии. 1917. 18 апреля; ГА РФ. Ф.6632. Оп.1. Д.14. Л.88.
[11] Красный архив. 1927. Т.3(22). С.59.
[12] РГВИА. Ф.1915. Оп.2. Д.9. Л.454; Ф.2129. Оп.2. Д.48. Л.2; Ф.29. Оп.3. Д.634. Л.35-36.
[13] РГВИА. Ф.29. Оп.3. Д.634. Л.1-2; Д.1486. Л.375.
[14] Русские ведомости. 1917. 3 марта, 10 марта.
[15] Русское слово. 1917. 21 апреля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

в армии было зарегистрировано около 150 газет правительственного лагеря самых различных направлений.[1] Непосредственное влияние на массовое политическое сознание действующей армии оказывала и военная печать, которая хотя и хирела,[2] но доводила идеи, воспринятые из газет и преломленные через призму сознания полуинтеллигентной части армии в солдатскую массу в упрощенном виде.[3] Выдвигалась и идея организации офицеров и ведения ими агитационной работы среди солдат.[4] Значительными возможностями для ведения агитации на фронте располагал Земгор, [5] которому было разрешено создавать специальные организации – комитеты пропаганды.[6]

15 апреля Совет Всероссийского союза промышленности и торговли вынес решение об отчислении 1% с основного и запасного капитала каждого предприятия «на ведение политической пропаганды».[7] При Совете этого Союза по инициативе Н.С. Третьякова был создан политотдел во главе с С.А.Смирновым, который распространял политическую литературу и воззвания в действующей армии, финансировал издаваемые для армии газеты и журналы.[8] Так, например, на заседании 23 апреля было решено просить А.Н. Максимова написать брошюру «О роли армии в республике» и ассигновать 25000 рублей князю Друцкому на газету «Война и мир», которую предполагала издавать группа офицеров.[9] В конце апреля со своей программой создается организационное бюро по образованию культурно-просветительной лиги Московского военного округа.[10]

Во весь рост перед руководством страны встала проблема сохранения армии как боевого организма. [11] «Нам, - говорил без дипломатии генерал Н.В. Рузский, - нужна не революционная армия, а армия дисциплинированная».[12] Для этого, как подчеркивал Главнокомандующий войсками Западного фронта генерал А.Е. Эверт

---

[1] См.: Рабинович С.Е. Армейская печать в борьбе за армию // Война и революция. 1927. №10-11. С.119.
[2] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.337.
[3] См.: Там же. С.339.
[4] Революционное движение в России после свержения самодержавия. С.628.
[5] См.: Бюллетень комитета Всероссийского земского союза Юго-Западного фронта №95. 1917. 7 августа.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.28. Л.201, 206.
[7] ГА РФ. Ф.1788. Оп.1. Д.29. Л.2.
[8] ГА РФ. Ф.1788. Оп.1. Д.28. Л.18.
[9] Там же. Л.17, 181.
[10] РГАСПИ. Ф.70. Оп.3. Д.888. Л.11.
[11] А.Р.Р. Т.16. С.283; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1755. Л.158; Краснов П. Памяти императорской русской армии // Р.В.С. №9. С.226.
[12] Красная летопись. 1923. №6. С.38.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

в приказе от 4 марта, надо «не заниматься политиканством. Войска должны смотреть вперед – в глаза врагу».[1]

Прежде всего, были сделаны попытки изолировать действующую армию от революционного тыла. [2] 3 марта генерал М.В. Алексеев предписал всем командующим фронтами в случае стремления «самозванных делегаций» проникнуть в армию, предавать их на месте военно-полевому суду, немедленно приводя приговоры в исполнение.[3] 5 марта Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич отдал категорическое распоряжение, чтобы «принимались только распоряжения, относящиеся до армии...от моего исключительно имени и притом из Ставки...».[4] По договоренности А.И. Гучкова и М.В. Алексеева была временно прекращена отправка пополнений на фронт.[5] Правительство предоставило командармам право удалять с театра военных действий подозрительных, по их мнению, агитаторов.[6] Главнокомандующие фронтов также принимали все меры к тому, чтобы «отголоски» столичных событий «не распространялись далеко к западу фронтовой территории, дабы сохранить от всякого влияния боевую силу».[7]

Действующая армия требовала категорически пресечь попытки самовольного смещения командиров солдатами. [8] В приказе №33 от 7 апреля военный министр грозил строгими карами виновным «в самоуправных действиях по отношению к своим начальникам».[9] М.В. Алексеев издал специальный приказ, клеймивший слухи о допущении в армии выборного начала.[10] Одновременно генерал В.И. Гурко 15 марта объявил аналогичный приказ главнокомандующего Юго-Западным фронтом. [11] Генерал М.В. Алексеев в письме от 16 апреля 1917 года на имя Военного министра А.И. Гучкова предлагал жесткие меры по отношению к дезертирам. [12] Вместе с тем, Временное правительство отказалось применять армию для решения

---

[1] Цит. по: Коников Е.В. Борьба большевиков за демократический мир среди солдат действующей армии. Саратов, 1981. С.42.
[2] Революционное движение в России после свержения самодержавия. С.606; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.1015. Л.201.
[3] Красный архив. 1927. Т.3(22). С.35.
[4] ГА РФ. Ф.6. Оп.2. Д.235. Л.2, 3.
[5] Разложение армии в 1917 году. С.29.
[6] Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т.1. С.237.
[7] Революционное движение в России после свержения самодержавия. С.607; Красный архив. 1927. Т.3(22). С.31; РГВИА. Ф.2463. Оп.1. Д.8. Л.63; Д.2469. Оп.1. Д.39. Л.126.
[8] РГВИА. Ф.2033. Оп.1. Д.595. Л.179.
[9] Вестник Временного правительства. 1917. 9 апреля.
[10] Приказы по Военному ведомству. С.130.
[11] РГВИА. Ф.2003. Оп.11. Д.28. Л.196-197.
[12] См.: Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сб. док. под ред. Л.С.Гапоненко. М., 1968. С.61.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

внутренних проблем[1], как это предлагал Командующий Петроградским военным округом генерал Л.Г. Корнилов во время апрельского кризиса.[2]

Ставка сочла необходимым расширить пропаганду на фронте. М.В.Алексеев 24 марта обратился к М.В. Родзянко с просьбой прислать в каждую армию по несколько делегатов Государственной думы[3] и обращал внимание на особенности их пропаганды.[4] Эта идея нашла полную поддержку, и было обещано удовлетворить ходатайство в самом непродолжительном времени.[5]

Таким образом, отбросив в целом репрессии, Временное правительство и военное министерство прибегли к новому способу воздействия на армию – к воззваниям.[6] Политика правительства по отношению к армии была той же, что и по отношению к стране: все это время продолжающаяся капитуляция.[7] Поэтому не случайно, многие военные воспринимали деятельность руководства страны по отношению к армии как антиармейскую.[8]

Ни одна политическая партия событий Февраля 1917 года не ждала.[9] Сам В.И. Ленин сомневался в возможности близкой революции в России, когда за два месяца до революции в одном из своих докладов заявил: «Мы, старики, быть может, до грядущей революции не доживем».[10] С мнением вождя партии перекликались и взгляды других большевиков.[11] На неожиданности революции настаивали также и многие эсеры.[12]

Соискатель пришел к выводу, что с началом революции самую активную роль на авансцене политической борьбы стали играть социалистические партии, их идеология и пропаганда. Это произошло потому, что Советы и войсковые комитеты сами были эффективными пропагандистскими структурами-каналами распространения литературы, центрами лекционной деятельности. Кроме этого, уже с весны 1917 года различные Советы и комитеты начинают осуществлять функции политической цензуры. И, наконец, социалистические партии, используя свое

---

[1] Арестант пятой камеры. С.301.
[2] См.: Допрос Колчака // Материалы Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. Л., 1925. С.60.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.28. Л.202-204.
[4] Революционное движение в русской армии. С.62-63.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.28. Л.192 об.
[6] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.158.
[7] Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Ч.1. Кн.1. С.89; Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С.145-146; Станкевич В.Б. Указ. соч. С.74; ГА РФ. Ф.6632. Оп.1. Д.14. Л.76 А.
[8] Меньшиков М. Центральная цитадель нации // Р.В.С. №9. С.52.
[9] См.: Суханов Н. Указ. соч. Кн.1. С.19.
[10] Цит. по: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С.17.
[11] Пролетарская революция. 1923. №1(13). С.156-170; Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С.18,20.
[12] Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. С.20

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

влияние в Советах и комитетах, смогли установить контроль над большим количеством типографий, запасов бумаги, помещений.

Показателем влияния социалистической политической субкультуры стала символика революции. [1] В связи с «модой на социализм», стали возникать различные по тактическим подходам, путям достижения социалистического идеала союзы и организации вплоть до Социалистического союза глухонемых. [2] С социалистических позиций выступали и некоторые священнослужители православной церкви. [3] В целом Православная церковь не только отказалась от защиты царя, но даже стала высказываться в лице священников за социальную революцию.[4]

Рассматривая феномен «моды на социализм», известный историк А.А.Кизеветтер отмечал «столь изумляющее иностранцев повальное стремление громадной части россиян непременно, во что бы то ни стало объявить себя социалистами».[5] В этой связи недостаточно обоснованным выглядит утверждение Н. Верта о том, что о социализме в марте-апреле не было и речи.[6]

Документы свидетельствуют, что, несмотря на обилие движений, групп, союзов, организаций, течений, провозгласивших социалистическую ориентацию, ведущую роль в развитии политических событий в России в 1917 году играли такие социалистические партии, как большевики, меньшевики и эсеры.

Численность большевиков к февральским событиям 1917 года по современным данным составляла около 10000 человек.[7] Несмотря на четкие указания В.И. Ленина из-за границы, [8] два руководящих центра большевиков в России – Петербургский комитет и Русское бюро ЦК – к единой точке зрения не пришли. В резолюциях Петербургского комитета от 5 и 13 марта прямо отмечалось, что он «не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку дейст-

---

[1] Архипов И.Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. №7. С.52; Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 года // Анатомия революции. С.357-358, 360-361.

[2] РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.14. Л.315; Лосский Н.О. О социализме // Вестник партии народной свободы. 1917. №8. С.3-5; Колоницкий Б.И. Указ. соч. С.19;Катехизис христианина или социалиста. Екатеринослав, 1917; Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С.366; Партии русских национализированных социалистов: Основы партии. М., 1917.

[3] РГИА. Ф.833. Оп.1. Д.33. Л.29; Введенский А.О. О социализме // Всероссийский церковно-общественный вестник. Пг., 1917. 5 августа; Титлинов Б. Политические партии в свете христианства. Там же. 3 августа; Евлогий, митрополит (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С.264; Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С.17.

[4] Freeze G. The Parich Clergy in Nineteenth Century Russia: Reform, Counterreform Princeton, 1983. P.469-472.

[5] Кизеветтер А. Мода на социализм // Русские ведомости. 1917. 25 июня.

[6] См.: Верт Н. Указ. соч. С.79.

[7] См.: Миллер В.И. К вопросу о сравнительной численности партий большевиков и меньшевиков в 1917 году // Вопросы истории КПСС 1988. №12. С.70; Лысенко Л.М. К вопросу о численности большевиков в 1917 году // 1917 год в исторических судьбах России... С.59.

[8] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.7.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа».[1] Русское бюро ЦК в вопросе об отношении к Временному правительству достаточно четкой позиции также не имело. Если в его резолюции от 4 марта говорилось, что «с ним не может быть никаких соглашений»,[2] то затем акценты в формулировках изменились: в протоколе заседания 9 марта отмечалось, что Бюро, не видит путей активного противодействия ему[3]; в проекте резолюции 10 марта речь шла о возможности «воздействия на Временное правительство».[4]

Свою лепту в разброд и шатания руководства большевиков в России вносил Л.Б. Каменев, который считал, что «нет надобности даже и говорить о том, что поскольку это Временное правительство действительно борется с остатками старого режима, постольку ему обеспечена решительная поддержка революционного пролетариата».[5] Это могло вести к сближению с правосоциалистическими группами, открывая в отдаленной перспективе путь к созданию единого социалистического правительства. В вопросе о власти И.В. Сталин стоял на сходных позициях.[6] Резолюция Всероссийского совещания партийных работников также была нечто средним между отрицанием поддержки Временного правительства и условной его поддержкой.[7]

Более ясной и однозначной была позиция ПК и Русского бюро ЦК по вопросу об отношении к войне. Уже 27 февраля в манифесте ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России» большевики призвали к «немедленному прекращению кровавой человеческой бойни».[8] Петроградский комитет 7 марта постановил обратиться к социалистическим партиям воюющих стран с призывом к борьбе против своих угнетателей, к братанию на фронте.[9] 10 марта «Правда» напечатала резолюцию бюро ЦК о войне, в которой подчеркивалось, что главной задачей по-прежнему является борьба за превращение настоящей войны в гражданскую войну народов.[10] В.И. Ленин говорил о войне еще более радикально.[11]

---

[1] Правда. 1917. 7 марта; Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. М.-Л., 1927. С.19, 41.
[2] Протоколы и резолюции бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962. №3. С.136.
[3] См.: Там же. С.141.
[4] Там же. С.143.
[5] Правда. 1917. 14 марта; Первый легальный Петербургский комитет большевиков. С.50, 51.
[6] Драбкина Ф.И. Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 года // Вопросы истории. 1956. №9. С.10.
[7] Вопросы истории. 1956. №9. С.12.
[8] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1А. Д.77. Л.2.
[9] Иоффе Г.З. Февральская революция. Крушение царизма. // Вопросы истории КПСС. 1990. №11. С.66.
[10] Там же.
[11] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.73, 75.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Однако в новых изменившихся условиях среди лидеров большевизма не было однозначного отношения и к войне. В этом вопросе, справедливо утверждая, что армия не может сложить оружие и разойтись по домам, Л.Б.Каменев заявил, что каждый до заключения мира должен будет «стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей, и на снаряд – снарядом».[1] На аналогичных позициях стоял и И. Сталин, [2] который даже предлагал объединиться с меньшевиками, выступавшими против революционного оборончества.[3] Идейно руководимая ими «Правда» поддержала и воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда «К народам всего мира».[4] Все это позволяет утверждать, что позиция Каменева и Сталина по вопросу о войне была, скорее, ближе к взглядам умеренных социалистов, нежели Ленина.

Особым мнением по вопросу о войне отличался Н. Осинский, настаивавший на требовании от Временного правительства перемирия. [5] Х.Г. Раковский был убежден, что в нынешних исторических условиях мы можем рассчитывать на окончание войны путем заключения буржуазного мира. «Русской революции угрожает двойная опасность, - предупреждал он, - сепаратный мир, который будет на руку центральным державам, и затягивание войны, в бесполезности которой убедился весь русский народ».[6]

Дискуссия по отношению к войне состоялась на заседании Бюро ЦК 22 марта. В резолюции «О войне и мире» ставилась задача «неустанно разъяснять истинный смысл нынешней империалистической войны и неуклонно бороться как с империалистической средой, так и с националистической струей в революции».[7] Здесь же содержалось добавление о том, что необходимо призвать народы всех стран «к восстанию против собственных правительств и тем поддержать революционное движение в России и расчистить путь для всеобщего мира».[8] В резолюциях предлагались и шаги для борьбы за выход из войны.[9]

Разногласия в позиции о войне проявились и на совещании большевиков 27 марта, в ходе которого выявились три течения. В.С.Войтинский, Ш.З. Элиава, П.Н.

---

[1] Цит. по: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.256.
[2] Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций // Вопросы истории. 1990. №1. С.118.
[3] Вопросы истории КПСС. 1962. №6. С.140; №5. С.139-140.
[4] Правда. 1917. 16 марта.
[5] Пролетарская революция. 1929. С.160.
[6] Раковский Х.Г. Как закончить войну. Мир без аннексий и контрибуции. Самоопределение народов. Пг., 1917. С.23-24, 30.
[7] Правда. 1917. 26 марта; КПСС в резолюциях... Т.1. С.488.
[8] КПСС в резолюциях... Т.1. С.488; Вопросы истории КПСС. 1962. №3. С.153.
[9] Вопросы истории КПСС. 1962. №3. С.142, 153.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Севрук поддерживали линию Петроградского Совета, выраженную в Манифесте 14 марта. А.М.Коллонтай, В.М. Молотов, В.П. Милютин требовали не допускать никаких уступок оборончеству. Большинство делегатов заняло промежуточную позицию. В этом же духе была принята и резолюция.[1]

Оценивая состояние партии в мартовские дни, до приезда В.И. Ленина, Л.Д. Троцкий назвал ее самой скандальной страницей в ее истории,[2] а отношением к важнейшим вопросам развития страны публицист без решимости (Л.Б. Каменев – А. Ч.) и организатор без кругозора (И.В. Сталин – А. Ч.) довели в марте свой большевизм до самой грани меньшевизма.[3]

Положение в партии разительно изменилось с приездом в Россию В.И.Ленина. Кайзер Вильгельм отнюдь не противился перемещению радикалов в Петроград. [4] По заключению Ю. Фельштинского, сам проезд Ленина через Германию означал, что «интересы одного из самых радикальных русских революционеров могли совпасть с целями консервативного правительства Германии».[5] Э. Людендорф впоследствии писал: «Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения – нужно было, чтобы Россия пала, но наше правительство должно было также следить, чтобы подобного же не произошло бы и с нами».[6] Косвенным подтверждением этой посылке служит и свидетельство Л.Д. Троцкого.[7]

Ныне известно, что на так называемую мирную пропаганду Германия потратила в 1914-1917 годах не менее чем 382 млн. марок.[8] Из этих денег на Румынию или Италию до мая 1917 года направлялось даже больше, чем на Россию,[9] что, впрочем, не помешало этим странам вступить в войну на стороне Антанты. По мнению Б.И. Николаевского, и большевики получали огромные суммы (около 50 миллионов немецких золотых марок), на которые покупались типографии.[10] О покупке большевиками в 1917 году за огромную сумму типографии с домом свидетельствует и А.А.Демьянов.[11]

---

[1] См.: Иоффе Г.З. Указ. соч. С.71.
[2] См.: Вопросы истории. 1990. №1. С.115.
[3] Троцкий Л. История русской революции. Нью-Йорк, 1976. Т.1. С.322.
[4] Fisher F. Germanys Aims in the First World War. N.Y. 1967. P. 367.
[5] Фельштинский Ю. Деньги для диктатуры пролетариата // Родина. 1990. №11. С.44.
[6] Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция...Ч.3. Кн.6. С.7, 8.
[7] Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. Бенсон, Вермонт, изд. Чалидзе, 1988. С.45.
[8] Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 ноябрь 1918 г. М., 1992. С.33.
[9] Там же.
[10] Фельштинский Ю. Деньги для диктатуры пролетариата... С.40, 42.
[11] ГА РФ. Ф.6632. Оп.1. Д.14. Л.91.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Еще больший резонанс в стране и в партии вызвало выступление В.И.Ленина с апрельскими тезисами.[1] Единственно правильным лозунгом большевиков по отношению к войне, по его мнению, являлся лозунг «Никаких уступок революционному оборончеству».[2] В условиях демократического развития страны В.И. Ленин предложил снять лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую,[3] которая должна предстать в виде мирной, длительной и терпеливой классовой пропаганды.[4] В международном аспекте борьбы рабочего класса воюющих стран предлагалось «буржуазию свергать, но не убеждать».[5] Вместо лозунга поражения своего правительства были выдвинуты лозунги «Вся власть Советам»[6] и «Никакой поддержки Временному правительству».[7] В.И. Ленина поддержал Г. Зиновьев.[8]

Тезисы В.И. Ленина были встречены с недоумением[9], настороженностью[10] и явным недовольством[11] в партии, руководящий слой которой, по воспоминаниям Л.Д. Троцкого, успел занять позицию, противоречащую ленинской.[12] Еще более негативно были встречены тезисы Ленина в народных массах. [13] Патриарх российской социал-демократии Г.В. Плеханов посвятил этому специальную работу «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас весьма интересен».[14]

С приездом В.И. Ленина, по мнению И. Розенталя, когда открылась возможность легального существования партии, большевики вернулись к фетишизации партии, вождизму, секретности, военной лексике и тому подобным аксессуарам.[15] 20 апреля ЦК РСДРП приняла специальную резолюцию с осуждением «ноты Ми-

---

[1] В.И. Ленин выступил с тезисами ровно 400 лет спустя после того, как Мартин Лютер в 1517 году приколотил к дверям виттенбергской Замковой церкви свои знаменитые 95 тезисов против догматов католицизма. Ф. Энгельс заметил, что эти тезисы послужили сильнейшим толчком к буржуазной революции, оказав на общественное сознание и политическую борьбу своего времени такое же воздействие, как удар молнии по бочке с порохом. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.7. С.392.
[2] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.99, 119.
[3] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.309.
[4] См.: Там же. С.351.
[5] Там же. С.242.
[6] Там же. С.114.
[7] Там же. С.115.
[8] Зиновьев Г. Год революции (февраль 1917 г. – март 1918 г.). Л., 1925. С.31.
[9] Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С.145-146; Булдаков В. Красная смута. С.187.
[10] См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков... С.88-90.
[11] Вперед. 1917. 8 апреля.
[12] См.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции... С.325.
[13] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.9.
[14] РГВИА. Ф.2031. Оп.3. Д.80. Л.1-23.
[15] Политическая история России в партиях и лицах. Сост. В.В. Шелохаев. М., 1994. С.96.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

люкова»[1] и вместе с редакцией «Правды» обратились с «Воззванием к солдатам воюющих стран».[2]

24-29 апреля РСДРП провела VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию, на которой главные вопросы современности получили всестороннее рассмотрение. Считая, что войну нельзя закончить простым «втыканием штыков в землю», В.И. Ленин убеждал, что «войну...можно окончить действительно демократическим...миром только посредством перехода всей государственной власти в руки класса...пролетариев и полупролетариев...».[3] Главным практическим средством ускорить прекращение войны признавалось братание солдат на фронте.[4] Эти же мысли прослеживаются и в резолюции конференции о войне.[5] С изложением своих взглядов вновь выступил Каменев.[6]

Обосновывая примерную программу мира большевиков[7], В.И. Ленин рекомендовал в антивоенной пропаганде «к чисто объективному анализу классового положения прибавить оценку обещаний, которые, конечно, для марксиста сами по себе никакого значения не имеют. Но для широких масс это много значит, а для политики еще больше».[8] Выход России из войны, В.И. Ленин рассматривал в контексте мировой революции.[9] Лидера большевиков поддерживал Г. Зиновьев.[10]

Но главной целью исторических перемен в России для В.И. Ленина была власть, о стремлении к которой во что бы то ни стало яркий монолог Ю.О.Мартова приводит в воспоминаниях И.Г. Церетели.[11] Апрельская конференция не приняла в целом ленинский тезис о республике Советов. В ее резолюциях Советы были названы лишь как один из возможных, альтернативных органов будущей власти наряду с Учредительным собранием и органами местного самоуправления.[12]

Чтобы достичь поставленных целей, предстояло переориентировать политическое сознание широчайших масс, внедрить в сознание и противника, и всего на-

---

[1] Правда. 1917. 21 апреля.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.296.
[3] Там же. С.263.
[4] Там же. С.264, 353.
[5] См.: Там же. С.406.
[6] См.: Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С.82.
[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.53.
[8] Там же. С.390.
[9] Там же. С. 33, 47, 78, 94, 326, 341,353, С.354, 406, 451, 455 и др.
[10] Зиновьев Г. Указ. соч. С.75.
[11] Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн.1. С.242.
[12] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). С.80, 81, 90, 92, 102, 103, 144, 196, 206, 209, 244. 245.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

рода общее чувство неизбежности: наступает время перемен, предотвратить которые невозможно. Исходя из того, что из-за трудных условий нелегальной работы в годы Первой мировой войны фракция большевиков испытала серьезные потери в своем влиянии на массы, особенно в первые недели после революции,[1] В.И. Ленин обоснованно учил: «Мы сейчас в меньшинстве, массы нам пока не верят». [2] «Но мы не шарлатаны, - говорил он. Мы должны базироваться только на сознательности масс».[3] «Но ясного сознания еще нет, - указывал Ленин, - нет, в связи с этим и решимости. Развивать их – наша главная задача».[4] Для этого пропаганда и агитация, направлял он, должна вестись «от группы к группе среди каждого полка, на каждом заводе, особенно среди самой отсталой массы…».[5]

И «Правда» сообщала, что «наши агитаторы бросают горящие факелы в доселе темные углы».[6] Для решения этой проблемы возможности большевиков постоянно росли. Если в марте 1917 года издавалось 16 большевистских газет общим тиражом более 200 тысяч экземпляров, то уже в апреле – 26 газет тиражом свыше 300 тысяч экземпляров.[7]

Ленинская тактика революции требовала умений управления массой. В этом плане он следовал теории поведения толпы, впервые сформулированной французским социологом Гюставом Ле Боном в книге «Психология толпы» в 1895 году.[8] Эта теория ценным средством поддержания масс на высоком уровне напряжения и боевой готовности считает массовое действие даже при отсутствии успеха.[9] По мнению Р. Пайпса, апрельские демонстрации были задуманы именно как такое действие.[10] Защищаясь осуждением части большевиков во главе с С.Я. Багдатьевым за лозунг свержения Временного правительства как авантюристического,[11] Ленин приоткрыл свои истинные намерения: « Мы желали произвести только мир-

---

[1] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.346-347.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.346.
[3] Там же. С.105.
[4] Там же. Т.32. С.31.
[5] Там же. Т.31. С.320.
[6] Правда. 1917. 15 марта.
[7] Октябрьская революция: вопросы и ответы. М., 1987. С.80.
[8] Б. Бажанов называл труд Ле Бона среди книг, которыми Ленин пользовался чаще всего (Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина.) Париж; Нью-Йорк. 1983. С.117.
[9] См.: Eric Hoffer: «Действие – момент объединяющий…. Все массовые движения прибегают к массовому действию в целях объединения. Конфликты, которых массовое движение ищет и которые оно возбуждает, служат не только победе над врагом, но и помогают освободить его последователей от индивидуальности и растворить их в коллективной среде». (The True Believer. N. Y., 1951. P.117).
[10] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.75.
[11] Спирин Л.М. Россия 1917 год. С.112.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мирную разведку сил, но не давать сражения».[1] Апрельский кризис подтолкнул к большевикам и значительную часть крестьянства.[2]

Благодаря тому, что «Россия самая свободная из всех воюющих стран Европы»,[3] большевики получили доступ к легальной политической работе в действующей армии, чему они придавали исключительно важное значение.[4] Решать задачи партийной работы в войсках были призваны военные организации большевиков. Уже 10 марта Петроградский комитет большевиков постановил образовать военную комиссию[5], а 31 марта было проведено учредительное собрание военной организации при ПК РСДРП(б), которую возглавили Н.И.Подвойский и В.И. Невский. 10 апреля эта организация была преобразована в Военную организацию при ЦК РСДРП(б).[6] С 15 апреля «Военка» стала выпускать газету «Солдатская правда» со средним тиражом около 75 тысяч экземпляров, 24 тысячи из которых отправлялись на фронт.[7] В 1917 году ЦК РСДРП(б) был непосредственно связан с партийными организациями и группами более 80 полков, дивизий, корпусов.[8] 17 марта было создано военное бюро при Московском комитете большевиков.[9]

Активную роль в распространении идей большевизма в действующей армии играла пресса. Печатная пропаганда призывала к демократизации армии в тылу и на фронте с выборами комитетов и командиров.[10] Другой стороной должна была быть чистка армии от «реакционного» офицерства при помощи солдатских комитетов.[11] Для развития связи армии с тылом большевики требовали открытия фронта и ближайшего тыла для революционной агитации, свободного доступа туда эмиссаров Советов и представителей РСДРП(б).[12]

Посчитав, что преобразование «фронта в организованную на демократических началах революционную армию» позволит вовлечь солдатские массы в активную борьбу за мир путем широкого и систематического братания,[13] редакция

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.361.
[2] Там же. Т.34. С.57.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.106.
[4] Там же. С.243.
[5] Первый легальный Петербургский комитет большевиков… С.34-35.
[6] В этом новом качестве «Военка» действовала с 15 мая 1917 года до марта 1918 года. См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С.90.
[7] Октябрьская революция: вопросы и ответы. С.107.
[8] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Д.130.
[9] Это есть наш последний и решительный бой. Кн.1. С.251.
[10] Правда. 1917. 10 марта.
[11] Там же.
[12] КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. С.31, 80.
[13] КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. С.31; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.32. С.241; 242.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

газеты «Солдатская правда» обратилась к солдатам фронта с предложением «вырабатывать способы братания и присылать их в газету».[1] По мнению А.А. Демьянова, такая пропаганда приводила к необратимым изменениям в сознании солдат, ибо «бросить воевать является, по пропаганде большевиков, патриотическим делом солдата, делом его совести.»[2] Не пренебрегали большевики и устной агитацией.[3] Правда, необходимо отметить, что в марте-апреле солдаты относились к большевикам крайне настороженно и даже агрессивно.[4]

Одной из ведущих политических партий в истории Революции 1917 года были меньшевики. 6 марта была восстановлена Петроградская организация меньшевиков, которая с 7 марта совместно с ОК начали издавать «Рабочую газету». С начала марта была восстановлена и Московская организация меньшевиков, издававшая газету «Вперед». Меньшевики занимали лидирующие позиции в Советах. [5] Все основные лидеры других социалистических партий находились в этот момент в эмиграции или в ссылке. У меньшевиков, как позднее писал Ю. Денике, также «налицо не было никого из политических руководителей и теоретиков партии».[6] Но у них в Петрограде находились известные выступлениями в Думе Н. Чхеидзе и М. Скобелев, а также быстро прибывший в столицу из ссылки И. Церетели, носивший «ореол мученика».[7] К числу других факторов, объясняющих лидирующее положение меньшевиков в Советах, в отличие от эсеров, по мнению автора, можно отнести их умение теоретически и политически обосновать смысл происходящего и предвосхищать его дальнейший ход, наличие четкой стратегической концепции революции и вытекающей из нее тактики.

Несмотря на все сложности, партия меньшевиков быстро росла. [8] К концу апреля в рядах партии меньшевиков состояло не менее 100 тыс. человек.[9] Такой наплыв желающих вступить в партию меньшевиков соискатель объясняет следующими обстоятельствами: широкой известностью меньшевиков по работе социал-демократической фракции Государственной думы и «рабочих групп» военно-промышленных комитетов; импонированием широким массам умеренно-

---

[1] Солдатская правда. 1917. 24 апреля.
[2] ГА РФ. Ф.6632. Оп.1. Д.14. Л.92.
[3] См.: Еремин К.Г. Солдатские версты. М., 1958. С.37.
[4] Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1960. С.31.
[5] См.: Жордания Н. Большевики. Берлин, 1922. С.33.
[6] Меньшевики. Сборник воспоминаний и документов. Бенсон (Вермонт), 1988. С.36.
[7] Октябрьский переворот… С.64.
[8] Суханов Н.Н. Указ. соч. С.178; Николаевский Б.Н. П. Гарви в России. П.А. Гарви. Статьи о жизни и деятельности П.А. Гарви. Нью-Йорк, 1946. С.XXIII.
[9] Миллер В.И. Указ. соч. С.115.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

реформистской с социалистической направленностью политической платформы меньшевиков, особенно в данный момент; достаточно рыхлой организационной структурой, раскрывающей двери всем желающим; тяготением к правительственной партии с желанием «лучше устроится». [1] «Освоить» эту массу было крайне трудно и для крепкой партии, хорошо слаженной в организационном и идеологическом отношениях. А у меньшевиков в 1917 году не было ни того, ни другого.[2]

Крайне правый фланг меньшевизма занимала группа Г.В. Плеханова, издававшая газету «Единство». Рассуждая о перспективах дальнейшего развития России, Г.В. Плеханов заявлял, что задача левых партий заключается только в упрочении позиций, добытых Февралем 1917 года. [3] По воспоминаниям Р.М. Плехановой, муж с гордостью принял брошенную ему кличку «социал-патриота». [4] Резолюция о войне, принятая группой «Единство», утверждала, что после революции задачей войны, кроме защиты собственной страны, являлась «борьба против последнего оплота монархической реакции в Европе: против союза германского и австрийского императоров с турецким султаном».[5] Г.В. Плеханов не хотел отказываться и от главного приза войны - Дарданелл и Босфора. [6] Исходя из таких посылок, он категорически отвергал идею братания на фронте, которое считал равносильным заключению сепаратного мира с врагами России в различных вариантах.[7]

На правом фланге партии находилась группа во главе с А.Н.Потресовым и М.И. Либером, издававшая газету «День». Сторонники этой группы пессимистично рассматривали перспективы социалистического будущего страны, считая, что Россия для социализма не созрела.[8] А. Потресов во имя свергнутых в Феврале порядков тоже взывал к тому, чтобы «провести корабль» революции «в надежную гавань, благополучно лавируя между правыми и левыми силами» и держа «курс на общенациональное единение».[9] При этом он был весьма озабочен стабильностью общества. [10] По вопросу о войне представители этой группы считали, что и рево-

---

[1] Меньшевики... С.47-48.
[2] См.: Николаевский Б. П. Гарви в России... С.XXIII.
[3] Плеханов Г.В. Год на Родине. Париж, 1921. Т.1. С. 21,33.
[4] Плеханова Р.М. Год на Родине // Диалог. 1991. №8. С.83; Речь. 1917. 1 апреля.
[5] Единство. 1917. 29 марта; Записные книжки Л.Г. Дейча // Вопросы истории. 1996. №3. С.12-13.
[6] Арестант пятой камеры. М., 1990. С.300.
[7] См.: Плеханов Г.В. Война и мир. М.: Единство, 1917. С.21.
[8] Социалистический вестник. 1923. №5(27). С.1.
[9] Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С.251; Вперед. 1917. 23 марта.
[10] См., напр.: Потресов А. Роковые противоречия русской революции // Дело. 1917. №3-6. С.112-114.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

люционная страна, и народ, и рабочий класс, и армия должны мобилизовать все силы для того, чтобы отразить внешнее вторжение.[1]

В 1917 году на первый план в руководстве меньшевиков выдвинулись преимущественно лидеры-практики: Н.С. Чхеидзе, Ф.И. Дан, И.Г. Церетели. В их руках находился центральный печатный орган партии «Рабочая газета». Особенной популярностью пользовался И.Г. Церетели, который удачно соединил в своей концепции старые и выдвигаемые новым ходом событий задачи. Это течение меньшевизма считало, что для превращения отсталой России в цивилизованное европейское государство необходима сильная государственная власть. Именно такую власть меньшевики и увидели во Временном правительстве – надклассовом, надпартийном, способном выразить интересы всего народа.

И.Г. Церетели, как и его сторонники, характеризовали сложившуюся тогда обстановку в России как «подлинно демократическое народовластие»[2] и призывали к превращению Советов в органы сплочения масс.[3] Исходя из того, что правительство идет «навстречу общедемократическим стремлениям»,[4] что буржуазная власть лучше всего отвечает той ступени политического и экономического развития, на какой стоит Россия, [5] задачи Временного правительства «ясны и просты»: при поддержке народа и армии уничтожить все быстро и решительно, что осталось от старого и мешает новому, и создать все столь же быстро и решительно все, без чего новый строй существовать не может.[6] Если умеренные социалисты предпочитали выделять связь российского парламента с новой эрой, то М.И. Скобелев и И.Г. Церетели подчеркивали принципиальную дальнейшую ненужность Думы.[7]

По взглядам И. Церетели и его сторонников, для Советов взять власть в свои руки означало бы попытку «навязать стране с помощью физической силы волю социалистического меньшинства»,[8] ибо, подчеркивали меньшевики снова и снова, «для социалистического переворота у нас еще не наступило время…».[9] За больше-

---

[1] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1А. Д.97. Л.38.
[2] Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн.1. С.XV;Известия... 1917. 1 марта.
[3] См.: Николаевский Б. Меньшевики в первые дни революции. В кн.: Меньшевики. Сост. Ю.Г.Фельштинский. Бенсон, 1988. С.58-59.
[4] Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. С.150.
[5] Известия. 1917. 1 марта.
[6] Рабочая газета. 1917. 10 марта.
[7] РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.292. Л.13-75; Родзянко М.В. Указ. соч. С.71; Савич Н.В. Указ. соч. С.230-231; Суханов Н.Н. Указ. соч. С.135-139.
[8] Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн.1. С.23; Рабочая газета. 1917. 12 марта; Известия. 1917. 21 марта.
[9] Рабочая газета. 1917. 11, 22 апреля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

виками должна быть закреплена роль «парламентской оппозиции, популярной в массах своими крайними требованиями».[1]

До апрельского кризиса меньшевики сводили роль пролетариата и своей партии, следуя установкам 1905 года, к «крайней революционной оппозиции», призванной контролировать буржуазию и побуждать ее к дальнейшей радикализации[2] с тем, чтобы всем вместе добиваться трансформации политической системы России.[3] Более того, ссылаясь на военные неудачи России, Церетели, как и В.С.Войтинский, доказывали, что Советы должны взять на себя ответственность за укрепление стабильности государства, включая его оборону.[4]

Концепция Церетели Февральской революции как «общенациональной», поддержанной и охраняемой «объединенными живыми силами страны» под социалистическим руководством Советов, имеет самое непосредственное отношение к коалиции. Полной поддержки в этом вопросе И. Церетели не получил. Часть меньшевиков, в частности Л.М.Хинчук, выступая на Всероссийском совещании Советов в конце марта 1917 года, высказал настороженность по отношению к буржуазии и вытекающие отсюда идеи о власти.[5] По другому поводу был противником коалиции П.Ф. Истратов. [6] В резолюции, составленной Ф. Даном на заседании ОК 24 апреля, прозвучали не только возражения против коалиции, но и сбывшиеся впоследствии страшные пророчества. [7]

Меньшевики «центра» впервые публично заявили о своих воззрениях на войну на московском собрании меньшевиков, где Л.М. Пумпянский так обосновал позицию своей партии: «Вопрос о войне...поставлен...в новой плоскости. Во имя охраны революции – необходима и оборона страны от внешнего врага».[8] На позиции «революционного оборончества» перешли все лидеры меньшевистского центра. [9] Центристы систематически показывали необходимость защиты революции как «фактора обновления страны и фактора международной борьбы за мир»[10] и

---

[1] Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн.1. С.115.
[2] Рабочая газета. 1917. 12 марта; Речи И.Г. Церетели. Пг., 1917. С.18-21, 22, 26.
[3] Галили З. Меньшевики и вопрос о коалиционном правительстве: позиция «революционных оборонцев» и ее политические последствия // Отечественная история. 1993. №6. С.20.
[4] Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. С.147-150; Церетели И.Г. Воспоминания. Кн.1. С.46-47.
[5] Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. С.163-164.
[6] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн.2. С.22.
[7] Рабочая газета. 1917. 29 апреля.
[8] Там же. 8 марта.
[9] РГВИА. Ф.2048. Оп.4. Д.45. Л.72. 73; РГАСПИ. Ф.17. Оп.1А. Д.97. Л.38; Церетели И.Г. Воспоминания... Кн.1. С.47.
[10] Рабочая газета. 1917. 16 мая.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

предлагали добиваться встречи социалистов всех стран на международной конференции.[1]

Заметную роль в теоретических построениях меньшевиков центра играли вопросы о заключении мира.[2] Как вспоминал И.Г. Церетели, «наилучшим исходом войны мы считали такой мир, который был бы заключен не в условиях военного торжества той или другой стороны, а под давлением народных движений.... Пораженчество было для нас совершенно неприемлемо».[3] Центристы показывали принципиальные отличия их позиций от политики кадетов и других партий.[4] В практической плоскости уже в марте 1917 года ОК РСДРП провозгласил борьбу за мир в международном масштабе, без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов «самой важной и неотложной задачей».[5]

На левом фланге меньшевистской партии стоял Ю.О. Мартов с единомышленниками. Группа издавала газету «Летучий листок». Прибывший в Петроград 9 мая со значительным политическим опозданием, человек большой политической интуиции Мартов еще в Швейцарии перед возвращением в Россию, сформулировал положение в стране так: «Либо революция убьет войну, либо война убьет революцию».[6] Он отвергал принцип коалиции с кадетами и с первых дней своего возвращения в Россию отстаивал необходимость создания однородносоциалистической власти, опирающейся на Советы и другие демократические организации.[7]

На близких к мартовцам позициях стояла группа «внефракционных социал-демократов» - Н.Н.Суханов, В.А. Базаров, Б.А. Авилов, В.А. Строев и другие, издававшая газету «Новая жизнь». Они предлагали как путь к демократическому миру, к действительной обороне страны, полный отказ от военной программы Временного правительства и совместное с союзниками открытое выступление с предложением мира без аннексий и контрибуций.[8]

На основе анализа документов, диссертант пришел к выводу, что сосуществовать в одной партии меньшевистским группировкам позволяло отсутствие между ними разногласий по вопросам программного и стратегического характера. Исходной точкой, объединявшей все течения меньшевиков, были утверждения о не-

---

[1] Там же. 27 апреля.
[2] См.: Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 483,486;
[3] Церетели И.Г. Воспоминания... Кн.1. С.5-6.
[4] Рабочая газета. 1917. 11 марта.
[5] Там же. 25 марта.
[6] Социалистический вестник. 1949. №1-2. С.11.
[7] См.: Иоффе Г., Тютюкин С. Меньшевики // Наука и жизнь. 1990. №11. С.86; Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. С.228; Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.320.
[8] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.308.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

возможности и гибельности в условиях 1917 года социалистических преобразований российского общества. Общими для меньшевистских кругов были и следующие аспекты: боязнь рабочего максимализма; подозрительное отношение к русской буржуазии; глубокий скептицизм по отношению к осуществлению государственной власти.

По вопросу о войне меньшевики выработали следующую программу действий: побудить Временное правительство официально и безусловно отказаться от всяких завоевательных планов, взять на себя инициативу выработки и обнародования заявления со стороны правительств стран Согласия и предпринять совместно с союзниками необходимые шаги для вступления на путь мирных переговоров.[1]

Считая армию помехой, вредным и весьма реакционным элементом революции, меньшевики признавали, что именно участие армии обеспечило первоначальный успех революции.[2] Они видели и особенности армии как особого социального организма.[3] Взгляды меньшевиков на армию, ее место в обществе после свержения самодержавия, были изложены в их докладах и выступлениях на Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов (29 марта – 3 апреля 1917 года).[4] По докладу меньшевика М.С. Бинасика этим совещанием была принята резолюция «Об организации народной армии». Она, в частности, предусматривала проведение определенных реформ в армии, которые, с одной стороны, должны были изменить и приспособить ее «к новым задачам и настроениям» в России, а с другой - исключали бы снижение «боевой мощи армии».[5]

Свою миссию в армии меньшевики видели в разрешении узкопрофессиональных задач, в освобождении армии от всего того, что «мешает солдатам и офицерам быть действительными гражданами».[6] 9 марта на общем собрании Петросовета было принято постановление об общих правах солдат.[7] На Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов по докладу В.С. Венгерова «О правах солдат» был принят соответствующий документ,[8] согласно которому сол-

---

[1] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.319; Рабочая газета. 1917. 21, 22 апреля.
[2] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.231.
[3] Дело. 1917. №3-6. С.21.
[4] Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. С.269.
[5] Там же. С.270.
[6] Известия. 1917. 4 марта.
[7] См.: Рабинович С.Е. Борьба за армию в 1917 году. М.-Л., 1930. С.70.
[8] См.: Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. С.306-307. (Декларация прав солдата была утверждена 11 мая 1917 года приказом Военного и морского министра А.Ф. Керенского). См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.297-299.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

датам предоставлялись все гражданские права.[1] Борьба за армию, по мнению меньшевиков, должна вестись на позициях советской программы, изложенной в Манифесте Петросовета от 14 марта.[2]

Уже 5 марта Исполком Петроградского Совета командировал на Северный фронт меньшевика А.Э. Дюбуа, который сыграл важную роль в проведении съезда XII армии, состоявшегося 8-9 марта в Риге и провозгласившего образование Совета офицерских депутатов этой армии, исполкомы которых возглавили соответственно меньшевики М.Д. Ромм и Г.А. Кучин.[3] 31 марта Комитет Петроградской организации меньшевиков принял постановление создать «секцию для объединения работы социал-демократов меньшевиков в военной организации».[4]

Меньшевики располагали разветвленным пропагандистским аппаратом в стране и в армии. Ими было создано «Бюро связи и информации».[5] К концу марта в Петрограде выходило 11 газет меньшевиков.[6] В апреле 1917 года при ОК было образовано книгоиздательство «Рабочая библиотека», которое брало на себя составление и доставку на места, в том числе и в действующую армию, общеобразовательных библиотечек.[7]

Меньшевики совместно с эсерами, опираясь в армии на солдат, низших и средних офицеров, возглавляли весной 1917 года 13 из 14 армейских комитетов,[8] безраздельно владели армейской печатью, которая в действующей армии насчитывала более 150 газет,[9] переданных по распоряжению военного министра в ведение комитетов.[10] Меньшевики пользовались авторитетом и у высшего командного состава.[11]

С началом Февральской революции численность партии социалистов-революционеров, по словам В. Чернова, стала расти страшно, неудержимо, прямо угрожающе.[12] Относительно численности эсеров в литературе нет единого мнения:

---

[1] ГА РФ. Ф.6281. Оп.1. Д.63. Л.4.
[2] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.27.
[3] Миллер В.И. Военные организации меньшевиков в 1917 году. В кн.: Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917-1922. Сб. научных трудов. М., 1977. С.202.
[4] Рабочая газета. 1917. 5 апреля.
[5] См.: Рабочая газета. 1917. 20 апреля, 21 мая.
[6] См.: Сазонов И.С. Большевистское слово. Идейно-политическая работа большевиков Петрограда в 1917 году. Л., 1978. С.27.
[7] ГА РФ. Ф.3349. Оп.1. Д.63. Л.27.
[8] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.21. Л.8.
[9] РГВИА. Ф.2085. Оп.1. Д.3. Л.436.
[10] См.: Голуб П.А. Партия. Армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967. С.50.
[11] Зайончковский А. Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч.7. Приложения. М., 1923. С.145.
[12] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.58.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

по одним данным в ней состояли более 500 тысяч членов,[1] по другим – около 700 тысяч членов,[2] по третьим – около миллиона.[3]

Столь высокая популярность партии социалистов-революционеров обуславливалась рядом причин. Во-первых, ее социальной базой.[4] По мнению М.Хильдемайера, это была партия с наибольшими шансами преодолеть препятствия критического разрыва между городом и деревней, это была единственная партия, которая по своей социальной структуре и фактически модифицированной программе могла служить как форум выражения интересов всех основных групп населения.[5] Во-вторых, квинтэссенция эсеровской программы – социализация земли – консолидировала вокруг них широкие массы крестьян.[6] В-третьих, смелые террористические акты социалистов-революционеров в прошлом, преследование их самодержавием, привлекательные лозунги сделали партию популярной в различных социальных слоях и группах общества. В-четвертых, в определенной степени консолидации значительной части населения вокруг партии эсеров способствовала и теория «трудового дохода». Социалисты-революционеры считали свою партию выразителем интересов всего трудового народа. В-пятых, партия эсеров располагала мощным арсеналом средств пропагандистского воздействия. Под ее патронажем к октябрю 1917 года выходило 327 газет,[7] а также 70 газет[8] народно-социалистических партий, причем эта продукция не встречала особых препятствий при распространении, в том числе и в действующей армии.

Нельзя согласиться с ранее бытовавшей точкой зрения, что увеличение численности партии социалистов-революционеров после февраля 1917 года происходило в силу их аморфной программы и рыхлой организационной структуры.[9] Объективный анализ архивных документов и материалов партии эсеров позволяет сделать вывод, что главными причинами роста были широкомасштабная организаци-

---

[1] См.: Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. С.234.
[2] См.: Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С.301.
[3] См.: Быстрянский В. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921. С.31; Октябрьский переворот… С.82; Хильдемайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Историки мира спорят. С.132 и др.
[4] Суханов Н.Н. Указ. соч. С.176.
[5] См.: Хильдемайер М. Указ. соч. С.125, 130, 133.
[6] РГВИА. Ф. 2695. Оп.1. Д.1. Л.51.; Программы политических партий в России. М., 1917. С.53-54.
[7] Подсчитано по каталогу повременных изданий за 1917 год публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в г. Санкт-Петербурге.
[8] Подсчитано там же.
[9] См.: Гусев К., Ерицан Х.А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968. С.71; Басманов М.И. и др. Указ. соч. С.152; Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.254 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

онная и агитационно-пропагандистская работа, создание партийных структур среди всех социальных слоев российского общества, в том числе и в армии.[1]

Основными принципами построения и деятельности всех организаций социалисты-революционеры считали выборное начало и объединение партии на основах строгого подчинения партийной дисциплине при развитии начала самодеятельности отдельных ее элементов.[2] Партийные группы, являясь основой партии, по образному выражению Ю.М. Стеклова, составляли ту сеть корней, которыми «партия внедряется в народную почву, с помощью чего она и извлекает из нее питательные соки».[3] Даже открытая запись в партию эсеров не носила массового характера[4] и происходила на основе признания вступающими программы, дисциплины партии и регулярной уплаты членских взносов.[5]

Источники свидетельствуют, что самая многочисленная партия в России не была единой. После февраля 1917 года разногласия стали еще более рельефными, эсеровская партия продолжала расслаиваться и раскалываться.

На крайне правом фланге находились известнейшие деятели и ветераны партии Е.К. Брешковская, А.А. Аргунов и другие, которые по вопросу о войне придерживались последовательно оборонческих позиций.

В руководстве партии в 1917 году важную роль играла более умеренная правая группа, во главе которой стояли Н.Д. Авксентьев и И.И. Бунаков-Фундаминский. Они приветствовали революцию как «малую революцию, по мотивам своим чисто патриотическую и общенациональную,...как революцию во имя успешного и победоносного завершения войны союзом всех освобожденных живых сил страны».[6]

Своеобразную позицию по вопросам войны и мира занимал сторонник «третьего» пути Февральской революции А.Ф. Керенский, который считал, что «энтузиазм, которым охвачена русская демократия, проистекает не из каких-либо идей частичных, даже не из идеи Отечества, а из идеи о превращении мечты о братстве народов всего мира в действительность».[7]

---

[1] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.38. Л.3; Там же. Д.40. Л.4; РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.14. Л.97, 101, 104, 107, 123.
[2] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.40. Л.4; РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.14. Л.97.
[3] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.40. Л.1 об.
[4] Там же. Л.3.
[5] Там же.
[6] Чернов В.М. 1917 год: народ и революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С.358.
[7] Цит. по: Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. С.91-92.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Центристами в партии были А.Р. Гоц и В.М. Зензинов. Они были убеждены, что, «если в увлечении самыми благородными и значимыми задачами внутреннего развития с пренебрежением отнестись к вопросам внешней обороноспособности – все пропало, ибо успех революции висит на тонюсенькой ниточке: остатке обороноспособности армии, защищающей границы нашей родины...».[1]

Левее центра находился с его многочисленными сторонниками теоретик и лидер партии В.М. Чернов, воззрения которого на вопросы войны и мира были основаны на позициях пацифизма,[2] и который эти вопросы считал «задачей о квадратуре круга».[3]

С течением времени в рядах эсеров все более весомо заявляла о себе «левая оппозиция» во главе с М. Натансоном и М. Спиридоновой. По вопросам войны и мира они осуждали империалистическую войну, выступали за немедленное прекращение войны и выход из нее России, требовали «немедленно порвать гражданский мир со своей буржуазией».[4] По мнению В.М. Чернова, они искали опоры где-то вблизи большевиков, при большевиках, почти в охвостье у них,[5] в том числе и по вопросам войны и мира. Расхождения с руководством партии, определявшим ее курс, были кардинальными и предвещали раскол. В общем и целом характеризуя политику социалистов-революционеров по отношению к войне, Б.Д. Камков называл ее «социал-патриотической с интернациональным антуражем».[6]

После падения монархии разногласия в партии эсеров по вопросам войны и мира усилились. Такие социалисты-революционеры, как, например, П. Маслов и А.Р. Гоц, по-прежнему считали, что «новое положение русской демократии...заставило ее пересмотреть свое не принципиальное, а тактическое отношение к войне,...и демократия должна приложить все силы к тому, чтобы... организовать защиту достижений революции».[7] С возражениями им от левого крыла партии эсеров выступал Б.Д. Камков: «Мы категорически отвергаем ту социал-патриотическую формулу «оборончества», которая разрушила великий храм Вто-

---

[1] Цит. по: Чернов В.М. Указ. соч. С.339-340.
[2] См.: Чернов В.М. Указ. соч. С.354.
[3] См.: Октябрьский переворот. С.160.
[4] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.53. Л.59.
[5] См.: Чернов В.М. Указ. соч. С.342.
[6] Цит. по: Гусев К.В. Партия эсеров. От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С.146.
[7] Маслов П. Итоги войны и революции. М., 1918. С.73. 94; Дело народа. 1917. 5 апреля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

рого Интернационала».[1] О такой позиции эсеров впоследствии с большим согласием писал видный участник эсеровского движения А.Н. Бах.[2]

Февраль 1917 года партия эсеров встретила с ликованием.[3] В представлении эсеров российская революция была общенациональной, она была принята всеми и явилась вполне логическим последствием всего предыдущего развития России.[4] Вдумчивым исследователем русской революции был В.М. Чернов, который писал впоследствии: «Веками накопляемые неразрешенные проблемы, обусловили «синтетический», «многоэтажный», «универсальный» характер русской революции».[5] Русскую революцию он относил к типу «военно-разгромных»[6] и считал, что «дух русской революции – есть дух максимализма».[7]

Лидеры эсеров были хорошими психологами и предвидели воздействие на массовое сознание возможных последствий революции. И.З. Штейнберг справедливо указывал, что для народных масс «революция законно являлась методом возвращения к мирному существованию и возрождению от их усталой, бессмысленной и печальной жизни».[8] М.В. Вишняк предупреждал, что «...затянувшаяся война и поражение обострили и углубили дурные страсти в человеке: его природный страх и жестокость, его цинизм по отношению к духовным ценностям, к отечеству и свободе».[9] И, наконец, В. Чернов убеждал не обольщаться легкостью победы над самодержавием.[10]

Социалисты-революционеры уже 2 марта на своей конференции в Петрограде высказались за поддержку Временного правительства.[11] По вопросу о коалиции среди эсеров вначале господствовало мнение, что коалиционное правительство– явление переходное, некое промежуточное решение вопроса о власти. Но при этом в смешанном правительстве неизбежны «противоречивые тенденции, их нельзя замалчивать, надо их развернуть».[12] Такой взгляд имел элементы реализма и предполагал противостояние демократов кадетам.

---

[1] Дело народа. 1917. 6 апреля.
[2] См.: Год русской революции 1917-1918 гг. Сб. статей. М., 1918. С.9.
[3] Труд. 1917. 10 марта.
[4] Чернов В.М. Указ. соч. С.444;Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж, 1919. С.81.
[5] Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж - Прага - Нью-Йорк, 1934. С.412.
[6] Там же. С.414.
[7] Там же. С.440.
[8] Штейнберг И.З. От Февраля по Октябрь 1917 года. Берлин - Милан, 1920. С.11.
[9] Вишняк М.В. Дань прошлому. С.393-394.
[10] Чернов В.М. Рождение революционной России. С.418.
[11] Известия. 1917. 4 марта; Дело народа. 1917. 15 марта.
[12] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.40. Л.100.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Но это была точка зрения низов, а не верхов партии, где возобладал несколько иной взгляд на коалицию. В.М. Чернов изложил его весьма концентрированно: «Коалиция должна быть сохранена во что бы то ни стало, если не в течение всей революции, то, по крайней мере, до Учредительного собрания.» [1] Здесь уже никаких разговоров о противостоянии нет. «Та социальная сила, которая не ощущает себя силой, - правомерно делает вывод эсеровский лидер, - не есть актуальная сила».[2] Высшим органом Земли Русской эсеры считали Учредительное собрание, которое «установит новый общественный и государственный строй».[3]

Социалисты-революционеры позволяли себе осторожную критику в адрес Временного правительства. По взглядам В. Чернова, наиболее грубый просчет правительство допустило в вопросе о продолжении войны.[4] Одним из условий вхождения эсеров в коалиционное правительство они выдвинули требование «деятельной внешней политики, направленной к скорейшему созыву совещания правительств всех союзных стран для установления и проведения платформы демократического мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения национальностей».[5] В.М. Чернов и в этом случае настоятельно советовал избегать таких обращений, которые могут быть приняты за ультиматум.[6]

Социалисты-революционеры с осторожностью относились к другим политическим партиям, особенно к большевикам.[7] От партий несоциалистической ориентации эсеры вообще стремились дистанцироваться, особенно по вопросам войны и мира[8], едко обвиняя партию кадетов в двуличии.[9] Опубликование ноты Милюкова они расценили как провокацию.[10]

Составной частью программных взглядов партии социалистов-революционеров по военным вопросам являлось их отношение к армии. При этом эсеры использовали богатый опыт работы своих организаций, полученный в предшествующие годы, и особенно в период первой русской революции. [11]

---

[1] Там же.
[2] Там же. Л.86.
[3] Крестьянский союз. 1917. 25 марта.
[4] Чернов В.М. Рождение революционной России. С.442.
[5] Дело народа. 1917. 4 мая.
[6] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.268.
[7] Чернов В.М. Рождение революционной России. С.442.
[8] Дело народа. 1917. 25 марта.
[9] Там же. 22 марта.
[10] Там же. 20 апреля.
[11] Черных И.И. Военные вопросы в программах и тактике кадетов, меньшевиков и эсеров (март-октябрь 1917 года). Дис... канд. ист. наук. М., 1992. С.63.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

На основании изучения архивных документов автор считает возможным утверждать, что после свержения монархии социалисты-революционеры несколько с других позиций оценивали роль и место армии в обществе. Она, по их мнению, стала защищать завоевания русской революционной демократии, в силу чего «ослабление ее устойчивости, крепости и способности к активным операциям было бы величайшим ударом для дела свободы и для жизненных интересов страны».[1] В решении задач революции эсеры отводили армии исключительно важную роль. Социалист-революционер Ф.И. Седенко даже утверждал: «Реальную, действенную силу Интернационала мы еще не знаем, а силу русской революционной армии мы уже познали. Вот почему мы пока принуждены всю будущность русской революции, весь ее успех и дальнейшее развитие связывать с мощью и ударной силой русской революционной армии».[2] Важным программным пунктом партии социалистов-революционеров было «уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением».[3]

В первые два месяца революции эсеры ограничивались пропагандистской работой в армии, следуя в русле меньшевистской концепции роли армии в революции. [4] Но с течением времени социалисты-революционеры стали проводить в армии все более и более самостоятельную политику. Располагая значительным количеством печатных источников, издавая только в первые месяцы революции 58 газет, [5] эсеры активно использовали их для пропаганды своих позиций по вопросам войны и мира.[6]

Социалисты-революционеры активно содействовали созданию демократически настроенных офицерских организаций. Уже в первые дни после свержения самодержавия при Советах рабочих и солдатских депутатов группа офицеров-социалистов с участием эсеров подполковника С.Масловского и морского офицера лейтенанта В.Н. Филипповского образовала организацию «Союз офицеров-республиканцев народной армии». Своей целью союз ставил установление демократической республики, объединение революционных офицеров, реорганизацию армии на демократических началах и пропаганду в ней республиканских идей.[7]

---

[1] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.90. Л.5.
[2] Седенко Ф.И. Действенный социализм и интернационализм. Псков, 1917. С.13-14.
[3] РГВИА. Ф.2695. Оп.1. Д.1. Л.51; Ф.2031. Оп.3. Д.80. Л.44; ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.50. Л.41.
[4] 1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция. М., 1992. С.49.
[5] См.: Гусев К.В. Указ. соч. С.99.
[6] Дело народа. 1917. 28 марта.
[7] Известия. 1917. 8 марта.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Трудовая группа в воззвании от 4 марта призывала исключительно к дисциплине и организованности. [1] В новых условиях, считая возможным разделить власть в правительстве,[2] народные социалисты важнейшей задачей считали сохранение российской государственности, защиту ее от внешнего врага и внутренних экстремистов. Ради национального единства они были готовы сотрудничать с любой партией, стоящей на точке зрения общегосударственной пользы. Непартийной, консолидирующей страну силой энесы считали Временное правительство. Будучи «советской партией», они сравнивали Советы с временными бараками, в которых можно кое-как укрыться от непогоды, но в которых регулярная государственная жизнь ни в коем случае идти не может, называли их суррогатом народного правления. [3] Позиция партии народных социалистов по вопросу войны и мира заключалась в тесном единении с союзниками, в том числе и при заключении мира.[4]

Несмотря на различные подходы к вопросам власти, перспектив развития революции, войны и мира, пропаганда различных социалистических партий имела точки соприкосновения в деле антикапиталистической пропаганды. Примером этому могут служить «бестселлеры» 1917 года брошюры В. Либкнехта «Пауки и мухи» (выдержала более 20 изданий) и С.Р. Дикштейна «Кто чем живет» (выдержала 11 изданий), которые выпускали и большевистские, и меньшевистские, и эсеровские издательства, оказавшие существенное влияние на окопных солдат.[5] Более того, обосновывая степень влияния различных социалистических партий на политическое сознание масс, необходимо отметить, что в марте-апреле 1917 года даже рабочие Петрограда (около 70%) не определили своего отношения к партиям и рассматривали все партии Петросовета как социалистические.[6]

Из партий либерального блока после Февраля 1917 года постепенно прекратилась деятельность прогрессистов, которые 25 апреля вошли в состав радикально-демократической партии в качестве автономной группы.[7] Партия выступала за установление демократической республики, поддержку Временного правительства, безусловное участие в коалиционном министерстве, за войну до победы в согласии

---

[1] Там же. 4 марта.
[2] Речь. 1917. 21 апреля.
[3] См.: Петрищев А. Внутренняя летопись // Русское богатство. 1917. №4-5; Мякотин В.А. Годовщина // Русское богатство. 1917. №1-3. С.285.
[4] Вестник партии народной свободы. 1917. №4-5. С.9.
[5] См.: Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и антибуржуйское сознание // Отечественная история. 1994. №1. С.18.
[6] См.: Астрахан Х.М. Указ. соч. С.75-77.
[7] Утро России. 1917. 25 апреля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

с союзниками, за светлое будущее всего мира.[1] В сентябре произошло ее слияние с либерально-республиканской партией.[2] Как та, так и другая партия, в политических событиях 1917 года играла крайне незначительную роль.

Такая же незавидная участь постигла и октябристов, которые вошли в состав либерально-республиканской партии,[3] и лишь политическая деятельность А.И. Гучкова и М.В. Родзянко напоминала о былом величии партии. По отношению к войне М.В. Родзянко, выражая общее мнение соратников, неоднократно заявлял: «Война должна быть доведена всеми усилиями русского народа совместно со своими доблестными союзниками до решительной и полной победы над врагом!»[4]

Как люди, облаченные властью в прошлом и настоящем, лидеры октябристов уделяли вопросу о власти самое пристальное внимание. [5] Когда же Государственная дума оказалась невостребованной во властных структурах, М. Родзянко и ее члены посчитали себя готовыми давать указания «как надо вести государственный корабль», определять «какие опасности ему грозят» и «что может быть предотвращено».[6]

Побывав во власти и видя изнутри работу Временного правительства, А.И. Гучков посчитал необходимым уйти в отставку ввиду условий, «в которые поставлена правительственная власть в стране», и невозможности больше «разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении Родины».[7] На упреки бегства с тонущего корабля, он ответил, что мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти. Разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть.[8] Так А.И. Гучков приходит к мысли о создании «сильной власти», иначе «крушение неминуемо».[9]

После победы Февраля из всех либеральных партий России только конституционные демократы, численность которых в марте-апреле увеличилась до 70 тысяч человек,[10] были готовы вести страну в соответствии со своими программными положениями и далее, но, по мнению В. Шелохаева, победа революции в России и

---

[1] Политические партии России. Конец XIX-первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С.429.
[2] Там же. С.516.
[3] Там же. С.314.
[4] См., например: Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы. М.-Л., 1932. С.112.
[5] Известия революционной недели. 1917. 28 февраля; Новое время. 1917. 5 марта.
[6] Буржуазия и помещики в 1917 году. С.21.
[7] Последние новости. 1936. 30 сентября; Революционное движение в России в апреле 1917 года. С.835-836.
[8] Буржуазия и помещики в 1917 году. С.5.
[9] Там же. С.7.
[10] Секеринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX-начало XX веков). М., 1995. С.267.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

установление в ходе ее двоевластия в значительной мере сузили (если вообще не свели на нет) возможности развития страны по реформаторскому пути, на который были ориентированы либеральные модели общественного развития.[1]

События Февраля 1917 года лидеров партии народной свободы застали явно врасплох.[2] И все же определенные надежды на благоприятное для России развитие событий у них были. «Мы ожидали взрыва патриотического энтузиазма со стороны освобожденного населения, который придаст мужества в свете предстоящих жертв», - писал позднее П.Н.Милюков.[3] Подавляющее большинство кадетов встретили революцию как «восьмое чудо света».[4] Вместе с тем, были и такие, которые «далеко не были в восторге от происшедшей во время войны революции».[5] В.А. Маклаков вообще считал революцию «глупостью» и «преступлением».[6]

Партия народной свободы призывала всех к поддержке Временного правительства.[7] Достигнуть поставленных целей кадеты стремились на основе классового согласия всех граждан страны без различия партий, социальных слоев и национальностей.[8] В этом случае своей партии они отводили роль арбитра.[9] В рядах кадетов в тот период образовалось даже заметное течение в пользу признания социализма в качестве «возможного этического идеала».[10]

В связи с тем, что, по мнению кадетов, в России «настолько сложная, неопределенная, настолько меняющаяся обстановка»,[11] вопросы о формах правления в России, наряду с другими, были рассмотрены на VII съезде партии, проходившем 25-27 марта 1917 года.

Московский кадет М.Л. Мандельштам категорически высказался против необходимости двоевластия в стране.[12] Конституционные демократы отказались от парламентской монархии и объявили себя республиканцами. «В войне старая форма за царя и Отечество разбилась, - говорил в докладе на съезде Ф.Ф. Кокошкин. – Оказалось, что нельзя быть за царя и отечество, так как монархия стала против

---

[1] Там же. С.268.
[2] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С.367; 422.
[3] Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. Т.1. С. 42.
[4] Речь. 1917. 5 марта.
[5] Оболенский В.А. Моя жизнь и современники. Париж, 1988. С.517-518.
[6] Современные записки. 1929. №38. С.292.
[7] Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С.366.
[8] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.973. Л.1.
[9] Речь. 1917. 28 марта.
[10] Изгоев А.С. Наши политические партии. Пг., 1917. С.39-40.
[11] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.854А. Л.1.
[12] Речь. 1917. 26 марта.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Отечества». [1] Более грубо эти мысли выразила «Речь», которая писала, что в сложившейся ситуации вряд ли целесообразно «цепляться за идею конституционной монархии».[2] Со своеобразных позиций, отличных от большинства членов партии, на съезде выступил Н.В. Некрасов: «Основной вопрос заключается сейчас в том, чтобы идею революции, торжества демократии, идею народовластия провести скорее во всех возможных ее формах». Он призывал все демократические элементы, которые хотят избежать социальной революции, к сотрудничеству.[3]

Съезд выразил «полное доверие Временному правительству». Советы квалифицировались как общественные организации, поэтому их вторжение «в прерогативу исполнительной власти» считалось недопустимым. Кадеты высказались против какой-либо поспешности в решении социальных вопросов.[4] Было решено искать соглашения с эсерами и меньшевиками, а борьба «со всякого рода максимализмом и большевизмом»[5] объявлялась одной из ближайших целей.

Вместе с тем, отдельные представители партии уже видели надвигающуюся катастрофу. [6] Поэтому апрельский кризис рассматривался ими как боевой материал для нового государственного переворота,[7] а В.А. Маклаков пришел к выводу, что «Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала».[8] Л.Д. Троцкий охарактеризовал политику кадетов как беззастенчивых «пенкоснимателей парламентаризма» возле кипящего котла революции.[9]

Краеугольным камнем политики кадетов после Февраля 1917 года был вопрос о войне. Партия народной свободы в этот период в своем воззвании «К народу России» призвала к тесному единению во имя организации победы над внешним врагом.[10] Кадеты все усилия направили на то, чтобы продолжить войну.[11] Более того, они рассматривали войну как способ оздоровить страну.[12] Сам П.Н. Милюков, по воспоминаниям В. Набокова, был абсолютно чужд и враждебен идее мира без аннексий и контрибуций. Он считал, что было бы нелепо и просто пре-

---

[1] Речь. 1917. 26 марта; Кокошкин Ф.Ф. Республика. Пг., 1917. С.4-8.
[2] Речь. 1917. 14 марта.
[3] Речь. 1917. 29 марта.
[4] Там же. 28 марта.
[5] Речь. 1917. 29 марта.
[6] Там же. 26 марта.
[7] Московские ведомости. 1917. 24 апреля.
[8] Буржуазия и помещики в 1917 году. С.16.
[9] Цит. по: История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С.14.
[10] См.: Крачкевич П.З. История российской революции. Записки офицера журналиста. 1914-1920 гг. В 10-ти т. Гродно, 1921. Т.1. С.47.
[11] Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С.481.
[12] Буржуазия и помещики в 1917 году. С.112.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ступно с нашей стороны отказаться от «самого крупного приза войны» (Константинополь и проливы) во имя гуманитарно-космополитических идей интернационального социализма[1] и прилагал максимум усилий для завоевания этого «приза».[2]

Почему кадеты стояли за продолжение войны? Ведь П.Н. Милюков в воспоминаниях писал, что «старое правительство было свергнуто ввиду его неспособности довести войну до победного конца».[3] На этот счет можно высказать предположение, что кадеты считали, что в целях войны произошли большие перемены. Теперь войну надо вести не только для защиты нашей самостоятельности, но и свободы.[4] Победить надо не в интересах буржуазии, а в интересах всей страны.[5] Что касается отношения к войне населения России, то здесь установка конституционных демократов формулировалась так: «Если широкая народная масса не понимает необходимости в ее собственных интересах довести войну до конца, то это надо сделать, не считаясь с ее волей».[6]

Вопросы войны и мира рассматривались и на VII съезде партии.[7] Съездом была принята специальная резолюция по докладу от ЦК А.А. Корнилова «О войне», в которой выражалось полное доверие Временному правительству в проводимой им внешней политике.[8] Съезд указал, что «вся эта политика, которую развивает П.Н. Милюков, является самой либеральной политикой, которую мы можем вполне приветствовать и всячески поддерживать».[9] Находясь у руля государственной власти, кадеты все свои устремления направляли на «разгром германского империализма и спасение Родины, России и Отечества».[10]

Следует особо заметить, что, став у власти, партия народной свободы в решении своих задач важную роль отводила армии.[11] Поэтому в 1917 году партией народной свободы предпринята очередная попытка теоретического обоснования своих военных задач. Проводя принцип «армия вне всякой революционной политики»,[12] кадеты не спешили вводить в программу военный раздел. Объясняется это

---

[1] Набоков В.П. Временное правительство // А.Р.Р. Т.1. С.53.
[2] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.252.
[3] Милюков П.Н. Воспоминания. С.482.
[4] См.: Речь. 1917. 28 марта, 4 апреля и др.
[5] Речь. 1917. 28 марта.
[6] Цит. по: Думова Н. Опоздавшая партия // Наука и жизнь. 1990. №10. С.73.
[7] Речь. 1917. 25 марта.
[8] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.6. Л.2; ВПНС. 1917. №1. С.10.
[9] Конституционно-демократическая партия (партия народной свободы). Съезд седьмой. Петроград. Стенографический протокол заседаний седьмого съезда партии народной свободы. Пг., 1917. С.51.
[10] Речь. 1917. 4 апреля.
[11] Речь. 1917. 28 марта; Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.48.
[12] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.117.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тем, что в партии существовали различные взгляды на армию.[1] Наконец VIII съезд партии народной свободы, состоявшийся в мае 1917 года, принял решение о «развертывании самой широкой и активной работы в армии».[2]

Говоря о строительстве новой армии, «Речь» писала, что преобразование старой армии в новую – процесс чрезвычайно трудный, мучительный. Наш долг – это словом и делом помочь армии и ее ядру – офицерам, чтобы возродилась новая армия великой России.[3] На одном из расширенных совещаний ЦК заострялось внимание на ненормальности отношений между офицерами и солдатами, установившихся в некоторых частях вследствие «прежнего крепостнического строя армии».[4] На страницах газеты «Речь» была развернута дискуссия о реформировании армии с учетом введения выборного начала.[5] Сама «Речь» оценивала деятельность комитетов крайне отрицательно, негативно.[6] По мнению конституционных демократов, «армия, признавшая Временное правительство, если она хочет быть проникнута истинной дисциплиной, должна быть подчинена только ему».[7]

Представители партии народной свободы понимали, что работа в армии будет сложной.[8] Не случайно П.Н. Милюков на заседании ЦК в апреле 1917 года говорил, что «общение путем просветительской деятельности – это есть один из путей воспитания общественного человека».[9] Исходя из своего тезиса, что сейчас «главное – это армия. Все пропадет, если развал начнется в армии»,[10] конституционные демократы осуществляли активную идеологическую обработку армейских масс путем личного общения членов партии народной свободы с ними, распространения различных воззваний, проведения митингов и других мероприятий, на которых ставилась одна задача – «воодушевить войска для продолжения войны до окончательной победы».[11]

Уже 17 марта 1917 года на заседании ЦК и думской фракции кадетов была поставлена задача на активизацию партийного влияния партии народной свободы в армии путем использования различных форм и методов воздействия на военно-

---

[1] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.166, Л.242; Ф.5898. Оп.1. Д.4. Л.7.
[2] Резолюции восьмого делегатского съезда партии народной свободы. Пг., 1917. С.10.
[3] Речь. 1917. 28 марта.
[4] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.29. Л. 16, 28, 29; ВПНС. 1917. №1. С.15.
[5] Речь. 1917. 8 апреля.
[6] Речь. 1917. 24 апреля.
[7] РГВИА. Ф.2695. Оп.1. Д.1. Л.63.
[8] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.741. Л.1.
[9] Там же. Д.775. Л.1.
[10] Речь. 1917. 7 марта.
[11] Русское слово. 1917. 24 марта.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

служащих.[1] Анализ и обобщение деятельности конституционных демократов в 1917 году показывает, что основными направлениями их деятельности по завоеванию армии на свою сторону были: привлечение офицерского состава, распространение идей кадетизма среди военнослужащих, создание партийных организаций в армии, единение и сплочение политических, государственных и военных сил, заинтересованных в установлении сильной власти в стране. Самой главной и первоочередной мерой кадеты считали разъяснение ошибочности и вредности Приказа №1, который, по их убеждению, губит армию.[2]

Анализ документов партии народной свободы свидетельствует, что, по их мнению, «в русской армии творилась большая вакханалия»,[3] когда массово начались создаваться комитеты различных уровней. Уже на заседании ЦК партии народной свободы в марте 1917 года было отмечено, что «роль фронтовых, армейских, корпусных, дивизионных и прочих комитетов должна быть точно определена, вмешательство их в стратегические и тактические распоряжения командного состава не может быть допустимо».[4]

С первых дней революции при Петроградском комитете партии кадетов работала Агитационная комиссия, которая впоследствии перешла в ведение ЦК. [5] При Московском городском комитете партии аналогичная комиссия была образована 4 августа 1917 года.[6] В ее задачи входили: устройство партийных митингов; привлечение на них других партий; развитие культурно-просветительной деятельности; организация лекций, распространение литературы, расклейка воззваний и плакатов.[7] Для подготовки ораторов и агитаторов Агитационная комиссия при ЦК организовала курсы по общественно-политическим вопросам, лектории. [8] Программа кратких курсов включала изучение проблем государственного права, вопросов о земле и войне, принципов местного самоуправления и рабочего вопроса. Лектории создавались специально для ораторов, среди которых было много военных. Подготовленных таким образом агитаторов и ораторов Агитационная комиссия направляла, в том числе и на фронты, снабжая их литературой. [9]

---

[1] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.29. Л.28.
[2] Речь. 1917. 18, 24 ,28 марта; ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.136, Ф.523. Оп.2. Д.212. Л.4; Ф.579. Оп.1. Д.842. Л.7.
[3] Речь. 1917. 10 апреля; ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.143.
[4] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.21. Л.5.
[5] См.: ВПНС. 1917. №14-16. С.21; Речь. 1917. 30 марта.
[6] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.22. Л.12.
[7] См.: ВПНС. 1917. №14-16. С.21; ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.22. Л.12; Ф.9591. Оп.1. Д.15. Л.53.
[8] См.: Речь. 1917. 16 апреля, 26 мая; ВПНС. 1917. №14-16. С.21.
[9] ВПНС. 1917. №1. С.23, №14-16. С.21; Речь. 1917. 16 апреля, 26 мая.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Обладая значительными материальными возможностями и имея соответствующие структуры, партия народной свободы уделяла большое внимание печатной пропаганде и агитации. При ЦК работала литературно-издательская комиссия под председательством М.М. Винавера, которая издавала брошюры, воззвания, плакаты, листовки, соответствующих «требованиям данного момента».[1] Анализ кадетской периодической печати дает основание сказать, что за март-апрель 1917 года было выпущено более 2 млн. экземпляров плакатов и листовок. [2] Литературно-издательская комиссия при Московском городском комитете партии кадетов за этот период выпустила с подобной тематикой до 800 тысяч агитационных листовок и свыше 12 номеров брошюр.[3] В листовках и воззваниях для военнослужащих кадеты основной акцент делали на опасность для завоеванной русской свободы германского милитаризма и необходимость ее защиты.[4] Огромную роль в печатной пропаганде кадетов по вопросам войны играла их газета «Речь». Почти в каждом городе России, где имелась крупная кадетская организация, после Февраля стали выпускаться партийные газеты. К маю 1917 года их было уже около двадцати.[5]

Основными формами работы кадетов с военнослужащими были: открытие краткосрочных курсов по подготовке агитаторов и лекторов; организация библиотек, клубов и читален; распространение листовок, воззваний, брошюр, обращений ЦК и Военной комиссии партии народной свободы; организация и проведение митингов и митингов-концертов, чтение лекций по самым разнообразным вопросам; организация и проведение литературно-художественных вечеров и др.[6]

Правые политические партии пришли к революции в крайне расстроенном состоянии. Вместе с тем, Совет объединенного дворянства публично заявил: «В эти трудные великие для России дни все русские люди, отложив всякие разногласия, должны сплотиться вокруг Временного правительства».[7] Своеобразно к сложившейся в России ситуации отнесся Б.В. Никольский, член Главного Совета Всероссийского дубровинского союза русского народа, который, хотя и не признавал теперешних министров государственными людьми, но считал как и многие другие правые деятели, что они «правительство временное, и они – единственное начало

---

[1] ВПНС. 1917. №1. С.17; Там же. №3. С.7.
[2] Там же. №1. С.18.
[3] Там же. №2. С.16.
[4] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.15. Л.35.
[5] См.: ВПНС. 1917. №4-5. С.25.
[6] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.21. Л.1-2; Ф.579. Оп.1. Д.3210. Л.1-2.
[7] Русское слово. 1917. 11 марта.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

порядка среди анархии».[1] По отношению к вопросам войны и мира правые с особой силой обрушивались на проповедь сепаратного мира, обвиняя Ленина в том, что он не только сам изменил своей родине, но и требовал, чтобы изменником стал весь русский народ, запятнав свою национальную честь.[2]

Организации правых фактически не существовали.[3] Многие правые в марте 1917 года перестроились. О солидарности с новым правительством и готовности служить новому строю заявили многие видные деятели этих партий.[4] Не всегда переоценка ценностей происходила по конъюнктурным соображениям. Часть правых вынужденное отречение Николая II освободило от присяги на верность ему. У вторых исчезла материальная заинтересованность в «исповедовании» монархизма. Третьими руководил страх перед возможными репрессиями. А они последовали.[5]

Соискатель считает, что на начальном этапе российской революции в деятельности и настроениях правых можно выделить две противоположные тенденции: с одной стороны, события февраля 1917 года придали дополнительный импульс некоторым правым и ультраправым, пробудили их к активности; с другой стороны, стремительность переворота, массовая его поддержка и эйфория от него в стране, внесли растерянность и уныние в стан сторонников павшего режима или критиков этого режима справа. Но вскоре началась новая волна черносотенной агитации: против Временного комитета Государственной думы, революции, Временного правительства, нового строя, за освобождение царя.[6] В общем и целом, правые в тот момент еще не оправились от удара, а новые власти не обращали особого внимания на слабые попытки сопротивления революции навсегда поверженного, как многим тогда казалось, движения.

Взаимоотношения Временного правительства и Советов, деятельность политических партий России привели к апрельскому кризису, который в целом показал несостоятельность политики Временного правительства. А.И. Гучков и П.Н. Милюков первыми поняли невозможность реализации принципиально несовместимых внешних и внутренних политических задач и вышли из состава правительства. 26 апреля правительство опубликовало воззвание к стране, в котором заявля-

---

[1] ГА РФ. Ф.588. Оп.1. Д.1133Б. Л.81-83; Оп.2. Д.126. Л.12; Союз русского народа. М.Л., 1929. С.435; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.-Л., 1925-1927. Т.7. С.389.
[2] Шульгин В. Опыт Ленина // Наш современник. 1997. №11. С.143.
[3] Падение царского режима. Т.6. М.-Л., 1926. С.195.
[4] Падение царского режима. Т.7. С.319, 341, 346-347, 398, 405-406, 419; Раннее утро. 1917. 5-12 марта; Русские ведомости. 1917. 5-12 марта.
[5] Падение царского режима. Т.6. С.192; Т.7. С.421, 424, 438-439.
[6] Падение царского режима. Т.7. С.419; Союз русского народа. С.430.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ло, что не может более управлять и хочет привлечь к руководству «представителей тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством», то есть социалистическую интеллигенцию.[1] Это воззвание было политическим завещанием первого правительства с ужасающе мрачным пророчеством.[2]

По заключению В. Старцева, «поводом и внешней формой кризиса был вопрос иностранной политики революционной России. Однако сущность его составлял вопрос о власти».[3] От властей требовалось лишь одно: поощрение и узаконение того беспредела, что происходил в стране. Любое серьезное сопротивление настроениям масс неизбежно влекло за собой кризис власти.

Апрельский кризис привел к неожиданному для политических деятелей результату – он тут же обнаружил усиливающийся социальный раскол общества, до этого казавшегося едва ли не единым. Образно говоря, Россия оказалась на исторической развилке. Дорога направо вела к военной диктатуре, к установлению власти консерваторов и правых либералов. Прямой путь способствовал усилению демократических тенденций и упрочению влияния левых кадетов, меньшевиков и эсеров. Левая альтернатива неизбежно подводила к революционной диктатуре блока леворадикальных социалистических партий.

Революция в Феврале 1917 года, последующие меры по демократизации общества своей широтой и глубиной на несколько месяцев опьянили и объединили общество, обеспечив относительное согласие в нем. В ходе революции в самой причудливой форме в массовом политическом сознании проявилось все то, что копилось на протяжении столетий крепостничества, войны, сословного неравенства, оказывая воздействие на формирование национального характера у народа, ставшего «главным актером исторической драмы»,[4] которая разыгралась в России в 1917 году: с одной стороны, были решимость, смелость и воля, с другой – нетерпение, агрессивность и даже ярость.

«Речь» подчеркивала общенациональный характер революции,[5] но совершенно прав был Д. Рейли, который утверждает: «Решение вопроса о политическом

---

[1] Речь. 1917. 26 апреля.
[2] Там же.
[3] Старцев В.И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 года. М., 1978. С.193.
[4] Цит. по: Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. С.218.
[5] Речь. 1917. 5 марта.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

будущем России зависело от отношения народных масс...к политической власти и другим новым институтам, которые были созданы после падения самодержавия».[1]

Анализ динамики массового политического сознания и ориентации масс позволяет сформулировать вывод о том, что получить поддержку масс политические партии могли лишь в случае соответствия их призывов настроению масс, равно как и поддержки ими экономических и политических требований, которые в свою очередь выдвигали массы. Но массы, по воспоминаниям Н.Н. Головина, «подчинялись водительству интеллигентских сил, когда за ними чувствовалась сила (власть). За всякого же рода представителями интеллигенции (культурными и политическими лидерами) они шли только постольку, поскольку это отвечало их ближайшим, чисто эгоистическим побуждениям».[2]

8 марта А.И. Гучков на заседании Центрального военно-промышленного комитета изложил целую программу влияния на массовое политическое сознание населения страны[3], но реализовать намеченное явно не удалось в силу «спонтанного, стихийного поведения масс»,[4] зачастую переходивших от общей идеи прямо в действие, «не разбирая целей и средств».[5]

«Первые дни Февральской революции, - вспоминает один из ее участников В.К. Островитянов, - были днями какого-то всенародного ликования».[6] Народ впал в состояние эйфории.[7] Известно, что начало русской революции, было воспринято и как «лучезарная эпоха, светлая страница в истории государства российского»,[8] «как воскрешение из мертвых дорогой родины».[9] Мемуаристы часто сравнивали Февраль с чудом, с праздником Пасхи.[10] Вмиг были расхвачены книги по исто-

---

[1] Цит. по: Кудинова Н.Т. Отечественная историография революции 1917 года в России (1917-1995 гг.). Дис... докт. ист. наук. М., 1998. С.230.
[2] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.43.
[3] Русский инвалид. 1917. 15 марта.
[4] Хаймсон Л. Рабочее движение и историческое происхождение и характер Февральской революции 1917 года. В кн.: Реформы или революция? СПб., 1992. С.138-139.
[5] Чернов В. Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922. С.326.
[6] Островитянов К. Думы о прошлом. Из истории первой русской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве. М., 1967. С.164.
[7] Кульман П. Перед грозой (Воспоминания о Февральской революции) // Февраль. Сб. воспоминаний о 1917 годе. С.22; Чаган З. Указ. соч. С.61; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.116.
[8] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.338.
[9] Соболев Л.Г. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году (Период двоевластия). Л., 1973. С.109-110.
[10] См.: Оберучев К. В дни революции: воспоминания участника Великой русской революции 1917 года. Нью-Йорк, 1919. С.49; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.228; Керенский А.Ф. Указ. соч. // Вопросы истории. 1990. №12. С.133; Октябрьский переворот. С.111; Станкевич В.Б. Указ. соч. С.235; Из воспоминаний В.К. Зворыкина. В кн. Неизвестная Россия, XX век. Книга четвертая. М., 1993. С.45;Миртов О. Христос Воскресе // Русская воля. 1917. 10 марта; Пушкин С. Пасхальный звон // Солдат-гражданин. М., 1917. 1 апреля; Свенцицкий В. Крест и пулемет // Маленькая газета. 1917. 7 марта; Лукоморье. 1917. №9-10 (весь номер); Мережковский Д.С. Ангел революции // Русское слово. 1917. 1 апреля.и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

рии Французской революции, за ними последовали издания, посвященные Смутному времени.[1] Общество, быстро политизирующееся в условиях революции, использовало, подчас, привычные и значимые религиозные образы и ритуалы, заменяя отсутствующие политические символы и понятия, лозунги и штампы.[2]

По мнению Б.Н. Колоницкого, политическое сознание масс, подчас, было рациональным лишь по форме, по сути же это было квазирелигиозное сознание, объектом поклонения которого стали символы и институты революции.[3] Иное толкование ему дает современник тех событий П.И.Новгородов: «Обремененным заботами и трудностями бедным труженикам...нужны впереди светлые перспективы, которые даются в образе ожидаемого совершенства жизни».[4] Вера в лучшее будущее преобладала над горечью потери даже у тех, кто был против кардинальных политических перемен.[5] А. Блок, пытаясь разобраться в изменениях, произошедших в мировосприятии народа, размышлял: ««Революционный народ» - понятие не вполне реальное. Не мог сразу сделаться революционным тот народ, для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью и «чудом».[6]

Возможность ликвидации монархии окончательно созрела в массовом сознании к концу февраля 1917 года.[7] Политическая элита общества стремилась сохранить если не династию в лице Николая II, то хотя бы монархический принцип.[8] Решить эту задачу, по мнению Н. Суханова, пытались путем «coup d' etat»,...воссоздать монархически-романовский центр, сплотив вокруг него генералитет, огромную часть офицерства и, следовательно, всей армии, чиновничества, цензовой земской и городской буржуазии».[9]

Размышляя о крушении монархии, С.Л. Франк сделал вывод, что «с крушением русской монархии рухнуло сразу и все остальное – вся русская общественность и культура».[10] К отречению Николая II отнеслись по-разному. На монархистов это произвело «крайне тяжелое впечатление»,[11] вызвавшее «предчувствие

---

[1] Пришвин М.М. Дневники. М., 1990. С.80.
[2] Солдатское слово. 1917. 22 марта.
[3] См.: Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. №1. С.24.
[4] Новгородов П.И. Общественный идеал в свете современных исканий. Соч. С.343.
[5] См.: Вопросы философии. 1992. №9. С.125.
[6] Блок А.А. Дневник. Запись 25 мая 1917 года. М., 1989. С.210.
[7] Шульгин В.В. Дни: 1920: Записки. М., 1989. С.212; ГА РФ. Ф.634. Оп.1. Д.27. Л.117.
[8] Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. М., 1990. С.219-220; Родина. 1997. №12. С.59.
[9] Суханов Н. Указ. соч. Кн.1. С.251.
[10] Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1923. Кн.VI-VIII. С.247-248.
[11] Епанчин Н. Указ. соч. С.453.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мрачных и тяжелых последствий»,[1] но «сильных приверженцев династии было, однако, немного».[2] Корреспондента «Последних известий» Б. Мирского, удивляло отсутствие серьезной готовности защитить падающую монархию.[3] Аналогичную позицию заняло крестьянство.[4] Число писем, телеграмм, приветствий по случаю свержения самодержавия, полученных Временным правительством (около 6200) в четыре раза превзошло количество адресов в честь 300-летия дома Романовых.[5]

Настораживала ожесточенность в отрицании царизма.[6] Подогреваемая хлесткими публикациями, росла волна ненависти к свергнутой династии в форме хуления царской четы и уничтожения старых символов власти.[7] Налицо была демонстративная перелицовка политического бытия.[8] Одной из причин, объясняющих такое поведение, была следующая: «Полусознательное отталкивание от монархии должно было вызвать в массе...чувство боязни ответственности за содеянное».[9]

Февральская революция высвободила накопленные за долгое время озлобленность и раздражение; новое русское слово митингование (перманентный митинг) стало антиподом парламентской демократии, о которой мечтали политики нового режима.[10] Это привело к тому, что масса стала более чувствительной к престижу слова и более покорной влиянию вожаков,[11] спокойное обсуждение событий заменилось полным отчаянием и упрощением взглядов на них.[12] Лишь немногим все это стало быстро надоедать.[13] День ото дня увеличивались ряды сторонников

---

[1] Мордвинов А.А., полк. Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. С.128.
[2] Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С.61.
[3] Родина. 1989. №12. С.35.
[4] Русское слово. 1917. 22 марта.
[5] Подсчитано автором по: РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1253-1360.
[6] См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С.242; Протокол заседания Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 3 марта 1917 года // Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов. М., 1996. С.96.
[7] См.: Стайтс Р. Русская революционная культура и ее место в истории культурных революций // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С.372-374; Колоницкий Б.И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.109; Саратовский вестник. 1917. 30 марта.
[8] Один известный сатирик выразил это в следующих строках: «Вся Русь по-новому одета, чертовски пестрый маскарад! Погромщик принял вид кадета, а кто теперь не демократ?» См.: Русская стихотворная сатира 1908-1917 годов. Л., 1974. с.568.
[9] Мельгунов С.П. Мартовские дни. С.135.
[10] См.: Черная книга коммунизма. С.71; Вильямс А.Р. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960. С.96.
[11] См.: Палеолог М. Указ. соч. С.406.
[12] См.: Каутский К. Терроризм и коммунизм // Политические исследования. 1991. №1. С.174.
[13] Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника // Минувшее. Т.20. С.448.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

республики. [1] Уже 2 марта 1917 года прошла мирная манифестация против династии – за республику.[2]

Автор считает важным отметить, что в массовом политическом сознании наличествовали и ложные представления. [3] В стране дружно поносили царя-неудачника, но о неприятии низами самодержавия, как принципа, и речи быть не могло. [4] Крестьяне громко критиковать царя остерегались[5], а в письмах, поступавших в Петросовет, были голоса и в его защиту.[6] Б.И. Колоницкий в связи с этим тонко подметил, что в сознании масс «царство» и «государство» были если не синонимами, то вполне однопорядковыми явлениями.[7]

Значительная часть населения восприняла свободу как торжество вседозволенности и «самоволку», отмену любых норм поведения. [8] Отношение к власти отличалось своеобразием. Отмечая разницу между старым и новым правительством, В. Шульгин писал: «Старое правительство ненавидели, бранили, но исполняли его приказания, не рассуждая. Новое правительство любят, хвалят, но его приказания обсуждают, не исполняя. Несправедливая и неумная власть до такой степени, грубо выражаясь, осточертела, что стали ненавидеть саму идею власти».[9]

Были очень проникновенные письма в защиту Временного правительства. [10] Крестьяне-земледельцы, безусловно, желали иметь проливы своими и надеялись получить вознаграждение от немца за убытки. Их тревожило то, что рядом с законным Временным правительством, существует безответная, никому не известная группа лиц - Совет рабочих и солдатских депутатов, - которая захватным порядком стремится оказывать влияние на дела Государства.[11] Важная эволюция начала происходить в крестьянском сознании. [12] С конца марта можно констатировать перемену в крестьянском правосознании по отношению к разрешению зе-

---

[1] Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915-1920 гг. // Русское прошлое. 1991. №2. С.137.
[2] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.216.
[3] Карабчевский Н.П. Что мои глаза видели // Страна гибнет сегодня. С.160.
[4] Минувшее. Т.20. С.445.
[5] Наживин И.В. Записки о революции. Вена, 1921. С.13.
[6] См.: Соболев Г. Письма из 1917 года // Коммунист, 1989. №15. С.6.
[7] См.: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. С.114-115.
[8] Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916-1917 годах) // А.Р.Р. Т.11. С.71; Франк С.Л. Из размышлений. С.261.
[9] Киевлянин. 1917. 8 апреля.
[10] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.3776. Л.1-1 об; Д.5300. Л.4.
[11] Там же. Д.5861. Л.1-1 об.
[12] Короленко В.Г. Земли, земли! Мысли, воспоминания, картины // Новый мир. 1990. №1. С.191.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мельного вопроса: аграрное движение начинает принимать характер «организованный и идейный».[1]

Оценивая отношение масс к вопросам войны и мира, С. Мельгунов писал о февральских днях: «Повторяется на другой почве, в другой обстановке патриотический угар дней объявления войны».[2] В канцелярию Временного правительства поступало огромное количество писем патриотического содержания.[3] Высказывались опасения, что «мы не пособляем нашим союзникам».[4] На наш взгляд, все же более верной была оценка Н. Головина, который считал, что «отказ от войны русских масс вскоре после начала революции стал основным процессом революции».[5]

От революции, подчас, ждали не только конкретных социальных и политических изменений, но Чуда – быстрого и всеобщего очищения и «воскрешения». Путь же к этому «светлому будущему», к «воскрешению», стал возможен благодаря чудесному устранению «темных сил». Уже сразу после Февраля используется известный штамп эпохи Французской революции – «враг народа», в число которых уже весной иногда включалась и буржуазия.[6] Хотя Р. Пайпс утверждает, что в массовом политическом сознании ненависти не было,[7] М. Горький убедительно опровергает его.[8] Еще более категоричен был И.И. Петрункевич: «...в 1917 году революция стала толковаться как средство мести для всех, кто считал себя обиженным и кто не терял случая поправить свое положение».[9]

Апрельский кризис нельзя рассматривать как необратимость эскалации вражды. Массы уверовали в то, что именно совместная деятельность Совета и Временного правительства может довести страну до военной победы и остановить «анархию».[10] Политики же не уловили скрытого традиционалистского смысла, ожидаемого массами движения к миру. Вероятно, после апрельского кризиса и

---

[1] ГА РФ. Ф.406. Оп.6. Д.401. Л.148; Ф.40. Оп.2. Д.68. Л.73.
[2] Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. С.225.
[3] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.5453. Л.1-2.
[4] Там же. Д.4508. Л.3.
[5] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.192.
[6] См.: Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. №1. С.24.
[7] См.: Пайпс Р. Указ. соч. Ч.1. С.361.
[8] Горький М. «Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). М., 1990. С.18.
[9] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // А.Р.Р. Т.21. С.196.
[10] См.: ГА РФ. Ф.1778. Оп.1. Д.97. Л.10, 11, 20, 23, 25, 29, 32, 48, 62, 65, 104, 111, 135, 140, 143, 144, 147, 149, 160, 161-162, 169, 171, 173, 203, 210; Д.98. Л.43, 93, 107, 132-133, 139, 234; Д.99. Л.90, 119, 158-159, 165, 189, 207-209, 216-217, 251, 252, 265, 289.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

произошел тот внешне малозаметный перелом в общественном сознании, который почувствовали лишь немногие.[1]

В революционных событиях 1917 года исключительно важное значение играло массовое политическое сознание самостоятельной общественной силы – армии. Особенности его формирования в ходе революции определялись, прежде всего, такими факторами, как вовлечение многомиллионной армии в условиях максимальной легальности в политическую борьбу различных партий, продолжавшаяся война, связь действующей армии с народными массами, «усиливающаяся до болезненной обостренности».[2] При этом необходимо заметить, что массовое политическое сознание действующей армии было сложным, многоплановым, многоуровневым, динамичным, довольно быстро меняющимся на свою противоположность. По мнению многих очевидцев и некоторых современных историков, главную роль в отречении Николая II сыграла предательская позиция генералов М.В. Алексеева и Н.В. Рузского.[3] Сам император в эти дни не предпринял энергичных, быстрых и решительных мер в защиту своей власти и монархической государственности. Трудно объяснить мотивы его поведения. Возможно, прав Э. Радзинский, утверждая, что царь решил не бороться с революционной бурей.[4] Если сам император считал себя жертвой всеобщего предательства,[5] то императрица во всем видела происки и козни масонов.[6] Более того, в случае нежелания царя подписать акт об отречении, ситуация могла получить развитие в сторону восстановления монархии и установления военной диктатуры. Действующая армия же внутренне была готова к другому. «Достаточно было посмотреть, как носили они (солдаты – А.Ч.) свои винтовки.... Затворы тряслись от напряженности заложенных в стволы патронов», - вспоминает офицер С. Мстиславский.[7]

Армия продолжала играть ведущую роль и в ходе Революции 1917 года.[8] Высокая политическая активность армии в 1917 году проявлялась, прежде всего, в

---

[1] Из писем Ю.А. Никольского к семье Гуревич и Б.А. Садовскому. 1917-1921 // Минувшее. Т.19. С.143; «К тебе и о тебе мое последнее слово. Письма В.О. Лихтенштадта к М.М. Тушинской // Минувшее. Т.20. С.137.
[2] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.38.
[3] ГА РФ. Ф.601. Оп.1. Д.2102. Л.1 об; Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. М., 1990. С.228-229; 230-231, 237-239; Якобий И. Император Николай II и революция. Париж, 1938. С.203; Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и Генерал-адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб, 1998; Хереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1998. С.263; Отречение Николая II. С.237; Ольденбург С.С. Указ. соч. С.638.
[4] Радзинский Э.С. Господи...Спаси и умири Россию. Николай II: жизнь и смерть. М., 1999. С.212.
[5] Дневники императора Николая II. М., 1992. С.625.
[6] Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С.662.
[7] Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин-Петроград. М., 1922. С.57.
[8] Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? С.227.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

том, что, какие бы ни проходили съезды, конференции и совещания, значительную часть присутствующих составляли солдаты, офицеры и служащие различных военных учреждений: 25-30% делегатов Всероссийского Совещания Советов, более 50% делегатов I Всероссийского крестьянского съезда, около 15% делегатов I и свыше 30% присутствующих - II Всероссийского съезда Советов, 14,6% делегатов Объединенного съезда меньшевиков, около 13% делегатов III съезда эсеров и т.д.[1] На основе анализа источников, автор считает, что в 1917 году действующая армия осознала себя как самостоятельную политическую силу, о чем говорит телеграмма командующих фронтами военному министру в начале марта 1917 года, где подчеркивается, что «армия имеет свое мнение, ...мнение армии обязательно для России, настоящая сила ее здесь, на театре войны, а не в тылах».[2]

В качестве составляющей массового политического сознания действующей русской армии необходимо, прежде всего, выделить отношение армии к началу русской революции и отречению Николая II. Сведения о событиях в Петрограде достигли действующей армии в разное время. Если на Северном фронте известия о восстании в Петрограде распространились уже к вечеру 27 февраля, то в большинстве частей Румынского фронта о победе Февральской революции было сообщено не ранее 10 марта, а на Кавказском фронте – еще позже. [3]

Несмотря на то, что, по мнению П.Н. Милюкова, «...первый месяц или полтора после революции армия оставалась здоровой»,[4] революция все же «очень сильно встряхнула» ее.[5] Прежде всего, это связано с отречением Николая II. [6] Анализ документов позволяет сделать вывод, что отношение к отречению императора среди солдат отличалось большим разнообразием мнений: подавляющее большинство встретили отречение спокойно, многие с сожалением и огорчением, часть солдат выражали надежду, что государь не оставит своего народа и армии, другие, считая что без царя не обойтись, предлагали скорее выбирать государя.[7] Присутствовали и крайние точки зрения: от – повесить каждого, кто к этому отречению был

---

[1] Миллер В.И. К истории борьбы непролетарских партий за армию. В кн.: Непролетарские партии в России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. Материалы конференции. М., 1982. С.248.
[2] Разложение армии в 1917 году. М.-Л., 1925. С.30.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.127. Л.18;Шурыгин Ф.А. Революционное движение солдатских масс Северного фронта. М., 1958. С.24-25; Летопись революции. 1925. №1(10). С.71-73; Врангель П.Н. Записки (1916-1920). Берлин, 1928. С.21-22.
[4] Милюков П.Н. Воспоминания. С.484.
[5] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.343.
[6] Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965. С.215; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.126.
[7] А.Р.Р. Т.16. С.286-287.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

причастен,[1] до конфискации имущества и капиталов бывшего царя и назначения самого строгого суда с высшей мерой наказания.[2]

Самое поразительное в Революции 1917 года, происшедшей в разгар войны, именуемой отечественной, было то, что за императора, стоящего во главе далеко не сломленной армии, не вступился никто.[3] В качестве причин отказа действующей армии поддержать монархию большинство современников тех дней выдвигает видимую легальность актов отречения и боязнь междоусобной войной открыть фронт.[4] Неожиданность интуитивно предчувствовавшихся необходимых политических перемен, их сравнительная «легкость», даже усилили эмоциональный эффект революции. По воспоминаниям современников событий тех дней, армия революцию приняла, признала и против нее не восстала,[5] но среди солдатского и особенно офицерского состава по данному вопросу существовал значительный разброс мнений.[6]

Офицерский состав, по мнению Ф.А. Степуна, К.М. Оберучева, А.И.Верховского и других, принял революцию без малейших оговорок и сопротивления,[7] опасаясь, что она создаст чрезвычайные трудности в ведении войны.[8] Часть офицерского состава считала, что революция была принята почти всем русским народом как надежда на доведение войны до победного конца.[9] Была и другая позиция. По мнению полного георгиевского кавалера графа А. Толстого, «нужно покориться неизбежности, сохранить армию, победить неприятеля, спасти Россию».[10]

Значительная часть офицерского состава встретила революцию с большой тревогой, особенно опасаясь за состояние действующей армии[11], которая «стала

---

[1] Родина. 1997. №11. С.34.
[2] См.: Булдаков В. Красная смута. С.103.
[3] Родина. 1997. №12. С.59; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.130, 131; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.152. Л.184-186.
[4] См.: Деникин А.И. Там же. С.131; Октябрьский переворот. С.123-124.
[5] См.: Родзянко В. Государственная дума и февральская 1917 года революция // А.Р.Р. Т.6. С.79; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1991. №1. С.169; Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.180; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.130 и др.
[6] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.130-131.
[7] См.: Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. 1991. №6. С.207; Оберучев К.М. Офицеры в русской революции. Нью-Йорк, 1918. С.13; Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №4. С.32; Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914-1920. Белград, 1925. С.194.
[8] Станкевич В.Б. Указ. соч. С.30.
[9] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.86; Записки белогвардейца-лейтенанта N.N. // А.Р.Р. Т.10. С.64; Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. В кн.: От первого лица: Сб. М., 1990. С.450.
[10] См.: Родина. 1995. №11. С.50.
[11] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.841. Л.26; Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1. Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. Берлин, 1922. С.150; Керсновский А.А. История русской армии. Пг., 1917.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

бичом населения, когда она перестала быть Императорской...».[1] Многие офицеры переживали страшную трагедию, увидев в демократизации «ту разрушительную силу, которая снижает боеспособность и боеготовность армии».[2]

Несмотря на словесные заверения, что именно на офицерах «сосредоточены надежды той части российского общества, которая мечтала о возвращении к порядку»,[3] руководство страны вольно или невольно дискредитировало офицерский корпус. По воспоминаниям В.Д. Набокова, в командном составе обнаружилось два течения, два типа людей. Одни очень скоро поняли, что могут удержаться на своих местах только безудержным потаканиям революционизированных солдат, другие не хотели мириться с новыми порядками, пытались им противодействовать, проявить власть.[4] А.И. Деникин квалифицировал офицерский состав следующим образом: он считал, что 15-20% быстро приспособились к новым порядкам по убеждению, большинство же, около 75% обиделось, спряталось в свою скорлупу и не знало, что делать.[5] В начальный период революции армию покинули прекрасные военные генералы, которые не хотели приложить руку к работе по разложению армии.[6]

Отношение солдатской массы, на наш взгляд, наиболее точно выразил генерал Н.Н. Головин словами: «Солдаты чего-то ждут.... Где-то в глубине шевелились чисто эгоистические устремления, но задерживающие начала надтреснутой государственности сдерживали анархические тенденции, заставляя их укрываться в подсознании».[7] « Хотя уже в это время лозунги «Долой войну, долой чечевицу, долой царя, долой офицеров» приводили солдат в возбуждение», - вспоминает солдат М. Лезин.[8] У внимательных современников уже тогда возникал вопрос: не есть ли это просто голос бунтарства, не сказывается ли здесь элементарный протест против всякой дисциплины, всякого подчинения?[9]

Солдаты, даже те, которые позволили себе на радостях «непотребство», все же надеялись перестроить армию снизу доверху, восстановить тем самым «челове-

---

Т.4. С.51; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.101; Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917-1918 гг. Таллинн, 1929. С.12.

[1] Российский военный сборник. №9. С.223.

[2] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.126; Тальберг Н.Д. Трагедия русского офицерства. Белград, 1924. С.9.

[3] Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1926. С.101-102.

[4] См.: Страна гибнет сегодня. С.436.

[5] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.304.

[6] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.158; Керсновский А.А. Указ. соч. Т.4. С.270.

[7] Golovin N.N. Op. cit. P.252.

[8] Лезин М. Воспоминания рядового. Горький, 1958. С.70.

[9] См.: Страна гибнет сегодня. С.435.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ческую» справедливость. [1] Они не понимали, почему пылкие речи и доверительные беседы заезжих политиков не подкрепляются выдачей им новых сапог и хороших харчей.[2] Воспоминания офицеров, указывая в числе причин разложения армии воздействия «дурного» пополнения и особенно безделье, в которое медленно погружалась солдатская масса,[3] часто скептически оценивают результаты работы пришлых агитаторов[4] и справедливо отмечают, что во всем, что касается службы, быта и будущего, солдаты оставались прагматиками.[5]

Несмотря на настоятельные пожелания командного состава не втягивать специфически сложный армейский организм в политику,[6] приказ №1 и создание в армии комитетов, которые составлялись по политическим признакам и широко занимались политикой,[7] открыли шлюзы для ее проникновения в армию. Высший командный состав воспринял эти нововведения неоднозначно.[8]

Основной психологический процесс в армии, по мнению Троцкого, состоял в пробуждении личности,[9] поэтому солдатские массы живо интересовались вопросами войны и мира, власти, Советами рабочих и солдатских депутатов и многими другими.[10] В этих условиях офицерский корпус, неподготовленный в политическом отношении,[11] был совершенно безоружен и начал терять влияние на вверенные ему войска.[12] В силу данных обстоятельств высшее командование действующей армии вынуждено было просить проправительственно настроенных политиков провести в войсках продолжительное время.[13] Официальные и неофициальные органы власти принимали также многочисленные делегации из действующей армии. [14]

---

[1] См.: Солдатские письма 1917 года. М.-Л., 1927. С.19, 27-28, 33-34.
[2] Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // А.Р.Р. Т.13. С.8-9.
[3] ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.220. Л.6; Д.428. Л.120-122 об; Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // А.Р.Р. Т.14. С.41; Вргоч А. Мои воспоминания о мировой войне. 1914-1920 // Столица. 1991. №23. С.39.
[4] См.: Верцинский Э.А. Указ. соч. С.13-14; Мансыров С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. С.111; Соколов Б. Указ. соч. С.7, 8; ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.512. Л.12-14; Оп.2. Д.220. Л.10-11; Д.534. Л.51, 55.
[5] Соколов Б. Указ. соч. С.24-25.
[6] ГА РФ. Ф.5972. Оп.1. Д.21. Л.416; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.491 и др.
[7] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.35.
[8] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.261.
[9] См.: Троцкий Л.Д. История русской революции. Нью-Йорк, 1976. Т.1. С.300-301.
[10] См.: Солдатская правда. 1917. 15 апреля.
[11] См.: Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №5. С.85; Брусилов А.А. Указ. соч. С.233.
[12] См.: Брусилов А.А. Указ. соч. С.234; ГА РФ. Ф.4. Оп.1. Д.44. Л.284.
[13] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1755. Л.180.
[14] См.: Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Т.2. М.-Л., 1931. С.423; Дело народа. 1917. 29 марта.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Сама армия в этом отношении занимала довольно противоречивую позицию. По мнению начальника французской военной миссии в России генерала М. Жанена, «с началом революции офицеры и солдаты интересуются только политическими, отнюдь не военными вопросами».[1] По воспоминаниям Л.Н. Новосильцева, «вместо единой армии появилась толпа, разделенная партийными перегородками».[2] Съезд же делегатов Кавказского фронта, проходивший в апреле 1917 года, постановил «оберегать единство революционной армии,...не допуская в ней никаких отдельных политических и национальных организаций, но обеспечив в то же время полную свободу в армии агитации и пропаганды идей всех республиканских партий, а также право каждого воина входить в любую республиканскую организацию или партию вне армии».[3] Сравнительно невысок был удельный вес общеполитических вопросов среди проблем, решаемых войсковыми комитетами действующей армии.[4]

Наиболее дальновидные офицеры понимали, что «нельзя сейчас, надев белые перчатки, стать в стороне, говоря, что в настоящей армии политической борьбе не место».[5] Они предлагали войти в создаваемые солдатские организации (комитеты – А. Ч.) и, «внеся свое культурное влияние, добиться того, чтобы революция не погубила армию».[6]

Несмотря на то, что по, взглядам многих современников, «погубила Россию династия не менее чем общественность»,[7] проблема монархии и монархической идеи в массовом политическом сознании продолжала оставаться актуальной. По мнению П.Н. Врангеля, сам акт отречения Николая II от престола не самое страшное для России. [8] Значительную часть армейского офицерства вполне устраивало то, что, как позднее писал П.Н. Краснов, «великая бескровная революция прошла, что Временное правительство идет быстрыми шагами к Учредительному собранию, а Учредительное собрание к конституционной монархии...».[9]

Сложнее обстояло дело с солдатами. Несмотря на то, что в Николае II они разочаровались и с наслаждением топтали символы «проклятого прошлого», хуля режим и царскую семью, топча ногами и рубя шашками герб Российской импе-

---

[1] Россия 1917. От Февраля к Октябрю глазами французов // Вопросы истории. 1998. №1. С.4.
[2] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.125 об.
[3] Цит. по: Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914-1917 гг. Ереван, 1971. С.269.
[4] См.: Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году. М., 1974. С.254.
[5] Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №4. С.39.
[6] Там же. С.35.
[7] См.: Родина. 1997. №12. С.60.
[8] Врангель П.Н. Записки. В 2-х т. В серии «Белое дело». М., 1995. Т.1. С.21.
[9] А.Р.Р. Т.1. С.97.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

рии,[1] в вагонах на ходу вывинчивали портреты царя и царицы, закрывали двуглавых орлов,[2] в глубинах подсознания жил и продолжал в какой-то мере определять поведение солдат образ идеального царя.[3]

Если одни солдаты обращались с просьбой к Временному правительству «не поднимать вопроса об избрании какого бы то ни было самодержца», [4] то у других «впечатление смягчалось тем, что в России еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно...».[5] Анализ архивных материалов дает возможность проследить изменения мнений солдат. Характерный пример: 230 солдат сначала 210 голосами высказались за монархию, а через две недели – 217 за республику, 8 – за монархию.[6] Тем самым, за увлеченностью лозунгами «свобода», «демократия», «республика» стояла привычная мечта о справедливости, гарантируемой «хорошим царем». Недаром идея революции с республикой и президентом, на пост которого следует выбрать хорошего царя, стала столь широко распространенной в низах.[7]

Отношение к власти действующей армии было далеко не однозначным. В марте 1917 года армия, особенно ее офицерский состав, еще почитала Временный комитет Государственной думы за реально действующий политический орган,[8] но в дальнейшем Временный комитет из массового политического сознания практически исчезает.

Весьма благожелательно массовое политическое сознание действующей армии в начале революции относилось к Временному правительству[9], которое по воспоминаниям А.И. Деникина, «пользовалось признанием всех слоев армии»,[10] и проводимой им политике. Офицеры желали, чтобы наверху было больше «властной энергии и патриотизма»,[11] чтобы верховная власть была единой,[12] а приказы и

---

[1] Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. №11. С.190.
[2] См.: Сенин А.С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. 1993. №7. С.82.
[3] Милицын С.В. Из моей тетради. (Последние дни Преображенского полка) // А.Р.Р. Т.2. С.334.
[4] РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1257. Л.38.
[5] А.Р.Р. Т.16. С.287.
[6] ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.528. Л.54-58.
[7] См.: Мэсси Р. Указ. соч. С.358; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? С.226; War, revolution and Peace in Russia. The Passages of Frank Colder, 1914-1927. Stanford, 1992. P.46 и др.
[8] РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.27. Л.60-82; Д.22. Л.20-21; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С.165; 173; 180; Мансыров С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. С.111-118; Милюков П.Н. Воспоминания. С.449; Родзянко М.В. Указ. соч. С.71, 76; Савич Н.В. Указ. соч. С.237; Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.237; Шидловский С.И. Указ. соч. С.125-126; Шульгин В.В. Указ. соч. С.547; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.47.
[9] ГА РФ. Ф.5972. Оп.1. Д.112. Л.418 об; Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С.80; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.264.
[10] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.47.
[11] См.: Страна гибнет сегодня. С.117.
[12] РГВИА. Ф.2003. Оп.48. Д.29. Л.717.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

циркуляры, издаваемые Петроградским Советом, не были бы обязательными для русского народа и действующей армии, чтобы Учредительное собрание состоялось по окончанию войны.[1]

По мере развития событий раздавалась и резкая критика «фанатизированных мальчишек, не нюхавших пороху» и хоронивших русскую армию «по первому разряду».[2] Более того, первый съезд военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта, проходивший с 7 по 17 апреля в Минске, дал наказ армии быть готовой «дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых им на себя обязательств».[3]

Разброс солдатских мнений по отношению к Временному правительству на начальном этапе революции был еще более поляризованным. Часть солдат даже молили Бога, чтобы он помог Временному правительству вывести Россию из той пропасти, куда влекут ее крайние течения.[4] К маю же 1917 года ситуация изменилась настолько, что уже отдельные части считали себя свободными от присяги Временному правительству.[5] И все же на Всероссийском совещании Советов представители семи армий и 26 отдельных фронтовых частей проголосовали за доверие Временному правительству.[6]

Особо следует остановиться на переприсяге армии Временному правительству, ибо многие считали, что гнев толпы постепенно заставил забыть о присяге не только солдат, но и низших офицеров.[7] Но мотивация, даже у офицеров, была разная.[8] Важную роль в обосновании необходимости принятия новой присяги Временному правительству сыграло высказывание социалиста Г.В.Плеханова, который подчеркивал, что когда интересы самодержавия расходятся с интересами отечества, честь обязывает представителей военного сословия «идти против царя на защиту Отечества».[9] Но последующие события подтвердили одно из положений С. Липсета: «Там, где законность слаба, где армия не воспитана в традициях признания власти штатских, где в недавнем прошлом военным приходилось менять

---

[1] Там же. Д.27. Л.16.
[2] ГА РФ. Ф.5960. Оп.1. Д.9А. Л.27-28; Ф.5844. Оп.1. Д.3. Л.19.
[3] Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль-октябрь 1917 г.): Док. и матер. Минск, 1957. С.197.
[4] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.3633. Л.3; Д.4508. Л.1; РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.17; Оп.1. Д.1755. Л.18-27.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.22.
[6] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Д.98. Л.47.
[7] См., например: Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М., 1990. С.72-77, 82-88, 96-101, 112-113.
[8] Игнатьев А.А. Указ. соч. С.284; От первого лица. С.449-450.
[9] Плеханов Г.В. Послесловие к обвинительному акту по делу Софьи Гинзбург // Соч.: В 24 т. Т.24. С.315.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

свою преданность одному режиму на преданность другому в результате получения страной независимости или революций, верность присяге не будет прочной».[1]

Армия демонстрировала мощное стремление к демократии в той форме, которая им была близка и понятна.[2] Член Государственной думы Н.Родзевич констатировал, что солдаты, с которыми он встречался во время командировок в действующую армию, «восторженными криками проявили свою верность идее народовластия».[3] В.Станкевич, объясняя отношение части армии к Советам, считал, что солдатская масса, особенно после приказа №1, восприняла Советы как антиофицерскую организацию и именно поэтому встала около него.[4]

В противоположность этим взглядам, как свидетельствуют архивные документы Ставки Верховного Главнокомандования, не только командиры, но и отдельные солдатские организации относились к приказу №1 отрицательно, «считая, что это провокация».[5] Высказывались и пожелания устранить Совет рабочих и солдатских депутатов от вмешательства в дело управления государством.[6]

Офицеры же относились к Советам крайне негативно. В письме из Ставки указывалось, что «особенно волнуют попытки Совета вмешаться в отношения между солдатами и офицерами и регулировать их помимо существующих неотмененных законов и законного войскового начальства».[7]

С точки зрения А. Геруа, российская армия, лишившаяся своих сдерживающих центров (кадров) обратилась в вооруженную толпу, идущую только на заманчивые лозунги демагогов. Такая толпа делается легкою добычею партийных распрей,[8] причем, по его наблюдениям, «в России неопытность тыла вливалась через русскую общественность в армию для ее разложения: «кадеты это делали по наивности, социал-революционеры – по невежеству и большевики – по злой воле, но все это привело к общему результату: нельзя, поэтому сказать, чтобы русская общественность действовала разрозненно. Она работала дружно, добиваясь, частью бессознательно, развала своих армий.»[9]

---

[1] Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С.212-213.
[2] Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958. С.493.
[3] РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1348. Л.38.
[4] См.: Станкевич В.Б. Указ. соч. С.37.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1755. Л.21; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С.47; А.Р.Р. Т.16. С.286.
[6] А.Р.Р. Т.16. С.287.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1755. Л.55.
[8] Российский военный сборник №9. С.108.
[9] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

В первые месяцы революции армия довольно индифферентно относилась к взглядам различных политических партий, за исключением большевиков. Кадетам, по воспоминаниям П.Н. Милюкова, постоянно приходилось преодолевать психологическое сопротивление солдат.[1] Многие генералы обсуждали тогда вопрос о вступлении в партию социалистов-революционеров, и, по мнению А.И. Гучкова, «такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства».[2]

О сравнительной нейтральности армии по отношению к политическим партиям говорит, например, список газет, решенных выписать в 5 стрелковом полку[3], в котором 5 газет были социалистической ориентации, остальные – буржуазными, национальными и беспартийными. Не было только ни одной газеты большевиков.

Отношение офицеров к большевикам было исключительно негативным.[4] В первые месяцы революции большевики не вызывали симпатий и у солдатской массы. [5] Матросы второго Балтийского экипажа, стоявшие в почетном карауле при встрече В.И. Ленина на Финляндском вокзале, узнав, что Ленин вернулся в Россию «с высочайшего соизволения его величества императора германского и короля прусского», выразили глубокое сожаление, что кричали «ура» вместо негодующих возгласов «Долой, назад в ту страну, через которую ты к нам приехал».[6] Солдат В. Манушкин готов был даже «лишить жизни» злого врага молодой русской свободы Ленина, мотивируя это тем, что он со своими товарищами страдал три года, а «Ленин желает, чтобы мы страдали вечно».[7] Единицы находили Ленина правым, но и они желали «прекратить бы эти еще полезнейшие его пропаганды до более удобного случая.... Не нужно нам междоусобицы, не нужно подливать масла в тот пламень, в котором мы сами горим...».[8]

Особенно впечатляют сведения о том, что революционная масса «ушла от среднего общественного мнения» и «живет своими законами и ощущениями, которые не укладываются ни в одну идеологию, ни в одну организацию, которые во-

---

[1] Думова Н.Г. Указ. соч. С.95.
[2] Последние новости. 1936. 23 сентября.
[3] РГВИА. Ф.3270. Оп.1. Д.1. Л.12 об.
[4] ГА РФ. Ф.1779. Оп.1. Д.1703. Л.1-3.
[5] ГА РФ. Ф.3. Оп.1. Д.245. Л.8, 37; РГВИА. Ф.2118. Оп.1. Д.859. Л.6.
[6] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.141. Л.2.
[7] Цит. по: Октябрь 1917 года: Величайшее событие века или социальная катастрофа? С.228.
[8] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.4508. Л.3.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

обще против всякой идеологии и организации, так как это по природе своей анархическая стихия».[1]

Военное происхождение революции, по мнению многих современников, поставило в центр всей политики вопрос о войне.[2] Для политического сознания действующей армии в первые месяцы революции было характерно стремление довести войну до полной победы над врагом. Как считал генерал Ю.Н. Данилов, стремление войск к победе осталось, в некоторых частях даже усилилось.[3] Анализ документов Ставки Верховного Главнокомандования указывает на огромное количество писем и телеграмм с фронтов, в которых широко поддерживается идея «войны до победного конца».[4] А солдаты и офицеры X армии просили Временное правительство не останавливаться при этом даже перед размерами жертв отдельных классов населения.[5] Мотивация при обосновании данной позиции была самой разнообразной.[6] Некоторые военнослужащие винили в продолжении войны Германию.[7] Высказывались опасения, что Германия захочет контрибуции, которой мы не в состоянии заплатить, поэтому «мы должны стоять там, у дверей новой Свободы до тех пор, пока сам германец не заговорит о мире».[8] Многие из частей действующей армии в обращениях и резолюциях отмечали, что мира во что бы то ни стало заключать нельзя,[9] считали сепаратный мир гибельным для дела свободы, а всякого действующего в этом направлении, обвиняли в измене, как против обновления России, так и против ее оплота – армии.[10]

В действующей армии была создана группа «Родина и народная армия», объединившая офицеров и солдат и требовавшая «довести войну до полного обеспечения завоеваний народом и армией свободы».[11] Выборные от 31 фронтовой части вручили А.И. Гучкову акт, в котором представителями свободы называли только тех, кто не требовал прекращения войны, ибо «победы мы жаждем для себя и сво-

---

[1] См.: Станкевич В.Б. Указ. соч. С.37.
[2] Жордания Н. Большевики. Берлин, 1922. С.34; А.Р.Р. Т.10. С.226; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1496. Л.19; ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.111. Л.1.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.65. Л.432.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.48. Д.26. Л.164; Ф.2031. Оп.1. Д.1181. Л.223; Ф.2003. Оп.1. Д.65. Л.436; Ф.2134. Оп.1. Д.1345. Л.97; ГА РФ. Ф.3. Оп.1. Д.81. Л.5, Л.52; Страна гибнет сегодня. С.115-116; Войсковые комитеты действующей армии. С.35.
[5] ГА РФ. Ф.1779. Оп.2. Д.571. Л.2.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1496. Л.34 об; ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.46. Л.10; Ф.1779. Оп.2. Д.571. Л.24.
[7] Войсковые комитеты действующей армии. С.122; ГА РФ. Ф.1779. Оп.2. Д.571. Л.4.
[8] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.4508. Л.2.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.65. Л.428.
[10] ГА РФ. Ф.1779. Оп.2. Д.571. Л.16; Церетели И.Г. Воспоминания. Т.1. С.95; Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.140.
[11] Дело народа. 1917. 23 марта.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

их друзей».[1] И.Г. Церетели объяснял такое отношение к «похабному миру» и чувством стихийного патриотизма, и традиционной ненавистью к внешнему врагу, и доверием к революционно-демократической интеллигенции.[2]

О популярности стремления вести войну до полной победы говорит и факт принятия в последних числах марта в Петрограде патриотически настроенными солдатами и офицерами 89 частей резолюции, которая призывала вести войну до победного конца.[3] В X армии, по данным военной цензуры, из 2751 просмотренных солдатских писем в 2647 солдаты желали продолжать войну до победного конца.[4] Всего же недовольство войной высказывалось в 1,5% проверенных солдатских писем и в менее 1% офицерских.[5] К подобному феномену повышения патриотического духа солдат необходимо относиться с большой осторожностью. [6] Важным является и наблюдение офицеров 1-го Сибирского стрелкового полка о том, что широкий энтузиазм в доведении войны до победного конца исходит от небольших групп сознательных солдат, но никак не от широких солдатских масс, которые думают и даже действуют совсем иначе.[7]

К концу апреля стремление победить врага, по отчетам военных цензоров, стало сравнительно ниже.[8] Выдвинутые условия мира, по взглядам А.И. Деникина, «давали известное оправдание чувству самосохранения или попросту – шкурничеству. И потому идея наступления не могла быть особенно популярной в армии».[9] Встречалась и довольно оригинальная позиция: так, начальник 14-й стрелковой дивизии доносил, что стрелки «считают бесцельным вести наступательную войну в Румынии, в России наступать согласны…».[10]

Понимаемое довольно своеобразно, квинтэссенцией различных чувств, вызванных революцией, выступало революционное оборончество. Особенно сильным его влияние было в действующей армии.[11] Предлагалось защищать не честь и славу Отечества, а Россию, как оплот мировой свободы.[12] Командование даже ухит-

---

[1] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.293.
[2] См.: Церетели И.Г. Воспоминания. Т.1. С.94.
[3] См.: Якупов Н.М. Революция и мир. (Солдатские массы против империалистической войны. 1917 – март 1918 гг.). М., 1980. С.63.
[4] РГВИА. Ф.2254. Оп.1. Д.202. Л.34, 52, 53.
[5] Подсчитано автором по: РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1496. Л.40.
[6] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.195.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.118. Л.293.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1496. Л.11 об.
[9] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.245, 248.
[10] Разложение армии в 1917 году. С.35.
[11] Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1958. С.37.
[12] ГА РФ. Ф.1235. Оп.1. Д.60. Л.71.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

рилось внедрить в сознание солдатской массы элементы «революционной» шпиономании.[1]

На основании источников автор констатирует, что формулы «без аннексий и контрибуций», «самоопределение народов» и проч. оказались более абстрактными и непонятными, чем старая, заглохшая, но не вырванная из подсознания идея родины.[2] Поэтому совсем не случайно в сводке Петроградской военной цензуры за апрель 1917 года подчеркивалось, что прежней вражды к врагу нет.[3] Во многих частях, по признанию самих командиров, отношение к войне выражалось как «война до победного конца без аннексий и контрибуций».[4] Была даже издана соответствующая прокламация к немецким солдатам.[5]

Состояние революционного оборончества масс раскрывает анализ лозунгов, принятых солдатскими массами на митингах с 20 апреля по 1 мая в связи с нотой Милюкова: «Долой Милюкова» - 4-16%; «Недоверие Временному правительству» - 3-12%; «Давление на Временное правительство для изменения его политики» - 8-32%; «Против ноты Милюкова и за мир без аннексий на основе платформы Петросовета» - 7-28%; «Вся власть Советам!» - 3-12%.[6]

К характерной особенности массового политического сознания действующей армии начального периода революции многие современники и историки относят пацифизм солдатской массы,[7] когда армия не только ждет мира, но и сама требует его.[8] Во многих частях стремление к миру сочеталось с готовностью продолжить войну до обеспечения всеобщего мира без аннексий и контрибуций.[9] Самое широкое распространение в войсках получил лозунг: «Вперед на врага – за скорым миром».[10]

По мнению генерала Н.Н. Головина, нежелание многих солдат продолжать войну было подсознательным[11], хотя в этот период солдаты еще «пытались найти

---

[1] ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.377. Л.93-115.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1496. Л.2; Д.1755. Л.133; Ф.2085. Оп.1. Д.139. Л.32; Ф.2031. Оп.1. Д.1181. Л.280; ГА РФ. Ф.1235. Оп.75. Д.45. Л.20; Оп.78. Д.45. Л.5; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.90; Golovin N.N. Op. cit. P.255.
[3] РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.1181. Л.340.
[4] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.220.
[5] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.836. Л.18.
[6] Подсчитано автором по: Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис. М., 1958. С.727-829.
[7] См., например: Верт Н. Указ. соч. С.20; Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.306; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1755. Л.157 и др.
[8] См.: Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1968. С.61; Брусилов А.А. Указ. соч. С.233; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.183.
[9] РГВИА. Ф.2118. Оп.1. Д.859. Л.3 об.; Ф.2148. Оп.5. Д.9. Л.33 об.; Ф.2623. Оп.1. Д.2. Л.16.
[10] РГВИА. Ф.2148. Оп.5. Д.9. Л.35 об.; Плеханов Г.В. Война и мир. М., 1917. С.12-13.
[11] Golovin N.N. Op. cit. P.259.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

некоторый компромисс между своими инстинктами к самосохранению и необходимостью продолжать войну».[1] Аналогичных взглядов придерживались М. Горький[2] и С. Франк.[3] Чтобы оправдать свои взгляды, солдаты доказывали, что нам не нужны Дарданеллы: «у нас и своей земли довольно», а на замечание, что Дарданеллы – пролив и там только вода, победоносно заявляли: «ну вот, и земли даже нет, так на кой они нам шут дались».[4]

Однако у части военнослужащих инстинкт самосохранения начал превалировать над чувством долга, принимал «панический характер».[5] Но, главное, солдаты никак не могли взять в толк, зачем при новой власти продолжать войну.[6] Они хотели скорее мир, потому что «народ пропадает, болеет».[7]

Часть армии, стихийно не желавшая воевать,[8] желала одного – прекращения войны и возвращения домой,[9] «соглашаясь на мир при каких угодно условиях», даже «на самый позорный мир».[10] В газете «Известия» появлялись и такие письма из действующей армии: «Ждем с большим нетерпением мир, а не мир, то бросаем окопы».[11] По свидетельству генерала А.М. Драгомирова, из 14 дивизий описанное явление наблюдалось в шести.[12]

Подобные политические взгляды значительной части армии негативно сказались на ее состоянии. По сравнению с дореволюционным периодом количество «больных» увеличилось в среднем на 180%,[13] хотя эпидемий не было, а число дезертиров выросло в 5,5 раз и составляло 34270 человек в месяц.[14] Солдаты с подозрением стали относиться к офицерам, особенно к тем, кто отличался личным мужеством. В армии давали о себе знать многочисленные случаи братания.

В отличие от позиции большевиков, которые считали братание «путем к миру»,[15] руководство Петросовета 30 апреля, после того как некоторые части находились в «фактическом перемирии с противником»,[16] обратилось к армии по этому

---

[1] Golovin N.N. Op. cit. P.256.
[2] См.: Горький М. Несвоевременные мысли о революции и культуре. С.20.
[3] См.: Франк С. De profundis // Из глубины. С.257.
[4] См.: А.Р.Р. Т.11. С.35.
[5] ГА РФ. Ф.5827. Оп.1. Д.15. Л.6 об.
[6] Известия Всероссийского съезда крестьянских депутатов. 1917. 12 мая.
[7] См.: Революционное движение в России в апреле 1917 года. С.498.
[8] См.: А.Р.Р. Т.1. С.75.
[9] Разложение армии в 1917 году. С.31.
[10] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1755. Л.128А; Завадский С.В. На великом изломе // А.Р.Р. Т.11. С.70.
[11] ГА РФ. Ф.1244. Оп.2. Д.37. Л.36 об.
[12] ГА РФ. Ф.5827. Оп.1. Д.15. Л.6 об.
[13] Golovin N.N. Op. cit. P.259.
[14] См.: Головин Н.Н. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №4. С.29.
[15] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.459.
[16] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1496. Л.5.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

поводу со специальным воззванием.[1] Многие части также принимали резолюции и постановления о недопустимости завязывания в данный момент дружеских отношений с противником,[2] клеймили братающихся как изменников родины.[3] Но все усилия оказались тщетными. Только в апреле около 100 русских подразделений Румынского и Юго-Западного фронтов установили контакты с австрийскими частями по вопросам братания и перемирия,[4] из 220 стоявших на фронте пехотных дивизий братались 165, из коих 38 обещали немцам не наступать,[5] а всего братание было зарегистрировано в одной трети стоящих на фронте дивизий.[6]

Немецкое командование умело пользовалось представленными возможностями. Была создана специальная группа ХЕРК №2908 для пропагандистской работы во вражеской армии, для ее дезорганизации и получения сведений о ее состоянии.[7] И эта деятельность была достаточно успешной.[8] Для «мирной пропаганды» противник использовал и специальные батальоны из военнопленных солдат-украинцев.[9]

На фронте сначала разлагалась пехота (меньше гвардия), затем технические войска, артиллерия, кавалерия и, наконец, казачьи части.[10] Судя по свидетельствам современников, солдаты-старослужащие обнаруживали меньшую податливость на антивоенную пропаганду.[11]

Одной из важнейших составляющих массового политического сознания действующей армии была его антибуржуазная ориентация. При ведении антибуржуазной пропаганды различные партии и организации предлагали свое понимание термина «буржуазия», весьма друг от друга отличавшееся. Но на уровне массового сознания антибуржуазная пропаганда приводила к появлению новых оценок, зачастую отличных от «правильных», партийных. Нередко этот «термин» использовался для характеристики социального статуса: в армии единственным «буржуем» под рукой был офицер.[12] Но фронтовики могли назвать «буржуями» тыловиков, а

---

[1] Там же. Оп.4. Д.21. Л.69-70.
[2] РГВИА. Ф.2148. Оп.5. Д.9. Л.3 об.; ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.40. Л.3.
[3] РГВИА. Ф.2118. Оп.1. Д.859. Л.4; Войсковые комитеты действующей армии. С.117.
[4] См.: Ткачук А.Г. Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне и в период Великого Октября. (1916 – февраль 1918). Автореф. дис....докт. ист. наук. Львов, 1968. С.23.
[5] Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.270.
[6] См.: Церетели И.Г. Воспоминания. Т.2. С.31-32.
[7] Там же. С.29.
[8] Golovin N.N. Op. cit. P.255.
[9] РГВИА. Ф.2083. Оп.1. Д.4. Л.6.
[10] Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // А.Р.Р. Т.14. С.24-25.
[11] Ауэрбах В.А. Революционное общество по личным воспоминаниям // А.Р.Р. Т.14. С.20-21.
[12] См.: Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №4. С.42; Брусилов А.А. Указ. соч. С.33.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

пехотинцы – артиллеристов. Этот термин выражал и крайнюю степень неудовольствия чьим-то именем.[1] Слово «буржуй» использовалось и как ругательство.[2]

Обвинения в «буржуазности» часто использовались как политический ярлык: с точки зрения социалистов, все иные партии были буржуазными. Однако этот термин использовался и в полемике между различными социалистическими течениями.[3] Антибуржуазную аргументацию активно использовали как «пораженцы», так и сторонники «революционного оборончества».[4] Впрочем, вопрос о принадлежности к «буржуазии» решался в пределах даже одной воинской части.[5]

Антибуржуазные настроения русских солдат стремился использовать противник. Обличение английских вампиров мира в газете «Русский вестник», издававшейся в Берлине, было окрашено в антибуржуазные тона.[6] Сходные аргументы использовала и австро-венгерская пропаганда.[7]

В таком же контексте происходили взаимоотношения по линии офицер – солдат. По наблюдениям очевидцев, связь офицера и солдата разорвалась с первого дня революции.[8] В сознании солдата офицер представлял собой «тип барина в военной форме»,[9] политического врага, «от которого нужно ждать величайших опасностей для народа».[10] Образ врага прочно занял место в массовом политическом сознании действующей армии, врага, виновного не только в продолжении войны, но и в бедах внутри самого государства, что лично задевало интересы большинства действующей армии. «Штык против немцев, приклад против внутреннего врага», - таковы высказывания отдельных солдат Юго-Западного фронта.[11]

Генерал Н.Н. Головин не без оснований считал, что «темная солдатская масса с особым восторгом восприняла все, что освобождало ее от каких-либо обязательств, в особенности от всякого проявления воинской дисциплины».[12] Если первоначальная ситуация казалась почти идиллической и солдаты готовы были при-

---

[1] ГА РФ. Ф.5972. Оп.1. Д.112. Л.1; Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.114.
[2] Русское слово. 1917. 22 марта.
[3] Изгоев А. *Социалисты и крестьяне*. Пг., 1917. С.5; *Белоруссов* В. Солдатский социализм // Русские ведомости. 1917. 22 июня.
[4] Речи Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелева и И.Г. Церетели, произнесенные на съезде солдатских и рабочих депутатов Западного фронта в городе Минск 8 апреля 1917 года. Пг., 1917. С.13, 15-16.
[5] См.: Колоницкий Б.И. Указ. соч. С.22.
[6] Русский вестник. (Берлин). 1917. 26 апреля.
[7] Неделя. (Вена). 1917. 2 апреля.
[8] См.: Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №4. С.35; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.65. Л.428.
[9] Брусилов А.А. Мои воспоминания. С.233.
[10] Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №4. С.33; Красный архив. 1932. №1-2. С.200.
[11] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.224; Красный архив. 1934. №4-5. С.161.
[12] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.183.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мириться с «хорошими» офицерами, а дезертиры вернуться в окопы,[1] то первые признаки недовольства оказались связаны с тем, что некоторые офицеры пытались утаить правду о перевороте, покрывали своих товарищей – «мародеров и реакционеров».[2] Особенно раздражали офицеры «из немцев», настаивавшие на отдании им чести, их предлагалось убрать вон.[3] Для некоторых солдат их же вылечившие доктора оказывались плохи тем, что «слишком много солдат признали годными», а потому их самих следует отправить на фронт.[4] Отдельные «горячие головы» попытались изменить даже систему единоначалия в армии.[5]

Однако, очевидцы также свидетельствуют, что солдаты бунтовали не против власти офицеров вообще, а против дурных и слабых начальников.[6] Более того, в располагающей обстановке те же угрожающего вида солдаты неожиданно обнаруживали благожелательность и даже услужливость по отношению к «неопасным» представителям ненавидимой «буржуазии» и генералам.[7] Так, отчаявшись добиться взаимопонимания у солдатских масс, генерал П.Сытин для укрепления фронта предложил такую меру, как бесплатную раздачу в собственность крестьянам помещичьих, государственных и церковных земель, но исключительно тем, которые сражаются на фронте,[8] а лейтенант Филиппов «объявил независимую социалистическую республику в городе Кагул».[9]

В разряд остро политических уже в первые месяцы революции перешел аграрный вопрос. Слухи о грядущем «черном переделе» вызвали на фронте первое массовое бегство солдат, боявшихся опоздать к вожделенной минуте и остаться ни с чем.[10] Более умеренные солдатские массы мечтали получить землю при помощи Крестьянского поземельного банка.[11]

В массовом политическом сознании действующей русской армии с первых дней революции выделялась национальная идея, попытки создания частей и со-

---

[1] Солдатские письма 1917 года. С.18, 23.
[2] Там же. С.20-22, 27-29, 31-32, 37-38, 49-51.
[3] Солдатские письма 1917 года. С.20-21, 24, 27-29, 36-37, 45.; ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.706. Л.18; Русское прошлое. 1993. №4. С.10.
[4] Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции (1914-1918 гг.). Ч.II. Нью-Йорк, 1961. С.99.
[5] Белоруссия в период подготовки социалистической революции. С.208-209; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.287; РГВИА. Ф.2168. Оп.3. Д.35. Л.127-127 об.
[6] Пешехонов А.В. Первые недели (Из воспоминаний о революции 27 февраля) // Страна гибнет сегодня. С.262.
[7] Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992. С.250.
[8] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.163.
[9] Golovin N.N. Op. cit. P.267.
[10] Революция 1917 года: хроника событий. Т.1. С.84-85.
[11] A.P.P. T.16. C.286.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

единений на национальной основе.[1] Правительство неблагожелательно отнеслось к расслоению армии по национальному признаку.[2] Категорическими противниками национализации (характерный термин революционной эпохи – А. Ч.) войск выступали меньшевики и эсеры.[3] К формированию войсковых частей по национальностям отрицательно относилась большая часть командного состава.[4] И, наконец, против разделения армии по национальностям на данном этапе развития революции выступала и сама армия. Противниками этого процесса на Юго-Западном фронте выступили 18 корпусных комитетов из 24, на Румынском фронте – 10 из 13.[5]

В массовом политическом сознании армии вряд ли присутствовал расчет на моментальное удовлетворение всех нужд – трудности становления «своей» власти, очевидно, понимались, но несомненно, что новые правители не должны были отнимать надежду. Отсюда недовольство всеми теми, кто вставал на пути мечты.[6] Выход из трудностей первоначально виделся по схеме: разобьем внешнего врага – возьмемся за помещиков.[7] Тут же последовали требования, чтобы «толстопузые отправились в окопы»,[8] иначе солдаты сами начнут переговоры с немцами и оставят фронт (уже к 15 мая), чтобы расправиться с тыловыми «предателями».[9] Но даже к маю 1917 года солдаты-фронтовики в своем стремлении к миру не были едины. И дело было не просто в недостатке информации, а, по мнению автора, во внутрипсихологическом состоянии отдельных подразделений.

Таким образом, в начальный период революции до апрельского кризиса продолжилась политизация массового сознания действующей армии, которая, по словам военного министра А.И. Гучкова «переживала тот же недуг, как и страна: двоевластие, местовластие, безвластие».[10] Как результат этого – унизительное поражение русской армии на Стоходе.[11] Ни на какое наступление в это время русская

---

[1] ГА РФ. Ф.3. Оп.1. Д.244. Л.6; Ф.6978. Оп.1. Д.512. Л.2; РГАСПИ. Ф.70. Оп.3. Д.738. Л.71; 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928. С.10, 16, 24; Оберучев К.В. Указ. соч. С.93. Известия Армейского исполнительного комитета 5 армии. 1917. 18 апреля; Махно Н. Воспоминания. М., 1992. С.40.
[2] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.384; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.335. Л.10-11.
[3] РГВИА. Ф.2067С. Оп.1. Д.92. Л.392; Д.18. Л.36.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.335. Л.12; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.383.
[5] Дешинский Л.Е. Большевики во главе революционного движения в армии и на флоте. Львов, 1982. С.83.
[6] Солдатские письма 1917 года. С.25-27, 29, 38, 41, 46-47.
[7] Там же. С.24, 30, 34-35, 39, 40, 41, 44, 46-47.
[8] Там же. С.33, 43, 48.
[9] Там же. С.38, 48-49; Злоказов Г.И. Солдатские письма с фронта в канун Октября // Свободная мысль. 1996. №10. С.38.
[10] Цит. по: Милюков П.Н. История второй русской революции. С.51.
[11] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1. С.363 (приложения).

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

армия рассчитывать не могла.[1] По образному выражению А.И. Деникина, «русский заржавевший, зазубренный меч все еще раскачивался, и неизвестно было только, когда раскачается окончательно и по чьим головам ударит...».[2]

Анализируя начальный период революции, автор считает, что апрельский кризис обнаружил в стране первые грозовые симптомы гражданской войны. Вопрос о выборе реальных альтернатив в значительной степени решил субъективный фактор. Для того, чтобы блокировать развитие тенденции противостояния, правящими партиями была выдвинута и реализована идея коалиции различных политических сил от кадетов до меньшевиков и эсеров. Большевики решительно отвергли ее. Именно кадеты играли в ней главную роль независимо от того, были они в составе правительства большинством или меньшинством. Проявившаяся властебоязнь при формировании коалиционного правительства была замаскированным «уходом» от власти всех заключивших коалицию партий.

5 мая 1917 года в результате нарастания кризисных явлений и перманентных утомительных межпартийных переговоров был сформирован новый состав Временного правительства,[3] который был наиболее представительным: в него вошли лидеры практически всех общероссийских партий и руководители Петросовета. Оно получило широкое международное признание.[4]

В своей Декларации, опубликованной 5 мая 1917 года, правительство свои приоритеты во внешней политике определило следующим образом: «Временное правительство открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов».[5] Как утверждал позже М.И. Терещенко, «Временное правительство отказалось от прежней политики П.Н. Милюкова не только из идеологических соображений, но и исходя из оценки реальной обстановки...».[6]

В телеграмме русским дипломатическим представителям за границей министр иностранных дел указывал, что «направления внешней политики находятся в тесной зависимости от состояния армии и возможности наступления».[7] Поэтому программа нового кабинета, изложенная в декларации от 5 мая, предполагала и

---

[1] См.: Керенский А.Ф. Указ. соч. // Вопросы истории. 1991. №1. С.168.
[2] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.253.
[3] Состав и партийная принадлежность нового кабинета см.: Минц И.И. История Великого Октября. Т.2. М., 1968. С.335-336.
[4] См.: Мэсси Р. Указ. соч. С.394.
[5] Вестник Временного правительства. 1917. 6 мая.
[6] Былое. 1918. №12. С.14.
[7] Красный архив. 1927. Т.1(20). С.19.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дальнейшие наращивание военной мощи.[1] Временное правительство заявляло, что «укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и наступательных действиях, будут являться важнейшей задачей Временного правительства».[2]

Все вышеизложенное позволяет выразить несогласие с мнением Г.А.Герасименко о том, что приход к власти коалиционного правительства открыл новую полосу в развитии революции – «воинственной демагогии и классического популизма, оглушительной политической трескотни, рассчитанной на деформацию общественного мнения и обман народа».[3]

Министр-председатель правительства князь Г.Е. Львов высказал намерение более решительно проводить свою политику, заявив, что правительство «примет самые энергичные меры против всяких контрреволюционных попыток и вообще всяких насильственных действий...».[4] К такому же выводу пришли делегаты совещания членов Государственной думы 3 июня 1917 года.[5]

В этот период в стране далеко неблагополучно складывались национальные отношения. Неудивительно, что 10 июня был оглашен I Универсал Центральной Рады.[6] Р. Кайзер (США), выделяя три стадии генезиса «национализации» (термин автора – А. Ч.) - этнификация элит, национализация элит, национализация масс[7],- в итоге заключает, что национализм остался элитарной конструкцией, мало затронув массы. Среди крестьян требование земли было гораздо популярнее лозунга национального самоопределения.[8]

В конце концов, планы заключения мира на основе обращения к союзникам и попытка созыва в Стокгольме конференции социалистических партий для разработки программы мира оказались нереализованными. Необходимой политической стабильности для осуществления широкомасштабной конструктивной программы Временного правительства в стране не было.[9] В этих условиях Кабинет министров искал выхода из политического кризиса на рельсах широкомасштабного наступления на фронте. При удачном его исходе власть Временного правительства получи-

---

[1] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.195.
[2] Вестник Временного правительства. 1917. 6 мая.
[3] См.: Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 1995. С.122.
[4] Дело народа. 1917. 6 мая.
[5] См.: Буржуазия и помещики в 1917 году. С.103.
[6] Вестник Временного правительства. 1917. 17 июня; Церетели И.Г. Указ. соч. Т.2. С.126-128; ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.1930. Л.1.
[7] См.: История национальных политических партий России. М., 1997. С.66.
[8] Там же. С.75.
[9] Гайда А.Ф. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. №2. С.39.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ла бы ту опору, которую оно быстро теряло: веру, доверие миллионов людей. [1] Было и еще одно обстоятельство. По воспоминаниям В. Станкевича, «бездеятельная армия явно разлагалась. Сам противник не наступал. Значит, надо было двинуться на него и «ценою войны на фронте купить порядок и в армии».[2]

Однако в стране существовала и иная точка зрения: против широкомасштабного июньского наступления русской армии возражали все авторитетные военные и здравомыслящие политические деятели России. [3] Под сильнейшим давлением союзников, в первую очередь Франции, роковое решение было принято. Особую роль в принятии опрометчивого шага сыграли экономические посулы и военно-политические кредиты, инспирированные тайными масонскими структурами Запада.[4]

14 мая была опубликована подготовительная официальная прокламация А.Ф. Керенского о наступлении, а позднее и приказ №528, в котором указывалось, что доказанная наступлением организованность и сила армии «придадут вес голосу революционной России в обращениях к воюющим, нейтральным и союзным странам и приблизит окончание войны».[5] В преддверии наступления с различными воззваниями к армии обращались общественные организации[6], деятели культуры[7], простые граждане[8], многие офицеры. [9] Были созданы различные военные и полувоенные организации со своими программами и уставами, направленными, прежде всего, на поднятие боевой мощи и морального духа русской армии, формирование полков победы, [10] общим числом больше двадцати.[11]

В ответ на пожелания М.В. Алексеева о немедленном лечении духовных недостатков армии путем печати и длительного нахождения в армии «убежденных людей» из руководящих структур,[12] была проведена мощная пропагандистская

---

[1] Речь. 1917. 4 июня; Новое время. 1917. 27 июня.
[2] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.62-63.
[3] См.: Керенский А.Ф. Указ. соч. С.175-208; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.416-417; РГВИА. Ф.55. Оп.5. Д.1. Л.12-14.
[4] См.: Локкарт Роберт Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.
[5] РГВИА. Ф.2015. Оп.1. Д.1. Л.13.
[6] ГА РФ. Ф.555. Оп.1. Д.387. Л.1; РГВИА. Ф.2126. Оп.1. Д.619. Л.186 об.
[7] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.1194. Л.283.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.329. Л.15, Разложение армии в 1917 году. С.70, 71.
[9] См., например: РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1762. Л.126; ГА РФ. Ф.555. Оп.1. Д.228. Л.2.
[10] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.1194. Л.287; Д.1032. Л.88, 89; Ф.2003. Оп.1. Д.1500. Л.84;ГА РФ. Ф.3529. Оп.1. Д.2. Л.70.
[11] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.511 (Приложения).
[12] См.: Там же. С.313.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

кампания, активно использующая, в том числе и революционную символику. [1] С разрешения военного министра, 500 тыс. рублей были выданы правительственному комиссару в Ставке Верховного главнокомандующего М.М. Филоненко (эсер), председателю делегации от Черноморского флота матросу Баткину – на поездки по фронтам с призывом воевать «до победного конца», Республиканско-демократическому союзу граждан солдат и офицеров – для пересылки в войска литературы. До корниловского выступления было израсходовано примерно 4/5 всей суммы.[2]

Стал выходить политический и литературный журнал «Эхо свободы» издательства «Солдатского Союза просвещения» [3], со складов Верховного Главнокомандующего широко распространялись брошюры патриотического содержания. [4] Были даже изданы приказы по армиям Первой французской республики.[5] По данным фронтовой комиссии ВЦИК, с 1 июня по 15 сентября 1917 года за счет средств военного министерства в войска было направлено 3439121 экземпляр оборонческих газет. За это же время в действующей армии было распространено 39 названий брошюр, общим тиражом 513680 экземпляров, в которых прославлялась война до победного конца.[6] Неоднократно для агитации за наступление совершал поездки на фронт А.Ф. Керенский, патетически заявляя перед действующей армией о своей готовности «с ружьем в руках идти впереди войск».[7]

Под руководством А.И. Гучкова было создано «Общество экономического возрождения России», куда вошли видные промышленники. Общество поставило себе целью «собрать крупные средства на поддержку умеренных кандидатов на выборах в Учредительное собрание и борьбы с влиянием социалистов на фронте». Из 4 млн. рублей, собранных им, по уточнению А.И. Путилова, «подготовкой Учредительного собрания, конечно, не занимались, а Гучкову «на пропаганду» дали 500 тыс. рублей...».[8] Среди авторов брошюр, статей и листовок, печатавшиеся на эти деньги, преобладали правые социалисты.[9]

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1762. Л.451; Ф.2148. Оп.1. Д.812. Л.8; Ф.2067. Оп.1. Д.170. Л.307; РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.141. Л.6; Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 мая; Революционное движение в России в мае-июне 1917 года. Июньская демонстрация. Документы и материалы. М., 1959. С.333.
[2] ГА РФ. Ф.29. Оп.3. Д.634. Л.3-60.
[3] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.1032. Л.301, 310 об.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1789. Л.13-16, 65, 66.
[5] РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.1561. Л.41.
[6] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.108. Л.103.
[7] Русское слово. 1917. 15 мая.
[8] Последние новости. 1936. 30 ноября; 1937. 20 января.
[9] Революция 1917 года (хроника событий). Т.2. М.-Пг., 1923. С.181.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Военное министерство решило использовать для пропаганды все новейшие технические средства. Для этой цели предлагалось использовать Московскую и Царскосельскую радиостанции, а для приема установить в городах 35 приемных станций. [1] Претерпел оригинальное изменение и официальный орган военного ведомства – газета «Русский инвалид». Ее переименовали, и она стала называться «Армия и флот свободной России», превратившись из «военной» в «военную», «политическую» и «литературную». Был определены и части, в которые «по приказанию военного министра» должна была бесплатно высылаться эта газета.[2]

Координировать политическую работу было призвано созданное в мае 1917 года новое управление министерства – Кабинет военного министра. Для этого в его структуре существовали политическое и осведомительное делопроизводства. Они, а также делопроизводство по связям с войсками, подчинялись помощнику начальника Кабинета по политической части. Сюда поступали сведения о дезертирстве, братаниях, настроениях солдат, распространении революционной литературы, влиянии большевиков в войсковых комитетах, положении в различных военных общественных организациях.[3] К политической работе в армии подключились и союзники России по Антанте.[4]

Вместе с тем, в пропагандистской работе все было далеко не так благополучно, как казалось. По взглядам В.Д. Набокова, Временное правительство «крайне неэффективно противодействовало разрушительной пропаганде большевиков».[5] Судя по воспоминаниям А.И. Деникина, у Ставки не было никаких средств для противодействия и немецкой пропаганде, все более и более разраставшейся.[6] Более того, в воззваниях Временного правительства в период подготовки к наступлению были полностью исключены понятия Родина, Россия, Отечество.[7]

Временное правительство считало необходимым предпринять ряд мер как по укреплению Вооруженных Сил России, так и по дальнейшей их демократизации. С заступлением на пост Военного министра, А.Ф. Керенский издал довольно грозный приказ, согласно которому отставка лиц высшего командного состава не принималась, дезертирам предлагалось вернуться в строй до 15 мая, а «нарушившие

---

[1] РГВИА. Ф.29. Оп.3. Д.1605. Л.2-24.
[2] РГВИА. Ф.2000. Оп.2. Д.2893. Л.250.
[3] См.: Приказ по военному ведомству №341 от 6 июня 1917 года.
[4] Центр хранения историко-документальных коллекций. (Далее ЦХИДК). Ф.198. Оп.9А. Д.11958. Л.136; Иоффе А.Е. Миссия Рута в России в 1917 году // Вопросы истории. 1958. №9. С.89-97; Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914-1917. Л., 1969. С.281-283.
[5] Страна гибнет сегодня. С.420.
[6] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.323.
[7] Из дневников генерала М.В. Алексеева. 12 июля 1917 года // Русский исторический архив. Сб.I. Прага, 1929. С.26.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

этот приказ будут подвергнуты наказаниям по всей строгости закона».[1] Но уже 9 мая он подписал приказ, вошедший в историю как «декларация прав солдата», давшая, по мнению А.И. Деникина, «законное признание тем больным явлениям, которые распространились в армии».[2]

23 июня А.Ф. Керенский направил во Временное правительство обращение с просьбой назначить в войска правительственных комиссаров не только при командармах, но и при командующих фронтами. Руководить их деятельностью стал бы специальный военно-политический отдел при Военном министерстве (предложение о его создании исходило от Б. Савинкова).[3] В июне Временное правительство назначило первого комиссара при Верховном главнокомандующем (имено при Верховном, а не при Ставке в целом – А. Ч.).[4] Им стал Е.А. Елачич – председатель Всероссийского земского союза Румынского фронта.[5]

4 мая 1917 года в Петрограде состоялось совместное заседание главнокомандующих всех фронтов, кроме Кавказского, Временного правительства и Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов. Представители армии нарисовали удручающую картину ее разложения,[6] которая медленно, но верно превращалась в толпу,[7] на что И.Г. Церетели заявил, что необходимо правильно разъяснять в армии лозунг «без аннексий и контрибуций».[8]

Военный министр обратился с воззванием к солдатам, где он признал связь дезертирства с распространяемыми в армии слухами о переделе земли и заявил, что вопросы о земле будут разрешены только Учредительным собранием с участием их представителей.[9] Приказом Верховного главнокомандующего А.А. Брусилова от 29 июня 1917 года было разрешено награждать офицерским Георгием солдат. Одновременно офицеры по решению общего собрания чинов подразделения могли удостаиваться солдатских Георгиевских крестов.[10]

Были попытки, правда, сравнительно немногочисленные и не всегда последовательные, жесткого решения проблемы оздоровления армии. [11] Именно в это

---

[1] Керенский А.Ф. Указ. соч. // Вопросы истории. 1991. №1. С.176.
[2] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.300.
[3] Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х т. Т.3. М., 1994. С.444.
[4] Приказ Верховного главнокомандующего №563 от 4 июля 1917 года. (здесь и далее подшивка приказов Верховного главнокомандующего за соответствующий год в Научной библиотеке РГВИА).
[5] Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С.436.
[6] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.302-316.
[7] См.: Там же. С.302.
[8] См.: Там же. С.314.
[9] РГВИА. Ф.2110. Оп.1. Д.1394. Л.373; Ф.2637. Оп.1. Д.82. Л.299.
[10] См.: Дуров В. Выше белого креста – только деревянный // Родина. 1997. №7. С.65.
[11] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.106. Л.67 об; Д.197. Л.172; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.273.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

время был принят закон о каторжных работах за дезертирство, отказ от подчинения приказам и открытый мятеж или за подстрекательство к свершению подобных преступлений.[1] О масштабах применяемых в действующей армии жестких мер можно судить по данным, поступившим в Ставку на 29 июня из V армии. На это время в войсках армии было арестовано более 6 тыс. солдат и офицеров, из них непосредственно в ходе наступления – около 4 тысяч.[2] Командование Западного фронта было вынуждено снять с передовой и отвести в тыл до 30000 человек.[3] К слову сказать, к подобным действиям негативно относился генерал А.И. Деникин,[4] а В.Б. Станкевич считал это скорее поощрением, чем наказанием и предлагал организовать специальные «воспитательные» батальоны для этих солдат с очень суровым режимом, [5] но это предложение оказалось нереализованным.

Все эти меры находили полное понимание у генерала М.В. Алексеева, который в телеграмме Временному правительству писал: «Развал внутренний достиг крайних пределов, дальше идти некуда. Войско стало грозным не врагу, а Отечеству».[6] К сожалению и огорчению командования, приказы военного министра напоминали безобидные циркуляры министерства народного просвещения.[7]

В силу того, что роль офицерских и других военно-общественных организаций была совершенно ничтожна,[8] а офицеры, не достигнув согласия с комитетами, уходили (только на Западном фронте к июлю 1917 года ушло до 60 старших начальников, от командира корпуса до полкового командира включительно),[9] Временное правительство предоставило возможность офицерскому корпусу самоорганизоваться, чтобы реализовать свои возможности в деле укрепления армии. 7 мая в Могилеве при Ставке Верховного главнокомандующего начал свою работу I съезд Союза офицеров армии и флота, инициатором которого стал генерал М.В. Алексеев.[10] Среди 300 делегатов съезда 76% представляли фронт, 17% - тыловые строевые части и 7% - части тыла.[11] Высшим органом Союза признавался съезд, кото-

---

[1] См.: Керенский А.Ф. Указ. соч. // Вопросы истории. 1991. №1. С.178.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1786. Л.134.
[3] См.: Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. М., 1923. Ч.7. С.154.
[4] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.273.
[5] См.: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.100.
[6] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.17. Л.32-32 об.
[7] См.: Френкин М. Русская армия и революция. 1917-1918. Мюнхен, 1978. С.271.
[8] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.366.
[9] См.: Там же. С.282.
[10] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2257. Л.8.
[11] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.361; ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2261. Л.1.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

рый избирал Центральные органы.[1] Союз имел разветвленную структуру,[2] охватывающую все Вооруженные Силы.[3]

На съезде принят устав, в котором были определены основные принципы его организации и записано, что «Союз не имеет никакой политической платформы и не преследует никакой политической цели».[4] Съезд рассмотрел более 15 вопросов, по важнейшим из которых были приняты резолюции.[5] Определяя главную задачу союза, в резолюции съезда указывалось, что «положение Отечества и армии, как защитницы его, близко к катастрофе. Поэтому необходимо принять всевозможные меры к прекращению развала армии».[6] Характерной особенностью этого союза, по словам одного из его руководителей Л.Н. Новосильцева, было то, что «он должен быть профессиональным при строжайшей дисциплине».[7] Союз офицеров армии и флота отличался от Всероссийского военного союза, созданного по инициативе Временного правительства и состоящего, в основном, из представителей тыловых частей.[8]

После окончания съезда его делегаты начали настойчиво проводить идею «о прекращении развала армии путем ликвидации комитетов, возвращения власти старым командирам и начальникам»,[9] оказывать политическое давление на Временное правительство, требуя от него решительных действий в борьбе с революционным движением на фронте и в тылу.[10]

По воспоминаниям В.Б. Станкевича, ситуация с кучей новых вопросов о партиях, программах, социальных вопросах, о которых «офицер вообще понятия не имел», привела к такому положению, когда «солдат не понимает, почему офицер молчит, и думает, что офицер скрывает то, что знает».[11] Для ликвидации этого пробела в частях действующей армии предпринимались самые разнообразные меры: от обязательности чтения офицерами газет[12], поездок агитационных групп на фронт[13], до систематических политических занятий с солдатами.[14]

---

[1] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2258. Л.12.
[2] См.: Приложение 14
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1782. Л.15-16, 38.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.14. Д.8. Л.18.
[5] См.: Приложение 15 ; РГВИА. Ф.2003. Оп.14. Д.8. Л.1-2 об.
[6] Там же. Л.18.
[7] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.147.
[8] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2258. Л.8.
[9] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.172.
[10] Там же. Л.171, 172.
[11] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.103.
[12] РГАСПИ. Ф.70. Оп.3. Д.888. Л.14.
[13] Там же. Л.16.
[14] Там же. С.19-20.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

По свидетельству А.И. Гучкова, приходилось прибегать и к таким искусственным мерам, как фильтровка частей и образование ударных батальонов.[1] Горячим сторонником создания добровольческих частей был А.А. Брусилов.[2] Не испытывая большого оптимизма от их создания, А.И.Деникин называл их «суррогатами вооруженной силы».[3] Еще более категоричен был Н.Н. Головин, который считал формирование ударных отборных частей ничем иным, как «самозарождением действующей контрреволюционной силы».[4]

Приказом Верховного Главнокомандующего был учрежден Всероссийский ЦИК, который возглавлял в тылу процесс создания добровольческих революционных частей с последующей переброской на фронт.[5] Из добровольцев действующей армии 18 июня было начато создание ударных батальонов (батальонов смерти).[6] Общей присяги оказалось недостаточно для волонтеров новых добровольческих формирований, которые подписывали дополнительные специальные клятвенные обещания.[7] На защиту Родины поднялись и женщины. [8] Было сформировано два женских батальона пехоты и 11 женских команд связи[9], которые вскоре пришлось расформировать.[10]

По данным исполнительного бюро Всероссийского комитета по формированию ударных частей к середине июля их было зарегистрировано около 200 общей численностью более 600 тыс. человек. [11] Однако все эти меры не привели к желаемому результату и тогда в действие вступил ultima ratio regum (последний довод королей) – летом 1917 года на фронте была восстановлена смертная казнь.[12]

Несмотря на негативное отношение к формированию частей по национальному признаку, Временное правительство в декларации 2 июля, наряду с представлением Украине автономии, посчитало возможным «содействовать комплектованию отдельных частей исключительно украинцами».[13] Правительство вынуждено было согласиться на Учреждение «Центральных комитетов национальных войско-

---

[1] ГА РФ. Ф.555. Оп.1. Д.234. Л.1.
[2] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.90. Л.23.
[3] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.390, 392.
[4] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.125.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.350. Л.116.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.256. Л.158; ГА РФ. Ф.1779. Оп.1. Д.424. Л.7.
[7] РГВИА. Ф.4. Оп.2. Д.19. Л.620; Д.68. Л.318 об.
[8] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.393.
[9] Там же. С.511 (Приложения).
[10] РГВИА. Ф.2000. Оп.2. Д.2186. Л.3.
[11] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.348. Л.326; Оп.1. Д.1782. Л.118.
[12] РГВИА. Ф.4. Оп.2. Д.68. Л.355.
[13] Цит. по: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.385.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вых организаций» (украинских, польских, эстонских, мусульманских, грузинских, армянских и т.п.). Ими был разработан проект «Положения о национальных секциях», утвержденный военным и морским министром А.Ф. Керенским.[1]

Уже 14 мая 1917 года у Главкома Юго-Западного фронта генерала А.А.Брусилова было решено наметить три корпуса из расположенных на этом фронте войск для комплектования исключительно солдатами и офицерами-украинцами. Позже появились и некоторые другие национальные формирования.[2] Общее же переформирование армии по национальному признаку было признано опасным и неосуществимым.[3]

Диссертант считает, что провал июньского наступления был предсказуем и закономерен. Наступление не принесло правительству ни стратегических, ни политических дивидендов. Вся эта грандиозная затея, несмотря на самые энергичные меры со стороны российского военно-политического руководства, обернулась катастрофой. Крах наступления русских армий по времени почти совпал с трагическими событиями 3-4 июля в Петрограде. Все это способствовало новому правительственному кризису.

В осуществлении своей программы, в том числе и по вопросам войны и мира, правительство, не без оснований, возлагало надежды на Советы, имевшие влияние и в тылу, и на фронте.[4] Вне всякого сомнения, ключевой проблемой в деятельности Советов была проблема власти и осознания ее массами. М.И. Скобелев справедливо предполагал, что это процесс длительный и «революция может войти в свое нормальное русло, когда мозговой процесс революции охватит всю Россию, когда ее уразумеют 70% неграмотных».[5]

Апрельский кризис и последовавший выход из правительства А.И.Гучкова и П.Н. Милюкова, по словам И.Г. Церетели, говорил о таких его масштабах, который невозможно было преодолеть полумерами.[6] После непродолжительных сомнений [7] уже 1 мая Исполком кардинально сменил курс и подавляющим большинством голосов решил вопрос об участии в коалиционном правительстве,[8] выдвинув в качестве предварительного условия вхождения непредрешенность формы государст-

---

[1] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.60. Л.51.
[2] РГВИА. Ф.2100. Оп.1. Д.275. Л.20; Ф.366. Оп.1. Д.93. Л.6; Ф.2048. Оп.1. Д.1104. Л.1; Ф.2003. Оп.4. Д.49. Л.217.
[3] Революция 1917 года. (Хроника событий). Т.2. С.154-155.
[4] Церетели И.Г. Указ. соч. С.307.
[5] Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.114.
[6] Церетели И.Г. Указ. соч. Т.1. С.135-136.
[7] Милюков П.Н. Воспоминания. С.499.
[8] Революционное движение в России в апреле 1917 года. С.837.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

венной власти и немедленную подготовку к созыву Учредительного собрания.[1] В создании коалиционного Временного правительства были свои плюсы и минусы. Эти соглашения сгладили ненормальности взаимоотношений Временного правительства и Советов. Новое правительство, объединившее «буржуазию» и «демократию», обещало стать более эффективным, чем старое, в котором обе группировки противостояли друг другу.

Но соглашения создали и новые проблемы. Войдя в правительство, ведущие социалисты лишились возможности находиться в оппозиции и автоматически несли ответственность за все, что происходило в стране. Одновременно большевики, отказавшиеся участвовать в коалиции, очутились в положении стражей русской революции. Временное правительство оказалось в классически двусмысленном неприятном положении умеренных революционеров, перехвативших бразды правления из рук слабеющей власти. На уникальность подобной ситуации обращал внимание американский историк К.Бринтон.[2]

С 4 по 28 мая в Петрограде проходил I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, около 50% делегатов которого представляли армию.[3] Резолюция съезда, написанная П. Сорокиным, одобряла вхождение социалистов в коалиционное правительство.[4] Вопросы власти занимали одно из центральных мест и на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившего с 3 по 24 июня. И если в целом съезд высказал поддержку коалиционному Временному правительству, то часть делегатов выступили с идеей об ответственности министров-социалистов между съездами Советов «за всю внешнюю и внутреннюю политику Временного правительства».[5]

На съезде были рассмотрены и вопросы национального строительства, причем особо подчеркивалась опасность обособления от России отдельных ее частей и выделения из российской армии отдельных боевых единиц.[6] Особое мнение на этот счет было у большевика Е.А. Преображенского.[7]

---

[1] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С.30; Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.78; Революция 1917 года (Хроника событий). Т.2. С.98-99; Революция 1917 года (Хроника событий). Т.3. С.13-14.

[2] Brinton C. Anatomy of Revolution. N.Y., 1938. P.163-171.

[3] Подсчитано по: Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917-1918 годах). М., 1996. С.32-33.

[4] Там же. С.48.

[5] ГА РФ. Ф.6978. Оп.1. Д.60. Л.22.

[6] Там же. Д.58. Л.18-27.

[7] Там же. Л.28-32.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Советы не могли остаться в стороне и от такой насущной проблемы, как вопросы войны и мира. Отвечая на вопрос, как же достигнуть мира, если ни братство народов, ни дипломатия не ведут к быстрому достижению его, член Петросовета В.Б. Станкевич предлагал следующее: « Громом побед надо заставить иностранное общественное мнение прислушаться к России, к голосу ее демократии. Активные военные операции не только допустимы, они необходимы».[1] Эта же позиция прослеживалась и в обращении Петросовета «К армии» 1 мая 1917 года. [2] Новым в первомайском воззвании, по сравнению с «манифестом мира», было то, что в нем содержался призыв к социалистам союзных стран заставить свои правительства примкнуть к указанной «платформе мира».[3] На первых порах это воззвание даже породило у солдат недоумение.[4]

Вопрос об отношении к войне оставался главным и на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов.[5] Съезд призывал солдат «не опасаться за землю» и что земельный вопрос из-за своей сложности «может быть разрешен только Учредительным собранием».[6] В принятой 15 мая резолюции о войне съезд признал необходимым «...вести самую активную защиту страны, не останавливаясь ни перед какими жертвами, готовить армию к оборонительным и наступательным действиям».[7] II областной съезд Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Северного фронта, состоявшийся 20 мая 1917 года, также призвал революционную армию «поддержать борьбу за международный мир и в тоже время всеми силами ограждать свободную Россию от военного поражения», а революционную демократию – «всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии...».[8]

Еще более пристальное внимание вопросам войны и мира было уделено на I Всероссийском съезде Советов, на военной секции которого рассматривались вопросы о месте и роли русской армии в запутанной революционной обстановке того времени.[9] Съезд принял воззвание «К армии», в котором, в частности, отмечалось, что солдаты и офицеры проливают свою кровь за дело революции, свободу и при-

---

[1] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.61.
[2] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.59. Л.16-16 об.
[3] Там же. Оп.53. Д.1. Л.1.
[4] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.62.
[5] Новая жизнь. 1917. 5 мая.
[6] РГВИА. Ф.2617. Оп.1. Д.82. Л.427.
[7] Революционное движение в России в мае – июне 1917 года. Документы и материалы. М., 1959. С.151.
[8] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.141. Л.14-14 об.
[9] См.: Злоказов Г.И. Материалы I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Отечественная история. 1993. №6. С.148-149.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ближение всеобщего мира.[1] Оценивая политику Советов по отношению к войне в целом, диссертант придерживается такого же мнения как и американский историк У. Чемберлин, отмечавший противоречивость их позиций.[2]

Исключительно важной для Советов всех уровней была работа в армии.[3] Острая дискуссия о будущем российской армии развернулась на I Всероссийском съезде Советов.[4] Отношение к Вооруженным Силам было выражено в следующей его резолюции: «Пока продолжается война, российская демократия признает, что крушение армии, ослабление ее устойчивости, крепости и способности к активным операциям было бы величайшим ударом для дела свободы и для жизненных интересов страны».[5]

В начале мая Петросовет разработал новое «Положение об армейских комиссарах».[6] В конце апреля – начале мая 1917 года исполком Петросовета произвел первые назначения военкомов, причем не только на уровне армий. Так, штабс-капитан Э.П. Тизенгаузен стал комиссаром Совета на Румынском фронте, Б.В. Савинков – комиссаром VII армии Юго-Западного фронта и т.д.[7]

По свидетельству А.И. Деникина, комиссарами, которых он знал лично, были, главным образом, представители интеллигенции.[8] В политическом отношении, по его воспоминаниям, «у самих комиссаров не было даже однообразного отношения к войне».[9] У них не было и достаточных знаний среды своей деятельности, в чем они честно признавались.[10] Видимо, правильно будет сделать вывод, что армия терпела «инородное тело» в лице комиссаров в силу сложившейся политической ситуации и постольку, поскольку они не слишком мешали ее внутренней жизни.

Для пропаганды позиций Советов по различным вопросам жизни страны в войска непрерывно направлялись газеты и литература. Только военный отдел Петроградского Совета послал на фронт до 1 августа 1917 года более 2270 тыс. экземпляров газет «Известия», «Дело народа», «Рабочая газета», «Голос солдата», 1,5

---

[1] ГА РФ. Ф.1235. Оп.53. Д.1. Л.5; Оп.78. Д.63. Л.77; РГВИА. Ф.3205. Оп.1. Д.31. Л.315,315 об.; Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.128.
[2] Chamberlin W. The Russian Revolution. N. Y., 1935. Vol.1. P.152.
[3] Церетели И.Г. Воспоминания. Кн.1. С.392.
[4] ГА РФ. Ф.6978. Оп.1. Д.56. Л.1Б, 2-11, Л.14-16.
[5] Цит. по: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.60.
[6] Солнцева С.А. Комиссары в армии революционной России // Отечественная история. 2002. №3. С.86.
[7] Там же.
[8] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.292.
[9] Там же.
[10] Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С.187.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

млн. экз. воззваний, около 550 тыс. экз. брошюр.[1] Петроградский Совет поддержал предложение А.Ф. Керенского послать в окопы 10 тыс. агитаторов.[2]

В условиях максимальной легальности активно развертывали свою работу в массах, в том числе и в действующей армии, все политические партии России.

Соискатель считает, что в мае-июне 1917 года большевики прочно заняли место одной из ведущих политических сил страны. В лозунгах «Вся власть Советам» и «Долой войну», несмотря на их недостаточную популярность весной и летом 1917 года, была некая неоспоримая логика – они имели смысл в контексте тех идей, которые социалисты насаждали в сознание народа. Но самым большим преимуществом большевиков перед соперниками было их абсолютное безразличие к судьбе России.[3] Поэтому они в полной мере поощряли любую разрушительную тенденцию. А поскольку эти силы, высвобожденные в феврале, было трудно сдержать, большевики продвигались вперед на гребне нарастающей волны: отождествляя себя с неизбежным, они, казалось, контролировали ситуацию.

На основе решений Апрельской конференции, большевики во главе с В.И. Лениным развернули бурную деятельность в массах[4], главное содержание которой было терпеливое и настойчивое разъяснение взглядов большевиков, при этом «каждый должен был сделаться всем»: и агитатором, и пропагандистом, и устроителем нашей партии.[5] Высказавшись против участия социалистов в коалиционном правительстве,[6] большевики уже начали задумываться о выборах в Учредительное собрание.[7]

После июньских событий начали серьезно портиться отношения большевиков с Советами, когда «Правда» поставила Советы в известность о том, что большевики не намерены ни в настоящем, ни в будущем подчиняться их указаниям. [8] Это было утверждение себя вправе действовать независимо от Совета, даже если он станет правительством. В июле 1917 года большевики сделали попытку изменить ход событий и взять власть в свои руки.[9]

---

[1] См.: Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.54.
[2] Голос солдата. 1917. 16 мая.
[3] Уткин А.И. Первая мировая война. С.417.
[4] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.30. С.347-348.
[5] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.32. С.51.
[6] Революционное движение в России в апреле 1917 года. С.837.
[7] Большевики Петрограда в 1917 году: Хроника революционных событий в Петрограде. Л., 1957. С.215.
[8] Правда. 1917. 13 июня.
[9] Зиновьев Г.Е. Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Очерк жизни и деятельности. Пг., 1918 С.56-57.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Партия большевиков всячески стремилась расширить свое влияние на все без исключения массы, в том числе и на крестьянство.[1] Эти же ленинские идеи легли в основу проекта резолюции по аграрному вопросу на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов.

Считая по-прежнему вопрос выхода России из войны одним из важнейших, большевики предлагали довольно простое решение выхода из войны через революцию, отрицая при этом свое стремление к сепаратному миру.[2] Часть большевиков, в частности Х. Раковский, предлагали рассчитывать на окончание войны путем заключения мира буржуазного, мира относительного,[3] но таких людей было крайне мало. Большинство же, такие как Г.Е. Зиновьев были готовы «на острие штыков нести свободу и социализм в другие страны».[4]

Большевики придавали самое серьезное значение борьбе за армию.[5] Не случайно они первыми среди социалистических партий провели Всероссийскую конференцию военных организаций РСДРП(б), начавшую свою работу 8 июня. Одной из главных целей Военной организации в докладе Н. Подвойского называлась «уничтожение постоянной армии и вооружение всего народа», что достигалось «только путем демократизации армии».[6] Большевики, выступая против отдельных выступлений и дезорганизации армии,[7] рассматривали братание солдат с противником как «здоровое движение»,[8] предлагали добиваться, чтобы оно было «организовано на всех фронтах»[9] и «перешло в ясное политическое сознание того, как из этой войны выйти».[10]

Всероссийская конференция военных организаций большевиков выступила против наступления на фронте.[11] Тактику большевиков в период наступления четко выразил И.В. Сталин, выступая на VI съезде РСДРП(б): «У нас было решено переждать момент наступления на фронте, дать наступлению окончательно провалить себя в глазах масс, не поддаваться на провокацию и, пока идет наступление,

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.32. С.132.
[2] См.: Там же. С.286-287.
[3] См.: Раковский Х.Г. Указ. соч. С.23-24.
[4] Правда. 1917. 8 мая.
[5] Солдатская правда. 1917. 25 мая.
[6] Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сб. документов. М., 1977. С.183.
[7] См.: Бюллетени Всероссийской конференции военный организаций РСДРП(б). 1917. 24 июня. №5.
[8] Правда. 1917. 18 мая.
[9] Зиновьев Г.Е. Год революции (февраль 1917 года – март 1918 года). Л., 1925. С.123; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.459-460.
[10] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.460.
[11] См.: Бюллетени Всероссийской конференции… 1917. 24 июня. №5; Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. С.168; Голос правды. 1917. 18 июня.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ни в коем случае не выступать, выжидать и дать Временному правительству исчерпать себя».[1]

Партия большевиков проводила серьезную работу по организационному укреплению своего влияния в действующей армии. К лету 1917 года имелось 462 военные партийные организации большевиков.[2] ЦК РСДРП(б) был непосредственно связан с партийными организациями и группами более 80 полков, дивизий, корпусов.[3] Военная организация только за первый месяц своей деятельности направила в войска свыше 300 директивных писем и посылок.[4]

О размахе агитационно-пропагандистской работы большевиков в стране и в армии говорят цифры их издательской деятельности. [5] Особое внимание уделялось пропаганде в армии. [6] Тираж «Солдатской правды» достиг летом 75 тыс. экземпляров.[7] Для армии только в июне 1917 года печаталось более 100 тыс. экземпляров большевистских газет,[8] что означало ежедневную доставку одной газеты в каждую роту.[9] По данным командования, в мае на Северном фронте распространялось 15 газет партии, на Западный фронт с 24 марта по 11 июня было доставлено 14971 экземпляр «Правды» и 63515 экземпляров «Солдатской правды».[10]

Соискатель пришел к выводу, что все эти издания пропагандировали ленинские призывы, но в завуалированной форме. Пропагандистская пресса не говорила читателю, что ему нужно делать, - это задача агитации, - но формировала в его сознании идеи, их которых он сам должен извлечь желательный политический вывод. Особенно осторожно большевики высказывались о войне.[11]

Необходимо отметить, что позиция большевиков, и особенно его лидеров, в военных вопросах была достаточно уязвимой. Большевики, как и все их здравомыслящие современники, хорошо понимали связь своих интересов с интересами Германии и ее союзников.[12] Более того, руководители большевиков сами избавили себя от необходимости физически рисковать собой, своей жизнью, как это делали

---

[1] Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917. Протоколы. М., 1958. С.17.
[2] См.: Военно-боевая работа партии большевиков. С.280.
[3] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1. Д.130.
[4] РГАСПИ. Ф.464. Оп.1. Д.1. Л.10-13; Правда. 1917. 19 мая.
[5] Октябрьская революция: Вопросы и ответы. М., 1987. С.83; Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. М., 1994. Кн.1. С.214; Пролетарская революция. 1923. №5-7. С.287-288; Сазонов И.С. Большевистское слово. Идейно-политическая работа большевиков Петрограда в 1917 году. Л., 1978. С.120.
[6] Социал-демократ. 1917. 26 июня, 27 июня, 4 августа.
[7] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.83.
[8] См.: Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.88.
[9] Подсчитано автором.
[10] См.: Вооруженные Силы Великого Октября. С.161.
[11] Солдатская правда. 1917. 15 апреля.
[12] Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 год. Стенографический отчет. М., 1962. С.82.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

миллионы русских мужчин, солдат и офицеров, но хотели, чтобы это было признано официально.[1]

Наличие значительного количества течений у меньшевиков не способствовало единению этой партии, организационный разброд в которой не был преодолен и на Общероссийской конференции РСДРП, проходившей 6-12 мая 1917 года. Об этом свидетельствует и «Заявление 16», хотя и до его подачи интернационалистская часть конференции отказалась принимать участие в выборах центральных учреждений партии.[2]

Майская конференция, превратившая «революционное оборончество», по сути дела, в официальный курс партии, привела к консолидации интернационалистского крыла, но его силы в эти месяцы были невелики. Дело ограничилось созданием Центрального бюро меньшевиков-интернационалистов. Все это вызвало раздражение в руководстве партии,[3] однако расхождения между течениями меньшевиков, а каждого из них - со своим партийным руководством, носило сугубо тактический характер.[4]

После Майской конференции положение партии меньшевиков в стране стало постепенно изменяться. С одной стороны, продолжался рост партии, и число ее членов к лету достигло как минимум 400 тыс. человек,[5] с другой – в стране и партии развертывались процессы, которые подрывали ведущее положение меньшевиков. Причина постепенно развертывавшегося с лета кризиса партии, по мнению автора, заключалась в программе действий, которую партия в данный исторический момент предлагала массам.[6]

Перед формированием первого коалиционного правительства партия меньшевиков оказалась в сложнейшей ситуации. [7] Три практических требования, выдвинутых И.Г. Церетели и касавшихся коалиции, получили поддержку меньшевиков – «оборонцев», которые фокусировали свое внимание на необходимости сохранения авторитета власти,[8] и нескольких интернационалистов.[9] Окончательный

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.137.
[2] Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП 6-12 мая 1917 года в Петрограде. Пг., 1917. С.21.
[3] Меньшевики... С.73-74.
[4] Всероссийская конференция меньшевиков и объединенных организаций РСДРП. С.20-22, 38-40; РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.3. Л.31, 44; Д.2. Л.81, 84 и др.
[5] Миллер В. 1917-й: Взлет и падение меньшевиков. С.68.
[6] Иоффе А. (В. Крымский). Крах меньшевизма. Пг., 1917. С.23.
[7] Новая жизнь. 1917. 21 апреля; День. 1917. 2 мая.
[8] Меньшевики в 1917 году: От января до июльских событий. М., 1993. С.147; Рабочая газета 1917. 7 апреля.
[9] Галили З. Меньшевики и вопрос о коалиционном правительстве: Позиция «революционных оборонцев» и ее политические последствия // Отечественная история. 1993. №6. С.21.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

переход меньшевизма к новой стратегии коалиции с буржуазией ознаменовала майская Общероссийская конференция партии, которая вынесла решение о вхождении в коалиционное правительство.[1] Конференция высказалась против перехода власти к Советам.[2] Подавляющая часть меньшевиков не могли распознать правоту аргументов меньшевиков-интернационалистов, для которых путаная классовая политика коалиции была причиной популярности «ленинских лозунгов» среди рабочих.[3]

Неудачи министров-социалистов в кабинете давали дополнительный повод усомниться в самой стратегии коалиции. В очень выразительной и сжатой форме протоколы заседаний Оргкомитета и его Бюро показывают, как происходил процесс отчуждения между членами Комитета, как «оборонцами», так и «революционными оборонцами», и людьми, которых они сами направили в правительство.[4] Наконец на заседании 5 июня Комитетом был поднят вопрос о необходимости организации контроля над деятельностью министров-социалистов и контакта с ними.[5] Стал сомневаться в необходимости такой коалиции Н.С. Чхеидзе.[6] Еще более категоричен в своих суждениях был Ю.О. Мартов.[7] Лишь Г.В. Плеханов попрежнему непоколебимо стоял на своих позициях.[8] Но часть меньшевиков начала задумываться и о новой коалиции.[9]

Анализ документов партии меньшевиков дает основание полагать: во-первых, путь компромисса оказался для меньшевиков ошибочным и тупиковым, так как альянса с либеральной буржуазией не произошло ввиду неспособности ее пойти на серьезные социальные уступки. Во-вторых, опыта политического компромисса между либералами и социал-демократами в России почти не было. В-третьих, выдвигая на первый план демократию, как непременное условие социалистического общественного строя, меньшевики были убеждены в том, что наиболее оптимальным вариантом является представительная демократия. И, наконец, коа-

---

[1] Рабочая газета. 1917. 10, 21, 24 мая, 1 июня; Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. С.35; РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.1. Л.180 об.
[2] Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. С.35.
[3] См.: Декларация меньшевиков-интернационалистов // Летучий листок меньшевиков-интернационалистов. 1917. Май. №1.
[4] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.19, 20.
[5] Галили З. Указ. соч. // Отечественная история. 1993. №6. С.22.
[6] Церетели И.Г. Воспоминания... Т.1. С.255.
[7] Россия в XX веке. Историки мира спорят. С.193-194.
[8] Единство. 1917. 20 июня, 5 июля.
[9] Рабочая газета. 1917. 4 июля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лиция меньшевиков с либералами во Временном правительстве логично отражала их стремление последовательно отстаивать принципы демократии.

Национальный вопрос в России меньшевики рассматривали с позиций унитарного государства. «Проведение в жизнь автономии невозможно, так как это приведет к неразрешимым конфликтам на местах», - утверждали они.[1] Национально-освободительное движение они рассматривали как «могучий фактор анархии», который приведет к распаду государства.[2]

За июньские события меньшевики обвинили большевиков в выступлении не только против правительства, но и против Петроградского Совета и Всероссийского съезда, в развязывании гражданской войны и требовали заклеймить их «как предателей».[3]

В обосновании тактической линии меньшевиков по вопросам войны и мира важную роль сыграла Всероссийская конференция меньшевиков. После доклада Ф. Дана «Отношение к войне» состоялись прения. Автор, основываясь на изученных документах конференции, пришел к выводу, что в ходе обсуждения рельефно выделились три точки зрения.

Первая, «чистые оборонцы» во главе с А.Н. Потресовым, М.И.Либером и Л.Г. Дейчем считали, «что военная защита родины вообще согласуется с принципами и программой социал-демократии».[4] На конференции положение «военной обороны страны» дополняется активной борьбой международного пролетариата за всеобщий мир.[5] Сторонники этих взглядов предлагали вести борьбу за мир двумя способами одновременно: «интернациональным давлением, обращением к европейскому социалистическому мнению» и усилением военной мощи России.[6]

Точка зрения «революционных оборонцев» (М.И. Скобелев, И.Г.Церетели, Н.С. Чхеидзе и др.) предполагала, что конец войне может быть положен лишь активной и согласованной борьбой международного пролетариата за всеобщий мир, что борьба за мир должна быть главным содержанием политики на современном этапе.[7] При этом рекомендовалось избегать в пропаганде крайних лозунгов: «до-

---

[1] Новая жизнь. 1917. 10 июня.
[2] ГА РФ. Ф.6978. Оп.1. Д.58. Л.3, 8; Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. М., 1933. Т.3. С.95; Рабочая газета. 1917. 15 июня.
[3] Рабочая газета. 1917. 10 июня; Единство. 1917. 9 июля.
[4] Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. С.11.
[5] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.2. Л.21; Записные книжки Л.Г. Дейча // Вопросы истории. 1996. №3. С.13.
[6] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.2. Л.20 об.
[7] РГВИА. Ф.2048. Оп.4. Д.45. Л.74; РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.2. Л.2; Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. С.11.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лой войну, мир во что бы то ни стало» и «война до победного конца, все для победы».[1]

Ю.О. Мартов, О.А. Ерманский и другие с интернационалистических позиций доказывали, что не дело социал-демократии заботиться о военной защите страны. Задача пролетариата состоит «в борьбе за восстановление интернациональной солидарности рабочего класса всех стран и в борьбе за мир, отвечающий его интересам и требованиям демократии».[2] По воспоминаниям Н.Н. Суханова, высказывались и такие точки зрения, как идея сепаратного мира (В.А. Базаров) и идея всеобщего перемирия (Ю.О. Мартов), не получившие, однако, широкого распространения в партии.[3] Решение о войне Всероссийская конференция меньшевиков приняла в оборонческом духе.[4]

В последующем меньшевики-интернационалисты, составлявшие определенную часть делегатов I Всероссийского съезда Советов, приняли свое обращение, которое предлагало не наступление на всех фронтах, а перемирие.[5] Практически эту же точку зрения поддерживал Комитет Петроградской организации РСДРП (меньшевиков).[6] С разоблачением мифа о чисто военном характере наступления и требованиями, чтобы Временное правительство предварительно хотя бы поставило на очередь дня пересмотр старых договоров с союзниками, выступила группа «Новой жизни».[7]

Конференция также утвердила и резолюцию о братании, которая признавала, что «братание никоим образом не может служить средством к достижению того всеобщего мира, к которому стремится социал-демократия».[8] Еще более решительную позицию по отношению к братанию занял Г.В. Плеханов.[9]

В русле своей концепции войны и мира партия меньшевиков рассматривала свое отношение к наступлению действующей армии. Меньшевики поддерживали идею наступления русской армии во имя достижения мира.[10] Постепенно от призывов «активной обороны» меньшевики перешли к агитации за «активное наступ-

---

[1] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.62. Л.1.
[2] Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. С.10.
[3] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.267.
[4] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.1. Л.41.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.8280. Л.27.
[6] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1339. Л.79.
[7] Новая жизнь. 1917. 13, 24 мая, 15 июня.
[8] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.1. Л.35; Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. С.39-40.
[9] Плеханов Г.В. Год на Родине. Париж, 1921. С.21.
[10] Рабочая газета. 1917. 16 мая, 20 июня; Новая жизнь. 1917. 2 мая; РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.42. Л.6.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ление»,[1] обосновывая свою позицию тем, что мир без наступательных действий невозможен и только, разбив войска, можно заставить Германию заключить мир.[2] Они обрушились с яростной критикой на большевиков за их «удар в спину армии», предупреждая, что «вся тяжесть за последствия провала наступления ляжет на них».[3]

На основе анализа и сопоставления архивных материалов автор приходит к выводу, что меньшевики в решении своих программных задач немаловажную роль отводили армии.[4] Этот курс был впоследствии подтвержден и Объединительным августовским (1917 года) съездом партии.[5]

Если большевики, определяя содержание идеологической работы в армии, исходили из того, что солдаты на фронте – это часть страны,[6] это те же рабочие и крестьяне, которые временно оказались в солдатском строю, то меньшевики оспаривали это положение.[7] Исходя из этого, по мнению Б.В. Лытова, «меньшевики пытались свести политическую работу среди солдат к разрешению узкопрофессиональных задач, связанных с устройством быта и внутреннего порядка в войсках».[8] Но меньшевики не чурались и агитационно-пропагандистской работы в армии, которую вначале, в основном, проводила военная секция при Комитете Петроградской организации (КПО).[9] Для проведения этой работы меньшевики активно использовали возможности агитационного отдела Исполнительного комитета Петроградского Совета,[10] а при ОК партии создали специальную агитационно-лекторскую группу.[11]

Для оказания содействия местной печати ОК при секретариате организовал Бюро печати.[12] 12 июня Бюро ОК, решив ассигновать социал-демократическим организациям армии и города Риги 1000 рублей на издание газет и отпустить литера-

---

[1] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.29. Л.57; Рабочая газета. 1917. 10, 11, 16, 20мая; Партийные известия. 1917. №1. С.7.
[2] См.: Буланов Л.П. Как можно кончить войну и каковы справедливые условия мира. Пг., 1917. С.21; Рабочая газета. 1917. 10, 11, 16 мая.
[3] Рабочая газета. 1917. 4 июля.
[4] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.1. Л.4; Д.2. Л.60; Дан Ф.И. О войне и мире. Пг., 1917. С.14-15.
[5] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.4. Л.6.
[6] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.32. С.102.
[7] См.: Дело. 1917. №3-6. С.21.
[8] Лытов Б.В. Борьба В.И. Ленина против оппортунизма по военным вопросам (1914-1920 гг.). М., 1987. С.87.
[9] Рабочая газета. 1917. 29 июня.
[10] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.19. Л.4.
[11] Там же. Л.13.
[12] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.19. Л.17; ГА РФ. Ф.3349. Оп.1. Д.63. Л.27.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

туру на 400 рублей,[1] 5 июля рассмотрело и другие вопросы агитации и пропаганды.[2] Меньшевики вели пропаганду с помощью радиостанции даже за границу.[3]

Соискатель считает необходимым подчеркнуть, что деятельность партии меньшевиков по завоеванию армейских масс на свою сторону проходила одновременно с предвыборной кампанией в Учредительное собрание. Анализ архивных документов показывает, что эти важные задачи постоянно находились в поле зрения центральных органов и их партийных организаций в войсках.[4] Вне данного курса развернули среди масс свою работу в пользу заключения всеобщего перемирия меньшевики-интернационалисты Петроградской организации.[5]

Во всероссийском масштабе военная организация меньшевиков оформилась в конце июня 1917 года. Находившаяся на I съезде Советов большая группа военных меньшевиков объединилась в интересах революции «для мощной поддержки Центрального Исполнительного комитета...и для успешной борьбы в войсках с проявлениями преступной демагогии и сознательной провокации в меньшевистскую военную организацию».[6] На совещаниях 21 и 24 июня военные меньшевики обсудили план работы и учредили Всероссийское бюро военной организации, которое ставило своими целями: придерживаясь строго указаний ОК, руководить всей партийной, идейной и организационной работой в армии и на флоте, на фронте и в тылу впредь до созыва Всероссийской конференции; подготовить издание военной газеты меньшевиков и наладить снабжение их организаций литературой; подготовить ряд местных конференций военных организаций меньшевиков, за которыми последует созыв Всероссийской конференции.[7] Военные секции, наряду с Петроградским комитетом, были созданы меньшевистскими организациями Москвы, Киева, Витебска и др.[8]

Меньшевики проводили соответствующую работу по созданию и укреплению военных организаций в армии. Это особенно видно из практической деятельности Военной секции при Петроградском комитете.[9] До августа совместно с эсерами на фронт было послано около 2300 тыс. газет, 1,5 млн. воззваний, более 0,5

---

[1] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.19. Л.28.
[2] Там же. Д.20. Л.34.
[3] Там же. Л.27.
[4] Там же. Д.19. Л.5.
[5] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1339. Л.79; РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.102. Л.1.
[6] РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.4. Л.3; Вперед (Москва). 1917. 1 июля.
[7] РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.4. Л.3.
[8] ГА РФ. Ф.1791. Оп.6. Д.11. Л.20; РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.37. Л.10; Д.62. Л.3.
[9] Рабочая газета. 1917. 24 июня.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

млн. брошюр. Кроме того, в самой армии меньшевики и эсеры издавали более десятка газет.[1]

Начиная с создания Всероссийского Бюро военной организации, меньшевики решили перейти от работы в общедемократических армейских организациях непосредственно к партийному строительству.[2] Оно должно было вестись на основе сочетания фронтовых и армейских партийных организаций,[3] однако всестороннее изучение архивных материалов показывает, что наиболее жизненными оказались последние. Здесь же необходимо выделить такой важный факт, что меньшевики, хотя и планировали, но так и не провели Всероссийской конференции военных организаций, им не удалось наладить выпуск своей газеты для солдат, они не приняли не устава, ни какого-нибудь положения общеармейского характера. Поэтому партийное строительство в войсках велось исходя из положений устава военной организации меньшевиков каждой армии.

К лету 1917 года партия социалистов-революционеров была самой многочисленной в России: она насчитывала 436 организаций, 312 комитетов и 124 группы,[4] издавала 58 газет.[5] Но в этот период наметившийся раскол партии усилился. На III съезде было образовано «Организационное бюро левого крыла партии социалистов-революционеров».[6] ЦК партии эсеров осудил «фракционную деятельность левых эсеров и предложил прекратить ее».[7]

После апрельского кризиса перед партией эсеров со всей остротой встал вопрос о власти и об участии в коалиции.[8] Подавляющее большинство социалистов-революционеров считало: «Даже процесс самоорганизации демократии, за время революции сделавший сказочные успехи, далеко еще нельзя считать законченным настолько, чтобы трудовая демократия возложила только на свои плечи задачи устройства России».[9]

Эсеровская фракция в Петроградском Совете приняла решение «добиваться максимума влияния введением лучших сил на более ответственные посты».[10] В от-

---

[1] Миллер В.И. К истории борьбы непролетарских партий за армию в 1917 году // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982. С.248.
[2] См.: Приложение 16.
[3] Рабочая газета. 1917. 24 июня.
[4] См.: Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.295.
[5] См.: Гусев К.В. Крах мелкобуржуазных партий в России. М., 1966. С.19.
[6] Земля и воля. 1917. 8 июля.
[7] Дело народа. 1917. 11 июля, 15 июля.
[8] ГА РФ. Ф.5975. Оп.1. Д.12. Л.42-43.
[9] Дело народа. 1917. 5 мая.
[10] Там же. 4 мая.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

личие от других партий, одним из условий вхождения эсеров в правительство было «подотчетность и ответственность социалистических министров перед организованной демократией в лице Совета рабочих и солдатских депутатов и перед делегировавшими их партиями».[1] Но послать в правительство лучших не представилось возможным.[2] Против вхождения в правительство выступили левые эсеры.[3]

Вопрос о власти рассматривался и III съездом социалистов-революционеров, проходившим 25 мая – 4 июня 1917 года. Часть эсеров считала, что Февральская революция – буржуазная и власть закономерно перешла в руки либерально-буржуазных кругов.[4] Другая часть утверждала, что Россия «выскочила» из рамок чисто буржуазного развития.[5] И все же в настоящий момент, как говорил один из эсеровских лидеров Н.Д. Авксентьев, рабочие, солдаты и крестьяне не готовы к принятию власти.[6] Концепция эсеров о власти предполагала, что Петроградский Совет мог взять власть, но такой максимализм и такая поспешность, по мнению Н.Д.Авксентьева, «рискуют изолировать революционную демократию, рискуют отбросить те слои, которые идут вместе с ней, и пробудить контрреволюционное чувство».[7] Не изменилась позиция эсеров и позднее.[8]

Социалисты-революционеры в создании коалиции пытались идти дальше. Как писала в редакционной статье газета «Дело народа», «вопрос сближения всех истинных, всех последовательных социалистов в обновляющейся, в революционной России есть вопрос ближайшего будущего, а эсерам, несмотря на некоторые особенности их мировоззрения, могло бы быть с эсдеками (меньшевиками – А. Ч.) очень по пути».[9] Но дальше разговоров процесс не пошел, а III съезд официально заявил об отсутствии условий для этого.[10] Эсеры подвергли резкой критике большевиков за организацию волнений в июне 1917 года.[11] Социалисты-революционеры поддержали точку зрения Советов по отношению к выходу кадетов из правительства.[12]

---

[1] Там же.
[2] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.40. Л.93.
[3] Дело народа. 1917. 4 мая.
[4] Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров (25 мая – 4 июня 1917 года). Пг., 1917. С.206-207.
[5] Там же. С.70.
[6] Там же. С.209.
[7] Там же.
[8] Земля и труд. 1917. 17 июня; Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. С.479; Чернов В. Советы в русской революции // Год русской революции. М., 1918. С.57.
[9] Дело народа. 1917. 13 мая.
[10] Непролетарские партии России. С.280-282.
[11] Дело народа. 1917. 11, 13 июня.
[12] Известия Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 июля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

В области государственного устройства и национальных отношений III съезд высказался «за форму федеративной демократической республики, с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей...».[1] Съезд совершенно определенно заявил, что «никакого отделения не может быть при сохранении единства государственных границ».[2]

Что касается главенствующего для эсеровской программы – аграрного вопроса[3], съезд формально повторил старые положения аграрной программы эсеров, но тут же оговорился, что основной закон о земле принимается Учредительным собранием, а до этого «всякие частные захваты земель» отвергаются.[4]

Сопоставление документального и фактического материала позволяет рассмотреть сущностные изменения программных установок социалистов-революционеров по вопросам войны и мира. Социалисты-революционеры изредка «огрызались» против кадетов, в лице В. Чернова критиковали российский и международный империализм, войну. При этом В.И. Ленин представлялся им как явившийся на землю «антихрист».[5]

Теоретическим обоснованием политической линии эсеров служила концепция «третьей силы», которая проходила красной нитью через все решения съездов и конференций, и была официально закреплена в документах третьего съезда.[6] Условиями объединения усилий демократии съезд считал создание «революционного Интернационала» и созыв «международного социалистического съезда».[7]

Высказывая отношение эсеровской партии к войне, В.М. Чернов говорил, что «война до того довела обострение всех противоречий, бывших в России, что последняя выскочила из колеи буржуазной жизни», что «железная логика войны не позволяет нам выскочить из ада».[8] На съезде были и попытки подчеркнуть недостаточную революционность других стран.[9] По докладам А.Р. Гоца и Б.Д. Камкова «Об отношении к войне» были предложены две резолюции. Подавляющее большинство[10] проголосовало за резолюцию руководства партии.

---

[1] Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров... С.36.
[2] Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров...С.304, 307, 493; Революция и национальный вопрос. Документы и материалы. С.90, 95.
[3] ГА РФ. Ф.5975. Оп.1. Д.12. Л.22; Историк-марксист. 1927. Т.6. С.24.
[4] См.: Спирин Л.М. Россия 1917 год. С.203.
[5] Там же. 16 апреля.
[6] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.1. Л.66; Д.14. Л.80.
[7] Там же. Д.13. Л.8.
[8] Дело народа. 1917. 26 мая.
[9] Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. С.75.
[10] Там же. С.204.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

О разногласиях в партии свидетельствовала и острая дискуссия, разгоревшаяся на съезде по вопросу опубликования договоров, заключенных царским правительством с союзными державами. [1] Принятая резолюция требовала от Временного правительства пересмотра и ликвидации тайных договоров, а в дальнейшем в области международной политики руководствоваться исключительно «интересами трудового населения России».[2]

Позиция съезда по вопросу наступления армии на фронте также была противоречивой. В целом, он отверг как шовинистическую программу форсированного наступления русских войск, так и проповедь отказа от «всякого движения вперед из окопов и неповиновения распоряжениям революционного правительства».[3] Начавшееся 18 июня наступление русских войск было воспринято ЦК партии эсеров с одобрением. [4] В последующем, как показали результаты диссертационного исследования, позиция социалистов-революционеров по вопросам войны и мира не претерпела особых изменений. По-прежнему большинство эсеров считало, что «наша родина достойна того, чтобы ее всеми силами защищали».[5] На III съезде и позднее в партийных документах левая оппозиция выступила против линии ЦК по проблемам войны и мира.[6] Левые эсеры являлись и противниками наступления. [7] Они предлагали, чтобы Временное правительство немедленно начало энергичную борьбу за общий отказ стран Антанты от империалистических задач войны.[8]

В работе третьего съезда принимали участие 38 делегатов от военных организаций эсеров.[9] В повестке дня вопрос о работе в армии первоначально не стоял. Он был внесен при открытии съезда прапорщиком В.Л. Утгофом от имени Петроградской городской конференции. Большинством вопрос «О демократической организации армии согласно партийной программы» был передан на рассмотрение в военную подсекцию организационной секции с последующим его поступлением на пленарное заседание.[10] Несмотря на такой порядок обсуждения, проблема армии, тем не менее, была одной из самых значимых на съезде. [11]

---

[1] Там же. С.109, 115.
[2] Там же. С.477.
[3] Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. С.478; Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.197.
[4] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.15. Л.18; Дело народа. 1917. 1 августа.
[5] ГА РФ. Ф.3539. Оп.1. Д.3. Л.34.
[6] Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. С.111, 113, 115; ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.53. Л.59.
[7] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.53. Л.59.
[8] См.: Дело народа. 1917. 20 июня.
[9] Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. С.50-52.
[10] Там же. С.21.
[11] Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. С. 122, 177.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

После падения монархии эсеры не отказались от своего программного требования по замене постоянной армии народным ополчением. [1] Военная подсекция организационной секции третьего съезда по докладу В.Л. Утгофа приняла резолюцию «О демократической организации армии».[2] Она одобрила политический курс партии на замену постоянной армии народным ополчением и имела, по мнению соискателя, достаточно много положительных предложений.[3] Добиваясь реорганизации армии, резолюция вместе с тем отмечала, что выборность строевых начальников и специалистов признается по условиям военного времени невозможной и недопустимой,[4] необходимо, чтобы «пределы власти и обязанностей, лежащих на должностных лицах и на выборных войсковых организациях, были точно разграничены законом».[5] Она стремилась осуществить принцип разделения власти в армии, что, на наш взгляд, существенно снижало ценность предложений социалистов-революционеров в области реформирования армии, так как подрывало важнейший принцип ее организационного строения– принцип единоначалия.

К числу других недостатков эсеровских воззрений, по мнению автора, следует также отнести: выборность командиров и начальников всех степеней в мирных условиях; право войсковых частей на мотивированный отвод начальников всех рангов; приоритет воинских судов в поддержании воинской дисциплины; фактическое отстранение командного состава при аттестовании кандидатов на вышестоящие должности и получение очередного воинского звания.[6]

Социалисты-революционеры приветствовали формирование национальных частей из добровольцев; формирование же национальных частей из войск, входящих в состав действующей армии, признавалось нежелательным, как могущее внести дезорганизацию в армию.[7] Большое внимание уделяли эсеры завоеванию своих позиций среди младшего офицерского состава.[8]

В середине июня социалисты-революционеры провели в столице собрание делегатов военных организаций, которое избрало военную комиссию при Петроградском комитете партии эсеров, ставшей затем фактически военной комиссией

---

[1] См.: Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. С.207; РГВИА. Ф.2031. Оп.3. Д.80. Л.44.
[2] См.: Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. С.207-210.
[3] См.: Там же. С.207-209.
[4] См.: Там же. С.209.
[5] Там же. С.208.
[6] См.: Там же. С.210.
[7] Фронт. 1917. 30 мая.
[8] Записки А.И. Козьмина (1917 год) // Красный архив. 1933. Т.5. С.146.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

при ее ЦК.[1] Рекомендовалось образовать военные комиссии и при районных комитетах эсеровской партии.[2] Военная комиссия Петрограда в свою очередь делегировала одного представителя в Петроградский комитет партии социалистов-революционеров и одного – в Военную комиссию при ЦК. [3] При Военной комиссии Петроградского комитета существовали отделы,[4] а при комитете работал Военный совет.[5]

Народные социалисты к лету 1917 года оставались небольшой, преимущественно интеллигентской партией, по оценке Н. Суханова, «никчемные группы бывших радикальных, теперь просто перепуганных интеллигентов».[6] В обстановке «безбрежной свободы» и безудержной политической демагогии их голос был слышен слабо. Не удалась их попытка блокироваться с эсерами, теперь уже из-за несогласия последних. Тем не менее, коалиционное правительство энесы рассматривали «как наименее плохой выход из очень плохого положения».[7] Вне коалиции должны были остаться большевики слева и охранительные течения справа, опиравшиеся на одни и те же темные низы.[8] Это показывает, сколь неприемлема для народных социалистов была идея создания однородного социалистического правительства, которая многим тогда казалась спасительной. Ради будущего народные социалисты предлагали жертвовать всем возможным.[9] По отношению к войне энесы, в лице одного из их лидеров С.П.Постникова, считали, «что продолжение войны при ее (России – А. Ч.) внутреннем положении убьет не только новый режим, но и грозит самому существованию России».[10]

17 июня открылся Всероссийский съезд Партии народных социалистов. Их лидер В.А. Мякотин сделал небольшой доклад, ибо обсуждать было особенно нечего. Одновременно проходил VI съезд Трудовой группы. 21 июня после долгих споров произошло слияние народных социалистов и трудовиков в Трудовую народно-социалистическую партию, которая объявила курс на народовластие в виде демократической парламентской республики. Диктатура какого-либо класса отвергалась. Трудовики приняли идею социализма, а в национальном вопросе шли

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.15. Л.140.
[2] Дело народа. 1917. 21 июня.
[3] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.15. Л.29; 140, 156. См. также: Приложение 17.
[4] Там же. С.156.
[5] См.: Революционный народ. 1917. 8 августа.
[6] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.249.
[7] Цит. по: Протасов А., Протасова О. Народные социалисты // Родина. 1994. №10. С.79.
[8] См.: Там же.
[9] Церетели И.Г. Воспоминания. Кн.1. С.444.
[10] ГА РФ. Ф.6065. Оп.1. Д.2. Л.53.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дальше своих партнеров, признавая право наций на отделение от России. Энесы, истые государственники, с этим согласиться не могли. Уступили трудовики.[1] Объединение заметно усилило партию. В момент создания ТНСП насчитывала около 10, 5 тыс. членов, но полагала, что за ней идет цвет российской интеллигенции. Партия была «городской»: она имела организации в 52 губернских и 89 уездных городах и лишь в 18 селах и станицах, влияния на действующую армию практически не имела.[2]

Насчитывавшая летом 1917 года около 80 тыс. членов, партия народной свободы продолжала корректировать свои программные положения применительно к реалиям России. Учитывая сложившуюся обстановку, кадеты пошли на образование коалиционного правительства с участием социалистов. Видные деятели кадетов были уполномочены ЦК «выявить условия, при которых представители этой партии могут участвовать в правительстве»[3] и, исходя из сложившейся ситуации, решили ужесточить их. [4] Конституционные демократы в лице их лидера П.Н. Милюкова одобрили состав коалиционного правительства.[5]

9-12 мая работал VIII съезд Партии народной свободы.[6] Вопрос о власти был одним из центральных в его работе. В общеполитическом докладе П.Н. Милюков указывал на изменение политической ситуации в России,[7] правительственный блок кадетов с эсерами и меньшевиками, по его мнению, позволял перейти от «увещевания» к «средствам принуждения».[8] Съезд расценил вхождение социалистов в правительство как событие, которое приведет к концу двоевластия, и принял резолюцию «оказывать полную поддержку новому Временному правительству во всех его начинаниях».[9]

На съезде в связи с тем, что крестьяне составляли подавляющее большинство действующей армии, большое значение было уделено аграрному вопросу. Представители провинции предлагали пойти на более существенные изменения аграрной программы, но кадетские киты, упорствуя, не шли на уступки.[10] В конце кон-

---

[1] Протоколы I Всероссийского съезда народно-социалистической партии; VI Всероссийского съезда Трудовой группы; I Всероссийского съезда Трудовой народно-социалистической партии. 17-23 июня 1917 года. Пг., 1917. С.140.
[2] См.: Лосева А.В. Банкротство Трудовой народно-социалистической партии (февраль1917 – 1922 гг.). М., 1979. С.11.
[3] Речь. 1917. 4 мая.
[4] ВПНС. 1917. №4-5. С.9.
[5] Буржуазия и помещики в 1917 году. С.13.
[6] Речь. 1917. 8 мая.
[7] Там же. 10 мая.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же. 12 мая.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

цов, съезд, оставив существо аграрной программы, пошел на модификацию, придав ей более демократический характер.[1]

В области национальных отношений автономия по-кадетски признавала более территориальный признак, т.е. нравы и обычаи, которые были присущи всем народам того или иного региона.[2] Не случайно поэтому, когда Украинская рада опубликовала в июне 1917 года «универсал» об автономии Украины, «Речь» в угрожающем тоне заявила: «Г.г. украинцы шутят плохие шутки с Россией».[3]

Впервые на съезде в основном единодушной партии поднял «бунт» член ЦК Н.В. Некрасов. Он критиковал руководство партии фактически по всем вопросам.[4] Н.В. Некрасов выступил с резкой критикой А.И. Гучкова и П.Н.Милюкова, вышедших в отставку, называя это «ударом в спину Временного правительства».[5] По его мнению, только Учредительное собрание, созыв которого следует всячески ускорить, представляет собой «единственный орган, который может быть авторитетом для всей страны». Пока же выход из кризисной ситуации Н.В. Некрасов видел в создании коалиционного правительства и организации полной и безоговорочной ему поддержки.[6] Не найдя единомышленников в партии, 3 июля 1917 года он вышел из состава кадетов и вступил в Российскую радикально-демократическую партию.[7]

В драматическом треугольнике – кадеты – умеренные социалисты – радикальные партии, в первую очередь большевики, - конституционные демократы приняли деятельное участие в создании проектов послереволюционного политического устройства, особенно выборов в Учредительное собрание, которое должно было наконец-то конституировать в России новое цивилизационное устройство.[8] Прежние программы Партии народной свободы были дополнены новыми демократическими статьями.

Деятельность кадетов в первом коалиционном правительстве была недолгой. Уже 2 июля, формально заявив, что не согласны с решением правительства по украинскому вопросу, согласно которому Украина получала автономию до рассмот-

---

[1] Там же.
[2] Там же. 13 мая.
[3] Там же. 14 июня.
[4] Там же. 11 мая.
[5] См.: Там же. 10 мая.
[6] Там же.
[7] Шелохаев В.В. Николай Виссарионович Некрасов // Вопросы истории. 1998. №11-12. С.89.
[8] Временное правительство и Учредительное собрание // Учредительное собрание. Россия. 1918. М., 1991. (Разд. I). С.10, 13-22, 23-27, 30-31, 50-53.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

рения этого вопроса Учредительным собранием,[1] конституционные демократы вышли из его состава.

К лету 1917 года преемственность внешнеполитического курса конституционных демократов сохранялась. Изучение опубликованных и архивных источников подтверждает, что они были заинтересованы в продолжении войны и мыслили ее прекращение только в виде «полной победы», почетного прочного мира с соответствующими приобретениями. Поэтому вопросам войны и мира кадеты уделяли самое пристальное внимание, регулярно рассматривая их на заседаниях ЦК и съездах партии.[2] Вопрос о войне был в центре внимания делегатов VIII съезда этой партии, принявшего резолюцию, в которой поддерживалась проводимая внешняя политика, и приветствовалось «заявление Временного правительства о необходимости наступательных действий на фронте».[3] После провала наступления[4], как предполагал П.Н. Милюков, «оставалось или идти на мир, решаться прямо уже на заключение сепаратного мира или же надо было путем экстренных и чрезвычайных мер, немирившихся с установившимся режимом ослабления дисциплины, спешно восстанавливать боеспособность войск».[5]

К лету 1917 года конституционные демократы были вынуждены вплотную заняться проблемами своего влияния в действующей армии, от поведения которой зависел исход политической борьбы в стране. Армия, как считали кадеты, находилась в крайне плачевном состоянии.[6]

Обобщение и систематизация ранее проведенных исследований, дополнение и уточнение полученных результатов выводами, сделанными на основе неизвестных до сегодняшнего дня архивных документов, позволяют прийти к заключению, что практическая деятельность конституционных демократов по завоеванию армии весной и летом 1917 года осуществлялась по следующим основным направлениям: борьба ЦК Партии народной свободы с последствиями демократизации армии» и вовлечения ее в решение политических задач; подчинение армии своим политическим целям через создаваемую центральную военную организацию; привлечение на свою сторону офицерского корпуса и, по возможности, солдат; пропагандистская и агитационно-массовая работа в войсках и другие.

---

[1] См.: Спирин Л.М. Россия 1917 год. С.184-185.
[2] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.717. Л.2; Там же. Д.720. Л.1.
[3] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.6. Л.4; Там же. Ф.7506. Оп.1. Д.2. Л.1.
[4] Речь. 1917. 26 августа.
[5] Милюков П. Почему большевики взяли верх? // Коммунист. 1990. №15. С.54.
[6] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.855А. Л.3-4.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

По воспоминаниям П.Н. Милюкова и его соратников, конституционным демократам не приходило в голову, что нужно делать армию ареной партийной борьбы. [1] Ярым противником вовлечения армии в политические игры был член ЦК Партии народной свободы подполковник Л.Н. Новосильцев. [2] По просьбе П.Н. Милюкова он сделал правдивый доклад о положении дел в армии, чему никто из присутствующих не поверил; Л.Н. Новосильцева назвали «большим пессимистом», а член ЦК И.П. Демидов заявил, что «точка зрения докладчика в отношении армии есть зрение разочарованного усталого офицерства».[3]

Конституционные демократы требовали от Временного правительства конкретных мер по сохранению армии, недопущению ее развала. При вступлении в правительство кадеты настаивали «на коренном реформировании армии». [4] Аналогичные мысли высказывали П.Н. Милюков, выступая на съезде офицерских делегатов 5 мая 1917 года[5], и П.Д. Долгоруков. [6] В записке кадета В. Белинского П. Милюкову обращалось внимание на то, чтобы «армию вернуть к дореволюционному своему состоянию, которое давало России победы, славу и могущество». [7]

Кадеты пытались анализировать и причины низкого состояния боеготовности и боеспособности армии.[8] В обобщенном виде руководство конституционных демократов сформулировало следующие конкретные меры по ее оздоровлению: изъять всякую революционную политику из армии; упразднить институт комиссаров и комитеты в армии и на флоте; вернуть власть воинским начальникам и командирам; запретить всякую агитацию и пропаганду всех политических партий; восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия; поднять высокий патриотический долг русских войск.[9]

Определенную роль в привлечении военнослужащих на свою сторону сыграли партийные съезды. Так, например, на VIII съезде партии были выработаны конкретные меры по развертыванию широкой работы в армии.[10] В речи при закрытии съезда П.Н. Милюков заявил: «Мы полагали, что армия должна быть чужда политике. Но учитывая то время, которое мы переживаем, партия народной свободы не

---

[1] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.855А. Л.7; Речь. 1917. 7 мая, 9 мая; Армия и флот свободной России. 1917. 6 сентября.
[2] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.117, Л.125 об, 166., 242, 966.
[3] Там же. Л.966 об.
[4] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.22. Л.7.
[5] Речь. 1917. 9 мая.
[6] ГА РФ. Ф.5898. Оп.1. Д.4. Л.2; Речь. 1917. 11 мая; 14 мая.
[7] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.3222. Л.3, Л.3 об.
[8] Речь. 1917. 25 мая.
[9] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.44. Л.3.
[10] ВПНС. 1917. №8-10. С.21; №11-13. С.14-15.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

может отсутствовать в рядах нашей армии, и мы сделаем все, чтобы представлять нашу партию в армии».[1] Далее он объявил, что в различных частях армии уже образованы ячейки Партии народной свободы, и некоторые их представители присутствуют на съезде.[2] Но на VIII съезде партии из 335 делегатов военных оказалось только четверо.[3]

Считая, что «сила была в офицерстве, командном составе, сохранившем боеспособность»,[4] которых в действующей армии насчитывалось около 100 тысяч человек,[5] конституционные демократы смогли провести в мае 1917 года первый съезд офицеров армии и флота и организовать среди их представителей чисто военную организацию в виде «Союза офицеров армии и флота», который стал филиалом партии народной свободы в армии. Председателем Главного комитета Союза офицеров был избран член Государственной Думы I и IV созывов, член ЦК Партии народной свободы, командир 19 минной батареи Западного фронта подполковник Л.Н. Новосильцев.[6]

С целью координации деятельности всех официально организованных союзов кадеты создали тайную организацию «Республиканский центр». Целью организации было «затормозить начавшееся стихийное революционное движение, усилить пропаганду идеи установления крепкой власти, организовать военные базы и укрепить связи с контрреволюционными организациями».[7] Активисты этой организации сообщали, что в контакте с центром действовали: «Военная лига» (председатель – генерал И.И. Федоров), «Союз офицеров армии и флота» (подполковники Л.Н. Новосильцев и В.М.Пронин), «Совет Союза казачьих войск» (полковник А.И. Дутов) и ряд других организаций, стремившихся к спасению боеспособности армии.[8] Военный отдел «Республиканского центра» возглавлял полковник Генерального Штаба В.Н. Доманевский, затем – вице-адмирал А.В. Колчак.[9] Кроме перечисленных организаций в контакт с «Республиканским центром» входил и «Союз воинского долга», образованный в Петрограде в мае 1917 года.[10]

---

[1] Речь. 1917. 13 мая.
[2] Там же.
[3] ВПНС. 1917. №4-5. С.7.
[4] Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1926. С.101.
[5] См.: Гаврилов Л.М. Указ. соч. С.58.
[6] РГВИА. Ф.2015. Оп.1. Д.3. Л.6.
[7] См.: Последние новости (Париж). 1937. 27 февраля.
[8] Там же. 1932. 1 августа.
[9] Там же. 1937. 27 февраля.
[10] См.: Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905-1917. М., 1990. С.374, 375.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Важным этапом в практической деятельности партии народной свободы в военной области стало создание в июне 1917 года Военной комиссии при ЦК. Председателем президиума комиссии стал В.А. Степанов, его заместителями – М.Д. Калугин и генерал А.В. Шварц. [1] Исходя из анализа документальных источников, в задачи военной комиссии входило: установление связи партии с солдатами, матросами, офицерами и военными чиновниками армии и флота; ознакомление лиц, сочувствующих программе партии, с ее взглядами на значение армии в жизни общества; проведение в жизнь армии здоровых начал, направленных к повышению ее мощи на основах широкой демократизации всего ее строя.[2]

Военная комиссия разработала и направила в войска «Инструкцию по организации партийных групп в воинских частях».[3] Процесс создания партийных организаций кадетов в армии отличался медлительностью, хотя и развивался с началом революции, что привело, как показывают исследования, к отставанию в количественном отношении от большевиков и эсеров. Организация партийных групп в действующей армии отличалась четкой многоуровневой структурой.[4] В Петрограде при Военной комиссии с этими же целями был организован Городской военный комитет во главе с В.Н. Пепеляевым.[5]

Анализ деятельности ЦК партии народной свободы как руководящего органа партии в 1917 году показывает, что военные вопросы были одними из главных в его агитационно-пропагандистской работе. [6] 10 мая 1917 года П.Н. Милюкову был вручен проект организации пропаганды и агитации идей конституционных демократов непосредственно среди военнослужащих, подготовленный штабс-капитаном Б.Александровым.[7] В частях стали создаваться культурно-просветительские общества, посредством которых Партия народной свободы рассчитывала установить контакт с массами военнослужащих.[8] Кроме того, организационная секция Военной комиссии ЦК проводила и другие мероприятия. [9]

Хотя другие либеральные партии России, кроме кадетов, фактически бездействовали, свой голос в поддержку коалиционного Временного правительства они подали. А.И. Гучков от имени октябристов заявил: «...мы все обязаны всеми сила-

---

[1] См.: ВПНС. 1917. №11-13. С.24.
[2] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.15. Л.2, 3.
[3] ВПНС. 1917. №11-13. С.24-25. Полный текст см.: Приложение 18.
[4] См.: Приложение 19.
[5] Речь. 1917. 13 июля.
[6] Милюков П.Н. Россия в плену у Циммервальда. Пг., 1917. С.9, 39.
[7] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.3211. Л.1-2.
[8] См.: Думова Н.Г. Из истории кадетской партии в 1917 году // Исторические записки. М., 1972. Т.90. С.128.
[9] Речь. 1917. 14 мая, 17 июня, 16, 20 июля, 14 августа, 5 сентября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ми поддерживать ту правительственную власть, которая таким долгим и мучительным путем вновь сконструировалась».[1] Прогрессист же А.А. Бубликов, бывший комиссар Временного комитета Государственной думы, характеризуя обстановку в России, негодовал: «Вылез из всех нор в русскую жизнь наглец и бесстыдник» и высказывал пожелание, чтобы новая власть была «сильной».[2]

Изучение архивных и других источников позволяет сделать вывод, что произошли существенные изменения в состоянии, позициях и роли крайне правых сил на политическом пространстве страны. Прежде всего, необходимо отметить, что они стали примыкать к Партии народной свободы. [3] Архивные источники свидетельствуют, что наибольший рост вступающих в ряды конституционных демократов землевладельцев наблюдается в мае-июне 1917 года, когда по России прокатилась волна крестьянских выступлений за немедленный раздел помещичьих земель.[4] В это же время установился непосредственный контакт между ЦК Партии народной свободы и правомонархическим Всероссийским союзом земельных собственников.[5] С другой стороны, продолжались многочисленные аресты высшего и среднего звеньев движения правых.[6]

Взгляды правых на вопросы власти были крайне противоречивы. В.В.Шульгин, раскрывая сущность коалиционного Временного правительства, не отрицал, что это орган буржуазии, но при этом добавлял, что это «представители той буржуазии, которые на общей демократической платформе условились отстаивать русскую свободу со всей демократией и в этой борьбе решили идти с демократией».[7] Более того, выражаясь от имени имущего класса, он сказал всем социалистам следующее: «Я знаю, что вы нас разденете. Но если этой ценой вы спасете Родину, раздевайте! Плакать не будем».[8] Часть правых предпочтительной для России формой правления называли монархию.[9] Правые обвиняли главных деятелей «великой русской революции» в том, что они совершенно не способны навести порядок, в исчезновении власти, в угрозе общественной безопасности. [10] По сообще-

---

[1] См.: Буржуазия и помещики в 1917 году. С.8.
[2] Там же. С.117.
[3] ВПНС. 1917. №6-7. С.5; Буржуазия и помещики в 1917 году. С.284.
[4] ГА РФ. Ф.1791. Оп.2. Д.155. Л.10, 11; Оп.6. Д.494. Л.28.
[5] См.: Думова Н. Кончилось ваше время... М., 1990. С.140.
[6] ГА РФ. Ф.1467. Оп.1. Д.859. Л.3, 93, 101-101 об., 152-153; Д.862. Л.12 об.; Падение... Т.4. С.123, 232; Союз русского народа. С.277, 432.
[7] Известия Временного комитета Государственной думы. 1917. 30 апреля; Буржуазия и помещики в 1917 году. С.15.
[8] Шульгин В. Опыт Ленина // Наш современник. 1997. №11. С.142.
[9] ГА РФ. Ф.588. Оп.1. Д.722А. Л.62 об.-63 об., 74-74 об.; Д.1133 Б. Л.152.
[10] Буржуазия и помещики в 1917 году. С. 125,126.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ниям либеральных газет, И.Г.Церетели получил письмо, в котором Совет черной точки постановил лишить его жизни. Этот же Совет признал деятельность Н.С. Чхеидзе вредной для государства и решил прекратить ее.[1]

Часть черносотенцев традиционно враждебно относилась к противоположному политическому флангу, но среди них уже намечалась и другая тенденция по отношению к большевикам, причем, порой, взаимная. Правые часто голосовали за списки большевиков на городских выборах, а по отношению к Временному правительству те и другие были практически едины.[2] Во взглядах на власть точки над «i» поставила «Маленькая газета»: «Пусть князь Львов уступит место председателя в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министерство победы. Колчак сумеет грозно поднять русское оружие над головой немца, и – кончится война. Настанет долгожданный мир».[3]

Отмена в марте 1917 года национальных ограничений, казалось бы, лишила национальный вопрос прежней остроты. Но уравнение евреев в правах с русскими привело черносотенцев в бешенство. Сокращение границ государства било по патриотическим чувствам части населения бывшей империи, а процесс частичной автономизации внутри страны – по шовинистическим. По аграрному вопросу черносотенцы довольно неопределенно высказывались, что русский крестьянин задыхается в новшествах и ищет свежего воздуха.[4]

В вопросах обороны страны, заключения демократического мира, боеспособности войск взгляды крайне правых также разделились. Одни, отмечая факт развала армии и флота, предсказывали России «Тевтонское ярмо», другие считали, что продолжать войну безумие и преступление, ставящие всю Россию на край пропасти.[5] По вопросу о наступлении мнения были более единодушными: посылать разложившуюся русскую армию против армии немецкой, не потерявшей дисциплины, - это означало бы ее истребление.[6]

С течением времени черносотенная агитация постепенно усиливалась. Ее объектами были все социальные слои. Не позднее 25 июня в Петрограде был учрежден союз «Святая Русь», преследовавший главную цель: сохранить Россию

---

[1] См.: Чхартишвили П.Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. №8. С.138.
[2] ГА РФ. Ф.588. Оп.1. Д.722А. Л.62 об.-63 об., 74-74 об.
[3] Маленькая газета. 1917. 10 июня.
[4] См.: Чхартишвили П.Ш. Указ. соч. С.137.
[5] Там же.
[6] Шульгин В. Опыт Ленина // Наш современник. 1997. №11. С.143; ГА РФ. Ф.117. Оп.1. Д.700. Л.22-24.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

единой и неделимой державой в пределах не меньших, чем до войны.[1] В целом, если судить по официальному названию и провозглашенным целям, этот союз был, скорее, шовинистической организацией, но пограничной с крайне правыми.

В общем и целом, для периода русской революции между двумя политическими кризисами характерны продолжение борьбы властей с представителями крайне правых организаций и активизация черносотенного движения с усиленной антисемитской окрашенностью волнений.

Развитие политических событий в стране неумолимо привело к очередному политическому кризису, первые симптомы которого со всей очевидностью проявились во время несостоявшейся демонстрации накануне 10 июня. В своем выступлении на заседании всех фракций Всероссийского съезда Советов И.Г. Церетели буквально выкрикивал: « То, что делают теперь большевики, это уже не идейная пропаганда, это заговор. Оружие критики сменяется критикой оружия. Пусть же извинят нас большевики, теперь мы перейдем к другим мерам борьбы.... Заговоров мы не допустим».[2] Сохраняя курс на захват власти, переход от «буржуазного к социалистическому» этапу революции, большевики взяли курс на использование военной силы.[3]

Но деятели Совета, несмотря на открытый вызов, брошенный им Лениным, проявили малодушие, проголосовав против И.Г. Церетели. Тем самым была упущена возможность объявить большевиков вне закона и лишить их мощного политического оружия – права утверждать, что они действуют от лица и в интересах Советов и против общего врага. Последующие события в Петрограде 3-4 июля подтвердили правоту И.Г.Церетели.

7 июля Председатель правительства и Министр внутренних дел князь Г.Е. Львов подал в отставку со всех правительственных постов,[4] хотя, в сущности, по воспоминаниям П.Н. Милюкова, исторически короткий срок существования первого коалиционного правительства вместил в себя значительное число важнейших событий.[5]

Июльский кризис явился своеобразной проверкой на прочность первого коалиционного Временного правительства. Его атаковали все и со всех направлений. В научно-исторической литературе сложилось несколько версий перманентных

---

[1] См.: Чхартишвили П.Ш. Указ. соч. С.138-139.
[2] Церетели И.Г. Воспоминания. Кн.2. С.19.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.32. С.331.
[4] Полнер Т.И. Жизнь и деятельность князя Г.Е. Львова. Париж, 1926. С.258.
[5] Милюков П.Н. Воспоминания. С.510.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

летних кризисов.[1] Диапазон их весьма широк. Большевистско-советская концепция рассматривает их как переплетение контрреволюционного заговора кадетов, эсеро-меньшевистских соглашателей, агентов Антанты и стихийного выступления революционных солдат, матросов и рабочих. Оппоненты большевизма полагали, что суть происходивших событий можно свести к неудачным попыткам ленинцев, направляемых германской стороной и стремившихся захватить власть в Петрограде при помощи вооруженных солдат и матросов. Каждая из этих версий подкреплена соответствующими документами и историческими фактами.

На наш взгляд, июльские события показали, что революция из стадии политической органично перетекала в стадию социальную. Все многочисленные противоречия, накопленные Россией к 1917 году, через поведение, требования, настроения, общественную активность различных слоев населения прорывались на поверхность, разрушая еще вчера единый фронт революционеров: одни из них звали к миру, другие – к решению аграрных проблем, третьи – национальных, четвертые – профессиональных и т.п. В свою очередь, каждый из крупных сегментов дробился на более мелкие. Российская революция демонстрировала одну из своих характерных особенностей – самодвижения и распада, вытекающих из сверхперегруженности ее разнообразными интересами и целями.

В массовом политическом сознании российского общества происходила перегруппировка, в основе которой лежало уже отношение к самой разворачивающейся революции. Большинство социально активной части населения, поддержавшей революцию на этапе свержения самодержавия, провозглашения демократических свобод, перерастало в большинство протестующих против подрыва устоев молодой неокрепшей демократии.

Массовое политическое сознание российского общества оказывало все возрастающее влияние на действующую армию как через представителей определенных социальных структур, проходящих действительную военную службу, так и особенно через маршевые подразделения и части.[2]

По отношению к власти генерал А.И. Деникин отмечает трагизм правительства и Совета. По его мнению, «толпа не шла за отвлеченными лозунгами. Толпа шла за реальными обещаниями тех людей, которые потворствовали ее инстинк-

---

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С.206-208; Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание в Петрограде. М, 1992; Спиридович А.И. История большевизма в России. Париж, 1922. С.328-344; Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993. С.314-357; Пайпс Р. Русская революция. Т.2. С.70-91 и др.

[2] См.: Россия в мировой войне 1914-1918 годов (в цифрах). С.20; РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.5. Л.43.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

там».[1] Росло недовольство лидерами Совета со стороны интеллигенции.[2] Однако состоявшаяся 18 июня по решению Всероссийского съезда Советов и исполкома Петроградского Совета массовая демонстрация на три четверти проходила под лозунгами «Вся власть Советам».[3]

По отношению к войне и миру, наряду со стандартными «война до победного конца», «мир без аннексий и контрибуций» и др., присутствовали и довольно глубокие рассуждения, что «продолжение войны для России абсолютно исключено, что выход из войны лежит не только в интересах русского народа, но и самих союзников, для которых разваливающаяся Россия будет не помощью, а все возрастающей обузой.»[4]

В кругах российской демократии укреплялась подспудная убежденность в повальном «сепаратизме» окраин, в связи с чем возникали многочисленные патриотические организации[5], в том числе и в действующей армии[6], иногда и с некоторой долей шовинизма.

С точки зрения влияния общества на массовое политическое сознание действующей армии представляется важным отношение крестьян, составлявших львиную долю армии, к происходящим в стране событиям. На Всероссийском крестьянском съезде обнаружилась масса любопытных моментов: во-первых, делегатов от армии на съезде оказалось больше, чем непосредственно из деревни; во-вторых, безраздельное господство на съезде эсеров; в-третьих, делегаты, по свидетельствам очевидцев, говорили с трибуны одно, а в кулуарах куда более пессимистично оценивали возможности постепенного решения аграрного вопроса и планомерного выхода из войны.[7] И, наконец, и это, вероятно, самое главное, крестьяне не только не выдвинули и не признали харизматического лидера, но даже не отождествили себя ни с одной из партий. Они с самого начала настороженно отнеслись ко всем партиям, даже эсерам.[8] Что касается основной массы крестьян, то они реагировали не на партии как таковые, а на выгодные им или соответственно интерпретированные лозунги.

---

[1] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.188-189.
[2] ГА РФ. Ф.6978. Оп.1. Д.298(4). Л.186 об.-187.
[3] См.: Наше Отечество. Ч.1. М., 1991. С.364.
[4] Социалистический вестник. 1949. №1/2. С.11.
[5] ГА РФ. Ф.6978. Оп.1. Д.271. Л.49; РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.12. Л.43.
[6] РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.233. Л.26.
[7] Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917-1918 годах). М., 1996. С.25-122.
[8] Янов В.В. Краткие воспоминания о пережитом // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930-е годы. М., 1989. С.16-17.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Вероятно, главным, что было в массовом политическом сознании крестьян к лету 1917 года, характеризует термин общинная революция.[1] Этим и определялось теперь их отношение к государственности, когда они даже не помышляли о радикальном переустройстве общероссийской власти,[2] а ждали своей власти и были уверены, что рано или поздно она должна прийти.

Несколько сместились акценты в понимании образа врага. Историк Б.И. Колоницкий, рассматривая массовое сознание времен революции, пишет, что через несколько месяцев после Февраля, ощущение «праздника революции», «чуда революции» сохраняли уже немногие. В то же время для многих выход из этой ситуации виделся на путях «углубления революции». Он указывал, что подобные настроения учитывались и использовались пропагандистами большевиков и их союзников. [3] Массовое сознание выделяло существенный рост влияния большевиков: «магнетическая сила ленинизма исходила из лозунга немедленного прекращения войны»,[4] «наступление было первой ступенькой к победе большевиков».[5] Июльский же кризис, по мнению А.Ф. Керенского, «большевистское восстание вместе с начавшимся стремительным отступлением наших войск в Галиции содействовало укреплению чувства патриотизма и сознания ответственности перед государством в самых широких народных слоях России.»[6]

За время правления первого коалиционного Временного правительства произошла существенная трансформация массового политического сознания действующей армии. Прежде всего, это относится к оценке властных структур. О заинтересованности, с какой армия относилась к вопросу о власти, говорят результаты коллективного опроса Исполнительным комитетом 46 армейского корпуса в июне 1917 года. Из 16239 военнослужащих, принимавших участие в опросе, 15769 высказались за демократическую республику, 414 за буржуазную республику, 33 – за конституционную монархию и только 13 человек не определили свою позицию.[7]

Архивные документы и другие источники опровергают мнение А.И.Деникина, что если в начале революции армия была на стороне правительства,[8] то к образованию коалиционного правительства «народ и армия отнеслись со-

---

[1] Булдаков В.П. Указ. соч. С.105.
[2] См.: Осипова Т.В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
[3] Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. С.201-202.
[4] Социалистический вестник. 1954. №1. С.14.
[5] Там же. С.13.
[6] Цит. по: Октябрьский переворот. С.236.
[7] ГА РФ. Ф.1791. Оп.6. Д.220. Л.88.
[8] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.189.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вершенно равнодушно.» [1] Солдатская масса в целом благожелательно относилась к коалиционному правительству, о чем свидетельствуют многочисленные резолюции армейских комитетов. [2] Порой реакция солдат была прямо противоположна ожидаемой. Нередко отмечались случаи, когда нижние чины, воодушевленные «революционной присягой», самовольно производили аресты офицеров под лозунгом «защиты нового правительства от реакции».[3] Как свидетельствуют архивные документы, армия поддержала и «Заем Свободы». [4] Формой правления большинство армии хотели видеть республику, но без президента.[5] Отношение к правительству ухудшилось в связи с провалом наступления. Так, все комитеты 169 пехотной дивизии постановили выразить недоверие Временному правительству и считать наступление «изменой революции».[6]

Кризисы власти, как правило, резко обостряли обстановку в армии. Так, в связи с июльским кризисом по Юго-Западному фронту стали гулять слухи: Временное правительство арестовано полностью; арестовано только частично; некоторые его члены убиты толпой.[7] Идея насильственного выхода из непонятного хаоса становилась все более расхожей. Если ненависть к старому режиму была устойчивым фактором, то к новой власти стало превалировать отношение амбивалентное, переraставшее из полудоверия в убеждение в «предательстве».[8] Закончилось это все ненавистью к мистическим «министрам-капиталистам» и персонально к болтливому Керенскому.[9] Идеологию выступлений не только против правительства, но и Петроградского Совета, «подкупленного буржуазией»,[10] распространяло пополнение.[11]

Солдаты начинают мечтать о «своей» власти. Характерны предложения мая 1917 года о созыве Всероссийского фронтового съезда в Кронштадте, а затем и о передаче всей власти Советам.[12] Но основным раздражителем были слухи о нехватке хлеба в деревне и о нежелании властей думать об обещанном Петроград-

---

[1] Там же. С.191.
[2] См., напр.: РГВИА. Ф.2134. Оп.6. Д.3. Л.4 об.; Ф.2067. Оп.1. Д.3799. Л.214; Ф.366. Оп.1. Д.31. Л.26 об; Ф.4. Оп.2. Д.68. Л.158.
[3] РГВИА. Ф.4. Оп.2. Д.68. Л.158 об.
[4] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.141. Л.18; РГВИА. Ф.2695. Оп.1. Д.6. Л.67.
[5] См.: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.71.
[6] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.431.
[7] Армейский вестник. 1917. 7 июля.
[8] Солдатские письма 1917 года. С.57-59, 66-67, 70, 71, 81, 85, 88, 92, 95, 101, 108, 114.
[9] Там же. С.93, 96, 109.
[10] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.66. Л.57 об.
[11] См.: РГВИА. Ф.2067. Оп.3. Д.56. Л.7 об.-14 об.
[12] Солдатские письма 1917 года. С.65, 75.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ским Советом мире, что порождало массовые угрозы в различные сроки покинуть фронт с оружием в руках, чтобы переколоть всех, кто выступает за продолжение войны.[1] Правда, в ответ на такие мысли звучали замечания «Расея без власти сирота». При этом солдаты не забывали: «Были бы бока, а палка найдется...».[2] То есть даже вооруженные бесконтрольные массы еще признавали за непременностью власти естественное право на репрессивность.

Значительно ухудшились отношения офицерского состава и Временного правительства. Керенский от лица власти упрекал офицерский состав в нерешительности в использовании дисциплинарных полномочий,[3] обвинял их в удовлетворении тем, что наступление выдохлось.[4] Русское офицерство же очутилось в трагическом одиночестве.[5] В силу этих причин офицерский состав стал враждебно относиться к Временному правительству.[6] В разгар боевых действий в телеграмме А.Ф. Керенскому офицер 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады штабс-капитан Симонов, обвинив Временное правительство и своего адресата в том, что они превратили армию в толпу взбунтовавшихся рабов, опасную для России, призвал немедленно прекратить опыты над ней: «Армия может быть только русской, никакой революционной армии быть не должно. Армия вне политики. Кто думает иначе, тот не понимает смысла существования Вооруженных Сил в государстве».[7] Очень своеобразно относился к демократическим преобразованиям в армии высший командный состав, что хорошо иллюстрирует таблица, приводимая А.И. Деникиным.[8]

Перед офицерским составом встала дилемма: «идти с Керенским (не личность, а система) и ломать собственными руками то здание, которое строили всю свою жизнь, они не могли. Уйти и, следовательно, перед лицом стоящего на русской земле врага и перед своею собственной совестью стать дезертирами – они также не могли».[9] Более того, по воспоминаниям П.Д.Долгорукова, «на психику офицеров удручающе действовала мысль: умирать за кого, за Керенского? А они его презирали и ненавидели».[10] Главное, что офицерство просило и требовало –

---

[1] Там же. С.72-73, 78, 82-84, 86, 92-93, 106, 115-116, 120-121, 123-125.
[2] Веселый А. Россия, кровью умытая. М., 1990. С.22.
[3] См.: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1991. №1. С.178.
[4] Там же. С.184.
[5] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С. 349,367,369, 394.
[6] Там же. С.368, 435.
[7] РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.17. Л.209-210.
[8] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.261.
[9] Там же. С.407.
[10] Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С.51.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

власти над собой и над армией.[1] И в офицерском корпусе, значительной его части, начинает вызревать мысль о диктатуре, но не реакции и контрреволюции, а о сильной, национальной демократической власти.[2] И только после событий 3-4 июля поддержка правительства со стороны действующей армии усилилась.[3]

Отношение офицерского состава к Советам было пока еще в целом доброжелательное.[4] Начальник Генерального Штаба П.И. Аверьянов объяснял эту ситуацию тем, что «...с лицами из Совета рабочих и солдатских депутатов сговориться можно».[5] Однако тревожные симптомы уже раздавались.[6] Так, солдаты и офицеры 3-го авиационного дивизиона вынесли резолюцию, в которой заостряли внимание на том, что «усилия Совета рабочих и солдатских депутатов разрешить мировой конфликт с помощью демократии всех воюющих стран не дали никаких результатов».[7]

Массовое политическое сознание действующей армии изменилось и по отношению к политическим партиям. Анализ источников дает возможность полагать, что наибольшей популярностью пользовались социалистические партии.[8] Но если в апреле, в связи с нотой Временного правительства, солдаты и некоторая часть офицеров протестовали «против лиц, называвших себя социалистами», считали их «изменниками и предателями общему народному делу»,[9] то после вступления меньшевиков и эсеров в состав коалиционного кабинета, они выражали социалистам недоверие, требуя от них «выйти из состава правительства» или перестать себя именовать ими.[10]

Самой популярной среди личного состава действующей армии по-прежнему была партия эсеров.[11] По воспоминаниям В.И. Гурко, штабные офицеры военного министерства пришли к заключению, что им следует всем in corpore записаться в члены партии социалистов-революционеров. От этого решения отказались лишь после того, как одним из собравшихся было резонно заявлено, что в искренность такого массового перехода никто не поверит и потому выгоды им не составит.[12]

---

[1] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.365.
[2] См.: Там же. С.192.
[3] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.38. Л.4-200.
[4] Дело народа. 1917. 14 мая.
[5] Цит. по: Зайончковский А.М. Указ. соч. Прил. №6. С.147.
[6] ГА РФ. Ф.6978. Оп.1.Д.297. Л.251-251 об.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.40.
[8] Войсковые комитеты действующей армии. С.142.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.21.
[10] РГВИА. Ф.2015. Оп.1. Д.7. Л.21.
[11] Красный архив. 1932. №12. С.208.
[12] См.: А.Р.Р. Т.15. С.9.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Наиболее полярной и ожесточенной была позиция армии по отношению к большевикам. Если в 538 Медынском полку раздавались голоса «о назначении военным министром Ленина»,[1] то в сознании подавляющего большинства солдат темные силы выступали в «виде ленинцев и большевиков»,[2] Ленина – дезертира – идейца, сеющего смуту и вред армии.[3] Армия делала вывод, что эти люди «живут вне времени и пространства или по недомыслию, или по злой воле наносят нашей молодой свободе и нашей многострадальной родине непоправимый страшный вред».[4] После неудачного наступления Ленина, который «раньше был жид», обвинили в том, что он «показал германцу, где у нас войска стоит мало», из-за чего противник «прорвал у нас фронт и пришлось назад отступать».[5] По наблюдениям Н. Суханова, слово «большевик» уже стало синонимом всякого негодяя, убийцы, христопродавца, которого каждый должен ловить, тащить и бить.[6]

Действующая армия предлагала различные способы борьбы с большевизмом. Комитеты требовали «немедленного прекращения провокаций с их стороны»,[7] армия обращалась к Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов с просьбой принять самые энергичные меры «для пресечения предательской пропаганды Ленина и его сторонников».[8] Командование армии считало, что «идейный период борьбы с большевиками кончен. Они перешли от слов к делу, нужно дать им отпор совокупностью всех политических партий во имя спасения родины и добытой свободы от злой силы, толкающей темную массу на грабежи, убийства и всякие насилия. Пора назвать вещи своим именем и подсечь зло в корне. Правильно назвать – правильно понимать».[9] Штаб-ротмистр 5-го Заамурского конного полка предложил даже сформировать партизанский отряд с задачей «бороться словом и примером с пропагандой большевизма и братанием».[10] Поэтому совершенно очевидно, по наблюдениям Л.Д. Троцкого, «передать власть большевистской партии армия далеко еще не была готова».[11]

---

[1] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.541. Л.13.
[2] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.19. Л.176.
[3] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.59. Л.93 об; РГВИА. Ф.2118. Оп.1. Д.859. Л.16; Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.35.
[4] РГВИА. Ф.1300. Оп.1. Д.135. Л.9.
[5] РГВИА. Ф.2139. Оп.1. Д.1672. Л.808.
[6] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.353.
[7] ГА РФ. Ф.1779. Оп.2. Д.571. Л.7.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.107.
[9] Революционное движение в русской армии. С.171.
[10] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1762. Л.126.
[11] Троцкий Л. История русской революции. Т.2. С.88.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Оглушенная потоком непонятных, странных, но наводящих на большие и неожиданные думы лозунгов, программ, воззваний, речей, раздававшихся повсюду,[1] действующая армия и ее массовое политическое сознание медленно, но неуклонно склонялось к окончанию войны и заключению мира.[2] Военному министру докладывали, что некоторые части 2-го Сибирского корпуса на Северном фронте находятся в фактическом перемирии с противником.[3]

О том, что «общее настроение армии – мир во что бы то ни стало» неоднократно выделялось в выводах армейского командования.[4] Солдаты говорили, на что мне тогда свобода, когда меня убьют, мне нужно теперь мир и свобода,[5] зачем нам Дарданеллы, у нас и своей земли довольно,[6] а если наложат контрибуцию, то разложим ее по душам и я скорее готов заплатить 100 рублей и остаться в живых.[7] Под вопросом впервые оказалось единство российского военного сословия.[8] О значительном снижении стремления воевать до победного конца свидетельствует анализ 100 резолюций войсковых частей, полученных в бюро печати при Ставке за период с 30 апреля по 10 мая 1917 года: только 29 были направлены на поддержку войны до победного конца, 50 – за мир без аннексий и контрибуций.[9]

Анализ источников позволяет выделить мотивы начавшегося повального стремления к миру. Прежде всего, необходимо отметить, что разрушительная для страны и армии идея немедленного мира была сильна не только потому, что играла на шкурных интересах, освобождала от лишений и смерти, - в ней таилась глубокая вековечная правда. Довольно крови.[10] Другим не менее важным мотивом было то, что стремление к «черному переделу» земли все более усиливалось.[11] Дело доходило до того, что в ряде армий солдатские комитеты приняли решения от-

---

[1] См.: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.95.
[2] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.338; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1577. Л.3; Ф.2067. Оп.1. Д.3863. Л.703; Ф.2134. Оп.1. Д.1349. Л.657 ;РГАСПИ. Ф.70. Оп.3. Д.779. Л.4 об.и др.
[3] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.17. Л.8.
[4] См.: Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч.7. С.151; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.306; ГА РФ. Ф.1244. Оп.2. Д.37. Л.36 об.и др.
[5] См.: Солдатские письма 1917 года. С.84.
[6] См.: Завадский С.В. На великом изломе // А.Р.Р. Т.11. С.35.
[7] См.: Плеханова Р.М. Год на Родине // Диалог. 1991. №10. С.83.
[8] См.: Уткин А.И. Первая мировая война. С.392.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1492. Л.146-147.
[10] Верховский А.И. Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. 1993. №7. С.60; Станкевич В.Б. Воспоминания. С.84-85.
[11] Брусилов А.А. Воспоминания. С.233; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.207; Россия 1917. От Февраля к Октябрю глазами французов // Вопросы истории. 1998. №1. С.7.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

правлять в отпуска по 100 человек из каждого пехотного полка и всех старослужащих на время полевых работ.[1]

В мотивации солдатской массы на второй план все более уходили интересы Родины и ее будущее, и выдвигалось желание сохранить свою жизнь, чувство самосохранения, что ранее «сдерживалось примером исполнения долга, проблесками национального самосознания, стыдом, страхом и принуждением».[2]

И все же значительная часть действующей армии была готова воевать до победы. [3] В сводке отчетов по цензуре VII армии отмечается, что агитация за мир во что бы то ни стало ближе к лету уже не имеет успеха,[4] за продолжение войны до победного конца высказался Совет солдатских депутатов IX армии.[5] На позициях продолжения войны «во что бы то ни стало» стояло подавляющее большинство офицерского состава.[6] Эти же взгляды исповедовало казачество. [7] Представители армейского эволюционного социализма заявляли, что не верили и не верят в немедленную политическую революцию в Германии и поэтому защищать наше вольное государство – первый долг чести трудового народа.[8]

Значительное число армейских комитетов выступило против сепаратного мира,[9] который должен быть заключен соглашением демократий всех воюющих стран,[10] а съезд II армии высказался за желательность издания агитационных листков на немецком языке для распространения их на неприятельском фронте, особенно о целях войны.[11]

Показательными являются и опросы солдат в кавалерийских и артиллерийских частях, наименее подверженных разложению, проводимых офицерами. Они считали себя участниками войны, хотели бы ее продолжать и не разделяют умонастроений пехоты.[12] Поэтому не случайно многие объединения, в частности, армейский съезд V армии,[13] армейский комитет XI армии[1] в своих резолюциях призыва-

---

[1] РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.1184. Л.49 об.; Д.1486. Л.2; Ф.2048. Оп.1. Д.904. Л.44; Ф.2067. Оп.1. Д.2932. Л.1145; Д.2934. Л.117; Д.3845. Л.265; Д.3856. Л.289 об.; Д.3863. Л.585. Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. Т.2. 1927. С.87; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С.285.
[2] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.330,345; Горький М. Несвоевременные мысли. С.36; ГА РФ. Ф.5827. Оп.1. Д.15. Л.1 об.; Л.6; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1780. Л.93;
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.3 об; Ф.2134. Оп.6. Д.3. Л.4 об.
[4] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.3863. Л.703.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.43 об.
[6] РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.303. Л.55.
[7] Правда. 1917. 6 мая.
[8] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.1032. Л.287-288.
[9] Напр.: РГВИА. Ф.2134. Оп.6. Д.3. Л.4 об.; Ф.2118. Оп.1. Д.859. Л.3 об.
[10] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.61.
[11] См.: Войсковые комитеты действующей армии. С.142.
[12] Россия 1917. От Февраля к Октябрю глазами французов // Вопросы истории. 1998. №1. С.7-8.
[13] РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.141. Л.37.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ли принять действенные меры к усилению боевой мощи русской революционной армии. Незначительная часть армии стремилась занять компромиссную позицию. Выступая за немедленное прекращение человеческой бойни, солдаты в случае наступления противника были готовы выступить для защиты свободы и родины.[2]

Изменения массового политического сознания по отношению к войне затронули и проблемы братания, что среди всей массы эксцессов, по мнению командования, было «самым важным, так как, с одной стороны, оно служит проявлением наивысшей деморализации войск, а с другой стороны, сильнее всего подрывает основы боеспособности и дисциплины».[3] Несмотря на то, что часть общих собраний частей и подразделений предлагали использовать братание для революционной пропаганды в неприятельских армиях,[4] М. Френкин описывает случай, явно не единичный, когда один из участников братания, унтер-офицер 751-го пехотного полка в начале мая 1917 года передал противнику схему расположения огневых позиций артиллерии своей позиции, что было высоко оценено вражеским командованием.[5]

Ставка вводила себя в заблуждение, считая, что в мае 1917 года братание с противником «несколько уменьшилось, но далеко не вывелось».[6] Хотя многие армейские комитеты в специальных резолюциях высказывались против братания, [7] предлагали бороться с братанием всеми доступными средствами, вплоть до предания братающихся суду как изменников[8] и даже принимали решение открывать по братающимся огонь,[9] количество вступавших в переговоры с противником на Юго-Западном фронте за май 1917 года увеличилось со 165 до 240,[10] а за этот же период разведотделы III и VII австро-венгерских армий осуществили 285 контактов с русскими «братальщиками».[11]

В действующей армии, как и в обществе в целом, продолжали нагнетаться антибуржуазные настроения, отношение к «буржуям» на фронте и в тылу ухудша-

---

[1] РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.133. Л.13.
[2] См.: Революционное движение в русской армии. С.164; Церетели И.Г. Воспоминания. Кн.2. С.32.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1507. Л.72; Бурский П.Л. Братание с врагом. М., 1917. С.14-15.
[4] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.330.
[5] См.: Френкин М. Указ. соч. С.266.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.530. Л.103.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.12, 34, 43, 61, 65; Ф.2148. Оп.5. Д.9. Л.3 об.; ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.40. Л.3 и др.
[8] См.: Войсковые комитеты действующей армии. С.117.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.44.
[10] Ткачук А.Г. Указ. соч. С.206-207.
[11] См.: Френкин М. Указ. соч. С.266.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лось с каждым днем.[1] За счет «буржуев» воюющих стран предполагалось и восстановление пострадавших областей.[2]

На антибуржуазную составляющую массового сознания начал накладываться образ темных сил, «врагов народа», заимствованного из эпохи Французской революции. Образ политического врага у солдат ассоциировался с офицерами, от которых нужно ждать величайших опасностей для народа и в «каждом шаге видеть попытку к контрреволюции».[3] Все говорило о том, что «произошел почти совершенный разрыв между офицерами и солдатами на почве политического недоверия к офицерам»,[4] и офицеры были «бессильны изменить стихийную психологию солдатской массы».[5]

Все большее влияние на массовое политическое сознание действующей армии оказывали национальные проблемы. Народы России жаждали доверия со стороны верховной власти.[6] К числу мотивов создания национальных формирований выдвигались и такие, как усиление обороны и пресечение дезертирства.[7] Конечно же, ничего подобного не происходило, и немногие солдаты-идеалисты скоро потонули в массе воспользовавшихся национальной идеей шкурников и дезертиров.[8] Со временем «национализация» уже стала перерастать в психоз.[9] «Украинизация» была способом саботирования приказов, особенно о выступлении на боевые позиции. Анализ источников позволяет заключить, что формы его были самыми разнообразными.[10] Солдаты по-разному, но неуклонно наглели, что дало основания В. Булдакову прийти к выводу о складывании в массовом сознании «национального большевизма» или «большевизма в национальном вопросе».[11] И все же массовое сознание действующей армии крайне отрицательно относилось к созданию нацио-

---

[1] ГА РФ. Ф.5868. Оп.1. Д.1. Л.1; РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.3863. Л.589; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.338.
[2] См.: Войсковые комитеты действующей армии. С.50.
[3] Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №5. С.85; Разложение армии в 1917 году. С.31.
[4] Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №4. С.41.
[5] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.434.
[6] Известия Всероссийского съезда крестьянских депутатов. 1917. 16 мая.
[7] ГА РФ. Ф.555. Оп.1. Д.236. Л.2-2 об.; Ф.6978. Оп.1. Д.271. Л.44-45.
[8] РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.233. Л.3, 116; ГА РФ. Ф.1778. Оп.1. Д.102. Л.272; В дни революции. С.97.
[9] См., например: РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.60. Л.12 об.,Л.13 об., 19; ; Оп.2. Д.233. Л.91, 93 об; Станкевич В.Б. Воспоминания. С.76.
[10] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.60. Л.12, 13; Оп.2. Д.233. Л.77-78; Оп.1. Д.93. Л.17; Оп.2. Д.41. Л.25; Д.233. Л.21, 109-111.
[11] Булдаков В. Красная смута. С.144.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

нальных формирований в армии, требуя не дать «возможности украинским провокаторам сделать разъединение между родными братьями».[1]

Существенным показателем массового политического сознания действующей армии и ее состояния была позиция, которую она заняла по отношению к наступлению. Характеризуя состояние действующей армии, потерявшей к этому времени всякую боеспособность,[2] комиссар Временного правительства В.Б. Станкевич констатировал, что «у нас была не армия, а лишь вооруженная толпа.» [3] Еще более резок и категоричен в оценке состояния армии был Л.Н. Новосильцев: «Армии уже не существовало. Была своевольная, митингующая и политизирующая банда».[4] Все распоряжения, даже Совета солдатских депутатов, кроме тех, которые имели выгодное реальное прикладное значение в их повседневной жизни,[5] были гласом вопиющего в пустыне, так как «масса и с постановлениями своих избранников считалась «постольку, поскольку» они не нарушали непосредственных интересов самой массы».[6]

Такое положение было не всегда.[7] Сейчас же дело доходило до того, что положение офицеров и солдат, верных долгу, становилось просто невыносимым и породило даже новую форму дезертирства – в окопы.[8] По мысли А.И.Верховского, «армии такого настроения либо распускаются, либо заливаются кровью. Распустить армию нельзя, так как заменить ее нечем, а залить кровью, сил нет. Третьего выхода нет и оздоровления нет, мы должны дотянуть с этой армией до мира».[9]

Массовое политическое сознание действующей армии представляло собой результат чудовищного конфликта между долгом и жертвенностью во имя спасения Родины и почти непреодолимого желания бросить оружие и бежать из окопов.[10] Многие части и соединения высказали готовность наступать или наступать с оговорками. [11] С большим удивлением был встречен солдатами прибывший на по-

---

[1] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.59. Л.9; РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.94 об; Ф.2067. Оп.1. Д.3799. Л. 578;608; Оп.3. Д.1. Л.54; Войсковые комитеты действующей армии. С.159.
[2] См.: Эйдеман Р.П., Меликов В. Армия в 1917 году. М.-Л., 1927. С.14.
[3] Народ и армия: Сборник военно-политических статей. Пг., 1918. С.67-68.
[4] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.5. Л.96.
[5] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.353.
[6] Оберучев К.М. Воспоминания. Нью-Йорк, 1930. С.190.
[7] Родина. 1997. №11. С.34.
[8] РГВИА. Ф.366. ОП.1. Д.66. Л.58.
[9] Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №4. С.41.
[10] См.: Керенский А.Ф. Указ. соч. // Вопросы истории. 1991. №1. С.179.
[11] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.583. Л.32, Д.26. Л.96-97; Ф.2106. Оп.1. Д.76. Л.5-6 об.; Ф.2620. Оп.2. Д.68. Л.271;Известия армейского исполнительного комитета 5-й армии. 1917. 2 июня; Известия выборных особой армии. 1917. №40-48; Известия армейского комитета 9-й армии. 1917. 26 мая ; Октябрьский переворот… С.201.и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

зиции первый женский «батальон смерти.[1] И все же анализ источников показывает, что лейтмотивом даже такого состояния массового политического сознания части действующей армии было больше желания «не посягать на жизнь товарищей, уже перешедших в наступление, а потому оказывать им поддержку»[2] или «занять траншеи австрийцев, чтобы половина полка пошла в отпуск домой на две недели».[3]

Большая же часть армии стремилась к миру и покою,[4] в бой более не рвалась,[5] идея наступления в армии была «крайне непопулярной»,[6] в сознании многих солдат утвердилась очевидность бесполезности наступления,[7] разговоры шли лишь об обороне.[8] Солдаты мотивировали это нежеланием калечиться[9], жаркой погодой[10], желанием отдыха[11] и др. Наблюдались и более серьезные эксцессы. Так, в сводке донесений с 6 по 21 мая только по трем фронтам (Северному, Юго-Западному и Румынскому) отмечался прямой отказ от повиновения командованию одного корпуса, двух дивизий и шести полков.[12] Подобного рода эксцессы наблюдались и на других фронтах. [13] По мере приближения к наступлению противодействие солдат командованию усилилось. [14] Целые полки, дивизии, даже корпуса отказывались от производства подготовительных работ, от выдвижения в первую линию. [15] Накануне наступления «приходилось назначать крупные военные экспедиции для вооруженного усмирения частей, предательски забывших свой долг».[16]

Большая часть офицерского состава восприняла известие о наступлении с воодушевлением. Резолюция офицерского съезда видела в нем «залог победы». [17] Однако многие высшие офицеры считали наступление «авантюрой»,[18] в результате

---

[1] См.: Искры. 1917. №27.
[2] Войсковые комитеты действующей армии. С.204.
[3] См.: Волкогонов Д.А. Ленин. Кн.1. С.256.
[4] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.362.
[5] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.2. С.226.
[6] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.245.
[7] РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.803. Л.499.
[8] Разложение армии в 1917 году. С.56; Керенский А.Ф. Указ. соч. // Вопросы истории. 1991. №1. С.178.
[9] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.304-305.
[10] См.: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.81.
[11] См.: Брусилов А.А. Указ. соч. С.227.
[12] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.17. Л.5-12; Оберучев К.В. В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917 года. Нью-Йорк, 1919. С.104.
[13] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.92. Л.49-53; Ф.2142. Оп.1. Д.2. Л.93; ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.27. Л.15-17.
[14] См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. С.693; Революционное движение в России в мае-июне 1917 года. С.383.
[15] См.: Гапоненко Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 год). М., 1953. С.52.
[16] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.284.
[17] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.2. С.203.; Дело народа. 1917. 27 мая.
[18] Golovin N.N. Op. cit. P.265; A.P.P. T.1. C.98-99.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

которой «будут перебиты лучшие части офицерства и солдат»,[1] или предлагали отсрочить наступление ввиду нежелания солдат наступать.[2] Перед наступлением вынуждены были уйти около 60 начальников от командира корпуса до командира полка.[3]

С таким настроением и в таком состоянии действующая армия все же пошла в наступление. Анализ документов позволяет сделать вывод, что наступление было заранее обречено на провал. Усилия начальников и комитетов «побудить к исполнению приказов были бесплодны».[4] Взяв сначала окопы противника, войска самовольно на другой же день вернулись назад, объявив, что «так как аннексий и контрибуций требовать нельзя, и война до победного конца недопустима, то они и возвращаются на свои старые позиции».[5]

По данным генерала М.В. Алексеева в одном из полков, несмотря на подавляющий перевес в числе штыков и материальных средств российской армии,[6] в атаку пошли 28 офицеров – свыше половины всего полка, 20 – унтер-офицеров – 1/16 часть полка и два солдата – 1/1120 полка.[7] А.И.Верховский вспоминает и о других аналогичных случаях.[8] Инстинкт самосохранения ярко проявился и в характере ранений, полученных в наступлении. По свидетельству А.И. Деникина, 10% было тяжелораненых, 30% - в пальцы и кисти рук, 40% прочих легкораненых, с которых повязок на пунктах не снимали (вероятно, много симулянтов) и 20% контуженных и больных.[9] В наступлении трусость и недисциплинированность отдельных частей дошла до того, что начальствующие лица вынуждены были просить нашу артиллерию не стрелять, так как стрельбой своих орудий она вызывала панику среди солдат.[10]

По выводам А.А. Керсновского, командование знало, что атаковали только те, кто еще хотел рисковать жизнью за Родину, что лучшие из них погибли, что огромное взбаламученное море войск в любой момент готово выйти из повиновения и фронт держится лишь тонкой цепочкой частей, оставшихся верными долгу.[11]

---

[1] Изгоев А.С. Пять лет в советской России // А.Р.Р. Т.10. С.16.
[2] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.38. Л.28-31.
[3] См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.159.
[4] Русское слово. 1917. 8 июля.
[5] Брусилов А.А. Воспоминания. С.227.
[6] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.434-435.
[7] ГА РФ. Ф.3529. Оп.1. Д.3. Л.8.
[8] См.: Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №7. С.61, 62.
[9] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.434.
[10] См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.160.
[11] См.: Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.286.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

После наступления, Тарнопольского прорыва и гибели лучших, армия была парализована, представляла собой неустойчивые толпы, которые должны были побежать от первого же нажима неприятеля.[1] И побежала с фронта в глубокий тыл, сметая на своем пути всякую государственность и всякую культуру.[2] Остановить этот процесс можно было только массовой волной репрессий, на которые у власти не находилось сил.

По мнению А.И. Деникина, на солдат трагедия наступления, несомненно, произвела несколько отрезвляющее впечатление: появились стыд и страх. [3] Это был второй момент в жизни армии (первый – в начале марта), который, будучи немедленно и надлежаще использован, мог стать поворотным пунктом в истории русской революции.[4] Более глубокий и объективный анализ состояния массового политического сознания действующей армии дал Н.Н. Головин. [5] С ним во многом был согласен командир дивизии генерал барон А. Будберг. [6] Это все давало весомые аргументы утверждать, что главный противник не за колючей проволокой немецких окопов, а в Зимнем дворце.

Таким образом, летом была пройдена критическая точка развития революции. Теперь открывалась возможная перспектива стабилизация власти на основе соглашения ведущих политических сил, проведения демократических выборов и созыва Учредительного собрания, уточнения, опираясь на решения Собрания, параметров нового общественного строя России.

После июньского кризиса страна по-прежнему находилась в тяжелом военном положении, но ее руководство продолжало вести курс на войну до победного конца, ибо силы противника тоже были на исходе.[7] Внутреннее положение страны Временный комитет Государственной думы охарактеризовал как «близкое к катастрофе». [8] 24 июля была сделана попытка разрешения кризиса созданием второго коалиционного Временного правительства, которое было сформировано на основе широкой коалиции от радикальных демократов (бывшие прогрессисты) до мень-

---

[1] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.129.
[2] Керенский А.Ф. Издалека. Сб. статей (1920-1921 гг.). Париж, 1922. С.72; Булдаков В. Красная смута. С.129; Якупов Н.М. Революция и мир. (Солдатские массы против империалистической войны. Март 1917 – март 1918 года). М., 1980. С.98.
[3] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.425; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.65. Л.280.
[4] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.425-426.
[5] См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.134.
[6] Дневник барона Алексея Будберга // А.Р.Р. Т.11. С.198.
[7] Чернин О. В дни мировой войны: мемуары. М.-Пг., 1923. С.158.
[8] Цит. по: Гайда А.Ф. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. №2. С.40.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

шевиков и эсеров. Сущность режима, установившегося после кризиса, можно определить как правоцентристская демократическая диктатура.

На основании анализа документов прослеживается тенденция, как А.Ф. Керенский устранял преграды на своем пути, добивался права составлять правительство по личному выбору и контролировать его деятельность. [1] Контуры концепции «демократической диктатуры» просматривались уже в «Декларации Временного правительства» от 8 июля.[2] Из этой же череды событий и назначение 19 июля Верховным главнокомандующим вместо генерала А.А. Брусилова генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова, который свое согласие обусловил определенными условиями,[3] которые с большим раздражением А.Ф. Керенский принял. [4] Но вплоть до окончательного разрыва с Керенским, «неповиновение» Корнилова относилось к Совету, но не к правительству.

Невозможность реальной работы, представительства и осознание собственной слабости привели к тому, что по инициативе частных совещаний, на их базе и под председательством М.В. Родзянко после Московского Совещания 8-10 августа создается Совет общественных деятелей, из 34 членов которого 7 являлись членами Временного комитета Государственной думы.[5] Он и принимает из рук призрачной Государственной думы ее политический курс. [6]

По мнению А.Ф. Керенского, июльские события «способствовали укреплению чувства патриотизма и сознания ответственности перед государством в самых широких слоях России»,[7] однако созыв Учредительного собрания, назначенный на 30 сентября, пришлось отложить. Для того, чтобы «нащупать волевой пульс страны»,[8] найти новую опору для укрепления власти, Временное правительство 12 августа созвало в Москве Всероссийское Государственное совещание, на котором были обсуждены меры по оздоровлению страны, устраивающие и революционную демократию, и демократические круги буржуазии.

Однако запланированного единения не получилось, наоборот, совещание выявило глубокие различия во взглядах его участников на перспективы и содержание революции. Четко обозначилась группа, жаждавшая сильной твердой централизо-

---

[1] Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 1995. С.221.
[2] См.: История России XX век. М., 1997. С.163.
[3] См.: Мартынов Е.И. Корнилов: попытка военного переворота. Л., 1927. С.33-34.
[4] Керенский А. Дело Корнилова. Екатеринослав, 1918. С.20-21; Мартынов Е.И. Корнилов... С.36.
[5] Отчет о Московском Совещании общественных деятелей 8-10 августа 1917 года. М., 1917. С.134-135; Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.3. С.58; Шидловский С.И. Указ. соч. С.148.
[6] А.Р.Р. Т.15. С.8.
[7] Керенский А.Ф. Последние дни и выступление генерала Корнилова // Октябрьский переворот. С.236.
[8] Там же. С.243.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ванной власти, порядка в тылу и на фронте, дисциплины, защиты интересов бюрократии и собственности. Эта часть общества была готова ограничиться «малой революцией» во имя высших интересов государства и народа, сплачиваясь вокруг идеи стабилизации, законности, порядка.[1] В глазах своих вчерашних союзников они превращались в контрреволюционеров.

Менее определенной была программа центристской «революционной демократии», ориентированной на требования средних слоев, но не решавшихся настаивать на их реализации вплоть до созыва Учредительного собрания и окончания войны. На давление масс снизу они отвечали усилением исполнительской власти (через институт комиссаров), применением карательных мер против нарушителей законности, расширением полномочий правительства и его главы. К ним приходило понимание, что путь к демократии лежит через временное и широкое использование элементов авторитаризма. В леворадикальных элементах они видели главную опасность для страны.[2]

Третью группу участников Государственного совещания составляли представители леворадикальных партий. Двойственность их положения заключалась в том, что своим присутствием они фактически освящали процесс стабилизации демократической власти. Однако своими программными установками, тактическими целями они должны были раскачивать властный «корабль». И все же, несмотря на крупные разногласия, многоликость, многоцветие революции, события не перерастали еще в стадию открытого размежевания и противоборства основных революционных отрядов.

На совещании исключительно большое внимание было уделено армии. Глубокий анализ ее состояния дал генерал М.В. Алексеев. Он считал, что «армия превратилась в какой-то общий агитационный лагерь».[3] Генерал М.В. Алексеев особо подчеркнул, что «истинная военная дисциплина для всех носящих военный мундир должна поглотить собой дисциплину партий и групп, а сейчас партийная дисциплина съела дисциплину воинскую».[4]

С мнением М.В. Алексеева, что армия должна быть вне политики, были солидарны многие участники Совещания. [5] Если генерал Н.Н. Куропаткин в целом

---

[1] Государственное совещание. Стенографический отчет. М.-Л., 1930. С.117.
[2] ГА РФ. Ф.3529. Оп.1. Д.2. Л.76.
[3] ГА РФ. Ф.3529. Оп.1. Д.3. Л.5., С.7; РГВИА. Ф.55. Оп.5. Д.1. Л.87.
[4] ГА РФ. Ф.3529. Оп.1. Д.3. Л.10.
[5] Там же. Д.2. Л.41; Д.4. Л.24.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

положительно оценил деятельность войсковых комитетов,[1] то генерал Л.Г. Корнилов потребовал ограничить их деятельность только хозяйственными функциями, [2] высказался за «немедленное введение смертной казни в тылу».[3] Большинство участников Совещания видели в генерале «будущность исторического развития России».[4]

При данном раскладе политических сил, крупнейшую ошибку допустил блок правых партий. Переоценив свою роль, он пренебрег тем обстоятельством, что хрупкое согласие в обществе держится большей частью на Слове, на Авторитете и Доверии к политическим лидерам. Убрав эти «устои», они обрекали общество, в случае своего поражения, на быстро ускоряющееся движение под гору, на ломку всего сценария постепенного изживания революционности. Еще с весны 1917 года по инициативе крупных предпринимателей, генералитета шла скрытая финансовая и организационная подготовка политического переворота, чтобы избавиться от вынужденного союза с социалистами, ввести режим «твердой власти», подавить стихийные беспорядки на фронте и в тылу.[5]

На роль руководителя переворота возникшие в стране военные и полувоенные организации выдвигали Л.Г. Корнилова. 31 июля последовало обращение к генералу Корнилову от 10 таких организаций. [6] Впоследствии к ним присоединился и союз «Вперед за свободу».[7] По мнению высшего командного состава, «корниловское движение не было протестом кадровых офицеров в защиту профессиональных или классовых интересов, это был протест со стороны тех, кто был патриотами».[8] По нашему мнению, взлет популярности генерала Корнилова объясняется, скорее, выражением недовольства Керенским в качестве лидера, чем симптомом контрреволюции. Сам А.Ф. Керенский, находясь у руля государства, провалы в работе правительства объяснял объективными трудностями. [9]

Генерал же Корнилов в своем обращении «К народу России» подчеркивал, что только «тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти

---

[1] Там же. Д.3. Л.34.
[2] Речь. 1917. 14 августа.
[3] Там же.
[4] Там же. 15 августа.
[5] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.89-90.
[6] ГА РФ. Ф.3529. Оп.1. Д.2. Л.70; Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 1991. С.27.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1500. Л.84.
[8] Golovin N.N. Op. cit. P.279.
[9] Керенский А.Ф. Издалека. Париж, 1922. С.199; Октябрьский переворот. С.249.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины».[1] По воспоминаниям П.Н. Милюкова, врагами для генерала Корнилова были не только противник на фронте, но и все советские деятели, которым он готовил варфоломеевскую ночь.[2] Н.Н. Головин считал, что «генерал Л.Г. Корнилов стремился разрубить все встречающиеся на его пути узлы, подобно тому, как это сделал с Гордиевым узлом Александр Македонский. Между тем, узлы, создаваемые в социальной жизни «объективными условиями», приходится развязывать или даже только распутывать».[3]

Существовали самые разнообразные варианты развития событий, одним из которых явился бы захват власти военными, в результате чего появлялась возможность установления в России безраздельной власти Керенского-Корнилова в различных комбинациях. В стране могла утвердиться абсолютная тирания министра-председателя в союзе с генералом Корниловым или военная диктатура Главкома с политическим прикрытием премьера.[4] Многие современники видели возможность такого союза.[5]

Наиболее проницательные люди считали, что противоречия между этими двумя политическими фигурами значительно глубже того, что их могло бы объединить. Они олицетворяли разные политические тенденции. Керенщина представляла собой центристскую систему балансирования между буржуазными и социалистическими партиями, систему буржуазного демократизма. Корниловщина же порывала не только с революционным, но и с буржуазным демократизмом, стремилась к установлению, пусть на переходный период, военной диктатуры.[6] Как писал Ф.А. Степун, корниловщина и выросла из нелюбви Керенского к армии, недоверия Корнилова к общественности и демонического нигилизма самонадеянной савинковской души.[7] На все это наложилась и личностная психологическая несовместимость, тонко подмеченная Н.Н. Головиным.[8]

---

[1] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.43. Л.1.
[2] См.: Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т.1. С.104.
[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.9.
[4] См. подробно: Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военноначальников. М., 1994. С.178-185.
[5] Революционное движение в России в августе 1917 года. С.429-430; Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. В 2-х т. Берлин, 1924. Т.2. С.130.
[6] Гиппиус З. Синяя книга. Белград, 1929. С.152; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.139.
[7] См.: Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Ч.2. С.146.
[8] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.85-86.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Противостояние Керенского и Корнилова завершилось антиправительственным мятежом последнего, в результате которого Керенский получил чрезвычайные полномочия, все министры ушли в отставку, а Корнилов и его ближайшие сподвижники объявлены мятежниками и арестованы. Особую роль при этом сыграла пассивная позиция Корнилова и его ближайших сподвижников М.В. Алексеева и А.С.Лукомского, которые придерживались порочной выжидательной тактики, надеясь на бесхребетных столичных либералов. Поэтому инициатива быстро перешла в руки их оппонентов.[1] Эта парадоксальная и нелепая ситуация в современной исторической литературе одними историками называется «психосоциальным срывом Корнилова»,[2] другими – «корниловским недоразумением».[3]

На основании источников, диссертант пришел к выводу, что провал попыток премьера и Главкома укрепить власть Временного правительства и высшего военного командования в форме двуумвирата произошел под влиянием, преимущественно, субъективных факторов. Здесь сказалась политическая неопытность и пассивность Корнилова, мания величия и подозрительность Керенского, а также резкое различие и противоположность их менталитетов. Последний шанс на укрепление власти Временного правительства и предотвращение крушения России как великой державы был упущен, в сущности, из-за личных свойств кандидатов в диктаторы и рокового стечения обстоятельств. Выступление генерала Корнилова было совершенно безнадежно.[4]

Далее произошло то, что бывает, как отмечает Крэйн Бринтон в книге «Анатомия революции», когда в революционной ситуации рядовых граждан быстро утомляет политика, и они уступают поле деятельности экстремистам, влияние которых растет прямо пропорционально разочарованию и потере интереса к политике у широкой общественности.[5] Из противостояния Керенский-Корнилов родилась «третья сила» - на сей раз социальная, а не политическая, - массовый большевизм. Призыв Керенского к большевикам встать на защиту революции придал второе дыхание этому радикально-революционному течению, а усиливающийся общенациональный кризис объективно способствовал массовой поддержке предприимчивых экстремистов. Революционные массы, разочарованные действиями Временно-

---

[1] См.: Мартынов Е.И. Корнилов: попытка военного переворота. М., 1927; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. и др.
[2] Булдаков В. Красная смута. С.181.
[3] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Кн.1. Социализм в одной стране. М., 1996. С.33.
[4] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С.152.; Страна гибнет сегодня. С.152; Станкевич В.Б. Воспоминания. С.126; Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.137.
[5] Brinton C. Anatomy of Revolution. N.Y., 1938. P.185-186.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

го правительства, решили поддержать большевиков. [1] Все командующие фронтов высказались против удаления генерала Корнилова с поста Верховного главнокомандующего,[2] но это ничего не изменило.[3]

На смену второму коалиционному правительству, распавшемуся 27 августа, пришла Директория – высший исполнительный орган из пяти министров во главе с А.Ф. Керенским, в котором отсутствовали кадеты, – сделавшая еще один шаг в сторону демократической диктатуры.

Если позиция правительства по вопросам войны и мира практически оставалась неизменной, то в отношении армии она изменилась в сторону ужесточения. [4] Даже А.Ф. Керенский пришел к выводу, что «время уговоров и разговоров в армии прошло. Надо приказывать, а не митинговать».[5] Подытоживая эти взгляды, историк А. Керсновский пишет: «Летняя кампания с трагической очевидностью доказала, что никакими напыщенными словами, никакими уговорами, никакими угрозами нельзя заставить рисковать своей жизнью за малопонятные цели десять миллионов человек, сообразивших, что они могут, если захотят, и не рисковать этой драгоценной жизнью. Ломить дальше в этом направлении – значило лишь напрасно тратить силы, средства, а главное – драгоценное время».[6]

16 июля в Ставке была разработана программа мер по оздоровлению армии, предложенная правительству. [7] Часть из предложенного начала реализовываться практически сразу же после июльских событий. Прежде всего, были усмирены тыловые части.[8] Пять полков Петроградского гарнизона были полностью расформированы, а 90 тыс. солдат намечены к отправке в окопы по 15 тыс. на каждый фронт.[9] Началась фронтальная чистка и других военных округов. В целом по стране за этот период правительство удалило из тыла на фронт почти миллион человек.[10]

Волна репрессий обрушилась и на действующую армию. 6 июля Временное правительство постановило предавать суду как за государственную измену всех

---

[1] Керенский А.Ф. Издалека. С.240.; Он же Дело Корнилова. Екатеринослав, 1918. С.65.
[2] См. Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.468.
[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.101.
[4] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.172. Л.364-365; ГА РФ. Ф.1720. Оп.1. Д.5. Л.5.
[5] Цит. по: Октябрьский переворот. С.204.
[6] Российский военный сборник №9. С.291.
[7] См.: Минц И.И. История Великого Октября. Изд.2. В 3-х т. Т.2. М., 1978. С.546; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.441; //А.Р.Р. Т.16. С.288-289, 290.
[8] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.11. Л.1.
[9] См.: Зайончковский А.М. Стратегический очерк войны. Ч.VII. Приложение. С.187-188.
[10] Россия в мировой войне 1914-1918 годов (в цифрах). С.20.; РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.91. Л.122; Д.70. Л.110.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

отказывающихся наступать и исполнять приказы командования.[1] Такие же меры приказывалось применять против митингов в сфере боевых действий.[2] 12 июля на фронте была введена смертная казнь и учреждены военно-полевые суды, формально названные «военно-революционными».[3] 15 июля приказом по армии и флоту объявлено о закрытии большевистских газет «Правда» и «Окопная правда».[4] В течение июля-августа было закрыто 17 большевистских газет, в том числе 8 военных.[5] Особо жесткими были приказы о наказании за братание.[6]

Приказом генерала Л.Г. Корнилова от 1 августа предписывалось расформировать 59 дивизий,[7] из которых к октябрю были расформированы 36, в том числе 9 – полностью.[8] На Северном фронте фактическому разгрому подверглась V армия. Здесь было арестовано 12725 солдат и 37 офицеров, репрессии были учинены в более чем 50 полках, а несколько частей – расформировано.[9] На Западном фронте в июле-августе было расформировано семь полков.[10] На Юго-Западном фронте командование применило оружие против ряда полков, а также против 6-й гренадерской, 20-й, 46-й и других дивизий.[11]

Вместе с тем и правительство, и командование армии стали самое пристальное внимание уделять идеологической, политико-воспитательной работе. С этой целью продолжалось совершенствование органов по руководству этой работой. 15 июля вышло правительственное постановление «Об утверждении должности военных комиссаров при главнокомандующем армиями фронтов (так в тексте – А. Ч.)» для «содействия реорганизации армии на демократических началах и укреплению ее боеспособности, равно для борьбы со всякими контрреволюционными попытками».[12] Комиссарам со временем начали присваивать воинские звания. Однако общая политическая ситуация вносила свои коррективы и сюда.[13] Кроме того, военный министр Керенский издал инструкцию, определявшую основные функции

---

[1] Вестник Временного правительства. 1917. 7 июля; РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д.65. Л.411.
[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп.1. Д.66. Л.378.
[3] ГА РФ. Ф.1791. Оп.6. Д.432. Л.34; РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.74. Л.155; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.272.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1786. Л.318; Д.1789. Л.35; Ф.2106. Оп.1. Д.1033. Л.9.
[5] Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. С.66.
[6] Революционное движение в русской армии в 1917 году. С.283.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.678. Л.67, 82.
[8] Там же. Оп.1. Д.679. Л.154.
[9] Капустин М.И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957. С.102.
[10] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.197. Л.275.
[11] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.411. Л.103.
[12] Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел 1-й. Пг., 1917. С.2191; Минц И.И. История Великого Октября. Изд.2. В 3-х т. Т.2. М., 1978. С.914.
[13] Красный архив. 1925. Т.3(10). С.168.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

комиссаров.[1] Приказом №31 от 15 июля 1917 года по армии и флоту военный министр обязал также комиссаров вместе с командованием всех уровней «тщательно следить за распространяемыми в армии повременными (периодическими – А. Ч.) изданиями».[2]

Военкомам приходилось разбирать конфликты между командованием и личным составом частей.[3] Кроме того, они выступали с различными инициативами, касавшимися войск.[4] Так, с рядом предложений выступил комиссар Северного фронта, а затем Ставки Верховного главнокомандующего В.Б.Станкевич. В августе 1917 года он вошел в правительство с проектом учреждения исправительных батальонов в тылу фронта.[5] Летом (очевидно, в начале июля) военкомы были наделены правом ареста любого генерала и офицера «для поддержания идей революции и закрепления ее основ».[6] Одно время слово комиссара должно было играть решающую роль при утверждении приговоров военно-революционных судов о предании военнослужащих смертной казни (суды были учреждены на фронте в июле 1917 года – А.Ч.).[7] В середине августа 1917 года в Москве состоялось совещание представителей всех фронтовых и армейских комитетов, которое приняло резолюцию с требованием вмешательства «высшей революционной власти через ее уполномоченных представителей при действующей армии» в вопросы повышения боеспособности войск.[8]

Назначались на должности комиссаров, по воспоминаниям генерала А.С. Лукомского, люди определенной политической ориентации, но не имевшие военного опыта, хотя звание им присваивалось в сравнении с их воевавшими сверстниками.[9] Комиссаром Северного фронта был меньшевик Войтинский, Юго-Западного фронта – меньшевик Иорданский, Кавказского – эсер Донской, XII армии – меньшевик Кучин, VII армии – эсер Сургучев. Историк В.В. Кутузов установил партийность 67 из 126 выявленных комиссаров и помощников комиссаров. Из них оказалось 35 эсеров, 27 меньшевиков, 3 трудовика и 2 сторонника плехановской группы «Единство».[10] Не всегда отзывы на назначенных комиссаров были благо-

---

[1] ГА РФ. Ф.523. Оп.3. Д.6. Л.10.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1690. Л.79; Разложение армии в 1917 году. С.62-63.
[3] РГВИА. Ф.2620. Оп.2. Д.42. Л.1.
[4] РГВИА. Ф.2620. Оп.2. Д.68. Л.370; Красный архив. 1925. Т.3(10). С.148.
[5] Разложение армии в 1917 году. С.102-103.
[6] Красный архив. 1925. Т.3.(10). С.144.
[7] Приказы по военному ведомству. Пг., 1917. С.602.
[8] Войсковые комитеты действующей армии. С.283-284.
[9] См.: А.Р.Р. Т.2. С.35.
[10] Источниковедение истории советского общества. М., 1964. С.218-222.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

приятными. [1] Тем не менее, следуя новой политической моде, а также в целях демонстрации своей лояльности новому режиму командование не забывало упоминать военкомов наряду с командирами в приказах по войскам.[2]

Приказом по военному ведомству №442 от 14 июля 1917 года в составе кабинета Военного министра были образованы политические отделы,[3] а 3 августа для рассмотрения в Военном Совете было подготовлено представление «Об учреждении Политического управления Военного министерства». Создание этого органа обосновывалось необходимостью «скорейшего проведения в жизнь армии мероприятий по преобразованию ее на демократических началах».[4] В тот же день глава правительства А.Ф. Керенский (он же военный и морской министр) подписал приказ по армии и флоту о выделении из Кабинета военного министра политической части в особое Политическое управление военного министерства с непосредственным подчинением его ему и управляющему Военным министерством.[5] Главой управления был назначен эсер Б. Савинков. Таким образом, в августе политический аппарат включал в себя политическое управление Военного министерства, комиссаров при Ставке, фронтах, армиях.[6]

Продолжало расти число комитетов на фронте. Согласно обзора деятельности выборных войсковых организаций Западного фронта к 1 сентября 1917 года в трех армиях, тыловых частях и при штабе фронта на основании приказов по военному ведомству №213 и 271 было создано 7289 ротных, полковых, дивизионных, армейских, хозяйственно-технических комитетов.[7] Содержание их стоило казне не менее 250 тыс. рублей в месяц. Всего на фронте в комитетах было задействовано 892 офицера, 1598 чиновников и 54467 солдат, т.е. фактически от выполнения воинского долга был оторван целый корпус.[8] Таким образом, власть в армии представляли разнородные, взаимоисключающие друг друга структуры: командир, комитет и комиссар. «А над ними тяготела, на них духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью – власть толпы».[9]

После июльских событий Временное правительство, командование армии на порядок усилило внимание к агитационно-пропагандистской и воспитательной ра-

---

[1] История Гражданской войны в СССР. Т.1. М., 1935. С.194; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.294.
[2] Красный архив. 1925. Т.3(10). С.150-151.
[3] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.505-506. (Приложения).
[4] РГВИА. Ф.29. Оп.3. Д.2306. Л.27-29.
[5] Там же. Д.997. Л.72.
[6] РГВИА. Ф.1360. Оп.1. Д.2. Л.88-97.
[7] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.506. (Приложение).
[8] Подсчитано автором.
[9] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.294.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

боте. Активную работу в этом направлении вел созданный в июле 1917 года Центральный комитет социально-политического просвещения в армии. Его главными задачами стали «организация массового политического самосознания, разъяснения тех положительных идейных ценностей, которыми живет и движется Русская революция». [1] Правительство и командование действующей армии благожелательно относились к распространению в войсках газет патриотического содержания[2], рекомендовались к распространению многочисленные брошюры, раскрывающие необходимость ведения войны до победного конца, порядка в тылу и на фронте.[3] Использовалась и такая форма воздействия на сознание, как открытые письма героев текущей войны, на которых солдаты должны писать на Родину.[4]

Командование стало более серьезно относиться к развитию солдат в политическом отношении. Прежде всего, настоятельно рекомендовалось оградить армию от вредной, разлагающей пропаганды учений крайних партий. Для этого приказывалось поставить политическую пропаганду в армии в точно определенные рамки со строгой ответственностью агитаторов за малейшее нарушение правил по этому вопросу, которые необходимо немедленно же издать.[5] Командирам рот и батарей предписывалось, если позволяла боевая обстановка, ежедневно по 2 часа проводить собеседования с солдатами на политические темы.[6] При этом налагались определенные ограничения как на лиц, проводящих собеседование, так и на содержание бесед.[7]

Со всей остротой перед Временным правительством встала и такая проблема, как наметившееся разделение армии по национальному признаку. В интервью парижской газете «Intransigent» В. Винниченко высказал откровенные чаяния украинских националистов: «Мы желаем, что бы наши 3 миллиона солдат-украинцев были бы соединены в одну отдельную народную армию, которая должна будет защищать исключительно лишь украинский фронт».[8] Этому примеру могли последовать и другие.

---

[1] ГА РФ. Ф.9505. Оп.1. Д.2. Л.1 об; Д.4. Л.1-5.
[2] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.108. Л.38; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1500. Л.395.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1500. Л.85, 85 об.; Ф.2100. Оп.1. Д.280. Л.1, 55; Ф.2168. Оп.1. Д.443. Л.46.
[4] РГВИА. Ф.2100. Оп.1. Д.280. Л.59.
[5] РГВИА. Ф.2168. Оп.1. Д.443. Л.26 об.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1506. Л.65-65 об.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.182. Л.55-55 об.
[8] ГА РФ. Ф.1778. Оп.5. Д.4. Л.2.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

После июльского кризиса Советы, по мнению И.Г. Церетели, «стали слабее, ибо соотношение сил изменилось не в нашу пользу»,[1] но продолжали пользоваться доверием у большинства населения страны. Исполнительный комитет Совета принял резолюцию, которая одобрила «неизбежные меры для ликвидации вооруженного выступления 3-5 июля».[2] Более того, ЦИК и Исполком Совета крестьянских депутатов приняли решение о предоставлении Временному правительству неограниченных полномочий в подавлении выступлений и восстановлении порядка.[3] ЦИК объявил Временное правительство, которое 7 июля возглавил А.Ф. Керенский, «правительством спасения революции» и предоставил ему «неограниченные полномочия».[4] По нашему мнению, после корниловского выступления ВЦИК имел шансы на создание широкопредставительного революционно-демократического правительства, а также режима парламентской демократической республики, поскольку его поддержали тогда широкие слои населения, однако эта возможность была руководителями ВЦИК упущена.

По отношению к проблемам войны и мира Советы по-прежнему считали, что «историческим значением русской революции, ее психологическим смыслом и единственной государственной программой был мир»,[5] но мир справедливый, демократический. [6] Не случайно ЦИК Советов принял резолюцию об участии в Московском государственном совещании с целью сплочения «всех живых сил России для энергичной обороны страны».[7]

Воочию убедившись в истинном состоянии действующей армии в период провалившегося наступления, И.Г. Церетели уже 9 июля предложил при общем напряжении всех сил демократии послать в армию представителей от организаций всей России, чтобы ободрить армию и обратить ее против врага, связать в одно могучее целое и страну, и тыл, и фронт.[8] 7-8 августа в Петрограде ВЦИК было созвано совещание по обороне страны. [9] Однако, 18 августа Пленум Совета принял резолюцию, отклонявшую введение во фронтовых частях смертной казни.[10]

---

[1] Цит. по: Керенский А.Ф. Последние дни и выступление генерала Корнилова. С.242.
[2] Известия Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 июля.
[3] Там же. 11 июля.
[4] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 11 июля.
[5] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.114.
[6] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 августа.
[7] Цит. по: Ионичев Н.П. Антимилитаристская тактика российских социал-демократов в 1900-1917 годах. М., 1989. С.145.
[8] См.: Церетели И.Г. Воспоминания. Кн.2. С.392.
[9] Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 – февраль 1918. М.-Л., 1929. С.10.
[10] Революция 1917 года: Хроника событий. М., 1924. Т.4. С.69-70.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Главное воздействие на политическое сознание масс, в том числе и действующей армии, Советы осуществляли через прессу. В июле-августе суммарный тираж газет, издаваемых под эгидой Петросовета, составил 1,5-1,6 млн. экземпляров.[1] Кроме того, было выпущено около 500 названий брошюр общим тиражом более 27 млн. экземпляров.[2] По данным фронтовой комиссии ВЦИК, с 1 июня по 15 сентября в войска было направлено 3 439 121 экз. газет. За это же время в войсках было распространено 39 наименований брошюр, общим тиражом 513680 экземпляров,[3] которые призывали продолжать войну до победного конца.

После июльских событий коренным образом изменились позиции большевиков по отношению к власти. Они сняли лозунг «Вся власть Советам!», ибо Советы, по мнению В.И. Ленина, «потерпели полный крах».[4] В соответствии с новой обстановкой была поставлена задача «подготовки сил к вооруженному восстанию».[5] VI съезд РСДРП, проходивший с 26 июля по 3 августа 1917 года, поддержал ленинский вывод о необходимости курса на вооруженное восстание.[6] По вопросам войны и мира большевики по-прежнему связывали достижение мира с завоеванием ими власти.[7] Несмотря на полуподпольное существование, партия большевиков выдвигала работу в армии на первый план, особенно после падения Риги, когда, как считал В.И. Ленин, «коренным политическим вопросом» стал «вопрос военный».[8] П.Н. Мостовченко, выступая на VI съезде РСДРП(б) охарактеризовал окопного солдата как «серого, живущего инстинктом, совершенно беспомощного, не разбирающегося в политической азбуке»,[9] а Л.Д. Троцкий был сторонником репрессий и смертной казни на фронте.[10] VI съезд РСДРП(б) признал необходимым усилить партийную работу в армии[11] и предложил военной секции при ЦК немедленно приступить к разработке плана предвыборных работ в армии и, особенно, на фронте.[12]

---

[1] Колоницкий Б.И. Указ. соч. С.17.
[2] Там же. С.18.
[3] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.108. Л.103.
[4] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.17.
[5] Там же. С.5.
[6] См.: КПСС в резолюциях... Т.1. С.581; Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С.256.
[7] Шестой съезд РСДРП (большевиков). С.254; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.119 .
[8] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.264.
[9] Цит. по: Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сб. документов. М., 1977. С.279.
[10] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т.2. С.141.
[11] См.: Шестой съезд РСДРП(большевиков). С.289-290.
[12] См.: Там же. С.261.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Партия большевиков к VI съезду представляла собой уже значительную силу – ее численность можно определить в 200-215 тыс членов,[1] а численность военных организаций – в 26 тыс. членов.[2] К VI съезду партии издавалось уже более 50 газет и журналов,[3] еженедельный тираж которых составлял 320 тыс. экземпляров,[4] в том числе 10 военных газет тиражом около 130 тыс. экземпляров.[5] Только большевистское издательство «Прибой» выпустило не менее 50 названий брошюр общим тиражом 1,5 млн. экземпляров.[6] Однако антибольшевистских военных газет в 1917 году выходило более двухсот,[7] поэтому в действующей армии найти большевистскую газету на позициях, да еще в связи с запретом правительства, было практически невозможно.[8] После июльских событий большевикам пришлось изменить формы своей работы в армии. Эта работа стала носить характер тайной агитации[9] и проводиться преимущественно в небольших группах.[10]

Меньшевики также представляли собой довольно влиятельную в стране политическую силу. Численность партии меньшевиков в августе 1917 года составляла более 193 тыс. человек,[11] однако во фронтовых организациях насчитывалось только около 6000.[12] Но в послеиюльский период зримо начала проявляться тенденция утраты влияния меньшевиков в российском политическом процессе. [13] Тираж «Рабочей газеты» упал со 100 тыс. экз. в марте 1917 года до 10-15 тыс. в августе. В условиях, когда идея постепенного движения к справедливому строю с помощью выработки взаимоприемлемых соглашений с буржуазией в массовом сознании обманула ожидания, люди уходили не только из партии, но и из активной политической жизни вообще. Политический абсентеизм нарастал.

Задачу консолидации партии предстояло решить Объединительному съезду РСДРП (меньшевиков), состоявшемуся 19-26 августа 1917 года, на котором присутствовало 222 делегата от 146 организаций.[14] Но уже сама программа съезда

---

[1] Миллер В.И. К вопросу о сравнительной численности... С.115.
[2] Военно-боевая работа партии большевиков. С.332.
[3] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т.3. Кн.1. С.86.
[4] Шестой съезд РСДРП (большевиков). С.150.
[5] См.: Ваколюк В.С. Указ. соч. С.91.
[6] Колоницкий Б.И. Указ. соч. С.18.
[7] Прохватилов А.И. В.И. Ленин и советская военная печать. Л., 1976. С.18.
[8] См.: Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967. С.93.
[9] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1356. Л.629.
[10] См.: Октябрь на фронте. Воспоминания. С.153-154.
[11] Вперед. 1917. 29 августа.
[12] Миллер В.И. Военные организации меньшевиков // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917-1922 гг. Сб. научных трудов. В 2-х частях. М., 1977. Ч.2. С.210.
[13] Рабочая газета. 1917. 8 августа; 17 августа; Большевики против мелкобуржуазных партий в России (1910-1920 гг.). М., 1969. С.80-81.
[14] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.203. Л.7, 8, 13; Вперед. 1917. 29 августа.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

свидетельствовала о наличии в партии нескольких течений, существенно расходившихся между собой в оценке основных проблем революции в России. В результате, несмотря на провозглашенное единство, партия продолжала существовать как совокупность фракций.[1] Один из лидеров партии Ф. Дан даже поставил вопрос о выходе из ЦК, заявив, что ЦК «постепенно превращается в механического регистратора актов партийного раскола».[2]

Логика развития революции вела к поляризации сил в партии меньшевиков. Интернационалисты активизировались после июльского политического кризиса, образовав в том же месяце свое фракционное бюро, к которому позднее присоединились делегаты от 31 организации, насчитывающих 37399 членов.[3] 25 августа Ю.О.Мартов сообщил своему корреспонденту Н.С. Кристи, что оказался вместе со сторонниками разрыва с правоцентристским крылом партии в меньшинстве, не имея возможности «идти против своих собственных каутскианцев».[4] Уже в конце августа из РСДРП (Объединенной), как после съезда стала называться партия меньшевиков, вышла группа Ю.Ларина, а с ней и большая часть Василеостровской организации меньшевиков Петрограда.[5] Корниловщина еще более выявила тревожные симптомы у меньшевиков. Несмотря на то, что меньшевики энергично выступали против мятежного генерала, рухнувшая идея коалиции с буржуазией и самый факт корниловского выступления в сознании значительной части масс послужил аргументом против меньшевиков.

В вопросах о власти меньшевики всю ответственность за политический кризис 3-4 июля в Петрограде возлагали на большевиков[6] и считали, что «подавление этих беспорядков должно...явиться частью плана русской национальной самозащиты».[7] С блестящей речью, посвященной вопросу о власти, на Московском государственном совещании выступил Г.В. Плеханов. Совещание, по его мнению, должно было определить дальнейшее развитие революции в России. Поэтому, говоря о соотношении сил в стране, он подчеркивал необходимость их объединения

---

[1] Исторический опыт трех российских революций. Кн.3. С.270.
[2] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.18. Л.76.
[3] РГАСПИ. Ф.444. Оп.1. Д.2. Л.3-4.
[4] РГАСПИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.160.
[5] Миллер В.И. К вопросу о состоянии партии меньшевиков осенью 1917 года // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980. С.300.
[6] Рабочая газета. 1917. 4 июля.
[7] Единство. 1917. 9 июля; Рабочая газета. 1917. 9 июля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

для решения общенациональных задач, стоящих перед ней. [1] К сожалению, так думали далеко не все его товарищи по партии.

31 августа Бюро ЦК РСДРП (Объединенная) организовало избирательный комитет по выборам в Учредительное собрание. [2] В национальном вопросе главным в платформе меньшевиков был тезис о «единой и неделимой России», теория культурно-национальной автономии.[3]

В послеиюльский период меньшевики исключительно большое внимание уделяли вопросам войны и мира, особенно на Объединительном съезде РСДРП. По данному вопросу выступило три докладчика: М.И. Либер («чистый оборонец»), А.С. Мартынов (интернационалист) и Н.Н. Суханов («Новая жизнь»).[4] Доклад М.И. Либера представлял официальную линию правых и центра партии. «Для нас оборона страны, - доказывал он, - является неразрывной предпосылкой борьбы за мир».[5] Содержание доклада А.С. Мартынова и резолюции по нему сводились к разнообразным способам и формам борьбы за мир.[6] Однако, при анализе его доклада необходимо выделить и несколько новые позиции интернационалистов по отношению к войне. Они, например, исходя из того, «что российская революция идет верным путем к всеобщему демократическому миру», стали поддерживать идею защиты страны от «неприятельского нашествия».[7] Взгляды «новожизненцев» по вопросам войны и мира являлись неоднозначными. С одной стороны, установки «внефракционных социалистов» были близки к интернационалистам, а по отдельным положениям даже совпадали, с другой стороны, они становились на позиции оборонцев: раз наша революция не зажгла пожара в Европе, то «нам остается одно – бороться за мир путем оружия».[8]

А.Н. Потресов и И.Г. Церетели в выступлениях на съезде также обращались к вопросам войны и мира. При изучении их речей прослеживается следующая тенденция: как «чистый оборонец» А.Н.Потресов призывал к защите страны, усилению ее обороны с целью предотвращения военного разгрома России, так и «революционный оборонец» И.Г. Церетели предлагал «напрячь все силы, чтобы укре-

---

[1] Государственное совещание. Стенографический отчет. С.78, 81
[2] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.19. Л.15.
[3] См.: Постановления Объединительного съезда РСДРП (18-26 августа 1917 года). Рязань, 1917. С.21.
[4] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.2. Л.104.
[5] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.2. Л.108; Ф.17. Оп.1-А. Д.374. Л.26, Л.27.
[6] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.2. Л.110; Д.4. Л.7.
[7] Там же. Д.4. Л.7.
[8] Там же. Д.2. Л.113; Д.3. Л.171.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

пить страну».[1] По докладам «О войне и мире» делегатам было предложено два проекта постановления, ввиду того, что Н.Н. Суханов свой проект снял. Съезд принял резолюцию М.И. Либера от ОК меньшевиков.[2]

Исходя из такой позиции по отношению к войне и миру, меньшевики не могли в своих политических проектах игнорировать армию. Не случайно С. Семковский на Объединительном съезде высказал такую мысль, что «...официальный меньшевизм переходит с базиса рабочего на базис крестьянский и солдатский».[3] Партия меньшевиков поддержала введение смертной казни на фронте, считая, что «она применяется только к дезорганизаторам русской армии и провокаторам».[4] Более расширенная программа оздоровления армии, предложенная меньшевиками, была изложена Н.С. Чхеидзе на Московском Государственном совещании.[5]

Анализ источников показывает, что меньшевики, проводя работу на фронте через свои партийные организации, добивались укрепления своих позиций в армии. Так, в частности работала фракция меньшевиков при III армейском комитете Западного фронта. [6] Ими велась и активная агитационно-пропагандистская работа. Так, например, партийный комитет РСДРП (Объединенная) 24-го корпуса IV армии Румынского фронта в течение июля-августа организовал 5 лекций по важнейшим вопросам революции и созыве Учредительного собрания с количеством присутствующих от 250 до 450 человек. Им также была отпечатана и распространена прокламация «К солдатам!» в количестве 2300 экземпляров.[7]

После июльского кризиса претерпела определенные изменения и политика социалистов-революционеров. ЦК партии в резолюции от 8 июля заявил, что «вполне одобряет меры, принятые Временным правительством», и призвал членов партии «оказать Временному правительству в эти кризисные минуты самую решительную и полную поддержку».[8] Однако В.М.Чернов был вынужден выйти из состава первого коалиционного Временного правительства в связи с начатой в отдельных кругах кампанией, которую эсеры характеризовали как «клеветническую».[9] С решительным протестом выступили социалисты-революционеры против

---

[1] Там же. Д.2. Л.50, 57.
[2] Там же. Д.4. Л.6, 19; Львов-Рогачевский В.Л. Социалисты о текущем моменте. Материалы Великой революции 1917 года. С.259.
[3] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.3. Л.35.
[4] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.111. Л.92.
[5] Вперед. 1917. 28 августа.
[6] РГАСПИ. Ф.622. Оп.1. Д.62. Л.2.
[7] РГАСПИ. Ф.275. ОП.1. Д.201. Л.2.
[8] Дело народа. 1917. 8 июля.
[9] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.13. Л.142.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

незаконных арестов и преследований представителей других социалистических партий.[1] Еще более резкую позицию заняли левые эсеры.[2]

Социалисты-революционеры уже в середине июля увидели опасность действий правых сил.[3] И все же после корниловского выступления они, ругая кадетов за поддержку корниловщины, призывали народ спасать революцию, но с Временным правительством.[4]

В национальном вопросе эсеры заявляли, что предпринимаемые Временным правительством меры соответствуют интересам государства как единого целого. [5] Они утверждали, что только их партия стоит за признание за нациями безусловного права на самоопределение, понимая под этим право каждой национальности на пропорциональную своей численности долю в бюджете, предназначенном на культурно-просветительные цели,[6] но практическое осуществление своей программы партия эсеров откладывала до Учредительного собрания.[7]

Если позиция эсеров по вопросам войны и мира после политического кризиса в июле 1917 года не претерпела особых изменений, то в решении своих военных вопросов социалисты-революционеры значительно активизировались. Эсеры резко осудили введение смертной казни и потребовали от Временного правительства ее отмены. При этом отмечалось, что дезорганизации армии надо противодействовать «не зверскими мерами репрессий, а исключительно последовательно проводимой демократизацией и воодушевлением армии сознанием, что она защищает родину и революцию».[8] Эсеры активно выступали и против расформирования полков. При этом особо отмечалось, что отправка маршевых рот на фронт «ни в коем случае не может рассматриваться как наказание».[9]

Социалисты-революционеры, как и другие политические партии, стремились упрочить свое влияние в армейских структурах. Главное, что необходимо выделить в этой работе, это создание Военной комиссии при ЦК партии[10] 10 июля 1917

---

[1] Там же. Л.136.
[2] Пролетарий. 1917. 30 июля.
[3] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 18 июля.
[4] Дело народа. 1917. 28 августа.
[5] Государственное Совещание. Стенографический отчет. С.95, 96, 178; Дело народа. 1917. 19 августа, 6 сентября.
[6] Дело народа. 1917. 8 июля.
[7] Там же. 14 июля.
[8] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.13. Л.136.
[9] Там же. Л.144.
[10] Моргиерштейне В.В., Егоров П.И., Ронензон М.Е., Никоноров М.К., Колеров В.А., Кукушкин А.А., Шрейдер Г.И., Левшиц В.Г., Высоцкая Н.П., Герштейн Л.Я., Браун М.Я., Жуков, Боярский, Каллистов С.Н., Утгоф В.Л., Ногаев, Затонский М.П., Балашев, Васильев, Меерович, Мартьянов, Брудерер А.А., Фейт, Вербо Р.; См.: РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.15. Л.29 ; ГА РФ. Ф.1791. Оп.6. Д.323. Л.20; Там же. Ф.9591. Оп.1. Д.32. Л.6; Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. С.373; За народ. 1917. №1. С.94.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

года с задачами: установление связей с партийными организациями армии; создание партийных ячеек там, где их еще не было; объединение всех военных организаций; получение от партийных руководителей военных организаций своевременной информации о положении дел и настроениях солдатских масс в войсках.[1] При комиссии были созданы культурно-просветительный, казацкий, кавказский отделы и Военный совет. Исполнительными органами Военной комиссии являлись бюро и президиум, председателем которого был Л.Я. Герштейн.[2] Военная комиссия действовала также и при Петроградском комитете партии эсеров.[3]

Используя мощный аппарат центральной военной организации, профессионально подготовленные кадры, эсеры проводили большую работу по созданию в войсках партийных ячеек и завоеванию военнослужащих на свою сторону.

Опираясь на ранее приобретенный военный опыт, эсеры, особенно начиная с учреждения Военной комиссии при ЦК, активизировали деятельность по организации партийных ячеек. Работа строилась на основе положений «Устава военной организации партии социалистов-революционеров».[4] Необходимо подчеркнуть, что военная организация эсеров ставила своей задачей «организацию партийных сил в армии для дальнейшего укрепления и расширения завоеваний революции и для проведения в жизнь требований программы партии».[5] Это положение, как правило, конкретизировали представители партийных комитетов.[6] На основе изучения документов, регламентирующих организационное строительство военных организаций социалистов-революционеров, автор пришел к выводу, что структура эсеровских организаций в армии была автономной от общепартийных комитетов.[7] Низшей ячейкой социалисты-революционеры считали не военную организацию отдельной части (полка, дивизии и т.д.), а комитет этой организации. До образования партийных организаций функции комитетов выполняли инициативные группы,[8] которые, как правило, организовывались по решению собрания социалистов-революционеров и им сочувствующих отдельной части.[9]

---

[1] См.: Браун М. Очерки деятельности Военной комиссии при Центральном Комитете партии социалистов-революционеров // За народ. 1917. №1. С.94.
[2] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.32. Л.6.
[3] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.15. Л.140.
[4] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.26. Л.79; РГВИА. Ф.3594. Оп.2. Д.6. Л.404-405.
[5] РГВИА. Ф.3594. Оп.2. Д.6. Л.404; РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.26. Л.79.
[6] Революционный народ. 1917. 7 июля.
[7] РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.26. Л.79, 81; РГВИА. Ф.3594. Оп.2. Д.6. Л.404-405; Ф.2394. Оп.5. Д.37. Л.55, 56; Ф.2695. Оп.1. Д.6. Л.79; Ф.2367. Оп.1. Д.1. Л.181-183; За народ. 1917. №1. Л.94.
[8] РГВИА. Ф.3594. Оп.2. Д.6. Л.404; РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.26. Л.79.
[9] РГВИА. Ф.2367. Оп.1. Д.1. Л.181; Ф.3594. Оп.2. Д.6. Л.276.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Необходимо иметь в виду, что с помощью инициативных групп создавалась значительная часть эсеровских структур в войсках. Учитывая это, Военная комиссия при ЦК не исключала и установление с ними непосредственных контактов, в ходе которых в полковые комитеты, минуя армейские, высылались инструкции. В них инициативным группам давались рекомендации по вопросу организации партийных ячеек.[1] Для пропаганды учения социалистов-революционеров они приглашали из армейских комитетов партии наиболее подготовленных агитаторов, лекторов.[2]

При создании партийных организаций инициативные группы, учитывая местные условия, допускали некоторые отступления от положений устава, о чем свидетельствуют и архивные материалы. [3] Широкая сеть эсеровских организаций создавалась также и на основе войсковых комитетов,[4] причем иногда партийные ячейки организовывались и таким путем, когда в их создании принимали участие и меньшевики.[5]

Органом, который руководил всей партийной работой в пределах армии, являлся комитет эсеров. Он находился в непосредственной связи с ЦК партии. Содержание полученных от него директив комитет доводил до всех партийных ячеек армии и следил за их точным и неуклонным исполнением.[6] Однако на практике в отдельных армиях это не всегда выдерживалось. [7] Организация структурных образований во фронтовом масштабе уставом военной организации эсеров не предусматривалась.[8] Тем не менее, на практике работа социалистов-революционеров в этом направлении велась.[9] В военных организациях эсеров насчитывалось более 400 тысяч человек.[10] Партийные комитеты социалистов-революционеров были образованы не во всех армиях, что видно из представленной ниже таблицы.[11]

---

[1] ГА РФ. Ф.3349. Оп.1. Д.63. Л.5, 6; РГВИА. Ф.3594. Оп.2. Д.6. Л.276.
[2] РГВИА. Ф.2695. Оп.1. Д.6. Л.79; Ф.3711. Оп.1. Д.2. Л.55.
[3] Там же. Ф.2695. Оп.1. Д.6. Л.79; Ф.2367. Оп.1. Д.1. Л.181 об.
[4] Там же. Ф.2394. Оп.5. Д.37. Л.55.
[5] РГВИА. Ф.2326. Оп.4. Д.1. Л.106, 192.
[6] РГВИА. Ф.3594. Оп.2. Д.6. Л.405; РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.26. Л.79.
[7] РГВИА. Ф.2394. Оп.5. Д.37. Л.56.
[8] РГВИА. Ф.3594. Оп.2. Д.6. Л.404-405; РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.26. Л.79.
[9] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.32. Л.6, 13, 19, 33.
[10] Чертищев А.В. К вопросу о численности военных организаций большевиков, меньшевиков и эсеров в действующей армии в 1917 году // Проблемы нового исторического и философского мышления. Красноярк, 1993. С.105.
[11] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.32. Л.21, 23, 25, 28, 29, 32; РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.26. Л.81.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Фронты	Северный	Западный	Юго-Западный	Румынский
Армии	1 5 12	2 3 10	Особ. 7 11	4 6 8 9
Комитет	+ +	+ +	+ + +	+ + +
Фракция	+	+		+

Для усиления своего влияния в армии эсеры использовали разнообразные формы и методы работы. Они широко практиковали посылку агитаторов в войска и, прежде всего, наиболее видных деятелей партии. Особое усердие проявлял А.Ф. Керенский.[1]

Партия эсеров пользовалась довольно высоким авторитетом в действующей армии, в том числе и среди солдат. Об этом говорит и состав низовых солдатских комитетов.[2] Созданная в июле 1917 года Военная организация эсеров уже в этом же месяце оказывала влияние на 64 воинские части фронта.[3]

После июльского кризиса в стране стал заметен голос анархистов и его теоретика П. Кропоткина.[4] А.Ф. Керенский делал невероятные усилия, чтобы великий мыслитель и ученый вошел во Временное правительство, предлагая ему на выбор любой пост министра, однако Кропоткин всегда отвечал отказом.[5] Считая родину и революцию неразделимыми, он звал народ стать дружной стеной на защиту Родины и Революции,[6] сурово осуждая тех, кто советовал народу не давать смелого отпора немецкому нашествию.[7] Главным условием успешной борьбы с упадком духа в стране и в армии П. Кропоткин считал «борьбу с пораженчеством и циммервальдизмом, где бы они ни встречались и чем бы они ни прикрывались».[8] Вместе с тем, ему были неприемлемы военная диктатура и введение смертной казни.[9]

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.42.
[2] См.: Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С.42.
[3] Соболев Л.Г. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. Период двоевластия. Л., 1973. С.123.
[4] См.: Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. М., 1917. С.93-94.
[5] См.: Анархисты // Родина. 1996. №5-6. С.74.
[6] ГА РФ. Ф.3529. Оп.1. Д.3. Л.40.
[7] См.: Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. С.116.
[8] См.: Там же. С.110.
[9] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Политическая революция в России оказалась неотделимой от социальной. Предпринятая кадетами корректировка программы была уже недостаточной. Если же говорить о субъективных моментах, то важнейшей ошибкой либералов стала затяжка созыва Учредительного собрания, на которое они сами же возлагали основные надежды. Характерной особенностью 1917 года на политической карте России стало фактическое и закономерное слияние либералов с правыми, открыто проявившееся в ходе корниловского мятежа. Один из крупнейших знатоков либерализма признает, что «трагедия русского либерализма» состояла в том, что «он как бы оказался без адекватной среды его восприятия».[1]

В середине лета перед руководством партии кадетов встал вопрос: какую принять тактику, чтобы установить свою неограниченную власть. С участием кадетских деятелей началась подготовка к установлению в стране военной диктатуры.[2] «Советы должны сойти с политической арены...»[3], - таково было главное требование партии кадетов.

IX съезд партии народной свободы, проходивший 23-28 июля закрепил курс партии на установление сильной власти в стране.[4] По решению этого же съезда для более целенаправленной работы по руководству местными агитационно-пропагандистскими комиссиями в июле 1917 года была создана Всероссийская агитационная комиссия.[5]

Конституционные демократы приняли самое активное участие в Московском совещании общественных деятелей, где высказались за установление в России «сильной власти».[6] Самыми крупными мероприятиями по мобилизации сторонников сильной власти были II Всероссийский торгово-промышленный съезд и упомянутое Совещание общественных деятелей.[7]

Вопросы о «сильной власти» были рассмотрены на заседаниях ЦК партии народной свободы 11-12 и 20 августа.[8] На них была разработана тактика осуществления «сильной власти» в стране. Так, в резолюции, принятой 12 августа, было записано, что «во имя спасения Родины необходимо: во-первых, отказаться от угоднических стремлений тех партий, которые оказывают пагубное влияние на

---

[1] Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С.262.
[2] Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С.311.
[3] Речь. 1917. 23 июля.
[4] Речь. 1917. 26, 27 июля.
[5] См.: Стенографические протоколы IX съезда партии народной свободы. Пг., 1917 С.27.
[6] Речь. 1917 год. 12 августа.
[7] Милюков П.Н. История второй русской революции. Вып.2. Т.1. С.112.
[8] Армия и Флот свободной России. 1917. 17 августа; ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.20. Л.18.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

практическую деятельность Временного правительства; во-вторых, нужна самая энергичная борьба во всех областях народной жизни, особенно в армии и флоте; в-третьих, нужно восстановить дисциплину и полноту власти командного состава в войсках».[1]

Незадолго до этих заседаний П.Н. Милюков в одной из прочитанных лекций говорил, что «когда в России будет твердая власть и дисциплина в армии, то тогда можно будет спокойно дойти до Учредительного собрания».[2] Более того, убежденный, что демократические идеи всегда будут слишком хороши для России, в августе 1917 года он писал: « Спасение России в возвращении к монархии». [3] И все же, по признанию члена ЦК кадетской партии В.А. Оболенского, «...перспектива военной диктатуры, которой содействовал Милюков, не пугала большинство членов ЦК».[4] Об этом же говорят протокольные записи заседаний ЦК от 11 и20 августа 1917 года,[5] хотя П.Н. Милюков, маскируя свои взгляды, и высказывался за поддержку Временного правительства.[6]

После провала заговора, ЦК партии кадетов решил «отмежеваться от военного мятежа».[7] Вместе с тем, выступление генерала Корнилова кадеты не относили к контрреволюционному и предательскому,[8] поэтому многие видные деятели партии народной свободы выразили желание быть защитниками по делу генерала Корнилова.[9]

Позиция конституционных демократов по вопросам войны и мира практически не изменилась, за исключением требования, выдвинутого при образовании второго коалиционного правительства – «единение с союзниками в ведении внешней политики».[10]

Кадеты шаг за шагом пытались вырвать армию из-под влияния социалистических партий и распространить на нее свое. Об этом свидетельствует и дальнейшая их практическая деятельность. Так, 14 июля ЦК Партии «народной» свободы, в ответ на предложение А.Ф. Керенского о вступлении ее представителей в состав коалиционного кабинета, было принято постановление, первым пунктом которого

---

[1] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.28. Л.3.
[2] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.584А. Л.19.
[3] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.6392. Л.1 об.
[4] ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.541. Л.196.
[5] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.699. Л.1-1 об.; Революционное движение в России в августе 1917 года. С.371-377.
[6] Речь. 1917. 17 августа.
[7] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.3428. Л.1.
[8] Там же. Л.1 об.
[9] Речь. 1917. 22 сентября.
[10] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.22. Л.7-8.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

стоял вопрос о армии.[1] В постановлениях ЦК партии народной свободы от 14 и 15 июля 1917 года указывалось на «необходимость коренного реформирования армии»[2] и ставилась задача «по принятию срочных, неотлагательных мер в деле воссоздания российской армии».[3] Во второй половине июля 1917 года данная линия партии была вновь подтверждена ее лидером П.Н. Милюковым.[4]

Рубежным в попытках конституционных демократов завоевать армию на свою сторону стал IX съезд партии, который решил любой ценой укрепить боеспособность армии, как инструмента власти.[5] На съезде развернулась широкая дискуссия по вопросам «что подразумевать под демократией» и «вовлекать ли армию в политику».[6] Делегаты IX съезда не приняли резолюцию, объявляющую армию вне политики, но в справке ЦК и Военной комиссии было сказано, что такая возможность не исключена.[7]

Квинтэссенцией работы IX съезда партии народной свободы было принятие программных положений «Об организации армии и флота Российской Республики», которые в виде тезисов были разработаны военной комиссией ЦК партии кадетов.[8] Ими предусматривалось комплектование армии на основе принципа обязательной воинской повинности с применением, по-возможности, территориальной системы. Срок прохождения военной службы устанавливался в зависимости от степени подготовки солдата. У выборных органов отнимались даже функции культурно-просветительской работы и оставались только хозяйственные.[9] П.Н. Милюков в статье «Итоги IX съезда партии народной свободы: дополнение военных вопросов к программе партии» писал, что «военная программа установила общие начала будущего преобразования армии».[10] Партия основала свою программу «на испытанных европейских началах и предложила построить взаимоотношения солдата и офицера на образцах, введенных в современных демократических государствах».[11]

---

[1] Там же. Д.15. Л.2, 3.
[2] Там же. Д.22. Л.7.
[3] Там же.
[4] См.: Аврамиди Ю.Н. Исторический опыт борьбы большевиков против буржуазных и мелкобуржуазных партий в ходе завоевания армии на сторону социалистической революции (февраль-октябрь 1917 г.) / Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1988. С.12.
[5] Речь. 1917. 28 июля.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] ВПНС. 1917. №11-13. С.14.
[9] Там же.
[10] Там же. С.1.
[11] Там же. С.2.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Работа по завоеванию армии на свою сторону еще более активизировалась в августе 1917 года. Под лозунгом «спасения армии» предлагались различные меры по стабилизации и сохранению боеспособности военной организации России. На заседаниях ЦК и различных совещаниях указывалось на необходимость «настойчивой борьбы с анархией и ростом преступности в армии».[1] Лично П.Н. Милюков разработал систему мер по поднятию авторитета и власти военачальников в армии.[2]

Несмотря на то, что многие социалисты считали, что «закрепление армии абсолютно и безраздельно за офицерами военной и гражданской властью – есть фактически диктатура буржуазии, которая имела своей целью ликвидировать влияние Советов и комитетов»,[3] П.Н. Милюков выделял офицерство как «единственную светлую точку в армии», «моральная высота которого достойна похвалы и удивления».[4] Документы свидетельствуют, что кадеты большое внимание уделяли работе среди юнкеров военных училищ, школ прапорщиков, которые готовили офицеров для армии.[5] Об этом говорит и тот факт, что при Военной комиссии ЦК была образована секция по работе с юнкерами военных училищ и школ прапорщиков.[6] Сам П.Н.Милюков только в июле выступил перед военной аудиторией 8 раз.[7]

Обозначила свое участие в политических событиях июля-августа 1917 года и радикально-демократическая партия.[8] Член этой партии, бывший кадет Н.В. Некрасов, выступая на Государственном совещании в августе 1917 года, самым решительным образом поддержал Керенского, заявив, что для спасения Родины нужны «и порядок, и жертвы, и оборона».[9]

В июле-августе 1917 года несколько активизировалось в связи со стремлением некоторых политических сил к «твердой власти» движение правых партий. После июльских событий настроение черносотенцев было довольно унылым.[10] Медленно, но неуклонно таяли надежды правых на восстановление монархии.[11] Неко-

---

[1] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.28. Л.2.
[2] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2085. Л.1-1 об.
[3] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.3. С.58.
[4] Голос. 1917. 28 июля.
[5] ВПНС. 1917. №14-16. С.22.
[6] ГА РФ. Ф.1791. Оп.6. Д.11. Л.110.
[7] Подсчитано автором по: Речь. 1917. 1-31 июля.
[8] Отечество. 1917. 29 июля.
[9] Цит. по: Государственное совещание. С.43.
[10] Чхартишвили П.Ш. Указ. соч. // Вопросы истории. 1997. №8. С.139.
[11] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.141-142.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

торое оживление в стане правых вызвала непосредственная подготовка к корниловскому выступлению.[1]

Надежды правых оказались несбыточными: корниловское выступление провалилось. Источники позволяют классифицировать черносотенные организации в июле-августе 1917 года следующим образом: классически черносотенные, черносотенные на 2/3 (в идеологии отсутствует монархизм, но присутствует реакционно трактуемое православие и антисемитизм) и пограничные.[2] Несмотря на некоторую активизацию движения и все более либеральную политику по отношению к ним властей, группы были, вероятно, немногочисленными и немноголюдными. Когда период российской истории, начавшийся попыткой левого переворота, подошел к концу, Россия оказалась на пороге правого переворота, тоже неудавшегося.

Все особенности развития событий в июле-августе 1917 года нашли свое выражение в массовом политическом сознании страны, в котором все более четко стали прорисовываться социальные составляющие. Даже П.П.Рябушинский определенно высказывался за то, что российская революция была революцией буржуазной.[3] Либеральная интеллигенция переоценивала моральное воздействие июльских событий на народные массы[4] и делала ставку на А.Ф.Керенского.[5] Военные, в лице генерала А.А. Брусилова, верили «в здравый смысл русского народа.»[6]

В этих условиях, когда массовое политическое сознание было сосредоточено на внутренних проблемах, даже проблема войны и мира из вопроса первостепенной важности превратилась в обыденную заботу, и если, иногда, выдвигалась на первый план, то, по мнению очевидцев, «уже как средство для сведения других политических счетов».[7]

Несмотря на то, что бескровная победа над большевиками имела громадное значение для подъема авторитета власти в тылу и на фронте, когда «масса притихла, пригнулась в испуге»,[8] обостренное чувство патриотизма и игра на больных чувствах ущемленного национального достоинства стали благодатной почвой для произрастания корниловского движения.[9] Постепенно критическая масса в сознании нарастала. Состоявшееся 14 июля собрание «офицеров, врачей и чиновников

[1] Русское слово. 1917. 27, 29 августа.
[2] ГА РФ. Ф.Р-9550. Оп.15А. Д.273. Л.1.
[3] Революция 1917 года (хроника событий). Т.2. С.181.
[4] См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.1. С.145.
[5] Оболенский В.А. Указ. соч. С.543.
[6] Станкевич В.Б. Указ. соч. С.9.
[7] Там же. С.114.
[8] Там же. С.97.
[9] См.: Октябрьский переворот. С.249; Станкевич В.Б. Воспоминания. С.115.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Петрограда и окрестностей» потребовало создания «твердой, патриотической власти», а всех политиков рекомендовалось «обуздать».[1] Образ «генерала на белом коне», его восхождение и возможная неудача, не только притягивал, но и пугал.[2] Понятно, что подобные стенания души ничего не решали, но растущее их обилие отрезало путь к национальному примирению.

Более прозаическими выглядят опасения значительной части российского общества в воспоминаниях генерала А.П. Краснова.[3] И все же отношение к корниловскому движению, по справедливому мнению А.И. Деникина, можно выразить в такой краткой формуле: «Сочувствие, но не содействие».[4] Отношение к поражению генерала Корнилова со стороны либеральной части общества было очевидным – поражения ему не простили.[5] Он, «против своей воли, в подлинном смысле явился акушером Октября», - писал «Социалистический вестник». [6] Не остались без внимания и колебания А.Ф.Керенского между Корниловым и Лениным.[7]

Состояние армии после провала наступления и июльского кризиса несколько улучшилось. К этому мнению пришли и руководство страны, и значительная часть командного состава.[8]

В качестве основного в данный период выдвинулся вопрос о власти, об отношении к противоборству Временного правительства и генерала Корнилова. Армия далеко неоднозначно определилась в этом противостоянии, хотя, по мнению П. Голуба, «третья часть армии активно поддерживала генерала Корнилова».[9] Высший командный состав посылал Временному правительству довольно лояльные телеграммы,[10] но офицерство почувствовало тогда, что его «бросила морально часть командного состава, грубо оттолкнула социалистическая демократия и боязливо отвернулась от него – либеральная».[11]

Несмотря на то, что некоторые офицеры «гуляли по пляжу», по целым неделям не показываясь в роты, несмотря на резолюции солдат с требованием, «чтобы

---

[1] Армия и флот свободной России. 1917. 16 июля.
[2] ГА РФ. Ф.6978. Оп.1. Д.298(2). Л.94 об.
[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.38.
[4] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.32.
[5] Социалистический вестник. 1954. №1. С.14.
[6] Там же. С.11-12.
[7] Московский комсомолец. 2000. 24 февраля.
[8] См., например: Керенский А.Ф. Последние дни и выступление генерала Корнилова. С.248; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.425; Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №7. С.60 и др.
[9] Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.132.
[10] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.468.
[11] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.84.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

офицеры явились на занятия»,[1] офицерский корпус российской армии даже в этих условиях продолжал искать пути ее оздоровления. Офицеры, в силу неспособности России вести войну в условиях революции, предлагали сделать выбор между победоносным завершением либо революции, либо войны.[2] Свой план спасения страны и армии был у офицерской организации частей 3-го конного корпуса, возникшей по инициативе генерала А.М. Крымова.[3] Предлагались и меры по отношению к офицерам, скомпрометировавшим себя недостойным поведением.[4]

Главные же надежды офицерский корпус в лице «Союза офицеров армии и флота» связывал с выступлением генерала Л.Г. Корнилова. [5] По воспоминаниям Л.Н. Новосильцева, Главному комитету Союза, лично генералу Корнилову со стороны кадетов была обещана политическая поддержка, а торгово-промышленная буржуазия согласилась оказать материальную помощь будущему диктатору.[6] По мнению большинства офицеров, заговора для захвата власти не было. [7] Л.Н. Новосильцев же считал, что выступление Л.Г. Корнилова несколько запоздало: оно «могло иметь успех только немедленно, только после Тарнопольского прорыва, когда был действительно некоторый порох в массах».[8]

После поражения корниловского выступления, как пишет генерал Н.Н.Головин, «в примитивно-политически мыслящем массовом офицерстве навсегда закрепилось убеждение, что всякий социалист должен быть, в конце концов, «предателем Отечества… . Второй раз офицерство вовлеклось в авантюру (первый раз – наступление – А. Ч.). Теперь это была политическая авантюра. Первая авантюра уже озлобила солдат против офицеров. Вторая сделала их врагами».[9] И еще одно важное изменение массового политического сознания офицеров в этот период подметил Н.Н. Головин: «Корниловщина окончательно подрывала в офицерстве идею Временного правительства. Это вело к диктатуре…. Наибольшие шансы имели в этом отношении большевики, которые были единственной из политических партий, сулившей немедленный мир».[10]

---

[1] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.103-104.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1493. Л.13; ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.2260. Л.1-2; Ф.523. Оп.3. Д.42. Л.5; Красный архив. 1925. Т.3. С.154; Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №7. С.64.
[3] См.: Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.25-26.
[4] ГА РФ. Ф.5827. Оп.1. Д.299. Л.7.
[5] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.1. Л.155 об, Л.157.
[6] Там же. Л.158.;Д.7. Л.31.
[7] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.11. Л.11 об; Ф.683. Оп.2. Д.7. Л.15.
[8] ГА РФ. Ф.6422. Оп.1. Д.9. Л.36 об.
[9] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.41-42.
[10] Там же. С.43.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Солдатская масса после июльского политического кризиса в лице своих комитетов и лично в многочисленных телеграммах выразили поддержку Временному правительству и осудили большевиков как провокаторов и изменников.[1] Вместе с тем, по свидетельству некоторых современников петроградские солдаты перешли на сторону Временного правительства только после начавшейся кампании по обвинению Ленина и большевиков в связи с немцами.[2]

Отношение действующей армии к властным структурам хорошо иллюстрирует опросный лист делегатов Северного фронта, согласно которому 25 полков выступили за лозунг «Вся власть Советам. Замена министров-капиталистов министрами-социалистами», 29 полков встретили в штыки введение смертной казни и формирование штурмовых батальонов, высказывались мнения и о роспуске Советов.[3] В июле-августе солдаты на фронте испытали большое разочарование, потому что их представительные органы (Советы и комитеты – А. Ч.) допустили репрессивные меры по отношению к армии, заставили их подчиняться офицерам и комиссарам и снова готовиться воевать. При этом большинство солдат не видели принципиальных различий между партиями и даже предлагали организовать партию социал-революционеров меньшевиков.[4]

Однако, несмотря на жесткие меры, армия выходила из повиновения командного состава. [5] По мнению генерала М.В. Алексеева, армия полностью прикоснулась к политике, она увлеклась митингами, она прикоснулась к желанию мира и к сохранению своей драгоценной жизни.[6] Все это дало основания Верховному Главнокомандующему генералу Л.Г. Корнилову выразить глубокие сомнения в том, что русская армия исполнит без колебания свой долг перед Родиной.[7]

На Юго-Западном и Румынских фронтах периодически практиковались расстрелы мародеров и дезертиров еще в начале июля.[8] Но официальный приказ о применении смертной казни по приговору военно-революционных судов последовал слишком поздно – 12 июля, когда общая неудача наступления стала слишком

---

[1] См.: РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.38. Л.1-200.
[2] Никитин Б.В. Роковые годы. Париж, 1937. С.137; Троцкий Л. История русской революции. Нью-Йорк, 1976. Т.1. С.147-148.
[3] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.108. Л.35.
[4] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1А. Д.374. Л.1.
[5] ГА РФ. Ф.5827. Оп.1. Д.299. Л.1; Голос фронта. 1917. 30 сентября; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.273.
[6] ГА РФ. Ф.3529. Оп.1. Д.3. Л.76.
[7] ГА РФ. Ф.3529. Оп.1. Д.4. Л.62.
[8] См.: Якупов Н.М. Революция и мир. (Солдатские массы против империалистической войны. Март 1917 – март 1918 г.). М., 1980. С.98.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

заметной. Солдаты могли теперь воспринять смертную казнь как месть со стороны генералитета.[1] Как ответная реакция поднимается первая волна солдатских расправ над офицерами и генералами.[2] Судя по всему, солдатские бунты имели повсеместное распространение: они как бы разделили армию на карателей и не желающих воевать. Основным итогом перехода власти к репрессивности стали многочисленные аресты.[3] На деле же картина получалась не столь устрашающей.[4]

В результате июльских карательных акций был нарушен основной дисциплинирующий принцип: отделение «зачинщиков» от легковерно соблазненных ими, демонстративное наказание первых и «отеческое» прощение вторых, что основательно отразилось на массовом политическом сознании. В массовом сознании солдат Керенский, зачастую, являлся неотъемлемой частью контрреволюции. Для рядового солдата корниловщина представлялась заговором против него самого и против революции, организованным высшим военным командованием и Керенским.[5]

Последствия корниловского выступления для массового политического сознания солдат были поистине катастрофичными. При упоминании Временного правительства «волны негодования, ненависти и недоверия захватывали солдатскую массу».[6] Солдаты просто не понимали, «кому верить, если свой Верховный Главнокомандующий ведет полки с фронта на Временное правительство, которому все присягали»,[7] они почувствовали себя со всех сторон окруженными изменой, а в каждом человеке, носящем погоны, видели предателя.[8] Военный историк делает следующий вывод: « Солдат пойдет за тем из политических лидеров, которые будут сулить ему скорейшее выполнение его желаний классового или даже эгоистического характера».[9]

С отношением к власти в массовом политическом сознании действующей армии в тесной связи находились составляющие отношения к своему воинскому долгу, вопросам войны и мира. Отношение армии к выполнению своего воинского долга несколько улучшилось: появились стыд, страх, апатия и непротивление в си-

---

[1] Якупов Н.М. Указ. соч. С.96, 98.
[2] Там же. С.98, 101.
[3] Там же. С.102, 104.
[4] Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С.129.
[5] См.: Войтинский В. Годы побед и поражений. 1917 год. Берлин, 1922. С.295-299.
[6] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.131.
[7] Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №7. С.67.
[8] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.130; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.63.
[9] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.63.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лу снятия нервного напряжения из-за отсутствия серьезных боевых операций, [1] выносились резолюции о строгом наказании преступников-изменников вплоть до расстрела.[2] Отдельные подразделения и части по прежнему были готовы до последнего бороться «за честь, свободу и землю великой Родины», «грудью защищать революцию от главного врага – германского империализма».[3] Военная цензура сообщала и о том, что братание с противником уменьшается.[4] Часть армии, правда, очень незначительная, предлагала объединить усилия всех русских людей в деле спасения России.[5]

Вместе с тем, как только солдатские организации с революционного, все ломающего способа действий, стали переходить к созидательной работе, они стали отрываться от масс и терять свое влияние на них,[6] а подавляющее большинство комитетов, как и солдатская масса, к организации революционных батальонов высказали резко отрицательное отношение.[7] Несмотря на требования офицерского состава запретить все разговоры в армии о мире, запретить газетам, вообще писать что-либо о мире,[8] армия, по воспоминаниям В.Д. Набокова, «стихийно не хочет воевать».[9] А.К.Уайлдмен считает, что массы были пассивны потому, что не знали, как поступить и как заставить свои органы повести себя «революционно».[10]

Резолюции комитетов различного уровня, письма в газеты, данные цензуры буквально вопиют о нежелании армии продолжать ведение войны. [11] Не случайно В.Набоков считал, что «умные люди должны придумать способ ликвидировать войну безболезненно, иначе произойдет катастрофа»,[12] а А.И. Верховский предлагал провести широкие реформы.[13]

В июле-августе 1917 года не потеряла остроты проблема национальных формирований и отношения к ним. [14] Украинизация проходила крайне болезненно, [15] были даже случаи, когда украинцы уходили со своими товарищами великорос-

---

[1] См.: Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.425-426; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1794. Л.50-51.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1789. Л.45.
[3] РГВИА. Ф.2620. Оп.2. Д.68. Л.429; ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.59. Л.93 об.
[4] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1356. Л.627; Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сб. документов. М., 1977. С.280.
[5] ГА РФ. Ф.5827. Оп.1. Д.299. Л.8 об.
[6] Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №7. С.65.
[7] РГВИА. Ф.2067. Оп.3. Д.2. Л.45 об.
[8] РГВИА. Ф.2139. Оп.1. Д.1673. Л.129.
[9] Страна гибнет сегодня. С.437.
[10] Уайлдмен А.К. Указ. соч. // Отечественная история. 1994. №2. С.21.
[11] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.108. Л.35; Ф.3529. Оп.1. Д.2. Л.28; РГВИА. Ф.2246. Оп.1. Д. 489. Л.42.
[12] Страна гибнет сегодня. С.437.
[13] Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №7. С.67.
[14] Якупов Н.М. Борьба за армию в 1917 году. С.169; РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.3803. Л.291; Д.3811. Л.16-19.
[15] РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.233. Л.18.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сами, с которыми их связывала дружба и служба в полку.[1] Но были и другие примеры.[2] «Национализация» превращалась в специфическую форму распада единого военного организма, а конфликты, связанные с ней, постепенно охватывали всю действующую армию.[3]

Образ врага также продолжал иметь место в массовом политическом сознании действующей армии, причем сфера его постоянно расширялась. После июльских событий значительная часть армии считала, что большевики являются определенным кристаллом, вокруг которого собрались дезорганизованные настроения масс,[4] поэтому необходимо бойкотировать их газеты[5] и даже найти достойную врагов Отечества кару.[6]

В образе врага все более стали выступать офицеры, которых под угрозой объявления их контрреволюционерами солдаты требовали переселить в казармы, обещая при переезде совершить над ними самосуд.[7] В 478 полку полковой комитет вынес постановление об опросе всех офицеров об их политических взглядах и убеждениях и об отчислении всех инакомыслящих.[8] Озлобление солдат значительно усилилось после выступления генерала Л.Г.Корнилова.[9]

Таким образом, автор на основании источников, делает вывод, что положение в армии стало особенно острым после корниловской истории, в корне разрушившей установленное доверие между командным составом и солдатами.[10]

Увлекаемая мощным потоком молодой демократии, не умея глубоко зондировать изменяющееся массовое политическое сознание, новая правящая элита не заметила быструю потерю доверия и поддержки со стороны широких масс населения, а раскол в революционном лагере начал принимать лавинообразный характер. Вертикаль исполнительной власти, увенчанная Временным правительством, обвиненная в связях с корниловцами, зашаталась, теряя первоначальную массовую поддержку. Акцент в революции все больше смещался в область разрушения, низвержения, отрицания в ущерб созиданию, строительству, приращению.

---

[1] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.2986. Л.21.
[2] ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.220. Л.17; РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.41. Л.2; Д.233. Л.19; Ф.2067. Оп.1. Д.22. Л.65.
[3] См.: Френкин М.С. Русская армия и революция… С.218-220, 222-223, 332-334.
[4] ГА РФ. Ф.3529. Оп.1. Д.3. Л.24.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.53. Л.107.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1789. Л.28;Оп.1. Д.1794. Л.57.; Войтинский В. Указ. соч. С.94.
[7] См.: Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №7. С.62.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.533. Л.18.
[9] ГА РФ. Ф.2003. Оп.1. Д.533. Л.128-148; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.69.
[10] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. .Д.1. Л.8.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

События конца августа 1917 года выявили просчеты и ошибки лидеров революции, их поспешность с отказом от монархической формы правления как исторически сложившегося «обруча», который мог бы удержать общество от экстремизма, эгоизма, романтизма, революционаризма. Утрачивала свою авангардную роль интеллигенция, расплачиваясь за оторванность многих ее представителей от реальной жизни, за незнание потребностей общества, за склонность к возвышенным идеальным схемам, бунтарство, воинствующий атеизм. Временное правительство растеряло потенциал патриотизма, державности. Слишком радикально рассчитавшись с политическим прошлым, революция делала проблематичным свое будущее.

Страна медленно, но неуклонно скатывалась в пропасть. Не дожидаясь созыва Учредительного собрания, 1 сентября 1917 года Временное правительство провозглашает Российскую республику. Своею главною задачей оно считает «восстановление государственного порядка и боеспособности армии...».[1] Режим Керенского все менее напоминал демократическую форму правления, и все более походил на режим личной власти.

В период существования Директории, или «Совета пяти», политический кризис высшей власти не был разрешен и принял характер трагифарса. А.Ф.Керенский по своим личностным качествам не мог реально осуществлять функции диктатора. Он лишь играл роль революционного тирана. 14-22 сентября было созвано Демократическое совещание, призванное прояснить соотношение политических сил и настроений. Был продолжен курс на коалицию с кадетами в составе Временного правительства. Большинство политических партий встретили создание Предпарламента без восторга. [2] Точку поставил Амфитеатров-Кадашев: «В нашем блудословном отечестве всякая брань на вороту висит, и, натурально, отказ Предпарламента хорошенько обложить большевиков может способствовать намерению Троцкого нас скушать».[3]

25 сентября было создано третье коалиционное Временное правительство, преимущественно либерально-социалистического характера, которое Ф. Дан назвал «коалиционным недоноском».[4] Военным министром был назначен А.И. Верховский.

---

[1] Нива. 1917. №33.
[2] См.: Герасименко Г.А. Народ и власть. М., 1995. С.279.
[3] См.: Минувшее. Т.20. С.491.
[4] Цит. по: Герасименко Г.А. Указ. соч. С.279.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Однако эта линия демократизации, парламентаризма «перебивалась» другой линией, когда городские, сельские и армейские низы все активнее, самостоятельно, независимо от властей, а чаще – наперекор им, решали свои жизненные проблемы. Революция вступала в новый этап. Возможность реализации двух четко обозначившихся альтернатив ее движения зависела теперь от таланта политического руководства, его гибкости, умения оперативно осмысливать всю толщу общественных настроений, выявлять созидательный и разрушительный потенциал основных социальных групп.

Последовательность курса демократических сил была похвальной. Все больше укрепляясь во власти, социалисты, становясь государственными деятелями, меняли свое отношение к социальным и общенародным интересам, выдвигая на первый план общегосударственные. [1] Однако эта линия не вбирала, не откликалась оперативно на то новое, широкое, грозное, разрушительное, что множилось на уровне обыденного настроения, поведения, психологии беднейших и исстрадавшихся на фронте и в тылу масс. Временное правительство оказалось в состоянии войны практически против всех. [2]

Крупнейшим и грубейшим политическим просчетом власти, определившим последующую судьбу, как свою собственную, так и всей России, было неверие в готовность большевиков взять власть и, особенно, в способности удержать ее. Но 8 сентября 1917 года, ликвидировав отдел политической контрразведки, А.Ф. Керенский лишил себя главного источника информации о планах большевиков.[3] В этих условиях незаурядный специфический талант проявили леворадикальные элементы, уловившие буквально исторический миг – с конца сентября до созыва II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, - когда можно было воспользоваться слабостью, просчетом, ошибкой политического противника, чтобы положить его на лопатки. В этом единовременном соединении разнородных факторов заключены и элемент случайности, и некое логическое проявление самодвижения, саморазвития революционного процесса через сознание и поведение людей, не получивших еще для себя значимых результатов от революции.

Но даже делегаты Второго съезда Советов, состоявшего из большевиков, их сторонников и попутчиков, не были расположены дать большевистскому руково-

---

[1] Милюков П.Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Т.1. С.71-72, 74; Речь. 1917. 7 сентября.
[2] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.113; Российский военный сборник. №9. С.136.
[3] Новая жизнь. 1917. 9 сентября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дству диктаторские полномочия. Участники съезда, на который большевики впоследствии ссылались как на источник права и законности, на вопрос, как они видят будущую власть в стране, ответили следующим образом: «Вся власть Советам – 75%, «Вся власть демократии» – 13%, «Вся власть демократии и цензовым элементам без кадетов» – 3%, «Вся власть должна быть коалиционной» – 8,6%, не заполнено – 0,4%.[1]

Военная ситуация для России продолжала оставаться крайне сложной. Положение усугублялось тем, что правительству приходилось сражаться на два фронта: с Германией и ее союзниками на внешнем фронте, со значительными силами, требующими подписания сепаратного мира, - внутри страны. Причем силы эти, как утверждал А.Ф. Керенский, выступали практически синхронно, начиная с лета 1917 года.[2]

Понимая, что вопросы войны и мира стали главными в жизни страны, Временное правительство выразило к ним свое отношение в декларации от 25 сентября, где практически ни в чем не изменило своих туманных, неконкретных позиций по этому вопросу. [3] Оно не собиралось ни «отменять войну», ни даже коренным образом «изменять» ее.[4] Среди членов кабинета министров были и сторонники заключения мира, в частности, военный министр А.И. Верховский. Оценивая положение фронта как катастрофическое, он считал, что выхода нет.[5] 22 октября А.И. Верховский подал в отставку в связи с отказом А.Ф. Керенского вести переговоры о сепаратном мире, что являлось последним шансом Временного правительства, как он сам позже и признался.[6]

Продолжение гибельной политики – «либо война убьет революцию, либо революция убьет войну» - совершенно неожиданно привела к разрешению кризиса власти в совершенно ином аспекте. Подчеркивая это как социальный вывод, Н.Н. Головин резюмировал: «Конец современной большой войны в стране, народные массы которой потеряли веру в победу, создает чрезвычайно благоприятные условия для появления у власти крайних партий».[7]

---

[1] См.: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.-Л., 1928. С.107.
[2] См.: Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. М., 1994. Кн.1. С.207.
[3] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.112; Революционное движение в России в сентябре 1917 года. Общенациональный кризис. Документы и материалы. М., 1961. С.216, 218, 219; Станкевич В.Б. Воспоминания. С.135.
[4] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.136.
[5] Октябрьский переворот. С.269.
[6] Ерашов В.П. Керенский. М., 1998. С.502-503, 511; Энгельгардт Б.А. Воспоминания камер-пажа // Военно-исторический журнал. 1994. №9. С.73.
[7] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.129.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Чувствуя себя крайне неуверенно, правительство, как никогда ранее, активизировало свою деятельность, правда, слабореализуемую, по укреплению армии, которая после подавления корниловского выступления находилась в плачевном состоянии. На крайне низкое состояние духа армии, как у солдат, так и офицеров,[1] наложился полный крах в материальном снабжении войск.[2] Солдаты встречали четвертую зиму в сырых окопах, голодные, раздетые. Не добавили армии положительных эмоций распоряжения по использованию ее как карательной силы.[3]

Уже 1 сентября 1917 года вышел приказ А.Ф. Керенского №907, который предписывал «прекратить политическую борьбу в войсках и обратить все усилия на нашу боевую мощь, от которой зависит спасение страны».[4] 10 и 12 октября в Совете Республики состоялись два специальных совещания, посвященных обороне страны и поднятию боеспособности армии.[5] Оздоровление армии началось с попыток применения репрессивных мер, которые, правда, были не такими резкими, как в июле-августе. Прежде всего, предусматривалось реформирование тыловых частей.[6] Но этому плану было суждено остаться только на бумаге. Одновременно к середине сентября только на Северном, Западном и Юго-Западном фронтах было сформировано 34 ударных батальона, насчитывавших 80 тыс. человек.[7] Особо жестокие меры предлагалось направлять против братания, которое, по мнению командования, из всех эксцессов является самым важным, так как, с одной стороны, оно служит проявлением наивысшей деморализации войск, а с другой стороны, сильнее всего подрывает основы боеспособности и дисциплины.[8]

Временное правительство по-прежнему с недоверием и даже неприязнью относилось к офицерскому составу, приставив к ним в качестве соглядатаев войсковые комитеты и комиссаров.[9] С марта по октябрь 1917 года оно уволило в отставку более 400 генералов, а в генералы произвело 302 полковника.[10] Реформирование армии в сентябре также началось с нового изгнания лиц командного состава: в течение месяца было уволено «за контрреволюцию» 20 высших чинов.[11]

---

[1] Октябрьский переворот. С.271.
[2] РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.91. Л.35.
[3] ГА РФ. Ф.1791. Оп.7. Д.18. Л.79; Оп.2. Д.156. Л.197, Л.198.
[4] Революционное движение в России в августе 1917 года. С.471.
[5] См.: Милюков П.Н. История второй русской революции. Вып.2. С.134, 143.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.512. Л.14; Ф.2000. Оп.3. Д.2719. Л.681; Ф.2003. Оп.2. Д.678. Л.280.
[7] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.59. Л.272-273.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1507. Л.72; Революционное движение в русской армии. С.433; Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.166.
[9] См.: Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.118, 119.
[10] Русский. 1992. №19.
[11] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.118.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Временное правительство пыталось снискать расположение со стороны солдатской массы. Оно пошло навстречу пожеланиям войсковых комитетов о предоставлении льготного прохождения службы воинам, имевшим на то существенные права. [1] 25 сентября принято уникальное в практике войн распоряжение о демобилизации солдат, старше сорока лет.[2] Все это вызывало раздражение и озлобление одной части действующей армии по отношению к другой, действующей армии – к тыловым частям и создавало опасные прецеденты для распространения демобилизационных и антивоенных настроений.

Изменилась позиция руководства страны и армии к национальным формированиям. Командование признало необходимость широкой национализации частей [3] для «улучшения внутренней спайки, повышения дисциплинированности и боеспособности армии»,[4] «возрождения национального духа массы в противовес интернациональной пропаганде».[5] В начале октября политическое управление Военного министерства разработало проект положения о национальных секциях при войсковых организациях.[6] Следующим шагом явились «Основные положения национализации армии». Для рассмотрения вопросов общего характера при Военном министерстве планировалось создание «особого совета» из представителей военно-национальных организаций. [7] В середине октября Временное правительство и Ставка активно занялись формированием даже мусульманских частей.[8]

Временное правительство не снижало своей активности и в области политического воздействия на массовое сознание действующей армии. После подавления корниловского мятежа оно сделало еще один шаг по укреплению института своих комиссаров в армии. 31 августа управляющий Военным министерством Савинков утвердил «Основные положения о военных комиссарах и войсковых организациях». Иерархически институт военных комиссаров был дополнен должностями военкомов в корпусах, а также в военных округах и бригадах во фронтовом тылу. Были уточнены полномочия военкомов.[9] «Основные положения» предлагались в качестве руководства для практической деятельности военкомов до выработки развернутого «Положения» по данному вопросу. Этот документ знаменовал по-

[1] РГВИА. Ф.2000. Оп.3. Д.1236. Л.261.
[2] Родина. 1997. №11. С.19.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1506. Л.91; Оп.2. Д.329. Л.35,
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1506. Л.91.
[5] Там же. Л.112.
[6] РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.233. Л.95; Ф.2003. Оп.4. Д.49. Л.66.
[7] РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.41. Л.8, Л.17, 17 об., 18.
[8] Известия Всероссийского мусульманского военного шуро. 1917. 31 декабря.
[9] Войсковые комитеты действующей армии. С.296-301.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

пытку правительства на волне антикорниловских настроений поставить армию исключительно под свой контроль. 16 октября 1917 года очередное «Положение о военных комиссарах» вступило в силу.[1] 20 октября 1917 года вышло постановление Временного правительства о мерах по поддержанию дисциплины в армии, предусматривавшее перевод частей с расшатанной дисциплиной в разряд штрафных (идея принадлежала комиссару Северного фронта Станкевичу – А.Ч.).[2]

21 сентября Военным советом был утвержден проект под названием «Временное положение о Политическом управлении Военного министерства». Приказ по военному ведомству №619 был подписан 30 сентября 1917 года. Однако к этому времени управление уже начало действовать. Еще 7 августа приказом и.о. начальника Политического управления был назначен ответственный редактор политического отдела газеты «Армия и флот свободной России» Ф.А. Степун, которому поручалось «приступить к формированию Политического управления».[3] 28 сентября Военный Совет утвердил представление канцелярии министерства о переименовании четвертого помощника военного министра в помощника министра по политической части.[4] Этим помощником и Начальником политического управления было одно и то же лицо.

В сентябре в управлении было подготовлено очередное представление в Военный Совет о выделении на агитационно-пропагандистскую работу в действующей армии 2 млн. рублей. В ближайшем будущем предполагалось довести расходы на пропаганду до 10 млн. рублей.[5] Расходуя значительные средства на ведение агитационно-пропагандистской работы в действующей армии, командование, тем не менее, требовало от комиссаров и выборных организаций принять меры «против распространения в армии пораженческой печати и взглядов и беспощадной борьбы с отдельными агитаторами»,[6] а от Временного правительства постоянно просило ведения агитационной работы, так как «армия предоставлена самой себе».[7] Даже в правилах и порядке предвыборной агитации в армии запрещались «публичные призывы к братанию и немедленному перемирию на фронте под страхом уголовного наказания, как и за государственную измену».[8]

---

[1] Шляпников А.Г. Указ. соч. Т.3. С.456-457.
[2] Исторический архив. 1961. №4. С.110.
[3] РГВИА. Ф.29. Оп.3. Д.997. Л.87, 90.
[4] Там же. Оп.7. Д.347. Л.10 об., 11.
[5] Там же. Оп.3. Д.634. Л.74.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1506. Л.98.
[7] ГА РФ. Ф.1778. Оп.1. Д.418. Л.1-2.
[8] ГА РФ. Ф.1779. Оп.2. Д.583. Л.51 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Многие командиры пытались делать упор на силу образования и просвещения.[1] В частях проводились лекции и беседы для ознакомления офицеров с политико-экономическими вопросами и учениями различных партий, на которые в качестве лекторов приглашались комиссары и наиболее просвещенные и образованные члены комитетов.[2] Правда, некоторые руководители армии довольно скептически относились к эффективности агитационно-пропагандистской работы.[3]

Считая положение на фронте катастрофическим, российские государственные военные деятели предлагали свои рецепты спасения армии и страны. С программой по поднятию боеспособности армии к весне 1918 года выступил начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Духонин. [4] Комиссар Ставки В. Станкевич предлагал радикально сократить армию до 15-20 корпусов избранного состава, наполовину состоящих из офицеров, прекрасно снабженных и вооруженных. Он считал, что появившиеся воинственные и грабительские инстинкты солдат, их решительность и предприимчивость необходимо направить на противника, предоставив солдатам право подработать на фронте, а не ограничивать их заработок пятью рублями в месяц.[5] Кроме того, он считал необходимым создать возможно больше военных училищ, а в каждом значительном городе или около каждой значительной станции – школу прапорщиков, которая должна была служить опорой порядка.[6]

Основной ошибкой командования, по мнению А. Керсновского, следует признать его ставку на массы, стремление «поднять боеспособность армии», «спасти армию», имея в виду всю совокупность десяти миллионов вооруженных, но не желающих драться «граждан». Надо было махнуть рукой на навозную кучу и выбрать из разложившейся массы еще не успевшие разложиться элементы – офицерский состав и охотников. Тогда, был уверен А.Керсновский, перемирие 11 ноября застало бы нашу возрожденную армию уже на линии старого фронта, а на Парижской конференции голос России зазвучал бы довольно властно.[7]

---

[1] См.: Краснов П.Н. На внутреннем фронте // А.Р.Р. Т.1. С.142.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1506. Л.135 об.-136.
[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.149.
[4] ГА РФ. Ф.1239. Оп.1. Д.27. Л.9-13; Исторический архив. 1961. №4. С.98-101; Красный архив. 1925. Т.3(10). С.170.
[5] См.: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.136-137.
[6] Там же. С.138.
[7] См.: Российский военный сборник. №9. М., 1995. С.290-298.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Но времени на такое реформирование история Временному правительству не отпустила: «полный развал армии дал низшим классам полнейшую свободу»,[1] и власть в стране к утру 25 октября перешла к большевикам.

Если после июльского кризиса наметилось явное замедление советского движения, то в ходе и после подавления корниловского мятежа маятник резко качнулся в другую сторону. Общественно-политическая обстановка в стране явилась благотворной для распространения лозунга «Вся власть Советам!»[2] Массовый и необратимый характер приняла большевизация Советов. [3] Советы, солдатские комитеты, рабочая милиция и Красная Гвардия превращались большевиками в основные институты революционного захвата власти явочным путем в условиях распада российской традиционной государственности и слабости новых органов демократии методом ползучего социально-политического переворота.

Активизация Советов проявлялась односторонне. Инициируемая снизу, она всячески тормозилась сверху – Центральными исполкомами Советов. Их партийные лидеры, противясь советизации, иначе понимали сущность российской революции, природу демократии, перспективы развития страны, тенденции развития общемировой цивилизации. Значительная часть руководства Советов, все больше разочаровываясь в коалиции с кадетами, была еще не готова к разрыву с ними, что было на руку большевикам, с успехом проводившим в жизнь нужные им решения.[4] Так, 9 октября пленум Совета предпочел версию большевиков и проголосовал за создание Комитета революционной обороны.[5] Эта необычайная резолюция давала большевикам возможность контроля вновь создаваемых боевых отрядов населения.

Лидеры Советов даже объявили о «кризисе советской организации» и необходимости замены Советов более совершенными органами местного самоуправления,[6] ибо творческая роль Советов исчерпана, дальнейшее их развитие наносит непосредственный ущерб закреплению революции,[7] и они не могут быть составным элементом государственной организации демократической республики.[8]

---

[1] Каутский К. Терроризм и коммунизм // Политические исследования. 1991. №1. С.175.
[2] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.113.
[3] Рабочий. 1917. 1 сентября; Рабочий путь. 1917. 21 сентября.
[4] Новая жизнь. 1917. 27 сентября.
[5] Революция 1917 года: Хроника событий. Т.5. С.238.
[6] Известия Центрального исполнительного комитета. 1917. 12 октября.
[7] День. 1917. 6 октября.
[8] Дело народа. 1917. 6 октября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Не претерпела принципиальных изменений позиция Советов по вопросам войны и мира. 7 октября в «Известиях ЦИК» был опубликован «наказ Скобелеву» - инструкция ЦИК Советов, в которой делегировавшемуся на межсоюзническую конференцию в Париже М.И.Скобелеву поручалось от имени российской демократии добиваться достижения мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов.[1] П.Н.Милюков, давая анализ этого акта на Совете Республики, разделил его содержание на «три концентрических круга мыслей»: общепацифистский (положения этого рода встречали критику, но не осуждение), стокгольмский (манифест организационного комитета Стокгольмской конференции 4 октября) и специально-советский, представлявший переложение стокгольмского, исправленного в духе утопизма и...германских интересов.[2] Подвел итоги «гибельной внешней политики» Советов и Н.Н. Суханов.[3]

Лидеры Советов не смогли своевременно заметить необратимых изменений в массовом политическом сознании действующей армии. Они оставались категорическими противниками «национализации» войск, считая, что формирование национальных полков – это «преступление», которое подрывает доверие к Временному правительству и ослабляет «готовые к бою» войска.[4] Намереваясь использовать Вооруженные Силы в противостоянии с большевиками, Ф. Дан на Совете Республики предлагал принять «решительные акты в области борьбы за мир, перехода помещичьих земель в руки крестьян и ускорения созыва Учредительного собрания». [5] В целом, оценивая военно-политический курс Совета, военный историк В. Руднев писал: «Военная политика, проводимая Петроградским Советом от имени всей демократии под идейной гегемонией циммервальдцев, была основана на совершенно ложном и утопическом, как оказалось, расчете на энергичное выступление международного пролетариата».[6]

В критические дни октября 1917 года наиболее дальновидные деятели Советов, понимая, что бороться с большевиками чисто военными средствами было невозможно, так как «таких средств не было и быть не могло»,[7] «требовали от правительства немедленного обращения к союзникам с предложением открыть переговоры о всеобщем мире; немедленной передачи всех помещичьих земель в руки ме-

[1] Былое. 1918. №12. Кн.6. С.24-25.
[2] См.: Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.112-113.
[3] Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн.6. С.226-227.
[4] РГВИА. Ф.2067/С. Оп.1. Д.92. Л.392; Д.18. Л.36.
[5] Дан Ф.И. Последняя попытка лидеров ЦИКа // Октябрьский переворот. С.285, 289.
[6] Руднев В. Армия и революция // Российский военный сборник. Вып.3. М., 1994. С.261-262.
[7] Октябрьский переворот. С.383.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

стных земельных комитетов как залога разрешения аграрного вопроса в духе требований крестьянской массы; ускорения созыва Учредительного собрания».[1] Но и эти несколько запоздалые предложения были А.Ф.Керенским отклонены со словами: «Правительство в наставлениях и указаниях не нуждается...теперь время не разговаривать, а действовать».[2]

II съезд Советов ни в коей мере не отражал расстановку политических сил в стране. Крестьянские организации отказались принять в нем участие, объявили его незаконным и призвали Советы по всей стране его бойкотировать.[3] На том же основании отказались прислать своих делегатов армейские комитеты.[4] В действительности, это было собрание тех городских и армейских Советов, в которых большевики имели значительный перевес, специально созванное по этому принципу.[5] И хотя решения, принятые им, оказали исключительно важное значение для будущего России, Л.Д.Троцкому следовало бы более аккуратно выбирать выражения, когда он характеризовал II съезд как «самый демократический парламент из всех парламентов мировой истории».[6]

Анализируя источники, автор пришел к выводу, что неспособность правительства решить важнейшие проблемы, бессилие всех традиционных институтов власти, все более широкое развертывание социальных движений, неудача военного путча генерала Корнилова позволили большевикам к концу августа 1917 года снова появиться на сцене в ситуации, весьма благоприятной для захвата власти вооруженным путем. В сентябре и октябре численность партии большевиков неуклонно росла и к началу октябрьского переворота насчитывала около 350 тыс. человек.[7] К октябрю 1917 года большевики уже имели 85 периодических изданий, в том числе 26 ежедневных, общим тиражом около 3,5 млн. экземпляров в неделю[8] или 600 тыс. экземпляров в день.[9] Кроме того, печаталось несколько десятков советских, профсоюзных и других газет пробольшевистского характера.[10] Англий-

---

[1] Октябрьский переворот. С.381; Октябрьская революция (мемуары). Л., 1926. С.129-130.
[2] Октябрьская революция (мемуары). С.131.
[3] См.: Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1929. Т.1. Ч.1. С.288.
[4] Революция 1917 года: Хроника событий. Т.5. С.182.
[5] Там же. С.284.
[6] Троцкий Л. История русской революции. Берлин, 1933. Т.2. Ч.2. С.327.
[7] Октябрьская революция: вопросы и ответы. М., 1987. С.225.
[8] Бережной А.Ф., Астрахан Х.М., Сазонов И.С. Большевистская печать в борьбе за власть Советов (март-октябрь 1917 года). Л., 1960. С.203.
[9] Якупов Н.М. Борьба за армию в 1917 году. М., 1975. С.140.
[10] Бережной А.Ф., Астрахан Х.М., Сазонов И.С. Указ. соч.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ский историк Р. Петибридж подчеркивал, что в руках большевиков печать являлась «могущественным инструментом».[1]

Краеугольным камнем стратегии В.И. Ленина по завоеванию власти были вопросы заключения мира. Он до предела нагнетает социальную ярость, подстегивает нетерпение масс, обещает мир в обмен на поддержку его партии. [2] Вопрос о мире большевики неразрывно связывали с переходом власти в руки Советов. [3]

Ленин никому не хотел отдавать свой главный козырь: обещание народу немедленного мира. Будучи неплохим психологом и отличным тактиком, вождь большевиков не видел достойных контраргументов своему замыслу. Он понимал, что народ пойдет не столько за большевиками, сколько за миром, представлявшимся в обыденном сознании как всеобщая панацея, универсальное избавление от бед и лишений. Никто не хотел видеть, что Германия тоже стояла на пороге своего неминуемого поражения и, возможно, мир мог быть достигнут более быстро в условиях объединения союзников. Но большевики уже внесли идею немедленного мира в массовое политическое сознание так глубоко, что никто не хотел ни ждать, ни думать, что будет после большевистского мира, хотя некоторые осторожные большевики сознавали, что им приходится блефовать: в случае победы они не смогут дать ни хлеба, ни мира.[4]

По мнению В. Булдакова, Ленин об этом даже не задумывался – идея сорвать банк подавила все остальное, но его тактика на деле отражала смятение человека, панически опасающегося (еще с 1916 года), что существующая власть заключит сепаратный или иной мир и оставит партию мировой революции не у дел.[5] К. Каутский впоследствии так оценивал эту тактику большевиков: «Они поощряли всеми мерами разложение армии, немало не заботясь о том, оказывают ли они этим содействие германской военной автократии или нет».[6]

Большевизация столичных Советов предопределила восстановление лозунга «Вся власть Советам!», под которым В.И. Ленин понимал «призыв к восстанию»,[7] желание «добить Временное правительство во что бы то ни стало»,[8] необходи-

---

[1] Pethybrige R. The Spread of the Russian Revolution. Esays an 1917. London, 1972. P.142.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.227, 245, 247.
[3] Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С.52; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.285, 350, 389.
[4] См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С.225-226; Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. Кн.1. С.279.
[5] См.: Булдаков В. Красная смута. С.194.
[6] Каутский К. Указ. соч. // Политические исследования. 1991. №1. С.175.
[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.388.
[8] Там же. С.347.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мость взятия большевиками государственной власти.[1] Ленин разработал всю стратегию вооруженного захвата власти[2], настаивал, что власть надо непременно захватить вооруженным путем перед созывом II съезда Советов.[3] Он понимал, что другие социалистические партии осудят вооруженный переворот[4], но им останется играть роль оппозиции, отдав всю власть в руки большевиков.

Сформулировав курс на вооруженное восстание, В.И. Ленин с величайшей педантичностью разработал условия победы восстания,[5] правила вооруженного восстания,[6] план восстания,[7] создал органы руководства восстанием в лице Политбюро, Военно-революционного центра, Военно-революционного комитета, куда по его предложению вошли и семь левых эсеров.[8] 10 октября, несмотря на напоминание Л.Д. Троцкого о начале работы съезда Советов, В.И. Ленин ответил, что вопрос о втором съезде Советов…его совершенно не интересует[9] и сумел привлечь на свою сторону большинство участников совещания, обсуждавших этот вопрос.[10] Тактика большевиков заключалась в том, чтобы спровоцировать правительство на репрессивные меры и затем начать переворот под прикрытием лозунга защиты революции. Эта тактика не была секретом.[11]

И все же по вопросам вооруженного восстания и захвата власти в партии большевиков не было полного единодушия. По свидетельству Л. Троцкого, в сентябре никто не согласился с Лениным в том, что восстание надо поднимать незамедлительно.[12] Серьезные сомнения в правильности избранного курса высказывали Л.Б. Каменев[13] и А.В. Луначарский.[14] По свидетельству Л. Троцкого, решительно выступал против восстания Чудновский. Скептический Мануильский предостерегающе твердил, что «фронт не с нами». Против восстания был Томский, Володарский поддерживал Зиновьева и Каменева.[15] Сам Л. Троцкий связывал начало восстания с созывом съезда Советов, чем, по словам Д. Волкогонова, «нена-

---

[1] См.: Рабинович А. Указ. соч. С.204-205.
[2] Черная книга коммунизма. С.75.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.281.
[4] Дан Ф.И. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946. С.369.
[5] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.242-243.
[6] Там же. С.383.
[7] Там же. С.247.
[8] См.: Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы: В 3-х т. М., 1967. Т.3. С.663-664.
[9] Троцкий Л. О Ленине. М., 1924. С.70-71.
[10] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М., 1958. С.86.
[11] Дело народа. 1917. 1 октября; Троцкий Л. О Ленине. С.69; Документы великой пролетарской революции. М., 1938. Т.1. С.3.
[12] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.146.
[13] ГА РФ. Ф.1798. Оп.1. Д.9. Л.1.
[14] РГАСПИ. Ф.142. Оп.1. Д.12. Л.122-122 об, Л.135 об, Л.137-138.
[15] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.356.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вязчиво ставил вопрос о превращении партийной революции в подлинно народную»[1] за счет конституирования власти большевиков на более широкой народной базе.

В своем знаменитом письме «штрейкбрехеры революции» Л. Каменев и Г. Зиновьев в качестве альтернативы восстанию предлагали возврат к мирному пути развития революции, к решению вопроса о власти на основе сотрудничества всех социалистических партий и образования многопартийного правительства.[2] В этом случае целью большевиков, как писали они, должно было быть: «Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем».[3] Такой комбинированный тип государства, как переходную ступень, не исключал и В.И. Ленин.[4] Но объективно, по мнению лидеров большевиков, Учредительное собрание не вписывалось в Республику Советов снизу доверху.[5] По свидетельству В.Д. Бонч-Бруевича, В.И. Ленин в начале 1918 года назвал «глупостью» обещание большевиков созвать Учредительное собрание.[6]

Анализ работ В.И. Ленина конца августа показывает, что он скрупулезно выявлял тенденции, отмечал явления, которые обобщенно свидетельствовали об обнажившемся кризисе власти, об основных носителях протеста и сопротивления, к которым, по мнению К. Каутского, относились «огромные массы русского народа, которые знали лишь о своих нуждах, о своих стремлениях, и которые плевали на то, осуществимы или нет, общественно полезны или нет при данных условиях их требования».[7] В сентябре этот реестр быстро пополнялся, в октябре дополнялся все новыми и новыми штрихами. В. Булдаков считает, что сам же большевизм был «генератором нетерпения масс», не имеющим ничего общего с «нормальной политикой вообще».[8]

Вместе с тем, в 1924 году лишь немногие эмигрантские издания наконец-то дошли до понимания, что «не столько Ленин управлял массами, как сам испытывал их бурное давление»,[9] что «гений его состоял в том, что он понял, что отныне царствовать будет хаос, и хаос он сделает своим оружием».[10] О том, что большеви-

---

[1] Волкогонов Д. Лев Троцкий. Политический портрет // Октябрь. 1991. №7. С.128.
[2] См.: В защиту «штрейкбрехеров» революции // Отечественная история. 1993. №2. С.143-146.
[3] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С.88.
[4] Там же. С.87.
[5] Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С.43.
[6] Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931. С.245.
[7] Каутский К. Указ. соч. // Политические исследования. 1991. №1. С.174.
[8] Булдаков В. Красная смута. С.219.
[9] Слоним М. Великий неудачник // Революционная Россия. Прага. 1924. №33-34. Январь-февраль.
[10] Талин В.И. У гроба великого диктатора // Заря. Берлин. 1924. №1(33). Январь.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ки педалировали требования масс, открыто писал в 1925 году и Н.И. Бухарин. [1] Более того, массы сами подбирали лидеров по привычному принципу. «В деле подчинения одного человека другому главную роль играет, во-первых, бесповоротность идеалов, во имя которых предпринято подчинение, а, во-вторых, личная энергия, с которою ведется процесс подчинения и сумма которой всегда находится в тесной зависимости от ясности и определенности идеалов», - заметил в свое время М.Е. Салтыков-Щедрин.[2] Этой схеме отношения лидера и массы наилучшим образом стала отвечать большевистская партия. Похоже, большевики это ощущали.[3] И все же, несмотря на сильные элементы популизма в политике большевиков, весьма спорным, на наш взгляд, является высказанное В.И.Лениным в работе «Кризис назрел» положение о том, что большевики вместе с левыми эсерами имели в стране большинство и «в этом ни тени сомнения быть не может».[4] Через месяц эту ленинскую уверенность полностью опровергнут результаты выборов в Учредительное собрание.

После разгрома корниловского движения значительно активизировалась деятельность большевиков в действующей армии.[5] Численность большевиков, находящихся на театре военных действий достигала 70 тыс. человек.[6] К октябрю большевистские организации на армейском уровне были созданы в десяти армиях из 14, а во фронтовом масштабе – на четырех фронтах из пяти.[7] ЦК РСДРП(б) имел прямые связи со 130 военными организациями.[8] Для солдат и матросов выходило 15 большевистских газет, разовый тираж 11 из них достигал 140 тыс. экземпляров.[9]

ЦК партии большевиков проводил решительную линию на отмежевание военных большевиков от оборонцев,[10] а военная организация при ЦК РСДРП(б) призывала солдат устранить меньшевиков и эсеров из армейских комитетов.[11] В результате политического размежевания в ходе подготовки к выборам в Учредительное собрание к октябрю осталось четыре объединенные армейские партийные организации и одна фронтовая.[12] Наконец, перед октябрем прошел смотр военных

---

[1] Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С.150.
[2] Цит. по: Булдаков В. Красная смута. С.211.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.32. С.255-256.
[4] Там же. Т.34. С.279.
[5] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.122.
[6] Якупов Н.М. Борьба за армию в 1917 году. С.136.
[7] Военные организации партии большевиков в 1917 году. С.22.
[8] Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.185.
[9] Там же. С.184.
[10] См.: Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. М., 1957. Т.1. С.42.
[11] Солдат. 1917. 18 октября.
[12] См.: Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.183.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

партийных сил. В сентябре-октябре состоялись 16 фронтовых и армейских, а также корпусные и дивизионные партийные конференции,[1] которые явились действенным средством собирания большевистских ячеек в войсках в единую стройную организацию.

И после подавления корниловского выступления меньшевики продолжали оставаться мощной политической структурой России. В ее составе было 177 низовых партийных организаций, 13 губернских, 34 районных и городских[2] организаций численностью более 200 тыс. человек. [3] Меньшевики издавали в России 217 газет, еще 320 газет были меньшевистско-эсеровскими.[4] Только меньшевики-оборонцы располагали почти 60 газетами и журналами.[5]

Однако кризис меньшевиков, обнаружившийся летом 1917 года, продолжал углубляться.[6] Видя уникальное слияние большевистского профессионализма с массовым радикализмом, Л. Мартов писал Н.С. Кристи 9 октября 1917 года: «Массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу – большевикам, которые «проще» и больше «дерзают» словом, по своей демократичности больше приемлемы для широких некультурных масс».[7] Пресса того времени сразу отметила это новое явление в политической жизни страны.[8] Скорую гибель меньшевиков предсказывали Л.Дейч[9] и Н.Н. Суханов. [10] Не добавлял авторитета меньшевикам и ставший очевидным раскол в партии. [11] По проблеме власти позиции подавляющего числа меньшевиков, за исключением левых, были почти единодушны. Меньшевики упорно отстаивали концепцию парламентарной республики. [12] Они говорили о неизбежности свертывания демократии в случае установления в России диктатуры пролетариата. [13] Меньшевики несколько модернизировали свою точку зрения на коалицию в стране. В отличие от прежних

---

[1] См.: Там же. С.179.
[2] Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. С.405.
[3] Миллер В.И. К вопросу о сравнительной численности... С.118.
[4] Подсчитано по каталогу повременных изданий публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в г. Санкт-Петербурге за 1917 год.
[5] Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917-1918 год). М., 1968. С.10.
[6] Новая жизнь. 1917. 27 сентября.
[7] РГАСПИ. Ф.342. Оп.1. Д.51. Л.162.
[8] Новая жизнь. 1917. 29 сентября.
[9] Единство. 1917. 4 октября.
[10] Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн.6. С.193-194.
[11] Краснов П.Н. На внутреннем фронте. Л., 1925. С.48; Woytinsky W.S. Stormy Passage. N.Y., 1960. P. .355,399.
[12] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.12. Л.16 об; День. 1917. 3 сентября.
[13] Аксельрод П.Б. Кто изменил социализму? Нью-Йорк, 1919. С.27; Новая жизнь. 1917. 23 сентября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

заявлений, они теперь утверждали, что власть должна принадлежать не одному классу, а коалиции классов.[1] Ярым сторонником коалиции был Г.В. Плеханов.[2]

Иные взгляды исповедовали меньшевики-интернационалисты, численность которых превышала 37 тыс. человек, что, по мнению Мартова, не исключало раскола в партии.[3] Левых меньшевиков тоже не устраивала «канитель Керенского-Церетели». Они не поддерживали переход власти к Советам, но высказывались против коалиции.[4] В письме к Н.С. Кристи Ю.О. Мартов предупреждал, что «единственное, что может помешать демократии – это раскол в ее среде». На повестке дня, считал он, стоит не лозунг «Вся власть пролетариату и беднейшему крестьянству», а лозунг «Всей демократии власть!»[5]

18-21 октября прошла Всероссийская конференция организаций объединенных социал-демократов-интернационалистов.[6] Документы конференции свидетельствуют, что для ее участников в равной мере были неприемлемы курс меньшевиков («новожизненцы» и их сторонники отделились от оборонцев по вопросам отношения к войне – А. Ч.) и политика большевиков, их концепция власти и перспектив революции в России.[7]

Нельзя сказать, что складывающаяся ситуация не волновала меньшевистских лидеров, что они не пытались учесть в своей тактике изменившееся настроение масс, спасти партию от надвигающегося поражения, но эти попытки были подвержены значительным колебаниям. 31 августа ЦК РСДРП(об.) принял резолюцию о недопустимости участия кадетов во Временном правительстве,[8] хотя через неделю тот же ЦК, уточняя свою позицию, решил, что к формированию правительства все же «следует стремиться привлечь цензовые элементы».[9] Позже, комментируя эти и некоторые другие акции меньшевиков, Н.Суханов писал, что, будучи по-прежнему далеки от большевизма, и они «сдвинулись со своих мест и откатились налево».[10]

---

[1] Рабочая газета. 1917. 19 сентября.
[2] Плеханов Г.В. Год на родине. В 2-х т. Париж, 1921. Т.2. С.150; Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. Кн.1. С.165; Новый журнал. 1948. №20. С.275.
[3] Россия в XX веке: Историки мира спорят. С.180.
[4] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.2. Л.12; Россия в XX веке: Историки мира спорят. С.195.
[5] Россия в XX веке: Историки мира спорят. С.195.
[6] Учредительный съезд социал-демократов интернационалистов состоялся в январе 1918 года.
[7] РГАСПИ. Ф.444. Оп.1. Д.8. Л.2.; Д.11. Л.4 об.
[8] Рабочая газета. 1917. 1 сентября.
[9] Там же. 9 сентября.
[10] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.3. С.154.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Это «полевение» у меньшевиков особенно ярко выразилось в позиции Ф. Дана[1] и и М. Либера. [2]

К организации восстания большевиками меньшевики относились крайне негативно. [3] Меньшевистская организация Петросовета назвала его «преступной авантюрой». [4] Вместе с тем, они решили не участвовать в вооруженной борьбе против большевиков, полагая, что самое главное – выиграть время, дождаться «отрезвления» масс.[5]

В национальном вопросе меньшевики продолжали заявлять, что они выступают против насильственного подавления национальных движений, против ограничения права наций на самоопределение, но в интересах пролетариата всех народов России их партия будет отстаивать целостность и единство страны, ибо только такое единство обеспечит наиболее благоприятные условия для экономического и политического развития России.[6]

На II съезде Советов меньшевики сделали заявление, в котором было сказано, что «захват власти Петроградским Советом накануне съезда Советов является дезорганизацией и срывом всей советской организации».[7] После того, как Л. Троцкий назвал своих оппонентов «жалкими единицами» и «банкротами», которых надо выбросить «в сорную корзину истории», Ю.О. Мартов заявил, что покидает съезд.[8] Реакцию меньшевиков на приход большевиков к власти вряд ли можно назвать положительной. [9] Не обошли вниманием они и социальный базис победителей: «Взбаламученное море социальных отходов, классовая окрошка и мешанина, больное, в сущности, поколение, страдающее припадками психической эпидемии.»[10]

Политическая линия меньшевиков в отношении войны и мира в целом до Октябрьской революции, оставалась неизменной. Это подтверждало решение, принятое меньшевистской фракцией Предпарламента 16 октября «О внешней политике Временного правительства».[11] На ее ошибочность впоследствии указывал

---

[1] Там же. С.156.
[2] Там же. С.243.
[3] Рабочая газета. 1917. 26 октября; The Mensheviks. From the revolution of 1917 to the second Warld War. Chicago London, 1974. P.4.
[4] Единство. 1917. 27 октября.
[5] The Mensheviks. From the revolution of 1917 to the second Warld War. Chicago London, 1974. P.4.
[6] Рабочая газета 1917. 25 октября.
[7] Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. М.; Л., 1928. С.41-42.
[8] Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.7. С.203.
[9] Социалистический вестник. 1927. №5/6. С.8; Социалистический вестник. 1952. №1/2. С.34.
[10] Иванович Ст. Пять лет большевизма. Начала и канун. Берлин, 1922. С.20.
[11] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.38. Л.1.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

меньшевик В.С. Войтинский. [1] Другой путь к спасению демократической революции, теоретически существовавший (сепаратный мир – А. Ч.), по убеждению Р. Абрамовича «был закрыт по морально-политическим соображениям».[2]

В противовес большевикам, меньшевики выступали за полное «доверие к революционной армии», заявляли, что «армия – вооруженный народ», что «народное вооружение осуществлено, но в условиях войны»,[3] а для того, чтобы армия воевала, по словам Либера, необходимо «сказать армии, что русская армия не будет вести оборонительной войны для того, чтобы помогать наступлению союзников».[4] Ю.О. Мартов постоянно советовал учитывать и такой важный момент в массовом политическом сознании солдатских масс, как их «антипарламентаризм».[5] В военных организациях меньшевиков состояло не менее 30 тыс. человек.[6]

Работая в действующей армии, меньшевики большое внимание уделяли устной агитации и пропаганде.[7] Располагая неплохими финансовыми возможностями, партия меньшевиков исправно снабжала армию печатной продукцией. Так, с 24 сентября Бюро ЦК меньшевиков решило бесплатно высылать в армию избирательные листовки от 500 до 1000 штук.[8] Вместе с ними ЦК высылал отчеты о майской (1917 года) конференции партии, журналы «Партийные известия», номера «Рабочей газеты» и литературу издательства «Рабочей библиотеки». По материалам этих изданий он рекомендовал представителям партийных комитетов частей и армий знакомить офицеров и солдатские массы с резолюциями Объединительного августовского (1917 года) съезда РСДРП, с ее задачами и деятельностью по подготовке к выборам в Учредительное собрание.[9]

Определенная работа проводилась меньшевиками и по привлечению на свою сторону офицерского состава. Так, Военная секция Московской организации меньшевиков в начале октября 1917 года провела в V-ой школе прапорщиков два собрания. На них члены комитета Военной секции Наумов и Рошковский высту-

---

[1] Woytinsky W.S. Op. cit. P.398.
[2] Социалистический вестник. 1952. №1/2. С.34.
[3] Цит. по: Лытов Б.В. Борьба В.И. Ленина против оппортунизма по военным вопросам. (1914-1920). М., 1987. С.80.
[4] Цит. по: Милюков П.Н. История второй русской революции. Вып.2. Корнилов или Ленин? София, 1921. С.143.
[5] Мартов Ю.О. Мировой большевизм. Берлин, 1923. С.11.
[6] Чертищев А.В. К вопросу о численности военных организаций большевиков, меньшевиков и эсеров в действующей армии в 1917 году // Проблемы нового исторического и философского мышления. Красноярск, 1993. С.102.
[7] ГА РФ. Ф.3875. Оп.1. Д.2. Л.9.
[8] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.19. Л.15.
[9] ГА РФ. Ф.3349. Оп.1. Д.63. Л.5, 6, 7, 9, 18; РГАСПИ. Ф.451. Оп.2. Д.7. Л.26, 28.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

пили перед офицерами с докладами «Задачи социал-демократии» и «Капитализм и социализм».[1]

Политическое влияние партии социалистов-революционеров в стране и в армии осенью 1917 года несколько понизилось.[2] В партии начало оформляться как самостоятельное крыло – левые эсеры. Вместе с тем, социалисты-революционеры продолжали оставаться крупнейшей политической партией России – в 1917 году она насчитывала 436 организаций,[3] под ее патронажем выходило 327 газет,[4] в том числе более десяти в армии,[5] 67 левоэсеровских и максималистских.[6]

Эсеры довольно прохладно относились к органам власти, созданным в сентябре 1917 года. Совет Республики, по их мнению, лишен всякого революционного самосознания. [7] И все же эсеры, как писал впоследствии лидер социалистов-революционеров, «держались за коалицию во что бы то ни стало». [8] Правда, один из эсеровских радикалов А.С. Мартынов предлагал «толкнуть на место либералов, ставших реакционерами, и радикальную мелкобуржуазную партию»,[9] но эта позиция не нашла поддержки даже у левых эсеров. Социалисты-революционеры попытались решить и аграрный вопрос, хотя и не самым радикальным образом.[10]

Лидеры эсеров считали, что программа Ленина восторжествовала потому, что «темные солдатские массы, уставшие от трехлетней войны, обрадовались, прежде всего, возможности кончить войну».[11] Они слишком поздно поставили и поздно правильно ответили на вопрос об истинных причинах огромнейшего влияния большевиков. [12] Действий большевиков в период подготовки октябрьского вооруженного восстания эсеры опасались гораздо меньше, чем возможной реакции на них справа, грозившей смести их вместе с последователями Ленина. За несколько дней до переворота (19 октября) Военная организация партии эсеров в Петрограде решила сохранять в случае восстания «нейтралитет».[13]

---

[1] ГА РФ. Ф.1791. Оп.6. Д.11. Л.20; Вперед. 1917. 8 октября.
[2] Год русской революции. Сб. Статей. М., 1918. С.9.
[3] Партийные известия. 1917. №3. С.23 (Орган ЦК партии эсеров).
[4] Подсчитано автором по каталогу повременных изданий публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина за 1917 год.
[5] Партийные известия. 1918. №5. С.23.
[6] Подсчитано автором по каталогу повременных изданий публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина за 1917 год.
[7] Россия в XX веке: Историки мира спорят. С.178, 179; РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.40. Л.86-87.
[8] Революционная Россия. 1923. №32. С.21.
[9] Мартынов А.С. Две диктатуры. Пг., 1918. С.94.
[10] См.: Исторический опыт трех российских революций. Кн.3. С.272.
[11] Зензинов В.М. Указ. соч. С.89.
[12] Революционная Россия. 1927. №61. С.11; Штейнберг И.З. От февраля к октябрю 1917 года. Берлин, 1920. С.43.
[13] Революция 1917 года: Хроника событий. Т.5. С.132.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Эсеры-максималисты разделяли платформу левых эсеров. Возобновив свою деятельность после февраля 1917 года, они создали самостоятельные организации в некоторых городах страны, провели 15-21 октября 1917 года в Москве II Всероссийскую конференцию, которая воссоздала «Союз социалистов-революционеров максималистов» (насчитывал примерно 3000 членов). В деятельности Союза сочетались ультрареволюционность и соглашательство. Осенью 1917 года эсеры-максималисты по ряду практических вопросов стали поддерживать большевиков.[1]

Партия эсеров продолжала пользоваться достаточно высоким авторитетом в действующей армии.[2] Об этом говорит и состав низовых солдатских комитетов. Из 57 анкет, посланных частями фронта в военно-политический отдел Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, видно, что 9 комитетов состояли из одних эсеров, в 28 комитетах эсеры преобладали.[3]

Концепция военных взглядов, принятая третьим съездом партии, была подтверждена, дополнена и развита I военной конференцией представителей фронтовых организаций эсеров, состоявшейся 4-8 сентября 1917 года. Конференция приняла целый пакет документов, в которых указала на целесообразность осуществления новых военных реформ.[4]

В частности, резолюция «О необходимости военных реформ» обращала внимание на обновление командного состава, без чего «все реформы, даже наилучше разработанные, не будут проведены в жизнь».[5] Была выдвинута система мер для поднятия боеспособности армии.[6] Конференция предложила Военной комиссии при ЦК партии социалистов-революционеров выработать новый проект положений о комиссарах и войсковых организациях.[7] I военная конференция обсудила вопрос и о репрессивных мерах в армии и на флоте.[8] С заявлением, что «нельзя идти на мир, предложенный Вильгельмом»,[9] выступила конференция военной организации партии эсеров Юго-Западного фронта.

Партийные организации социалистов-революционеров организовывались на всех фронтах. Так, 10 октября 1917 года председатель эсеровского комитета X армии Западного фронта С. Рубинштейн сообщал в Военную комиссию при ЦК, что

---

[1] См. подробнее: Жуков А.Ф. Идейно-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979.
[2] Дневник барона Алексея Будберга // А.Р.Р. Т.11. С.224.
[3] Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С.42.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1501. Л.66; Дело народа. 1917. 13 сентября.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Дело народа. 1917. 13 сентября; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.506.
[8] Дело народа. 1917. 13 сентября.
[9] Голос фронта. 1917. 20 сентября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

в армии имеется 39 зарегистрированных ячеек.[1] Для установления нормальных отношений командного состава с солдатами эсеры организовывали с офицерами совещания, съезды, в ходе которых разъясняли им необходимость проведения в жизнь армии широких демократических взглядов.[2]

Необходимо подчеркнуть, что деятельность социалистов-революционеров по завоеванию офицеров и солдатских масс проходила одновременно с предвыборной кампанией в Учредительное собрание. Анализ архивных документов показывает, что эти важные задачи постоянно находились в поле зрения центральных органов и эсеровских партийных организаций в войсках.[3] К концу октября 1917 года политическое влияние партии социалистов-революционеров в армии несколько понизилось, что некоторые эсеровские лидеры объясняли недооценкой военной области.[4] Значительно отличается точка зрения по этому вопросу у офицеров действующей армии.[5]

Роль народных социалистов в политической жизни России также нельзя умалить. Члены этой партии принимали деятельное участие в работе всех высших государственных органов, участвовали в разработке многих важнейших документов, в том числе и закона о выборах во Всероссийское Учредительное собрание.[6] Среди огромного перечня периодических изданий 1917 года можно насчитать около 70 газет[7] народных социалистов.

Обсуждая вопросы власти, делегаты II съезда ТНСП говорили о необходимости сохранения прежних лозунгов, «чуждых примеси демагогии, не смущаясь временным неуспехом»,[8] что следует добиваться такой государственной власти, которая имела бы не классовый, а общественный характер.[9] Позицию энесов по вопросам войны и мира осенью 1917 года ярко изложил Н.В. Чайковский, выступая в Предпарламенте в середине октября и выдвигая на первый план обостренное патриотическое чувство и боязнь внутренней анархии.[10] Следуя примеру других партий, народные социалисты пытались бороться за армию. Они создали Военную организацию во главе с В.И.Игнатьевым, разоблачали пораженчество, настраивали

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.26. Л.81.
[2] РГВИА. Ф.2015. Оп.1. Д.101. Л.15.
[3] РГВИА. Ф.2015. Оп.1. Д.101. Л.18; Ф.2394. Оп.5. Д.37. Л.56.
[4] Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Октябрьская революция. М.; Л., 1926. С.350-351.
[5] См.: Дневник барона Алексея Будберга // А.Р.Р. Т.11. С.224.
[6] Родина. 1994. №10. С.80.
[7] Подсчитано по каталогу повременных изданий публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина за 1917 год.
[8] Утро России. 1917. 28 сентября.
[9] Вопросы истории. 1993. №1. С.113.
[10] Каторга и ссылка. 1926. №5(26). С.227, 229.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

войска на войну до почетного мира. Но потраченные усилия были явно несоразмерны полученным результатам.[1]

Хотя официальных данных ЦК партии народной свободы никогда не публиковала, по подсчетам историков численность ее к октябрю 1917 года составляла 60-80 тыс. человек.[2] Число местных организаций кадетов составляло около четырехсот,[3] которые издавали 216 газет.[4] Лидеры конституционных демократов продолжали настойчиво внедрять в массовое политическое сознание мысли о том, что они «занимают надклассовую, центральную позицию»,[5] место некоего «левого центра».[6]

При образовании нового коалиционного Временного правительства партия народной свободы выражала надежду, что в этом правительстве коалиция с меньшевиками и эсерами превратится из «механического единения» в «органическое» и приведет к установлению в стране «твердой власти».[7] 14-16 октября работал X съезд партии конституционных демократов, на котором была конкретизирована «борьба с анархией в стране».[8] Съезд принял программу по установлению «сильной власти» и уточнил тактику действий, суть которой заключалась в том, чтобы объявить на военном положении районы активного революционного движения и добровольно передать власть военно-буржуазным кругам. Но, вместе с тем, съезд заявил, что позиция партии кадетов по отношению к соглашательским партиям должна быть жесткой и уступок не должно быть никаких.[9]

Главными творцами анархии в стране конституционные демократы считали большевиков.[10] Но в кадетской среде была довольно популярной и такая точка зрения: «Лучшим способом на долгие годы освободиться от большевизма, низвергнуть его, было бы вручение его вождям судеб страны».[11] И все же приход большевиков к власти кадеты явно не приветствовали. [12] Позиция конституцион-

---

[1] Родина. 1994. №10. С.79.
[2] Спирин Л.М. Россия 1917 год. С.127.
[3] Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль-октябрь 1917). М., 1982. С.44.
[4] Подсчитано автором по каталогу повременных изданий публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина за 1917 год.
[5] Речь. 1917. 18 октября.
[6] См.: Кувшинов В.А. Указ. соч. С.10; Речь. 1917. 1 сентября; Набоков В. Временное правительство // А.Р.Р. Т.1. С.83.
[7] Речь. 1917. 24 сентября.
[8] Устрялов Н. В борьбе за Россию. Сб. статей. Харбин, 1926. С.18.
[9] Кувшинов В.А. Указ. соч. С.226; Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С.421.
[10] Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн.6. С.299.
[11] Речь. 1917. 16 сентября.
[12] Милюков П.Н. История второй русской революции. Вып.3. С.4; Долгоруков П.Д. Великая разруха. С.47.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ных демократов по вопросам войны и мира не претерпела изменений и осенью 1917 года.[1]

Конституционно-демократическая партия, как и другие политические партии России, в сентябре-октябре 1917 года продолжала целенаправленно усиливать свою работу в действующей армии. Теоретические взгляды кадетов на армию и практическая деятельность систематически развивалась и глубоко анализировалась в документах и решениях партийных съездов, конференций и заседаниях ЦК, вырабатывалась тактика действий по поднятию боеспособности русской армии. ЦК конституционных демократов еще в решении от 20 августа 1917 года «О деятельности военных организаций партии» закрепила профессора В.Г. Коренчевского «ответственным за работу по созданию организаций партии в армии и флоте».[2] К X съезду партии в армии насчитывалось около 600 партийных ячеек конституционных демократов.[3] 24 сентября 1917 года по инициативе члена ЦК партии народной свободы князя П.Д. Долгорукова была создана Военная комиссия при Московском губернском комитете.[4]

На X съезде (14-16 октября 1917 года) вопрос о состоянии армии и ее месте в политике партии стал одним из главных. На нем впервые присутствовали представители фронтовых и тыловых организаций кадетов. В докладе председателя организационной секции Военной комиссии В.Г. Коренчевского отмечалось, что «российская армия близка к разрухе. Поэтому необходимо во что бы то ни стало сохранить армию. Партия народной свободы должна взять на себя работу по переустройству здоровой части армии». [5] Съезд подтвердил партийную линию VIII съезда о том, что армия не может быть вне политики.[6] 18-19 октября в Минске партия конституционных демократов провела первый съезд своих представителей Западного фронта,[7] а 23 октября – конференцию на Румынском фронте.[8]

Бывшие октябристы, а теперь представители малозначимых в политической жизни России партий, также участвовали в обсуждении властных проблем. А.И. Гучков категорически высказался за то, что «большевики возьмут власть, но получится такой накал голода и холода, что они продержатся две-три недели, но что

---

[1] Речь. 1917. 19 октября.
[2] ГА РФ. Ф.523. Оп.2. Д.20. Л.14.
[3] Речь. 1917. 15 октября.
[4] См.: ВПНС. 1917. №23. С.13.
[5] Речь. 1917. 15 октября.
[6] ГА РФ. Ф.1791. Оп.6. Д.12. Л.68.
[7] Речь. 1917. 24 октября.
[8] ВПНС. 1917. №26-27. С.19.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

этот грех Россия должна пройти...».[1] Более пессимистичен был прогноз С.И. Шидловского.[2]

Массовое политическое сознание страны и армии, как показывают источники, адекватно отражало изменение политической обстановки в стране. К осени 1917 года произошел надлом общественного сознания. Суть происходящего инстинктивно понимали, но помешать ему не могли.[3] Настроение было определенно против правительства и даже в обывательских кругах ему не было поддержки,[4] народ интересовался реальными ценностями и проявлял глубокое безразличие к вопросам государственного устройства.[5] Все чаще в массовом политическом сознании проскакивали нотки безразличия к судьбе России.[6] Для общества было вновь характерно состояние ожидания.[7]

Особо необходимо отметить изменение состояния массового политического сознания крестьянства, главной массы населения страны, которая хотела землю.[8]

Кардинально изменилось отношение к А.Ф. Керенскому[9], ибо в революционную эпоху умиление проходит очень быстро. Оценки социалистов стали резко колебаться в зависимости от ситуации. [10] У части либерального общества даже вновь зазвучала «осанна» Л.Г. Корнилову.[11] Выступления большевиков ждали даже те, кто их ненавидел, полагая, что их победа станет лучшим средством пропаганды против них.[12] Даже люди весьма проницательные не понимали до конца природы российского властвования, в том числе и М. Горький.[13]

Массовое сознание просвещенной части общества с большой опаской взирало на состояние страны.[14] На элементы бессознательного в поведении толпы обращал внимание И.И. Петрункевич.[15] По мнению К.М. Оберучева, «в сознании русского народа революция и ее завоевания отобразились в виде суммы безграничных

---

[1] См.: Мемуары профессора И.Х. Озерова // Вопросы истории. 1997. №1. С.91.
[2] Страна гибнет сегодня. С.147.
[3] Киевская мысль. 1917. 24 сентября (утренний выпуск).
[4] Пролетарская революция. 1922. №10. С.113.
[5] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.107.
[6] Мемуары профессора И.Х. Озерова // Вопросы истории. 1997. №1. С.92.
[7] Штейнберг И.З. Указ. соч. С.126.
[8] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.111.
[9] Орбели Л.А. Воспоминания. М.-Л., 1966. С.83.
[10] См.: Народный вестник. 1917. 18 июня, 12 июля; Свобода и жизнь. 1917. 7, 14, 21 августа; Хлебников В. Стихотворения, поэмы, драмы, проза. М., 1986. С.300-301.
[11] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.82.
[12] Минувшее. 1996. Т.20. С.146.
[13] Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). М., 1990. С.75-76.
[14] Русские ведомости. 1917. 20 сентября.
[15] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // А.Р.Р. Т.21. С.313.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

прав».[1] В. Булдаков считает, что происходила общая прививка духа социальной агрессии.[2] В конечном итоге, представление о том, что именно умеренные социалисты погубили Россию, стало в либеральном обществе преобладающим.[3]

Политика Временного правительства по отношению к войне и миру все более трансформировала массовое политическое сознание страны в сторону ее неприятия.[4] Н.Н. Головин делает вывод о «психически-социальной невозможности для России продолжать войну». [5] Более того, он приходит и к такому выводу, что «патриотизм, окрашивающий гребни первых волн революции, исчезает с них и все более и более конденсируется в контрреволюционное движение».[6] В качестве главных аргументов для заключения мира выдвигались большие жертвы, понесенные Россией в войне. [7]

Массовое политическое сознание действующей армии после разгрома корниловского выступления также существенно меняется. Достаточно сказать, что для того, чтобы армейские настроения не стали достоянием широкой российской общественности, только по Румынскому фронту в сентябре было подвержено цензорской экзекуции (помарки, купюры) более 26 тыс. писем, в октябре – 32 тысячи, а полностью за эти месяцы было уничтожено почти 7 тыс. писем.[8] Делалось это для того, что армии, по мнению многих крупных российских политических деятелей, «предстояло сыграть решающую роль в октябрьском перевороте: как прямым содействием ему петроградского гарнизона, так и отказом фронта от борьбы и сопротивления».[9]

В армии только комитеты считали, что «армия должна идти единым путем и безраздельно подчиняться Временному правительству, какие бы политические течения в нем не преобладали».[10] Отдельные полковые комитеты требовали принять решительные меры к аресту Ленина,[11] агитировали за участие в «Займе свободы». [12] Более того, узнав, что большевики намерены узурпировать власть в столице,

---

[1] Оберучев К.М. Воспоминания… С.413.
[2] Булдаков В. Красная смута. С.88.
[3] *Минувшее. Т.19. С.154.*
[4] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.111.
[5] Там же С.124,127, 128.
[6] Там же. С.131.
[7] Такман Б. Августовские пушки. М., 1972. С.493.
[8] РГВИА. Ф.2085. Оп.1. Д.139. Л.61-63.
[9] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.123.
[10] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1506. Л.108-109.
[11] РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.73. Л.327.
[12] РГВИА. Ф.2695. Оп.1. Д.6. Л.67.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Более того, узнав, что большевики намерены узурпировать власть в столице, комитеты IX и XII армий выразили готовность поддержать правительство силой.[1]

Однако армейские массы давно потеряли веру в коалиционное правительство и в Керенского, сохраняя к нему либо «нейтралитет»,[2] либо «выражая полнейшее равнодушие или пассивное сопротивление, ежеминутно готовое вылиться в открытый бунт»,[3] но не уяснили себе, как узаконить свое стремление к миру: через социалистические партии или демократию, через Советы или Учредительное собрание. Массовое политическое сознание солдат все более склонялось к передаче власти Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.[4] Однако нельзя сказать, что такая точка зрения была характерна для всей действующей армии. Армейские комитеты выступили даже против созыва II съезда Советов.[5]

Вместе с тем, говорить определенно о том, что солдаты все более сознательно симпатизировали большевистской партии, нет особых оснований, хотя влияние ее пропаганды становилось все более заметным. В принципе, большевизм в решающей степени выиграл от того, что превратился после июльского бунта в сообщество гонимых «неправедной властью» - этот фактор самозванческого успеха на Руси давно известен. На деле солдат все больше стали раздражать вездесущие «буржуи» и помещики («кровь нашу пьют» и при этом даже «спаивают»), к ним добавились и земства, и коалиционное правительство, и даже Демократическое совещание.[6]

Большинство офицерского состава, особенно высшего, по-прежнему оценивали выступление генерала Л.Г. Корнилова как высокопатриотическое[7], а монархические идеи занимали все меньше и меньше места в политическом сознании офицеров.[8] Офицерский корпус упрекал Временное правительство в том, что «все внимание общественных деятелей было направлено на борьбу с мнимой контрреволюцией среди командного состава»,[9] что все эти люди не знали, что творили и брались за дело, которого не понимали и не знали.[10]

---

[1] См.: Уайлдмен А.К. Указ. соч. С.25.
[2] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.39.
[3] Там же. С.119.
[4] Войсковые комитеты действующей армии. С.382; РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.10. Ч.1. Л.397.
[5] Голос фронта. 1917. 11 октября.; Известия. 1917. 1 октября; Революция 1917 года: Хроника событий. Т.5. С.53.
[6] Солдатские письма 1917 года. С.69-72, 74, 76, 80, 87, 95, 100,105, 111, 117-118, 120, 122.
[7] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.92.
[8] Там же. С.93.
[9] Российский военный сборник. №9. С.135.
[10] Российский военный сборник. №9.С.133; Известия исполкома Гренадерского корпуса. 1917. 11 октября; Архив русской революции. Т.11. С.216.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

В массовом сознании офицеров комичен и жалок был вид военного министра (Керенского – А. Ч.). [1] Такие выдающиеся генералы, как М.В. Алексеев и А.А. Брусилов, ясно показали, что Керенскому они предпочитают большевиков. [2] По мнению П. Кенеза, «эта глубокая ненависть к либералам и социалистам имела далеко идущие последствия: многочисленные враги большевиков в ближайшее время обнаружили, что их сотрудничество невозможно».[3] В сентябре-октябре выросли симпатии офицеров к партии конституционных демократов и параллельно росли прокорниловские настроения. [4]

По мере движения к октябрю 1917 года, усиливалась крестьянская тоска по земле, которая выплескивалась почти в каждом солдатском письме.[5] Солдаты по-своему реагировали и на мероприятия властей по земельному вопросу. Личный состав X армии в письме на имя министра Земледелия С.А. Маслова так выразил всеобщее настроение относительно политики Временного правительства: «Если вы скорее дадите землю неимущему крестьянину, то боевая мощь армии будет восстановлена и прекратится вся разруха армии, и тогда можно будет надеяться на армию».[6]

Несмотря на то, что командование, армейская печать настойчиво проводили мысль о том, что заключение мира дело политиков, а не военных[7], что «отдельные роты не могут договориться о мире»,[8] вопрос о мире, по словам генерала А. Верховского, был «как лампа Аладдина, кто ее взял, тому и служат духи, тому дается власть в руки».[9] Ставка с тревогой отмечала, что «отношение широких масс к войне, по донесениям командования, самое отрицательное, стремление к миру становится стихийным».[10] Такое же положение дел констатировал и военно-политический отдел Ставки.[11] О стремлении армии к миру постоянно информировали гражданские и военные власти офицеры. [12]

Даже солдаты, не таясь, высказывали свои самые сокровенные пожелания. Уже в начале октября 1917 года солдаты самого «благополучного» Кавказского

---

[1] ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.706. Л.87-88; Д.745. Л.15-15 об.
[2] Bruce-Lochkart R. British Agent. N.Y., 1933. P.288; A Soldier's Notebook. London, 1930. P.291.
[3] Россия в XX веке: Историки мира спорят. С.278.
[4] Народная правда. 1917. 6, 8, 11 октября; Сигнал. 1917. 25, 28 октября.
[5] Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С.232.
[6] Революционное движение в России в сентябре 1917 года. Общенациональный кризис. М., 1961. С.448-449.
[7] Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн.7. С.70.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.31. Л.110.
[9] Верховский А.И. Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1993. №10. С.67.
[10] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1507. Л.76-77, 79.
[11] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.124.
[12] ГА РФ. Ф.260. Оп.1. Д.32. Л.214; Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.122.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

фронта стали говорить, что «командный состав их продает»,[1] и что, если мир до конца октября не будет заключен, «то не удержит солдат никакая власть, пойдут расправы и самосуды».[2] На всех заседаниях ВЦИК делегаты с фронта, верные и преданные демократии, не переставали предупреждать, что с наступлением осени ни одного солдата нельзя будет удержать в траншеях.[3]

Фронтовые донесения резюмировали, что в армии «доминирует жажда мира, стремлением к которому заражена психология массы»,[4] призыв к продолжению войны понимается, как стремление вернуть старый режим, а поражение России принимается как должное.[5] Солдатская масса требовала от Временного правительства немедленно обнародовать все тайные договоры, отбросить мысль самоутешения о боеспособности и победе и немедленно приступить к мирным переговорам.[6] При этом мир назывался «миром во что бы то ни стало», «похабным миром», в чем выражалось презрение армии к такому миру и, одновременно, подчеркивалось, что другого выхода нет.[7]

Движением к миру были пронизаны и стремления солдат национальных формирований.[8] Таким образом, главным символом сентября-октября 1917 года, по мнению писателя М.А. Алданова, «подавляющим по значению, должен был бы быть один простой, довольно неблагодарный образ в разных возможных вариантах: солдат, больше не желающий воевать».[9] Кроме этого, происходило переплетение требований материального обеспечения и политического характера.[10]

Для заключения мира солдатская масса предпринимала и практические меры, используя «голосование за мир ногами».[11] Они выражали свои настроения поразному, главным образом отказываясь строить теплые землянки, продавали свои шинели и сапоги, а также целыми частями со знаменами и оркестрами отправляясь на братание с подразделениями неприятеля.[12] По данным Ставки, в октябре произошло более 260 отказов целых частей от учебных занятий и ведения окопных

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.12. Л.48, 49.
[2] Там же. Л.43 об.
[3] Социалистический вестник. 1949. №1/2. С.11; Чернин О. В дни мировой войны: мемуары. М.-Пг., 1923. С.233.
[4] Разложение армии в 1917 году. С.141.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.24. Л.9-12.
[6] Революционное движение в русской армии. С.460, 519; Солдат. 1917. 10 октября.
[7] См.: Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн.6. С.225.
[8] ГА РФ. Ф.1791. Оп.6. Д.221. Л.41; РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.233. Л.48-49.
[9] Алданов М.А. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1991. Т.6. С.371.
[10] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1123. Л.244.
[11] Уайлдмен А.К. Указ. соч. // Отечественная история. 1994. №2. С.23.
[12] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

работ,[1] 34 воинские части открыто выступили на митингах и собраниях комитетов за заключение мира[2], зарегистрировано более 400 случаев братания. [3] Характерной особенностью братаний в октябре было то, что их стали планировать заранее, с одобрения солдатских комитетов и при участии их членов, проводить с красными знаменами и революционными лозунгами.[4]

Были и другие взгляды на проблемы войны и мира, правда, крайне немногочисленные. [5] Так, пятый авиационный парк предложил провозгласить принцип верховенства человечества над народами, провозглашения российской армии воинами человечества, организовать Россией Международный Парламент, в компетенции которого оставить вопрос о мире и условиях его заключения.[6]

Коренным образом изменилось отношение действующей армии, преимущественно солдат, к выполнению своего воинского долга, все меньше и меньше было примеров героизма и доблести русской армии. Все это не могло задержать общего развала фронта. Последним боевым делом русской армии была атака 681-го пехотного полка на Березине в день захвата власти большевиками.[7] Однако, в подавляющем большинстве донесений подчеркивается крайне отрицательное отношение к войне,[8] причем, как вспоминает В.Г.Короленко, мне советовали говорить все, что угодно, не упоминая слово «Родина», которое действует «как красное сукно на быков».[9] Такое настроение коснулось даже отдельных «батальонов смерти».[10]

По данным штаба Юго-Западного фронта с 1 по 31 октября 1917 года в армиях этого фронта зарегистрировано выступлений целыми частями по Особой армии – 75 случаев, по VII – 49 случаев, по XI – 34 случая, в том числе неисполнений боевых приказов целыми частями – 32 случая.[11] В сентябре 1917 года количество отказов от выполнения боевых приказов на Западном фронте увеличилось по сравнению с августом того же года в 3, 5 раза.[12] Если в августе во всей действующей армии произошел 21 случай отказа выполнить боевой приказ и самовольного ухода

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1577. Л.79.
[2] Борьба большевиков за армию в трех революциях. С.183.
[3] Борьба большевиков за армию в трех революциях. С.183; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1507. Л.72; Ф.2067. Оп.1. Д.91. Л.58; Ф.2003. Оп.1. Д.1507. Л.73.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.25. Л.20, 59, 68.
[5] Революционное движение в русской армии. С.497.
[6] РГАСПИ. Ф.17. Оп.1-А. Д.376. Л.35-37.
[7] Родина. 1993. №12. С.23.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.24. Л.13; Дневник барона Алексея Будберга // А.Р.Р. Т.11. С.202.
[9] Цит. по: Ципко А.С. Насилие лжи, или как заблудился призрак. М., 1990. С.134.
[10] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1123. Л.181.
[11] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.2940. Л.153.
[12] Смольянинов М.И. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 году. Минск, 1991. С.223.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

с позиций, то уже в сентябре число подобных выступлений удвоилось, а в октябре увеличилось в 5,5 раза.[1] Всего в сентябре Ставка зарегистрировала около 100 коллективных отказов выполнять приказы,[2] а в октябре – около 300.[3] «Неповиновение солдат, - как отмечалось в ряде донесений в Ставку, - отличалось не только массовостью, но и острой политической направленностью».[4]

По подсчетам Н.Н. Головина, к 1 ноября 1917 года в армии насчитывалось явных и скрытых дезертиров более двух миллионов человек, то есть на каждые три чина действующей армии приходилось не менее одного дезертира.[5] По его мнению, это была «стихийно начавшаяся демобилизация».[6]

Потеряли свой былой авторитет в войсках комитеты.[7] «В большинстве случаев, - доносил Временному правительству в начале октября комиссар 7-й армии эсер Сургучев, - войска, вступившие на путь эксцессов и неисполнения законных требований, действуют вопреки призывам и уговорам комитетов, авторитет которых они не признают».[8]

По приказу Главнокомандующего Северным фронтом все части были распределены на три группы: I – безусловно надежные части, II – части, возбуждающие сомнение в боевом отношении, III – части, безусловно ненадежные. В донесении утверждалось: «I) безусловно надежных полков или ударных батальонов в армии нет. Из более мелких подразделений к числу надежных могут быть отнесены 5 ударных рот 22-й пехотной дивизии, ударный батальон 24-й пехотной дивизии, 4 роты смерти и 6 украинских рот 60-й пехотной дивизии; II)32 полка; III)9 полков».[9]

Действующая армия все более и более становится угрозой не для врага, а для населения страны.[10] По выражению Н. Рожкова, армия все более превращалась в анархистски настроенную толпу санкюлотов, нежелавших воевать.[11] Для солдат, бывших крестьян, привлекательнее всего было гульнуть в городе, а затем отправиться «доделить» землю. Для разрядки требовались деньги, которые добывались

---

[1] Вооруженные Силы Великого Октября. М., 1977. С.173.
[2] Там же.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1507. Л.79.
[4] Там же. Д.1780. Л.44-47.
[5] Головин Н.Н. Военные усилия России в первой мировой войне. Т.1. С.208.
[6] Там же. С.208.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1507. Л.76; Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.163.
[8] РГВИА. Ф.2015. Оп.1. Д.87. Л.13.
[9] РГВИА. Ф.2106. Оп.1. Д.1022. Л.351, 351 об.
[10] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.140; Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.108; Разложение армии в 1917 году. С.148.
[11] См.: Рожков Н. Ход революции. Октябрьский переворот. Факты и документы. Пг., 1918. С.24.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

за счет распродажи казенного имущества.[1] Все это шло на пропой. К октябрю 1917 года среди солдат раздавались голоса, что сухой закон придумал «пьяница Распутин», а «от трезвости и революция пошла».[2] Известны многочисленные случаи пьяных армейских дебошей со смертельным исходом.[3]

Сознавая, что «патриотизм, сознание ответственности текущего момента, несомненно, почти совершенно отсутствуют»[4] и анализируя создавшееся положение, командование, офицерский состав называли самые разнообразные причины его. Прежде всего, такое состояние армии считалось результатом пропаганды большевиков.[5] Но далеко не все противники большевиков списывали причины этого на «немецкие деньги» и считали это вполне самобытным творчеством.[6]

Некоторые офицеры видели такое отношение солдат к выполнению своего воинского долга в особенностях мировоззрения, которое у русского солдата строго индивидуалистическое.[7] Большинство же офицеров объясняли положение в армии более прозаическими причинами: «Нет дисциплины, нет выучки, нет желания работать, нет сознания долга, любви к Родине, нет основных понятий о свободах.»[8] Помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего полковник Новиков основную причину видел в том, что «некультурные массы, лишенные здорового чувства патриотизма и национального единства, не сознают задач и целей войны, не понимают невозможного для России немедленного отдельного от союзников заключения мира».[9] В.А. Жданов был убежден в том же.[10]

Командир полка подполковник Марковский пришел к выводу, что основными причинами бедственного состояния армии являются убеждения, что каждый лишний день войны в силу низкой боеспособности армии ухудшает условия мира, боязнь смерти в связи с предстоящей свободой России, известия о печальном положении внутри страны, усиливающийся недостаток в пище и одежде, уверенность, что так настроена вся действующая армия.[11] По мнению отдельных офице-

---

[1] См.: Сводка материалов по истории Ревельского укрепленного района за время с конца октября 1917 года до середины февраля 1918 года // А.Р.Р. Т.13. С.162.
[2] Милицын С.В. Из моей тетради (Последние дни Преображенского полка) // А.Р.Р. Т.2. С.178.
[3] Столыпин А.А. Записки драгунского офицера (1917-1920 гг.) // Русское прошлое. Кн.3. 1992. С.32-33; Булдаков В. Красная смута. С.134.
[4] РГВИА. Ф.2179. Оп.3. Д.54. Л.122.
[5] Минувшее. Т.19. С.149,155.
[6] Минувшее. 1996. Т.20. С.153.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1763. Л.138; Милицын С.В. Указ. соч. // А.Р.Р. Т.2. С.177.
[8] РГВИА. Ф.2185. Оп.1. Д.966. Л.8.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1507. Л.78.
[10] Там же. Оп.4. Д.25. Л.66.
[11] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.62. Л.169-169 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ров, критическое положение армии объяснимо не только желанием солдат заключить мир во что бы то ни стало, но, зачастую, и самым обыкновенным шкурничеством даже тех, кто не испытывал желания возвращаться домой.[1]

Офицерский состав, командование армии, у которых произошло «замешательство и некоторый психологический сдвиг»,[2] после поражения корниловского выступления, не могли остаться безучастными к развалу армии, пытались анализировать оставшийся ее потенциал и предлагали самые различные меры к ее оздоровлению, причем диапазон оценок возможностей армии колебался от крайне пессимистических до вполне бодрых.[3] Полковник К.И. Рябцев, командующий Московским военным округом в октябре 1917 года, сильно заблуждаясь в отношении армии, по-прежнему считал, что «армия стоит на страже законности государственного порядка».[4] В правительственных кругах также наблюдался неоправданный определенный оптимизм на состояние действующей армии и перспективы ведения войны.[5]

В донесении 22 октября 1917 года комиссара Временного правительства при II армии К.М. Гродского Военному министру А.И.Верховскому, отмечая угрожающую обстановку для полной потери боеспособности армии и гибели России, признается совершенно необходимым издать декларацию о мире и настойчивом до него продолжении войны.[6] Другие предложения состояли в том, чтобы полнее использовать силу пропаганды и агитации демократических сил для противодействия разлагающим влияниям,[7] неотложно заменить воинские части национальными воинскими формированиями,[8] отказаться от наступательных действий и вести только оборонительную войну, распустив всех нежелающих воевать и оставив только добровольцев, обеспечив их во всех отношениях наилучшим образом (останется около миллиона), ведя по согласованию с союзниками бесконечные мирные переговоры,[9] получить несколько иностранных дивизий в качестве ледника для понижения температуры, особенно, если это были бы американские войска.[10] Но все эти предложения явно запоздали и остались не более чем прожектами.

---

[1] См.: Дневник барона Алексея Будберга // А.Р.Р. Т.11. С.221.
[2] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.83.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.533. Л.125.
[4] ГА РФ. Ф.1. Оп.1. Д.10. Л.1.
[5] Бюллетень ИСКОСОЛа 12-й армии. 1917. 30 сентября.
[6] Войсковые комитеты действующей армии. С.375.
[7] ГА РФ. Ф.1779. Оп.2. Д.571. Л.2.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.329. Л.35.
[9] См.: Дневник барона Алексея Будберга // А.Р.Р. Т.11. С.207.
[10] См.: Там же. С.201.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

С течением времени революция все менее оправдывала надежды основной массы населения: жизнь становилась опаснее, голоднее, непредсказуемее. Эйфория и гиперполитизированность сменяются унынием и разочарованием в политике. В то же время для многих выход из ситуации мыслился на путях «углубления революции». При этом массовое сознание «объясняло» нарастание кризисных явлений «заговором буржуазии». [1] «Армия заражена социальным стрептококком, горит в лихорадке,...везде видит буржуазные козни», - есть и такие описания состояния солдатской массы, относящиеся к 20 октября 1917 года.[2]

В различные эпохи массовое сознание было склонно видеть «причину» кризисных явлений в заговорах вредительствующего меньшинства (мифы о еврейском, масонском, иезуитском и т.д. заговорах). Соответственно выход виделся в раскрытии и пресечении заговора. В условиях России мысль о необходимости подавления контрреволюционного и антинародного «заговора буржуазии» становится важнейшим элементом политического сознания действующей армии.[3]

Самый феномен дооктябрьского насилия в значительной мере связан с тем, что массы поняли свободу как возможность поставить в зависимое и угнетенное состояние «эксплуататоров», ничуть не помышляя о равенстве гражданских прав. Идея справедливости в массовом сознании означала правомерность наказания «виновных» в их былом униженном состоянии. Именно на основе отождествления справедливости с возмездием и стала утверждаться государственная репрессивность, а послеоктябрьский большевизм стал как бы мостиком от насилия толпы к насилию государства.

В массовом политическом сознании действующей армии все более рельефно присутствовал и образ врага. По мнению генерала Н.Н. Головина, в действующей армии после корниловского выступления произошел окончательный разрыв между двумя лагерями: офицерами и солдатами. При этом разрыв этот доходит до крайности: оба лагеря становились по отношению к друг другу вражескими, это уже две вражеские армии.[4] Н.Н. Головин считал оставшихся в армии офицеров – героями.[5] Достаточно сказать, что сдаваемость в плен солдат по сравнению с офице-

---

[1] Бердяев Н.А. Торжество и крушение народничества // Русская свобода. 1917. №14/15. С.5.
[2] Минувшее. Т.19. С.150.
[3] РГА ВМФ. Ф.Р-95. Оп.1. Д.14. Л.83; Колоницкий Б.И. Указ. соч. С.24.
[4] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.114; он же: Военные усилия России в мировой войне. Т.1. С.162.
[5] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.129.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

рами в течение всей войны была выше в 2,3 раза, а в 1917 году – в 4,6 раза.[1] При этом, хотя многие офицеры в глубине души считали, что они думают «только о фронте, о возможности продолжать войну и победить врага»[2], но и в их среде выдвигался самоубийственный лозунг «чем хуже, тем лучше».[3]

Более того, даже комиссары не были признаны «своими» командным составом.[4] И еще на один важный момент обращали внимание офицеры. В частности, прапорщик В.Б. Николаевский писал отцу с Юго-Западного фронта 21 октября о солдатах: « Ни он, солдат, ни я не верим никому и боимся верить друг другу».[5]

Острое чувство ненависти испытывали по отношению к офицерам солдатские массы. [6] По мнению немецкой газеты «Schulusische Zeitung», «русское Верховное командование является игрушкой в руках солдат и матросов, которые диктуют ему свою волю. Ротные, полковые и экипажные комитеты то и дело смещают офицеров и выбирают новых, не считаясь ни с какими приказами».[7]

Характерная для первых месяцев революции пассивная враждебность к командному составу после июльских дней и корниловщины начала перерастать в активное действие. За октябрь Ставка официально зарегистрировала более 100 эксцессов, связанных с арестами офицеров. [8] Но были и более жестокие проявления ненависти. После корниловского выступления в Выборге было убито 11 генералов и офицеров.[9] В Екатеринодаре солдатами был убит казачий офицер, стрелявший в них за оскорбления в свой адрес. На Западном фронте в запасном батальоне 132-й дивизии солдатами был избит до смерти полковник Макаревич; в 41-м Сибирском полку был убит даже член полкового комитета.[10] Один из самых отвратительных самосудов произошел 20 октября в Боровичах.[11] И кровавый список жертв на этом далеко не заканчивался.

Солдатские массы не испытывали большой любви и к комиссарам, считая, что они, в ответ на любую солдатскую жалобу на офицеров, становились на сторо-

---

[1] Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т.1. С.161.
[2] См.: Дневник барона Алексея Будберга // А.Р.Р. Т.11. С.200.
[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Кн.2. С.116.
[4] Красный архив. 1925. Т.3(10). С.156.
[5] ГА РФ. Ф.1791. Оп.2. Д.521. Л.1 об.
[6] См.: Дневник барона Алексея Будберга // А.Р.Р. Т.11. С.198; Голос фронта. 1917. 1 сентября; РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.533. Л.20.
[7] ГА РФ. Ф.579. Оп.1. Д.1486. Л.2.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.533. Л.20; Д.1577. Л.79; Д.1507. Л.79; Минувшее. Т.19. С.153-154.
[9] Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.514 (Приложения).
[10] См.: Разложение армии в 1917 году. С.149.
[11] Народный труд (Боровичи). 1917. 29 октября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ну последних.[1] Сводка военно-политического отдела штаба Верховного главнокомандующего об эксцессах в армии с 1 по 30 октября 1917 года зафиксировала восемь случаев оскорбления комиссаров Временного правительства и членов войсковых комитетов с насилиями над ними.[2]

Национальная составляющая политического сознания русской армии после ликвидации корниловщины стала существенно заметнее. По свидетельству В. Станкевича, «национальности признавали, что выделение сородичей из общей армии и сведение их в особые формирования – их неотъемлемое право, завоевание русской революции».[3] Пожелало иметь свои национальные воинские формирования к концу октября 1917 года значительное число наций и народностей России.[4] Часть национального элемента действующей русской армии, пожелавшая выделиться в национальные формирования, составляла примерно 20% ее численности.[5] Основная же масса военнослужащих нерусской национальности воздерживалась от переформирования на национальной основе. Более того, попытки создания национальных формирований вызывали протест старых бойцов.[6]

Последние месяцы существования Временного правительства, по воспоминаниям Ф. Дана, были наполнены «стараниями разрешить задачу квадратуры круга – создать правительству опору в виде военных сил, которые сами неудержимо разлагались вследствие утраты надежды на скорое заключение мира».[7] Ставка оценила боеспособность Особой армии как нулевую,[8] этот же вывод целиком и полностью можно отнести и ко всей действующей армии.[9]

Таким образом, Революция 1917 года отмерила свой очередной крупный рубеж. Но и он был не последним. Революция – это состояние души, оскорбленной несправедливостью мира, это состояние ума, наивно ищущего быстрый и однозначный выход из неоднозначной реальности. По наблюдениям В. Муравьева, у русского народа была «вера в какую-то новую, внезапную правду, которую несла с собой революция».[10]

---

[1] Красный архив. 1925. Т.3(10). С.155.
[2] История Гражданской войны в СССР. Т.1. С.250.
[3] Станкевич В.Б. Указ. соч. С.148.
[4] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.300. Л.8.
[5] Подсчитано автором.
[6] РГВИА. Ф.366. ОП.2. Д.233. Л.18; Ф.2067. Оп.1. Д.2988. Л.18; Ф.2003. Оп.4. Д.49. Л.69.
[7] Дан Ф.И. Указ. соч. // Октябрьский переворот. С.278.
[8] См.: Аделман Д.Р. Россия и Германия в мировых войнах // История СССР. 1991. №3. С.214.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1577. Л.78.
[10] Из глубины. С.196.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Анализ источников позволяет констатировать, что революцию признала и политическая элита страны. Обстоятельствами, этому способствовавшими, были: во-первых, неприятие внутриполитического курса, проводимого Николаем II накануне революции; во-вторых, сам переворот его вожди обрекли в относительно легитимные формы, отнюдь не создававшие резкого противопоставления режима нового режиму старому. Борьба против новой власти означала в данной ситуации «непослушание царской воле». Кстати, скорее всего именно в этом, а не во внезапном исчезновении «монархических иллюзий» и заключалась одна из главных причин того, что свержение монархии не вызвало массового политического движения в ее защиту; в-третьих, глубинная причина признания Временного правительства прежней элитой была связана с превращением подавляющего ее большинства в одну из групп российской интеллигенции, политическим триумфом радикального крыла которой и стал Февраль 1917 года.

Вместе с тем, уже в судьбе Государственной Думы предугадывался будущий печальный исход Всероссийского Учредительного собрания. Как во время, так и после Февраля 1917 года, парламентаризм в России был обречен именно потому, что до него он так и не стал органической составляющей государственного управления и воспринимался лишь нужным или ненужным придатком власти. Политическая культура российского общества подразумевала под властью самодержавие. Результатом этого было создание самодавлеющего и всевластного Временного правительства, чья идея известным образом уживалась с идеей Петросовета, который, по его мнению, олицетворял все революционные силы, а потом и установление Советской власти, орудия «классового» или номенклатурного самодержавия, утвердившей на революционной волне еще более высокую форму полновластия в России.

Можно утверждать, что новое либерально-демократическое правительство провозгласило отвлеченные гуманные принципы, отвлеченные начала права, в которых не было никакой организующей силы, не было заражающей массы энергии, возложило свои надежды на Учредительное собрание, идее которого было доктринерски предано. Можно сказать, что страну разваливали деятели самой центральной власти, не умеющие совместить доктрины с реальностью и тем усиливающие политическое напряжение в обществе. Анализ фактов приводит автора к выводу о растерянности одних политических сил, так и не сумевших мобилизоваться, и неспособности других дать растревоженному народу хотя бы что-то из обещанного. Революционный процесс же шел по законам саморазвития

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

хаоса, властно откидывающих любые сдерживающие барьеры отвлеченного законотворчества.

Деятельность Временного правительства была проверкой способностей буржуазии и ее главной политической партии – кадетов. Уже первый месяц революции показал, что если это правительство и осуществит какие-то преобразования, то только под давлением извне, что оказалось деструктивным фактором для самого либерализирующегося государственного строя. По справедливому замечанию М. Реймана, октябрьский переворот имел свои истоки: « Россия, разоренная войной и революцией, едва ли была подходящей почвой для буржуазно-демократического эксперимента».[1] К этим же выводам впоследствии пришли и многие современники тех событий.[2]

По мнению соискателя, люди Февраля совершили две кардинальные ошибки: во-первых, они медлили с неотложными мерами и реформами, которых ожидала от них страна. Во-вторых, типичные русские интеллигенты, считавшие Ленина и его «соратников» только заблуждающимися товарищами, они не могли и не хотели принимать против большевиков мер, необходимых для спасения страны и революции. Их недостаточно принимали всерьез. В сущности, все решила голая сила, точнее даже представление о ее победоносности. Ее видимым воплощением стал большевизм; он-то и был, лениво вытолкнут массой на пустующее место власти и государства.[3]

Не разрешило кризиса власти и создание коалиционного Временного правительства. Эта политика создала для социалистов предпосылки, и даже необходимость для тесного сотрудничества с буржуазно-демократическими партиями в правительственной коалиции. Социалисты приняли на себя ответственность за все меры коалиционного кабинета. У российской либерально-социалистической демократии в период правления Временного правительства имелось достаточно шансов на удержание ситуации в стране под контролем, однако, она не сумела ими воспользоваться. Совокупное действие разбушевавшейся военно-революционной стихии в сочетании с политической неопытностью и дилетантизмом либерально-социалистических вождей и праворадикальной военщины подготовили печальный и во многом закономерный финал.

---

[1] Рейман М. Русская революция. 23 февраля-25 октября. С.228, 172.
[2] Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. №5. С.161.;Керенский А. Издалека. Сборник статей (1920-1921 гг.). Париж, 1922. С.235; Милюков П.Н. История второй русской революции. Т.I. Вып.1. С.9.
[3] Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. №5. С.161.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

В 1917 году, как показал анализ источников, по-новому предстал и вопрос о власти. Ее не столько поддерживали, поносили, свергали, захватывали, как пытались приспособить к собственным «идеальным» представлениям о ней. Даже в идею Учредительного собрания, наиболее универсальную, каждая политическая сила вкладывала желательный ей смысл, каждая партия примеряла эту одежду на себя. Динамика политических кризисов 1917 года свидетельствует, что ни одна из партий не смогла выдвинуть харизматического лидера общероссийского масштаба. Между тем, революция требует концентрации власти, а не ее распыления соответственно идейной вкусовщине.

Революция произошла во время войны, так как перенапряжение сил страны в военных действиях 1917 года непосредственным образом повлияло на развитие внутриполитической ситуации в стране. Решение продолжать войну до победного конца со стороны Временного правительства было ошибочным, ибо «революция сгубила войну, а затем и Россию, - считал С. Булгаков. – Армия лишилась души, а война – своего смысла вследствие революции».[1] Война похоронила российскую демократию и породила большевистскую автократию.[2]

По мнению диссертанта, западническая сущность, ранее обоснованного В.И. Лениным пути развития настолько видоизменилась в 1917 году, что саму эту модель нельзя считать западнической. Можно сказать, что он одержал победу вопреки доктрине, хотя сам себе в этом никогда бы не признался. Выдвинутый В.И.Лениным вариант, оказался российским, самобытным.

Большевики во многом следовали алгоритму Кеннета Майнога , который утверждал, что «современность дала нам прекрасное средство заставить людей идти за нами: нужно убедить их, что исполнив наш замысел, они поступят как деятельные, критичные, независимые существа; поступив же иначе, останутся пассивными и зависимыми».[3] Ленина же всегда делали человеком с «истиной в кармане».[4] Более того, как писал в воспоминаниях Л.Д. Троцкий, «марксизм считает себя сознательным выражением бессознательного процесса.... Творческое соединение сознания с бессознательным есть то, что называют обычно вдохновением. Революция есть истовое вдохновение истории».[5] По мнению Н.Н. Головина, «обман стал ос-

---

[1] Из глубины. С.102.
[2] Там же. С.45.
[3] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.II. С.55.
[4] Воля России. Прага, 1924. №3. С.36.
[5] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.2. С.56.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

новным методом большевиков, а в среде несознательных масс он является незаменимым и самым верным средством захвата власти».[1]

Историк А.А. Кизеветтер, с которым соискатель солидарен, считал, что большевики лучше других сумели учесть психологию и инстинкты народных низов и использовали их в своих целях. Это тем более, по его замечанию, сделать было несложно, поскольку «односторонне направленная политика старой власти» в течение длительного времени смогла воспитать в этих низах «наклонность оказывать доверие тем, кто прикроет свои замыслы наиболее резким осуждением этой старой власти».[2] В.И. Ленин угадал, что в этих условиях успех может быть одержан политиками, способными на развращающую народ лесть, убеждая его, что он способен править страной непосредственно или хотя бы через «свои» Советы по «инстинктам социальной справедливости». При этом большевики, стремясь к политической власти в стране, шли за радикализмом масс и всячески приспосабливали свою тактику к их настроениям. Существенным успехом ленинской стратегии была и милитаризация политики.

На основе анализа комплекса данных, автор пришел к выводу, что большевизм как радикальное течение в российском социал-демократизме одержал верх над всеми другими революционными партиями потому, что в решающий, критический момент своей истории смог найти струну, звучание которой отразило интересы большинства народов России. Ленин и большевики блестяще разыграли карту империалистической войны, которая никому, в сущности, не была нужна. Они становились знаменосцами движения за мир во что бы то ни стало. Большевики внесли идею немедленного мира в политическое сознание так глубоко, что ни народ, ни даже армия не хотели ни ждать, ни думать о последствиях. Обещанием немедленного мира большевики обеспечивали себе в худшем случае благожелательный нейтралитет солдатской массы действующей армии и ее быстрый самороспуск. Объясняя подобную популярность большевиков, Н.Н. Головин справедливо замечает: «В 1917 году настроение русских масс представляло собою психику народа, потерпевшего поражение».[3]

Большой здравый смысл присутствует в рассуждениях Н. Бердяева о том, что большевизм оказался наименее утопическим и наиболее соответствующим всей

---

[1] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.II. Кн.3. С.13.
[2] Кизеветтер А.А. Общие настроения русской истории в современной литературе // Современные записки. 1928. Кн.XXXVII. С.326.
[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.II. Кн.2. С.11.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием.[1]

Диссертант констатирует, что в 1917 году, в силу своего доктринерства, политического идеализма и наивной веры в возможность убедить массы в необходимости самоограничения и терпения, меньшевики оказались в тупиковой ситуации, ибо пока они ждали Учредительного собрания, согласия союзников по Антанте на ведение переговоров о всеобщем демократическом мире и политического прозрения А.Ф. Керенского, их главные противники – большевики, чутко уловив настроение народа, сбросили их, по образному выражению Л.Д. Троцкого, в мусорную корзину истории.

Весна и начало лета 1917 года было периодом идейной гегемонии меньшевиков в Советах, временем расцвета «революционного оборончества» и иллюзий о возможности национального примирения. Вместе с тем и в это время правоцентристская линия И.Г. Церетели и Ф.И. Дана встречала противодействие как справа (А.Н. Потресов и, особенно, Г.В.Плеханов), так и слева (меньшевики-интернационалисты во главе с Ю.О.Мартовым). В итоге добиться единства даже в своей собственной среде меньшевикам так и не удалось.

Логическое поражение меньшевиков в 1917 году во многом связано с их коалиционной политикой, метко прозванной Мартовым «канителью Керенского-Церетели», которая привела их в 1917 году в политический тупик, ибо на них распространилось осуждение массами неспособности Временного правительства отмежеваться от прежней политики по вопросам войны и мира, труда и капитала, земли и воли.

Не способствовало авторитету меньшевиков и то, что их лидеры Ю.О.Мартов и Г.В. Плеханов занимали позиции полубольшевизма и полулиберализма, которые казались лишними, ибо революционная толпа теряет способность различать полутона. Можно согласиться с мыслью о том, что стать лидерами революции и Мартову, и Плеханову помешали «высокая нравственность» и избыток аналитичности.[2]

Проведенный в исследовании анализ источников показал, что в ходе революции 1917 года российская социал-демократия выдвинула три принципиально

---

[1] Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.93, 115.
[2] Урилов И.Х. Ю.О. Мартов – историк и политик. М., 1997.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

осуществимые модели общественного развития, каждая из которых определяла возможный тип развития страны: либерально-буржуазный по образцу западных демократий (группа «Единство» и меньшевики оборонцы), революционно-демократический с учетом особенностей России (интернационалисты-небольшевики) и социалистический в его российском варианте (большевики). Модель Г.В.Плеханова – А.Н. Потресова, связанная с либерально-буржуазным типом развития, не могла быть реализована по тем же причинам, что и вариант, предложенный кадетами: особенности России как промежуточной цивилизации определили тот факт, что общественные силы, заинтересованные в превращении России в чисто западное государство не были достаточно многочисленны и сильны.

Две другие модели, так или иначе, учитывали специфику России и, прежде всего, крестьянский состав ее населения, поэтому, выдвинувшие их социал-демократические течения, теоретически могли рассчитывать на поддержку народа. Тип общественного развития, предложенный интернационалистами-небольшевиками, больше соответствовал уровню экономического развития страны и социальной структуре российского общества и мог обеспечить более прогрессивное развитие России, чем путь, обоснованный В.И. Лениным. В том, что народные массы не пошли за интернационалистами-небольшевиками, большую роль сыграл субъективный фактор: интернационалисты были разобщены, формирование их модели отставало от развития событий, лидеры интернационалистов не сумели выдвинуть доступные и притягательные для масс лозунги, политическая линия интернационалистов не всегда была адекватна ситуации.

У большевиков соотношение между качеством предлагаемой модели и возможностью вести за собой народные массы было прямо противоположным. Обоснованный В.И. Лениным тип общественного развития соответствовал особенностям российской цивилизации, но не отвечал интересам ее населения и открывал ограниченные возможности прогрессивного развития. Поддержав большевиков, народ России высказался не за социалистическую перспективу, а за демократическое решение задач буржуазной революции и немедленное прекращение войны. Однако, тот феномен, что большевистский вариант исторического развития оказался приемлемым для России и что страна пошла именно этим путем, детерминирован, в конечном счете, не механизмом прихода к власти большевиков, а глубинным соответствием выдвинутой В.И. Лениным модели особенностям России как промежуточной цивилизации.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

По мнению соискателя, характерной особенностью развития партии эсеров в 1917 году был, как и у меньшевиков, раскол в ее рядах, который, с одной стороны, привел к образованию левого крыла, сравнительно быстро зажившего собственной жизнью, с другой стороны, способствовал возвышению умеренно правой группы, которая определяла политику партии в 1917 году. Можно наблюдать определенную непрерывность в потере институционной силы эсеров в 1917 году, когда организация все еще была предметом словопрений, а не дел. Партия смогла собрать громадную численную поддержку, но не была способна мобилизовать одно хотя бы армейское подразделение для защиты собственного правительства.

Уверив самих себя в слабости демократических сил, эсеры отдали формирование власти кадетам. Однако это формирование в то же время было «замаскированным уходом» от власти. По мнению Чернова, с которым вполне можно согласиться, оно опять-таки продемонстрировало тягу к безответственности, торжество властебоязни и объективно подвело к заключению, что демократия не верит в себя.[1] В целом можно констатировать, что эсеры не приняли мер к разрешению кризиса власти, а способствовали его углублению. Они не увидели, что общество шло не к консенсусу, а к поляризации. Впоследствии Чернов признал ошибочность политики уступок кадетам, которую проводила партия накануне Октября.[2] Не на высоте оказался и сам В.М. Чернов, как лидер партии эсеров. Таким образом, самая массовая партия оказалась лишена лидера, способного усилить притягательность представляемой ею идеи.

Диссертационное исследование показало, что народные социалисты всю вину за исход событий в октябре 1917 года возлагали на интеллигенцию. По их мнению, она была виновата перед Россией в том, что не проявила ни должного единства, ни самоуважения, поступившись своими правами на водительство русской жизнью.

Война явилась катализатором революции в России. Умеренные социалисты, меньшевики и эсеры, были одновременно и оборонцами, и сторонниками окончания войны, согласно популярной тогда формуле «без аннексий и контрибуций». По моральным и политически-практическим соображениям они отвергали мысль о заключении сепаратного мира с Германией, который, по их мнению, ставил бы под

---

[1] См.: Россия в XX веке: Историки мира спорят. С.178.
[2] См.: Там же. С.179.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

угрозу само существование молодой революционной России. Из этих предпосылок и условий выросла идея «революционного оборончества».

Трагичной оказалась судьба русского либерализма в 1917 году. Осмысление источников позволяет заключить: исторический опыт русских либералов убеждает в том, что даже самые хорошие теоретические модели могут оказаться невостребованными, отторгнутыми исторической средой, если она не созрела для их восприятия. Можно сказать, что в этом смысле русские либералы опередили свое время. Стратегия и тактика либералов в 1917 году не отличалась большой гибкостью и изобретательностью, чему во многом способствовал их лидер – П.Н. Милюков. После февраля 1917 года партия народной свободы стремилась сохранить боеспособность действующей армии для продолжения войны до победного конца, но кадетам удалось привлечь на свою сторону лишь незначительную часть армии – офицеров, юнкеров военных училищ и школ прапорщиков, некоторые казачьи части.

Автор пришел к выводу, что на протяжении восьмимесячных попыток движения России к свободе и демократии, закончившихся крахом, правые партии существовали в условиях увлечения большинства населения страны антимонархическими и левыми идеями и распространения атеизма. В новых обстоятельствах им приходилось действовать при легально стесненной и даже подавленной прессе, сведенной революционными властями к минимуму. Во взглядах правых в большой степени присутствовало патриотическое чувство, но оно неизменно сочеталось с шовинизмом. Двойственным было отношение к демократии. С одной стороны, они выступали против демократических организаций, «делателей» свободы. С другой – восставали против урезания свобод властями и даже заступались в первой половине октября за Советы. В идеологии этого движения просматривались элементы ксенофобии. Призывы крайне правых нередко носили популистский характер и содержали аргументы, рассчитанные на низменные инстинкты. Движение потеряло элемент организованности сверху: оно стало стихийным и самоорганизующимся, что говорит о том, что это было не просто искусственно вносимое, навязанное части народа и поддерживаемое извне движение, но и движение части самого народа.

Источники свидетельствуют, что в массовом политическом сознании страны и действующей армии верноподданические чувства постепенно теряли личную мотивацию. Разрыв между традицией и настоящим породил ценностно-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

идеологический дефицит, возникла потребность в новом идеале, более адекватном конкретным историческим условиям. Представления о монархии и реальная политическая практика самодержавия были столь противоречивы, что к весне 1917 года население находилось в состоянии психологического дискомфорта. Склонное к образному восприятию государя, массовое сознание олицетворяло личность монарха не только со всей системой власти, но и с вектором наиболее заметных общественных процессов. Действия или бездействие Николая II считали решающей причиной кризиса. Диссонанс между укорененным в массовом сознании образом царя и реальной фигурой последнего русского императора явился побудительной силой психологической и общественной активности, направленной на преодоление конфликта.

Экзальтация уступила место сначала умеренному критицизму, потом возникло недовольство, вылившееся в протест, и, наконец, восторжествовал радикальный негативизм. В условиях, когда обострение разрухи и продовольственного кризиса из экономического бытия перешло в политическое сознание, в народе оказались подорванными представления о «фетише» власти. Проявлявшиеся на вербальном уровне критические оценки верховной власти в условиях общественной нестабильности способствовали нарастанию агрессивности. Падение жизненного уровня подталкивало к активным действиям. Дополнительным усиливающим фактором явился феномен «социального заражения», возникший в Петрограде, благодаря скоплению населения и войск. На пути усиливающегося революционного настроения масс в массовом политическом сознании, наводненном «ложью и обманом»,[1] общенациональные ценности, представлявшие собой ни что иное, как элементы государственности, являлись препятствиями, и поэтому там возобладала тенденция, направленная на разрушение государственности.

Автор, на основе анализа разнообразных источников, пришел к выводу, что переломным моментом в массовом сознании по отношению к насилию следует считать февраль 1917 года. С этого времени весь мир начал постепенно представляться в черно-белом цвете. Через взаимное заражение произошло изменение отношения к насилию: то, что раньше в обыденном сознании граничило с уголовщиной, становилось объектом восхищения. Исследователи давно подметили, что избыточное великодушие и всепрощенчество первых дней революции (следующее за вспышкой удовлетворенного гнева) скоро сменяется растущей жаждой мести. Уже

[1] См.: Из глубины. С.49.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

в конце 1917 года многие современники давали вполне взвешенную оценку роли в этом процессе большевизма.[1]

К октябрю 1917 года в массовом политическом сознании значительного большинства населения страны сложился определенный стереотип: отождествление предпосылок Октябрьской революции и социализма. Революционное изменение характера государственной власти должно было стать отправной точкой, залогом достижения высшего уровня цивилизации.

Революция покончила не только с царским режимом, но и с прежним патриотизмом. Он основывался на интересах династии, престиже царской власти, которая в значительной степени была заинтересована в отстаивании государственных и национальных позиций страны. После февраля 1917 года патриотизм утратил свое очарование и значимость, превратился в бранное слово. В глазах населения патриотические настроения ассоциировались с контрреволюционными взглядами и монархическими чувствами.

Как показало исследование, провозглашение новой власти поддержала армия, измученная войной, от которой во многом зависело решение вопроса о власти. Армия оказалась втянутой во многие процессы социально-политического характера, способствуя своим участием в них, скорее, не разрешению противоречий и конфликтов, а обострению общественной ситуации. Превращенная в арену политической борьбы, армия все более и более осознавала свою политическую силу. Армия поддержала власть, которая высказалась за прекращение войны. Армия поддержала власть, которая бралась в интересах крестьян решить аграрный вопрос. Армия поддержала власть демократическую.

После начала Революции 1917 года действующая армия была вполне боеспособной, а в массовом политическом сознании доминирующими были идеи войны до победы и «революционного оборончества». В этот период действующую армию можно представить как гигантское открытое информационное пространство, которое требовало адекватного – в смысле естественности и своевременности для сохранения внутреннего баланса – наполнения. Поскольку информации того качества, которое она требовала для эволюционной трансформации, не поступало в необходимом количестве, все стала определять информация другого рода – слухи, наветы, демагогическая ложь. Патерналистское информационное пространство превращалось в свою противоположность – настоящий кипящий котел всеобщей по-

[1] Минувшее. Т.20. С.150, 151.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дозрительности. Такую ситуацию можно назвать психозом дезинформированности.

Под воздействием кризиса центральной власти, влияния центробежных сил на действующую армию, не вполне удачных попыток ее демократизации, подорвавших основы военного строя, прогрессирующего бессилия командного состава, пропаганды социалистических партий, алармирующего ожидания, радикализации политической борьбы солдатских масс, нежелания воевать, крайне бесплодного и неудачного наступления в политическом сознании армии происходит перелом: армия склоняется к поддержке заключения немедленного мира и готова вынести на гребень политической власти любую партию, которая сделает это. Рубиконом стал корниловский мятеж.

Именно в окончании войны многие солдаты видели теперь единственное средство сохранить завоеванную свободу и добиться удовлетворения своих требований. При этом проявлялась интересная закономерность: чем больше слабела армия, чем ниже становилась ее боеспособность, тем большие усилия требовались от государства для ее сохранения и тем шире внедрялся в войска институт его политического влияния и контроля, из чего еще раз можно заключить, что появление такой структуры являлось индикатором ослабления государства в целом. По справедливому свидетельству А. Геруа, психологической особенностью русской армии 1917 года были демагогия и цинизм, «доведенные до высшего совершенства», которые сплачивали воедино разнокалиберную и разноплеменную массу, в большинстве враждебную идеалу своих вождей.[1]

События 25-26 октября в Петрограде завершили один из важнейших, драматических этапов в развитии революционного процесса в России в 1917 году. Многослойность и противоречивость политического сознания «низов» в 1917 году, сдвиг его в сторону крайнего радикализма, наметившийся в годы Первой мировой войны, явились важными социально-психологическими предпосылками последующих общественных потрясений, в ходе которых они, в свою очередь, также продолжали трансформироваться.

[1] Российский военный сборник. №9. С.119-120.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

РАЗДЕЛ IV ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД ВЫХОДА РОССИИ ИЗ ВОЙНЫ И МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Октябрьский переворот стал возможным в результате взаимодействия трех основных факторов. Первый – стремительное нарастание стихии народного протеста и самодеятельности в решении самых насущных, жизненных проблем – земли, мира, хлеба. Второй – трансформация этой народной стихии, крайне многоликой по проявлениям (от резолюций протеста до открытых вооруженных выступлений), в политическую форму с требованием передачи власти в центре и на местах в руки Советов. Третий – настойчивые усилия большевиков по максимальному расширению народного движения, по переводу его в русло борьбы за изменение характера власти, по укреплению своего лидерства в этом движении.

К этому необходимо добавить и уход с политической сцены различных социальных групп, что демонстрировало распад общества. По мнению немецкого историка Х. Альтрихтера, в конце 1917 года будущее страны было неясным как никогда. Представление о прямолинейном развитии «железной необходимости», закономерности и необратимости событий в России, укрепившееся задним числом в историографии, – не более чем миф. [1] В историко-аналитическом очерке «80 лет вне нашей эры» Д. Юрьев, пытаясь вскрыть природу глобальных антицивилизационных процессов, вызванных событиями октября 1917 года и опирающихся на низменные человеческие инстинкты, одной из причин успеха большевиков называет то, что сама Россия стала не только «демонстрационным полигоном», но и «местом пространственной локализации гибельных тенденций», «тупиковости дегенерации как формы развития мировой цивилизации».[2]

Определенную роль в возвышении и укреплении большевизма сыграла финансовая помощь извне со стороны германского правительства и американских промышленных магнатов. По этому вопросу существуют различные точки зрения: от публицистической,[3] основанной, преимущественно, на разного рода пропаган-

---

[1] Альтрихтер Х. Россия в 1917 году: *страна в поисках самой себя*. Мюнхен, 1997. С. 11,266.
[2] См.: Русская мысль. №4199 и 4200.
[3] См.: United states. The German-Bolchevik conspirancy. N-Y., 1919; The Sisson Documents. N-Y., 1933; Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999; Фельштинский Ю. Вожди в законе. М., 1999 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дистских фальшивках, до научно-документальных работ,[1] авторы которых пытались восстановить реальные масштабы финансирования большевиков. [2] Ирония истории сказалась в том, что Ленин, располагая значительными суммами денег, сумел сплотить вокруг себя и своей политики не только единомышленников, но и фрондирующих оппонентов.

На основании анализа источников, автор считает, что 26 октября 1917 года большевики не столько захватили власть, сколько заявили право на нее. События 25-26 октября, происшедшие на всплеске массового недовольства, являются классическим антиправительственным вооруженным переворотом, совершенным большевистской партией в союзе с левыми эсерами и анархистами против Временного правительства российской республики.[3] То, что «октябрьский переворот был в значительной степени переворотом военным»,[4] подчеркивает по горячим следам и непосредственный участник тех событий Н.В. Крыленко. Пассивность Временного правительства и нерешительность командующего Петроградским военным округом полковника Г.В.Полковникова в немалой степени способствовали успеху антиправительственного выступления.

В октябре 1917 года высшая власть в стране перешла от либерально-социалистического Временного правительства к Временному рабоче-крестьянскому правительству во главе с Лениным. При этом большевики совершили государственный переворот не от своего имени – названия партии нет ни в одном воззвании Военно-революционного комитета, - а от имени Советов. События 25-26 октября 1917 года были лишь одним из важных и драматических этапов в развитии Русской Революции. Сущностью ее нового этапа было и возрастание роли каждого из обозначенных выше трех компонентов, и обострение противоречий между ними, и поиск большевиками новых социальных и организационных опор в обществе для себя. Вооруженное восстание под руководством большевиков поставило российское общество на опасную грань, подтолкнуло демократическую революцию к поражению. В августе 1918 года К. Каутский выносит приговор этому состоянию российского общества.[5]

---

[1] См.: German and the Revolution in Russia, 1915 – 1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Ed by Z.A.B. Zeman. L., 1958; Старцев В.И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 1994; Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998 и др.

[2] Пайпс Р. Указ. соч. Т.2. С.85; Катков Г.М. Указ. соч. С.82, 84, 90, 92, 97, 107, 116, 135; Саттон Э. Указ. соч. С.91-92, 203; Futrell M. Northern Undergraund. L.,1963; Possony S. Lenin: The compulsive Revolutionary. L., 1963 и др.

[3] См.: Малапарте К. Техника государственного переворота. М., 1998. С.92, 93.

[4] Крыленко Н.В. Смерть старой армии. // История и историки. М., 1978. С.284-285.

[5] Черная книга коммунизма. С.675.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Большевики в 1917 году стали настоящей партией гражданской войны, хотя были озабочены, преимущественно, проблемами мировой революции.[1] Как бы то ни было, 25 октября 1917 года одна часть общества поставила другую вне закона от лица общероссийской власти. Но тонкость в том, что начальный этап гражданской войны, осторожно названный Лениным «триумфальным шествием Советской власти», был, на деле, процессом беспорядочной расправы анархиствующих масс с контрреволюционерами – скорее потенциальными.

Несмотря на то, что Скворцов-Степанов, выражая мнение руководства партии большевиков, считал совсем необязательным апеллировать к такому понятию, как общенародная воля,[2] большевики, чутко уловив перемену в массовом политическом сознании, распорядились властью на редкость осторожно, политически точно отреагировав на поднимающуюся волну революционного нетерпения, ожесточения, вооружив массы соответствующими политическими программами. Декреты II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов показали, что большевики вовремя учли негативный опыт Временного правительства: свой приход к власти они сразу же попытались закрепить решением самых насущных задач революции.

Декрет о мире[3] был назван так по недоразумению, поскольку он, в сущности, был не законодательным актом, а воззванием ко всем воюющим державам немедленно начать переговоры для достижения «демократического» мира без аннексий и контрибуций, гарантирующего каждой нации «право на самоопределение». Он, безусловно, отвечая интересам подавляющего большинства населения России, особенно действующей армии, вместе с тем был откровенным призывом к мировой революции.[4] Причем революционное нетерпение отражалось в самом стиле документа: слово «немедленно» было употреблено в нем восемь раз.[5]

Судьбу вопроса о земле большевики вручили в руки самого деревенского населения, после чего забурлила, широко разлилась, демонстрируя неимоверной силы преобразовательный и разрушительный потенциал аграрно-крестьянская революция. Декрет о земле[6] был целиком позаимствован из программы партии социалистов-революционеров и дополнен на основе 242 наказов крестьянских общин,

---

[1] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917 – 1918 гг. Пг., 1918. №15. Ст.215.
[2] Октябрьский переворот… С.342.
[3] Декреты советской власти. М., 1957. Т.1. С.12-16.
[4] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.16.
[5] Подсчитано автором.
[6] См.: Декреты советской власти. Т.1. С.17-20.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

опубликованных двумя месяцами ранее в «Известиях Всероссийского съезда крестьянских депутатов»[1], что признавал и сам В.И. Ленин.[2] Вместо национализации всей земли, как того требовала программа большевиков, декрет объявлял ее «социализацию». Однако частные земельные владения, принадлежащие крестьянам, изъятию не подлежали. Это было беззастенчивым заигрыванием с крестьянством с единственной целью – завоевать поддержку крестьянства на выборах в Учредительное собрание.

Третий декрет, представленный делегатам, был посвящен формированию нового правительства, получившего наименование Совет народных комиссаров. Срок действия этого органа ограничивался созывом Учредительного собрания, поэтому, как и предыдущий орган исполнительной власти, Совнарком также назывался «Временным правительством».[3] Левых эсеров пригласили участвовать в правительстве, но они отказались, потребовав, чтобы новый кабинет представлял «все силы революционной демократии», включая меньшевиков и эсеров.[4]

В этот смутный период большевистское руководство всеми силами стремилось избежать впечатления, что оно присвоило себе преимущественное право на власть. Поэтому большевики настояли, чтобы все декреты, принятые Съездом, считались временными и подлежали утверждению, исправлению или отмене Учредительным собранием. [5] В этом же ряду важнейших актов новой власти стояла «Декларация прав народов России». Опубликованная без предварительного утверждения органами советской власти, эта декларация фактически привела к развалу Российской империи. В результате под контролем большевиков остались земли, населенные великороссами, – то есть территория России середины XVII века. Последующим Декретом о рабочем контроле и другими актами в ноябре-декабре 1917 года активизировалась и рабочая, пролетарская социальная «малая» революция. Таким образом, страна была заполнена массой всевозможных декретов – власть обозначила себя, массы получили возможность делать то, что им хотелось.

С момента провозглашения Советской власти начался ее перманентный кризис. Он по-своему отражал реальные альтернативы большевистского пути развития страны. Практически сразу на II съезде Советов последовала инициатива Ю.О. Мартова о создании «объединенного демократического правительства для всей ре-

---

[1] Там же. С.17-18.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.24.
[3] Декреты советской власти. Т.1. С.20-21.
[4] Революция 1917 года: Хроника событий. Т.6. С.1.
[5] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.20; Декреты советской власти. Т.1. С.18, 20.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

волюционной демократии».[1] Но это предложение было заблокировано как справа, со стороны эсеров и меньшевиков-оборонцев, так и слева, со стороны большевиков-ленинцев.

События октября 1917 года ускорили и довели до низшей точки распад государственной власти в России. Бездумно отбросив остатки дореволюционной центральной и местной власти, разрушив зачатки возникавшей после Февраля демократической власти, Советы, претендуя на всю полноту государственной власти, оказались совершенно не готовыми к выполнению новых функций. Основная трудность заключалась в том, что Советы и не желали укладываться в единую структуру общегосударственной власти. Этому мешало то обстоятельство, что широкие демократические круги не признали легитимность II Всероссийского съезда Советов и его право на изменение характера власти в государстве, на принятие основополагающих законов.

Более того, передавая в центре и на местах всю полноту власти Советам, II съезд Советов положил начало глубокому расколу, расслоению уже и этой, только что родившейся власти. ЦИК Советов первого созыва не признал правомочность решений II съезда Советов и разослал всем Советам и армейским комитетам телеграмму о непризнании его решений. 28 октября Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов также заявил, что он «не признает большевистскую власть государственной властью»[2] и призвал крестьян и армию не подчиняться образованному на II съезде Советов СНК. Не признал СНК и Всероссийский исполнительный комитет профсоюзов железнодорожников – Викжель.

В самом СНК его первый кризис породила идея однородного социалистического правительства. Возможность сотрудничества большевиков с либералами исключалась абсолютно. Но и длительного взаимодействия с другими социалистическими партиями не могло получиться уже в силу самой природы и доктрины «партии нового типа», считавшей лишь себя выразителем интересов пролетариата и архитектором нового общества. А раз так, сам вопрос о сохранении иных партий в условиях установления и ужесточения диктатуры пролетариата отпадал. Лишь с левыми эсерами большевики заключили недолговременный политический союз. Идея однородного социалистического правительства вызвала раскол среди руко-

[1] Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.-Л., 1927. С.4, 5, 34, 40-42.
[2] Цит. по: Семенникова Л.И. Указ. соч. С.378.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

водства большевиков.[1] Все разговоры о нем со стороны большевиков были ничем иным, как тактическим шагом, рассчитанным на то, чтобы успокоить массы.

В первые месяцы Советской власти большевики одним из главных и решающих направлений деятельности считали ликвидацию несогласной с их курсом печати в России, считая ее важнейшим инструментом политической борьбы. 25 октября 1917 года Петроградский ВРК предписал ликвидировать газеты «Русская воля»,[2] «Речь», «Новое время», «Вечернее время», «Биржевые ведомости», «Народная правда».[3] Уже за несколько часов до штурма Зимнего была закрыта газета В. Бурцева «Наше общее дело»,[4] а сам редактор арестован. В тот же день ВРК принял специальную резолюцию о печати, в которой предусматривались временное закрытие всех буржуазных газет, учет типографий и находившихся в них рабочих, а также запасов бумаги и распределение ее между крупнейшими социалистическими газетами.[5] Типографии, в которых печатались меньшевистский «День» и кадетская «Речь», были конфискованы и переданы большевистским журналистам.[6] (Многие из закрытых изданий вскоре начали выходить вновь под другими названиями – А.Ч.). 28 октября Совнарком специальным постановлением узаконил мероприятия Петроградского ВРК по закрытию небольшевистских газет.[7]

Декрет о печати был утвержден на первом заседании Советского правительства 27 октября 1917 года. Он, говоря о свободе печати, обосновывал необходимость подавления противостоящих большевикам печатных органов тем, что буржуазная пресса есть одно из могущественных оружий буржуазии, особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается.[8] В соответствии с декретом о печати были закрыты около 20 антибольшевистских газет.[9] Но этот декрет, кроме закрытия части газет, делал большее: он полностью упразднял свободную печать в России, традиции которой восходили к Екатерине II.

---

[1] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С.135,271-272, Известия. 1917. 4 ноября, Революция 1917 года: Хроника событий. Т.6. С.423-424.
[2] Советы в Октябре. М., 1928. С.5.; Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1967. Т.1. С.112.
[3] Петроградский военно-революционный комитет. Т.1. С.184.
[4] Там же. С.145.
[5] Там же. С.190.
[6] Фрайман А.Л. Форпост социалистической революции. Л., 1969. С.166-167.
[7] Декреты советской власти. Т.1. С.539.
[8] Там же С.24, 25.
[9] Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн.1. 4-е изд. М., 1986. С.86.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Закрытие оппозиционных газет и ленинский декрет о печати, означавшие удушение свободы печатного слова и инакомыслия, вызвали резкий протест даже в представительных органах. Острейшая борьба по этому вопросу развернулась на состоявшемся 4(17) ноября заседании ВЦИК, когда против мер подавления печати выступили Ю. Ларин[1], левые эсеры А.Л. Колегаев, В.А.Карелин, а Б.Ф. Малкин заявил: « Мы не признаем критики оружием, но оружие критики должно быть предоставлено всякому в свободной Российской республике».[2] Большинством была принята резолюция большевистской фракции. После голосования П.П. Прошьян огласил заявление фракции левых эсеров, в котором резолюция ВЦИК оценивалась как документ, представляющий собой «яркое и определенное выражение системы политического террора и разжигания гражданской войны». Левоэсеровская фракция заявила, что она отказывается сотрудничать с партией большевиков и отзывает своих представителей со всех ответственных постов.[3] Дело дошло до того, что в Москве, контролируемый большевиками ВРК, декрет аннулировал. [4]

Но положения дел это не изменило. В конце ноября в Москве закрыто «Русское слово». «Рабочая газета» с 19 по 30 ноября закрывалась 8 раз, газета «День» - 5 раз, кадетская газета «Современное слово» сменила название 3 раза, эсеровская «Воля народа» с 25 по 30 ноября – 4 раза.[5] Более того, в соответствии с декретом о суде, учреждались революционные трибуналы, в том числе и революционный трибунал по делам печати.[6] До конца февраля 1918 года было отдано под суд революционных трибуналов 19 газет, наложено штрафов на газеты на сумму 142 тыс. рублей, арестовано 18 редакторов и сотрудников газет.[7]

Диссертант пришел к выводу, что, используя сложившуюся критическую для Советской власти ситуацию, социалистическая оппозиция, в отличие от кадетской, критиковавшей большевиков более осторожно, перешла к непосредственному давлению на власть. Критика действий большевиков в социал-демократических и эсеровских газетах в этот период выходит за пределы, допустимые для легальной оппозиционной печати. То, что оппозиционные газеты внимательно прочитыва-

---

[1] Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих Депутатов II созыва. М., 1919. С.27.
[2] Там же. С.26-27.
[3] Там же. С.27.
[4] Революция 1917 года: Хроника событий. Т.6. С.91.
[5] Подсчитано автором.
[6] Финн Э. Антисоветская печать на скамье подсудимых. // Советское государство и право. 1967. №2. С.71-72.
[7] Голинков Д.Л. Указ. соч. Кн.1. С.93.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лись, а их содержание тщательно анализировалось в Смольном – не вызывает никаких сомнений, хотя многие из этих материалов как раз и были рассчитаны на то, что с ними ознакомятся в Смольном.[1]

Большевики пошли еще дальше и после закрытия газет поставили вне закона политическую партию – партию кадетов. Уже в первый день выборов в Учредительное собрание они выделили вооруженные отряды, чтобы разгромить кадетскую газету «Речь».[2] Затем в обращении Совета Народных Комиссаров к населению 25 ноября 1917 года в лице кадетов вводится понятие «враг народа» в большевистском понимании этого термина.[3]

28 ноября (10 декабря) правительство придало официальный характер понятию «враг народа»: Лениным подписан декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции»,[4] в соответствии с которым были арестованы все известные большевикам члены кадетской партии, в том числе и депутаты Учредительного собрания. Ни меньшевики, ни эсеры не высказали по этому поводу особого огорчения. По мнению некоторых историков, уничтожение «врагов народа» явилось логическим продолжением революции, где одни были «победителями», а другие «побежденными». Это миропонимание не возникло вдруг после октября 1917 года, но, с точки зрения большевиков, представлялось вполне естественным и законным.[5]

Не слишком ошибаясь, большевиков можно назвать изобретателями политического террора как метода управления страной. Якобинцы, прибегавшие к террору, использовали его, когда революция находилась в высшей точке своего развития, тогда как российская с него началась при отсутствии какой-либо организованной оппозиции власти большевиков. [6] Насколько глубокие корни в ленинской душе пустила страсть к террору, показывает эпизод, связанный с предложением Каменева второму съезду Советов об отмене смертной казни на фронте и происшедший в первый же день, когда он стал главой государства. [7] И это происходило в то время, когда большевистская диктатура была едва установлена, когда она не встречала еще никакого организованного сопротивления (ибо никто не верил, что

---

[1] РГАСПИ. Ф.622. Оп.1. Д.21. Л.39.
[2] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.II. С.218.
[3] Декреты Советской власти. Т.1. С.154, 155.
[4] Там же. С.161-162; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.126.
[5] См.: Черная книга коммунизма. С.85.
[6] Пролетарская революция. 1924. №10(33). С.10.
[7] Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.-Л., 1928. С.94; Троцкий Л. О Ленине. М., 1924. С.101; Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930. С.197.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

большевики продержатся у власти), когда не было ничего, даже отдаленно, напоминавшего гражданскую войну. По настоянию Ленина большевики проигноррировали это решение съезда об отмене смертной казни. Навязчивой идеей террора был одержим и Троцкий. [1] Он призывал даже к тому, чтобы «чугунный каток пролетарской революции прошелся по позвоночнику меньшевизма».[2]

Под давлением Крестьянского съезда большевики упразднили Военно-революционный комитет.[3] Вместо него 7 декабря 1917 года была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем.[4] По некоторым свидетельствам, Ф.Э. Дзержинский, едва встав во главе ВЧК, заявляя, что победителям нужна сейчас не «революционная юстиция», а «революционная расправа»,[5] распорядился арестовать часть социалистов-революционеров и меньшевиков, выбранных в Учредительное собрание. Народный комиссар юстиции, левый эсер Штейнберг, тотчас же резко осудил самоуправство Дзержинского.[6] В силу этого совсем не удивительно, что в ночь с 30 на 31 декабря первый белорусский конгресс в Минске, требовавший права на самоопределение белорусского народа, был разогнан большевиками посредством штыков и пулеметов.[7] По справедливому замечанию Р. Пайпса, для большевиков, как и для якобинцев, террор был отнюдь не крайней мерой, но служил заменой народной поддержки, которой им не хватало. Чем более теряли они популярность, тем сильнее становился террор.

Созыв Всероссийского Учредительного собрания давал последний шанс для мирного и демократического развития страны, в том числе в рамках однородного социалистического правительства от большевиков до народных социалистов.[8] На протяжении многих лет идея Учредительного собрания была для революционного и либерального движения символом грядущей победы демократической революции, призванной обеспечить переход к правовому, демократически управляемому государству. Оно виделось всеми прогрессивными политическими партиями и

---

[1] Вильям Альберт Рис. Очерки русской революции. М., б/г. С.103; Дело народа. 1917. 3 декабря.
[2] РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.76. Л.24.
[3] Революция 1917 года: Хроника событий. Т.4. С.144.
[4] Ленин и ВЧК: сборник документов (1917 – 1922). М., 1975. С.37.
[5] Цит. по: Бонч-Бруевич В. Указ. соч. С.192.
[6] Черная книга коммунизма. С.86-87.
[7] См.: Архив русской революции. Т.20. С.150-151.
[8] Учредительное собрание. Россия. 1918 г. Стенограмма и другие документы. М., 1918; Всероссийское Учредительное собрание. М.-Л., 1930; Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т.2. С.250-267; Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Пг., 1932; Рубинштейн Н.К. Большевики и Учредительное собрание. М., 1938; Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: рождение и гибель. М., 1997 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

стоящими за ними народными массами альфой и омегой демократической революции, в ходе которой самодержавие либо мирным путем, либо в результате гражданской войны уступит власть избранным всеобщим, равным и тайным голосованием народным представителям.

Оставаясь категорическими противниками парламентских форм демократии, считая их исторически изжитыми,[1] большевики снискали себе репутацию главных защитников всероссийских свободных выборов в Учредительное собрание.[2] В обстановке прогрессировавшего кризиса власти и накопления огромного потенциала массового социального недовольства, созыв Учредительного собрания стал задачей практической политики и вызвал острую межпартийную борьбу по вопросу о путях создания и задачах Учредительной власти. Для Ленина, Троцкого, Свердлова, а также лидеров левых эсеров Учредительное собрание было нужно для придания законности Октябрьскому перевороту. В свою очередь, лидеры меньшевиков и эсеров, используя свое большинство, стремились мирным путем лишить Совет Народных Комиссаров власти. Назревал острый политический конфликт между радикальными и умеренными социалистами.

Однако все партии находились в оппозиции власти. Для Ленина в политике не существовало фетишизированных понятий, главное – власть как таковая, власть революционной диктатуры. Однако укорененность в массовом сознании образа Учредительного собрания была так велика, что не считаться с этим большевистское руководство не могло. Кроме того, определенная часть руководства большевиков (Каменев, Д. Рязанов, Рыков) подходили к вопросу об Учредительном собрании с позиций позитивной его оценки, как органа, способного объединить «революционную демократию». И все же, не разделавшись с ним, большевики не могли чувствовать себя в полной безопасности. Оценивая такое двойственное положение большевиков, В. Набоков писал: «Все ожидали, что большевики начнут кампанию против Учредительного собрания. Они оказались хитрее».[3]

В послеоктябрьский период некоторые большевистские пассажи создавали впечатление искренней заинтересованности в действительном выявлении воли народа. И новое правительство вполне логично подтвердило в первый же день своей работы (27 октября), что выборы в Учредительное собрание пройдут в назначен-

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. С.75.

[2] См., напр., выступление Троцкого в Петросовете. Новая жизнь. 1917. 27 сентября. С.3; Правда. 1917. 27 октября; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.63.

[3] Набоков В. Временное правительство. // A.P.P. T.1. С.89. Об этом же: Daniels R. Red October: The Bolshevik Revolution of 1917. N.Y. P.213.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ный срок – 12 ноября.[1] 8 ноября ВЦИК II Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов единогласно высказался за соблюдение намеченных еще Временным правительством сроков выборов в Учредительное собрание.[2] Днем ранее, 7 ноября, Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание «пришла к заключению, что по силе закона выборы должны состояться в назначенные сроки всюду, где свободное голосование может быть осуществлено и где требования законного порядка выборов могут быть исполнены».[3] Но все это относилось ко времени, когда сохранялась надежда получить большевистско-левоэсеровское парламентское большинство. Едва она рухнула, в ход были пущены эзотерические рассуждения о превосходстве пролетарской демократии над буржуазной, о том, что коренные вопросы революции вообще не могут решаться голосованием.

Чтобы полностью освободиться от контроля со стороны демократических сил, большевикам предстояло устранить главное препятствие – Учредительное собрание, которое, по словам И.З. Штейнберга, было им «как кость в горле».[4] Не питая особых надежд на получение большинства в нем, что ставило под угрозу их власть, большевики первоначально избрали тактику затягивания переговоров,[5] а затем и политического силового давления на своих оппонентов. [6] Взвешивая все «за» и «против», Ленин однозначно стоял за распуск Учредительного собрания. [7] Его только немного смущало, как к этому отнесутся их попутчики – левые эсеры. После обсуждения вопроса с большевиками в узком кругу левые эсеры согласились на «разгон» Собрания.

8 ноября 1917 года большевики на расширенном заседании Петроградского комитета РСДРП(б) впервые рассмотрели вопрос о возможном роспуске Учредительного собрания в случае, если оно займет антисоветские позиции. [8] 21 ноября 1917 года ВЦИК утвердил Декрет о праве отзыва депутатов, не выражавших воли избирателей.[9] Для контроля за деятельностью Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание Советское правительство назначило комиссара

---

[1] Декреты советской власти. Т.1. С.21-26.
[2] *Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва.* М., 1918. С.45.
[3] См.: Всероссийское Учредительное собрание. М.-Л., 1930. С.151.
[4] Цит. по: Пайпс Р. Указ. соч. Ч.II. С.211.
[5] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.206.
[6] Троцкий Л.Д. О Ленине. С.91-92.
[7] Там же. С.93.
[8] *Известия* ЦИК. 1917. 9 ноября.
[9] См.: Декреты Советской власти. Т.1. С.116-119.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

М.С. Урицкого. В связи с отказом комиссии работать совместно с советским комиссаром ряд ее членов был арестован.[1]

Ввиду намерения избирательной комиссии открыть Учредительное собрание 28 ноября 1917 года, Советское правительство постановило, что открытие может состояться только по прибытии в Петроград более 400 его членов и сделать это может лишь полномочный представитель Советской власти.[2] 28 ноября последовал декрет Совнаркома об аресте вождей гражданской войны – членов руководящих учреждений кадетской партии. [3] Эта акция была продолжением широкой кампании большевиков против Учредительного собрания. На следующий день Совнарком решил распустить комиссию по выборам, поручив их проведение (там, где они еще не состоялись, ибо в один день выборы провести не удалось) Урицкому. В этот же день 29 ноября на заседании ЦК РСДРП(б) по предложению Н.И.Бухарина вновь был поставлен вопрос, как быть с Учредительным собранием. Бухарин и поддержавший его Л.Д. Троцкий высказались за создание на основе его революционного Конвента, собрав для этого в Петрограде как можно скорее 400 представителей левого крыла.[4] 5 декабря ЦК РСДРП(б) запретил депутатам Учредительного собрания от большевиков покидать пределы Петрограда, что свидетельствовало о стремлении открыть Учредительное собрание в наиболее благоприятный для левого революционного блока момент.[5]

В середине декабря Ленин набросал 19 тезисов об Учредительном собрании. Они означали крутой поворот большевиков от своих первоначальных лозунгов. Вождь в качестве своего главного аргумента выдвинул тезис о том, что Советы являются «более высокой формой демократизма», чем Учредительное собрание. Притом не только более высокой, но и «единственной».[6]

Казалось бы, люди, имевшие власть, могли все поправить демократическим путем. Как пишет М. Вишняк, Ленину тогда следовало бы, «распустив Учредительное собрание, избранное в ноябре по октябрьским спискам, тут же назначить и провести новые выборы».[7] Но Ленин этого делать не стал; большевики проиграли в ноябре и проиграли бы на следующих выборах. Лидер большевиков просто ре-

---

[1] Декреты Советской власти. Т.1. С.167; Известия Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. 1917. №1. С.2.
[2] См.: Декреты Советской власти. Т.1. С.159.
[3] Там же. С.166.
[4] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 – февраль 1918 г. М., 1958. С.149, 156, 279.
[5] См.: Любимов И.Н. Революция 1917 года. М.-Л., 1930. Т.7. С.281.
[6] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.162-166.
[7] См.: Новый журнал. 1958. №52. С.227.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

шил попытаться ослабить «меньшевистско-кадетскую часть» Собрания путем частичного отзыва неугодных депутатов, а затем все же созвать «хозяина земли русской» и предложить одобрить ему основные декреты, принятые большевиками. Он знал, что и правые эсеры, и меньшевики откажутся это сделать. Тогда Учредительное собрание просто нужно «прихлопнуть».[1] В декабре большевики развернули пропагандистскую войну против Учредительного собрания.[2]

13 декабря комиссар по делам Учредительного собрания М.С.Урицкий на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) признал, что в целом большевики и левые эсеры не составят в Учредительном собрании и половины депутатов. Тем не менее он подтвердил, что Учредительное собрание будет созвано, а вопрос о его ликвидации зависит от «обстоятельств».[3] 20 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров постановил открыть Учредительное собрание 5 января 1918 года. Вечером следующего дня лидер левых эсеров М.А.Спиридонова заявила, что если правая часть депутатов Учредительного собрания встанет на путь социальной революции, «революция перед этими препятствиями не остановится».[4] 22 декабря 1917 года ВЦИК назначил открытие Учредительного собрания на 5 января 1918 года и одновременно, для выявления подлинной воли народных масс, постановил созвать 8 января Третий Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и 12 января – Третий Всероссийский съезд крестьянских депутатов.[5] От имени ВЦИК всем Советам, а также армейским и фронтовым комитетам были посланы телеграммы, в которых указывалось, что лозунгу «Вся власть Учредительному собранию» Советам надо противопоставить лозунг «Власть Советам, закрепление Советской республики».[6]

23,2% голосов,[7] полученных большевиками на выборах, фактически выносили вотум недоверия населения новой власти, поэтому, созвав 5 января 1918 года Учредительное собрание, Советское правительство на следующий день разогнало его, откровенно продемонстрировав примат голого политического расчета. Демонстрации в защиту Учредительного собрания в Петрограде были расстреляны. Власть от всего этого только выигрывала, ибо консолидировала вокруг себя зама-

---

[1] Троцкий Л.Д. О Ленине. С.94.
[2] ГА РФ. Ф.130. Оп.1. Д.3. Л.24.
[3] См.: Троцкий Л. Сочинения. Т.3. Ч.2. С.364-368.
[4] Знамя труда. 1917. 23 декабря.
[5] См.: Декреты Советской власти. Т.1. С.276-278.
[6] Там же. С.284.
[7] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. // Отечественная история. 1993. №5. С.13.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ранных кровью. Однако, по-видимому, у Ленина на случай, если демонстранты одержат над его силами верх, имелся запасной план: эсер Н.Д. Соколов утверждал, что, если бы это произошло, Ленин пошел бы на примирение с депутатами.[1]

В ночь с 6 на 7 января состоялось заседание ВЦИК, принявшего декрет о роспуске Учредительного собрания.[2] Тем самым была нарушена статья 100 уголовного уложения и совершен государственный переворот против провозглашенной Учредительным собранием Российской демократической федеративной республики в виде воспрепятствования его свободной деятельности.[3] 10 января III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов утвердил необсуждавшуюся Собранием «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и снял определение «Временное правительство» в отношении Совнаркома. Из делегатов III съезда полностью одобрили все декреты Советской власти 83,7%, к Учредительному собранию отнеслись отрицательно 54,9%, причем даже не все большевики одобрили его роспуск.[4]

По нашему мнению, в реальной обстановке конца 1917-начала 1918 года Учредительное собрание не могло нести в себе конструктивное начало: его работа до предела неизбежно обострила бы все противоречия в обществе, став ареной ожесточенной политической борьбы. Было бы нереально ждать от Учредительного собрания чуда хотя бы потому, что в нем столкнулись две социальные утопии, но и отказывать ему в способности содействовать решению некоторых назревших общественных проблем неправомерно. Вместе с тем, антиисторично винить во всем большевиков, силой навязавших свою партийную волю народу, обществу. Они не смогли бы прорваться к вершинам власти, если бы не уловили в свои политические паруса порыва массового радикализма. Тем не менее, возможности для сочетания парламентской демократии с советской были исчерпаны. Вместо поиска путей к гражданскому согласию, стабильности, страна была вовлечена в открытое противостояние. Начинался следующий этап революции, самый глубокий и разрушительный.

Большевики, в отличие от своих противников, извлекли из этих событий важный урок. Они поняли, что, пока они держат власть, им не следует опасаться организованного вооруженного сопротивления: их противники, пользовавшиеся

---

[1] Архив русской революции. Т.13. С.66.
[2] Декреты Советской власти. Т.1. С.335-336.
[3] Учредительное собрание. Россия. 1918. М., 1991. С.29.
[4] Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917 – 1918 годах.) М., 1996. С.227; Медем В. Учредительное собрание и демократическая республика. Берлин, 1918. С.14-15.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

поддержкой по меньшей мере трех четвертей населения страны, были разобщены, не имели руководства, а главное – не желали воевать. Этот опыт научил большевиков немедленно прибегать к силе всякий раз, когда они встречали сопротивление, и «решать» проблемы, физически уничтожая тех, кто их создавал. Беспредельная жестокость, с какой они управляли Россией, в большей степени объясняется уверенностью в полной безнаказанности, которую они обрели 5 января.

Пришедшим к власти большевикам было крайне важно разрешить и такой жизненно важный вопрос, который они активно использовали как один из главных козырей в борьбе за власть, как вопрос о мире.[1] Его, по нашему мнению, лидеры большевиков пытались решить в двух аспектах. Во-первых, в рамках реализации идей превращения войны империалистической в гражданскую, как первого этапа мировой революции сначала в России, затем в Германии, далее везде. И, во-вторых, в русле сохранения, укрепления и концентрации всей власти в руках партии большевиков, ее аппарата и вождей. Причем второму аспекту отводилось главенствующее место.

Маскируя свои стремления к заключению какого угодно мира, еще весной 1917 года большевики категорически отрицали свое стремление подписать сепаратный мир с Германией.[2] Вместе с тем, одной из причин поспешности, с которой осуществлялся Октябрьский переворот, были опасения Ленина перед заключением общего мира в Европе, поскольку в этом случае он терял возможность развязать гражданскую войну там. Теперь же, когда игнорировались все попытки говорить о мире, Ленин мог не опасаться, что его начинание приведет к нежелательным последствиям.

Подготовленный Лениным и принятый II съездом Советов «Декрет о мире» предлагал воюющим сторонам заключить трехмесячное перемирие и был обращен не столько к правительствам, сколько к народам воюющих стран.[3] Джордж Кеннан охарактеризовал этот «декрет» как акт «демонстративной дипломатии», имеющей целью «поставить в тупик другие правительства и возбудить недовольство в народах их стран».[4] В этом же духе были выдержаны и другие обращения большеви-

[1] См.: Дан Ф. Указ. соч. С.286.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.31. С.310.
[3] Там же. Т.35. С.17.
[4] Kennan G. Russia Leaves the War. Princeton, N.Y., 1956. P.75-76.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ков, призывающие народы воюющих держав к восстанию.[1] Оценка Н. Головиным подобного рода документов о мире и обращений довольно нелицеприятна.[2]

В ночь с 7 на 8 ноября 1917 года Советское правительство потребовало от Главнокомандующего русской армией Н.Н. Духонина сделать формальное предложение о перемирии всем воюющим державам, 9 ноября Духонин ответил отказом. В тот же день Совнарком объявил его смещенным со своего поста, а новым Главнокомандующим был назначен большевик прапорщик Н.В. Крыленко. В этот же день председатель Совнаркома В.И. Ленин обратился по радио к русским войскам, стоящим на позициях, с призывом взять дело мира в свои руки.[3]

9 ноября большевики передали свой «Декрет о мире» послам союзников,[4] но, несмотря на то, что правительства Антанты, особенно США, де-факто признали существующий режим в надежде на то, что он продолжит войну с германским империализмом,[5] он был немедленно отвергнут. Более того, Англия и Франция предлагали Советскому правительству финансовую и техническую помощь для продолжения войны с немцами,[6] а США сделали предложение в Ставке Верховного главнокомандующего о выплате 100 рублей за каждого воюющего русского солдата.[7] Несмотря на то, что Советская Россия, начиная с «Декрета о мире» и до заключения Брестского мира шесть раз[8] обращалась ко всем воюющим государствам с предложением о начале мирных переговоров, на это, по мнению Н. Верта, «фактически никто не обратил внимания»,[9] и союзники России отказались рассмотреть эти предложения. Совершенно с иных позиций относилась к создавшейся ситуации Германия, считавшая себя причастной к событиям октября 1917 года.[10]

Более того, и это главное, враг тоже был на последнем издыхании. К концу 1917 года экономическое положение стран Четверного Союза стало настолько отчаянным, что они не могли дальше вести войну. Особенно шатким было положение Австро-Венгрии. [11] Ситуация в Германии была ненамного лучше: некоторые

---

[1] Напр.: Революция 1917 года: Хроника событий. Т.5. С.285-286.
[2] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.42.
[3] ГА РФ. Ф.130. Оп.1. Д.77. Л.54; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.82.
[4] См.: Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.245.
[5] См.: История дипломатии. В 5 тт. М., 1965. Т.3. С.49-73; Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998 и др.
[6] См.: Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.214.
[7] Протоколы Центрального Комитета РСДРП. С.200.
[8] См.: Документы внешней политики СССР. Т.1. 7 ноября 1917 г. - 31 декабря 1918 г. М., 1957. С.741-743.
[9] Верт Н. Указ. соч. С.106.
[10] Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С.104; Деникин А.И. Крушение власти и армии. С.320.
[11] Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М., 1968. Т.1. С.278; Чернин О. В дни мировой войны: мемуары / Пер. с нем. М.-Пг., 1923. С.235.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

германские политики считали, что запасы хлеба в стране кончатся к середине апреля 1918 года.[1] Боевой дух народов Германии и Австрии также вызывал тревогу.[2]

Главным доводом Ленина в пользу заключения мира был тезис о том, что Россия не может воевать, так как лишилась армии.[3] Причем Ленин и ЦК РСДРП опрометчиво и откровенно заявили о своем бессилии.[4] Абсолютно здраво оценивая внутреннюю ситуацию в России и состояние армии, зная, что, продолжая войну, он рискует быть отстраненным от власти либо внутренними противниками, либо Германией, Ленин стратегически ложно оценил военные и материальные возможности Германии: с этой точки зрения позиция России была сильнее, чем ему казалось. Сами руководители германской армии считали, что они войну фактически проиграли значительно раньше. [5] Ленину явно не хватило проницательности, чтобы увидеть, что положение Германии абсолютно бесперспективно перед лицом Антанты и вступивших в войну Соединенных Штатов Америки.

Ввиду всех этих причин – военных, политических, экономических и психологических – Четверному союзу требовался мирный договор с Россией почти так же, как большевистской России требовался мирный договор с ним. При этом у большевиков имелось еще одно существенное преимущество – а именно, близкое знание противника. Проведя многие годы на Западе, они хорошо представляли себе существо внутренних проблем Германии, политические и деловые круги, партийные группировки.

Правительства стран Четверного союза по-разному отреагировали на «Декрет о мире». Если министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О.Чернин настоятельно рекомендовал в германских и австро-венгерских полуофициальных органах начать обсуждение заявления Советского правительства в благожелательном для большевиков тоне и подготовить почву для скорейшего начала мирных переговоров, то статс-секретарь Германии по иностранным делам Кюльман считал, что немцы рискуют показаться слабыми, ибо борьба за власть между Лениным и Керенским еще не закончена и большевистский режим ни в коем случае нельзя считать стабильным.[6] Поэтому 26 октября было рекомендовано не публиковать в не-

---

[1] Советско-германские отношения. С.108.
[2] Там же. С.184.
[3] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.84-87.
[4] Там же. Т.35. С.389-390.
[5] См.: Авторханов А. Происхождение партократии. // Октябрь. 1991. №3. С.170; Чернин О. Указ. соч. С.236.
[6] См.: Фельштинский Ю. Деньги для диктатуры пролетариата. // Родина. 1990. №11. С.45.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мецкой и австрийской прессе никаких заявлений о предварительном соглашении с большевиками.[1]

Ленин не мог выступать инициатором сепаратного мира с Германией без риска потерять и без того шаткий авторитет. Немцы с австрийцами и тут подыграли Ленину.[2] Но в действительности Ленин был заинтересован в самом быстром сепаратном мире с Четверным союзом, и поэтому, обращаясь к Антанте с мирными предложениями, он «поставил достаточно короткий срок для ответа на свое чрезмерно дерзкое требование».[3] Впоследствии это было настоятельно напомнено большевикам.[4]

Чернин указывал, что предложение ленинской группы «имеет исключительную ценность, так как оно приведет к тому, что русские окончательно отделятся от Антанты и заключат сепаратный мир», а страны Антанты попадут «в максимально трудное положение». Поэтому он предлагал признать новое правительство и объявить о готовности вести с ним переговоры.[5]

Правда, сами немцы не были уверены, что борьба за власть между Лениным и Керенским уже закончилась и режим большевиков можно считать стабилизировавшимся.[6] Однако главным препятствием к реальному миру были, как ни парадоксально, по словам советника миссии в Стокгольме Рицлера, сами большевики.[7]

Желая потрафить Германии и Австро-Венгрии, 9 ноября 1917 года нарком иностранных дел Л.Д. Троцкий заявил о намерении Советского правительства опубликовать тайные договоры России, что вызвало негодование союзников. Примечательно, что это заявление было с воодушевлением встречено в державах Четверного союза. [8] В ноябре 1917 года большевики начали публиковать тексты секретных соглашений между Россией и союзниками. В своих формулировках они воспроизводили фразеологию французских революционеров, которые в ноябре 1792 года обещали «братство и помощь» каждому народу, желающему «возвратить» себе свободу.[9]

13 ноября три советских парламентера пересекли линию окопов в окрестностях Паневежиса с полномочиями, подписанными Н.В. Крыленко, обратиться к

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Архив Русской Революции. Т.20. С.137.
[5] Фельштинский Ю. Деньги для диктатуры пролетариата. // Родина. 1990. №11. С.45.
[6] Там же.
[7] Там же. С.46.
[8] Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918 г. М., 1992. С.39.
[9] См.: Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.245.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

высшему начальнику войск противника на участке, где будут приняты, с просьбой запросить высшее командование германской армии согласно ли оно начать немедленные переговоры об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран в целях начатия затем мирных переговоров.[1] 14 ноября германское Верховное командование дало согласие на ведение официальных переговоров с представителями Советской власти.[2]

15(28) ноября 1917 года большевики снова обратились к воюющим сторонам с призывом начать переговоры, а в случае отказа союзников России присоединиться к переговорам, прямо заявили о планируемом подписании сепаратного мира с Германией.[3] При этом, не желая связывать себе руки в вопросе о войне и мире, большевистская фракция во ВЦИК провела резолюцию о том, что решения, связанные с заключением мира или перемирия, должны приниматься Советом народных комиссаров (в котором в тот момент были одни большевики), а не многопартийным ВЦИКом. СНК получал право не только на заключение мира, но и на разрыв его.[4] Именно такой декларации ждало германское правительство, и именно так оно восприняло советскую ноту. 16 (29) и 17(30) ноября готовность вступить в переговоры высказали Германия и Австро-Венгрия. Оставалось только начать переговоры и удержать большевиков у власти как минимум до момента подписания соглашения.[5]

В тот период Германия оказывала помощь большевистскому правительству в трех основных направлениях: дипломатическом, финансовом и военном. [6] Она давила на нейтральные страны, пытаясь заставить их признать большевиков в качестве законного правительства России. Внутри страны немцы способствовали стабилизации большевистского правительства хотя бы уже тем, что вступили с ним в переговоры как с равной стороной. Германия не хотела теперь иметь дело ни с кем, кроме большевиков, отказываясь даже от переговоров с другими социалистическими партиями, в частности, с эсерами, пытавшимися было найти с немцами общий язык.[7] Если при этом победы на дипломатическом фронте оказались незначительными, то во многом из-за противодействия Антанты.

---

[1] Документы внешней политики СССР. Т.1. С.25.
[2] См.: Фельштинский Ю. Деньги для диктатуры пролетариата. // Родина. 1990. №11. С.46.
[3] Там же. С.46.
[4] Там же. С.47.
[5] Там же. С.46.
[6] Там же.
[7] См.: Авторханов А. Происхождение партократии. // Октябрь. 1991. №3. С.169; Фельштинский Ю. Деньги для диктатуры пролетариата. // Родина. 1990. №11. С.47.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

18 ноября (1 декабря) 1917 года советская делегация во главе с А.А.Иоффе выехала в Брест-Литовск, собираясь при этом не только мириться, но и судить.[1] 20 ноября (3 декабря) 1917 года состоялись первые сепаратные контакты России и Германии.[2] Стороны договорились прекратить огонь 23 ноября (6 декабря) сроком на 11 дней. Однако еще до истечения срока он был продлен по взаимному согласию до 1(14) января 1918 года.[3]

9 (22 декабря) 1917 года начались мирные переговоры. Хотя страны договорились о замораживании дислокации войск,[4] Германию и Австро-Венгрию в целом постигло большое и скорое разочарование от этих переговоров. [5] Русская делегация вела себя так, словно Россия выиграла войну, и просила противника отказаться от всех завоеваний. Подобное поведение зародило у Германии первые сомнения относительно истинных намерений русских. Эти сомнения еще более усилились, когда германская разведка перехватила письмо, отправленное Троцким агенту в Швеции.[6]

Когда советская сторона при заключении перемирия с Германией в ноябре 1917 года добилась включения в соглашение пункта о братании, теперь уже не русское, а австро-германское командование столкнулось с неразрешимыми проблемами. Известно, что фронтовые большевистские организации направляли в гущу братающихся наиболее способных агитаторов, снабженных воззваниями и газетами на немецком языке. С 6 декабря по решению Совнаркома началось издание газеты «Факел» на немецком языке, а с 19 декабря ВЦИК начал выпускать на том же языке газету «Мир народов».[7]

Постепенно переговоры заходили в тупик и 15(28) декабря были отсрочены, но теневые переговоры на заседаниях «экспертных» комиссий по экономике и праву продолжались своим чередом. 18(31) декабря 1917 года советская мирная делегация сделала доклад об итогах переговоров в Петрограде на совместном заседании Центрального Исполнительного Комитета Петроградского совета и представителей общеармейского съезда по демобилизации армии.[8] Попыталось сказать свое слово о мире и Учредительное собрание. Устами учредиловцев Россия обра-

---

[1] Архив Русской революции. Т.20. С.42.
[2] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. // Вопросы истории. 1991. №2-3. С.171.
[3] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.250.
[4] Архив Русской Революции. Т.20. С.55.
[5] Советско-германские отношения. Т.1. С.59-60; Архив Русской Революции. Т.20. С.55.
[6] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.252.
[7] См.: Голуб П.А. Указ. соч. С.282.
[8] Архив Русской Революции. Т.20. С.131.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

щалась на сей раз к союзным державам,[1] но, по известным причинам, это было гласом вопиющего в пустыне, да и массам уже было безразлично, в каком контексте будет произнесено магическое слово мир.

В осуществлении своих властных функций в стране большевики не могли не уделять самого пристального внимания действующей армии, проблемам ее реорганизации[2], хотя, по мнению немецкого историка Б.Бонвеча, на наш взгляд ошибочного, «армия не играла решающей роли в осуществлении октябрьского переворота».[3] На основании архивных и документальных материалов автор пришел к выводу, что в реформировании армии большевики пытались реализовать следующий план: попытка полной демократизации старой армии, включая изоляцию и удаление из армии генералитета и офицерства, нелояльного большевикам; ликвидация противобольшевистских учреждений армии и флота; реорганизация сохраняемых учреждений военного управления; постепенная демобилизация старой армии и одновременное формирование новых добровольческих частей; окончательный роспуск старой армии после создания ядра новых вооруженных сил.

Первый шаг в реорганизации старой армии сделал II Всероссийский съезд Советов: 26 октября он принял обращение «К фронту», которое предписывало создание в армиях военно-революционных комитетов, в подчинение которых ставились командующие фронтами и армиями.[4] На второй день после переворота Военно-революционный комитет призвал армию установить контроль над всем командным составом для предотвращения опасности открытия им фронта и недопущения гражданской войны.[5] Как уже отмечалось выше, 7 ноября 1917 года Верховный главнокомандующий русской армией генерал Н.Н. Духонин получил распоряжение Советского правительства немедленно приостановить военные действия и приступить к переговорам о перемирии с неприятельскими армиями, но отказался выполнить это распоряжение[6] и был отстранен от занимаемой должности.[7]

Военно-революционный комитет при Ставке разработал единое для всех фронтов «Положение о демократизации армии» и 30 ноября разослал в войска. В нем провозглашались такие принципы организации армии, как передача всей пол-

---

[1] Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С.159.
[2] Краснокутский В.В. Демобилизация русской армии в 1917 – 1918 годы (на примере Западного фронта). Дис... канд. ист. наук. М., 1997. С.93.
[3] Бонвеч Б. Указ. соч. С.150.
[4] Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 27 октября.
[5] ГА РФ. Ф.1236. Оп.1. Д.3. Л.3-4.
[6] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.136-137.
[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.80.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ноты власти в руки органов солдатского самоуправления, выборность командного состава, отмена офицерских чинов и званий, поддержание в войсках революционной дисциплины, подчинение армии органам Советской власти.[1]

Совет Народных Комиссаров штамповал декрет за декретом по армии. Хотя и было провозглашено, что регулярная армия заменяется всеобщим вооружением народа, регулярные войска были и регулярная армия оказалась необходимой. 16 декабря Ленин подписал декрет Совнаркома «Об уравнении всех военнослужащих в правах».[2] Этот декрет, с одной стороны, облегчал положение солдат, делая воинскую службу более привлекательной для них, и с другой – способствовал стихийной демобилизации армии, так как наделял солдат гражданскими правами и революционными свободами. Одновременно был подписан декрет «О выборном начале и об организации власти в армии», который еще более углубил анархию в действующей армии.[3] Он закрепил существующую практику переизбрания должностных лиц, поставив в зависимость избираемых от волеизъявления вооруженной толпы. Что хорошо усвоили большевики и чем постоянно неограниченно пользовались – это репрессии и реквизии. Поступили жалобы, что некоторые воинские части плохо снабжаются, тут же последовал декрет «Об увеличении пайка солдатам». Документом правительства предписывалось идти за решением вопроса не в Советы, а поступить «революционным путем – конфисковать средства у богачей».[4]

По-своему оригинальной была судьба военных комиссаров. После победы Октябрьской революции вместо военкомов Временного правительства II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов направил в войска своих комиссаров,[5] а в противоположном лагере, в Петроградском «Комитете Спасения Родины и Революции», пытавшемся организовать свою собственную армию, была учреждена должность комиссара комитета при ее командующем.[6] Военкомы прежней власти оказались в странном положении, так как, говоря словами комиссара Румынского фронта Э.П. Тизенгаузена, они превратились в представителей несуществующего правительства и должны были действовать «за свой страх»,[7] не-

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.1046. Л.18.
[2] ГА РФ. Ф.130. Оп.1. Д.5. Л.35; Декреты Советской власти. Т.1. С.245.
[3] ГА РФ. Ф.130. Оп.1. Д.5. Л.33; Декреты Советской власти. Т.1. С.244-245.
[4] ГА РФ. Ф.130. Оп.1. Д.5А. Л.3.
[5] Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 27 октября.
[6] Красный архив. 1925. Т.1(8). С.175.
[7] Там же. С.158.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

смотря на наличие приказа Верховного главнокомандующего Керенского, данного из Пскова.[1]

Многие военкомы продолжили свою деятельность в русле противодействия установлению советского строя, целиком встав на сторону армейского командования. [2] Соискатель отмечает, что и командование со своей стороны в этот момент поддержало деятельность старого комиссариата. Так, 9 ноября военкому Временного правительства при Ставке было выделено ею 10 тыс. рублей на расходы по его управлению.[3] Но официальная деятельность прежних комиссаров продолжалась после 25 октября 1917 года недолго. [4] Между тем, в ноябре 1917 года военный комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего был включен в состав Совещания по демобилизации при штабе Главковерха.[5]

Одновременно с отстранением военкомов Временного правительства в действующей армии началась организация советского комиссариата, в том числе из среды самих фронтовиков.[6] Вместо ВРК в середине декабря 1917 года был создан Центральный комитет действующей армии и флота (Цекодарф). Комиссары выступали в качестве связующего звена между командным составом Ставки и Цекодарфом, проводя его решения в жизнь. Они должны были действовать на основе общегосударственного законодательства и постановлений Цекодарфа, которому и были подотчетны.[7] Комиссары Цекодарфа просуществовали до марта 1918 года, когда, ввиду упразднения Ставки и завершения демобилизации армии, был распущен и сам этот комитет.[8]

Аналогичным образом действовали остальные войсковые (военно-революционные) комитеты.[9] Происходили также выборы комиссаров на войсковых съездах.[10] В конце 1917 года для руководства деятельностью новых военкомов

---

[1] Приказ Верховного главнокомандующего №313 от 25 октября 1917 г.
[2] Красный архив. 1925. Т.1(8). С. 156,158, 160, 166, 168,170; Т.2(9). С.169.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.3. Л.420.
[4] Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября1917 г. – март 1918 г. Сборник документов. М., 1977. С.448; Гаврилов Л.М. Первые комиссары Советской власти в действующей армии // Военно-исторический журнал. 1974. №11. С.70.
[5] Приказ Верховного главнокомандующего №880 от 8 ноября 1917 г.
[6] Военно-революционные комитеты действующей армии. С.112-113.
[7] Там же. С.118-120.
[8] Там же. С.132.
[9] Там же. С.192-194.
[10] Там же. С.189-190.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

было создано Центральное бюро военных комиссаров. Назначения военкомов производились как эти органом, так и коллегией наркомов по военным делам.[1]

Военкомы принимали участие во всероссийских политических мероприятиях, затрагивавших Вооруженные Силы. Так, с началом выборов в Учредительное Собрание, Верховный главнокомандующий издал 8 ноября 1917 г. приказ №949, призывавший, в том числе и комиссаров, к «самой деятельной работе по облегчению войскам производства выборов». А в ходе предвыборной кампании комиссар 4-й армии Румынского фронта, например, разработал специальные правила о собраниях, которые подробно регламентировали их проведение.[2]

Новая власть ликвидировала политические отделы при Ставке, штабах фронтов и армий, органы разведки и военной юстиции, военную цензуру.[3] Из военного ведомства в короткий срок было уволено более тысячи генералов, офицеров, чиновников.[4] Оценивая это период Главнокомандующий прапорщик Н.В. Крыленко писал: «В армии был совершен переворот…».[5]

Для достижения возникающих проблем широко и целенаправленно использовались солдатские массы. Так, литературную секцию военного отдела ВЦИК только в период с 18 ноября 1917 года по 13 января 1918 года посетило 1078 фронтовых делегатов,[6] которым выдано пропагандистской литературы: на Кавказский фронт – 20800 экз., на Румынский фронт – 9100 экз., бюро Кавказской армии – 700 экз., казачьему отделу – 16875 экз.[7] В качестве большевистских агитаторов в действующей армии активно использовались солдаты Петроградского гарнизона, в инструкции которым при отправке на фронт рекомендовалось стоять на платформе ВЦИК Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и отстаивать их постановления и декреты о земле, о мире и проч.[8] Собеседования должны были устраиваться на митингах или в землянках, по-ротно, взависимости от погоды и обстановки.[9] Не упускали возможности выступить перед личным составом действующей армии и лидеры большевиков.[10]

---

[1] Там же. С.75-76.
[2] РГВИА. Ф.2620. Оп.2. Д.68. Л.496.
[3] См.: Исторический опыт трех российских революций. Кн.3. Коренной поворот в истории человечества: Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1987. С.405.
[4] Октябрьская революция: Вопросы и ответы. М., 1987. С.361; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.191.
[5] Военно-исторический журнал. 1964. №11. С.58.
[6] ГА РФ. Ф.1235. Оп.79. Д.13. Л.3.
[7] Там же.
[8] Там же. Оп.77. Д.2. Л.5, 6
[9] Там же. Л.5.
[10] Архив Русской Революции. Т.20. С.127.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Для реализации своих мирных начинаний, а также внесения идей мировой революции в массовое сознание противника, действующей армии приказывалось «влить через братание революционный жар в сердца измученных войной солдат противника».[1] Но и противник придавал немаловажное значение этому процессу.[2] Прозвучавший из Петрограда призыв к прекращению военных действий австро-германские пропагандисты тотчас подхватили и попытались использовать в интересах своих держав. Так, на фронте 30-й австро-венгерской дивизии братавшимся русским солдатам с 11 декабря 1917 года вручалось специальное послание с призывом отправляться по домам, составленное весьма профессионально.[3]

Как ни странно, результатами братания были обеспокоены не только австро-германские, но и советские руководители.[4] Это поясняется одной из сводок о состоянии армии за первую половину января 1918 года. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич докладывал в ней: «Деморализация достигла крайних пределов, братание превратилось в бойкую торговлю».[5]

На словах ратуя за демократизацию армии, большевики осуществляли и ряд мер ограничительного характера. Уже 28 ноября Военно-революционный комитет при Ставке предписал военным комиссарам и военно-революционным комитетам «положить предел попыткам милюковско-авксентьевско-плехановской прессы поднять братоубийство в армии».[6] Но особенно ярко лукавая политика большевиков проявилась по отношению к национальным формированиям. Первоначально разрешив формирование национальных частей,[7] большевики постепенно ужесточали свою политику по отношению к ним.[8] Верховный Главнокомандующий Н.В.Крыленко запретил даже проведение национальных съездов в прифронтовой полосе.[9]

Сепаратные действия Центральной Рады в отношении своих «национальных частей» ускорили развал Вооруженных Сил России, способствовали дальнейшей стихийной демобилизации фронта. Отныне все части, укомплектованные украинцами, не подчинялись приказам и распоряжениям советских властей, и, вместе с

---

[1] РГВИА. Ф.2106. Оп.7. Д.119. Л.270.
[2] Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918 г. М., 1992. С.42.
[3] Там же. С.61.
[4] Френкин М. Русская армия и революция. 1917-1918. Мюнхен, 1978. С.679.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.214. Л.148, 149.
[6] Октябрьская революция и армия. (25 октября 1917 – март 1918 г.). Сборник документов. М., 1973. С.179.
[7] См.: РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.327. Л.53-73; Д.329. Л.50-60.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.333. Л.133.
[9] РГВИА. Ф.2060. Оп.1. Д.27. Л.6.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тем, с Украины удалялись все «неукраинские части». По мере ухудшения отношений с Украиной приказом №144 запрещалась украинизация частей, [1] а приказом №29 польским солдатам предлагалось немедленно оставить расположение польского корпуса, арестовать командный состав и офицеров, а в случае сопротивления расстреливать их без суда.[2] Правительство Украины также постановило объединить Юго-Западный и Румынский фронты, находящиеся на ее территории, в единый Украинский фронт.[3]

К ноябрю 1917 года российская армия находилась в предкризисном состоянии и процесс распада ее быстро нарастал. Особенно силен распад старой военной организации был на фронте. Полки, корпуса, армии начали быстро таять: вместе с увольняемыми шли и самовольно уволенные. Не помогали моральные увещевания солдат. [4] Бороться с дезертирством пытались не только морально, но и дисциплинарно. [5] Но все применяемые меры давали обратный эффект. Как вспоминал член Военно-революционного комитета Западного фронта Р.И. Берзин, «никакие силы не смогли бы удержать солдат на позиции.... Думать в эту минуту о какой-либо священной войне с этой армией означало бы обманывать самих себя».[6]

В результате принявшего повальные формы дезертирства только в октябре-ноябре 1917 года личный состав дивизий на Северном и Западном фронтах сократился на 26%.[7] На других фронтах обстановка была не лучше, [8] не говоря уже о катастрофическом состоянии боеспособности остававшихся в окопах солдат. [9] Проводимые же большевиками мероприятия по «демократизации» старой армии были способны лишь довершить процесс ее слома. Все это поставило в повестку дня проблему дальнейшего существования старой русской армии. Более того, использование преданных большевикам частей против сравнительно слабого внутреннего противника показало: старая армия не может стать надежной защитой новой власти. Руководствуясь указаниями Ленина,[10] было решено приступить к планомерной демобилизации войск. По подсчетам генерал-майора Бармина, примерный

---

[1] РГВА. Ф.33988. Оп.1. Д.2. Л.18.
[2] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.23. Л.86.
[3] ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.9. Л.5 об.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.11. Д.57. Л.2.
[5] РГВИА. Ф.2100. Оп.1. Д.1149. Л.271; РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.23. Л.152.
[6] Берзин Р.И. Этапы большого пути. М., 1962. С.106.
[7] История СССР. В 12-ти т. М., 1967. Т.7. С.335.
[8] РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.107. Л.437.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.214. Л.230.
[10] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.295.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

объем демобилизации составлял около восьми миллионов солдат фронта и ближайшего тыла.[1]

10 ноября 1917 года вышел первый декрет Совнаркома о сокращении армии.[2] При этом особо указывалось, что при увольнении солдаты должны были сдавать оружие полковым комитетам.[3] Вслед за этим были уволены два очередных призыва.[4]

28 ноября 1917 года в Петрограде открылось совещание по демобилизации армии. В его резолюции отмечалось, что «только уверенность в скором роспуске дает армии моральное право оставаться на позициях».[5] В начале декабря в Петрограде при наркомате по военным делам состоялось совещание по вопросам о демобилизации, которое приняло постановление, по которому до 30 декабря солдаты призыва 1900 – 1903 годов и тем, кому на 1 декабря 1917 года исполнялось 35 лет должны были покинуть армию.[6] Во время демобилизации на 7 дней приостанавливались отпуска и сокращались командировки; в прифронтовой полосе прекращалось движение пассажирских поездов.[7] Учрежденный 5 декабря при Нарвоенкоме приступил к энергичной деятельности Комиссариат по демобилизации армии во главе с членом Всероссийского бюро военных организаций М.С. Кедровым.[8] Это был процесс уже организованного сокращения армии. Демобилизация приобретала необратимый характер.

15 декабря – 3 января в Петрограде проходил общеармейский съезд по демобилизации армии. Генерал Н.М. Потапов в исторической справке констатировал, что «было признано совершенно нецелесообразным отводить войска в тыл, ввиду того соображения, что раз сдвинутую с места массу уже не представится возможным остановить».[9] На съезде особо подчеркивалось, что «...вся армия немедленно не распускается, а существующие крупные войсковые соединения сворачиваются в более узкие».[10]

---

[1] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.36. Л.3 об.
[2] См.: Систематический справочник-указатель декретов, постановлений, приказов и распоряжений по вопросам, относящимся к ведению Народного Комиссариата по военным делам за 1917 – 1918 год. М., 1919. С.254.
[3] Декреты Советской власти. Т.1. С.66.
[4] Систематический справочник-указатель декретов... С.254.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Л.161-162.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.213. Л.168-169; Оп.2. Д.119. Л.158.
[7] Армия и флот свободной России. 1917. 3 декабря.
[8] Голуб П.И. Указ. соч. С.289.
[9] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.118. Л.5.
[10] Там же. Л.25.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

18 декабря 1917 года приказом Начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевича на театре военных действий образовывались новые организации по проведению демобилизации российской армии. В составе штабов главнокомандующими фронтами создавались «управления по демобилизации», при штабах армий – «отделы по демобилизации». Но к этому времени новые организационные структуры плохо соответствовали складывающейся внутриполитической обстановке.[1] Опасность, исходящая от действующей армии, становилась реальной и угрожала подорвать не только жизнеспособность государства, но и ставила под сомнение дальнейшее пребывание у власти большевиков. С 20 декабря всеобщая организованная демобилизация пошла полным ходом.[2]

По мнению соискателя, общее нежелание воевать стало политическим фактором, тормозящим всю работу по созданию новой армии. Другой причиной неудовлетворительного хода работ по формированию новых частей была, пожалуй, вера в скорую мировую социалистическую революцию, господствовавшую в среде большевиков и левых эсеров. Всеобщее отрицание постоянной армии и лозунг замены ее всеобщим вооружением народа стали идеологическим барьером на пути попыток реформирования старой армии и ее использования для защиты революционных завоеваний.

В конце декабря 1917 года Петросовет принял решение о создании социалистической армии и обратился с призывом к рабочим и крестьянам вступить в новую армию.[3] Но, к сожалению большевистского руководства, организация красноармейских частей происходила чрезвычайно вяло. Основной вал желающих из демобилизованных солдат всеми силами стремился домой, в деревню или в город. Призывы постоять за «социалистическое отечество» мало кого из них воодушевляли.

События октября 1917 года не были для меньшевиков неожиданными. [4] С приходом к власти большевиков они начали испытывать серьезный внутренний кризис, который с течением времени все более углублялся. Особенно остро переживали эту ситуацию меньшевики-интернационалисты, которые считали ее результатом политики оборонческого руководства партии.[5]

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.691. Л.119 об.
[2] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.20. Л.49-51.
[3] РГВА. Ф.20. Оп.1. Д.63. Л.21-22а.
[4] Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.339; Рабочая газета. 1917. 26 октября; Новая жизнь. 1917. 27 октября; Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.131.
[5] Известия. 1917. 21 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Кризис сказался прежде всего на падении численности партийных рядов. Если в октябре 1917 года в РСДРП меньшевиков входило около 200 тысяч человек, то спустя два месяца на Чрезвычайном съезде было представлено уже не более 130 тысяч членов партии, а на майской (1918 года) всероссийской конференции – около 60 тысяч (это последние официальные сведения о численности партии – А.Ч.).[1] Анализируя глубинные причины подобного явления, С. Семенов считал, что наша партия «вобрала в себя только тонкие верхушки пролетариата, его самые сознательные части».[2] Позднее к аналогичным выводам пришли Ф. Дан[3] и Ю.О. Мартов.[4] Меньшевики обвиняли в случившемся и сам пролетариат.[5]

После октябрьского переворота партия меньшевиков долгое время, по свидетельству Ю.П. Денике, не имела какой-либо «заранее выработанной, планомерной стратегии». ЦК РСДРП полагал, что большевики, осознав неудачу предпринятого социалистического эксперимента, «отступят и будут стремиться к соглашению с другими партиями». Впрочем, среди меньшевистского руководства и по этому вопросу отсутствовало единство.[6]

Есть множество объяснений утраты инициативы меньшевиками. По мнению И.Х. Урилова, с которым солидарен и автор, «демократические устремления меньшевиков были несовместимы с диктаторскими, тоталитарными действиями большевиков».[7] Эта мысль требует своего развития. Дело в том, что меньшевики пытались бороться со своими оппонентами силой аргументов. А их противники не гнушались никакими методами. Подвергал жесткой критике большевиков и Ю.О. Мартов, но не желал идти на полный разрыв, а тем более на силовую борьбу с ними. Можно привести много примеров подобной «диалектики» Мартова.[8] Меньшевики предлагали бороться по правилам «честной демократии», но, как заявлял А.Н. Потресов, «большевизм тем и характерен, что он никогда не позволял себя причесывать. Он непоколебим. Его можно сломить, но согнуть нельзя».[9]

Логику политического поведения меньшевиков изучаемого периода нельзя понять, не обратившись к их теоретическим представлениям о характере революю-

---

[1] См.: Подболотов П.А., Спирин Л.М. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988. С.23-26.
[2] Вперед. 1917. 10(23) ноября.
[3] Социалистический вестник. 1924. №7/8. С.6-7.
[4] См.: Письмо Ю.О. Мартова П.Б. Аксельроду. 5 апреля 1921 г. // Мартов и его близкие. С.53.
[5] См.: Печатное дело. 1917. №18; Известия. 1917. 15 ноября.
[6] The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World war. P.109.
[7] Урилов И.Х. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С.361.
[8] Урилов И.Х. Указ. соч. С.330.
[9] Цит. по: Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. С.558-559.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ции в России, о власти, войне и мире, социально-экономических преобразованиях. Все течения меньшевизма исходили из того, что Россия переживает буржуазную революцию и, соответственно, перед социал-демократами стоит задача реализации программы-минимум, принятой II съездом РСДРП.

Излагая взгляды меньшевиков того периода по рассматриваемой проблеме, мы понимаем его рамки в широком смысле; мы анализируем идейную, организационную и политическую жизнь тех течений, которые причисляли себя к меньшевистскому лагерю, от самых «правых» до самых «левых». Их острая, временами ожесточенная борьба, не устраняла многих объединяющих их черт, ибо монолитного единства меньшевизм не знал никогда. По нашему мнению, меньшевистские идеологические и политические вожди послеоктябрьского периода были объединены, во-первых, общностью происхождения. В частности, деятели меньшевизма совместно прошли историю раскола с большевизмом и усвоили весомый партийно-организационный и политический опыт.

Во-вторых, при всех разногласиях их объединяли некоторые общие тенденции и идеи, а именно, стремление к широкой политической свободе, непримиримость по отношению ко всем попыткам реставрации дореволюционных порядков, отрицание социальных и социализирующих экспериментов, общий принцип, - что русская революция буржуазная и что экономической системой России будет капитализм, сохранение целостности и независимости государства. Эти формулы были как бы идейной оградой вокруг данного сектора политического движения. Расходясь, даже раскалываясь, меньшевистские фракции чувствовали взаимное притяжение; соединившись, они, подчас, расходились вновь. На деле все они были элементами того «западничества», которое в сравнении с растущей большевистской верой в русскую самостийность, было особым, хотя и довольно слабым ростком на русской почве.

В целом в меньшевистской партии в первые месяцы после октября 1917 года существовало три течения. Правое, в которое входили А. Потресов, П.Колокольников, П. Гарви, В. Левицкий, М. Либер, к ним примыкал П.Аксельрод, центр – Ф. Дан, Ф.Череванин, Б. Горев - во главе с Ю.Мартовым и левое, оппозиция в меньшевистской партии, тяготевшее к переходу на большевистские позиции.[1]

---

[1] Мартов и его близкие. С.98.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Самую крайнюю позицию на правом фланге меньшевизма занимала группа Г.В. Плеханова «Единство». Немногочисленная и менее влиятельная, чем другие группы, она жила, главным образом, личным влиянием ее основателя, сочетая в своей идеологии самый ортодоксальный марксизм с полной лояльностью к западным союзникам и идеей коалиции с либерализмом. Резким обвинительным актом против октябрьского переворота со стороны патриархов меньшевизма Г. Плеханова, В. Засулич и Л. Дейча прозвучало «Открытое письмо к петроградским рабочим».[1] Несмотря на абстрактный характер, сверхрациональность и неубедительность для «мужичка с ружьем», составлявшего главную опору новой власти, эти идеи станут политической формулой, с которой группа «Единство» и прочие оборонческие группы пойдут на выборы в Учредительное собрание.

По воспоминаниям Р.М. Плехановой, Георгий Валентинович с большим сожалением считал, что большевики продержатся значительно дольше, чем это кажется противникам, ибо «они держатся на народной глупости, а глупость – это база солидная. Она была базой царизма, а теперь большевистской тирании».[2] Нелицеприятной оценки удостоился со стороны Г.В. Плеханова и «Декрет о мире».[3] Сторонники патриарха были с ним полностью солидарны.[4]

Ярым противником большевиков была крайне правая группа меньшевиков-оборонцев во главе с А. Потресовым, заявившая 29 октября 1917 года, что «до созыва Учредительного собрания единственной признанной страной властью является Временное правительство во главе с А.Ф. Керенским»,[5] и вышедшая из партии в 1918 году.[6] Для Потресова не существовало никаких дилемм, над которыми мучилось большинство меньшевистской партии перед лицом большевистской диктатуры. Он сформулировал свои взгляды вскоре после октября 1917 года в статье «Полумарксизм», направленной против вождей другого течения: «Мы хотим ясности от наших оппонентов. Если Россия еще в состоянии выйти из настоящего исторического тупика на широкую дорогу прогресса, то ясно – она выйдет из него общими усилиями своих передовых, хотя и друг другу антагонистических классов».[7]

А.Н. Потресов, отвергая насилие пролетариата, его стремление свергнуть власть буржуазии, призывал социал-демократию «вспомнить, что она есть партия

---

[1] Единство. 1917. 28 октября.
[2] Плеханова Р.М. Год на Родине. // Диалог. 1991. №12. С.81.
[3] Единство. 1917. 28 октября.
[4] Единство. 1917. 27 октября, 29 октября, 31 октября, 1 ноября,
[5] Рабочая газета. 1917. 29 октября.
[6] Тищенко Е.В. Меньшевики в 1917 – 1921 годах. М., 1996. С.41.
[7] Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С.278-279.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

государственная, что если не будет государства, то не будет и предпосылки к ее развитию».[1] Отсюда следовал вывод, что вместо свержения буржуазии, рабочий класс должен не выдвигать «свои классовые требования», «наложить узды на свои инстинкты», пойти на «самоограничение в интересах государственного целого».[2] Октябрьские события оставались для Потресова просто-напросто военной хитростью, которую осуществила кучка способных большевистских «режиссеров», взявшей власть с помощью крестьянской армии, а большевизм – в лучшем случае «социализмом сумасшедших», который нельзя «ни контролировать, ни усмирить», а можно только «разбить». Он считал, что вооруженная борьба против большевизма «не разгромила пролетариат, а по крайней мере вылечила бы его».[3]

Начатая борьба против большевизма явилась бы актом мщения «глубоко реакционному мужику», который уже задавил революцию 1917 года и теперь своей «солдатско-крестьянской анархией» грозился убить будущее России. Основное зло в трагедии «несчастного 1917 года» приписывалось «грязному мужику в солдатской форме», который вдруг под маской «рабоче-крестьянского правительства» начал тиранить всю Россию.[4] В этой борьбе меньшевики не должны были оставаться безучастными.[5] Правда, признавая политическое банкротство меньшевистской партии после выборов в Учредительное собрание, он уже не считал возможным указывать на значительный политический вес своей партии.[6]

Таким образом, Потресов предлагал России решительный выбор между прыжком в пропасть «немедленного построения социализма» и скачком вверх к буржуазно-капиталистическому развитию. Его панацея была, собственно говоря, лишь более решительным вариантом идеи коалиционного правительства 1917 года, а в экономической области – возвратом к «капиталистическому развитию».[7] Но этот «возврат к капитализму» не обладал привлекательностью, особенно в сочетании с призывом к вооруженному восстанию против большевистского режима, и потому не удивительно, что Потресов не встретил достаточной поддержки даже в среде своих товарищей-меньшевиков. Они гораздо больше боялись контрреволюции, чем ненавидели большевиков. В вопросах внешней политики – тогда это называлось вопросом об «ориентации» (на союзников или Германию) – Потресов

---

[1] Там же. С.255.
[2] Там же. С.260.
[3] Потресов А. Очищение. // Друг народа. 1917. 5 ноября.
[4] Новый день. 1918. 5 марта.
[5] Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. С.254.
[6] Там же. С.267.
[7] Новый день. 1917. 21(8) февраля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

также оставался верен своему курсу военного времени – он видел спасение в победе Антанты и ее антибольшевистской активности на русской почве.[1]

С решительным осуждением большевистского максимализма выступал сторонник Потресова В.О. Левицкий. По его мнению, уже через несколько месяцев после октябрьского переворота в Советах исчезла и последняя тень демократизма, они стали вырождаться в форменные «живопырни» с обеспеченным, во всяком случае, господством большевиков.

Первопричину событий октября 1917 года многие меньшевики-оборонцы видели в войне.[2] «Октябрь – революция усталости, оказавшаяся возможной только благодаря Первой мировой войне»,[3] - писал впоследствии Ст. Иванович. Также из условий войны и распада экономики выводилась солдатская революционность.[4] Если Д. Далин осуждал насилие октябрьского переворота большевиков под тем предлогом, что оно носит волюнтаристский характер, поскольку в России нет и долго еще не будет налицо ни объективных, ни субъективных условий для социалистической революции,[5] то Ст. Иванович призывал не к изоляции большевиков, а к их насильственному свержению.[6] Он утверждал, что «большевики были партией крестьянства по дороге с фронта домой»,[7] а «Ленин предвидел, что война, другие народы разорившая, русский народ искалечит физически и душевно, сломает спинной хребет народа. Он знал, что отныне на ближайшие годы править будет Сатана, - и Сатане, хаосу, поклонился, включив свою партию в их чертов пляс».[8]

С точки зрения сторонника А.Н. Потресова Б.И. Горева, «демократическая республика означает единственно мыслимую для большого государства форму действительного и полного народовластия»,[9] а лейтмотивом взглядов С. Загорского было положение, по которому Учредительное собрание должно исправить то, что успели натворить большевики.[10] Лишь в одном П. Гарви не был согласен с А.Н. Потресовым. Он считал, что крах меньшевизма – «историческая мистификация»; «победа большевиков оказалась возможной лишь в силу обстоятельств, в ре-

---

[1] См.: Тищенко Е.В. Указ. соч. С.43.
[2] Жордания Н. Большевики. Берлин, 1922. С.34; Ерманский А. Советский строй. За год. Пг., 1919. С.43.
[3] Иванович Ст. Пять лет большевизма. Начало и концы. Берлин, 1922. С.71.
[4] Розенблюм Д. Социально-психические основы большевизма // Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. М., 1918. С.9.
[5] Далин Д. После войн и революций. С.176.
[6] День. 1917. 7 ноября.
[7] Иванович Ст. Пять лет большевизма. С.14.
[8] Там же. С.13.
[9] Мартов Ю. Диктатура и демократия // Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП... Владивосток, 1921. С.94.
[10] День. 1917. 12 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

зультате мировой войны»,[1] она олицетворяла триумф «мелкобуржуазного революционаризма над слабыми ростками рабочего движения».[2]

П. Аксельрод был настроен менее антибольшевистски, нежели Плеханов и меньшевики-«оборонцы». Он считал в одинаковой мере бессмысленными и аморальными и призывы к вооруженному восстанию, и политику Мартова по поиску компромисса с большевиками.[3] Аксельрод не мог ограничиться лишь обвинением большевистского строя в «контрреволюционности». В течение многих лет он продолжал исследовать и комментировать его деятельность, и этот постоянный анализ с вытекающими из него обвинениями большевизма не следует замалчивать.

В отличие от своих соратников-меньшевиков, Аксельрод не проявлял особого интереса к социальной основе или исторической роли большевизма. С его точки зрения наибольшее значение имела конспиративная техника и организационный метод, принятые «якобинским» меньшинством для узурпирования власти. По его мнению, большевики-ленинцы использовали здесь весь свой опыт, который они в ходе и после Октября распространили на более «широкие сферы» русского общества. Аксельрод утверждал, что их военная хитрость в октябре имела единственной целью предотвращение широкой социалистической коалиции, а возникший на этой основе строй был ни чем иным, как «преторианской диктатурой небольшой группки, руководимой Лениным и Троцким», которая создала себе опору в массах, опираясь на примитивные инстинкты и ненависть бедных к богатым, к живущим в достатке и образованным людям. Поэтому, по его мнению, к преступлениям ленинцев против социал-демократии теперь добавлялось еще одно: большевики узурпировали власть ради придуманной ими цели немедленного установления коммунистического строя в экономически отсталой России в эпоху, когда в развитых странах еще преобладал капитализм.[4]

Этот самонадеянный скачок закончился безжалостной контрреволюцией, и потому, согласно Аксельроду, было бы истинным «богохульством» со стороны социалистов сравнивать «деспотический режим народных комиссаров» с Парижской Коммуной 1871 года или правительством якобинцев 1793 года и к тому же приписывать им заслугу «впервые в истории пролетариата захватить государственную власть». В действительности все это было скорее похоже на преступление Герост-

---

[1] Гарви П.Я. Закат большевизма: Десять лет диктатуры. Рига, 1928. С.9.
[2] Гарви П.Я. П.Б. Аксельрод и меньшевизм. // Социалистический вестник. 1925. №15/16. С.13.
[3] См.: Ascher A. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambrige (macc). 1972. Cap.10.
[4] П. Аксельрод – Л. Мартову, конец 1920 года: Herostraten. Die russische Revolution und die sozialistische Internationall: cuu dem Siterarischen Nachlass von Paul Axelrod. Iena, s.d. P.183.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

рата, совершенное, однако, для того, чтобы «попасть в историю под марксистским знаменем путем манипуляции пролетарскими массами и армией, перешедшей на сторону революции».[1]

Группа меньшевистских лидеров, олицетворявших собой массив партии, после октябрьского переворота сдвинулась влево, порвала с оборонческой традицией и сблизилась с группой интернационалистов. Одним из их лидеров был Ф. Дан. Не доктринеры и не догматики, они ощущали невозможность настаивать на «коалиции с буржуазией» в новых условиях: они отвергали – вместе с новым большинством партии, как сепаратный мир, так и ориентацию на западных союзников; они, в особенности Дан, ожидали близкого кризиса в верхах ленинской партии и в этом случае были готовы к новым политическим комбинациям. Подобно тому, как Дан в 1917 году, будучи политическим выразителем умеренно социалистических, проантантовских тенденций, имел за собой большинство партии, точно также и теперь, в 1917-18 годах и позднее, с ним было большинство, когда он повернул налево и вступил в союз с Мартовым.

В Октябрьском перевороте эта часть меньшевиков решающую роль отводили армии.[2] Победа большевизма, по мнению Дана, стала исторически неизбежна в отсталой крестьянской стране, когда решающая роль в вопросах войны и мира перешла в руки оторванных от хозяйства элементов той же демократии в лице солдат, а мир во что бы то ни стало сделался исторической необходимостью. Выразительницей этого исторически неизбежного процесса капитуляции экономически и культурно отсталой страны стала партия большевиков; она использовала свое господство для утопической социальной политики, стоявшей в резком противоречии с вынесшей ее к власти социально-политической отсталостью.[3] С «коалиционизмом» Дана во многом был солидарен И.Г. Церетели.[4]

На левом фланге партии меньшевиков стояла группа «интернационалистов», которую возглавлял Ю.О. Мартов. Оценивая деятельность меньшевиков-интернационалистов, он писал, что их партия твердо стояла на почве марксизма.[5] Ход революции передвинул партийный массив к левому крылу, способствовал переформированию Центрального комитета и превратил Мартова в центрального вождя. Он же выступил с наиболее связной критикой революции и большевист-

---

[1] Herostraten... P.158.
[2] Дан Ф. Вопросы войны и мира. За год. Пг., 1919. С.8.
[3] См.: Дан Ф. Вопросы войны и мира. За год. Пг., 1919.
[4] Головин Н.Н. Российская революция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.50.
[5] ГА РФ. Ф.1696. Оп.1. Д.8. Л.4.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ской диктатуры. После событий октября 1917 года Мартов продолжал отмежевываться от «оборонцев» типа Плеханова и Потресова, а также от «коалиционизма» Церетели и Дана. В отличие от них, он отстаивал «демократическое» правительство на широкой основе, нечто вроде правительства народного фронта, из которого следовало исключить партию кадетов. «Демократическое» правительство, которое он предложил в 1917 году, с марксистской точки зрения было импровизированным ответом на вопрос о власти в буржуазной русской революции.

Мартов, хотя и был обеспокоен насильственной и военной организацией большевистской революции,[1] без особого труда принял ее как «естественное историческое следствие» краха Временного правительства и, в особенности, краха социалистического умеренного руководства Советов перед лицом великих проблем революции.[2] Политическое поражение меньшевиков в целом (в том числе и его собственное) не отбросило Мартова в лагерь активных противников Октября, готовых сражаться за его ликвидацию.[3] Сначала он больше всего старался политическими действиями воспрепятствовать установлению диктатуры большевистской партии, а затем пытался расширить и демократизировать ее; в плане же марксистской полемики он хотел разуверить большевиков, которых считал товарищами и марксистами, но совершающих ужасную ошибку, в их «утопических иллюзиях».

Но Мартова с моральной точки зрения больше всего возмущал большевистский террор, и его смелые и беспощадные выступления с осуждением террора превратили Мартова в «истинную совесть революции».[4] Он писал, что просто не способен понять «аракчеевской концепции социализма и пугачевского понимания классовой борьбы».[5]

Главной целью усилий Мартова было «исправить» октябрьский переворот, но его томили тяжелые предчувствия.[6] Мартов дает резкую отповедь Радеку и Раковскому – социалистам, перешедших в ряды большевиков.[7] В этой связи с этой точки зрения – весьма близкой к идее И. Канта – становится понятной мысль Мартова, высказанная им в конце декабря 1917 года в письме по-человечески близкой ему Н.С. Кристи: «Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной

---

[1] См.: Ю.О. Мартов – Н.С. Кристи. 30 декабря 1917 года. // Мартов и его близкие. С.48-50.
[2] Новый луч. 1917. 1 декабря.
[3] Иоффе Г.З. 1917 год: уроки Мартова. // Россия в XX веке: Историки мира спорят. С.196.
[4] Черная книга коммунизма. С.673.
[5] Там же. С.196-197.
[6] Иоффе Г.З. 1917 год: уроки Мартова. // Россия в XX веке: Историки мира спорят. С.196-197.
[7] Черная книга коммунизма. С.673.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

свободы и индивидуальности, а, напротив, высшим их воплощением...».[1] По мнению Мартова, чудовищное развитие террора и страшное господство произвола более опасны для революции, чем те заговоры, с которыми справляется ЧК, так как терроризм дискредитирует идеи социализма и пролетарской власти. Террор, считали меньшевики вслед за Ф. Энгельсом, - лучшее подтверждение слабости режима, отсутствие у него сколько-нибудь серьезной опоры в массах.[2]

Мартов был убежден, что большевистская диктатура в России возникла как результат непримиримого противоречия между задачами, которая ставила себе часть пролетариата, и объективными экономическими условиями и социальными отношениями отсталой страны. Он объяснял «большевистский феномен» тем, что война отбросила назад экономику, наводнила города деклассированными элементами, сузила задачи революции в понимании масс «до почти тамбовской ограниченности».[3]

Анализ воззрений Мартова дает возможность выделить то особенное, необычное сплетение социально-экономических и политических моментов в историческом развитии России, которое способствовало тому, что большевистская диктатура воплотилась в жизнь. К ним относились: хозяйственная разруха, порожденная всемирной войной и приведшая к заполнению городов оторванными от производства голодными массами; наводнение фабрик деклассированными элементами деревни и городского мещанства; кабальная зависимость отсталого экономического развития России от империалистических держав, сковавшего внутреннее развитие буржуазной революции; неспособность буржуазии, даже самой радикальной, решительно поставить основные вопросы этой революции – аграрный, национальный и вопрос мира – и тем сплотить вокруг себя громадное непролетарское большинство населения; разложение царского милитаризма и образование из крестьянской армии громадной боевой силы, способной и склонной поддержать всякую крайнюю революционную партию действия.[4]

Ю.О. Мартов высказывал свою точку зрения и на проблему о наиболее благоприятной государственной форме власти для скорейшего политического и социального освобождения пролетариата.[5] Завоевание государственной власти трудящимися, полагал Мартов, невозможно в рамках буржуазной республики; государ-

---

[1] За год: Сб. статей. Пг.-М., 1919. С.75.
[2] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.222.
[3] См.: Мартов Л. Диктатура и демократия. За год. С.21-22.
[4] Там же. С.25.
[5] Мартов Ю. Диктатура и демократия // Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП... Владивосток, 1921. С.92.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ство, созданное буржуазией, должно быть коренным образом преобразовано, а целый ряд его «колес» (армия, полиция, суд и т.д.) сломан и заменен новыми пролетарскими органами управления.[1]

Но является ли советская система искомой политической формой, поднимает вопрос Мартов, и отвечает однозначно: нет. Во-первых, считает он, в существующих условиях слияние управления государством и управления производством совершенно нереально, для этого у новой власти, действующей от имени одного лишь пролетариата (и отчасти крестьянства), просто не хватит сил.[2] Во-вторых, советская система на практике ведет к распадению единого государство на множество «хозяйственно-политических мирков», объединенными слабыми федеративными узами, что явно противоречит объективным потребностям экономического развития. Любая же попытка восстановить центральную власть приведет к устранению Советов из политической жизни.[3] В-третьих, производственный принцип построения органов власти неизбежно породит больше проблем, чем даст результатов. Наконец, советская система не оригинальна, все ее преимущества можно изучать на опыте французского Конвента эпохи Великой революции или Парижской коммуны, которые, однако, лишены множества недостатков первой.[4]

Советская власть, делает вывод Ю.О. Мартов, не обеспечивает гарантий от бюрократического перерождения ее учреждений.[5] Суть советской системы Мартов, таким образом, видел не в осуществлении демократии, на что многократно указывал В.И.Ленин,[6] а в стремлении утвердить волю революционного меньшинства через подавление воли огромного большинства населения России, в том числе и пролетариата.[7] Однако сами меньшевики оказались не в силах предложить разумную и эффективную альтернативу советской организации. Отвергнув и парламентаризм, и всеобщее избирательное право, они лишили себя необходимого пространства для теоретических поисков. Их предложения были совершенно абстрактны.[8] Теоретический тупик, в котором оказались лидеры «официального мень-

---

[1] Там же. С.97.
[2] Там же. С.92.
[3] Там же. С.98.
[4] Там же. С.99.
[5] Мысль. 1919. №13. С.526.
[6] Уже в январе 1918 года В.И. Ленин заявлял: «Советы – это высшая форма демократизма». (Полн. собр. соч. Т.35. С.282.).
[7] Мартов Ю. Диктатура и демократия // Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП… С.94-95.
[8] См.: Партийное совещание. 27 декабря 1918 г. 1 января 1919 г. (Резолюции). М., 1919. С.24.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

шевизма», подтолкнул их к признанию советского строя как «факта действительности», но не как принципа.[1]

Итак, по Мартову, с осени 1917 года речь идет о буржуазной революции без буржуазии.[2] Меньшевики полностью разделяли мнение К. Каутского, для которого вне широкой демократии, при подавлении свободной самодеятельности народных масс социализм невозможен и революция в России продолжает оставаться буржуазной по своему содержанию.[3] Исходя из своих теоретических посылок о событиях октября 1917 и отношения к Советской власти, партия меньшевиков строила и свою практическую деятельность по вопросам власти в стране, войны и мира, армии, при необходимости корректируя их.

Намечавшийся в ходе 1917 года раскол в партии меньшевиков после октября 1917 года углубился и стал явственно зримым.[4] 29 октября меньшевики-интернационалисты провели собрание своих единомышленников и решили: «Предложить всем активным работникам: добиваться на заводах, фабриках и в войсковых частях посылки делегаций к обеим борющимся сторонам с категорическим требованием немедленного прекращения всяких военных действий, настаивать на образовании однородной демократической власти и протестовать самым решительным образом…против репрессий (с обеих сторон)».[5]

В самостоятельную партию выделяется левое крыло меньшевиков – внефракционные социал-демократы, группировавшиеся вокруг газеты «Новая жизнь». В октябре они провели Всероссийскую конференцию, а в январе 1918 года – I съезд, провозгласивший создание РСДРП (интернационалистов).[6] Меньшевики-интернационалисты события октября в России объясняли развалом армии.[7] Руководящий меньшевистский центр пытался занять серединную позицию между крайними течениями в партии, но все чаще подвергался критике слева и справа. Левое крыло ЦК РСДРП в ноябре 1917 года обратилось с воззванием к товарищам по партии, в котором предъявило партийному руководству серьезные и обоснованные претензии: 1) за бесконечные колебания и эмпирический («ощупью») подход к выработке политической линии; 2) за отставание теоретической мысли и партийных установок от практики местных организаций и за превращение ЦК пар-

---

[1] Вперед (Москва). 1917. 12 ноября.
[2] За год: Сб. статей. С.34.
[3] См.: Каутский К. Диктатура пролетариата. Екатеринослав, 1919. С.50.
[4] См.: Капустин М. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990. С.94.
[5] Новая жизнь. 1917. 30 октября.
[6] РГАСПИ. Ф.444. Оп.1. Д.18. Л.2 об.
[7] Луч. 1917. 19 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тии в запоздалого регистратора событий вслед за их стихийным развитием; 3) за склонность к принятию «каучуковых», ни к чему не обязывающих резолюций; 4) за попытки поддержать единство партии путем «механического соединения» противоречивых тенденций.

Прогрессировавший развал меньшевистских организаций заставил руководство партии попытаться спасти ее единство с помощью чрезвычайного съезда, который должен был «определить тактику партии на ближайшее время, дать свое решение по вопросу о власти».[1] Проходивший в Петрограде с 30 ноября по 7 декабря 1917 года съезд выглядел достаточно представительным. На нем присутствовали делегаты от более чем 143 тыс. членов партии. На первый взгляд казалось, что меньшевистская партия сумела сохранить свои кадры. Именно так изображал ситуацию меньшевистский журнал «Партийные известия».[2] Более того, в связи с подготовкой к выборам в Учредительное собрание меньшевики сумели вовлечь в свои организации некоторую часть солдат действующей армии. Это также увеличило численность партии почти на 18 тыс. членов. Правда, развернувшийся вскоре процесс демобилизации привел к быстрой ликвидации меньшевистских военных организаций.[3] Но даже сами меньшевики довольно трезво оценивали состояние партии.[4]

Съезд дал победу фракции «интернационалистов». Внутри меньшевиков произошло окончательное размежевание правых и левых фракций, которое закончилось тем, что оборонцы Потресова и правое крыло революционного оборонца Либера отказались войти в избранный съездом ЦК, огласив особую декларацию о том, что они отказываются нести политическую ответственность за взятую большинством съезда новую партийную линию.[5] Выражая волю значительного большинства, Ю.О.Мартов призвал не пытаться форсировать события,[6] а его газета «Искра» в статье И.С. Астрова заявила, что «интересы революции требуют примирения внутри демократии».[7] Избранный съездом новый ЦК выступил 15 декабря с обращением ко всем партийным организациям, в котором объявлял, что «при наличности в партии далеко расходящихся крыльев, она все же представляет собой

---

[1] Рабочая газета. 1917. 7 ноября.
[2] Партийные известия. 1918. 20 января.
[3] См.: Банкротство мелкобуржуазных партий в России. Ч.II. М., 1977. С.213.
[4] Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1918 – 1920). С.88.
[5] См.: Тищенко Е.В. Указ. соч. С.55.
[6] Новый луч. 1917. 1 декабря.
[7] Искра. 1917. 4 декабря.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сплоченное целое, дорожащее своим единством и способное к единому действию».[1]

Еще до II съезда Советов меньшевики ставили себе едва ли не главной задачей давление на большевистское руководство в лице Ленина и Троцкого с целью добиться коррекции политического курса и заставить большевиков пойти на создание единого фронта с левым крылом революционной демократии.[2] Социал-демократы-интернационалисты продолжали рассматривать большевиков в качестве составной части «революционной демократии» и после событий 25-26 октября 1917 года. Захват власти большевиками оценивался ими как авантюра, завершившаяся успешно лишь благодаря полной неспособности Временного правительства выполнять свои функции.[3] И все же еще до открытия съезда, во второй половине дня 25 октября ЦК меньшевиков на экстренном заседании принял резолюцию, в которой отмечалось: «ЦК не признает нового правительства, организованного большевиками при помощи военного заговора, и организует борьбу с ним». Резолюция призывала к созданию комитетов общественного спасения и к восстановлению власти Временного правительства.[4]

В дни Октябрьского вооруженного восстания Мартов все еще отчаянно пытался разрешить кризис власти мирными, политическими средствами. В декларации фракции меньшевиков-интернационалистов II съезда Советов заявлялось, что «единственным исходом из этого положения, который еще мог бы остановить развитие гражданской войны, могло бы быть соглашение между восставшей частью демократии (большевиками – А. Ч.) и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей революционной демократией и которое могло бы сдать власть Временному правительству безболезненно».[5] При поддержке левых эсеров, социал-демократов-интернационалистов и фронтовой группы Мартов предложил «избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения».[6]

---

[1] Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. С.560.
[2] Новая жизнь. 1917. 25 октября.
[3] Новая жизнь. 1917. 25 октября, 27 октября.
[4] См.: Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917 – 1920). М., 1968. С.85.
[5] Цит. по: Россия XX век: Историки мира спорят. С.196.
[6] Второй Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. С.33, 34; Минц И.И. История Великого Октября. Т.2. С.1103.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

И снова голос Мартова не был услышан. Меньшевики и эсеры отказались признать полномочия II съезда Советов как верховного органа власти, обозвав восстание революционного народа «тайным заговором», «большевистской авантюрой», и фактически открыто призывали к свержению власти Советов.[1] Демократическое крыло российской социал-демократии сделало ложный шаг: покинуло съезд. А если сказать точнее – уступило политическую сцену большевикам и левым эсерам.[2] Вместе с тем, «Рабочая газета» оценила события 25-26 октября как военный заговор против демократии. [3] 27 октября войска Краснова заняли Гатчину, и в тот же день бывший меньшевистский министр М.И. Скобелев на заседании ЦИК первого созыва Всероссийского Совета крестьянских депутатов и других организаций также высказался следующим образом: «...в той борьбе, которую нам придется вести, нам необходимо опираться на физическую силу».[4]

28 октября, еще до начала переговоров комиссии по конструированию власти с большевиками, меньшевики заявили, что с большевиками надо разговаривать оружием.[5] «Рабочая газета» 29 октября напечатала материал «Большевики должны капитулировать». [6] Учитывая, что содержание этих материалов не соответствовало действительности, подобный прием можно расценивать как вполне сознательную и целенаправленную дезинформацию – не только с целью распропагандировать верные большевикам войска, но с целью давления на большевистское руководство. Характерно, что даже «Новая жизнь» вышла с крайне резкой статьей Н. Суханова, в которой утверждалось, что большевикам суждено погибнуть от внутреннего порока.[7] Однако уже в обращении ЦК РСДРП(о) «К рабочим Петрограда» подчеркивалось: «В настоящий момент все усилия надо сосредоточить на том, чтобы обеспечить в назначенный срок созыв Учредительного собрания, которое одно в состоянии создать прочную революционную власть и удовлетворить чаяния народа».[8]

Сочетание призывов к большевикам капитулировать и обращений к образу Учредительного собрания свидетельствует о том, что у меньшевиков на тот момент не было четких и ясных представлений о возможном характере развития со-

---

[1] История гражданской войны в СССР. М., 1947. Т.2. С.278.
[2] Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.7. С.219-220.
[3] Рабочая газета. 1917. 27 октября.
[4] Там же. 28 октября.
[5] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.44. Л.91; Д.49. Л.1. См. также: Меньшевики. Chalidze publications, 1988. С.87.
[6] Рабочая газета. 1917. 29 октября.
[7] Новая жизнь. 1917. 29 октября.
[8] Рабочая газета. 1917. 29 октября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

бытий, отсюда следует вывод, что эти агитационно-пропагандистские материалы не являются следствием продуманного плана агитационно-пропагандистской кампании, а ориентированы исключительно на сиюминутные решения текущего момента.

Но, в связи со все усиливающимися требованиями масс покончить с противодействием Советской власти и укреплением положения большевиков, меньшевистский ЦК был вынужден пересмотреть свою позицию. Вначале ЦК РСДРП заявил, что, хотя меньшевики сами в правительство не войдут, они согласны поддержать его, если в нем будут представлены и большевики. Затем, на заседании 31 октября, ЦК РСДРП изъявил согласие войти в состав такого правительства,[1] решил отказаться от политики полной изоляции большевиков и признал возможным «организовать однородную политическую власть, включающую в себя социалистические партии от народных социалистов до большевиков».[2] Но на заседании комиссии 30 октября меньшевики свое согласие обусловили созданием из сторонников Керенского некоего Народного Совета, перед которым правительство должно было быть ответственным.[3] В ответ на эти решения вся правая часть меньшевистского ЦК заявила о своем выходе из этого органа в знак протеста против отступления от важнейшего принципа меньшевизма – признания невозможности в данный момент социалистической революции в России. «Соглашение с большевиками, - говорилось в их заявлении, - может сделать такую революцию допустимой».[4]

Учитывая, что до 29 октября большая часть руководства меньшевиков активно поддерживала Комитет Спасения, резкое изменение позиций надо было соответствующим образом преподнести общественному мнению.[5] Альтернативой соглашения, по мнению «Рабочей газеты», могла быть только победа контрреволюции.[6] В этой ситуации формальная логика подсказывала читателю, что у революционной демократии нет иного выхода, как поддержать большевиков. Однако поддержка большевиков не исключала и претензий к ним, наоборот, она была обусловлена рядом требований, в числе которых было восстановление демократиче-

---

[1] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.49. Л.2; Протоколы ЦК РСДРП. М.-Л., 1929. С.158.
[2] Рабочая газета. 1917. 1 ноября.
[3] Известия. 1917. 3 ноября.
[4] Рабочая газета. 1917. 3 ноября.
[5] Рабочая газета. 1917. 1 ноября.
[6] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ских свобод.[1] Гораздо более принципиальную позицию заняла в дни переговоров с большевиками газета «Новая жизнь».[2]

Как уже отмечалось, большинство публицистов, сотрудничавших в «Новой жизни», стояли на позициях, очень близких к тем, которые занимали деятели так называемого «правого крыла» в руководстве РСДРП(б): Л.Каменев, Ю. Ларин, А. Рыков, В. Ногин и другие. Поэтому публицистика подобного рода объективно содействовала укреплению позиций «правых» в ЦК РСДРП(б), позволяя им ссылаться на пользующуюся значительным влиянием среди рабочих масс газету М. Горького. С другой стороны, общественному мнению преподносился совсем другой образ большевиков, нежели тот, которым откровенно запугивали обывателей правосоциалистические и либерально-демократические газеты.[3]

И на этой позиции меньшевики удержались недолго: уже на заседании 2 ноября их ЦК решил отказаться от возможного соглашения и участия в правительстве[4] и принял резолюцию о возврате к прежней позиции «однородного социалистического правительства без большевиков», мотивируя ее неуступчивостью последних.[5] На втором заседании в этот же день снова было решено продолжить переговоры, но потребовать от большевиков освобождения всех арестованных, восстановления свободы печати и объявления перемирия между войсками правительства и Керенского.[6] Мгновенно изменился и тон меньшевистских изданий.[7]

24 ноября собрание актива Петроградской организации меньшевиков-интернационалистов рассматривало вопрос о вхождении во ВЦИК. Часть собравшихся придерживалась мнения, что отношение к ВЦИК должно оставаться прежним, другая считала «бойкотистскую» тактику ошибочной. После напряженной дискуссии большинством была принята резолюция за вхождение в состав ВЦИК. В то же время, по предложению Мартова, были оговорены условия участия в «верховном» органе государственной власти: отказ большевиков от террора и призна-

---

[1] Там же. 2 ноября.
[2] Новая жизнь. 1917. 1 ноября.
[3] Новая жизнь. 1917. 3 ноября.
[4] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.44. Л.94.
[5] Рабочая газета. 1917. 3 ноября.
[6] Новая жизнь. 1917. 2 ноября.
[7] Рабочая газета. 1917. 3 ноября; Вперед! 1917. 4 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ние права на высшую власть только за Учредительным собранием.[1] 26 ноября газета «В глухую ночь» призвала к всеобщей политической забастовке.[2]

Состоявшаяся через несколько дней Петроградская общегородская конференция меньшевиков-интернационалистов несколько смягчила позицию[3] и приняла решение направить во ВЦИК своего представителя с правом совещательного голоса. ЦК меньшевиков не только не поддержал решения Петроградской организации меньшевиков-интернационалистов, но даже запретил членам партии входить во ВЦИК, принимая мандаты от непартийных организаций.[4]

Тактические разногласия в рядах меньшевиков, особенно по вопросам власти, был призван решить Чрезвычайный съезд партии. Съезд объявил октябрьский переворот непролетарской и незакономерной революцией.[5] То, что меры большевиков, предложенные ими в 1917 году, соответствовали чаяниям масс, дало основания меньшевикам утверждать, что у большевиков вообще не было программы.[6]

Съезд показал полную растерянность меньшевиков, которые, по словам того же М. Либера, «еще недостаточно освоились с мыслью, что большевики не являются партией, которая подлежит расстрелу, а, наоборот, властью, которая имеет силу расстреливать».[7] По вопросу о власти на съезде развернулась острая полемика. Правые настаивали на непримиримой борьбе с Советской властью любыми средствами.[8] Стремясь быть реалистами в политике, меньшевики выдвигали только те цели, которые, как казалось их лидерам, могли бы достигнуты в складывающейся ситуации. Все же то, что не имело шансов на успех, объявлялось авантюрой и подвергалось осуждению или осмеянию.[9]

Левое крыло партии, возглавляемое Ю.О. Мартовым, отстаивало на съезде тактику соглашения с большевиками и создания «однородного социалистического правительства». Создать такое правительство должно было Учредительное собрание. Лидер центристов Ф.И. Дан также высказывался за создание правительства от народных социалистов до большевиков.[10] Только так можно избежать самоизоляции пролетариата от его мелкобуржуазных союзников и, в конечном счете, пре-

---

[1] Вперед! 1917. 17(30) ноября; Искра. (Петроград). 1917. 4 декабря.
[2] В глухую ночь. 1917. 26 ноября.
[3] Новый луч (Петроград). 1917. 19 декабря.
[4] Там же. 2 декабря.
[5] См.: Рубан В.Н. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968. С.355.
[6] Кентавр. 1994. №2. С.71.
[7] Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917 – 1920 гг.) М., 1968. С.77.
[8] Меньшевики: Сб. статей. С.117; РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.52. Л.7.
[9] Кентавр. 1994. №2. С.71-72.
[10] Меньшевики: Сб. статей. С.101-102.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дотвратить опасность гражданской войны, которая, по их мнению, началась уже 27 октября 1917 года.[1]

В целом на съезде преобладало левоцентристское большинство и идеи Мартова об объединении революционной власти, включающей в себя представителей от народных социалистов до большевиков были приняты во внимание. В этом же духе съездом была принята резолюция.[2] Общая точка зрения по текущему моменту была сформулирована Ф. Даном, заявившим, что «единственное средство спасти хоть что-нибудь – Учредительное собрание. Оно может организовать приемлемую страной власть».[3] Резолюция «Об участии в Советах рабочих и солдатских депутатов, в революционных комитетах, органах самоуправлений и других организациях» предписывала меньшевикам оставаться в Советах, запрещала членам партии входить в большевистские ревкомы, а также в Комитеты Спасения, не стоявшие на платформе «соглашения всей демократии».[4]

Свое пребывание в Советах меньшевики пытались использовать для прекращения гражданской войны накануне созыва Учредительного собрания. 5 декабря 1917 года на заседании Моссовета лидер меньшевистской фракции И.А. Исув призвал «заключить мир внутри страны».[5] В декабре 1917 года, когда в большевистской печати выявилась тенденция противопоставить Учредительному собранию Советы депутатов, меньшевистская пресса вновь обратилась к общественному мнению. На страницах «Новой жизни» было заявлено: «Советы – это революционные органы политической борьбы, а вовсе не органы государственного управления».[6] На созванном Учредительном собрании от меньшевиков было доверено выступать И.Г. Церетели[7], речь которого была довольно неубедительной.

Не меньшее внимание уделяли меньшевики критическому анализу мероприятий новой власти в области экономической и внутренней политики.[8] Если эсеры особенно болезненно восприняли Декрет о земле, то меньшевистская пресса атаковала выдвинутую большевиками идею рабочего контроля.[9]

Газета московских меньшевиков «Вперед!» 4 ноября обвинила большевиков в плагиате, заявив, что образцом для декрета о восьмичасовом рабочем дне послу-

---

[1] См.: Подболотов П.А., Спирин Л.М. Указ. соч. С.45.
[2] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.52. Л.10-11, 96 об.
[3] Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России... С.558-559.
[4] Тищенко Е.В. Указ. соч. С.124.
[5] Вперед! 1918. 18(31) января.
[6] Новая жизнь. 1917. 14 декабря.
[7] См.: Всероссийское Учредительное собрание. С.4, 29, 35, 50-51.
[8] Новая жизнь. 1917. 28 октября.
[9] Рабочая газета. 1917. 29 октября; Вперед! 1917. 14 ноября

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

жил проект, выработанный особой рабочей комиссией при ЦК партии кадетов под председательством П.Б. Струве еще в годы первой русской революции, причем некоторые положения кадетского проекта более радикальны (по мнению газеты), чем большевистский декрет.[1] Эта тема была продолжена газетой в других выпусках[2] и поддержана «Новой жизнью». [3] Ф. Дан в статье «Большевики и пролетариат», опубликованной газетой «Вперед!» 21 ноября, обвинял большевиков в безответственности.[4] В декабре 1917 года, после опубликования декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости, «Новый луч» отозвался саркастическим комментарием.[5] В первые недели после событий 25-26 октября к новой власти примкнуло немало темных личностей, чье подозрительное прошлое также превращалось в инструмент дискредитации власти большевиков.[6] Особенно усердствовали в публикации подобных материалов газеты «День» и «Воля народа».

Меньшевики для уничижения большевиков использовали любой антидемократический инцидент, инспирированный властями. П. Дневницкий 2 ноября выступил на страницах «Единства» со статьей «Народная расправа», в которой было заявлено: «Не Ленин, а Нечаев является духовным вдохновителем и руководителем этого движения».[7] Поводом для этой статьи послужил обыск в квартире больного Г.В. Плеханова, устроенный красногвардейцами. С 3 ноября газетой была введена специальная рубрика «Протесты по поводу насилий над Г.В.Плехановым». 23 ноября большая часть членов Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание была арестована, и созыв собрания стал проблематичным. Оппозиционная меньшевистская печать развернула в эти дни кампанию с требованием немедленно освободить арестованных и усилила агитацию в поддержку Учредительного собрания.[8] Крайне негативно воспринималась оппозиционной прессой и правовая практика большевиков. [9] 16 ноября газета «За свободу!» прокомментировала реформу суда следующим образом: «...фактически судить будут городские подонки».[10]

---

[1] Вперед! 1917. 4 ноября.
[2] Там же 5 ноября, 8 ноября.
[3] Новая жизнь. 1917. 16, 17, 18 ноября.
[4] Вперед! 1917. 21 ноября.
[5] Новый луч. (Рабочая газета). 1917. 2 декабря.
[6] См.: За свободу и право. 1917. 26 ноября.
[7] Единство. 1917. 2 ноября.
[8] В глухую ночь. 1917. 26 ноября.
[9] Воля народа. 1917. 14 декабря.
[10] За свободу! (Голос солдата). 1917. 16 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Надо отметить, что, проводя параллели между властью большевиков и самодержавием, меньшевики умело играли на самых сокровенных, самых больных точках общественного сознания, в котором образ русского самодержавия рисовался оплотом самых черных, самых реакционных сил. Редакции газет в ноябрьские дни имели довольно обильную почту, и в большинстве писем были ярко выражены опасения за судьбу «свобод», полученных в феврале 1917 года.[1] Однако, от подобных настроений до решимости активно бороться с большевиками – дистанция известного размера.

Исключительно важную роль в воздействии на массовое политическое сознание населения России меньшевики отводили выборам в Учредительное собрание. Организованная в этом направлении широкая агитация, в первую очередь социалистическими партиями, закрепляла в массовом сознании образ предстоящего Собрания как единственного законного органа, который может и должен разрешить все насущные вопросы. В условиях войны внешней и начинавшейся войны внутренней, развала хозяйства и надвигавшегося голода Россия временем не располагала. Поэтому многие сторонники Учредительного собрания пришли к выводу, что оно должно работать как парламент с учредительными функциями, а не только выработать тип государственного устройства и основной закон страны.

28 октября 1917 года в избирательные комиссии на местах были разосланы телеграммы за подписью Ленина с приказом продолжать работу по организации выборов в Учредительное собрание и обязательно провести их в установленный еще Временным правительством срок. ЦК меньшевиков постановил «напрячь все силы для ведения избирательной кампании и участвовать в выборах в тех местах, которые не охвачены гражданской войной» и где «восстановлена полная свобода выборной агитации».[2]

Партия меньшевиков не только не ограничивалась критикой власти большевиков по политическим вопросам, но и выдвигала альтернативную программу социально-экономических преобразований, которая включала: 1) передачу всей земли в собственность народа, причем мелкая собственность должна быть закреплена за ее нынешними владельцами; 2) энергичное вмешательство государства во все сферы экономической жизни, государственное регулирование производства, транспорта и распределения, введение монополии на важнейшие предметы по-

[1] РГАСПИ. Ф.622. Оп.1. Д.37. Л.76-77.
[2] См.: Партийные известия. 1917. №8.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

требления; 3) законодательное введение восьмичасового рабочего дня и принятие прогрессивного рабочего законодательства; 4) возложение экономических тягот революционного времени на имущие классы, для чего предполагался единовременный налог на буржуазию.[1] Те же требования были и в декларации фракции РСДРП(о) на заседании Учредительного собрания 5 января 1918 года.[2] Все это вполне соответствовало программе-минимум РСДРП.

Анализ источников, и особенно меньшевистской прессы, позволяет прийти к заключению, что агитационно-пропагандистская публицистика носила вполне определенный партийный характер, сообразуясь с партийными лозунгами и платформами, и была направлена в большей степени против большевиков, нелегитимно, по мнению меньшевиков, захвативших государственную власть в стране и не желавших делиться ею.[3] Московская газета «Вперед!» обращалась к электорату: «Товарищи рабочие! Сегодня, если бы большевики не захватили власти (12 ноября 1917 года – А.Ч.), московское население сказало бы свою волю, не прибегая к штыку и шрапнели, не подковывая ее железом и не цементируя ее кровью».[4] Она же настоятельно предлагала голосовать за список №4 (РСДРП(о) в Москве – А.Ч.).[5] В период выборов в Учредительное собрание «День» напечатал «фельетонограмму» с саркастическим сравнением большевиков с монархией.[6] Разумеется, подобные и другие аналогичные публикации[7] делались не для развлечения публики, а для дискредитации большевиков.

Меньшевистские газеты старались особо подчеркнуть антидемократизм большевиков и то, что участие их в выборах – лишь тактический ход.[8] Так, московская газета «Вперед!» делала вывод, что Учредительное собрание будет необходимо большевикам лишь в том случае, если они будут иметь в нем большинство[9], а потому «большевистская авантюра есть в существе своем грандиозный по масштабу предвыборный маневр».[10] Своеобразный характер носила предвыборная агитация левосоциалистического крыла меньшевиков, которое вело борьбу на два фронта: против оборонческих фракций и правосоциалистических

---

[1] См.: Вперед! 1917. 1 августа.
[2] Там же. 1918. 11(24) января.
[3] Единство. 1917. 4 ноября; День. 1917. 7 ноября..
[4] Вперед! 1917. 12 ноября.
[5] Там же.
[6] День. 1917. 12 ноября.
[7] Вперед! 1917. 21 ноября; Искра. 1917. 4 декабря.
[8] День. 1917. 11 ноября.
[9] Вперед! 1917. 17 ноября.
[10] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

групп, а также партии народной свободы – с одной стороны, против большевиков – с другой.[1] Между тем, почувствовав в тоне большевистской прессы и усилении репрессивных акций угрозу созыву Учредительного собрания в намеченный срок, меньшевистская пресса в середине ноября начинает активно апеллировать к мнению армии.[2] Так, «Рабочая газета» в статье «Учредительное собрание и армия» заявила: «Армия в целом не может признать власти самозванцев из Смольного. Армия должна отдать себя в распоряжение будущего Учредительного собрания и выступить на его защиту, если большевики или калединцы посмеют посягнуть на его права и власть. Вся армия станет почетной гвардией Учредительного собрания, гвардией русских свобод».[3]

Полной катастрофой закончились для меньшевиков выборы в Учредительное собрание: по стране за них проголосовало 2,9% избирателей,[4] в армии – 3,2%.[5] По выражению Г.Д. Кучина, причиной этого было то, что партия меньшевиков выступила на выборах «организационно и количественно ослабленной», «была сильно подорвана всем предыдущим ходом событий...сдавлена между эсерами и большевиками».[6] Так же РСДРП проявляла, как считал Д. Далин, определенную политическую пассивность в силу воздействия таких психологических факторов, как реакция населения на октябрьский переворот, уверенность членов партии в скором крахе большевизма.[7] Это не помешало тому же Д. Далину несколько позже высказать совершенно противоположную точку зрения на силу, возможности и перспективы партии.[8] По справедливому, на наш взгляд, мнению российского историка Л. Протасова, «поражение меньшевиков подчеркнуло отсутствие каких-либо условий для реализации ортодоксальных марксистских идей социалистической революции».[9]

Опасения за судьбу Учредительного собрания заставляли меньшевиков искать аргументы в его пользу, преемлемые именно с точки зрения «революционной целесообразности».[10] Разумеется, подобные заявления учитывали и обратную ре-

---

[1] Вперед! (Москва). 1917. 11 ноября; Новая жизнь. 1917. 10 ноября, 12 ноября.
[2] День. 1917. 9 ноября, 12 ноября; Маленькая искра. 1917. 10 ноября,11 ноября, 12 ноября.
[3] Рабочая газета. 1917. 17 ноября.
[4] Протасов Л.Г. Указ. соч. С.13.
[5] Там же.
[6] См.: Кучин Г. (Оранский). О нашей партии. // Социалистический вестник. 1922. №18. С.4.
[7] Меньшевики... С.98.
[8] Там же. С.142.
[9] Протасов Л.Г. Указ. соч. С.13.
[10] Вперед! 1917. 7 декабря; Новый луч. 1917. 31 декабря.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

акцию большевистского руководства в надежде, что эта реакция будет позитивной – большевики не пойдут на разгон Учредительного собрания.

Тема созыва Учредительного собрания была не единственной в процессе формирования общественного мнения. Другим не менее важным аспектом этого процесса являлся критический анализ государственных актов и мероприятий большевиков, в первую очередь – декретов Совнаркома. Особое внимание меньшевиков было уделено критике Декрета о мире и последующих действий большевистского и левоэсеровского руководства по подписанию сепаратного перемирия и подготовке сепаратного мирного договора. [1] Тем самым большевиков пытались подтолкнуть к публичному разъяснению своей позиции.

Реакция меньшевиствской печати на начало сепаратных переговоров с Германией была крайне резкой. [2] 15 ноября в газете «День» появилась знаменитая статья А. Потресова «В 4 часа 10 минут», в которой, оповестив своих читателей об успешном визите парламентеров на немецкие позиции, А.Н. Потресов обвинил большевиков в предательстве России.[3] Некоторым диссонансом в общем хоре меньшевистской прессы прозвучала статья В. Керженцева «Россия и союзники», опубликованная в «Новой жизни» 15 ноября. Автор выражал сомнение в искренности союзников и целесообразности сохранения с ними договорных отношений, допускал возможность полного разрыва с союзниками, так как такой разрыв, по его мнению, знаменовал бы начало ликвидации войны. Позиция «Новой жизни» вызывала полное неприятие у оппозиционной прессы, рассматривавшей ее в этот период как «пробольшевистскую».[4]

После Чрезвычайного съезда новый ЦК с самого начала резко отрицательно относился к мирным переговорам, начатым в это время Советским правительством с австро-германской коалицией. Исходной посылкой, определившей его позицию, была уверенность, что Советское правительство, созданное большевиками, не сможет ни развязать борьбу международного пролетариата за общую ликвидацию войны на демократических условиях, ни добиться сносных условий для сепаратного мира одной России.[5] Первым необходимым условием борьбы за действительно демократический и международный мир, по мнению меньшевиков, являлось создание в России такого правительства, которое бы объединяло вокруг себя все силы

[1] Рабочая газета. 1917. 27 октября; Новая жизнь. 1917. 28 октября.
[2] День. 1917. 10 ноября, Рабочая газета. 1917. 10 ноября.
[3] День. 1917. 15 ноября.
[4] Дело народа. 1917. 18 ноября.
[5] Непролетарские партии России в трех революциях. С.240.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

революционной демократии – от умеренных социалистов до большевиков. Таким правительством может быть только правительство, созданное Учредительным собранием. Поэтому проблема борьбы за мир непосредственно упирается в проблему защиты Учредительного собрания.[1] В начале декабря меньшевики предложили общественному мнению свою альтернативу сепаратному миру с Германией – созыв в Стокгольме международной конференции для обсуждения проблем, связанных с заключением всеобщего мира.[2]

Активную работу, направленную на срыв переговоров с Германией, развернул Петроградский комитет меньшевиков. На своих заседаниях он разработал план агитационной работы, принял решение о создании лекторской коллегии, создал комиссию для выработки плана издания листовок, наметил проведение городского и районных собраний, посвященных вопросу о мире, мобилизовал свои ударные силы агитаторов для выступлений.[3] Бюро Комитета приняло решение «изготовить листовки, плакаты с лозунгом «Сепаратный мир с Германией – гибель России».[4] Но сила влияния всех этих мероприятий была крайне невелика.

Октябрь 1917 года явился началом конца еще недавно самой влиятельной партии – партии социалистов-революционеров. Эсеры, в большинстве своем, эти события как революцию не приняли. [5] Можно считать пророческими и слова В.М. Чернова: «Охлократическое вырождение революции может легко кончится каким-нибудь цезаризмом».[6] Эсеры обвиняли большевиков в том, что они нанесли удар по государственным связям, разбив страну на отдельные части. Только Учредительное собрание, по мнению эсеров, «может собрать Россию в единое государство».[7]

Крайне негативно оценивая приход к власти большевиков, ЦК партии социалистов-революционеров уже 25 октября выработал декларацию, осуждающую их действия. [8] Другим постановлением ЦК обязывал членов партии выйти из Петроградского ВРК для политической изоляции большевиков.[9] А когда выяснилось, что левые не собираются подчиняться решениям ЦК, 27 октября ЦК ПСР принял по-

---

[1] См.: Новый луч. 1917. 20 декабря.
[2] Новая жизнь. 1917. 8 декабря.
[3] ГА РФ. Ф.528. Оп.1. Д.3. Л.22.
[4] Там же. Л.8, 14, 22.
[5] РГАСПИ. Ф.2. Оп.2. Д.493. Л.17; Воля народа. 1917. 27 октября.
[6] Чернов В. Рождение революционной России. С.29.
[7] Дело народа. 1917. 12 ноября.
[8] Там же. 27 октября.
[9] См.: Партийные известия. Издание ЦК ПСР. 1917. №4. Стб.54-55.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

становление об исключении из партии левых эсеров – членов ВРК и не ушедших со съезда Советов.[1]

Социалисты-революционеры считали, что «должны немедленно образовать однородное социалистическое министерство – без большевиков и без цензовых элементов. Лишь такое правительство имеет шансы предотвратить гражданскую войну».[2] ЦК партии выпустил воззвание, в котором, обращаясь к рабочим, крестьянам, солдатам и матросам, заявлял, что их «подло и преступно обманули».[3] Эсеровский ЦК апеллировал и к мировому общественному мнению, издав обращение «Всем народам цивилизованного мира, Центральным Комитетам всех социалистических партий».[4] По признанию видного эсера А. Аргунова, его партия сразу после октябрьского переворота «главным образом вела антибольшевистскую борьбу».[5]

Правые эсеры призывали свалить большевиков, а не вести с ними переговоры.[6] В. Зензинов также призывал всех, кому дорога демократия, сплотить силы «для дружного отпора против большевиков».[7] Часть эсеров считала, что большевистская авантюра должна быть ликвидирована мирными средствами.[8] Они взывали и к совести сограждан.[9]

Одним из приемов эсеров и их прессы было формирование общественного мнения через выражение мнения достаточно крупных коллективов, апелляция к коллективному мнению. С 29 октября эсеровские газеты начали печатать резолюции общественных и профессиональных организаций, а также митингов и собраний с осуждением действий большевиков.[10] Публикация выражающих протест резолюций регулярно осуществлялась на страницах практически всех эсеровских газет и в последующем. Цель подобных публикаций состояла в том, чтобы показать изолированность большевиков, ограниченный характер социальной поддержки новой власти.[11]

Внимательный анализ эсеровской прессы этого периода позволяет сделать вывод, что в первые недели нахождения большевиков у власти общественному

---

[1] См.: Там же. Стб.55.
[2] Дело народа. 1917. 28 октября.
[3] Там же.
[4] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.2. Л.18.
[5] Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С.4.
[6] Воля народа. 1917. 2 ноября.
[7] Дело народа. 1917. 27 октября.
[8] Дело народа. 1917.28 октября, 29 октября.
[9] Воля народа. 1917. 28 октября.
[10] Там же. 29 октября.
[11] Воля народа. 1917. 2 ноября, 3 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

мнению усиленно преподносился образ авантюристов, силой штыков захвативших власть в Петрограде и Москве, но оказавшихся в изоляции в масштабах России. После того, как свергнуть большевиков силой оружия не удалось, эсеровская печать стала усиленно внушать своим читателям, что большевистский режим недолговечен, обречен на политическую изоляцию, абсолютно не подготовлен к государственной деятельности во всероссийском масштабе, а потому единственная возможность спасти Россию – это поддержать Учредительное собрание, после чего режим большевиков падет сам собой.[1]

Социалисты-революционеры попытались максимально использовать в своих интересах раскол в ЦК РСДРП(б) и выход десяти народных комиссаров из состава Совнаркома, расценив этот факт как начало агонии большевистского режима, и внушая массам, что это естественный результат самоизоляции большевиков.[2] Московская газета «Труд» откликнулась на это событие статьей О.С. Минора «Когда крысы бегут с корабля»,[3] а газета «Вперед» - статьей «Развал».[4]

И все же большая часть эсеров по отношению к большевикам была настроена более агрессивно.[5] Авторы журнала «Заря» объявляли большевизму борьбу «не на жизнь, а на смерть», признавали «право применять против Советской власти те же принципы и методы, которые считались правильными в борьбе с черным самодержавием».[6] Группа эсеров, выходцев из подполья, которую возглавлял Ф.М. Онипко, считала, что применяемых в борьбе с большевиками мер явно недостаточно и полагали, что только террор и уличные бои способны восстановить демократию. Для этого Онипко собирался убить сначала Ленина, а потом Троцкого. Но когда он обратился в ЦК эсеровской партии за одобрением, тот категорически отказался санкционировать его действия.[7] Впоследствии такая позиция ЦК дала повод народному социалисту Н.В. Чайковскому упрекнуть эсеров в том, что «их хватило на громкую фразу призыва к оружию, но не к действительной организации вооруженной борьбы, о которой они никогда серьезно не думали».[8]

---

[1] Там же. 4 ноября.
[2] Там же. 7 ноября.
[3] Труд. 1917. 7 ноября.
[4] Вперед. 1917. 7 ноября.
[5] Зензинов В.М. Указ. соч. С.95-96.
[6] Заря. 1921. №1. С.2.
[7] Архив русской революции. Т.13. С.48.
[8] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.51.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Социалисты-революционеры настойчиво искали поддержки у армии. [1] Под их давлением осудил взятие большевиками власти съезд крестьян – солдат Западного фронта. [2] Эсеровская газета «Труд» (Москва) 27 октября опубликовала воззвание «К солдатам», в котором извещала об образовании в Москве Комитета общественной безопасности и призывала не исполнять никаких приказов большевиков.[3] Лидеры партии Чернов и Авксентьев ездили в Ставку для зондирования ее настроений,[4] а военная комиссия при ЦК ПСР через свои военные организации делала попытки вызова с фронта офицеров и солдат, пыталась создавать «военные дружины национальных меньшинств».[5]

Необходимо отметить, что мнение армии действительно могло стать силой, способной склонить чашу весов в пользу антибольшевистской оппозиции, поэтому эсеровские газеты активно обращались к мнению армейских комитетов в пропагандистских целях. В ход шли и дезинформация о том, что большевистские полки сдаются без боя,[6] и попытки возбудить недоверие к власти большевиков в действующей армии.[7] Орган комитета эсеровской партии при Особой армии Юго-Западного фронта «Революционная неделя» обвинял большевиков во всех грехах – в насилии, в обещаниях дать немедленный мир после взятия власти, в стремлении «создать в деревне кулаков».[8] Но результаты были далеки от тех, на которые рассчитывали социалисты-революционеры.

В отличие от меньшевиков, эсеры более решительно стали создавать организации, противодействующие большевикам. 27 октября 1917 года в Петрограде образовался «Комитет Спасения Родины и Революции», во главе которого был правый эсер Н. Авксентьев. Военную работу комитета возглавлял и координировал эсер А. Гоц.[9] Комитет опубликовал «Воззвание к гражданам Российской республики», в котором недвусмысленно определил свои цели.[10] 28 октября он потребовал, чтобы большевики отказались от власти.[11] «Комитеты Спасения Родины и Революции» были созданы на Северном, Западном и Юго-Западном фронтах, куда во-

---

[1] Труд. 1917. 28 октября.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.47. Л.208, 209.
[3] Труд. 1917. 27 октября.
[4] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.56.
[5] См.: Непролетарские партии России. Урок истории. С.352.
[6] Труд. 1917. 29 октября.
[7] Революционная неделя. 1917. 10 ноября.
[8] Там же. 6 ноября.
[9] См.: Октябрьская революция: Вопросы и ответы. С.292-293.
[10] См.: Голинков Д.Л. Указ. соч. С.12.
[11] Революция 1917 года: Хроника событий. Т.6. С.14.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

шли представители командования, комиссары свергнутого Временного правительства, лидеры военных организаций меньшевиков и эсеров.[1] В Москве правые эсеры возглавили «Комитет общественной безопасности».[2] На наш взгляд, объективно оценивал попытки эсеров бороться с большевиками участник «Комитета Спасения Родины и Революции» народный социалист Игнатьев.[3]

ЦК партии эсеров с самого начала был против любых соглашений с большевиками.[4] В дальнейшем социалисты-революционеры и их пресса демонстрировала неустойчивость политической линии, ориентацию на сиюминутную выгоду тех или иных политических шагов или деклараций, метания от поддержки вооруженной борьбы до оправдания необходимости соглашения с большевиками. 28 октября было опубликовано обращение «Всем гражданским и военным организациям партии социалистов-революционеров», в котором предлагалось «оказать полнейшее содействие военным организациям, комиссарам и командному составу в деле окончательной ликвидации безумной затеи и объединения вокруг «Комитета Спасения Родины и Революции».[5] Когда начались переговоры левого крыла революционной демократии с большевиками при посредничестве Викжеля, эсеровская печать в момент наибольшего продвижения войск Керенского-Краснова активно публиковала материалы ультимативного характера.[6] 30 октября В. Сухомлин пытался обусловить соглашение с большевиками рядом условий[7], а газета «Воля народа» критиковала предложение Викжеля.[8]

После краха похода Керенского-Краснова эсеровская печать вынуждена была сделать резкий поворот в своей пропаганде, изменив и тон, и направленность своих публикаций.[9] И хотя эсеры подвергали саму идею соглашения с большевиками резкой критике, со страниц их печати постепенно исчезали призывы к немедленному вооруженному свержению большевиков. Позиция их газет в эти дни была крайне противоречивой, что являлось отражением борьбы внутри ЦК ПСР.[10] При этом часть эсеров не исключала в дальнейшем и соглашений с буржуазными пар-

---

[1] См.: Октябрьская революция: Вопросы и ответы. С.323-324.
[2] Исторический опыт трех российских революций. Т.3. С.274.
[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.52-53.
[4] Воля народа. 1917. 27 октября.
[5] Дело народа. 1917. 28 октября.
[6] Солдатский крик. 1917. 29 октября; Дело народа. 1917. 30 октября.
[7] Дело народа. 1917. 30 октября.
[8] Воля народа. 1917. 31 октября.
[9] Дело народа. 1917. 31 октября.
[10] Дело народа. 1917. 2 ноября, 3 ноября, Известия. 1917. 3 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тиями. [1] В дальнейшем эсеры, особенно правые, заняли в отношении переговоров сугубо негативную позицию.[2] После того, как надежды на соглашение рухнули, социалисты-революционеры пытались определить и новые ориентиры в борьбе с большевиками. [3] 5 ноября эти ориентиры были названы: «Большевизм должен умереть в силу его изоляции».[4]

26 ноября – 5 декабря 1917 года работал IV съезд партии эсеров, который попытался проанализировать причины столь удручающего положения их партии в российском обществе. Больше всего винили ЦК, его неумелое руководство, нерешительность, недальновидность, неспособность предотвратить раскол в партии (перед съездом ЦК исключил из партии левых эсеров). [5] Но соответствующих выводов не последовало и теперь. Съезд должен был наметить курс партии на последующий период. Уповая на Учредительное собрание, эсеры определенно высказывали мысль, что во имя этой идеи партия готова прибегнуть к террору.[6]

На втором съезде крестьянских депутатов, открывшемся 26 ноября, после ухода Ленина Чернов внес резолюцию, отвергавшую большевистский тезис о том, что признание власти Учредительного собрания равносильно отказу от власти Советов.[7] Но после того, как в начале декабря стали известны первые предварительные итоги выборов в Учредительное собрание в российской глубинке и численное превосходство эсеровской фракции стало очевидным, эсеровская печать стала подготавливать общественное мнение к тому, что в правительстве, организуемом Учредительным собранием, не будет ни большевиков, ни кадетов и других «представителей буржуазии». «Внутри Учредительного Собрания в известных пределах неизбежны соглашения и компромиссы, но «во вне» воля Учредительного Собрания должна проявляться уже как единая воля».[8] Тем самым рационалистически обосновывалась необходимость централизации власти в руках эсеров при соблюдении всех необходимых демократических процедур.

---

[1] Воля народа. 1917. 30 октября.
[2] Воля народа. 1917. 2 ноября; Краткий отчет о работе Четвертого съезда партии социалистов-революционеров. Пг., 1918. С.156.
[3] Воля народа. 1917. 3 ноября.
[4] Там же. 5 ноября.
[5] Краткий отчет о работе Четвертого съезда партии социалистов-революционеров. С.25, 78.
[6] Там же. С.3, 24.
[7] Дело народа. 1917. 3 декабря; Сборник документов «Революция 1917 года: Хроника событий» (Т.6. С.258) искажает смысл этой резолюции, утверждая, что эсеры требовали взять власть у Советов и передать ее Учредительному собранию.
[8] Дело народа, 1917. 6 декабря.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Послеоктябрьский период привел к расколу партии социалистов-революционеров. Четвертый съезд партии эсеров утвердил решение ЦК об исключении из партии всех, кто принимал участие в вооруженном перевороте и остался на Втором съезде Советов. Левые эсеры симпатизировали большевикам, разделяли их цели, но считали их несколько «нетерпеливыми». [1] Оценивая такую ситуацию в партии, правые эсеры писали, что возникшая после раскола партия левых эсеров «не вывела из рядов нашей партии крупных сил и выход из нее левых социалистов-революционеров не оказался для партии социалистов-революционеров опасным».[2]

В ходе переговоров с большевиками левые эсеры подписали составленное рядом демократических групп обращение к рабочим, солдатам и крестьянам под названием «Революция в опасности», в котором указывалось, что образованное II съездом Советов чисто большевистское правительство «не может встретить поддержки во всей организованной демократии», поэтому они обращались к обоим лагерям революционной демократии найти путь соглашения во имя создания однородно-демократической власти.[3] Несмотря на симпатии к большевикам, левые эсеры осудили их декрет о прессе.[4]

С 19 по 28 ноября в Петрограде проходил Первый съезд вновь образовавшейся партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Ее лидерами были М.А. Спиридонова, Б.Д. Камков, П.П. Прошьян, В.А. Карелин, а центральным печатным органом – газета «Знамя труда». Несмотря на то, что многие левоэсеровские лидеры отрицали необходимость вооруженного восстания, считая, что «можно бескровно сместить коалиционную власть»,[5] левые эсеры заявили о поддержке Советской власти. [6] Некоторые делегаты съезда предлагали разогнать Учредительное Собрание, если оно постановит распустить Советы и аннулирует Декрет о земле.[7] Но ни в одной резолюции съезда не упоминалось о «диктатуре пролетариата», ей противопоставлялась «диктатура демократии».[8]

Руководство партии социалистов-революционеров, в известной степени фетишизируя Учредительное собрание и критически оценивая возможность его самороспуска в случае утверждения конституционных основ Советской власти,

---

[1] Второй Всероссийский съезд Советов. М.-Л., 1928. С.26; Революция 1917 года: Хроника событий. Т.6. С.377.
[2] См.: Партийные известия. Издание ЦК ПСР. 1918. №5. Стб.5.
[3] Новая жизнь. 1917. 29 октября.
[4] Революция 1917 года: Хроника событий. Т.6. С.73.
[5] Протоколы Первого съезда Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918. С.40.
[6] Там же. С.89, 111.
[7] Там же. С.112-113.
[8] Там же. С.73.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

твердо стояло на том, что «только правильно-организованная и покоящаяся на строго-выборном начале демократическая государственность способна вывести русский народ и рабочий класс на широкий путь экономического и социального развития».[1]

С первых дней после событий октября 1917 года эсеры приступили к массированной агитационно-пропагандистской кампании по выборам в Учредительное собрание.[2] Была опубликована и избирательная платформа партии социалистов-революционеров.[3] Публикация своей избирательной платформы в дни, когда на улицах стреляли и боролись за власть, была выигрышным моментом в тактике эсеров и способствовала созданию образа «партии порядка, законности и справедливости». Наиболее активное участие в кампании по выборам в Учредительное собрание приняла эсеровская печать: «Дело народа», «Воля народа», «Простая газета» и другие органы печати. В борьбе за голоса избирателей, понимая, что преодолеть инертность (или как тогда выражались «абсентизм») большей части населения можно только эмоциональным накалом воззваний, эсеровские газеты состязались между собой в изобретении аргументов в пользу участия в выборах.[4]

Предвыборная кампания была, образно говоря, войной всех против всех. Эсеры, как и меньшевики, вели ее на два фронта: против левых (большевиков, левых эсеров, народных социалистов) и кадетов.[5] Впоследствии, как отмечали исследователи, в условиях неопределенности с созывом Учредительного собрания, «руководство партии социалистов-революционеров отказалось от идеи левого социалистического блока и согласилось действовать совместно с кадетами в интересах созыва Учредительного собрания во что бы то ни стало, невзирая на декреты и постановления Советского правительства».[6]

Предвыборные материалы эсеров носили ярко выраженную антибольшевистскую направленность. Эсеровской печатью активно внедрялась в массовое сознание мысль о том, что в России при большевиках нет ни легитимной власти, ни государства как таковых, а это чревато скорым крахом российской государственности.[7] Отсюда следовал вывод – нужно Россию строить заново.[1] Газета «Народ»

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.46. Л.231.
[2] Дело народа. 1917. 26 октября.
[3] Там же.
[4] Народное слово. 1917. 8 ноября; Дело народа. 1917. 12 ноября.
[5] Труд. 1917. 7 ноября, 18 ноября; Вперед! 1917. 17 ноября.
[6] Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания. // Вопросы истории. 1992. №1. С.5.
[7] Воля народа. 1917. 7 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

внесла свои коррективы в подобные оценки, акцентируя внимание на отсутствии реальной власти у ЦИК, вся роль которого, по мнению газеты, свелась к прикрытию фактической диктатуры Ленина и Троцкого, а потому советская власть – фикция.[2]

«Воля народа», опубликовав 4 ноября на первом месте лозунг «Вся власть Учредительному собранию!»,[3] поспешила дополнить его идеей создания нового центра власти.[4] Фактически это было стремление начать пропагандистскую кампанию в поддержку созыва в Петрограде по инициативе «Комитета Спасения Родины и Революции», Земского и Городского Собора. Эту кампанию поддержала и «Простая газета».[5] Но попытка его созвать окончилась неудачей и упоминания о нем исчезли со страниц газет.

11 ноября на страницах «Воли народа» в последний раз появилось воззвание «Комитета Спасения Родины и Революции», призывающее не признавать власть большевиков.[6] 12 ноября последовал призыв «Вся власть Учредительному собранию! Ни одного голоса большевикам, захвативших власть насилием и обманом, губящим Свободу и Революцию и предающим нас Германии».[7] А.А.Аргунов призывал не голосовать и за левых эсеров.[8]

Эсеровская печать в предвыборной агитации использовала самые разнообразные технологии. Так, «Простая газета для города и деревни», являвшейся фактически агитационно-пропагандистским органом ЦК ПСР, предпочитала подавать свои материалы в виде вопросов и ответов, причем сам материал был рассчитан на восприятие людей с минимальным образовательным уровнем. [9] Тот факт, что накануне выборов в Учредительное собрание эсеры наладили выпуск специальной агитационно-пропагандистской газеты, свидетельствует о понимании руководством партии социалистов-революционеров важности борьбы за овладение массовым политическим сознанием, прежде всего в тех социальных слоях, где популярностью пользовались большевики. Выразительный и емкий манифест поместила 12 ноября газета «За свободу» («Голос солдата»).[10]

---

[1] Там же. 8 ноября.
[2] Народ. 1917. 8 ноября.
[3] Воля народа. 1917. 4 ноября.
[4] Там же. 1917. 9 ноября.
[5] Простая газета. 1917. 9 ноября.
[6] Воля народа. 1917. 11 ноября.
[7] Там же. 12 ноября.
[8] Там же. 10 ноября.
[9] Простая газета. 1917. 8 ноября, 9 ноября.
[10] За свободу! 1917. 12 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Обвинения большевиков в плагиате был одним из приемов эсеров в предвыборной борьбе.[1] Весьма интересным приемом, используемым эсеровской прессой, было преподнесение основных большевистских постулатов «от противного».[2] Некоторые эсеровские газеты при разъяснении задач, стоящих перед Учредительным собранием, оперировали выдержками из своих программных документов, приписывая будущему составу Учредительного собрания именно свое доктринальное видение разрешения той или иной проблемы, при этом особо подчеркивая отличие своего взгляда на проблему от взглядов большевиков.[3]

Эсеры оперативно реагировали на изменение политической ситуации в стране.[4] Тем самым любые действия большевиков, направленные на отсрочку созыва Учредительного собрания, заранее представлялись как результат страха перед народным волеизъявлением – большевиков вынуждали действовать в русле развития событий, предопределенного намеченным на 28 ноября открытием Учредительного собрания. (Однако сам факт подобных настроений у Ленина в тот период подтверждал впоследствии Троцкий).[5]

В конце ноября эсеры почувствовали усиление влияния большевистской контрпропаганды против Учредительного собрания, особенно в армии и в деревне. Редактор «Простой газеты» А. Турба направил в ЦК ПСР письмо, в котором, считая необходимым бороться с разлагающим влиянием большевистской газеты «Деревенская беднота», распространяемой в огромном количестве по деревням, решил в противовес ей рассылать бесплатно «Простую газету». Ввиду отсутствия у редакции необходимых для этих целей средств, он просит у ЦК открыть кредит.[6] Но у ЦК ПСР свободных средств не оказалось.

Эсеровская печать связывала развитие событий по выборам в Учредительное собрание с армией и, как следствие, с возможностью развязывания гражданской войны.[7] Демонстрируя антибольшевистские настроения армейских комитетов, эсеровская пресса недвусмысленно давала понять, что армия в случае конфликта поддержит Учредительное собрание. Одновременно редакции многих газет обращали внимание читателей на возникновение первых локальных очагов вооруженного сопротивления большевикам. Тем самым массовому сознанию преподноси-

---

[1] Дело народа. 1917. 29 октября; Труд. 1917. 14 ноября.
[2] Простая газета. 1917. 21 ноября.
[3] Дело народа. 1917. 12 ноября.
[4] Простая газета. 1917. 14 ноября.
[5] См.: Правда. 1924. 20 апреля.
[6] ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.41. Л.26.
[7] Воля народа. 1917. 19 ноября; Труд. 1917. 18 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лась дилемма: или Учредительное собрание, или всероссийская гражданская война.[1]

Триумфально для партии социалистов-революционеров закончились выборы в Учредительное собрание. По России эсеры получили 40,4% голосов,[2] в действующей армии – 40,7%.[3] Успех эсеров на выборах примечателен тем, что это была массовая поддержка центристской примирительной линии.

В ситуации, когда срок созыва Учредительного собрания был неопределен, 23 ноября 1917 года под руководством правого эсера В.Н.Филипповского, был создан «Союз защиты Учредительного собрания»,[4] который также начал пропагандистскую кампанию. Он издавал и распространял сотни тысяч экземпляров газет и брошюр,[5] в которых разъяснялось, почему Собрание не было антисоветским и почему оно одно могло и имело право даровать стране конституцию. Подготовка эсеров к созыву Учредительного собрания велась по многим направлениям. ЦК ПСР совместно с бюро эсеровской фракции образовал 15 комиссий для разработки проектов законов.[6] На заседании ЦК ПСР в декабре 1917 года были приняты решения об организации «литературной кампании в защиту Учредительного собрания».[7]

Основной задачей партии в данный момент было давление на большевиков для созыва Учредительного собрания во что бы то ни стало. [8] Начавшаяся в большевистской печати кампания против Учредительного собрания заставила эсеров публично выступать с предостережениями в адрес большевистского руководства. [9] Но были и попытки компромисса.[10] Последняя агитационно-пропагандистская кампания была проведена эсеровской печатью накануне открытия Учредительного собрания, когда «Дело народа» призывало жителей Петрограда и Москвы на мирные демонстрации в поддержку Учредительного собрания.[11] Эсеровское руководство не исключало и развития событий по более жесткой схеме. В резолюции ЦК ПСР от 19 декабря говорилось: «Разгон Учредительного собрания сделает неиз-

---

[1] Дело народа. 1917. 22 ноября.
[2] Протасов Л.Г. Указ. соч. С.13.
[3] Там же.
[4] См.: Голинков Д.А. Указ. соч. С.18.
[5] Рубинштейн Н. Большевики и Учредительное собрание. М., 1938. С.76.
[6] Соловьев О.Ф. Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 – июль 1918). М., 1967. С.91.
[7] Сивохина Т.А. Крах мелкобуржуазной оппозиции. Л., 1973. С.97.
[8] Соловьев О.Ф. Великий Октябрь и его противники. С.90; Воля народа. 1917. 1 декабря, 10 декабря.
[9] Дело народа. 1917. 17 декабря, 23 декабря.
[10] Там же. 21 декабря.
[11] Дело народа. 1918. 3 января.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

бежной гражданскую войну за Учредительное собрание – партия эту войну принимает».[1] 29 декабря ЦК принял решение об организации крестьянского ополчения под руководством партии эсеров.[2]

Нельзя пройти мимо мнения активного участника описываемых событий – члена ПСР Б.А. Бабиной, которая имела возможность вернуться к их осмыслению спустя много лет, уже в начале 80-х годов: « Разгон Учредительного собрания большевиками 5 января 1918 года мы восприняли как позор, хотя было понятно, что момент упущен. Советы уже закрылись, и Учредительное собрание популярность потеряло. А что делать? Революция идет своим шагом».[3]

Как и меньшевики, эсеры по-прежнему считали вопросы войны и мира одними из важнейших в своей деятельности. Правые эсеры отрицали способность Советской власти организовать надежную оборону страны от внешнего врага. Поставить на реальную почву защиту страны, утверждали они, можно только путем восстановления действительного государственного аппарата.[4] «Простая газета» 1 декабря убеждала читателей, что «широкие круги в Германии сомневаются в правомочности русских вести переговоры о перемирии и мире и ждут Учредительного собрания для того, чтобы перейти к настоящим (правомочным) переговорам».[5] Резко негативную реакцию эсеровской печати вызвало заявление немецкой делегации на переговорах в Бресте по поводу судьбы Польши, Литвы и Курляндии.[6] Итог длительной газетной антибрестовской кампании подвела в конце декабря газета «Дело народа» в статье «Вместо сепаратного мира – сепаратная война».[7] Неосведомленные о закулисном положении дел в мирных переговорах, очень радикальные речи о войне и мире говорили левые эсеры. Один из их лидеров Камков призывал к «борьбе до конца, до победы русской революции над германским империализмом».[8]

Октябрьский переворот народные социалисты встретили враждебно. Они, для которых главным была «не классовая борьба, а интересы человеческой личности как таковой», не могли примириться с «пролетарской диктатурой», классовым террором как «революционной целесообразностью». Эта позиция предопределила

---

[1] Партийные известия. Издание ЦК ПСР. 1918. №5. Стб.6.
[2] Там же.
[3] РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2572. Л.59.
[4] См.: Социалист-революционер. 1918. №1-2. С.7; Воля народа. 1917. 17 ноября.
[5] Простая газета. 1917. 1 декабря.
[6] Воля народа. 1917. 20 декабря.
[7] Дело народа. 1917. 22 декабря.
[8] Архив русской революции. Т.20. С.131.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

поведение энесов: «Никакого согласия с партией большевиков, никакого участия в административной власти»,[1] для чего «должны объединиться все интеллигентные демократические силы». [2] По мнению одного из их виднейших представителей С.Мельгунова, вся революционная демократия России стремится лишь «снять с себя ответственность за происходящее, быть на «страже революции».[3]

Народные социалисты с самого начала крайне отрицательно отнеслись ко всем попыткам наладить диалог с большевиками, настраивая соответствующим образом общественное мнение, [4] представляя даже Викжель явным сообщником большевиков.[5] Газета «Народное слово», орган бюро Трудовой народно-социалистической партии, не участвуя в переговорах с большевиками, пыталась в эти дни занять позицию арбитра в межпартийных и межфракционных спорах. [6] Сами энесы всегда оперативно подключались к любой справедливой кампании, участвующей в критике большевиков.[7] Энесы приняли активное участие в подготовке к выборам в Учредительное собрание. По докладу Мякотина съезд ТНСП определил тактику и программу энесов. В ней, в частности, говорилось: «.... Не человек существует для государства, а государство должно существовать для человека, для удовлетворения его нужд».[8]

Народные социалисты старались отделить в общественном сознании большевиков и их органы власти от любого (даже косвенного) технического участия в созыве Учредительного собрания, подчеркивая легитимность и независимость Комиссии по выборам. [9] Начиная с 8 ноября, главной темой их печати становится Учредительное собрание, которое противопоставляется большевикам и их власти.[10] Зачастую народные социалисты явно выдавали желаемое за действительность.[11] Публикацию агитационно-пропагандистских материалов в Петрограде энесы продолжали до последних дней выборов.[12]

Анархисты принимали активное участие в октябрьских событиях 1917 года на стороне большевиков в качестве боевой и разрушительной силы против бур-

---

[1] Вопросы истории. 1993. №1. С.113.
[2] Известия Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. 17 ноября.
[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.51.
[4] Народное слово. 1917. 28 октября, 29 октября.
[5] Там же. 3 ноября.
[6] Там же.
[7] Там же. 22 ноября.
[8] ГА РФ. Ф.1810. Оп.1. Д.10. Л.260.
[9] Трудовое слово. 1917. 15 ноября.
[10] Народное слово. 1917. 8 ноября.
[11] Товарищ. 1917. 28 ноября.
[12] Трудовое слово. 1917. 14 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

жуазии. Но этот союз был недолговечен, ибо появление анархических настроений среди деклассированных элементов городского населения, части рабочих и военнослужащих представляло значительную опасность для претворения в жизнь большевистских планов государственного строительства. В ход пошли все методы дискредитации анархистов: от обвинения их в поддержке «буржуазных контрреволюционеров», в организации «пьяных погромов» до попыток формирования собственных вооруженных отрядов («очагов анархо-бандитизма»). В ответ на эти действия большевиков лидеры анархизма (В.М.Волин, Г.П. Максимов, братья В.Л. и А.Л. Гордины) разработали концепцию «третьей революции в России», которая, по их представлению, должна была привести к безвластному коммунистическому обществу.[1]

Главные представители российского либерализма – кадеты – встретили октябрьский переворот крайне негативно. В воззвании к населению, опубликованном 27 октября, ЦК кадетской партии, обвинив большевиков в мятеже, призвал всех не признавать нового правительства и выступить против него.[2] Кадеты решили использовать против большевиков военные и невоенные, мирные и немирные средства, отдавая предпочтение вооруженной борьбе. [3] Такая тактика была определена 26 октября на заседании их Центрального комитета.

Но конституционные демократы не исключали и парламентских, легитимных форм борьбы. [4] Часть кадетской партии ранее пришла к выводу о несвоевременности созыва Учредительного собрания в условиях «развернувшейся анархии» и отсутствия парламентских традиций в России. Поэтому уже летом 1917 года они выдвигают тезис о том, что необходимо «подморозить» расползание страны в анархии и «дотащить страну до Учредительного собрания». Кадеты понимали, что «вне парламента, вне конституционного строя они все теряли, как это показал 1917 год».[5] Поэтому литературно-издательская комиссия при ЦК кадетской партии не только активнейшим образом пропагандировала партийные взгляды в своей печати, но и обильно снабжала провинциальные газеты статьями антибольшевистского характера. [6] Конституционные демократы систематически подчеркивали важность

---

[1] См.: Анархисты. Родина. 1993. №5-6. С.74; Наш современник. 1997. №11. С.203.
[2] Вестник партии народной свободы. 1917. №24-25. С.24.
[3] Последние новости (Париж). 1925. 18 января.
[4] Русские ведомости. 1917. 13 октября.
[5] Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. // Иллюстрированная Россия (Париж). 1936. 24 октября.
[6] Вестник партии народной свободы. 1918. №1. С.17.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Учредительного собрания в решении насущных для России проблем. [1] С призывом дружно сплотиться ради защиты Учредительного собрания к читателям неоднократно обращалась и газета «Век» («Речь»).[2]

С кадетской печатью были значительные сложности, ибо партия была фактически объявлена вне закона. Кроме основных партийных газет, периодически меняющих свои названия, широко использовалась печатная трибуна газет, еще не запрещенных большевиками. Усилиями А.С. Изгоева и А.В. Тырковой удалось выпустить три номера газеты «Борьба». [3] Наряду с призывом голосовать за список партии народной свободы, газеты призывали голосовать против социалистических партий, которые «рука об руку с большевиками сеяли ветер лживых обещаний».[4] Газета «Наш век» 3 декабря, обращаясь к эсерам, констатировала, что вопрос за Учредительное собрание или против него «можно перефразировать так: за эсеров или за большевиков». [5] Этим кадеты давали понять, что при жесткой антибольшевистской позиции, конституционные демократы признают право эсеров на власть и поддержат их правительство. Усиление в этот период правого крыла эсеров давало кадетам все основания для уверенности именно в таком развитии событий.

Либерально-демократические газеты были практически солидарны в оценках характера происходящих событий с правосоциалистической прессой. [6] Газеты конституционных демократов также включились в кампанию по дискредитации новой власти, но гораздо осторожнее, памятуя о борьбе за выживание в ноябре. Так, петроградская газета «Наш век» 9 декабря поместила заметку «Усовершенствованная гильотина», в которой со ссылкой на бульварную «Петроградскую вечернюю почту» сообщила, что некий инженер Брюм представил в Смольный проект усовершенствованной гильотины, которая приводится в действие электрическим током и рассчитана на единовременное обезглавливание 500 человек. Выводы из этой заметки каждый, кто хоть немного был знаком с мировой историей, мог сделать сам.[7]

Еще с декабря 1917 года кадеты внимательно следили за развитием белого движения на Дону, преподнося читателям (иногда – завуалированно, иногда – вполне откровенно) образ рыцаря «без страха и упрека». Одновременно пропагандировалась идея сильной власти, под которой подразумевалось авторитарное прав-

---

[1] Вечерний курьер. 1917. 11 ноября.
[2] См., например. Век (Речь). 1917. 24 ноября.
[3] Борьба. 1917. 10 ноября.
[4] Борьба. 1917. 10 ноября; Русские ведомости. 1917. 18 ноября.
[5] Наш век. 1917. 3 декабря.
[6] Русские ведомости. 1917. 8 ноября, 10 ноября, 17 ноября; Утро России. 1917. 16 ноября.
[7] Наш век. 1917. 9 декабря.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ление. «Русские ведомости» 24 декабря 1917 года поместили статью «На Дону» в защиту «оклеветанного» генерала Каледина.[1] Кадетская же масса по отношению к Учредительному собранию пребывала в гипнотической надежде на чудо.[2]

Либерально-демократические газеты, которым удалось выйти в середине ноября, поспешили прокомментировать и начало сепаратных переговоров.[3] «Утренние ведомости» в передовой статье «Предательство» 16 ноября обвинили большевиков в том, что они своими попытками заключить сепаратное перемирие (а затем – мир) с немцами пытаются упредить волю Учредительного собрания.[4]

Представители правых партий, вполне естественно, крайне негативно встретили события октября 1917 года. В частности В. Шульгин высказывал такое мнение: «Царская Россия за десять лет Государственной думы достигла невероятной политической свободы… Диктатура пролетариата отбросила нас примерно ко временам Иоанна Грозного».[5]

Около девяти десятилетий отделяют нас от рокового 1917 года. Все это время миллионы людей славили Октябрьскую революцию и проклинали октябрьский переворот. Во многом массовое политическое сознание различных социальных групп населения России зависело от оценок этого события людьми, занимающими видное место в общественной жизни России.

Крайне неприязненно встретила события конца октября 1917 года российская либеральная интеллигенция. Известнейший русский философ Н.Бердяев усматривал связь этих событий, хаос и анархию с разложением войны и разложением армии. [6] Как отмечал философ, антинациональная по своему характеру, русская революция «превратила Россию в бездыханный труп», «в революции раскрылась все та же старая вечногоголевская Россия, нечеловеческая, полузвериная Россия харь и морд», «повсюду маски и двойники, гримасы и клочья человека», это было «историческое самоубийство русского народа».[7] При этом, по словам Н. Бердяева, для русского народного сознания «большевизм был русской народной революцией, разливом буйной народной стихии, тогда как коммунизм ассоциировался в сознании масс как чужеродная западная сила, стремившаяся навязать народу новое иго,

---

[1] Русские ведомости. 1917. 24 декабря.
[2] ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.370. Л.68-69.
[3] Наша речь. 1917. 16 ноября.
[4] Утренние ведомости. 1917. 16 ноября.
[5] Наш современник. 1997. №11. С.143.
[6] Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 112,114.
[7] Из глубины. С.55, 60, 61,82.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

наложить на революционную народную стихию «гнет деспотической организации».[1]

С Н. Бердяевым солидарен в некоторой степени П. Сорокин.[2] Однако С. Франк подчеркивал при этом, что большевистская революция была «произведена мужиком, который никогда, даже в апогее своего безумия, в 17-18 годах, не был социалистом».[3] В.Розанова неприятно удивила быстрота, с которой разрушились все устои России.[4]

Историк А.А. Керсновский пришел к выводу, что «октябрь неотделим от февраля в календаре русской революции совершенно так же, как неотделим в календаре природы. Это два звена одной непрерывной цепи, озноб и язва одной и той же чумы».[5] П.Б. Струве, как и многие его современники, считал, что революция закончилась «разрушением и деградацией всех сил народа, материальных и духовных».[6] Как и многим ученым, писателям, историкам, ему оставалось только поражаться, как великий народ позволил так экспериментировать над своей судьбой.[7] Значительная часть российской интеллигенции искала в октябрьском перевороте нечто мистическое.[8] Более категорично по горячим следам оценивал события философ князь Е.Н. Трубецкой.[9]

Во многих оценках событий интеллектуальная мука и душевная боль за эксперименты над Россией.[10] Жестко и бескомпромиссно судил об этом эксперименте М. Горький.[11] Большой общественный резонанс получило его обращение «К демократии», опубликованное 7 ноября на страницах газеты «Новая жизнь» и 9 ноября перепечатанное московской газетой «Вперед!».[12] Несмотря на симпатии к большевикам, Ленину, и считая максимализм пагубным для России, А.М. Горький рассуждал: «Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта.... Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают

---

[1] Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. С.109.
[2] Новый мир. 1992. №5. С.161.
[3] Франк С.Л. Из размышлений о русской революции. С.251.
[4] Наш современник. 1997. №11. С.203.
[5] Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.327.
[6] Струве П.Б. Прошлое, настоящее, будущее. // Русская мысль. 1922. Кн.I-II. С.223; Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952. С.7.
[7] Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921. С.19.
[8] Ильин И.А. Русские писатели, литература и художество. Вашингтон, 1963. С.196; Российский военный сборник. №9. С.10-11.
[9] Трубецкой Е.Н. Письмо к А.Ф. Кони 1 ноября 1917 г. // Новый мир. 1990. №7. С.229.
[10] Соломон Г.А. Среди красных вождей. Париж, 1939. Т.1. С.83.
[11] Горький М. Несвоевременные мысли. Париж, 1971. С. 102, 113; Новая жизнь. 1917. 7 ноября.
[12] Новая жизнь. 1917. 7 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ее на жертву своей грезе о всемирной европейской революции».[1] И, наконец, 5 января 1918 года «Новая жизнь» публикует очередные «несвоевременные» мысли Горького: «...в нашей стране нет должных условий для введения социализма и...правительство Смольного относится к русскому рабочему, как к хворосту: оно зажигает хворост для того, чтобы попробовать – не загорится ли от русского костра общеевропейская революция?»[2] При этом с приходом к власти большевиков очевидцами отмечается двуличность, особая химерическая жизнь в стране.[3]

Отдельные деятели культуры заранее предсказывали пришествие большевиков. М. Пришвин подметил в дневнике в ноябре 1917 года: «Движение началось с первых дней революции, и победа большевиков была уже тогда предрешена».[4] А. Блок считал, что в приходе большевиков к власти виноваты все и «стыдно сейчас ухмыляться, плакать, ломать руки над страной, над которой пролетает революционный циклон».[5] Писатель Иван Бунин пытался сосредоточить внимание граждан России исключительно на разрушительной миссии большевизма: « .... Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?».[6]

Свергнутая власть не смирилась с поражением, она была просто деморализована и разобщена. Через три дня после переворота прозвучал последний сдавленный крик отчаяния Предпарламента.[7] Массовое политическое сознание далеко не сразу восприняло большевиков всерьез. Архивы хранят немало послеоктябрьских поношений в адрес Ленина – иные в хлестко-матерной стихотворной форме.[8] Но следует учитывать, что русский мат чаще отражает не готовность к агрессии, а, напротив, аффектированное бессилие. Послания отражают скорее глумливую разнузданность своего времени, нежели способность к противостоянию большевистской власти. Последнюю такого рода послания вряд ли беспокоили, во всяком случае ожесточения в верхах они не вызвали.

---

[1] Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1991. С.87.
[2] Там же. С.108.
[3] См.: Степун Ф.А. Мысли о России. Новый мир. 1991. №6. С.215; Шаляпин Ф.И. Маска и душа. М., 1989. С.218-219.
[4] Наш современник. 1997. №11. С.203.
[5] Там же.
[6] Черная книга коммунизма. С.29.
[7] РГАСПИ. Ф.325. Оп.1. Д.11. Л.11.
[8] См.: Неизвестная Россия. XX век. Т.IV. М., 1993. С.388-389.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Внимательные наблюдатели отмечали, что за Временным правительством никто не шел,[1] и к концу октября «утомленное революцией» население даже почувствовало какое-то удовлетворение от большевистского переворота.[2] Люди проницательные, пытаясь разглядеть будущее, исходили не из партийных программ, а пытались уловить нечто более основательное. А, между тем, в столице распространилось настроение, которое называли «тоска по городовому».[3] В интеллигентской среде обнаруживались симптомы будущей «смены вех». [4] Такое движение народа к большевизму можно объяснить наличием в этой партии уверенных людей. Вероятно, «несостоявшийся гражданин» в поиске определенности в хаосе непонятной политики попросту ждал привычно-грубого властного окрика.[5]

Очень своеобразным было отношение народных масс к лозунгу «Вся власть Советам» как, по свидетельству Мартова, «к примитивной идее господства местных рабочих или местных крестьян над данной территорией».[6] Многие рабочие ожидали от власти «чуда», совершить которое она была просто обязана. Характерен эпизод с появлением после Октября в Петроградской думе делегации путиловцев, требовавших прекращения гражданской войны. «К черту Ленина и Чернова! Повесить их обоих.... Мы говорим вам: положите конец разрухе. Иначе мы с вами рассчитаемся сами!» - заявил молодой рабочий.[7]

Не признал новой власти Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов, заявивший, что он «не признает большевистскую власть государственной властью» и призвал крестьян и армию не подчиняться образованному на II съезде Советов СНК.[8] Но массовое политическое сознание основной части крестьянства, по-видимому, разрывалось между идеалом безвластия (известный феномен «крестьянских республик») и признанием необходимости не очень «дурной» городской власти.[9] Подобные колебания естественно завершились приходом такой власти, которая жестокостью своего насилия могла превзойти крестьянское самоуправство. По мнению В. Булдакова, вождя «пролетарской революции» крестьяне

---

[1] См.: Станкевич В.Б. Указ. соч. С.151.
[2] Архив Русской революции. Т.XIV. С.23; Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М., 1981. С.288-289.
[3] Современное дело. 1917. 16 ноября.
[4] Свобода и жизнь. 1917. 27 ноября.
[5] Питер. 1917. 17 декабря.
[6] Новый луч. 1918. 18 января.
[7] Архив Русской Революции. Т.8. С.49.
[8] См.: Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1995. С.378.
[9] См.: Махно Н. Воспоминания. М., 1992. С.52.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

готовы были зауважать за потворствование «черному переделу». Они уже теперь принимали террористический характер властвования.[1]

И такая черта массового политического сознания населения страны была подмечена современниками, как разлитая повсюду безбрежная ненависть – и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже к неодушевленным предметам – признакам некоторой культуры, чуждой или недоступной толпе. Ненависть с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала в окно вагона «буржуя», разбивала череп начальнику станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек. Психология толпы не обнаруживала никакого стремления подняться до более высоких форм жизни: царило одно желание – захватить или уничтожить. Не подняться, а принизить до себя все, что так или иначе выделялось. Сплошная апология невежества.[2]

Не приняли советского выбора и национальные окраины России: в первую очередь Финляндия, Польша, Прибалтика, Молдавия. Кавказ, где шла сложная борьба за самоопределение, также не признал Советской власти. Здесь рядом соседствовали и зеленое знамя ислама, и знамя буржуазной демократии. Лозунг Советской власти поддерживало русскоязычное население. На Украине советский выбор нашел поддержку в промышленных центрах. Однако в большинстве украинских районов Советскую власть в русском варианте не приняли и начали создавать национальные органы власти – Рады (Советы). Власть перешла к Центральной Раде, которая заявила о независимости Украинской народной республики от Советской России и приняла решение объединить Юго-Западный и Румынский фронты в единый Украинский фронт. Началась открытая война Советской России против Украины. В феврале 1918 года была провозглашена Советская власть на Украине, но вмешательство Германии поставило у власти режим гетмана Скоропадского. Сходные процессы, но в более мягкой форме, происходили в Белоруссии, которая также стремилась к независимому развитию. Начался полный распад страны.

После победы большевиков, по воспоминаниям инженера В.А.Ауэрбаха, «часть населения праздновала победу, другая полагала, что всякая развязка лучше затяжного кризиса, третья – отупев от беспокойного житья в «свободной России»,

---

[1] См.: Булдаков В. Красная смута. С.114.
[2] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.147-148.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

впала в равнодушное безразличие…на реакцию некоторых фронтовых частей возлагались определенные надежды и тем более сильные, чем явственнее обнаруживалась немощь обленившегося и распустившегося столичного гарнизона и неподготовленность рабочей красной гвардии».[1] Но поступавшие с фронта сведения придавали больше уверенности, что организовать военную силу, которая бы сбросила большевиков, не удастся.[2] Формирование массового политического сознания и его воздействие на деятельность различных слоев населения проходило в условиях, когда, по наблюдениям В.И. Гурко, «большевиков никто не желает видеть у власти…и большинство политических партий почти в равной мере вообще никому не желает вручить власть, кроме как самим себе.»[3]

В массовом политическом сознании оппозиционной большевикам части населения России значимую роль играла идея создания альтернативного большевикам центра власти. Сначала им был призван стать новый орган с пышным названием «Комитет Спасения Родины и Революции». Руководство комитета создало и военный штаб во главе с полковником Г.П.Полковниковым, бывшим начальником Петроградского военного округа.[4] 27 ноября Комитет выпустил воззвание «Гражданам Российской Республики!».[5]

«Комитет Спасения Родины и Революции» всеми правдами и неправдами издавал свою газету «Голос солдата», которая продолжала выходить и в ноябре 1917 года. Достаточно острой проблемой было ее распространение, особенно в армии, для которой газета и была создана. Было решено призвать для распространения газеты добровольцев, а посылку ее в армию организовать через армейские комитеты. Выпускалась газета и «За Родину и Революцию», первый и единственный номер которой включал воззвание «К солдатам», где красной нитью проходил прямой призыв к неподчинению.[6] У автора есть основания сделать вывод, что не все современники относились к «Комитету Спасения Родины и Революции» достаточно благожелательно.[7] Н.Н.Головин даже в самом названии Комитета видел партийное доктринерство: «Создатели не понимали, что «спасать революцию» можно только с большевиками, «спасать Родину» - только посредством контрреволюции».[8]

---

[1] Архив Русской революции. Т.16. С.49-50.
[2] См.: Социалистический вестник. 1960. №6. С.119-120.
[3] Архив Русской революции. Т.15. С.8.
[4] Октябрьская революция: вопросы и ответы С.294.
[5] Голос солдата. 1917. 27 октября.
[6] За Родину и Революцию. 1917. 29 октября.
[7] См.: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.146.
[8] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.36.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Несмотря на то, что неясность и неудачливость конкретных планов борьбы с большевиками усиливали пассивные течения, стремящиеся вернуться к прежней политике только пассивного сопротивления или даже просто выжидания,[1] идея создания альтернативных большевикам центров власти по-прежнему оставалась актуальной для оппозиционного движения. Одна из групп, вначале именовавшаяся по числу составлявших ее лиц «девяткой», а впоследствии шедшая под наименованием правого центра во главе с профессором Новгородцевым, предлагала связаться с военными кругами и при их помощи создать силу, способную свергнуть большевиков.[2] Эта идея была близка к реализации уже в середине ноября, когда на совещании армейских комитетов и представителей «революционной демократии» в Ставке едва не было создано правительство во главе с В.М.Черновым, но действия Викжеля, отозвавшего своих представителей, блокировало и эту попытку.[3]

Массовое политическое сознание оперативно реагировало на все властные решения большевистской власти. Особенно яростную критику вызвали решения властей по ограничению свободы прессы.[4] 26 ноября 1917 года «Союз Русских писателей» выпустил одноразовую газету, названную «Газета-протест», на страницах которой крупнейшие русские литераторы различных общественных групп излили свой гнев по поводу этой беспрецедентной попытки подавить свободу слова, подвергли нелицеприятной критике антидемократическую сущность ленинского декрета, практические действия Советской власти по ликвидации несогласной с большевистским режимом прессы и выдвигали требования восстановить свободу печати в стране.[5] В.Г. Короленко писал, что, читая ленинский указ, «краснел от стыда и возмущения».[6] Однако Ленин и его сторонники продолжали ожесточенную борьбу против небольшевистской прессы.

Конец 1917 – начало 1918 года, по мнению ряда исследователей, были ознаменованы отсутствием какого-либо серьезного противодействия новому режиму,[7] но даже на Учредительном собрании раздавались голоса: «И Ленину пуля, если обманет!».[8]

---

[1] См.: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.156.
[2] Архив Русской Революции. Т.15. С.10.
[3] См.: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.155.
[4] Суханов Н.Н. Указ. соч. М., 1992. Т.3. Кн.5, 6, 7. С.346, 366; В.Г. Короленко в годы революции и гражданской войны 1917 – 1921. С.65-66; Гиппиус З.Н. Синяя книга: Петербургский дневник. Белград, 1929. С.222.
[5] Казанское слово. 1917. 1 декабря.
[6] Газета-протест Союза русских писателей. 1917. 26 ноября.
[7] См.: Черная книга коммунизма. С.84.
[8] См.: Октябрьский переворот. С.345.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Анализ архивных и других источников показывает, что агитация и пропаганда являлись ведущими направлениями участия оппозиционной печати в борьбе за влияние на массовое политическое сознание, с помощью которой обеспечивалась непосредственная связь оппозиции с массами и осуществлялся «вброс» в массовое сознание политических идей. Конечной ее целью было максимальное расширение социальной поддержки, а в случае успехов на выборах – увеличение числа мест в Учредительном собрании.

Оппозиционная печать выступала главным инструментом формирования общественного мнения. Многочисленные газеты, особенно либерального направления, к 1917 году имели свою сложную читательскую аудиторию, которая сформировалась скорее не по горизонтальному, а по вертикальному принципу, пронизывая все классы и сословия. Влияние периодической печати на формирование общественного мнения было огромным, тем более, что в состав редакционных советов и редакционных комитетов многих газет входили известные общественные деятели, писатели и публицисты, имена которых были известны всей читающей России. Многие из московских и петроградских газет имели тиражи в сто и более тысяч экземпляров. [1] Все это делало периодическую печать важным инструментом политической борьбы, особенно накануне первых в истории России демократических выборов.

Если непосредственная агитация и пропаганда были рассчитаны на сиюминутный эффект и исходили из данной конкретной ситуации, то формирование общественного мнения было гораздо более тонким и углубленным процессом влияния на массовое сознание, рассчитанным на формирование устойчивых стереотипов восприятия, причем не напрямую, а опосредованно – через статьи критического и аналитического характера. Этот процесс предполагал и обратную связь – в виде писем читателей в редакции, что позволяло учитывать и некоторые индивидуальные особенности восприятия тех или иных материалов, корректировать тон, характер, направленность публикуемых статей. В этом смысле оппозиционная периодическая печать служила посредником между политической оппозицией и оппозиционно настроенными слоями и группами населения. И хотя письма читателей публиковались в то время на страницах газет довольно редко, их содержание ста-

[1] Лебедев Д. Шесть лет московской печати. 1917 – 1923. М., 1924. С.11; Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С.76; ГА РФ. Ф.9591. Оп.1. Д.43. Л.4.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

новилось известным руководящим деятелям оппозиционных партий, многие из которых входили в редколлегии партийных газет.

Формирование общественного мнения представляло особый процесс, жестко заданный идеологическими установками тех партий, организаций или групп, чьи взгляды и интересы выражало данное издание, что, однако, не исключало известной свободы в выборе тем. Поэтому ориентиры при формировании общественного мнения у различных оппозиционных газет были неодинаковыми.

Ассоциации между властью большевиков и самодержавием были излюбленной темой оппозиционной прессы.[1] В подобного рода материалах действительные факты нередко сопровождались нелепым вымыслом и слухами – отличить правду от вымысла неподготовленному читателю было трудно. Как прямую антибольшевистскую агитацию можно расценить опубликованное в «Деле народа» и других газетах письмо А.Ф. Керенского к народу.[2] Оппозиционная печать всячески подчеркивала лживость обещаний большевиков и их стремление развязать гражданскую войну.[3] Особое место на страницах оппозиционной печати занимали публикации антибольшевистских резолюций собраний и митингов, а также опубликованные письма известных общественных деятелей или участников революционного движения с протестами против репрессивных акций или тех или иных аспектов проводимой большевиками политики.[4] Подобные публикации можно рассматривать как «моральное» давление на новую власть, однако подобные приемы встречали активное противодействие руководства большевиков. По-видимому, часть рабочих соглашалась на большевистский переворот как своего рода гарантию того, что в новых условиях им будет проще сформировать подобие «своей» власти. 4 ноября газета «Новая жизнь» опубликовала письма двух большевиков – Б.Н. Файн и С.А. Лозовского, в которых выражалось несогласие с проводимой большевиками политикой и их непримиримой позицией в вопросе о соглашении.[5] В.И. Ленин, должным образом оценив эту угрозу, настоял на немедленном исключении Лозовского из большевистской партии.[6]

Ставший общеизвестным раскол в руководстве партии большевиков, предоставил возможность оппозиции использовать разногласия членов ЦК РСДРП(б) в

---

[1] Искры. 1917. 28 октября; Окунев Н.П. Дневник москвича (1917 – 1924). Париж, 1990. С.111.
[2] Дело народа. 1917. 22 ноября; За свободу народа (Голос солдата). 1917. 23 ноября.
[3] Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 30 октября.
[4] Нижегородский листок. 1917. 28 октября; Металлист. 1917. 30 ноября.
[5] Новая жизнь. 1917. 4 ноября.
[6] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.213-214.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

своих целях. 15 ноября в газете «За свободу!» была предпринята попытка прогнозировать настроения в руководстве большевиков, выступить категорически против участия большевистской партии в демократическом правительстве. [1] Разумеется, это делалось не без учета ответной реакции тех лиц из руководства большевиков, которые в начале ноября уже открыто заявляли о своих расхождениях с Лениным и Троцким по вопросам власти. Для этого у оппозиции были все основания, так как бюро фракции большевиков в Учредительном собрании состояло из представителей так называемого правого крыла – Каменева, Рыкова, Рязанова и других – вплоть до своего переизбрания (под нажимом Ленина – А. Ч.) 12 декабря – и занимало особую позицию, состоящую в признании исторической роли Учредительного собрания, как завершающего этапа революции.[2]

Публикации в оппозиционных газетах, создавая эффект «психологической разрядки», в то же время своими предсказаниями о недолговечности власти большевиков успокаивали общественное сознание, нейтрализуя проявления активного протеста. Иными словами, оппозиционная пресса, активно способствуя «накоплению» пассивного протеста, непроизвольно блокировала активный протест. Именно об этом «проговорился» позднее в своих воспоминаниях М. Осоргин.[3] Этот «обратный» эффект оппозиционной публицистики до сих пор обойден вниманием в исторических исследованиях.

Печать выполняла и роль инструмента координации оппозиционного движения, соединяя партийные центры с периферией. «Голос солдата», «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», «Воля народа» - были тесно связаны с подпольными центрами антибольшевистского движения – «Комитетом Спасения Родины и Революции», а затем – «Союзом защиты Учредительного собрания».

Важнейшей составляющей массового политического сознания послеоктябрьского периода жизни страны было отношение к Учредительному собранию. При этом можно выделить следующие аспекты корреляционного анализа идеи Учредительного собрания в структуре общественного сознания.

Первое. В сознании российского общества созыв Учредительного собрания ассоциировался прежде всего с введением конституционного строя, и потому попытки историков жестко разграничить способы его достижения на революционные и реформистские некорректны.

---

[1] За свободу! 1917. 15 ноября.
[2] Протоколы ЦК РСДРП(б): август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С.149, 151.
[3] Осоргин М. Октябрь (Обывательская запись). Дни. 1927. 6 ноября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Второе. Сама идея была неодинаково разлита в разных социальных этажах и находилась в прямой зависимости от культурно-образовательных предпосылок. Как отмечалось в октябре на одном из заседаний Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание, «интерес к выборам не проник в народную толщу, а ограничивается верхами».[1]

Третье. Не одинакова была опять же в социальном разрезе и апперцепция Учредительного собрания. Для средних слоев «сверхзадачей» было создание правового государства при непременно мирном, реформистском преодолении кризиса в стране.[2] Что касается низших слоев общества, и особенно его маргинализированных и люмпенизированных элементов, то их Учредительное собрание привлекало, главным образом, возможностью удовлетворения непосредственных социальных нужд, обычно понимаемой как простое уравнительное перераспределение жизненных благ (причем сам способ удовлетворения не был сугубо важен и, пожалуй, насильственный сулил более скорый и весомый результат, а соображения легитимности значили еще меньше). Что касается партий и организаций, представлявших «революционную демократию», то для них принцип легитимности власти, ее демократичность в европейском понимании этого слова стояли на первом месте. Поэтому не удивительно, что после 25-26 октября оппозиционная печать акцентирует свое внимание на Учредительном собрании как символе законной общенародной власти, символе русской демократии – в противовес «большевистской диктатуре» как результату военного переворота («солдатского бунта»).

Четвертое. Подражательный или даже пародийный характер выборов в Учредительное собрание. [3] Российские архивы хранят такие обращения в адрес российской конституанты: « Просим поддержать славу русского народа, да не будет у нас партий, но будут одни все равные равноправные граждане свободной России. Как раньше уважали чужую собственность, будем и теперь, не ударимся в грязь лицом, пусть наши враги не смеются с нас»[4] (стиль оригинала сохранен – А. Ч.).

В этой связи стоит обратить внимание на ритуальный характер митинговых резолюций в поддержку Учредительного собрания, принимавшихся всегда единогласно. В представлении основной массы российского населения, ранее отстраненного от государственной и общественной деятельности, Учредительное собрание

---

[1] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. // Отечественная история. 1993. №5. С.11.
[2] Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 26 ноября.
[3] ГА РФ. Ф.1781. Оп.1. Д.20. Л.8.
[4] Там же. Л.9.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

должно было стать одноактным событием, чем-то вроде Земского собора 1613 года, - однажды собравшись, Учредительное собрание разрешит все насущные проблемы в мире и согласии, а сразу после него, буквально на следующий день, начнется новая, счастливая жизнь. Парламентская деятельность с необходимостью бесконечного согласования позиций различных фракций и компромиссами была непонятна и чужда всему народу. Учредительное собрание, таким образом, превращалось в нечто идеальное, абсолютное, в фетиш. И II съезд Советов, принявший декреты о земле и мире, то есть те решения, которые ожидались от Учредительного собрания, тем самым выполнил его задачи (как они понимались массами) и предопределил его судьбу. Но эта харизма Учредительного собрания никоим образом не удерживала радикальные низы от самочинных попыток реализовать свои интересы – «на Бога надейся, а сам не плошай!»

Пятое. Еще до 1917 года выявилось, что популярность Учредительного собрания в определенной степени сопрягалась с характером политической обстановки в стране, нарастая в кризисные периоды и ослабевая при стабилизации власти. Идейные корни его в обществе, где власть обычно заменяла право, не были глубоки, и это предвещало, что в критический момент круг поборников народного представительства может оказаться не так широк, как казалось прежде. События 1917 года в целом эту тенденцию подтвердили.

Сопоставление электората с массой приветственных телеграмм, поступивших в адрес «Хозяина Земли Русской» с 27 ноября по 3 декабря, производит еще более странное впечатление. Разумеется, ни их контент-анализ, ни численное сопоставление требований и приветствий не дадут оснований для далеко идущих обобщений – адресовались в конституанту не самые безграмотные люди. Получается, что протестуя против захвата власти большевиками, угрожая забастовками, люди, вместе с тем, указывали на необходимость закрепления «завоеваний революции» - мира, земли, федеративного устройства страны. Очень многие обращались к конституанте как к «последней надежде».[1] Из апокалиптического восприятия происходившего рождалась мессианская надежда на большевиков. [2] Не погибла окончательно и монархическая идея. Предлагалось даже выбрать НиколаяII на престол. [3]

---

[1] См.: ГА РФ. Ф.1781. Оп.1. Д.15, 18.
[2] Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову. // Минувшее. Париж, 1988. Т.6. С.275; День. 1917. 12 ноября; Сигнал. 1917. 15 ноября.
[3] ГА РФ. Ф.1781. Оп.1. Д.20. Л.2 об., Л.3-3 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

На фоне нелепых метаний и растущего чувства обреченности среди интеллигенции усиливалось равнодушие городских низов, порой доходящее до цинизма. Росло презрение к интеллигентным проповедникам демократии. [1] Впрочем, даже в Петрограде не переводились идеалисты. Газета кооператоров, запоздало и неуверенно решившихся на самостоятельную политическую консолидацию, «Право народа» 17 декабря констатировала, что между большевиками, эсерами и кадетами выбирать нельзя, из тупика может вывести только «партия человеческой совести».[2] К тому времени уже и выборы в российскую конституанту прошли.

Шестое. Стержнем всей проблемы является самоголосование на выборах во Всероссийское Учредительное собрание. Оно наиболее рельефно выразило отношение электората к перспективам парламентского, демократического правления в России. Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся 12 ноября 1917 года, убедительно показали быстрое полевение масс. Полную неудачу потерпели правые партии и группы, решившиеся открыто выступить на выборах. Вообще, мелкие партии оказались в плотной политической тени, отбрасываемой борьбой гигантов. Так, радикальные демократы собрали всего около 19 000 голосов.[3] Относительно скромный итог кадетской партии (4,6% голосов)[4] отразил не только прокорниловскую, буржуазную ее репутацию в массовом политическом сознании, но и слабость самого либерального движения, и ограниченность его социальной базы в России. Вместе с тем, газета «Утро России» довольно точно оценила успех кадетов на выборах в Петрограде: «Петроградские выборы ясно показали, что население трезвеет: за конституционными демократами – за непримиримыми врагами большевиков – пошла демократическая масса в четверть миллиона».[5]

Несмотря на мнение Б. Бонвеча, что «исход выборов в Учредительное собрание, как вотум против большевиков, не выдерживает критики»,[6] 23,2% голосов,[7] полученных большевиками, значили куда больше, чем обычная неудача на выборах, - это фактически был и вотум недоверия населения новой власти. Успех эсеров, собравших вместе с национальными эсерами более половины[8] всех голосов, значителен прежде всего тем, что это была массовая поддержка центристской,

---

[1] Питер. 1917. 17 декабря.
[2] Право народа. 1917. 17 декабря.
[3] Протасов Л.Г. Указ. соч. // Отечественная история. 1993. №5. С.14.
[4] Там же. С.13.
[5] Утро России. 1917. 17 ноября.
[6] Бонвеч Б. Указ. соч. С.203.
[7] Протасов Л.Г. Указ. соч. // Отечественная история. 1993. №5. С.13.
[8] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

примирительной линии, а вовсе не триумф партийной доктрины. Поражение меньшевиков, самокритично оцененное руководством партии, подчеркнуло отсутствие каких-либо условий для реализации ортодоксальных марксистских идей социалистической революции. Столь эксцентрично проявилась правота меньшевиков в этом важнейшем для марксистов вопросе.

Вместе с тем, абсолютное большинство избирателей высказались за социалистов и за их детище – Советы. Эта возникшая на зыбкой почве революционного настроения связка социалисты-Советы показывала, что проголосовавшие за эсеров, меньшевиков, энесов и другие партии социальные группы в построении Советов пойдут своим путем, предложат свою программу первоочередных мер, противопоставят свои Советы большевистским Советам. Голосование за социалистов не означало убежденности большинства избирателей в идее социализма. [1] В социализме же (в его романтическом, пропагандистском восприятии) искалось нравственное и политическое обоснование для радикализма при решении насущных, злободневных задач.

Седьмое. Попытка защитить Учредительное собрание силой общественного мнения. Правительственное сообщение об отсрочке созыва Учредительного собрания на неопределенный срок вызвало активные протесты со стороны социалистических партий и депутатов крестьянского съезда. Вместо самоликвидировавшегося «Комитета Спасения Родины и Революции» (официально распущен Советом Народных Комиссаров 9 ноября) был образован «Союз защиты Учредительного собрания»[2], известный также как «Объединенный комитет социалистических партий и демократических организаций». Председателем избран правый эсер В.Н.Филипповский. Таким образом, постулируемая правосоциалистической прессой идея о необходимости объединения «всех государственных элементов революционной демократии» нашла свое воплощение в организации, которая провозгласила основной своей задачей борьбу за созыв Учредительного собрания.

Хотя формирование общественного мнения не было непосредственно связано с активной политической борьбой, именно благодаря усилиям оппозиционной прессы в этом направлении сама идея Учредительного собрания сохранила популярность в среде городского населения Петрограда и Москвы, что в большей сте-

---

[1] Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С.75.
[2] Революция 1917 года: Хроника событий. Т.6. С.192.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

пени отвечало интересам оппозиции и учитывалось советским руководством.[1] Мнения оппозиции, высказанные в прессе, можно рассматривать как демонстративный жест, своеобразное предупреждение большевикам, что в случае разгона Учредительного собрания или затягивания его созыва «революционная демократия сумеет обойтись и без них».

Арест Всероссийской избирательной комиссии заставил оппозиционную прессу вновь обратиться к мнению армии. Газета «За свободу и право» («Голос солдата») 26 ноября опубликовала «Протест против ареста Всероссийской избирательной комиссии фронтовой комиссии по выборам в Учредительное собрание».[2] После того, как большевики взяли сам процесс созыва Учредительного собрания под свой контроль, газета «Революционный набат» 1 декабря обратилась уже с прямым призывом к армии поддержать Учредительное собрание.[3] В опубликованном обращении «Ко всем русским армиям от Петроградского Союза защиты Учредительного собрания» газета призывала: «Громко на всю Россию, на весь мир заявите: вся власть Учредительному собранию».[4]

Действительно, именно позиция армии определяла теперь судьбу Учредительного собрания. В декабре это была единственная сила, с которой не могли не считаться большевики в случае форс-мажорных обстоятельств. Поэтому подобное обращение к армии можно рассматривать не только как агитацию за Учредительное собрание, но и как давление на власть. Во многих армейских комитетах меньшевики и эсеры сохраняли свое влияние, а потому поведение армии в случае разгона Учредительного собрания вряд ли было прогнозируемым (по крайней мере в первой половине декабря – А. Ч.). Именно с учетом настроения в армии, газета «Быль» («Товарищ») 15 декабря сообщила о формировании в Петрограде немецких батальонов из военнопленных – якобы для «углубления русской революции», закончив этот материала призывом немедленного созыва Учредительного собрания.[5] Однако во второй половине декабря, особенно после публикации декрета Совета Народных Комиссаров об открытии Учредительного собрания 5 января 1918 года, большинство оппозиционной прессы умерило тон антибольшевистской агитации.

На основании источников, соискатель пришел к выводу, что сторонники Учредительного собрания, готовясь выступить против большевистской угрозы, стали

[1] Революционный набат. 1917. 28 ноября, 30 ноября, 3 декабря.
[2] За свободу и право. 1917. 26 ноября.
[3] Революционный набат. 1917. 1 декабря.
[4] Там же.
[5] Быль (Товарищ). 1917. 15 декабря.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

жертвой гибельного просчета. Они видели, что большевики уничтожили демократию и потеряли тем самым моральное право на руководство страной, но сместить их хотели только давлением общественного мнения, никак не силой, поскольку выгоду из междуусобной войны социалистических партий извлекла бы одна лишь «контрреволюция». В декабре в Петрограде уже было известно, что генералы на Дону формируют армии. Это было гораздо хуже, чем большевики – подлинные, хоть и заблудшие революционеры, слишком, может быть, импульсивные, слишком жестокие, слишком рвущиеся к власти, а все-таки «товарищи» по борьбе за общее дело. Нельзя было забыть и о поддержке, которой они пользовались у «народных масс». Демократические левые силы не расставались с убеждением, что рано или поздно большевики придут к выводу о невозможности управлять Россией в одиночку. Как только это произойдет, они пригласят социалистов править вместе с ними, и Россия продолжит движение на пути к демократии: политическое созревание требует много времени, но оно неизбежно.

Вследствие всех изложенных соображений, оппозиция большевикам должна была ограничиться мирной агитацией и пропагандой. «Вероятность того, что большевики и были настоящими контрреволюционерами, - подчеркивает Р.Пайпс, - пришла в голову лишь немногим представителям левой интеллигенции, преимущественно старшего поколения. Социалисты-революционеры и меньшевики никогда не переставали относиться к большевикам как к заблудшим товарищам по оружию...».[1] Само российское общество, его социокультурное состояние определило гибель своей исторической перспективы в лице Учредительного собрания.

Одним из наиболее острых вопросов, будораживших массовое политическое сознание страны, было ведение сепаратных мирных переговоров с Германией. По этой причине многие честные интеллигенты-патриоты и отшатнулись от октябрьского переворота. Был выпущен сборник статей «Народ и армия». Высказывая мнение интеллигенции о вопросах войны и мира в послеоктябрьский период, В.Н.Розанов, в частности, писал: «Германия была нашим неприятелем в войне, теперь она стала нашим врагом. Эта вражда – на целый исторический период.»[2] Совершенно иная ситуация сложилась в низших слоях населения России. [3] «Интересно, - записывает в дневник В.Г. Короленко, - мне сообщили, что в совете можно говорить все, что угодно. Не советовали только упоминать слово «родина». Боль-

[1] Пайпс. Р. Указ. соч. Ч.II. С.220.
[2] Цит. по: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.213.
[3] См.: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.158.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

шевики уже так нашколили эту темную массу на «интернационалистский» лад, что слово «родина» действует на нее, как красное сукно на быков».[1]

С конца ноября и в декабре оппозиционная пресса вела агитацию против сепаратного мира с Германией, однако непосредственные агитационные материалы в громадной степени дополнялись пропагандой опосредованной – через формирование соответствующего общественного мнения.[2] Так, например, газета «За свободу и право» опубликовала воззвание «Ко всем гражданам!», подписанное центральными комитетами всех оппозиционных социалистических партий, ВЦИК I-го созыва, а также Всероссийским Советом крестьянских депутатов, в котором эти организации осудили сепаратное перемирие с Германией.[3] Разумеется, подобные публикации перед 28 ноября были рассчитаны на взрыв патриотических чувств у достаточно широких кругов населения. В целом эффект этих публикаций оказался слабее ожидаемого – судя по количеству манифестантов, пришедших 28 ноября к Таврическому дворцу.

Весть о свержении Временного правительства и переходе власти в руки большевиков, несмотря на возводимые препоны, сравнительно быстро достигла действующей армии. И в очередной раз судьба страны, судьба власти в России во многом зависела от поведения армии, которая поразительно быстро политизировалась, и политическое сознание которой отражало «особую маргинализированную политическую субкультуру».[4] Главной особенностью влияния на массовое политическое сознание действующей армии в послеоктябрьский период было определяющее воздействие политической обстановки в стране и фактически монопольное давление на него со стороны партии большевиков, которые сделали все от них зависящее для закрытия каналов проникновения во фронтовые части политических взглядов других партий России.

Известие о переходе власти в стране к большевикам армия встретила очень своеобразно, со значительным разбросом мнений. Не являлись исключением в этом плане руководство Вооруженных Сил и офицерский состав, которых объединяло неприятие большевистского выступления, правда, в разной степени.[5] Часть

---

[1] Короленко В.Г. Указ. соч. С.54.
[2] Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 26 ноября.
[3] За свободу и право. 1917. 26 ноября.
[4] Протасов Л.Г. Указ. соч. // Отечественная история. 1993. №5. С.15.
[5] Родина. 1998. №4. С.72. Труд. 1917. 31 октября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

высшего командного состава признавали закономерный характер происходящих в России событий. [1]

Последующее поведение рядового офицерского состава, их отвращение к политике, выражалось в ненависти к личности А. Керенского.[2] Офицеры обвиняли его в элементарной глупости. [3] Вызванный же для доклада сотник Карташев не хотел пожать поданной ему Керенским руки и сказал: «Извините меня, я подать вам руки не могу, я – корниловец».[4] Не приняли приход большевиков к власти и сразу же выступили против них с оружием в руках около 3% офицеров.[5]

Командование Вооруженных Сил запоздало пыталось повлиять на обстановку в стране. От имени фронта Начальник штаба Верховного Главнокомандования Духонин, помощник начальника штаба Вырубов, Председатель общеармейского комитета Перекрестов потребовали «немедленного прекращения большевиками насильственных действий, отказа от вооруженного захвата власти.»[6] Сплотиться всем вместе во имя спасения Родины призывал генерал Духонин в своем обращении к стране.[7] Были и все еще самоуверенные попытки «поиграть» армейскими мускулами. Генерал Духонин выступил с заявлением «Фронт требует подчинения Временному правительству!», которое было направлено в Петросовет, в газеты, в правительство.[8] Генерал Краснов в «приказе №1 по войскам Российской республики, сосредоточенным под Петроградом», 27 октября 1917 года возвещал из Гатчины «всем, всем, всюду», что на стороне Временного правительства находятся все крестьянские съезды и войска фронтов. [9]

Однако в Ставку сплошным потоком шли донесения о невозможности использования действующей армии для защиты Временного правительства. [10] Любую часть было очень просто остановить с помощью убедительного аргумента, что надо избежать братоубийственной войны путем переговоров. Понимая, что ни на какие части действующей армии для восстановления власти Временного правительства рассчитывать не приходится, генерал Духонин дал следующий циркуляр по

---

[1] Врангель П.Н. Записки. В 2-х т. / Белое дело. М., 1995. Т.1. С.64.
[2] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.41; Будберг А. Указ. соч. // Архив Русской Революции. Т.11. С.235.
[3] См.: Российский военный сборник. №9. С.110.
[4] Цит. по: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.39.
[5] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. Приложение. С.356.
[6] РГАСПИ. Ф.325. Оп.1. Д.11. Л.11.
[7] Борьба генерала Корнилова. С.139.
[8] РГАСПИ. Ф.325. Оп.1. Д.11. Л.10.
[9] ГА РФ. Ф.366. Оп.1. Д.97. Л.14.
[10] Архив Русской Революции. Т.7. С.307; Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.263; Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. Приложение. С.361; Уайлдмен А.К. Указ. соч. // Отечественная история. 1994. №2. С. 25, 26.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

войскам: «В ожидании разрешения кризиса призываю войскам фронта спокойно исполнять свой долг перед Родиной, дабы не дать противнику возможности воспользоваться смутой, разразившейся внутри страны, и еще больше углубиться в пределы родной земли».[1] По нашему мнению, Ставка, оставив мысль об активной борьбе с большевиками, пассивно боролась с ними, отстаивая от них порядок в армии. Расчет был ясен: день Учредительного собрания приближался и необходимо было так или иначе дотянуть до этого дня, сохраняя в целости военную организацию. Это не был нейтралитет, это было просто умолчание о позиции.

В решении этой задачи Ставке приходилось искать опоры в остатках прежних оборонческих организаций в армии – комитетах,[2] хотя, по мнению Г.Д. Фокке, уже «с февраля они играли не только подобающую им роль нервных центров сети управления многоголовым организмом армии, но и досадную роль революционных и революционизирующих фронт...центров».[3] К моменту «большевистского переворота» в Петрограде все высшие комитеты армий, кроме V-й и частично II-й армии, были еще в руках переизбранных депутатов-«оборонцев» меньшевистского или эсеровского толка.[4]

Известие о победе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде вызвало на фронтах консолидацию всех антибольшевистских сил. Уже 26-27 октября на Северном, Западном и Юго-Западном фронтах были образованы «Комитеты Спасения Родины и Революции». На Румынском фронте были созданы фронтовой Военно-революционный комитет и подобные ему комитеты во всех армиях фронта.[5] Все высшие войсковые комитеты высказывались за поддержку Временного правительства при условии скорейшего заключения мира и немедленной передачи земли крестьянам.[6]

С течением времени авторитет высших комитетов неумолимо падал. По-прежнему замечался успех агитации большевиков, заманчивые лозунги которых приобретали среди малосознательных элементов все большее количество сторонников, уверенных в легкой исполнимости всех обещаний.[7] Аналогичная картина наблюдалась и в низовых комитетах.[8] Под давлением солдатских масс комитет VI-

---

[1] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.56.
[2] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.154.
[3] *Архив Русской Революции.* Т.20. С.6.
[4] Уайлдмен А.К. Указ. соч. // Отечественная история 1994. №2. С.25.
[5] Октябрьская революция: вопросы и ответы. С.323 – 324.
[6] РГАСПИ. Ф.70. Оп.3. Д.775. Л.2; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.54.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.30. Л.42.
[8] Октябрьская революция и армия. (25 октября 1917 г. – март 1918 г.). Сборник документов. М., 1973. С.41.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

й армии заявил, что посылку войск на Петроград он считает не только бесполезной, но и вредной.[1] Комитет VIII-й армии также признал невозможным вовлечение фронта в борьбу под Петроградом.[2]

В конце октября – середине ноября во всех армиях Северного и Западного фронтов были образованы армейские ВРК, которые взяли власть в войсках в свои руки. А к концу ноября победа большевиков на этих фронтах была закреплена на фронтовых съездах. В избранных съездами фронтовых комитетах большевики получили большинство мест (на Северном фронте – 26 из 38, на Западном – 80 из 100).[3] Подводя итоги октябрьским событиям на Северном фронте, штаб фронта 5 ноября сообщал эсеро-меньшевистскому Комитету Спасения в Петроград: « Надо сказать, что на нашем фронте «Комитеты Спасения» не имеют никакого значения и влияния, таковое всецело в руках Военно-революционных комитетов».[4] Комитеты, не одобряя «захвата» власти в столице, скорее, были готовы на компромисс с другими фракциями, лишь бы те признавали их платформу, или власть Советов, либо даже формулу Викжеля. На местах события развивались по-разному, поэтому все ситуации невозможно передать одной формулой.

Попытки Керенского, комиссаров, командного состава с Духониным во главе и центрального органа комитетов на фронте Общеармейского комитета (ОАК) получить «мандат доверия» от армейских комитетов с помощью их резолюций потерпели полнейший крах. [5] Ставка в лице своего «политического отделения», В.Б. Станкевич, как главный комиссар, и Перекрестов, председатель ОАКа, призвали фронтовые комитеты собрать резолюции в поддержку Временного правительства от армейских и низовых комитетов и при этом выразить готовность послать против большевиков войска. Несколько комитетов сообщили в ОАК, что такие заявления будут скоро переданы.[6] Но фактически дальше словесных заявлений дело не пошло: следовали либо отказ отозваться на этот призыв[7], либо согласие мотивировалось самыми разнообразными условиями. [8]

На Юго-Западном и Румынском фронтах декларации о лояльности правительству, видимо, принял ряд армейских комитетов, но без поддержки «снизу» и

---

[1] Воин-гражданин. 1917. 27 ноября.
[2] РГВИА. Ф.2134. Оп.1. Д.36. Л.117.
[3] Октябрьская революция: вопросы и ответы. С.324.
[4] Красный архив. 1927. №5. С.105-106.
[5] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.137.
[6] Уайлдмен А.К. Указ. соч. // Отечественная история. 1994. №2. С.27.
[7] Там же.
[8] Уайлдмен А.К. Указ. соч. // Отечественная история. 1994. №2. С.28; Фронт. 1917. 28 октября.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

иногда условно.[1] Таких резолюций, принятых уже не армиями, а соединениями и частями, было множество, и очень мало таких, которые поддерживали бы (и то с оговорками) Временное правительство. Между тем ОАК исходил из предположения, что фронт единогласно поддерживает его политику. Его председатель Перекрестов принял участие в создании «Комитета Спасения Родины и Революции» и уверял ВЦИК и Керенского в том, что отряды с фронта скоро будут в столице.[2] Викжель, еще перед бегством Керенского, стремился вовлечь ОАК в переговоры об образовании «однородного социалистического правительства, от народных социалистов до большевиков».[3] Но ОАК, верный Керенскому, негодующе отказался.[4] Однако прошло некоторое время и, не получая поддержки с передовой и зная о возрастающем влиянии большевиков и других левых внутри комитетов, он круто изменил свою политику и начал действовать в духе пожеланий Викжель.[5]

Это резкое изменение тактики означало, что фронт, как «резерв» легитимности Временного правительства, больше не существовал. Вместе с тем эти события не узаконили ни большевистский «захват», ни авторитет Совнаркома, они лишь свидетельствовали о готовности фронта узаконить правительство, составленное из представителей всех социалистических партий, представленных в Советах и поддержавших платформу немедленного мира и раздела земли, иначе говоря, формулу Викжеля.

Далеко неоднозначно было и отношение солдатской массы к большевистскому перевороту. С резким и решительным осуждением выступления большевиков выступил Краевой Совет Кавказской армии и армейский комитет,[6] Чрезвычайный съезд армии Румынского фронта,[7] осудил взятие власти большевиками съезд крестьян-солдат Западного фронта.[8] Общее собрание 4 Сибирского казачьего полка постановило 28 октября 1917 года: «Безумная попытка большевиков, замысливших дело мятежа накануне Учредительного собрания, ставит Отечество наше на край гибели, ослабляет фронт, нанося армии удар в спину, открывает широкую дорогу темным силам...».[9] Не осталась в стороне и армейская печать.[10]

---

[1] Уайлдмен А.К. Указ. соч. // Отечественная история. 1994. №2. С.28.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] РГВИА. Ф.2031. Оп.3. Д.72. Л.1.
[6] РГВИА. Ф.2031. Оп.3. Д.74. Л.8.
[7] ГА РФ. Ф.1235. Оп.78. Д.44. Л.97; РГВИА. Ф.2668. Оп.1. Д.453. Л.430.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.47. Л.208-209.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.20. Л.38.
[10] Известия Румчерода. 1917. 26 октября; РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.31. Л.116.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Крайне негативное отношение к захвату большевиками власти выразили национальные организации действующей армии. [1] По сведениям барона Б.Э. Нольде, из одиннадцати армий девять высказалось за поддержку Временного правительства.[2] При этом многие солдаты, особенно грамотные, считали, что чистые идеи большевизма прекрасны, но момент и способы проведения их в жизнь несвоевременны, ошибочны, неверны, и поэтому вредны, опасны, вносят дезорганизацию в ряды армии и демократии, ведут к торжеству реакции.[3]

Значительная часть армии поддерживала Советы.[4] По данным штаба Юго-Западного фронта, после прихода большевиков к власти зафиксировано 19 противозаконных постановлений с требованием передачи власти Советам и назначения суда над Временным правительством.[5] Анализ сводки наказов делегатам Чрезвычайного съезда Юго-Западного фронта, состоявшимся 18 ноября 1917 года, показал, что за власть Советов и признание Совета Народных Комиссаров высказалось 150 частей, а за «однородно-социалистическую власть» всех социалистических партий – 102 части.[6]

Несмотря на то, что солдаты плохо представляли себе ситуацию в Петрограде, они все же сознавали, что от правительства Керенского нельзя ожидать скорого решения вопроса о мире, и не очень склонны были его защищать. И все же армия в целом, по данным Ставки, «встретила выступление большевиков сдержанно, выжидательно, не принимая участия в разрешении вопроса о власти».[7] Солдаты были уверены, что «социалисты» вместе с Советом могли бы легко образовать новое правительство, но для этого нужно было избежать раздоров внутри «демократии», т.е. между социалистами. [8] Из армии поступали и другие предложения. 160-я пехотная дивизия выступила с призывом прекратить братоубийственную войну и объединиться для активной борьбы «за Советы рабочих, крестьян и солдат, за Учредительное собрание»,[9] фактически не делая между ними никаких различий.

---

[1] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.520. Л.1; Октябрьская революция и армия. Сборник документов. С.104.
[2] Барон Б.Э. Нольде // Архив русской революции. Т.7. С.305.
[3] ГА РФ. Ф.5827. Оп.1. Д.299. Л.3.
[4] См.: Войсковые комитеты действующей армии. С.382; Архив русской революции. Т.7. С.310; РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.94. Л.629; Кавказский рабочий. 1917. 29 декабря; Правда. 1917. 21 ноября; Уайлдмен А.К. Указ. соч. // Отечественная история. 1994. №2. С.26.
[5] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.2940. Л.153.
[6] См.: Соболева П.И. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968. С.187.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.31. Л.78.
[8] РГВИА. Ф.2015. Оп.1. Д.1. Л.35.
[9] Октябрьская революция и армия. С.56.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Настроения солдат шли вразрез со сложившимся положением, которое характеризовалось тем, что «Комитет Спасения Родины и Революции», где были представлены, главным образом, меньшевики и эсеры, вступил в вооруженный конфликт с Совнаркомом, состоявшим исключительно из большевиков. С точки зрения солдат, от этого противостояния выигрывала только контрреволюция, а война затягивалась до бесконечности. Самое важное, по их мнению, было прекратить военные действия.

Генерал Краснов оставил непревзойденное по красочности описание действий П. Дыбенко при подписании перемирия в Гатчине: «Давайте нам Керенского, а мы вам Ленина предоставим, хотите ухо на ухо поменяем!» - говорил он, смеясь. Казаки ему верили. Они пришли ко мне и сказали, что требуют обмена Керенского на Ленина, которого они тут же у дворца повесят».[1] Следовало бы поставить под сомнение достоверность этой сцены, принадлежащей перу врага революции. Но в публикациях начала 20-х годов подтверждалось, что Дыбенко, подписывая договор с казаками с целью выиграть время, включил параграф «о выходе из Совнаркома Ленина и Троцкого в обмен на выдачу Керенского».[2] Более того, В.Д. Поликарповым в фонде Высшего военного редакционного совета был обнаружен текст гатчинского договора с резолюцией на нем Троцкого. Эти же мысли присутствуют и в трудах А.И. Деникина.[3]

Неприятие однопартийного правительства большевиков и подступившей к стенам Петрограда гражданской войны охватило не только солдатские массы. Так, Иван Салтыков, представитель Центробалта, вернувшийся из Петрограда, указывает 6 ноября по «вопросу о власти» единственный выход из создавшегося положения: «Настало время положить конец разъединению партий и решительно раз навсегда заявить, что Балтийский флот боролся и борется не за власть партийную, а народную, то есть за власть правительства рабочих и крестьян».[4]

Все эти факты показывают, что в глазах солдатской массы главный источник власти заключался не в вооруженной силе, а в моральном авторитете выборных организаций на фронте и в тылу. Законность, основанная на согласии солдат фронта, перешла на сторону большевиков и Совнаркома не в результате их «восстания», а в силу их программы, что и было отражено сотнями перевыборов, споров и со-

---

[1] Краснов П. На внутреннем фронте. // Архив русской революции. Т.1. С.173.
[2] Пролетарская революция. 1923. №9. С.76.
[3] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.135.
[4] Протоколы и постановления Центрального Комитета Балтийского флота. М.-Л., 1963. С.263.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

вещаний на фронте в течение всего ноября. Она утвердилась окончательно в глазах солдат после перемирия с центральными державами, заключенного 4 декабря. Вместе с тем, большевики получили мандат на власть не как отдельная партия, а как одна из социалистических партий в демократических Советах, которые боролись за мир. Имя Совета внушало доверие солдатам только потому, что он прислушивался к их голосу. По справедливому мнению А.К. Уайлдмена, «поворотным пунктом солдаты считали не II съезд Советов, о котором они были плохо информированы, а армейские съезды и другие совещания, проводившиеся на фронте повсеместно в течение ноября, в ходе которых большевики вместе с другими левыми и национальными партиями сместили старые комитеты».[1]

Период между «сражением» у Пулкова (закончилось к 1 ноября) и прекращением переговоров под эгидой Викжеля можно назвать периодом междуцарствия. С одной стороны, КСР и «оборонцы» не имели в своем распоряжении военной силы, так как восстание юнкеров в столице 29 октября потерпело неудачу. С другой стороны, Совнарком не обладал достаточным военным потенциалом, потому что и его сторонники не хотели гражданской войны и предпочитали переговоры при Викжеле вооруженной конфронтации. Пока переговоры еще продолжались, Совнарком не мог утвердить свою власть, но и социалисты-«оборонцы» в «Комитете Спасения Родины и Революции» не могли и подумать о вооруженной борьбе против большевиков. Вопрос о власти в этой обстановке не мог быть разрешен военными мерами, потому что никто не хотел сражаться. Более того, можно сказать, что чуть ли не весь фронт был за примирение социалистов, за их единство в вопросе о составе новой власти и за предотвращение гражданской войны «внутри демократии» во что бы то ни стало.

Важнейшей составляющей массового политического сознания действующей русской армии было ее отношение к Учредительному собранию.[2] Российские газеты публиковали многочисленные требования действующей армии об освобождении членов Учредительного собрания, арестованных большевиками,[3] причем некоторые из них содержали в себе достаточно прозрачные угрозы. Армия выступала и против разгона Учредительного собрания.[4] Его идея не смогла увлечь за собой основную массу офицерства, так как лозунг власти Учредительного собрания вно-

---

[1] Уайлдмен А.К. Указ. соч. // Отечественная история. 1994. №2. С.26.
[2] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.203. Л.22.
[3] См., например: Труд. 1917. 15 декабря.
[4] См.: Источник. 1995. №1. С.44.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сился в их ряды, в основном, социалистами-революционерами и сама борьба за него была равнозначной борьбе за восстановление власти социалистов-революционеров.[1]

В сознании солдатских масс Учредительное собрание было неразрывно связано со всевластием Советов. В частности, с подобной ситуацией столкнулся один из лидеров партии эсеров Н.Д. Авксентьев, приехавший в последних числах ноября 1917 года на Юго-Западный фронтовой съезд. Все его старания опорочить сущность большевистского «переворота» и показать, что он направлен против народовластия и Всероссийского Учредительного собрания, разбивались о стену взаимного непонимания большей части фронтового съезда, вспоминал один из эсеров, участник съезда.[2]

Армия на фронте голосовала весьма активно и преимущественно за эсеров и большевиков. По уточненным данным Л.Г. Протасова, фронт подал за эсеров 40,7% голосов, за большевиков – 39,5%, за меньшевиков – 3,2%, за народных социалистов – 0,3%, за прочих социалистов – 12%, за кадетов – 1,7%, за всех остальных – 2,5%.[3] Однако при рассмотрении итогов голосования необходимо выделить следующие обстоятельства. Первое. Списки эсеровских кандидатов не делились на списки ортодоксальных партийцев и левых: они были составлены до известия о партийном расколе. А левые течения разрастались на фронте быстрее и сильнее, чем в тылу, ибо на фронте была особенно сильна тяга к миру и немедленному разделу помещичьей земли. Второе. По имеющимся отрывочным сведениям, голосовали за большевиков чаще многочисленные обозники – наиболее развращаемый войной элемент.[4] Впрочем, пока речь шла о мире, солдаты были за большевиков, когда дело доходило до земли, им ближе казались эсеры. Третье. Очень часто солдаты мало разбирались в партийных различиях (особенно на южных фронтах), но были хорошо знакомы с лозунгами, которые часто связывали с Советами (а не с Совнаркомом) и с «социалистами» как таковыми. Поэтому «мандат на власть» был дан носителям вполне определенной программы и Советам, которые дали бы мир и землю, а не исключительно большевикам или Совнаркому. Цель Учредительного собрания они видели в реализации этих своих устремлений, в противном случае (возможность чего обычно отбрасывалась) его следовало разогнать. И, наконец,

---

[1] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.73.
[2] См.: Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив Русской революции. Т.13. С.22, 23.
[3] Протасов Л.Г. Указ. соч. // Отечественная история. 1993. №5. С.13.
[4] См.: Соколов Б. Указ. соч. С.17.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

четвертое. Несомненно, лозунг мира был тем магическим кристаллом, сквозь который солдаты смотрели на все другие общественные проблемы. Соблазненные ленинским обещанием немедленного мира (по существу, любой ценой) и большевистской практикой социального дележа, солдаты, в то же время, не видели нужды в высшей законодательной санкции. Учредительное собрание не могло им дать того, что дала новая власть. Но и сама эта власть оказалась в известном смысле пленницей разлагавшейся армии. Большевики стали невольными заложниками многомиллионного солдатского плебса, им пришлось приспосабливать свою политику к его стихийным порывам и действиям, особенно во время Бреста. Большевизация солдат не была лишена крестьянской лукавости: быть большевиком, пока это выгодно. А.А.Богданов после Октября называл все это «солдатско-коммунистической» революцией, еще более отдаляющей Россию от социализма.[1] Но редко кто из руководящих большевиков обладал тогда подобной остротой зрения.

Раздел земли был также исключительно волнительным для действующей армии вопросом, ибо она, как считал Н.Н. Головин, по своим настроениям даже после 25 октября была ближе к крестьянству, чем к большевикам.[2] На остроту земельного вопроса обращал внимание на переговорах о перемирии даже генерал Гофман.[3]

Доминирующей составляющей массового политического сознания действующей армии была неистребимая жажда мира. Генерал Н.Н. Духонин требовал от командующего V-й армией генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева принять все возможные меры, чтобы «не делать сепаратных от союзников выступлений по установлению частных переговоров о перемирии, так как это приведет к катастрофическим для России последствиям».[4] Генерал Болдырев, справедливо считая, что этот ход большевиков верно рассчитан на психологию масс, выразил большие сомнения в успехе этого предприятия и еще раз доложил, что «кроме моральных убеждений, реальных средств у него нет».[5] И это соответствовало истине.

---

[1] Неизвестный Богданов. Кн.1. Статьи, доклады, письма и воспоминания. М., 1995. С.190.
[2] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.87.
[3] Архив русской революции. Т.20. С.77.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1812. Л.128.
[5] Там же. С.130.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Служебная переписка Ставки была заполнена докладами о нежелании армии воевать. [1] В Особой армии стремление к миру и голос его необходимости стали почти общими.[2] В 39 корпусе 122 дивизия вынесла постановление о необходимости смены и решила стоять только до 20 ноября, 194 дивизия – до 25 ноября.[3] Подобное состояние действующей русской армии не могло остаться без внимания противника. По сведениям австро-венгерского командования, в ноябре на русском фронте чувствовалось «сильное стремление к скорому миру и возврату к спокойной жизни», причем солдаты ожидали «от социалистического правительства исполнения всех желаний». Вот что еще отмечало австро-венгерское командование, следившее за положением на русском фронте: «В одном месте парламентеры высказали, что, не заключи Ленин мира, будет ему, как Керенскому. Эти слова доказывают, что большинству солдат совершенно безразлично, кто владеет (теми или иными территориями) и что их интересует один только мир».[4]

На основании вышеизложенного, Ставка сделала резюме, что «жажда мира во что бы то ни стало отмечается почти во всех частях фронта»,[5] «общее настроение в армиях продолжает быть напряженным, нервновыжидательным. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке. Армия представляет собой огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием».[6] Дело доходило до того, что в 39 корпусе Особой армии было заявлено: «Если Ленин не даст мира, пусть будет снова Николай, лишь бы скорей мир, и под немцем хуже не будет».[7]

В массовом политическом сознании солдат действующей армии превалировала идея, что братание – лучший способ скорейшего достижения перемирия.[8] Командование действующей армии пыталось вести безуспешную борьбу с этим злом, прежде всего используя армейскую печать[9], «предостерегавшую «неопытных то-

---

[1] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.3802. Л.18; Ф.2134. Оп.1. Д.1320. Л.354, Л.355 об., Ф.2003. Оп.4. Д.32. Л.161; Ф.2009. Оп.4. Д.30. Л.75; Ф.2134. Оп.1. Д.1320. Л.212.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.38. Л.263.
[3] Там же.
[4] Цит. по: Фельштинский Ю. Указ. соч. // Родина. 1990. №11. С.46.
[5] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.24. Л.32.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.197. Л.205.
[7] Там же. Д.31. Л.79.
[8] РГВИА. Ф.2134. Оп.1. Д.1320. Л.312; Ф.2003. Оп.4. Д.38. Л.261; Ф.2067. Оп.1. Д.3802. Л.18; Ф.2003. Оп.4. Д.32. Л.161.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.31. Л.110.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

варищей, которые в простоте душевной могут принять за чистую монету рассеянные в этих (специальные газеты противника для русских солдат – А. Ч.) газетах полные обмана и лжи сведения, как о русской жизни, так и о деятельности союзных нам государств в специально подтасованном освещении».[1] Газета Западного фронта «Фронт» убеждала своих читателей, что братанье не приближает нас к миру, оно нас от него отдаляет. «Когда война ведется народами, - писала газета, - отдельные роты не могут договориться о мире».[2] Многие комитеты также проявляли здравомыслие в этом вопросе. [3] Часть комитетов, и это было новым, стремилась к организованному братанию.[4]

Германское командование использовало любую возможность, чтобы ослабить противника на случай своего наступления, и вело двойную игру при заключении перемирия. [5] «Постоянные посещения неприятельскими солдатами наших позиций, особенно артиллерийских, и разрушение ими наших укреплений на покинутых позициях, - докладывал Совнаркому в конце ноября 1917 года Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант М.Д.Бонч-Бруевич, - несомненно носит организованный характер».[6]

Но противника интересовала не только техническая сторона. Он продолжал целеустремленно и целенаправленно воздействовать на сознание солдат. [7] Примечательно, что немцы своих солдат до братания не допускали, и австро-германское командование принимало самые решительные меры по предотвращению спонтанного несанкционированного братания.[8]

Солдаты действующей русской армии решили восполнить «пробелы» революционного образования своего противника. Комитет 481-го пехотного полка V-й армии постановил принять самые энергичные меры к агитации среди немецких солдат, распространять среди солдат агитационную литературу, напечатанную на немецком языке, и считать необходимым для этой цели организовать кружок пропаганды.[9] Еще дальше в этом направлении пошел дивизионный комитет 3-й гренадерской дивизии XI-й армии Юго-Западного фронта, который на своем заседании

---

[1] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1123. Л.250-251 об.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.31. Л.110.
[3] РГВИА. Ф.2134. Оп.1. Д.1328. Л.120 об; Ф.2695. Оп.1. Д.6. Л.210-210 об.; Ф.2134. Оп.1. Д.1320. Л.313.
[4] РГВИА. Ф.2134. Оп.1. Д.1320. С.354, С.356; Ф.2695. Оп.1. Д.4. Л.636.
[5] РГВИА. Ф.2134. Оп.1. Д.1320. Л.313.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.214. Л.208.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.32. Л.163-164.
[8] РГВИА. Ф.2902. Оп.1. Д.1. Л.116; Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. С.64.
[9] РГВИА. Ф.3020. Оп.1. Д.167. Л.107-108.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

специально рассмотрел вопрос о распространении среди немцев идей русской революции.[1]

9 ноября радиограммой Совнаркома с поста Верховного Главнокомандующего был уволен генерал Н.Н. Духонин. Одновременно войсковым комитетам предлагалось выбирать уполномоченных для переговоров о перемирии. Каждый полк мог избрать в соответствии с полномочиями делегатов для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем,[2] и «от края до края русских линий началось стихийное ничем уже непредотвратимое «сепаратное заключение мира» - армиями, полками и даже ротами».[3] Весть о перемирии стала одним из факторов процесса разложения и распада действующей русской армии и ее последующей ликвидации.

11 ноября из Могилева последовало распоряжение: «Ставка требует срочно ответить, как реагировали части фронта на радиограммы Ленина и Крыленко о мирных переговорах. Ответ необходим сегодня же по возможности скорее».[4] Но ответ был известен заранее. Начальник Генерального штаба генерал-лейтенант В.В. Марушевский еще ранее высказал такую свою точку зрения: «если на всем фронте происходило братание в течение многих недель и что если предложение о немедленном перемирии, переданное комиссарами на фронт, проникло уже в сознание войсковой массы, то положение делается, вероятно, трудно поправимым».[5] ВРК действующей армии взяли эту миссию на себя. [6] Условия перемирия, заключенные подразделениями, частями и соединениями поражают своим разнообразием, а иногда и просто наивностью, но в какой-то степени отражают уровень их боеспособности. [7]

20 ноября начал переговоры ВРК Западного фронта. [8] Договор был заключен на два месяца – с 23 ноября по 24 февраля 1918 года. В документе, в частности, отмечалось: «Настоящий договор автоматически поглощает ранее заключенные частичные договоры и, в свою очередь, как частичный, аннулируется при заключении общего для всего русского фронта перемирия».[9] 20 ноября ВРК Юго-

---

[1] РГВИА. Ф.2326. Оп.4. Д.1. Л.249.
[2] Декреты Советской власти. Т.1. С.47.
[3] Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.142.
[4] РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.30. .263.
[5] Френкин М. Русская армия и революция. Мюнхен, 1978. С.675.
[6] Капустин М.И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. С.285; Бюллетень Военно-революционного комитета X-й армии. 1917. 15 ноября; РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.196. Л.180.
[7] РГВИА. Ф.3052. Оп.1. Д.3. Л.68-68 об; Ф.2134. Оп.1. Д.1320. Л.312; Ф.2192. Оп.1. Д.343. Л.124.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.213. Л.227.
[9] РГВИА. Ф.2193. Оп.1. Д.6. Л.477; Ф.2280. Оп.6. Д.1. Л.197-199.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Западного фронта отдал приказ о прекращении боевых действий, направив парламентеров к немцам.[1] Командующий Юго-Западным фронтом генерал Володченко сделал попытку саботировать решение фронтового съезда о вступлении в переговоры о перемирии, но она оказалась не удачной.[2] 20 ноября помощник командующего Румынским фронтом генерал Щербачев решил начать переговоры о заключении общего перемирия на фронте всех русских и румынских армий Румынского фронта.[3]

К 16(29) ноября из 125 русских дивизий, находившихся на австро-германском фронте, в общей сложности 20 дивизий в письменной форме заключили соглашение о перемирии с противостоящими германскими соединениями, большая часть остальных договорилась о прекращении огня и соблюдала эту договоренность.[4] Корреспондент газеты «Голос революции» сообщал в двадцатых числах ноября, что, по заявлению немецких парламентеров, перемирие заключено 59-ю русскими дивизиями.[5]

С 14 ноября по 5 декабря перемирие было заключено всеми русскими и германскими фронтами: 14 ноября – Северный фронт,[6] 18 ноября – Юго-Западный фронт,[7] 21 ноября – Западный фронт,[8] 26 ноября – Румынский фронт,[9] 5 декабря – Кавказский фронт.[10] 2 декабря делегация Советского правительства подписала в Брест-Литовске договор о всеобщем перемирии на русско-германском фронте, а 9 декабря начались мирные переговоры с Германией.[11]

По мнению соискателя, основанному на документальных источниках, в массовом политическом сознании действующей русской армии после октябрьских событий произошло еще одно существенное изменение – образ врага трансформировался в прямое военное противостояние – гражданскую войну. Здравый смысл подсказывал, что необходимо сделать все возможное, чтобы предотвратить кровавое побоище внутри страны. К несчастью, все усилия оказались тщетными: противостояние сохранялось и в стране, и в армии. В Вооруженных Силах по-прежнему

---

[1] РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.30. Л.315, 496; Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.280.
[2] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.46. Л.157, 165, 167.
[3] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.71. Л.32.
[4] См.: Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. С.61.
[5] Голос революции. 1917. 23 ноября.
[6] Темкин Я.Г. Большевики в борьбе за демократический мир. (1914 – 1918 г.). М., 1957. С.347.
[7] Там же.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.50. Л.37.
[9] Там же. Л.9.
[10] Октябрьская революция и армия. С.179.
[11] См.: Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.281.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

по разные стороны баррикад стояли офицеры и солдаты. [1] Солдаты считали, что только «между трудящимися народами не может быть войны»[2], нервы у них натянулись настолько, что...начались заболевания на психической почве, сопровождаемые бредовыми явлениями.[3]

Офицеры, по-существу, находились «фактически в плену у солдатской массы»,[4] «контроль за командным составом принял навязчивый характер».[5] Сводки в Ставку пестрят сообщениями о недружелюбном, недоверчивом, подозрительном и враждебном отношении солдат к офицерам.[6] Положение офицеров было не только тяжелым, но и чрезвычайно опасным. Не стоит говорить о грубом поведении, когда была допустима возможность открытого бунта, избиения и расправы с офицерами. [7] Перечень глумлений солдат над офицерами может быть продолжен до бесконечности.

В действующей армии очень далеко зашел процесс демократизации, быстрой эррозии тех связей в военном организме, без которых идет неумолимый процесс его обессиливания. В течение ноября-декабря 1917 года военные организации большевиков почти повсеместно провели выборное начало.[8] Но, предупреждая закон о выборности командного состава, некоторые части стали осуществлять это право ранее его официальной санкции,[9] арестовывая несогласных с подобными действиями офицеров.[10]

Октябрьские события привели к значительному росту национальной составляющей массового политического сознания действующей русской армии. [11] К этому времени заявлений, подобных резолюции 69-й артиллерийской бригады о том, чтобы «наша свобода не ласкала своими нежными руками только одну какую-нибудь национальность, а была бы доброй матерью для всех национальностей»,[12] встречается совсем немного.[13] Практически все национальности, проходившие службу в действующей армии, требовали создания своих национальных формиро-

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.30. Л.43; Ф.2067. Оп.1. Д.2940. Л.153.
[2] Якупов Н.М. Большевики во главе революционных солдатских масс. 1917 – январь 1918. Киев, 1967. С.209.
[3] РГВИА. Ф.2009. Оп.4. Д.30. Л.71.
[4] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1123. Л.344а.
[5] РГВИА. Ф.2134. Оп.1. Д.1320. Л.313.
[6] РГВИА. Ф.2009. Оп.4. Д.30. Л.73; Там же. Ф.2134. Оп.1. Д.1320. Л.313; Там же. Ф.2003. Оп.4. Д.30. Л.43; Там же. Ф.2003. Оп.4. Д.197. Л.207 об. и др.
[7] РГВИА. Ф.2009. Оп.4. Д.30. Л.72; Ф.2003. Оп.4. Д.197. Л.207 об. ; Д.30. Л.43.
[8] Солдатская правда. 1917. 28 декабря.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.197. Л.207 об.
[10] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.3802. Л.18.
[11] РГВИА. Ф.2668. Оп.1. Д.453. Л.430 об.
[12] РГВА. Ф.1. Оп.4. Д.7. Л.20.
[13] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.23. Л.92.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ваний. [1] Справедливости ради необходимо отметить, что сводки о настроениях в частях Юго-Западного фронта подчеркивали, что многие солдаты отрицательно относились к украинизации. [2]

В ухудшении отношений России и Украины многие военнослужащие винили Совет Народных Комиссаров, натравливающего два братских народа друг на друга, и не считавшими себя в положении войны друг с другом.[3] Украинская Рада также не дремала.[4] В суточной информационной сводке Ставки от 19 декабря 1917 года сообщалось, что «если Украинская Рада не прекратит свою политику, то возможно, что Северный и Западный фронты, бросив позиции, пойдут против Рады».[5] В попытках разрешения конфликта России и Украины прослеживались следующие платформы: 1) нейтральная, представители которой считали, что так как вся армия охвачена единственной идеей уезда в тыл, нет необходимости разделяться и совершать перегруппировки;[6] 2) мирная, в основе которой лежали требования предотвращения гражданской войны и ведения мирных переговоров командным составом;[7] 3) радикальная, требовавшая немедленного разгона Рады и Генерального Секретариата.[8]

В это же время началось формирование национальных корпусов на Кавказском фронте. [9] Согласно приказа генерала Щербачева от 5 декабря 1917 года на Румынском фронте началась тотальная национализация армии. [10] О своеобразном и самовольно присвоенном статусе центральных институтов национальными формированиями говорит тот факт, что, например, блок наций XII-й армии отказался признать власть Совета Народных Комиссаров, а признал лишь свои центральные институции.[11] Еще дальше пошел национальный комиссариат VI-й армии, который объявил себя высшей административной властью в армии, которой должна подчиняться вся армия.[12]

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.536. Л.2; РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.300. Л.8; Ф.2067. Оп.1. Д.498. Л.8; Д.3903. Л.288, 290; Ф.2067. Оп.1. Д.498. Л.1-1а.
[2] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.3848. Л.23-24; Д.3872. Л.108; Д.580. Л.68.
[3] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.203. Л.21, 22.
[4] См.: Якупов Н.М. Борьба за армию в 1917 году. С.212.
[5] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.48. Л.47а.
[6] РГВИА. Ф.2085. Оп.1. Д.10. Л.38.
[7] РГВА. Ф.14. Оп.1. Д.5. Л.179, 280, 287-290.
[8] РГВИА. Ф.2380. Оп.1. Д.3. Л.928, 928 об.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.338. Л.71; Д.329. Л.61; ГА РФ. Ф.Р-5111. Оп.1. Д.18. Л.192; Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917 – 1920 гг.). // Архив русской революции. Т.9. С.112; Стеклов А.П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте 1914 – 1917 гг. С.230.
[10] РГВИА. Ф.2085. Оп.2. Д.166. Л.26; Ф.2067. Оп.1. Д.49. Л.3.
[11] ГА РФ. Ф.6281. Оп.1. Д.70. Л.44.
[12] РГВИА. Ф.2126. Оп.5. Д.164. Л.1.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Известно создание в начале ноября в Киеве «Клуба социалистов-оборонцев», намеренных объединить всех «для борьбы как с большевистским захватом власти, так и с украинским сепаратизмом»,[1] эфемерное существование антиукраинско-черносотенного офицерско-солдатского союза «Вече» в Севастополе.[2] На конец 1917 -начало 1918 года учрежденным в первых числах декабря «Союзом великороссов» планировалось проведение «полномочного съезда великороссов в Москве». Но кроме желания организаторов собрать на него «только великороссов», о деятельности подобного форума ничего выяснить не удалось.[3]

В массовом политическом сознании действующей армии в послеоктябрьский период все далее на задний план уходит готовность к выполнению своего воинского долга, особенно у солдатской массы. Превалирует «личная заинтересованность каждого себя, не считаясь с судьбой Родины».[4] Лишь изредка можно встретить обращения к защите Родины, да и те касались, в основном, военнослужащих тыловых гарнизонов, которых фронтовики призывали «в окопы сражаться против германца, а не со своим братом».[5] Определенные надежды на действующую армию, впрочем, еще оставались.[6] Как единичный пример этому – отражение наступления немцев с применением газов на одном из участков Западного фронта.[7] И все же наблюдения Д.Г. Фокке, участника делегации на переговорах с Германией и Австро-Венгрией, более адекватно отражают армейскую действительность, подчеркивая еще оставшуюся привычку к выполнению своего воинского долга.[8]

Существенное влияние на политическое сознание русской армии все более и более стал оказывать инстинкт самосохранения.[9] К числу основных мотивов такого поведения можно отнести результаты преступно понятой свободы, перемирия на фронте, стремления участвовать в выборах в Учредительное собрание, а также и то, что масса рядового солдатского состава, в большинстве крестьян, рванулась в деревню, где в соответствии с декретом II Всероссийского съезда Советов решался вопрос о земле.

---

[1] ГА РФ. Ф.6978. Оп.1. Д.326. Л.27.
[2] Кришевский Н. В Крыму (1916 – 1918 г.) // Архив русской революции. Т.13. С.94.
[3] Эпоха (Москва). 1918. 13 января. Представительство устанавливалось по корпоративному принципу, партии представлены были ничтожно. Армия и флот должны были прислать 152 представителя, рабочие – 100, крестьяне – 420, губернские земства – 30, городское население – 62, кооперативы – 50, «трудовая интеллигенция» - 32. См.: Великоросс. 1917. 25 декабря (№1).
[4] РГВИА. Ф.1915. Оп.9. Д.2. Л.28 об.
[5] Источник. 1995. №1. С.44.
[6] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.180; Военно-исторический журнал. 1964. №12. С.52.
[7] РГВИА. Ф.2179. Оп.1. Д.1. Л.863; Ф.2048. Оп.1. Д.1123. Л.344.
[8] Архив русской революции. Т.20. С.19-20.
[9] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.30. Л.44; Д.197. Л.206.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Участились требования «заменить фронтовиков военнослужащими полков революционных гарнизонов», инициатором которых выступила XII-я армия, обещавшая «дать взамен таких же революционных солдат, измученных войной».[1] Эта инициатива была поддержана революционными организациями IX-й армии Румынского фронта.[2] При этом армия громко заявляла, чтобы ей больше не присылали делегатов с текущим моментом, а только смену в тыл.[3] Позиции действующей армии стремительно пустели. [4] На Западном фронте, протяженностью 450 верст, было около 70 тыс. строевых солдат – 155 человек на версту.[5] «Стремление в тыл прогрессивно увеличивается, принимая угрожающий характер», - резюмировала и Ставка.[6]

Не отличалась хорошей организованностью и демобилизация. [7] Чтобы исключить подобного рода явления, ВРК 25-го армейского корпуса XI-й армии Юго-Западного фронта вынуждены были издать специальный приказ, согласно которому «если личный состав каких-либо частей или учреждений будет осуществлять самовольный уход, то во имя спасения Родины будут применяться против таких частей самые решительные меры.»[8] Армия становилась фактически неуправляемой. [9] Не могли справиться с управлением армии и армейские комитеты. Так, армейский комитет и «ревком» IX-й армии, убедившись, что они сидят на пороховой бочке, поспешили уйти со сцены.[10] С армией ничего не могли поделать и вновь назначенные комиссары-большевики.[11]

Значительная часть офицерского корпуса не утратила чувства ответственности за судьбу Родины и выполнение своего воинского долга. Центром сосредоточения политических сил, недовольных большевизмом и его разлагающим влиянием на боеспособность армии, являлась Ставка. Особенно офицеры были недовольны стремлением большевиков заключить с противником мир. [12] Генерал Духонин даже не разрешил ударным батальонам защищать Ставку, мотивируя свое решение

---

[1] ГА РФ. Ф.375. Оп.1. Д.3. Л.151.
[2] Там же.
[3] ГА РФ. Ф.1235. Оп.77. Д.2. Л.13.
[4] РГВИА. Ф.2234. Оп.1. Д.243. Л.198; ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.577. Л.13; Коников Е.В. Борьба большевиков за демократический мир среди солдат действующей армии. Изд-во Саратовского университета, 1981. С.158-159; Троцкий Л. Моя жизнь. В 2-х т. М., 1990. Т.2. С.107.
[5] Коников Е.В. Указ. соч. С.159.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.4. Д.30. Л.43.
[7] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.48. Л.47а.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.197. Л.262.
[9] Дневник барона Алексея Будберга // Архив русской революции. Т.11. С.267.
[10] Известия армейского комитета IX армии. 1917. 23 ноября.
[11] Дневник барона Алексея Будберга. С.243.
[12] Там же. С.248.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тем, что «необходимо защищать Родину от врага и Учредительное собрание от разгона».[1] Большинство офицеров для сохранения армии и ведения войны до победы были готовы на все и выдвигали проекты, порой самые фантастические. [2] Под эгидой патриотизма офицерского состава началось формирование Добровольческой армии, цели создания которой впервые были обнародованы в воззвании от 27 декабря 1917 года.[3]

Но в общем и целом офицерский корпус оказался в заколдованном круге, из которого многие не видели выхода. [4] Отчаявшись, офицеры обращались и к союзникам с просьбами о спасении России, соглашаясь заплатить за эту помощь слишком дорогую цену: « Одной половиной нашего Уральского хребта можно легко и свободно заплатить все те деньги, которые потрачены на эту страшную войну всеми народами мира».[5]

Демократизация армии по-большевистски превратилась в дальнейшее ослабление дисциплины, рост солдатского самоуправления, переходивший в анархию и, как следствие, стимулировала самодемобилизацию офицеров из действующей армии. Истинными же причинами покидания офицерами Вооруженных Сил были выраженное недоверие со стороны войсковых комитетов и организаций, боязнь физической расправы или покушений на жизнь из-за роста преступности, принципиальное несогласие с приходом к власти большевиков и проводимой ими политикой, обыкновенное дезертирство. ВРК 25-го армейского корпуса XI-й армии Юго-Западного фронта даже был вынужден издать приказ, в котором предписывалось принять самые решительные меры против такого бегства (офицеров – А. Ч.). [6] Незначительная часть офицеров искала выход из сложившегося положения в загулах.[7]

Анализ источников позволяет сделать вывод, что боеспособность русской действующей армии была крайне низкой. Д.Г. Фокке отмечал: «Фронт в параличе. Его нужно питать, как отказавшиеся служить руки и ноги параличного, но с него почти ничего нельзя требовать. Бессильный сам по себе и не тревожимый против-

---

[1] Деникин А.И. Борьба Генерала Корнилова. С.145.
[2] Из воспоминаний генерала А. Лукомского. // Архив русской революции. Т.5. С.129; ГА РФ. Ф.5936. Оп.1. Д.577. Л.13.
[3] См.: Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.198; Из воспоминаний генерала А. Лукомского. С.141.
[4] Дневник барона Алексея Будберга. С.247.
[5] ГА РФ. Ф.1807. Оп.1. Д.490. Л.1-1 об.
[6] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.197. Л.263.
[7] ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.292. Л.51-52.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ником, фронт недвижим».[1] Впервые отмечалось неспокойное настроение у артиллеристов и только в казачьих частях настроение твердое и по отношению к совершаемым событиям выжидательное.[2] Крайне слабой была готовность армии к сопротивлению. [3] Был случай, когда взвод разбежался от двух перебежчиков-эльзасцев.[4] Новые руководители армии также критически оценивали ее состояние.[5]

Послеоктябрьская действующая армия представляла собой очень неприглядное зрелище.[6] По свидетельству Троцкого, армия, и особенно солдаты, погрязли в пьянстве. [7] Дабы пресечь пьяные бесчинства, ВРК вынужден был пообещать ежедневно выдавать представителям воинских частей спиртное из расчета по две бутылки на солдата в день. «В казармах шел пир горой»,[8] - вспоминал очевидец. Таким образом, «пролетарскую» революцию подпирал разгул солдат и городской черни, сдержать который рабочие, если того и хотели, физически были не в состоянии. По воспоминаниям Б. Байкова, «уже в октябре месяце проходившие через Баку…воинские части представляли собой в большинстве разложившиеся солдатские массы, с оружием в руках стремившиеся к себе на Родину в центральную Россию».[9]

Армия быстрыми темпами превращалась в социально опасный для общества организм. [10] Само командование особо подчеркивало полную дезорганизацию армии, превратившую ее «в трусливую банду озверевших и ничего не понимающих людей».[11] Своего рода квинтэссенция солдатского буйства и непотребства при возвращении с Кавказского фронта дается в известном романе А. Веселого «Россия, кровью умытая». [12] Настоящая трагедия, в основе которой лежал революционный хаос, произошла на станции Шамхор в начале января 1918 года.[13] Армия была замешана и в более неблаговидных деяниях. [14] Состояние стремительно деградирующей к концу 1917 года действующей русской армии генерал М.В. Алексеев

---

[1] Архив русской революции. Т.20. С.8.
[2] РГВИА. Ф.2048. Оп.1. Д.1123. Л.344а-345.
[3] РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.3802. Л.18.
[4] РГВИА. Ф.2009. Оп.4. Д.30. Л.87.
[5] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.34. Л.77-78.
[6] Архив русской революции. Т.20. С.11-12.
[7] Троцкий Л. Моя жизнь. М., 1991. С.287.
[8] Другов Ф. Октябрьские дни в Смольном // Солидарность. 1995. №21.
[9] Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917 – 1920 гг.) // Архив русской революции. Т.9. С.112.
[10] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.20. Л.49-51.
[11] ГА РФ. Ф.1807. Оп.1. Д.490. Л.4 об.
[12] Веселый А. Указ. соч. С.37-39, 55, 60-62, 64-65.
[13] ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.292. Л.72-75.
[14] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.95.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

выразил исключительно емкой фразой: «Из русской армии сделали человеческую нечисть».[1]

6 января 1918 года стало важным этапом на пути упрочения большевистской диктатуры – в этот день Учредительное собрание было роспущено. Еще ранее, прогнозируя возможный ход событий, 3 января ВЦИК принял написанную Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа».[2] Она была опубликована в «Правде» одновременно с постановлением ВЦИК, в котором указывалось, что «вся власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям».[3]

10 января 1918 года декретом ВЦИКа был упразднен III Всероссийский крестьянский съезд, пытавшийся защитить Учредительное собрание, отстоять советскую демократию и социалистическую многопартийность. Эти актом Советы окончательно превращались в псевдодемократическое прикрытие двухпартийной диктатуры. Ее окончательное оформление произошло 10-18 января в результате слияния отдельных съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в III Всероссийский съезд Советов. Решения съезда утвердили легальность новой власти, сделав ее постоянной и легитимной. С этого времени в России завершилась полоса либеральной и советской политической революции. Была окончательно похоронена демократическая альтернатива, возможность мирного эволюционного развития страны. Начинался следующий этап революции, самый глубокий и разрушительный. Подлинная природа гражданской войны, ее неимоверная тяжесть, участие в ней широких масс народа не сразу были вполне осознанны даже Лениным.[4]

Лучшим средством достижения поставленных целей большевики считали террор. Уже в январе1918 года Ленин жаловался на «мягкость» советского режима, призывая к установлению «железной власти».[5] 18 февраля 1918 года в связи с наступлением немцев и введением военного положения в Петрограде были закрыты практически все оппозиционные газеты, а в Москве введена цензура. В середине февраля Ленин предлагал обязать всех крестьян сдавать излишки продовольствия в обмен на квитанции. В случае отказа или даже задержки с поставками продуктов виновных следовало расстреливать. В конце концов этот проект Ленина был от-

---

[1] Там же. Ч.II. Кн.5. С.61.
[2] Правда. 1918. 3 января.
[3] См.: Декреты Советской власти. Т.1. С.323-324.
[4] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.266, 297. Там же. Т.43. С.8.
[5] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.196.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

клонен,[1] но было реализовано жесточайших решений неизмеримо больше. По мнению Р. Пайпса, в котором есть рациональное зерно, большевистский террор с начала революции осуществлялся совершенно открыто: «Это специально разыгранное в национальных масштабах зрелище должно было служить «воспитательным» целям: расчет был на то, что как власть имущие, так и подданные, разделив между собой ответственность за пролитую кровь, будут заинтересованы в выживании режима».[2]

Главной заботой большевиков после октября было укрепление своей власти и распространение ее на территорию всей страны. Эту трудную задачу приходилось решать в условиях, требующих напряженной и сосредоточенной деятельности в области внешней политики, центральным моментом которой являлись отношения с Германией. От надлежащим образом оформленного перемирия с Германией всецело зависели шансы Ленина остаться у власти с одной стороны, и с другой – подписание перемирия и последующий мир открывали большевикам дорогу к мировому господству. В декабре 1917 года, когда большая часть его сподвижников отвергала условия Германии, Ленин настаивал на их выполнении, так как считал, что другого выхода просто нет.[3] Исходя из этой предпосылки, Ленин был готов подписать мир с Четверным союзом на любых условиях. Для оппонентов Ленина подписание мира с «империалистами», особенно на тех унизительных условиях, которые они предлагали, было предательством дела международного социализма; в долговременной перспективе это означало и смертный приговор революционной России. По их мнению, советская Россия не должна была ставить свои кратковременные национальные интересы выше интересов мирового пролетариата.

В начале января германская делегация выразила согласие подписать мирный договор при условии крупных территориальных уступок со стороны России (свыше 150 тысяч квадратных километров). Ленин предложил условия принять и подписать мир. Вследствие ожесточенных споров по этому вопросу в партии развернулись драматические события: она, по-существу, раскололась. Началась борьба между сторонниками Ленина и, так называемыми, «левыми коммунистами» во главе с Н.И. Бухариным, которые, не без оснований, считали заключение грабительского мира предательством революции.

---

[1] Павлюченков С.А. Крестьянский Брест. М., 1996. С.29.
[2] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.514.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.250.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Для Ленина главным было сохранить власть, а значит, как говорил вождь, и сохранить революционные завоевания. Он был готов к утрате Петрограда и Москвы, лишь бы сохранить ее. [1] Уверенность Ленина, которого поддерживали Каменев, Зиновьев и Сталин, что решение нужно принимать срочно и что у России нет возможности вести торг дальше, подкреплялась сведениями из донесения в Совнарком от 31 декабря 1917 года комиссара по военным и морским делам Крыленко.[2] Не располагая силами, которые можно было бы назвать армией, невозможно противостоять дисциплинированному и хорошо оснащенному противнику, - такова была точка зрения Ленина. 7 января Ленин обнародовал свою позицию в «Тезисах по вопросу немедленного заключения сепаратного и аннексионистского мира». [3]

У Ленина, кроме того, было еще одно соображение, которое он не мог высказать вслух, не обнаружив, что, несмотря на все свои протесты, в действительности он желал, чтобы мировая война продолжалась. Он был совершенно уверен, что как только «буржуазия» Четверного союза и Антанты заключит мир, они объединят силы для войны против Советской России.[4] Сильно переоценивая решительность и коварство своих врагов, он, однако, уверенный, что угроза существует, стремился продлить войну и выиграть время для создания военных сил, способных оказать сопротивление натиску «капиталистов».

Ленин спешил с принятием ультиматума, словно опасаясь, что если медлить и дальше, то немцы могут дополнительно предъявить то единственное условие, которое он не мог принять: уход большевиков от власти. 18 февраля началось наступление немцев, которые продвигались вперед, почти не встречая сопротивления. [5] Именно тогда Ленин поклялся не уступать: по словам И. Штейнберга, 18 февраля он заявил, что откроет военные действия только в том случае, если Германия потребует, чтобы его правительство отошло от власти.[6] Положение усугублялось тем, что Германия и Австрия 9 февраля подписали сепаратный мирный договор с Украинской республикой, что de facto превращало ее в протекторат Германии.[7]

Уже через неделю после прихода к власти Ленин, вопреки всеобщему желанию форсировать германскую революцию, предлагал терпеливо ждать, пока она

---

[1] Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 118 года. Стенографический отчет. М., 1962. С.126, 129.
[2] Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. М., 1965. С.406-407.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.243-252.
[4] Там же. С.324.
[5] Протоколы Центрального Комитета РСДРП. С.232.
[6] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.262.
[7] См.: Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М., 1968. Т.1. С.298-308.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

разразится сама. В ответе на вопрос о причинах столь своеобразной позиции Ленина – ключ к пониманию всей его брестской политики. Там, где партию большевиков интересовала мировая революция, Ленин, прежде всего, был заинтересован в мировой революции под своим непосредственным руководством. И по этой причине ему важнее всего было на данном этапе удержать власть в России, а не торопиться с германской революцией. Если бы она победила в Германии в 1918 году, Ленин никому не был бы нужен. Это он понимал отчетливо. Настаивая на сепаратном мире с Четверным союзом, давая «империалистическому» германскому правительству «передышку», Ленин саботировал революцию в Германии. Но только через сепаратный мир лежал путь к личной власти Ленина в России. И именно это было для него главным.[1]

Брестский мир не был неизбежностью. Он был платой за разложение армии и вольное или невольное принятие большевиками помощи немцев. В военном отношении дела России не были безнадежными. Ни для кого не было секретом, что вступление в войну США резко качнет весы победы в сторону Антанты. Коллапс России и перспектива заключения ею сепаратного мира воспринимались союзниками как катастрофа, очевидным следствием которой могла стать победа Германии. Поэтому они были готовы помогать своему союзнику даже после прихода к власти большевиков. [2] Но большевики, придя к власти, должны были оплачивать векселя обещаний. Это можно было сделать только путем национального поражения. Обещание же «немедленного мира» парализовало войска. А большевики тем временем не жалели денег на усиление революционной пропаганды в Германии. Как немцы с помощью большевиков разлагали Россию в 1916 – 1917 годах, так теперь их негласные союзники отвечали им тем же. [3] Совнарком по настоянию «левых коммунистов» даже принял решение о выделении двух миллионов золотых рублей на революционную пропаганду за рубежом.[4] И, хотя Л. Троцкий утверждает, что сочетание Октября с Брестом характеризует политический гений Ленина,[5] Ю. Фельштинский в своем оригинальном исследовании «Из истории Брестского мира» считает, что Ленин все больше осознавал свою ошибку с миром, похожим на капитуляцию.[6]

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.247.
[2] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.263.
[3] См.: Архив русской революции. Т.20. С.149.
[4] См.: Волкогонов Д. Лев Троцкий. Политический портрет // Октябрь, 1991. №7. С.137.
[5] См.: Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.271.
[6] Новый журнал. 1986. №162. С.233.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Бухаринская фракция («левые коммунисты» - А. Ч.) считала обязательным довести переговоры до разрыва, чтобы ответить на наступление партизанской войной,[1] а также использовать европейскую революционную ситуацию и вызвать на континенте пожар. Для них также никакие территориальные и другие потери России абсолютно никакой реальной ценности не представляли.[2]

На заседании ЦК РСДРП 11 января 1918 года Н.И. Бухарин, объясняя свою позицию, говорил, что «пусть немцы нас побьют, пусть продвинутся еще на сто верст, мы заинтересованы в том, как это отразится на международном движении».[3] Самое большое, на что был согласен Н.И.Бухарин, это возможность выдвижения лозунга окопного мира.[4] Урицкий считал, что ошибка тов. Ленина в настоящий момент та же, что была в 1915 году, - а именно, он смотрит на дело с точки зрения России, а не с точки зрения международной[5]. Будучи убежденным, что подписание мира «есть капитуляция всей нашей программы», Дзержинский обвинил Ленина в том, что он «делает в скрытом виде то, что в октябре делали Зиновьев и Каменев».[6] С аналогичных позиций выступали и другие « левые» коммунисты.[7] Эта позиция была довольно популярна среди большевиков и ряда Советов.[8]

Наконец, было течение, которое считало невозможным военное сопротивление, но в то же время находило необходимым довести переговоры до открытого разрыва, до нового наступления Германии, так, чтобы капитулировать пришлось уже перед очевидным применением империалистической силы и вырвать тем самым почву из-под ног инсинуаций и подозрений, будто переговоры являются только прикрытием уже состоявшейся сделки.[9] На заседании политической комиссии 10 февраля 1918 года Троцкий говорил: «Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий, противостоящих войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Мы ждем и твердо верим, что другие народы скоро последуют нашему примеру».[10] Декларируя на переговорах о мире право наций на самоопределение,

---

[1] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С.149.
[2] Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С.185.
[3] Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 – февраль 1918. М., 1929. С.200.
[4] Там же. С.206.
[5] Там же. С.203.
[6] Там же. С.205.
[7] Там же. С.206.
[8] Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 – февраль 1918. М., 1929. С.185; Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.187; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.399.
[9] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С.149; Моя жизнь. Т.2. С.108-109.
[10] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С.150.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

он руководствовался при этом вовсе не интересами России, но лишь задачами и целями революционной пропаганды и затем – желанием создать на германской границе ряд «советско-пролетарских» государств, могущих явиться исходной точкой для германской, а затем и мировой коммунистической революции.[1]

Формула Троцкого имела конкретный практический смысл. Она, с одной стороны, исходила из того, что Германия не в состоянии вести крупные наступательные действия на русском фронте (иначе бы немцы не сели за стол переговоров), а с другой – имела то преимущество, что большевики в «моральном смысле» оставались чисты перед рабочим классом всех стран. Кроме того, важно было опровергнуть всеобщее убеждение, что большевики просто подкуплены немцами и все происходящее в Брест-Литовске – не более, как хорошо разыгранная комедия с заранее распределенными ролями.

Решающее столкновение по вопросу о мире произошло на VII съезде, который был созван в страшной спешке. Н.И. Бухарин настаивал на своем.[2] На съезде у него оказалось довольно много сторонников. Урицкий, Бубнов, Рязанов остро критиковали позицию Ленина.[3] Союзники большевиков, левые эсеры, более склонялись к позиции Троцкого.[4] И хотя постановление о мире, принятое 14 января 1918 года III Всероссийским съездом Советов, не содержало большего, чем поручение «своей делегации отстаивать принципы мира на основах программы русской революции»,[5] вышеупомянутые решения были, надо полагать, восприняты Троцким как официальное основание для проведения своей линии в ходе дальнейших переговоров в Брест-Литовске. В очередной раз в партии, хотя и с большим трудом, взяла верх ленинская точка зрения, тем более что Германия, и, особенно ее военные, оказывали сильнейшее давление на Россию, постоянно ужесточая свою позицию.[6]

3 марта 1918 года был заключен сепаратный Брест-Литовский мирный договор РСФСР с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией.[7] VII Экстренный съезд РКП(б) после ожесточенной внутрипартийной борьбы признал этот шаг

---

[1] Архив русской революции. Т.20. С.148.
[2] Седьмой Экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962. С.33, 42,50.
[3] Там же. С. 63,87, 216, 217.
[4] Известия ЦК КПСС. 1989. №2. С.181.
[5] Декреты Советской власти. Т.1. С.350.
[6] Советско-германские отношения. Т.1. С.208.
[7] Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. М., 1920; Чубарьян А.О. Брестский мир. М., 1964; Ксенофонтов И.Н. Мир, который хотели и который ненавидели. М., 1990 и др.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

«неизбежным и необходимым»,[1] а IV Чрезвычайный съезд Советов его ратифицировал,[2] несмотря на то, что из более чем двухсот Советов подавляющее число высказалось против.[3]

Брестский мир юридически вывел нашу страну из разряда главной союзной державы Антанты и низвел ее к положению «дружественного», полузависимого по отношению к германскому блоку, государства. [4] Россия получила вместо провозглашенного большевиками и установленного в Декрете о мире «демократического мира без аннексий и контрибуций» неравноправный мирный договор. Она потеряла треть европейской территории, где проживало 50 миллионов человек и передала Берлину 93,5 тонны российского золота.[5] Заключение Брестского мира вызвало очередной политический кризис. Возмущенные его подписанием левые эсеры и «левые» коммунисты вышли из состава Совета Народных Комиссаров РСФСР.

Таким образом, в борьбе между романтиками-идеалистами, апологетами экспорта революции, и сторонниками сепаратного, «похабного» мира победа оказалась на стороне последних, то есть прагматиков-реалистов, стремившихся сохранить и укрепить реальную власть в стране для утопических попыток строительства социализма. Ленин проявил себя как изворотливый, находчивый, волевой тактик, но не стратег, как человек, которому явно не хватило проницательности. Бумаги Брест-Литовска стали для России свидетельством измены национальным интересам. Брестская эпопея, долгие годы раскрывавшаяся как пример величайшей мудрости вождя, совсем не учитывала национальные, геополитические и исторические факторы. Власть – вот что рассматривалось как высшая ценность.

Несмотря на всю свою деятельность по разложению действующей армии через ее дальнейшую «демократизацию» после октября 1917 года, большевики все еще возлагали на нее определенные надежды при отражении наступления немецко-австрийских войск. [6] Но в 1918 году массовая демобилизация действующей армии продолжилась. [7] Только в январе 1918 года были уволены солдаты восьми призывных возрастов.[8] К середине февраля 1918 года почти половина старой рус-

---

[1] Седьмой съезд РКП(б). Стенографический отчет. С.176.
[2] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.5. С.319.
[3] См.: Троцкий Л. Моя жизнь. Т.2. С.110-111.
[4] Pearse B. Haw Haig Saved Lenin. Lnd., 1987. P.7; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.351.
[5] Волкогонов Д.А. Ленин. Т.2. С.109.
[6] См.: Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова. С.209, 210.
[7] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.48. Л.56, 61, 73, 82.
[8] См.: Систематический справочник-указатель... С.254.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ской армии была демобилизована.[1] Оставшиеся на фронте солдаты, а это почти на 90% были крестьяне, нетерпеливо ждали своей очереди, возбуждаемые и подталкиваемые доходившими до них известиями о развернувшемся по всей стране – в соответствии с декретами новой власти – разделе помещичьих и церковно-монастырских земель. При этом солдаты мало прислушивались к приказам и призывам, их «революционное сознание» молчало.

Приостановленная в некоторых районах в связи с австро-германской интервенцией демобилизация была форсирована после подписания мира. Новый наркомвоен Троцкий в категорических выражениях потребовал скорейшей ликвидации старой армии. В ее осуществлении целесообразно выделить два этапа: I этап – с 18 февраля по 3 марта – беспорядочная демобилизация, бегство с фронта; II этап – с 3 марта по середину апреля 1918 года – окончательный роспуск старой армии. В связи с демобилизацией старой армии по решению ЦК РКП(б) от 15 марта 1918 года были ликвидированы военные организации большевиков.[2]

27 марта приказом наркомвоена, подписанного комиссаром по демобилизации М. Кедровым, ликвидировались все войсковые комитеты от ротных и выше, а также все штабы, управления и учреждения старой армии на момент их расположения.[3] Но еще раньше 2 марта приказом №182 продолжалась демобилизация, приостановленная в отдельных районах и местностях приказами отдельных командиров.[4] Разрешалось во время увольнения в запас солдат задерживать до определенного времени лиц, специальности которых были необходимы для поддержания жизнедеятельности армии,[5] а также отмечались части старой армии, которые не подлежали расформированию. [6] Таким образом, демобилизация остатков действующей армии носила более прагматический характер и исходила прежде всего из интересов обороны советского государства. Последний приказ Троцкого №313 от 29 апреля 1918 года, относящийся к демобилизации старой армии, говорил о прекращении довольствия расформированных и демобилизованных частей.[7]

Перед военным руководством большевиков стояла крайне важная и сложная задача по отражению возможного наступления противника и сохранения материальных ресурсов армии для последующего ведения боевых действий. Наступление

---

[1] См.: Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. 1917 – 1918. 2-е изд. М., 1987. С.241.
[2] РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.1. Л.2.
[3] Войсковые комитеты действующей армии. С.533-534.
[4] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.82. Л.2.
[5] Там же.
[6] Там же. Л.3.
[7] Там же. Л.5.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

немецкой армии послужило основной причиной окончательной потери боеспособности русской армии. Неожиданность наступления для теоретиков мировой революции была тем более значительной, что сам факт его прогнозировался достоверными данными военной разведки, полученными по самым различным каналам, в том числе и по дипломатическим. Сам секрет предполагаемого наступления во многом не совпадал с выводами отдельных влиятельных лиц из ЦК РСДРП(б) о скорой «социальной революции», которая якобы вот-вот разразится на западе Европы в воюющих странах. По мнению большевиков, революционные события в России должны были вызвать такие же катаклизмы в других воюющих странах. К подобному результату привела всеобщая вера в теоретические обоснования Маркса. О том, насколько было неожиданно немецкое наступление для войск Западного фронта, говорит телеграмма начальника штаба III-й армии полковника С.С. Каменева из Полоцка в Петроград наркомвоену Подвойскому. [1]

Под угрозой оказались огромные войсковые запасы материальных средств. Они уже давно расхищались солдатами, хотя еще 31 января 1918 года, по явно запоздалому распоряжению Главкома Западного фронта А.Ф.Мясникова, разрешалось прибегать к жестким мерам по «...прекращению продажи имущества немцам».[2] Но меры были малоэффективны[3], а приказы противоречивы и исключали возможность одновременного их выполнения. [4] Только 28 февраля, когда австро-немецкие войска уже глубоко проникли на территорию России от Балтики до Черного моря и захватили основную массу вооружения, складированного на фронтах, комиссариат по демобилизации армии при наркомвоене указал, куда следовало эвакуировать вооружение и другое имущество с фронтов, а также очередность эвакуации.[5] После возобновления Германией боевых действий в феврале 1918 года почти половина всего имущества попала в руки неприятеля,[6] но удалось вывезти: почти всю тяжелую артиллерию, 65-70% легкой артиллерии, всю кавалерию с имуществом, почти все воздухоплавательное имущество, полковое имущество пятой части полков, незначительную часть автомобилей, инженерного имущества и артиллерийских снарядов.[7]

---

[1] РГВА. Ф.1. Оп.2. Д.1. Л.55.
[2] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.48. Л.71а.
[3] Там же. Л.96.
[4] РГВА. Ф.2. Оп.2. Д.450. Л.6.
[5] РГВА. Ф.20. Оп.2. Д.37. Л.28, 30-32.
[6] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.185. Л.2.
[7] Там же. Л.2, 2а.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Волна солдат, хлынувшая вне всякого плана очередности увольнений, паника, охватившая воинские соединения, находившиеся на этапе расформирования во время австро-немецкого наступления, а если к этому добавить окончательное падение воинской дисциплины, наличие в войсках местного сепаратизма, отрядного эгоизма, митинговой анархии, руководство Западным фронтом одновременно тремя Главкомами (Берзиным, Мясниковым и Ефимовым), постоянно перепиравшихся по самым разнообразным вопросам, то распад и развал действующей армии, деморализующе действуя на тылы, приобретал характер военного бедствия.

В этих условиях была сделана попытка создания Завесы – из остатков старой русской армии формировались боеспособные части, которые могли бы оказать достойное сопротивление германской армии в сочетании с партизанской войной с целью выиграть время для формирования новой армии в глубине страны. В марте по директиве только что созданного Высшего военного Совета вдоль демаркационной линии вместо остатков старой армии создавались два участка отрядов Завесы – Северный (СУОЗ) и Западный (ЗУОЗ) – от старых русских фронтов.[1] Из частей старой армии планировалось «создание остова, вокруг которого соберутся в тылу добровольцы». Некоторые дивизии должны были оставаться на фронте в качестве прикрытия.[2]

После всестороннего обсуждения проблем военного строительства, было принято решение о выделении из старой армии преданных большевикам солдат в ряды социалистической армии. 29 декабря 1917 года Верховный главнокомандующий издал приказ о формировании из солдат-добровольцев революционной народной социалистической армии,[3] а 15 января 1918 года последовал декрет Совнаркома об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Для практического руководства строительством Красной Армии Совнарком учредил Всероссийскую коллегию по формированию РККА, которая только за период с 14 февраля по 5 апреля направила в 43 губернии страны более 100 организаторов и свыше 280 агитаторов.[4] К весне 1918 года на Северном фронте записалось 24 тысячи добровольцев, на Западном – 15 тысяч, на Кавказском – 10 тысяч,[5] всего около 70 тысяч человек.[6]

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1818. Л.37 об.
[2] Там же. Л.1-4, 11-12 об.
[3] Систематизированный справочник-указатель... С.66.
[4] РГВА. Ф.3. Оп.1. Д.47. Л.215-221.
[5] РГВА. Ф.11. Оп.8. Д.164. Л.44; Ф.2. Оп.1. Д.39. Л.19.
[6] См.: Голуб П.А. Партия, армия и революция. С.292.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

После роспуска Учредительного собрания произошли определенные изменения в стане меньшевиков. «Наши надежды на крушение большевистского режима, - говорил Дан 10 января 1918 года на заседании ЦИК 1-го созыва, - не оправдались, и теперь трудно быть оптимистом, чтобы сказать, как это скоро случится».[1] Это обстоятельство определило вступление меньшевизма в новый этап его истории. 14-20 января 1918 года состоялся учредительный съезд объединенных социал-демократов интернационалистов. В резолюциях, принятых съездом, отрицалась необходимость диктатуры пролетариата, проявлялось непонимание революционной сущности Советской власти, отвергался сепаратный мир с Германией. Вместе с тем, съезд призвал «противодействовать всем попыткам буржуазии и правых социалистических партий свергнуть Советскую власть путем вооруженной борьбы».[2]

Была сделана попытка объединения меньшевиков первоначально в масштабе Петрограда. В феврале 1918 года была созвана особая «объединительная» конференция петроградской организации, но она не привела к соглашению, так как основное положение принятой «интернационалистским» большинством этой конференции платформы («идти в Советы для положительной работы») было совершенно непреемлемо для «оборонцев».[3]

Меньшевики попытались всесторонне проанализировать действия социалистического большинства в Учредительном собрании.[4] Далее предлагался свой сценарий его действий: «Власть Советов упраздняется. Акты узурпаторов объявляются ничтожными. Учредительное собрание образует Верховный суд над насильниками и убийцами. Все отмененные свободы восстанавливаются. Пленники диктатуры освобождаются».[5]

Сторонники «Новой жизни» категорически отвергали надуманные упреки большевиков в «контрреволюционности» Учредительного собрания и его буржуазности.[6] Однако, оценивая перспективы развития демократического движения, Б. Авилов предполагал, что начинается период борьбы между сторонниками Советской власти и сторонниками Учредительного собрания. Он приходил к заключению, что «чем дальше, тем более будет уменьшаться число первых и тем более бу-

---

[1] Меньшевики... С.142.
[2] РГАСПИ. Ф.444. Оп.1. Д.18.
[3] См.: Новая жизнь. 1918. 20 апреля.
[4] День за днем (День). 1918. 16 января.
[5] Там же.
[6] Новая жизнь. 1918. 9 января.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дет расти число вторых»,[1] предупреждая при этом о последствиях.[2] Новожизненцы вновь заявили о своем особом мнении по поводу участия большевиков в предполагаемом демократическом правительстве.[3]

В частном письме к К. Каутскому в январе 1918 года начал свою обвинительную кампанию против большевиков П. Аксельрод, который охарактеризовал действия новых вершителей судеб страны как историческое преступление, беспримерное в современной истории.[4] Анализ П. Аксельрода был, по мнению автора, строго ограничен основными действующими лицами, то есть большевистской элитой, ее методами действий и ее стремлением к власти; он лишь поверхностно касался масс, участвующих в событиях. Они, по его мнению, оставались лишь объектом манипуляции.

Еще более нетерпимым к большевикам стал А.Н. Потресов[5], который впоследствии даже вступил в Петрограде в «Союз Возрождения», состоявший из монархистов, кадетов и некоторых социалистов. Большевизм у власти был «контрреволюцией», а в борьбе с контрреволюцией – это он пронес сквозь всю свою жизнь – допустимы компромиссы с самыми различными силами. Прогнозируя события после разгона Учредительного собрания, А.Н.Потресов предположил, что развитие (большевизма – А. Ч.) неминуемо приведет либо к реставрации легитимной монархии, либо к одной из форм бонапартизма, констатировав при этом, что «революция 1917 года умерла». Но это означало, что впереди Россию ждет новая революция.[6] В. Канторович, дополняя мысль Потресова, заявил: «...мы и раньше утверждали, что Учредительное собрание явится только этапом в гражданской войне».[7]

Значительная часть меньшевиков по-прежнему не приветствовала никаких совместных действий с большевиками на основе резолюции ЦК РСДРП(о) еще от 28 октября 1917 года.[8] Они обвиняли социалистическое большинство Учредительного собрания, в первую очередь эсеровский центр, доминировавший в нем, в уклонении от конфронтации с большевиками, считая такую линию поведения гибельной для «революционной демократии» и ведущей к перерождению «большевизма» в одну из форм бонапартизма, что, в свою очередь, ведет к возникновению

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же. 20 февраля.
[4] См.: Тищенко Е.В. Меньшевики в 1917 – 1921 годах. М., 1996. С.46, 47.
[5] Иванович С.Т., Потресов А.Н. Опыт культурно-психологического портрета. Париж, 1938. С.138.
[6] День за днем (День). 1918. 16 января.
[7] Там же.
[8] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.40. Л.3.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

новой революционной ситуации. Отсюда логически следовал призыв к физической борьбе за власть. [1] Фактически это означало призыв к гражданской войне под знаменем борьбы за Учредительное собрание. Как отмечал Л. Мартов в письме к П. Аксельроду, меньшевики были готовы пойти на восстание против большевиков, если в России сложились бы благоприятные условия.[2]

23 февраля меньшевистская газета «Вперед!», вышедшая с лозунгами «В отставку Совет народных комиссаров! Немедленный созыв Учредительного Собрания!», опубликовала статью Ф. Дана «Два пути» [3], которую нельзя рассматривать иначе, как прямое психологическое давление на руководство партии большевиков.[4] Суть таких взглядов Н. Суханов впоследствии охарактеризовал так: это была линия на восстановление буржуазной диктатуры «на развалинах большевистской власти».[5]

И все же далеко не сразу лидеры меньшевиков и эсеров дали возможность остальным политическим силам использовать роспуск Учредительного собрания в качестве повода для развязывания гражданской войны, что со всей очевидностью утверждалось в тезисах ЦК РСДРП «О политике партии в Советской России» от 9 января 1918 г.[6] При этом меньшевики исходили из следующего: « с большевистским движением тесно связаны судьбы нашей революции. Большевистское движение – это искаженные, выродившиеся революционные стремления широких народных масс».[7]

После роспуска Учредительного собрания ЦК меньшевиков выпустил воззвание, в котором призывал еще решительнее повести борьбу за созыв полновластного Учредительного Собрания, члены ЦК побывали во многих городах.[8] Но этот призыв остался без поддержки.[9] В целом партия меньшевиков в январе 1918 года не предпринимала серьезных попыток для организованного сопротивления большевикам и защиты Учредительного Собрания. По всей видимости, в их среде возобладала точка зрения Церетели: лучше уж Учредительному собранию тихо скончаться, нежели развязать своим выступлением гражданскую войну.[10]

---

[1] День за днем (День). 1918. 16 января.
[2] См.: Социалистический вестник. 1921. №8. С.3.
[3] Вперед! 1918. 23 февраля.
[4] Дан Ф. Вопросы войны и мира // За год: Сб. статей. М.-Пг., 1919. С.19.
[5] Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн.7. С.193.
[6] РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2573. Л.4.
[7] Новая жизнь. 1918. 27 января.
[8] См.: Тищенко Е.В. Указ. соч. С.58.
[9] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.115. Л.1.
[10] См.: Игнатьев В.И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны (1917 – 1921 гг.). М., 1928. С.8.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

«Разгон Учредительного собрания, показавший, что активная часть народных масс еще всецело увлечена идеей диктатуры меньшинства в ее обманчивой форме «всей власти Советам», - писал Ю. Мартов, - поставил перед партией задачу длительной борьбы за влияние на трудящиеся массы в Советах и пролетарских организациях».[1] Меняется и тактика партии. Ее целью становится теперь «завоевание советских организаций» и вытеснение оттуда большевиков.[2]

Петроградский комитет меньшевиков-оборонцев, напротив, потребовал отозвать меньшевистских представителей из Петроградского Совета. Он категорически выступил против вхождения во ВЦИК Советов.[3] Но руководители меньшевистского ЦК понимали, что отказ от вхождения в Советы еще больше отделит партию от масс.[4] 16 января 1918 года ЦК меньшевиков признал целесообразным «ввиду изменившихся обстоятельств вступить в состав ВЦИК».[5] Центральным лозунгом такого движения предполагалось сделать лозунг защиты разогнанного Учредительного собрания.[6] Идея «независимой рабочей организации» была брошена в уже подготовленную почву, так как после роспуска Учредительного собрания среди петроградских и московских рабочих отмечалось настороженное отношение к партийным функционерам как большевистской, так и других социалистических партий, в том числе и к меньшевикам.

10 января 1918 года открылся III Всероссийский съезд Советов, на котором Ю.Мартов снова повторил доводы меньшевиков о социализме.[7] В состав ВЦИК, избранного съездом, вошли Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, Р.А. Абрамович, Н. Череванин и Н.Н. Суханов,[8] но фракция меньшевиков была очень мала: даже вместе с правыми эсерами и социал-демократами интернационалистами они составляли немногим более 3% от общего количества мандатов во ВЦИК.[9] Г. Денике впоследствии так писал о деятельности меньшевиков во ВЦИКе: «В течение нескольких месяцев меньшевики имели возможность использовать трибуну ВЦИК для изложения своих антиправительственных взглядов».[10]

---

[1] Оборона революции и задачи социал-демократии. Пг.-М., 1920. С.4.
[2] Партийные известия (изд. ЦК РСДРП(о). 1918. №1-2 (9). С.6; Новая жизнь. 1918. 12 января.
[3] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.150. Л.42, 49.
[4] Вперед! 1918. 13 января.
[5] Партийные известия. 1918. №1-2 (9). С. 6,16.
[6] Вперед! 1918. 17 января,24 января.
[7] См.: Третий Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. Пг., 1918. С.35.
[8] Н.Н. Суханов по собственной инициативе без партийного мандата вошел во ВЦИК еще в декабре 1917 года.
[9] См.: Подболотов П.А., Спирин Л.М. Указ. соч. С.67.
[10] См.: The Mensheviks. From the Revolution of the 1917 to the Second World War. P.136.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Анализ источников позволяет сделать вывод, что в этот период вся деятельность партии меньшевиков была подчинена решению следующих задач: 1) борьба за демократизацию политической системы; 2) защита классовой независимости и самостоятельности рабочего класса; 3)противодействие неизбежному, как они полагали, «буржуазному перерождению» и бонапартистскому финалу российской революции.

После принятия решения о вступлении представителей меньшевиков во ВЦИК меньшевистский ЦК, направил местным партийным организациям письмо, в котором дал директиву возвратиться в Советы и вести в них политическую борьбу с большевиками.[1] Прекращение состояния перемирия и начавшееся 18 февраля наступление немцев на Двинск, заставившее большевиков бросить лозунг «Социалистическое отечество в опасности», укрепило надежды меньшевиков на мирную смену власти в условиях общенационального патриотического подъема, подготовить который и была призвана вся их работа в массах. 20(7) февраля газета «Наше начало» представила читательской аудитории свой план возрождения России.[2] Вне всякого сомнения, целью этой публикации было привлечение симпатий к лозунгам и программам правосоциалистической оппозиции с учетом возможного повторного созыва Учредительного собрания.

Газета «Новый луч» 22 февраля опубликовала статью «Кто на смену?», в которой следующим образом оценила ситуацию: «Сумерки богов» наступили. Политическое банкротство мужицко-солдатско-анархистского правительства Ленина не подлежит сомнению».[3] Содержание газеты было наполнено тревогой ожидания поворота вправо (т.е. создания режима, аналогичного режиму Директории во Франции XVIII века), газета призывала спасать демократические формы существующей политической структуры.

Газета «День» 22 февраля призвала к «организации такого национального центра, который соответствовал бы реальному соотношению общественных сил в момент крушения социально-политических утопий значительной части пролетариата и анархизированных слоев крестьянства».[4] Газета предлагала свое видение так называемой «национальной концентрации».[5] Эта публикация еще раз подтвер-

---

[1] См.: Тищенко Е.В. Указ. соч. С.125-126.
[2] Наше начало. 1917. 7(20) февраля.
[3] Новый луч. 1918. 22 февраля.
[4] Новый день (День). 1918. 22 февраля.
[5] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дила недовольство правых меньшевиков деятельностью фракций ПСР и РСДРП(о) в Учредительном собрании.

Однако большая часть социалистической оппозиции считала, что создавшаяся ситуация (и, в первую очередь, кризис советской власти) способствует реанимации Учредительного собрания, дает шанс использовать именно лозунг созыва Учредительного собрания для объединения всех оппозиционных большевикам и «национально мыслящих» сил. Наиболее активно лозунг Учредительного собрания использовала в эти дни московская оппозиционная социалистическая пресса.

В Москве к этому времени собралась довольно большая группа депутатов Учредительного собрания от социалистических партий, готовых взять на себя организацию созыва Учредительного собрания. В первую очередь депутаты обратились к общественному мнению, используя для этого страницы московских социалистических газет «Вперед!» [1] и «Труд». Можно констатировать, что московские меньшевики в этот период стояли на позициях, близких к тем, что занимали социал-демократы-интернационалисты из «Новой жизни», призывая большевиков сделать первый шаг навстречу «революционной демократии».[2]

В марте 1918 года меньшевистская печать заявила о кризисе Советов. Газета «Вперед!» 17 марта сообщала о ряде стихийных выступлений против Советов в провинции. [3] В то же время меньшевики не снимали своих требований перевыборов Советов. Через 10 дней после данной публикации власти Москвы согласились на перевыборы Моссовета. Газета «Вперед!» активно включилась в предвыборную пропагандистскую кампанию.[4] В этом же номере была опубликована статья Л. Мартова «Перевыборы Советов». [5] Фактически это была партийная инструкция, которую через газету доводили до сведения каждого члена московской организации РСДРП(о). В последующем выборы принесли меньшевикам к 25 апреля всего 12% голосов.[6] В конечном итоге весной 1918 года меньшевики похоронили свои надежды на органы Советской власти в деле представительства действительных интересов российского пролетариата.[7]

Одними из важнейших и принципиальнейших проблем в политической деятельности партии меньшевиков были проблемы войны и мира, особенно относя-

[1] Вперед! 1918. 20 февраля.
[2] Там же. 24 февраля.
[3] Вперед! 1918. 17 марта.
[4] Там же. 28 марта.
[5] Там же.
[6] Там же. 27 апреля.
[7] Наш век. Пг., 1918. 16 июля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

щиеся к заключению сепаратного мира с Германией. В дни переговоров в Бресте ЦК меньшевиков выпустил прокламацию с призывом мира не подписывать, делегацию из Бреста отозвать, начать «революционную войну».[1] Меньшевик-интернационалист Базаров считал необходимым «оказывать сопротивление нашествию немцев, хотя бы с помощью партизанских отрядов».[2] Подвергалась критике не только позиция Ленина по вопросу о Брестском мире, но и Троцкого.[3]

Активную работу, направленную на срыв заключения мирного договора развернул Петроградский комитет РСДРП(о). На своих декабрьских и январских заседаниях он разработал план агитационной работы, принял решение о создании лекторской коллегии, создал комиссию для выработки плана издания листовок, наметил проведение городского и районных собраний, посвященных вопросу о мире, мобилизовал свои ударные силы агитаторов для выступлений: А.Н. Потресова, С. Ивановича, В. Левицкого, В.Розанова, Е. Ермолаева, С. Вайнштейна и других.[4] Бюро комитета приняло решение «изготовить листовки, плакаты с лозунгом «Сепаратный мир с Германией – гибель России».[5]

Активную роль в противодействии большевикам в вопросах войны и мира играла меньшевистская пресса. Газета «Начало», объединившая меньшевиков-оборонцев и представителей плехановской организации «Единство» в своем первом номере 2(15) февраля призывала к национальному движению, которое бы объединило и пролетариат, и «демократическую буржуазию» на единой платформе признания верховенствующей роли Учредительного собрания.[6] Газета критически проанализировала и оценила известное заявление Л.Д.Троцкого.[7] В этом же номере газеты было опубликовано воззвание «К братьям пролетариям всего мира» с протестом против заключения сепаратного мира и призывом присоединяться к этому протесту «всех согласных с ним товарищей социалистов и деятелей рабочего и революционного движения».[8] 4(17) февраля она познакомила читателей с текстом заявления межфракционного Совета Учредительного собрания от 31 января 1918 года по поводу мирных соглашений, в котором массовому сознанию вновь предлагалась альтернатива сепаратному миру с Германией – международный конгресс

---

[1] См.: Волобуев О.В., Ильящук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм. // История СССР. 1991. №2. С.42.
[2] РГАСПИ. Ф.444. Оп.1. Д.18. Л.5 об.
[3] Плеханова Р.М. Год на Родине. // Диалог. 1991. №13. С.99; Новый луч. 1918. 30 января.
[4] ГА РФ. Ф.528. Оп.1. Д.3. Л.22.
[5] Там же. Л.8, 14, 22.
[6] Начало. 1918. 2(15) февраля.
[7] Там же.
[8] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

заинтересованных сторон, который может состояться только с участием представителей законно избранного Учредительного собрания.[1]

Газета «Новый день» 20 февраля опубликовала полную сарказма статью С. Загорского «Банкротство», где было сказано: «Советская власть», самая революционная в мире власть, самой революционной в мире страны, объявившая войну всему мировому империализму, капитулировала перед германским империализмом при первой его реальной, а не словесной угрозе».[2] В том же номере газеты А.Н. Потресов призвал к общенациональному единению.[3] Газета «Дела народные» 21 февраля выступила еще более резко: «Совет народных комиссаров предал Россию, революцию, социализм. Совет народных комиссаров подписывает сепаратный мир. Долой сепаратный мир! Долой тех, кто заключает его!».[4] Уже на следующий день после того, как стало известно об обращении Совнаркома к германскому правительству с предложением незамедлительного заключения мира на условиях Германии, Н. Суханов также предложил выразить недоверие Совету Комиссаров.[5]

В то время, когда ВЦИК обсуждал вопрос о подписании мира, меньшевистский ЦК свои февральские (22, 24, 25, 27) 1918 года заседания также посвятил вопросам мира. ЦК меньшевиков в резолюции от 22 февраля обвинял большевиков в капитуляции перед германским империализмом,[6] призывал «протестовать против подписания мирного договора на условиях, подобных тем, которые были предложены Германией в Бресте и требовать возобновления работы Учредительного собрания».[7]

После наступления немцев на Псков, когда большевики издали декрет «Социалистическое отечество в опасности» и поставили вопрос об организации обороны Петрограда, ЦК меньшевиков в принципе был «за вступление в ряды всенародной революционной армии, организуемой для действительной обороны от германского нашествия».[8] Изданное в эти дни партийное воззвание намечало определенную линию политики, обещая на этом условии твердую поддержку.[9]

---

[1] Там же. 4(17) февраля.
[2] Новый день. 1918. 20 февраля.
[3] Там же.
[4] Дела народные. 1918. 21 февраля.
[5] Новая жизнь. 1918. 21 февраля.
[6] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.44. Л.100.
[7] Там же. Д.18. Л.99; Д.40. Л.11.
[8] Новая жизнь. 1918. 5 марта.
[9] Там же. 2 марта.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

24 февраля 1918 года ВЦИК принял решение о заключении мира на условиях, предложенных Германией. На другой день ЦК меньшевиков принял постановление «О защите страны и революции», в котором обвинял советское правительство в разжигании гражданской войны внутри демократии, в капитуляции перед германским империализмом в погоне за сохранением власти и заявлял, что «пролетариат и крестьянство и вся демократия не должны брать ответственность за этот мир».[1] ЦК вновь потребовал прекращения гражданской войны внутри демократии, немедленного оформления общедемократической власти и созыва Учредительного собрания в глубине России для руководства обороной страны, восстановления органов местного самоуправления, немедленного приступа к созыву международной социалистической конференции.[2]

На заседании меньшевистского ЦК 27 февраля 1918 года после яростной дискуссии[3] было решено положить в основу деятельности резолюцию ЦК от 25 февраля, дополнив ее конкретными указаниями местным организациям.[4] В соответствии с указаниями своего ЦК, меньшевистские организации развернули яростную агитацию против Брестского мира. Меньшевики, бывшие не в силах остановить подписание Брестского мирного договора, в лице своего ЦК после подписания мира с Германией приняли резолюцию, дающую общую оценку поведения советского правительства и намечающую основную линию партийного поведения на будущее.[5]

Заключение мира получило крайне негативную оценку со стороны меньшевистских лидеров. [6] Наиболее едкую и уничижительную оценку Брестскому миру дал Плеханов: «Ленин всю Россию отдаст, лишь бы оставили ему маленький клочок земли, хотя бы Московский уезд, для социалистического опыта. Ленина можно уподобить тем московским князьям, которые ползали на брюхе перед татарскими ханами, желая удержать за собой свои княжества. Ленин, также цепляясь за власть, ползает на брюхе перед Вильгельмом».[7] Не упустила возможностей ядовито прокомментировать это событие и меньшевистская пресса.[8] Е. Израель в московской

---

[1] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.44. Л.100.
[2] Там же. Д.40. Л.12.
[3] Лытов Б.В. Указ. соч. С.129.
[4] РГАСПИ. Ф.275. Оп.1. Д.18. Л.104.
[5] Резолюция опубликована в сборнике: Меньшевики после Октябрьской революции. Бенсон, 1990. С.79.
[6] См.: Народ и армия. Сборник военно-политических статей. Пг., 1918. С.4-5; Банкротство мелкобуржуазных партий России 1918 – 1922. Сб. научных трудов. Ч.I. М., 1977. С.89; Новая заря. 1918. №2. С.3-4.
[7] Плеханова Р.М. Год на Родине. // Диалог. 1991. №13. С.99.
[8] Новая жизнь. 1918. 5 марта; Новое слово. 1918. 8 марта.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

меньшевистской газете «Вперед!» особо подчеркивал, что ответственность за подписание сепаратного мира несет только большевистская верхушка.[1]

Очередную попытку протеста против Брестского мира меньшевики сделали на IV съезде Советов. [2] Резолюция меньшевистской фракции выразила (наряду с ультимативным отрицанием договора) недоверие Советскому правительству, призвала к созыву Учредительного собрания и формированию «народной армии». Одновременно меньшевики требовали организации «на широкой демократической основе новой власти», «которая могла бы найти за собой достаточно много сил и возможности, чтобы сорвать этот мир и вести войну».[3] Впоследствии бывшие меньшевистские функционеры называли в своих мемуарах эту политику криком отчаяния, ошибкой, порожденной утопическими оценками, исключавшими возможность военного поражения Германии в борьбе один на один с Антантой.[4] Но протесты меньшевиков и других партий оказались безрезультатными: договор был утвержден.

Факт ратификации Брестского мирного договора внеочередным съездом Советов вызвал болезненную реакцию меньшевистской прессы, возлагавшей надежды на блокирование ратификации легальной оппозицией (включая «левых коммунистов»).[5] Некоторые меньшевистские газеты попытались на своих страницах проанализировать текст мирного договора, наглядно показав тот вред, который он наносит национальным интересам России, [6] в том числе и экономическим. [7]

12 апреля ЦК меньшевиков принял очередную резолюцию, в которой обращал внимание членов партии и населения страны, что Брестский мир «не прекратил военных действий на территории России и создает для империалистов всего мира соблазн закончить войну всеобщим соглашением за счет нашей страны».[8] Но и эта резолюция осталась самой настоящей декларацией, ибо реальных сил вести политическую борьбу с большевиками у меньшевиков не было.

Стали ничтожными надежды меньшевиков на действующую армию. По их оценке, в армии « господствовали и господствуют не революционные стремления,

---

[1] Вперед! 1918. 8 марта.
[2] См.: Стенографический отчет четвертого Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. М., 1919. С.17.
[3] Там же. С.23.
[4] The Mensheviks From the Revolution of the 1917 to the Second World War. P.113-114.
[5] Вперед! 1918. 16 марта.
[6] Новая жизнь. 1918. 20 марта; Новый луч. 1918. 21 марта.
[7] Новый луч. 1918. 21 марта; Новый день. 1918. 3 апреля; Вперед! 1918. 16 марта.
[8] Вперед! (Москва). 1918. 14 апреля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

а узкоэгоистические интересы, жажда мира, отдыха, наживы».[1] «В таком виде, - делал вывод Базаров в докладе на Учредительном съезде РСДРП(и), - рассчитывать на армию нельзя, пока внутри ее разжигается классовая ненависть».[2] Меньшевики считали, что и для большевиков армия перестала быть опорой с заключением мира.[3]

Быстрыми темпами шел распад меньшевистских военных организаций. В Центральном органе меньшевиков газете «Новый луч», выходившей вплоть до февраля 1918 года, эпизодически появлялись корреспонденции с фронта, но в них даже не упоминалось о деятельности меньшевистских партийных организаций, что дает основание для вывода о том, что меньшевистские организации на фронте прекращают свое существование на рубеже 1917 – 1918 годов.

Партия социалистов-революционеров продолжала катастрофически терять уровень своего влияния в массах населения страны.[4] Анализируя причины создавшегося положения, один из лидеров левых эсеров М.А. Спиридонова писала в 1918 году: «Правые эсеры и меньшевики были разбиты на голову не редкими репрессиями и стыдливым нажимом, а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Они погасли в пустоте».[5] Вместе с тем, социалисты-революционеры не думали складывать оружия в борьбе за власть, всячески опровергали тезис о защите Учредительным собранием интересов буржуазии и своеобразно оценивали перспективы развития демократического движения.[6]

Эсеровская газета «Труд» объявляла большевиков врагами не только демократии, но и революции.[7] Пессимистически оценивал последствия разгона Учредительного собрания В. Руднев. [8] «Воля страны» опубликовала статью, где эти же взгляды были высказаны еще более резко. [9] Газета убеждала своих читателей, что «единственное средство преодолеть эту надвигающуюся опасность в мобилизации сил под лозунгами революционной борьбы с большевистской властью, в энергичном и последовательном ведении этой борьбы всеми доступными средствами».[10]

---

[1] РГАСПИ. Ф.444. Оп.1. Д.18. Л.2 об.
[2] Там же. Л.5 об.
[3] Дан Ф. Вопросы войны и мира. // За год: Сб. статей. М.-Пг., 1919. С.13, 14.
[4] Революционная Россия (Париж). 1921. №3. С.11.
[5] РГАСПИ. Ф.274. Оп.1. Д.30. Л.64-65.
[6] Труд. 1918. 11 января.
[7] Труд. 1918. 13 января.
[8] Там же.
[9] Воля страны. 1918. 18 января.
[10] Там же.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

С роспуском Учредительного собрания, эсеры, как и меньшевики, значительно большее внимание стали обращать на Советы.[1] Петроградская газета «Дело народное» (бывшее «Дело народа») опубликовала от имени председателя Учредительного собрания В. Чернова, временного секретаря собрания М. Вишняка и 268 депутатов «социалистического большинства» обращение «Ко всем гражданам России». [2] Однако, как уже отмечалось в исторической периодике, эта газета Чернова, или эсеровского центра, не спешила акцентировать внимание своих читателей на социалистическом характере постановлений Учредительного собрания и тем самым расписаться в «просоветских симпатиях».[3] Вместо этого эсеровские газеты «Дело народное», «Труд» вместе с изданиями РСДРП(о) «Новый луч» и «Вперед!» начинают пропагандистскую кампанию за перевыборы Советов[4], которую поддержали и некоторые другие оппозиционные газеты.

Исходя из сложившейся ситуации, партия социалистов-революционеров предлагала в январе 1918 года своим сторонникам «осторожно и в достаточной мере трезво отнестись к ликвидации большевизма».[5] Газета «Дело народное» также ориентировала своих читателей на постепенную эволюцию Советов и превращение их в органы местного самоуправления.[6] В то же время лозунг Учредительного собрания не исчез со страниц эсеровской прессы, а как бы отошел на второй план. Со страниц своих газет эсеры вновь обращаются к общественному мнению, причем, как и в декабре 1917 года, апеллируют к мнению армии.[7] Во время мирных переговоров большевиков в Бресте часть эсеровской печати периодически настойчиво требовала ухода большевиков с политической авансцены.[8] Социалисты-революционеры, в сравнении с меньшевиками, по отношению к большевикам были настроены более непримиримо.[9]

21 февраля 1918 года в Москве состоялось собрание членов Учредительного Собрания, находящихся в тот момент в Москве, в котором приняли участие представители трех фракций: эсеров, социалистов-демократов объединенцев и народных социалистов. Собрание обсудило политическое положение страны, после чего

---

[1] Штейнберг И.З. От февраля к Октябрю 1917 года. Берлин, 1920. С.127-128.
[2] Дело народное. 1918. 17 января.
[3] См.: Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания. // Вопросы истории. 1992. С.6.
[4] Дело народное. 1918. 14 января.
[5] РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2573. Л.5.
[6] Дело народное. 1918. 18 января.
[7] Дело народное. 1918.20 января. Труд. 1918. 19 января.
[8] Труд. 1918. 23 февраля.
[9] Там же. 20 февраля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

постановило принять все меры к безотлагательному созыву Учредительного собрания. Межфракционному совету было предложено принять все меры к немедленному вызову к определенному числу и в определенное место всех депутатов, находящихся в провинции.[1]

Вскоре ЦК партии социалистов-революционеров переехал в Москву, но, как вспоминал В.М. Чернов, «так как большевистский угар в Москве был не меньше петроградского, а отрезвление от него шло даже еще медленнее, то во фракции Учредительного собрания вскоре стало пользоваться всеобщим признанием убеждение, что в столицах дело Учредительного собрания пока нужно считать проигранным; остается искать где-то еще на территориях России место, которое бы пригласило Учредительное собрание к себе и оказало бы ему защиту». После недолгих поисков «стала складываться идея о переселении Учредительного собрания в Урало-Волжский район». В дальнейшем эсеровская печать на протяжении марта-июня 1918 года продолжала пропагандировать необходимость созыва Учредительного собрания, причем сама идея Учредительного собрания преподносилась на фоне публикаций о начинающемся голоде и о перерождении власти большевиков, идущих навстречу интересам буржуазии.[2]

Не менее важным, чем вопрос о власти, в политической деятельности социалистов-революционеров после насильственного прекращения работы Учредительного собрания был вопрос о заключении мира с Германией, в котором эсеры занимали довольно жесткую позицию, противоположную большевикам.[3] В резолюции от 6 февраля 1918 года эсеровский ЦК призывал всю страну не признавать мира, заключенного большевиками, обвинял большевистское правительство в малодушии и трусости, беспринципности, в том, что оно приносит в жертву германскому империализму интересы Интернационала, а также русских рабочих и крестьян.[4] Часть левых эсеров признавала, что «мы не можем подписать мира, но и для ведения войны у нас оснований уже нет».[5] После решения ВЦИК 24 февраля 1918 года о принятии условий мира, предложенных Германией, ЦК левых эсеров провозгласил борьбу против Брестского мирного договора основной линией политики своей партии.[6]

---

[1] Труд. 1918. 22 февраля, 23 февраля.
[2] Дело народа. 1918. 31 марта, 11 апреля, 21 апреля, 12 мая, 18 июня.
[3] Дело народа. 1918. 1 февраля; Труд. 1918. 2 февраля.
[4] Соболева П.И. Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира. М., 1965. С.65.
[5] Знамя труда. 1918. 12 января.
[6] Там же. 26 февраля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Заключенный большевиками Брестский мир эсеры резонно рассматривали как катастрофу, национальный позор, регресс в развитии русской революции. [1] В воззвании партии социалистов-революционеров в связи с заключением Брестского мира, отмечалось, что эту войну Россия будет продолжать, как только возродится народная власть, согласуя свои действия с действиями других государств, воюющих с германской коалицией.[2] Выход из создавшегося положения эсеры видели в идее национальной войны.[3] Такая война, по их мнению, требовала воссоздания общенациональной власти. Как писал член ЦК партии социалистов-революционеров Н.А. Авксентьев, задаче национальной обороны должна соответствовать национальная власть. «Двуединая задача, - писал он, - должна быть провозглашена этой властью: национальная оборона и возрождение и укрепление народовластия».[4]

Против заключения мира с Германией выступило и большинство ЦК партии левых эсеров, считавших предъявленные России условия мира полностью непреемлемыми. В качестве альтернативы политике заключения мира левые эсеры выдвинули лозунг революционной войны, которую они предлагали немедленно объявить германскому империализму.[5] Однако при строительстве большевиками армии взамен старой, разложившейся, левые эсеры упрекали их в милитаризме.[6]

На IV Чрезвычайном съезде Советов присутствовало 15 правых эсеров. Их представитель огласил резолюцию, предлагавшую не ратифицировать Брестский мирный договор и принять меры к срочному созыву Учредительного собрания.[7] После того как съезд большинством голосов высказался за ратификацию Брестского мирного договора, правые эсеры вновь выступили с декларацией, в которой, наряду с антисоветскими выпадами, содержался призыв к отмене только что принятого решения и к возобновлению деятельности Учредительного собрания.[8]

Социалисты-революционеры стремительно теряли свое политическое влияние и в армии, отчаянно желая, чтобы то же самое произошло и с большевиками.[9] Если партия эссеров легально функционировала на территории России вплоть до

---

[1] Дело народа. 1918. 22 марта; Народовластие. Сборник статей членов Учредительного собрания. Пг., 1918. С.33.
[2] См.: Социалист-революционер. 1918. №1-2. С.12.
[3] Там же. С.1.
[4] Народовластие. С.10-11.
[5] Лытов Б.В. Указ. соч. С.130.
[6] Наш путь. 1918. №2. С.197.
[7] См.: Стенографический отчет четвертого Чрезвычайного съезда Советов... С.59.
[8] Там же. С.66-67.
[9] Труд. 1918. 20 февраля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лета 1918 года, то ее военные организации прекратили свое существование в связи с массовой демобилизацией армии весной 1918 года.

Представители ТНСП и в оценке работы Учредительного собрания, и в оценке ситуации, возникшей после его роспуска, исходили из совершенно других посылок. Они подвергли резкой критике работу Учредительного собрания, прежде всего – за «пробольшевистский» характер принятых декретов и «уход» от постановки вопроса о власти. Видные энесы обвинили председателя Учредительного собрания В. Чернова в стремлении умиротворить большевиков.[1] Вместе с тем, называя критические статьи в адрес Учредительного собрания «походом против народовластия»,[2] А.В. Пешехонов крайне неубедительно доказывал, что демократия в развале России не виновна.[3] Газета ТНСП «Новое слово» обвиняла большевиков в лицемерии, прямо намекая на то, что при демократической форме правления большевистское правительство немедленно падет. [4]

Энесы, как и другие социалисты, воспринимали перспективы заключения мира с Германией, безусловно, отрицательно[5], как и декларацию Л.Д. Троцкого. [6] По вопросу практической деятельности народных социалистов в партии возобладала точка зрения В.Б. Станкевича, который возражал против резолюции, которая была одновременно направлена и против «внешнего», и против «внутреннего» врага.[7] Правда, власть это нисколько не интересовало.

Анархисты также, как и социалистические партии России, негативно относились к заключению мира с Германией.[8] «Но есть еще одно последствие «пораженческого» мира, - указывал патриарх русского анархизма П. Кропоткин, - еще более ужасное, чем контрибуции и разорение страны. Это – психология побежденной страны».[9] Весной 1918 года анархисты начали формировать постоянные боевые отряды для борьбы «за идеалы анархизма» с «контрреволюцией» в России, а также для подавления выступлений «германских белогвардейцев».[10]

---

[1] Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. Лондон, 1984. С.264; См. также: Огановский Н. Дневник члена Учредительного собрания. // Голос минувшего. 1918. №4-6. С.148.
[2] Пешехонов А. Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. №1-3. С.308.
[3] Там же. С.325.
[4] Новое слово (Русское слово). 1918. 16 января.
[5] Новое слово. 1918. 31 января.
[6] Там же.
[7] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.164.
[8] Рабочее знамя. 1918. 23 февраля.
[9] Кропоткин П.А. Указ. соч. С.124.
[10] См.: Анархисты. // Родина. 1993. №5-6. С.74.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Значительно более осторожными в оценках роспуска Учредительного собрания и власти большевиков в целом были октябристы и кадеты. [1] Не случайно в Петрограде в конце февраля 1918 года были закрыты все оппозиционные социалистические газеты, но продолжала выходить прокадетская газета «Наш век». Левый октябрист С.И. Шидловский не питал больших надежд на успешную работу Учредительного собрания.[2] Конституционные демократы доминантой своих высказываний сделали тезис о том, что разгон Учредительного собрания – логическое следствие антидемократизма большевиков.[3] Редактируемая Е. Кусковой московская газета «Власть народа», критикуя Учредительное собрание, писала: «Оно (Учредительное собрание – А. Ч.) не нашло необходимым сделать то, что едва ли не в первую очередь сделала первая русская Государственная Дума: оно не поставило вопрос о власти».[4]

Газета «Русские ведомости» обращала внимание своих читателей на тот факт, что в истории русской революции идея Учредительного собрания играла центральную роль, а поскольку эта идея дискредитирована, «революционная демократия» оказалась в трудном положении.[5] Самое большое, что позволяла себе кадетская пресса в критические для большевиков дни немецкого наступления – это воззвать к «общенациональному сознанию».[6] Либерально-демократические газеты сделали в эти дни доминирующим лозунг «национального согласия», однако для раскрытия содержания этого лозунга они предпочли вновь обратиться к эзопову языку.[7] Хотя сама эта власть, «способная говорить от имени всей страны», не называлась, у читающей аудитории не возникало сомнений, что речь идет об Учредительном собрании. При этом, по мнению кадетов, «Учредительное собрание, председателем которого может быть, на выбор, Спиридонова (лидер левых эсеров – А. Ч.) или, в лучшем случае, Чернов – не Учредительное собрание».[8] Поэтому оставалось не совсем ясным одно обстоятельство: какое Учредительное собрание имелось в виду, разогнанное большевиками или новое, которое еще только предстояло избрать?

---

[1] Вперед! 1918. 24 февраля.
[2] Страна гибнет сегодня. С.142.
[3] Наш век. 1918. 9 января.
[4] Власть народа. 1918. 11 января.
[5] Русские ведомости. 1918. 11 января.
[6] Наш век. 1918. 26 февраля; Русские ведомости. 1918. 21 февраля.
[7] Русские ведомости. 1918. 24 февраля.
[8] Станкевич В.Б. Воспоминания. (Приложения). С.212.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Попытка созвать Учредительное собрание в Москве в конце февраля 1918 года закончилась безрезультатно. Большевики дали понять оппозиции, что не остановятся перед самыми крайними мерами, что было не так уж трудно в условиях военного положения. Что касается либерально-демократической прессы, то лозунг Учредительного собрания практически исчезает с ее страниц. Более того, с марта 1918 года либерально-демократическая печать начинает высказывать сомнения в целесообразности реанимации разогнанного Учредительного собрания «образца 1917 года».

В кадетских и околокадетских кругах стала весьма распространенной идея «другого Учредительного собрания», связанного с Добровольческой армией. После самоубийства генерала Каледина все внимание либерально-демократической прессы было перенесено на фигуру генерала Корнилова. Более того, ему была предоставлена возможность высказаться перед московской читающей публикой. [1] Тысячи офицеров и юнкеров старой армии, находящихся в этот момент в Москве и центральных районах России, не могли воспринять его слова иначе, как призыв присоединиться к добровольческому движению. Московские либерально-демократические газеты регулярно сообщали о развитии белого движения на окраинах бывшей Российской империи.[2] Таким образом, либерально-демократическая периодическая печать позволяла в этот период населению центральной России иметь вполне достоверную информацию о белом движении, его целях и развитии.

Одновременно на страницах либерально-демократических изданий уже в январе 1918 года начинается активный процесс выработки новой национально-государственной идеологии, призванной заменить традиционную либеральную доктрину, ориентированную на ценности европейской демократии. Причем, к разработке этой идеологии оказались причастными люди, непосредственно связанные как с белым движением, так и с подпольными антибольшевистскими центрами: А.С. Белецкий (Белоруссов), П.И. Новгородцев, А.А. Кизеветтер и некоторые другие. Большинство указанных лиц входило в Совет общественных деятелей, а затем составило ядро так называемого Правого (Московского) центра, сформировавшегося в феврале-марте 1918 года.

---

[1] Новое слово. 1918. 29 марта.
[2] Заря России. 1918. 28 мая; Свобода России. 1918. 30 мая.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Согласно воспоминаниям генерала А.И. Деникина, еще в середине декабря 1917 года на Дон, к генералам А.М. Каледину и Л.Г. Корнилову, прибыла группа общественных деятелей, в число которых входил и А.С.Белецкий (Белоруссов).[1] Примерно в то же время на Дон прибыл и Б.В.Савинков. Из названных выше лиц был образован «Совет» при штабе Добровольческой армии, которым и были сформулированы цели, стоящие перед добровольческим (белым) движением. Эти цели нашли свое выражение в воззвании, обнародованном 27 декабря.[2]

Однако, согласно воспоминаниям генерала А. Лукомского, сама постановка вопроса об Учредительном собрании вызвала дискуссию на заседании политического совещания («Совета»): о каком Учредительном собрании необходимо вести речь – об Учредительном собрании, созываемом в данный момент в Петрограде, или о будущем Учредительном собрании, выборы в которое пройдут уже после свержения большевиков? [3] Отсюда можно сделать вывод, что если раньше либерально-демократическая и социалистическая оппозиция расходились лишь в постановке задач, стоящих перед Учредительным собранием, то теперь речь шла о различных целях борьбы, так как социалистическая оппозиция (в своем большинстве) ориентировалась на реанимацию Учредительного собрания, разогнанного в ночь на 6 января 1918 года. Эта тенденция достаточно четко прослеживается и в прессе. В либерально-демократической печати начинается публикация материалов с критикой постфевральской революционной демократии. Под сомнение ставится сама идея народовластия, как центральная идея антибольшевистской идеологии оппозиции. На первый план выдвигается идея национального и государственного возрождения, требующая отказа от «теории классовой борьбы». [4] Это был призыв к созданию новой идеологии.

17 февраля Белоруссов откликнулся на передовую статью в эсеровском «Труде», которая обличала «черно-зеленую реакцию» и шествующий с ней об руку «белый террор».[5] Ответ Белоруссова сводился к тому, что если даже это и так, то общественным силам надо было помочь ей (буржуазии) организоваться, и тем самым спасти Россию от анархии. Очевидно, почувствовав бесплодность подобной полемики, Белоруссов приступил к публикации статей, теоретически обосновывающих необходимость новой идеологии. В марте 1918 года в «Русских ведомо-

---

[1] См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. // Вопросы истории. 1991. №9-10. С.115.
[2] Там же. С.121.
[3] Лукомский А. Из воспоминаний. // Архив русской революции. Т.5. С.143-144.
[4] Утро России. 1918. 13 января; Русские ведомости. 1918. 20 января.
[5] Русские ведомости. 1918. 17 февраля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

стях» им были помещены две статьи под общим заголовком «Пересмотр идеологии». В первой из них – «Учредительное собрание» - Белоруссов подверг резкой критике реализацию демократических принципов в России.[1] Вторая статья – «Всеобщее, прямое, равное...» - уже содержала посылки национально-государственной идеи, призванной стать фундаментом новой идеологии. Белоруссов призывал к переоценке основных демократических постулатов и указывал на их умозрительный характер.[2] К сожалению, эти вполне разумные мысли оказались в России невостребованными.

Конституционные демократы не могли остаться равнодушными и к вопросу заключения сепаратного мирного договора с Германией, выступая единым фронтом с умеренными социалистами и апеллируя, прежде всего, к чувству оскорбленного национального достоинства. Одновременно высказывались сомнения в декларированных Германией гарантиях.[3] Либерально-демократические газеты в этой связи подчеркивали, что Брестский мир – естественный результат социалистических опытов, предпринятых в России.[4] Кадетская пресса давала самые мрачные прогнозы будущего России в связи с заключением Брестского мира.[5] России как единого государства больше нет – вот смысл подобных публикаций. И эти публикации действительно впечатляли людей! Так, 16 марта один из московских жителей занес в свой дневник цифры территориальных и экономических потерь, понесенных Россией, почерпнутые им из кадетской прессы.[6]

Правые, несмотря на свои промонархические позиции, встретили разгон российской конституанты с некоторой долей злорадства.[7] Некоторые из них были еще более резки и даже злобны в своих рассуждениях.[8] Правые всегда ненавидели слабость, теперь радовало появление любой силы.

Массовое политическое сознание населения страны в начале 1918 года было исключительно разнообразным и продолжало формироваться под воздействием как пропаганды и агитации всех политических партий России, так и под непосредственным влиянием важнейших политических событий, происходящих в стране. Насильственный роспуск Учредительного собрания большевиками вызвал едино-

---

[1] Там же. 24 марта.
[2] Там же. 27 марта.
[3] Там же. 30 января.
[4] Там же. 17 марта.
[5] Русские ведомости. 1918. 15 марта; Вестник Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. 1918. 2 марта.
[6] Окунев Н.П. Дневник москвича (1917 – 1924). Париж, 1990. С.160.
[7] Вечерние огни. 1918. 3 мая.
[8] См.: Минувшее. Т.20. С.503.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

душный протест всей оппозиции. Однако, будучи единой в осуждении действий большевиков, оппозиция была далеко не единой в оценках и выводах, обращая внимание своих единомышленников на те аспекты проблемы, которые в первую очередь определяли дальнейшую деятельность тех или иных кругов оппозиции.

Для большинства беспартийной интеллигенции роспуск Учредительного собрания был настоящей катастрофой их несбывшихся надежд на демократическое развитие России. [1] В России оказалось и немало равнодушных к событиям 5-6 января 1918 года. По мнению ряда известных зарубежных историков, этот незаконный акт (роспуск Учредительного собрания – А. Ч.) не вызвал сколько-нибудь значительного отклика в стране. [2] По словам Л. Троцкого, «в лице эсеровской учредилки февральская республика получила оказию умереть вторично».[3] Более того, находились и такие, кто считал, что «победителей не судят».[4]

У части населения впечатление «неправа», совершенного большевиками над Учредительным собранием, было в значительной степени смягчено недовольством самим Учредительным собранием, его, как говорили, «недостойным поведением», трусливостью и податливостью председателя Чернова. Учредительное собрание бранили больше, чем большевиков, разогнавших его.[5] Тут, по мнению В.Б. Станкевича, «проявилось опять раздвоение русской антибольшевистской общественности».[6] Сравнительно незначительная часть общества думала как и В. Медем, который еще в 1918 году писал: «Есть нетерпеливые люди, которые думают, что без Учредительного собрания можно скорее и легче всех осчастливить. Но еще никогда и никого насильно счастливым не сделали. На месте народовластия возникает самозванство».[7]

Больше пессимистическое отношение к закрытию Учредительного собрания определенно дополняет поведение людей в период проведения демонстрации, организованной в его защиту в Петрограде, где на 50 тысяч демонстрантов было до 30 погибших.[8] По мнению Р. Пайпса, «организаторы демонстрации рассчитывали,

---

[1] Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. М., 1999. С.89; Новая жизнь. 1918. 9(22) января.
[2] Черная книга коммунизма. С.87; Brovkin V.N. The Mensheviks after October. London, 1987. P.59-63; Пайпс Р. Указ. соч. Ч.II. С.228.
[3] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С.209.
[4] Соколов Б. Указ. соч. С.52.
[5] См.: Станкевич В.Б. Воспоминания. С.163.
[6] Там же.
[7] Медем В. Учредительное собрание и демократическая республика. Берлин, 1918. С.14-15.
[8] См.: Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С.213; Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.224-225..

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

что случившиеся убийства зажгут пламя народного гнева», но этого не случилось.[1] И, по мнению автора, вряд ли могло случиться. Сохранившееся в архиве свидетельство одного юного участника демонстрации показывает, что в основе психологии манифестантов лежала унылая инерция демократического донкихотства.[2] Тем не менее, люди пошли, успев осознать, что целесообразнее была бы вооруженная демонстрация.[3]

События 5-6 января 1918 года стали определенным рубиконом в массовом политическом сознании населения страны. В умонастроениях оппозиции произошел фатальный слом: создавалось впечатление, что пережитые жестокости и равнодушие народа узаконили большевистский диктат. Массы почуяли, что после целого года хаоса они получили наконец «настоящую» власть. И это утверждение справедливо не только в отношении рабочих и крестьян, но, парадоксальным образом, и в отношении состоятельных и консервативных слоев общества, презиравших и социалистическую интеллигенцию, и уличную толпу даже гораздо больше, чем большевиков. В некотором смысле можно утверждать, что большевики пришли к власти в России не в октябре 1917 года, а в январе 1918-го. По словам одного из современников, «большевизм подлинный, настоящий, большевизм широких масс пришел только после 5 января».[4]

Наблюдателями была отмечена еще одна любопытная тенденция: рабочие поначалу рассчитывали, что правительство поможет им в борьбе с буржуазией. Если такого не случалось, то оно само превращалось в их глазах в «буржуйское». «Пролетарская» государственность не могла не разочаровать часть рабочих.[5]

Социалистическую же интеллигенцию, которая, одержав крупную победу на выборах, могла начать действовать, чувствуя поддержку всей страны, обрек на поражение отказ от применения силы при любых обстоятельствах.[6] Накануне открытия Учредительного собрания Питирим Сорокин, допуская возможность разгона его силой, предсказывал: «Если первое заседание будет «с пулеметами», обратимся об этом с воззванием к стране и отдадим себя под защиту всего народа».[7] Но даже на это у них не хватило духу. Когда, уже после разгона Учредительного соб-

---

[1] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.225, 230.
[2] ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.370. Л.72.
[3] Там же. Л.72-73.
[4] Соколов Б. Указ. соч. // Архив русской революции. Т.13. С.54.
[5] «К тебе и о тебе мое последнее слово». Письма В.О. Лихтенштадта к М.М. Тушинской. // Минувшее. 1996. Т.20. С.152.
[6] Правда. 1924. 20 апреля.
[7] Цит. по: Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С.323.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

рания, к депутатам-социалистам обратились солдаты с предложением восстановить его в правах при помощи оружия, перепуганные интеллигенты умоляли их не делать этого: И.Г.Церетели заявил, что уж лучше Учредительному собранию тихо скончаться, чем начаться гражданской войне.[1] Кто бы пошел за такими людьми? Они без конца рассуждали о революции и демократии, но ничем, кроме слов, защищать свои идеалы не стали бы. Эту противоречивость, эту инертность под видом подчинения силам истории, это нежелание бороться и побеждать объяснить не так просто. Возможно, отгадку следует искать в области психологии – в традиционных свойствах старой русской интеллигенции, так хорошо обрисованных Чеховым, в ее боязни успеха и вере в то, что бездеятельность – высшая добродетель, а поражение окружено ореолом святости.[2] Капитуляция 5 января стала началом заката социалистической интеллигенции.[3]

В массовое сознание стало интенсивно внедряться пренебрежение к «формально-демократическим» институтам вроде всеобщего избирательного права, свободы личности и т.д.[4] Более того, в стране явственно была разлита атмосфера жестокости и враждебности. По воспоминаниям современников, на улицах царила обстановка «ненависти и страха».[5] Об этом же писала и газета «Русские ведомости».[6] Комментируя газетные известия о бессудных расправах, бывший эсер-максималист (пока еще не перешедший на сторону большевиков) в марте 1918 года так отзывался о происходящем: «Страшны не цифры (бессудно убитых – А. Ч.), страшна даже не психология этих зверей. Страшно то, что кроме этой психологии не осталось ничего активного, общественно-активного. Изо всех пор лезет человек-зверь – грязное насекомое, знающее только свои грязные инстинкты, и иной раз становится так тошно, что думаешь: пусть большевики, пусть немцы – так им (Им!) и надо...».[7]

Находясь в перманентном состоянии внутренних потрясений, России не удалось избежать потрясений, связанных с окончанием Первой мировой войны, которые, взаимно переплетясь, не могли оставить население страны равнодушным.[8] Возобновление 17(30) января 1918 года мирных переговоров в Брест-Литовске сра-

---

[1] См.: Игнатьев В.И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. М., 1922. С.8.
[2] Цит. по: Mirsky D.S. Modern Russian Literature. Lnd., 1925. P.89; Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.231.
[3] Соколов Б. Указ. соч. // Архив русской революции. Т.13. С.6.
[4] Троцкий Л. К истории русской революции. С.211.
[5] ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.370. Л.74-75.
[6] Русские ведомости. 1918. 10 марта, 12 марта.
[7] Минувшее. 1996. Т.20. С.155.
[8] Отечественная философская мысль. С.275.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

зу же привлекло к этой теме внимание оппозиции. Декларация Л.Д. Троцкого вызвала целую бурю откликов в оппозиционной прессе.[1] Газета «Новая жизнь» делала вывод, что «толстовский выход, придуманный в Бресте..., заключает в себе опасности, на которые закрывать глаза не приходится».[2]

Когда советское правительство довело условия Брестского мирного договора до сведения населения, - а сделало оно это не сразу, опасаясь общественной реакции, - по всему политическому спектру, от крайне правых до крайне левых, прошла волна протеста и негодования.[3] По мнению Джона Уилер-Беннета, Ленин стал на время самым проклинаемым человеком в Европе.[4] Даже граф Мирбах, первый посол Германии в советской России, телеграфировал в мае в свое министерство иностранных дел, что русские все до одного настроены против мира и условия его считают более отвратительными, чем даже большевистская диктатура.[5]

Позиция людей, выступавших против этого мира, а фактически против раздела России, независимо от того, кто это был: левые коммунисты или остатки кадетов, левые эсеры или патриотическая интеллигенция, долгие годы называлась в советской истории «авантюристической», «губительной», «безумной». С точки зрения цинизма политики, возможно, это и так. Но с позиций морали и национального достоинства она, по крайней мере, заслуживает уважения.

Таким образом, на основе анализа источников и литературы в течение февраля-марта 1918 года можно выделить три фазы активности оппозиции по вопросу заключения сепаратного мира: в первой фазе – критика заявлений Л.Д. Троцкого, сделанных им в Бресте, с расчетом на политическую изоляцию большевиков и рост антибольшевистских настроений в обществе; во второй фазе (в дни немецкого наступления на Петроград) – мобилизация общественного мнения в поддержку Учредительного собрания как возможного центра общенационального сопротивления Германии, а также прямое давление на власть с целью заставить большевиков пойти на уступки; в третьей фазе – использование Брестского мирного договора для патриотической (и, одновременно, антибольшевистской) агитации, стержнем которой была апелляция к оскорбленному национальному чувству. Результатом этой

---

[1] Новая жизнь. 1918. 30 января.
[2] Там же.
[3] Станкевич В.Б. Воспоминания. С.166.
[4] Wheeler-Bennet G. Brest-Litovck: The Forgotten Pease. Lnd., N.Y., 1956. P.275.
[5] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.272. См.также: Приложение 20.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

агитации стала активизация антибольшевистского движения – как в легальных, так и в нелегальных формах. [1]

Массовое сознание действующей русской армии не только всецело зависело от политической обстановки в стране, но и имело свои специфические особенности, определяемые несколько изменившейся ролью армии в политической жизни и осознанием ею этих изменений. Стало гораздо меньше политических оценок власти, да и среди них, в основном, присутствовало негодование по поводу разгона Учредительного собрания.[2]

Стал значительно слышнее голос национальных формирований действующей армии, требующих невмешательства в дела национальностей со стороны властей. [3] Но были высказывания и другого рода, зовущие к единению всех наций. Революционный главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Кудря в приказе от 15 января 1918 года предложил не чинить никаких препятствий всем товарищам великороссам и другим, которые организованно пожелают выехать с территории Украины на родину целыми частями с оружием в руках.[4] В приказе подчеркивалось, что «украинская и великорусская демократия не имеют надобности драться между собой».[5]

Поразительно мало стало публичных высказываний действующей армии о войне и мире. Проблема, по-видимому, заключалась в том, что в сознании армии, особенно солдат, мир был уже фактически заключен и важнейшим вопросом стала скорейшая демобилизация.[6] В начале 1918 года демобилизация, осложнившись, не была прекращена. Она приняла даже более интенсивный характер, но была затруднена отсутствием дисциплины и порядка среди демобилизуемых солдат. Вся эта масса людей, успевших хлебнуть лиха в окопах Первой мировой войны, была не слишком миролюбиво настроена по отношению ко всему, что попадалось на пути.[7] Согласно данным опроса, проведенного Комиссариатом по демобилизации в одной из армий, 86% заявили о решении поехать в деревню и около 12% - в город.[8] С подобной характеристикой демобилизующейся армии вполне можно согласиться. Если же ко всему этому добавить начавшуюся разгораться гражданскую войну,

---

[1] Деникин А.И. Очерки русской смуты. // Вопросы истории. 1992. №1. С.106.
[2] РГАСПИ. Ф.657. Оп.1. Д.1. Л.90.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.536. Л.2.
[4] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.23. Л.72.
[5] Там же. Л.72 об.
[6] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С.149.
[7] Смилга И.Т. Строительство армии. Гтг: Военная мысль, 1919. С.5.
[8] Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот. 1918. 23 февраля.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

то мы получим полную картину обстановки внутри страны, в которой и протекала постепенная демобилизация старой русской армии.[1]

Сепаратизм процесса демобилизации во многом объясняется причинами внешнеполитического характера, и главной, - незаключением к январю 1918 года мирного договора с Германией. Ожидание долгожданного мира для многих солдат ассоциировалось со всеобщей демобилизацией армии и роспуском их по домам. Однако переговоры в Брест-Литовске затягивались, а ожидаемая с всеобщим нетерпением всеобщая демобилизация становилась призрачной. Данное обстоятельство подтверждается телеграммой от 6 января 1918 года из штаба III-й армии.[2]

Как отмечалось в докладе начальника штаба Ставки М.Д. Бонч-Бруевича 14 января 1918 года, стремление всех солдат домой приняло стихийный и неорганизованный характер. У командного состава и комитетов уже нет средств и возможности остановить это стихийное движение.[3] 16 января в донесении выделялось, что дезертирство принимает характер массового бегства, полки отказываются заступать на позиции, демократизация достигла крайних пределов, братание превратилось в бойкую торговлю.[4] Все это, а также нравственная забитость и малоопытность командного состава, дало повод Начальнику штаба Верховного Главнокомандующего сделать следующий малоутешительный вывод, что «ни на какое сопротивление войска фронта неспособны и что в случае угрозы наступления противника люди рассеются, бросив оружие и имущество».[5]

По докладам командования, «воинский порядок перестал существовать, множество дезертиров, отпускные не возвращаются.... На место командного состава по силе морального влияния пришли войсковые комитеты, которые под давлением со стороны солдатских масс принимали сепаратные решения по увольнению всех солдат до призыва 1912 включительно».[6] Начальник штаба Главнокомандующего Западным фронтом подчеркивал, что остановить это увольнение невозможно.[7] При всем при этом, наряду с противниками сохранения российской армии, существовали и сторонники ее временного использования для защиты Советской власти, так как мирного договора с Германией пока еще не было.[8]

---

[1] ГА РФ. Ф.5975. Оп.1. Д.12. Л.39.
[2] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.119. Л.64.
[3] РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.1046. Л.184; Оп.1. Д.534. Л.91-92а.
[4] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.214. Л.148-149, Л.194-195.
[5] Там же. Л. 193,197-203.
[6] Там же. Л.36.
[7] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.214. Л.36; Оп.1. Д.534. Л.93, Л.94.
[8] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.534. Л.94.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Ускоренное и усиленное проведение демократизации и демобилизации привели к тому, что на всех русских фронтах, кроме Кавказского, воинские части растаивали на самих позициях.[1] Командование испытывало острую тревогу за состояние действующей армии. К началу января в 67-й дивизии в двух полках оставалось 532 человека, в артиллерийских частях II-й армии «самовольно увольняют в трехмесячный отпуск группами по 50 человек».[2] Многие участки фронта были оставлены своими частями и никем не охранялись, части резерва не желали выступать на смену своих товарищей.[3] Далее положение продолжало ухудшаться. По состоянию на 18 января 1918 года в III-й армии Западного фронта на позициях, протяженностью 120 верст находилось 5-6 тысяч штыков, а в полках – до 300 штыков. По подсчетам штаба армии, на фронте в одну версту находилось от 15 до 20 штыков, «причем имелись участки, занятые более слабо».[4] К 18 февраля, времени возобновления боевых действий, в армиях Западного фронта насчитывалось 250 тысяч человек, а строевых солдат – 70-80 тысяч.[5] По отношению к марту 1917 года общая численность военнослужащих Западного фронта сократилась на 80-85%.[6] Гласом вопиющего в пустыне оказались воззвание добровольцев VIII-й армии Румынского фронта[7] и слова простого окопника[8], обращавшихся к своим товарищам со словами о необходимости несения для страны тяжелой военной службы.

В конце января 1918 года положение на фронтах еще более ухудшилось. Демобилизация проходила под аккомпанемент окончательного разложения действующей армии: мародерства, дезертирства, роста преступности, спекуляции и многого другого. Солдаты-фронтовики, прежде чем отправиться по домам, взламывали арсеналы и склады, забирая себе все, что могли унести, а остальное продавая местным жителям. В одной из большевистских газет приводится описание такого армейского «дувана».[9] Донесения из войск прекрасно дополняли эту неприглядную картину.[10]

Наряду с процессом демобилизации и самоэвакуации материальной части, приняли характер эпидемии такие негативные явления, как бандитизм и уголов-

---

[1] См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.II. Кн.4. С.10.
[2] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.214. Л.37-38.
[3] Там же. Л.35.
[4] Там же. Л.192.
[5] Там же. Л.201.
[6] Подсчитано автором.
[7] Известия Совета солдатских депутатов VIII-й армии. 1918. 27 января (9 февраля).
[8] РГАСПИ. Ф.657. Оп.1. Д.1. Л.89.
[9] Красная газета. 1918. 2 февраля (н. ст.).
[10] РГВА. Ф.1. Оп.1. Д.48. Л.70, Л.76а; Бонч-Бруевич М.Д. // Война и революция. 1929. Кн.3. С.37.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

щина.[1] Ликвидация действующей армии проходила в атмосфере общего морального разложения, выражающемся в росте преступности и правонарушений в районах местопребывания. Есть свидетельства, скорее всего преувеличенные, но хорошо отражавшие психологию времени, что уже в марте 1918 года фронтовики, порой, собственноручно расстреливали своих отцов, оказавшихся в рядах добровольцев.[2]

Часть солдат действующей армии вступали добровольцами в Красную армию. Н.Н. Головин подчеркивал, что «в пришедших в новую армию элементов старой армии господствовала психология деклассированного солдата, ожесточившегося среди потоков пролитой на войне крови и не желавшего возвращения к мирному труду».[3] Следует отметить и то обстоятельство, что под видом добровольцев в Красную Армию вступало значительное количество деклассированного элемента, чуждого идейных побуждений и политической сознательности, а смотревшего на войну как на источник личной выгоды.[4]

Вполне закономерно, что такая, с позволенья сказать, армия не могла оказать серьезного сопротивления наступавшему противнику во второй половине февраля 1918 года. Наступление немцев, начавшееся 17 февраля напоминало легкую прогулку. Генерал Хоффман описывает это весьма красочным образом.[5] Очень быстро распространялись панические слухи.[6]

В крайне незавидном положении оказался офицерский корпус действующей русской армии, но по совершенно иным обстоятельствам. Если солдатская масса с вожделением жаждала мира, то Брестский мир кровавым бичом хлестнул по сознанию офицерского состава, которое ждало мира справедливого и благообразного.[7] Это также, наряду с другими причинами, подвигло офицерство в сторону вооруженного противоборства с большевиками. По мнению Н.Н. Головина, «борьба с большевиками принимала для офицеров не характер гражданской войны, а являлась продолжением большой войны (в сознании образы запломбированного вагона, денежной помощи немецкого Генерального штаба и др.)».[8]

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.214. Л.196.
[2] См.: Воронович Н. Меж двух огней. // Архив русской революции. Т.8. С.80.
[3] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.87.
[4] См.: Какурин Н.Е. Указ. соч. С.132, 134.
[5] Пайпс Р. Указ. соч. Ч.2. С.261.
[6] Берзин Р.И. Этапы большого пути. С.110.
[7] Степун Ф.А. Мысли о России. // Новый мир. 1991. №6. С.207.
[8] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.2. Кн.3. С.101.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

По призыву Советской власти для отражения наступления кайзеровских войск в Красную армию добровольно вступило до 8 000 человек.[1] При этом, однако, необходимо подчеркнуть, что офицеры, вступавшие в Красную армию были далеко неоднородны в политическом отношении. По наблюдениям Н. Какурина, некоторые из них вступали в армию в силу принудительного декрета, некоторые сознательно вступали в ряды Красной Армии в целях ее разложения, третьи – сознательно соединяли свою судьбу с судьбой Красной Армии.[2] В целом, по оценкам А.С. Федюкина, более 1/3 офицерского корпуса воевало на стороне белых, менее 1/3 – на стороне красных, остальные растворились в массе населения и в гражданской войне не участвовали.[3]

В январе 1918 года политическая жизнь на фронте практически прекратилась. Это произошло прежде всего потому, что, как отмечал В.И.Ленин в речи на III Всероссийском съезде Советов, от русской армии «не осталось камня на камне».[4] «Полная демократизация армии проведена», - констатировал руководитель Советского государства.[5] Как выглядел этот процесс в жизни, образно, но не преувеличивая, обрисовал военный историк и публицист А.А. Керсновский: «Именовавшиеся еще частями толпы отказывались сменять товарищей на фронте. А те, не дожидаясь смены, покидали постылые окопы.... И часто в этих опустевших окопах маячили одинокие фигуры в офицерских погонах – последние птенцы гнезда Петрова оставались на посту, зная, что разводящим здесь может быть только Смерть».[6]

Таким образом, события 25-26 октября в Петрограде вывели на историческую арену большевиков, принеся им власть, что было отрицательно воспринято большей частью политической элиты: от либералов до умеренных социалистов, а также той частью общества, которая выступала за демократию западного типа. Демократический режим в России был свергнут во имя немедленного мира, передачи земли крестьянам и скорейшего созыва свободно избранного Учредительного собрания.

Проблема отягчалась тем, что революция дала гигантский выброс в сферу политической жизни людских масс, ранее к ней равнодушных и даже испытывав-

---

[1] См.: Борьба генерала Корнилова. Приложение. С.368.
[2] См.: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т.1. М., 1990. С.137.
[3] Советская культура. М., 1987. С.109.
[4] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. С.269.
[5] Там же.
[6] Керсновский А.А. История русской армии. Т.4. С.325.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ших к политике неприязнь. Можно согласиться с В.Л.Дьячковым, что большевизм был сообществом социальных изгоев, действовавшими не только в соответствии с доктриной и страстью разрушения, но и руководствуясь инстинктом социального выживания, обостренным кризисностью эпохи. [1] Именно это, а не одна лишь доходчивость примитизированной доктрины, и обеспечивали им в 1917 году связь с массой «униженных и оскорбленных». Это чаще замечалось наблюдателями со стороны, неожиданно приходившими, в отличие от слепо политизированных «знатоков» России, к выводу, что большевистский переворот есть «явление, близко соответствующее душевному состоянию народа».[2]

Революционное насилие, облеченное в государственные формы, внедряло и поддерживало (нередко с помощью террора) новые общественные отношения, для которых не сложились еще объективные условия. Все это не могло не привести к свертыванию демократии, к формализации самой диктатуры пролетариата. Соединить социализм и демократию не удалось.[3] Р. Люксембург была недалека от истины, считая осуществление диктатуры пролетариата в России при отсутствии мировой революции «квадратурой круга».[4]

Политические партии России (кроме большевиков), стремительно терявшие свой политический авторитет в стране и в армии, не смогли реализовать возможность достижения в обществе гражданского согласия. Вместе с тем, политические партии не отказались от дальнейшей борьбы за власть, о чем свидетельствуют их усилия по созыву Учредительного собрания, на основании чего можно сделать следующие выводы:

1. В борьбе оппозиции за созыв Учредительного собрания, особенно через прессу, можно выделить три наиболее общих функционально-деятельностных аспекта: агитация и пропаганда; формирование общественного мнения (иногда – через выражение «общественного мнения»); давление на власть.

2. Саму эпопею борьбы за созыв Учредительного собрания с 26 октября можно разделить на три этапа: а) предвыборный (в Петрограде – до 12 ноября, в Москве – до 19 ноября); б) этап, последовавший непосредственно за публикацией в оппозиционной периодической печати воззваний подпольного Временного правительства и его указа, подтверждающего дату созыва Учредительного собрания 28

---

[1] См.: Дьячков В.Л. К вопросу о социокультурном облике российской политической элиты в 1917 г. // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С.162.
[2] Россия на переломе глазами швейцарского предпринимателя. // Россия XXI. 1995. №9-10. С.154.
[3] Дан Ф.И. Итоги и перспективы развития большевизма. // Коммунист. 1990. №7. С.73.
[4] Люксембург Р. Рукописи о русской революции. // Вопросы истории. 1990. №2. С.13.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ноября (с 18 по 28 ноября 1917 года); в) этап борьбы за Учредительное собрание после неудачной попытки созвать его 28 ноября (с конца ноября 1917 года по 5 января 1918 года включительно). Все три периода различаются как по целям и характеру борьбы, так и по соотношению противоборствующих сил – отсюда доминирование тех или иных аспектов и соответствующих методов деятельности оппозиционных политических партий в различные временные промежутки.

3. Уже в начале ноября своеобразными центрами, вокруг которых происходит группировка общественных сил одинаковой политической ориентации, главным показателем которой являлась та или иная степень антибольшевистских настроений, становятся оппозиционные газеты. Часть оппозиции видела большевиков в качестве крайне левого крыла «революционной демократии», с которыми при желании можно договориться на известных условиях. Остальная часть ее принадлежала к правому (оборонческому) направлению, рассматривая большевиков как силу, враждебную интересам социализма (и российской государственности), которым нет места в рядах «революционной демократии». Либерально-демократическая оппозиция события 25-26 октября 1917 года оценивала как солдатский бунт, а большевиков – как движение, родственное анархическому.

Борьба за Учредительное собрание явилась объединяющим моментом в деятельности оппозиции, позволяющим координировать ее программы и лозунги, и способствующим выработке общих или близких взглядов на те или иные проблемы. Не менее важным аспектом деятельности оппозиции было постоянное психологическое давление на власть, что, в известной мере, предопределило развитие событий в октябре-декабре 1917 года, так как большевики не могли не учитывать общественных настроений и, прежде всего, настроений действующей армии. Постоянная апелляция оппозиции к мнению армии, вне всякого сомнения, учитывалась большевистским руководством. Отсюда заинтересованность большевиков в отсрочке Учредительного собрания вплоть до момента всеобщей демобилизации.

Но наиболее важной была роль оппозиции в формировании общественного мнения, безоговорочно поддерживающего Учредительное собрание, как и в пропаганде и агитации в этом же направлении. Однако этот аспект ее деятельности имел и свои слабые стороны. Особо следует подчеркнуть, что формирование общественного мнения велось через призму программных установок, то есть носило доктринальный характер. Революционно-демократическая оппозиция, при критическом анализе деятельности большевиков, оперировала системой ценностей евро-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

пейской демократии (в своеобразном марксистском преломлении), без учета особенностей российской государственности, российского социума и его ментальности. Вряд ли подобные материалы адекватно воспринимались теми, на кого они были рассчитаны.

Иногда вполне ясно воспринимая проблему, правосоциалистическая оппозиция, в силу приверженности марксистским догматическим схемам, ее разрешение увязывали с абстракционно исповедуемой доктриной. В то же время в своей критике «полуленинцев» она исходила из вполне обоснованной и, с точки зрения формальной логики, безупречной посылки: попытки найти общий язык с большевиками действительно ставили перед левым крылом «революционной демократии» дилемму «или-или» (или революция социалистическая, и тогда большевики правы – надо идти до конца, или никаких предпосылок для такой революции в России нет, и тогда большевистская авантюра ведет в тупик). Попытка обойти эту дилемму, то есть сочетание антибольшевистских и антибуржуазных лозунгов, вела, в конечном счете, к ослаблению позиций «революционной демократии» и усилению симпатий к ценностям либеральной демократии, что и показали выборы в Петрограде и Москве. Кроме того, сам эффект «психологической разрядки», создаваемый оппозицией и ее прессой (в частности, уверения в неизбежности скорого конца власти большевиков) способствовал в некоторой степени нейтрализации активного протеста.

Однако, если оценивать эффективность участия оппозиции в политической борьбе в целом, то можно с уверенностью сказать, что сам факт созыва 5 января 1918 года Учредительного собрания не был бы возможен без той воистину виртуозной пропагандистской кампании, которую противники большевиков провели в октябре-декабре 1917 года, ибо борьба за Учредительное собрание едва ли не впервые в истории России потребовала борьбы «за влияние на умы» с целью достижения конкретного политического результата. Благодаря усилиям прессы, постоянно поддерживавшей в сознании идею необходимости Учредительного собрания (а иногда даже навязывающей ее), оппозиции удалось, по-существу, выиграть этот раунд политической борьбы у большевиков. Но этот выигрыш мог стать политической победой только при наличии определенных факторов, важнейшими из которых были сохранение фронта и продолжение войны. Этот фактор оказался неподвластен пропагандистским усилиям оппозиции.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Антигосударственный переворот 6 января 1918 года, когда декретом ВЦИК было распущено Учредительное собрание Российской демократической федеративной республики стал вторым этапом упрочения власти большевиков. В результате революционными радикалами был сорван мирный демократический процесс обновления России. Временной фактор сыграл немаловажную, а, может быть, и главную роль в неуспехе Учредительного собрания. При этом расхожие представления о том, что Учредительное собрание не признало Советской власти и ее декреты о земле и мире, документально не подтверждаются. В какой-то мере можно понять большевиков и левых эсеров, которые оправдывали роспуск Учредительного собрания тем, что его большинство отказалось от сотрудничества с ними на платформе Советской власти. Труднее, на первый взгляд, понять меньшевиков и правых эсеров, которые, кажется, могли бы апеллировать к резолюциям Учредительного собрания для опровержения большевистско-левоэсеровской пропаганды, но и они, подобно инициаторам роспуска, постарались поскорее забыть о принятых резолюциях. И это было далеко не случайно. Резолюции эти обязывали меньшевиков и эсеров к поддержке Советской власти и ее главных декретов, в то время как многие из них вскоре после прекращения деятельности Учредительного собрания встали на путь борьбы против нее.

В период с января по весну 1918 года главной целью внутриполитического курса большевиков было удержание власти во что бы то ни стало. Эта же цель определяла известный прагматизм и во внешней политике. В этих условиях существование легальной оппозиции и ее печати создавало возможности как для активного противодействия политике большевиков, так и для коррекции их внутриполитического курса в рамках легальной политической борьбы. Если для левосоциалистической оппозиции стержнем политической активности становилась борьба за возобновление работы Учредительного собрания и демократизацию политических институтов Советской власти, а для правосоциалистической оппозиции лозунг Учредительного собрания становился тождественным свержению Советской власти, то либеральные демократы и политические силы правее их ставили под сомнение не только целесообразность возобновления работы разогнанного Учредительного собрания, но и сам принцип народовластия, лежащий в его основе.

Тщательный анализ взглядов политической оппозиции большевикам позволяет сделать следующие обобщения:

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

1. Левосоциалистическая оппозиция преследовала цель содействовать эволюции в сторону демократизации политических институтов Советской власти. Лозунг Учредительного собрания, сохранив свою актуальность и в моменты кризиса Советской власти, вновь выдвигался на первый план.

2. Правосоциалистическая оппозиция пропагандировала лозунг Учредительного собрания как альтернативу власти большевиков и носила более жесткий антибольшевистский характер, при этом эксплуатируя тему «брестского мира» и актуализируя идею национально-государственного возрождения.

3. Либерально-демократическая и более правая оппозиция делала расчет в пропаганде, в первую очередь, на эволюцию в сторону сохранения большевиками антидемократических тенденций в политической сфере (при этом особо учитывался фактор зависимости Кремля от Германии). Одновременно либерально-демократические оппоненты большевиков и их более правые союзники начинают выработку национально-государственной идеологии, призванной заменить либерально-демократическую доктрину и стать идеологической основой нарождающегося добровольческого («белого») движения. Однако создать цельную идеологию в столь сжатые сроки, разумеется, не удалось. Содержание пропаганды свелось к постулированию базисных идей такой идеологии, важнейшей из которых была идея целостности государства и идеологии, пафос сильной государственной власти. В этом смысле наибольший интерес представляет деятельность оппозиции как инструмента коррекции политического курса большевиков, «подсказывающая» большевикам возможные варианты разрешения тех или иных кризисных ситуаций на основе компромиссов, учитывающая и интересы самой оппозиции.

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что если для центральных и левых элементов социалистической оппозиции борьба с большевизмом пролегала в русле легальности и стремлении руководства партий социалистов-революционеров и РСДРП(о) всеми силами сохранить статус легальности оппозиции, то для правых социалистов (бывших оборонцев) – как в ПСР, так и в РСДРП(о), - события 5 января позволили с наименьшими моральными потерями для себя начать пропаганду вооруженной борьбы с большевиками, а также актуализировать лозунг «союза с буржуазией». Либерально-демократическая оппозиция, в свою очередь, интенсивно использовала события 5-6 января для того, чтобы, отделив понятие «социализма» от «демократии», максимально дискредитировать саму идею социализма, подрывая тем самым не только и не столько позиции

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

большевиков, сколько позиции «революционной демократии». Еще более откровенно антидемократические тенденции просматривались в правой оппозиции. Совокупность всех перечисленных выше аспектов воздействия оппозиции на политические процессы и представляет собой ее характеристику как инструмента политической борьбы в условиях формирования советской государственности.

Первая мировая война, выявив экономическую и военную слабость России, способствовала ее преждевременному выходу из войны. В России под воздействием революционаризации выход из войны осуществили, в основном, сами народные массы, наиболее активная часть которых находилась в действующей армии. Деморализованная и дезорганизованная политикой Временного правительства и пропагандой большевиков, не представлявшая собой единых Вооруженных Сил, призванных вести войну до победного конца, действующая армия встретила события октября 1917 года настороженно и выжидательно, надеясь на скорейшее выполнение большевиками своих обещаний о заключении немедленного мира, идея которого была доминирующей в массовом политическом сознании фронтовиков.

Брестский мир не был неизбежностью. Он был платой за разложение армии и вольное или невольное принятие большевиками помощи немцев. В военном отношении дела России не были столь безнадежными, ибо ей противостоял такой же усталый и израненный противник, а вступление в войну Соединенных Штатов быстро качнуло весы победы в сторону Антанты. Но большевики, придя к власти, оплатили немецкие векселя ценой национального позора. Для самой же России ее выход из войны был не военным поражением, а отказом от победы.

Брестский мир еще более укрепил идеологию и практику антибольшевистского движения, дал ему новый стимул, значительно расширил его социальную базу. Вместо мира предстояло пережить еще три года войны, более страшной и кровопролитной, чем Первая мировая война.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование массового политического сознания действующей русской армии в концепциях и деятельности политических партий России в годы Первой мировой войны позволяет сделать следующие выводы.

Первое. Изучение и всесторонний анализ существующей историографии показали, что тема в той или иной мере находила фрагментарное отражение в исторической литературе, но отечественная наука не располагает специальным исследованием, посвященным комплексному анализу массового политического сознания действующей армии через призму деятельности политических партий в годы Первой мировой войны и задача проведения его на базе новейших подходов, выработанных современной исторической наукой, оставалась нереализованной.

Второе. Россия, вступившая на путь модернизации еще со времен Петра I, на рубеже XIX-XX веков, оказалась в его решающем фазисе. Происходила масштабная социокультурная трансформация общества, сопровождавшаяся кризисом традиционных ценностей. Можно утверждать, что межсистемное неустойчивое равновесие нашей страны начала XX века разбилось о войну, а для такой сверхсложноорганизованной системы как Россия, опаснее всего была бы потеря равновесия, всегда чреватая «стабилизирующим» откатом назад. В годы Первой мировой войны действующая армия все более и более становилась активной участницей политического процесса в стране и в значительной мере своим поведением определяла направление его развития. Увеличившись на порядок, за счет призыва новых контингентов[1], армия из основы государственности превратилась в «пороховую бочку» революции.

Активизации революционного процесса в России во время войны особенно способствовали: во-первых, война поставила на повестку дня не только на фронте, но и в тылу проблему физического выживания человека. Во-вторых, близорукая политика царского правительства и российской буржуазии, не позаботившихся о социальной защите трудящегося населения в условиях войны и о соблюдении хотя бы видимости справедливости в распределении ее тягот между «верхами» и «низами» общества, неуклонно подрывала патриотические чувства народа и толкала их к революции. В-третьих, оппозиционирующее и революционизирующее влияние деятельности политических партий России на массовое политическое сознание

[1] РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Д.358. Л.13-345. Сведения о движении личного состава.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

страны и ее действующей армии. В-четвертых, ослабление всех структур государственной власти и превращение «человека с ружьем» в реального участника политической жизни страны создавали дополнительные предпосылки для силовых конфронтаций, резко снижая шансы на достижение социально-политического компромисса.

События февраля 1917 года привели к сравнительно безболезненному устранению монархии в России. Упоенные победой демократии, деятели Временного правительства, как это всегда было в русской истории, забыли о народе, с которым они имели дело. Более того, политика быстрой и широкой демократизации страны во время войны оказалась гибельной для всего российского общества и особенно для его действующей армии. Неэффективность деятельности Временного правительства определялось даже самой его коалиционностью – формой не самой оптимальной для быстро меняющейся ситуации.

Война и разруха толкали и массы, и претендовавших на руководство ими политических лидеров на неординарные, не укладывающиеся в привычные схемы ультрарадикальные действия, тогда как Временное правительство и ВЦИК Советов пытались от таких действий всячески уклониться и отмежеваться, не предлагая при этом ничего взамен. Добротнее всего это получилось у большевиков, что позволило им в результате целенаправленной работы в различных слоях населения России, в том числе и в действующей армии, прийти к власти. События 5-18 января 1918 года явились поворотным пунктом в истории России по пути установления авторитарных и тоталитарных режимов. Судьба Всероссийского Учредительного собрания показала несовместимость двух способов преобразования общества – грубо-насильственного, через вооруженный переворот, и демократического, через народное волеизъявление.

Автор пришел к выводу, что страну разрушали не труженики, занятые борьбой за выживание на основах самоорганизации общинного типа, а вся политическая элита России, без различия оттенков. Она оказалась слишком слабой, не смогла выдвинуть лидеров общенационального масштаба, способных сплотить общество, не дать ему сорваться с исторических якорей. Такие подвижки, происходившие в российском обществе в годы Первой мировой войны вкупе со слабостью и неэффективностью официальной пропаганды продуцировали и видоизменяли массовое политическое сознание страны в целом и действующей армии в частности.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Третье. Определенное влияние на массовое политическое сознание некоторой части населения страны, и действующей армии в том числе, оказывали монархические партии, программа которых была достаточно реалистичной. Анализ теоретической и практической работы правых в военные годы привел автора к выводу, что, несмотря на все усилия, они не смогли стать активным элементом в общественных организациях. Их законопослушность и беспомощность послужили причиной разочарования в них «низов», крайне правых отторгала и привычная среда обитания политических партий. Правые безмолвно ушли с политической сцены вместе с режимом, который отстаивали.

Четвертое. Партия «Союз 17 октября» выражала интересы чиновников, помещиков, крупной торгово-промышленной буржуазии и выступала за установление в России конституционно-монархического строя с двухпалатным народным представительством. Вне Думы к 1915 году партия прекратила свое существование и напоминала о себе в политической жизни страны лишь выступлениями своих бывших лидеров – А.И. Гучкова, М.В. Родзянко и других.

Пятое. Партия прогрессистов в годы Первой мировой войны первоначально выступила в поддержку правительства, но постепенно утратила веру в его способность довести войну до победного конца. В августе 1915 года, благодаря их усилиям, был создан «Прогрессивный блок», в котором прогрессисты занимали левые позиции. Они также пытались объединить общественность на почве недовольства «бездарностью» властей. В ноябре 1916 года прогрессисты вышли из «Прогрессивного блока», начали строить различные планы государственного переворота и обсуждать состав будущего Временного правительства. После февраля 1917 года деятельность партии постепенно прекратилась.

Прогрессисты разделили ту же историческую судьбу, которую пережили в России все либеральные партии, оказавшись «перемолотыми» двумя крайними и диаметрально противоположными силами: с одной стороны, правительством и поддерживающими его правыми консерваторами, а с другой – левыми радикальными партиями.

Шестое. Одной из наиболее влиятельных партий России начала XX века была конституционно-демократическая партия (партия народной свободы). Кадеты выступали за радикальное реформирование общественно-политической системы во всех ее ключевых звеньях, ориентируясь на западные образцы парламентского строя.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Основываясь на результатах исследования, автор пришел к заключению, что в своем окончательно откорректированном виде кадетская модель являлась для своего времени образцом демократического переустройства России, однако конституционным демократам, получившим власть в экстремальной политической ситуации совместно с другими партиями, эту модель так и не удалось реализовать. Кадетам не удалось овладеть и массовым политическим сознанием действующей армии, но они смогли привлечь на свою сторону значительную часть офицерского состава, юнкеров военных училищ и школ прапорщиков, некоторые казачьи части и формирования, весьма незначительную часть солдат.

Оценивая влияние либерализма в целом на массовое политическое сознание российского общества и его действующей армии, есть все основания утверждать, что в России ценности либерализма так и не смогли оплодотворить демократическую идеологию и массовое сознание, в результате чего либеральное направление не смогло сформироваться в народное движение. Уже на теоретическом уровне русские либералы «перескочили» ряд стадий, пытаясь затем «сверху» внедрить свои идеи в среду. В связи с этим возрастало несоответствие между передовой либеральной доктриной и отсталым социумом, не готовым к ее восприятию. В этом состояла драма русского либерализма, забежавшего намного дальше среды восприятия.

Самая суть первопричин, обусловивших поражение русского либерализма, в культурном расколе высших и низших сословий и, кроме того, в ограниченности пределов (пространственных и временных) новоевропейской цивилизации в условиях вызревания революции. Однако были и другие причины.

Во-первых, русские либералы-интеллектуалы конструировали свою теоретическую модель переустройства России, исходя, по-преимуществу, из желаемого. Однако «зазор» между идеально желаемым и реально существующим в России оказался настолько велик, что их модель не была адекватна исторической среде восприятия. Во-вторых, русский либерализм был расколот уже на теоретическом уровне. По-существу, либеральная модель общественного переустройства России представляла собой своеобразный синтез нескольких субмоделей, получивших воплощение в программах различных либеральных партий. В итоге раскол либералов на теоретическом уровне привел их к расколу на программном и организационном уровнях. В-третьих, русский либерализм, в отличие от западноевропейского, не имел прочной и широкой опоры в средних слоях. В-четвертых, русский либера-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лизм оказался не только на уровне социума, но и на уровне политики без адекватной среды его восприятия.

В России потерпел неудачу не только консервативный (октябристы) и радикальный (кадеты) либерализм, но и либеральный «центризм» в лице прогрессистов. Несмотря на свое поражение, русские либералы все же внесли свой вклад в развитие общественно-политической мысли. Им удалось создать рационалистическую мировоззренческую систему, в основу которой были положены общечеловеческие ценности, однако их идеи опередили свое время.

Седьмое. Самой многочисленной партией России, насчитывающей в своих рядах в 1917 году около миллиона человек, были социалисты-революционеры, последователи радикального крыла русских народников, верящих в особый путь России к социализму, но требовавших корректировки этого пути с учетом изменений, происшедших и происходивших в российской действительности. Война прервала наметившуюся среди эсеров тенденцию к консолидации, углубила в их среде идейные разногласия, и выявила в их партии такие крупные течения, как оборонческое и интернационалистическое, внутри которых имели место самые разнообразные оттенки, причем и они не оставались неизменными на протяжении войны. До февраля 1917 года почти полностью разрушились организационные структуры партии социалистов-революционеров и ее влияние на массово-политическое сознание действующей армии было невелико.

Февраль 1917 года коренным образом изменил положение эсеров в обществе и условия их деятельности: они стали одной из правящих партий в стране. Революционная Россия рассматривалась ими как форпост и цитадель той «третьей силы», *которая призвана положить конец войне*. Разногласия у социалистов-революционеров усиливались по мере обострения политической обстановки в стране, и все попытки сохранить целостность партии оказались безуспешными.

Армия в политических концепциях эсеров в годы Первой мировой войны занимала тем более заметное место, чем более усиливалось массовое движение в ней. В начальный период Революции 1917 года влияние меньшевиков и эсеров в армии было господствующим, ибо они обещали более привлекательный путь к социализму: не через борьбу с буржуазией, а через соглашение с ней, без новых потрясений. Действующую армию такая перспектива устраивала. Но по мере того, как не сбывались партийные прогнозы меньшевиков и эсеров, обнажалась бесплодность их практических усилий в деле заключения мира, они все более и более

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

теряли свое политическое влияние и руководящие позиции в армии. Партия эсеров имела довольно значительные шансы на победу. Но эсеры не нашли в себе политической воли для реализации собственной программы, и тем самым, фактически отдали массы большевикам.

Восьмое. Народные социалисты представляли умеренное течение в неонародничестве и опирались преимущественно на интеллигенцию, хотя и не исключали и другие слои российского общества. Если до свержения монархии интерес к партии неуклонно снижался, то февраль положил начало ее возрождения. Энесы решительно высказывались за установление в России полного народовластия в форме демократической парламентской республики, а не республики Советов. По вопросам войны и мира партия заявляла, что она против завоевательных целей войны и в то же время против немедленного заключения мира. Энесы отрицательно относились к взятию власти большевиками и считали, что весь фронт борьбы должен был быть направлен для борьбы с ними.

Результаты диссертационного исследования свидетельствуют, что политические идеи народных социалистов воспринимались массовым сознанием страны и армии с большими трудностями, были непопулярны в низах общества (среди депутатов Учредительного собрания оказалось лишь два народных социалиста), в силу чего партия тихо «скончалась» в эмиграции в конце 40-х годов.

Девятое. Одной из наиболее влиятельных политических сил России начала XX века в России были меньшевики – сначала фракция РСДРП, а впоследствии фактически самостоятельная политическая партия. С началом Первой мировой войны меньшевизм раскололся на патриотическое, самозащитное, центристское и циммервальдское течения.

После Февраля 1917 года меньшевизм стал одной из ведущих политических сил в стране. С февраля по декабрь 1917 года меньшевистскую политику определяли лидеры центристского направления, которые после свержения самодержавия провозгласили себя «революционными оборонцами». Главным условием достижения демократического мира без аннексий и контрибуций они считали демократизацию политического строя страны. На протяжении 1917 года во внешне благополучной партии произошел раскол. Кризис меньшевизма совпал с кризисом в стране, а Октябрь 1917 года нанес меньшевикам окончательное политическое поражение. Их политическая деятельность в действующей армии практически не отличалась от аналогичной работы эсеров, за исключением того, что она носила больше

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

теоретический характер. Их влияние на трансформацию политического сознания страны и армии, вначале значительное, по мере нарастания политического кризиса в стране имело тенденцию к снижению, и на выборах в Учредительное собрание меньшевики получили только 2,3% голосов.

Автор имеет все основания утверждать, что ахиллесовой пятой политических взглядов меньшевиков была, на наш взгляд, недооценка особенностей исторической эволюции России. Меньшевики остались партией «ортодоксального марксизма» в духе XIX века, партией, которая приверженность традициям прошлого предпочла политическому успеху в настоящем. Им был свойственен в несколько размытой форме феномен «раздвоенного» сознания: беспощадно точный и честный анализ текущих событий, острый и разящий критицизм нередко сочетались у них с непоследовательностью и нерешительностью в практических действиях, незавершенностью выводов, что, в свою очередь, являлось следствием не до конца изжитого догматизма в их мировоззренческих установках.

Более того, трагедия идеологов и лидеров меньшевиков состояла, прежде всего, в том, что их постулаты и схемы стали препятствием к осуществлению и развитию в новых исторических условиях исповедуемых ими идеалов. Меньшевизм отверг новые явления социальной практики, в первую очередь «нетерпение» масс, не желавших ждать полного исчерпания всех возможностей буржуазного строя и видевших в нем источник неразрешимости коренных проблем своей жизни. Автор считает, что все это во многом определило тактику меньшевиков в революционных событиях, степень их воздействия на политическое сознание страны и действующей армии, а затем обусловило их поражение.

Десятое. Партией, прошедшей за минимально короткий исторический срок путь от нелегальной оппозиции до руководства страной, были большевики, первоначально фракция в составе РСДРП, как и меньшевики. Крайний радикализм большевиков, считавших себя последовательными марксистами, проистекал из их представлений о предпочтительности революции перед реформами и убеждения в том, что в России начала XX века нет иных возможностей глубоких демократических преобразований общества, отвечающих интересам пролетариата. Намереваясь использовать Первую мировую войну для инициирования революционного взрыва, они во главе с В.И. Лениным категорически отвергли лозунг защиты Отечества и выдвинули лозунги превращения войны империалистической в войну гражданскую, поражения своих правительств и создания III Интернационала.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Полная переориентация стратегии и тактики большевиков произошла с началом Революции 1917 года и возвращением в Россию Ленина. Они стремились максимально использовать неустойчивость политической ситуации в стране, выявлять все источники недовольства и применять их как движущую силу для завоевания власти, прийти к власти либо мирным, либо вооруженным путем, в конце концов отдав предпочтение последнему.

25 октября 1917 года большевики захватили власть в стране. Блок с левыми эсерами позволил им распустить Учредительное собрание и завершить легитимизацию своей власти на III съезде Советов. В марте 1918 года, в связи с разногласиями по вопросу о Брестском мире и выходом левых эсеров из Совнаркома, большевики окончательно стали неограниченно правящей партией, основой государственной системы.

На протяжении всей своей деятельности в годы Первой мировой войны большевики настойчиво и целеустремленно воздействовали на массовое политическое сознание действующей армии. И если их успехи в этой работе до свержения самодержавия были незначительны, то после Февраля 1917 года большевики сумели поколебать один из последних столпов Временного правительства – действующую армию. Решающую роль сыграли обещания большевиков в кратчайший срок и с участием народных масс, в том числе и армейских, разрешить самые насущные проблемы того времени – земли и мира. В отличие от меньшевиков и эсеров, главное свое воздействие на массовое политическое сознание действующей армии большевики оказывали через свои военные организации.

Большевики, пришедшие к власти, удержались и получили поддержку потому, что: во-первых, они и их союзники сразу декредетировали все те лозунги, с которым они шли к власти, что обеспечило им на первых порах определенную социальную базу или дружеский нейтралитет в народных массах, столь необходимый в начальный период организации власти. Во-вторых, в условиях полного социального распада, централизованная, дисциплинированная, организованная большевистская партия явилась центром роста, катализатором строительства и консолидации новой партийно-государственной системы, которая пришла на смену старому, традиционному военно-имперскому обществу дореволюционной России в условиях краха реализации либерально-демократической модели развития России. В-третьих, большевики выдвинули очень привлекательную, так называемую «опережающую», социалистическо-советскую модель развития России как первой страны

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

и опорной базы будущей мировой социалистической пролетарской революции, в победоносном ходе которой будет воплощена вековая мечта человечества о «золотом веке – коммунистическом рае на земле». Все это не могло не привлечь политически активную, радикально-экстремистски, социалистически ориентированную часть населения, главным образом, из угнетенных слоев общества, полностью разочарованных в монархо-конституционных, либерально-демократических и умеренно социалистических альтернативах.

Подытоживая деятельность социалистических партий в России в годы Первой мировой войны, автор имеет все основания полагать, что эффективно могли воздействовать на политической сознание общества и действующей армии те из социалистических партий, которые, во-первых, обладали огромной «жаждой и волей» к власти, способностью решительно взять на себя всю ответственность за судьбу России, так как в условиях всеобщего развала для интеграции общества требовались неимоверные усилия; во-вторых, выступали под лозунгами абсолютного отрицания «старого общества», отвечая тем самым накапливавшимся десятилетиями чувствам ненависти к «проклятому прошлому», и радикальными, прагматичными и злободневными политическими взглядами на современное и будущее состояние страны; и в-третьих, идеология которых одновременно могла апеллировать к самым глубинным, первичным, корневым, традиционалистским стереотипам массового сознания, чаще всего государственно-патерналистскому и общинному «комплексам», соответствовать закономерностям функционирования этакратического социума. Такой партией стали большевики. Остальных очень точно описал Б. Наарден: «Восхищение большевистской революцией как своего рода компенсация их собственной импотенции воплотилась в сознание...социалистов».[1]

Одиннадцатое. Исследование показывает, что необходимость и важность влияния на массовое политическое сознание армии и связанных с ним проблем его колебаний, возможности управления им, зависимости популярности политических структур от господствовавших в массах его составляющих понимали в исследуемый период властные структуры России. В начале XX века экономическая, политическая и социальная нестабильность в российском обществе нарастала, углубилась социальная дифференциация, что получило соответствующее преломление и в массовом политическом сознании. Оно становилось более динамичным и откры-

[1] Наарден Б. Социалистическая Европа и революционная Россия. Восприятие и предубеждения. Нью-Йорк, 1992. С.405.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

тым, освобождалось от веры в авторитеты, обретало рационализм, отличалось большим критицизмом. Углубилось недоверие к официальным политическим институтам, нарастало отчуждение людей от власти. Трансформация мировоззрения побуждала массы осознанно или на подсознательном уровне к деятельности, мотивировала социальную активность населения.

Самодержавие, упустившее из рук инициативу, стало оцениваться современниками как анахронизм. Переориентация массового сознания шла болезненно, переживала ломку, усиливала общественную нестабильность. Как свидетельствуют источники, в противовес установке на сохранение существующего порядка и стабильности в массовом политическом сознании возобладала тенденция, направленная на разрушение. Падение уровня жизни инициировало политическую активность масс. Первая мировая война сделала то, чего не сделали, а, возможно, и не смогли сделать все антиправительственные партии вместе взятые: народная стихия смела монархию, освященную многовековыми традициями.

Наличие наспех сконструированных демократических механизмов в период существования Временного правительства, деятельность партий различной политической ориентации, атмосфера «митинговой демократии», обилие периодических изданий самой различной политической направленности способствовали быстрой политизации масс. В то же время отсутствовали общие и необходимые предпосылки нормального функционирования демократических институтов: политическая культура и осознанное понимание своих корпоративных интересов. В результате доминирующее влияние на массы стала оказывать пропаганда, концентрированным выражением которой являлись политические лозунги. Главным инструментом внедрения лозунгов в массовое сознание (помимо митингов и собраний) являлась периодическая печать.

Революционный порыв февральских дней породил у народных масс представление, что можно якобы в одночасье решить накопившиеся сложные социально-экономические, политические и национальные проблемы. Доминировавшие требования народовластия, демократии советского типа сочетались в сознании масс с этатистскими ожиданиями всесильного революционного государства, жаждой появления вождя, способного решить все наболевшие вопросы, что создавало социально-психологические предпосылки установления новой диктатуры. После Октября 1917 года единственным лозунгом оппозиции, в достаточной мере воспринимаемым на уровне массового политического сознания, а также способным

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

служить объединению антибольшевистской оппозиции всех направлений, оставался лозунг Учредительного собрания.

Одной из базовых составляющих массового политического сознания в годы Первой мировой войны было отношение к войне, вопросы патриотизма, ибо война, со всеми ее личными и общественными невзгодами, напрямую связывалась с отвергнутым строем. Социокультурный раскол обусловил то обстоятельство, что Россия оказалась не готова к войне духовно. В итоге социальный фактор, который традиционно был в России сильнее национального, в конце концов заглушил к осени 1917 года патриотические чувства значительной части населения. Однако отмеченный процесс был длительным, шел неравномерно и противоречиво: патриотические настроения, захватившие в начальный период войны все слои народа, постепенно эволюционизировали частично в «революционное оборончество», частично – в пацифизм, а частично даже в открытое пораженчество. Война закончилась для России унизительным поражением вследствие падения общественного интереса к ней. Военно-патриотические чувства можно было кратковременно реанимировать, но не возродить. Официальный лозунг 1917 года «мир без аннексий и контрибуций», сменивший «войну до полной победы», никак не мог служить животворным источником воинственных чувств, поскольку был изначально ориентирован на мир.

Таким образом, патриотизм во время Первой мировой войны, при всем различии его оттенков, являл собой пульсирующее народное чувство, острота и формы проявления которого менялись под влиянием многих социальных и политических факторов. Тем не менее у нас нет оснований, как это нередко делалось раньше, абсолютизировать различия между пониманием патриотизма различными слоями российского общества, не видеть искреннего желания миллионов россиян защитить родную землю от немецких агрессоров, отстоять честь и независимость своей родины, не допустить разграбления ее национальных богатств и оскорбления духовных святынь.

В целом провал воспитательной политики государства в годы Первой мировой войны не сводился к промахам отдельных лиц. Прямой и обратной связью он был соединен с уникальным состоянием российского общества. Разноукладность, разнокультурность России создали парадоксальную и удивительную с точки зрения историка ситуацию – огромная война, объективно вошедшая во все клетки и поры России, замкнувшая на себя, казалось бы, все жизненные функции страны, оказа-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лась «посторонней», ненужной, отторгаемой как досадная помеха обычному течению повседневной жизни. Примерно так и довольно скоро после спада патриотической эйфории, присущей первым месяцам войны, воспринималась она сознанием большинства людей. В значительной мере возможности массовой индокринации в военное время сковывались недоразвитостью средств массовой информации, децентрализованностью и неконтролируемостью печати, театра, книг и т.п., нехваткой агитационно-пропагандистских кадров, элементарной безграмотностью большинства населения, но и без этих объективных ограничений конструктивная часть государственной индоктринации была несостоятельна.

В тесной связи с отношением к войне в массовом политическом сознании важное место занимали представления о справедливом распределении тягот войны между различными слоями общества. В ходе революции 1917 года происходила эволюция массового сознания «низов», изменение его содержания в направлении возрастающей радикализации, увеличения удельного веса общинно-уравнительных по своему происхождению установок, определяющих приоритет ценностей социальной справедливости. В массах господствовал идеал общественного устройства, основанный на нормах демократии, исторически укоренившихся в России, - нормах общинной демократии. Для массового политического сознания Первой мировой войны характерна определенная его мифологизация, которая значительно усилилась в 1917 году. Либеральная альтернатива в нашей стране в начале XX века была утопией, попытка реализации которой лишь спровоцировала революционный взрыв. Реальной альтернативой левым радикалам были только радикалы правые, то есть жесткая генеральская диктатура, но ее страна, как известно, тоже отвергла.

В условиях резкого обострения революционного кризиса был вызван к жизни и использован отдельными политическими силами психологический механизм эскалации ненависти низов по отношению к «классовым врагам», стимулировавшей в период революции акты социального возмездия, невиданный размах жестокости и насилия. Ликвидация частной собственности, основ экономического неравенства, перераспределение богатств, насилие и принуждение по отношению к классовым врагам стали рассматриваться массами как необходимые компоненты и условие успешного движения к социализму, идеал которого укрепился в их сознании в ходе революции. При этом автор считает возможным согласиться с мнением П.Струве, что «идеи играли роль случайных украшений, орнаментальных надстро-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ек над разрушительными инстинктами и страстями. Социалисты желали воспользоваться этими инстинктами и страстями, как рычагом осуществления своего идеала, а массы воспринимали идею социализма, как санкцию своих стремлений, не желая вовсе ограничивать этих последних во имя идеала».[1]

Первая мировая война и революция зримо очертили совершенно новый аспект восприятия массовым политическим сознанием такого фундаментального понятия, как свобода. Драматические коллизии военных лет выявили противоречивое сочетание в нем традиционного и либерального его понимания. При этом на начальном этапе революции происходит глубочайшая дискредитация в массовом сознании именно либерального понимания свободы личности. Следует даже говорить о восприятии революции как прорыве к «безграничной свободе», то есть воле, очищенной от формально-юридических ограничений. Можно согласиться с интересной мыслью английского историка Т. Шанина, что Россия стала первой в мире страной, где под вопрос была поставлена абсолютная ценность западноевропейского опыта для остального человечества.[2]

Двенадцатое. Первая мировая война была сложным и длительным периодом процессов постепенной смены политических ориентиров в массовом сознании всех слоев, в том числе и действующей армии. В целом, в военные годы оно было достаточно противоречивым, многослойным, что отражало сочетание в нем ценностей и установок, принадлежащим разным пластам трансформирующегося политического сознания народа. Эволюция массового политического сознания действующей армии до ее фактического распада прошла все естественные стадии. Массовое политическое сознание армейских масс в годы войны определялось внешними условиями их существования, политическими и партийными пристрастиями, базовыми установками сознания, взаимодействующими с новыми трансформированными его элементами, особенностями кризисного сознания военной и революционной эпохи.

Российская армия стратификационно воспроизводила в себе социальный срез и основные конфликты общественного организма, в чем была ее уязвимость, особенно при неудачном ходе войны. Соискатель пришел к заключению, что социальный состав армии важен как фактор, влияющий и на патриотические ориентации военнослужащих, и на позитивную роль армии в обществе. И если постоянный

---

[1] Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. С.245.
[2] Проблемы философии истории: традиция и новация в социокультурном процессе. М., 1989. С.197.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

состав русской действующей армии можно определить как аполитичных профессионалов, хотя и с характерными признаками российского дворянства и интеллигенции, то переменный состав приходил в Вооруженные Силы со всем своим социально-ментальным своеобразием, которое спаивало в единое целое даже не общность индивидуальных мотивов, а единство «независимой от лиц коллективной воли, выражающейся в дисциплине».[1]

По отношению к власти в массовом политическом сознании действующей армии сложился своеобразный «антипарламентаризм», который, по мнению Ю.О. Мартова, с чьими взглядами солидарен и соискатель, «вполне естественен для социальной среды, не спаянной в прошлом школой коллективного отстаивания своих интересов, а в настоящем черпающей свою силу и влияние исключительно в обладании оружием».[2] В 1917 году армия не испытывала сомнений в том, что Временные правительство и социалисты-«оборонцы» потеряли свой авторитет, и «мандат» легитимности перешел в руки Советов. Солдаты также считали, что борьба или гражданская война между социалистами недопустимы, и, во всяком случае, они отказались бы принять в ней участие. Они с восторгом участвовали в выборах Учредительного собрания, но полагали, что оно лишь претворит в жизнь их чаяния, уже поддержанные Советами. Учредительное же собрание привлекало действующую армию, и особенно ее рядовой состав, главным образом, возможностью удовлетворения непосредственных социальных нужд, обычно понимаемых как простое уравнительное перераспределение жизненных благ, причем сам способ удовлетворения не был сугубо важен, и, пожалуй, насильственный сулил более весомый и скорый результат, а соображения легитимности значили еще меньше.

Серьезному мировоззренческому испытанию, коррозии, подверглась в ходе войны значительно ослабленная в период модернизации, существовавшая преимущественно в форме бытовой обрядности православная вера солдат, вчерашних крестьян и рабочих. В результате христианские этические нормы и ценности, в том числе православная монархически-патриотическая национальная идея, являвшаяся скрепой общества, в сознании масс были в огромной степени девальвированы, расчищена почва для господства языческих представлений, архаических мыслительных стереотипов, причудливо сочетавшихся с порожденными модернизацией и техническим прогрессом рационалистическими установками. Дехристианиза-

[1] Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. С.46.
[2] Мартов Ю.О. Мировой большевизм. Берлин, 1923. С.11.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ция населения страны подтачивала идеологические устои самодержавного государства, как и власти вообще, черпавшего свою легитимность в символах православия.

Базисной вехой массового политического сознания действующей армии было то, что Россия оказалась не готовой к войне духовно, так как у большинства ее населения не существовало единых представлений об интересах и целях своей страны, а, следовательно, не могло быть и речи о морально-психологической и идейно-политической консолидации перед лицом внешнего врага. Очевидная и острая тяга к миру, прежде всего среди рядового состава, сочеталась в массовом политическом сознании действующей армии с патриотическими настроениями, присущими всему народу, но особенно сильными у интеллигенции, кадрового офицерства, буржуазии.

К 1917 году горечь поражений и усталость от войны довольно значительно снизили уровень национального патриотизма действующей армии. Не вызывали у нее особо воодушевления и лозунги «революционного оборончества». Автор вполне допускает, что в 1917 году при осуществлении земельной реформы и созыва Учредительного собрания сепаратный и унизительный Брестский мир, мир «во что бы то ни стало», не стоял бы с такой остротой в массовом политическом сознании действующей армии.

Анализ структуры массового политического сознания действующей армии, проявившегося в отношении к войне, позволяет автору утверждать, что воспринять «образ врага» в полном объеме мешали разнообразные причины: типологическая близость противника к российским образцам; многовековое сожительство с российскими немцами, в силу чего в народной культуре немец являлся «чужим», но отнюдь не врагом;[1] война сравнительно неглубоко вошла в географическое великороссийское тело страны, захватила преимущественно инонациональные ее районы, слабо воспринимавшихся действующей армией в качестве «своих», родных; враг не был слишком жесток, не угрожал самому существованию нации, воевал «по правилам», а плен не только не казался чем-то позорным, ставившим вне общества, но, пожалуй, был самым легким и простым средством избавления от тягот войны и возможной гибели[2]; внутренний конфликт, ненависть к «врагу» внутрен-

[1] Оболенская С.В. Немцы в глазах русских XIX века: Черты общественной психологии // Вопросы истории. 1997. №12. С.103,114.
[2] РГВИА. Ф.2139. Оп.1. Д.1673. Л.895.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

нему была сильнее, подпитываясь негативно-осмысленным опытом прошлой жизни, пережитыми обидами, хроническим социально-культурным недопотреблением.

Перенос негативного эмоционального комплекса с внешнего противника на внутреннего в восприятии «человека с ружьем», формирование в ходе войны под влиянием ряда факторов образа внутреннего врага в разных, сменяющих друг друга модификациях («внутреннего немца», «темных сил», «начальства», и, наконец, «буржуазии», «офицеров» и «просто инакомыслящих») способствовали накоплению в солдатской среде недовольства, аккумуляции взрывоопасной энергии социального взрыва в армии. В армии сложилось и такое состояние политического сознания, как неприятие всего общества в целом, склонность к коллективному противодействию ему, в результате чего армия, призванная быть вооруженной опорой существующего режима превращалась в наиболее взрывоопасную силу теряющего стабильность общества. Левые радикалы умело использовали это обстоятельство в своей агитации и переводили все это на язык классовой борьбы.

Социальная справедливость – также была одним из структурных элементов массового политического сознания действующей армии в годы Первой мировой войны. Ввергнутая в страдания и ужас безысходности, наиболее активная часть населения страны по-своему пыталась осмыслить принципы социальной справедливости как необходимость найти конкретных виновников своих бед и избавиться от них. Именно в условиях войны убийство, разрушение, обман, уничтожение врага, возведенные в общегосударственную практику, облекаются в доблесть и заслугу: исполнителей их квалифицируют как великих воинов, одаривают наградами и славой. Несомненно, что цунами слепой жестокости и безудержного насилия формировались прежде всего в действующей армии. Непосредственное ее участие в насилии, притупление восприятия смерти, привели к ожесточению огромной многомиллионной массы людей, выработке у них милитаризованного сознания, склонности к крайним силовым действиям, девальвации ценности человеческой жизни.

Необходимо выделить также и национальную составляющую политического сознания русской армии, особо проявившейся в ходе Революции 1917 года и характерной для военнослужащих нерусской национальности, которой с успехом противодействовало стремление выполнять свой воинский долг перед Россией в единых Вооруженных Силах.

Наконец, важно отметить еще одну важную характерную черту массового политического сознания армии, которую Л.Д. Троцкий сформулировал как один из

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

законов перехода войск на сторону противников режима. [1] Другими словами, в сознании армии должна присутствовать твердая уверенность, что она должна вернуться в казарму только победителем. В противном случае военнослужащие предстанут перед судом как участники антиправительственного выступления.

Тринадцатое. Проведенное исследование сделало возможным сформулировать определенную методику по измерению напряженности массового политического сознания в социумах, в том числе и армии. Социальную напряженность в рамках некоторого социума можно определить как негативное отношение преобладающей части общности к актуальным явлениям и процессам и наличие с ее стороны конкретных практических действий, которые способны привести к деструктивным изменениям в обществе. Качественной мерой социальной напряженности служит ее уровень.

Отсутствие социальной напряженности (ее нижнюю границу) характеризует такое состояние общественных отношений, при котором имеет место неудовлетворенность отдельных индивидов или групп на обыденном уровне. Фактически, это идеальное состояние жизнедеятельности общества.

Низкий уровень социальной напряженности характеризуется массовым недовольством людей на обыденном уровне, неудовлетворенностью отдельных социальных групп своим положением и готовностью предпринять демонстративные или незаконные действия для выражения своего протеста. Однако реально такие действия предпринимают единицы.

При среднем уровне социальной напряженности недовольство на обыденном уровне принимает вид панических настроений. Неудовлетворенность выражает большинство социальных групп в пределах изучаемой общности. Готовность к акциям протеста приобретает массовый характер. Повсеместно проявляется пассивное отношение к выполнению своих обязанностей, нежелание добросовестно работать, служить в армии. Возникают группы, готовые к силовому решению проблем.

Особенность высокого уровня социальной напряженности – осознание аномии большей частью исследуемой общности. Массовое стремление к изменению положения и снижению «социальной опасности» приводит к миграциям, перемене профессий, созданию правозащитных организаций, обращению в средства массовой информации для обнародования своих проблем. Повсеместно не выполняются распоряжения властных структур, приказы непосредственных начальников. Имеет

---

[1] Троцкий Л. История Русской революции. В 2-х т. Нью-Йорк, 1976. Т.1. С.147-148.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

место невооруженная «демонстрация силы» - митинги, шествия, пикетирование. Общество поляризуется.

При очень высоком уровне социальной напряженности на фоне массовой аномии наблюдается готовность к решению проблем с помощью насилия. Правовые акты, распоряжения официальных властей не выполняются. Формируются социальные группы, которые провозглашают и реализуют силовые методы, в том числе с применением оружия.

Критический уровень социальной напряженности обусловливает действия протеста в любых формах, где превалируют силовые методы. В массовом сознании преобладают страх и безысходность, стремление поддержать любые силы, способные навести порядок.

Верхний, «сверхкритический» уровень социальной напряженности свойственен таким формам общественного поведения и действий, которые приобретают деструктивный, разрушительный характер (социальный взрыв, революция, гражданская война).

Четырнадцатое. Анализ массового политического сознания действующей русской армии дает возможность рассмотреть и ее политическое поведение в годы Первой мировой войны. Серьезные недостатки в организации военной мощи государства привели к серии тяжких неудач в годы Первой мировой войны, что привело к кризису армии как главного его института. И все же к февралю 1917 года действующая армия представляла собой довольно грозную силу.

Наряду с войной и влиянием политических партий, существенное воздействие на массовое политическое сознание армии оказала Революция 1917 года. Можно согласиться с мнением Ю.П. Денике, что «представление, которое существовало у некоторых политиков, в том числе и у некоторых социалистов, что революция должна вдохнуть новые силы в уже разбитую и разлагавшуюся армию, было чистой иллюзией».[1] Демократические же преобразования в армии разрушили самые сущностные основы военной организации – дисциплину, единоначалие, аполитичность. Армия переживала тот же недуг, как и страна: двоевластие, местовластие, безвластие. Русское офицерство с невероятной грубостью и цинизмом оттолкнутое революционной демократией и не нашедшее фактической опоры и поддержки в либеральных кругах, близких к Временному правительству, очутилось в трагическом одиночестве и растерянности. В своей жажде мира и земли солдатская

[1] Денике Ю.П. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики: сборник воспоминаний. С.44.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

масса также не встретила отклика ни в политике правительства, ни в политике армейских общественных организаций, что привело к расколу между армейскими массами и демократией и к дальнейшему разложению армии.

В результате постепенно в течение 1917 года из хорошо организованного и слаженного организма армия превратилась в вооруженную массу людей, которые «становятся общностью лишь в той мере, в какой охвачены негативной разрушительной эмоцией по отношению к каким-либо лицам, установкам, событиям».[1]

Опираясь на теорию психологического анализа, для этой массы вооруженных людей можно выделить такие характерные особенности поведения, как чрезвычайная возбудимость, импульсивность, страстность, непостоянность, непоследовательность при легком переходе к крайностям; ей доступны только грубые страсти и более простые чувствования; она чрезвычайно внушаема, легкомысленна в своих рассуждениях, стремительна в своих мнениях, восприимчива только к простейшим и несовершеннейшим выводам и аргументам; у нее отсутствует критическое осмысление действительности и поиск истины; ее легко направлять и устрашать; у нее нет сознания виновности, самоуважения и чувства ответственности, но она готова перейти от сознания своей силы ко всяким преступлениям; масса не выносит отсрочек между желаниями и их реализацией, поддается магической силе слова.[2] Индивид в этих условиях приобретает сознание непреодолимой силы, у него исчезает чувство ответственности за свои поступки, причем восприимчивость к внушению в массе увеличивается за счет взаимности.[3]

Революция сформировала и особый тип военнослужащего: непрофессионала, пассивного, безинициативного, утратившего уважение к себе «человека толпы». В армейской массе широко распространились настроения апатии и безразличия, немалая часть армии физически и духовно деградировала на почве пьянства и безделья, произошел упадок нравственно-религиозных устоев и принципов, развились массовое воровство, коррупция, неуважение к честной службе и одновременно – агрессивная озлобленность ко всему окружающему. Такой, по мнению многих современников изучаемого периода, армия стала после корниловского мятежа,[4] который многократно усилил агонию российских Вооруженных Сил.

---

[1] Поршнев Б.Ф. *Социальная психология и история*. М., 1984. С.93.
[2] См.: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Диалог. 1992. №12. С.107-110.
[3] Там же. С.106-107.
[4] См., например: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1991. №4-5. С.141.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

При этом необходимо отметить, что революция вызвала потребность говорить, и Россия превратилась в митинговую страну с миллионами ораторов. Это же можно сказать и об армии. Однако революция показала, что митинг – это далеко не самая демократическая форма волеизлияния народа, это «зачастую ширма, прикрытие, чтобы протянуть свое мнение в узких интересах партии, группы, тщательно скрывающей свои подлинные цели и настроения», о чем предупреждали даже офицеры первого Сибирского стрелкового полка.[1] Кроме того, митинги, собрания и дискуссии втягивали в обсуждение важных политических вопросов людей, особенно армию, которые не были готовы к глубокому самостоятельному анализу политических, социальных и экономических проблем. Однако резолюции, которые принимались на этих массовых сборищах, оказывали свое влияние и на позиции политических партий, и на деятельность правительства. В конце концов к октябрю 1917 года армия, непрерывно избиваемая извне и активно развращаемая изнутри силами, заинтересованными в ее ослаблении, разложении и развале, пошла за политической партией, которая высказалась за прекращение войны и бралась в интересах крестьян решить аграрный вопрос.

Такая армия представляла серьезную угрозу и большевистскому режиму, перед которым после прихода к власти в 1917 году в том числе стояла и задача подчинения огромной по численности и значительной по своему разрушительному потенциалу армейской массы новому государственному порядку, что можно было сделать только путем ее демобилизации. К середине апреля 1918 года старая действующая армия перестала существовать.

Таким образом, вопросы массового политического сознания действующей армии в годы Первой мировой войны занимали видное место в теоретической и практической деятельности властных структур, политических партий России. Их всесторонняя деятельность, наряду с Первой мировой войной и ее последствиями, способствовали формированию нового политического сознания страны в целом и действующей армии, в частности, определившего впоследствии выбор народа, а, следовательно, и судьбу страны. Массовое политическое сознание, выраженное в верности своему Отечеству, готовности защищать его с оружием в руках – важнейшая основа силы армии и ее боеспособности. Оно не возникает спонтанно, а продуцируется под воздействием потребностей людей, жизненных реалий, в результате планомерной, целенаправленной и систематической деятельности госу-

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.118. Л.293.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

дарственных, политических и общественных структур. Опыт деятельности политических партий России по формированию и развитию массового политического сознания действующей армии в годы Первой мировой войны, научная оценка ее результатов имеют большое практическое значение и сегодня.

Проведенный анализ рассматриваемой проблемы дает возможность осмыслить положительный и негативный опыт деятельности политических партий по влиянию на массовое политическое сознание действующей армии в годы Первой мировой войны и извлечь из него следующие уроки.

Урок первый. Рассматривая события Первой мировой войны в широкой исторической ретроспекции, главный урок, как показало исследование, состоит в том, что бессмысленно и безнадежно пытаться обойти, обмануть историю, действуя вопреки ее естественному ритму, органике, объективной логике. Об этих много говорят, часто на них ссылаются, но крайне редко им следуют.

Нельзя экстремистски, завоевательски, диктаторски обращаться с историей. Общество, не считающееся с человеком, видящее в нем лишь средство, орудие, материал, пренебрегающее личной свободой, основанное на насилии, - противоестественно и, в конечном счете, нежизнеспособно, саморазрушительно. Решающим критерием общественных преобразований должно являться их соответствие коренным жизненным интересам людей, народное благо, причем не в абстрактно-умозрительной вневременной запредельной проекции с упованием на светлое будущее, а в его настоящем, конкретном, актуальном выражении, что с точностью фиксируется массовым политическим сознанием и его исторической памятью.

Урок второй. История Первой мировой войны и Революции 1917 года наглядно показала, что «Война до победного конца», «Верность союзникам до последнего русского солдата» довели Россию до национальной катастрофы, поскольку в угоду Антанте игнорировались коренные национальные интересы страны. Главным критерием исторических процессов в России, как и у других великих держав, фундаментом политического сознания общества и действующей армии, надо брать ее коренные, общенациональные интересы, а не различные партийно-политические, идейно-теоретические и прочие оценочные установки, реализация которых приводит к катастрофическим последствиям. Попытки покушения на национальное сознание, национальный идентитет всегда ведут ко всеобщей беде. XXI век резко сокращает лимит исторических ошибок.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Опыт начала XX века также показывает, что наша страна лишь тогда добьется ощутимых успехов, когда она перестанет слепо отстаивать «абстрактные ценности» и научится уверенно, со знанием дела реализовывать свои исконные, фундаментальные интересы. Она возродится и быстро пойдет вперед лишь тогда, когда не будет слепым орудием корыстных и лукавых политических устремлений других цивилизаций и разменной монетой геополитических игр, жертвой обмана и самообмана. Но степень влияния западнических доктринеров не следует преуменьшать даже сегодня.

Урок третий. В продуцировании и трансформации массового политического сознания армии сегодня, как и в годы Первой мировой войны, одну из заглавных ролей играют политические партии, в том числе и стремящиеся к изменению существующего в стране общественного строя. Исторический опыт показывает, что достижение консенсуса политическими партиями ныне, как и в рассматриваемый период, возможно лишь на основе базовых ценностей, таких как территориальная и конституционно-правовая целостность государства, вопросы войны и мира и т.п. Именно при такой системе консенсусной многопартийности в любых исторических условиях оппозиционные партии могут стать важным демократическим противовесом чрезвычайщине и другим фактам беззакония как социальных явлений. Соответственно, при достаточно высоком уровне демократии, партиям или их коалициям, стоящем у власти, будут присущи взвешенность в области политических решений и реализм в действиях.

Сопоставительный анализ эпох начала XX и начала XXI века дает также возможность выделить общее в становлении систем политических партий России. Прежде всего, оно состоит в следующем: социальная вялость, политическая апатия влияли и влияют на формирование политических партий, отсюда их малочисленность, слабая связь со своим электоратом, избирателями; политические объединения создавались интеллигенцией сверху вниз, в силу чего они неспособны к компромиссам, нетерпимы к инакомыслию в своих рядах; по-прежнему всех их можно подразделить на западников и славянофилов, то есть опирающихся либо на западноевропейский опыт и общественную мысль, либо на российскую самобытность и традиции; быстрый темп образования политических организаций и подвижный характер определяет их способность объединяться на короткое время выборов, а потом разъединяться; партии по-прежнему узнаваемы по лидерам, а не содержанию программ. Эти общие черты обуславливают необходимость политического про-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

свещения общества, в том числе и армии. Такое просвещение будет являться одним из условий становления правового государства, в котором политические партии будут влиятельным инструментом общественного и государственного развития России.

Урок четвертый. Исторический опыт показывает, что правящие партии будут стремиться к сохранению военной организации, как прочной своей опоры в государстве, и проведению определенной внешней политики, эффективность которой во многом зависит от массового политического сознания армии. Такое состояние ее массового политического сознания, как спасителя Отечества, подразумевает: «во время войны настоятельно необходимо оберегать всеми способами дух нации и принимать всяческие меры для поддержания его на должной высоте, дабы вся нация была способна выдержать до конца крайнее моральное напряжение, требуемое от нее современными условиями войны, но никак не ослаблять силу сопротивляемости ее духа пагубным, а тем более оскорбительным для нее направлением внутренней политики»;[1] стойкую государственно-патриотическую охранительную позицию; заинтересованность и ответственность всех государственных и общественных институтов, включая и саму армию, за состояние Вооруженных Сил, их подготовку к войне; отказ от попыток использования армии для выполнения несвойственных ей функций; эволюционное совершенствование армии на основе исторической преемственности; отбор в армию лучших на основе призвания и почетного права служить в российской армии; законность и конституционность действий армии в мирное и военное время; международный авторитет армии как средства самозащиты России и эффективной сдерживающей силы; бережное отношение общества к армии, созидание ее с любовью и честью ; армия должна чувствовать собственную значимость при решении вопросов государственного значения, критика недостатков Вооруженных Сил должна быть профессиональной и конструктивной; невозможность принадлежности офицеров к «низшему сословию», оставаться деморализованным, забитым, полуинтеллигентным, невежественным в государственном и военном отношениях; не допускать создания в Вооруженных силах параллельных властных и общественных структур (в 1917 году в различных комитетах число воинских чинов, прямо или косвенно оторванных от выполнения своих непосредственных обязанностей, составляло около пяти корпусов и обходи-

[1] Бубнов А. Указ. соч. С.380.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

лось казне в 1 миллион 250 тысяч рублей в месяц);[1] отказ от активного вмешательства в славянские, европейские, азиатские и иные дела.

Урок пятый. Исторический опыт учит, а объективный анализ свидетельствует, что департизировать военную организацию можно, но полностью деполитизировать нельзя, ибо армия – это часть общества, тесно связанная со всеми элементами его политической сферы. Партии, стоящие у власти, должны решать все возникающие внутренние конфликты только политическими средствами, а не путем привлечения армии. В этой связи важно не допустить перекладывания на плечи военных политической ответственности за решения, принимаемые руководством страны, а также использования Вооруженных Сил не по прямому назначению.

У армии может быть только одна партия – отечество, только одна политическая программа – присяга. Вмешательство армии в политику нежелательное и вредное в периоды нормальной жизни, становится неизбежным и оправданным в периоды политической и социальной неустойчивости, когда государственный строй не отвечает интересам нации, а борьба партий и классов, сопряженная с уклонами вправо и влево, этим интересам угрожает. В таких случаях армия становится элементом, способным обеспечить порядок и гражданский мир, а также неприкосновенность государственной территории.

Актуальность темы диссертационного исследования, возрастание научного интереса к ней российских и зарубежных историков, состояние ее изученности позволяет автору сформулировать следующие практические и научные рекомендации.

Во-первых, одной из самых злободневных проблем российского общества является демилитаризация сознания, общественной психологии, образа жизни, понимаемая не как уничтожение накопленного оружия и механического сокращения армии, а как переосмысление всего того образа жизни, в котором все военное дело было почти неприкосновенным, который привел нас к сегодняшнему положению, привел, повинуясь политике и инерции.

Во-вторых, сложнейшие условия российской действительности не позволяют иметь плохую армию, необходимо хотя бы одно надежное средство предотвращения государственных катастроф и обеспечения национальной безопасности. В условиях России такие Вооруженные Силы может гарантировать только выработанная жизнью военная система, состоящая из: 1) Сильного, профессионально ор-

[1] Подсчитано автором по: РГВИА. Ф.366. Оп.1. Д.72. Л.93-98 об.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ганизованного и политически сплоченного офицерского корпуса. 2) Профессиональной (отборной) армии. 3) Резервной армии (государственного ополчения), подготовленной на милиционных началах. 4) Мощного «мозгового» центра, обеспечивающую научную подготовку обороны, анализ военно-политической обстановки, учет сил и ресурсов, эффективное использование военной мощи страны. 5) Стройной системы государственного и воинского воспитания.

В-третьих, создание, несмотря на предполагаемые огромные затраты, профессиональной армии – это сегодня единственный способ надежно обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность России, остановить процесс разложения существующей военной системы, поднять престиж армии в обществе, возродить военное искусство и обеспечить специализацию военного дела. Профессиональная армия должна комплектоваться из лучших людей, она должна быть отборным войском, и только в этом случае имеет право на существование.

Вместе с тем, профессиональная армия будет сильнее отдалена от проблем общества, чем современная, а это совершенно иная социальная психология. Поэтому важно, чтобы организационные меры по переходу к профессиональной армии были сопряжены с постоянным учетом особенностей изменения ее социального облика, с внесением соответствующих корректив в содержание и формы воспитательной работы.

В-четвертых, создавая долговечную, качественную армию, какой бы она ни была по форме, необходимо, прежде всего, укрепить офицерский корпус России: 1) восстановить благородные традиции русского офицерства; 2) поднять звание офицера на недостигаемую для обычного гражданина высоту; 3) соединить в офицере качества командира и специалиста военного дела, преданному ему не менее, чем Отечеству и Долгу; 4) создать надлежащие условия для службы, карьеры и творческой деятельности; 5) сплотить офицерство единой самодеятельной профессиональной организацией, позволяющей эффективнее решать вопросы самообразования и качественного усовершенствования Вооруженных Сил; 6) конструктивно и быстро решить вопросы института сержантов и прапорщиков. Представляется чрезвычайно важным в целях совершенствования воспитательной работы в Вооруженных Силах создать хотя бы одно военно-учебное заведение для подготовки подобного рода специалистов в низовом армейском звене.

В-пятых, самой надежной гарантией сохранения армией своего конституционного предназначения является «самоограничитель» в сознании каждого из рос-

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

сийских военнослужащих. Создать такой «самоограничитель» возможно лишь целенаправленной информационно-воспитательной работой по формированию сознания военнослужащего не только как вооруженного защитника Отечества, но и как Гражданина России. Это предполагает соответствующий уровень его политических и юридических знаний, достигаемый повседневным разъяснением государственной политики. Основными ориентирами в системе приоритетно-духовных ценностей современной России должны быть:

- Государственность – утверждение идеи сильного, суверенного и неделимого Российского государства;
- Гражданственность – ощущение принадлежности каждого человека Российскому государству вместе с гарантией прав, свобод и выполнением обязанностей;
- Федерализм – как наиболее общий принцип и целесообразный механизм взаимодействия центра и национально-этнических регионов России;
- Патриотизм – как наиболее глубокое чувство любви к Родине и постоянной готовности к защите Отечества;
- Гуманизм – как выражение приоритета нравственно-гуманистических ценностей над классовыми, национальными, групповыми;
- Святость – религиозно-духовное освящение Российской Идеи перед верующими людьми.

В-шестых, по-прежнему сложно протекающий процесс деполитизации армии, осуществляется в форме «плюралистической партизации», что дестабилизирует армию. Поэтому предпочтительно, чтобы политические партии осуществляли свое влияние не путем непосредственной политической «агитации», а разрабатывая и проводя в жизнь военную программу, отражающие интересы и общества, и армии.

В-седьмых, нежелательно, чтобы правящая партия приобретала особые права по влиянию на военнослужащих. Аппарат партии, победившей на выборах, не должен брать на себя функцию непосредственного управления Вооруженными Силами. Оптимальным способом воздействия политической партии на армию должна, видимо, быть ее победа на выборах, что открывает перед формирующими правительство политиками возможность добиться трансформации своей военной программы из партийной в государственную через ее одобрение большинством депутатов.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Сохранить армию как инструмент политики государства и удержать ее вне естественной в условиях демократии борьбы правящей партии и оппозиции за власть невозможно без эффективной системы гражданского контроля за этим социальным институтом. Мировой, да и отечественный, опыт показывает, что разработка четкой нормативно-законодательной базы, финансовое регулирование (через парламентское утверждение бюджетных ассигнований на оборонные нужды и контроль за их использованием), четкая процедура утверждения главой государства высших должностных лиц Вооруженных Сил, компетентный и гласный анализ проблем национальной безопасности в средствах массовой информации, открытость армии для общества посредством системы организационных мер информационная работа армейских структур по разъяснению общественности актуальных проблем строительства Вооруженных Сил и их жизнедеятельности – все это позволяет гарантировать действительно демократический контроль общества за армией.

В-восьмых, проблема продуцирования политического сознания, и массового в том числе, в современных условиях применительно к нашей стране, на наш взгляд, означает первоочередное решение задачи осуществления коренной перемены в понимании сущности и методов политической индокринации со стороны политических институтов и общественных организаций. Речь идет о выкорчевывании былой стратегии по насаждению «приказного» сознания и двоемыслия, независимо от того, какими бы политическими партиями они ни культивировались.

В-девятых, ни одна война в истории России не оставила такого зияющего вакуума как Первая мировая война. Ни одна не оказалась так затерта в сознании потомков как эта. В стране нет ни одного памятника, посвященного событиям 1914 – 1918 годов. Было бы целесообразным соответствующим структурам активизировать работу по увековечиванию памяти граждан России, погибших при защите Отечества в годы Первой мировой войны. С этой целью необходимо:

- начать учет и паспортизацию захоронений на территории России;
- написать имена воинов, навечно записанных в списки воинских частей Императорской русской армии на мраморных колоннах Зала Победы Центрального музея Вооруженных Сил, а имена погибших воинов – на мраморных черных досках в церквях;
- создать в Москве и Санкт-Петербурге Мемориалы народной памяти всем участникам Первой мировой войны;

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

- поддержать инициативу историков о необходимости создания Национального музея истории русской армии.

В-десятых, представляется необходимым в высших военных учебных заведениях, особенно в академиях, ввести курсы «История русской армии» и «История русской военной мысли», а учебные программы и тематические планы по Отечественной истории дополнить специальным разделом по проблемам военно-политической деятельности политических партий России в годы Первой мировой войны и Революции 1917 года.

В-одиннадцатых, автор считает целесообразным при последующих изданиях многотомной Исторической энциклопедии, Военного энциклопедического словаря и особенно Энциклопедии политических партий России существенно расширить перечень фамилий и биографий военных лидеров политических партий России начала XX века (А.А. Аргунов, М.С. Бинасик, В.С. Венгеров, Г.В.Вернадский, Л.Я. Герштейн, М.П. Затонский, М.Д. Калугин, В.Г.Коренчевский и других.) и перечнь периодических партийных изданий с точным указанием их политической ориентации.

В-двенадцатых, в силу недостаточной научной разработанности проблемы массового политического сознания армии в годы Первой мировой войны, целесообразно, на наш взгляд, включить в научную разработку следующие проблемы:

- массовое политическое сознание военнослужащих прифронтовых и тыловых военных округов;
- Военно-Морской Флот России и его массовое политическое сознание в годы Первой мировой войны;
- специфика массового политического сознания личного состава различных родов войск;
- деятельность политических партий России среди офицеров армии и флота в годы Первой мировой войны;
- влияние доармейских социально-политических факторов на массовое политическое сознание военнослужащих;
- специфика формирования и динамика изменения массового политического сознания различных социальных слоев, призванных в Вооруженные Силы в годы Первой мировой войны;
- политические партии России и массовое политическое сознание противоборствующих вооруженных сил в годы гражданской войны;

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

- современная историография деятельности политических партий России в армии в начале XX века.

Влияние сложных социально-политических процессов, идущих в обществе, на Вооруженные Силы многоаспектно. По мнению автора, реализация предложенных рекомендаций будет способствовать дальнейшему развитию взаимоотношений политических партий и армии на цивилизационной основе, научному изучению ретроспективы этих отношений, углублению и расширению знаний Отечественной истории начала XX века, активному использованию их в учебно-воспитательном процессе в ВУЗах, особенно Министерства обороны, и в деятельности Главного управления по работе с личным составом Министерства обороны Российской Федерации, особенно его управления информирования войск и связи с общественностью.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПО ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРОБЛЕМЫ.

Авксентьев Н.Д. Большевистский переворот // Отечественная история. 1992. №5.

Аксельрод П.Б. Борьба за мир и восстановление Интернационала. Пг., 1917.

Аксельрод П.Б. Кто изменил социализму? Нью-Йорк, 1919.

Алексинский Г.А. Война и революция. Пг., 1917.

Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990.

Бакунин М.А. Государственность и анархия // Философия. Социология. Политика. М., 1989.

Бердяев Н. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 242 с.

Бердяев Н.А. Народ и классы в русской революции. М., 1917. 15 с.

Бердяев Н.А. Новое средневековье. Берлин, 1924.

Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. №1.

Бердяев Н.А. Смысл истории. Париж, 1969; М., 1990.

Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. 256 с.

Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.

Бердяев Н.А. Торжество и крушение народничества // Русская свобода. 1917. №14/15.

Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. М., 1915.

Булгаков С. На пиру богов // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990.

Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1917.

Булгаков С.Н. Философия имени. Париж, 1953.

Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Бухарин Н.И. Классовая борьба и революция в России. М., 1917.

Винавер М.М. Тактика Партии народной свободы. Пг., 1917. 36 с.

Волин В.М. Неизвестная революция: 1917-1921/Пер.с фр.М.,2005. 606с.

Вопросы мировой войны. Сб. ст. Пг., 1915.

Горбачев М.С. Размышления об Октябрьской революции. М., 1997. 120 с.

Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908 1917. Пг., 1917.

Дан Ф.И. Вопросы войны и мира. За год. Пг., 1919.

Дан Ф.И. Итоги и перспективы развития большевизма // Коммунист. 1990. №7.

Дан Ф. К истории последних дней Временного Правительства // Факел. 1989. Историко-революционный альманах. М., 1989.

Дан Ф.И. О войне и мире. Пг., 1917. 79 с.

Дан Ф.И. Последняя попытка лидеров ЦИКа // Октябрьский переворот. М., 1991.

Дан Ф. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1964.

Деникин А.И. Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль-сентябрь 1917. М., 1991. 519 с.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 1991. 376 с.

Долгоруков П.Д. Национальная политика и Партия народной свободы. Ростов-на-Дону, 1919. 16 с.

Ерманский О.А. Марксисты на распутье. О сборнике «Самозащита». Пг.-М., 1916.

Ерманский А. Советский строй. За год. Пг., 1919.

Ерманский А.К. Чего хотят социал-демократы. Пг., 1917. 94 с.

Жордания Н. Большевики. Берлин, 1922. 84 с.

Зиновьев Г.Е. Англия и Германия перед мировой войной: о причинах войны 1914 – 1916 гг. Пг., 1917.

Зиновьев Г.Е. Война и кризис социализма. Пг., 1920.

Зиновьев Г.Е. Война, революция и меньшевизм. М.-Л., 1931. 214 с.

Зиновьев Г.Е. Второй интернационал и проблема войны: отказываемся ли мы от наследства? Пг., 1917. – 87 с.

Зиновьев Г. Год революции (февраль 1917 г. – март 1918 г.) Л., 1925.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Зиновьев Г. Империалистическая война и банкротство социал-демократии. М.-Пг., 1924. 564 с.

Зиновьев Г.Е. Корни оборончества. Пг., Б/д. 62 с.

Зиновьев Г.Е. Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Очерк жизни и деятельности. Пг., 1918.

Зиновьев Г.Е. Ленин В.И. Против течения. Сборник статей. 3-е изд. М.-Пг., 1923. 555 с.

Иванович С.Т., Потресов А.Н. Опыт культурно-психологического портрета. Париж, 1938.

Иванович С.Т. Пять лет большевизма. Начало и концы. Берлин, 1922.

Изгоев А.С. На перевале. Перед спуском // Русская мысль. 1914. №8-9.

Изгоев А.С. Наши политические партии. Пг., 1917. 30 с.

Изгоев А.С. Социалисты во второй русской революции. Пг., 1917. 82 с.

Изгоев А. Социалисты и крестьяне. Пг., 1917.

Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. №5.

Ильин И.А. О России. М., 1991.

Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй / Ильин И.А. Наши задачи: Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948 – 1955 гг. М., 1992.

Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.

Ильин И.А. Родина. Русская философия. Православная культура / Сост. Е.С. Троицкий. М., 1992.

Интернационал и мировая война. Пг., 1919.

Каменев Л.Б. Статьи и речи. 1905 1925. В 12-ти т. М.-Л., 1925-1929.

Камков Б.Д. Война и немецкая социал-демократия. (Кризис догматического социализма). Б.м., 1917.

Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.

Керенский А.Ф. Издалека. Сб. статей (1920 – 1921 гг.). Париж, 1922.

Керенский А.Ф. Об армии и войне. Пг., 1917. 16 с.

Керенский А.Ф. Речи А.Ф. Керенского к войскам и народу. Пг., 1917.

Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. Люди и события. Берлин, 1931.

Кизеветтер А. Мода на социализм // Русские ведомости. 1917. 25 июня.

Кизеветтер А.А. Нападки на партию народной свободы и ее идеология. М., 1917. 12 с.

Кизеветтер А.А. Партия народной свободы и ее идеология. М., 1917. 12 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Кокошкин Ф.Ф. Об ответственном министерстве. М., 1915.

Кокошкин Ф.Ф. Республика. Пг., 1917.

Коллонтай А.М. Кому нужна война? Пг., 1917. 30 с.

Корнилов А.А. Аграрная программа Партии народной свободы. Пг., 1917.

Корнилов А.А. Партия народной свободы. Пг., 1917. 32 с.

Котляревский С.А. Основные задачи русской внешней политики // Проблемы Великой России. 1916. №1.

Котляревский С. Россия и Константинополь // Русская мысль. 1915. №4.

Кропоткин П.А. О войне. М., 1916. 29 с.

Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т.24. С.113-150.

Ленин В.И. Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении // Полн. собр. соч. Т.25. С.244-250.

Ленин В.И. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне // Полн. собр. соч. Т.26. С.1-7.

Ленин В.И. Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. Т.26. С.13-23.

Ленин В.И. Реферат на тему «Пролетариат и война» 1(14) октября 1914г. // Полн. собр. соч. Т.26. С.27-35.

Ленин В.И. Положение и задачи социалистического интернационала // Полн. собр. соч. Т.26. С.36-42.

Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т.26. С.106-110.

Ленин В.И. Конференция заграничных секций РСДРП // Полн. собр. соч. Т.26. С.161-167.

Ленин В.И. Что доказал суд над РСДР фракцией? // Полн. собр. соч. Т.26. С.168-176.

Ленин В.И. Проект резолюции левых социал-демократов к первой международной социалистической конференции // Полн. собр. соч. Т.26. С.282-285.

Ленин В.И. О поражении своего правительства в империалистической войне // Полн. собр. соч. Т.26. С.286-291.

Ленин В.И. Социализм и война. (Отношение РСДРП к войне) // Полн. собр. соч. Т.26. С.307-350.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Ленин В.И. Поражение России и революционный кризис // Полн. собр. соч. Т.27. С.26-30.

Ленин В.И. Оппортунизм и крах II Интернационала // Полн. собр. соч. Т.27. – С.115-128.

Ленин В.И. О «программе мира» // Полн. собр. соч. Т.27. С.267-274.

Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. (Популярный очерк) // Полн. собр. соч. Т.27. С.299-426.

Ленин В.И. Итоги дискуссии о самоопределении // Полн. собр. соч. Т.30. С.17-58.

Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Полн. собр. соч. Т.30. С.306-328.

Ленин В.И. Поворот в мировой политике // Полн. собр. соч. Т.30. С.339-348.

Ленин В.И. Телеграмма большевикам, отъезжающим в Россию // Полн. собр. соч. Т.31. С.7.

Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 1 // Полн. собр. соч. Т.31. С.11-22.

Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 2 // Полн. собр. соч. Т.31. С.23-33.

Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 3 // Полн. собр. соч. Т.31. С.34-47.

Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 4 // Полн. собр. соч. Т.31. С.48-54.

Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 5 // Полн. собр. соч. Т.31. С.55-57.

Ленин В.И. О задачах РСДРП в русской революции // Полн. собр. соч. Т.31. С.72-78.

Ленин В.И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // Полн. собр. соч. Т.31. С.87-94.

Ленин В.И. Первоначальный набросок апрельских тезисов // Полн. собр. соч. Т.31. С.99-100.

Ленин В.И. Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4(17) апреля 1917 г. // Полн. собр. соч. Т.31. С.103-112.

Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. Т.31. С.113-118.

Ленин В.И. Как мы доехали // Полн. собр. соч. Т.31. С.119-121.

Ленин В.И. О двоевластии // Полн. собр. соч. Т.31. С.145-148.

Ленин В.И. Политические партии в России и задачи пролетариата // Полн. собр. соч. Т.31. С.191-206.

Ленин В.И. По стопам «Русской воли» // Полн. собр. соч. Т.31. С.214-216.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Ленин В.И. Доклад о текущем моменте и об отношении к Временному правительству 14(27) апреля // Полн. собр. соч. Т.31. С.239-246.

Ленин В.И. Резолюция о коммунальных выборах // Полн. собр. соч. Т.31. С.255-256.

Ленин В.И. Проект резолюции о войне // Полн. собр. соч. Т.31. С.260-265.

Ленин В.И. Наши взгляды. Ответ на резолюцию исполнительной комиссии Совета солдатских депутатов // Полн. собр. соч. Т.31. С.278-282.

Ленин В.И. Воззвание к солдатам всех воюющих стран // Полн. собр. соч. Т.31. С.293-296.

Ленин В.И. Резолюция Центрального Комитета РСДРП(б), принятая 21 апреля (4 мая) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т.31. С.309-311.

Ленин В.И. Резолюция Центрального Комитета РСДРП(б), принятая утром 22 апреля (5 мая) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т.31. С.319-320.

Ленин В.И. Уроки кризиса // Полн. собр. соч. Т.31. С.324-327.

Ленин В.И. Речь при открытии конференции 24 апреля (7 мая) // Полн. собр. соч. Т.31. С.341.

Ленин В.И. Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая) // Полн. собр. соч. Т.31. С.342-360.

Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о текущем моменте 24 апреля (7 мая) // Полн. собр. соч. Т.31. С.361-363.

Ленин В.И. Речь в защиту резолюции о войне 27 апреля (10 мая) // Полн. собр. соч. Т.31. С.387-400.

Ленин В.И. Резолюция о войне // Полн. собр. соч. Т.31. С.403-406.

Ленин В.И. Резолюция о текущем моменте // Полн. собр. соч. Т.31. С.449-452.

Ленин В.И. Введение к резолюциям Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) // Полн. собр. соч. Т.31. С.454-457.

Ленин В.И. Значение братания // Полн. собр. соч. Т.31. С.459-461.

Ленин В.И. Позабыли главное // Полн. собр. соч. Т.32. С.23-26.

Ленин В.И. О твердой революционной власти // Полн. собр. соч. Т.32. С.30-32.

Ленин В.И. Доклад об итогах VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) на собрании Петроградской организации 8(21) мая 1917 г. // Полн. собр. соч. Т.32. С.48-51.

Ленин В.И. Война и революция // Полн. собр. соч. Т.32. С.77-102.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Ленин В.И. О «самочинном захвате» земли. (Плохие доводы «социалистов-революционеров») // Полн. собр. соч. Т.32. С.131-134.

Ленин В.И. Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы // Полн. собр. соч. Т.32. С.139-144.

Ленин В.И. Речь на заседании фракции большевиков I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 31 мая (13 июня) 1917 г. // Полн. собр. соч. Т.32. С.241-242.

Ленин В.И. Большевизм и «разложение» армии // Полн. собр. соч. Т.32. С.255-257.

Ленин В.И. Речь о войне 9(22) июня // Полн. собр. соч. Т.32. С.277-291.

Ленин В.И. Речь на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 11(24) июня 1917 г. по поводу отмены демонстрации // Полн. собр. соч. Т.32. С.330-331.

Ленин В.И. Политическое положение // Полн. собр. соч. Т.34. С.1-5.

Ленин В.И. К лозунгам // Полн. собр. соч. Т.34. С.10-17.

Ленин В.И. Уроки революции // Полн. собр. соч. Т.34. С.53-69.

Ленин В.И. В центральный комитет РСДРП // Полн. собр. соч. Т.34. С.119-121.

Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Полн. собр. соч. Т.34. С.214-228.

Ленин В.И. Задачи революции // Полн. собр. соч. Т.34. С.229-238.

Ленин В.И. Марксизм и восстание // Полн. собр. соч. Т.34. С.242-247.

Ленин В.И. Письмо председателю областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И.Т. Смилге // Полн. собр. соч. Т.34. С.264-268.

Ленин В.И. Кризис назрел // Полн. собр. соч. Т.34. С.272-283.

Ленин В.И. К рабочим, крестьянам и солдатам // Полн. собр. соч. Т.34. С.284-286.

Ленин В.И. Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд // Полн. собр. соч. Т.34. С.342-346.

Ленин В.И. Письмо питерской городской конференции // Полн. собр. соч. Т.34. С.347-350.

Ленин В.И. Советы постороннего // Полн. собр. соч. Т.34. С.382-384.

Ленин В.И. Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области // Полн. собр. соч. Т.34. С.385-390.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Ленин В.И. Доклад о мире 26 октября (8 ноября) // Полн. собр. соч. Т.35. С.13-18.

Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) // Полн. собр. соч. Т.35. С.19-22.

Ленин В.И. Доклад о земле 26 октября (8 ноября) // Полн. собр. соч. Т.35. С.23-27.

Ленин В.И. Разговор правительства со Ставкой по прямому проводу 9(22) ноября 1917 г. // Полн. собр. соч. Т.35. С.77-80.

Ленин В.И. Радио всем // Полн. собр. соч. Т.35. С.81-82.

Ленин В.И. Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции // Полн. собр. соч. Т.35. С.126.

Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. Т.35. С.162-166.

Ленин В.И. Вопросы делегатам общеармейского съезда по демобилизации армии // Полн. собр. соч. Т.35. С.179-180.

Ленин В.И. Запуганные крахом старого и борющиеся за новое // Полн. собр. соч. Т.35. С.191-194.

Ленин В.И. Проект резолюции ЦК РСДРП(б) об исключении С.А.Лозовского из партии // Полн. собр. соч. Т.35. С.213-214.

Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Полн. собр. соч. Т.35. С.243-252.

Ленин В.И. Доклад о деятельности Совета Народных комиссаров 11(24) января // Полн. собр. соч. Т.35. С.261-279.

Ленин В.И. Заключительное слово по докладу Совета Народных комиссаров 12(25) января // Полн. собр. соч. Т.35. С.280-284.

Ленин В.И. Доклад Совета Народных комиссаров 13(26) января // Полн. собр. соч. Т.35. С.292-305.

Ленин В.И. Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию 23 января (5 февраля) 1918 г. // Полн. собр. соч. Т.35. С.323-327.

Ленин В.И. Позиция ЦК РСДРП (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире // Полн. собр. соч. Т.35. С.389-392.

Ленин В.И. Странное и чудовищное // Полн. собр. соч. Т.35. С.399-407.

Ленин В.И. Речь в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 12 марта 1918 г. // Полн. собр. соч. Т.36. С.83-88.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т.36. С.165-208.

Ленин В.И. Директивы Владивостокскому Совету // Полн. собр. соч. Т.36. С.216.

Ленин В.И. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Полн. собр. соч. Т.37. С.207-224.

Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. Т.37. С.235-338.

Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Полн. собр. соч. Т.40. С.1-24.

Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т.41. С.1-104.

Ленин В.И. Тезисы об основных задачах второго конгресса коммунистического Интернационала // Полн. собр. соч. Т.41. С.183-201.

Ленин В.И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта // Полн. собр. соч. Т.43. С.7-33.

Ленин В.И. А.М. Горькому // Полн. собр. соч. Т.48. С.152-155.

Ленин В.И. А.Г. Шляпникову // Полн. собр. соч. Т.49. С.12-15.

Ленин В.И. Г.Е. Зиновьеву // Полн. собр. соч. Т.49. С.93-94.

Лосский Н.О. О социализме // Вестник партии народной свободы. 1917. №8.

Лосский Н.О. Чего хочет Партия народной свободы (конституционно-демократическая)? М., 1917. 27 с.

Луначарский А.В. Бывшие люди. М., 1922. 81 с.

Луначарский А.В. Великий переворот (Октябрьская революция). Ч.1. Пг., 1919.

Луначарский А.В. Партия и революция. Сб. статей и речей. М., 1924.

Луначарский А.В. Три кадета. Пг., 1916. 52 с.

Львов-Рогачевский В.Л. Социалисты о текущем моменте. Материалы Великой Революции 1917 г. М., 1917. 280 с.

Майский И.Д. Демократическая контрреволюция. М.-Л., 1927. 75 с.

Майский и др. Марксизм и вопросы войны и мира. Вып.1. Пг., 1916. 90 с.

Маклаков В. Трагическое положение // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.

Мартов Л. Диктатура и демократия. За год. Пг., 1919.

Мартов Ю.О. Записки социал-демократа. Берлин, 1922. 412 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Мартов Ю.О. Избранное. М., 2000.

Мартов Л. История российской социал-демократии / Под ред. Л.Мартова. Пг., 1918. 236 с.

Мартов Л. Класс против класса. Одесса, 1917. 15 с.

Мартов Ю.О. Мировой большевизм. Берлин, 1923. 110 с.

Мартов Ю.О. Национализм и социализм. Пг., 1917.

Мартов Ю.О. Первая Циммервальдская конференция. Пг., 1917.

Мартов Л. Политические партии в России. М., 1917. 63 с.

Мартов Ю.О. Пролетариат и национальная оборона. Пг., 1917.

Мартов Ю.О. Против войны. Сб. статей. (1914-1916). М., 1917. 76 с.

Мартов Л. Социалисты-революционеры и пролетариат. Пг., 1917. 46с.

Маслов П. Война и демократия. М., 1916. 54 с.

Маслов П. Итоги войны и революции. М., 1918. 232 с.

Маслов П. Экономические причины мировой войны. М., 1915.

Маслов С. Социалистическая партия, ее значение и политическая организация крестьян. Пг., 1917. 43 с.

Медем В. Учредительное собрание и демократическая республика. Берлин, 1918.

Милюков П.Н. Война и П.Н. Милюков. Пг., 1916.

Милюков П.Н. История второй русской революции. Т.1. Вып.1: Противоречия революции. София, 1921. 248 с.; Т.1. Вып.2: Корнилов или Ленин. София, 1921. 290 с.; Т.1. Вып.3: Агония власти. София, 1924. 307 с.

Милюков П. Константинополь и проливы // Вестник Европы. 1917. №1.

Милюков П. Почему большевики взяли верх? // Коммунист. 1990. №15.

Милюков П.Н. Почему и зачем мы воюем? Пг., 1917.

Милюков П.Н. При свете двух революций // Исторический архив.1993. №1-2.

Милюков П.Н. Россия в плену у Циммервальда. Пг., 1917.

Милюков П. Россия на переломе. В 2-х т. Париж, 1927.

Милюков П. Тактика фракции народной свободы во время войны. Пг., 1916.

Милютин В.П. Сколько стоит война и кто должен расплачиваться за нее. М., 1917. 14 с.

Мякотин В.А. Годовщина // Русское богатство. 1917. №1-3.

Народ и армия. Сборник военно-политических статей: А.И.Верховского, А.Р. Гоца, Н.Н. Параделова, В.Н. Розанова, В.Б.Станкевича. Пг., 1918. 212 с.

Народовластие. Сборник статей членов Учредительного собрания. Пг., 1918.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Новгородцев П.И. Восстановление святынь. Соч. М., 1995.

Новгородцев П.И. Идеалы Партии народной свободы и социализм. М., 1917.

Новосильцев Л.Н. Единственный выход – военная диктатура // Исторический архив. 1994. №1.

Пасхалов К. Русский вопрос. М., 1913.

Пасхалов К. Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. В 2-х т. М., 1906.

Пешехонов А. Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. №1-3.

Плеханов Г.В. Война и мир. М., 1917. 30 с.

Плеханов Г.В. Год на Родине. В 2-х т. Париж, 1921.

Плеханов Г.В. Интернационализм и защита отечества. Пг., 1917. 16с.

Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М., 1919.

Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избранные философские произведения. В 5-ти т. М., 1956. Т.1.

Плеханов Г.В. О войне. Сборник. Пг., 1917. 108 с.

Плеханов Г.В. Послесловие к обвинительному акту по делу Софьи Гинзбург / Соч. В 24-х т. Т.24.

Плеханов Г.В. Сочинения. В 24-х т. М.-Л., 1923-1927.

Писарев Д.И. Подрастающая гуманность // Соч. В 4-х т. М., 1956. Т.4.

Потресов А.Н. Война и вопросы международного демократического сознания. Вып.1. Пг., 1916. 24 с.

Потресов А.Н. Интернационализм и космополитизм. Пг., 1916.

Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937.

Потресов А. Роковые противоречия русской революции // Дело. 1917. №3-6.

Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918.

Раковский Х.Г. Как закончить войну: мир без аннексий и контрибуций. Самоопределение народов. Пг., 1917. 32 с.

Речи А.Ф. Керенского к войскам и народу. Пг., 1917. 31 с.

Речи А.Ф. Керенского о революции. Пг., 1917. 64 с.

Речи Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелева и И.Г. Церетели, произнесенные на съезде солдатских и рабочих депутатов Западного фронта в городе Минске 8 апреля 1917 года. Пг., 1917.

Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Берлин; Париж, 1917.

Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. 234с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Розанов В.В. В чаду войны. СПб., 1914.

Самозащита. Марксистский сборник. Пг., 1916.

Сборник статей / Под редакцией Туган-Барановского. Пг., 1915.

Смена вех: Сборник. Прага, 1921.

Солженицын А. Красное колесо. Узел 2. Октябрь шестнадцатого. Париж, 1984.

Солженицын А.И. Собрание сочинений. Эпопея «Красное колесо». Т.XI-XV. М., 1994-1999.

Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соч. В 2-х т. М., 1989. Т.2.

Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй // Соч. Т.1.

Соловьев В.С. О духовной власти в России // Соч. Т.1.

Соловьев В.С. Русский национальный идеал // Соч. Т.2.

Соловьев С.М. Оправдание добра. М., 1992. 104 с.

Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1993.

Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар, 1991.

Сорокин П.А. На распутье трех дорог // Ежемесячный журнал. 1915. №9-10.

Сорокин П. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет. М., 1994.

Сорокин П.А. Причины войны и пути к миру. Пг., 1917.

Сорокин П.А. Проблема социального равенства. Пг., 1917.

Сорокин П.А. Система социологии. Пг., 1920.

Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. №4.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Соч. Т.13.

Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. В 2-х ч. СПб., 1995.

Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. 1991. №6.

Степун Ф. Россия накануне 1914 года // Вопросы философии. 1992. №9.

Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991.

Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990.

Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.

Струве П.Б. Прошлое, настоящее, будущее // Русская мысль. 1922. Кн. I-II.

Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952.

Суханов Н. Записки о революции: В 3-х т. М., 1991.

Суханов Н.Н. Интересы России в войне и мире (К заключению мира). Пг., 1918.

Суханов Н.Н. Наши левые группы и война. Пг., 1915.

Суханов Н.Н. Почему мы воюем? Пг., 1916.

Троцкий Л. Война и революция. Крушение Второго Интернационала и подготовка третьего. Пг., 1922. 520 с.

Троцкий Л. История русской революции. В 2-х т. Нью-Йорк, 1976.Т.1. 532 с.

Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. 447 с.

Троцкий Л. О Ленине. М., 1924.

Троцкий Л. Портреты революционеров. Бенсон, Вермонт, 1988.

Троцкий Л.Д. Сверх-Борджиа в Кремле // Портреты революционеров. М., 1991.

Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990.

Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. Пг., 1920.

Трубецкой Е. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. №12.

Трубецкой Е. Национальный вопрос. Константинополь и святая София. (Публичная лекция). Пг., 1915.

Трубецкой Е.Н. Отечественная война и ее духовный смысл. Публичная лекция. М., 1915.

Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1918.

Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Новый мир. 1990. №7.

Туган-Барановский М.И. Откуда берутся деньги для войны. Пг., 1917.

Тыркова-Вильямс А. Кадетская партия // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.

Франк С. De profundis // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990.

Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.

Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. №4.

Франк С.Л. Умственный склад, личность и воззрения П.Б. Струве // Струве П.Б. Patriotica. М., 1997.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Начала. 1991. №3.

Церетели И.Г. Речи. Пг., 1917. 243 с.

Церетели И.Г. Речи И.Г. Церетели в России и на Кавказе: / По офиц. стеногр. Тифлис, 1918. 123 с.

Чего ждет Россия от войны? Сб. статей. Пг., 1915.

Чернов В.М. Аграрный вопрос и современный момент. М., 1917. 26с.

Чернов В. Война и «третья сила». Женева, 1915.

Чернов В.М. Истинные и мнимые пораженцы. Пг., 1917.

Чернов В. Конструктивный социализм. Прага, 1925.

Чернов В. Советы в русской революции // Год русской революции. М., 1918.

Чхеидзе Н.С. Речи Н.С. Чхеидзе. Ч.1. Пг., 1917.

Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923.

Штейнберг И.З. Почему мы против Брестского мира. М., 1918.

Шульгин В. Опыт Ленина // Наш современник. 1997. №11.

II. ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ.

Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914-1915 гг. Законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета Министров, военного и адмиралтейского советов. Распоряжения и постановления Министров. В 4-х т. Пг., 1915-1916 г.

Архив новейшей истории России: Т.8. Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года. В 4-х т. Т.2. Май-июнь 1917 года. М., 2002-2003. 512 с.

Буржуазия и помещики в 1917 году: Частные совещания членов Государственной Думы. Л., 1932.

Бюллетени Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). 1917. 16-23 июля. №1-5.

Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени / Сост. С.М. Левин. Пг., 1915.

Великая всемирная война. Руководство и материалы к ведению народных чтений о современных событиях. Полтава, 1916. 124 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Воззвание Временного правительства к солдатам 4 апреля 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып.1. 27 февраля-5 мая 1917 г. Пг., 1917.

VIII съезд Партии народной свободы // Речь. 1917. 10, 11 мая.

Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП 6-12 мая 1917 г. в Петрограде. Пг., 1917. 63 с.

Всероссийский Национальный Центр. М., 2001.

Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Стенографический отчет. М.-Л., 1928.

Государственная Дума, IV созыв. Стенографические отчеты. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914.

Государственная Дума, IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия 2. СПб., 1914.

Государственная Дума, IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. СПб., 1915.

Государственная Дума, IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Пг., 1916.

Государственная Дума, IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия 5. СПб., 1916.

Государственное совещание. Стенографический отчет. М.-Л., 1930. 110 с.

Декреты Великого Октября (1917-1918). Л., 1977.

Декреты советской власти. В 10-ти т. М., 1957-1976.

Дневник войны России с Германией, Австро-Венгрией и Турцией: Сборник Высочайших Манифестов, воззваний и телеграмм Верховного главнокомандующего, правительственных сообщений и официальных телеграмм о ходе военных действий. Вып.1-2. Пг., 1914.

Документ об общеуголовной амнистии 17 марта 1917 года // Вопросы истории. 1999. №4-5.

Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. М., 1957.

Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915-1918 гг. М., 1977. Кн.4. 267с.

Катехизис христианина или социалиста. Екатеринослав, 1917.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.9-е, доп. и испр. М., 1983.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Конституционно-демократическая партия (партия народной свободы). Съезд седьмой. Петроград. Стенографический протокол заседаний седьмого съезда партии народной свободы. Пг., 1917. 88 с.

Конституционно-демократическая партия (партия народной свободы). Съезд восьмой. Петроград. Резолюции восьмого делегатского съезда партии народной свободы. Пг., 1917. 15 с.

Конституционно-демократическая партия. Съезд девятый. Петроград. Стенографический отчет. Б. М., 1917. 32 с.

Краткий отчет о работе Четвертого съезда партии социалистов-революционеров. Пг., 1918.

Листовки московской организации большевиков 1914-1920 гг. М., 1940.

Листовки петербургских большевиков 1902-1917 гг. В 2-х т. Л., 1939.

Меньшевистские и эсеровские листовки 1917-1918 годов / Составитель Злоказов Г.И. // Отечественная история. 1993. №1.

Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. М., 1920.

Накануне мировой войны. (Доклад партии с.-р., приготовленный к международному социалистическому конгрессу в Вене в 1914 г.). М., 1917.

Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906-1916 гг. В 3-х т. Т.3: 1913-1916. М., 2002. 912с.

Отчет о Московском Совещании общественных деятелей 8-10 августа 1917 года. М., 1917.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. В 7-ми т. Л., 1924-1927.

Партийное совещание. 27 декабря 1918 г. – 1 января 1919 г. (Резолюции). М., 1919.

Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905-1915гг. В 2 т. М., 1996 – 2000.

Первый Всероссийский съезд Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Стенографический отчет. Т.1. М.-Л., 1930. 484 с.; Т.2. М.-Л., 1931. 489с.

Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. 686 с.

Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 – февраль 1917. Л., 1986.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов: Протоколы заседаний Исполкома и Бюро исполкома / Под ред. Б.Я. Наливайского. М.-Л., 1925.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты… 27 февраля – 25 октября 1917 г. В 5-ти т. М., 2002-2003.

Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в школах при запасных пехотных бригадах. М., 1914. 46 с.

Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.

Постановления Объединительного съезда РСДРП (18-26 августа 1917 года). Рязань, 1917.

Постановления третьей конференции Московской организации П.С.Р., состоявшейся 20-21 марта 1917 г. М., 1917. 8 с.

Пояснительная записка к проекту // Записки, составленные в кружке Римского-Корсакова и переданные Николаю II Князем Голицыным в ноябре 1916 года // Архив русской революции. Т.5.

Приказы по военному ведомству. Пг., 1917.

Программа Партии народной свободы (конституционно-демократической). М., 1917. 16 с.

Программа партии социалистов-революционеров. В общедоступном изложении. Пг., 1917. 30 с.

Программы политических партий в России. Под ред. и со статьей И.В.Владиславлева: «Краткие сведения о политических партиях в России». Изд. 2-е, испр. и доп. Вып.1. М., 1917. 82 с.

Программы политический партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. 461 с.

Программа Российской социал-демократической рабочей партии. Устав Российской социал-демократической рабочей партии. Резолюция социал-демократической группы «Единство». Пг., 1917. 16 с.

Программы русских социалистических партий (социал-революционеров, трудовиков и социал-демократов с резолюциями съездов 1917 года об отношении к войне и проч.). Одесса, 1918. 38 с.

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачих Депутатов II созыва. М., 1919.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака // От первого лица: Сб. М., 1990. 495 с.

Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. М.-Л., 1963.

Протоколы и резолюции бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962. №3.

Протоколы I Всероссийского съезда народно-социалистической партии; VI Всероссийского съезда Трудовой группы; I Всероссийского съезда Трудовой народно-социалистической партии. 17-23 июня 1917 года. Пг., 1917.

Протоколы Первого съезда Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918.

Протоколы Третьего съезда партии социалистов-революционеров. Стенографический отчет. Пг., 1917. 511 с.

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6-ти т. М., 1997-1999.

Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915-1920. Т.3. М., 1998.

Протоколы ЦК РСДРП. М.-Л., 1929.

Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918 г. М., 1958. 307 с.

Резолюции восьмого делегатского съезда партии народной свободы. Пг., 1917.

Резолюции, принятые на III съезде ПСР. (25 мая – 4 июня 1917 г.). М., 1917.

Руководственные указания духовенству действующей армии. Б. М., 1916.

Сборник программ политических партий в России: Партии демократические. Пг., 1917. 56 с.

Свод военных постановлений. Кн.VII. СПб., 1907.

Свод законов Российской империи. Кн.IV. Т.14. СПб., 1913.

Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. 423 с.

Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918. Стенографический отчет. М., 1962.

Семидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Стеногр. отчет. М., 1988.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. Пг., 1917.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917-1918 гг. Пг., 1918. №15.

Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Записи заседаний и переписка. СПб., 1999. 560 с.

Совещание делегатов фронта. Стенографический отчет. Пг., 1917.

Сообщение Временного комитета Государственной думы о власти // Российское законодательство. Т.9. М., 1994.

Стенографические протоколы IX съезда партии народной свободы. Пг., 1917. 32 с.

Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда офицеров-депутатов армии и флота в Петрограде с 8 по 27 мая 1917 г. В 2-х т. Пг., 1917. Т.1.

Стенографический отчет четвертого Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. М., 1919.

Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. М., 2000.

Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918.

Устав Союза офицеров армии и флота. Изд. 3-е, испр. Пг., 1917. 31с.

Учредительное собрание. Стенографический отчет. М., 1918.

Учредительное собрание. Россия. 1918 г. Стенограмма и другие документы. М., 1991.

Фракция «Народной свободы». Военные сессии. 26 июля 1914 г. 3 сентября 1915 г. Пг., 1916.

IV (Чрезвычайный) съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачих депутатов. Стенографический отчет. М., 1920.

Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. 487 с.

III. СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ.

Алексеев С.А. Февральская революция. М., 1925. 345 с.

Анархисты: Документы и материалы. 1883-1935. В 2-х т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1998-1999.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль-октябрь 1917): Док. и матер. Минск, 1957.

Большевики в годы империалистической войны, 1914-февраль 1917 г.: Сб. документов местных большевистских организаций. Л., 1939. 230 с.

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного Отделения. 3-е изд. М., 1990. 335 с.

Большевики Петроградского гарнизона в 1917 г. М., 1932.

Большевистская фракция IV Государственной думы. Сб. материалов и документов. М., 1938.

Большевистские военно-революционные комитеты. М., 1958.

Большевистские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции: Опыт источниковедческого анализа сводной таблицы документов. М., 1981.

Борьба наша проиграна. Документы правых. 1914-февраль 1917 г. // Исторический архив. 1994. №5.

Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сб. документов. М., 1977. 520 с.

Буржуазия и помещики в 1917 году. М.-Л., 1932.

Буржуазия накануне февральской революции / Под ред. Б.Б. Граве. М.-Л., 1927.

Бухбиндер Н. На фронте в предоктябрьские дни: По секретным материалам Ставки // Красн. летопись. 1923. №6.

Вардин И. Эсеровские убийцы и социал-демократические демократы. (Факты и документы). М., 1922. 37 с.

Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. Сборник документов. М., 1977.

Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. Сб. документов. М., 1982. 608 с.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. В 10-ти т. М., 1957-1963.

Верховный правитель России: Документы и материалы следственного дела А.В. Колчака. М., 2003. 702 с.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25-26 октября 1917 г.). Сборник документов и материалов. М., 1997. 205с.

Григорий Распутин: Сборник исторических материалов. В 4-х т. М., 1997.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. В 2-х т. / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2003.

Десятилетие мировой войны. Сб.-хрестоматия. М., 1924.

Документы великой пролетарской революции. В 2-х т. М., 1938.

Документы внешней политики СССР. Т.1. М., 1957.

Документы к «Воспоминаниям генерала А. Лукомского» // Архив русской революции. Т.3.

Документы о немецких зверствах в 1914 – 1918 гг. М., 1942.

Допрос Колчака // Материалы Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. Л., 1925.

Записки об украинском движении за 1914 – 1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. Б. М., 1916. 75 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. 5 июля – 5 ноября 1917г. М., 1957.

Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. 27 февраля – 4 июля 1917г. М., 1957.

Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917. Сб. документов. М.-Л., 1965.

Крестьянское движение в 1917 году. М.-Л., 1927.

Ленин и ВЧК: сборник документов. (1917 – 1922). М., 1975.

Материалы к предстоящему III партийному съезду (партии с.-р.). Вып.1. М., 1917. 48 с.

Меньшевики в 1917 году. В 3-х т. М., 1994-1996.

Меньшевики в 1917 году: От января до июльских событий. М., 1993.

Меньшевики в 1918 году. М., 1999.

Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. М., 1996.

Меньшевики после Октябрьской революции. Бенсон, 1990.

Московский военно-революционный комитет. Октябрь-ноябрь 1917 г. М., 1968.

На крутом переломе. Век XX. М., 1984. 511 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 года – март 1918 года. Сб. документов под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1973. 455 с.

Октябрьский переворот: Факты и документы / Арх. Революции 1917 г.; Сост. А.Л. Попов; Под ред. и со вступ. ст. Н.А. Рожкова. Пг., 1918. 415 с.

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957.

Отречение Николая II / Под ред. П.Е. Щеголева. Л., 1927.

Памятники агитационной литературы российской социал-демократической рабочей партии. 1914 – 1917. Период войны. Сборник. М.-Пг., 1923. Т.6. Вып.1.

Партия большевиков в годы мировой империалистической войны. – Вторая революция в России (1914 г. – февраль 1917 г.): Документы и материалы. М., 1963.

Партия большевиков в годы первой мировой войны. Свержение монархии в России. М., 1963.

Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906-1916 гг. М., 2002.

Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917 – 1925. В 3-х т. Т.1. Июль 1917 – май 1918 г. / Сост. Я.В. Леонтьева. М., 2000. 864 с.

Партии промышленников и предпринимателей. М., 2003.

Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1900 – 1925 гг. В 3-х т. М., 2000-2003.

Партия С.-Р. после Октябрьского переворота 1917 г. Документы из архива партии С.-Р. Амстердам, 1988.

Партия «Союз 17 октября». В 2-х т. М., 1996-1997.

Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. М.-Л., 1927.

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914 – 1917 годах // Вопросы истории. 1996. №1.

Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов в 2-х т. Сб.1. Март-октябрь 1957. М., 1957. 533 с.; Сб.2. Ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г. М., 1957. 504 с.

Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1967.

Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны, 1914 – 1917 годы: Сб. материалов и документов. Л., 1939. 292 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. М., 1957.

Последние дни императорской власти // По неизданным документам составил А. Блок. М., 1991. 112 с.

Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. М., 1981.

Правые партии. Сб. документов и материалов. В 2-х т. (1911 – февраль 1917). М., 1998.

Рабочее движение в годы войны. Материалы по истории рабочего движения в России. М., 1957.

Рабочее движение в 1917 году. М.-Л., 1926.

Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. М., 1982.

Разложение армии в 1917 году. М.-Л., 1925. 192 с.

Революционная пропаганда в армии в 1916 – 1917 гг. Документы // Красный архив. 1926. Т.17.

Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны.1914 – февраль 1917 гг. Сб. документов. М., 1966. 467 с.

Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918г. Сб. документов. М., 1988. 486 с.

Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. 857 с.

Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис. М., 1958. 935 с.

Революционное движение в России в мае-июне 1917 года. Июньская демонстрация. М., 1959. 662 с.

Революционное движение в России в июле 1917 года. Июльский кризис. М., 1959. 626 с.

Революционное движение в России в августе 1917 года. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. 696 с.

Революционное движение в России в сентябре 1917 года. Общенациональный кризис. М., 1961. 631 с.

Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1-24 октября 1917 года). М., 1962. 579 с.

Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сб. документов под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1968. 621 с.

Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. В 3-х т. М., 1933.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Рожков Н. Ход революции. Октябрьский переворот. Факты и документы. Пг., 1918.

Русское политическое масонство. 1906 – 1918 гг. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира). Вступительная статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1989. -№6.; 1990. №1.

Сборник съезда русских людей в Москве. 27 сентября – 4 октября 1909. М., 1910.

Сборник эсеровских документов: Jansen M. Партия социалистов-революционеров. Амстердам, 1989.

Сводка материалов по истории Ревельского укрепленного района за время с конца октября 1917 года до середины февраля 1918 // Архив русской революции. Т.13.

Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М., 1968. Т.1.

Солдатские военные песни Великой Отечественной войны 1914 – 1915 годов. Харбин, 1915.

Солдатские песни. Сб. военных песен. Ярославль, 1915.

Социал-демократическое движение в России. В 4-х т. М.-Л., 1928.

Союз русского народа. Сб. документов. М.-Л., 1929. 435 с.

Союз эсеров – максималистов. 1906 – 1924 гг. М., 2002.

Тайна Октябрьского переворота: Ленин и немецко-большевистский заговор: Документы, статьи, воспоминания: Сборник / Сост. В.И. Кузнецов. СПб., 2001.

Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003. 624 с.

Февральская революция. М.-Л., 1925.

Февральская революция. 1917. Сборник документов и материалов. М., 1996.

Частушки // Библиотека русского фольклора. М., 1990. Т.9.

Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. В 3-х ч. М.-Л., 1967.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

IV. СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, ХРОНИКИ, СПРАВОЧНИКИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ, ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ.

Авдеев Н. Революция 1917 г. Хроника событий. Т.1. Январь-апрель. М., 1923. 222 с.

Авдеев Н. Революция 1917 г. Хроника событий. Т.2. Апрель-май. М., 1923.

Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б) в 1917 году. Хроника событий. М., 1969.

Армия и флот. Военный справочник. Париж, 1928. 175 с.

Большевики Петрограда в 1917 году: Хроника революционных событий в Петрограде. Л., 1957.

Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. М., 1962.

Великая война. Иллюстрированная хроника. М., 1915. 561 с.

Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война: Указатель советской литературы. 1972-1976. М., 1977.

Великая Октябрьская социалистическая революция. (Март 1917 – март 1918 гг.). Указатель советской литературы. 1917-1964. В 12-ти т. М., 1967.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. В 4-х т. М., 1957-1961.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. В 6-ти т. М., 1957-1987.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. 639 с.

Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах // Справочное издание. Вып.1. М., 1992. 286 с.

Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914.

Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год. Пг., 1915.

Военный энциклопедический словарь. М., 1983. 863 с.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и конфликтах. М., 1993. 315 с.

Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. Петроград, 1924.

Мировая война в цифрах. М., 1934. 470 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Мировая война 1914 – 1918 гг. Указатель литературы за 1914 – 1934 гг. Л., 1934.

Первая мировая война. Указатель литературы 1914 – 1993 гг. М., 1994.

Политические деятели России в 1917. Библиографический словарь. М., 1993.

Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. 809 с.

Революция 1917 года: Хроника событий. В 6-ти т. М., 1924.

Революция 1917 года: Хроника событий. В 7-ми т. М.-Л., 1923-1930.

Рожков Н. Ход революции. Октябрьский переворот. Факты и документы. Пг., 1918.

Россия в мировой войне 1914 – 1918 гг. (в цифрах). М., 1925. 103 с.

Россия. 1913. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991.

Россия: Энциклопедический справочник. М., 1998.

Систематический справочник-указатель декретов, постановлений, приказов и распоряжений по вопросам, относящимся к ведению Народного Комиссариата по военным делам за 1917 – 1918 год. М., 1919.

Советская историческая энциклопедия. В 16-ти т. М., 1961-1976.

Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М., 1985. 1600 с.

Статистический сборник за 1913 – 1917 гг. М., 1921.

1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928.

Хмелевский Г. Мировая империалистическая война 1914 – 1918 гг. Систематический указатель книжной и статейной военно-исторической литературы за 1914-35 гг. М., 1936.

Чижиков Л.А. Краткий словарь войны. Одесса, 1914, 1915.

V. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Армейский вестник. 1917.

Армия и флот свободной России. 1917.

Борьба. 1917.

Быль (Товарищ). 1917.

Бюллетень Военно-революционного комитета X-й армии. 1917.

Бюллетень ИСКОСОЛа XII-й армии. 1917.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Бюллетень комитета Всероссийского земского союза Юго-Западного фронта. 1917.

В глухую ночь. 1917.

Век (Речь). 1917.

Великоросс. 1917.

Вестник Временного правительства. 1917.

Вестник партии народной свободы. 1917.

Вестник Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. 1918.

Вечерний курьер. 1917.

Вечерние огни. 1918.

Власть народа. 1918.

Воин-гражданин. 1917.

Воля страны. 1918.

Воля народа. 1917.

Вперед. 1915, 1916, 1917.

Вперед! 1917, 1918.

Вперед (Москва). 1917, 1918.

Газета-протест Союза русских писателей. 1917.

Голос. 1914, 1915, 1916, 1917.

Голос правды. 1917.

Голос революции. 1917.

Голос солдата. 1917.

Голос фронта. 1917.

Дела народные. 1918.

Дело. 1917.

Дело народа. 1917, 1918.

Дело народное. 1918.

День. 1917.

День за днем (День). 1918.

Дневник социал-демократа. 1916.

Единство. 1917.

Жизнь. 1915.

За Родину и Революцию! 1917.

За рубежом. 1915.

Заря России. 1918.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

За свободу! (Голос солдата). 1917.

За свободу и право. 1917.

За свободу народа (Голос солдата). 1917.

Земледельческая газета. 1917.

Земля и воля. 1917.

Земля и труд. 1917.

Земщина. 1914, 1917.

Знамя труда. 1917, 1918.

Известия. 1917.

Известия армейского исполнительного комитета V-й армии. 1917.

Известия армейского комитета IX-й армии. 1917.

Известия Временного комитета Государственной думы. 1917.

Известия Всероссийского мусульманского военного шуро. 1917.

Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917.

Известия Всероссийского съезда крестьянских депутатов. 1917.

Известия выборных Особой армии. 1917.

Известия Заграничного секретариата ОК РСДРП. 1915, 1916, 1917.

Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917.

Известия революционной недели. 1917.

Известия Румчерода. 1917.

Известия Совета солдатских депутатов VIII-й армии. 1918.

Известия Центрального исполнительного комитета. 1917.

Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917.

Интернационал и война. 1915.

Искра. 1917.

Искры. 1917.

Кавказский рабочий. 1917.

Казанское слово. 1917.

Киевлянин. 1917.

Киевская мысль. 1917.

Колокол. 1915, 1916, 1917.

Красная газета. 1918.

Красная звезда. 1995.

Крестьянский союз. 1917.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Летучий листок меньшевиков-интернационалистов. 1917.
Лукоморье. 1917.
Луч. 1917.
Маленькая газета. 1917.
Маленькая искра. 1917.
Металлист. 1917.
Московские ведомости. 1917.
Московский комсомолец. 2000.
Мысль. 1914, 1915.
Народ. 1917.
Народная газета. 1915.
Народная правда. 1917.
Народное слово. 1917, 1918.
Народный вестник. 1917.
Народный труд (Боровичи). 1917.
Начало. 1918.
Наша речь. 1917.
Наш век. 1917, 1918.
Наш голос (Самара). 1916.
Наше начало. 1917.
Наше слово. 1915, 1916.
Неделя (Вена, на русском языке). 1917.
Нижегородский листок. 1917.
Новая жизнь. 1917, 1918.
Новое время. 1916, 1917.
Новое Время (Белград). 1924.
Новое слово (Русское слово). 1918.
Новый день (День). 1917, 1918.
Новый луч (Рабочая газета). 1917, 1918.
Новый мир. 1915.
Отечество. 1917.
Партийные известия. 1917.
Питер. 1917.
Последние новости (Париж). 1924, 1925, 1936, 1937.
Правда. 1917, 1918, 1924.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Право народа. 1917.
Призыв. 1915, 1916.
Призыв (Харьков). 1914.
Пролетариат. 1917.
Простая газета. 1917.
Рабочая газета. 1917.
Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот. 1918.
Рабочее знамя. 1918.
Рабочий. 1917.
Рабочий путь. 1917.
Раннее утро. 1917.
Революционная неделя. 1917.
Революционный набат. 1917.
Революционный народ. 1917.
Речь. 1907, 1909, 1914, 1915, 1916, 1917.
Российская газета. 2000.
Россия и свобода. 1915.
Русская воля. 1917.
Русские ведомости. 1914, 1915, 1916, 1917, 1918.
Русский вестник (Берлин, на русском языке). 1917.
Русская мысль. 1914, 1915.
Русский инвалид. 1917.
Русское знамя (Петроград). 1916, 1914, 1917.
Русское слово. 1917.
Саратовский вестник. 1917.
Свобода (Москва). 1918.
Свобода и жизнь. 1917.
Свобода России. 1918.
Сигнал. 1917.
Современное дело. 1917.
Солдат. 1917.
Солдат-гражданин. 1917.
Солдатская правда. 1917.
Солдатский вестник (Петроград). 1914, 1915, 1916.
Солдатский крик. 1917.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Солдатское слово. 1917.

Социал-демократ. 1914, 1915, 1916, 1917.

Товарищ. 1917.

Труд. 1917, 1918.

Трудовое слово. 1917.

Утренние ведомости. 1917.

Утро России. 1914, 1915, 1916, 1917, 1918.

Фронт. 1917.

Эпоха. 1918.

VI. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Фонд 1. Опись 1. Дела:10.

Фонд 3. Опись 1. Дела:81, 244, 245.

Фонд 4. Опись 1. Дела:44.

Фонд 6. Опись 2. Дела:235. Опись 2.1916. Дела:1.

Фонд 29. Опись 3. Дела:634.

Фонд 40. Опись 2. Дела:68.

Фонд 63. Опись 35. Дела:82. Опись 46. Дела:77. Опись 47. Дела:486.

Фонд 102. Опись 1.1916. Дела:307А.Т.3. Опись 2.247. Дела:9.Ч. 46. Лит.Б. Опись 3. Дела:343. Опись 5. Дела:20457; Опись 5.1916. Дела:104.Т.2. Опись 16.1915. Дела:167.Ч.35. Опись 123. Дела:63, 138. Опись 125. Дела:107. Опись 244. Дела:5.Ч.Ф, 99., 54.1. Лит.Б. 9, 5.Ч.1. Лит.П. 9., 5.Ч.45. Лит.Г., 9.Ч.46. Лит.Б., 343. Отд.2., 343. Отд.2.Ч.2., 343. Отд.2с., 343. Отд.3 прод., 353.3с Т.II., 457. Опись 246. Дела:291. Опись 247. Дела:9.Ч.46. Лит.Б. Опись 265. Дела:457, 981, 992, 1055, 1060. Опись 265.1914. Дела:998. Опись 265.1915. Дела:1030, 1031, 1042. Опись 265.1916. Дела:598, 1051, 1054, 1058, 1059, 1062. Опись 265.1917. Дела:1069, 1070. Опись 1915. Дела:20. Лит.Б. Опись 1916. Дела:5.Ч.57., 5.Ч.88., 59.Ч.46. Лит.Б., 59.Ч.69. Лит.Б., 307.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Лит.А. Т.1. Опись 1917. Дела:20.Ч.33. Лит.Б., 20.Ч.57., 343.Ч.57., 347.Ч.20., 437.Ч.46.

Фонд 102.4 Д-во.1915. Дела:108.Ч.12., 110, 151.

Фонд 102.1915. Дела:343. Отд.2с. Опись 265. Дела:1042.

Фонд 102.1917. Опись 5. Дела:20.Ч.57., 307.

Фонд 102.ДП.00.1915. Опись 245. Дела:9.Ч.1с.

Фонд 102.ДП.00.1916. Дела:291.

Фонд 102.00.1914. Дела:244.

Фонд 102.00.1916. Дела:244.Т.1.

Фонд 102.00.1917. Дела:244.

Фонд ДП. 4-е Д-во.1914. Дела:63.Ч.2., 108.Ч.37., 108.Ч.42.

Фонд ДП. 4-е Д-во.1915. Дела:61.Ч.2. Лит.А., 130.

Фонд ДП. 4-е Д-во.1916. Опись 125. Дела:107.

Фонд ДП.00. Опись 265. Дела:475, 992.

Фонд ДП. 4-е Д-во.1913. Дела:10.Ч.9.

Фонд ДП. 4-е Д-во.1914. Дела:138.

Фонд ДП.00.1914. Дела:5, 5.Ч.«Ф»., 5.Ч.39. Лит.Б., 5.Ч.46. прод.2., 5.Ч.46. Лит.Б.Т.2., 5.Ч.47.Ф.2., 9.Ч.«ВК»., 9.Ч.1. Лит.Б., 9.Ч.1. Лит.П., 9.Ч.46. Лит.Б., 220, 343. Отд.3.

Фонд ДП.00.1915. Дела:5, 5.Ч.13. Лит.Б., 5.Ч.32. Лит.Б., 5.Ч.35. Лит.Б., 5.Ч.46. Лит.Б., 5.Ч.57., 5.Ч.81. Лит.Б., 9.Ч.2., 9.Ч.45. Лит.Г., 9.Ч.48., 9.Ч.57., 20.Ч.20. Лит.Б., 147.Ч.46., 343. Отд.2., 343. Отд.2 прод., 343. Отд.2.Ч.2., 343. Отд.2с., 343. Отд.3 прод., 457. Опись 3. Дела:343.

Фонд ДП.00.1916. Дела:9.Ч.32., 9.Ч.46. Лит.Б., 9.Ч.55, 9.Ч.55. Лит.Б., 20.Ч.57, 167.Ч.35, 167.Ч.68., 335.Т.1.

Фонд ДП.00.1917. Дела:27.Ч.46.

Фонд ПОО. Дела:472, 475.

Фонд ПОО.1916. Дела:292.

Фонд МОО.1915. Опись 35. Дела:82.

Фонд 111. Опись 32. Дела:472, 475. Опись 33. Дела:292.

Фонд 116. Опись 1. Дела:38.

Фонд 117. Опись 1. Дела:282, 700.

Фонд 130. Опись 1. Дела:3, 5, 5А, 77.

Фонд 260. Опись 1. Дела:32.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Фонд 366. Опись 1. Дела 97.

Фонд 375. Опись 1. Дела:3.

Фонд 406. Опись 6. Дела:401.

Фонд 523. Опись 1. Дела:7, 16, 30, 31, 32, 37, 39, 65, 73, 147, 167, 177, 256, 2060-2315. Опись 2. Дела:8, 15, 18, 20, 21, 22, 28, 39, 212. Опись 3. Дела:5, 6, 9, 14, 15, 22, 29, 35, 37, 42, 43, 44, 50, 322.

Фонд 528. Опись 1. Дела:3.

Фонд 555. Опись 1. Дела:59, 228, 234, 236, 387, 608, 610, 932.

Фонд 578. Опись 1. Дела:168.

Фонд 579. Опись 1. Дела:169, 453, 485А, 546, 584А, 627, 699, 717, 720, 741, 775, 841, 842, 854А, 855А, 958, 973, 974, 1486, 1930, 2074, 2085, 2098, 2099, 2102, 2257, 2258, 2260, 2261, 3210, 3211, 3222, 3428, 3633, 3776, 4508, 5300, 5453, 5861, 6342, 6367, 6375. Опись 2. Дела:8, 206.

Фонд 588. Опись 1. Дела:722А, 1133Б. Опись 2. Дела:126.

Фонд 601. Опись 1. Дела:877, 1066, 1067, 1539.

Фонд 604. Опись 1. Дела:31.

Фонд 634. Опись 1. Дела:27.

Фонд 660. Опись 2. Дела:163, 705.

Фонд 683. Опись 2. Дела:7.

Фонд 1167. Опись 1. Дела:5. Опись 2. Дела:1479.

Фонд 1235. Опись 1. Дела:60. Опись 53. Дела:1, 3, 4, 9, 10, 64, 65, 66, 67, 68. Опись 75. Дела:45. Опись 77. Дела:2. Опись 78. Дела:1, 27, 40, 44, 45, 46, 59, 62, 63, 108, 111. Опись 79. Дела:13.

Фонд 1236. Опись 1. Дела:3.

Фонд 1239. Опись 1. Дела27.

Фонд 1244. Опись 2. Дела:37.

Фонд 1467. Опись 1. Дела:480, 685, 687, 818, 830, 858, 859, 861, 862, 865.

Фонд 1696. Опись 1. Дела:8.

Фонд 1720. Опись 1. Дела:5.

Фонд 1741. Опись 1. Дела:391, 7981, 15895, 15927, 16979, 17835.

Фонд 1778. Опись 1. Дела:93, 94, 95, 97, 98, 99, 102, 418. Опись 5. Дела:4.

Фонд 1779. Опись 1. Дела:424, 1703. Опись 2. Дела:571, 583.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Фонд 1781. Опись 1. Дела:15, 18, 20.
Фонд 1788. Опись 1. Дела: 28, 29.
Фонд 1791. Опись 2. Дела:155, 156, 521. Опись 6. Дела:10, 11, 220, 221, 432, 494. Опись 7. Дела:18.
Фонд 1799. Опись 1. Дела:381.
Фонд 1807. Опись 1. Дела:327, 490.
Фонд 1810. Опись 1. Дела:10.
Фонд 2168. Опись 1. Дела:443.
Фонд 3349. Опись 1. Дела:63.
Фонд 3529. Опись 1. Дела:2, 3, 4.
Фонд 3539. Опись 1. Дела:3.
Фонд 3875. Опись 1. Дела:2.
Фонд Р-5111. Опись 1. Дела:18.
Фонд 5827. Опись 1. Дела:15, 299.
Фонд 5844. Опись 1. Дела:3.
Фонд 5851. Опись 1. Дела:299.
Фонд 5868. Опись 1. Дела:1.
Фонд 5881. Опись 1. Дела:370, 512, 528, 784, 807. Опись 2. Дела:220, 292, 377, 427, 428, 534, 541, 706, 745, 807.
Фонд 5898. Опись 1. Дела:4.
Фонд 5936. Опись 1. Дела:9, 111, 577.
Фонд 5943. Опись 1. Дела:309.
Фонд 5956. Опись 1. Дела:5, 13, 35, 55.
Фонд 5960. Опись 1. Дела:4, 9А, 11, 14, 19А.
Фонд 5972. Опись 1. Дела:5, 21, 21А, 112. Опись 2. Дела:80.
Фонд 5974. Опись 1. Дела:309.
Фонд 5975. Опись 1. Дела:12.
Фонд 6065. Опись 1. Дела:2.
Фонд 6281. Опись 1. Дела:63, 70.
Фонд 6422. Опись 1. Дела:1, 5, 7, 9, 11.
Фонд 6632. Опись 1. Дела:14.
Фонд 6978. Опись 1. Дела:56, 58, 60, 271, 297, 298(2), 298(4), 326, 512, 521.
Фонд 7506. Опись 1. Дела:2.
Фонд 9505. Опись 1. Дела:2, 4.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Фонд Р-9550. Опись 15А. Дела:273.

Фонд 9591. Опись 1. Дела:15, 32, 38, 40, 41, 43, 53, 90.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.

Фонд 2. Опись 2. Дела:493. Опись 5. Дела:474, 475, 484, 501, 511, 614.

Фонд 5. Опись 1. Дела:2572, 2573.

Фонд 17. Опись 1. Дела:98, 130, 1557, 1673. Опись 1А. Дела:77, 97, 374, 376. Опись 1.Ч.4. Дела:1773. Опись 2. Дела:1. Опись 10. Дела:29421.

Фонд 28. Опись 1. Дела:571.

Фонд 70. Опись 3. Дела:738, 775, 779, 888.

Фонд 72. Опись 3. Дела:727.

Фонд 142. Опись 1. Дела:12, 547, 568, 574.

Фонд 274. Опись 1. Дела:1, 2, 13, 14, 15, 17, 26, 30, 40, 46. Опись 2. Дела:29664.

Фонд 275. Опись 1. Дела:2, 3, 4, 12, 18, 19, 38, 40, 44, 49, 52, 115, 150, 172, 201, 203.

Фонд 325. Опись 1. Дела:6, 11.

Фонд 342. Опись 1. Дела:51.

Фонд 351. Опись 11. Дела:27391.

Фонд 362. Опись 1. Дела:51.*

Фонд 437. Опись 1. Дела:27264.

Фонд 444. Опись 1. Дела:2, 8, 11, 18.

Фонд 448. Опись 1. Дела:32.

Фонд 451. Опись 1. Дела:94, 98, 99, 101, 108. Опись 2. Дела:1, 2, 7, 19, 20, 37, 42, 62, 98, 102, 141.

Фонд 464. Опись 1. Дела:1.

Фонд 622. Опись 1. Дела:21, 37, 62.

Фонд 657. Опись 1. Дела:1.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННЫЙ АРХИВ.

Фонд 1. Опись 1. Дела:7, 11, 20, 23, 34, 36, 48, 82, 118, 119, 185, 300. Опись 2. Дела:1. Опись 4. Дела:7.
Фонд 2. Опись 1. Дела:39.
Фонд 3. Опись 1. Дела:47.
Фонд 11. Опись 8. Дела:164.
Фонд 14. Опись 1. Дела:5.
Фонд 20. Опись 1. Дела:39, 63. Опись 2. Дела:37.
Фонд 33987. Опись 3. Дела:76.
Фонд 33988. Опись 1. Дела:2.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ.

Фонд 1. Опись 1. Дела:11. Опись 2. Дела:1209.
Фонд 4. Опись 2. Дела:19, 68.
Фонд 29. Опись 1. Дела:48. Опись 3. Дела:223, 372, 624, 634, 997, 1486, 1605, 2306. Опись 7. Дела:347.
Фонд 55. Опись 5. Дела:1.
Фонд 260. Опись 1. Дела:32.
Фонд 366. Опись 1. Дела:17, 19, 26, 31, 38, 59, 60, 66, 72, 73, 74, 90, 93, 106, 197, 583. Опись 2. Дела:4, 17, 41, 133, 233.
Фонд 806. Опись 5. Дела:978.
Фонд 1300. Опись 1. Дела:135.
Фонд 1360. Опись 1. Дела:2.
Фонд 1606. Опись 3. Дела:1817.
Фонд 1720. Опись 11. Дела:13.
Фонд 1759. Опись 3. Дела:782.
Фонд 1779. Опись 1. Дела:381.
Фонд 1791. Опись 6. Дела:12, 323.
Фонд 1798. Опись 1. Дела:9.
Фонд 1807. Опись 1. Дела:327.
Фонд 1837. Опись 1. Дела:225.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Фонд 1915. Опись 2. Дела:9. Опись 9. Дела:2.

Фонд 1932. Опись 5. Дела:33.

Фонд 2000. Опись 1. Дела:138, 358, 3851. Опись 2. Дела:2186, 2279, 2431, 2893. Опись 3. Дела:96, 1236, 2608, 2719.

Фонд 2003. Опись 1. Дела:65, 66, 151, 197, 494, 530, 533, 534, 536, 679, 691, 913, 1165, 1486, 1492, 1493, 1496, 1500, 1501, 1506, 1507, 1577, 1690, 1755, 1762, 1763, 1769, 1780, 1782, 1786, 1789, 1794, 1812, 1818, 8280. Опись 2. Дела:3, 7, 9, 28, 38, 57, 119, 127, 133, 151, 152, 196, 197, 214, 256, 273, 323, 324, 325, 327, 329, 333, 335, 338, 348, 350, 411, 678, 699, 703, 704, 753, 766, 784, 808, 1015, 1046. Опись 3. Дела:29. Опись 4. Дела:12, 20, 21, 24, 25, 30, 31, 32, 38, 47, 49, 50, 53, 197. Опись 6. Дела:1. Опись 10. Дела:118, 162, 182, 213, 214, 512. Опись 11. Дела:9, 28, 57. Опись 14. Дела:8. Опись 48. Дела:26, 27, 29.

Фонд 2005. Опись 1. Дела:16, 91.

Фонд 2009. Опись 4. Дела:30.

Фонд 2015. Опись 1. Дела:1, 3, 7, 87, 101.

Фонд 2019. Опись 1. Дела:533, 738.

Фонд 2020. Опись 1. Дела:148.

Фонд 2029. Опись 1. Дела:525, 730, 732.

Фонд 2031. Опись 1. Дела:107, 303, 533, 1181, 1183, 1184, 1189, 1486, 1561. Опись 2. Дела:126. Опись 3. Дела:72, 74, 80.

Фонд 2033. Опись 1. Дела:595.

Фонд 2048. Опись 1. Дела:296, 897, 904, 905, 913, 918, 960, 1093, 1104, 1123, 1193, 1339, 1356. Опись 4. Дела:45. Опись 5. Дела:9.

Фонд 2056. Опись 1. Дела:3863.

Фонд 2060. Опись 1. Дела:27.

Фонд 2067. Опись 1. Дела:21, 22, 29, 46, 49, 70, 71, 89, 91, 92, 94, 170, 172, 498, 520, 580, 2031, 2832, 2932, 2934, 2940, 2946, 2986, 2988, 3799, 3802, 3803, 3811, 3845, 3848, 3856, 3863, 3872, 3903, 7873. Опись 2. Дела:1177. Опись 3. Дела:1, 2, 55, 56.

Фонд 2067-С. Опись 1. Дела:18, 92.

Фонд 2083. Опись 1. Дела:4.

Фонд 2085. Опись 1. Дела:3, 4, 10, 139. Опись 2. Дела:166.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Фонд 2087. Опись 1. Дела:1.
Фонд 2100. Опись 1. Дела:275, 280, 1149,1394. Опись 2. Дела:849.
Фонд 2106. Опись 1. Дела:76, 541, 836, 1004, 1006.Ч.1, 1022, 1031, 1032, 1033, 1194. Опись 7. Дела:119.
Фонд 2118. Опись 1. Дела:801, 859.
Фонд 2122. Опись 1. Дела:964.Ч.1.
Фонд 2126. Опись 1. Дела:20, 562, 619. Опись 5. Дела:164.
Фонд 2129. Опись 2. Дела:48.
Фонд 2131. Опись 1. Дела:107, 1673.
Фонд 2134. Опись 1. Дела:36, 1320, 1328, 1345, 1349. Опись 6. Дела:3.
Фонд 2139. Опись 1. Дела:1672, 1673.
Фонд 2142. Опись 1. Дела:2.
Фонд 2148. Опись 1. Дела:5, 10.Ч.1., 30, 799, 800, 803, 812, 904, Опись 5. Дела:9.
Фонд 2152. – Опись 1. Дела:1191, 1192.
Фонд 2168. – Опись 1. Дела:422. Опись 3. Дела:35.
Фонд 2179. Опись 1. Дела:1. Опись 3. Дела:54.
Фонд 2185. Опись 1. Дела:966.
Фонд 2192. Опись 1. Дела:343.
Фонд 2193. Опись 1. Дела:6.
Фонд 2204. Опись 1. Дела:378.
Фонд 2234. Опись 1. Дела:243.
Фонд 2246. Опись 1. Дела:489.
Фонд 2254. Опись 1. Дела:202.
Фонд 2262. Опись 12. Дела:60.
Фонд 2280. Опись 6. Дела:1.
Фонд 2286. Опись 1. Дела:239.
Фонд 2326. Опись 4. Дела:1.
Фонд 2327. Опись 4. Дела:1.
Фонд 2367. Опись 1. Дела:1.
Фонд 2380. Опись 1. Дела:3.
Фонд 2394. Опись 5. Дела:37.
Фонд 2463. Опись 1. Дела:8.
Фонд 2468. Опись 1. Дела:1.Ч.1.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Фонд 2469. Опись 1. Дела:39.
Фонд 2617. Опись 1. Дела:82.
Фонд 2620. Опись 2. Дела:19, 42, 64, 66, 68.
Фонд 2623. Опись 1. Дела:2.
Фонд 2637. Опись 1. Дела:82.
Фонд 2668. Опись 1. Дела:453.
Фонд 2695. Опись 1. Дела:1, 4, 6.
Фонд 2902. Опись 1. Дела:1.
Фонд 2934. Опись 1. Дела:1.
Фонд 3020. Опись 1. Дела:167.
Фонд 3052. Опись 1. Дела:3.
Фонд 3205. Опись 1. Дела:31.
Фонд 3270. Опись 1. Дела:1.
Фонд 3594. Опись 2. Дела:6.
Фонд 3711. Опись 1. Дела:2.
Фонд 3845. Опись 1. Дела:1.
Фонд 3856. Опись 1. Дела:1.
Фонд 13251. Опись 1. Дела:54.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА.

Фонд Р-95. Опись 1. Дела:14.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ.

Фонд 4. Опись 1. Дела:23.
Фонд 472. Опись 40.194/2682. Дела:90.
Фонд 821. Опись 133. Дела:603.
Фонд 833. Опись 1. Дела:33.
Фонд 948. Опись 1. Дела:180.
Фонд 1088. Опись 2. Дела:10.
Фонд 1278. Опись 5. Дела:292, 1253-1360. Опись 10. Дела:14, 22, 27, 56.
Фонд 1282. Опись 2. Дела:1983.
Фонд 1284. Опись 47. Дела:64.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Фонд 1405. Опись 530. Дела:883.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ МОСКВЫ.

Фонд 46. Опись 18. Дела:36.

ЦЕНТР ХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ.

Фонд 198. Опись 9А. Дела:11958.

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ.

Фонд 225. Опись 3. Дела:3А, 8. Опись 5. Дела:8, 15.

VII. ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.

а) ПИСЬМА.

Бакунин М.А. Письмо... к С.Г. Нечаеву // Философия. Социология. Политика. М., 1989.

Вопросы мировой войны. Письмо-разъяснение Г.В. Плеханова 17 сентября 1914 г. // Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917. М., 1996.

Гершензон М.О. Письма к Льву Шестову // Минувшее. Париж, 1988. Т.6.

Злоказов Г.И. Солдатские письма с фронта в канун Октября // Свободная мысль. 1996. №10.

Ильин-Женевский А.Ф. Почему солдаты и матросы стали под знамена Октября / Письма солдат и матросов в редакции большевистских газет 1917г. Л., 1933. 139 с.

Кропоткин П.А. Письма о текущих событиях. М., 1917. 126 с.

К тебе и о тебе мое последнее слово. Письма В.О. Лихтенштадта к М.М. Тушинской // Минувшее. 1996. Т.20.

Меньшиков М. Письма к ближним. СПб., 1911.

Молоствова Н. Солдатские письма. Казань, 1917. 98 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Переписка Николая и Александры Романовых. В 6-ти т. М.-Л., 1927.

Письма В.В. Розанова // Вопросы философии. 1992. №9.

Письма императрицы Александры Федоровны к императору НиколаюII. В 2-х т. Берлин, 1929.

Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. Берлин, 1924. 368 с.

Письма чиновника А.А. Клопова царской семье // Вопросы истории. 1991. №2.

Письма Ю.А. Никольского к семье Гуревич и Б.А. Садовскому. 1917 – 1921 // Минувшее. Т.19.

Соблазнитель генералов. (Переписка В.А. Маклакова с И.И.Тхоржевским) // Родина. 1997. №2.

Соболев Г. Письма из 1917 года // Коммунист. 1989. №15.

Солдатские письма в годы мировой войны (1915 – 1917 гг.) // Красный архив. М., 1934. Т.4-5.

Солдатские письма 1917 года. М.-Л., 1927.

Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932.

б) ДНЕВНИКИ.

Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника // Минувшее. Т.20.

Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал. 1992. №9-12; 1993. №3, 7, 10.

Бах Н.А. Записки народовольца. М.-Л., 1929.

Блок А.А. Дневник. М., 1989. 512 с.

Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.-Л., 1924. 504 с.

Боханов А.Н., Измаил-Заде Д.И. Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992.

Верховский А.И. Россия на Голгофе. (Из походного дневника 1914 – 1918 гг.). Пг., 1918. 141 с.

Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. В 2-х т. Париж, 1927.

Врангель П.Н. Записки (1916 – 1920). Берлин, 1928.

Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992.

Гиппиус З.Н. Синяя книга: Петербургский дневник. Белград, 1929.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Глаголь С. Бродячая армия (из путевых впечатлений) // Свобода и жизнь. 1917. №1.

Гофман М. Записки и дневники. 1914 – 1918. Л., 1929.

Дневник барона А. Будберга // Архив русской революции. Т.12.

Дневники императора Николая II. М., 1992.

Записки А.И. Козьмина (1917 год) // Красный архив. 1933. Т.5.

Записки белогвардейца лейтенанта NN // Архив русской революции Т.10.

Записные книжки Л.Г. Дейча // Вопросы истории. 1996. №3.

Из дневников генерала М.В. Алексеева // Русский исторический архив. Сб.1. Прага, 1929.

Ключевский В.О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

Князев Г.Ф. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915 – 1922 гг. // Русское прошлое. Кн.4, 5. 1993.

Крачкевич П.З. История российской революции. Записки офицера-журналиста. 1914 – 1920 гг. В 10-ти кн. Гродно, 1921.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. 526 с.

Кудрявцев А.Е. Записки о войне 1917 г. СПб., 1992. 110 с.

Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915 г. 2 июля 1916г.). Пг., 1920. 859 с.

Лемке М. Дневник // Первая мировая война. М., 1989.

Милицын С.В. Из моей тетради (Последние дни Преображенского полка) // Архив русской революции. Т.2.

Наживин И.В. Записки о революции. Вена, 1921.

Окунев Н.П. Дневник москвича (1917 – 1924). Париж, 1990.

Онипко Ф. Записки волонтера // Ежемесячный журнал. Пг, 1916. №1.

Огановский Н. Дневник члена Учредительного собрания // Голос минувшего. 1918. №4-6.

Осоргин М. Октябрь (Обывательская запись) // Дни. 1927. 6 ноября.

Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний. Б.м., 1924.

Половцев П.А. Дни затмения: Записки Главнокомандующего войсками Петроградского Военного Округа генерала П.А. Половцева в 1917 году. М., 1999.

Пришвин Н.Н. Дневники. 1918 – 1919. М., 1994.

Пуришкевич В.М. Дневник. Киев, 1918; М., 1990.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

События идут своим чередом. Дневник простого человека // Источник. 1993. №2.

Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991.

Столыпин А.А. Записки драгунского офицера (1917 – 1920 гг.) // Русское прошлое. Кн.3. 1992.

Толстая С.А. Дневники. В 2-х т. М., 1978.

Тыркова-Вильямс А. Дневник. Париж, 1926. 90 с.

Фрейлина Ее Величества. «Дневники и воспоминания Анны Вырубовой». М., 1990.

в) МЕМУАРЫ.

Авалов П. В борьбе с большевизмом: Воспоминания. Глюкштадт и Гамбург, 1929. 540 с.

Авксентьев Н.Д. Большевистский переворот // Отечественная история. 1992. №5.

Аксельрод П.Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1924. 444 с.

Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. №11.

Алексеева – Борель В. Сорок лет в рядах в русской императорской армии. Генерал М.В.Алексеев. СПб., 2000.

Анин Д.С. Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. М., 1991.

Антонов-Овсеенко В.А. В революции: (Воспоминания). М., 1957. 188 с.

Антонов-Овсеенко В.А. В семнадцатом году. М., 1933.

Арансон Г.Я. Россия в эпоху революции: Исторические этюды и мемуары. Нью-Йорк, 1966.

Арансон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962.

Ауэрбах В.А. Революционное общество по личным воспоминаниям // Архив русской революции. Т.14.

Бадаев А.Е. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М., 1954.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж; Нью-Йорк, 1983.

Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917 – 1920 гг.) // Архив русской революции. Т.9.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Балк А.П. Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн.1. Л., 1991.

Барон Нольде Б.Э. // Архив русской революции. Т.12. М., 1991.

Белецкий С.П. Воспоминания // Архив русской революции. Т.12. М., 1991.

Бенуа А. Мои воспоминания. В 6-ти кн. М., 1988.

Берзин Р.И. Этапы большого пути. М., 1962.

Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М.-Л., 1925.

Блок А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. Т.4.

Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик. СПб., 1994.

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1964. 360 с.

Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930.

Бонч-Бруевич В.Д. Страшное в революции. (По личным воспоминаниям). М., 1926.

Бочкарева М. Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. М., 2001.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. 256 с.

Брусилов А.А. На трудном перевале. М., 1959.

Бубнов А. В царской Ставке: воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955. 388 с.

Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. 416 с.

Бурцев Вл. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. (1882 – 1922). Берлин, 1923. 384 с.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. 344 с.

Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. В 2-х т. Берлин, 1924.

В дни Октября. Сб. воспоминаний участников Октябрьской революции. М., 1957.

Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М., 1991.

Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. 198 с.

Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба. За 1917 – 1918 гг. Таллинн, 1929. 61 с.

Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878 – 1918. М.-Пг., 1923.

Вильямс А.Р. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960.

Вильямс Альберт Рис. Очерки русской революции. М., Б/г.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Винавер М.М. Недавнее (Воспоминания и характеристики). Пг., 1917.

Витте С.Ю. Воспоминания. В 2-х т. М., 1960.

Витте С.Ю. Воспоминания царствования Николая II. В 2-х т. Берлин, 1922.

Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932.

Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. 414 с.

Вишняк М. Февральская революция. Современные записки. Париж, 1927.

Воейков Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя-императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. 480 с.

Война крестьян с помещиками в 1917 г. (Воспоминания крестьян). М., 1926.

Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. Вермонт, 1990.

Волков А. Около Царской семьи. Париж, 1928. 96 с.

Воробьев В. Перед рассветом. Воспоминания. Л., 1925.

Воронков М. Из жизни дореволюционного студенчества. М., 1947.

Воронович Н. Меж двух огней // Архив русской революции. Т.8.

Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910 – 1930-е гг. М., 1989.

Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003. 512 с.

Вргоч А. Мои воспоминания о мировой войне. 1914 – 1920 // Столица 1991. №23.

Вырубова А.А. Страницы из моей жизни. Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М., 1993.

Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1960. 282 с.

Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. М., 1993. Т.XXII.

Геруа В.Б. Воспоминания о моей жизни. В 2-х т. Париж, 1969.

Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1928.

Гордиенко И.М. Из боевого прошлого (1914 – 1918). М., 1957.

Горев Б. Меньшевики в Октябрьской революции // Каторга и ссылка. 1932. №11-12.

Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917 – 1918). М., 1990. 192 с.

Гучков А.И. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. 144 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Гучков А.И. В царском поезде // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990.

Гучков А.И. Корабль потерял свой курс. М., 1991. 63 с.

Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Т.14.

Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. 300 с.

Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II и Вел. Кн. Михаиле // Архив русской революции. Т.19. М., 1993.

Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992.

Дан Ф.И. К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция. Мемуары. Октябрьская революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев: Сборник / Сост. С.А. Алексеев. М.-Л., 1926.

Дейч Г.М. Ленинские эскизы к портретам друзей и противников. Л., 1990.

Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990.

Деникин А.И. Старая армия. В 2-х т. Париж, 1929. 270 с.

Джунковский В.Д. Воспоминания. В 2-х т. М., 1997.

Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964.

Другов Ф. Октябрьские дни в Смольном // Солидарность. 1995. №21.

Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990.

Дыбенко П. Воспоминания о революционном движении во флоте. М., 1923.

Евлогий, митрополит (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994.

Егоров И.В. От монархии к Октябрю. Воспоминания. Л., 1980. 272с.

Епанчин Н. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. 576 с.

Еремин К.Г. Солдатские версты. М., 1960. 174 с.

Ерманский О.А. Из пережитого (1887 – 1921 гг.). М.-Л., 1927.

Ершов С.Ф. Страницы прошлого. Воспоминания старого солдата. Л., 1962.

Жевахов Н.Д., князь. Воспоминания. Мюнхен, 1923; М., 1993.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1992.

Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916 – 1917 годах) // Архив русской революции. Т.11.

Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж, 1919.

Зубов В.П. Страдные годы России. Воспоминания о Революции (1917 – 1925). Мюнхен, 1968. 157 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Иванов А. Студенты в окопах // Родина. 1993. №8-9.

Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. В 2-х т. М., 1955.

Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. 192 с.

Из воспоминаний В.К. Зворыкина // Неизвестная Россия, XX век. Кн.IV. М., 1993.

Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990. 298 с.

Изгоев А.С. Память лет в Советской России // Архив русской революции. Т.10.

Ильин-Женевский А.Ф. От Февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 годе. Л., 1927. 189 с.

Император Николай II и его семья. По личным воспоминаниям П.Жильяра. Вена, 1921.

Кальницкий Я. От Февраля к Октябрю. Воспоминания фронтовика. М., 1926.

Карабчевский И. Революция и Россия. Берлин, 1921. 168 с.

Карабчевский И. Что глаза мои видели. В 2-х т. Берлин, 1921.

Катков Г.М. Дело Корнилова. М., 2002. 240 с.

Катков Г.М. Февральская революция. М., 1995. 431 с.

Каутский К. Как возникла мировая война. М., 1924.

Керенский А.Ф. Гатчина. (Из воспоминаний). М., 1922.

Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918. 208 с.

Керенский А.Ф. Последние дни и выступление генерала Корнилова // Октябрьский переворот. М., 1991.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары.М.,1993. 384 с.

Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (1881 – 1914 гг.).Прага,1919. 370 с.

Князь Г.Е. Львов. Воспоминания. М., 1998.

Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903 – 1919. В 2-х кн. М., 1992.

Кони А.Ф. Николай II. (Воспоминания) // Собр. соч. в 8-ми т. М., 1966.

Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории 1994. №2-5, 7-10.

Короленко В.Г. Земли, земли! Мысли, воспоминания, картины // Новый мир. 1990. №1.

Краснов П.Н. Атаман: Воспоминания. М., 2006. 605 с.

Краснов П.Н. На внутреннем фронте. Л., 1927. 169 с.

Краснов П. Памяти императорской русской армии // Российский военный сборник. Вып. 9. М., 1995.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Крестовская Л.А. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж, 1919.

Кришевский Н. В Крыму (1916 – 1918 г.) // Архив русской революции. Т.13.

Крушение царизма. Воспоминания революционного движения в Петрограде (1907 – февраль 1917 г.). Л., 1986. 432 с.

Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, Б.г.

Крыленко Н.В. Смерть старой армии // Военно-исторический журнал. 1964. №11.

Крыленко Н. Февральская революция и старая армия // Пролетарская революция. 1927. №2-3.

Кульман П. Перед грозой (Воспоминания о Февральской революции) // Февраль. Сб. воспоминаний о 1917 годе.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 2002. 301 с.

Курлов П.Г. Падение русского царизма. М.-Пг., 1923.

Лезин М. Воспоминания рядового. Горький, 1958. 174 с.

Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. В 6-ти т. М., 1934-1938.

Локкарт Роберт Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской Революции 1917 года. Стокгольм-Берлин, 1921. 86 с.

Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С. Лукомского: период европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. В 2-х т. Берлин, 1922. Т.1. 301 с.; Т.2. 333 с.

Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т.2.

Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914 – 1918 гг. В 2-х т. М., 1923-1924.

Маклаков В.А. Власть и общественность на защите старой России. Воспоминания в 3-х кн. Париж, 1936. 610 с.

Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

Маклаков В.А. Из прошлого. Современные записки. Париж, 1929. 310 с.

Мамонтов В.И. На государевой службе: Воспоминания.Таллинн, 1926. 246 с.

Мансыров С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. М., 1991.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Манухин И. Воспоминания о 1917 – 1918 гг. // Новый журнал. Нью-Йорк. 1958. Кн.54.

Марков С. Покинутая царская семья. 1917 – 1918. Царское Село – Тобольск – Екатеринбург – Вена, 1928.

Махно Н. Воспоминания. М., 1992.

Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. 246 с.

Мельник Т. (рожденная Боткина). Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. 83 с.

Мемуары профессора И.Х. Озерова // Вопросы истории. 1997. №1.

Меньшевики. Сборник воспоминаний и документов. Бенсон (Вермонт), 1988.

Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. 528 с.

Мордвинов А.А., полк. Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. М., 1990.

Мосолов А.Д, При дворе последнего императора. СПб., 1992.

Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин – Петроград. М., 1922. 163 с.

Мятеж Корнилова: Из белых мемуаров. Л., 1928. 156 с.

Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1923.

Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991.

Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. 282 с.

Наживин И.В. Записки о революции. Вена, 1921. 330 с.

Неизвестный Богданов. Кн.1. Статьи, доклады, письма и воспоминания. М., 1995.

Никитин Б. Роковые годы. Париж, 1937.

Николаевский Б.И. Меньшевики в дни октябрьского переворота. Нью-Йорк, 1962.

Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. 560 с.

Нольде Б.А. Далекое и близкое. Париж, 1930.

Оберучев К. В дни революции: воспоминания участника Великой Русской революции 1917 года. Нью-Йорк, 1919. 144 с.

Оберучев К.М. Воспоминания. Нью-Йорк, 1930.

Оберучев К.М. Офицеры в русской революции. Нью-Йорк, Б.г. 47 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Об Октябрьской революции. Воспоминания зарубежных участников и очевидцев. М., 1967.

Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Белград, 1928. 950 с.

Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV Государственной Думы. Париж, 1927. 264 с.

Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. Рига, Б.г.

Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967. 296 с.

Октябрьская революция (мемуары). Л., 1926.

Октябрьская революция: мемуары. М., 1999. 414 с.

Октябрьская революция. Мемуары: Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1990. 320 с.

Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка / Сост., вст., послеслов., примеч. Д.С. Анина. М., 1991.

Ольденбург С.С. Царствование Николая II. М., 2003. 764 с.

Орбели Л.А. Воспоминания. М.-Л., 1966.

Островитянов К. Думы о прошлом. Из истории первой русской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве. М., 1967.

Островцов А. Последние могикане старого строя. М., 1925.

Оськин Д.П. Записки прапорщика. М., 1931.

Оськин Д. Записки солдата. М., 1929.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы.М.,1990. 256 с.

От Февраля к Октябрю (в Москве): Сб. статей, воспоминаний и документов. Вып.1. М., 1923.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.-Пг., 1923. 314 с.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Пер. с фр. Репринт. воспроизведение изд. 1923 г. М., 1991. 494 с.

Первая мировая война: Сборник. М., 1989. 606 с.

Петров Н.Г. Большевики на западном фронте в 1917 году. Воспоминания. М., 1959. 118 с.

Петровский Г.И. Великое начало (Воспоминания старого большевика). М., 1957.

Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т.21.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Пешехонов А.В. Первые недели (Из воспоминаний о революции 27 февраля) // Страна гибнет сегодня. М., 1991.

Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны: Воспоминания рядового. Л., 1926. 63 с.

Плеханов Г.В. Год на родине. В 2-х т. Париж, 1921.

Плеханова Р.М. Год на Родине // Диалог. 1991. №8-15.

Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1958. 190 с.

Подвойский Н.И. Из воспоминаний // Это есть наш последний и решительный бой. В 2-х кн. М., 1987.

Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. №2, 3, 5, 7-10.

Половцев П.А. К делу Корнилова. Париж, 1919. 44 с.

Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914 – 1920.Белград, 1925.

Попов К. Господа офицеры. Очерки. Париж, 1920. 117 с.

Последний солдат. Воспоминания М.Н. Клейнмана // Родина. 1994. №8.

Пронин М.В. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1929. 88 с.

Пуанкаре Р. На службе Франции. Кн.1-2. М., 1936.

Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны. М., 1923.

Пушкарев Л.Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995.

Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М., 1990. 319 с.

Раскольников Ф.Ф. О времени и о себе. Воспоминания, письма, документы. Л., 1989.

Рассказывают участники Великого Октября. М., 1957.

Революция в деревне в 1917 г. Воспоминания крестьян. М., 1927.

Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. В 5-ти т. М.-Л., 1925-1930.

Редигер А. История моей жизни. М., 1998.

Рейман М. Русская революция. 23 февраля – 25 октября 1917. Прага, 1991.

Рейн Г.Е. Из пережитого. В 2-х т. Берлин, Б.г.

Родзянко В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Т.6.

Родзянко М.В. Крушение империи. Л., 1929. 209 с.

Ромас Е. Из настроений в армии // От Февраля к Октябрю в Москве. Сб. статей, воспоминаний и документов. Вып.1. М., 1923. 87 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Россия антибольшевистская: из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995.

Россия на переломе глазами швейцарского предпринимателя // Россия XXI. 1995. №9-10.

Россия 1917 год. От Февраля к Октябрю глазами французов // Вопросы истории. 1998. №1.

Рошаль М.Г. На путях революции. М., 1957.

Рязанов А.С. Штурмовой сигнал Милюкова П.Н. Париж, 1924.

Савинков Б.В. Воспоминания. М., 1990. 446 с.

Савинков Б.В. К делу Корнилова. Париж, 1919. 44 с.

Савич В.Н. Воспоминания. СПб., 1993. 496 с.

Садуль Ж. Записки о большевистской революции М., 1990. 400 с.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. 400 с.

Семенов Г. (Васильев). Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917 – 1918 гг. М., 1922. 39 с.

Силгонов Т. Четыре месяца борьбы на Юго-Западном фронте. Харьков, 1922.

Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. В 2-х т. Париж, 1933.

Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Т.13.

Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992.

Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914 – 1919. М., 1994.

Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917г. М., 1991. 480 с.

Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М., 1981.

Струве П.Б. Размышления о русской революции: (Фрагменты из работ). М., 1991. 62 с.

Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3-х т. М., 1991.

Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. М.-Л., 1926.

Тальберг Н.Д. Трагедия русского офицерства. Белград, 1924. 14 с.

Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции (1914 – 1918 гг.). В 2-х ч. Нью-Йорк, 1961.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Тт.1-2. М., 1991. 624 с.

Троцкий Л.Д. Политические силуэты. М., 1990. 312 с.

Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. 336 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Лондон, 1990.

Февральская революция. Мемуары. М.-Л., 1925.

Федорченко С. Народ на войне. Фронтовые записи. Киев, 1917.

Фишер А. В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего. (1890 – 1921 гг.). М., 1922.

Фош Ф. Воспоминания. (Война 1914 – 1918 гг.). М., 1923.

Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. В 2-х кн. Париж, 1963. Кн.1. 492 с.; Кн.2. 429 с.

Чаган З. В царских окопах // Сб. воспоминаний о 1917 г.

Чемоданов Г.М. Последние дни старой армии. М., 1926. 136 с.

Чернин О. В дни мировой войны: мемуары. Пер. с нем. М.-Пг., 1923. 296 с.

Чернов В. Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922.

Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. 406 с.

Чернов В. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж – Прага – Нью-Йорк, 1934. 443 с.

Чернов В.М. 1917 год: народ и революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции 1917 г. М., 1991.

Черчиль У. Мировой кризис. М.-Л., 1932.

Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1921.

Шаляпин Ф.И. Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. М., 1990.

Шаховский В.Н. «Sic transit gloria mundi». (Так проходит мирская слава). 1893 – 1917 гг. Париж, 1952.

Шейдеман Ф. Крушение германской империи. М.-Пг., 1923.

Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923.

Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.

Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. В 3-х т. М., 1992.

Штейнберг И.З. От февраля к Октябрю 1917 года. Берлин, 1920. 131с.

Шуленбург В.Э. Воспоминания об императрице Александре Федоровне. Париж, 1928.

Шульгин В.В. Воспоминания. Париж, 1927; М., 1990.

Шульгин В.В. Годы. Дни. М., 1990.

Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. 559 с.

Щавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2-х т. Нью-Йорк, 1954. 882 с.

Энгельгардт А.Н. Из деревни. М., 1987.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Энгельгардт Б.А. Воспоминания камер-пажа // Военно-исторический журнал. 1994. №9.

Этапы большого пути. (Воспоминания о гражданской войне). М., 1962.

Это есть наш последний и решительный бой! В 2-х кн. М., 1987.

Юсупов Ф., князь. Мемуары. Париж, 1952-1954; М., 1998.

Янов В.В. Краткие воспоминания о пережитом // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910 – 1930-е годы. М., 1989.

VIII. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ.

а) МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ.

Абрамов А.А. Борьба большевистских организаций против социал-шовинизма и центризма в России (1914 – февраль 1917) // Вопросы истории КПСС. 1963. №11.

Абрамович Н.Я. Патриотизм и революционная Россия. М., 1917. 32с.

Абросимова Т.А. Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. // Анатомия революции 1917 в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Авторханов А. Происхождение партократии // Октябрь. 1991. №3.

Агарев А. Борьба большевиков против мелкобуржуазной партии эсеров // Пропагандист. 1939. №16.

Айрапетян М.Э., Кабанов П.Ф. Первая мировая империалистическая война. 1914 – 1918 гг. М., 1964. 207 с.

Айхенвальд Ю. Наша революция, ее вожди и ведомые. М., 1918.

Акимов Ф. Большевики в борьбе за солдатские массы Юго-Западного фронта (1914 – февраль 1917) // Военно-исторический журнал. 1977. №2.

Александр Иванович Гучков. М., 1993.

Алексеев С.А. Февральская революция. М., 1926.

Алексеева Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989. 313 с.

Алексеева Г.Д. Народничество в России в XX веке. Идейная эволюция. М., 1990.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997.

Алексеева И.В. Агония сердечного согласия: (Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте 1914 – 1917). Л., 1990.

Альтман В. Двадцать пять лет первой мировой империалистической войны 1914 – 1918 гг. М., 1939.

Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Андреев А.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975.

Андронов С.А. Большевистская печать в трех революциях. М., 1978. 348 с.

Антропов А.А. Отечественная историография Февральской революции. 1985 – 1992 годы // История Советской России: новые идеи, суждения. Тюмень, 1993.

Арапов А.С. В.И. Ленин и идейная борьба с меньшевизмом: Методология, методика. Саратов, 1987.

Арестант пятой камеры. М., 1990.

Армия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Красный архив. 1937. №5.

Армия и общество 1900 – 1941. Статьи и доклады. М., 1991.

Арский Р. Пути русской революции (28 февраля 1917 г. – 28 февраля 1919 г.) Нью-Йорк, 1928. 64 с.

Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М., 1999. 656 с.

Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914 – 1917 гг. Ереван, 1971. 415с.

Архипов И.Л. «Корниловский мятеж» - как феномен политической психологии // Новый часовой. 1994. №2.

Архипов И.Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. №7.

Архипов Н.А. Крестьяне, рабочие и война. М., 1917.

Афанасьев Ю. Моя фатальная Россия. Рассуждения: Историко-философский взгляд. Париж, 1992.

Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. 2003. №2.

Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л.,1973. 456 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Астрахан Х.М. Историография буржуазных и мелкобуржуазных партий России в 1917 году в новейшей советской литературе // Вопросы истории.1975.№2.

Астрахан Х.М. Крушение идейно-политических позиций мелкобуржуазных партий в России в 1917 г. (март – октябрь) // История СССР. 1977. №4.

Астрахан Х.М. Партийность населения России накануне Октября. По материалам выборов в городские Думы в мае – октябре 1917 г. // История СССР. 1987. №6.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). В 3-х т. Новосибирск, 1997-1999.

Ахун М.И., Петров В.А. Большевики и армия в 1905 – 1917 гг.: Военная организация при петербургском комитете РСДРП(б) и революционное движение в войсках Петербурга. Л., 1929. 348 с.

Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. 124 с.

Баевский Д.А. Партия в годы империалистической войны // Очерки по истории Октябрьской революции. М.-Л., 1927. Т.1.

Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 2003. 305 с.

Базанов С.Н. В борьбе за Октябрь на Северном фронте: 5-я армия. М., 1985.

Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество 1900 – 1941 гг. Статьи и доклады. М., 1991.

Базаров В.А. История освобождения России. М., 1917.

Балабанов М. Очерки истории революционного движения в России. Л., 1929.

Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917 – 1922 гг. Сб. научных трудов. М., 1977, Ч.1-2. Ч.2. 213 с.

Барг М. Цивилизационный подход к истории // Коммунист. 1991. №3.

Басманов М.И. Сотрудничество и борьба. М., 1988. 382 с.

Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996.

Басманов М.И., Гусев К.В., Полушкина В.А. Сотрудничество и борьба. Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями. М., 1988.

Бацов В.И. Беседы о воинском воспитании. Пг., 1916. 44 с.

Белогуров С.Б. Военная периодическая печать в России начала XX века // Военно-исторический журнал. 1997. №6.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 году: механизм формирования и функционирования. М., 1998.

Бережной А.Ф., Астрахан Х.М., Сазонов И.С. Большевистская печать в борьбе за власть Советов (март – октябрь 1917 года). Л., 1960.

Беркович А.В. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. Т.23.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

Бехтерев В.М. Моральные итоги великой войны. Пг., 1915.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

Блументаль Ф.Л. Буржуазная политработа в мировую войну 1914 – 1918 гг. Обработка общественного мнения. М.-Л., 1928. 168 с.

Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988.

Болтин Е., Вебер Ю. Очерки мировой войны 1914 – 1918 гг. М., 1940. 148 с.

Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. Материалы конференции. М., 1983.

Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны. Материалы конференции. М., 1982. 188 с.

Большевики против мелкобуржуазных партий в России. (1910-1920 гг.). М., 1969.

Бородкин Л.И. Квазитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Новая и новейшая история. 1998. №5.

Бордюгов Г.А. Каждое поколение пишет свою историю // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. М., 1977. 520 с.

Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969. 271 с.

Борьба большевистской партии за создание политической армии социалистической революции (март – октябрь 1917 г.). М., 1967.

Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М., 1981.

Борьба ленинской партии против непролетарских партий и течений (дооктябрьский период). Исторические очерки. Л., 1987. 206 с.

Боханов А. Николай II. М., 1997.

Боханов А.М. Сумерки монархии. М., 1993.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Братусь Б.С. К проблеме нравственного сознания уходящего века // Вопросы психологии. 1993. №1.

Браун М. Очерки деятельности Военной комиссии при Центральном Комитете партии социалистов-революционеров // За народ. 1917. №1.

Бубнов А.С. ВКП(б). М.-Л., 1931.

Будников В.П. Большевистская печать – важнейшее идеологическое оружие партии. М., 1978. 168 с.

Буйский А. Военная подготовка Октября. М.-Л., 1927. 96 с.

Буланов Л.П. Как можно кончить войну и каковы справедливые условия мира. Пг., 1917.

Булдаков В.П. XX век в истории России: имперский алгоритм? // Межнациональные отношения в России и СНГ. М., 1994.

Булдаков В.П. Имперство и российская революционность // Отечественная история. 1997. №1,2.

Булдаков В.П. Истоки и последствия солдатского бунта: психология «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996.

Булдаков В.П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996.

Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению. // Вопросы истории. 1996. №5,6.

Булдаков В.П. Октябрьская революция: социокультурное измерение. М., 1998.

Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

Булдаков В.П. 1917 год: большинство народа и революционное сознание // Вопросы истории КПСС. 1989. №6.

Буравченко А.А. В ногу с революцией (Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции). Киев, Вища шк., 1988.141 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Бурджалов Э. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Переферия. М., 1971. 463 с.

Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. 406 с.

Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы конференции. М., 1980. 155с.

Бурский П.Л. Братание с врагом. М., 1917. 16 с.

Бурский П.Д. Революция и офицеры. М., 1918.

Бурцев В.Л. О войне. 1916.

Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.

Быстрянский В.А. Антанта, Россия и революции. Пг., 1920.

Быстрянский В.А. Армия империализма и армия революции. Война империалистическая и война революционная. Пг., 1919. 40 с.

Быстрянский В.А. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг.,1921. 80 с.

Быстрянский В.А. Революция буржуазная и революция пролетарская. Пг., 1920.

Быстрянский В.А. Терроризм и коммунизм. Одесса, 1920.

Вакалюк В.С. Большевистская военная печать в борьбе за солдатские массы в трех революциях. Киев, 1984. 183 с.

Валентинов В. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны. М., 1920. 136 с.

Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993.

Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992. 288 с.

Вардин Ил. Партия меньшевиков и русская революция. М., 1922.

Вардин Ил. Политические партии и русская революция. М., 1922. 44с.

Вардин И. Революция и меньшевизм. М.-Л., 1925. 344 с.

Вардин Ил. Российский пролетариат и мировая война. М., 1924.

Вардин И. Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. (Факты и документы). М., 1922.

Васецкий Н.А. Октябрь в борьбе идей. М., 1987. 186 с.

Василенко Б.О. Офицеры в рясах. М., 1933. 172 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Васькин В.В. Контрреволюция в борьбе за армию в 1917 году // Революционное движение в русской армии в 1917 году: Сб. статей. М., 1981.

Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966.

Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1906 – 1917 гг. М., 1989.

Вебер М. Избранное: Образование общества. М., 1994.

Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971.

Великий Октябрь и защита его завоеваний. В 2-х т. Т.1. Победа социалистической революции. М., 1987. 478 с.; Т.2. Защита социалистического Отечества. М., 1987. 407 с.

Великий Октябрь и современность. Великий Октябрь и мировое развитие. М., 1988.

Великий Октябрь и крах непролетарских партий в России: Сб. науч. тр. Калинин, 1989. 151 с.

Великий Октябрь и непролетарские партии. Материалы конференции. М., 1982. 255 с.

Вержховский Д.В. Первая мировая война 1914 – 1918 гг. М., 1954.

Вернадский Г. Ленин – красный диктатор. М., 1998. 320 с.

Вернадский В.И. П.Н. Милюков. Пг., 1917. 18 с.

Веселовский. К вопросу о воспитании солдат. СПб., 1900.

Веселый А. Россия, кровью умытая. М., 1990.

В защиту «штрейкбрехеров» революции // Отечественная история 1993. №2.

В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1982.

Виноградов К.Б. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962.

Виноградов В.Н. О новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. №5.

Витман К.Н., Домбровский А.И. О деятельности большевиков по революционизированию солдатских масс национальных формирований в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Научные труды по истории КПСС. Вып.117. Киев, 1982.

Владимиров В. Контрреволюция в 1917 году (Корниловщина). М., 1924.

Владиславлев И.В. Русская литература о войне 1914 года. М., 1915.

Власть и общество в истории России. М., 1999.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.

Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. 801 с.

В огне революции. Военно-боевая работа большевистской партии в 1917 году. М., 1961. 286 с.

Воейков М.И. Классический марксизм и «русский социализм» // Критический марксизм: русские дискуссии. М., 1999.

Военная история Отечества с древних времен до наших дней. В 3-х т. М., 1995.

Военно-боевая работа партии большевиков. 1903 – 1917 гг. М., 1973. 382 с.

Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. 400 с.

Военные организации партии большевиков в 1917 году. Сборник статей. М., 1986. 253 с.

Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. М., 1974. 418 с.

Военный вопрос в программе и тактике ВКП(б) до октября 1917 г. Л., 1931.

Война: Сборник статей. Париж, 1915.

Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999.

Войтоловский Л.Л. Очерки коллективной психологии. В 2-х ч. Ч.1. Психология масс. М., 1924. 136 с.

Волин Б. О штрейкбрехерах Октября и пособниках контрреволюции // Борьба классов. 1932. №11-12.

Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

Волкогонов Д. Лев Троцкий. Политический портрет. В 2-х т. М., 1992.

Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. М., 1994. Кн.1. 480 с.; Кн.2. 512 с.

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. В 2-х кн. М., 1989.

Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития. М., 1987. 310с.

Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 году. М., 1964.

Волобуев П.В. Россия 1917 год. М., 1989.

Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Волобуев О.В., Ильящук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. №2.

Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. №5-6.

Волосевич В.О. Большевизм в годы мировой войны. Л., 1929. 146 с.

Вольф Э. Крестьянские восстания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.

Вопросы мировой войны с точки зрения научного социализма. М., 1917.

Вооруженные силы Великого Октября. М., 1977. 287 с.

Встречи с Розановым // Грани. 1972. №83.

Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982-1984. Т.1-6.

Гаврилов Л.М. К вопросу о большевизации солдатских комитетов действующей армии в период подготовки и победы Октября // Вопросы истории КПСС. 1969. №2.

Гаврилов Л.М. Первые комиссары Советской власти в действующей армии // Военно-исторический журнал. 1974. №11.

Гаврилов Л.М. Русская армия накануне Февральской революции // Исторические записки. 1986. Т.114.

Гаврилов Л.М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции. (Действующая армия). М., 1983. 222 с.

Гаврилов М. Первая мировая империалистическая война (1914 – 1918). Научно-популярный очерк. Куйбышев, 1939. 72 с.

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – февраль 1917 г.). М., 2003. 431 с.

Гайда Ф.А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. №3.

Гайда А.Ф. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. №2.

Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики // Вопросы истории. 1992. №12.

Ган А. (Гутман А.). Россия и большевизм. Материалы по истории революции и борьбы с большевизмом. Шанхай, 1921. 356 с.

Ганелин Р.Ш., Флоринский М.В. Российская государственность и первая мировая война // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Гапоненко Л.С. Борьба солдат Западного фронта за победу Советской власти // Установление Советской власти на местах в 1917 – 1918 годах: Сб. статей. М., 1953.

Гапоненко Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 год). М., 1953.

Гарви П.Я. Аксельрод и меньшевизм // Социалистический вестник. 1925. №15/16.

Гарви П.Я. Закат большевизма: Десять лет диктатуры. Рига, 1928.

Гарькавенко Д.А. Партия, армия и флот в Февральской революции: Военная работа большевистской партии в период подготовки и проведения февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Л., 1972. 310 с.

Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. В 2-х кн. М., 1996.

Георгиади Я. 1914 – 1934. Война, предательство социал-демократии и пролетарский интернационализм. (К 20-летию мировой войны). М., 1934. 46 с.

Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты. 1917. М., 1992.

Герасименко Г.А. Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. 1997. №1.

Герасименко Г.С. Народ и власть. 1917. М., 1995. 288 с.

Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991.

Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917 – 1923 гг. М., 1995.

Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии России в 1917г. К истории банкротства неонародничества. Л., 1977.

Говорухин С. Россия, которую мы потеряли. М., 1991.

Год русской революции. Сб. статей. М., 1918.

Голиков А.Г. В канун Октября: нарастание общенационального кризиса. М., 1977.

Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2-х кн. М., 1986.

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж, 1939.

Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы. Общие основания. Белград, 1939.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Головин Н.Н. Наука о войне: о социологическом изучении войны. Париж, 1938. 241 с.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. В 5-ти ч. 12 кн. Париж, 1937.

Голуб П.А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. 320 с.

Голуб П.А. Военные организации большевиков в Октябрьской революции: итоги изучения и задачи дальнейшей разработки // Вопросы истории КПСС. 1980. №11.

Голуб П.А. Партия, армия и революция. Отвоевание партий большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918 г. М., 1967. 296 с.

Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. 2-е изд. М., 1987. 531 с.

Граве Б.Б. Буржуазия накануне Февральской революции. М.-Л., 1927.

Граве Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны, июль 1914 – февраль 1917. Пролетариат и буржуазия. М.-Л., 1926. 414 с.

Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994.

Гринько В.А., Митькин Н.А., Сопин Е.Ф., Шаумян С.С. Борьба партии большевиков против троцкизма. (1903 – февраль 1917 г.). М., 1968.

Гришин П.П. Меньшевики и Октябрьская революция. М.-Л., 1932. 40 с.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Грунт А.Я. Москва, 1917. Революция и контрреволюция. М., 1976. 275 с.

Грунт А.Я. О характере и механизме развития революционного творчества масс (Из опыта Октябрьской революции) // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.

Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. 368 с.

Гусев К.В. Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982.

Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999.

Гусев К.В. Крах мелкобуржуазных партий в России. М., 1966.

Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М., 1963.

Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. (Историографический очерк). М., 1975. 383 с.

Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992.

Гусев К.В., Ерицян Х.А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968.

Гусев К.В., Полушкина В.А. Стратегия и тактика большевиков в отношении непролетарских партий. М., 1983. 80 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. №2-3.

Гуськов М.А., Ивашко М.И. Православие и российская армия. М., 1995.

Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма. (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975.

Давыдов М.А. Оппозиция его величества. М., 1994.

Дажина И.М. Большевистские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции. М., 1981.

Данилов В. Спутник воспитателя. Пг., 1917. 60 с.

Двинов В. Первая мировая война и российская социал-демократия. Нью-Йорк, 1962.

Демократический фронт накануне Великого Октября. М., 1982.

Дещинский Л.Е. Большевики во главе революционного движения в армии и на флоте: Деятельность большевистской партии по завоеванию солдатских и матросских масс Юго-Западного, Румынского фронтов и Черноморского флота в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Львов, 1982. 256 с.

Дилигенский Г.Г. Феномен массы и массовые движения. Социально-политические аспекты // Рабочий класс и современный мир. 1987. №3.

Диманштейн С.М. Кто такие меньшевики? Харьков, 1923. 51 с.

Дмитриевский А. О воспитании солдат. Руководство для унтер-офицеров. Тифлис, 1917. 68 с.

Добровольский С.К. Мобилизация русской армии в 1914 году. М., 1929.

Драгомиров В. Подготовка русской армии к великой войне // Военный сборник (Белград). 1925. Кн.VI.

Драгомиров М.И. Подготовка войск в мирное время. Киев, 1906.

Драма российской истории: большевики и революция / О.В. Волобуев и др. М., 2002. 449 с. (Россия XX век. Исследования).

Дубнищева Т.Я. Концепции современного естествознания. Новосибирск, 1997. 815 с.

Думова Н.Г. Из истории кадетской партии в 1917 году // Исторические записки. М., 1972. Т.90.

Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром: октябрь 1917 – 1922. М., 1982. 415 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. 421 с.

Думова Н. Кончилось ваше время… М., 1990. 336 с.

Думова Н.Г. Либерал в России. Ч.1. М., 1993. 238 с.

Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы // Российский военный сборник. Вып.13. М., 1997.

Дьяконов Ю. Пятая колонна в России. М., 1995.

Дьячков В.Л. К вопросу о социокультурном облике российской политической элиты в 1917 г. // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.

Дякин В.С. Николай, Александра, Распутин и Камарилья // Новый часовой. 1995. №3.

Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914 – 1917). Л., 1978. 360 с.

Европа и война. Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. М., 1916, 1917. Т.1.

Европейское социалистическое движение. 1914 – 1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994. 296 с.

Емец В.А. Очерки внешней политики России в Период первой мировой войны. М., 1978. 367 с.

Ерашов В.П. Керенский. М., 1998.

Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997. 202 с.

Ермолин А.Н. Революция и казачество (1917 – 1920 гг.). М., 1982. 224 с.

Ерофеев Н.Д. Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993.

Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры // История политических партий России. М., 1994.

Ерушев Н. Солдаты идут за большевиками. (О роли партии в формировании революционного сознания солдатских масс) // Военный вестник. 1968. №2.

Жарков М.Г. Против буржуазных фальсификаций истории Октября. Минск, 1975.

Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

Жуков А.Ф. Идейно-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Журавлев В.В. Революция сквозь призму интереса // Отечественная история. 1995. №4.

Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания // Вопросы истории. 1992. №1.

За год: Сб. статей. Пг.-М., 1919.

Зайончковский А. Мировая война 1914 – 1918. В 3-х т. М., 1938.

Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. 878 с.

Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. М., 1926.

Зайончковский А. Стратегический очерк войны 1914 – 1918 гг. М., 1923.

Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. №4.

Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973. 351 с.

Зайченко Н.С. К молодым офицерам. М., 1916. 56 с.

Залесский П. Грехи старой России и ее армии // Философия войны. М., 1995.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне: Биографический энциклопедический словарь. М., 2003. 894 с.

Зародов И.К. Три революции в России и наше время. М., 1983.

Захаров А.В. Народные образы власти // Полис. 1998. №1.

Защита Великого Октября. М., 1982. 384 с.

Зимичев А.М. Психология политической борьбы. СПб., 1993. 160 с.

Злобин П. Причины и цели 2-й Отечественной войны. (Лекция, прочитанная в частях войск Ростовского-на-Дону гарнизона). Б.м., 1916.

Злоказов Г.И. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997. 336 с.

Злоказов Г.И. Материалы особой следственной комиссии Временного правительства об июльских событиях 1917 года // Отечественная история 1999. №5.

Злоказов Г.И. Материалы I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Отечественная история. 1993. №6.

Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976.

Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства (Прошлое и настоящее). М., 1983.

Зыков А. Как и чем управляются люди. СПб., 1898.

Иванов В. Политическая психология. М., 1990.

Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1998.

Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 г. и ее разгром. М., 1977.

Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002. 272 с.

Игнатенко Т.А. Критика меньшевистской концепции истории Октября в советской историографии (1917 – середина 30-х гг.). М., 1986. 148 с.

Игнатьев А.В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.

Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории: Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974.

Из истории трех русских революций / Ред. Иванов Н.Я. и др. Л., 1976.

Изместьев П.И. Армия и толпа: Опыт военной психологии в связи с психологией толпы. М., 1910.

Изместьев П.И. Из области военной психологии. М., 1907.

Изместьев П.И. Очерки по военной психологии. (Некоторые основы тактики и военного воспитания). Пг., 1923.

Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981.

Ильящук Г.И. В.И. Ленин о политическом банкротстве меньшевизма. Минск, 1981.

Илюкович М.А. Военная политика ВКП(б) в годы империалистической войны. Л., 1934. 49 с.

Илюкович М.А. Первая мировая империалистическая война. Л., 1934.

Империалистическая война. Ее причины и следствия. Сб. статей. Л., 1924.

Иовчук М.Т. Г.В. Плеханов и его труды по истории русской философии. М., 1960.

Ионичев Н.П. Антимилитаристская тактика российских социал-демократов в 1900 – 1917 годах. М., 1989. 190 с.

Ионов А. Борьба большевистской партии за солдатские массы Петроградского гарнизона в 1917 г. М., 1954.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Иоффе А. (В. Крымский). Крах меньшевизма. Пг., 1917.

Иоффе А.Е. Миссия Рута в России в 1917 годы // Вопросы истории. 1958. №9.

Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. 161 с.

Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. 364 с.

Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.

Иоффе Г.З. О формировании и развитии англо-американской буржуазной историографии Февральской революции // История СССР. 1967. №2.

Иоффе Г.З. Против буржуазных фальсификаций истории Великого Октября. М., 1977.

Иоффе Г. Революция и судьба Романовых. М., 1992.

Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

Иоффе Г.З. 1917 год: уроки Мартова // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994.

Иоффе Г.З. Февральская революция. Крушение царизма // Вопросы истории КПСС. 1990. №11.

Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 года в англо-американской историографии. М., 1970.

Иоффе Г.З., Пушкарева И.М. «Контрюбилейная» англо-американская литература о Февральской революции в России // Свержение самодержавия. М., 1970.

Иоффе Г.З., Тютюкин С.В. Меньшевики // Наука и жизнь. 1990. №11.

Иного не дано: Судьба перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение в будущее. М., 1988.

Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985.

Искендеров А.А. Российская монархия, реформы и революция // Вопросы истории. 1993. №3, 5, 7; 1994. №1, 6; 1999. №1, 9.

Историки отвечают на вопросы: Сборник. М., 1988.

Историки спорят. 13 бесед. М., 1999.

Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин, 1981. 110 с.

Историческая наука в России в XX веке. М., 1997. 568 с.

Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999.

Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М., 1979.

Исторический опыт Великого Октября и критика буржуазной историографии. М., 1977.

Исторический опыт трех российских революций. Кн.3. Коренной поворот в истории человечества: Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1987. 665 с.

Исторический опыт трех российских революций. Кн.2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России. М., 1986. 415 с.

История ВКП(б). Т.IV. М.-Л., 1929, 1938-55.

История войн. В 2-х т. М., 1997.

История дипломатии. В 5-ти т. М., 1965.

История и психология. М., 1971.

История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. М., 1966-1968. Т.2, 3.

История КПСС в вопросах и ответах. М., 1986. 250 с.

История национальных политических партий России. М., 1997.

История первой мировой войны. 1914 – 1918. В 2-х т. М., 1975.

История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. М., 1994.

История России XX век. М., 1997.

История СССР. В 12-ти т. М., 1968.

Источниковедение истории советского общества. М., 1964.

Кабанов В.В. Влияние войн и революций на крестьянство // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.

Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917 – 1920 гг. М., 1988.

Казакова Л.А., Гавлин М.Л. Великий Октябрь и буржуазная «социология революции». М., 1987.

Казарова Н.А. Ю.О. Мартов. Штрихи к политическому портрету. Ростов-на-Дону, 1998. 468 с.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция. В 2-х т. М., 1990.

Калашников В.В. Английская и американская буржуазная историография стратегии и тактики партии большевиков в Октябрьской революции. Л., 1986.

Кальницкий Я. От Февраля к Октябрю: Сб. статей. М., 1923.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. М., 1990.

Кандидов Б. Религия в царской армии. М., 1929.

Кандидов Б. Церковный фронт в годы мировой войны. М., 1929. 96с.

Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974. 431с.

Канев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987.

Канигулов С.Г. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны. М., 1957. 180 с.

Кантор В. Российское своеобразие: генезис и традиции // Свободная мысль. 1994. №10.

Канун революции. Пг., 1918.

Капустин М.И. Заговор генералов. М., 1968. 380 с.

Капустин М. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М., 1990.

Капустин М.И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957. 320 с.

Капшуков С.Г. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны. (1914 – март 1917 гг.). М., 1957. 164 с.

Кареев Н.И. О происхождении и значении теперешней войны. Пг., 1916.

Карнишин Ю.В. Прелюдия Февраля: Влияние первой мировой войны на массовые настроения провинциального общества // Февральская революция и судьбы демократии в России. Ставрополь, 1997.

Касаров Г.Г. Стачки в России. 1914 – февраль 1917 г. Хроника. М., 1989.

Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.

К вопросу о русской армии. Париж, 1921. 16 с.

Керсновский А. История русской армии. В 4-х т. М., 1994.

Керсновский А. Упущенная возможность//Российский военный сборник. №9.

Керсновский А.А. Философия войны. Белград, 1939.

Кизеветтер А.А. Общие настроения русской истории в современной литературе // Современные записки. 1928. Кн.XXXVII.

Кизрин И.Г. Распад старой армии. Воронеж, 1931.

Кин Д. Война и Февральская революция. М., 1924. 60 с.

Кин Д. Путь к Октябрю. М., 1924. 84 с.

Кирьянов Ю.И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911 – 1917 гг. М., 2001. 464 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998.

Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900 – 1917. М., 2003. 352 с.

Кирьянов Ю.И. Численность и состав крайне правых партий в России (1905 – 1917 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. 1999. №5.

Книга о войне. Пг., 1915.

Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. Спб., 1998. 494 с.

Коваленко Н.А. Аппарат управления Временного правительства первого состава: структура и функции // Власть и общество в истории России. М., 1999.

Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Кожинов В. Западные страницы истории XX века. М., 1995.

Колесников Л.А. Основы теории системного подхода. Киев, 1988.

Колесников Н.В. Нравственный элемент. Сборник бесед с юнкерами и нижними чинами. Казань, 1916. 46 с.

Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984.

Количественные методы в советской и американской историографии / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, В.А. Тишков. М., 1983.

Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. №1.

Колоницкий Б.И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

Колоницкий Б.И. Правоэкстремистские силы в марте – октябре 1917 г. (на материалах петроградской печати) // Национальная правая прежде и теперь. Ч.1. СПб., 1992.

Комин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969.

Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965. 644 с.

Комин В.В. Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в 1917 году. Ч.1. 1900 – июнь 1917 гг. Калинин, 1970. 277 с.

Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий. Ч.2. июль 1917 1923 гг. Калинин, 1970. 490 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Коников Е.В. Борьба большевиков за демократический мир среди солдат действующей армии, март 1917 – март 1918 гг. Саратов, 1981. 198с.

Консерватизм в России («круглый стол») // Социс. 1993. №1.

Кораблев Ю.И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970. 462 с.

Коробков А.А. Массовое сознание и власть // Гуманитарные науки. Сб. статей. Выпуск третий. М., Изд-во МАДИ (ТУ), 1998.

Королева Л.И. Большевистские военные организации в борьбе за преодоление оборонческих настроений среди солдатских масс в период мирного развития революции (март – июль 1917) // Великий Октябрь и первые годы социалистического строительства (1917 – 1925 гг.). Ярославль, 1987.

Корнаков П.А. Символика и ритуалы революции 1917 года // Анатомия революции. СПб., 1994.

Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981. 192 с.

Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946.

Котеленец Е.А. Ленин как предмет исторического исследования. М., 1999.

Кочетков Г.Н. Россия в 1917 году: выбор пути исторического развития (историография проблемы) // Европейская историография XX века. Ярославль, 1992.

Крамник В.В. К вопросу о психологическом аспекте истории политических движений. М., 1971.

Красин Ю.А. Революцией устрашенные. М., 1975.

Красин Ю.А. «Социология революции» против революции. М., 1966.

Краснов П.Н. Душа армии: Очерки по военной психологии. С предисловием проф. генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. Берлин, 1927.

Крастынь Я. Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны (1914 – 1916). М., 1932.

Крах керенщины. Л., 1982.

Кривцов Е. Книга и газета на войне // Военный сборник. 1915. №11.

Кризис самодержавия в России. 1895 – 1917. Л., 1984.

Критика западногерманского «Остфоршунга» М., 1966.

Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983.

Критический марксизм: русские дискуссии. М., 1999.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Ксенофонтов И.Н. Выход Советской России из империалистической войны. М., 1989.

Ксенофонтов И.Н. Мир, который хотели и который ненавидели. М., 1990.

Кувшинов В.А. Партия большевиков после свержения самодержавия (март – начало апреля 1917 года). М., 1975. 248 с.

Кувшинов В.А. Политические партии в России в 1917 году // Вопросы истории КПСС. 1990. №2.

Кувшинов В.А. Программа партии кадетов // Вопросы истории КПСС.1991. №8.

Кувшинов В.А. Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов (февраль – октябрь 1917). М., 1982. 240 с.

Кувшинов В.А., Казаченко Е.В. Борьба большевиков против буржуазных партий в период от Февраля к Октябрю: Историография. М., 1990. 136 с.

Кудинова Н.Г. Отечественная историография революции 1917 года в России (1917 – 1995 гг.). Хабаровск, 1998.

Кудряшов П. Идейные горизонты мировой войны. М., 1915. 206 с.

Кузьмин С.А. Война народов. (Психологический очерк). Пг., 1915.

Кулешов С. Писать о Феврале навзрыд // Родина. 1996. №2.

Кулешов С.В. Страна Советов от Октября до наших дней. Прага, 1987.

Кульчицкий В.М. Советы молодому офицеру. Харьков, 1917. 40 с.

Куренышев А.А. Крестьянство России в период войны и революции 1917 – 1920 гг. (историографические аспекты) // Вопросы истории. 1999. №4-5.

Куропаткин А.Н. Влияние произведений графа Льва Толстого на умственное развитие наших офицеров и нижних чинов // Военный сборник. 1911. №4.

Куталия В.А. О политической армии Октябрьской революции. М., 1986.

Кучкин А. Февральская буржуазно-демократическая революция. М., 1938.

Лаверичев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. 320 с.

Лаверичев В.Я. По ту сторону баррикад. М., 1967.

Лаврин В.А. Большевистская партия в начале первой мировой войны (1914 – 1915 гг.). М., 1972.

Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917 – 1918 годах). М., 1996. 237 с.

Де Лазари А.Н. Мировая империалистическая война 1914 – 1918 гг. М., 1934.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. 336 с.

Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. М., 1978.

Лейберов И.П., Марголис Ю.Д., Юрковский Н.К. Традиции демократии и либерализма в России // Вопросы истории 1996. №2.

Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М., 1990.

Леонов С.В. Рождение советской империи. Государство и идеология. 1917 – 1922 гг. М., 1997.

Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914. М., 1995.

Лехович Д. Деникин. Жизнь русского офицера. М., 2004. 888 с.

Либерализм в России. М., 1996.

Литвин А. Правые эсеры // Наука и жизнь. 1991. №3.

Локоть Т.В. Смутное время и революция. (Политические параллели 1613 – 1917 гг.). Берлин, 1923.

Лосева А.В. Банкротство Трудовой народно-социалистической партии (февраль 1917 – 1922 гг.). М., 1979.

Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992.

Лукманов А.Х. Борьба за армию в 1917 году (февраль – октябрь). М., 1991.

Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994.

Лытов Б.В. Борьба В.И. Ленина против оппортунизма по военным вопросам (1914 – 1920 гг.). М., 1987. 195 с.

Лытов Б.В. Исторический опыт функционирования многопартийной системы в первые годы существования государства и его использования в современных условиях. М., 1991.

Любимов И.Н. Революция 1917 года. М.-Л., 1930.

Любош С. Последние Романовы. М.-Л., 1924.

Люкшин Д.И. 1917 год в деревне? общинная революция? // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.

Мазаис Д. Военная организация XII армии // Пролетарская революция. 1922. №8.

Малофеев Л.Ф. Величие Октября и банкротство его критиков. М., 1982.

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2-х т. М.-Л., 1930.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Марков Н.Е. Войны темных сил. В 2-х т. Париж, 1928-1930. М., 1993.

Мартынов А.С. Две диктатуры. Пг., 1918.

Мартынов А.С. О меньшевизме и большевизме. М., 1923.

Мартынов Е. Корнилов. Попытка военного переворота. М., 1927. 196 с.

Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. 212 с.

Марушкин Б.И. История и политика. Американская историография Советского общества. М., 1969.

Марушкин Б., Иоффе Г., Романовский Н. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977.

Массовые исторические источники (определение, классификация, методы исследования). Свердловск, 1991.

Медведев А.В. Разоблачение В.И. Лениным социал-шовинизма и пацифизма социалистов-революционеров в годы первой мировой войны // В.И. Ленин о характере и особенностях большевистской пропаганды и агитации в условиях мировой империалистической войны. Горький, 1987.

Медведев Р.А. Русская революция 1917 год: победы и поражения большевиков. К 80-летию русской революции 1917 года. М., 1997.

Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.

Меликян Г.С. Октябрьская революция и Кавказская армия. Ереван, 1989.

Мельгунов С. Золотой немецкий ключ большевистской революции. Париж, 1940.

Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. (Канун революции). Париж, 1957. 505 с.

Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961.

Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 г. Париж, 1953.

Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. 234 с.

Меницкий И.А. Революционное движение военных годов. (1914 – 1917). Очерки и материалы. В 2-х т. М., 1924.

Меньшевизм и меньшевики: Сборник статей. М., 1998.

Меньшевики / Сост. Ю. Фельштинский. Cnalidge Publications. Benson, Vermont, 1988.

Меньшиков М. Центральная цитадель нации // Российский военный сборник. 1995. №9.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Месснер Е., Вакар В., Вербицкий Ф., Гранитов В. и др. Российские офицеры / Южно-Американский отдел Института по исследованию проблем войны и мира им. ген. проф. Н.Н. Головина. Буэнос-Айрес, 1959.

Метелица Д.А. Борьба партии большевиков за солдатские массы в трех революциях (историография вопроса). Харьков, 1984.

Мещеряков Н.Л. Партия социалистов-революционеров. В 2-х ч. М., 1922.

Миллер В.И. Военные организации меньшевиков в 1917 г. // Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917 – 1922. Сборник научных трудов. В 2-х частях. М., 1977. Ч.II.

Миллер В.И. Военные организации партии большевиков в 1917 году // Вопросы истории КПСС. 1980. №5.

Миллер В.И. Гражданская война: исторические параллели // Свободная мысль. 1993. №15.

Миллер В.И. К вопросу о состоянии партии меньшевиков осенью 1917 года // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980.

Миллер В.И. К вопросу о сравнительной численности партий большевиков и меньшевиков в 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1988. №12.

Миллер В.И. К истории борьбы непролетарских партий за армию в 1917 г. // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Матер. конфер. М., 1982.

Миллер В.И. Меньшевистская партия в 1917 году. Фрагменты истории в оценках российского исследователя // Меньшевики в 1917 году. В 3-х т. М., 1994.

Миллер В.И. Осторожно: история. М., 1997.

Миллер В.И. Революция в России. 1917 – 1918. Проблемы изучения. М., 1995.

Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году. (Возникновение и начальный период деятельности). М., 1974. 319 с.

Миллер В.И. Этнонациональные факторы революционного процесса // Кентавр. 1992. №3-4.

Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4-5.

Минин А.А. Дух разрушения в русской революции // Год русской революции. М., 1918.

Минц И.И. Год 1918-й. М., 1982.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Минц И.И. Империалистическая война и вторая русская революция. М., 1940.

Минц И.И. История Великого Октября: В 3-х т. Изд. 2-е. М., 1977-1979.

Мировые войны XX века. В 4-х кн. М., 2002. Кн.1,2.

Мироненко С.М. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XX века. М., 1989.

Миронов Б.М. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис, личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 1999. Т.1. 548 с; Т.2. 566 с.

Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.

Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998.

Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны: октябрь 1917 – 1920. М., 2002. 272 с.

Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907 – 1914 гг. М., 1998. 623 с.

Мультатули П.В. Господь да благословит решение мое... Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002. 349 с.

Муратов Х.И. Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1958. 391 с.

Назаров М. Заговор против России. М., 1995.

Назаров М.В. Тайна России. Историософия XX века. М., 1999.

Назаров М.М. Политические сознание: особенности и тенденции. М., 1991.

Накануне мировой войны. М., 1917.

На пути к победе. Из революционной истории Горного института. Л., 1925.

Народ и армия: Сборник военно-политических статей. Пг., 1918. 212 с.

Наумов Н.В. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975.

Наумов Н. Война 1914 – 1918. М., 1930.

Национальная политика России: История и современность. М., 1997.

Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. СПб., 1992.

Неизвестная Россия. XX век. В 5-ти кн. М., 1992-1993. Кн.2, 4.

Немцов А.Г. Кого мы судим? (К процессу правых эсеров). Пугачев, 1922.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. 1917 – 1922 гг. Сб. научных трудов. М., 1977. Ч.1. 324 с.

Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. Материалы конференции. М., 1982. 253 с.

Непролетарские партии России в трех революциях. Сборник статей. М., 1989. 321 с.

Непролетарские партии России в 1917 г. и в годы гражданской войны: Материалы науч. симпозиума. М., 1980. 243 с.

Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. 566 с.

Нестеров В. Воспитание солдата. Томск, 1915. 77 с.

Николаев А.Б. Думские комиссары в русской армии (февраль – март 1917 года) // Новый часовой. 1996. №4.

Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль – март 1917 г.): Персональный состав // Из глубины времен. СПб., 1995. №5.

Николаев А.Б., Поливанов О.Л. К вопросу об организации власти в феврале – марте 1917 г. // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

Николаевский Б. Меньшевики в первые дни революции // Меньшевики. Бенсон, 1988.

Николаевский Б.Н. П. Гарви в России. Статьи о жизни и деятельности П.А. Гарви. Нью-Йорк, 1946.

Николаевский Б.Н. Русские масоны и революция. М., 1990.

Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995.

Николай II и великие князья. Л., 1925.

Носков А.П. О взаимодействии теоретического и обыденного сознания при формировании политических убеждений трудящихся в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып.1. 1973. №1. Новосибирск, 1973.

Оборона революции и задачи социал-демократии. Пг.-М., 1920.

Общество мира в Москве. Вып.1. 1909 – 1910 гг. М., 1911.

Овруцкий Л.М. Ричард Пайпс о левых эсерах: работа над ошибками // Отечественная история. 1996. №1.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991.

Окороков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. 414 с.

Олейник О.Ю., Меметов В.С. Интеллигенция, эмиграция, Отечество: проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20-30-х годов XX века. Иваново, 1997. 244 с.

Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. М., 1995. 238 с.

Октябрьская революция: Вопросы и ответы. М., 1987. 480 с.

Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник. М., 1992.

Октябрьская революция: ожидания и результаты // Отечественная история. 1993. №4.

Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. 240 с.

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980.

Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997.

Орлов Н.А. Нравственный элемент в военном деле. Пг., 1914.

Осипов И.Д. Философия русского либерализма XIX – начала XX века. СПб., 1996.

Острецов В. Масонство, культура и русская история. М., 1998.

Отечественная война 1914 г. Начало войны. Общенародное воодушевление. М., 1915. Т.1.

Отечественная философская мысль о войне, армии, воинском долге: Хрестоматийный сборник. М., 1995. 368 с.

О характере, движущих силах и перспективах Октябрьской революции. Л., 1932. 89 с.

Очерки истории идеологической деятельности КПСС. 1938 – 1961 гг. М., 1986.

Очерки по истории исторической науки в СССР. М., 1985.

Очерки по истории Октябрьской революции / Под ред. М.Н.Покровского. В 2-х т. М.-Л., 1927.

Очерки русского самосознания. СПб., 1994.

Павлов А.Ю. Русские войска во Франции в период Первой мировой войны // Новый часовой. 1994. №2.

Павлов В.С. О борьбе В.И. Ленина, большевиков против троцкистов по вопросам войны, мира и революции. (1914 – февраль 1917 гг.) // Ленинская партия

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

в борьбе против мелкобуржуазной революционности в дооктябрьский период. Смоленск, Брянск, 1988.

Павлович М.П. Мировая война 1914 – 1918 г. и грядущие войны. Харьков, 1923.

Павлович М.П. Что такое империализм? Пг., 1918.

Павлюченков С.А. Крестьянский Брест. М., 1996.

Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1992. 350 с.

Панкратов Н.Р. Разработка В.И. Лениным военной программы пролетарской революции. М., 1980. 211 с.

Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. М., 1996.

Партия большевиков в годы первой мировой войны. Свержение монархии в России / Под ред. С.И. Мурашова. М., 1963.

Партия и армия. М., 1980. 414 с.

Партия и Великий Октябрь: Историографический очерк. М., 1976. 294 с.

Партия капиталистической реставрации (меньшевики). М., 1923. 40с.

Партия русских национальных социалистов: Основы партии. М., 1917.

Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М., 1966.

Пенько В.Л. Роль политического сознания в содержании субъективного фактора. М., 1985. 159 с.

Пепелищев В.Е. Душа русского воина. (Историко-психологический очерк). Пг., 1917.

Первая мировая война. М., 1968. 375 с.

Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. 398 с.

Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. 502 с.

Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» // Новая и новейшая история. 1994. №4-5.

Первая мировая война и XX век. Материалы международной конференции. М., 1995. 254 с.

Первая мировая. История Отечества в романах, повестях и документах. Век XX. М., 1989.

Первая мировая война и участие в ней России. Материалы научной конференции. В 2-х ч. М., 1994.

Первая мировая война: политика, идеология, историография (к 75-летию начала войны): Межвузовский сборник. Куйбышев, 1990. 155 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. 700 с.

Первый штурм: Сборник. М., 1991.

Переписка на исторические темы. М., 1989.

Петрищев А. Внутренняя летопись // Русское богатство. 1917. №4-5.

Петров М.А. Формирование эстонских национальных полков в 1917 г. // Первая мировая война. 1914 – 1918. Сб. статей. М., 1968.

Пионтковский С.А. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход 1-3 изд. М.-Л., 1923-1936.

Пионтковский С.А. Октябрь 1917. М.-Л., 1927. 108 с.

Пионтковский С. Февральская революция. (Политический очерк). Л., 1925.

Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. №3.

Пластинин В.Н. Партия большевиков и демобилизация старой армии (ноябрь 1917 г. – март 1918 г.) // Труды Воронежского университета, 1969. Т.85.

Платонов О. Николай Второй в секретной переписки. М., 2005. 800 с.

Платонов О.А. Николай II: Царствование и мученический конец. М., 1999.

Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996.

Плютто П.А. А.А. Богданов о несоциалистическом характере Октябрьской революции // Социс. 1992. №4.

Подболотов П.А. Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975.

Подболотов П.А., Спирин Л.М. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988. 246 с.

Поддубный Н.В. Синергетика, диалектика самоорганизующихся систем: Онтологические и гносеологические аспекты. Ростов-на-Дону, 1999.

Поиски альтернативных структур в исторической науке. М., 1990.

Покровский И. Перуново заклятье / Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990.

Покровский М.Н. Избранные произведения. В 4-х кн. М., 1967.

Покровский М.Н. Империалистическая война. Сборник статей. М., 1934.

Покровский М.Н. Октябрьская революция. Сборник статей 1917 – 1927. М., 1929.

Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения России XIX-XX вв. М., 1924. 127 с.

Покровский М.Н. Противоречия г-на Милюкова. М., 1922. 86 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Покровский М.Н. Царская Россия и война. М., 1924.

Покровский М. Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров». М., 1922. 75 с.

Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России 1905 – 1917 гг. М., 1990. 389 с.

Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918 г. М., 1976.

Политическая история Отечества. 1861 – 1920. Хрестоматия. М., 1991.

Политическая история России в партиях и лицах / Сост. В.В. Шелохаев. М., 1994. 364 с.

Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2-х т. М., 1996.

Политические партии в зеркале энциклопедии: Проблемы и решения // Отечественная история. 1997. №3.

Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.

Политические партии и русская революция. М., 1922.

Политические партии России: история и современность. М., 1999.

Политические партии. История и современность. Научно-республиканская конференция. Тезисы докладов и сообщений. Орел, 1994.

Политические партии России. Страницы истории. М., 2000.

Полнер Т.И. Жизнь и деятельность князя Г.Е. Львова. Париж, 1926. 258 с.

Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999.

Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М., 1995.

Понамаренко Н.Е. Памятка офицерам-воспитателям русского солдата. Одесса, 1916. 38 с.

Пономарев А.Я. Нельзя строить армию без репрессий // Военно-исторический журнал. 1989. №8, 10.

Попов Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии. М., 1924. 120 с.

Попов Н. Что должен знать каждый рабочий о процессе с-ров. М., 1922.

Пороховщиков А.А. Мировая война – мировой перелом. Радостные вести из сердца святой Руси. М., 1915. Вып.4.

Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военноначальников. М., 1994.

Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. 232 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.

Последняя война в Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Междунар. науч. конф., Москва, 7-8 сентября 2004 г. / Отв.ред. В.П.Козлов. М., 2006. 388 с.

Поссе В.А. История современной России. Царствование Императора Николая II. СПб., 1913. Вып.1.

Постников С.П. Библиография русской революции и гражданской войны. (1917 – 1921). Прага, 1938.

Почему победили большевики: Ответ фальсификаторам истории Великого Октября / Голубева Е.И., Горелов И.Е., Есиева Ф.Б. и др. М., 1987. 298 с.

Правая группа Государственного Совета в 1906 – 1917 годах // Отечественная история. 1998. №3.

Пресняков А.Е. Первый опыт истории русского самосознания. СПб., 1901.

Пригожин И., Стенсерс А. Порядок из хаоса. М., 1995.

Прихватилов А.И. В.И. Ленин и советская военная печать. Л., 1976.

Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 – 1917 гг.). М., 1975.

Проблемы исторического познания. М., 1999.

Проблемы философии истории: традиция и новация в социокультурном процессе. М., 1989.

Протасов Л.Г. Армия в политических концепциях меньшевиков и эсеров в 1917 г. // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Матер. конфер. М., 1982.

Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива // Отечественная история. 1993. №5.

Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997. 368 с.

Протасов Л.Г. К истории борьбы эсеров за армию // Непролетарские партии России в трех революциях: Сб. статей. М., 1989.

Протасов Л.Г. Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем // История СССР. 1977. №1.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Протасов Л.Г. «Кто был кто» во Всероссийском Учредительном собрании // Крайности истории и крайности историков. М., 1997.

Протасов Л., Протасова О. Народные социалисты // Родина. 1994. №10.

Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004. 240 с.

Пушкарева И.М. Февральская революция 1917 года в России. М., 1982.

Пушкарский Н.Ю. Всероссийский император Николай II: (1894 – 1917). Жизнь. Царствование. Трагическая смерть. Саратов, 1995.

Рабинович С.Е. Армейская печать в борьбе за армию // Война и революция. 1927. №10-11.

Рабинович С.Е. Большевистские военные организации в 1917 г. // Пролет. революция. 1928. №6-7.

Рабинович С.Е. Борьба за армию в 1917 г. М., 1930. 210 с.

Рабинович С.Е. Всероссийская военная конференция большевиков 1917 года. М., 1931. 88 с.

Рабинович С.Е. Работа большевиков в армии в 1917 г. // Война и революция. 1927. №6.

Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997.

Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX века. СПб., 1994.

Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917. М., 1982.

Радванский Ф. Любовь к Родине и братство народов. М., 1917.

Радзинский Э.С. Господи… Спаси и умири Россию. Николай II: жизнь и смерть. М., 1999.

Разгон А., Овруцкий Л. Левые эсеры // Наука и жизнь. 1991. №4.

Рахманин В.С. Политическое сознание масс в революционной ситуации // Философские науки. 1979. №1.

Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сборник статей. М., 1981. 295 с.

Революция и реформа: их влияние на историю общества // Новая и новейшая история. 1991. №2.

Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.

Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.

Режепо П. Статистика генералов. СПб., 1908. 25 с.

Реформы или революция? СПб., 1992. 395 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Риттих А. Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб., 1893.

Роговин В. Мировая революция и мировая война. М., 1998. 416 с.

Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. В 2-х т. М., 1928.

Розенблюм Д. Противоречия русской революции // Год русской революции. 1917 – 1918. М., 1918.

Розенблюм Д. Социально-психологические основы большевизма // Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. М., 1918.

Розенталь И.С. Культурно-просветительные организации и углубление классового сознания российского пролетариата (1907 – 1917 гг.) // Рабочий класс и рабочее движение в России в период империализма. М., 1979. Вып.55.

Романов Н.О. О подвигах русского солдата в XIX столетии и об его любви к Родине // Родина. 1993. №1.

Романовский Н.В. Критика фальсификации роли ленинской партии в трех революциях. М., 1979.

Романовский Н.В., Левин Б.В. Классы и политические партии в период Октябрьской революции // Вопросы истории КПСС. 1990. №11.

Романовский Н.В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977.

Росс Н.Г. Ударные части в русской армии (весна – лето 1917 г.) // Новый часовой. 1994. №2.

Российские либералы / под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001.

Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994.

Россия в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917. СПб., 1993.

Россия в XIX-XX вв.: Взгляд зарубежных историков. М., 1996.

Россия и первая мировая война. (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. 563.

Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. 380 с.

Россия, 1917 год: Выбор исторического пути. М., 1989.

Россия 1917. От Февраля к Октябрю глазами французов // Вопросы истории. 1998. №1.

Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. 387с.

Ртищев Ф. Партия стихийно демобилизовавшейся армии // Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. М., 1918.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917 – 1918 г.). М., 1968. 399 с.

Рубинштейн Н. Большевики и Учредительное собрание. М., 1938.

Руднев В. Армия и революция // Российский военный сборник. Вып.3. М., 1994.

Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. 567 с.

Русская литература о войне, 1914. М., 1915.

Русская эмиграция до 1917 – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. 248 с.

Русские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.

Русские. Этно-социологические очерки. М., 1992.

Рысс П. Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921.

Рязанов А. Армия и толпа. СПб., 1910. 102 с.

Рязанов А.С. Военная психология как наука. СПб., 1909.

Рязанов А. Из области военной психологии // Военный сборник. 1908. №1.

Сазонов И.С. Большевистское слово. Идейно-политическая работа большевиков Петрограда в 1917 году. Л., 1978. 359 с.

Салов В.И. Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М, 1960.

Салов В.И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977.

Салов В.И. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968.

Самошкин М.И. В.И. Ленин о мелкобуржуазной сущности социал-пацифизма в годы первой мировой войны // Ленинская партия в борьбе против мелкобуржуазного революционаризма в дооктябрьский период. Смоленск, Брянск, 1988.

Сапожников Н.М. Структура политического сознания. Минск, 1969. 163 с.

Сатюков П.А. Большевистская печать в период империалистической войны и второй революции в России. М., 1951.

Сахаров А. Судьба мелкобуржуазных партий // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. Кн.2. М., 1989.

Седенко Ф.И. Действенный социализм и интернационализм. Псков, 1917.

Секеринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX – начало XX веков). М., 1995. 286 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Селезнев Г.К. Тень доллара над Россией. М., 1957.

Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. 364 с.

Семенов Г. (Васильев). Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917 – 1918 гг. М., 1922. 39 с.

Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы первой мировой войны. М., 1998.

Семенников В.П. Монархия перед крушением. 1914 – 1917. М., 1927.

Семенников В.П. Политика Романовых накануне революции. М.-Л., 1926.

Семенникова Л.И. Была ли Октябрьская революция? // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1993.

Семенникова Л.И. В поисках новой научной парадигмы // Отечественная и всеобщая история. Методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993.

Семенникова Л.И. Партия большевиков во главе Октябрьского вооруженного восстания. (Современная советская историография). М., 1988.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1995.

Семенникова Л.И. Февраль 1917: Россия в поисках общественного идеала // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1992.

Сенин А.С. А.И. Гучков. М., 1996.

Сенин А.С. Армейское духовенство России в первую мировую войну // Вопросы истории. 1990. №10.

Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. №10.

Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. №3.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

Сенявская Е.С. Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997.

Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. №3.

Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы первой мировой войны. М., 1996.

Сергиенко П.А. Массовое политическое сознание: проблемы формирования и развития. Киев, 1991. 176 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Сивохина Т.А. Крах мелкобуржуазной оппозиции. Л., 1973.

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. (Социологический очерк). М., 1996.

Синергетика и методы науки. СПб., 1998.

Скворцов В.К. Классы и партии России в период от Февраля к Октябрю 1917 года. Казань, 1992. 106 с.

Слоним М. Великий неудачник // Революционная Россия. Прага, 1924. №33-34.

Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. М., 1975. 314с.

Смилга И.Т. Строительство армии. Гтг., 1919.

Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906 – 1917гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998.

Смольников А.С. Армия победившей революции: (Советская историография большевизации армии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1984. 191 с.

Смольников А.С. Большевизация XII армии Северного флота в 1917 г. М., 1979. 200 с.

Смольянинов М.М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. Минск, 1981. 159 с.

Смольянинов М.М. Революционная пропаганда солдат Западного фронта. Минск, 1991.

Смольянинов М.И. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 году. Минск, 1991. 262 с.

Соболев Г.Л. Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т.1.

Соболев Г.Л. Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993.

Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (период двоевластия). Л., 1973. 330 с.

Соболев Г. Тайна «немецкого золота». СПб., 2002. 480 с.

Соболев Л.Г. Октябрьская революция в американской историографии, 1917 – 1970 годы. Л., 1979.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Соболева П.И. Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира. М., 1965. 193 с.

Соболева П.И. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968. 351 с.

Советская историография. М., 1996.

Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов. М., 1979.

Советы в Октябре. М., 1928.

Солдатенко В.Ф. О политической армии Великого Октября // Вопросы истории КПСС. 1989. №10.

Солнцева С.А. Комиссары в армии революционной России // Отечественная история. 2002. №3.

Солнцева С.А. 1917: кадровая политика революции в российской армии // Отечественная история. 2004. №3.

Соловьев О.Ф. Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 – июль 1918). М., 1967.

Соломон Г.А. Ленин и его семья. Париж, 1931.

Соломон Г.А. Среди красных вождей. В 2-х т. Париж, 1930.

Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991.

Социальная философия Франкфуртской школы. М., 1979.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914 – 1917гг. В 3-х т. Нью-Йорк, 1960.

Спиридович А.И. История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883 – 1903 – 1917. Париж, 1922.

Спиридович А.И. Партия с.-р. и ее предшественники. 1886 – 1916. Пг., 1918.

Спиридович А.И. Партия эсеров. 1883 – 1917 гг. М., 1918.

Спиридович А.И. Распутин. Париж, 1935.

Спиридович А.Н. Революционное движение в России. В 2-х т. Пг., 1916.

Спиридович А.И. Революционное движение в России в период империи. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918.

Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917 – 1920). М., 1968. 438 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. 360 с.

Спирин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. 333 с.

Спирина М.В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987. 208 с.

Споры об Октябре вчера и сегодня // Коммунист. 1990. №15.

Стальный В. Кадеты (конституционно-демократическая партия народной свободы). Харьков, 1929. 62 с.

Старцев В.И. Вопрос о власти в октябрьские дни 1917 г. // История СССР. 1987. №5.

Старцев В.И. Л.Д. Троцкий (страницы политической биографии). М., 1989.

Старцев В.И. Крах керенщины. Л., 1982. 272 с.

Старцев В.И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 1994.

Старцев В.И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 года. М., 1978.

Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905 – 1917 гг. Л., 1977.

Старцев В. Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917 года: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991.

Стеклов Ю. Партия с.-р. (правых эсеров). М., 1922.

Стеклов А.П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. 1914 – 1917 гг. Тбилиси, 1969. 291 с.

Степанов А.И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.

Степанов А.И. Россия в первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти. М., 2000. 220 с.

Степанов А.И. Россия перед Красным Октябрем // Россия XXI. №11-12.

Степанов А.И. Россия, СССР в мировых войнах XX в. // Россия XXI. 1994. №11-12.

Стратегический очерк войны 1914 – 1918 гг. М., 1923.

Стрелков А.В. Освещение в современной западногерманской историографии проблем Октябрьской революции в 1917 г. в России. М., 1997.

Сурай Ю.И. Большевистская военная печать в борьбе против «революционного оборончества» солдатских масс (март – июль 1917 года) // Научные труды по истории КПСС. Вып. 114. Киев, 1981.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Такман Б. Августовские пушки. М., 1972.

Таленский Н.А. Первая мировая война. 1914 – 1918: (Боевые действия на суше и на море). М., 1944.

Талин В.И. У гроба великого диктатора // Заря. Берлин. 1924. №1(33).

Тарле Е.В. Два заговора // Соч. в 12-ти т. М., 1961. Т.11.

Телицин В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

Тельпуховский Б.С. КПСС во главе строительства Вооруженных Сил СССР: октябрь 1917 – 1982 гг. Исторический очерк. М., 1983. 285 с.

Темкин Я.Г. Большевики в борьбе за демократический мир. (1914 – 1918 гг.). М., 1957. 434 с.

Тимофеевский А.А. Ленинская партия в борьбе против социал-шовинизма, центризма и сектантства в годы первой мировой войны // Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. Сб. статей. М., 1966.

Титлинов Б. Политические партии в свете христианства // Всероссийский церковно-общественный вестник. Пг., 1917. 5 августа.

Тищенко Е.В. Меньшевики в 1917 – 1921 годах. М., 1996.

Токарев А.И. Выбор пути: партии о путях развития России от Февраля к Октябрю 1917 года. Уфа, 1994.

Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976.

Трудные вопросы истории. М., 1991. 272 с.

Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917 – 1929 гг. М., 1994.

Тумаринсон В.Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. (Опыт исторической реконструкции). М., 1994.

1917 год в исторических судьбах России. Научная конференция «Проблемы истории Февральской революции». Материалы первой сессии. Февраль 1992 года / Под ред. В.А. Корнилова. М., 1992. 180 с.

1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. 510 с.

1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. 400 с.

Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России. 1914 – 1917 гг. М., 1972. 304 с.

Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Тютюкин С.В. К вопросу о революционном шовинизме в годы первой мировой войны // Первая мировая война. 1914 – 1918. М., 1968.

Тютюкин С.В. Меньшевизм: Страницы истории. М., 2002. 560 с.

Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998.

Тютюкин С.В. Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная история. 1998. №1.

Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996.

Тяжельникова В.С. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999.

Ударцев С.В. Политическая и правовая история анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994. 382 с.

Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). В 2-х ч. М., 2000-2001.

Урилов И.Х. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. 472 с.

Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб., 1994.

Устинов Г. Меньшевики, правые эсеры и контрреволюция. М., 1918.

Устрялов Н. В борьбе за Россию. Сб. статей. Харбин, 1926.

Устрялов Н. Революция и война. М., 1917. 28 с.

Уткин А. Первая мировая война. М., 2002. 672 с.

Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск, 2000. 640 с.

Уткин А.И. Мировая война. М., 2002. 864 с.

Ухач-Огорович Н.А. Психология толпы и армии. СПб., 1911.

Ушаков А.В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985.

Фадеев Р. Наш военный вопрос // Российский военный сборник. М., 1995. Вып.9.

Фрайман А.Л. Форпост социалистической революции. Л., 1969.

Февральская революция и судьба демократии в России. Ставрополь, 1997.

Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. М., 1990.

Фельштинский Ю. Брестский мир. Очерк первый. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Фельштинский Ю. Вожди в законе. М., 1999.

Фельштинский Ю. Деньги для диктатуры пролетариата // Родина. 1990. №11.

Фельштинский Ю.Г. Как добывали деньги для революции // Вопросы истории. 1998. №9.

Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918 г. М., 1992.

Фельштинский Ю.Г. Меньшевики. Бенсон, 1988.

Феноменов Н.Я. Русские социал-демократы и война, (За Плехановым или за Лениным?). Б.М., 1917.

Финн Э. Антисоветская печать на скамье подсудимых // Советское государство и право. 1967. №2.

Фирсов С.Л. Военное духовенство накануне и в годы Первой мировой войны // Новый часовой. 1995. №3.

Флеровский И.П. Поражение Германии в первой мировой войне 1914 – 1918 гг. М., 1944.

Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления России в годы Первой мировой войны. Л., 1988.

Флоровский Г.В. В мире исканий и блужданий // Русская мысль. 1921. Кн.X-XII.

Френкин М.С. Революционное движение на Румынском фронте 1917 – март 1918. Солдаты VIII армии Румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М., 1965. 365 с.

Френкин М. Русская армия и революция. 1917 – 1918. Мюнхен, 1978.

Фролов Ю.И. Борьба В.И. Ленина, большевиков против оппортунизма по вопросам войны, мира и революции. (1914 – 1917 гг.) // Высшая партийная школа. Ученые записки. Вып.7. М., 1997.

Фроянов И. Октябрь семнадцатого: Взгляд из настоящего. М., 2002. 256 с.

Фроянов И.А. Октябрьская революция. СПб., 1998.

Фроянов И. Погружение в бездну. М., 2002. 608 с.

Харитонов В.Л. Февральская революция в России (попытка многомерного подхода) // Вопросы истории. 1993. №11-12.

Хереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1988.

Царизм и российское общество в начале XX века. Материалы Пятой международной конференции. В 2-х ч. М., 1998.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Цехновитцер О. Литература и мировая война (1914 – 1918). М., 1938.

Цивилизационные и формационные подходы к изучению отечественной истории: теория и методология (конкретно-исторические проблемы). В 4-х вып. Вып.1. М., 1996.

Ципко А.С. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М., 1990. 271 с.

Чаадаева О.Н. Армия накануне Февральской революции. М.-Л., 1935. 80 с.

Чаадаева О. Помещики и их организации в 1917 г. М.-Л., 1928.

Черемных В.М. Борьба большевиков, ВЦИК с мелкобуржуазной оппозицией по военным вопросам (ноябрь 1917 г. – март 1918 г.) // Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917 – 1922 гг. Ч.1. М., 1977.

Черменский Е.Д. Кадеты накануне Февральской буржуазно-демократической революции // Исторический журнал. 1941. №3.

Черменский Е.Д. Февральская буржуазно-демократическая революция в России. М., 1959.

Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

Черномордик С.И. Эсеры. Харьков, 1930.

Чертищев А.В. К вопросу о численности военных организаций большевиков, меньшевиков и эсеров в действующей армии в 1917 году // Проблемы нового исторического и философского мышления. Красноярск, 1993.

Чубарьян А.О. Брестский мир. М., 1964.

Чхартишвили П.Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. №8.

Шамбаров В. Государство и революция. М., 2002. 608 с.

Шацилло В. Первая мировая война. 1914 – 1918: Факты. Документы. М., 2003. 480 с.

Шацилло К.Ф. Развитие вооруженных сил России накануне первой мировой войны. (Военные и военно-морские программы царского правительства в 1906 – 1914 гг.). М., 1969. 650 с.

Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной: (Вооруженные Силы царизма в 1905 – 1914 гг.). М., 1974.

Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907 – 1917. М., 1991. 231 с.

Шелохаев В.В. Кадеты. М., 1983.

Шелохаев В.В. Либерализм в России. М., 1995.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. 278 с.

Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. №7.

Шелохаев В.В. Николай Виссарионович Некрасов // Вопросы истории. 1998. №11-12.

Шелохаев В.В. Российские либералы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. №8.

Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. №4.

Шелохаев В.В. Судьба русского парламентария (Ф.Ф. Кокошкин) // Отечественная история. 1999. №5.

Шелохаев В.В. Теоретические представления либералов о войне и революции // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

Шелохаев В.В. Феномен многопартийности в России // Крайности истории и крайности историков. М., 1997.

Шелюбский А. Большевистская пропаганда и революционное движение на Северном фронте накануне 1917 года // Вопросы истории. 1947. №2.

Шепелева В.Б. К вопросу о духовных предпосылках исторического выбора России в 1917 году // История Советской России: Новые идеи, суждения. В 2-х ч. Тюмень, 1993.

Шестаков С.В. Историография деятельности большевистской партии в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1977. 296 с.

Шипунов В.Я. Истина Великой России. М., 1992.

Шишкин В.Ф. Великий Октябрь и пролетарская мораль. М., 1976.

Шишкин В.Ф. Революционное настроение масс в преддверии Октября // История СССР. 1977. №3.

Шкловский В. Революция и фронт. Пг., 1921.

Шкуратов В.А. Историческая психология. 2-е, переработ. изд. М., 1997.

Шляпников А.Г. и др. Кто должник? М., 1926.

Штейнберг В.А. Революционное движение в Латвии в период первой мировой войны и Февральской революции (1914 – март 1917 г.). Краткий очерк. Рига, 1954.

Шумков Г.Е. Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны за 1904 – 1905 гг. (Доклад на заседании Общества Киевских врачей 28 октября 1906 г.). Киев, 1907.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Шурыгин Ф.А. Революционное движение солдатских масс Северного фронта в 1917 году. М., 1958. 132 с.

Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // Политические исследования. 1997. №5.

Эйдельман Н.Я. Революция «сверху» в России. М., 1989.

Эйдеман Р., Меликов В. Армия в 1917 г. М., 1927. 107 с.

Эрдэ Д. Меньшевики. Харьков, 1929. 102 с.

Эсеры и их роль в Русской революции. Чита, 1922. 112 с.

Юраго М. Борьба петербургских большевиков за превращение империалистической войны в гражданскую // Исторический журнал. 1939. №9.

Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

Якобий И. Император Николай II и революция. Париж, 1938.

Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Политические исследования. 1997. №4.

Яковенко И. Россия. Интеллигенция. Революция // Свободная мысль. 1992. №11.

Яковенко И. Россия, которую мы не теряли // Родина. 1993. №8-9.

Яковлев А. Крестосев. М., 1999.

Яковлев Н. 1 августа 1914 г. М., 1967.

Якупов Н.М. Армия и политические партии России // Борьба за армию в 1917 году. (Деятельность большевиков в прифронтовых округах). М., 1975.

Якупов Н.М. Большевики во главе революционных солдатских масс. 1917 – январь 1918. Киев, 1967. 247 с.

Якупов Н.М. Борьба за армию в 1917 году. (Деятельность большевиков в прифронтовых округах). М., 1975. 294 с.

Якупов Н.М. Партия большевиков в борьбе за армию в период двоевластия. Киев, 1972. 215 с.

Якупов Н. Партия большевиков во главе революционных солдатских масс (июнь – август 1917) // Военно-исторический журнал. 1973. №4.

Якупов Н.М. Революция и мир. (Солдатские массы против империалистической войны. 1917 – март 1918 гг.). М., 1980. 244 с.

Янов А. Патриотизм и национализм в России. 1825 – 1921. М., 2002. 398 с.

Янсен М. Суд без суда. 1922. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Яров С.В. Политическое мышление рабочих в 1917 – 1923 годах: элементы трансформации // Менталитет и политическое развитие России. М., 1996.

Ярославский Е. Международное значение Октябрьской революции. М., 1934.

Ярославский Е.И. Партия большевиков в период империалистической войны. Вторая революция в России. (1914 – март 1917 гг.). М., 1946. 77 с.

Ярославский Е. Партия большевиков в 1917 году. М.-Л., 1927.

Ярцев Б. Чернов, эсеры и большевистский режим. Эволюция неонароднических оценок // Свободная мысль. 1994. №5.

б) ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Аврамиди Ю.Н. Исторический опыт борьбы большевиков против буржуазных и мелкобуржуазных партий в ходе завоевания армии на сторону социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.): Дис... к.и.н. М., 1988.

Акимов Ф.И. Большевики Украины в борьбе за солдатские массы царской армии в годы первой мировой войны (1914 – март 1917): Дис... канд. ист. наук. Одесса, 1977.

Алексеева И.В. Царизм, буржуазная оппозиция и союзники России по Антанте в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.): Дис... д.и.н. СПб., 1992.

Бибин Н.А. Совет объединенного дворянства в период первой мировой войны: Дис... докт. ист. наук. Саратов, 2002.

Божич А.С. Оппозиционная периодическая печать Москвы и Петрограда в политической борьбе (25 октября 1917 г. – июль 1918 г.): Дис... канд. ист. наук. М., 1997.

Борщукова Е.Д. Патриотическое настроение россиян в годы первой мировой войны: Дис... канд. ист. наук. СПб., 2002.

Вардацкий В.Д. Борьба партии большевиков за привлечение демократического офицерства на сторону социалистической революции (февраль 1917 – февраль 1918 гг.): Дис... канд. ист. наук. Одесса, 1984.

Вигман К.Н. Деятельность большевиков по революционизированию солдатских масс национальных формирований в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции: Дис... канд. ист. наук. Одесса, 1985.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Гаврилов Л.М. Солдатские массы действующей армии в борьбе за власть Советов: Дис… докт. ист. наук. М., 1987.

Глют В.П. Большевистские организации Северного фронта в борьбе за власть Советов (март – ноябрь 1917 г.): Дис… канд. ист. наук. Л., 1973.

Дегтярев А.П. Военные проблемы в деятельности Государственной Думы России, 1906 – 1917 гг. (Исторический опыт и уроки): Дис… канд. ист. наук. М., 1995.

Думова Н.Г. Провал политики кадетской партии в борьбе за власть буржуазии (февраль – октябрь 1917): Дис… канд. ист. наук. М., 1970.

Земцов Б.Н. Социально-психологические предпосылки революции 1917 года в России: Дис… докт. ист. наук. М., 1999.

Жуковский М.В. Военно-политические вопросы в деятельности конституционно-демократической партии (партии Народной свободы) в 1905 – октябре 1917 гг.: Дис… канд. ист. наук. М., 1993.

Журавлев В.А. Печать периода двоевластия. (Борьба за армию, март – июль 1917 г., на материалах петроградских газет): Дис… канд. ист. наук. СПб., 1991.

Иванова М.А. Роль В.А. Маклакова в общественно-политической жизни России: Дис… канд. ист. наук. М., 1997.

Казарова Н.А. Политические взгляды и деятельность Ю.О. Мартова: Дис… докт. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1999.

Колоницкий Б.И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году: Дис… докт. ист. наук. СПб., 2003.

Комаров Н.А. Военные комиссары Временного правительства, март – октябрь 1917: Дис… докт. ист. наук. М., 2001.

Концевой А.И. Военная работа большевиков в Петрограде в 1917 году (март – октябрь): Дис… канд. ист. наук. М., 1966.

Королева Л.И. Борьба партии большевиков за преодоление «революционного оборончества» масс в период двоевластия: Дис… канд. ист. наук. М., 1985.

Краснокутский В.В. Демобилизация русской армии в 1917 – 1918 годы (на примере Западного фронта): Дис… канд. ист. наук. М., 1997.

Кряжев Ю.Н. Военно-политическая деятельность Николая II Романова: Дис… канд. ист. наук. Курган, 1997.

Кубаткин В.А. Военная политика Временного правительства (март – октябрь 1917 г.): Дис… канд. ист. наук. М., 1996.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Кудинова Н.Т. Отечественная историография революции 1917 г. в России (1917 – 1995 гг.): Дис… докт. ист. наук. М., 1998.

Кузнецов Д.А. Офицерский корпус России, февраль – август 1917 г.: Дис… канд. ист. наук. Воронеж, 2000.

Лобачева Г.В. Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881 – 1917 годы): Дис… докт. ист. наук. Саратов, 1999.

Лукманов А.Х. Борьба за армию в 1917 году, февраль – октябрь: Дис… канд. ист. наук. М., 1991.

Лупоядов В.Н. Политические партии России в 1917 году: Проблемы взаимоотношения с органами власти: Дис… канд. ист. наук. М., 1993.

Мальков А.М. Разгром большевиками кадетской контрреволюции в 1917 году (февраль – октябрь): Дис… докт. ист. наук. М., 1954.

Мальцев В.В. Историография деятельности большевиков в армии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции: Дис… канд. ист. наук. М., 1987.

Мартовой А.Е. Историография деятельности большевистской партии среди солдат и матросов (август 1914 – февраль 1917): Дис… канд. ист. наук. Харьков, 1985.

Назаров А.Н. Подготовка офицерских кадров в Российском государстве (XVIII – начало XX вв.): опыт, традиции, уроки: Дис… докт. ист. наук. М., 2002.

Немченко Ю.А. Деятельность партии большевиков по интернациональному сплочению солдатских масс в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Март 1917 – январь 1917 гг. (На материалах Украины): Дис… канд. ист. наук. Одесса, 1986.

Никифорова С.М. Политическая борьба правых партий за сохранение самодержавия в России (1905 – 1917 гг.): Дис… канд. ист. наук. Орел, 1999.

Олимпиев В.В. Армия России в годы первой мировой войны: опыт строительства: Дис… канд. ист. наук. М., 1994.

Омельченко Н.А. Общественно-политическая мысль российского зарубежья об истоках, значении и историческом опыте революции 1917 года в России: Дис… докт. ист. наук. М., 1997.

Панов И.Н. Офицерский корпус Вооруженных Сил России в годы Первой мировой войны: Дис… канд. ист. наук. Киев, 1999.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Поляков В.В. Военные вопросы в деятельности политических партий правительственных коалиций (февраль – октябрь 1917 г.): исторический опыт и уроки. Дис… канд. ист. наук. Казань, 1997.

Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны, 1914 – 1918 гг.: Дис… докт. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

Рашидов Ф.А. Революция 1917 года: партии и политический выбор России: Дис… докт. ист. наук. Саратов, 1994.

Сагалаков Э.А. Институт комиссаров Временного правительства: Дис… канд. ист. наук. М., 1997.

Селецкий В.И. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме: Дис… докт. ист. наук. М., 1997.

Семенова Е.Г. Партии российской революционной демократии в годы Первой мировой войны: Дис… канд. ист. наук. М., 1995.

Сенявская Е.С. Психология российских участников войн XX века: Сравнительно-историческое исследование: Дис… докт. ист. наук. М., 1999.

Смольянинов М.М. Социалистическая революция на Западном фронте (июль – ноябрь 1917 г.): Дис… канд. ист. наук. Минск, 1977.

Степанов А.И. Россия в первой мировой войне: Проблема статуса и власти: Дис… докт. ист. наук. М., 2002.

Тарасенко И.В. Работа партии большевиков среди офицеров армии и флота в трех российских революциях: Дис… канд. ист. наук. М., 1990.

Титко В.В. Прогрессивная печать России о военно-патриотическом воспитании войск русской армии (1880 – 1917): Дис… канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 1995.

Ткачук А.Г. Революционное движение в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов накануне и в период Великого Октября. (1916 – февраль 1918): Дис… докт. ист. наук. Львов, 1968.

Френкин М.С. Революционное движение на Румынском фронте (1917 – март 1918 гг.). Солдаты 4, 6, 8, 9 армий в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции: Дис… канд. ист. наук. М., 1968.

Харченко И.Н. Большевики во главе революционных солдатских масс Румынского фронта в период установления и укрепления власти Советов (март 1917 – март 1918 гг.): Дис… канд. ист. наук. Одесса, 1983.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Хрунов А.В. Деятельность эсеров-интернационалистов в годы первой мировой войны: Дис… канд. ист. наук. М., 1997.

Цвыров Л.Г. Политические партии на Западном фронте: борьба за демократизацию армии и выбор путей общественного развития, март 1917 – февраль 1918: Дис… канд. ист. наук. Минск, 1993.

Черных И.И. Военные вопросы в программах и тактиках кадетов, меньшевиков и эсеров, март – октябрь 1917 г.: Дис… канд. ист. наук. М., 1992.

Шатилов В.И. Исторический опыт борьбы партии большевиков за армию в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и его международное значение: Дис… канд. ист. наук. М., 1978.

Шубин Н.А. Россия в первой мировой войне. Историография проблемы (1914 – 2000): Дис… докт. ист. наук. М., 2001.

Юдин Е.Е. Русское дворянство накануне и в период первой мировой войны: Проблемы социального развития и политической деятельности сословия: Дис… канд. ист. наук. М., 2000.

Яров С.В. Политическое сознание рабочих Петрограда в 1917 – 1923гг.: Дис… докт. ист. наук. СПб., 1999.

IX. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ.

Аделман Д.Р. Россия и Германия в мировых войнах // История СССР. 1991. №3.

Альтрихтер Х. Россия в 1917 году: страна в поисках самой себя. Мюнхен, 1997. 605 с.

Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции. 1905 – 1917 // Вопросы истории. 1992. №1.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Блуменау С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в. (1945 – 1993 гг.). Брянск, 1993.

Бонвеч Б. Русская революция 1917 г. Социальная история от освобождения крестьян в 1861 г. до октябрьского переворота. Дармштадт. 1990. 240 с.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Бофф Дж. История Советского Союза: Т.1.: от революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917 – 1941. М., 1990.

Вада Х. Российские революции 1917 года как комплекс революций в эпоху мировых войн // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.

Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. М., 1999. 400 с.

Верт Н. История советского государства. 1900 – 1991. Пер. с фр. М., 1992.

Вигру А., Жукелье П. Психическая зараза. М., 1912.

Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994.

Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912.

Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993.

Галили З. Меньшевики и вопрос о коалиционном правительстве: позиция «революционных оборонцев» и ее политические последствия // Отечественная история. 1993. №6.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894 – 1917. М., 1997. 446 с.

Гидденс Э. Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.

Гольдстоун. Русская революция. Лондон, 1967.

Гофман М. Война упущенных возможностей. М., 1923.

Джан Роберт Г., Данн Бренда Дис. Границы реальности. Роль сознания в физическом мире. М., 1995.

Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев – Харьков, 1899.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

Канетти Э. Масса и власть. М., 1997.

Канетти Э. Человек нашего столетия. М., 1990.

Карр Э. История Советской россии. Кн.1.: Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917 – 1923. Пер. с англ. М., 1990. 768 с.

Каутский К. Война и интернационализм. Пер. с нем. Харьков. 44 с.

Каутский К. Диктатура пролетариата. Екатеринослав, 1919.

Киган Д. Первая мировая война. М., 2002. 576 с.

Конвей М. Толпа времен войны и мира. СПб., 1916.

Коэн С. Изучение России без России. Крах американской постсоветологии. М., 1999.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Лебон Г. Психологические законы эволюции народов. СПб., 1906.

Лебон Г. Психология Великой войны. Пг., 1916.

Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1908.

Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М., 1998.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.

Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

Ле Гофф Ж. С небес на землю. (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII-XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991.

Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Пг., 1916.

Люксембург Р. Кризис социал-демократии. Б.м., 1923.

Люксембург Р. Рукописи о русской революции // Вопросы истории. 1990. №2.

Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевиков в 1917 году // Отечественная история. 1993. №2.

Майер Г. У истоков революции. Мюнхен, 1971.

Малапарте К. Техника государственного переворота. М., 1998.

Малиа М. В поисках истинного Октября // Отечественная история. 1992. №4.

Малиа М. К пониманию русской революции // ЭКО. Новосибирск, 1991. №3.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8.

Маркс К. Дебаты о свободе личности // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1.

Меленберг А.А. Немцы в российской армии накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. №10.

Митчел П.С. Дарвинизм и война. Пг., 1915.

Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.

Мэсси Р. Николай и Александра: Роман-биография. М., 1990. 480 с.

Наарден Б. Социалистическая Европа и революционная Россия. Восприятие и предубеждения. Нью-Йорк, 1992.

Николаи Г.Ф. Биология войны. Пг., 1917.

Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. 672 с.

Пайпс Р. Русская революция. В 2-х ч. М., 1994.

Патрик Г.П. Психология войны. Пг., 1915.

Пейн Р. Ленин: жизнь и смерть. М., 2002. 667 с.

Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1984.

Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание в Петрограде. М., 1992.

Рассел Б. Почему воюет человек. Пг., 1917.

Рейман М. Русская революция. 23 февраля – 25 октября 1917. Прага, 1991.

Розенберг У. Государство и проблема управления в Февральской революции // Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

Розенберг У.Г. Создание нового государства в 1917 г.: представления и действительность // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Россия XIX-XX вв.: Взгляд зарубежных историков. М., 1996.

Санну Р. Дж. По социальной истории Октябрьской революции // Американское историческое обозрение. 1983. Т.68.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.

Террейн Д. Великая война – Первая мировая – предпосылки и развитие / Пер.с англ. М., 2004. 254 с.

Тофлер О. Предисловие // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.

Троттер В. Стадные инстинкты в дни мира и войны. СПб., 1916.

Уайлдман А.К. Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. 1994. №2.

Улам А.Б. Большевики: Причины и последствия переворота 1917 года. М., 2004. 510 с.

Улам А. Незавершенная революция // Свободная мысль. 1991. №18.

Урибес Санчес Э. Современная французская историография происхождения первой мировой войны (методология и проблематика) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

Уэйд Р. Русская революция 1917 года. Кэмбридж, 2000.

Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

Ферро Н. Николай II. М., 1991.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

фон Блох. Война. Пг., 1917.

Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия // Психоанализ, Религия, Культура. М., 1991.

Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Диалог. 1992. №12.

Фром Э. Бегство от свободы. М., 1990.

Фукуяма Ф. Конец истории. М., 1991.

Фуллер Дж. Ф. К. Реформация войны. М., 1931.

Хаек Ф.А. Бегство от свободы. М., 1991.

Хеймсон Л. Исторические корни Февральской революции // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Хеймсон Л.К. Меньшевизм и большевизм (1903 – 1917): формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 г. В 3-х т. М., 1994. Т.1.

Хеймсон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия XXI. 1995. №3-8.

Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. №6.

Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России от кануна первой мировой войны до Февральской революции // Россия и первая мировая война. (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999.

Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса / пер. с нем. М., 2004.

Хильдемайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994.

Холлидей Е.М. Россия в революции. Нью-Йорк, 1967.

Хольвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990.

Хубертус Ф. Ян. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция в России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997.

Черная книга коммунизма. М., 1999.

Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997.

Шумпетерс И. Социология милитаризма. Пг., 1918.

Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию // Отечественная история. 1997. №5.

Эльтинге Б. Психология войны. Пг., 1915.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Юнг К.Г. Понятие коллективного бессознательного // Сознание и бессознательное: Сб. СПб., 1997.

Яан Х. Русские рабочие. Патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997.

Ясковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1995.

X. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. N.Y., 1987.

Acton E. Rethinking the Russian Revolution. L., 1990.

Ascher A. Pavel Axelrod and the Development of Menschevism. Cambrige (macc), 1972.

A Soldiers Notebook. London, 1930.

Arendt H. On revolution. L., 1963.

Bailin B. The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge, 1992.

Baron S. Plekhanov. The father of Russian marxism. Stanford, 1963.

Basil Y. The Menscheviks in the Revolution of 1917. Columbus, 1984.

Bell D. The End of the Ideology. Celencoe, 1964.

Bond B. The First World War. New Cambridge, 1969.

Borrer M. The First World War. L., 1970.

Bourgina A. Social Democtacy. The Menschevik Movement. A Bibliography. Stanford, 1968.

Brinton C. Anatomy of Revolution. N.Y., 1938.

British Documents on the Origins of War. 1898 – 1914. Vol. 1/t. L., 1926 – 1938.

Brovkin V. Rehind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movement in Russia, 1918 – 1922. Princeton, 1994.

Brovkin V.H. The Menscheviks after October. London, 1987

Brovkin V. The Menschevik's Political Come Back: The Elections to the Provincial City Soviets in Spring 1918 // Russian Review. 1983. №1.

Bruce-Lochkart R. British Agent. N.Y., 1933.

Buchan I.A. History of the Great War. Vol. 1-2. Boston, 1922.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Bunyun I., Fisher H.H. The Bolshevin Revolution, 1917 – 1918: Documents and Materials. Stanford, 1934.

Getzler I. Martov: A Political biography of a Russian social democrat.New York, 1968.

Chamberlin W. The Russian Revolution. N.Y., 1935.

Chargues R. The twilight of imperial Russia. London, 1956.

Cohan A. Theories of Revolution: An Introduction. Lancaster, 1975.

Colvert P. Study of Revolution. London, 1970.

Curtiss I. Sh. The Russian revolutions of 1917. Toronto – New York – London, 1958.

Daniels R. Red October: The Bolshevic Revolution of 1917. N.Y., 1968.

Daniel L.S. World War I. L., 1971.

Davidian I. The Russian Soldier's Moral: From the Evidence the Tsarist Military Censorship. L., 1996.

Dukes R. October and the World: Perspectives on the Russian Revolution. L., 1979.

Dunn I. Modern Revolutions. An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge, 1972.

Dupuy T. The Military History of the World War. Vol.1-12. N.Y., 1967.

Ericson I. The Soviet Hight Command: A Military – Political History, 1918 – 1941. L., 1962.

Essays on Russian liberalism / Ed. by. G. Timberlane. Missouri, 1972.

Facing Armageddon: The First World War. Experience / Ed. by. L. Cooper. L., 1996.

Ferraine I. The Great War 1914 – 1918. L., 1967.

Ferro M. October 1917: A Social history of the Russian Revolution. London, 1980.

Ferro M. The Russian Revolution of February 1917. N.Y., 1972.

Figes O. Peoples Tragedy: The Russian Revolution, 1899 – 1924. L., 1924.

Fitzpatriek S. The Russian Revolution. 1917 – 1932. Oxford, New-York, 1984.

Fisher Fr. War of Illusions. Lnd., 1975.

Fleming E. The origins and legacies of World War I. L., 1969.

Florinsky M.T. The end of Russian empire. New York, 1931.

Footman D. The Russian Revolutions. London, 1962.

Futrell M. Northern Undergraund. L., 1963.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Gankin O.G. The Bolsheviks and the World War. Stanford, 1940.

Gardner L. A Covenant With Power: America and World Order from Wilson to Reagan. N.Y., 1984.

German and the Revolution in Russia, 1915 – 1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Eg. by Z.A.B. Zeman. L., 1958.

Germany and the Russian Revolutions. London, 1958.

Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia, 1983.

Goldston R. The Russian Revolution. New York, 1966.

Golovin N.N. The Russian army in the world war. London, Oxford University Press, 1931.

Gourko V. Features and Figures of the Past. Stanford, 1939.

Gourko V. Memories and Impressions of War and Revolution in Russia 1914 – 1917. London, 1918.

Gourko V. War and Revolution in Russia 1914 – 1917. New York, 1919.

Haarden B. Socialist Europe and Revolutionary Russia: Perception and Prejudice 1848 – 1923. N.Y., Cambridge, 1992. 595 p.

Hagen M. Von Soldiers in the Proletarian Dictatorship. Cornell u.p., 1990.

Haimson L.H. The Menshevicks. From the revolution of 1917 to the Second world war. Chicago, London, 1974.

Harding N. Lenins Political Thought. Vol.1. Theory and Practice in the Democratic Revolution. London, 1977; Vol.2. Theory and Practice in the Socialist Revolution. London, 1981.

Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle, 1981.

Herostraten. Die russische Revolution und die sozialistische Internationall : cuu dem Siterarischen Nachlass von Paul Axelrod. Iena, s.d.

Hill R. and Frank P. The Soviet Communist Party. London, 1981.

Hosking G. A history of the Soviet Union. London, 1990.

Hyams E. A Dictionary of Modern Revolution. London, 1973.

Iahn H.F. Patriotic culture in Russia during World War I. Ithaca, London, 1995. 229 p.

Karpovich M. The Lecture of Russian history. New York, 1958.

Katkov G.T. Russia 1917. The February Revolution. London, 1967.

Katkov G. Russia 1917. The Kornilov Affair: Kerensky and the Break – up of the Russian Army. London, New York, 1980.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Katkov G., Shukman N. Lenin's Part to Power. Bolshevism and the Destiny of Russia. New York, 1971.

Keep Y. The Debate on Soviet Power. Oxford, 1979.

Keep I. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. London, 1976.

Kenez P. The Common Folk in the Revolution // The Russian Review. Vol.57. №1. 1998.

Kennan G. Russia Leaves the War. Princeton, N.Y., 1956.

Knox A. With the Russian Army, 1914 – 1917. Lnd., 1921. 516 p.

Koenker D., Rosenberg W.G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989.

Lane T.H., von. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution. 1900 – 1930: Critical Periods of History. Philadelphia, 1964.

Leibman M. The Russian Revolution. N.Y., 1970.

Lichtheim G. Marxism. An Historical and Critical Study. London, 1961.

Liddell Hart B.H. History of the First World War. L., 1972.

Lieven D. Nicholas II: Emperior of all Russions. L., 1993. The Bolsheviks. N.Y. 1965.

Lieven D.C.V. Russia and the Origins of the First World War. Lnd., 1984.

Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917 – 1991. New York, 1994.

McKean R. St. Peterburg Between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907 February 1917. New Haven, L., 1990.

Melason V. The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti War Movement, 1914 – 1917. Columbus, 1990. 368 p.

Meynard I. Russia in flux before October. London, 1939.

Momboisse R. Blueprint of Revolution. The Rebel, the Party, the Techniques of Revolt. Springfield, Illinois, 1970.

Moorehead A. The Russian Revolution. New York, 1958.

Mouravieff B. La monarchie russe. Paris, 1992.

Octobrists to Bolsheviks. Imperial Russia 1905 – 1917: Documents of Modern History. L., 1984.

Pearse B. Haw Haig Saved Lenin. Lnd., 1987.

Pethybrige R. The Spread of the Russian Revolution. Esays an 1917. London, 1972.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Piha T. A Russian European. Pavel Miliukov in Russian politics. New York, 1969.

Pipes R. Struve: Liberal of the Right. Cambridge, 1918.

Pares V. The Fall of the Russian Monarchy. Lnd., 1929.

Possony S. Lenin: The compulsive Revolutionary. L., 1963.

Radkey O. The Agrarian Foes of Bolshevism. Promice and Defanet of the Russian Socialists Revolutionaries. February to October. 1917 N.Y., 1958.

Radkey O. The sickle under the Hummer. N.Y., 1963.

Rieber A. Mercants and Enterprenneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982.

Roobol W. Tsereteli: a Democrat in the Russian Revolution. Assen, 1977.

Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Party, 1917 – 1921. Princeton, 1974.

Shanin T. The awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910 – 1925. Oxford, 1972.

Schapiro L. The Communist Party of the USSR. New York, 1961.

Schapiro L. The Russian Revolutions of 1917: The Origins of Modern Communism. New York, 1984.

Scott I.C. Moral Economy of the Peasant. Rebellion and subsistence in the Southeast Asia. New Haven, L., 1976.

Service R. The Bolshevik party in revolution, 1917 – 1923. A study in organizational change. London, 1979.

Service R. The Russian Revolution 1900 – 1927. L., 1986.

Shub S. Lenin: a biography. New York, 1962.

Steinberg M.D. Voices of Revolution, 1917. New Haven, 2001.404 p.

Stone N. The Eastern Front, 1914 – 1917. Lnd., 1975.

Suny R.G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution and Collaps of the Soviet Union. Stanford, 1993.

Suny R. Toward a Social History of the October Revolution // The American Historical Review. Washington, 1983. Vol.88. №1.

Taylor A. Revolutions and Revolutionaries. London, 1981.

Taylor A.I.P. The First World War. L., 1970.

The Mensheviks: From the Revolution of the 1917 to the second World War / Eg. L.H. Haimson. Chicago, L., 1974.

The Mensheviks in the Russian Revolution. L., 1976.

The February Revolution. N.Y., 1967.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

The First World War. Causes, Cunduct, Consequenses / Ed. By I. Remark. N.Y., 1971.

The Sisson Documents. N.Y., 1933.

The True Believer. N.Y., 1951.

Ulam A. Lenin and the Bolsheviks. London, 1966.

Ulam A. The Bolsheviks. N.Y., 1965.

Ulam A. The Unfinished Revolution. Marxism and Communism in the Modern World. London, 1979.

Vernadsky George. The Russian Revolution 1917 – 1931. N.Y., 1967.

Wade R.A. The Russian Revolution 1917. Cambridge, 2000. 337 p.

Wade R. The Russian Search for pease. February – October 1917. Stanford, 1969.

Wagner S. The End of Revolution: A New Assessment of Today's Rebellions. New York, London, 1970.

War, revolution and Pease in Russia. The Passages of Frank Colder, 1914 – 1927. Stanford, 1992.

Westwood I.N. Russia Since 1917. London, 1980.

Wheeler-Bennet G. Brest-Litovsk: The Forgotten Pease. Lnd., N.Y., 1956.

Wildman Allan K. The End of the Russian Imperial Army. Princeton University Press. 1980.

Williams V. The Russian Revolution. 1917 – 1921. N.Y., 1987.

Williams H. The Spirit of the Russian Revolution. L., 1919.

Wirtschafter R. The Ideal of Paternalism in the Prereform Army. State, 1988.

Woytinsky W.S. Stormy Passage. N.Y., 1960.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложения

Приложение 1

РУССКИЕ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

№ п/п	Наименование армии	Дата формирования	Командующие армией	Дата расформирования
1	2	3	4	5
1.	Первая армия[1]	17 июля 1914 г.	Генерал от кавалерии П.К. Ренненкампф (17 июля – 20 ноября 1914 г.); генерал от кавалерии А.И. Литвинов (20 ноября 1914 г. – 2 апреля 1917 г.); генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе (12-15 апреля 1917 г.); генерал-лейтенант Ю.Р.Довбор-Мусницкий – временно исполнявший обязанности (15-20 апреля 1917 г.); генерал-лейтенант Г.М. Ванновский (31 июля – 9 сентября 1917 г.); генерал-лейтенант В.В. Нотбек (9 сентября 1917 г. – март 1918 г.).	март 1918 г.
2.	Вторая армия[2]	20 июля 1914 г.	Генерал от кавалерии А.В. Самсонов (20 июля – 17 августа 1914 г.); генерал от кавалерии С.М. Шейдеман (октябрь – 20 ноября 1914 г.); генерал от инфантерии В.В. Смирнов (20 ноября 1914 г. – 8 апреля 1917 г.); генерал-лейтенант А.А. Веселовский (8 апреля – 7 июня 1917 г.); генерал от инфантерии Н.А. Данилов (12 июля – 7 августа 1917 г.); генерал-лейтенант П.Д.Тележников (7-22 августа 1917 года); генерал от инфантерии Н.А. Данилов (22 августа – 20 ноября 1917г.); генерал-лейтенант Баиов (20 ноября – 24 декабря 1917 г.); поручик А.Киселев (24 декабря – март 1918 г.).	март 1918 г.
3.	Третья армия[3]	18 июля 1914 г.	Генерал от инфантерии Н.В.Рузский (18 июля – сентябрь 1914 г.); генерал от инфантерии Д.Р. Радко-Дмитриев (сентябрь 1914 г. – 3 июня 1915 г.); генерал от инфантерии Л.В. Леш (3	апрель 1918 г.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

			июня 1915 г. – 3 апреля 1917 г.); генерал-лейтенант М.Ф. Квецинский (3 апреля – 11 августа 1917 г.); генерал-лейтенант Я.К. Цихович (11 августа – 9 сентября 1917 г.); генерал от инфантерии И.З. Одишелидзе (12 сентября – 9 октября 1917 г.); генерал-лейтенант Д.П. Парский (9 октября – 18 ноября 1917 г.); подпоручик С.А. Анучин (18 ноября 1917 г. – апрель 1918 г.).	
4.	Четвертая армия[4]	2 августа 1914 г.	Генерал от инфантерии А.Е. Зальца (2 – 13 августа 1914 г.); генерал от инфантерии А.Е. Эверт (13 августа 1914г. – 30 августа 1915 г.); генерал от инфантерии А.Ф. Рагоза (30 августа 1915 г. – 21 ноября 1917 г.); прапорщик Протопопов – временно исполнял обязанности (21 ноября – 1 декабря 1917г.); прапорщик И.С.Кондурушкин (1 декабря 1917 г. – март 1918 г.).	март 1918 г.
5.	Пятая армия[5]	16 июля 1914 г.	Генерал от кавалерии П.А. Плеве (16 июля 1914 г. – 9 января 1915 г.); генерал-лейтенант Н.Я. Лисовский (9 января – 29 мая 1915 г.); генерал от кавалерии П.А. Плеве (29 мая – декабрь 1915 г.); генерал-лейтенант, с 11 апреля 1916 г. генерал от кавалерии В.И.Ромейко-Гурко временно исполняющий обязанности (декабрь 1915 г. – февраль 1916 г.), командующий (21 февраля – 15 августа 1916 г.); генерал от кавалерии А.М. Драгомиров (17 августа 1916 г. – 29 апреля 1917 г.); генерал от инфантерии В.А. Слюсаренко – временно исполняющий обязанности (29 апреля – 17 мая 1917 г.); генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов (17 мая – 14 сентября 1917 г.); генерал-лейтенант В.Г. Болдырев (14 сентября – 13 ноября 1917 г.); генерал-лейтенант В.В. Антипов – временно исполняющий обязанности (14-18 ноября 1917 г.); генерал-лейтенант П.Г.Суханов – временно исполняющий обязанности (18 ноября – январь 1918 г.); генерал-майор А.А. Зальф –	апрель 1918 г.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

			временно исполняющий обязанности (январь – апрель 1918 г.).	
6.	Шестая армия[6]	16 июля 1914 г.	Генерал от артиллерии К.П. Фан-дер Флит (16 июля 1914 г. – июль 1915 г.); генерал от инфантерии Н.В. Рузский (июль 1915 г. – 15 августа 1915 г.); генерал от инфантерии А.Е. Чурин (15 августа 1915 г. – 20 марта 1916 г.); генерал от инфантерии В.Н. Горбатовский (20 марта – 4 декабря 1916 г.); генерал от кавалерии А.А. Цуриков (4 декабря 1916 г. – 11 декабря 1917 г.); прапорщик Л.С. Дегтярев (11 декабря 1917 г. – март 1918 г.).	март 1918 г.
7.	Седьмая армия[7]	17 июля 1914 г.	Генерал от артиллерии В.Н. Никитин (17 июля 1914 г. – 19 октября 1915 г.); генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев (19 октября 1915 г. – 11 апреля 1917г.); генерал от инфантерии Л.Н. Белькович (13 апреля – 20 июня 1917г.); генерал-лейтенант В.И. Селивачев (26 июня – 9 сентября 1917 г.); генерал-лейтенант Я.К. Цихович (9 сентября – 3 декабря 1917 г.); капитан В.К. Триандафиллов (3 декабря – конец декабря 1917 г.); В.А. Лавдавский (конец декабря 1917 г. – апрель 1918 г.).	
8.	Восьмая армия[8]	16 июля 1914 г.	Генерал от кавалерии А.А. Брусилов (16 июля 1914 г. – 20 марта 1916 г.); генерал от кавалерии А.М. Каледин (20 марта 1916 г. – 29 апреля 1917 г.); генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов (29 апреля – 10 июля 1917 г.); генерал от инфантерии В.А. Черемисов (11-25 июля 1917 г.); генерал-лейтенант М.А.Соковнин (30 июля – 17 октября 1917 г.); генерал-лейтенант Н.Л. Юнаков (18 октября – 21 декабря 1917 г.); поручик Л.А. Александрович (21 декабря 1917 г. – январь 1918 г.); поручик А.И. Геккер (январь-март 1918 г.).	март 1918 г.
9.	Девятая армия[9]	9 августа 1914 г.	Генерал от инфантерии П.А. Лечицкий (9 августа 1914 г. – 18 апреля 1917г.); генерал-лейтенант Г.В. Ступин (18 апреля – 11 августа 1917 г.);	март 1918 г.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

			генерал от инфантерии В.А. Черемисов (11 августа – 9 сентября 1917 г.); генерал-лейтенант А.К. Келчевский (9 сентября – 9 декабря 1917 г.); прапорщик Г.П. Сафронов (9 декабря 1917 г. – март 1918 г.).	
10.	Десятая армия[10]	23 августа 1914 г.	Генерал от инфантерии В.Е. Флуг (23 августа – 23 сентября 1914 г.); генерал от инфантерии Ф.В. Сиверс (23 сентября 1914 г. – 11 февраля 1915 г.); генерал от инфантерии Е.А. Радкевич (11 февраля 1915 г. – 12 декабря 1916г.); генерал от инфантерии В.Н. Горбатовский (12 декабря 1916 г. – 1 апреля 1917 г.); генерал-лейтенант Н.М.Киселевский (8 апреля – 4 июля 1917 г.); генерал-лейтенант П.Н. Ломновский (4-31 июля и 5 августа – 9 сентября 1917 г.); генерал от артиллерии А.А. Шихлинский (9 сентября – 11 ноября 1917 г.); генерал-лейтенант Г.И. Чоглаков, временно исполняющий обязанности (11-16 ноября 1917г.); генерал от кавалерии С.М. Шейдеман (16 ноября 1917 г. – март 1918 г.).	март 1918 г.
11.	Одиннадцатая (Блокадная) армия[11]	октябрь 1914 г.	Генерал от инфантерии А.Н. Селиванов (17 сентября 1914 г. – 20 апреля 1915 г.); генерал от инфантерии Д.Г.Щербачев (20 апреля – 20 октября 1915 г.); генерал от кавалерии В.В.Сахаров (20 октября 1915 г. – 20 декабря 1916 г.); генерал от инфантерии Д.В. Баланин (20 декабря 1916 г. – 15 апреля 1917 г.); генерал-лейтенант А.Е. Гутор (15 апреля – 22 мая 1917г.); генерал от инфантерии И.И. Федотов (22 мая – 4 июня 1917 г.); генерал-лейтенант, с 23 июня 1917 г. генерал от кавалерии И.Г. Эрдели (4 июня – 9 июля 1917 г.); генерал от инфантерии П.С. Балуев (9-19 июля 1917 г.); генерал-лейтенант Ф.С. Рерберг, временно исполняющий обязанности (19 июля – 29 августа 1917 г.); генерал-лейтенант М.Н. Промтов (9	март 1918 г.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

			сентября – 12 декабря 1917 г.); генерал-лейтенант В.К. Токаревский, временно исполняющий обязанности (12 декабря 1917 г. – март 1918 г.).	
12.	Двенадцатая армия[12]	9 января 1915 г.	Генерал от кавалерии П.А. Плеве (9 января – 29 мая 1915 г.); генерал от инфантерии А.Е. Чурин (29 мая – 15 августа 1915 г.); генерал от инфантерии В.Н. Горбатовский (17 августа 1915 г. – 20 марта 1916 г.); генерал от инфантерии Д.Р. Радко-Дмитриев (20 марта 1916 г. – 20 июля 1917 г.); генерал-лейтенант Д.П. Парский (20 июля – 9 сентября 1917 г.); генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович (9 сентября – 14 ноября 1917 г.); генерал-лейтенант В.Ф. Новицкий (14-22 ноября 1917 г.); генерал-лейтенант Д.К.Гунцадзе, временно исполняющий обязанности (22 ноября – 29 декабря 1917 г.); коллегия в составе генерал-лейтенанта Д.К. Гунцадзе, председателя армейского исполнительного комитета С.М. Нахимсона, секретаря армейского исполнительного комитета М.Г. Тракмана (29 декабря 1917 г. – апрель 1918 г.).	апрель 1918 г.
13.	Тринадцатая армия[13]	июнь 1915 г.	Генерал от инфантерии В.Н. Горбатовский (весь период).	август 1915 г.
14.	Добруджанская армия[14]	август 1916 г.	Генерал от инфантерии А.М. Зайончковский (весь период).	октябрь 1916 г.
15.	Дунайская армия[15]	октябрь 1916 г.	Генерал от кавалерии В.В. Сахаров (весь период).	декабрь 1916 г.
16.	Особая армия (войска гвардии)[16]	26 июня 1916 г.	Генерал от инфантерии В.М. Безобразов (26 июня – 10 ноября 1916 г.); генерал от инфантерии П.С. Балуев (10 ноября 1916 г. – 23 февраля 1917 г. и 3 апреля – 9 июля 1917 г.); генерал от кавалерии В.И. Ромейко-Гурко (23 февраля – 3 апреля 1917 г.); генерал от кавалерии И.Г. Эрдели (12 июля – 29 августа 1917 г.); генерал-майор В.С.Сарычев, временно исполняющий	март 1918 г.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

			обязанности (29 августа – 14 сентября 1917 г.); генерал от инфантерии С.Ф.Стельницкий (14 сентября – 20 ноября 1917 г.); генерал-лейтенант Ф.С. Рерберг (20 ноября – 13 декабря 1917 г.); А.Ф. Кушакевич, временно исполняющий обязанности (13-19 декабря 1917 г.); капитан В.Н. Егорьев (19 декабря 1917 г. – март 1918 г.).	
17.	Кавказская армия[17]	30 августа 1914 г.	Генерал от кавалерии И.И. Воронцов-Дашков (30 августа 1914 г. – 24 января 1915 г.); генерал от инфантерии Н.Н. Юденич (24 января 1915 г. – 4 апреля 1917 г.); генерал от инфантерии М.А. Пржевальский (4 апреля – 5 июня 1917 г.); генерал-лейтенант Н.Н.Баратов, временно исполняющий обязанности (5-16 июня 1917 г.); генерал-лейтенант, с 8 сентября 1917 г. генерал от инфантерии В.В. де Витт, временно исполняющий обязанности (18 июня – 24 октября 1917 г.); генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе (24 октября 1917 г. – март 1918 г.).	март 1918 г.

[1] РГВИА. Библиотека. Инв. №16681. Приказы по войскам I-й армии 1914 – 1918 гг.
[2] РГВИА. Библиотека. Инв. №16680. Приказы по войскам II-й армии 1914 – 1918 гг.
[3] РГВИА. Библиотека. Инв. №16679. Приказы по войскам III-й армии 1914 – 1918 гг.
[4] РГВИА. Библиотека. Инв. №16678. Приказы по войскам IV-й армии 1914 – 1918 гг.
[5] РГВИА. Библиотека. Инв. №16677. Приказы по войскам V-й армии 1914 – 1918 гг.
[6] РГВИА. Библиотека. Инв. №10-А-83. Приказы по войскам VI-й армии 1914 – 1918 гг.
[7] РГВИА. Библиотека. Инв. №16856. Приказы по войскам VII-й армии 1914 – 1918 гг.
[8] РГВИА. Библиотека. Инв. №16881. Приказы по войскам VIII-й армии 1914 – 1918 гг.
[9] РГВИА. Библиотека. Инв. №16680. Приказы по войскам IX-й армии 1914 – 1918 гг.
[10] РГВИА. Библиотека. Инв. №16934. Приказы по войскам X-й армии 1914 – 1918 гг.
[11] РГВИА. Библиотека. Инв. №16942. Приказы по войскам XI-й армии 1914 – 1918 гг.
[12] РГВИА. Библиотека. Инв. №16992. Приказы по войскам XII-й армии 1915 – 1918 гг.
[13] РГВИА. Библиотека. Инв. №16991. Приказы по войскам XIII-й армии 1915 г.
[14] РГВИА. Библиотека. Инв. №16990. Приказы по войскам Добруджанской армии 1916 г.
[15] РГВИА. Библиотека. Инв. №16989. Приказы по войскам Дунайской армии 1916 г.
[16] РГВИА. Библиотека. Инв. №40352. Приказы по войскам Особой армии 1916 – 1918 гг.
[17] РГВИА. Библиотека. Инв. №40353. Приказы по войскам Кавказской армии 1914 – 1918 гг.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 2

ЧИСЛЕННОСТЬ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Периоды войны	Численность действующей армии
1914 год:	
к 1 октября	2 700 000
к 1 декабря	2 000 000
1915 год:	
к 1 января	3 500 000
к 1 февраля	3 200 000
к 1 апреля	4 200 000
к 15 мая	3 900 000
к 15 августа	3 800 000
к 15 сентября	3 900 000
к 1 ноября	4 900 000
1916 год:	
к 1 февраля	6 200 000
к 1 апреля	6 300 000
к 1 июня	6 800 000
к 1 сентября	6 500 000
к 1 октября	[1]6 500 000
к 1 ноября	6 900 000
1917 год:	
к 1 января	6 900 000
к 1 мая	6 800 000
к 1 сентября	6 000 000

[1] Головин Н.Н. Указ. соч. №4. С.24.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

СООТНОШЕНИЕ ПОТЕРЬ УБИТЫМИ, РАНЕНЫМИ И ПОПАВШИМИ В ПЛЕН В РАЗЛИЧНЫЕ КАМПАНИИ ВОЙНЫ 1914 – 1917 гг.[1]

№№ п/п	Наименование кампании	Абсолютные величины					Процентное взаимоотношение	
		Убитые и раненые	Среднее в месяц	Пленные[2]	Среднее в месяц	Итог боевых потерь	Убитые и раненые	Пленные
1.	Летняя кампания 1914 г. и зимняя 1914 – 1915 гг. (по 1 мая 1915 года)	1 210 000	135 000	764 000	85 000	1 974 000	61	39
2.	Летняя кампания 1915 г. (с 1 мая по 1 ноября)	1 410 000	235 000	976 000	160 000	2 386 000	59	41
3.	Зимняя кампания 1915 – 1916 гг. (1 ноября 1915 г. по 1 мая 1916 года)	850 000	140 000	156 000	26 000	1 006 000	84	16
4.	Летняя кампания 1916 г. (с 1 мая по 1 ноября)	1 200 000	200 000	212 000	35 000	1 412 000	85	15
5.	Зимняя кампания 1916 – 1917 гг. (с 1 ноября 1916 г. по 1 мая 1917 года)	660 000	110 000	96 000	16 000	756 000	87	13
6.	Летняя кампания 1917 г. (с 1 мая по 1 ноября)	170 000	21 000	213 000	35 000	383 000	45	55
	Вся война	5 500 000	140 000	2 417 000	62 000	7 917 000	69	31

[1] Таблица составлена по: Головин Н.Н. Указ. соч. №2. С.62-63.
[2] Взяты данные, приводимые Н.Н. Головиным, т.к., по мнению автора, они более достоверно отражают существо изучаемого вопроса.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

СООТНОШЕНИЕ ПОТЕРЬ УБИТЫМИ, РАНЕНЫМИ И ПОПАВШИМИ В ПЛЕН ДЛЯ ОФИЦЕРСКОГО И СОЛДАТСКОГО СОСТАВА РУССКОЙ АРМИИ[1]

№ п/п	Годы войны	Предполагаемые абсолютные величины			Процентное взаимоотношение	
		Убитые и раненые	Пленные	Всего	Убитые и раненые	Пленные
1.	**1914 и 1915 годы**					
	- офицеры	53 000	13 000	66 000	80	20
	- солдаты	2 975 000	1 779 000	4 754 000	63	37
	- общее число	3 028 000	1 792 000	4 820 000	63	37
2.	**1916 год**					
	- офицеры	24 500	2 000	26 500	92	8
	- солдаты	2 035 500	342 000	2 377 500	86	14
	- общее число	2 060 000	344 000	2 404 000	86	14
3.	**1917 год**					
	- офицеры	12 500	2 000	14 500	87	13
	- солдаты	399 500	279 000	678 500	59	41
	- общее число	412 000	281 000	693 000	59	41
4.	**Для всей войны**					
	- офицеры	90 000	17 000	107 000	84	16
	- солдаты	5 410 000	2 400 000	7 810 000	69	31
	- общее число	5 500 000	2 417 000	7 917 000	69	31

[1] Головин Н.Н. Указ. соч. №2. С.65.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 5

СООТНОШЕНИЕ ПОТЕРЬ УБИТЫМИ, РАНЕНЫМИ И ПОПАВШИМИ В ПЛЕН В РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЯХ ВОЙСК (В ПРОЦЕНТАХ)[1]

№ п/п	Наименование войск	Убитые и раненые	Пленные	Всего
1.	Гвардия	91	9	100
2.	Гренадерские части	78	22	100
3.	Пехота (армейская)	65	35	100
4.	Стрелковые части	82	18	100
5.	Кавалерия	79	21	100
6.	Казачьи войска	94	6	100
7.	Пограничная стража	86	14	100
8.	Артиллерия	56	44	100
9.	Инженерные войска	77	23	100
10.	Ополчение	42	58	100
11.	Санитарные части	83	17	100
12.	Прочие	38	62	100
	Общее число для всей армии	69	31	100

[1] Родина. 1993. №8-9. С.65.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 6

ДВИЖЕНИЕ ЧИСЛА ДЕЗЕРТИРОВ С НАЧАЛА ВОЙНЫ ПО 1 АВГУСТА 1917 ГОДА ПО ФРОНТАМ (ПО ДАННЫМ СТАВКИ)[1]

№ п/п	Наименование фронтов	До февральской революции	До 15 мая 1917 года	Итого с начала войны до 15 мая	С 15 мая по 1 июня 1917 года	С 1 июня по 15 июня 1917 года	С 15 июня по 1 июля 1917 года	С 1 июля по 15 июля 1917 года	С 15 июля по 1 августа 1917 года	Всего
1.	Северный фронт	49 055	25 724	74 779	1 806	1 436	2 986	2 663	1 732	85 402
2.	Западный фронт	13 648	24 700	38 348	5 660	3 246	5 294	6 159	3 393	62 100
3.	Юго-Западный фронт	64 582	18 921	83 503	4 412	4 228	9 527	12 556	6 810	121 036
4.	Румынский фронт	67 845	16 576	84 421	4 464	2 303	1 487	2 054	1 870	96 599
	Всего на всех фронтах	195 130	85 921	281 051	16 342	11 213	19 294	23 432	13 805	365 137

[1] Россия в мировой войне 1914 – 1918 года (в цифрах). М., 1925. С.25.

ПРОЦЕНТНОЕ СООТНОШЕНИЕ БОДРЫХ, УГНЕТЕННЫХ И БЕЗРАЗЛИЧНЫХ ПИСЕМ В XII-Й АРМИИ ЗА ПЕРИОД С 15 ОКТЯБРЯ 1916 ГОДА ПО 1 ЯНВАРЯ 1917 ГОДА[1]

№ п/п	Части XII-й армии	к 15 октября 1916 г.				к 15 ноября 1916 г.				к 1 декабря 1916 г.				к 1 января 1917 г.			
		Бодрых %	Угнетенных %	Безразличных %	Средний процент бодрости	Бодрых %	Угнетенных %	Безразличных %	Средний процент бодрости	Бодрых %	Угнетенных %	Безразличных %	Средний процент бодрости	Бодрых %	Угнетенных %	Безразличных %	Средний процент бодрости
1.	1-й Сибирский корпус	7	2	91		6,4	1,3	92,5		6,1	1,3	92,6		8,1	1,3	90,6	
2.	2-й Сибирский корпус	3,6	1,1	95,3		4,2	0,7	95,1		4	0,8	95,2		8,3	2,2	89,5	
3.	Армейский корпус	6	1,5	92,5	4,2%	5,8	2,6	91,6	4,8%	8,9	1,3	89,8	5,7%	7,8	1,4	89,8	7,4%
4.	Армейский корпус	5	0,8	94,2		5,5	2,2	92,3		4	3,3	92,7		6,1	2,6	91,3	
5.	Латышская бригада	0,6	0,7	98,7		2,5	0,6	96,9		3,3	-	96,7		6,9	1,2	91,9	

[1] Подсчитано автором по: РГВИА. Ф.2031. Оп.1. Д.1181.

«Военно-Ученый Архив» https://warlib.site

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 8

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПИСЬМАХ КРИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ, ЗАДЕРЖАННЫХ ВОЕННО-ЦЕНЗУРНОЙ КОМИССИЕЙ КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1915 ГОДУ[1]

№	Показатели (высказывания)	Доля от общего числа высказываний, %
1.	Война несет лишь гибель и разорение, не имеет смысла.	5,69
2.	Немецкие солдаты – товарищи по несчастью.	0,81
3.	Родина дорога только домом и близкими.	0,81
4.	Солдаты сдаются в плен.	1,63
5.	Жалобы на плохое питание, одежду, обувь, физические страдания.	10,57
6.	Констатация военно-технического превосходства немцев, нехватки оружия и боеприпасов в русской армии.	9,76
7.	Все продано (немцам), в начальстве много измены.	9,76
8.	Солдаты устали от войны, хотят мира.	9,76
9.	Солдаты – «пушечное мясо».	5,69
10.	Немцы распространяют слухи о продаже им русской территории.	1,63
11.	Буржуазия и чиновники наживаются на войне, в возникновении войны виноваты правители русского народа.	4,88
12.	Антиофицерские высказывания (обвинения в трусости, непрофессионализме, равнодушии к судьбам солдат).	4,88
13.	Священники забыли Христовы заповеди. Война – нарушение заповедей Христа.	1,63
14.	Царь не может править Россией.	0,81
15.	Англия – виновница войны.	0,81
16.	Чтобы был мир, надо побросать ружья (поднять бунт).	1,63
17.	России не победить врага.	1,63
18.	Правительство не издало ни одного Манифеста для крестьян.	0,81
19.	Газетам не верьте.	2,44
20.	Не жертвуйте на армию.	1,63
21.	Тыл не помогает фронту, нет пополнения.	3,25
22.	Деревня дала лучшие материалы для войны.	1,63
23.	Оппозиция растерялась и ищет оправдания своему падению.	0,81
24.	Сетования на жестокую дисциплину, телесные наказания, бесправие, придирки.	11,3
25.	Мошенников надо уничтожать.	0,81
26.	Военная учеба нацелена не на боевую подготовку, а на парад.	2,44
27.	Жалобы на плохое медицинское обслуживание.	1,63
28.	Георгиевские кресты не нужны.	0,81

[1] Составлено по: Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. С.24-51.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 9

ПРОЦЕНТНОЕ СООТНОШЕНИЕ БОДРЫХ И УГНЕТЕННЫХ ПИСЕМ IV АРМИИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА, ПРОШЕДШИХ САМАРСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПУНКТ ЦЕНЗУРЫ[1]

№ п/п	Дата	Процент бодрых	Процент угнетенных	Соотношение
1.	Декабрь 1915 г.	41	1,9	26:1
2.	Январь 1916 г.	67	4	17:1
3.	Февраль 1916 г.	37	3	12:1
4.	Март 1916 г.	42	5	8:1
5.	Апрель 1916 г.	57	3	19:1
6.	Май 1916 г.	61	1,3	47:1
7.	Июнь 1916 г.	49	4	12:1
8.	Июль 1916 г.	29	5	6:1
9.	Август 1916 г.	46	2	23:1
10.	Сентябрь 1916 г.	49	2	25:1
11.	Октябрь 1916 г.	31	5	6:1
12.	Ноябрь 1916 г.	59	5	12:1
13.	Декабрь 1916 г.	70	5	14:1
	1916 год	49	3,5	18:1

[1] Таблица составлена автором по материалам: РГВИА. Ф.2148. Оп.1. Д.904. Л.Л.53, 88, 111, 136 об., 158, 180 об., 204 об., 224, 258, 292, 310 об., 326 об., 357.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 10

ТАБЛИЦА СООТНОШЕНИЯ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ С ПАТРИОТИЧЕСКИМ ПОДЪЕМОМ И ЖЕЛАНИЕМ ОКОНЧИТЬ ВОЙНУ, ПРОШЕДШИХ ЦЕНЗУРУ ШТАБА КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА[1]

№ п/п	Дата	Письма с патриотическим подъемом	Письма с желанием заключить мир	Соотношение
1.	Декабрь 1915 г.	3 773	3 201	1,18:1
2.	Январь 1916 г.	14 555	8 992	1,62:1
3.	Февраль 1916 г.	16 952	11 287	1,50:1
4.	Март 1916 г.	27 338	15 293	1,79:1
5.	Апрель 1916 г.	25 601	17 788	1,44:1
6.	Май 1916 г.	19 440	19 581	1:1
7.	Июнь 1916 г.	19 737	13 318	1,48:1
8.	Июль 1916 г.	4 935	4 041	1,22:1
9.	Август 1916 г.	8 550	7 419	1,15:1
	Итого:	140 881	100 920	1,4:1

[1] Таблица составлена автором по материалам: РГВИА. Ф.1720. Оп.11. Д.13. Л.Л.1-409.

«Военно-Ученый Архив»

https://warlib.site

Приложение 11

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПИСЬМАХ КРИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ, ЗАДЕРЖАННЫХ ВОЕННО-ЦЕНЗУРНОЙ КОМИССИЕЙ КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ЯНВАРЕ-ОКТЯБРЕ 1916 ГОДА[1]

№	Показатели (высказывания)	Доля от общего числа высказываний, %
1.	Единственная цель войны – уничтожить («перевести») как можно больше простого народа, чтобы не требовали земли.	0,81
2.	Семья солдата должна быть освобождена от налогов.	0,81
3.	Сетования на жестокую дисциплину, телесные наказания, бесправие, придирки.	14,57
4.	Крестьяне разоряются от войны, деревня нищает.	1,62
5.	Война – бесполезна, несет лишь разорение и гибель.	5,67
6.	Наш враг – не немец, турок и т.д., а буржуазия и помещики.	3,64
7.	Война идет ради интересов буржуазии и помещиков, они затеяли войну.	6,88
8.	Антиофицерские высказывания (обвинения в пьянстве, мародерстве, взяточничестве).	6,88
9.	В тылу дороговизна, он разлагается, погряз в наживе, не помогает фронту.	2,83
10.	Констатация военно-технического превосходства немцев, нехватки оружия и боеприпасов в русской армии.	0,81
11.	Армию используют для усмирения народа.	0,81
12.	Солдаты хотят мира, устали от войны, не желают идти в бой, наступать.	9,31
13.	Жалобы на плохое питание, одежду, обувь, физические страдания, грязь в окопах.	8,50
14.	Жалобы на плохое медицинское обслуживание.	1,21
15.	Священники защищают офицеров (богачей), в них нет правды.	2,02
16.	На Руси царит несправедливость, правители пьют кровь народа.	4,05
17.	Газетам не верьте, в них – ложь.	1,21
18.	Родина там, где хорошо.	0,40
19.	Высшее командование плохо управляет войсками.	1,21
20.	Все продано (немцам), на каждом шагу измена.	5,67
21.	Дело мира – в руках самих народов; объединившись, народ может изменить свое положение.	1,62
22.	Англия – виновница войны; Россия попала в зависимость от союзников, которые ее обманывают.	1,62
23.	Солдаты – пушечное мясо («мухи», «бараны»).	3,24
24.	Правительство не издало Манифеста для крестьян о наделении землей; у крестьян земли мало, у помещиков – много.	2,02
25.	Не жертвуйте на армию.	1,21
26.	России не победить врага.	4,05
27.	Буржуазию, полицию, духовенство – в окопы, служить должны все.	1,21
28.	Выражение угрозы социального возмездия, расправы с угнетателями.	1,62
29.	Бог допустил безобразия; не верьте молитвам.	0,81
30.	Слухи и рассказы о бунтах в армии.	3,64

[1] Составлено по: Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. С.40-56, 62-86, 91-93.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 12

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПИСЬМАХ КРИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ, ЗАДЕРЖАННЫХ ВОЕННО-ЦЕНЗУРНОЙ КОМИССИЕЙ КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В НОЯБРЕ 1916 – ФЕВРАЛЕ 1917 ГОДА[1]

№	Показатели (высказывания)	Доля от общего числа высказываний, %
1.	Николай II – виновник войны.	2,08
2.	Выражение угрозы социального возмездия, расправы с угнетателями.	9,90
3.	Война идет ради интересов буржуазии и помещиков, солдату (народу) она ничего не даст.	13,02
4.	Необходимо бесплатное всеобщее обучение.	1,04
5.	Наш враг – не немец, турок и т.д., а буржуазия и помещики.	3,13
6.	На фронте распространяются жуткие и обнадеживающие слухи.	3,13
7.	На Руси царит несправедливость, правители пьют кровь народа, который несет на своих плечах всю тяжесть войны.	7,29
8.	России не победить врага.	2,08
9.	Солдаты хотят мира, устали от войны, не желают идти в бой, наступать.	14,58
10.	Война – бесполезна, несет лишь разорение и гибель.	6,25
11.	Жалобы на плохое питание, одежду, обувь, физические страдания, грязь в окопах.	3,65
12.	Антиофицерские высказывания (обвинения в пьянстве, мародерстве, взяточничестве).	2,08
13.	Единственная цель войны – уничтожить («перевести») как можно больше простого народа, чтобы не требовали земли.	1,56
14.	Все продано (немцам), на каждом шагу измена.	2,60
15.	Крестьяне разоряются от войны, должен быть решен вопрос о земле.	3,13
16.	В тылу дороговизна, он разлагается, погряз в наживе, не помогает фронту.	3,13
17.	Буржуазию, полицию, интеллигенцию – в окопы, служить должны все.	2,08
18.	Полицию готовят для расправы с народом.	2,08
19.	Священники забыли Христовы заповеди. Война – нарушение заповедей Христа.	0,52
20.	Газетам не верьте, в них – ложь.	1,56
21.	Надо бунтовать, тогда кончится война; только народ может приблизить мир.	3,65
22.	В Государственной думе больше разговоров, ее надо уничтожить.	1,56
23.	Слухи и рассказы о бунтах в армии.	2,08
24.	Темные силы ведут страну к революции.	1,56
25.	Женщина должна быть равной с мужчиной.	0,52
26.	Левые партии внушают доверие.	0,52
27.	Сетования на жестокую дисциплину, телесные наказания, бесправие, придирки.	4,69
28.	Смерть союзникам.	0,52

[1] Составлено по: Царская партия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. С.57-59, 93, 108-130.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 13

ПРИСЯГА[1]

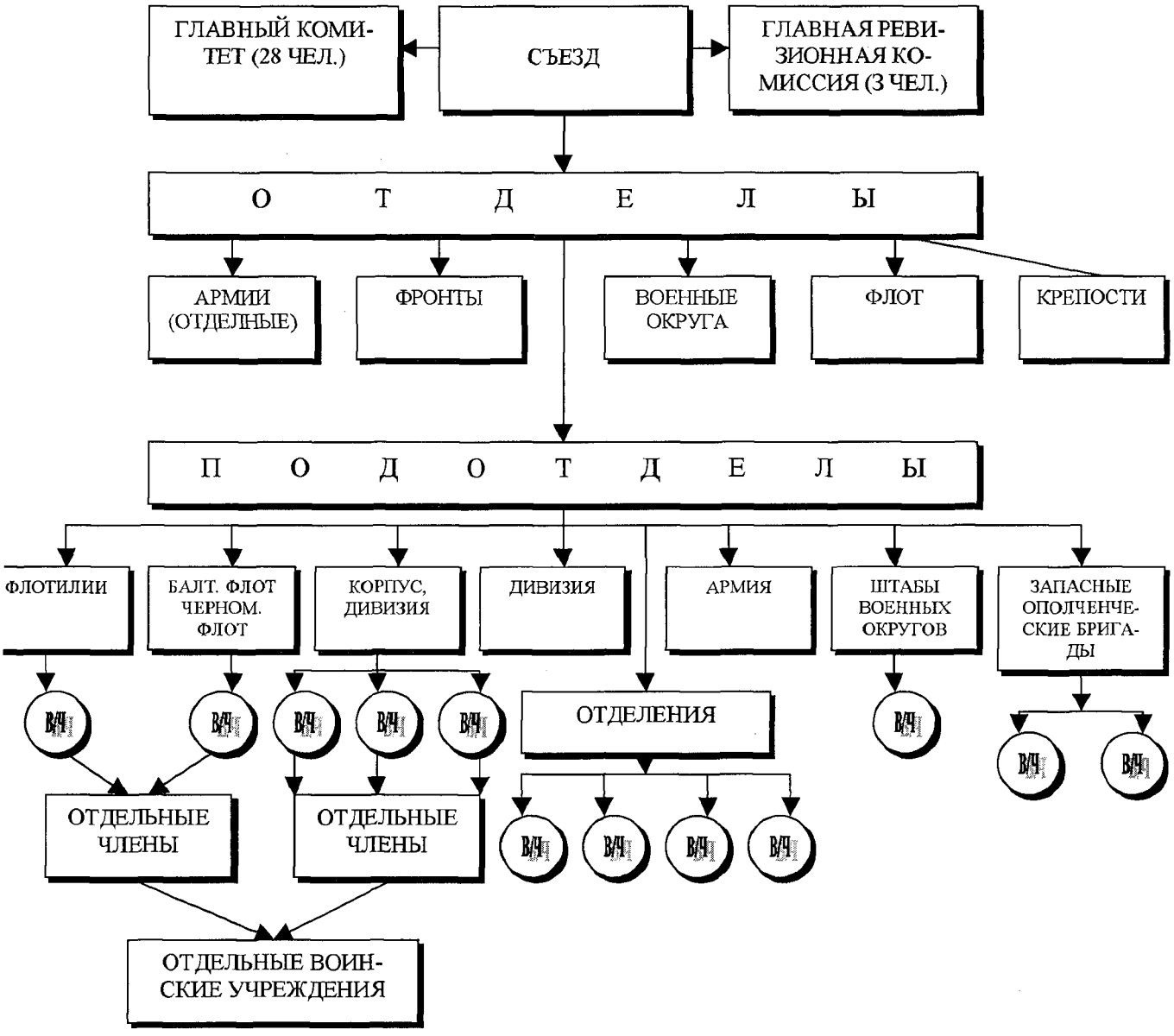
Клянусь честью офицера (солдата) и гражданина и обещаюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству, как своему Отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Российского государства. Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления Волею Народа при посредстве Учредительного собрания. Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно пользу Государства и не щадя жизни ради блага Отечества. Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда это требует мой долг офицера (солдата) и гражданина перед Отечеством. Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым офицером (солдатом) и не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы и вражды. В заключение данной мною клятвы осеняю себя крестным знаменем и нижеподписуюсь.

[1] Родина. 1993. №8-9. С.114.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 14

СТРУКТУРА СОЮЗА ОФИЦЕРОВ АРМИИ И ФЛОТА[1]



В X-й армии насчитывалось к сентябрю 1917 года:
1 отдел, 6 подотделов, 14 отделений[2]

---

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1782. Л.10-15.
[2] См.: Там же. Л.38.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 15

РЕЗОЛЮЦИЯ
I-го съезда офицеров армии и флота «Характеристика нынешнего состояния армии и флота, принятая 19 мая 1917 года».[1]

Съезд офицеров армии и флота отмечает, что армия близка к полному развалу, что характеризуется следующими явлениями:

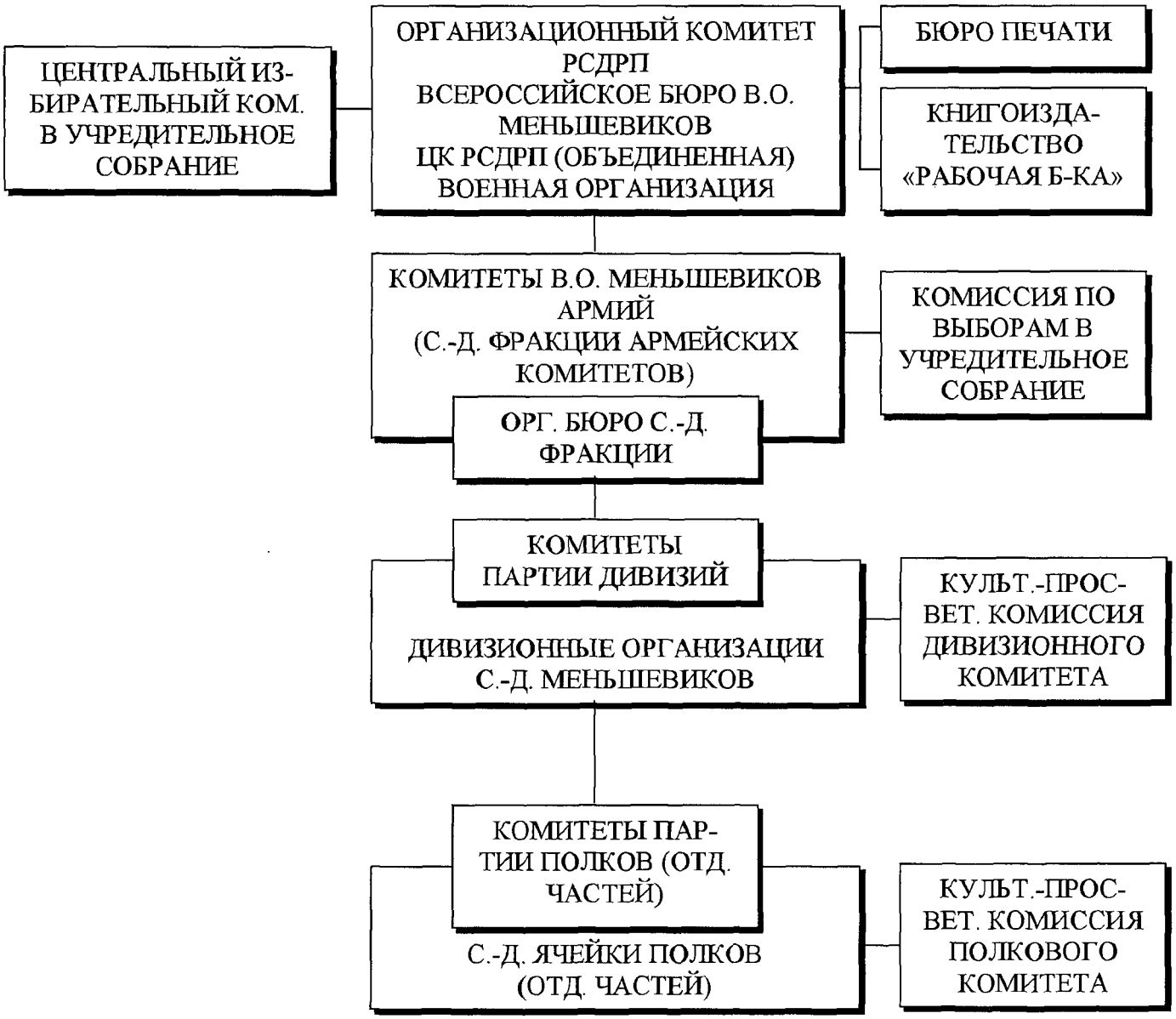
1. Полный упадок духа воюющих. Он характеризуется:
   - нежеланием активно вести боевые действия;
   - желанием многих быстрее заключить мир;
   - преступно-халатным несением сторожевой и разведывательной служб в окопах;
   - систематическим братанием солдат.
2. Падение дисциплины. Оно характеризуется:
   - отказами от выполнения боевых задач;
   - заменой командиров;
   - самосудами над командирами и военноначальниками;
   - коллективными решениями не только хозяйственных, но и боевых задач.
3. Сведение к нулю авторитета высших военноначальников.
4. Массовое недовольство офицеров положением дел в армии и на флоте.
5. Развитие различных болезней, как среди офицеров, так и среди солдат и матросов.

[1] РГВИА. Ф.2003. Оп.14. Д.8. Л.2.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 16

ПОСТРОЕНИЕ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ МЕНЬШЕВИКОВ В ЧАСТЯХ АРМИИ (МАРТ – ОКТЯБРЬ 1917 г.)[1]

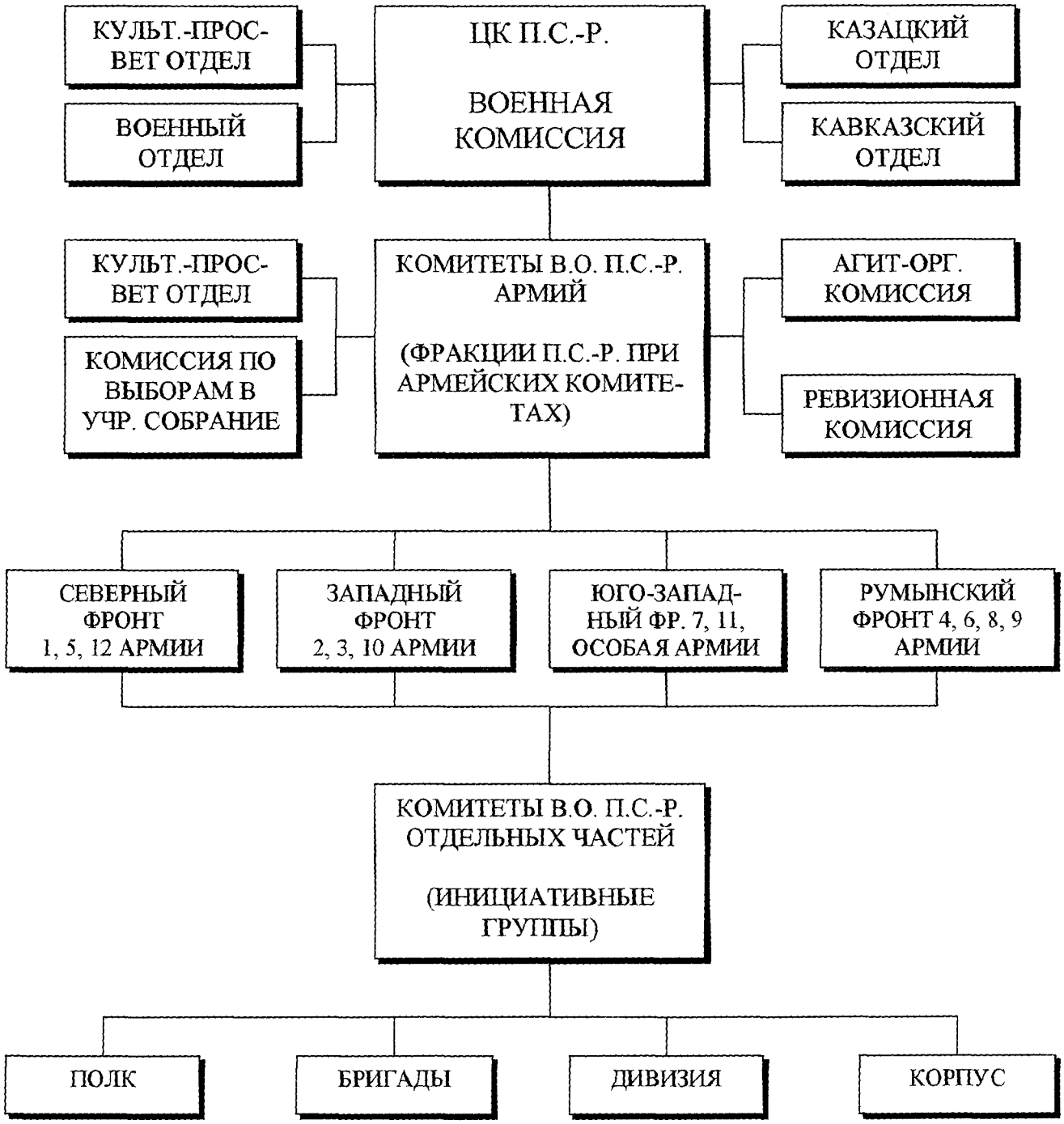


[1] РЦХИДНИ. Ф.275. Оп.1. Д.172. Л.1, 2; Там же. Д.201. Л.1-7, 10; Там же. Ф.622. Оп.1. Д.62. Л.3, 4, 5; РГВИА. Ф.366. Оп.2. Д.4. Л.3; Там же. Ф.2695. Оп.1. Д.6. Л.64; Там же. Ф.2326. Оп.4. Д.1. Л.192.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 17

ПОСТРОЕНИЕ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ЭСЕРОВ) В ЧАСТЯХ АРМИИ (МАРТ – ОКТЯБРЬ 1917 Г.)[1]



[1] РЦХИДНИ. Ф.274. Оп.1. Д.26. Л.79, 81; РГВИА. Ф.3594. Оп.2. Д.6. Л.404-405; Там же. Ф.2394. Оп.5. Д.37. Л.55, 56; Там же. Ф.2695. Оп.1. Д.6. Л.79; Там же. Ф.2367. Оп.1. Д.1. Л.181-183; За народ. 1917. С.94.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 18

ИНСТРУКЦИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЙНЫХ ГРУПП В ВОЙСКОВЫХ ЧАСТЯХ АРМИИ И ФЛОТА.[1]

А. Действующая армия и флот.

1. При наличности в армии или штабе фронта группы членов партии народной свободы им предоставляется право организовать местную армейскую или фронтовую партийную фракцию из лиц, удовлетворяющих требованиям, предъявляемых партией к своим членам.
2. Образовавшаяся фракция извещает о своем возникновении Военную комиссию, состоящую при ЦК партии и выделяет из своего состава армейский комитет.
3. Армейский партийный комитет подлежит периодическому переизбранию. До окончательного сконструирования местной группы он пополняется путем кооптации.
4. Армейский комитет организует партийные группы в отдельных воинских частях, управлениях и штабах, которые в свою очередь избирают свои местные бюро.
5. При армейском комитете организуется агитационно-пропагандистская и литературная комиссии, которые ведают пропагандой среди воинских частей партийных взглядов.
6. В состав армейского комитета входят представители Военной комиссии, делегируемые с одобрения ЦК партии (желательно, чтобы это было лицо, которое партия предполагает выставить в пределах данной армии кандидатом в Учредительное собрание). Он информирует комитет в отношении общепартийной жизни и оказывает комитету самое широкое содействие по организации пропаганды в пределах армии.
7. В случае недостатка местных сил для организации планомерной пропаганды, армейские комитеты сносятся с Военной комиссией, которая делегирует на места своих агитаторов.
8. Всю партийную литературу (газеты, брошюры, летучки) армейский комитет получает через Военную комиссию.
9. Каждая местная фракция ведет учет членов партии, сообщая сведения о численности своего состава через местный армейский комитет Военной комиссии.
10. Армейский комитет периодически созывает армейские совещания (конференции) представителей партийных военных групп.
11. Армейский комитет периодически сообщает сведения о своей деятельности Военной комиссии.
12. Партийные группы отдельных воинских частей и учреждений при переходе из одной армии в другую немедленно устанавливают связь с местным армейским комитетом.
13. При организации партийных групп во флоте применяется аналогичная организация с теми, однако, отступлениями, которые окажутся необходимыми в связи с особенностями организации воинских частей флота.

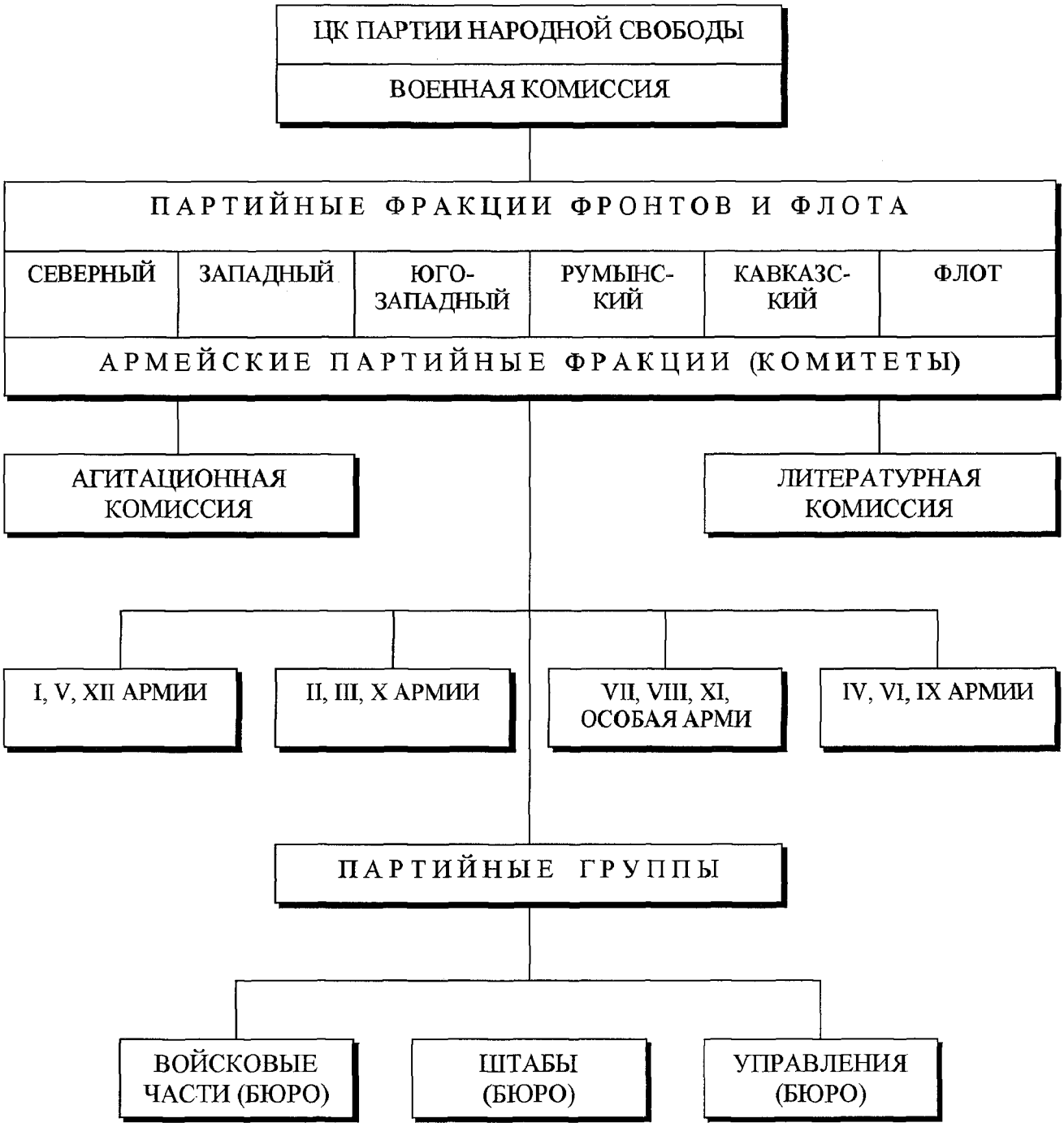
---

[1] См.: Вестник партии народной свободы. 1917. №11-13. С.24-25.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 19

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ ГРУПП ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В 1917 ГОДУ[1]



[1] См.: Вестник партии народной свободы. 1917. №11-13. С.24-25.

«Военно-Ученый Архив»
https://warlib.site

Приложение 20

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС СМЫСЛОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (ВЫСКАЗЫВАНИЙ) В ТЕЛЕГРАММАХ, ОСУЖДАЮЩИХ ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРЕСТСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА[1]

№	Показатели (высказывания)	Количество высказываний	Доля высказываний, %
1.	Призыв к революционной войне ради защиты завоеваний российской революции.	36	16,2
2.	Одобрение (требования) мер по революционной мобилизации и созданию Красной армии.	24	10,8
3.	Высказывания против заключения мира (без указания мотивов).	36	16,2
4.	Условия Брестского договора неприемлемы.	25	11,3
5.	Заключение мира приведет к гибели русской революции и Советской власти.	26	11,7
6.	Осуждение СНК за принятие условий мира.	3	1,4
7.	Призыв к созыву Учредительного собрания – единственно правомочного органа в решении вопроса о войне и мире.	4	1,8
8.	Ведение организованной войны невозможно, необходима партизанская война.	16	7,2
9.	Условия договора гибельны для мировой революции.	17	7,7
10.	Призыв к прекращению партийных раздоров, объединению всех сил революционной демократии ради защиты революции.	5	2,3
11.	Путь к демократическому миру – созыв международной социалистической конференции.	3	1,4
12.	Конфисковать все капиталы и имущество буржуазии для ведения революционной войны.	1	0,5
13.	Призыв к восстанию германского пролетариата.	3	1,4
14.	Призыв к революционной войне с международной буржуазией, мировой революции.	12	5,4
15.	Необходим немедленный созыв всероссийского съезда Советов.	2	0,9
16.	Констатация невозможности принять участие в вооруженной борьбе.	3	1,4
17.	Политика Троцкого недостойна революционного вождя.	1	0,5
18.	Создание Красной армии необходимо для борьбы с внутренней буржуазией.	2	0,9
19.	Готовность к сотрудничеству с союзниками (англичанами и французами) в борьбе с Германией.	1	0,5
20.	Протест против действий центральных держав.	1	0,5
21.	Поддержка решения СНК об отказе от помощи стран Антанты.	1	0,5

[1] Посчитано по: IV (Чрезвычайный) съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Стеногр. Отчет. М., 1920. С.103-133.